

Евразийский юридический журнал

№ 11 (186) 2023

Редакционный совет журнала

Председатель

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя редакционного совета

ДУЙСЕНОВ Еркин Эрманович, д.ю.н., профессор, советник ректора (Казахский национальный университет им. аль-Фараби)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

АЗНАГУЛОВА Гузель Мухамметовна, д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ)

АНТОНЯН Елена Александровна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

БАКЛАНОВ Игорь Спартакович, д.ф.н., профессор (Северо-Кавказский федеральный университет)

БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке

БЕГИЧЕВ Александр Валерьевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) – МГИМО)

БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет)

БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ВАЛЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Вице-президент Российского философского общества)

ЗОЛОТОВ Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, д.ю.н., профессор, (Северо-западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ)

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)

КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)

ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)

МАКАР Светлана Владимировна, д.э.н., ведущий научный сотрудник (Финансовый университет при Правительстве РФ)

МИШЛАПЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Уфимский университет науки и технологий)

РАГУЛИН Андрей Викторович, д.ю.н., доцент, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

РАСТОРГОВ Сергей Владимирович, д.ю.н., профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)

РУСАКОВА Екатерина Петровна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

САЛИХОВ ГАФУР ГУБАЕВИЧ, д.ф.н., профессор (Уфимский университет науки и технологий)

СЕВАЛЬНИКОВ Андрей Юрьевич, д.ф.н., главный научный сотрудник (Институт философии РАН)

СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)

СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Президент Российского философского общества)

ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забинович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва),

Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)

ФАХРУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ФРОЛОВА Евгения Евгеньевна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)

ХАРЛАМОВ Андрей Викторович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)

ЦХАДАДЗЕ Нелли Викторовна, д.э.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЧИБИНЕВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)

ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЯРАШЕВА Азиза Викторовна, д.э.н., профессор (Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН)

ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России

ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

«Евразийский юридический журнал» включен в перечень журналов Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежит Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2023

Подписано в печать 20.12.2023
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Дряхлов С. П.
Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
email: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
<https://eurasialaw-journal.ru/>

Eurasian Law Journal

Editorial council

Chairman

NECHEVIN Dmitry Constantinovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

Deputy Chairman of the Editorial Board

DUISENOV Erkin Ermanovich, Ph.D. in Law, Professor, Advisor to the Rector (Al-Farabi Kazakh National University)

Editorial council members

ABASHIDZE Aslan Huseynovich, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

ANTONYAN Elena Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University – MSAL)

AZNAGULOVA Guzel Mukhammetovna, Ph.D. in Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation)

BAKLANOV Igor Spartakovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (North Caucasus Federal University)

BATKHIEV Rashid Huseynovich, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation

BEGICHEV Alexander Valeryevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

BEKYASHEV Damir Kamilevich, Ph.D. in Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) - MGIMO)

BIRYUKOV Pavel Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)

BONDARENKO Victor Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State Pedagogical University)

BURENINA Irina Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

CHIBINEV Anatoliy Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)

CHUMAKOV Alexandr Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation).

FAKHRUTDINOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FROLOVA Evgeniya Evgenjevna, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

GRACHEVA Elena Yurjevna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

GUSEINOV Abdusalam Abdulkerimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, Vice-President of the Russian Philosophical Society)

ISMAILOV Shaukat Makhmudovich, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KHARLAMOV Andrey Victorovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)

KHAYKIN Mark Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg)

KIRILENKO Viktor Petrovich, Ph.D. in Law, Professor (North-West Institute of Management of the RANEPa under the President of the Russian Federation)

KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)

KRIVENKIY Alexander Ivanovich, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)

LESHKEVICH Tatjana Gennadjevna, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)

LUKOV Valery Andreevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)

MAKAR Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Economics, Leading Researcher (Financial University under the Government of the Russian Federation)

MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Ph.D., Professor (Ufa University of Science and Technology)

RAGULIN Andrey Viktorovich, Ph.D. in Law, associate professor, Editor-in-chief of the journal "Eurasian Advocacy"

RASTOROPOV Sergey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Professor (University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)

ROMANOVSKAYA Vera Borisovna, Ph.D. in Law, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University)

RUSAKOVA Ekaterina Petrovna, Ph.D. in Law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia - PFUR)

SALIKHOV Gafur Gubaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Ufa University of Science and Technology)

SEVALNIKOV Andrey Yurievich, Ph.D. in Philosophy, chief researcher (Institute of Philosophy of the RAS)

SHUVANOV Stanislav Aleksandrovich, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINELNIKOVA Valentina Nikolaevna – Ph.D. in Law, Professor (Higher School of Economics)

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

SMIRNOV Andrey Vadimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, President of the Russian Philosophical Society)

TITOV Vadim Aleksandrovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (G.V. Plekhanov Russian Economic Academy (REA))

TSKHADADZE Nelly Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)

VALEEV Revol Mirgalimovich, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

YARASHEVA Aziza Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences)

YASTREBOV Oleg Aleksandrovich, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

ZOLOTOV Alexandr Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University)

№ 11 (186) 2023

Journal published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

"Eurasian Legal Journal" is included in the list of journals of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

Published since October 2007.

Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation.

No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2023

Signed for printing 20.12.2023

Format 62x84 1/8.

Conv. print. sh. 21,11.

Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –

Dryakhlov S. P.

Desktop publishing – Brylev S. O.

Address of the Editor's Office:

10, Prechistenka Str., Moscow, 119034

Phone: (499) 766-91-92,

+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasialaw@mail.ru,

eurasianoffice@yandex.ru

<https://eurasialaw-journal.ru/>

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.
(Институт государства и права Российской академии наук)

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

помощник главного редактора:

АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

редактор английского текста:

ФАРХУТДИНОВ Линар Илшатович, к.ф.н.

АЗАРХИН Алексей Владимирович, к.ю.н., доцент

АСАДУЛЛИН Мурад Ринатович, к.ю.н.

ВАСЬКЕВИЧ Владимир Петрович, к.ю.н., доцент

ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадутович, к.ю.н., доцент

ГОЛОВАСТОВА Юлия Александровна, д.ю.н., доцент

ГУЛИЕВ Игбал Адиль оглы, к.э.н.

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИВАНОВА Светлана Владимировна, к.п.н., доцент

МЕХДИЕВ Эльнур Таджаддинович, к.и.н.

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, д.ю.н., доцент

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, д.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

СОДИКОВ Шарбатullo Джаборович, к.ю.н.

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, д.э.н., доцент

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельсламович, к.ю.н., доцент

ЧАТТАЕВ Азамат Русланович, к.ю.н.

ШАЙДУЛЛИНА Венера Камилевна, к.ю.н., доцент

руководитель интернет-проектов:

ДРЯХЛОВ Сергей Павлович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Law
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

SOLNTSEV Aleksandr Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)

deputy Editor-in-Chief:

BONDARENKO Aleksandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)

executive editor:

LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)

assistant Editor-in-Chief:

ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

scientific editor:

ERMOLINA Marina Anatolyevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)

english text editor:

FARKHUTDINOV Linar Ilshatovich, Ph.D. in Philosophy

AZARKHIN Alexey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

ASADULLIN Murad Rinatovich, Ph.D. in Law

GABDRAHMANOV Farit Vadutovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GOLOVASTOVA Yuliya Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Associate Professor

GULIYEV Igbal Adil ogly, Ph.D. in Economics

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law

IVANOVA Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Psychological Sciences,
Associate Professor

MEHDIEV Elnur Tadjhadinovich, Ph.D. in History

OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

PANCHENKO Vladislav Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

SAFRONOV Konstantin Yuryevich

SODIKOV Sharbatullo Jaborovich, Ph.D. in Law

TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor

FAIZULLIN Gaiaz Gabdelslamovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

CHATTAEV Azamat Ruslanovich, Ph.D. in Law

SHAYDULLINA Venera Kamilevna, Ph.D. in Law, associate professor

VASKEVICH Vladimir Petrovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

head of the internet-projects:

DRYAKHLOV Sergey Pavlovich

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

PERSONA GRATA

В. С. Овчинский:

Генеративные модели искусственного интеллекта – опасные враги или помощники следователей и полицейских?

Интервью с Владимиром Семеновичем Овчинским, советником министра внутренних дел РФ, доктором юридических наук, заслуженным юристом РФ 14

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Мишальченко М. Ю., Павленко К. И.

Северный поток-2: международно-правовые аспекты реализации строительства газопровода 18

Степанова С. И.

Разрешение споров в международном морском праве: роль международных судебных инстанций 22

Ланселот Г. Уиллс

Uti Possidetis, eta Possideatis. «Тогда и сейчас» 24

Фархутдинов И. З.

«Битва книг». «Доктрина двух сфер». Возникновение концепции свободного мореплавания – основного катализатора формирования международного права 27

Алиева М. Н., Гаджиев А. Г.

Институт нейтралитета в период вооруженных конфликтов: современные вызовы и проблемы интерпретации 31

Гуляева Е. Е.

О возникновении и развитии международного нормотворчества в эпоху М. М. Сперанского (первая половина XIX века) 33

Махмутова Л. А.

Развитие инструментов государственной поддержки российского экспорта и импорта в современных условиях 39

Смирнова М. И.

Реализация прав глухих в сфере правоохранительной деятельности в России и Америке 41

Ахмедова И. В.

Международно-правовое и национальное регулирование экстрадиции 43

Мараховская К. Г.

Воздействие вооруженных конфликтов на безопасность судоходства 45

Гоменюк М. А., Клементьева Д. А.,

Скачкова М. А., Басенко Д. В., Ветрова А. А.

Трансформация национальной политики под влиянием Европейской интеграции: вызовы и перспективы европейской демократии 47

Ершова А. А., Маслов П. Н., Котик А. О.,

Сорокин Д. С., Веретельникова П. П.

Модели и подходы к анализу европейской интеграции 49

Кунгурова А. А., Казымов А. И.,

Горячкина М. М., Туров С. Е., Софрина А. А.

Иллиберализм в Европе: ответ Европейского союза на политические тенденции 53

Мастюкова И. И., Бабичева А. С.,

Пестрецов И. В., Куцепалова В. С., Виноградова С. А.

Динамика интеграционных процессов в Европейском Союзе: от границ к экономическим стратегиям 55

Медведева Д. О., Белоусов Н. А., Хлюпов И. В.,

Верхотурова О. В., Вдовенкова О. В.

Интеграция и кризисы в Европейском союзе: Анализ политических и социальных откликов 57

Мохамед Салем Абдаллах Талеб

Международно-правовой статус Западной Сахары 60

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Батурьян М. А., Голобородько А. В.

Разрешение проблематики практического применения обратной отсылки в международном частном праве на примере российского законодательства 63

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Лебедева Я. И.

Клаузула о передаче полномочий Европейскому союзу в практике конституционных судов (на примере Германии и Чехии) 66

Сказин Н. А., Брыкова Д. Д.,

Карагодина Е. С., Рымарь Б. Н., Свистак А. В.

Динамика границ в Европейском Союзе: внутренние и внешние вызовы 70

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Гурьянова В. В.

Теоретические аспекты дефинитивного обеспечения правовой категории «правотворчество» 73

Душкина Е. В., Карчевская Н. И., Фомичев Д. С.

Влияние правового сознания на минимизацию правовых ошибок 75

Ишеков К. А., Попов П. В.

Основные подходы к пониманию правовой системы в российской юридической доктрине 79

Кондратьева А. Н., Крепышева В. В.

Регулирование семейно-брачных отношений в Тунисе 84

Малкова Л. Л.

Законность в сфере государственного управления: правовые и этические аспекты 87

Спирин М. Ю.

Основные этапы развития советской морфологии права (доктрины источников и форм права) 90

Фризен П. Д.

Негативные социальные явления, способствующие совершению грабежей в России 93

Чинаев В. В.

Правовые риски перехода к цифровому обществу 95

Чинаев В. В.

Нормативное оформление механизмов противодействия рискам в области обеспечения технологического суверенитета России 98

Хакимова А. Р.

Экономическая преступность: индивидуально-психологические особенности личности 100

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Вахитова Г. В., Газизова Л. М., Рудман М. Н.

Историко-культурные основы и противоречия евразийской этики 102

Габдрахманов Ф. В.

Закон и практика назначения и увольнения прокурорских работников в советской прокуратуре в 1922-1940 гг. 106

Коновалова Т. А.

Развитие пограничной таможенной стражи на южном побережье Финского залива Российской империи 109

Стёпкин Е. Ю.

Идеи И. Зонненфельса и их влияние на полицейские реформы Екатерины II 111

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Аль-Баззар О. А. Х.

Судебные гарантии избирателя, судебные гарантии процедуры регистрации в избирательных списках: сравнительно-правовое исследование (Сирия, Египет и Ирак) 113

Алиева З. И., Гаджиев З. Р.

Исторический аспект развития конституционного права на высшее образование в России 116

Будник Ю. И.

Конституционность части 2 статьи 2.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях 118

Деникаева С. Э., Гусейнова Д. Ш.

О некоторых аспектах ограничения прав госслужащих в Российской Федерации 120

Ильина О. Ю., Иванова Т. М.

Защита экономической конкуренции в социальном государстве: конституционно-правовой взгляд 122

Крашениникова Т. В.

Проблемы функционирования института наблюдения в избирательном процессе РФ 125

Рабданова С. С., Магомедова П. Р.

Проблемы взаимодействия Федерального Собрания с другими органами в ходе парламентского расследования 127

Фарикова Е. А. Проблемы обеспечения информационных прав граждан в современной России	129	Токарев А. М. Проблемы, связанные с договором розничной купли-продажи в сети Интернет	188
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО		ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС	
Керамова С. Н., Ярахмедов Ш. Р. Особенности привлечения иностранных граждан к административной ответственности в Российской Федерации	131	Белясов С. Н., Пирогов В. П. Соблюдение процессуального срока как гарантия права граждан на справедливое судебное разбирательство	198
Мараховская К. Г., Степанова С. И. Сложности адаптации: дети-мигранты и школьная среда	133	Найдёнов К. Д., Сикач А. С., Волошина Т. В. Перспективы определения подсудности гражданских дел с участием присяжных заседателей в Российской Федерации	201
Керамова С. Н., Магомедова А. Г. К вопросу о понятии и признаках административно-правовых режимов в Российской Федерации	135	СЕМЕЙНОЕ ПРАВО	
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО		Денисова Ю. В. Обязательность медиации в семейных спорах	205
Ананьева Е. О., Ивлиев П. В. Урегулирование споров по законодательству Российской Федерации	138	ТРУДОВОЕ ПРАВО	
Агамов Д. Т. Проблема привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, не входящих в органы управления	141	Саранкина Ю. А. Трудовая миграция: общая характеристика и современные тенденции	208
Айрапетян Г. В. Отказ в применении срока исковой давности как санкция за злоупотребление правом	143	ФИНАНСОВОЕ ПРАВО	
Андриевский К. В., Шестов С. В. К вопросу об изменениях в финансовом праве в контексте цифровизации и глобализации	146	Алиева Э. Б., Ашурлаева Н. М. Основные проблемы и эффективность акцизного налогообложения	210
Ананьев Р. В. Место договора конвертируемого займа в системе гражданско-правовых договорных конструкций	149	Горохова А. О. Преступность в сфере страхования: тенденции развития	212
Ананьева Е. О., Качмазова А. Ю. Политика правового регулирования энергетической отрасли новых регионов страны	153	Мутуев А. И., Алиева Э. Б. Практика налоговых споров в РФ и в зарубежных странах	215
Ахтямова Е. В., Алсынбаева Э. М., Аминова А. Ю., Атнабаева Ю. В. Генетические исследования в Российской Федерации: правовые проблемы и пути решения	155	Очаковский В. А., Кесов Г. П., Габриелян С. С. Правовое регулирование аудиторской тайны	217
Гуляева Т. Б., Авдеева В. А., Савинова Н. Д. Институт признания гражданина безвестно отсутствующим: правовые основы и проблематика судебной практика	159	Пономарев О. В., Скобилева И. В., Махонин Д. Д., Бавин Д. Е. Участие граждан в бюджетном процессе как фактор повышения эффективности распределения и использования бюджетных средств	219
Карпова Ю. С. Содержание категории «средство защиты гражданских прав» и ее соотношение с категорией «способ защиты гражданских прав»	163	Поспелова С. В., Долгинов И. С. Правовые аспекты оптимизации налогообложения предприятий	222
Катанов А. В., Устюжанина В. О. Особенности правового регулирования информационных систем, как места заключения электронных сделок	166	Юдин И. П., Щербинина И. В. Деятельность Банка России как субъекта с публичными финансовыми полномочиями и квалифицированного инвестора на финансовом рынке	225
Пронина Ю. О. Сопровождение и реализация программы «Стартап как диплом», как вида инновационной методики образовательного процесса	168	ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО	
Седов П. Д. Географические указания и наименования мест происхождения товаров в странах ЕАЭС. Возможность создания общей системы регистрации	170	Горшков Д. А. Эволюция правового регулирования договора управления залогом	227
Синельникова Э. А., Белоусов А. Л. Дольщик и договор участия в долевом строительстве: правовые пробелы и пути разрешения споров	174	Фирсова О. Н., Золотарева И. А. Особенности создания и развития собственного бизнеса начинающими субъектами предпринимательства в России	232
Андриевский К. В., Шестов С. В. Трансформация налогового законодательства Российской Федерации в условиях цифровой экономики	177	КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО	
Ван Л. Правовые проблемы устройства детей, оставшихся без попечения родителей в Китайской народной республике	180	Байрамов Р. Р., Габдулхаков М. Ф., Лавренова А. С., Редина В. В. Право участников корпорации на информацию	235
Дулаева З. С. Перспективы развития владельческой (поссесерной) защиты в гражданском праве РФ и ее роль	183	УГОЛОВНОЕ ПРАВО	
Мокшин С. И. Объект гражданско-правовой защиты и предмет доказывания по делам о рассмотрении споров, вытекающих из договора суррогатного материнства	186	Арцхаев Д. Р., Бохан А. П., Улезько И. С. Находка или кража? (обсуждение проблемы)	238
		Асмандиярова Н. Р. Конфискация имущества, применяемая по фактам совершения взяточничества, в контексте соблюдения конституционных прав и законных интересов человека	241

Дибиров Ю. С. К вопросу о теоретическом содержании уголовной ответственности.....	243	Данилова И. Ю., Сулейманов Т. А. Возбуждение уголовного дела по преступлениям, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.....	302
Лашенко Р. А., Факов А. М., Михайлов А. Н. Негативные последствия глобализации мировой экономики, связанные с усилением процессов отмывания преступных доходов.....	245	Дьяконова В. В. Спорные вопросы применения ч. 2 ст. 111 УПК РФ.....	304
Максимова К. Л., Плевако Д. А. Меры наказания матерям-убийцам новорождённых детей.....	247	Еремеев Д. В. Цифровизация досудебного производства по уголовным делам: некоторые пути усовершенствования.....	306
Марианов А. А., Аюбова Ш. С., Каримулаева Э. М. Проблемы профилактики предотвращения стрельбы в образовательных учреждениях.....	249	Еремин С. Г., Никонович С. Л., Васильев Д. В., Кайргалиев Д. В. Исторические аспекты становления института наложения ареста на имущество в отечественном уголовном судопроизводстве.....	308
Маракулин Д. А., Штаб О. Н. Предупреждение преступности в сфере охраны объектов культурного наследия.....	251	Запывалов Д. А., Изосимов В. С., Шамшина О. С. Обыск в жилище: проблемные вопросы уголовно-процессуальной регламентации и правоприменительной практики.....	310
Радченко О. В., Аверинская С. А., Загайнов В. В. К вопросу о содержании субъективной стороны доведения до самоубийства.....	253	Козлов В. В. Вопросы реализации отдельных конституционных прав граждан при изъятии и осмотре мобильных телефонных устройств в ходе проверки сообщения о преступлении.....	312
Рожнов А. П. Общие начала и принципы назначения наказания: проблемы соотношения.....	256	Крупнова Е. А., Доронин К. Н., Гвоздев А. К., Фатхиев Д. М. Проблемные аспекты допуска защитника на стадии предварительного расследования.....	315
Снеговой М. А. К вопросу о признаках состава преступления, предусмотренного ст. 280.3 УК РФ.....	259	Макогон И. В., Игнатова Е. А. Особенности составления постановления о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста.....	318
Максимова К. Л., Лобов Н. В., Хамайко Е. С. Юридическая ответственность сотрудников МЧС.....	261	Михайлов В. С. Использование искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности.....	321
Радченко Е. П., Медведева И. Н. О некоторых особенностях уголовного судопроизводства в Грузии.....	263	Рощка М. Я., Черепненко Е. А. Историко-правовой анализ возникновения и развития современного понятия «мошенничество» в отечественной юридической науке.....	323
Черемнова Н. А., Горбачевич О. А., Люковец В. П., Зимин Н. В. Квалификация преступления при эксцессе исполнителя.....	265	Савикова Ю. Б. Процессуальное значение и тактические особенности очной ставки.....	326
Чочуева З. А. Влияние исключительных обстоятельств на практику смягчения наказания.....	267	Смоляков А. А., Павлов Д. В., Часовникова О. Г. К вопросу об источниках уголовно-процессуального права Древней Руси в X-XI вв.	328
Якубова О. П. Проблемы выявления и расследования мошенничества в сфере обращения недвижимости: анализ результатов анкетирования работников правоохранительных органов.....	270	Торовков А. А., Коновалов А. Ю. Процессуальный порядок прекращения уголовного преследования (уголовного дела) в отношении лица, привлекаемого к участию в специальной военной операции: алгоритм действий органов предварительного расследования.....	330
Сипягин Н. А. О некоторых проблемных аспектах, связанных с определением признаков субъективной стороны в контексте преступлений, предусмотренных ст. 228 и 228 ¹ УК РФ.....	272	Царькова Е. Г. Перспективы применения аналитических платформ в деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации при анализе статистической информации.....	334
Захаров А. Р. О некоторых спорных аспектах квалификации преступных деяний, предусмотренных ст. 222 УК РФ.....	277	Шамшина О. С. К вопросу о гарантиях реализации принципа законности следователем при привлечении лица в качестве обвиняемого.....	337
Курлышев А. О. Академическая нечестность студентов – это фактор, который способствует коррупции?.....	279	Абдурегимов З. М., Исаибова С. А. Роль адвоката в особом порядке судебного разбирательства.....	340
Платицына Л. А. Проблема декриминализации преступления, предусмотренного статьей 146 УК РФ: теоретико-правовой аспект.....	281	Макогон И. В., Михайлов П. А. Некоторые актуальные аспекты сравнительно правового анализа дознания и предварительного следствия в досудебном производстве России.....	343
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС			
Абдурегимов З. М., Исаибова С. А. Роль адвоката в уголовном судопроизводстве.....	284	УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	
Баловина И. В. К вопросу о необходимости процессуального урегулирования перекрестного опроса как проверочного действия в стадии возбуждения уголовного дела.....	286	Попов И. В. Анализ эффективности работы с детектором нелинейных переходов для предотвращения несанкционированного использования средств мобильной связи в исправительных учреждениях.....	345
Билляев В. А., Климовский А. С., Таранин М. А., Гутник О. В. Проблемы квалификации и доказывания взяточничества в условиях оперативного эксперимента.....	288	Асадов В. В. К проблеме повышения эффективности применения предупредительных мер воздействия к осужденным без изоляции от общества.....	347
Бирук М. С. Привлечение в качестве обвиняемого: требования уголовно-процессуального законодательства к вынесению постановления в порядке ст. 172 УПК РФ.....	291	Ельцова А. О. Особенности воспитательного воздействия на осужденных женского пола в исправительных учреждениях.....	349
Бондарь М. М., Евстифеева Е. П. Производство следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи: проблемные аспекты нормативного регулирования и правоприменительной практики.....	296		
Гададов И. С. Внутреннее убеждение судьи в оценке доказательств в ходе судебного разбирательства уголовных дел.....	299		

Мусалева А. В., Беляков А. В. Криминологическая характеристика осужденных за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и ее роль в проведении воспитательной работы с ними.....	351
Попов И. В., Улендеева Н. И. Актуальные вопросы планирования и организации тылового обеспечения пенитенциарной системы в России	353
Рыбалкин В. Н. Правовая природа института замены наказания более мягким видом наказания	355
Усеев Р. З. Порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, как элемент содержания уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) законодательства РФ (РСФСР)	359
КРИМИНАЛИСТИКА	
Алексеев С. А. Некоторые проблемы использования специальных знаний	362
Амиров Р. Г., Еремченко В. И. Проблемы использования современных информационных технологий в расследовании преступлений.....	365
Гусев А. В. Криминалистическое позиционирование материально-следовой картины места происшествия под водой.....	367
Дубский П. С. Актуальные вопросы поисково-познавательной деятельности посредством сети Интернет при расследовании преступлений и её сущность	369
Дырма С. В. К вопросу взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации с кредитными организациями при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.....	372
Евлушина Д. Н. Об отдельных аспектах использования цифровых следов, в ходе расследования преступлений в сфере информационных технологий	374
Еремин С. Г., Сафонов Ю. С. Использование специальных знаний при расследовании преступлений против интересов службы в коммерческих организациях	376
Качалов В. Г. Планирование и организация расследования незаконного оборота табачных изделий.....	378
Корнакова С. В. Некоторые аспекты допроса несовершеннолетнего.....	380
Киселёва М. А., Гончарова М. А. Особенности работы с биологическими следами на месте происшествия по преступлениям против половой неприкосновенности личности	383
Кокорев Р. А. Этапы формирования механизма преступлений, совершенных с использованием информационных технологий.....	386
Русанов Н. Ю., Яценко С. В. О некоторых задачах, решаемых при проведении осмотра места незаконной рубки лесных насаждений.....	388
Сафонов Д. А. Актуальные вопросы криминалистической характеристики хулиганства, совершенного иностранными гражданами и лицами без гражданства с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия	391
Черниговский В. Н. Возможности применения физико-химического метода с использованием цианоакрилатовой камеры для выявления следов рук	394
Юсупкадиева С. Н., Абдурахманова Э. Г. К вопросу о свойствах и признаках папиллярных узоров	397
Ячменева М. А. К вопросу о некоторых проблемах расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»	400
Русанов Н. Ю., Шебалин А. В. К вопросу о криминалистической характеристике преступления	402

КРИМИНОЛОГИЯ	
Алиев Ш. И., Таилова А.Г., Кахруманова Ш.А. Понимание киберпреступности в «реальном мире».....	404
Биченова А. Р. Основные детерминанты женской преступности в России	408
Аверинская С. А., Радченко Е. И. Криминологические аспекты организации занятия проституцией	410
Арслангереев А. М., Умариева Ф. М., Магомедова А. И. Химический терроризм как глобальная проблема современности	413
Нестеренко А. В. К вопросу о классификации негативных социальных явлений, связанных с преступностью	415
Степанова А. Ю. Теоретический аспект содержания противодействия преступлениям, совершаемым в следственных изоляторах.....	417
Хохлов А. В. Роль криминализации в феномене уголовно-правового воздействия	420
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ	
Белова С. Н., Захарова Е. Е. Проблема лишнего веса сотрудников полиции, и его негативное влияние на выполнение служебных обязанностей	422
Дружинин А. В., Лавриченко Р. К., Тульская Е. А. Прикладные аспекты обеспечения личной безопасности сотрудника полиции при вооруженном нападении.....	425
Царькова Е. Г., Зорина Н. С. Детерминанты преступности несовершеннолетних и особенности личности несовершеннолетнего преступника	427
БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО	
Арсланов А. А., Батыршина Д. Р., Козлова Ю. Б., Мухаметчина Э. Д. Актуальные онлайн-коммуникации в России: проблемы и тенденции	429
Карчаева К. А. Общая характеристика преступлений и правонарушений в сети «Интернет»	431
Ковш С. В., Дежурный А. А., Коренюгин В. В. Правовое регулирование обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в условиях развития информационного общества.....	434
Климовский А. С., Таранин М. А. Особенности мер превенции в отношении преступлений террористического характера и экстремистской направленности	436
Мамедов Т. С., Бойцов А. С. Сравнительный анализ норм охраны труда в Республике Азербайджан и Турецкой Республике	439
Федосов А. В., Баширова Д. В., Федосова Е. А., Зарипов И. И. Изменение законодательных требований к порядку обеспечения работников средствами индивидуальной защиты	442
Карчаева К. А. Патриотическое воспитание как неотъемлемая составляющая обеспечения национальной безопасности РФ	444
ПЕДАГОГИКА И ПРАВО	
Евсикова Е. В., Ковалишина К. В. К вопросу об урегулировании блогерской деятельности в контексте влияния на формирование личности несовершеннолетнего (психолого-педагогический аспект)	446
Краутман Т. Е. Использование лингвистической экспертизы текстов экстремистской направленности при обучении иностранному языку в образовательных организациях МВД России.....	449
Латыпова Э.Р., Богатырёва Ю.О., Латыпов Н.Н. Процесс социокультурной адаптации иностранных студентов в Российских вузах.....	451
Марианов А. А., Мирзаев З. М., Мирзаева З. З. Самостоятельная работа студентов	454

Мейсуров Ш. С. Проблемы современного правового образования в условиях становления информационного общества.....	456
Хайруллова Э. Т., Иноземцева Ю. Ю., Еркеев И. Х. К некоторым методам активизации познавательной деятельности обучающихся	458
ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО	
Жабкин А. С., Шевченко С. В., Липанин Е. А., Ярмухаметов А. К. Особенности адаптации сотрудников полиции к профессиональной деятельности.....	460
Идрышева С. К., Сокольская Л. В., Валентонис А. С. Этические и правовые дилеммы, возникающие в период биолого-социальных чрезвычайных ситуаций.....	462
Ямалитдинов А. А., Орехова Н. А., Шарафутдинов И. С., Хорольский В. В. Проблемы обеспечения готовности сотрудников полиции к несению службы в особых условиях	464
ГОСУДАРСТВО И ПРАВО	
Бутяйкин И. А. Использование современных и классических технологий проведения выборов в РФ для развития и реализации демократических ценностей в РФ	466
Китаева А. В., Зиньков Е. Н. Зарубежный опыт участия государства в акционерных обществах	469
Курбанов А. Р., Гасаналиев А. Ш. Проблемы взаимодействия органов исполнительной власти в Российской Федерации	471
Пугина В. И., Бурнос А. В., Холод Е. К., Гоменюк В. А., Несина А. М. Популизм и его влияние на стремление к перераспределению в условиях пандемии.....	474
Галицкая Е. С., Миначев Г. Р., Герашенко Н. А., Ляшева А. А., Попова В. К. Контекст в медийной коммуникации: анализ европейского политического дискурса	477
Мишук А. И., Степанова А. С., Селина Т. О., Грищенко В. В. Динамика иммиграционной политики: взаимосвязь общественного мнения и политического курса	480
СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО	
Бредихин А. В., Сорокоумов Е. А. «Новые медиа» в системе политических конфликтов	483
ЯЗЫК И ПРАВО	
Макаев Х. Ф., Макаева Г. З., Ибатулина Л. М. Трансформации при переводе юридических текстов с английского языка на русский	485
ЭКОНОМИКА. ПРАВО. СОЦИУМ	
Сёмин А. Н., Гусманов Р. У., Субхангулов Р. Р. К проблемам формирования инновационного потенциала отраслей ресурсного типа	487
Алиева З. М., Таилова А. Г., Ибрагимов М. Т. Отношения между неравенством доходов и экономическим ростом.....	489
Байрушина Ф. Ф., Габбасова Э. И. Проблемы развития малого бизнеса в России в условиях санкционного давления.....	492
Бяков Д. В. Социальные факторы привлечения молодежи к занятиям спортом (обзор зарубежной литературы).....	497
Гайсина Г. А., Янгуразова З. А., Нурутдинов А. А. Необходимость оценки изменения эколого-экономического баланса территории при развитии систем газификации и газоснабжения	499
Галимуллина Н. А., Максимов Г. В., Файзуллина А. С. Прогнозирование социально-экономического развития муниципального образования.....	502
Ганин П. В. Основные проблемы развития энергетического хозяйства экономической системы Российской Федерации в современных условиях	505
Зайцев Д. А. Риски для экономических агентов, связанные с платформенной занятостью в развивающихся странах	507
Куприна И. В., Новикова Е. В. Меры стимулирования внешнеэкономической деятельности	509
Мергасов А. В. Модернизация банковской системы Российской Федерации в условиях евразийской экономической интеграции.....	512
Уварова М. Н., Польшакова Н. В., Гришина С. Ю. Мониторинг ресурсного потенциала и устойчивости свеклосахарного подкомплекса региона	514
Халикова Э. А., Фрязинов Н. Ю. Многокритериальный анализ отбора поставщиков при закупке технологического оборудования с использованием цифровых решений.....	517
Черемисина Т. Н., Комаров К. С., Дрожжин Н. А. Демографическая ситуация Тамбовской области: преодоление кризиса.....	520
Хрусловский В. А. Трансформация образования под влиянием развития IT-технологий: краткий обзор зарубежной литературы	523
Тянь Шуци Российско-китайское экономическое и научно-техническое сотрудничество: становление и развитие	525
Фань Вэй Растущая роль «экологического» финансирования в содействии развитию возобновляемых источников энергии в Китае	528
Чжоу Минхао Стратегия управления персоналом как основной инструмент в рамках подхода управления человеческими ресурсами	530
Мухаметшин И. Р., Гареева З. А. Текущие особенности ценообразования на рынке нефти.....	532
ФИЛОСОФИЯ. ПРАВО. СОЦИУМ	
Егорова О. И., Гладилова Е. А., Фомина Д. С. Философский анализ влияния культурных различий профессиональной деятельности педагога высшей школы	534
Магомедова Ф. Я., Рабаданова А. А., Гасандибирова М. А., Дибраев А. Д. Этико-правовой анализ искусственного прерывания беременности	537
Маджуга А. Г., Гайсина Г. И., Вакнин Е. Е. Культурологический подход как методологическая основа постнеклассического образования	540
Тимощук Е. А., Тимощук И. А. Фабулизация позитивизма или дракон антропологической уязвимости.....	543
Тухватуллин Р. Р., Шаяхметов Ф. Ф. Современный геополитический кризис и формирование нового миропорядка.....	545
Хомич Н. В., Бодяк М. Г. Условный мир и его роль в создании социальных мифов.....	547
Хазиева Р. Р., Саттарова Р. В. Проблема слияния справедливости и права в общественно-правовых воззрениях Б. Н. Кардозо.....	550
Егорова О. И., Зуева Е. К., Гладилова Е. А. Юридический смысл прав человека через призму моральной философии (на примере категорического императива И. Канта).....	552
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	554

PERSONA GRATA

V. S. Ovchinskiy:

Are generative models of artificial intelligence dangerous enemies or assistants to investigators and police officers?

Interview with Vladimir Semyonovich Ovchinskiy, Advisor to the Minister of Internal Affairs of the Russian Federation, Ph.D. in Law, Honored Lawyer of the Russian Federation 14

INTERNATIONAL LAW

Mishalchenko M. Yu., Pavlenko K. I.

Nord Stream 2: international legal aspects of pipeline construction 18

Stepanova S. I.

Dispute resolution in international maritime law: the role of international courts..... 22

Lancelot G. Wills

Uti Possidetis, ita Possidietas. 'Then and now'..... 24

Farkhutdinov I. Z.

"Battle of the Books". "The Doctrine of Two Spheres". The emergence of the concept of free navigation – the main catalyst for the formation of international law..... 27

Alieva M. N., Gadzhiev A. G.

The Institute of Neutrality in the period of armed conflict: modern challenges and problems of interpretation..... 31

Gulyaeva E. E.

On the emergence and development of international norm-setting in the era of M. M. Speransky (the first half of the XIX century)..... 33

Makhmutova L. A.

Development of tools for state support of Russian exports and imports in modern conditions 39

Smirnova M. I.

Implementation of the rights of the deaf in law enforcement in Russia and America..... 41

Akhmedova I. V.

International legal and national regulation of extradition 43

Marakhovskaya K. G.

The impact of armed conflict on the safety of navigation 45

Gomenyuk M. A., Klementjeva D. A.,

Skachkova M. A., Basenko D. V., Vetrova A. A.

Transformation of national policy under the influence of European Integration: challenges and prospects of European democracy..... 47

Ershova A. A., Maslov P. N., Kotik A. O.,

Sorokin D. S., Veretelnikova P. P.

Models and approaches to the analysis of European integration..... 49

Kungurova A. A., Kazymov A. I.,

Goryachkina M. M., Turov S. S., Sofrina A. A.

Liberalism in Europe: the European Union's response to political trends..... 53

Mastyukova I. I., Babicheva A. S.,

Pestretsov I. V., Kutsepalova V. S., Vinogradova S. A.

Dynamics of integration processes in the European Union: from borders to economic strategies..... 55

Medvedeva D. O., Belousov N. A., Khlyupov I. V.,

Verkhoturova D. A., Vdovenkova O. V.

Integration and crises in the European Union: An analysis of political and social responses 57

Mokhamed Salem Abdalaha Taleb

International legal status of Western Sahara 60

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Baturyan M. A., Goloborodko A. V.

Solving the problems of the practical application of the backlink in private international law on the example of Russian legislation 63

EUROPEAN LAW

Lebedeva Ya. I.

The provision on transfer of powers to the European Union in practice of Constitutional Courts (Germany and Czech Republic Experience)..... 66

Skazin N. A., Brykova D. D.,

Karagodina E. S., Rymar B. N., Svistak A. V.

The dynamics of borders in the European Union: internal and external challenges 70

THEORY OF STATE AND LAW

Guryanova V. V.

Theoretical aspects of definitive support of the legal category of «lawmaking»..... 73

Dushkina E. V., Karchevskaya N. I., Fomichev D. S.

The influence of legal consciousness on the minimization of legal errors 75

Ishekov K. A., Popov P. V.

Basic approaches to understanding the legal system in the Russian legal doctrine..... 79

Kondratjeva A. N., Krepysheva V. V.

Regulation of family and marriage relations in Tunisia 84

Malkova L. L.

Legality in public administration: legal and ethical aspects 87

Spirin M. Yu.

The main stages in the development of Soviet legal morphology (doctrine of sources and forms of law)..... 90

Frizen P. D.

Negative social phenomena contributing to the commission of robberies in Russia 93

Chinaev V. V.

Legal risks of transition to a digital society 95

Chinaev V. V.

Regulatory design of mechanisms for countering risks in the field of ensuring technological sovereignty of Russia..... 98

Khakimova A. R.

Economic crime: individual psychological characteristics of a person 100

HISTORY OF STATE AND LAW

Vakhitova G. V., Gazizova L. M., Rudman M. N.

Historical and cultural foundations and contradictions of Eurasian ethics..... 102

Gabrakhmanov F. V.

The law and practice of appointment and dismissal of prosecutors in the Soviet Prosecutor's Office in 1922-1940 106

Konovalova T. A.

Development of the border customs guard on the southern coast of the Gulf of Finland of the Russian Empire 109

Stepkin E. Yu.

I. Sonnenfels' ideas and their influence on Catherine II's police reforms 111

CONSTITUTIONAL LAW

Al-Bazzar O. A. Kh.

Judicial guarantees of the voter, judicial guarantees of the registration procedure in the electoral lists: a comparative legal study (Syria, Egypt and Iraq)..... 113

Alieva Z. I., Gadzhiev Z. R.

Historical aspect of the development of the constitutional right to higher education in Russia..... 116

Budnik Yu. I.

Constitutionality of Part 2 of Article 2.6.1 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses 118

Denikaeva S. E., Huseynova J. S.

On some aspects of restricting the rights of civil servants in the Russian Federation..... 120

Iljina O. Yu., Ivanova T. M.

Protection of economic competition in a social State: a constitutional and legal view 122

Krashennikova T. V.

Problems of functioning of the institute of observation in the electoral process of the Russian Federation..... 125

Rabadanova S. S., Magomedova P. R.

Problems of interaction of the Federal Assembly with other bodies during the parliamentary investigation..... 127

Farikova E. A. <i>Problems of ensuring citizens' information rights in modern Russia</i>	129	Tokarev A. M. <i>Problems associated with the contract of retail sale on the Internet</i>	188
ADMINISTRATIVE LAW			
Keramova S. N., Yarakhmedov S. R. <i>Peculiarities of bringing foreign citizens to administrative responsibility in the Russian Federation</i>	131	Cheremisina K. M., Kalyuzhnaya P. L., Puchkin D. K., Yudina D. V., Zhurman Yu. <i>The dynamics of opinions on immigration in a comparative perspective: an analysis of the opinions of citizens in different countries</i>	190
Marakhovskaya K. G., Stepanova S. I. <i>Difficulties of adaptation: migrant children and the school environment</i>	133	Shubny V. S. <i>Management of an apartment building: problems of determining the price in the contract and prospects for improving housing legislation</i>	193
Keramova S. N., Magomedova A. G. <i>On the question of the concept and features of administrative and legal regimes in the Russian Federation</i>	135	Yastremskiy I. A. <i>The patient's responsibility for improper fulfillment of contractual obligations to the plastic surgery clinic</i>	195
CIVIL LAW			
Ananjeva E. O., Ivliev P. V. <i>Settlement of disputes under the legislation of the Russian Federation</i>	138	CIVIL PROCESS	
Agamov J. T. <i>The problem of bringing to subsidiary liability the persons controlling the debtor who are not members of the management bodies</i>	141	Belyasov S. N., Pirogov V. P. <i>Observance of the procedural period as a guarantee of the right of citizens to a fair trial</i>	198
Ayrapetyan G. V. <i>Refusal to apply the statute of limitations as a sanction for abuse of right</i>	143	Naydenov K. D., Sikach A. S., Voloshina T. V. <i>Prospects for determining the jurisdiction of civil cases involving jurors in the Russian Federation</i>	201
Andrievskiy K. V., Shestov S. N. <i>To the question of the changes in financial law in the context of digitalization and globalization</i>	146	FAMILY LAW	
Ananjev R. V. <i>The place of the convertible loan agreement in the system of civil law contractual structures</i>	149	Denisova Yu. V. <i>Mandatory mediation in family disputes</i>	205
Ananjeva E. O., Kachmazova A. Yu. <i>The policy of legal regulation of the energy industry of the new regions of the country</i>	153	LABOUR LAW	
Akhtyamova E. V., AIsynbayeva E. M., Amineva A. Y., Atnabaeva Yu. V. <i>Genetic research in the Russian Federation: legal problems and solutions</i>	155	Sarankina Yu. A. <i>Labor migration: general characteristics and current trends</i>	208
Gulyaeva T. B., Avdeeva V. A., Savinova N. D. <i>The institution of recognizing a citizen as missing: legal foundations and problems of judicial practice</i>	159	FINANCIAL LAW	
Karpova Yu. S. <i>Contents of the category «remedy of protecting civil rights» and its relation to the category «method of protecting civil rights»</i>	163	Alieva E. B., Ashurlaeva N. M. <i>The main problems and effectiveness of excise taxation</i>	210
Katanov A. V., Ustuzhanina V. O. <i>Features of legal regulation of information systems as a place of electronic transactions</i>	166	Gorokhova A. O. <i>Crime in the insurance industry: development trends</i>	212
Pronina Yu. O. <i>Support and implementation of the "Startup as a Diploma" program as a type of innovative methodology in the educational process</i>	168	Mutuev A. I., Alieva E. B. <i>Practice of tax disputes in the RF and foreign countries</i>	215
Sedov P. D. <i>Geographical indications and names of places of origin of goods in the EAEU countries. Possibility of creating a common registration system</i>	170	Ochakovskiy V. A., Kesov G. P., Gabrielyan S. S. <i>Legal regulation of audit secrecy</i>	217
Sinelnikova E. A., Belousov A. L. <i>The shareholder and the contract of participation in shared-equity construction: legal gaps and ways to resolve disputes</i>	174	Ponomarev O. V., Skobileva I. V., Makhonin D. D., Bavin D. E. <i>Participation of citizens in the budget process as a factor of increasing the efficiency of distribution and utilization of budgetary funds</i>	219
Andrievskiy K. V., Shestov S. N. <i>Transformation of the tax legislation of Russian Federation in the conditions of digital economy</i>	177	Pospelova S. V., Dolginov I. S. <i>Legal aspects of optimization of taxation of enterprises</i>	222
Wang L. <i>Legal problems of placement of children left without parental care in China</i>	180	Yudin I. P., Shcherbinina I. V. <i>Activities of the Bank of Russia as an entity with public financial powers and a qualified investor in the financial market</i>	225
Dulaeva Z. S. <i>Perspectives on the development of possessor protection in Russian civil law and its role</i>	183	ENTREPRENEURIAL LAW	
Mokshin S. I. <i>The object of civil protection and the subject of proof in cases of dispute resolution arising from the surrogacy agreement</i>	186	Gorshkov D. A. <i>Evolution of the legal regulation of the pledge management agreement</i>	227
		Firsova O. N., Zolotareva I. A. <i>Features of the creation and development of their own business by beginning business entities in Russia</i>	232
		CORPORATE LAW	
		Bayramov R. R., Gabdulkhakov M. F., Lavrenova A. S., Redina V. V. <i>The right to information of members of the corporation</i>	235
		CRIMINAL LAW	
		Artskhaev D. R., Bohan A. P., Ulezko I. S. <i>Find or steal? (discussion of the problem)</i>	238
		Asmandiyarova N. R. <i>Confiscation of property used on the basis of bribery in the context of respect for constitutional rights and legitimate human interests</i>	241
		Dibirov Yu. S. <i>On the issue of the theoretical content of criminal liability</i>	243

Lashchenko R. A., Fakov A. M., Mikhailov A. N. <i>The negative consequences of the globalization of the world economy associated with the intensification of the processes of laundering criminal proceeds</i>	245	Danilova I. Yu., Suleymanov T. A. <i>Initiation of a criminal case on crimes related to drug trafficking</i>	302
Maksimova K. L., Plevako D. A. <i>Punishments for mothers who murder newborn children</i>	247	Dyakonova V. V. <i>Controversial issues of application of Part 2 of Article 111 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation</i>	304
Marianov A. A., Ayubova S. I., Karimulaeva E. M. <i>Problems of prevention prevention of shooting in educational institutions</i>	249	Eremeev D. V. <i>Digitization of pre-trial proceedings in criminal cases: some ways of improvement</i>	306
Marakulin D. A., Shtab O. N. <i>Crime prevention in the field of protection of cultural heritage sites</i>	251	Eremin S. G., Nikonovich S. L., Vasiljev D. V., Kayrgaliev D. V. <i>Historical aspects of the formation of the institute of setting property in domestic criminal proceedings</i>	308
Radchenko O. V., Averinskaya S. A., Zagainov V. V. <i>On the issue of the content of the subjective side of driving to suicide</i>	253	Zapivalov D. A., Izosimov V. S., Shamshina O. S. <i>House search: problematic issues of criminal procedure regulation and practical practice</i>	310
Rozhnov A. P. <i>General beginnings and principles of sentencing: problems of correlation</i>	256	Kozlov V. V. <i>Issues of the implementation of certain constitutional rights of citizens during the seizure and examination of mobile telephone devices during the verification of a crime report</i>	312
Snegovoy M. A. <i>On the question of the signs of the corpus delicti provided for in Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation</i>	259	Krupnova E. A., Doronin K. N., Gvozdev A. K., Fatkhiev D. M. <i>Problematic aspects of the admission of a defender at the stage of preliminary investigation</i>	315
Maximova K. L., Lobov N. V., Khamaiko E. S. <i>Legal responsibility of the Ministry of Emergency Situations employees</i>	261	Makogon I. V., Ignatova E. A. <i>Peculiarities of drafting a resolution on the initiation of a petition for the election of a preventive measure in the form of house arrest</i>	318
Radchenko E. P., Medvedeva I. N. <i>About some features of criminal proceedings in Georgia</i>	263	Mikhaylov V. S. <i>The use of artificial intelligence in operational investigative activities</i>	321
Cheremnova N. A., Gorbatsevich O. A., Lyukovets V. P., Zimin N. V. <i>Qualification of a crime in the case of an excess of the perpetrator</i>	265	Roshka M. Ya., Cherepnenko E. A. <i>Historical and legal analysis of the emergence and development of the modern concept of "fraud" in Russian legal science</i>	323
Chochueva Z. A. <i>The influence of exceptional circumstances on the practice of mitigation of punishment</i>	267	Savikova Yu. B. <i>Procedural significance and tactical features of the confrontation</i>	326
Yakubova O. P. <i>Problems of detecting and investigating of fraud in the field of real estate circulation: analysis of the results of a survey of law enforcement officials</i>	270	Smolyakov A. A., Pavlov D. V., Chasovnikova O. G. <i>On the question of the sources of criminal procedure law of Ancient Russia in the X-XI centuries</i>	328
Sipyagin N. A. <i>On some problematic aspects related to the definition of the signs of the subjective side in the context of crimes under Art. 228 and 228¹ of the Criminal Code of the Russian Federation</i>	272	Torovkov A. A., Konovalov A. Yu. <i>Procedural order for terminating criminal prosecution (criminal case) against a person involved in participation in a special military operation: algorithm of actions of the preliminary investigation authorities</i>	330
Zakharov A. R. <i>On some controversial aspects of the qualification of criminal acts under Art. 222 of the Criminal Code</i>	277	Tsarkova E. G. <i>Prospects for the use of analytical platforms in the activities of the penal enforcement system of the Russian Federation in the analysis of statistical information</i>	334
Kurlyshev A. O. <i>Is academic dishonesty of students a factor that promotes corruption?</i>	279	Shamshina O. S. <i>The issue of guarantees of the implementation of the principle of legality by the investigator when involving a person as an accused</i>	337
Platitsyna L. A. <i>The problem of decriminalization of the crime stipulated by Article 146 of the Criminal Code of the Russian Federation: theoretical and legal aspect</i>	281	Abduragimov Z. M., Isaibova S. A. <i>The role of a lawyer in a special procedure of judicial proceedings</i>	340
CRIMINAL PROCESS		Makogon I. V., Mikhaylov P. A. <i>Some relevant aspects of the comparative legal analysis of inquiry and preliminary investigation in pre-trial proceedings in Russia</i>	343
Abduragimov Z. M., Isaibova S. A. <i>The role of a lawyer in criminal proceedings</i>	284	CRIMINAL-EXECUTIVE LAW	
Balovina I. V. <i>The need for a procedural settlement of cross-examination as a verification action at the stage of initiation of a criminal case</i>	286	Popov I. V. <i>Analysis of the effectiveness of work with the nonlinear transition detector to prevent unauthorized use of mobile communications in correctional institutions</i>	345
Bilyaev V. A., Klimovskiy A. S., Taranin M.A., Gutnik O. V. <i>Problems of qualification and proof of bribery in an operational experiment</i>	288	Asadov V. V. <i>On the problem of increasing the effectiveness of the application of preventive measures to convicts without isolation from society</i>	347
Biruk M. S. <i>Involvement as an accused: requirements of the criminal procedure legislation for making a decision in accordance with Article 172 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation</i>	291	Eltsova A. O. <i>Features of educational impact on female convicts in correctional institutions</i>	349
Bondar M. M., Evstifeeva E. P. <i>Production of investigative actions using video conferencing systems: problematic aspects of regulatory regulation and law enforcement practice</i>	296		
Gadadov I. S. <i>Internal conviction of the judge in the evaluation of evidence in the trial of criminal cases</i>	299		

Musaleva A. V., Belyakov A. V. <i>Criminological characteristics of those convicted of crimes against the sexual integrity of minors as well as its role in educational work with the category under consideration</i>	351	Bichenova A. R. <i>The main determinants of female crime in Russia</i>	408
Popov I. V., Ulendeeva N. I. <i>Current issues of planning and organization of logistical support for the penitentiary system in Russia</i>	353	Averinskaya S. A., Radchenko E. I. <i>Criminological aspects of organizing prostitution</i>	410
Rybalkin V. N. <i>The legal nature of the institution of substitution of punishment with a milder type of punishment</i>	355	Arslangereev A. M., Umarieva F. M., Magomedova A. I. <i>Chemical terrorism as a global problem of our time</i>	413
Useev R. Z. <i>The procedure for the activities of institutions and bodies that carry out punishments, as an element of the content of the penal (forced labor) legislation of the Russian Federation (RSFSR)</i>	359	Nesterenko A. V. <i>On the classification of negative social phenomena related to crime</i>	415
CRIMINALISTICS		Stepanova A. Yu. <i>Theoretical aspect of the content of countering crimes occurring in pre-trial detention centers</i>	417
Alexeenko S. A. <i>Some problems of using special knowledge</i>	362	Khokhlov A. V. <i>The role of criminalization in the phenomenon of criminal law impact</i>	420
Amirov R. G., Eremchenko V. I. <i>Problems of using modern information technologies in crime investigation</i>	365	LAW ENFORCEMENT AGENCIES	
Gusev A. V. <i>Forensic positioning of the material-trace picture of the scene under water</i>	367	Belova S. N., Zakharova E. E. <i>The problem of excess weight in police and its negative impact on the performance of official duties</i>	422
Dubskih P. S. <i>Current issues of search and cognitive activity via the Internet in the investigation of crimes and its essence</i>	369	Druzhinin A. V., Lavrichenko R. K., Tulskeya E. A. <i>Applied aspects of ensuring the personal safety of a police officer during an armed attack</i>	425
Dyrma S. V. <i>On the issue of interaction of the Internal affairs bodies of the Russian Federation with credit organizations in the implementation of operational investigative activities</i>	372	Tsarkova E. G., Zorina N. S. <i>Determinants of juvenile delinquency and personality characteristics of a juvenile offender</i>	427
Evlushina D. N. <i>On certain aspects of the use of digital traces during the investigation of crimes in the field of information technology</i>	374	SECURITY AND LAW	
Eremin S. G., Safonova Yu. S. <i>The use of special knowledge in the investigation of crimes against the interests of the service in commercial organizations</i>	376	Arslanov A. A., Batyrshina J. R., Kozlova Y. B., Mukhametchina E. D. <i>Current online communications in Russia: problems and trends</i>	429
Kachalov V. G. <i>Planning and organization of the investigation of illicit trafficking in tobacco products</i>	378	Karchaeva K. A. <i>General characteristics of crimes and offences on the «Internet»</i>	431
Kornakova S. V. <i>Some aspects of the interrogation of a minor</i>	380	Kovsh S. V., Dezhurniy A. A., Korenyugin V. V. <i>Legal regulation of ensuring the information security of minors in the context of the development of the information society</i>	434
Kiseleva M. A., Goncharova M. A. <i>Features of working with biological traces at the scene of crimes against sexual integrity of the individual</i>	383	Klimovskiy A. S., Taranin M. A. <i>Features of prevention measures in relation to crimes of a terrorist nature and extremist orientation</i>	436
Kokorev R. A. <i>Stages of formation of the mechanism of crimes committed using information technology</i>	386	Mammadov T. S., Boytsov A. S. <i>Comparative analysis of labor protection standards in the Republic of Azerbaijan and the Republic of Turkey</i>	439
Rusanov N. Yu., Yatsenko S. V. <i>On some tasks solved during an inspection of a site of illegal logging of forest plantations</i>	388	Fedosov A. V., Bashirova D. V., Fedosova E. A., Zaripov I. I. <i>Changing the legal requirements for the procedure for providing employees with personal protective equipment</i>	442
Safonov D. A. <i>Actual questions of criminalistic characterization of hooliganism committed by foreign citizens and stateless persons with the use of weapons or objects used as weapons</i>	391	Karchaeva K. A. <i>Patriotic education as an integral component of ensuring the national security of the Russian Federation</i>	444
Chernigovskiy V. N. <i>The possibilities of using a physico-chemical method using a cyanoacrylate chamber to detect handprints</i>	394	PEDAGOGY AND LAW	
Yusupkadiyeva S. N., Abdurakhmanova E. G. <i>On the question of the properties and signs of papillary patterns</i>	397	Yevsikova E. V., Kovalishina K. V. <i>On the issue of the regulation of blogging activity in the context of the influence on the formation of the personality of a minor (psychological and pedagogical aspect)</i>	446
Yachmeneva M. A. <i>On the issue of some problems in the investigation of crimes related to drug trafficking committed using electronic or information and telecommunication networks, including the Internet</i>	400	Krautman T. E. <i>Using of linguistic examination of extremist texts in teaching of foreign languages in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia</i>	449
Rusanov N. Yu., Shebalin A. V. <i>On the issue of criminalistic characteristics of the illegal production of synthetic narcotic drugs</i>	402	Latypova E. R., Bogatyreva Yu. O., Latypov N. N. <i>The process of socio-cultural adaptation of foreign students in Russian universities</i>	451
CRIMINOLOGY		Marianov A. A., Mirzaev Z. M., Mirzaeva Z. Z. <i>Independent work of students</i>	454
Aliev Sh. I., Tailova A. G., Kakhmanova S. A. <i>Understanding cybercrime in the «real world»</i>	404	Meisurov Sh. S. <i>Problems of modern legal education in the context of the formation of the information society</i>	456
		Khayrullova E. T., Inozemtseva Yu. Yu., Erkeev I. K. <i>To some methods of activating cognitive activities of students</i>	458

PSYCHOLOGY AND LAW	
Zhabkin A. S., Shevchenko S. V., Lipanin E. A., Yarmukhametov A. K.	
<i>Features of adaptation of police officers to professional activity</i>	460
Idrysheva S. K., Sokolskaya L. V., Valentonis A. S.	
<i>Ethical and legal dilemmas arising during biological and social emergencies</i>	462
Yamalitdinov A. A., Orekhova N. A., Sharafutdinov I. S., Khorolskiy V. V.	
<i>Problems of ensuring the readiness of police officers to serve in special conditions</i>	464
STATE AND LAW	
Butyaykin I. A.	
<i>The use of modern and classical technologies of elections conduct in the Russian Federation for the development and implementation of democratic values in the Russian Federation</i>	466
Kitaeva A. V., Zinkov E. N.	
<i>Foreign experience of state participation in joint stock companies</i>	469
Kurbanov A. R., Gasanaliyev A. S.	
<i>Problems of interaction of executive authorities in the Russian Federation</i>	471
Pugina V. I., Burnos A. V., Kholod E. K., Gomenyuk V. A., Nesina A. M.	
<i>Populism and its impact on the desire for redistribution in the context of a pandemic</i>	474
Galitskaya E. S., Minachev G. R., Gerashchenko N. A., Lyasheva E. A., Popova V. K.	
<i>Context in media communication: an analysis of European political discourse</i>	477
Mishchuk A. I., Stepanova A. S., Selina T. O., Grishchenko V. V.	
<i>The dynamics of immigration policy: the relationship between public opinion and policy</i>	480
SOCIOLOGY AND LAW	
Bredikhin A. V., Sorokoumov E. A.	
<i>"New media" in the system of political conflicts</i>	483
LANGUAGE AND LAW	
Makayev Kh. F., Makayeva G. Z., Ibatulina L. M.	
<i>Transformations in translating legal texts from English into Russian</i>	485
ECONOMY. LAW. SOCIETY	
Semin A. N., Gusmanov R. U., Subkhangulov R. R.	
<i>On the problems of forming the innovative potential of resource-type industries</i>	487
Alieva Z. M., Tailova A. G., Ibragimov M. T.	
<i>The relationship between income inequality and economic growth</i>	489
Bayrushina F. F., Gabbasova E. I.	
<i>Problems of small business development in Russia under sanctions pressure</i>	492
Byakov D. V.	
<i>Social factors of attracting young people to sports (review of foreign literature)</i>	497
Gaysina G. A., Yangurazova Z. A., Nurutdinov A. A.	
<i>Current state and prospects for the development of gasification and gas supply in the Republic of Bashkortostan</i>	499
Galimullina N. A., Maksimov G. V., Fayzullina A. S.	
<i>Forecasting the socio-economic development of a municipality</i>	502
Ganin P. V.	
<i>Main problems of development of the energy economy of the economic system of the Russian Federation in modern conditions</i>	505
Zaytsev D. A.	
<i>Risks for economic agents associated with platform employment in developing countries</i>	507
Kuprina I. V., Novikova E. V.	
<i>Measures to stimulate foreign economic activity</i>	509
Mergasov A. V.	
<i>Modernization of the banking system of the Russian Federation in the context of Eurasian economic integration</i>	512
Uvarova M. N., Polshakova N. V., Grishina S. Yu.	
<i>Monitoring of the resource potential and sustainability of the sugar beet subcomplex of the region</i>	514
Khalikova E. A., Fryazinov N. Yu.	
<i>Multi-criteria analysis of the selection of suppliers for the purchase of technological equipment using digital solutions</i>	517
Cheremisina T. N., Komarov K. S., Drozhzhin N. A.	
<i>Demographic Situation of the Tambov Region: Overcoming the Crisis</i>	520
Khruslovskiy V. A.	
<i>The transformation of education under the influence of the development of IT technologies: a brief review of foreign literature</i>	523
Tian Shuqi	
<i>Russian-Chinese economic and scientific-technical cooperation: formation and development</i>	525
Fan Wei	
<i>The growing role of 'green' finance in promoting renewable energy development in China</i>	528
Zhou Minghao	
<i>Human resource management strategy as the main tool within the human resource management approach</i>	530
Mukhametshin I. R., Gareeva Z. A.	
<i>Current features of pricing in the oil market</i>	532
PHILOSOPHY. LAW. SOCIETY	
Egorova O. I., Gladilova E. A., Fomina D. S.	
<i>Philosophical analysis of the influence of cultural differences in the professional activity of a higher schoolteacher</i>	534
Magomedova F. Ya., Rabadanova A. A., Gasandibirova M. A., Dibraev A. D.	
<i>Ethical and legal analysis of artificial termination of pregnancy</i>	537
Madzhuga A. G., Gaisina G. I., Vaknin E. E.	
<i>The cultural approach as a methodological basis for post-non-classical education</i>	540
Timoshchuk E. A., Timoshchuk I. A.	
<i>Fabulizing positivism or the fictional dragon of anthropological vulnerability</i>	543
Tuchvatullin R. R., Shayakhmenov F. F.	
<i>Contemporary geopolitical crisis and the formation of a new world order</i>	545
Khomich N. V., Bodyak M. G.	
<i>The conditional world and its role in the creation of social myths</i>	547
Khazieva R. R., Sattarova R. V.	
<i>Problem of justice and law merging in social-legal views of B. N. Cardozo</i>	550
Egorova O. I., Zueva E. K., Gladilova E. A.	
<i>The legal meaning of human rights through the prism of moral philosophy (using the example of the categorical imperative of I. Kant)</i>	552
INFORMATION FOR AUTHORS	554

В. С. ОВЧИНСКИЙ: ГЕНЕРАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА – ОПАСНЫЕ ВРАГИ ИЛИ ПОМОЩНИКИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ПОЛИЦЕЙСКИХ?

Интервью с Владимиром Семеновичем Овчинским, советником министра внутренних дел Российской Федерации, доктором юридических наук, заслуженным юристом РФ

V. S. OVCHINSKIY: GENERATIVE MODELS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: DANGEROUS ENEMIES OR ASSISTANTS TO INVESTIGATORS AND POLICE OFFICERS?

Interview with Vladimir Semyonovich Ovchinskiy, Advisor to the Minister of Internal Affairs of the Russian Federation, Ph.D. in Law, Honored Lawyer of the Russian Federation

Овчинский В. С.

Визитная карточка

Овчинский Владимир Семенович – известный российский криминолог, генерал-майор милиции в отставке, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации.

В.С. Овчинский родился 23 февраля 1955 г. В 1976 году с отличием окончил Омскую высшую школу милиции МВД СССР. В 1976–1986 гг. В.С. Овчинский работал в ГУВД Московской области, в 1986–1992 гг. – во ВНИИ МВД СССР/России.

С 1992 г. В.С. Овчинский – помощник первого заместителя министра внутренних дел России, с 1995 – помощник Министра внутренних дел России.

С 1997 по 1999 гг. В.С. Овчинский – начальник Российского бюро Интерпола.

В 1999–2001 гг. – обозреватель по правовым вопросам еженедельника «Московские новости».

С 2004 г. по март 2011 г. В.С. Овчинский – Советник Председателя Конституционного суда РФ.

С 2004 г. – член Экспертного совета Комиссии ГД ФС РФ по противодействию коррупции.

С 2012 г. В.С. Овчинский – советник Министра внутренних дел РФ, ответственный секретарь Расширенной рабочей группы по реформированию органов внутренних дел России. В настоящее время В.С. Овчинский является советником Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Владимир Семенович автор целого ряда работ по актуальным вопросам криминологии, оперативно-розыскной деятельности, современным проблемам противодействия преступности. Среди них – «Стратегия борьбы с мафией», «Оперативно-розыскная информация», «Основы борьбы с организованной преступностью», «Интерпол в вопросах и ответах», «XXI век против мафии», «Основы оперативно-розыскной деятельности», «Криминологическое измерение», «Криминология и биотехнологии», «Криминология кризиса», «Технологии будущего против криминала», «Иностранные боевики-террористы», «Час волка. Введение в хронополитику», «Искусственный интеллект», «Мафия: новые мировые тенденции», «Криминология американской власти» и многие другие.

В.С. Овчинский в качестве эксперта участвует в программах на телевидении и радио, дает интервью, публикует статьи по самым актуальным политическим и правовым вопросам современности.

– Владимир Семенович, 2023 год в технологической сфере – это год широкого использования генеративного искусственного интеллекта ChatGPT – большой языковой модели (LLM), разработанной OpenAI. Эти модели обладают огромным потенциалом. Машинное обучение, от которого раньше ожидали решения только рутинных задач, доказало свою способность к сложной творческой работе. Генеративные модели ИИ регулярно совершенствуются и появляются новые версии, а технологические усовершенствования происходят все быстрее и быстрее. Это открывает широкие возможности для решения многих социальных задач, но, одновременно, это также может содержать большое количество криминальных рисков, поскольку преступники сразу стали использовать ИИ в своих целях. Так ли это, или СМИ стущают краски?

– К сожалению, так. В ответ на растущее внимание общественности к ChatGPT ученые и полиция США, Европы, Азии организовали в 2023 году ряд семинаров с экспертами в этой области, чтобы изучить, как преступники могут злоупотреблять ИИ, такими как ChatGPT, а также как это может помочь следователям и оперативным работникам полиции в их повседневной работе.

Целью семинаров было наблюдение за поведением ИИ при столкновении с криминальными и правоохранными сценариями использования. Это поможет правоохранительным органам понять, какие проблемы могут представлять производные и генеративные модели ИИ.

– И какие криминальные сценарии использования ИИ выделяют в Интерполе и Европоле?

– Семинары Интерпола и Европола с участием профильных экспертов из всех областей компетенции международных полицейских организаций выявили широкий спектр криминальных сценариев использования генеративного ИИ. Последующая проверка показала, что все они работают.

ChatGPT отлично справляется с предоставлением пользователю готовой к использованию информации в ответ на широкий спектр запросов. Если потенциальный преступник ничего не знает о конкретном районе совершения преступления, ChatGPT может значительно ускорить процесс исследования, предлагая ключевую информацию, которую можно изучить на последующих этапах. Таким образом, ChatGPT можно использовать для изучения огромного количества потенциальных областей преступлений без предварительных знаний, начиная от способов проникновения в дом, заканчивая терроризмом, киберпреступностью и сексуальным насилием над детьми.

Хотя вся информация, которую предоставляет ChatGPT, находится в свободном доступе в Интернете, возможность использовать модель для совершения конкретных шагов, задавая контекстные вопросы, значительно облегчает злоумышленникам задачу лучшего понимания и последующего совершения различных видов преступлений.

– СМИ часто пишут, что особенно успешно ИИ используется в мошенничестве, когда преступники выдают себя за других людей, а также в социальной инженерии. Как и почему это происходит?

– Способность ChatGPT составлять высоко аутентичные тексты на основе подсказок пользователя делает его чрезвычайно полезным инструментом для фишинга. Если раньше многие элементарные фишинговые аферы было легче распознать из-за очевидных грамматических и орфографических ошибок, то теперь можно выдать себя за организацию или частное лицо в весьма реалистичной манере даже при базовом знании английского языка.

Очень важно, что контекст фишингового письма может быть легко адаптирован в зависимости от потребностей угрожающего субъекта: от мошеннических инвестиционных возможностей до взлома деловой электронной почты и обмана в отношении генерального директора. Таким образом, ChatGPT может предложить преступникам новые возможности, особенно для преступлений, связанных с социальной инженерией, учитывая их способность отвечать на сообщения в контексте и принимать специфический стиль письма. Кроме того, различные виды онлайн-мошенничества можно сделать более «легитимными», используя ChatGPT для создания поддельных социальных сетей, например, для продвижения мошеннического инвестиционного предложения.

До сих пор такие виды обманных сообщений преступники должны были создавать самостоятельно. В случае массового мошенничества объекты таких преступлений часто могли определить неаутентичность сообщения по очевидным орфографическим или грамматическим ошибкам, нечеткому или неточному содержанию. С помощью генеративного ИИ такие виды фишинга и онлайн-мошенничества могут быть созданы быстрее, гораздо более достоверно и в значительно больших масштабах.

Способность ИИ обнаруживать и воспроизводить языковые шаблоны не только облегчает фишинг и онлайн-мошенничество, но и в целом может использоваться для имитации стиля речи конкретных лиц или групп. Этой возможностью можно злоупотреблять в широких масштабах, чтобы ввести потенциальных жертв в заблуждение и заставить их довериться преступникам.

В дополнение к преступной деятельности, описанной выше, возможности ChatGPT позволяют использовать их в ряде потенциальных случаев злоупотребления в области терроризма, пропаганды и дезинформации. Таким образом, модель может быть использована для общего сбора информации, которая может способствовать террористической деятельности, например, финансированию терроризма или анонимному обмену файлами.

ChatGPT превосходно справляется с созданием аутентичного звучащего текста на скорости и в масштабе. Это делает модель идеальной для целей пропаганды и дезинформации, поскольку она позволяет пользователям генерировать и распространять сообщения, отражающие определенный нарратив, с относительно небольшими усилиями. Например, ChatGPT может использоваться для создания онлайн-пропаганды от имени других субъектов для продвижения или защиты определенных взглядов, которые были развенчаны как дезинформация или фальшивые новости.

Эти примеры дают лишь общее представление о том, что возможно. Хотя ChatGPT отказывается давать ответы на запросы, которые считает явно вредоносными, существует возможность обойти эти ограничения. Подобные приложе-

ния не только способствовали бы распространению дезинформации, языка вражды и террористического контента в Интернете, но и позволили бы пользователям придать им неуместное доверие, поскольку они были созданы машиной и, следовательно, могут показаться кому-то более объективными, чем если бы их создал человек.

– Говорят, особенно серьезные риски проявляются в киберпреступности. Почему это происходит?

– Помимо создания человекоподобного языка, ChatGPT способен создавать код на ряде различных языков программирования. Как и в других случаях использования, можно сгенерировать ряд практических результатов за несколько минут, введя нужные подсказки. Одной из областей преступности, на которую это может оказать значительное влияние, действительно является киберпреступность. С помощью текущих версий ChatGPT уже можно создавать базовые инструменты для различных вредоносных целей. Несмотря на то, что инструменты являются лишь базовыми (например, для создания фишинговых страниц или вредоносных скриптов VBA), это позволяет человеку без технических знаний использовать вектор атаки на системе жертвы.

Такой тип автоматизированной генерации кода особенно полезен для тех преступников, которые практически не разбираются в кодировании и разработке. Очень важно, что меры защиты, не позволяющие ChatGPT предоставлять потенциально вредоносный код, работают только в том случае, если модель понимает, что она делает. Если подсказки разбиты на отдельные шаги, обойти эти меры безопасности проще простого.

Хотя инструменты, созданные ChatGPT, все еще достаточно просты, активное использование их субъектами угроз открывает мрачные перспективы в свете неизбежного совершенствования таких инструментов в ближайшие годы. На самом деле, способность ChatGPT преобразовывать подсказки на естественном языке в рабочий код была быстро использована злоумышленниками для создания вредоносного ПО. Еще в декабре 2022 года было опубликовано сообщение, демонстрирующее, как ChatGPT может быть использован для создания полного потока заражения, начиная с фишинга и заканчивая запуском обратной оболочки, принимающей команды на английском языке.

Ожидается, что возможности генеративных моделей, таких как ChatGPT, по оказанию помощи в разработке кода со временем будут совершенствоваться. Последняя версия генеративного ИИ уже могут оказать еще более эффективную помощь киберпреступникам. Новые модели лучше понимают контекст кода, а также исправляют сообщения об ошибках и устраняют ошибки программирования. Для потенциального преступника, не имеющего достаточных технических знаний, это бесценный ресурс. В то же время более опытный пользователь может использовать эти улучшенные возможности для дальнейшего совершенствования или даже автоматизации сложных методов действий киберпреступников.

– В последнее время правоохранители часто говорят и пользе ИИ в расследовании преступлений. Это просто мода, или генеративный ИИ может стать реальным помощником следователей?

– ИИ можно использовать, чтобы помочь правоохранительным органам автоматизировать и оптимизировать процесс расследования. Анализируя огромные объемы данных, ИИ может быстро выявлять закономерности и связи, которые в противном случае можно было бы упустить из виду. Это позволит следователям быстро идентифицировать потенциальных подозреваемых и получить всестороннее представление о месте преступления и его окрестностях.

Кроме того, ИИ можно применять для создания подробных отчетов по уголовным делам. Анализируя доказательства, ИИ может создавать исчерпывающие отчеты, которые можно использовать для поддержки уголовных дел в суде.

Это могло бы значительно сократить количество времени и ресурсов, затрачиваемых на расследования, что позволило бы правоохранительным органам сосредоточиться на других важных задачах.

ИИ также можно использовать для выявления потенциальных связей между делами и подозреваемыми. Анализируя огромные объемы данных, модели GPT могут выявлять связи между различными делами и подозреваемыми, позволяя правоохранительным органам быстрее и точнее выслеживать подозреваемых.

Кроме того, GPT может помочь сотрудникам правоохранительных органов лучше понять контекст уголовных дел. Анализируя доказательства и материалы дела, ИИ может генерировать подробные отчеты об истории и контексте дела, позволяя правоохранительным органам лучше понять, почему произошло преступление и как лучше всего подойти к расследованию.

В целом, ИИ может произвести революцию в методах расследования правоохранительных органов. Автоматизируя и оптимизируя процесс расследования, GPT может сэкономить время и ресурсы правоохранительных органов, позволяя им сосредоточиться на других важных задачах. Кроме того, способность GPT анализировать огромные объемы данных и выявлять закономерности и связи может помочь сотрудникам правоохранительных органов быстро идентифицировать потенциальных подозреваемых и получить всестороннее представление о месте преступления. Поскольку ИИ продолжает развиваться, его потенциальное применение в расследованиях правоохранительных органов будет только расти.

– А какие преимущества ИИ в улучшении криминалистического анализа?

– Используя GPT можно быстро выявлять соответствующие доказательства и создавать подробные отчеты. Кроме сравнения доказательств по нескольким делам, помогая следователям выявлять закономерности и связи между делами, GPT можно использовать для выявления расхождений в показаниях свидетелей, что позволяет следователям быстро выявлять любые несоответствия.

GPT может не только помочь повысить точность криминалистического анализа, но и сократить время, необходимое для проведения анализа. Автоматизируя определенные задачи, GPT может сократить время, затрачиваемое следователями на ручной анализ улик. Это может помочь снизить общую стоимость расследования, позволяя правоохранительным органам сосредоточить свои ресурсы на других областях.

– Может мы слишком надеемся на позитивный эффект от генеративного ИИ? Ведь наверняка существуют и потенциальные недостатки, связанные с использованием GPT в расследовании преступлений?

– Конечно существуют.

Во-первых, модели GPT ограничены в своей точности. Хотя их способность генерировать текст впечатляет, он не всегда может точно интерпретировать нюансы языка и контекста. Это может привести к ошибкам при толковании юридических документов или, например, при предоставлении юридических консультаций.

Во-вторых, GPT может быть уязвим для использования злоумышленниками. Имея доступ к этой технологии, преступники потенциально могут использовать ее для создания ложных доказательств или вводящих в заблуждение юридических рекомендаций для достижения своих собственных целей. Это может привести к неправомерным осуждениям и задержкам в отправлении правосудия.

Наконец, GPT может привести к эрозии человеческого опыта в юридических вопросах. Это может быть особенно проблематично в таких областях, как юридический анализ, где людям необходимо интерпретировать нюансы языка и контекста, чтобы делать точные выводы.

– В мире немало публикаций об этических вопросах использования ИИ в правоохранительных органах. Что здесь особенно настораживает?

– Многое. Например, эту технологию можно использовать для создания ложной информации, которая потенциально может быть использована для манипулирования расследованиями. Кроме того, использование GPT вызывает опасения по поводу конфиденциальности, поскольку эту технологию можно использовать для анализа больших объемов данных без ведома или согласия тех, за кем ведется наблюдение.

Кроме того, использование ИИ в правоохранительных органах вызывает вопросы о достоверности информации, которую он генерирует. Технология основана на алгоритмах машинного обучения, которые могут давать неточные или необъективные результаты, если их не обучить или не контролировать должным образом.

– Зарубежная полиция часто использует ИИ для прогнозирования и предотвращения преступлений. Что этому способствует?

– Модели GPT используют алгоритмы обработки естественного языка (NLP) и машинного обучения для анализа огромных объемов данных из различных источников, таких как социальные сети, новостные статьи и отчеты полиции. Выявляя закономерности и тенденции в этих данных, система ИИ позволяет прогнозировать потенциальную преступную деятельность и помогать правоохранительным органам принимать упреждающие меры для ее предотвращения. Это не только помогает снизить уровень преступности, но и позволяет полицейским управлениям более эффективно распределять свои ресурсы, гарантируя, что сотрудники будут развернуты там, где они больше всего нужны.

Одним из ключевых преимуществ использования GPT для «умной полиции» является его способность выявлять потенциальные точки доступа для преступной деятельности. Анализируя исторические данные о преступлениях и другую соответствующую информацию, системы GPT могут точно определить области, в которых с наибольшей вероятностью могут произойти криминальные инциденты. Это позволяет правоохранительным органам сосредоточить свои усилия на этих областях повышенного риска, что приводит к более целенаправленному и эффективному подходу к предупреждению преступности.

Кроме того, ИИ также может помочь в прогнозировании вероятности совершения конкретных видов преступлений в определенных областях. Например, он может определить, является ли конкретный район более подверженным кражам со взломом, нападениям или правонарушениям, связанным с наркотиками. Эта информация может иметь неограниченное значение для полицейских подразделений, поскольку позволяет им разрабатывать целевые стратегии для решения конкретных проблем с преступностью в различных сообществах.

Помимо прогнозирования преступлений, ИИ также может играть решающую роль в предупреждении преступности, выявляя потенциальные угрозы и риски до того, как они материализуются. Например, системы GPT могут отслеживать платформы социальных сетей и онлайн-форумы, чтобы обнаруживать любые признаки потенциальной преступной деятельности. Оповещая правоохранительные органы об этих угрозах, GPT позволяет им принимать быстрые меры для предотвращения совершения преступлений.

Систему генеративного искусственного интеллекта также можно использовать для анализа записей видеонаблюдения, помогая правоохранительным органам более эффективно выявлять и выслеживать преступников.

– Вы говорили о форумах международных полицейских организаций по проблемам ИИ. Наверняка существуют и рекомендации этих форумов по безопасному использованию ИИ?

– Безусловно.

Например, Европейский союз в мае 2023 года завершил работу над законодательными мерами, направленными на регулирование систем ИИ в рамках готовящегося закона об ИИ. Но, несмотря на некоторые предложения о том, что системы ИИ общего назначения, такие как ChatGPT, должны быть отнесены к системам высокого риска и, как следствие, отвечать более высоким нормативным требованиям, остается неопределенность в отношении того, как это может быть практически реализовано.

В мае 2023 года на голосовании в Европарламенте депутаты предварительно одобрили усиленную версию Закона об искусственном интеллекте. После его принятия будут запрещены технологии распознавания лиц в общественных местах, а также применение полицией предиктивной аналитики.

Американцы таких запретов на государственном уровне не вводят.

В будущем всеобщая доступность больших языковых моделей может создать и другие проблемы: интеграция других сервисов ИИ (например, для создания синтетических медиа) может открыть совершенно новое измерение потенциальных приложений. Они могут включать мультимодальные системы ИИ, которые объединяют разговорные чат-боты с системами, способными создавать синтетические медиа, например, очень убедительные deepfakes, или содержать сенсорные способности, такие как зрение и слух. Другие потенциальные проблемы включают появление «темных ИИ», которые могут быть размещены в «темной паутине» для предоставления чат-бота без каких-либо гарантий, а также LLM, которые обучаются на определенных - возможно, особенно вредных - данных. Наконец, существует неопределенность относительно того, как LLM-сервисы могут обрабатывать данные пользователей в будущем - будут ли храниться разговоры, что может привести к раскрытию конфиденциальной личной информации неавторизованным третьим лицам? И если пользователи генерируют вредный контент, следует ли сообщать об этом правоохранительным органам?

Поскольку в ближайшем будущем ожидается рост влияния таких генеративных ИИ, крайне важно, чтобы правоохранительное сообщество подготовилось к тому, как их положительное и отрицательное применение может повлиять на их повседневную деятельность.

Учитывая потенциальный вред, который может быть нанесен в результате злонамеренного использования ИИ, крайне важно повысить осведомленность в этом вопросе, чтобы гарантировать, что любые потенциальные лазейки будут обнаружены и закрыты как можно быстрее.

Правоохранительным органам необходимо понять это влияние на все потенциально затрагиваемые сферы преступности, чтобы иметь больше возможностей для прогнозирования, предотвращения и расследования различных видов преступных посягательств.

Сотрудникам правоохранительных органов необходимо начать развивать навыки, необходимые для максимально эффективного использования таких моделей, как ChatGPT. Это означает понимание того, как можно использовать эти типы систем для накопления знаний, расширения имеющегося опыта и понимания того, как извлечь необходимые результаты. Это означает, что следователи и оперативные работники должны уметь оценивать контент, создаваемый генеративными моделями ИИ, с точки зрения точности и потенциальной предвзятости.

Поскольку технологический сектор вкладывает значительные средства в эту область, крайне важно взаимодействовать с соответствующими заинтересованными сторонами для обеспечения того, чтобы соответствующие механизмы безопасности оставались ключевым моментом, который постоянно совершенствуется.

Правоохранительные органы, вероятно, захотят изучить возможности создания специализированных ИИ, обученных

на их собственных, специализированных данных, чтобы использовать этот тип технологии в своей работе при условии учета основных прав. Такой тип использования потребует соответствующих процессов и мер предосторожности для обеспечения конфиденциальности информации, а также тщательного изучения и устранения любых потенциальных предубеждений до начала использования.

Крайне важно отслеживать другие возможные ветви этого развития, поскольку темные ИИ, обученные содействовать вредоносному выводу, могут стать ключевой криминальной бизнес-моделью будущего. Это создает новую проблему для правоохранительных органов, поскольку злоумышленникам станет как никогда легко совершать преступные действия без необходимых предварительных знаний.

Основываясь на международном опыте, Россия принимает упреждающие меры на этом направлении. В МВД России создано специализированное Управление по противодействию преступлениям в сфере информационно – коммуникационных технологий, с соответствующими подразделениями во всех субъектах РФ. Эта новая служба, наряду с традиционными проблемами борьбы с киберпреступностью, решает двуединые задачи – использование генеративного ИИ в борьбе с криминалом, и, одновременно, недопущения его применения в криминальной сфере.

– Что бы Вы пожелали читателям нашего журнала?

Хотелось бы выразить благодарность коллективу международного-научного издания «Евразийский юридический журнал» за предоставленную возможность поделиться своими мыслями и идеями и мыслями в ходе интервью. Желаю коллективу редакции издательства творческих успехов, а авторам - интересных материалов.

– Большое спасибо за содержательное интервью.

Интервью брали:

Бондаренко Александр Викторович
заместитель главного редактора
Евразийского юридического журнала,
кандидат философских наук,
доцент

Лукиянов Михаил Юрьевич
ответственный редактор
Евразийского юридического журнала,
кандидат политических наук,
доцент

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович

доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета Юстиции (РПА Минюста России)

ПАВЛЕНКО Ксения Ивановна

преподаватель кафедры гражданского и коммерческого права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета

СЕВЕРНЫЙ ПОТОК-2: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ГАЗОПРОВОДА

Статья посвящена одному из самых противоречивых проектов в энергетической политике Европейского союза – трубопроводу «Северный поток-2». Авторами рассматривается история создания проекта, анализируются правовые и экологические препятствия, с которыми столкнулся трубопровод на этапах строительства.

Ключевые слова: Северный поток-2, трубопровод, природный газ, Европейский союз (ЕС), энергетическая политика ЕС, санкции, международное энергетическое право.

MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich

Ph.D. in Law, Ph.D. in economical sciences, professor of Constitutional and international law sub-faculty of the St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

PAVLENKO Kseniya Ivanovna

lecturer of Civil and commercial law sub-faculty of the St. Petersburg State Maritime Technical University

NORD STREAM 2: INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS OF PIPELINE CONSTRUCTION

The article is devoted to one of the most controversial projects in the energy policy of the European Union – the Nord Stream 2 pipeline. The authors review the history of the project, analyze the legal and environmental obstacles that the pipeline encountered during the construction stages.

Keywords: NordStream 2, pipeline, natural gas, the European Union (EU), the EU energy policy, sanctions, international energy law.

Россия обладает крупнейшими запасами природного газа в мире. Основным производителем и экспортером России стала в конце 1970-х годов после того, как были открыты сибирские газовые месторождения и трубопроводы, проходящие по европейской части страны и за ее пределами. Масштабный экспорт в Западную Европу начался с трубопровода «Уренгой-Помары-Ужгород», построенного в 1984 году.

Транснациональный газопровод «Ямал-Европа», проходящий через территорию четырех стран (Россия, Белоруссия, Польша и Германия) был введен в эксплуатацию в 1999 году.

Первый «Северный поток», являющийся частью одной из веток газопровода «Ямал-Европа», соединивший Россию и Германию непосредственно по дну Балтийского моря, вступил в строй в 2011 году.

Известны и другие трубопроводы, такие как «Голубой поток», снабжающий Турцию, функционирующий с 2003 года и «Турецкий поток», снабжающий Турцию и юго-восточную Европу, действующий с 2020 года.

Международный проект газопровода «Южный поток», планировавшийся проходить напрямую из России в Болгарию по дну Черного моря, но от которого пришлось отказаться в 2014 году из-за возражений Европейской комиссии в связи с несоответствиями европейскому энергетическому законодательству.

Все вышеперечисленные трубопроводы принадлежат и управляются российской государственной компанией «Газпром» и ее дочерними компаниями.

Благодаря этим трубопроводам экспорт российского газа неуклонно растет. В то время как в 1973 году Советский Союз экспортировал в остальной мир всего 6,8 млрд. куб. м., к 2019 году экспорт России только в Европейский союз (ЕС) достиг 166 млрд. куб. м., что составило 43% от общего импорта газа ЕС. Таким образом, Россия экспортирует в ЕС больше газа, чем любая другая страна, опережая Норвегию (23 %) и

Алжир (6 %). В стоимостном выражении экспорт российского газа в ЕС в 2019 году составил 17,9 млрд долларов США, что составляет 11% от общего импорта товаров ЕС из России. В 2020 году эта цифра упала до 11,8 млрд долларов США из-за снижения цен на энергоносители и сокращения объемов, отчасти из-за экономических последствий пандемии коронавируса. За 2022 год экспорт «Газпрома» в страны ЕС составил 62 млрд. кубометров, а в 2023 году, исходя из текущего объема поставок, может упасть еще в 2,5 раза – до 23-25 млрд кубометров¹.

Остановимся подробнее на самом масштабном проекте трубопроводов – «Северном потоке-2», который изначально столкнулся с рядом трудностей, способствовавших задержке его строительства. Мысли о его строительстве возникли еще в 2011 году сразу после того, как была открыта первая линия нитки газопровода «Северный поток-1». «Газпром» и группа европейских энергетических компаний решили изучить возможность увеличения пропускной способности нового подводного маршрута.

4 сентября 2015 года во Владивостоке в рамках Восточного экономического форума было подписано Соглашение акционеров по реализации газопроводной системы «Северный поток-2» между ПАО «Газпром» и его иностранными партнерами Wintershall (подразделение BASF) (Германия), E.ON Ruhrgas (подразделение E.ON) (Германия), Engie (Франция), OMV (Австрия) и британско-нидерландский Royal Dutch Shell для увеличения поставок природного газа в Европейский союз. Проект реализовала проектная компания NordStream 2 AG. Газопровод соединил Россию и Германию

1 Что случилось с российским экспортом в ЕС после года конфликта. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.kommersant.ru/doc/5928636#:~:text=3a%202022%20год%20экспорт%20«Газпрома,до%2023–25%20млрд%20кубометров \(дата обращения: 01.09.2023\).](https://www.kommersant.ru/doc/5928636#:~:text=3a%202022%20год%20экспорт%20«Газпрома,до%2023–25%20млрд%20кубометров (дата обращения: 01.09.2023).)

напрямую через Балтийское море по маршруту, аналогично-му газопроводу «Северный поток-1»².

Первоначально строительство газопровода планировалось как совместное предприятие этих компаний, где 50% акций будет принадлежать ПАО «Газпром», а оставшиеся 50% будут разделены между пятью европейскими партнерами, каждый из которых вносил бы свой вклад в общий капитал в размере 9,5 млрд. евро. Но лидерами стран ЕС высказывалось много возражений по поводу геополитических рисков, энергетической безопасности. Польская компания УОКИК (Управление по охране конкуренции и потребителей) высказала опасения о том, что новый трубопровод усилит доминирование «Газпрома» на газовом рынке страны. Чтобы обойти возможный штраф, «Газпром» выкупил все 100% акций, а пять европейских энергетических компаний остались в проекте в качестве инвесторов.

В октябре 2020 года польское антимонопольное ведомство компания УОКИК снова вступило в борьбу с трубопроводом, наложив на «Газпром» рекордный штраф в размере 6,5 млрд. евро и штрафы в размере от 6 до 20 млн. евро на пять партнеров по проекту³.

Соблюдение энергетического законодательства ЕС было проблемой с самого начала проекта, и его ожидала та же участь, что и прерванный трубопровод «Южный поток». Помимо прочего, Газовая директива ЕС 2009 года⁴ требует разделения собственности на сети – иными словами, на внутреннем рынке ЕС производители газа не могут одновременно контролировать трубопроводы, по которым газ доставляется покупателям. Более того, другие производители также должны иметь недискриминационный доступ к этим трубопроводам.

Однако существовала некоторая неопределенность относительно того, в какой степени Газовая директива применима к трубопроводам, таким как «Северный поток-2», которые снабжают рынок ЕС, но физически расположены за его пределами. В сентябре 2017 года юридическая служба Еврокомиссии пришла к выводу, что «Северный поток-2» выходит за рамки законодательства ЕС (к аналогичному выводу пришла и юридическая служба Совета ЕС). Чтобы заполнить юридический вакуум, было рекомендовано провести международные переговоры с Россией. Однако мандат на такие переговоры, который потребовал бы единогласного одобрения всех участвующих на тот момент 28 государств-членов, так и не был согласован. Вместо этого ЕС решил внести поправки в Газовую директиву, чтобы она могла в конечном итоге применяться к «Северному потоку-2» – или, по крайней мере, к его 22 км в пределах территориальных вод Германии. В рамках компромисса, достигнутого в феврале 2019 года между представителями Комиссии ЕС, Совета ЕС и Парламента ЕС, было решено, что новые положения измененной Газовой директивы будут применяться к «Северному потоку-2» и другим аналогичным будущим трубопроводам, но не к уже существующим, таким как как первый трубопровод «Северный поток».

В соответствии с этими положениями национальный орган регулирования энергетики Германии несет ответственность за применение Энергетического закона ЕС для трубопровода; в мае 2020 года он отклонил заявку оператора «Северного потока-2» на освобождение от Газовой директивы утверждая, что трубопровод не был завершен в мае 2019 года, когда поправки вступили в силу.

NordStream 2 AG подала три отдельных юридических иска в отношении применения новых положений Газовой директивы, а именно: в немецкие суды, оспаривая решение немецкого регулирующего органа не освобождать трубопровод от пошлин; в судебные системы ЕС – в июле 2020 года апелляцию после того, как Генеральный суд признал ее жалобу неприемлемой; и в коллегии независимых арбитров в соответствии с Договором к Энергетической Хартии (Россия вышла из договора в 2009 году, но штаб-квартира NordStream 2 AG находится в Швейцарии, которая является его стороной)⁵.

Следующее препятствие постройке трубопровода – санкции. Санкции ЕС против российского энергетического сектора, первоначально принятые в июле 2014 года после начала конфликта на юго-востоке Украины, нацелены на не газовые дочерние компании «Газпрома» (Газпромбанк и нефтедобывающую компанию Газпромнефть), но в остальном оставляют газовый сектор нетронутым. Предположительно, решение об освобождении производителей газа от налога отражает зависимость ЕС от импорта из России. Напротив, США не импортируют российский газ, и их соответствующие меры с самого начала включали частную газовую компанию «Новатэк», а затем к ней присоединился «Газпром»; Эти меры ограничили инвестиции и кредиты в этих двух компаниях, но первоначально не были направлены на ограничение экспорта российского газа или трубопроводов, по которым он подается.

В 2017 году Закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA)⁶ расширил сферу санкций США, включив в них трубопроводы. Закон разрешал, но не требовал от президента США введения санкций против компаний, участвующих в строительстве новых экспортных трубопроводов российских энергоносителей. Первоначально никакие санкции не применялись, руководящие принципы Госдепартамента США по реализации ограничили сферу действия нового законодательства трубопроводными проектами, контракт на которые был подписан в августе 2017 года или после этой даты, исключая, таким образом, «Северный поток-2».

В отсутствие санкций США прокладка труб началась в 2018 году и продвигалась быстрыми темпами. Планировалось завершить постройку трубопровода в 2019 году, однако случилась задержка – Дания – единственное из пяти государств долгое время не выдавала разрешение.

Коалиционное правительство Дании пыталось помешать выдаче разрешения с помощью нового закона, позволяющего министру иностранных дел останавливать инфраструктурные проекты в территориальных водах по соображениям безопасности.

Свой отказ давать согласие, Копенгаген объяснял возможным негативным влиянием газопровода на судоходство и экологию, проводил все новые исследования и получал разные экспертные заключения (при этом Дания не испытывала никаких проблем в связи с таким же, уже действующим, газопроводом «Северный поток-1», который пролегает параллельно новому).

Первоначальный план заключался в том, чтобы трубопровод проходил через территориальное море Дании, но после почти двухлетней приостановки подачи заявки Nord Stream AG отозвала свою заявку и вместо этого подала заявку на прокладку трубопровода через исключительную эконо-

2 Акционеры подписали соглашение по «Северному потоку-2». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/news/590969> (дата обращения: 01.09.2023).

3 The Nord Stream 2 pipeline. Economic, environmental and geopolitical issues. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/690705/EPRS_BRI\(2021\)690705_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/690705/EPRS_BRI(2021)690705_EN.pdf) (дата обращения: 11.07.2023).

4 Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2009/73/ЕС от 13 июля 2009 г. относительно общих правил внутреннего рынка для природного газа и об отмене Директивы 2003/55/ЕС. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2570432/> (дата обращения: 31.08.2023).

5 The Nord Stream 2 pipeline. Economic, environmental and geopolitical issues. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/690705/EPRS_BRI\(2021\)690705_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/690705/EPRS_BRI(2021)690705_EN.pdf) (дата обращения: 11.07.2023).

6 Закон о противодействии противникам Америки посредством санкций от 2 августа 2017 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://european-court-help.ru/sankcionny-e-zakony-ssha-counterint-america-s-adversaries-through-sanctions-act-caatsa-zakon-o-protivodejstvii-protivnikam-ameriki-cherez-sankcii-ot-2017-goda/> (дата обращения: 15.09.2023).

мическую зону Дании, в результате чего необходимо было только получение экологического разрешения⁷.

Так, согласно ч. 1 статьи 58 Конвенции ООН по морскому праву, «в исключительной экономической зоне все государства как прибрежные, так и не имеющие выхода к морю, пользуются, при условии соблюдения соответствующих положений Конвенции, указанными в статье 87 свободами судоходства и полетов, прокладки подводных кабелей и трубопроводов и другими правомерными с точки зрения международного права видами использования моря, относящимися к этим свободам, такими как связанные с эксплуатацией судов, летательных аппаратов и подводных кабелей и трубопроводов, и совместимыми с другими положениями настоящей Конвенции»⁸.

В октябре 2019 года наконец была выбрана кратчайшая трасса через датские воды протяженностью 147 километров и на нее получено необходимое согласие.

Именно в этот момент США решили начать действовать: при двухпартийной поддержке Конгресса в декабре 2019 года Дональд Трамп подписал Закон о защите энергетической безопасности Европы (PEESA), включенный в Закон о полномочиях национальной обороны на 2020 год. PEESA предусматривает санкции для компаний, владеющие судами, участвующими в прокладке трубопроводов «Северный поток-2» и «Турецкий поток» на глубине более 100 футов (30 метров). PEESA не повлияла на «Турецкий поток», подводные участки которого к тому времени уже были завершены, но вынудила шведско-голландскую компанию Allseas выйти из проекта «Северный поток-2» и почти сразу же остановила строительство. Чтобы укрепить правовую основу для санкций США, в июле 2020 года Государственный департамент США опубликовал новые руководящие принципы, в которых говорится, что СААТСА (Закон о противодействии противникам Америки посредством санкций) в конечном итоге будет применяться к «Северному потоку-2», а в январе 2021 года в PEESA были внесены поправки, включающие несколько более широкое определение деятельности, связанной с трубопроводом. В том же месяце США добавили первые имена в санкционный список PEESA – «Фортуна», одно из двух судов, прокладывающих трубопровод, и его российских владельцев. Санкции не приветствовал министр иностранных дел Германии Хайко Маас, который обвинил Вашингтон во вмешательстве в европейскую энергетическую политику. Президент Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен также раскритиковала эти меры из-за угрозы, которую они представляют для европейских компаний, ведущих законный бизнес.

Отвечая на новости о PEESA в декабре 2019 года, премьер-министр Российской Федерации Д. А. Медведев заявил, что санкции не приведут к задержке строительства более чем на несколько месяцев⁹. В феврале 2020 года судно-трубоукладчик «Академик Черский» из «Газпрома» отправился в Европу с Дальнего Востока России, чтобы присоединиться к «Фортуне». Тем не менее, перспективы завершения оставались крайне неопределенными относительно того, сколько времени потребуется на адаптацию кораблей для прокладки «Северного потока-2», а также готовности западных компаний к сотрудничеству, учитывая вероятность дальнейших санкций США.

В феврале 2021 года укладка труб возобновилась. Несмотря на публичную критику со стороны президента США

Джо Байдена и госсекретаря Энтони Блинкена «Северного потока-2» как «плохой сделки», Вашингтон воздерживается от более жестких мер, которые могли бы остановить его строительство. 19 мая Э. Блинкен вновь заявил о своей «непоколебимой оппозиции» и объявил, что несколько имен, в том числе имена судов-трубоукладчиков, будут добавлены в санкционный список PEESA, однако фактически Вашингтон смирился с завершением строительства газопровода. Джо Байден признал, что, хотя он всегда выступал против этого проекта, было уже слишком поздно его останавливать, а санкции будут контрпродуктивными для трансатлантических отношений. Трубопровод не входил в число тем обсуждавшихся на саммите Россия – США между Джо Байденом и Владимиром Путиным в июне 2021 года в Женеве¹⁰.

Экология – еще одно препятствие постройке «Северного потока-2». Nord Stream 2 AG настаивала на том, что строит трубопровод «наиболее экологически чистым и устойчивым способом», в проекте использовались материалы местного производства, а маршрут был тщательно выбран, чтобы обойти уязвимые районы на дне Балтийского моря. Экологический мониторинг не выявил какого-либо долговременного ущерба от первого трубопровода «Северный поток», проходящего по аналогичному маршруту.

Однако экологические неправительственные организации (НПО) отмечали, что трубопровод проходит через несколько береговых и морских заповедников или затрагивает их, в том числе Кургальский заповедник в России и пять объектов сети охраняемых участков Natura 2000 в Германии. По их мнению, строительство уничтожило прибрежные водноболотные угодья, дюны и леса и угрожает таким животным, как морские тюлени. Дноуглубительные работы повредили морское дно, и в 2018 году в Балтийское море было выброшено до 140 кг токсичного жира, который впоследствии был выброшен на пляжи Германии. Экологи подали несколько исков против трубопровода в российские, немецкие и финские суды.

Благодаря Energiewende (концепция энергетического поворота) Германия предприняла усилия по переходу от ископаемого топлива к возобновляемым источникам энергии, тем самым помогая ЕС стать углеродно-нейтральным к 2050 году в соответствии с целью, поставленной Европейской комиссией в рамках «Зеленого соглашения» 2019 года. Доля возобновляемых источников энергии в энергетическом балансе ЕС неуклонно росла, достигнув почти 20 % в 2019 году, а к 2030 году планируется достичь 32,5 %. Однако, как это ни парадоксально, потребление природного газа также увеличилось – в период с 2014 по 2019 год на 19 % в ЕС в целом и на 24 % в Германии.

Природный газ чище, чем другие виды ископаемого топлива: он выделяет примерно на 50 % и 25 % меньше углекислого газа, чем уголь и бензин соответственно, при эквивалентной выработке энергии, и гораздо меньшие количества других загрязняющих веществ. Действительно, рост потребления газа связан с вышеупомянутым энергетическим переходом: несколько стран ЕС взяли на себя обязательство постепенно отказаться от угля; Германия, Бельгия и Испания планируют закрыть свои атомные электростанции (АЭС). Учитывая, что ЕС пока что еще не производит достаточного количества возобновляемой энергии, газ играет важную роль как надежное и менее загрязняющее переходное топливо.

NordStream 2 AG утверждает, что ее трубопровод чище, чем альтернативные источники газа, и генерирует примерно на треть меньше углекислого газа, чем сжиженный природный газ. Он также отличается и от других трубопроводов в лучшую сторону. Маршрут газопровода «Северный поток» примерно на 1000 км короче маршрута более старых трубопроводов, например, газопровода Ямал – Европа для поставок газа в Центральную Европу, а это означает, что для компрессорных станций требуется меньше энергии («Север-

7 Трубы готовы. «Северный поток-2» начнут строить и без разрешения Дании. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/363889-truby-gotovy-severnyy-potok-2-nachnut-stroit-i-bez-razresheniya-danii> (дата обращения: 01.09.2023).

8 Конвенция ООН по морскому праву. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 15.09.2023).

9 Медведев назвал срок задержки «Северного потока-2» из-за санкций США. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/23/12/2019/5e0e0e09a7947840e67be97> (дата обращения: 10.09.2023).

10 The Nord Stream 2 pipeline. Economic, environmental and geopolitical issues. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/690705/EPRS_BRI\(2021\)690705_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/690705/EPRS_BRI(2021)690705_EN.pdf) (дата обращения: 11.07.2023).

ному потоку-2» понадобится только одна такая станция на весь подводный участок), и меньше газа теряется в результате утечки по пути.

В 2020 году ЕС принял Водородную стратегию¹¹, направленную на разработку водорода как низкоуглеродного или безуглеродного топлива. Зеленый водород производится путем электролиза воды с использованием электроэнергии из возобновляемых источников, единственным побочным продуктом которого является кислород. Серый водород производится из природного газа, что приводит к выбросам углекислого газа, но его можно сделать более устойчивым за счет улавливания и хранения углерода, и в этом случае его называют голубым водородом¹². Потенциально «Северный поток-2» мог бы сыграть свою роль в снабжении Европы серым и синим водородом, но до сих пор остается много вопросов без ответа относительно того, как это может работать. В настоящее время у России нет достаточного количества возобновляемой энергии для производства зеленого водорода или достаточно больших хранилищ углерода для голубого водорода, а развитие мощностей для того и другого потребует значительных капиталовложений.

В то время как защитники «Северного потока-2» подчеркивают роль газа как переходного топлива, экологи отмечают, что для того, чтобы быть экономически жизнеспособным, трубопровод должен будет продолжать транспортировать большие объемы газа в течение десятилетий. В результате вместо того, чтобы постепенно отказываться от ископаемого топлива, рынки ЕС, скорее всего, продолжат его использование. Среди противников этого трубопровода – неправительственная организация Environmental Action Germany, которая в апреле 2021 года подала против него иск, ссылаясь на климатические последствия.

Относительно позиции ЕС по «Северному потоку-2» известно следующее. В 2006 году Европейская комиссия поддержала первый трубопровод «Северный поток», а комиссар по энергетике Андрис Пиебалгс заявил, что «чем больше у нас трубопроводов, тем надежнее поставки». По поводу «Северного потока-2» Комиссия напротив утверждает, что он не приносит никаких преимуществ в области энергетической безопасности. Тем не менее, по словам генерального директора Генерального директората по энергетике Дитте Юула Йоргенсена, при условии, что трубопровод будет соответствовать законодательству ЕС, Комиссия не будет пытаться остановить его, да и не имеет для этого никаких средств, учитывая, что решение о разрешении его эксплуатации должно быть принято немецким регулятором энергетики в соответствии с положениями Газовой директивы ЕС. Аналогичную позицию занял Верховный представитель ЕС Жозеп Боррель, который в своем выступлении перед Европейским парламентом назвал трубопровод делом частных компаний и Германии¹³.

Спорный газопровод «Северный поток-2» стал символом провалов энергетической политики Германии. Замораживание сертификации, задержки в сроках постройки, геополитическое обострение – все это показало непродуманность стратегии и привело к большим экономическим потерям. Целесообразно было бы определить основные направления международного сотрудничества государств по строительству «Северного потока-2» в международном межправительственном соглашении Российской Федерации и заинтересованных государств-членов ЕС. На данный момент в результате диверсии в сентябре 2022 года работа на газопро-

водах «Северный поток-1» и «Северный поток-2» приостановлена на неопределенный срок.

Пристатейный библиографический список

1. Акционеры подписали соглашение по «Северному потоку-2». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/news/590969> (дата обращения: 01.09.2023).
2. Водородная стратегия ЕС. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: EUR-Lex - 52020DC0301 – EN – EUR-Lex (europa.eu) (дата обращения: 18.09.2023).
3. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2009/73/ЕС от 13 июля 2009 г. относительно общих правил внутреннего рынка для природного газа и об отмене Директивы 2003/55/ЕС. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2570432/> (дата обращения: 31.08.2023).
4. Закон о противодействии противникам Америки посредством санкций от 2 августа 2017 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://european-court-help.ru/sankcionny-e-zakony-ssha-counteracting-america-s-adversaries-through-sanctions-act-caatsa-zakon-o-protivodejstvii-protivnikam-ameriki-cherez-sankcii-ot-2017-goda/> (дата обращения: 15.09.2023).
5. Классификация водорода по цвету. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://neftegaz.ru/tech-library/energoresursy-toplivo/672526-klassifikatsiya-vodoroda-po-tsvetu/> (дата обращения: 10.08.2023).
6. Конвенция ООН по морскому праву. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 15.09.2023).
7. Медведев назвал срок задержки «Северного потока-2» из-за санкций США. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/23/12/2019/5e00ec009a7947840e67be97> (дата обращения: 10.09.2023).
8. Трубы готовы. «Северный поток-2» начнут строить и без разрешения Дании. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/363889-truby-gotovy-severnyy-potok-2-nachnut-stroit-i-bez-razresheniya-danii> (дата обращения: 01.09.2023).
9. Что случилось с российским экспортом в ЕС после года конфликта. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5928636#:~:text=За%202022%20год%20экспорт%20«Газпрома,до%2023–25%20млрд%20кубометров> (дата обращения: 01.09.2023).
10. Francesca Morra. NordStream 2: TheLegalContext. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ispionline.it/en/publication/nord-stream-2-legal-context-17574> (дата обращения: 03.09.2023).
11. The Nord Stream 2 pipeline. Economic, environmental and geopolitical issues. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/690705/EPRS_BRI\(2021\)690705_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/690705/EPRS_BRI(2021)690705_EN.pdf) (дата обращения: 11.07.2023)

11 Водородная стратегия ЕС. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: EUR-Lex - 52020DC0301 - EN - EUR-Lex (europa.eu) (дата обращения: 18.09.2023).

12 Классификация водорода по цвету. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://neftegaz.ru/tech-library/energoresursy-toplivo/672526-klassifikatsiya-vodoroda-po-tsvetu/> (дата обращения: 10.08.2023).

13 Francesca Morra. NordStream 2: TheLegalContext. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ispionline.it/en/publication/nord-stream-2-legal-context-17574> (дата обращения: 03.09.2023).

СТЕПАНОВА Светлана Игоревна

студент 4 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической Школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

РАЗРЕШЕНИЕ СПОРОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ МОРСКОМ ПРАВЕ: РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ СУДЕБНЫХ ИНСТАНЦИЙ

Международное морское право играет важную роль в регулировании отношений между государствами, судами и другими участниками морской деятельности. Поскольку морская деятельность часто затрагивает несколько государств и юрисдикций, возникает немало вопросов о правильном урегулировании споров и конфликтов, которые могут возникнуть в этой области. В таких сложных ситуациях международные судебные инстанции выполняют значимую функцию по обеспечению справедливых результатов. Данная статья посвящена рассмотрению правовых аспектов международного разрешения морских споров, так как сегодня это особенно важно для поддержания правопорядка и разрешения конфликтов в морской сфере.

Ключевые слова: международное морское право, международные судебные инстанции, международный морской спор, Международный суд ООН, арбитраж.

STEPANOVA Svetlana Igorevna

student of the 4th course of the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DISPUTE RESOLUTION IN INTERNATIONAL MARITIME LAW: THE ROLE OF INTERNATIONAL COURTS

International maritime law plays an important role in regulating relations between States, ships and other participants in maritime activities. Since maritime activities often involve several States and jurisdictions, there are many questions about the proper settlement of disputes and conflicts that may arise in this area. In such difficult situations, international courts perform a significant function to ensure fair results. The article is devoted to the consideration of the legal aspects of the international settlement of maritime disputes, since today they are of particular importance for maintaining order and resolving conflicts in the maritime sphere.

Keywords: international maritime law, international courts, international maritime dispute, International Court of Justice, arbitration.

Учитывая тот факт, что все большее количество отношений между государствами становятся предметом международного права, задача добросовестного выполнения своих обязательств в области международного права представляется в настоящий момент особенно важной для каждого государства.

Несомненно, в ходе своей деятельности государства часто расходятся во мнениях друг с другом по какому-либо вопросу, что может привести к международному спору - конфликту интересов двух и более сторон из-за существующих между ними противоречий.

Вследствие чего, необходимо более подробно рассмотреть механизм разрешения споров в международном морском праве, поскольку в этом отношении Конвенция ООН по морскому праву 1982 года содержит ряд положений, регулирующих разрешение и предотвращение конфликтов между субъектами международного морского права, в том числе мирными средствами.

В международном морском праве особенно важна роль международных судебных инстанций в разрешении споров. Они предоставляют государствам и организациям возможность разрешать конфликты, касающиеся толкования и применения международного морского права, включая морские споры, эффективное использование морских ресурсов, разработку правил судоходства, защиту окружающей среды и другие вопросы.

Одной из основных международных судебных инстанций, занимающихся разрешением морских споров, является Международный суд ООН. Он является защитником законности для международного сообщества как в целом, так и за пределами ООН [1, с. 5]. Имеет компетенцию рассматривать

и разрешать дела, касающиеся споров между государствами в области международного морского права.

Кроме того, морские споры могут разрешаться посредством Арбитража и Специального арбитража. Эти международные судебные инстанции играют ключевую роль в обеспечении справедливости и стабильности в мировых морских отношениях, обеспечивая разрешение конфликтов в соответствии с международными стандартами и нормами.

Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву является одним из важнейших учредительных документов в международном праве. Этот документ не только регулирует использование крупнейшего в мире ресурса, но и содержит обязательную систему урегулирования споров - необычное явление в международном праве. Требуемая роль - механизма урегулирования споров в Конвенции определяется путем оценки его взаимосвязи с основными положениями.

Конвенция ООН по морскому праву 1982 года не только внесла всеобъемлющие существенные изменения в морское право, но и ввела систему обязательной юрисдикции, которая включала создание постоянного международного трибунала, Международного Трибунала по морскому праву (Трибунал). Конвенция, по-видимому, наделяет этот Трибунал очень широкой юрисдикцией - он открыт для государств, не являющихся сторонами, и, возможно, способен рассматривать споры, выходящие за рамки тех, которые основаны на Конвенции [1, с. 3].

Однако, несмотря на потенциальную широту его юрисдикции и очевидную обязательность, содержащуюся в Конвенции, с момента своего создания Трибунал рассматривал очень ограниченное число и объем дел, отчасти потому, что

у сторон спора есть другие варианты вынесения судебного решения. Отсюда возникает вопрос о целесообразности его применения¹.

Обратимся к определению роли Международного Суда ООН в разрешении морских споров. Когда страны оказываются в тупике, например, по поводу делимитации морских границ, они могут обратиться в Международный суд за справедливым и беспристрастным разрешением. Основная роль Международного суда заключается в разрешении правовых споров между странами. Как главный судебный орган Организации Объединенных Наций, Международный суд уполномочен рассматривать дела, связанные с территориальными претензиями, включая морские границы [2, с. 133].

Юрисдикция Международного суда основана на согласии участвующих стран. Национальные государства добровольно передают споры в суд, принимая полномочия Международного суда выносить обязательное решение. Это согласие демонстрирует признание опыта и беспристрастности Международного суда при разрешении сложных правовых вопросов.

Что касается роли арбитража в разрешении морских споров, в Конвенции ООН по морскому праву сказано: «если стороны не приняли одну и ту же процедуру (например, Международный трибунал по морскому праву), то спор может быть передан только в Арбитраж»².

Арбитраж в морской отрасли является наиболее распространенной практикой по сравнению с судебным разбирательством, которое требует больше времени и затрат, поскольку дает сторонам преимущество в разрешении дела в соответствии с их собственными потребностями. Он также помогает сторонам более специализированно подходить к рассмотрению дела и затрагивать каждый его аспект.

В качестве арбитра при рассмотрении претензий государств по морскому праву могут выступать Постоянная палата третейского суда в Гааге (РСА) или созданный (обычно при участии РСА) арбитражный трибунал *ad hoc*. На примере РФ можно выделить Морскую арбитражную комиссию (МАК) при Торгово-промышленной палате РФ (МАК), действующую на основании Закона РФ от 7 июня 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже»³ и Международный коммерческий арбитражный суд – ведущее и постояннодействующее арбитражное учреждение в России, осуществляющее преимущественно международный коммерческий арбитраж [3, с. 170].

Статья 1 приложения 7 Конвенции ООН по морскому праву определяет, что любая сторона в споре может передать спор в арбитраж, предусмотренный настоящим Приложением, путем письменного уведомления другой стороны или сторон спора⁴.

Арбитраж обычно возникает, когда между двумя сторонами появляется спор относительно условий, содержащихся в договоре между ними, и только в том случае, если они не согласны выступать посредниками между собой. Существует

сложная сеть трибуналов, созданных для рассмотрения морских вопросов как на межгосударственном, так и на транснациональном уровне.

Обычно вопросами, связанными с морскими спорами, являются вопросы оплаты, мертвый фрахт, вопросы простоя и фрахта, убытки, морское страхование, контракты на экспедирование, перегрузку и композицию, контракты на мультимодальные перевозки, контракты на ремонт, строительство или продажу судов, ущерб портовым сооружениям, загрязнение окружающей среды и т.д.

Количество международных морских споров значительно меньше, и они носят разовый характер, что требует согласия обеих сторон в отношении процедур. Ежегодно рассматривается значительное количество дел, связанных с морскими спорами. Увеличение объемов торговли посредством судоходства между странами привело и к значительному росту числа морских споров.

В связи с ежегодным ростом числа морских споров для решения всех этих вопросов создается специализированный арбитражный центр. В настоящее время стороны спора включают в свой контракт оговорку *ex ante*, чтобы в будущем стороны могли решить дело путем взаимного назначения беспристрастного арбитра для разрешения коммерческого морского спора между сторонами.

Во время правового регулирования морских споров суды также учитывают определенные обстоятельства, которые могут повлиять на их решения. Эти факторы включают применимые международные договоры, национальные законы, правовые принципы и прецеденты. Толкование и применение этих источников права судами играет ключевую роль в формировании исхода споров⁵.

Таким образом, совершенно очевидно, что в международном морском праве роль международных судебных инстанций в разрешении споров играет важное значение. Они предоставляют государствам и организациям возможность разрешать споры, касающиеся толкования и применения международного морского права.

Пристатейный библиографический список

1. Jalan B., Tamantirto, Kasihan, Bantul, Daerah I. Y. Diplomacy in Maritime Environmental Disputes in The Perspective of International Court Law // Universitas Muhammadiyah Yogyakarta. - 2021. - P. 1-24.
2. Киселев А. С. Принцип мирного разрешения конфликтов в пределах Мирового океана и типология международных территориально-морских споров // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. - 2010. - № 1. - С. 130-135.
3. Никитин Г. А. Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате России (МКАС) // Вестник науки. - 2019. - № 12 (21). - С. 170-174.

1 The International Tribunal for the Law of the Sea: A Great Mistake? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.repository.law.indiana.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1319&context=ijgls>.

2 Конвенция ООН по морскому праву от 26.02.1997 N 30 – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» - Текст: электронный.

3 Закон РФ «О международном коммерческой арбитраже» от 7.07.1993 № 5338-1 – Доступ из СПС «Гарант» - Текст: электронный.

4 Конвенция ООН по морскому праву от 26.02.1997 № 30 – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» - Текст: электронный.

5 The Role of Courts in International Marine Dispute Resolution. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sealawcentral.com/maritime-dispute-resolution/international-marine-dispute-resolution/> (дата обращения: 08.11.2023).

LANCELOT G. Wills

postgraduate student of International law sub-faculty of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Head of the Customs Oil Department of the Guyana Tax Administration

UTI POSSIDETIS, ITA POSSIDIETAS. 'THEN AND NOW'

This article sets forth the fundamental objective of briefly tracing the origin of the *Uti Possidetis* principle through the stages of private roman law application and its transition to international law as a principle of customary international law with eventual wider application in determining title to territory. It concludes with examples of the application of this principle amid other instruments, employed as an instrument in the determination of title in the jurisprudence of International Courts and Tribunals.

Keywords: *De facto*, *De jure*, Treaty of Tordesillas, *Uti Possidetis*, Interim Measures, Doctrine, Sovereignty, Latin America, Territory.

ЛАНСЕЛОТ Г. Уиллс

аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, руководитель таможенного нефтяного управления Налогового управления Гайаны

UTI POSSIDETIS, ETA POSSEDEATIS. «ТОГДА И СЕЙЧАС»

В статье подвергается анализу принцип *Uti Possidetis* и его формирование с учетом этапа применения в римском частном праве и его перехода в международное право в качестве принципа международного обычного права с возможным более широким применением при определении права собственности на территорию. Рассматривается применение данного принципа в судебной практике международных судов и трибуналов.

Ключевые слова: де-факто, де-юре, Тордесильясский договор, *Uti Possidetis*, обеспечительные меры, доктрина, суверенитет, Латинская Америка, территория.

Origin

The legitimizing of the post-colonial State and the concomitant establishing of its boundaries required legal bases of title, one of which aptly but not without opposition has served the roman private law principle of *uti possidetis, ita possideatis*, commonly referred to as '*Uti Possidetis*', a legal institution which translators have equated variously with the concepts "as you possess, so shall you possess" or "who owns by fact, owns by right".

This expression in the first field of application- roman law, had the onerous primary purpose of prohibiting any interference in the possession of immovable property on the basis of an interdict by a roman magistrate (*praetor*) [1], in accordance with the fundamental principle of property acquisition: without stealth, nor force, nor license (*nec vi, nec clam, nec precario*), a presumptive right, granting temporary reprieve for continued possession, which today is at significant variance with international law, as regards the theoretical underpinnings. In essence, this redounded to, and served as a principle of legal protection, reflected in both *jus civile* and *jus gentium*- law among romans and law of equity among all respectively, and featured prominently though evolving with the passage of time, in the *ius commune* with its groundings in Justinian's *Corpus Juris Civilis* (529-534). It is also inherent in canon law of the catholic church as mirrored in the *Corpus Juris Canonici* (1580) [2].

When all free inhabitants of the Roman Empire became citizens in AD 212, the boundaries between *jus civile* and *jus gentium* eroded to the extent that they both lost traction and merged with noted convenience; facilitating inevitable adjustments in the field of application of the principle.

Lautherpacht H. (1897-1960), who came from the German legal tradition in which roman law assumed great repute prior to the codification of civil law in 1899, held firmly to the belief as espoused in his seminal thesis on the subject [3], that private roman law provided justified sources of analogies to supplant international legal principles, and in so doing he rejected the doctrine proposed by positivists that once treaties and customs could not adequately address the issue at hand it was non liquet, 'unclear', hence an obvious void was created in regulation by international law, a *lacunae* which does not enable definitive determinations. This he argued was a falsehood, since the opportunity was thereby provided for positive innovation, hence the practical application of roman law analogues to international law.

Indeed, it is of note, that other institutions of law inherited the theoretical salience of roman law conceptualizations. For example, contract law serves as the premise of law of treaties, the nexus of state responsibility and torts law is undeniable, and servitude, mandate and other such legal institutions are of roman ancestry. It is equally important to observe that the core of the municipal law systems of the civil law tradition constitutes roman law, and that it impacts English law to a lesser; but profound magnitude.

The rules for territorial acquisition during the 15-th century were in hindsight obviously antiquated, with the patriarchal structure of society dictating that territories were conveyed among Monarchs and nobility as properties. However, following Columbus' purported discovery of the New World in 1492, the novel relationship between the newly arrived colonizer and the colonized, required new dispensations of regulation, and much later in the early 19th century, with the emergence of new states in an atmosphere of political liberation in Latin America, the convenient application of the *uti possidetis* principle to state succession upon independence, sought to justify the heritage of the new State in regards to its boundaries. The fact that the need for and use of this principle continue to be attested to by scholars of international law, demonstrates its utility and functional scope.

As Shaw notes: "specifically, the international system needs to provide rules for the transmission of territorial limits in relation to such changes in sovereignty" [4].

At the same time however, one could not ignore the strong semblance to the roman law institution of adverse possession, as if it were a template for the *uti possidetis* principle, with the latter requiring some modification. Even at face value differences are immediately evident between the roman concept of property acquisition, the accompanying conduct-*nec vi, nec clam, nec precario*, and the contemporary notion of territorial sovereignty- i.e. peaceful possession versus no regard for the mode of acquisition with possession inevitably leading to permanent ownership, neatly packaged in the *de jure* method of territorial acquisition, with legal title prevailing over the *de facto* mode of existence. Nonetheless, justification of the legality of claim required tailoring in order to effectively support acquisition.

Indeed, throughout its evolution, the principle of *uti possidetis* in its application has been subjected to modifications by way of legal interpretation and adaptation to specific circumstances. Testimonies to the creative application and adaptation of the principle to the resolution of matters of boundary delimitation are replete, as abundant as the varying theories of its misapplication, and questions as to whether it is considered a *bona fide* principle of international law, customary law or else.

Lautherpacht H. in justifying the role and need for the application of roman private law analogues to international law as it relates to institutions such as *Uti Possidetis*, invoked Article 38 of the Statute of the Permanent Court of International Justice (PCIJ) on the general principles of law recognized by civilized nations as one of the sources of international law, which the Court should apply, thereby contributing avidly to the discourse as regard the normative nature of this private roman law institution, and its relevance as a principle of customary international law.

In its present-day interpretation, the principle of *uti possidetis* is contextually applied to new independent and liberated States freed from colonial occupation, dissolved federated states and instances

when the delimiting of boundaries whether maritime and / or land, becomes necessary, having been transported from roman law as an assertion of sovereignty over territory. It is, widely contended however, that the analogy has been misleading [5].

As far as new independent and liberated States are concerned, the doctrine holds that title to the colonial territory devolves to the local authorities and prevails over any competing claim based on occupation, which displaces the phenomenon of self-determination in the process, to the extent that the geographical domain previously administratively controlled by the colonial States are the new borders, which then become by extension; international boundaries.

The practice of according title by the *uti possidetis* customary norm was first employed in Latin America upon the attaining of independence of the respective colonies. An antecedent condition was that the land was *terra nullius* -belonging to no one- and therefore could be subject to acquisition by occupation, notwithstanding the sometimes pronounced presence of indigenous populations; to whom the Europeans paid no regard.

All that was required was to 'merely justify to a competing colonial power as to who had a better claim and not an absolute one' [6].

The application of this customary norm was both evolutionary and revolutionary, especially in terms of demonstrating how a localized legal customary norm could be resorted to and crystallized without new state practice and opinion juris, which further attests to its utilitarian function and applicability under certain prevailing conditions. Use of the norm in international law is attributed to the Portuguese diplomat Luis da Cunha who resorted to its application in order to justify his country's claims to territory in colonial Latin America, though some have attributed this to Luso-Brazilian diplomat Alexandre de Gusmao.

In fact, while the demarcation of Latin American States was conducted mainly by the redrawing of old internal administrative boundaries of the former Spanish empire in accordance with the customary norm of *uti possidetis juris*, this was not so with Brazil, where it was premised on a *de facto* situation [7].

Subsequent to Columbus' purported discovery of the new world, in 1494 Spain and Portugal with Papal mediation, divided the undiscovered world along an imaginary line running from pole to pole- north to south as per the Treaty of Tordesillas. The lands to the west of the line were to go to Spain, and those to the east to Portugal, which resulted in the opinion of Brazil- in the grossly unequal claim to South American territory, with Brazil allotted a narrow strip on the eastern end of the continent. However, as new forays led to new conquests and riches, the Luso-Brazilians and subsequently the Brazilians, expanded aggressively to the west and south of the Tordesillas line, eventually establishing a huge singular territory based on the application of *uti possidetis de facto*, as first articulated in the Treaty of Madrid 1750.

Terms of the Treaty stipulated that "each party must stay with what it now holds" and that "the boundaries of the two domains are...the sources and courses of the most notable rivers and mountains" [8], which in fact authorized the Portuguese to retain the lands they had occupied at the expense of an at times acquiescent Spain. As a consequence, Brazil remains the only state to expressly embrace *Uti Possidetis de facto* [9] as reflected in the Treaty of El Pardo 1778, which operationalized the principle between Spain and Portugal following the annulling in 1761 by Charles III of Spain in of the Treaty of Madrid 1750. The customary norm's *de facto* application entailed the physical ownership of the lands occupied as a matter of fact, which involves a humongous area of 1810 km, bordering 10 States.

As a localized Latin American regional norm therefore, the formulation of the now principle of customary international law, related to the territorial boundaries of the newly independent states which mimicked those of the former colonial masters. The *ratione materiae* qualifier in this formulation it applied to 'territorial boundaries', and the *ratione personae* element of 'ex-Spanish colonies in Latin America,' were considered central elements of the legal norm. However, the necessity of delimiting new boundaries as a consequence of independence especially, led to the invoking of the adopted roman principle, serving to not only avert the contestation of both land and maritime boundaries, but also to prevent re-colonialization of the Latin American continent under the guise of *terra nullius*.

In this regard, the tendency to preserve the status quo is amply demonstrated by the Monroe Doctrine of 1823, which postulates that while the United States would not interfere in European Affairs, it recognized and would not interfere with existing colonies in the Americas, and the western hemisphere was closed to colonization. In a corollary in 1904, President Theodore Roosevelt in a speech hinting to the policing powers the US sought to assume in Latin

America, warned against foreign aggression to the entire body of American nations- thereby creating the conditions for the definition of the American sphere of influence, a policy which seems to have emulated the papal creation of spheres of influence viz the 1494 Treaty of Tordesillas, among others.

The stability new boundaries experienced premised on this customary norm in 1810 in the Peru-Ecuador Border dispute, which had its origin in as to which, and to whom Spain issued Royal Cedula (Proclamations) in an effort to precisely define its colonial territories, and again in the Honduras Border cases of 1821 in particular; made this an attractive proposition in border dispute resolution, and inevitably, to its wider application beyond Latin America, in sometimes not so similar circumstances.

A primary example and leading authority on this serves the ruling of the International Court of Justice (ICJ) in The Case Concerning the Frontier Dispute (Burkina Faso/Republic of Mali). In 1983 Upper Volta now (Burkina Faso) and Mali notified the International Court of Justice by a Special Agreement referred to a Chamber of the Court, the question of the delimitation of part of the land frontier between the two States [10]. By the end of 1985 on the heels of incidents between their armed forces, the two parties submitted parallel requests to the Chamber for the indication of interim measures of protection, which was done in 1986. The Chamber noted that:

Its obvious purpose is to prevent the independence and stability of new states being endangered by fratricidal struggles provoked by the challenging of frontiers following the withdrawal of the administering power...At first sight, this principle conflicts outright with another one, the right of people to self-determination. In fact, however, the maintenance of territorial status quo is often seen as the wisest course to preserve what has been achieved by peoples who have struggled for their independence, and that it resulted in the boundaries of the colonies being transformed into international frontiers in the instant case, as is reflective of a photograph of the territory at that moment of independence, at the critical date [11].

This posture was later embraced in the pronouncements of the (Robert) Badinter Commission as regards the dissolution and transfer of power in the USSR, FSRY and the CSR [12].

Undoubtedly, while not a peremptory principle of law from which no derogation can be sought, *Uti Possidetis* transitioned with wider general application to various continents and scenarios, particularly Africa and Asia in both maritime and land disputes resolution, as a principle of customary international law. It is resorted to in the jurisprudence of the ICJ, Article 38 of which qualifies it as applicable as an international custom- as evidence of a general practice accepted as law. The application in terms of *ratione personae* and *ratione materiae* by now, was adjusted to address States in Africa, Asia and Europe, newly independent, with unsettled territorial and or maritime boundaries, and formerly federated States.

A dilemma historically arose in most cases whereby the departing colonial power failed to delineate the administrative boundaries clearly between domains, or simply relied on the continued observance of administrative practice as the basis for determining borders. The fact that the vastness of some domains did not allow for the establishing of structurally effective administrative authority with some degree of consistency or geographic definitiveness, did not make the situation easier when determining boundaries. Such a situation obtained in the Honduras Borders (Guatemala/Honduras) case, before the Special Boundary Tribunal constituted by the Treaty of July 16, 1930, between the Republics of Guatemala and Honduras of 1933, in which it observed that particular difficulties are encountered in drawing the line of *uti possidetis* 1821 by reason of the lack of trustworthy information during colonial times with respect to a large territory in dispute.

Title to Territory and *Uti Possidetis*

Another key moment in the operation of the principle in international law is its association with the granting of title to territory, which is commonly defined as 'a vestitive fact of territorial sovereignty' or 'a source of territorial sovereignty' [13].

In 1648, two treaties of Westphalia were concluded, as a consequence of which the 80 years and 30 years wars in Europe were brought to a notional end, with an estimated loss of around 8 million lives. These wars were rooted in religion and conquests, and the two treaties of Munster and Osnabruck brought significant relief to the Holy Roman Empire, though brief and interspersed it were. The Peace of Westphalia however, is considered a decisive step in establishing territorial independence of the Roman Empire, and introduced by a reference thereto, the notion of sovereignty of all associated parties thereto.

It was much later however, that the nexus was established between Sovereignty and territorial boundary by the Permanent Court of Arbitration (PCA), when it held that 'one of the essential

elements of sovereignty is that it is to be exercised within territorial limits, and that, failing proof to the contrary, the territory is co-terminus with sovereignty' [14].

As new States emerged in Latin America between the period 1810-1826, (except for the Spanish colonies of Cuba and Puerto Rico, Suriname and British Guiana {French Guiana is an overseas territory of France}), the title to territories became essential in establishing sovereignty over the respective domains. This led to numerous conflicts in the absence of clear administrative divisions, supposed *terrae nullius*, and doubts as to *animus corpus* and *animus domini*-effective control and intention to do so.

It is helpful to invoke the undermentioned concepts at this stage, in an effort to lend greater clarity to the subject matter. Legal literature establishes territory can be subject to four common regimes: sovereignty, *res nullius*, *res communis*, and *terra nullius*. *Res nullius* is territory which may be acquired by a State but has not yet been granted sovereignty, *res communis*- the common heritage of mankind which cannot be governed by a State, and *terra nullius*-territory that has never belonged to any state, none of which remain on planet earth today.

In the Award of the Tribunal of Arbitration rendered in conformity with the Special Agreement concluded on January 23, 1925, between the United States of America and the Netherlands relating to the arbitration of differences respecting sovereignty over The Island of Palmas (or Miangas) of 1928, the application of the substantive law to be applied, namely the rules on territorial sovereignty were considered, and the sole Arbitrator Max Huber made the link between sovereignty and independence, which later came to be defined as characteristics of a State.

Classical international law recognizes occupation, accretion, cession, conquest (or subjugation) and prescription as modes of acquisition of title, which yet again, are analogues borrowed from roman law in relation to acquisition of land by private persons, and which places in perspective the necessity for operation of the principle of *Uti Possidetis* when considering the emergence of new states from a former federated structure or colonialism.

Courts, Tribunals and Uti Possidetis

It is noted that in the jurisprudence of Courts and Tribunals, States have resorted to claims in territorial disputes which can be categorized conventionally into classes relating to: Treaties, geography, economy, culture, effective control, history, *uti possidetis*, elitism and ideology.

Treaties once not defective, are relied upon as a primary source of evidence when disputing territorial claims. In essence, the fact that parties to a treaty can relinquish historical and other claims under a treaty, attests to its preeminence as a means of creating legal expectations with the voluntary engagements of the parties. These may contain dispute resolution provisions aimed at amicable settlement, and can be resorted to, to demonstrate consent of previous sovereigns whenever there is a transfer of sovereignty, and to establish where borders stood at a particular historic moment. Additionally, in its jurisprudence on territorial disputes, the ICJ has demonstrated a tripartite hierarchical approach that takes into account first treaty law, *uti possidetis* and finally- effective control.

Cases may come either by referral through a special agreement (*compromis*) between two or more parties, by a treaty provision which commits disputes arising under the treaty to the Court, or by the parties' statements of compulsory jurisdiction. Territorial claims may be subsumed by any of the nine above-listed categories, which are adjudicated on the basis of the application of Article 38 of the Court's Statute, which specifies what the court applies in the deciding of disputes brought before it. As such, jurisprudence is molded in a template that asserts; should there not be a treaty, then resort to the adjudicating of claims is deferred to the other three modes i.e., customs, principles, judicial decisions or teachings, with the possibility of the application of one or more of these modes.

Uti possidetis it should be noted, is also applied in maritime disputes, even though it may not have always featured as the primary determinant. The interplay of reliance on various sources of claims resolution, including *uti possidetis*, and the case-specific approach to border dispute resolution through the ages in various parts of the world, impacted such cases as *Preah Vihear* (Cambodia v. Thailand, 1962), the *Beagle Channel* (Argentina vs. Chile, 1972), *Continental Shelf* (Tunisia/ Libyan Arab Jamahiriya 1982), *Arbitral Award*, (Guinea vs. Guinea Bissau 1985), *Frontier Dispute* (Burkina Faso v. Republic of Mali, 1986), *Guinea-Bissau v. Senegal Award*, 1989, *Land Island and Maritime Frontier Dispute* (El Salvador/Honduras/ Nicaragua Intervening, 1972), and *Territorial and Maritime Dispute* (Nicaragua v. Honduras-Caribbean Sea, 2007).

Uti Possidetis Today

Even though opinions on its utility remain diverse, the principle today is applied to maintain and internationalize the administrative boundaries inherited upon the dissolution of federated States, where it continues to find regulatory relevance, thereby continuing to

Impact the delineation of new borders and importantly; to provide a relatively more objective metric for their delimitation, in preference to ethnic, political or any other such bases, which would obstruct international peace and stability; unless the parties involved agree otherwise.

Conclusion

Uti Possidetis has survived the ages on account of the creativity of those who applied its basic tenets to the circumstances of the day, primarily for reasons of boundary stability, preservation of territory and peace.

The latitude it offers in dispute resolution, and the multi-dimensional considerations which may support its adoption militate against it becoming a *jus cogens* norm, particularly given varied subjective factors attached to acquisition of title to territory requiring deferral to other modes of titling, in which regard, a treaty with express consent to its provisions, or the effective administration of a territory may equally prove definitive given the particular circumstance.

The *Uti Possidetis* principle's *ratione personae* and *ratione materiae* have been expanded to address States in Africa, Asia and Europe, newly independent, with unsettled terrestrial and or maritime boundaries, and formerly federated States.

In a world of mostly-settled boundaries. It is the unsettled boundaries which will determine its continued relevance, unless it once again evolves; the capability to do which, history affirmatively attests to.

Bibliography

1. Palestine, *Uti Possidetis Juris*, and the Borders of Israel, Abraham Bell & Eugene Kantorovich, *Arizona Law Review*, Vol. 58: 633.
2. Note-Includes official collections of roman ecclesiastical legislation commencing circa 1141.
3. H. Lauterpacht, *Private law Sources and Analogues of International Law* (With Special reference to International Arbitration) (1927).
4. *The Heritage of States: The Principle of Uti Possidetis Today*, Shaw M., London, Oxford University Press, *British Yearbook of International Law*, 1996, Vol. 67, p. 76.
5. Nesi, Giuseppe (2011). "Uti Possidetis". In Wulfrum, Rudiger (ed.) *The Max Planck Encyclopedia of International Law*. Vol. X. Oxford. Retrieved 30 May 2023.
6. Benton, Lauren; Straumann, Benjamin (2010). "Acquiring Empire by Law: From Roman Doctrine to Early Modern European Practice". *Law and History Review*. American Society for Legal History. 28 (1); 1-38.
7. *Belgian Review of International Law*. E-ditions BRUYANT, Bruxelles. 34 (1): 23-99.
8. *Treaty of Paris*, Virtual Library of the Inter-American Peace Initiatives, 2023.
9. *Drawing a Better Line: Uti Possidetis and the Borders of New States*, Steven R. Ratner *The American Journal of International Law*, Vol. 90, No. 4 (Oct., 1996), pp. 590-624 (35 pages), Published By: Cambridge University Press.
10. Malcolm N. Shaw, *The Heritage of States: The Principle of Uti Possidetis Today*, 67 *Brit. Y. B. INT'L L.* 75, 115 (1996), at page 104-106-11.
11. *Frontier Dispute, Judgment*, (Burkina Faso/Republic of Mali), I.C.J. Reports 1986, p. 568.
12. Mirzaev F., *The Principle of Uti Possidetis in contemporary International Law and its Application in post-soviet space: Theory and Practice // Law and Politics* No. 6(54). 2004. C. 43-53.
13. Brownlie, *Principles of Public International Law* (6th edn, 2003), at 129.
14. *North Atlantic Coast Fisheries* (United Kingdom v. United States), *Permanent Court of Arbitration. II Reports of Intl'l Arbitral Awards* (1910) 167, at 180.s.

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович

доктор юридический наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН

«БИТВА КНИГ». «ДОКТРИНА ДВУХ СФЕР». ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ СВОБОДНОГО МОРЕПЛАВАНИЯ – ОСНОВНОГО КАТАЛИЗАТОРА ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Статья посвящена одному из аспектов генезиса международного права, а именно концепции свободного мореплавания. Великие географические открытия и последовавшие за ними колониальные захваты европейских государств вызвали потребность в новых философско-правовых доктринах, которые служили бы обоснованием решения острых проблем, возникших в результате столкновения интересов различных стран. Таким образом, именно Великие географические открытия оказали решающее воздействие на развитие международного права, поставив перед монархами и учеными новые проблемы, которые требовали концептуального осмысления. Это, по мнению автора, служит доводом в пользу экстерналистского понимания генезиса права: право развивается не изнутри себя, а реагируя на внешние стимулы, будь то развитие производительных сил или новые географические открытия. А сегодняшние события на Красном море свидетельствуют о том, что эскалация безрассудных атак йеменских хуситов на мирные корабли угрожает свободному потоку торговли и нарушает международное право. Тем самым поставлена под угрозу концепция свободного мореплавания, на которой веками базировалось международное морское право.

Ключевые слова: «Битва книг», «Доктрина двух сфер», Великие географические открытия, Ойкумена, Тордесильясский договор, Сарагосский договор, «папский меридиан», «свободное море» Гуго Гроция, «закрытое море» Джона Селдена.

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich

Ph.D. in Law, leading researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

“BATTLE OF THE BOOKS”. “THE DOCTRINE OF TWO SPHERES”. THE EMERGENCE OF THE CONCEPT OF FREE NAVIGATION – THE MAIN CATALYST FOR THE FORMATION OF INTERNATIONAL LAW

The article is devoted to one of the aspects of the genesis of international law, namely the concept of free navigation. The great geographical discoveries and the subsequent colonial conquests of European states created a need for new philosophical and legal doctrines that would serve as the basis for solving acute problems that arose as a result of the clash of interests of different countries. Thus, it was the Great Geographical Discoveries that had a decisive impact on the development of international law, posing new problems for monarchs and scientists that required conceptual understanding. This, according to the author, serves as an argument in favor of an externalist understanding of the genesis of law: namely, law does not develop from within itself, but only in response to external stimuli, be it the development of productive forces or new geographical discoveries. And today's events in the Red Sea demonstrate that the escalation of reckless attacks by Yemen's Houthis on civilian ships threatens the free flow of trade and violates international law, thereby jeopardizing the concept of free navigation on which international maritime law has been based for centuries.

Keywords: “Battle of the Books”, “The Doctrine of Two Spheres”, Great geographical discoveries, Ecumene, Treaty of Tordesillas, Treaty of Zaragoza, “papal meridian”, “free sea” by Hugo Grotius, “closed sea” by John Selden.

Великие географические открытия, ставшие историческим водоразделом между двумя эпохами - Средневековьем и Новым Временем, обозначили новые векторы в процессе формирования мирового порядка. Международный порядок в период глобальных географических открытий сильно осложнился, и новые международные отношения потребовали воздействия международно-правовых рычагов. К этому времени уже сформировались некоторые идеи и принципы, а также тренды и паттерны, которые играли в дальнейшем важную роль в формировании мирового политического порядка [1]. Эта беспрецедентная в мировой истории эпоха привела к тому, что мировой океан трансформировался в единую взаимосвязанную цивилизационную систему [2]. Ойкумена, т.е. освоенная человечеством часть мира, в течение двух веков приобрела невиданные до сих пор масштабы.

Карл Шмитт писал, что открытие Нового Света вызвало революционные изменения в самовосприятии европейских народов. Европа автоматически превратилась в «Старый Свет». Хотя она по-прежнему считала себя центром цивилизации, разработанные ранее универсально применимые кон-

цепции в связи с открытием Нового Света пришлось менять [3].

Идеологическим и юридическим обоснованием позиций сторон стали политико-правовые трактаты «Свободное море» Гуго Гроция и «Закрытое море» Джона Селдена, а также работы других авторов. Этот научный спор во многом определил развитие международного морского права. Открытие Нового Света повлекло за собой передел Старого Света, таким образом дав толчок развитию международного права [18].

Последствия Великих географических открытий были огромны. Во-первых, они запустили процесс формирования единой системы международных отношений, которая окончательно сложится уже в XIX в. Пути и центры торговли переместились от Средиземного и Балтийского морей к берегам Атлантического, Тихого и Индийского океанов. С той поры в международных отношениях Европы главную роль начали играть государства, расположенные в непосредственной близости к этим новым центрам. Таковыми державами оказались Португалия, Испания, Нидерланды,

Фархутдинов И. З.

Франция и Англия [4]. Атлантика фактически превратилась во «внутреннее море» европейских держав. По мере экономического освоения Западного полушария объемы торговли все время росли; из периферии Европа превратилась в один из центров экономической системы, теперь уже носившей глобальный характер. Это в немалой степени способствовало процессу «восхождения Запада», характерного для эпохи Нового времени.

В этой ситуации миром владел тот, кто владел морем. Такая международная обстановка объективно требовала межгосударственной регламентации мирового судоходства. Поэтому именно Великие географические открытия и возникновение в связи с этим глобальных мирохозяйственных связей постепенно приводят к формированию общего международного права. Но все же его катализатором стало международное морское право. Оно становится по преимуществу договорным, а роль и значение церкви в становлении новых норм международного права неуклонно падает. Необходимо отметить, что в рассматриваемый период еще не было общего для всех государств международного права, но в трудах мыслителей можно встретить отдельные высказывания по этим вопросам.

Попутно отметим, что в XVI столетии появляется понятие суверенитета, которое тесно связано также прибрежными морскими водами. Оно было выдвинуто и научно обосновано французским политическим мыслителем Ж. Боденом (1530-1596) в его произведении «Шесть книг о республике», вышедшем в 1576 г. Под суверенитетом понималась абсолютная и постоянная власть монарха. В последующих веках понятие суверенитета было воспринято международным правом, и с тех пор суверенитет признается необходимым юридическим свойством государства.

В этот период появилась так называемая Доктрина двух сфер, отделявшая заморские земли от «основной» европейской политики. Эта доктрина фактически стала легализацией колониальной экспансии. На первых порах обширные территории Нового Света носили особый международно-правовой статус, права на владение ими принадлежали Испании. В связи с этим проникновение Франции, Англии и Нидерландов в Карибское море изначально имело незаконный характер, тем более что европейские державы, формально признавая колониальную монополию Мадрида, придерживались по отношению к заморским владениям Испании доктрины «никакого мира за чертой» и негласно поощряли корсарские рейды в Новый Свет [2].

Благодаря Великим географическим открытиям и быстрому развитию капиталистических отношений в Европе происходят значительные изменения в социально-экономической сфере [5]. Речь идет о недоговорных порядках формирования международных отношений. Бурное развитие транснациональной морской торговли обусловило появление специальных норм, регулирующих глобальное судоходство, которые составили основы международного морского права.

Международный порядок в период масштабных географических открытий сильно осложнился. Основные начала права, формирующие международные отношения, вытекают из задачи и цели международного общения, писал профессор Санкт-Петербургского университета, классик европейского международного права Ф. Мартенс [6]. Новые международные отношения потребовали воздействия международно-правовых рычагов. Именно под влиянием открытий новых торговых путей и новых стран накопленные международно-правовые учения начали эволюционировать в практику международного права.

Развитие морской торговли обусловило появление специальных норм, касающихся ведения морских войн. В этот период получили дальнейшее развитие такие мирные способы разрешения международных споров, как посредничество

и арбитраж. Стали заключаться специальные договоры об арбитражном разбирательстве. Возрастают масштабы деятельности дипломатической службы.

Испания и Португалия заключили в 1494 г. под эгидой, как это было принято, Папы Римского (Александра VI) Тордесильяский договор, разделив между собой весь мир за пределами Европы. Демаркационная линия раздела («папский меридиан») проходила примерно вдоль меридиана 50° западной долготы. Моря и земли к востоку от этой линии отходили Португалии, а те, что располагались западнее – Испании.

На основе папской буллы и последовавших за нею испано-португальских договоров (Тордесильяский 1494 г. и Сарагосский 1529 г.). Испания и Португалия разделили между собой не только многие земли, омываемые водами Атлантического, Тихого и Индийского океанов, но и огромную часть водных пространств этих трех океанов. Эти двусторонние договоры создали уникальную геополитическую ситуацию – океаническое пространство формально оказалось в монопольном владении Португалии и Испании, которые первыми ступили на путь колониальной экспансии.

Свои права на заморские земли Мадрид и Лиссабон обосновали тремя аргументами: папскими пожалованиями, международными договорами, правом первого открытия [7]. Как отмечает Е. В. Тарле, «договор, следовательно, исключал из права владения какие бы то ни было державы, которые могли бы выступить на поприще открытий» [8].

Столь категорическое пренебрежение интересами остальных государств провоцировало полемические выпады. Например, король Франции Франциск I (1515-1547) иронически просил показать ему завещание Адама, передающее заморские земли в пользу Испании и Португалии [9]. Неудивительно, что универсалистская модель мировой гегемонии пиренейских держав с первых лет существования попала под жесткое давление новых военно-морских держав (Франции, Англии, Нидерландов), в свою очередь начавших борьбу за контроль над морскими коммуникациями и приступивших к созданию заморских владений в Вест-Индии и Ост-Индии.

Ситуация начала меняться с наступлением XVII в., что нашло отражение в мирных договорах, содержавших территориальные уступки со стороны Испании и Португалии. Внутренним рубежом стал конец XVII – первая треть XVIII вв., характеризовавшийся кардинальным изменением колониальной системы. В основу нового порядка легли международные соглашения (Мадридский, Ренсбургские, Рисвикские и Утрехтские мирные договоры), юридически зафиксировавшие права новых колониальных держав на владение заморскими территориями. Установление новых границ в Западном и Восточном полушариях и, в частности, превращение вест-индских островных владений Испании в колонии Англии, Франции и Нидерландов привели к крушению системы «папского раздела» и закату идеологии «нет мира за чертой» [2].

Для обоснования своих прав на эксплуатацию Североамериканского континента французы, как и испанцы, стали апеллировать к «праву первооткрытия». Следует подчеркнуть, что, хотя в соответствии с Доктриной двух сфер разного рода конфликты и инциденты, происходившие в колониях между подданными различных держав, не должны были влиять на отношения метрополий, это, во-первых, отнюдь не исключало обратного воздействия – европейской политики на колониальную; во-вторых, полностью снять прямое влияние также было невозможно [10].

К началу XVII в. Мадрид *de facto* признал за другими европейскими державами право на колониальную экспансию и владение колониями в незанятой испанцами части Нового Света. Папский раздел Земного шара утратил свое значение, став достоянием истории. В известном трактате «О праве войны и мира», впервые опубликованном в 1625 г., Г. Гроций

подверг резкой критике тот порядок, при котором «церкви принадлежали права, простиравшиеся на народы неведомой до тех пор части света». Ссылаясь на свидетельства Евангелия, слова апостола Павла и Иоанна Златоуста, Гроций доказывал, что церкви не может принадлежать светская власть.

Столетняя борьба соперников с Испанией закончилась победой Англии над Непобедимой армадой Испании в 1588 г., поэтому Тордесильясский договор фактически утратил всякую силу задолго до официальной его отмены в 1777 г. [8]. Становление Британии как морской державы, когда военно-морской флот начал играть значительную роль, привело в дальнейшем к образованию мощнейшей морской державы в мире, а также гигантской колониальной империи, игравшей важную роль в мировой политике. По выражению Фернана Броделя, «Британские острова, долгое время бывшие на краю света, у оконечности Европы, сделались после Великих открытий отправной точкой плаваний к новым мирам» [11].

К началу XVII века англичане и французы осознали, что применяемая в своих крайних формах («никакого мира за линией») Доктрина двух сфер препятствует нормальному развитию морской торговли и колоний, но она продолжала применяться и после крушения этих притязаний еще в течение достаточно долгого времени [7].

Таким образом, великие географические открытия запустили процесс формирования единой системы международных отношений, которая утвердится в XIX в. Впервые был установлен контакт европейской и американской систем международных отношений [20].

Великие географические открытия оказали решающее воздействие на развитие международного права, поставив перед монархами и учеными новые проблемы, которые требовали концептуального осмысления. Идеологическим и юридическим обоснованием позиций сторон стали политико-правовые трактаты «Свободное море» Гуго Гроция и «Закрытое море» Джона Селдена, а также работы других авторов. Этот научный спор во многом определил развитие международного морского права, и был назван англичанами «битвой книг» (the battle of the books).

Тогда теоретическими обоснованиями изменений выступили А. Джентили, Дж. Селден и У. Велвуд. Джентили выдвинула идею, что море подчиняется не собственности (dominium), а государственной власти (imperium) и юрисдикции (jurisdictio), и поэтому государство способно продлить свою территорию на море. Среди этих концепций одним из важнейших стал принцип «свободного моря» («mare liberum»), впервые сформулированный упомянутым выше Гуго Гроцием. Как справедливо подчеркивает И. В. Лукшин, «на этой концепции, ставшей впоследствии всеобъемлющей, базируется в настоящее время свобода судоходства» [12].

В противостоянии Англии и Голландии в начале XVII в. нашли свое конкретное воплощение «две основные концепции отношения государств к морским пространствам, исходившие из морской политики государств и определявшие то или иное отношение к ним... первая концепция – *Mare Nostrum*, – возникшая в период Римской империи, определяла распространение юрисдикции государств на огромную территорию морских пространств. Она основывалась на мощи государств, наличии военного и торгового флотов, стремлении морских держав к расширению своих территорий и владений, освоении новых рынков, господстве на морских коммуникациях». Носителем данного принципа долгое время была Великобритания, осуществлявшая принцип *England rules the seas*. В указанный период апологетами «закрытого моря» были Уильям Велвуд и Джон Селден.

На повестку дня был поставлен вопрос о возможности свободного судоходства в Мировом океане. Если для Голландии был выгоден свободный доступ к колониям, так как она обладала крупнейшим флотом, дававшим ей решающее преимущество в конкурентной борьбе, то для Англии

предпочтительнее был вариант суверенитета прибрежных государств над морскими пространствами, потому что он позволял компенсировать отставание в численности кораблей выгодами географического положения.

Всему этому предшествовали зародившееся на рубеже XVI-XVII вв. события англо-голландского соперничества, которые открыли новую страницу в истории международных отношений. Последовавший в 1609 г. запрет английского короля Якова I на рыболовство у берегов Англии, Шотландии и Ирландии без королевского дозволения фактически давал Англии право препятствовать свободе торгового мореплавания на Ла-Манше и в Северном море. Голландское правительство еще до выхода официального указа поручило Гуго Гроцию составить юридическое опровержение, частью которого стала книга «Свободное море» [13]. Автор доказывал полную необоснованность чьих бы то ни было притязаний на право запрещать другим нациям свободно ходить по морю и пользоваться морем на всем его протяжении.

Голландия, по выражению Карла Маркса, была образцовой капиталистической страной XVII столетия; ее главнейшей экономической базой являлась обширнейшая колониальная и заграничная торговля, обеспеченная исключительно мощным флотом и сделавшая главный город Голландии Амстердам крупнейшим торговым центром Европы [14, с. 755].

Международно-правовая наука, которая была тогда в зачаточном состоянии, должна была доказывать или отрицать право голландцев ловить рыбу в английских водах. Следовало определить пределы «английских вод» и установить возможность принадлежности кому-либо моря или его части [9].

Голландская Ост-Индская компания прибегла к помощи Гуго Гроция в качестве юриста [13]. Гроций должен был в интересах своего клиента доказать, что португальцы незаконно запрещают Голландии вести торговлю в Индийском океане, а потому последние имели право по естественной справедливости начать войну с ними в форме пиратских захватов. Первым полемическим трудом Гуго Гроция с обоснованием прав голландских моряков стал трактат «Комментарии о праве добычи» (1604-1605 гг.). Автор не стал утяжелять текст деталями конкретного судебного дела и анонимно издал в 1609 г. под названием «*Mare Liberum*» («Свободное море») только главу XII, носившую теоретический и обобщающий характер, снабдив ее соответствующей вступительной частью, в которой давал определение предмету своих рассуждений. В нем Гроций доказывал два тезиса: 1) по праву народов судоходство для всех; 2) голландцы сохраняют право на индийскую торговлю (а также могут защищать его с оружием в руках) [15]. Для доказательства неправомерности чьих бы то ни было претензий на обладание морскими просторами Гроций прибегает как к общефилософским, так и к собственно юридически доводам.

Первым британским оппонентом Гроция стал известный шотландский юрист Уильям Велвуд, автор трактатов «Краткое изложение всех морских законов» (1613) и «О собственности на море» (1615). Велвуд своими публикациями стремился создать правовую базу для защиты экономической деятельности британцев. В первом трактате он доказывает, что свободы рыболовства, в отличие от свободы мореплавания, нигде не существует, а во втором пытается обосновать уже возможность установления в некоторых случаях исключительных прав прибрежных государств на территориальные воды.

В 1615 г. Гроций написал ответ с критическим анализом позиции оппонента – «В защиту Пятой главы „Свободного моря“, опровергаемой Уильямом Велвудом». Это сочинение было пронизано примирительными мотивами и содержало призыв к Велвуду воспринимать «*Mare Liberum*» как доказательство права голландцев на свободную торговлю в Ост-

Индии, а не как оправдание лова ими сельди близ Шотландии [16].

«Битву книг» продолжил трактат Джона Селдена «Закрытое море» 1635 г. («Mare clausum»), содержание которого оправдывало притязания Англии на присвоение морских просторов. Автор, естественно, сталкивался с необходимостью объяснить отрицание подобных прав Испании и Португалии, и он объясняет данное противоречие отсутствием у пиренейских государств силы, способной подкрепить эти права. Сформулированную Гроцием главную идею трактата «О праве войны и мира» о том, что военная сила не может подменять собой право, а естественные законы продолжают действовать даже в период войны, Селден игнорировал.

Как и Велвуд, Селден доказывал, что голландский ученый смешивает свободу мореплавания со свободой рыболовства. Мол, во многих государствах уже ограничена даже свобода плавания; что, по естественному праву, по праву народов и по соглашению наций, суверенитет Англии над окружающими морями простирается до границ соседних государств, а в направлении океана территорию еще нужно уточнить, но плавание и торговля в этих водах, в любом случае, допускаются лишь с разрешения английских властей [17].

Принцип свободного моря настолько глубоко затрагивал интересы государств Западной Европы, что немедленно вызвал горячую полемику в среде юристов, которая продолжается и по сей день. По мнению А. Л. Колодкина, главным пунктом разногласий стал изначальный юридический статус открытого моря: либо это *res nullius* (ничейная вещь), либо *res communis* (вещь общего пользования). Очевиден второй вариант, ибо ничейной вещью каждый может завладеть, а формула *communis* не предполагает общего суверенитета и собственности, а значит, море неотчуждаемо. Фундаментальность принципа «свободного моря» заключается также в том, что он обладает такими существенными чертами, как универсальность и императивность, обобщая другие, менее общие принципы, нарушение любого из которых является нарушением принципа «свободного моря» [19].

Фундаментальность принципа «свободного моря» заключается также в том, что он обладает такими существенными чертами, как универсальность и императивность, обобщая другие, менее общие принципы, нарушение любого из которых является нарушением принципа «свободного моря» [9].

Доктрина свободного мореплавания, оформившаяся в процессе этой ученой полемики, в итоге утвердилась в качестве основы современного морского права, на ней базируется современная свобода судоходства.

Правила, регулировавшие публично-правовые отношения государств на морях и в океанах, создавались и накапливались на протяжении нескольких столетий главным образом в качестве международных обычаев. Причиной этой медлительности были проявлявшиеся на протяжении многих десятилетий острые противоречия между государствами по таким кардинальным вопросам, как свобода мореплавания и рыболовства, ширина и правовой режим территориального моря и другие. Лишь потом по конкретным и сравнительно узким вопросам мореплавания государства начали заключать международные соглашения, которые юридически утвердили концепцию свободного мореплавания.

По мнению автора, «Битва книг» и правовое разрешение этой битвы служит хорошей иллюстрацией зависимости правовых концепций и практик от экономического базиса и наглядно демонстрируют направление причинно-следственных связей. «Море» стало юридической проблемой только вследствие возможностей экономического обогащения, которое оно стало с собой нести вследствие Великих географических открытий. Из-за изменившейся мировой конфигурации «море» было концептуализировано и проблематизировано юристами, вовлечено в сферу нарождавшегося международ-

ного права и, после плодотворной «Битвы книг», проблема была решена.

Пристатейный библиографический список

1. Гринин Л. Е. Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем // История и современность. 2016. Выпуск № 1 (23).
2. Копелев Д. Н. Колониальная экспансия европейских держав и феномен морского разбоя в XVI - первой трети XVIII вв. М., 2014.
3. Carl Schmitt. "Staatliche Souveranitaet und freies Meer" in "Das Reich und Europa". Leipzig, 1941.
4. Gretchen Murphy. Hemispheric Imaginings: The Monroe Doctrine and Narratives of U.S. Empire. Durham: Duke University Press. 2005.
5. Дунаев А. Л. Понятия "система" и "порядок" в историографии международных отношений: трудности интерпретации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 2. С. 20.
6. Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. СПб., 1895. С. 17.
7. Акимов Ю. Г. Доктрина двух сфер и международно-правовой статус колониальной экспансии европейцев (вторая половина XVI – начало XVII вв.) // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 6: 2004. № 3. С. 126-131.
8. Тарле Е. В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV – начало XIX в.). М.; Л.: Наука, 1965.
9. Волков С. Пером и шпагой за свободное море. Век XVII // Международная жизнь. 2009. № 2. С. 6-7.
10. Акимов Ю. Г. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII - начале XVIII в. Издание второе, переработанное и дополненное. СПб.: Изд. СПбГУ, 2005
11. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 361.
12. Лукшин И. В. Международно-правовой режим Мирового океана и неурегулированные вопросы суверенитета государств // Право и политика. 2002. № 2. С. 62-66.
13. Волков С. Ю. Политико-правовая доктрина Гуго Гроция в учебном курсе российских вузов: исторические и теоретические аспекты // Интеграция образования. 2015. Т. 19. No 3. С. 43-51.
14. Маркс К. Капитал. Т. I. М.: Госполитиздат, 1948. 794 с.
15. Grotius H. The Free Sea. Indianapolis: Liberty Fund, 2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oll.libertyfund.org/titles/859> (дата обращения: 20.12.2014).
16. Bull H., Kingsbury B., Roberts A. Hugo Grotius and International Relations. N.Y.: Oxford University Press, 2002. 387 p.
17. Armitage D. The ideological origins of the British Empire. Cambridge: University Press, 2001.
18. Farkhutdinov Insur. The Mysterious and Obvious in American Diplomacy: From Monroe to Trump. Cambridge Scholars Publishing, 2020. (1.1. Ecumene: hemispheric imaginings in international law) P. 6-9.
19. Колодкин А. Л. Современное международное морское право: научные исследования. Охрана морской среды. Торговое и военное мореплавание. М.: Наука, 1978.
20. Фархутдинов И. З. Американская доктрина о превентивном ударе от Монро до Трампа: международно-правовые аспекты. М.: Инфра-М, 2021. С. 110-121.

АЛИЕВА Мадина Низамовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ГАДЖИЕВ Али Гамидович

магистрант 3 курса кафедры конституционного и международного права Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ИНСТИТУТ НЕЙТРАЛИТЕТА В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В условиях формирования многополярного мира, глобализации международной системы происходит трансформация системы международных отношений, что влечет за собой изменение, возможно даже прекращение существования устоявшихся и проверенных временем институтов международного права. В рамках данной научной работы предпринимаются попытки исследования современного состояния и определения тенденций развития института нейтралитета в условиях сложившихся политических реалий. В научной литературе все чаще поднимаются вопросы декларативности и изживания политики нейтралитета. В данном контексте особый интерес вызывают современные государства-нейтралы, обосновывающие изменение своей политики невозможностью абстрагирования в эпоху интернационализации и глобализации от международных конфликтов.

Ключевые слова: институт нейтралитета, политика нейтралитета, государства-нейтралы, Швейцария, Швеция, Финляндия, Австрия, НАТО, специальная военная операция, коллективная безопасность, глобализация, интеграция.

ALIEVA Madina Nizamovna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and international law sub-faculty of the Dagestan State University, Makhachkala

GADZHIEV Ali Gamidovich

magister student of the 3rd course of Constitutional and international law sub-faculty of the Dagestan State University, Makhachkala

THE INSTITUTE OF NEUTRALITY IN THE PERIOD OF ARMED CONFLICT: MODERN CHALLENGES AND PROBLEMS OF INTERPRETATION

In the context of the formation of a multipolar world, the globalization of the international system, the transformation of the system of international relations is taking place, which entails a change, perhaps even the cessation of the existence of established and time-tested institutions of international law. Within the framework of this scientific work, attempts are being made to study the current state and determine trends in the development of the institute of neutrality in the context of the prevailing political realities. The issues of declarativity and the elimination of the policy of neutrality are increasingly being raised in the scientific literature. In this context, modern neutral states are of particular interest, justifying the change in their policies by the impossibility of abstracting from international conflicts in the era of internationalization and globalization.

Keywords: institute of neutrality, policy of neutrality, neutral states, Switzerland, Sweden, Finland, Austria, NATO, special military operation, collective security, globalization, integration.

Изменение системы международных отношений, формирование многополярного мира выступают основными чертами, определяющими контуры современного миропорядка. Становление нового миропорядка, как правило, сопровождается трансформацией подавляющего большинства институтов международного права. Одним из институтов, подвергшихся радикальной модификации, выступает нейтралитет. Несмотря на то, что институт нейтралитета является одним из самых статичных в международном праве, в настоящее время все чаще поднимается вопрос об утрате его актуальности в современных условиях [1, с. 86].

События, начавшиеся в феврале 2022 г., ознаменовали формирование совершенно нового мироустройства. Именно они в корне перевернули значение и интерпретацию института нейтралитета в современных международных отношениях.

Наиболее острые изменения политики нейтралитета произошли в европейских государствах, а именно в Швейцарии, Финляндии и Швеции.

Рассматривая феномен швейцарского нейтралитета, следует начать с того, что превалирующая часть исследова-

телей в области международного права и международных отношений связывают возникновение нейтралитета с возникновением «Швейцарской нации» [3, с. 6]. Присоединение Швейцарии к программе НАТО «Партнерство ради мира» положило начало неоднозначности и двусмысленности швейцарского нейтралитета, поскольку данный шаг продемонстрировал предпочтение преимуществам партнерского участия в объединенной Европе [2, с. 294]. Еще одним показательным знаком неоднозначности политики нейтралитета Швейцарии является поддержка Берном экономических пакетов санкций против РФ, а также запрета на покупку, импорт и транспортировку российского золота с момента начала специальной военной операции (далее - СВО). На этот счет высказался бывший лидер Швейцарской народной партии Кристофер Блохер, определив данные действия как «фактически лишаящие страну нейтралитета» [4]. Примечательно, что Швейцария, оказывая Украине гуманитарную помощь, запрещает другим странам использовать свои внутренние ресурсы для оказания помощи сторонам конфликта.

Фактически, усиление интеграции Финляндии и Швеции с НАТО начало происходить с момента присоединения

Крыма к РФ в 2014 г. [6, с. 14]. Начало СВО послужило толчком к назревавшему доселе вопросу о присоединении данных североевропейских стран к НАТО [9, с. 24]. В апреле 2023 г. Финляндия стала первой из двух стран, получившей членство в НАТО. По сути, возникла весьма противоречивая ситуация, ведь «в стремлении сохранить свой суверенитет обе страны готовы сделать шаги к отказу от него» [5, с. 30].

Говоря о сохранении статуса нейтралитета Австрийским государством, следует отметить, что общественное настроение о необходимости пересмотра статуса страны, нашедшее свое отражение в прессе, было пресечено на корню К. Нехаммером (федеральным канцлером), высказавшем, что «Австрия была, есть и будет нейтральным государством» [10]. Австрия выразила отказ от поставок оружия на территорию Украины, посчитав, что это неприемлемо со стороны государства, поддерживающего статус нейтрального. Эксканцлер Австрии С. Курц также подчеркнул: «Австрия не обладает большой армией и не несет статус сверхдержавы. Мы являемся нейтральным государством и не представляем военной угрозы для других стран» [11]. Однако, несмотря на приверженность Австрии политике нейтралитета, не будет неожиданностью усиление интеграции с НАТО, так как она является активным участником Берлинского процесса, а также заинтересована в недопустимости усиления позиций Китая, РФ и Турции на Западных Балканах.

Специфика современной интерпретации института нейтралитета кроется в его противоречии с коллективной безопасностью, что привело к «возобновлению дискуссии о соотношении нейтралитета и потребностей коллективной безопасности в современных условиях, особенно учитывая усиление в последнее десятилетие военного сотрудничества с НАТО Финляндии и Швеции» [7, с. 106]. По сути, неоднозначное отношение государств-нейтралов к противоречию между нейтралитетом и коллективной безопасностью является свидетельством парадокса нейтралитета как одновременного выражения изоляционизма и интернационализма. Так, «исторически существовала дихотомия понятий нейтралитета и коллективной безопасности. Вторая мировая война и события, ей предшествующие, показали, с одной стороны, проблематичность их сосуществования, а с другой стороны, выявили ограниченность понимания в рамках традиции международной дипломатии рубежа XIX – начала XX века. Тем не менее, период холодной войны во многом возродил традиционное понимание нейтралитета и его принципов, так как у нейтральных государств появилась возможность лавирования между интересами глобальных политических акторов, повышающая их международный статус. Послевоенный мировой порядок с его противостоянием двух политических систем благоприятствовал нейтралитету как способу определения своей политической ниши» [7, с. 108].

Таким образом, с учетом современных реалий, практики международных отношений, не приходится говорить о нейтралитете в традиционном понимании. Государства-нейтралы интерпретируют политику нейтралитета не как «изолированность» от происходящих в мире процессов и негативных вызовов глобализации, а как «неприсоединение к военным блокам» [8, с. 124]. Данный подход к пониманию политики нейтралитета позволяет государствам сохранять «руки развязанными» в отношениях с военными альянсами, избирательно интегрироваться в те или иные институты.

Проанализировав особенности нейтралитета европейских государств на современном этапе, можно сделать вывод, что слова первого Генерального Секретаря ООН Трюгве Ли

о том, что институт нейтралитета и международные организации находятся на разных плоскостях системы международных отношений и с учетом сложившихся политических реалий находятся под сомнением. По мнению некоторых исследователей, выбор в пользу политики нейтралитета в определенный исторический период сложно назвать свободным, так как он был вызван необходимостью сохранения государства свободным.

Пристатейный библиографический список

1. Вежливцева Н. Ю. Нейтралитет Финляндии как часть её национальной идентичности // Вестник МГИМО Университета. – 2019. – № 2 (65). – С. 86-100.
2. Карсанова Е. С. Современные контуры швейцарского нейтралитета // Власть. – 2023. – Т. 31, № 3. – С. 291-297.
3. Кобзарь Н. В. Швейцарский нейтралитет // Вести научных достижений. – 2021. – № 12. – С. 6-9.
4. «Мы совершили большую ошибку»: в Швейцарии готовят разворот на 180 градусов. – РИА Новости. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20221115/politika-1830748666.html> (дата обращения: 09.12.2023).
5. Плевако Н. Шведский и финский нейтралитет. В прошлом? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2022. – № 2 (26). – С. 24-31.
6. Белинский А. Казнить нельзя, помиловать! Австрийский нейтралитет на весах истории // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 2022. – № 65 (81). – С. 11-16.
7. Кривов С. В., Толкачев В. В. Нейтралитет: интеграционные процессы в Европе // Современная Европа. – 2019. – № 5 (91). – С. 100-110.
8. Черникина, В. Н. Модели нейтралитета европейских стран // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2019. – № 1 (19). – С. 115-126.
9. Понамарева А. Финляндия на пороге НАТО: общественное измерение отказа от нейтралитета // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 2022. – № 65 (81). – С. 17-24.
10. Heute. Nehammer über Neutralität: «Frage stellt sich nicht». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.heute.at/s/nehammer-ueber-neutralitaet-frage-stellt-sich-nicht-100207562> (дата обращения: 09.11.2023).
11. Servus TV. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.servustv.com/aktuelles/v/aahw9csr9frlwacg09g6/> (дата обращения: 09.11.2023).

ГУЛЯЕВА Елена Евгеньевна

кандидат юридических наук доцент кафедры международного права Дипломатической академии МИД России

О ВОЗНИКНОВЕНИИ И РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО НОРМОТВОРЧЕСТВА В ЭПОХУ М. М. СПЕРАНСКОГО (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

В статье освещается вопрос об особенностях систематизации норм международного права в имперский период становления российского государства. Автор анализирует особенности системы международных отношений, принятые международные договоры в период классического международного права, посвященные в том числе защите прав человека и основных свобод в эпоху великого русского реформатора М. М. Сперанского. Автор приходит к выводу, что в эпоху М. М. Сперанского нашли свое отражение в законодательстве имперской России постулаты Великой Французской революции.

Ключевые слова: систематизация, нормы международного права, концепция, договоры должны соблюдаться (*pacta sunt servanda*), принципы международного права, всеобщий характер.

GULYAEVA Elena Evgenjevna

Ph.D. in Law, associate professor of International law sub-faculty of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia

ON THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL NORM-SETTING IN THE ERA OF M. M. SPERANSKY (THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY)

The article highlights the issue of the peculiarities of the systematization of the norms of international law in the imperial period of the formation of the Russian state. The author analyzes the features of the system of international relations, the international treaties adopted during the period of classical international law, including those devoted to the protection of human rights and fundamental freedoms in the era of the great Russian reformer M. M. Speransky. The author comes to the conclusion that in the era of M. M. Speransky, the postulates of the Great French Revolution were reflected in the legislation of imperial Russia.

Keywords: systematization, norms of international law, concept, treaties must be respected (*pacta sunt servanda*), principles of international law, universality.

Гуляева Е. Е.

М. М. Сперанский (1772-1839), русский общественный и государственный деятель, широко известен как законодатель и основоположник теоретического правоведения в России. В науке международного права гораздо меньшее внимание уделяется деятельности и взглядам М. М. Сперанского на вопросы дипломатии и внешней политики России в ходе наполеоновских войн в Европе. Будучи приближенным к императору Александру I, он участвовал в визитах императора за рубеж, был свидетелем проводившихся встреч и переговоров. Свои взгляды он изложил в ряде документов, касающихся внешней политики. Нельзя не напомнить, что впервые идея создания принципа разделения властей в России была предложена в начале XIX века также выдающимся реформатором М. М. Сперанским.

К XVIII в. относится возникновение первых отечественных концепций международного права, авторы которых либо принимают и перерабатывают постулаты западной естественно-правовой теории, среди которых В. Т. Золотницкий (1711-1790 гг.) [6], Я. П. Козельский (1735-1794 гг.) [10, с. 143-267], либо критикуют их с точки зрения «историзма» позитивного направления, в частности, С. Я. Десницкий (1740-1789 гг.) [4, с. 201-244]. Выдающимся мыслителем в области международного права того времени являлся также В. Ф. Малиновский (1765-1814 гг.), автор знаменитого трактата «Рассуждения о войне и мире» (1803 г.), который в качестве гарантии мира провозглашал такое положение дел, «когда бы все правительства имели единый предмет – благодеяние повинующихся», ибо «права народные нераздельны с правами гражданскими...» [13, с. 83].

Великий российский юрист-международник и дипломат XIX века, Ф. Ф. Мартенс – автор фундаментального труда в области международного права «Современное международное право цивилизованных народов» [14, с. 230] отмечал, что «непосредственными субъектами международного права и деятелями в области международного общения являются независимые народы или государства европейской цивилизации». Следует отметить, что в XXI веке в наше время впервые в п. 4 Концепции внешней политики России от 31 марта 2023 года присутствует упоминание о «России как самобытном государстве-цивилизации»¹. Федор Федорович стал одним из организаторов созданных по инициативе Николая II Гаагских мирных конференций 1899 и 1907 годов, был членом «Постоянной палаты третейского суда» в Гааге.

По мнению выдающегося ученого «в области международных отношений государство рассматривается, как одно нераздельное целое, как юридическая личность, которая имеет относительно других государств известные права и обязанности. Государство, как целое, выступает тем деятелем, который, следуя в общении с другими государствами поставленные себе задачи, дает направление и охрану международным отношениям. Международное право есть результат совокупных усилий и взаимодействия образованных государств. В сношениях между ними

¹ Концепция внешней политики России от 31 марта 2023 года. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 23.11.2023).

вырабатываются те формы, в которые складываются международные отношения, устанавливаются те порядки и создаются принципы, коими определяются отношения как целых народов, так и отдельных их подданных.

Ни монархи, ни частные лица, ни общества, участвующие в международных сношениях, не должны быть считаемы субъектами международного права. Монархи и дипломатические агенты (посланники) действуют на международном поприще в роли и с правами представителей или уполномоченных государства: они не имеют самостоятельных международных прав. Что касается частных ассоциаций и отдельных лиц, то они ведут свои международные обороты под контролем, покровительством и даже ответственностью государственной власти, в подданстве которой состоят» [14, с. 230-231].

Автор также отмечает, что «каждое государство, участвующее в международном общении, обладает такою же право- и дееспособностью, как отдельное физическое лицо в сфере частных отношений. В этом смысле государство есть лицо, т. е. существо, которое не только имеет определенные присущие ему права, но может приобретать другие, охранять их и входить в различного рода юридические обязательства.

(...) Одним из лучших по своей точности и ясности определений государства до настоящего времени остается определение, данное Цицероном. Приняв его, можно сказать, что субъектом международного права является союз людей, соединенных на одной территории и под одной верховной властью общностью своего права и своих интересов» [14, с. 231].

В работе Ф. Ф. также упоминает принцип суверенного равенства государств, отмечая «Одновременно ... «Все государства, какую бы форму правления они не имели, суть одинаково субъекты международного права.

Точно также политическое могущество, фактическая сила, принадлежащая народу, нисколько не определяет совокупности его международных прав. В качестве субъектов международного права все государства равны между собой. Всем им принадлежат известные, выработанные историей и существующим международным порядком права и соответствующие им обязанности. Но, конечно, более сильное, просвещенное или экономически процветающее государство на факте всегда будет иметь более средств пользоваться своими правами, нежели слабое и культурно неразвитое государство».

Говоря о международной правосубъектности государства, следует обратить внимание на следующее высказывание автора: «Принадлежность государству прав международной личности предполагает... основные признаки субъекта международного права. Для участия в международном общении безусловно необходимо, чтобы данный народ находился на определенной территории и подчинялся организованной политической власти» [14, с. 232].

«Известно, в чем состоят основы государства, каким коренным требованиям оно должно удовлетворять, чтобы считаться субъектом международного права: оно должно быть обществом людей, живущих на определенной территории под одной верховной властью. Отсутствие одного из этих условий достаточно, чтобы данная организация не считалась государством и субъектом международного права. Поэтому какая-нибудь политическая партия, хотя бы воюющая (Поляки в 1862 г., Венгерцы в 1849 г.), или церковное общество не могут быть признаны субъектами международного права» [14, с. 266].

Ф. Ф. Мартенс выделяет правовые свойства государства: «Под международными свойствами государств мы разумеем присущие государствам качества, без которых они не мыслимы в области международных отношений и на которых основываются взаимные их права. Такими основными и необходимыми их свойствами являются: 1) суверенитет; 2) дееспособность; 3) равноправность. Все три принадлежат каждому государству, участвующему в международном общении и предполагаются этим общением» [14, с. 282].

Необходимо отметить, что постулаты Ф. Ф. Мартенса опережали своё время. В XIX веке великий ученый отмечал, что «... юридическое начало равноправности членов международного общения вовсе не исключает фактического их неравенства – неравенства по могуществу, количеству населения, богатству и пр. Частные лица точно также должны быть равны перед законом; гражданское равенство есть великое «теоретическое» начало, завоеванное европейской цивилизацией; но не все частные лица имеют одинаковую возможность пользоваться своими законными правами, применять их. Так государства «великие», могущественные обладают большими средствами осуществлять свои права, нежели маленькие и бессильные. Но из этого не следует, что первые могут по праву предписывать законы бессильным народам». В XXI веке в современном международном праве содержание принципа суверенного равенства государств предполагает равенство правового статуса государств и означает, что все нормы международного права применяются к ним одинаково, обладают равной обязательной юридической силой. По мнению Международного Суда ООН равенство означает также равную свободу во всех делах, не регулируемых международным правом². При определении принципов, лежащих в основе ООН, ее Устав первым называет принцип суверенного равенства государств (ст. 2 Устава ООН)³. Этот принцип лежит и в основе всего современного международного права, характерные черты которого определяются прежде всего тем, что его субъектами являются равно суверенные государства. Более того, Ф. Ф. Мартенс является автором концепции мирного разрешения международных споров, действующей по сей день.

В труде великого ученого особое внимание уделено основополагающему принципу современного международного права – принципу невмешательства во внутренние дела государства. Как он отмечает: «Притязания некоторых государств называться «великими державами» представляются с точки зрения международного права ни на чем не основанными, хотя это название признается за ними в виду особенного их политического могущества и международного значения. Но во всяком случае ничем не могут быть оправданы попытки этих государств распоряжаться судьбой остальных, вмешиваться в их внутренние дела и управлять их международными интересами» [14, с. 285].

Уже в начале XX века российский юрист-международник, Л. А. Комаровский отмечает, что: «Государства, действительно, высказывают и охраняют международные нормы, но они не творят их. Международное право есть продукт многовековой исторической жизни новейшего человечества. Оно коренится в общем сознании цивилизованных народов и вырабатывается их совместной жизнью. Если бы государство творило его, оно превратилось бы во внешнее государственное право, как его и называют многие ошибочно; но оно имеет собственное, от государств независимое бытие. Правительства, высказывая его нормы, то опережают свое время, то обыкновенно отстают от него, но нормы его становятся международными лишь под условием, чтобы они, соответствуя идеям и потребностям данного времени, были признаны остальными государствами. Поэтому мы и говорим, что в международной области государства высказывают право не от своего имени, а лишь в качестве членов того высшего целого, в состав которого они входят и которое называется международным союзом. Этот союз и является лицом, создающим общее для государств право. В наше время сюда относятся государства Европы и Америки, т. е. народы христианской или европейской цивилизации, но по идее в дали времен он призван обнять все человечество. Вот настоящий и единственный субъект международного права. Но говоря о человечестве,

2 ICJ Reports. – 1950. – P. 275.

3 Устав ООН 1945 года.

мы разумеем эту идею не в отвлеченном смысле философов, а в конкретном и историческом и добавляем: *человечество, политически организованное в государства*, таков субъект международного права; отдельные же государства являются не более, как его носителями, *выразителями*.

Лишь эта точка зрения внутренне и принципиально отделяет международное право от государственного и возводит его на степень совершенно самостоятельной отрасли права. Подобно тому, как гражданское право своим субъектом имеет человека, государственное – государство, каноническое – церковь, международное получает особого, ему свойственного, субъекта в человечестве.

Признанный ученый-международник, профессор Л. А. Комаровский так же, как и М. М. Сперанский уделял особое внимание концепции защиты прав человека в своей научной деятельности.

Изложенная Л. А. Комаровским теория отличается от господствующей в следующих отношениях.

1) Она признает в принципиальном отношении особый субъект для международного права – человечество, а не отдельные государства.

2) Она в основании не согласна с воззрением на государства в абсолютном смысле, не согласна с идеей всемогущества государства.

3) Она признает носителями международной защиты и другие общественные группы, помимо государств, так что международной охраной должны пользоваться в пределах международного союза: церкви, различные общественные группы, союзы. Этим мы не хотим сказать, что эти союзы имеют в международном отношении равное с государствами значение. Прежде всего для отдельного человека, как и для групп, стоит государство, но помимо охраны государственной, для них может и должна быть еще охрана международная; в области международной человек является субъектом права сам себе, а не только в качестве гражданина того или другого государства» [21, с. 28-29].

Кроме того, по мнению выдающегося итальянского юриста-международника Д. Анцилотти, «XVII – XVIII века характеризуются хаотическим состоянием международных отношений, вследствие чего получают развитие такие отрасли международного права, как дипломатическое право, право войны, зарождается институт нейтралитета. Помимо этого, автор отмечает, что в XIX веке международные отношения характеризуются следующим: понятие национальности становится духовной основой государства, появляется солидарность интересов; как следствие – зарождение движения пацифизма конца XIX – начала XX веков (Гаагские конференции)» [1]. Еще одним видным немецким юристом-международником является Альфред Фердросс (Alfred Verdross). Его курс «Международное право» был опубликован впервые в 1955 году и в дальнейшем не раз переиздавался. Г.И. Тункин так охарактеризовал этот труд А. Фердросса: «Работа Фердросса, – несомненно, один из наиболее фундаментальных трудов по международному праву из числа опубликованных в капиталистических странах после второй мировой войны» [15, с. 5]. По А. Фердросу международное право регулирует отношения в «сообществе государств». Однако наряду с государствами к субъектам международного права он относит также «сообщества, выполняющие функции, аналогичные функциям государства», как например: территории, занятые повстанцами; территории, находящиеся под опекой; а также союзы государств («международные организации» по современной терминологии), католическую церковь, Мальтийский орден [17, с. 21-22]. Упомянув о начале XIX века, автор в своем труде «Международное право» отмечает: «В те времена впервые появилось стремление к *надгосударственной организации*. Созданный на второй Парижской мирной конференции (1815) *Четверной союз*, расширенный на Аахенском конгрессе (1818) до *Пентархии* великих европейских держав путем всту-

пления в него Франции, поставил перед собой задачу защитить от всех посягательств созданное Венским конгрессом состояние мира. (...) Учреждение международной организации зиждилось на двойном принципе *гегемонии великих держав* и их *вмешательства во внутренние дела* других государств». И далее он отмечает, что «Эта политика сохранения существующего положения не смогла долго продержаться, так как в жизнь вошел новый принцип государственного порядка, а именно принцип расчленения сообщества государств на отдельные национальные государства» [17, с. 59]. «С середины XIX в. наблюдается усиленное развитие позитивного международного права. ...в тот период развились три обширные отрасли международного права: право сношений, право предотвращения войны и гуманизированное право войны» [17, с. 60-61].

Видным представителем итальянской доктрины международного права и современником А. Фердросса является Дионисио Анцилотти (Dionisio Anzilotti). По мнению Д. Б. Левина, Д. Анцилотти – крупнейший итальянский юрист-международник и один из наиболее авторитетных авторов по международному праву первой половины XX века [11, с. 5]. В своем труде «Курс международного права» [1, с. 28-29], Д. Анцилотти подчеркивает: «Появление новых форм международных отношений в XIX столетии было вызвано главным образом двумя причинами. Первая причина – изменение представления о государстве, а затем и внутреннего строя государства, происшедшее в результате Французской революции, выдвижения средних классов и распространения представительной системы. (...) Вторая причина – солидарность интересов, обусловленная в особенности тем фактом, что многие из числа наиболее значительных проявлений человеческой деятельности получают отныне развитие независимо от политических границ и превращают все цивилизованные народы в единое великое сообщество. Международные отношения, таким образом, приобрели характер, который можно назвать *социальным* в противоположность строго *индивидуалистическому* характеру, почти исключительно свойственному им в предшествующие столетия» [1, с. 28-29].

Факторы влияния на международно-правовую доктрину в России 19 века

К середине XIX в. в России сформировалась достаточно разветвленная и многопрофильная для своего времени система юридических учебных заведений. Одновременно формируется и развивается отечественное правоведение, складываются центры и направления изучения государственно-правовых явлений [9]. Развитие высшего образования, в рамках которого осуществлялось преподавание международного права («народного права», «дипломатики»), началось в России в конце XVIII – начале XIX века и неразрывно связано с процессом создания национальных университетов [7, с. 16].

Следует подчеркнуть, что большое влияние на развитие международного права оказала Великая Французская революция (далее – ВФР), которая не только документально закрепила либерально-демократические принципы, но и провозгласила их всеобщий характер. Среди многочисленных актов революции выделялись «Предложение», внесенное депутатом Вольнеем на заседании Национального Собрания от 18 мая 1790 г. (его идеи воплотились в декрете от 22 – 27 мая 1790 г. и частично в главе VI Конституции от 3 сентября 1791 г.) и особенно непринятый проект Декларации международного права, представленный Конвенту аббатом Грегуаром от 23 апреля 1795 г. В Декларации Грегуара, в частности, содержались положения о том, что:

– «народы находятя между собой в естественном состоянии, связывает их всеобщая мораль» (ст. 1);

– «народы взаимно независимы и суверенны...» (ст. 6);

– «народ в отношении других должен действовать так как он хочет, чтобы другие действовали в отношении него...» (ст. 3);

– «народы должны в состоянии мира делать друг другу как можно больше добра, а в состоянии войны – как можно меньше зла» (ст. 4 – цитата из Монтескье);

– «народ не имеет права вмешиваться в дела других (народов)» (ст. 7) и др. [2, с. 110-111].

В далеком 1758 году вышла в свет знаменитая работа швейцарского ученого-международника Эмера де Ваттеля под названием «Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов». Это основное произведение Э. де Ваттеля выдержало многочисленные переиздания, было переведено на ряд европейских языков и имело большое значение для развития науки международного права. Все это дало основание английскому ученому Брайерли в 1955 году отметить, «что Ваттель, по всей вероятности, имел на международное право большее влияние, чем какой-либо иной позднейший писатель по тому же предмету, и что до настоящего времени на его работу ссылаются иногда при международных разногласиях» [20, с. 3].

Именно из этого фундаментального труда Э. де Ваттеля мы можем узнать о его взглядах на понятие международного права и его особенности, которые в целом можно охарактеризовать как естественно-правовые, не исключающие, однако, некоторые позитивно-правовые «элементы».

«Право народов (по современной терминологии международное право) есть познание права, возникающего между нациями, или государствами, и обязанностей, которые соответствуют этому праву» [20, с. 25-26] – такое определение международного права предлагает Э. де Ваттель.

Таким образом, основными субъектами международного права являются государства, а «так как люди подчинены закону природы...», то и вся нация, общая воля которой есть только результат объединенных волей граждан, остается подчиненной законам природы и обязанной уважать их во всех своих действиях». Поэтому права и обязанности государств по международному праву согласно Э. де Ваттелю определяются естественным правом.

Это «естественное право народов» или «необходимое право народов», контролером исполнения которого выступает «совесть нации», дает основание также называть его «внутренним правом народов» [20, с. 27].

«Необходимое право народов» непреложно, оно не может быть изменено, нации «не могут освободиться от него односторонним отказом или освободить взаимно одна другую» [20, с. 27].

Целью же сообщества наций исходя из их естественной природы по Э. де Ваттелю является «взаимопомощь для самосовершенствования» [20, с. 30]. Однако «...обязанности в отношении себя самого, бесспорно, берут верх над обязанностями в отношении другого, нация в первую очередь и преимущественно должна делать для себя самой все, что она может сделать для своего счастья и своего совершенствования. (...) Поэтому, коль скоро она не может содействовать благу другой нации, не причинив существенного вреда себе самой, ее обязанность отпадает в этом случае...» [20, с. 30].

Э. де Ваттель делает попытку вывести из естественного права «общие законы» для наций, в которых мы можем увидеть прообразы современных принципов международного права:

– «каждая нация должна содействовать счастью и совершенствованию остальных всем, что в ее власти».

– «всякой нации должна быть предоставлена возможность мирного использования той свободы, которую она имеет от природы».

– «нации... от природы равны и имеют от природы одни и те же обязанности и права. (...) маленькая республика – та-

кое же суверенное государство, как и самое могущественное королевство» [20, с. 30-32].

Э. де Ваттель выделяет также «позитивное право народов», которое включает в себя:

1) «добровольное право народов», также устанавливаемое природой, но «по-своему». Если «необходимое право народов» применяется ими «во всех своих действиях», то «добровольное право народов» – это «правило, применять которое... их обязывает общественное благо» [20, с. 21]. Основанием «добровольного права народов» является то, что «нации свободны, независимы, равны, и каждая должна судить по своей совести о том, что ей следует делать для исполнения своего долга... Поэтому во многих случаях необходимо для наций терпеть известные действия, несправедливые и предосудительные сами по себе, так как нации не могли бы противиться этим действиям силой, не нарушая свободы какой-либо из них и не подрывая основ их естественного сообщества» [20, с. 32]. Однако «...все нации вправе применять силу к той из них, которая открыто нарушает законы установленного природой общества или прямо выступает против благополучия этого общества» [20, с. 33].

2) «Конвенционное» или «договорное» право народов – это «различные обязательства, которые нации могут брать на себя» «с их определенно выраженного согласия» [20, с. 33-34].

3) «Обычное право народов или обычай нации» – это «известные правила, известная практика, которые освящены долгим применением и соблюдаются нациями как вид права» [20, с. 33].

Таковы основные особенности понимания международного права Э. де Ваттеля.

Влияние Великой Французской революции на идеи М. М. Сперанского

Неоспоримым был вклад ВФР 1789 г. в обоснование таких институтов международного права, как права человека (через 150 лет ряд положений французской Декларации прав человека и гражданина были включены в текст Всеобщей декларации прав человека, утверждённой ГА ООН 10 декабря 1948 г.), принцип ведения войны исключительно в оборонительных целях и т.д. Кроме того, в Конституции 1795 г. сохранилась формула «договоры должны соблюдаться» (*pacta sunt servanda*), что являлось свидетельством рассмотрения международных договоров как юридических актов. Несмотря на то, что наполеоновский период во многом свел на нет благородные принципы революции, они оказали большое идейное влияние на последующее развитие общего международного права.

Наполеоновские войны привели к изменению системы международных отношений в Европе. Была сформирована Венская система международных отношений (система Европейского концерта), которая способствовала выработке международно-правовых актов и решений, оказавших влияние на дальнейшее развитие международного права в XIX столетии.

Важно отметить, что документы ВФР (вышеупомянутые декларация, Декларация прав человека и гражданина 1789 г.) закрепили принцип народного суверенитета. Французская революция провозглашала «неотъемлемое право каждой нации – жить изолированно, если ей это нравится или соединиться с другими нациями, если они того желают для общего блага. Мы, французы, не знаем иных суверенитетов, кроме суверенитета своего народа» [8, с. 21].

На политико-правовые идеи государственного устройства М. М. Сперанского существенное влияние оказали работы Аристотеля. Кроме того, в духе положений Ш. Монтескье М. М. Сперанский анализирует такие понятия как: гражданские и политические права, политическое и гражданское рабство, гражданская и политическая свобода. Под «политическим рабством», по его мнению, следует понимать такое

состояние, «когда воля одного – закон для всех», а политическую свободу Сперанский определял как «подчинение всех и каждого законам, а также предоставление избирательного права». Под «гражданским рабством» автор рассматривает также «подчинение одного класса («в повинностях личных или вещественных») другому», а термин «гражданская свобода» выражается «в основанной на законе независимости друг от друга всех сословий и групп в обществе».

Современником М. М. Сперанского был немецкий криминалист, профессор Берлинского университета Франц Лист (Franz von Liszt), который отмечает роль Императора Александра и работу М. М. Сперанского. Работа, криминалиста «Международное право въ систематическомъ изложении» имела большой успех и популярность не только в самой Германии, но и по всей Европе, в том числе в России. В нашей стране она издавалась дважды в 1902 и 1912 г.г. Профессор В. Э. Грабарь в предисловии ко второму изданию называет указанный труд Ф. Листа «лучшимъ, как учебнымъ, такъ и справочнымъ руководствомъ по международному праву» [19]. В работе автор отмечает, что «Следующие десятилетия стоят под знаменем «Священного Союза», который был заключен по личному желанию Императора Александра 26 сентября 1815 года... Во имя начала легитимизма (законности) имелось в виду обеспечить не только сохранение вновь созданного территориального распределения держав..., но и внутренний порядок государств от революционных посягательств» [19, с. 25-26].

Как отмечают исследователи, предлагаемая М. М. Сперанским реформа не была реализована, но его идеи нашли отражение в правовой системе современной России [5, с. 201-203]. Следует особо заметить, что среди учеников и последователей М. М. Сперанского был российский император Александр II. Великий русский писатель и гуманист Лев Толстой сделал Сперанского одним из второстепенных персонажей «Войны и мира». Князь Андрей «увидел в нём разумного, строго мыслящего, огромного ума человека, энергии и упорством достигшего власти и употребляющего её только для блага России».

Более того, на волне международных событий того времени, Сперанский стал автором нормативно-правового акта в отношении прав коренного малочисленного народа Сибири. С 1822 года был издан Устав об управлении инородцев, разработанный генерал-губернатором графом М. М. Сперанским. В соответствии с Уставом законодательно впервые закреплён принцип невмешательства во внутреннюю жизнь общин «туземцев» [16, с. 8-26], [18, с. 10].

С точки зрения международно-правовой науки именно девятнадцатый век заложил основы для новых форм юридической практики в международных отношениях, которые осуществлялись, прежде всего, на Венском (1814-115 гг.), Парижском (1856 г.), Берлинском (1878 г.), а также Гаагских мирных конференциях. Так, Венский конгресс, отбросив принципы самоопределения, равноправия, невмешательства, во главу угла поставил принцип легитимизма, согласно которому лишь законная династия была вправе занимать престол. Победившие Наполеона державы (Россия, Австрия и Пруссия) провозгласили свое право во имя соблюдения этого принципа на вмешательство во внутренние дела других европейских государств, образовав Священный союз. Тем не менее, на Венском конгрессе возникли некоторые институты международного права, которые затем просуществовали долгие годы: значительное внимание было уделено вопросам образования новых государств, «вольных городов» (г. Краков), статусу постоянного нейтралитета; 8 февраля 1815 года была принята Декларация о прекращении торговли людьми; было принято постановление о свободном судоходстве по международным рекам; было одобрено положение относительно дипломатических агентов, которое более-менее четко определяло их полномочия и ранги.

Классический период в развитии международного права в эпоху М. М. Сперанского стал периодом накопления нормативного материала, закладыванием основ международно-правового сознания. Однако, правовое регулирование медленно выделялось в самостоятельный вид регулирования международных отношений, по-прежнему уступая пальму первенства политическим, религиозным и моральным средствам. Механизм действия международного права находился в зачаточном состоянии. Более того, международное право в то время трудно назвать общим, поскольку оно регулировало в основном отношения между развитыми колониальными державами. В начале XX века британский юрист Г. Дженкинс писал: «Общепризнанно, что нормы международного права применяются только к христианским странам в Европе и Америке». Если же некоторые из них «вообще применимы к нехристианским государствам, то применяются со значительной модификацией» [12, с. 52].

Тем не менее, в классический период международное право переживает значительное развитие. Идеи естественного права отходят на второй план и к 30-м годам XIX в. практически полностью утрачивают свои былые позиции. В период «междоусобия», когда позитивизм еще не победил окончательно, наука международного права подверглась сильному влиянию философии Гегеля, для которого международное право представляло лишь внешнее государственное право. Одним из первых юристов-последователей гегельянства был немецкий ученый А.В. Гефтер, труд которого «Европейское международное право» выдержал на протяжении полувека восемь изданий. Гефтер согласился с Гегелем в том, что международное право имеет своим источником человеческую волю и свободу, «которая сама устанавливает право или индивидуально, или в социальном общении» [3, с. 29]. По его убеждению, общественное мнение есть «единственный регулятор» международного права, а его высший судья – «история, которая своим безапелляционным приговором утверждает право и, подобно Немезиде, карает его нарушение» [3, с. 3].

Несмотря на эклектизм позитивистского направления, вытекающий из отсутствия у него серьезной философской основы, именно в его рамках реальная юридическая действительность была подвергнута всестороннему анализу, и по международному праву были изданы множество учебников и курсов, монографий по отдельным проблемам, многотомные сборники документов.

В позитивизме выделялось два направления – англо-американское и континентальное западноевропейское. Классическим представителем первого и его основателем был Д. Кент, труд которого «Комментарии на американское право» вышел в свет в 1836 г. Он и его американские последователи (Ч. Хайд, Г. Уитон, Т. Д. Вулси, Г. В. Халлек, Г. Г. Вильсон) рассматривают международное право, как процесс его практического применения одним или рядом государств.

В Англии данное направление возглавил в середине века Р. Филмор подготовивший четыре тома «Комментариев по международному праву» (1854-1861 гг.), а развивали его В. Э. Холл, Т. Д. Лауренс, Л. Оппенгейм. Большинство англо-американских юристов-международников оказались под прямым или косвенным влиянием аналитической юриспруденции Джона Остина, для которого характерным было рассмотрение права как данного реального факта, не нуждающегося ни в оправдании и даже обосновании, ни в оценке. Право, по Остину, – это только то, что признано или издано государством.

Европейский позитивизм был представлен преимущественно немецкими учеными. Его исходные теоретические положения были обоснованы в трудах К. Бергбома, П. Лабанда и А. Эсмана. У них на первый план выступало влияние рецепции римского права.

В середине XIX века в Италии возникла «национальная школа», наиболее ярким представителем которой был П.С. Манчини, считавший, что каждая нация имеет право на самостоятельное государственное существование. Для него был характерен повышенный интерес к правам отдельной личности, вскоре приведший его к мысли о том, что человек непосредственно является субъектом международного права.

Возвращаясь к теме исследования, надлежит сделать следующие выводы: в эпоху М. М. Сперанского в законодательстве имперской России нашли свое отражение некоторые постулаты Великой Французской революции; в научных трудах великого реформатора отмечается особый интерес к раскрытию содержания понятий «свободы», «рабства», «гражданских и политических прав», а также его собственная концепция индивидуальных и коллективных прав человека и народов. Наследие М. М. Сперанского в качестве создателя первого свода законов Российской империи и обращение ряда других талантливых юристов во всем мире к проблемам международного права в XIX столетии оказало существенное влияние на развитие науки международного права в последующие эпохи. Но систематизация международного права началась только с возникновением отраслей международного права и с появлением первых международных организаций.

Пристатейный библиографический список

1. Анцилотти Д. Курс международного права. Том первый. Введение-общая теория. – М.: Издательство иностранной литературы, 1961.
2. Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И. История международного права. – М. 1990.
3. Гефтер А.В. Европейское международное право. – СПб., 1880.
4. Десницкий С. Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции. В публичном собрании императорского московского университета бывшем для всероссийского дня возшествия на всероссийский престол ея императорского величества, всепресветлейшия державнейшия Великия Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийския // *Общественная мысль России XVIII века. Т. 2. Philosophia moralis / Сост., вступ. статья и комм. Т. В. Артемьевой.* – М., 2010.
5. Жирухина Я. В. Реализация идей М. М. Сперанского в современной России / Я. В. Жирухина, Е. Б. Калашникова // *Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 26 февр. 2017 г.). В 2 т. Т. 2 / Редкол.: О. Н. Широков [и др.].* – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017.
6. Золотницкий В. Т. Сокращение естественного права, выбранное из разных авторов для пользы российского общества / [соч.] Владимиром Золотницким. – СПб., 1764. – [12], 147, [1] с.
7. Золотой фонд российской науки международного права. Т. 1. Курс международного права / Д. И. Каченовский; Международное права / М. Н. Капустин; Лекции по международному праву / Н. М. Коркунов. – *Международные отношения*, 2021. – 368 с.
8. Ключников Ю. В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, номах и декларациях. – Ч. 1. – М., 1925.
9. Кодан С. В. Юридическая политика Российского государства (1800-1850-е гг.): Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01. – Екатеринбург, 2004. – 475 с. РГБ ОД, 71:05-12/69.
10. Козельский Я. П. Философические предложения, сочиненные надворным советником и правительствующего сената секретарем Яковом Козельским в Санкт-Петербурге 1768 года // *Общественная мысль России 18 века. В 2 т. Т. 1.* – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010.
11. Левин Д. Б. Предисловие к Анцилотти Д. Курс международного права. Том первый. Введение-общая теория. – М.: Издательство иностранной литературы. – 1961.
12. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. – М., 1996.
13. Малиновский В. Ф. Избранные общественно-политические сочинения. – М. 1958.
14. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. – Санкт-Петербург, 1882. – С. 230.
15. Тункин Г. И. Предисловие к Фердросс А. Международное право. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959.
16. Устав об управлении иногородцев от 22 июля 1822 года // В. А. Кряжков. Статус малочисленных коренных народов России. Правовые акты (книга вторая). – М.: Г-н Тихомиров М. Ю., 1999.
17. Фердросс А. Международное право. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959.
18. Штыров В. А. Государственная политика в области обеспечения устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России // *Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.*
19. Лист Ф. Международное право в систематическом изложении. – Юрьев (Дерпт), 1912. С. III.
20. Дурденевский В. Ваттель и его «Право народов» / Де Ваттель Э. Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. – М.: Гос. изд. Юридической литературы, 1960.
21. Комаровский Л. А. Международное право. – Москва: Типо-литография Г. И. Простакова, 1905. – 118 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=231988> (дата обращения: 04.12.2023). – ISBN 978-5-4458-7948-0.

МАХМУТОВА Лилия Айратовна

магистрант кафедры международного права и международных отношений Уфимского университета науки и технологии

РАЗВИТИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ РОССИЙСКОГО ЭКСПОРТА И ИМПОРТА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Данная статья посвящена исследованию и анализу развития инструментов государственной финансовой поддержки российского экспорта в современных условиях. Целью статьи является исследование особенностей систем государственной поддержки экспорта в России, с учетом сложившейся внешнеполитической ситуации, осложняющей участие Российской Федерации в международной торговле. Для достижения цели рассматриваются основы государственного регулирования внешней торговли, показана цель, преимущества и риски выхода предприятия-экспортера на международный рынок, раскрываются понятие, основные виды и этапы эволюции государственной поддержки экспорта.

Ключевые слова: поддержка российского экспорта; государственные институты поддержки экспорта; внешняя торговля; меры поддержки экспорта; экспорт; импорт.

MAKHMUTOVA Liliya Ayratovna

magister student of International law and international relations sub-faculty of the Ufa University of Science and Technology

DEVELOPMENT OF TOOLS FOR STATE SUPPORT OF RUSSIAN EXPORTS AND IMPORTS IN MODERN CONDITIONS

This article is devoted to the study and analysis of the development of instruments of state financial support for Russian exports in modern conditions. The purpose of the article is to study the features of state export support systems in Russia, taking into account the current foreign policy situation, which complicates the participation of the Russian Federation in international trade. To achieve this goal, the basics of state regulation of foreign trade activities are considered, the purpose, advantages and risks of an exporting enterprise entering the international market are shown, the concept, main types and stages of evolution of state export support are revealed.

Keywords: support for Russian exports; state institutions for export support; foreign trade; export support measures; export; import.

В условиях современности в национальной экономической политике особенно выделяется сфера государственной поддержки производств, направленных на экспорт. Проведя анализ принципов, согласно которому функционируют государственные системы поддержки экспорта и их структуры в развивающихся и развитых государствах в настоящее время существуют две абсолютно противоположные тенденции по регулированию внешнеэкономической деятельности: протекционистская политика и свободный рынок. Иными словами, каждое государство самостоятельно выбирает, будет оно вмешиваться в международную торговлю или же нет. Таким образом, поддержка экспорта государства также можно разделить на следующие группы – «либеральные» и «протекционистские». Рассмотрим, что представляет из себя каждая группа и каким образом осуществляется. Либеральная модель предполагает собой возможность людей существовать в обществе самостоятельно, с минимальной поддержкой или во все без помощи государства. Что касается данной модели в системе поддержки экспорта, то основными принципами здесь являются следующие:

- Интеграция государства в мировое единое экономическое пространство;
- использование стандартизированных источников товаров и услуг поддержки экспортеров;
- финансирование экспортеров на основаниях чистой конкуренции;
- отсутствие преград и барьеров для импорта товаров и услуг.

В большой степени данная модель по поддержке экспорта используется в развитых странах. Таковыми является США, Великобритания, государства-члены Европейского союза, страны СНГ, а в течение последних десятилетий на данную модель переходит и Япония [1, с. 211].

Протекционистская модель в свою очередь является полной противоположностью либеральной. То есть государственное вмешательство защита и поддержка является обязательной ее частью. В разрезе экономики все предпочтения отдаются исключительно отечественным производителям, а основная ее задача – защита от иностранных конкурентов. Основопологающими принципами данной модели являются:

- импортозамещение путем запретительных таможенных тарифов на готовую продукцию;
- поддержка национальных производителей;
- содействие при подготовке и самому выходу их на международный рынок;

- применения налоговых привилегий;
- наличие экспортных субсидий;
- валютный контроль.

Данная модель государственной поддержки экспорта характерна для стран с авторитарным политическим строем и являющихся «экономической периферией». К ним относятся Корея, Сингапур, Чили.

Помимо классических моделей инструментов государственной поддержки экспорта, особенной популярностью сегодня пользуются модели, связанные с финансированием экспортеров. На сегодняшний день специалисты выделяют так называемые американскую и европейскую модель. Американская модель – модель, где финансовая поддержка экспортеров государством производится через своих же агентов Европейская модель – услуги финансирования в основном осуществляются частными участниками рынка.

Что касается финансовой поддержки экспортной деятельности хотелось бы остановиться на этом по подробнее. Основными источниками финансирования внешнеэкономической деятельности в начале XX века были иностранные облигационные займы. Обычно их размещали на внешних рынках. Правом проводить эмиссию этих долговых бумаг были наделены правительства государств, муниципалитеты и некоторые крупные фирмы. Такие инструменты способствовали привлечению средств на цели по финансированию внешнеэкономической деятельности ориентировочно на 10–15 лет, с учетом отсутствия значительных ограничений, препятствующих движению капитала и возможности обмена валюты на золото [2, с. 66]. Примерно в этот же промежуток времени происходило зарождение и становление системы поддержки экспорта в том виде, в котором мы видим ее сейчас.

Итак, к мерам поддержки экспорта на данный момент относятся государственное стимулирование и прямая поддержка экспорта. Примерами стимулирования являются разного рода субсидии, прямые иностранные инвестиции, предоставление грантов, создание свободных экономических зон, налоговые льготы и льготные кредиты. Помощь в организации выставок и презентаций отечественных производителей за рубежом, экспортное кредитование, таможенные и налоговые льготы, страхование торговли от возможных рисков политического иного характера относятся к прямой поддержке. Особенно часто государства прибегают к таким элементам финансовой поддержки экспорта как страхование и гарантирование экспортных кредитов и экспортные субсидии [3, с. 200].

Однако, новые санкции и ограничения на мировом рынке повлияли на работу участников внешнеэкономической деятельности. В особенности от ситуации на мировой арене пострадали российские экспортеры. В связи с этим, Правительство Российской Федерации приняло комплекс мер по поддержке отечественного бизнеса в 2023 году. Самыми эффективными являются льготные кредиты для импортеров, продление программы параллельного импорта, упрощение таможенного оформления.

Льготные кредиты для импортеров. Они позволяют сократить текущие затраты и скоординировать поставку нужных ресурсов и товаров. Программа льготного кредитования для импортеров первоочередных продуктов (до 30% ключевой ставки Банка России) была продлена Правительством. Также срок выдачи субсидий на возмещение недополученной прибыли по кредитам был продлен. Возможность получить кредит есть у юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которые заключили импортный контракт в соответствии с положениями, прописанными в № 164-ФЗ, и выполнившие следующие условия:

- предметом сделки является продукция, ее приобретение и перевозка, которая включена в список приоритетных;
- закупка производится у зарубежного поставщика или уполномоченного лица;
- сумма контракта варьируется от 3 000 000 до 10 000 000 000 рублей;
- контракт заключается в иностранной валюте.

Также соответствие стандартным требованиям заемщиков, а именно отсутствие у налогового резидента Российской Федерации задолженностей, просрочек по субсидиям, бюджетным инвестициям и кредитам и дисквалификаций у руководства.

Программа государственного страхования продолжает действовать для сырья, материалов, комплектующих и др. (критического импорта). Это приведет к снижению риска возможных отказов от кредитно-финансовых организаций.

Продление программы параллельного импорта (ввоз зарубежных товаров без разрешения правообладателя). С 7 мая 2022 года импортерам не нужно получать согласие правообладателя на ввоз товара в Россию и выпуск их в товарооборот. Иначе говоря, появляется возможность приобретать продукцию без посредников, через альтернативные каналы. Продление программы затронуло 52 товарные группы, среди которых одежда и обувь, мебель, автомобили, запчасти, живые растения, медикаменты, постельные принадлежности, полезные ископаемые и добывающее оборудование и др. Полное перечисление продукции, разрешенная к параллельному импорту приводится в Приказе Минпромторга РФ от 21.07.2022 № 3042. Данная программа будет действовать до конца текущего года (до 31 декабря 2022 года)¹.

Упрощение таможенного оформления. Одной из основных проблем оборудования, состоящего из нескольких деталей, заключалась в длительном периоде поставки комплектующих. Эта проблема возникла в связи с тем, что комплектующие в большинстве случаев приходят не в одной товарной партии, а значит не в одно время. Для того, чтоб упростить ввоз многокомпонентного оборудования Правительство разрешило декларировать комплектующие в составе оборудования, к которому они принадлежат без отметок об изменении в классификацию. Другими словами, товары, идущие одной партией, можно декларировать как одну товарную позицию, а не разными. Например, при ввозе станка в разобранном виде вместе с его дополнительными элементами, в декларации указывается только сведения о самом станке, без указания его запчастей. В случае, когда товар необходимо поместить под другой таможенный процедурой то решение о классификации можно будет изменить соответствии с положениями № 74-ФЗ.

1 Приказ Минпромторга России № 1532 от 19 апреля 2022 г. «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» (Зарегистрировано в Минюсте России 06.05.2022 № 68421) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 06.10.2023).

Помимо вышеперечисленного были задействованы или еще действуют следующие меры государственной поддержки экспорта: при ввозе продукции с сертификатами и декларациями соответствия не нужно подтверждать право на использование этих документов; до 1 сентября 2023 года был разрешен импорт продукции с отсутствующей маркировкой и без наличия единого знака обращения на рынке ЕАЭС (их нанесение производилось уже после пересечения границы непосредственно на территории России еще до момента реализации их на рынке; до 1 января 2029 года в рамках нескольких сделок будет разрешен ввоз многокомпонентных товаров [4, с. 161].

Юридические лица индивидуальные предприниматели, которые являются участниками внешнеэкономической деятельности менее чем год назад, до 1 июля 2023 могли не предоставлять обеспечение исполнения обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов в отношении товаров, указанных в пунктах 1-3 ч. 3 ст. 55 Закона о таможенном регулировании; беспрепятственный ввоз агрохимикатов и пестицидов.

Приоритетное таможенное оформление скоропортящихся товаров также продолжает действовать. Срок временного ввоза спасательного, спортивного, медицинского оборудования, контейнеров и пр. был увеличен до 2 лет. Ускорена выдача классификационных решений.

Век технологий и интернета особое развитие получили среди российских экспортеров и методы, направленные на помощь и поддержку со стороны государства при выходе на популярные иностранные маркетплейсы. Российским экспортным центром был запущен специальный проект по выводу наших товаропроизводителей на зарубежные маркетплейсы, а именно на Турецкие интернет-магазины. Выбор в пользу Турции был неслучаен, именно турецкий рынок обладает огромным количеством покупателей (80 млн), которые проявляют интерес к товарам российского происхождения. До 2022 года на интернет-площадках Турции можно было встретить только 2 российские компании. После создания инфраструктуры и программ государственной поддержки для МСП их число возросло до 20².

Особое внимание следует обратить на сервис «Подбор маркетплейсов» на сайте РЭЦ. Этот сервис производит подбор зарубежного маркетплейса, учитывая всю специфику того или иного бизнеса, разрешает вопросы организационного характера (например, как зарегистрироваться на платформе или как разместить свой товар), осуществляет государственную поддержку малого и среднего предприятия.

Через сервис отечественным экспортерам доступны более 130 международных площадок. Для начала работы достаточно авторизоваться через ЕСИА. Эксперты уверены, что отечественные производители вполне могут найти покупателя за рубежом.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что инструменты государственной поддержки экспорта были и необходимы в современных условиях для успешного участия государства во внешнеэкономической деятельности. В нынешних реалиях, с учетом существующих санкций, было необходимо усилить и создать новые меры по поддержке отечественных бизнесменов. Так, в 2023 году Правительство РФ осуществила следующие меры: льготные кредиты для импортеров, продление программы параллельного импорта; упрощение таможенного оформления; навигатор по мерам поддержки импорта.

Пристатейный библиографический список

1. Куприков А. А. Государственная поддержка экспорта промышленной продукции: мировой опыт и российская практика: дис. ... канд. экон. наук. М., 2013. 248 с.
2. Мельников А. А. Внешнеэкономическая политика государства: учебное пособие для ВУЗов. М.: Евразийский открытый институт, 2011. 408 с.
3. Ушкалова Д. И. Внешняя торговля России в новых условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. С. 199-207.
4. Оболенский В. П. Интеграционные проекты России и ЕАЭС: шанс для наращивания экспорта? Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. № 13 (3). С. 156-175.
5. Внешняя торговля и ВЭД: меры поддержки от государства в 2023 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://blog.nebopro.ru/>.

СМИРНОВА Майя Ивановна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ГЛУХИХ В СФЕРЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ И АМЕРИКЕ

Статья посвящена вопросам политики Российской Федерации и США, связанной с предоставлением прав глухим гражданам в получении равных возможностей для получения доступа к информации в сфере деятельности правоохранительных органов. Проанализированы основные международные и национальные нормативные и правовые документы, регламентирующие реализацию языковых прав инвалидов по слуху, отношении к жестовым языкам. Рассмотрена деятельность государственных органов России и Америки по социальной защите и поддержке лиц с нарушением слуха.

Ключевые слова: глухой, нарушение слуха, языковые права, равные права, жизнедеятельность, русский жестовый язык, сотрудники правоохранительных органов, эффективная коммуникация, доступ к информации.

SMIRNOVA Maya Ivanovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, associate professor of Humanitarian and Social-Economical Disciplines sub-faculty of the Crimean branch of Krasnodar University of the MIA of the Russian Federation

Смирнова М. И.

IMPLEMENTATION OF THE RIGHTS OF THE DEAF IN LAW ENFORCEMENT IN RUSSIA AND AMERICA

The article is devoted to issues of the policy of the Russian Federation and the United States related to the provision of rights to deaf citizens in obtaining equal opportunities to gain access to information in the field of law enforcement agencies. The main international and national regulatory and legal documents regulating the implementation of the linguistic rights of people with hearing disabilities and attitudes towards sign languages are analyzed. The activities of Russian and American government agencies for social protection and support of people with hearing impairment are considered.

Key words: deaf, hearing impairment, language rights, equal rights, life activity, Russian sign language, law enforcement officers, effective communication, access to information.

Информация имеет неопределимое значение для полноценной жизнедеятельности человека в современном обществе. Она предоставляет возможности для его личного развития, социальной самореализации, способствует взаимопониманию и взаимообогащению людей. Отсутствие полноценной и достоверной информации создает существенные ограничения в интеллектуальном развитии человека, его самосовершенствовании, препятствует созданию эмоционально и психологически благоприятных условий для познавательной, трудовой деятельности человека, нарушает и разрывает социально значимые контакты для жизнедеятельности человека. Люди, не имеющие постоянного, надежного доступа к информации, испытывают эмоциональный, психологический дискомфорт, напряжение, чувство постоянной неуверенности, оторванности от социума.

Такую изолированность от окружающего мира, от мира информации, передаваемой вербальными средствами общения, испытывают люди, имеющие нарушения слуховой функции. Глухие и слабослышащие люди, представляющие 7-8 % планеты (по статистике ВОЗ) и число которых постоянно увеличивается во всем мире, можно назвать наиболее уязвимой в части доступа к информации категорией людей. Значительные препятствия в получении достоверной, полноценной информации по физиологически ограниченному каналу связи и невозможность осуществить адекватную обратную связь создают барьеры в межкультурной коммуникации микросоциума глухих и слабослышащих и макросоциума слышащих, вызывают нарушение и ущемление социальных, культурных прав лиц с нарушениями слуха.

Равенство в реализации общечеловеческих прав не представляется возможным без реализации языковых прав. На этом делается акцент в международных нормативно-правовых документах, затрагивающих вопросы защиты прав людей с ограниченными возможностями здоровья. Официальное признание жестового языка как особого средства общения лиц с нарушением функции слуха, создание условий для его развития способствует обеспечению реализации их общечеловеческих прав, расширению сфер их жизнедеятельности и взаимодействия.

В заявлении ЮНЕСКО 1984 года указано на необходимость признания жестового языка как легитимной лингвистической системы. Право людей с нарушениями слуха на использование

жестового языка как официального языка в процессе коммуникации и обучения, признано в декабре 1987 г. Генеральной Ассамблеей ООН.

Ключевым международно-правовым документом, регламентирующим принципы равенства прав и возможностей инвалидов с остальной частью человечества, является Конвенция о правах инвалидов, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций (далее – Конвенция) 13 декабря 2006 года. В Конвенции заявлены лингвистические права глухих. Речь идет о равенстве словесных и жестовых языков как средств общения (ст. 2), о праве пользоваться услугами профессиональных сурдопереводчиков (ст. 9). В статье 21 зафиксировано равенство в получении права на возможность выражения собственных идей на основе равноправного доступа к источникам информации при условии всесторонней поддержки жестовых языков. Сделан акцент на необходимости признания и поощрения использования жестовых языков [1].

Основные положения Конвенции, однозначно зафиксировавшие признание жестовых языков и четко определившие отношение к правам на использование жестовых языков в мировом сообществе, послужили руководством в определении языковой политики государств, указанием на необходимость пересмотреть национальные и ведомственные нормативно-правовые акты, регулирующие и обеспечивающие реализацию и защиту языковых прав инвалидов с нарушением функции слуха.

Процесс ратификации данного международного документа Российской Федерацией, который был юридически закреплен Федеральным законом от 3 мая 2012 г. № 46-ФЗ [2], заключался в корректировке и дополнении законодательных документов, регламентирующих и гарантирующих социальную защиту прав незлышащих и слабослышащих людей, а также в разработке и утверждении конкретных мероприятий и юридических действий всех государственных ведомств, органов и организаций, вовлеченных в обеспечение социальной поддержки и защиты инвалидов по слуху.

В статью 14 «Обеспечение беспрепятственного доступа инвалидов к информации» Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» в редакции 24.11.1995 года, гарантирующую инвалиду право на получение необходи-

мой информации и официально признающую русский жестовый язык как средство межличностного общения, 30 декабря 2012 года (№ 296-ФЗ) внесены изменения в статус русского жестового языка, который «признается языком общения при наличии нарушений слуха и (или) речи, в том числе в сферах устного использования государственного языка Российской Федерации», указываются требования к осуществлению услуг по сурдопереводу и подготовке и квалификации соответствующих специалистов и определены органы, ответственные за создание условий в подведомственных учреждениях для получения инвалидами по слуху услуг по переводу с использованием русского жестового языка. Дополнения в ФЗ касаются мер по обеспечения подготовки, повышения квалификации и профессиональной переподготовки преподавателей и переводчиков русского жестового языка, развития русского жестового языка [3].

Положения Конвенции послужили правовым фундаментом для расширения прав и возможностей инвалидов по слуху в различных сферах социальной жизни, в том числе, в правоохранительной сфере и в сфере осуществления правосудия. В статье 13 Конвенции, в частности, отмечается, что для предоставления инвалидам эффективного доступа к правосудию, государствам-участникам необходимо содействовать надлежащему обучению лиц, занятых в сфере управления правосудия, в том числе в полиции и пенитенциарной системе [1].

С целью реализации положений Конвенции Министерство внутренних дел Российской Федерации разработало ряд нормативных правовых актов, направленных на организацию и регулирование обучения языку жестов сотрудников полиции.

Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» расширил требования к профессиональной подготовке сотрудников, замещающих отдельные должности в органах внутренних дел, обязав их овладеть основами русского жестового языка [4]. Приказ МВД России от 12 мая 2015 г. № 544 «Об утверждении Порядка определения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, исполнение обязанностей по которым требует владения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации навыками русского жестового языка» [5] конкретизировал непосредственно те категории должностей, которые требуют владения навыками русского жестового языка. В Приказе МВД России и Министерства образования и науки РФ от 15 июня 2015 г. № 681/587 «Об объеме владения навыками русского жестового языка сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, замещающими отдельные должности в органах внутренних дел Российской Федерации» [6] определены основные требования к теоретическим знаниям и практическим умениям и навыкам сотрудников дежурных частей; участковых уполномоченных полиции; сотрудников патрульно-постовой службы, вневедомственной охраны, уголовного розыска и ГИБДД, существенно важных для осуществления полноценного, результативного выполнения профессиональных задач по поддержанию правопорядка и предоставления услуг гражданам с нарушениями слуха. Начавшееся в 2017 году обучение навыкам русского жестового языка сотрудников органов внутренних дел России, позволило расширить коммуникативные возможности и сферы профессиональной правоохранительной деятельности сотрудников полиции, с одной стороны, а с другой – создать равные условия для получения и передачи информации, социальной и правовой защиты глухих и слабослышащих людей.

Вызывает определенный профессиональный интерес практика и опыт взаимодействия правоохранительных органов США с лицами, имеющими ограничения по слуху, число которых в стране 9 %. Закон об американцах-инвалидах, принятый Конгрессом в 1990 году (ADA), Закон об образовании лиц с ограниченными возможностями (IDEA) и раздел 504 Закона о реабилитации (раздел 504) — это три базовых закона, гарантирующие защиту американцев с ограниченными возможностями от изоляции, дискриминации, обеспечивающие равные права в сфере образования и трудоустройства, других сфер общественной жизни, полноценной коммуникации или, так называемого «эффективного общения» [7]. Эти законы требуют, чтобы все государственные и местные органы власти, медицинские учреждения, правоохранительные органы, юридические лица, работники образования, и все общественные места предоставляли глухим людям доступ к средствам связи. Это включает в себя использование сурдопереводчиков.

Одной из чрезвычайно важных областей, на которые распространяется действие законов ADA, является правоохранительная деятельность. В правовой системе глухие люди имеют право на такие же услуги, которые правоохранительные органы

предоставляют всем остальным. Национальная ассоциация глухих (NAD) добились более широкого доступа глухих в правовую систему. Сотрудники полиции, тюрем теперь проходят дополнительную подготовку по получению знаний о правах глухих. Суды регулярно предоставляют квалифицированных переводчиков и услуги по переводу в реальном времени CART [8].

Закон ADA требует предоставления соответствующих приспособлений для сотрудников и «вспомогательных средств и услуг» для обеспечения эффективного общения с глухими или слабослышащими людьми. В правилах Министерства юстиции США термин «вспомогательные средства и услуги» определяется комплексно: квалифицированные переводчики, записывающие устройства, услуги компьютерной транскрипции, письменные материалы, усилители телефонных трубок, вспомогательные устройства для прослушивания, вспомогательные системы для прослушивания, телефоны, совместимые со слуховыми аппаратами, декодеры субтитров, открытые и скрытые субтитры, телекоммуникационные устройства для глухих, отображение видеотекста или другие эффективные методы предоставления материалов, передаваемых на слух, людям с нарушениями слуха.

На основе закона ADA отделом гражданских прав Министерства юстиции США разработаны Руководство ADA для сотрудников правоохранительных органов по общению с глухими и слабослышащими людьми [9]. Этот документ включает инструкции для полицейских по установлению контакта с глухими, по этике общения с ними, выстраиванию эффективной коммуникации, рекомендует изучить основы американского жестового языка ASL.

Таким образом, полиция и правоохранительные органы России и Америки выстраивают свою деятельность, обеспечивая равенство в реализации гражданских прав лиц с нарушениями функций слуха в обществе.

Пристатейный библиографический список

1. Конвенция о правах инвалидов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 28.08.2023).
2. Федеральный закон от 3 мая 2012 г. № 46-ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов» (действующая редакция). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru>. (дата обращения: 28.08.2023).
3. Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (с изменениями на 28 апреля 2023 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/9014513> (дата обращения: 28.08.2023).
4. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (действующая редакция). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru>. (дата обращения: 28.08.2023).
5. Приказ МВД России от 12 мая 2015 г. № 544 «Об утверждении Порядка определения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, исполнение обязанностей по которым требует владения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации навыками русского жестового языка». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru>. (дата обращения: 28.08.2023).
6. Приказ МВД России и Минобрнауки России от 15 июня 2015 г. № 681/587 «Об объеме владения навыками русского жестового языка сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, замещающими отдельные должности в органах внутренних дел Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru>. (дата обращения: 28.08.2023).
7. Alberts J. Law and the Deaf. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.startasl.com/law-and-the-deaf/> (дата обращения: 28.08.2023).
8. Communication Access Realtime Translation. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nad.org/resources/technology/captioning-for-access/communication-access-realtime-translation/> (дата обращения: 28.08.2023).
9. Model policy for law enforcement on Communicating with people who are Deaf or hard of hearing. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.ada.gov/lawenfmodpolicy.htm> (дата обращения: 28.08.2023).

АХМЕДОВА Индира Валиабдуллаевна

магистрант 3 курса кафедры конституционного и международного права Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКСТРАДИЦИИ

В статье рассматриваются актуальные проблемы экстрадиции как комплексного правового института, исследуются его особенности и правовая природа. Автором предпринимаются попытки анализа основных положений Европейской Конвенции о выдаче ETS N 024 от 13 декабря 1957 г., а также норм внутринационального законодательства в целях определения проблем правового регулирования института экстрадиции, а также путей их разрешения.

Ключевые слова: институт экстрадиции, транснациональная преступность, киберпреступность, межгосударственное сотрудничество, двусторонние соглашения.

AKHMEDOVA Indira Valiabdullaevna

magister student of the 3rd course of Constitutional and international law sub-faculty of the Dagestan State University, Makhachkala

INTERNATIONAL LEGAL AND NATIONAL REGULATION OF EXTRADITION

The article examines the current problems of extradition as a complex legal institution, examines its features and legal nature. The author attempts to analyze the main provisions of the European Convention on Extradition ETS N 024 of December 13, 1957, as well as the norms of domestic legislation in order to identify problems in the legal regulation of the institution of extradition, as well as ways to resolve them.

Keywords: the Institute of extradition, transnational crime, cybercrime, interstate cooperation, bilateral agreements.

Современные международные отношения, складывающиеся между первичными субъектами международного права, отличаются полицентризмом, многополярностью, глобальностью. Процессы интернационализации, глобализации, информатизации международных отношений сопровождаются возникновением новых задач, имеющих значение не только для каждого отдельного взятого государства, но и в целом мирового сообщества¹. Так, одной из самых актуальных проблем современности выступает активное развитие транснациональной преступности, в том числе киберпреступности. Концепция «мир без границ» [2, с. 54], соглашения между государствами об упрощении визового режима, отмене визового режима позволяют преступникам практически беспрепятственно пересекать границы государств. Данное обстоятельство обуславливает существенное увеличение случаев применения процедуры экстрадиции, являющейся наиболее эффективной формой межгосударственного сотрудничества.

Переходя к более подробному анализу экстрадиции как правового института, следует отметить одну из его важнейших особенностей - эклектичность. Анализируя различные доктринальные источники, можно констатировать, что исследователи в области международного, конституционного, уголовного, административного права не достигли согласия относительно вопроса принадлежности экстрадиции к той или иной отрасли права [3, с. 15]. Поскольку данный институт носит междисциплинарный характер и состоит из множества компонентов, определить его правовую природу представляется возможным исключительно посредством цельного, комплексного изучения.

Правовым основанием применения процедуры экстрадиции выступают конвенции (Европейская Конвенция о выдаче ETS N 024, Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 г., Конвенция о передаче осужденных лиц от 21 марта 1983 г., Конвенция о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются от 19 мая 1978 г., Минская Конвенция от 22 января 1993 г. и т.д.) и двусторонние договоры между государствами (в настоящее время действуют 96 двусторонних договоров РФ)².

Одним из важнейших международно-правовых актов, регулирующих применение процедуры экстрадиции, выступает Европейская Конвенция о выдаче ETS N 024 от 13 декабря 1957 г. (далее - Европейская Конвенция о выдаче). Согласно ст. 28 Европейской Конвенции о выдаче, она имеет примат перед положениями любых двусторонних договоров, конвенций или соглашений, регулирующих вопросы экстрадиции³. Однако, по справедливому замечанию А. Князева, «выдача преступников регламентируется преимущественно национальным законодательством страны, к которой обращено требование о выдаче. Так, собственного права признается достаточным для принятия решения о выдаче в таких странах, как Италия, Франция, Германия и др., даже при отсутствии международных договоров. Однако при обращении к другому государству с просьбой о выдаче преступника внутреннегo законодательства недостаточно, необходимо руководствоваться двусторонним или многосторонним договором» [4, с.

1 Akhtar Sh. About Globalization // The United Nations Department of Economic and Social Affairs, 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/en/development/desa/usg/state-ments/asg/2013/10/report-of-the-secretary-general-on-globalization-and-interdependence.html> (дата обращения: 03.12.2023).

2 Перечень международных договоров Российской Федерации по вопросам правовой помощи, выдачи и передаче лиц, осужденных к лишению свободы // Министерство юстиции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/perechen-mezhdunarodnyh/>.

3 Европейская конвенция о выдаче: заключена в г. Париже 13.12.1957 г. (с изм. от 20.09.2012). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121346/?ysclid=lpss2hhtxg446932859 (дата обращения: 30.10.2023).

43]. Таким образом, исход возможности применения экстрадиции ставится в зависимость от инкриминируемого лицу деяния, а также наличия двустороннего соглашения между государствами.

Следующей особенностью экстрадиции выступает политико-правовой характер. К сожалению, большинство случаев отказа в применении процедуры экстрадиции политически мотивированны. Причиной тому является обострение отношений между государствами. Так, «страны Запада в первом квартале 2023 года не удовлетворили 19 запросов России об экстрадиции граждан для уголовного преследования. В восьми случаях, как утверждает Генпрокуратура РФ, отказы выданы по «политическим мотивам»: по два от Италии и Польши, по одному — от Австрии, Болгарии, Германии и Румынии. Среди тех, кто не был выдан России по «политическим мотивам», есть люди, обвиняемые в убийстве, бандитизме, похищении человека, разбойном нападении, мошенничестве в особо крупном размере, незаконном обороте наркотиков. Австрия и Польша обосновали решения «возможным нарушением прав и свобод преследуемого лица». Болгария, Германия, Италия и Румыния объяснили отказы тем, что преследуемые лица могут подвергнуться «бесчеловечному и унижающему достоинство обращению»⁴. Как можно заметить, процессы экстрадиции все чаще напоминают своего рода «торг» между государствами, сопровождающийся требованиями, лишенными правовой составляющей и являющимися поводом для развязывания политических распри [6, с. 36].

Обратившись к ст. 3 Европейской Конвенции о выдаче, можно обнаружить нормативное положение, закрепляющее отказ в выдаче, если инкриминируемое деяние носит политический характер. По сути, положения данной статьи предоставляют карт-бланш преступникам, просящим политического убежища. Более того, погрешность Европейской Конвенции о выдаче, сводящаяся к возможности избежать наказания за совершенное деяние, выступает толчком к совершению аналогичных преступлений.

Обращаясь непосредственно к отечественному законодательству, необходимо выделить следующие нормативные правовые акты, регулирующие отношения по порядку осуществления экстрадиции: Конституция РФ (ст. 63-64); Уголовный Кодекс РФ (ст. 13); Уголовно-процессуальный кодекс РФ (гл. 54-55).

Следует отметить, что положения данных нормативно-правовых актов не в полной мере раскрывают процедурные особенности применения процедуры экстрадиции. В 2012 г. в целях детализации особенностей применения экстрадиции было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 N 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания»⁵ (далее - Постановление). В рамках Постановления были рассмотрены проблемы интерпретации и

применения принципа взаимности при осуществлении экстрадиции, порядка отправки запроса о выдаче, а также иные существенные вопросы.

В общей сложности последние 25 лет мировое сообщество следует тенденции упрощения процедуры экстрадиции в двух областях: 1) упрощение материально-правовых и процессуальных условий выдачи; 2) «ускорение» процедуры выдачи при соблюдении определенных требований и получении согласия от лица, подлежащего экстрадиции⁶.

Таким образом, можно прийти к выводу, что процессы интеграции, глобализации международных отношений требуют усиления, усовершенствования механизмов противодействия транснациональной преступности, прежде всего на национальном уровне. Способами такого усовершенствования могут выступать разработка проекта национального закона, регулирующего вопросы экстрадиции, поскольку не всегда представляется возможным ограничиться вышеприведенными международными правовыми актами, а также заключение двусторонних соглашений между государствами.

Пристатейный библиографический список

1. Akhtar Sh. About Globalization // The United Nations Department of Economic and Social Affairs, 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/en/development/desa/usg/statements/asg/2013/10/report-of-the-secretary-general-on-globalization-and-interdependence.html> (дата обращения: 03.11.2023).
2. Мокина А. А. Регулирование института экстрадиции в современном мире // Молодой ученый. – 2017. – № 27 (161). – С. 54-56.
3. Смирнов М. И. Понятие и правовая природа выдачи (экстрадиции) // Современное право. - 2007. - № 3. - С. 12-17.
4. Князев А. Выдача преступника (экстрадиция) // Законность. – 2006. – № 7 (861). – С. 42-44.
5. РФ в первом квартале получила от Запада 19 отказов в экстрадиции и 15 отказов в правовой помощи. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5912998> (дата обращения: 30.10.2023).
6. Лобов С. А. Экстрадиция киберпреступников: проблемы и тенденции развития международно-правовой помощи // Очерки новейшей камералистики. - 2023. - № 2. - С. 32-36.
7. Доклад рабочей группы по вопросам сотрудничества ООН СТОС/COP/WG.3/2018/5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/V18/054/41/pdf/V1805441.pdf?OpenElement> (дата обращения: 30.10.2023).

4 РФ в первом квартале получила от Запада 19 отказов в экстрадиции и 15 отказов в правовой помощи. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5912998> (дата обращения: 30.10.2023).

5 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 № 11 (ред. от 03.03.2015) «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131317/?ysclid=lpq4bvyuh39707588 (дата обращения: 30.10.2023).

6 Доклад рабочей группы по вопросам сотрудничества ООН СТОС/COP/WG.3/2018/5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/V18/054/41/pdf/V1805441.pdf?OpenElement> (дата обращения: 30.10.2023).

МАРАХОВСКАЯ Кристина Геннадьевна

студент 4 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической Школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ВОЗДЕЙСТВИЕ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ НА БЕЗОПАСНОСТЬ СУДОХОДСТВА

В этой статье рассматривается влияние вооруженных конфликтов на безопасность судоходства. В связи с тем, что многие морские маршруты проходят через регионы, подверженные вооруженным конфликтам, создаются серьезные проблемы для обеспечения безопасности судоходства. Автор анализирует различные аспекты этого воздействия, включая угрозу пиратства, эффективность международных мер по обеспечению безопасности судоходства в зонах конфликтов, влияние вооруженных конфликтов на морские пути и порты, а также на мировую экономику. В статье также предлагаются рекомендации по повышению безопасности судоходства в условиях вооруженного конфликта.

Ключевые слова: судоходство, безопасность, экономика, вооруженный конфликт, последствие, танкер, нефть, влияние.

MARAKHOVSKAYA Kristina Gennadjevna

undergraduate student of the training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

THE IMPACT OF ARMED CONFLICT ON THE SAFETY OF NAVIGATION

This article examines the impact of armed conflict on the safety of navigation. Due to the fact that many sea routes pass through regions prone to armed conflict, serious challenges are being created to ensure the safety of navigation. The author analyzes various aspects of this impact, including the threat of piracy, the effectiveness of international measures to ensure the safety of navigation in conflict zones, the impact of armed conflicts on sea routes and ports, as well as on the global economy. The article also offers recommendations on improving the safety of navigation in conditions of armed conflict.

Keywords: shipping, security, economy, armed conflict, aftermath, tanker, oil, impact, impact.

Международный вооруженный конфликт — это вооруженные боевые действия между двумя или более суверенными государствами, независимо от того, признают ли все стороны существование состояния войны¹.

Судоходство играет ключевую роль в мировой экономике. Большая часть международной торговли осуществляется по морю, а морские пути служат важным каналом для перемещения товаров и энергетических ресурсов. Однако вооруженные конфликты, могут иметь непредсказуемые последствия, например, серьезный подрыв безопасности судоходства и приход к ухудшению условий для торговли и экономического развития.

Первым воздействием вооруженных конфликтов на безопасность судоходства является угроза физического повреждения судов и экипажей. Вооруженные группировки и пираты могут нападать на суда и владения флота, что увеличивает риск для морских операций. Такие нападения могут привести к гибели или ранению экипажа, уничтожению или повреждению судна и его груза.

Один из примеров — это события в Персидском заливе в 1980-х годах, когда Ирано-Иракская война привела к нападениям на суда, проходящие через этот регион. Ирак, не хотел нести потери в наступательных операциях на суше и рисковал самолетами в воздушных рейдах, вследствие чего стал наносить удары по танкерам, а также по судам, которые перевозили нефть противника. Эта форма вооруженной борьбы, получила название «танкерная война» [3, с. 99-100], чем были созданы серьезные проблемы для международной торговли и безопасности судоходства

в этом районе. В ходе войны обеими сторонами применялось химическое оружие, Ираном практиковалась тактика «живых волн». Так, по итогу в войне не было явных победителей, но в результате нее в море была нестабильность, вылитое большое количество тонн нефти и такое же количество оставлено потопленных танкеров — «546 крупных судов торгового флота, более двух третей из которых составляли танкеры, при этом только каждый третий из них получил значительные повреждения, из-за которых был сдан на слом или затонул» [3, с. 109].

Вторым последствием является нарушение международных морских правил и законов. Вооруженные конфликты часто приводят к произволу и пренебрежению законами мореплавания и судоходства. Различные стороны конфликта могут использовать ситуацию на море в своих интересах, нарушая правила безопасности и судоходства. Это может включать блокаду портов, нарушение свободы судоходства и ограничение доступа к важным морским маршрутам.

В качестве примера стоит упомянуть дело об освобождении танкера «Сайга», плавающего под флагом Сент-Винсент и Гренадины и поставлявшего воду и топливо различным судам (в т. ч. рыболовным), добывавшим у западного побережья Африки рыбу. Танкер преследовался патрульными катерами Гвинеи и со стрельбой был задержан, аргументируя это «преследованием по горячим следам», хотя в момент начала преследования танкер уже вышел из исключительной экономической зоны. После неудачных переговоров об освобождении судна судовладелец обратился за помощью к государству флага судна. Впоследствии представители государства Сент-Винсент и Гренадины обратились в Международный трибунал ООН по морскому праву с ходатайством на основании ст. 292 Конвенции ООН по морскому праву - о незамедлительном освобождении судна и команды. И только

¹ Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_1.shtml (дата обращения: 29.10.2023).

после этого судно и команда были освобождены и вынесено решение о возмещении ущерба [1, с. 4–5].

Третьим воздействием вооруженных конфликтов на безопасность судоходства является угроза морской среде. Во время конфликтов может происходить преднамеренное или непреднамеренное загрязнение или порча морской среды. Военные операции могут привести к утечкам нефти, гибели различных морских животных и разрушению экосистемы.

Первым примером является Ирако-Кувейтская война в 1991 году. В результате которой Ираком в Персидский залив были слиты сотни тысяч тонн нефти из терминалов [4, с. 8]. По разным оценкам специалистов, ущерб был нанесен от 800 до 1000 нефтяных скважин Кувейта, из которых 727 горели, другие – фонтанировали [2, с. 141]. В результате пострадало побережье Кувейта и Саудовской Аравии, из-за чего погибло огромное количество птиц, а также был прекращен промысел рыбы и креветок.

Другим является столкновение танкеров, или террористические атаки на них, например т. н. «Танкерная война», о которой говорилось выше. В таких случаях – разлив нефти также не проходит бесследно для окружающей среды.

Наконец, вооруженные конфликты оказывают особое влияние на инфраструктуру и морской транспортный флот. Порты и доковые станции, которые необходимы для обеспечения безопасного передвижения судов, часто становятся объектами военных нападений или зоной риска. Это может привести к перебоям и ослаблению маршрутов поставок, что в итоге приведет к ухудшению состояния мировой экономики.

Так, морской порт в г. Бердянск стал объектом военного нападения, о чем сообщили городские власти «Киевский террористический режим сегодня, 2 июня 2022 года, около 12.00 нанёс удар по мирному Бердянску. Попадание произошло по территории морского порта»². Причем ранее порт уже находился в подобной ситуации - 24 марта 2022 года началось нападение на Бердянский порт. Этот удар вызвал сильный взрыв десантного корабля, так как он был загружен боеприпасами - в результате чего корабль затонул, а близлежащие корабли получили повреждения. Владимир Рогов, Член Главного совета Военно-гражданской администрации Запорожской области сообщает «Их главная цель - прервать поставки продовольствия, топлива и других жизненно необходимых грузов для жителей освобождённых территорий Запорожской области и беженцев из Мариуполя. Наиболее удобный и безопасный путь поставок продовольствия и других грузов в Бердянск - по морю. Его-то и пытаются отрезать...»³.

В-пятых, все вышесказанное говорит о том, что последствия вооруженных конфликтов на море также могут оказывать влияние на международную торговлю и экономику. Например, нападения на торговые суда могут привести к увеличению страховых взносов и расходов на обеспечение безопасности, что может повлиять на цены товаров и услуг.

Так, страховщики увеличили доп. платежи для танкеров из-за «военных рисков». В связи с дестабилизацией обстанов-

ки в Черном море после выхода России из зерновой сделки страховые взносы вырастут с 1% до 1,2%. Теперь рейс российского танкера грузоподъемностью до 200 тысяч тонн нефти подорожает на 200 тыс. долларов⁴.

В заключение, можно сказать, что для обеспечения безопасности судоходства в условиях вооруженных конфликтов необходимо усиление международных соглашений и сотрудничество, а также принятие соответствующих мер безопасности на местах.

То есть во время вооруженных конфликтов необходимо принимать дополнительные меры безопасности, включая усиление охраны судов, использование военных конвоев и обеспечение связи с военными и правоохранительными органами.

В то же время особенно важно качественно соблюдать международные нормы и правила, уже установленные в ряде документов, например:

Конвенции об открытом море 1958 года;

Международном своде сигналов 1965 года;

Конвенции о международных правилах предупреждения столкновений судов в море 1972 года;

Международной конвенции по предотвращению загрязнения моря с судов 1973 года, содержащей в приложениях различные правила предотвращения загрязнений, например: нефтью, вредными жидкими веществами, перевозимыми наливом, сточными водами с судов, мусором с судов;

Международной конвенции по охране человеческой жизни на море 1974 года,

Конвенции ООН по морскому праву 1982 года;

и ряда других, в т.ч. касающихся непосредственно вооруженных конфликтов.

Применение этих стандартов позволит свести к минимуму риски для судоходства, сохранить морскую среду и предотвратить конфликты между государствами.

Пристатейный библиографический список

1. Abgarjan D. Споры о незамедлительном освобождении задержанных судов и экипажей в практике Международного трибунала по морскому праву // Международное право. – 2014. – № 3. – С. 201-226.
2. Сахаб А. А. Н. Ирако-кувейтский вооруженный конфликт 1990–1991 гг. И его международные последствия // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2011. – № 8. – С. 139–144.
3. Слинкин М. М. Ирано-Иракская война 1980–1988 гг. Борьба на море. – Симферополь: Тавр. нац. ун-т, 2001. – 222 с.
4. Алексанин С. С., Богословский М. М., Рыбников В. Ю., Рогов К. К., Гудзь Ю. В., Дрыгина Л. Б., Шаповалов С. Г. Экологический терроризм - феноменология, виды, факторы, превенция / // Управление собственностью: теория и практика. – 2018. – № 1. – С. 4-11.

2 Официальный канал администрации города Бердянска Запорожской области Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/s/glava_brd?q=киевский (дата обращения: 29.10.2023).

3 Официальный канал Владимира Рогова, члена Главного совета Военно-гражданской администрации Запорожской области. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://web.telegram.org/k/#@vrogov> (дата обращения: 29.10.2023).

4 Exclusive: Insurers raise premiums for Black Sea tankers as tensions mount – traders. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.reuters.com/markets/commodities/insurers-raise-premiums-black-sea-tankers-tensions-mount-traders-2023-08-23/#:~:text=The%20war%20risk%20premium%20was,oil%20is%20delivered%20to%20India> (дата обращения: 29.10.2023).

ГОМЕНЮК Максим Анатольевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КЛЕМЕНТЬЕВА Дарья Андреевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СКАЧКОВА Маргарита Алексеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БАСЕНКО Денис Викторович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ВЕТРОВА Анна Андреевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

В последние десятилетия Европейская интеграция играет ключевую роль в реформировании политического ландшафта национальных государств. Эта статья исследует, как европеизация национальной политики влияет на политические предпочтения граждан и динамику внутривнутрипартийной конкуренции. Особое внимание уделяется воздействию этого процесса на качество европейской демократии, рассматривая его через призму отношений между гражданами и их представителями. Статья также рассматривает вопросы согласованности мнений граждан и политической элиты, а также потенциальные вызовы и возможности для дальнейшего развития европейской политики.

Ключевые слова: европеизация, национальная политика, европейская демократия, поляризация, избирательные предпочтения, антиэлитарные партии, Европейский Союз, политическая интеграция.

GOMENYUK Maxim Anatoljevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KLEMENTJEVA Darya Andreevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SKACHKOVA Margarita Alexeyevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BASENKO Denis Viktorovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

VETROVA Anna Andreevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

TRANSFORMATION OF NATIONAL POLICY UNDER THE INFLUENCE OF EUROPEAN INTEGRATION: CHALLENGES AND PROSPECTS OF EUROPEAN DEMOCRACY

In recent decades, European integration has played a key role in reforming the political landscape of nation States. This article explores how the Europeanization of national politics affects the political preferences of citizens and the dynamics of intraparty competition. Special attention is paid to the impact of this process on the quality of European democracy, considering it through the prism of relations between citizens and their representatives. The article also examines the issues of coherence between the opinions of citizens and the political elite, as well as potential challenges and opportunities for further development of European politics.

Keywords: Europeanization, national politics, European democracy, polarization, electoral preferences, anti-elite parties, European Union, political integration.

В последние десятилетия Европейский Союз стал ключевым игроком на политической арене многих стран. Процесс европеизации, который сопровождается интеграцией стран в единую европейскую систему, внес существенные изменения в национальные политические системы. Эти изменения привели к необходимости анализа их воздействия на демократические процессы и избирательные предпочтения граждан. Данный анализ поможет понять, как европеизация влияет на качество европейской демократии и какие вызовы стоят перед политическими элитами стран-членов ЕС [1].

Отношение к политическим инициативам Евросоюза.

Данный блок статей акцентирует внимание на механизмах формирования отношения к ключевым инициативам Евросоюза. Главная задача – выявить универсальные мотивы, определяющие мнение европейских граждан.

Исследование Лаутербаха и Де Вриеса, озаглавленное «Молодёжь и Европа: новый взгляд на кризис Евросоюза», фокусируется на общественных представлениях о процессе европейской интеграции. Хотя по данной теме написано

множество работ (среди них выделяется анализ Хобольта и Де Вриеса 2016 года) [2], редко уделяют внимание влиянию совместных европейских испытаний на степень поддержки ЕС. Авторы исследуют, как различные перипетии кризиса Евросоюза в разных странах Европы влияют на мнение разных поколений о ЕС. Оказалось, что молодёжь юга Европы более осторожно относится к ЕС по сравнению с их сверстниками из стран-кредиторов. Эти выводы могут вызвать опасения среди тех, кто верит в светлое будущее ЕС.

Второе исследование, выполненное Пардос-Прадо, «Рынок труда и иммиграционные предпочтения», рассматривает, как общеевропейские решения формируют политические убеждения. В частности, анализируется влияние политики ЕС по свободному передвижению рабочей силы на отношение к иммиграции и выбор в пользу радикальных правых. Большое количество мигрантов в нестандартных секторах занятости снижает напряженность отношений между местными жителями и приезжими. Это дает понять, почему в странах с высоким уровнем иммиграции, таких как Порту-

галия и Ирландия, радикальные правые движения не так популярны.

Анализ общественных настроений в контексте социальной политики Евросоюза.

Последнее исследование, проведенное Куном, Николи и Ванденброком, под названием «Экономическая идеология, поддержка ЕС и предпочтения в отношении европейской страховки по безработице: результаты совместного эксперимента в 13 странах-членах ЕС», концентрируется на европеизации ключевой области социальной политики, а именно введении европейской системы страхования по безработице. Применяя метод совместного анализа в 13 странах ЕС, авторы демонстрируют, что поддержка политики не сводится к одному фактору. Она определяется как аспектами конкретного дизайна политики, так и индивидуальными политическими ориентациями, а также тем, как данная схема будет влиять на конкретного человека.

В целом, эти три статьи подчеркивают, что отношение к общеевропейским вопросам – интеграции, иммиграции и социальной политике – варьируется в зависимости от других индивидуальных предпочтений (например, отношения к интеграции ЕС) или определенных контекстуальных обстоятельств (экономический кризис или структура рынка труда). Это подчеркивает трудности для ЕС в поиске поддержки общих решений на уровне политики по коллективным проблемам, учитывая различное воздействие на внутренний рынок и общественную поддержку [4].

Внутренний дискурс о европейских вопросах.

Следующий блок статей рассматривает влияние вопросов, связанных с ЕС, на электоральное поведение и конкуренцию партий. Несмотря на то, что европейская интеграция формировала политические тренды в Европе на протяжении всего послевоенного периода, традиционно этот вопрос не становился предметом политизации основными политическими партиями. Эти партии были едины в своей поддержке элитарного процесса европейской интеграции на основе «разрешительного консенсуса» (согласно исследованию Хогге и др., 2002 года). Однако в последние десятилетия вопрос европейской интеграции действительно стал успешно использоваться оппозиционными движениями.

Динамика политического поведения в контексте европейской интеграции.

В современных политических реалиях партии всё чаще ставят под сомнение преобладающий проевропейский консенсус, стремясь привлечь избирателей (исследования Де Вриеса и Эдвардса 2009 года; Ван де Вардта и коллег 2014 года; Хобольта и Де Вриеса 2015 года). Таким образом, даже основные управляющие партии чувствуют натиск вопросов, связанных с ЕС.

Статья Хобольта и Родона, озаглавленная «Проблемы пересечения и выбора на выборах: голосование по вопросам ЕС в свете Brexit», исследует воздействие вопроса европейской интеграции на выбор голоса после референдума о Brexit в Великобритании. Анализ показывает, что несмотря на актуальность вопроса ЕС для избирателей после референдума, позиции двух крупнейших партий в общих выборах 2017 года были нечеткими, что ограничило голосование по вопросам ЕС. В итоге статья демонстрирует, что при высокой степени дискуссии вопрос ЕС вызывает серьезные проблемы для основных партий [5].

В следующем исследовании, Абу-Шади и Вагнер рассматривают влияние позиции социал-демократических партий на Европейские вопросы, такие как иммиграция и интеграция в ЕС. Анализируя международные данные, авторы показывают, что более авторитарные и антиевропейские позиции связаны со снижением поддержки избирателей для социал-демократических партий.

Заключительная статья этого раздела от Спунна и Кювера исследует конкуренцию партий по другому вопросу ЕС – иммиграции. В отличие от Абу-Шади и Вагнера, они пришли к выводу, что основные левые партии выигрывают, принимая более жесткую позицию по иммиграции.

В общем, данные статьи показывают сложности, с которыми сталкиваются основные партии, пытаясь разобраться в меняющейся динамике электоральной конкуренции. Они подчеркивают, что вопросы ЕС и иммиграции стали ключевыми в партийной конкуренции.

Влияние на качество европейской демократии.

Первые две группы статей показали, что европеизация национальной политики изменила политические предпо-

чтения людей и их выбор на выборах, а также характер внутрипартийной конкуренции. Вопросы границ и европейской интеграции становятся все более актуальными в национальных избирательных кампаниях.

В заключительной части специального выпуска рассматриваются последствия политизации европейских вопросов для качества демократии в Европе. Европейский политический проект развивался в условиях слабой прямой легитимности, где превалирование исполнительной власти и неясность ответственности затрудняют возможность избирателей наказывать законодателей [10]. При усилении политизации вопросов ЕС на демократический процесс оказывается все большее давление на всех уровнях управления.

Баккер, Джолли и Полк исследуют, приводит ли несоответствие между партиями и избирателями к ухудшению доверия демократией и росту антиэлитарной политики. Основываясь на ряде показателей, они приходят к выводу, что разногласия в вопросах европейской интеграции усиливают недовольство избирателей на европейском и национальном уровнях. В результате увеличивается склонность голосовать за антиэлитарные партии.

Статья Голдберга, ван Эльсаса и де Вризе также рассматривает соответствие между гражданами и политическими элитами, но с другой стороны: они анализируют, есть ли несоответствие между поляризацией на уровне партий и избирателей и насколько это связано с такими факторами, как экономический кризис [8]. Основываясь на международном опросе, они приходят к выводу, что поляризация среди граждан выше, чем среди партий, особенно среди политически образованных граждан. Это указывает на потенциал дальнейшего изменения национальной политики под воздействием вопросов ЕС.

Процесс европеизации привел к значительному изменению политической карты многих стран Европы. ЕС стал не только экономическим, но и политическим союзом, в котором вопросы интеграции и национальной политики тесно переплетены. Однако такая тесная интеграция порождает и новые вызовы, связанные с поляризацией избирательных предпочтений, ростом антиэлитарных настроений и необходимостью обеспечения демократической легитимности на уровне ЕС. Для ответа на эти вызовы необходим комплексный подход, учитывающий как национальные, так и европейские интересы и ценности.

Пристатейный библиографический список

1. Ares M., Ceka B. & Kriesi H. (2017). Diffuse support for the European Union: spillover effects of the politicization of the European integration process at the domestic level // *Journal of European Public Policy*. – 2017. - № 24 (8). – P. 1091-1115.
2. Börzel T. A. & Risse T. From the euro to the Schengen crises: European integration theories, politicization, and identity politics // *Journal of European Public Policy*. – 2018. - № 25 (1). – P. 83-108.
3. De Vries C. E. Sleeping giant: Fact or fairytale? How European integration affects national elections // *European Union Politics*. – 2007. - № 8 (3). – P. 363-385.
4. De Vries C. E. & Edwards E. E. (2009). Taking Europe to its extremes: Extremist parties and public Euroscepticism // *Party Politics*. – 2009. - № 15 (1). – P. 5-28.
5. De Vries C. E. & Hobolt S. B. (2012). When dimensions collide: The electoral success of issue entrepreneurs // *European Union Politics*. – 2012. - № 13 (2). – P. 246-268.
6. Habermas J. Toward a cosmopolitan Europe // *Journal of Democracy*. – 2003. - № 14 (4). – P. 86-100.
7. Hagemann S., Hobolt S. B. & Wratil C. Government responsiveness in the European Union: Evidence from Council voting // *Comparative Political Studies*. – 2017. - № 50 (6). – P. 850-876.
8. Hix S. What's Wrong with the Europe Union and How to Fix it. - Cambridge: John Wiley & Sons, 2013.
9. Hobolt S. B. & De Vries C. E. (2015). Issue entrepreneurship and multiparty competition // *Comparative Political Studies*. – 2015. - № 48 (9). – P. 1159-1185.
10. Hobolt S. B. & De Vries C. E. Public support for European integration // *Annual Review of Political Science*. – 2016. - № 19. – P. 413-432.

ЕРШОВА Анна Александровна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МАСЛОВ Павел Николаевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КОТИК Анастасия Олеговна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СОРОКИН Данил Сергеевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ВЕРЕТЕЛЬНИКОВА Полина Павловна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МОДЕЛИ И ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Данный обзор представляет собой исследование трех ключевых подходов к пониманию европейской интеграции: неофункционализма, интергouverментализма и постфункционализма. В статье рассматривается, как каждый из этих подходов интерпретирует основные принципы, стоящие за европейскими процессами интеграции и дезинтеграции. Авторы анализируют различные аспекты, такие как экономическая взаимозависимость, национальная идентичность и роль массовой политики в формировании интеграционных стратегий. Статья призвана предоставить читателю объективный взгляд на сложный процесс европейской интеграции, выявляя возможности и препятствия на пути создания более объединенного континента.

Ключевые слова: европейская интеграция, неофункционализм, интергouverментализм, постфункционализм, политическая психология, массовая политика, экономическая взаимозависимость, идентичность, дискурсивный анализ.

ERSHOVA Anna Alexandrovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MASLOV Pavel Nikolaevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KOTIK Anastasiya Olegovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SOROKIN Danil Sergeevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

VERETELNIKOVA Polina Pavlovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MODELS AND APPROACHES TO THE ANALYSIS OF EUROPEAN INTEGRATION

This review is a study of three key approaches to understanding European integration: neo-functionalism, intergovernmentalism and post-functionalism. The article examines how each of these approaches interprets the basic principles behind the European integration and disintegration processes. The authors analyze various aspects such as economic interdependence, national identity and the role of mass politics in shaping integration strategies. The article aims to provide the reader with an objective view of the complex process of European integration, identifying opportunities and obstacles to the creation of a more united continent.

Keywords: European integration, neo-functionalism, intergovernmentalism, post-functionalism, political psychology, mass politics, economic interdependence, identity, discursive analysis.

Европейская интеграция, начавшаяся после Второй мировой войны, стала одним из ключевых направлений развития мировой политической арены. Она вызвала формирование нескольких теоретических подходов к пониманию и интерпретации этого сложного и многогранного процесса. Перед нами стоит задача глубокого погружения в трех основных концепциях, каждая из которых предоставляет свой уникальный взгляд на процесс европейской интеграции: неофункционализм, интергouverментализм и постфункционализм. Несмотря на различия этих подходов, все они стремятся дать объективное понимание того, как и почему страны Европы стремятся к более тесной интеграции или, наоборот, дистанцированию.

Неофункционализм демонстрирует необычную эклектику в своих интеллектуальных истоках. Он глубоко коренится в двух теориях - плюрализме и функционализме, которые стали популярными в первые десятилетия после Второй мировой войны. Исходя из демократического плюрализма и работ Трумана и Даля, неофункционализм развивает идею, что государство может быть декомпозировано на отдельные социальные группы. Вместо того чтобы рассматривать государство, как это делали классические реалисты, неофункционалисты представляют себе государство как арену, на которой социальные акторы действуют для реализации своих интересов. Таким образом, международные отношения рассматриваются не как игра между государствами, а

как взаимодействие социальных акторов. Это освободило неофункционалистов от предположения, что международные отношения определяются стремлением к выживанию государства или экономической выгодой. Если группы внутри или между государствами считают, что сверхнациональные институты более перспективны для достижения их интересов, чем национальные, то это приведет к региональной интеграции.

Неофункционализм основывается на функционалистской идее, что международное сотрудничество является ответом на экономические масштабы предоставления общественных благ. В то время как функционалисты утверждают, что единственный возможный способ обойти суверенитет государства заключается в передаче конкретных государственных функций специализированным международным агентствам, неофункционалисты акцентируют внимание на потенциале глубокого и широкого управления на региональном уровне. Будет ли это привести к созданию федерального политического устройства, пока остается неизвестным. Неофункционалисты больше интересовались направлением региональной интеграции, чем ее результатами.

Неофункционалисты определяют ряд взаимосвязанных процессов, которые приводят к дальнейшей интеграции. К ним относятся «перелив» среди политиков, которые являются автономными только в краткосрочной перспективе; возрастающая зависимость от не государственных акторов в реализации таких политиков; сдвиг лояльности граждан в сторону сверхнациональных институтов; и в результате каждого из этих процессов, более интенсивное использование преимуществ торговли и, в более широком смысле, взаимозависимости.

Интеграция в одной политике может индуцировать интеграционные процессы в других, открывая новые горизонты для сотрудничества или, что более вероятно, порождая непредвиденные сложности, активизируя дальнейшие интеграционные действия. Особое внимание уделяется динамическим эффектам, возникающим вследствие активности на сверхнациональном уровне. Сверхнациональные акторы иницируют «перелив» политиков, действуя как предприниматели в этой сфере, способствуя заключению соглашений и вовлекая в себя национальных бюрократов и лидеров интересов. И не государственные акторы, и национальные элиты учатся на своих прошлых успехах и неудачах, что корректирует их предпочтения и тактику. По мере продолжения интеграции и укрепления позиций сверхнациональных акторов, этот процесс приобретает самостоятельное значение.

Из перспективы неофункционализма, путь интеграции может быть неровным. Кризисы могут замедлить или даже остановить интеграцию, но ведущее предположение заключается в том, что со временем активность на уровне политиков и сверхнациональная деятельность будут создавать восходящий тренд. Термин «европейская интеграция» отражает предпосылку неофункционализма о том, что мы становимся свидетелями процесса с определенным направлением.

С другой стороны, интергouverнментализм рассматривает европейскую интеграцию с позиций национальных государств, ищущих взаимовыгодные сделки. В то время как неофункционализм рассматривает интеграцию как результат взаимодействия социальных акторов, интергouverнментализм

объясняет ее как исход сотрудничества и конкуренции национальных правительств [6].

Одно из направлений интергouverнментализма видит региональную интеграцию как реакцию на изменения в балансе сил. В случае европейской интеграции ключевым моментом является постоянное противостояние США и СССР после войны, которое превратило европейские государства в средние державы. Но это не исключило глубоко укорененные нации, и не уничтожило конкурентное отношение в геополитике Европы. Таким образом, основой интеграции является экономика, при этом суверенитет государства остается нетронутым или даже усиливается. В результате интеграция замирает, когда она затрагивает ключевые политические вопросы.

Современный поток интергouverнментализма развивает этот подход, применяя международную политическую экономику к переговорам между государствами-членами. Отказываясь от идеи, что интересы государств противоположны, он выдвигает идею экономического сотрудничества на передний план [2].

Современный подход к интергouverнментализму применяет концепции международной политической экономики к переговорному процессу между государствами-членами. Отходя от представления о нулевой сумме интересов государств, данный подход акцентирует внимание на экономической взаимозависимости, приносящей выгоду кооперирующимся государствам. Подобно неофункционализму, либеральный интергouverнментализм рассматривает международные учреждения как ответ на взаимозависимость. Опираясь на функциональную теорию Кеохана о формировании международных режимов, либеральный интергouverнментализм утверждает, что государства могут рационально заключать соглашения о сотрудничестве. Однако, в отличие от неофункционализма, либеральный интергouverнментализм объясняет международное сотрудничество как продукт усилий национальных лидеров, опираясь на функциональные интересы.

Либеральный интергouverнментализм сочетает в себе либеральную теорию формирования внутренних предпочтений с институциональным подходом к межгосударственным переговорам, в котором государства руководствуются преимущественно экономическими интересами. Процесс принятия решений включает три этапа: формирование национальных предпочтений на внутреннем уровне; межгосударственные переговоры; создание европейских институтов для обеспечения соглашений. На первом этапе предпочтения правительства формируются под влиянием влиятельных внутренних групп, преимущественно предприятий, при этом интересы, определяющие решения по европейской интеграции, являются в основном экономическими и конкретными [3].

Неравная взаимозависимость между государствами определяет исход межгосударственных сделок. Государства, менее нуждающиеся в соглашениях, наилучшим образом позиционированы для определения условий сделки, особенно когда решение принимается единогласно. В отличие от неофункционализма, интергouverнментализм предполагает равные возможности доступа к информации, позволяя правительствам принимать решения без участия негосударственных акторов.

Либеральный интергouverнментализм рассматривает институциональные исходы как функциональные ответы на проблемы сотрудничества. Ожидается, что государства будут передавать или объединять полномочия в той мере, в какой это будет соответствовать их национальным интересам.

В то время как неофункционализм и интергouverнментализм рассматривают европейскую интеграцию как процесс, направленный на повышение эффективности, постфункционализм акцентирует внимание на потенциальном конфликте между функциональными давлениями и идентичностью. Этот подход базируется на сравнительных исследованиях идентичности и внутреннего конфликта, включая классический анализ разрывов Липсета и Роккана [5].

Постфункционализм оценивает причины и последствия политизации в трёх этапах. Во-первых, наблюдается дисбаланс между институциональным статус-кво и функциональными требованиями многоуровневого управления, возникающими из-за взаимозависимости. Европейская интеграция рассматривается как один из аспектов более широкого явления - перестройки государства с целью максимизировать выгоды от предоставления общественных благ на разных уровнях - от местного до национального и международного (Маркс, 2012 год).

Второй этап связан с ареной принятия решений. Это может быть ограниченное пространство для государственных руководителей, европейских органов и интересных групп, или же принятие решений может быть подвергнуто воздействию массовой политики, где оно подвергается влиянию СМИ, политических партий и государственных коалиций. Всё это зависит от значимости вопроса и, что более важно, от способности акторов привлечь к нему общественное внимание. Постфункционализм уделяет особое внимание арене обсуждения проблемы, поскольку это влияет на характер конфликта.

Третий этап анализирует, как европейская интеграция формирует структуру политического конфликта. Этот этап основан на поведенческой литературе о стратегическом взаимодействии политических партий и избирательных предпочтений. В той мере, в какой европейская интеграция активизирует вопросы идентичности, связанные с перестройкой государства, она разрушает устоявшиеся партийные системы [10].

Исследование массовой политики основано на политической психологии и отличается от рационалистско-экономической логики, лежащей в основе неофункционализма и интергouverнментализма. В отличие от последних, постфункционализм рассматривает европейскую интеграцию как конфликтный процесс, возникающий из-за несовместимости систем убеждений. По сути, это перестройка юрисдикции, которая, как и формирование национального государства, порождает глубокий культурный разрыв.

Каждый из подходов отчетливо отличается от двух других. В соответствии с этим, каждая школа интерпретирует ключевые события в ходе европейской (дис)интеграции в свете своих базовых принципов.

Исследование трех подходов к европейской интеграции демонстрирует многообразие перспектив и аналитических рамок в современных исследованиях. Хотя каждый из подходов предлагает свои инструменты для интерпретации интеграционных процессов, все они подчеркивают сложность и

многогранность европейской интеграции. Будущее Европы и ее интеграционных процессов, возможно, будет включать в себя элементы всех трех концепций, и поэтому важно продолжать исследования в этом направлении, объединяя лучшие стороны каждого из подходов для более глубокого понимания европейской интеграции в будущем.

Пристатейный библиографический список

1. Bartolini S. *Restructuring Europe: Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union*. – Oxford: Oxford University Press, 2005.
2. Bauer M. W. & Becker S. (2014). The unexpected winner of the crisis: the European Commission's strengthened role in economic governance // *Journal of European Integration*. – 2014. – № 36 (3). – P. 213-29.
3. Bayer L. & de la Baume M. (2018). Hungary picks a fight in Brussels. *Politico*, 26 April.
4. Bickerton C. J., Hodson D. & Puetter U. The new intergovernmentalism and the study of European integration. In C.J. Bickerton, D. Hodson & U. Puetter (Eds.), *The New Intergovernmentalism: States and Supranational Actors in the Post-Maastricht Era*. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – P. 1-50.
5. Biermann F., Guérin N., Jagdhuber, S. Rittberger B. & Weiss M. (2019). Political (non)reform in the Euro crisis and the refugee crisis: a liberal intergovernmentalist explanation // *Journal of European Public Policy*. – 2019. – № 26 (2). – № 246-66.
6. Blauburger M. & Kelemen D. R. Can courts rescue national democracy? Judicial safeguards against democratic backsliding in the EU // *Journal of European Public Policy*. – № 2017. – № 24 (3). – P. 321-36.
7. Börzel T. A. From EU governance of the crisis to crisis of EU governance: regulatory failure, redistributive conflict and eurosceptic publics. *JCMS // Journal of Common Market Studies*. – 2016. – № 54 (Annual Review). – P. 8-31.
8. Börzel T. A. & Risse T. (2018). From the Euro to the Schengen crises: European integration theories, politicization, and identity politics // *Journal of European Public Policy*. – 2018. – № 25 (1). – P. 83-108.
9. Dalton R. J. *Political Realignment: Economics, Culture and Electoral Change*. – Oxford: Oxford University Press, 2018.

КУНГУРОВА Александра Александровна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КАЗЫМОВ Амин Ильясович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГОРЯЧКИНА Мария Михайловна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ТУРОВ Степан Евгеньевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СОФРИНА Алина Алексеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ИЛЛИБЕРАЛИЗМ В ЕВРОПЕ: ОТВЕТ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

В статье рассматривается сложная динамика отношений между Европейским Союзом и иллиберальными тенденциями, особенно проявившимися в Польше и Венгрии. Рассмотрены различные подходы к пониманию исходов этой динамики: интергouverментализм, неофункционализм и постфункционализм. Анализируются действия и решения Европейской Комиссии, Европейского Суда и национальных правительств в контексте сохранения основных ценностей и принципов ЕС, а также внутренние факторы иллиберализма и его влияние на политические процессы в странах-членах.

Ключевые слова: Европейский Союз, иллиберализм, Польша, Венгрия, Европейская Комиссия, Европейский Суд, интергouverментализм, неофункционализм, постфункционализм, правовая система, демократия, национальная суверенность, санкции, статья 7, национальные правительства.

KUNGUROVA Alexandra Alexandrovna

student Far Eastern Federal University, Vladivostok

KAZYMOV Amin Ilyasovich

student Far Eastern Federal University, Vladivostok

GORYACHKINA Maria Mikhailovna

student Far Eastern Federal University, Vladivostok

TUROV Stepan Evgenyevich

student Far Eastern Federal University, Vladivostok

SOFRINA Alina Alexeyevna

student Far Eastern Federal University, Vladivostok

LIBERALISM IN EUROPE: THE EUROPEAN UNION'S RESPONSE TO POLITICAL TRENDS

The article examines the complex dynamics of relations between the European Union and liberal tendencies, especially manifested in Poland and Hungary. Various approaches to understanding the outcomes of this dynamics are considered: intergovernmentalism, neofunctionalism and postfunctionalism. The actions and decisions of the European Commission, the European Court of Justice and national governments are analyzed in the context of preserving the basic values and principles of the EU, as well as the internal factors of illiberalism and its impact on political processes in the member states.

Keywords: European Union, liberalism, Poland, Hungary, European Commission, European Court of Justice, inter-fundamentalism, neo-functionalism, post-functionalism, legal system, democracy, national sovereignty, sanctions, article 7, national governments.

В современной европейской политической арене наблюдается бурное столкновение интересов и ценностей. Особое внимание уделяется взаимодействию Европейского Союза с его членами, в частности с такими странами, как Польша и Венгрия, где проявляются иллиберальные тенденции. Эти динамики вызывают необходимость анализа механизмов ответа со стороны ЕС, а также понимания корней иллиберализма внутри самих стран. Данное исследование погружается в глубокий анализ этой проблематики, используя разнообразные научные подходы и методы.

Стремление к ограничению независимости судебной власти, принципов разделения властей и защите основных свобод в Венгрии и Польше возможно представляет собой наибольшую современную угрозу для легитимности Европейского Союза. Аналитики и исследователи пытаются расшифровать реакцию ЕС на эти явления и ее эффективность.

Иллиберализм в этих странах основан на слабой экономической взаимозависимости. Происходящее в Венгрии и

Польше не только ставит под угрозу ценностные основы ЕС, но и не представляет экономической угрозы. Оба правительства строго следуют правилам единого рынка, но одновременно отступают от принципов либеральной демократии [10].

С точки зрения межправительственного подхода сложно наложить санкции на Польшу и Венгрию согласно статье 7 Договора о Европейском Союзе. Поскольку эти страны готовы блокировать санкции друг против друга, Европейский Совет сталкивается с проблемой достижения единогласия. Этот вопрос берет свое начало еще с Договора Амстердама 1997 года, который сохранял за государствами-членами эксклюзивное право принятия окончательного решения о санкциях.

На фоне требований единогласия статьи 7 прослеживается еще более глубокая проблема. Так как статья 7 касается внутреннего, а не европейского законодательства, нет дополнительных законодательных механизмов, позволяющих Ко-

миссии или Европейскому Суду устанавливать нарушения демократических принципов ЕС.

Тем не менее, неофункционалистский подход акцентирует внимание на активности Европейской Комиссии и Европейского Суда. Комиссия активно использовала трехступенчатый процесс, добавленный к статье 7 Ницким Договором, для оценки демократической регрессии, что привело к началу процесса в отношении Польши в 2017 году. Однако, несмотря на начальные шаги назад со стороны польского правительства, внесенные поправки оказались незначительными. В 2018 году Комиссия обратилась к Европейскому Суду с просьбой приостановить польский закон, что было выполнено. На следующий месяц польское правительство отменило этот закон.

Комиссия активно искала методы воздействия на иллиберальные государства помимо использования статьи 7. Существуют различные механизмы. Например, Комиссия применила свои полномочия в сфере конкуренции, чтобы предотвратить попытки правительства Fidesz ввести налог на рекламу для независимых. В апреле 2018 года Комиссия предложила усилить защиту журналистов в иллиберальных обществах, представив проект директивы о защите информаторов, что обязывало бы государства-члены предоставлять рамки для защиты лиц, сообщающих о рисках для общественных интересов. В мае 2018 года Комиссия представила свой проект многолетней финансовой рамки на 2021–2027 гг., который включал в себя около миллиарда евро для создания «Фонда справедливости, прав и ценностей» для поддержки организаций, защищающих демократические права. Предложение Комиссии связывает доступ к средствам по когезионной и аграрной политике с принципами правопорядка и независимостью судебной власти. По предложенным правилам решение Комиссии о приостановлении финансовой помощи нарушающему государству-члену может быть отменено только квалифицированным большинством в Совете [9].

Европейский Суд сейчас рассматривает дела, имеющие серьезные последствия для иллиберальных правительств. В одном из решений, касающемся временного снижения зарплат судьям в Португалии, суд подтвердил общий принцип гарантирования независимости судебных органов. Принцип ясен и убедителен: национальные суды являются неотъемлемой частью европейской системы правосудия, поэтому гарантии их независимости обязательны как на уровне ЕС, так и на национальном уровне.

ЕС усилил давление на Венгрию и Польшу, несмотря на неспособность введения межправительственных санкций. Комиссия и ЕСС разработали новые каналы воздействия. Станет ли иллиберализм стимулом для супранационализма?

Иллиберализм связан с националистическим дискурсом, акцентирующим внимание на местной идентичности, консерватизме и антиэлитаризме, который противостоит восприятию угрозы со стороны иностранцев, многонациональных корпораций и Евросоюза. Политические партии Венгрии и, недавно, Польши демонстрируют большую поляризацию по вопросам культурной идентичности, чем по экономическому лево-правому измерению. Fidesz и «Право и справедливость» активировали националистические настроения против многоуровневой и многокультурной Европы [5].

Особенно ярко это проявилось в Венгрии, где, после поражения Fidesz на выборах 2002 года, Виктор Орбан возглавил движение, организовывая протесты и мероприятия, подчеркивая значение венгерского национального единства. Приходя к власти в 2010 году, Fidesz произвел ряд изменений в избирательном законодательстве и укрепил свое влияние в ключевых институтах, в том числе в СМИ. Эта стратегия привела к резкой политической поляризации в стране.

Интересно, что иллиберализм в Венгрии и Польше долгое время терпит в Европарламенте, где можно было ожидать наибольшего сопротивления. Однако в сентябре 2018 года Европарламент проголосовал за вынесение предупреждения Венгрии по статье 7.

Fidesz пытался отразить критику своего иллиберализма, обращаясь к принципам национального суверенитета и христианских ценностей. После избирательной победы Orbana в апреле 2018 года, европейские политики призывали

Евросоюз к умеренности в отношении Венгрии, подчеркивая демократический мандат Orbana [3].

Разделение мнений очевидно, и наблюдаются признаки активизации космополитской стороны. В своей речи при принятии Карловой премии 9 мая 2018 года президент Франции Эммануэль Макрон упомянул Венгрию и Польшу, предостерегая от «соблазна отказаться от основ наших демократий и правового государства». В июне того же года Комитет Европарламента по гражданским свободам, юстиции и внутренним делам предложил ввести санкции против венгерского правительства, обвиняя его в нарушении независимости судебной власти, свободы слова и прав меньшинств, таких как беженцы, рома и евреи. Учитывая «серьезное нарушение европейских ценностей», большинство в Европарламенте проголосовало за активацию статьи 7.

В каких условиях может ЕС противостоять иллиберализму? Интергуберментализм демонстрирует трудности введения санкций через статью 7 при действующем регулировании. Неофункционализм акцентирует внимание на действиях негосударственных структур, в особенности Комиссии и ЕСПЧ. Постфункционализм изучает внутренние причины иллиберализма и предполагает, что транснациональные акторы могут оказать наибольшее воздействие, опираясь на внутреннюю оппозицию. Эти выводы дополняют друг друга, как и стратегии, которые их формулируют [1].

Иллиберальные тенденции в европейских странах, особенно в Польше и Венгрии, представляют собой серьезный вызов для единства и ценностей Европейского Союза. Ответ ЕС на эти тенденции основывается на сложном взаимодействии между национальными интересами, правовыми нормами и политической волей. В то время как некоторые механизмы, такие как статья 7, представляют собой формальные инструменты реагирования, в реальности эффективность их применения зависит от множества факторов. Для обеспечения соблюдения основных принципов демократии и правового государства важно, чтобы ЕС и национальные правительства находили общий язык и стремились к сотрудничеству, а не конфронтации.

Пристатейный библиографический список

1. Hix S. 'When optimism fails: liberal intergovernmentalism and citizen representation', *JCMS // Journal of Common Market Studies*. – 2018. – № 56 (7). – P. 1595-1613.
2. Hobolt S. B. 'The Brexit vote: a divided nation, a divided continent' // *Journal of European Public Policy*. – 2016. – № 23 (9). – P. 1259-1277.
3. Hobolt S. B., Leeper T. & Tilley J. *Divided by the Vote: Affective Polarization in the Wake of Brexit*. – Boston: APSA, 2018.
4. Hobolt S. B. & Tilley J. 'Fleeing the centre: the rise of challenger parties in the aftermath of the Euro crisis' // *West European Politics*. – 2016. – № 39 (5). – P. 971-991.
5. Hodson D. & Puetter U. (2019). 'The European Union in disequilibrium. New intergovernmentalism, postfunctionalism and integration theory in the post-Maastricht period' // *Journal of European Public Policy*. – 2019. – № 26 (8). – P. 1153-1171.
6. Hooghe L., Lenz T. & Marks G. *A Theory of International Organization*. – Oxford: Oxford University Press, 2019.
7. Gamble A. 'Taking back control: the political implications of Brexit' // *Journal of European Public Policy*. – 2018. – № 25 (8). – P. 1215-1232.
8. Genschel P. & Jachtenfuchs M. 'From market integration to core state powers: the Eurozone crisis, the refugee crisis and integration theory', *JCMS // Journal of Common Market Studies*. – 2018. – № 56 (1). – P. 178-196.
9. Grande E. & Kriesi H. (2016). In Hutter, S., Grande, E. & Kriesi, H. (eds.), *Politicising Europe: Integration and Mass Politics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – P. 279-300.
10. Greskovits B. 'Rebuilding the Hungarian right through civil organization and contention: the civic circles movement', *EUI Working Paper RSCAS 2017/37*, 2017.

МАСТЮКОВА Ирина Игоревна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БАБИЧЕВА Анастасия Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ПЕСТРЕЦОВ Иван Вячеславович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КУЦЕПАЛОВА Валерия Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ВИНОГРАДОВА Софья Алексеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДИНАМИКА ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: ОТ ГРАНИЦ К ЭКОНОМИЧЕСКИМ СТРАТЕГИЯМ

Статья освещает динамику европейской интеграции с акцентом на процесс формирования границ. Исследуется развитие интеграционных процессов с учетом внешних и внутренних факторов, таких как глобализация, демократизация и экономическая конкуренция. Анализ показывает, как изменение международного окружения и внутренние преобразования ЕС влияли на процесс границ и интеграцию в целом.

Ключевые слова: европейская интеграция, границы, глобализация, демократизация, экономическая конкуренция, внешние и внутренние факторы, Холодная война, международное окружение.

MASTYUKOVA Irina Igorevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BABICHEVA Anastasiya Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

PESTRETSOV Ivan Vyacheslavovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KUTSEPALOVA Valeriya Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

VINOGRADOVA Sofya Alexeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DYNAMICS OF INTEGRATION PROCESSES IN THE EUROPEAN UNION: FROM BORDERS TO ECONOMIC STRATEGIES

The article highlights the dynamics of European integration with an emphasis on the process of border formation. The development of integration processes is studied taking into account external and internal factors such as globalization, democratization and economic competition. The analysis shows how the changing international environment and internal transformations of the EU affected the process of borders and integration in general.

Keywords: European integration, borders, globalization, democratization, economic competition, external and internal factors, Cold War, international environment.

Современный период интеграции Европейского Союза стал объектом активного изучения учеными, исследователями и политиками. Наследие и последствия различных фаз интеграции, а также внешних и внутренних факторов, которые оказали воздействие на этот процесс, представляют собой ключевой интерес. Этот анализ предоставляет глубокое понимание механизмов, лежащих в основе развития и трансформации ЕС, а также их последствий для глобальной политической арены. Особое внимание уделяется концептуализации интеграции с точки зрения установления границ, а также влияния глобализации и демократизации на этот процесс.

Границы рассматриваются с институциональной, территориальной, функциональной и относительной точек зрения. Они состоят из правил, регулирующих движение (въезд

и выезд) товаров и людей между территориальными организациями. Границы можно определить географически, но они не обязательно являются физическими. В качестве функциональных институтов они различаются по типу регулируемых ими операций. Таким образом, правила границ, а также их географическое расположение, зависят от их функций.

Традиционно литература выделяет экономические, культурные, политические и военные границы в соответствии с соответствующими функциональными подсистемами территориальных социальных систем. Экономическая граница регулирует движение товаров, услуг, капитала и труда, культурная граница — обмен сообщениями и идеями. Политическая граница устанавливает ограничения на юридические компетенции и политические права, регулируя объем авторитетных решений и политического влияния. Военная

граница контролирует въезд и выезд средств принуждения (оружия) и его носителей (армий или преступников).

Кроме того, границы имеют относительный характер: они не только разделяют, но и связывают территории между собой. Несмотря на регулирующие барьеры, создаваемые границами, соседние территории могут быть более или менее схожими, например, в культуре или политическом режиме, создавая так называемые «пробелы на границах».

Институциональная конфигурация каждой границы включает в себя сочетание замыкания и контроля. Замыкание определяет степень ограничения движения через границы. Открытые границы обеспечивают свободное перемещение, закрытые создают непреодолимые преграды. Контроль связан с юридической компетенцией и ресурсной способностью применять эти правила. В многоуровневой системе ЕС контроль также связан с относительными компетенциями и возможностями государств-членов и наднациональных акторов.

Также стоит упомянуть о соответствии границ — о перекрытии функциональных границ по их местоположению, замыканию и контролю. Высокое соответствие границ наблюдается, если различные функциональные границы ограничивают одни и те же территории и имеют схожие компетенции и ресурсы для их контроля. В общем, конфигурация границы представляет собой сочетание замыкания, контроля и соответствия в рамках экономических, культурных, политических и военных границ организации.

Процесс «формирования границ» включает все действия, связанные с созданием и управлением границами. Этот процесс может проявляться в двух направлениях: «размывание границ» и «восстановление границ». Под размыванием границ понимаются все действия, направленные на расширение и открытие границ, снижение контроля над границами и уменьшение их совпадения. Наоборот, восстановление границ относится к действиям по закрытию или усилению границ, увеличению контроля над границами и их согласованности.

С социологической точки зрения, интеграция имеет две стороны: внутреннее единство подсистем и внешнее разграничение системы от её окружения. Если перевести это на «язык границ», то интеграция затрагивает как внешние, так и внутренние границы. Успешная интеграция предполагает размывание внутренних границ и, наоборот, укрепление внешних границ.

С этой точки зрения, концепции и теории европейской интеграции, которые сосредоточены только на внутреннем единстве, являются неполными. Полный анализ европейской интеграции требует изучения как внутренних, так и внешних границ, а также их взаимодействия. Традиционные представления о «большей или меньшей» интеграции и «интеграции против дезинтеграции» кажутся упрощенными. На самом деле, различие между размыванием и укреплением границ приводит к четырём типам интеграции.

Наиболее эффективной является интеграция, сочетающая в себе размывание внутренних границ и укрепление внешних границ. Это сочетание реализует обе стороны успешной интеграции. В противоположность этому, смешение размывания внутренних и внешних границ ведет к разбавленной интеграции. С другой стороны, сочетание укрепления внутренних и внешних границ создает защитную

интеграцию. Оба эти типа интеграции демонстрируют один из аспектов эффективной интеграции, но игнорируют другой. А дезинтеграция происходит при сочетании укрепления внутренних границ и размывания внешних.

Важно отметить, что эти типы интеграции могут меняться в зависимости от функций, например, разбавленная интеграция в торговле и защитная интеграция в миграционной политике, и со временем.

Данный концептуальный подход предоставляет возможность для более детального анализа европейской интеграции. Традиционно литература рассматривает ее в одномерном континууме, обсуждая, например, привели ли кризисы европейской интеграции к внутренней интеграции и по каким причинам. Однако возможности анализа расширяются, если учитывать внешние границы. Если ЕС решает усилить внутреннюю интеграцию в ответ на кризис, эффективность такого подхода зависит от политики в отношении внешних границ. Даже если внутренняя интеграция не меняется, изменение внешних границ может привести к более результативной интеграции. Кроме того, даже при внутренней дезинтеграции изменение внешних границ может способствовать формированию оборонительной интеграции [7].

Такое понимание интеграции через призму границ порождает ряд вопросов для исследования. Каким образом конфигурация внешних границ ЕС — замыкание, контроль и соответствие этих границ — развивалась и менялась со временем? Какие модели границ можно выявить в ответ на кризисы ЕС и изменения в международном окружении? Каковы основные факторы и условия, определяющие формирование и изменение границ?

Предлагаем стилизованное изложение развития европейской интеграции с точки зрения процесса формирования границ. Оно включает в себя два этапа, различающихся основными моделями границ и соответствующими им кризисами.

Европейская интеграция началась с эффективной, но ограниченной интеграции в 1960-х годах. Однако из-за определенных экономических трудностей и возвращения к межправительственному подходу она впала в стагнацию. Под влиянием глобализации, завершения Холодной войны и процессов демократизации, второй этап, начавшийся приблизительно в середине 1980-х, характеризовался комбинацией внутреннего и внешнего снятия границ.

Однако этот процесс интеграции столкнулся с проблемами в связи с рядом кризисов в ЕС, нарастанием популизма и сопутствующими им процессами деглобализации и авторитаризации на международной арене. Главным вопросом сегодняшнего дня является то, приведут ли эти процессы к возвращению эффективной интеграции или же к переходу к оборонительной интеграции или даже дезинтеграции [1].

В начальной стадии интеграции три ключевых проекта были: Сообщество угля и стали, Таможенный союз и Общая сельскохозяйственная политика. Эти проекты убрали внутренние экономические границы, создав общий рынок для продукции угля и стали, а позже — для промышленных и сельскохозяйственных товаров. Параллельно была создана значимая общая внешняя экономическая граница для защиты этой интегрированной политики. Сообщество угля и стали могло устанавливать тарифы на внешние пошлины, регулировать цены в соответствии с экспортным рынком и

контролировать выдачу импортных и экспортных лицензий. Таможенный союз ввёл общую внешнюю тарифную ставку. Общая сельскохозяйственная политика была направлена на защиту фермеров посредством поддержки рынка и цен, обеспечивая их защиту от мировой конкуренции через ограничения доступа, высокие пошлины и экспортные субсидии. Все три политики были разработаны как наднациональные, с исключительными компетенциями Союза и мощными наднациональными органами. Кроме того, они были хорошо финансируемы. Сообщество угля и стали могло взимать сборы, Таможенный союз получал доходы от таможенных пошлин, а Общая сельскохозяйственная политика получала значительное финансирование из бюджета ЕС [2].

Тем не менее, ЕС был медлен в открытии своих границ для стран, не являющихся членами. При расширении на север ЕС столкнулся с рядом проблем, включая два французских вето. Внешние связи с Грецией и Турцией развивались неуверенно, а наиболее продвинутой формой интеграции с нечленами ЕС были свободные торговые соглашения по промышленным товарам со странами ЕСТА.

В целом, несмотря на то что интеграция ограничивалась несколькими экономическими политиками, она оказалась эффективной в сочетании размывания внутренних границ и укрепления внешних. Однако дальнейшие планы по наднациональной интеграции, заложенные в Римских договорах, вызвали реакцию в виде кризиса «пустого кресла» в 1965/66 годах. К тому же завершение экономического подъема после Второй мировой войны, нефтяные кризисы и «стагфляция» привели к «евросклерозу» 1970-х. В этот период новые проекты интеграции оставались на уровне межправительственного сотрудничества.

Комбинация внешних изменений и внутреннего сближения создала условия для новой ориентации в вопросах границ. Новый этап европейской интеграции начался в международной обстановке, определяемой началом «второй волны глобализации» и «третьей волны демократизации» [5]. Обе эти волны создали внешние возможности и давления на снятие границ. Глобализация усилила международную конкуренцию со стороны США и Японии, одновременно открывая новые рынки и цепочки поставок для европейских экономик. Демократизация в Южной и Восточной Европе, а также завершение Холодной войны усилили интерес к расширению ЕС. Более того, сближение экономических предпочтений среди крупных членов ЕС начиная с ранних 1980-х облегчило формирование общей либеральной агенды, направленной на открытие рынка для реагирования на эти вызовы.

Интеграция Европейского Союза является сложным и многофазным процессом, который был подвергнут различным воздействиям со стороны внешнего мира и внутренних динамик [3]. Внешние трансформации, такие как глобализация и демократизация, играли ключевую роль в формировании траектории интеграции, а внутренние конвергенции и дивергенции в экономических и политических предпочтениях стран-членов также оказали значительное влияние. В целом, понимание динамики интеграции и установления границ в ЕС предоставляет ценные уроки для будущих усилий по глубокой интеграции и сотрудничеству на международной арене.

Пристатейный библиографический список

1. Daugbjerg C. (2017). Responding to non-linear internationalization of public policy: The World Trade Organization and reform of the CAP 1992-2013 // *Journal of Common Market Studies*. – 2017. – № 55 (3). – P. 486-501.
2. Bieber F. (2018). Patterns of competitive authoritarianism in the Western Balkans // *East European Politics*. – 2018. – № 34 (3). – P. 337-354.
3. Bergmann J., & Niemann A. (2018). From neo-functional peace to a logic of spillover in EU external policy: A response to Visoka and Doyle // *Journal of Common Market Studies*. – 2018. – № 56 (2). – P. 420-438.
4. Genschel P., & Jachtenfuchs M. Postfunctionalism reversed: Solidarity and rebordering during the Corona-crisis // *Journal of European Public Policy*. – 2021.
5. Bélanger M., & Schimmelfennig F. Politicization and Rebordering in EU Enlargement: Membership Discourses in European Parliaments // *Journal of European Public Policy*. – 2021.
6. De Wilde, P., et al. (ed.). *The struggle Over borders. Cosmopolitanism and communitarianism*. – Cambridge University Press, 2019.
7. Eilstrup-Sangiovanni M. Re-bordering Europe? Collective Action Barriers to 'Fortress Europe' // *Journal of European Public Policy*. – 2021.
8. Genschel, P., & Jachtenfuchs, M. (2018). From market integration to core state powers: The Eurozone crisis, the refugee crisis and integration theory // *Journal of Common Market Studies*. – 2018. – № 56 (1). – P. 178-196.
9. Bradford A. *The Brussels Effect: How the European Union rules the world*. – Oxford University Press, 2020.
10. Albert M. Governance and democracy in European systems: On systems theory and European integration // *Review of International Studies*. – 2002. – № 28 (2). – P. 293-309.

МЕДВЕДЕВА Дарья Олеговна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БЕЛОУСОВ Никита Алексеевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ХЛЮПОВ Илья Викторович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ВЕРХОТУРОВА Дарья Алексеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ВДОВЕНКОВА Ольга Викторовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ИНТЕГРАЦИЯ И КРИЗИСЫ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ОТКЛИКОВ

Данный материал представляет собой комплексный анализ различных кризисных явлений в рамках Европейского союза, начиная с последствий Еврокризиса и заканчивая миграционным кризисом 2015 года. Статья освещает теоретические подходы, такие как неофункционализм, межправительственный подход и постфункционализм, для интерпретации реакций и решений стран-членов ЕС. Это исследование позволяет глубже понять динамику, вызовы и сложности европейской интеграции в контексте крупных кризисов.

Ключевые слова: Европейский союз, миграционный кризис, Еврокризис, интеграция, неофункционализм, межправительственный подход, постфункционализм, национальная идентичность, политический конфликт, иммиграция.

MEDVEDEVA Darya Olegovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BELOUSOV Nikita Alexeyevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KHLYUPOV Ilya Viktorovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

VERKHOTUROVA Darya Alexeyevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

VDOVENKOVA Olga Viktorovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

INTEGRATION AND CRISES IN THE EUROPEAN UNION: AN ANALYSIS OF POLITICAL AND SOCIAL RESPONSES

This material is a comprehensive analysis of various crisis phenomena within the European Union, starting with the consequences of the Eurocrisis and ending with the migration crisis of 2015. The article highlights theoretical approaches such as neo-functionalism, intergovernmental approach and post-functionalism for interpreting reactions and decisions of EU member states. This study provides a deeper understanding of the dynamics, challenges and complexities of European integration in the context of major crises.

Keywords: European Union, migration crisis, Eurocrisis, integration, neo-functionalism, intergovernmental approach, post-functionalism, national identity, political conflict, immigration.

В современной истории Европейского союза (ЕС) ряд крупных кризисов вызвал значительные вопросы и проблемы в отношении европейской интеграции. Эти кризисы не только тестировали устойчивость и гибкость структур и механизмов ЕС, но также выявили различные уровни солидарности и кооперации между странами-членами. Настоящая статья стремится предоставить глубокий анализ того, как Еврокризис и миграционный кризис 2015 года воздействовали на европейскую политику, и как различные теоретические подходы могут помочь в интерпретации ответов и решений ЕС.

Кризис еврозоны был вызван крахом доверия к финансовому сектору США после банкротства Lehman в сентябре 2008 года, являясь экзогенным для всех трех упомянутых подходов. Однако ученые из каждой области активно обсужда-

ли его последствия для Европы. Еврокризис одновременно является примером многократных межправительственных переговоров, событием, продлившим региональную интеграцию, и демонстрацией ограничивающего воздействия политизации.

Многие аспекты кризиса могут быть интерпретированы с позиций межправительственного подхода. Прежде всего, это был настоящий кризис — событие, создавшее огромную угрозу и требовавшее необычных мер реагирования. Сама идея кризиса подразумевает, что стандартные процедуры недостаточны, и инициатива в основном исходит от самих правительств-членов. В данном контексте различие между обычными процедурами ЕС и реакцией на еврокризис было наиболее очевидным. Европейский Союз был совершенно не готов к угрозе существования еврозоны. Его финансовые ре-

суды были ограничены, а статья 125 Маастрихтского договора запрещала ЕС выполнять роль «страховщика» в качестве последней инстанции. Если бы еврозона должна была выжить, это произошло бы благодаря межправительственным переговорам.

Кризис поразил Европу в форме финансового шока, с которым каждое национальное правительство столкнулось индивидуально. Однако вскоре стало ясно, что колоссальные дисбалансы в еврозоне могут привести Грецию к банкротству, что создало бы катастрофические последствия для еврозоны. Это привело к длительному процессу межправительственных переговоров, характеризующихся 1) сильной взаимозависимостью, стимулирующей правительства еврозоны координировать свои действия, и 2) резкими асимметриями, которые поставили Ирландию, Испанию, Португалию и, прежде всего, Грецию в позицию срочно нуждающихся в финансовой помощи. Повторяющиеся переговоры с октября 2008 по 2012 год были под контролем национальных правительств, основывающих свои решения на экономических интересах. Результатом стали ряд соглашений, основанных на минимально приемлемых условиях, ограниченных различиями в предпочтениях по распределению затрат на адаптацию. Это позволило избежать распада еврозоны, минимизируя краткосрочные финансовые затраты для северных государств, занимающих доминирующее положение в переговорах.

Межправительственный подход объясняет конкретные исходы переговоров как отдельные эпизоды, тогда как неофункционализм рассматривает их в более долгосрочной перспективе.

Степень кризиса в еврозоне стала непреднамеренным следствием экономической и денежной интеграции, оформленной Маастрихтским договором. Этот договор, в свою очередь, был результатом углубления единого рынка в 1980-х годах. Однако денежный союз был неполноценным: он лишил национальный уровень монетарной гибкости, но не предоставил механизмов фискальной страховки для ответа на асимметричные шоки. Во время кризиса зависимость от пройденного пути предопределила стратегию управления еврокризисом к спасению евро, а не его отказу, что вызвало необходимость корректировать его недостатки.

Первоначально межправительственные переговоры породили институты, контролируемые исключительно государствами-членами и функционирующие вне рамок ЕС. Однако в последующие годы решения, принимаемые на межправительственном уровне, приближались к обществу методу, усиливая полномочия Европейской Комиссии и Европейского парламента. В 2012 году президент ЕЦБ Драги пообещал «сделать все возможное» для сохранения евро, включая введение прямых денежно-кредитных операций и, начиная с 2015 года, квантитативное смягчение. Таким образом, непреднамеренное последствие денежного союза привело к усилению финансового кризиса, который подтолкнул государства-члены к интеграции, ранее ими отвергнутой.

Постфункционализм связывает реакцию на еврокризис с внутренней политикой, особенно с ростом националистического сопротивления европейской интеграции, что парализовало правительства, даже когда экономическая стоимость бездействия возрастала. В итоге возникла спираль кризиса и неадекватного ответа. Интенсивное функциональное давление на координацию в ЕС столкнулось с возрастающим сопротивлением сверхнациональным решениям. Радикально-националистические партии, подогреваемые таблоидами, представили кризис как борьбу между нациями

и оппозицию Брюсселю. Северные правительства были не склонны следовать рекомендациям Всемирного банка, МВФ и администрации Обамы по ребалансировке торговли. Это довело еврозону до грани краха.

Политизация в контексте эксклюзивной национальной идентичности значительно сократила варианты реформ. Главным ответом стало деполитизирование кризиса, представив его как регулятивную проблему, решаемую не мажоритарными институтами. В итоге комплекс мер ЕЦБ, планов финансовой помощи и усиленного макроэкономического надзора был частичным и отложенным. Постфункционалистский анализ не умаляет функциональных давлений, но стремится объяснить, почему рациональные с функциональной точки зрения политики могут быть политически неприемлемыми [1].

Неофункционализм, межправительственный подход и постфункционализм сосредотачивают внимание на разных аспектах и механизмах. Неофункционализм анализирует проблему сверхнациональной реформы в условиях кризиса. Он объясняет, как великая рецессия породила непредвиденные проблемы, которые привели к усилению макроэкономической координации, созданию банковского союза и расширению полномочий ЕЦБ. Межправительственный подход акцентирует внимание на расходящихся национальных предпочтениях и последующих переговорах, которые привели к ряду частичных соглашений. Постфункционализм указывает, что реакция на еврокризис была ограничена из-за активации разлома во внутренней политике, противопоставляющего сторонников европейских решений и защитников национальной солидарности. С этой точки зрения, эти теории не являются взаимоисключающими, а могут дополнять друг друга в объяснении реакции Европейского союза на еврокризис.

Иммиграция является национальной компетенцией для всех стран-членов ЕС, однако в рамках Шенгенской зоны существует общая система для просителей убежища, известная как Общая европейская система убежища или Дублинская система. Эта система требует от просителей убежища обработки их заявлений в первой стране, в которую они въехали. Дублинская система не была создана для обработки больших чисел, и ее возможности были исчерпаны, когда Италия и Греция прекратили проверку людей летом 2015 года, позволив им двигаться на север [2]. Кризис обострился в августе 2015 года, когда немецкое правительство временно приостановило действие Дублинского регламента для сирийских беженцев, чтобы принимать их напрямую, а затем частично изменило курс, временно восстанавливая граничные контроли с Австрией. Эти события вызвали цепную реакцию односторонних действий, в рамках которой страны Шенгена закрыли границы, отказались от приема просителей убежища и отказались реализовывать план перераспределения 160 000 беженцев, к которому они правообязались.

Эти действия в полной мере соответствуют интергосударственному подходу, согласно которому подмножество государств решительно не намерено идти на компромиссы. В отличие от еврокризиса, которая была воспринята как существенная угроза для Еврозоны, миграционный кризис выдвигал слабые требования к сотрудничеству. Несмотря на то, что транснациональные финансы были решающим фактором в настаивании на глубокой интеграции для спасения евро, в миграционном кризисе группы по правам человека оставались единственным последовательным гуманитарным голосом, который был заглушен односторонними дей-

ствиями. Более того, экономическая стоимость несогласия в миграционном кризисе была умеренной. Даже полное приостановление Шенгена не повлияло бы на экономический рост. Государства, наименее пострадавшие от миграционных давлений, могли игнорировать просьбы о приеме беженцев, не опасаясь того, что их уклонение вернется им, если другие последуют их примеру. С точки зрения теории игр, наименее затронутые государства имели доминирующую стратегию, независимую от реакции, которую они ожидали от государств-передовиков. Результат соответствует интерговернментализму: наименьший общий знаменатель, при котором отказники получают свой кусок пирога и едят его, блокируя реформу, которая наложила бы общий рамочный документ, отказываясь брать на себя ответственность за прибывших беженцев [6].

Хотя интерговернментализм актуален для основных переговоров о квотах для беженцев, неофункционализм с его более широким ракурсом помогает понять, почему, вне освещения вниманием, произошло инкрементное, хотя и несистематическое, увеличение сверхнациональной активности. Неофункционалистский анализ ищет а) дисфункции в существующем порядке, которые могут спровоцировать кризис после внешнего шока; б) неизменные издержки, которые создают предпосылки против дезинтеграции; и в) сверхнациональные и транснациональные акторы, предлагающие более глубокую интеграцию для исправления дисфункций. Дублинский режим, который является неожиданным следствием Шенгенского соглашения, которое отменило паспортный контроль на внутренних границах, был дисфункциональным. Заставленные координироваться, но не стремясь отказаться от суверенитета над основной государственной властью, государства-члены установили минимальную систему, характеризующуюся «низкой гармонизацией, слабым мониторингом, низкой солидарностью и отсутствием сильных институтов» [3]. Это могло продолжаться, только если поток просителей убежища был небольшим и разнообразным. Кризис беженцев 2015 и 2016 годов нарушил оба эти предположения.

Сверхнациональные структуры приняли инициативу в предложении реформы. В мае 2015 года Европейская комиссия представила Европейскую повестку дня по миграции, в которой описаны немедленные шаги для решения кризиса, а также реформа Дублинской системы на среднесрочную перспективу. План Комиссии по перераспределению беженцев был отклонен, но сотрудничество на сверхнациональном уровне было усилено для обработки иммигрантов и контроля за границами.

Постфункционализм акцентирует внимание на политике идентичности. Миграционный кризис затронул национальную идентичность, так как от европейского населения требовалось предоставить убежище культурно различным людям. И было ли это вопросом для Европы или национальных правительств? К осени 2015 года иммиграция стала основной проблемой в большинстве стран ЕС, и растущая поддержка националистических партий затруднила заключение компромиссных соглашений на европейском уровне [7].

Миграционный кризис усилил давно существующее транснациональное разделение, возникшее из-за проникновения национальных государств иммиграцией, интеграцией и торговлей. Это разделение приняло форму социального расслоения, которое, возможно, структурирует политический конфликт на генерационном временном масштабе. Через это разделение осуществлялась интерпретация вызова

помощи миллионам беженцев из разрушенных войной Сирии и Ирака.

Кризисы в ЕС предоставили нам уникальную возможность пересмотреть и оценить динамику европейской интеграции. Хотя вызовы были многочисленными и сложными, они также выявили способность ЕС адаптироваться и искать новые пути сотрудничества. Три рассмотренных нами теоретических подхода - неофункционализм, межправительственный подход и постфункционализм - предоставили различные инструменты для анализа и понимания этих кризисов. Они показали, как культурные, экономические и политические различия могут формировать решения на европейском уровне. В то время как будущие кризисы неизбежны, уроки, извлеченные из прошлых испытаний, могут служить основой для более устойчивого и солидарного Европейского союза.

Пристатейный библиографический список

1. Dalton R. J. Political Realignment: Economics, Culture and Electoral Change. - Oxford: Oxford University Press, 2018.
2. Deutsch K. W. Nationalism and Social Communication. - Cambridge: MIT Press, 1966.
3. Diez-Medrano J. Framing Europe: Attitudes to European Integration in Germany, Spain, and the United Kingdom. - Princeton: Princeton University Press, 2003.
4. De Vries C. E. The cosmopolitan-parochial divide: changing patterns of party and electoral competition in the Netherlands and beyond // Journal of European Public Policy. - 2018. - № 25 (11). - P. 1541-1565.
5. Börzel T. A. и Risse T. (2018). From the Euro to the Schengen crises: European integration theories, politicization, and identity politics // Journal of European Public Policy. - 2018. - № 25 (1). - P. 83-108.
6. Börzel T. A. (2016). From EU governance of the crisis to crisis of EU governance: regulatory failure, redistributive conflict and eurosceptic publics // JCMS: Journal of Common Market Studies. - 2016. - № 54 (Annual Review). - P. 8-31.
7. Blauburger M. и Kelemen D. R. (2017). Can courts rescue national democracy? Judicial safeguards against democratic backsliding in the EU // Journal of European Public Policy. - 2017. - № 24 (3). - P. 321-336.
8. De Wilde P., Leupold A. и Schmidtke, H. (2016). The differentiated politicisation of European governance // West European Politics. - 2016. - № 39 (1). - P. 1-182.
9. Dennison J. и Geddes A. Brexit and the perils of Europeanized migration // Journal of European Public Policy. - 2018. - № 25 (8). - P. 1137-1153.

МОХАМЕД Салем Абдаллах Талеб

аспирант 2-го курса кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЗАПАДНОЙ САХАРЫ

В этом году исполняется более полувека с тех пор, как Генеральная Ассамблея ООН провозгласила право сахарского народа на самоопределение. В этот длительный период, в течение которого территория подвергалась колониальной преемственности, сначала испанскому контролю, а затем марокканской военной оккупации, Организация Объединенных Наций ежегодно подтверждала это право и в настоящее время считается последней колонией в Африке, и с тех пор Генеральная Ассамблея подтверждает «ответственность Организации Объединенных Наций перед народом Западной Сахары» и право сахарского народа на «самоопределение и независимость в соответствии с принципами, закрепленными в Уставе Организации Объединенных Наций и ее резолюции 1514 (XV)». В этой статье мы объясним правовой статус Западной Сахары в международном праве и то, как применять резолюции Совета Безопасности для достижения окончательного урегулирования этого конфликта.

Ключевые слова: Западной Сахары, Совета Безопасности, ООН, Генеральная Ассамблея, Оккупации, Резолюции.

МОКНАМЕД Salem Abdalaha Taleb

postgraduate student of the 2nd course of International law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA)

INTERNATIONAL LEGAL STATUS OF WESTERN SAHARA

This year marks more than half a century since the UN General Assembly proclaimed the right of the Saharan people to self-determination. During this long period, during which the Territory was subjected to colonial succession, first to Spanish control and then to Moroccan military occupation, the United Nations annually reaffirmed this right and is now considered the last colony in Africa, and since then the General Assembly has reaffirmed the “responsibility of the United Nations to the people of Western Sahara” and the right of the Saharan people to “self-determination and independence in accordance with the principles enshrined in the Charter of the United Nations and its resolution 1514 (XV)”. In this article, we will explain the legal status of Western Sahara in international law and how to apply Security Council resolutions to achieve a final settlement of this conflict.

Keywords: Western Sahara, The Security Council, UN, The General Assembly, Occupation, Resolutions.

«Испанская Сахара», прежнее название Западной Сахары, была колонизирована Испанией в 1884 году, имеет приблизительную площадь поверхности в 266 000 км² и множество полезных природных ресурсов, таких как нефть, фосфат и другие полезные ископаемые. Испанцы колониальные власти, которые создали две зоны: северную зону Сакиет-эль-Хамра и южную зону Рио-де-Оро В 1965 году Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла свою первую резолюцию по Западной Сахаре, в которой просила Испанию деколонизировать территорию. Год спустя Генеральная Ассамблея приняла новую резолюцию с просьбой о проведении Испанией референдума о самоопределении, но вооруженные силы Марокко и Мавритании оккупировали Западную Сахару с явным нарушением международного права после ухода Испании, в то же время фронт Полисарио, освободительное движение Сахрави, объявило о создании РАСД и в том же году вступил в войну с этими государствами, в 1981 году РАСД подписал мирное соглашение с Мавританией [1].

Западная Сахара внесена Организацией Объединенных Наций (ООН) в список недеколонизированных территорий и, таким образом, включена в список самоуправляющихся территорий Организации Объединенных Наций, который рассматривает Испанию как де-юре управляющее государство. Согласно международному праву, Западная Сахара не является законной частью Марокко и по-прежнему подпадает под действие международных законов о военной оккупации. Это соответствует пониманию статьи 73 Устава Организации Объединенных Наций, согласно которой:

Члены Организации Объединенных Наций, которые несут или принимают на себя ответственность за управление территориями, народы которых еще не достигли полной степени самоуправления, признают принцип, согласно которому интересы жителей этих территорий имеют первостепенное значение, и принимают как священное обязательство максимально содействовать, в рамках системы международного мира и безопасности, установленной настоящей Хартией, благополучие жителей этих территорий [2].

13 декабря 1974 года Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 3292 (XXIX) с просьбой к Суду вынести консультативное заключение по вопросу о Западной Сахаре. Генеральная Ассамблея подтвердила право населения Испанской Сахары на самоопределение в соответствии с Декларацией о деколонизации 1960 года и сочла, что сохранение колониальной ситуации в Западной Сахаре ставит под угрозу стабильность и гармонию в регионе северо-Западной Африки [3]. Консультативное заключение было необходимо Генеральной Ассамблее для принятия любых дальнейших мер по этому вопросу ввиду противоречащих друг другу территориальных претензий Королевства Марокко и Мавритании к этой территории. Как отметил сам Суд, заключение было запрошено с практической и современной целью, а именно для того, чтобы Генеральная Ассамблея была в лучшем положении для принятия решения о политике, которой следует придерживаться в отношении деколонизации Западной Сахары [4].

По мнению Суда, право этого населения на самоопределение являлось основным допущением поставленных перед ним вопросов [5]. Она далее отметила, что Декларация

о деколонизации была дополнена резолюцией 1541(XV) Генеральной Ассамблеи, в которой рассматриваются три возможности для процесса деколонизации самоуправляющихся территорий, а именно превращение в суверенное независимое государство; свободная ассоциация с независимым государством; или интеграция с независимым государством [6]. На действительность принципа самоопределения, определяемого как необходимость должным образом учитывать свободно выраженную волю народов, по мнению Суда, не повлиял тот факт, что в некоторых случаях Генеральная Ассамблея обходилась без требования проведения консультаций с жителями данной территории [7]. Суд придерживался мнения, что процесс деколонизации, предусмотренный Генеральной Ассамблеей, является процессом, в рамках которого уважается право населения Западной Сахары определять свой будущий политический статус на основе своего собственного и свободно выраженного волеизъявления. Кроме того, [8] Суд признал, что Генеральной Ассамблее была предоставлена определенная свобода действий в отношении форм и процедур, с помощью которых должно было быть реализовано право на самоопределение [9].

В своем консультативном заключении от 16 октября 1975 года Суд упомянул два важных требования для осуществления принципа самоопределения, а именно, чтобы его выражение было (а) свободным, т.е. осуществлялось без вмешательства извне, и (б) подлинным, т.е. являлось выраженной волей народа территории, обеспокоенный [10]. Кроме того, Суд обратил внимание на Декларацию о дружественных отношениях 1970 года, которая, помимо трех вариантов становления в качестве суверенного независимого государства, ассоциации и интеграции, включала также «любой другой политический статус, свободно определяемый народом [11]. Эти выводы соответствуют позиции самой Генеральной Ассамблеи, выраженной в ее многочисленных резолюциях, в том числе касающихся Западной Сахары.

Помимо предоставления полезных юридических консультаций Генеральной Ассамблее при выполнении ею своих функций в отношении деколонизации этой территории, заключение способствовало проведению: а) референдумов как общепринятого средства выражения народной воли и; б) сохранению Западной Сахары в повестке дня ООН. Следует отметить, что процесс деколонизации принял другой оборот, когда Марокко аннексировало две трети Западной Сахары в 1976 году и всю ее после ухода Мавритании в 1979 году. Непрерывное прекращение огня, вступившее в силу с сентября 1991 года, положило конец конфликту между Фронтом Полисарио (Народным фронтом освобождения Сегия-эль-Хамра и Рио-де-Оро) и Марокко. Тем не менее, попытки Миссии ООН по проведению референдума в Западной Сахаре (МООНРЗС) провести референдум провалились, и стороны до сих пор отвергали все предложения, выдвинутые при посредничестве. Это, безусловно, пример того, как консультативное заключение Суда, при добросовестном применении, могло бы привести к справедливому, мирному и прочному решению. Вместо этого его игнорирование привело к затяжному конфликту и необходимости развертывания войск ООН и учреждений по оказанию гуманитарной помощи в этом регионе, чтобы сдерживать конфликт и облегчить человеческие страдания.

Согласно с (Карлос Руис Мигель), (Моисес Понсе де Леон Иглесиас), (Иоланда Бланко Соуто) Марокко несет единственную ответственность за создание препятствий на

пути урегулирования проблемы деколонизации Западной Сахары путем несоблюдения резолюций Совета Безопасности и уставов Генеральной Ассамблеи в нарушение международного права, и все это происходит под прикрытием Франции и Америки в Совете Безопасности. в то время как мы видим Российскую Федерацию, которая призывает Марокко предоставить сахарцам право на самоопределение, и это та же позиция, что и у Китая, принцип самоопределения является одним из важнейших принципов Организации Объединенных Наций, и в случаях его применения в соответствии с международным правом он всегда считается наиболее успешным для самоопределения народов, и именно это мы наблюдали в аналогичной ситуации на референдуме, проведенном в Восточном Тиморе.[12]

Португалия, управляющая державой территорией Восточный Тимор, 22 февраля 1991 года возбудила судебное разбирательство против Австралии в связи с «определенными действиями Австралии в отношении Восточного Тимора. Предметом спора было соглашение, заключенное Индонезией и Австралией о разведке континентального шельфа так называемого «Тиморского пролива». Португалия утверждала, что Австралия своим поведением «не выполнила обязательства уважать обязанности и полномочия [Португалии как] управляющей державы [Восточного Тимора] и право народа Восточного Тимора на самоопределение [13] и смежные права. Смежные права в данном случае включали право на территориальную целостность». целостность и единство и постоянный суверенитет над природными богатствами и ресурсами как следствия права народов на самоопределение. Как следствие, Австралия была вынуждена прекратить нарушать соответствующие международные нормы и выплатить компенсацию народу Восточного Тимора и Португалии [14].

Признавая, что «утверждение Португалии о том, что право народов на самоопределение, вытекающее из Устава и практики Организации Объединенных Наций, имеет характер *erga omnes*, является безупречным, Суд не пошел дальше в определении того, что именно влечет за собой этот характер *erga omnes*. Таким образом [15] Суд упустил возможность разъяснить объем обязательств *erga omnes* в отношении права на самоопределение. Если бы Суд решил вынести еще более суровое решение по этому вопросу, это помогло бы в какой-то степени преодолеть разрыв между тем, что Бруно Симма назвал миром «должного», и миром есть [16]. В любом случае, огласка, приданная проблеме Восточного Тимора простым вынесением ее на рассмотрение Международного суда, в сочетании с возобновленными усилиями международного сообщества привели к проведению 30 августа 1999 года всенародного референдума под наблюдением ООН, на котором народ Восточного Тимора проголосовал за свою независимость от Индонезии [17]. Таким образом, хотя Суд пришел к выводу, что он не обладает юрисдикцией для рассмотрения этого дела[18]. можно сказать, что судебное разбирательство в его производстве, по-видимому, оказало положительное влияние на решение проблемы Восточного Тимора [19].

Самоопределение относится к области, где интересы и взгляды государств настолько противоречивы, что государства не в состоянии договориться об определенных и специфических стандартах поведения и поэтому должны довольствоваться расплывчатыми формулировками весьма общих руководящих указаний или принципов [20]. Суду удалось закрепить это право в рамках свода норм международного

права с помощью двух принципов; первое гласит, что право на внешнее самоопределение принадлежит всем зависимым территориям, а второе - о непризнании актов иностранного военного вмешательства, агрессии и оккупации, которые приводят к нарушению права народов на самоопределение. Этот второй принцип соответствует принципу, принятому Генеральной Ассамблеей в ее последних резолюциях по этому вопросу [21]. Хотя роль Суда в контексте процесса деколонизации была охарактеризована как второстепенная по отношению к политическим органам ООН, особенно Генеральной Ассамблее [22] его поддержку деятельности этих органов и дальнейшему развитию международного права в этой области невозможно переоценить. Как отметил Рагацци, Суд в целом придерживается «ценностно-ориентированного» подхода [23], который, по-видимому, направлен на обеспечение надежной юридической поддержки [24] определенным фундаментальным правам человека. Разрабатывая и используя такие концепции, как «обязательства erga omnes» [25] и признавая erga omnes характер права народов на самоопределение, или посредством своей интерпретации «священного доверия цивилизации», Международный суд внес вклад в поощрение уважения прав человека и человеческого достоинства, а в более широкой перспективе - в развитие Международного права. реализация права народов на самоопределение. По-видимому, по мнению Суда, обязательства erga omnes в отношении права на самоопределение включают обязанность содействовать, посредством совместных и отдельных действий, реализации принципа равноправия и самоопределения народов в соответствии с положениями Устава и оказывать помощь Организации Объединенных Наций при выполнении обязанностей, возложенных на него Уставом в отношении его осуществления.

Пристатейный библиографический список

1. Western Sahara, 1975 I.C.J. 12, para. 77 (Oct. 16) (advisory opinion).
2. General Assembly Resolution 1514 (XV) of the United Nations
3. General Assembly Res. 3292 (XXIX) of 13 December 1974.
4. ICJ, Western Sahara, Advisory Opinion of 16 October 1975, ICJ Reports 1975, p. 20, par. 20.
5. Ibidem.
6. See also General Assembly Res. 1541 of 15 December 1960, UN Doc. A/4684 (1960).
7. Western Sahara, p. 33, par. 59.
8. CIAS/Plen.2/Rev.2.
9. A/RES/2074 (XX), 17 December 1965.
10. A/RES/2288, 7 December 1967.
11. A/RES/2248 (S-V), 19 May 1967.
12. THE WESTERN SAHARA SELECTED PRIMARY LEGAL SOURCES [15 BASIC STATEMENTS ON THE CONFLICT]
13. ICJ, East Timor (Portugal v. Australia), ICJ Reports 1995, p. 92, par. 1.
14. East Timor, Application of 22 February 1991, par. 32. Available at: <http://www.icjci.org/docket/files/84/6809.pdf> (last accessed on 1 November 2009).
15. East Timor, ICJ Reports 1995, p. 102, par. 29.
16. B. Simma, Does the UN Charter provide an Adequate Legal Basis for Individual or Collective Responses to Violations of Obligations erga omnes?, in: Delbrück, J. (ed.), *The Future of International Law Enforcement, New Scenarios-New Law?*, Berlin: Duncker & Humblot, 1993, p. 126.
17. After the referendum of 30 August 1999 the transitional government was entrusted to the United Nations Transitional Administration of East Timor (UNTAET), which was established on 25 October 1999. UNTAET administered the territory until 20 May 2002 when East Timor became officially independent.
18. East Timor, ICJ Reports 1995, p. 106, par. 38. In paragraph 29 of the judgment the Court had already stated that it could not rule on the lawfulness of the conduct of a State when its judgment would imply an evaluation of the lawfulness of the conduct of another State which is not a party to the case, even if the right in question were a right erga omnes.
19. Rosenne's *The World Court: What It Is and how It Works*, 6th completely revised edition by T.D. Gill, Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2003, p. 193.
20. Cassese, supra note 1, p. 351.
21. See General Assembly Res. 59/180 of 20 December 2004 entitled 'Universal realization of the right of peoples to self-determination'. In the relevant paragraph this resolution reads: 'Declares its firm opposition to acts of foreign military intervention, aggression and occupation, since these have resulted in the suppression of the right of peoples to self-determination and other human rights in certain parts of the world. [emphasis in original]'
22. J. Crawford, supra note 1, pp. 592 and 605.
23. M. Ragazzi, *The Concept of International Obligations Erga Omnes*, Oxford University Press, 1997, p.
24. See G. Zyberi, supra note 1, pp. 29-31.
25. The Court in the Barcelona Traction case held that the obligations of a State towards the international community are obligations erga omnes. Such obligations derive, for example in contemporary international law from... principles and rules concerning the basic rights of the human person, including protection from slavery and racial discrimination. Some of the corresponding rights of protection have entered into the body of general international law...; others are conferred by international instruments of a universal or quasiuniversal character a whole. See Barcelona Traction, Judgment of 5 February 1970, ICJ Reports 1970, p. 32, par. 33.

БАТУРЬЯН Маргарита Аветисовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ГОЛОБОРОДЬКО Артём Владимирович

магистрант Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

РАЗРЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ ОБРАТНОЙ ОТСЫЛКИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В рамках данного исследования автором рассматривается проблема практического применения обратной отсылки как института международного частного права. В целях анализа различных подходов к исследуемой теме, автором изучены разнообразные подходы в законодательстве государств по вопросу применения обратной отсылки. Проведен систематический анализ положений российского законодательства в части применения данного института в сопоставлении с законодательством иностранных государств. Изучены различные точки зрения отечественных ученых, выступающих за принятие обратной отсылки, а также выделены преимущества применения данного института международного частного права.

Ключевые слова: коллизионная норма, обратная отсылка, международный договор, иностранное право.

BATURYAN Margarita Avetisovna

Ph.D. in philological sciences, associate professor of Foreign languages sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

GOLOBORODKO Artyom Vladimirovich

magister student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

SOLVING THE PROBLEMS OF THE PRACTICAL APPLICATION OF THE BACKLINK IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN LEGISLATION

Within the framework of this study, the author examines the problem of the practical application of the backlink as an institution of private international law. In order to analyze various approaches to the topic under study, the author has studied various approaches in the legislation of states on the use of backlink. A systematic analysis of the provisions of Russian legislation regarding the application of this institution in comparison with the legislation of foreign countries has been carried out. The various points of view of domestic scientists advocating the adoption of a backlink are studied, and the advantages of using this institute of private international law are highlighted.

Keywords: conflict of laws rule, backlink, international agreement, foreign law.

Современный мир справедливо считается эпохой глобализации. Применение цифровых технологий и развития международных институтов сделало взаимодействие государств постоянным в самых разных сферах. Особое место занимает сотрудничество в экономических процессах, которые и стали основой современного глобального мира. Но для обеспечения устойчивого и взаимовыгодного сотрудничества между государствами необходимо строить экономические отношения на базе современного международного и национального законодательства, отвечающего всем требованиям эпохи и способного разрешать сложные правовые ситуации. Одной из таких ситуаций является выбор национального права государства, которое будет компетентно регулировать конфликты между субъектами международного частного права.

Во внутреннем праве государств существуют особые правила — коллизионные нормы, которые содержат правила выбора права: они так или иначе указывают, гражданское право какого государства следует применять для разрешения конкретных гражданских правоотношений с иностранным элементом. Именно для обеспечения коллизионных норм в праве был создан институт обратной отсылки. В российском гражданском праве он предусматривается ст. 1190 Гражданского Кодекса РФ. В соответствии с приведенной нормой, любая отсылка к зарубежному праву должна считаться отсылкой к материальному праву, исключая возможность отсылки

на коллизионные нормы. Обратная отсылка — это технический прием, благодаря которому облегчается регламентация правоотношений, осложненных иностранным элементом [1].

Институт обратной отсылки является важной составляющей современного правового пространства, оказывая существенное влияние на процесс правоприменения и становление правовых норм. Обратная отсылка дает возможность использовать принципы и стандарты права, принятые в рамках международного сообщества, для решения давно известных или новых проблем в мировой торговле и ином взаимодействии. Это проявляется в возможности согласовывать национальные законы с общепризнанными стандартами, обеспечивающие деятельность в разных областях, таких как международное публичное и частное право, международное гуманитарное право и другие. Кроме того, институт обратной отсылки является важным источником создания справедливости и предсказуемости при правоприменении. Наличие международных стандартов позволяет судам и иным органам ориентироваться на те принципы, которое смогло выработать международное право, что способствует устранению произвола и придает юридическим процессам надлежащую обоснованность и непререкаемость.

Правовая доктрина выработала несколько подходов к толкованию коллизионной нормы, которое определяет, каким образом должно применяться иностранное право. При узком толковании суд руководствуется только матери-

альным иностранным правом, в то время как при широком толковании применяются как материальные, так и коллизионные нормы зарубежного права. Российский законодатель пошёл по пути узкого толкования, поскольку применение широкого подхода вызывает множество проблемных аспектов в правоприменении.

Но не во всех государствах обратная отсылка регулируется одинаково. Например, гражданское законодательство Таиланда вообще не знает подобного коллизионно-правового института. Многие страны романо-германской правовой семьи допускают применение обратной отсылки. Так как данный институт начал развиваться в XX веке, он успел как правовое наследие укорениться в правовых системах бывших колоний европейских держав. Так, например, обратная отсылка признаётся в праве Алжира, которое формировалось под влияние французского законодательства, в котором также существует данный институт.

Но, в рамках международной практики, нередко возникают вопросы, связанные с применением данного института. Проблематика обратной отсылки в международном частном праве заключается в поиске баланса между необходимостью применять национальное право для разрешения конкретного спора и определением условий, при которых будет происходить отсылка к праву другого государства. Этот вопрос является крайне важным, поскольку полностью определяет режим частных правоотношений, который будет использоваться при взаимодействии субъектов международного частного права в том или ином случае.

Одной из основных проблем обратной отсылки является определение условий и критериев, по которым будет осуществляться эта отсылка. При этом необходимо учитывать различные системы права, правила гражданства, президентства и подданства, а также разные способы толкования законодательства стран, которые имеют свои исторические и социальные особенности, находящих выражение в правовой системе. Это может привести к сложностям в определении применимого права при рассмотрении дела в судебных инстанциях. Нередко возникают проблемы в практическом применении обратной отсылки, особенно в случаях, когда правила разных государств противоречат друг другу или имеют различные подходы к подобным вопросам. Вышеуказанный пример с различным подходом государств к институту правовой отсылки показывает, что это проблема действительно имеет место.

Еще одной проблемой обратной отсылки является возможность отказа государства в признании и применении другого государственного права в своей юрисдикции. Причиной этого может служить неуверенность в компетенции другого государства в регулировании данного вопроса, различные политические, культурные, религиозные или иные факторы, которые могут оказывать влияние на принятие решения относительно применимого права и его признания. В результате возникает риск конфликта правовых норм и принципов, что затрудняет достижение справедливого и эффективного правосудия.

Одним из самых проблемных вопросов является возникновения ситуации, когда коллизионная норма российского права отсылает правоприменителя к коллизионной норме из зарубежного законодательства, которое, в свою очередь, отсылает его обратно для применения отечественного за-

конодательства. О существовании подобной проблемы уже неоднократно высказывались ученые, например, Н. И. Марышева [2].

Понимая наличие подобной проблемы, законодатель предусмотрел в вышеупомянутой статье 1190 Гражданского кодекса РФ правило, которое исключает для отечественных судов возможность отсылаться на коллизионные нормы других стран. При этом, в данной статье предусмотрен п.2, который оставляет за судами права применить обратную отсылку в тех случаях, когда речь идёт об определении статуса физического лица. Подобное исключение не является новеллой нашего законодателя. До принятия третьей части Гражданского кодекса РФ подобное исключение уже существовало в правовом поле Швейцарии [3].

До недавнего времени круг отношений, на которые распространяется положение п. 2. ст. 1190 ГК РФ был прямо указан путем перечисления конкретных статей ГК РФ. Однако такого рода уточнение порождало вопросы о возможности применения обратной отсылки в случае использования коллизионных норм, относящихся к определению статуса физического лица, но содержащихся в иных нормативно-правовых актах. В 2013г. были внесены изменения в 4 часть ГК РФ, в результате которых из статьи был исключен конкретный перечень норм и было предусмотрено исключение, существующее в законе и на сегодняшний день. Следует отметить положительное влияние данного нововведения, которое позволило сохранить прежний объём тех отношений, которые данная норма затрагивала раньше. При этом, данная норма приобрела эффективность как средство успешного восполнения пробелов в праве по принципу субсидиарного применения, т.е. её стало возможно применять для разрешения спорных ситуаций в смежных с гражданским отраслях права.

Например, п. 2 ст. 1190 ГК РФ в современной редакции решает одну из проблем российского законодательства, связанную с возможностью применения обратной отсылки к брачно-семейным отношениям. Семейный кодекс РФ не содержит института обратной отсылки, поэтому вопрос со статусом физических лиц в сфере брачно-семейных отношений являлся не до конца урегулированным. Но, беря во внимания положения ст.4 Семейного кодекса РФ, позволяющих применять к отношениям между супругами и другими членами семьи положения гражданского законодательства, если возникшее правоотношение не урегулировано нормами семейного права. Это дало возможность судам разрешать спорные моменты, связанные со статусом супругов разных государств с применением института обратной отсылки.

Формулировка статьи, регулирующая статус обратной отсылки, включает в себе решение ещё одной практической проблемы. Так, одним из способов разрешения вопроса обратной отсылки является отсылка не к праву государств, субъектами которых являются участники правоотношения, а к праву третьей страны. Но в данном случае также возможна ситуация, при которой правовая система стороннего государства будет коллизионной. Для избегания подобных случаев, российским законодателем указывается, что «любая отсылка к иностранному праву» должна быть отсылкой к материальному, а не к коллизионному праву.

Перспективным способом решения проблемы обратной отсылки, как способа применения коллизионной нормы, также является возможность заключения системы междуна-

родных договоров между государствами, в которых бы регламентировались ситуации, требующие применение обратной отсылки, и наоборот. Как отмечает Честных Д. Н., «такие договоры есть, но их немного. Принятие обратной отсылки предусмотрено, например, в Конвенции, устанавливающей единообразный закон о переводном и простом векселях 1930г. и Конвенции, устанавливающей единообразный закон о чеках 1931г. Обратная отсылка в них установлена в отношении вопросов способности лица давать обязательства по векселям и чекам» [4].

Но, следует заметить, на сегодняшний день существует лишь небольшое количество международно-правовых договоров, которые направлены на разрешение проблемы обратной отсылки. Связано это, как нам представляется, с сохранением тенденции приоритета положений национального законодательства над нормами международного права в подавляющем количестве государств мира. В связи с этим, вопросы институтов международного частного права разрешаются в национальных нормативно-правовых актах, таких как ГК РФ. В странах же англосаксонской правовой системы, где судебный прецедент является полноценным источником права, вопрос применения обратной отсылки может быть разрешен и путём принятия прецедентного решения.

Так, подобная прецедентная норма была создана английским судьёй в 1841 году, когда суд столкнулся с правовой системой Бельгии. Суть дела состояла в том, что гражданин Англии, постоянно проживающий в Бельгии и имеющий там имущество, скончался. При этом, бельгийским судом было выяснено, что у скончавшегося гражданина не имелось необходимых документов, подтверждающих законность его проживания на территории страны, что позволило не признать его статус постоянно проживающего. Английский судья английский судья принял отсылку бельгийской коллизионной нормы, создав тем самым прецедентную норму, в соответствии с которой отсылка иностранной коллизионной нормы к нормам английского права должна приниматься. Учитывая тот факт, что данное дело касалось наследственных правоотношений, прецедент был сформирован именно для такой категории дел. При других обстоятельствах суд мог создать иной прецедент, предпочитая использовать национальное законодательство в случаях отсылки к иностранным коллизионным нормам.

Тем не менее, прецедентный способ разрешения проблемы правовой отсылки невозможен в условиях романо-германской семьи, к которым относится и Россия, не рассматривающей судебные решения как источник права.

Анализируя вышесказанное, можно отметить, что Россия не выбрала ни одну из крайностей, связанную с решением проблемы обратной отсылки. Главной проблемой данного института, как уже было сказано, является возможность столкновения коллизионных норм разных государств в бесконечном отсылочном круге. Выбирая между принятием обратной отсылки и отказом от неё, отечественный законодатель принял решения взять концепцию непринятия обратной отсылки, но сделав исключения из общего правила. Данные исключения были призваны облегчить работу суда и оставить возможность применения обратной отсылки в тех областях, где она наиболее уместна.

В результате этого, было сформировано положение о том, что обратная отсылка возможна только в случае обра-

щения к материальному, но не коллизионному праву. Как исключение из правила, была оставлена возможность обратной отсылки для определения личного закона физического лица. Подобный подход можно считать осмысленным и решающим ключевую проблему данного института.

При этом, следует признать, что проблематика обратной отсылки в международном частном праве продолжает требовать тщательного анализа и учета различных факторов, чтобы найти баланс между защитой интересов сторон конкретного спора и установлением применимого права, которое будет эффективно и справедливо. Отсылка к праву другого государства должна осуществляться с учетом общих принципов справедливости, устоявшихся норм международного права и уровня развития международной правовой системы.

Пристатейный библиографический список

1. Ануфриева Л. П. Международное частное право. В 3-х томах. Том 1. Общая часть. – М.: БЕК, 2002. – 283 с.
2. Марышева Н. И. Обратная отсылка в международном частном праве: российское законодательство // Журнал российского права. – 2018. – № 11. – С. 55.
3. Шеховцова Н. С. Проблемы применения обратной отсылки в международном частном праве // Молодой ученый. – 2020. – № 27. – С. 320.
4. Честных Д. Н. Проблема обратной отсылки в международном частном праве // Молодой ученый. – 2020. – № 51 (341). – С. 310.

ЛЕБЕДЕВА Яна Игоревна

научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской Академии наук

КЛАУЗУЛА О ПЕРЕДАЧЕ ПОЛНОМОЧИЙ ЕВРОПЕЙСКОМУ СОЮЗУ В ПРАКТИКЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ СУДОВ (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ И ЧЕХИИ)

В статье анализируются правовые позиции таких конституционных судов государств-членов Европейского союза, как Германия и Чехия. Федеральный конституционный суд Германии представляет собой один из наиболее авторитетных высших судов Европы. Начиная с 1970-х гг. он формировал правовые позиции, касающиеся отдельных аспектов европейской интеграции. Его подход к вопросу разграничения компетенции между Союзом и национальным правительством является одним из наиболее строгих, последовательных и разработанных. Он сформировал большое количество ограничений в отношении передачи суверенных полномочий и их реализации институтами Союза путем издания источников вторичного права. Помимо таких ограничений, в практике Конституционного суда сформировалась методология рассмотрения таких актов в отношении возможного выхода за пределы компетенции (*ultra vires*), которой ФКС, однако, не всегда в точности придерживается. В противоположность, практика Конституционного суда Чехии начала формироваться совсем недавно после того, как государство стало членом Европейского союза в 2004 г. Его правовая позиция является более дружественной по отношению к общеевропейским институтам; он не выступает с позиции максимизации государственного суверенитета и предоставляет законодательной власти прерогативу в определении линии разграничения компетенции. Однако в ряде вопросов рассматриваемые конституционные суды выражают определенную солидарность. Это касается вопроса о верховенстве конституции по отношению к актам Европейского союза. Оба суда признают, что контроль *ultra vires* должен осуществляться только в исключительных случаях и в дружественной манере по отношению к европейскому праву.

Ключевые слова: европейское право, право Европейского союза, конституционное право, конституционное правосудие, передача полномочий, государственный суверенитет.

LEBEDEVA Yana Igorevna

scientific researcher of the Human Rights Department of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

THE PROVISION ON TRANSFER OF POWERS TO THE EUROPEAN UNION IN PRACTICE OF CONSTITUTIONAL COURTS (GERMANY AND CZECH REPUBLIC EXPERIENCE)

The article analyzes the legal positions of such constitutional courts of the Member States of the European Union as Germany and the Czech Republic. The Federal Constitutional Court of Germany is one of the most authoritative supreme courts in Europe. Since the 1970s, he has been forming legal positions concerning certain aspects of European integration. His approach to the division of competence between the Union and the national authority is one of the most rigorous, consistent and developed. He established a large number of restrictions on the transfer of sovereign powers and its realization by EU institutions issuing secondary law. In addition, a methodology in relation to possible exceeding the limits of competence (*ultra vires*) has been developed in practice of the Constitutional Court. However, the Court does not always strictly adhere to it. In contrast, the practice of the Czech Constitutional Court began to take shape quite recently after the state became a Member of the European Union in 2004. It is friendlier towards EU institutions; it does not maximize State sovereignty and grants the legislature the right to determine the limits of competence. But sometimes respective constitutional courts considered in the article express a certain solidarity. This concerns the supremacy of the Constitution over the acts of the European Union. Both courts recognize that *ultra vires* control should be exercised only in exceptional cases and in a friendly manner to European law.

Keywords: European law, European Union law, constitutional law, constitutional justice, transfer of powers, State sovereignty.

Разграничение полномочий является одним из проблемных аспектов взаимодействия Европейского союза и его государств-членов. В данном случае линия разграничения полномочий существенно различается в зависимости от того, какой точки зрения, союзной или национальной придерживаться. Практика Суда ЕС по этому вопросу формировалась с момента основания Европейских сообществ и является очень обширной [1]. Подходы Суда были обобщены с целью подготовки клаузулы о наделении компетенцией в Конституцию для Европы¹. После того, как Конституция не получила необходимой поддержки при ратификации, принципу

наделения компетенцией была посвящена ст. 5 Договора о Европейском союзе².

Согласно п. 2 ст. 5 Договора Союз действует только в пределах компетенции, которую ему предоставили в Договорах государства-члены. Любая компетенция, не предоставленная Союзу в Договорах, принадлежит государствам-членам. Формулировка этого положения прямо указывает на то, что именно государства-члены предоставляют объединению полномочия в различных сферах. Союз не располагает полной властью по определению своих полномочий (нем. – *Kompetenz-Kompetenz*) [2, с. 260]. В то же время предоставление полномочий осуществляется государствами-членами «в Договорах», то есть в качестве результата формирования общей

¹ Draft Treaty establishing a Constitution for Europe (Adopted by consensus by the European Convention on 13 June and 10 July 2003. Submitted to the President of the European Council in Rome) // 2003/C 169/01, 18 July 2003. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52003XX0718\(01\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52003XX0718(01)) (дата обращения: 10.10.2023).

² Consolidated version of the Treaty on European Union // OJ C 326. – 26.10.2012. – P. 13–390. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12012M%2FTXT> (дата обращения: 10.10.2023).

воли государств, а не издания односторонних национальных (в том числе конституционных) актов.

Иной точки зрения придерживаются высшие суды целого ряда государств-членов. Они рассматривают в качестве первичной правовой основы передачи полномочий положения конституций и иных национальных актов. В качестве такого положения можно привести ст. 11 Конституции Италии 1947 г., согласно которой Республика на основе взаимности с другими государствами соглашается на ограничение суверенитета, необходимое для порядка, обеспечивающего народам мир и справедливость (ст. 11). В Основном законе ФРГ также было сформулировано подобное положение: Федерация может на основании закона передавать осуществление своих суверенных прав межгосударственным учреждениям (абз. 1 ст. 24).

В отличие от понимания передачи полномочий как результата взаимного согласия, идея об односторонней основе наделения компетенцией предполагает, что государство может самостоятельно устанавливать любые ограничения до такой передачи и проверять акты и действия органов международной организации в последующем. В одном из первых дел, рассмотренных Федеральным конституционным судом Германии в отношении этого вопроса, указывалось, что независимые акты международных организаций даже после передачи полномочий должны получать признание изначального и единственного суверена³. Под сувереном в Решении понимается немецкое государство. Конституционный суд Германии неоднократно осуществлял контроль над источниками права Европейских сообществ (а затем и Союза). Перечень ограничений в отношении передачи полномочий в практике Конституционного суда только расширялся и становился все более нюансированным.

В Решении по делу *Solange I* 1974 г.⁴ рассматривался вопрос о том, не нарушают ли определенные акты институтов Европейского экономического сообщества права и свободы, гарантированные Основным законом Германии. Попутно в Решении Конституционный суд высказывал суждения в отношении передачи полномочий, осуществляемой на основании ст. 24 Основного закона. В частности, было отмечено, что такая передача осуществляется на основании закона. Следовательно, она не может приводить к изменению «базовых структур» (определение термина в Решении отсутствует) Основного закона, поскольку для этого требуется не просто издание закона, а принятие конституционных поправок. Более того, ФКС указал, что положение о передаче полномочий не следует понимать буквально, – оно лишь приоткрывает национальную правовую систему в предусмотренных пределах (подробнее см. п. 43 Решения). В последующем подобный ограничительный подход в отношении передачи полномочий составил принцип «открытой государственности» (нем. – *offene Staatlichkeit*), суть которого заключается в том, что ст. 24 означает не более, чем готовность Германии участвовать в международных организациях на определенных условиях.

При создании Европейского союза в 1992 г. государства-члены договорились о наделении этой организации широкими полномочиями, которые ранее отсутствовали у Европейских сообществ. Некоторые из них, например, формирование общей внешней политики и политики безопас-

ности, сотрудничество полиции и судов в уголовно-правовой сфере (а затем и в иных областях внутренних дел) традиционно ассоциировались с государственным суверенитетом. Германия, которая выступала в качестве ведущего сторонника создания профедеративного ЕС [3, с. 197], одновременно с этим существенно расширила контроль в отношении реализации полномочий наднациональными институтами.

В Решении Maastricht 1993 г. Конституционный суд указал, что право на демократическое представительство, гарантированное в абз. 1 ст. 38 Основного закона, является одним из неизменяемых положений Конституции, которые закрепляют демократический, социальный и федеративный характер немецкого государства. Передача и реализация полномочий Европейским союзом не должна посягать на это право, иначе Конституционный суд может объявить акты его органов и институтов неприменимыми на территории Германии. Кроме того, по мнению ФКС, немецкий парламент не только должен осуществлять передачу полномочий на основании закона, но и четко определять объем и степень такой передачи. Иное равносильно их полному отчуждению (п. 105). В последующем деятельность наднациональных институтов должна быть связана определенной «программой интеграции» (нем. – *Integrationsprogramm*) [8]⁵.

В Решении по делу *Lisbon*⁶ Конституционный суд вместо понятия «базовых структур» Основного закона оперирует термином фундаментальные политические и конституционные структуры немецкого государства, которые формируют его конституционную идентичность [7] (см. п. 241). Помимо конституционных прав человека (в том числе права на демократическое представительство, которое рассматривается в Решении), в это понятие входят вопросы материального и процессуального уголовного права; монополия на применение силы полицией и армией; условия жизни в социальном государстве; а также вопросы особой культурной важности и фундаментальные финансовые вопросы⁷ (п. 252). Полномочия в указанных сферах не могут быть полностью отчуждены

5 Содержание понятия «программа интеграции» в решении не уточняется и может быть установлено на основании позиции Конституционного суда по делу *Eurocontrol I*. В нем ФКС указал, что «программа интеграции» изложена в учредительном договоре, который надлежащим образом одобрен немецким парламентом (пункт 107). По мнению немецкого исследователя М. Виганда, программа интеграции – это будущее развитие международной организации, которое должно с достаточной степенью определяться на основании учредительного документа, одобренного национальным актом о присоединении к организации. BVerfG. Case 2 BvR 1107/77 and 195/79.

6 BVerfG. Case 2 BvE 2/08. Lisbon. Order of 30 June 2009 // BVerfGE 123, 267.

7 Наибольшее число дел в отношении превышения институтами Союза предоставленных полномочий касаются фундаментальных финансовых вопросов. По мнению Конституционного суда, после передачи полномочий Бундестаг должен сохранять общую ответственность при достаточной политической осмотрительности в отношении доходов и расходов (п. 265 Решения по делу *Lisbon*). В последующем в решении по делу *Weiss II* принцип бюджетного суверенитета Парламента был еще более усилен. ФКС указал, что Бундестаг должен принимать все важные решения о доходах и расходах (п. 104). Поскольку к настоящему моменту Европейский центральный банк и иные институты наделены очень широкими полномочиями в рамках экономического и валютного союза, Конституционный суд часто рассматривает акты в этой области с точки зрения передачи полномочий. В качестве примера см.: BVerfG. Case 2 BvR 859/15. Weiss. Order of 5 May 2020 // BVerfGE 154, 17; BVerfG. Case 2 BvR 2728-2731/13, 2 BvE 13/13. Gauweiler. Order of 21 June 2016 // BVerfGE 142, 123.

3 Bundesverfassungsgericht (далее – BVerfG). Case 2 BvR 255/69. Lütticke. Order of 9 June 1971 // BVerfGE 31,145 (174). – Para 97.

4 BVerfG. Case 2 BvL 52/71. Solange I-Beschluß. Order of 29 May 1974 // BVerfGE 37, 271.

в пользу Европейского союза, поскольку это было бы равносильно потере Германией суверенной государственности.

После принятия Лиссабонского договора в 2007 г.⁸, где было четко закреплено, что Союз наделяется полномочиями именно в учредительных договорах, ФКС Германии разработал более сложную процедуру рассмотрения актов вторичного права на соответствие предоставленным полномочиям [6, р. 271]⁹. В соответствии с ней Конституционный суд действует в два этапа. На первом рассматривается, не превышает ли акт институтов Союза пределов компетенции, как она предоставлена на основании учредительных договоров ЕС. На этом этапе Конституционный суд координирует свою деятельность с Судом ЕС, то есть обращается к последнему с преюдициальным запросом до или сразу после принятия собственного решения. В данном смысле ФКС учитывает роль Суда ЕС в толковании и применении учредительных договоров, благодаря чему сохраняется единство и согласованность права Союза¹⁰. Следующий этап заключается в рассмотрении акта в свете положений Основного закона о передаче полномочий. При этом Конституционный суд будет реализовывать контроль, только если акт наднационального института приводит к изменению в самой структуре разделения полномочий между Союзом и государствами-членами¹¹. Иными словами, ФКС выражает определенную терпимость к выходу за пределы полномочий, которые время от времени могут осуществлять институты Европейского союза. В целом, с позиции Конституционного суда толкование должно осуществляться в дружественной манере по отношению к европейскому праву (нем. – *europarechtsfreundliche Auslegung*).

В 1993 г. был осуществлен раздел Чехословакии. Годом ранее в Чехии была принята национальная конституция и учрежден орган конституционного контроля. Практически сразу после присоединения к Европейскому союзу в 2004 г. Конституционный суд начал рассматривать жалобы, связанные с толкованием ст. 10а Конституции, согласно которой международным договором может быть предусмотрена передача отдельных полномочий органов Чешской Республики международной организации или учреждению (п. 1). Первое, что можно отметить, – правовым основанием передачи полномочий, согласно Конституции, является именно международный договор, а в случае ЕС – учредительные договоры этой организации. Такой договор должен быть одобрен Парламентом или на референдуме (п. 2).

Согласно первому решению Конституционного суда, вынесенному в отношении положения о передаче полномочий, *Sugar Quota Case III* 2006 г.¹², верховенство и прямое действие права Союза основано на самой доктрине этого права, которое получило развитие в практике Суда ЕС. Ограничение полномочий национальных властей также означает, что

их свобода усмотрения в отношении верховенства и прямого действия также ограничена.

Таким образом, ст. 10а Конституции образует нормативную основу для передачи полномочий и одновременно открывает правовой порядок Чехии для права Союза, включая правила его действия в национальном праве (подробнее см. раздел VI, пункт А-3, параграфы 23-24 Решения). Такой подход различается с тем, который принял ФКС Германии, когда заявил, что даже после передачи полномочий акты институтов Союза должны получать признание немецкого суверена (см. выше, дело *Lütticke*, п. 97).

В Решении по делу *Lisbon Treaty I* 2008 г.¹³ Конституционный суд Чехии отклонил доводы Президента Республики в отношении того, что расширение полномочий ЕС в связи с принятием Лиссабонского договора, несовместимо с суверенитетом Чешской Республики. Конституционный суд указал, что суверенитет государства всегда ограничен объективными условиями. Он сводится до наличия легитимного правительства, которое может определять будущее страны, а не просто следовать альтернативам, предложенным внешними силами. Иными словами, реализация свободы для государства (как и для индивида) означает возможность действовать как субъект, а не просто выступать объектом влияния. В такой системе, как ЕС, характеризующейся взаимозависимостью, реализация суверенитета состоит в том, чтобы быть действующим лицом, к которому прислушиваются соседние государства, с которым они активно участвуют в переговорах, и чьи национальные интересы принимаются во внимание (подробнее см. п. 107 Решения). Таким образом, Конституционный суд Чехии признает весьма ограниченный характер суверенитета государства в качестве определенной реалии современного мира. Примечательно, что в Решении не определены характеристики государства, конституционные положения или сферы общественных отношений, которые устанавливают «красную линию» в отношении передачи полномочий (как это сделал ФКС Германии в деле *Lisbon*, см. выше).

Отдельные чешские политики неоднократно просили Конституционный суд определить полномочия, которые не могут быть переданы Европейскому союзу [4, с. 801]. Однако, по мнению Конституционного суда, «определение пределов такой передачи в первую очередь является прерогативой законодательной власти, потому что это *a priori* политическое решение, которое предполагает широкую свободу усмотрения»¹⁴. Такая ответственность не может быть возложена на судебную власть. Последняя может изучать такие ограничения только после того, как они приняты на политическом уровне¹⁵. Попытка раз и навсегда определить содержание понятие чешского государства (на чем настаивали заявители по делу *Lisbon Treaty II* 2009 г. при поддержке Президента Республики) представляет собой судебный активизм, отличный от воли законодательного органа.

Конституционный суд подчеркнул, что в целом рассматривает механизмы, созданные в рамках институциональной структуры ЕС в качестве достаточных для оценки сферы осуществления переданных полномочий¹⁶. Однако подобная по-

8 Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007 // OJ C 306. – 17.12.2007. – P. 1–271. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12007L%2FTXT> (дата обращения: 10.10.2023).

9 Такая процедура была впервые применена в деле *Honeywell* 2010 г. Однако исследователи указывают, что в последующем Федеральный конституционный суд позволял себе существенные отклонения от принятой им юридической методологии, в частности, в деле *Gauweiler* 2016 г.

10 BVerfG. Case 2 BvR 2661/06. *Honeywell*. Order of 6 July 2010 // BVerfGE 126, 286(302). – Para 56.

11 Ibid. – Para. 61.

12 Constitutional Court of the Czech Republic. Case No Pl. ÚS 50/04. *Sugar Quota Case III*. Judgment of 8 March 2006.

13 Constitutional Court of the Czech Republic. Case No Pl. ÚS 19/08. *Lisbon Treaty I*. Judgment of 26 November 2008.

14 *Lisbon Treaty I*. – Para 109.

15 Constitutional Court of the Czech Republic. Case No Pl. ÚS 29/09. *Lisbon Treaty II*. Judgment of 11 March 2009. – Para 111.

16 По всей видимости, в данном случае имеется в виду соответствующая роль, которую играет Суд ЕС в таком пересмотре – прим. автора.

зиция Конституционного суда может быть пересмотрена в будущем, если окажется, что эта структура перестанет функционировать надлежащим образом. Суд подтвердил, что теоретически может в исключительных случаях пересматривать акты институтов ЕС, например, когда при превышении полномочий затрагиваются национальная идентичность или ценности Республики¹⁷. И, действительно, в 2012 г. Конституционный суд впервые принял Решение¹⁸ о том, что Суд ЕС при рассмотрении дела *Landtová*¹⁹ допустил выход за пределы полномочий. Несмотря на обещание осуществлять контроль *ultra vires* только в достаточно исключительных случаях, Конституционный суд даже не указал на причины, почему Решение Суда ЕС несовместимо с основными положениями Конституции Чехии (то, что ФКС Германии называет «базовой структурой» Основного закона). Вместо этого он просто указал, что Решение Суда Союза противоречит устоявшейся практике Конституционного суда. Представляется, что подобная аргументация не является достаточной, и в будущем может возникать ситуация, при которой Суд ЕС будет рассматриваться в качестве превысившего полномочия всякий раз, когда Конституционный суд не будет согласен с его доводами.

Позиции органов конституционного контроля Чехии и Германии сближаются в отношении того, что конституция имеет приоритет над правом ЕС в национальном праве. В Решении по делу *Sugar Quotas III* 2006 г. Конституционный суд Чехии указал, что факторы, которые оказывают влияние на национальное правовое поле, не должны противоречить демократическому характеру государства. Кроме того, существующие стандарты Европейского союза в отношении защиты основных прав не могут ниже защиты, предоставляемой в Чехии, или заметно отклоняться от стандартов Конституционного суда. Как и ФКС Германии Конституционный суд Чехии обязался заявлял о необходимости толковать Конституцию в дружественной манере по отношению к европейскому праву. Однако формулированию правил осуществления такого толкования отводится более значительное место в практике последнего. Ограничение принципа дружественного толкования выступает то, что оно не должно приводить к изменению содержания конституционных норм. Это равнозначно внесению поправок в Конституцию, которое представляет собой исключительную прерогативу Учредительного собрания.

Выводы

Сравнительный анализ демонстрирует значительные различия практики Конституционных судов ФРГ и Чехии в отношении передачи суверенных полномочий. Первый из указанных судов изначально заявил о своем праве контролировать акты наднациональных институтов и осуществлял такой контроль на протяжении всей истории членства в ЕС. Федеральный конституционный суд очертил границы передачи полномочий и разработал соответствующую методологию по пересмотру актов вторичного права. Он установил значительное число «красных линий» в отношении возможного превышения полномочий – как по кругу затрагиваемых статей национальной конституции, так и по сфере важных

для национального суверенитета общественных отношений. Конституционный суд Чехии изначально был нацелен на более проевропейский подход. В частности, он заявляет о наличии у чешского государства довольно ограниченно суверенитета; рассматривает определение границ передачи полномочий в качестве прерогативы законодательной власти; отказывается от формирования самостоятельной и законченной позиции по этому вопросу как проявления нежелательного судебного активизма. Отчасти это приводит к тому, что практика Конституционного суда Чехии является непоследовательной и недостаточно аргументированной. Например, в Решении по делу *Slovak Pensions XVII*, где акт института якобы выходит за пределы предоставленных ЕС полномочий, не приводится доводов в отношении структурной значимости такого превышения, а также не указываются важные положения национальной конституции, которые затрагиваются этим нарушением. По этой причине, несмотря на более проевропейскую риторику, позиция Конституционного суда Чехии по делу *Slovak Pensions XVII* может указывать, что аргумент о выходе за пределы полномочий может быть использован всякий раз, когда позиция наднационального института (в особенности, Суда ЕС) противоречит прецедентной практике Конституционного суда.

Пристатейный библиографический список

1. Timmermans Ch. ECJ Doctrines on Competences // The Question of Competence in the European Union / Ed. by L. Azoulay. – Oxford: Oxford University Press, 2014.
2. Blanke H.-J., Mangiameli S. A Treaty on European Union: A Commentary. – Berlin: Springer, 2013.
3. Baun M. An Imperfect Union: The Maastricht Treaty and the New Politics of European Integration (The New Europe Interdisciplinary Perspectives). – New York: Routledge, 2019.
4. Kühn Z. The Czech Republic: From a Euro-Friendly Approach of the Constitutional Court to Proclaiming a Court of Justice Judgment Ultra Vires // National Constitutions in European and Global Governance: Democracy, Rights, the Rule of Law / Ed. by A. Albi, S. Bardutzky. – The Hague: Springer, 2019.
5. Wiegand M. Germany's International Integration: The Rulings of the German Federal Constitutional Court on the Maastricht Treaty and the Out-of-Area Deployment of German Troops // American University International Law Review. – 1995. – Vol. 10. – Iss. 2. – P. 889-916.
6. Wendel M. Exceeding Judicial Competence in the Name of Democracy. The German Federal Constitutional Court's OMT Reference // European Constitutional Law Review. – 2014. – Vol. 10. – Iss. 2. – P. 263-307.
7. Васильева Т. А. Суд ЕС и конституционные суды государств-членов Европейского союза в поисках конституционной идентичности // Труды Института государства и права РАН. – 2019. – № 2. – С. 32-58.
8. Eurocontrol I. Order of 23 June 1981 // BVerfGE 58, 1. Wiegand M. Germany's International Integration: The Rulings of the German Federal Constitutional Court on the Maastricht Treaty and the Out-of-Area Deployment of German Troops // American University International Law Review. – 1995. – Vol. 10. – Iss. 2. – P. 915.

17 Пункт 150 Решения по делу *Lisbon Treaty II* в совокупности с п. 120 Решения по делу *Lisbon Treaty I*.

18 Constitutional Court of the Czech Republic. Case No Pl. ÚS 5/12. *Slovak Pensions XVII*. Judgment of 31 January 2012.

19 CJEU. Case C-399/09. *Landtová*. Judgment of 22 June 2011.

СКАЗИН Никита Андреевич

магистр Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БРЫКОВА Дарья Дмитриевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КАРАГОДИНА Елизавета Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

РЫМАРЬ Борис Николаевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СВИСТАК Анастасия Витальевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДИНАМИКА ГРАНИЦ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ВЫЗОВЫ

В статье рассматриваются процессы изменения границ в контексте Европейского Союза, анализируются внутренние и внешние факторы, которые влияют на эти динамики. Внимание уделяется последствиям такого изменения для безопасности, демократии и интеграции ЕС, а также различным подходам к переориентации границ, исходя из структурных, экономических и политических реалий.

Ключевые слова: Европейский Союз, динамика границ, внутренняя переориентация, внешняя переориентация, безопасность, демократия, интеграция, структурные условия, экономические различия, политические переговоры.

SKAZIN Nikita Andreyevich

master's degree Far Eastern Federal University, Vladivostok

BRYKOVA Darya Dmitrievna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KARAGODINA Elizaveta Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

RYMAR Boris Nikolaevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SVISTAK Anastasiya Vitalyevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

THE DYNAMICS OF BORDERS IN THE EUROPEAN UNION: INTERNAL AND EXTERNAL CHALLENGES

The article examines the processes of border changes in the context of the European Union, analyzes the internal and external factors that influence these dynamics. Attention is paid to the consequences of such a change for the security, democracy and integration of the EU, as well as various approaches to reorienting borders based on structural, economic and political realities.

Keywords: European Union, border dynamics, internal reorientation, external reorientation, security, democracy, integration, structural conditions, economic differences, political negotiations.

В современных условиях глобализации и политических трансформаций, роль границ как элемента государственной суверенности становится предметом особого внимания исследователей. Европейский Союз, являясь уникальным примером межгосударственной интеграции, предоставляет ценный материал для изучения динамики граничных регуляций. Внутренние и внешние факторы, воздействующие на структуру и функции границ ЕС, выявляют сложные взаимосвязи между безопасностью, экономикой и политическими реалиями региона.

Фаза «разбавленной интеграции» европейского процесса обусловила существенное расширение политического диапазона, сверхнациональных полномочий и состава ЕС. В то же время ЕС проявил большую открытость к глобализирующемуся миру, став более гибким как на внешнем, так и на внутреннем уровне [2].

Такое видение интеграции выразилось в дисбалансе: оно ограничивало возможности национальных государств, при

этом не предоставляя европейским структурам аналогичные ресурсы и права. Сверхнациональные субъекты активно формировали и защищали открытые границы, но страны ЕС были сдержанными в предоставлении им автономных финансовых и правоприменительных инструментов.

Усиление внутренней открытости границ было продиктовано программой Единого рынка, валютным союзом и Соглашением Шенгена. Однако внешнее укрепление границ не стало противовесом внутреннему. Развитие Единого рынка совпадало с глобализацией торговли, достигшей вершины благодаря реформам ГАТТ и созданию ВТО в 90-х. Под влиянием ВТО ЕС модифицировал внешние границы своей аграрной политики.

Однако движение людей оставалось под строгим контролем. Несмотря на отмену внутренних паспортных контролей ЕС, не были созданы централизованные механизмы контроля внешних границ. Регулирование внешних границ

Шенгена и вопросы миграции продолжали зависеть от национальной политики стран-членов [4].

Процесс расширения и разнообразие укрепили тенденцию к уменьшению внешних барьеров. Демократические процессы в Южной Европе способствовали расширению ЕС на юг, а в Центральной и Восточной Европе этот процесс повторился в 1990-2000-х. В северных странах сочетание факторов, таких как завершение Холодной войны, стимулировало присоединение к ЕС, в результате чего к 2013 году число членов ЕС достигло 28 [5].

Недавние кризисы Европейского союза тесно связаны с регулированием его границ и представляют собой значительное испытание для него. Эти кризисы также породили популистскую реакцию против процессов устранения границ. Более того, периоды глобализации и демократизации, которые поддерживали интеграцию, завершились. «Третья волна автократизации» достигла внешних границ ЕС: от неудачной «Арабской весны» и турецкого авторитаризма на юге, через «стабилитократию» на Западных Балканах, до гибридных режимов в странах Восточного партнерства и, наконец, российской автократии на востоке.

Автократизация стала крупным препятствием для расширения ЕС, поскольку новые члены должны быть устойчивыми демократиями. Более того, автократическая Россия, решившая предотвратить вторжение ЕС в ее геополитическую сферу, препятствует интеграции в Восточном соседстве [1]. После Великой рецессии, усиленной торговой политикой администрации Трампа и пандемией Covid-19, глобализация превратилась в «медленную глобализацию», уменьшив долю мировой торговли и прямых иностранных инвестиций в мировом ВВП.

Ослабление демократизации и глобализации в ЕС, многократные кризисы и популистская реакция, которую они вызвали, оказывают глубокое воздействие на политическое развитие ЕС. Существуют убедительные доказательства того, что они меняют основное направление европейской интеграции от устранения границ к их восстановлению.

В целом, открытость внешних границ ЕС сокращается, при этом Европейский союз предпринимает шаги по усилению своих граничных контрольных мер. Темпы расширения ЕС замедлились: после присоединения Хорватии в 2013 году ни одно новое государство не вступило в Союз, а текущие кандидаты на вступление далеки от заключения договоров о присоединении. В тот же период ЕС сосредоточился на защите целостности внутреннего рынка и усилении регуляторного согласования в обмен на доступ к рынку в рамках внешних дифференцированных соглашений, что видно не только в процессе Brexit, но и в переговорах со Швейцарией [6].

На программном уровне термины, такие как «Европейская стратегическая автономия» в Глобальной стратегии 2016 года, обещание фон дер Ляйен возглавить «геополитическую Комиссию», классификация Комиссией Китая как «системного соперника» в марте 2019 года и рассуждения о «промышленной стратегии» и «лидерах» указывают на рост дискурса восстановления границ в политике ЕС. В операционном плане PESCO и инвестиции в Европейскую пограничную и береговую службу свидетельствуют о возобновленном интересе к созданию внешних граничных контрольных механизмов. Остается открытым вопросом, насколько существенными и эффективными будут эти разработки. Кроме того,

укрепление внешних границ может направить ЕС в различные стороны: от разбавленной интеграции к эффективной интеграции, защитной интеграции или даже дезинтеграции.

Для анализа и объяснения процесса переустановки границ предлагается аналитическая рамка, исходящая из определенной конфигурации институциональных границ. Эта конфигурация определяет местоположение, степень закрытости, контроль и согласованность внешних границ Европейского союза. Каждая такая конфигурация создает или обозначает разрывы между пространствами по обе стороны границы, будь то разрывы в богатстве, религиозных или политических режимах. Совокупно конфигурация границ и эти разрывы определяют возможности и ограничения для транзакций через границы, влияя на эффективность ЕС и его государств-членов. В зависимости от этой эффективности конфигурация границ подвергается политизации. Политизация границ в свою очередь приводит к переговорам о границах на европейском уровне, которые могут привести к изменению внутренних и/или внешних границ.

Основное предположение рамки заключается в том, что дилемма масштаба и сообщества определяет процесс установления границ. Когда масштаб управления расширяется, силу общины теряет. Под «масштабом» понимаются преимущества устранения границ. Открытие границ для экономического и культурного обмена способствует лучшему распределению ресурсов и знаний. Оно расширяет индивидуальные свободы — например, путешествовать, искать более высокооплачиваемую работу или уходить из социально или политически угнетающих условий. Однако, открытые границы могут размывать идентичность, солидарность, безопасность и демократическое самоуправление общины. Это может привести к ослаблению социальных связей и уменьшению готовности людей вносить вклад в общее благо и заниматься социальным обменом [7].

В отношении безопасности уменьшение границ ослабляет способность сообщества защищаться не только от трансграничной преступности, шпионажа и военных атак, но и от внешнего политического влияния и вмешательства. Таким образом, размывание границ неблагоприятно влияет на демократию. Более того, увеличение размеров области усиливает дистанцию и делает более сложной ответственность между гражданами и властями, увеличивая стоимость и сокращая возможности для участия. Слабая коллективная идентичность и солидарность подрывают социальные основы демократии.

Для формулирования ряда общих предположений об условиях формирования границ предположим, что создатели политики проектируют конфигурации границ таким образом, чтобы баланс масштабных и общественных эффектов соответствовал общественным предпочтениям. Значительные изменения в граничных разрывах и операциях нарушают это равновесие. Более широкие граничные разрывы усиливают давление на восстановление границ. Различия между территориями по обе стороны границы влияют на спрос на определенные граничные операции. Например, большие доходные разрывы создают спрос на экономическую миграцию; небольшие культурные и политические разрывы способствуют дружественным и частым операциям. Государства корректируют закрытие и контроль своих границ в соответствии с воспринимаемыми угрозами и возмож-

ностями граничного разрыва и предполагаемыми граничными операциями.

Уменьшение разрывов между границами способствует их снятию. Это уменьшает восприятие угрозы для общины, расширяет возможности масштабирования и обеспечивает симметричные транзакции. Европейский союз, будучи миролюбивым и многосторонним союзом богатых демократических государств, склонен открывать свои границы для аналогичных государств. В то же время он, вероятно, будет закрывать и контролировать свои границы с бедными, авторитарными, националистическими и конфликтными государствами из-за отсутствия общих ценностей и интересов, а также возможностей для сотрудничества и из-за страха перед миграцией и коррупцией. Таким образом, либерализация и демократизация международной среды ЕС в 1980-х и 1990-х годах способствовали открытию границ, в то время как в 2010-х годах авторитаризм стал одной из основных причин их восстановления.

Дефициты в области общественности приводят к политизации границ. Подобные дефициты, такие как растущее неравенство или угрозы национальной идентичности, приводят к тому, что вопросы границ становятся центром политического конфликта. Проблемы границ начинают определять основные направления политического конфликта. Обе измерения политики — экономическое и культурное — рассматриваются в контексте открытости границ против их закрытия, что усиливает политическое противостояние между сторонниками интеграции и демаркации. Те, кто поддерживает закрытие и контроль, создают партии, формируют политические альянсы и коалиции, и мобилизуют экономических, культурных и политических «проигравших» от снятия границ. Этот процесс политизации дефицитов общественности приводит к росту электоральной поддержки сторонников восстановления границ, что в свою очередь меняет баланс сил на национальном и уровне ЕС в их пользу.

Выбор между внутренним и внешним изменением границ зависит от их относительной осуществимости и затрат. В зависимости от осуществимости и стоимости этих вариантов решение по изменению границ будет склоняться к внутреннему или внешнему методу. Чем сложнее переконфигурация внешней границы, тем менее эффективным оно обещает быть в устранении дефицитов текущей конфигурации, и тем больше затрат это будет влечь по сравнению с внутренним решением, тем вероятнее, что переговоры по внешнему изменению границ не будут успешными, и страны вернуться к внутреннему методу.

Из-за ряда структурных причин вероятнее всего, что давление на изменение границ приведет к спросу на внешний метод. Во-первых, потери при изменении границ обычно более выражены для внутреннего метода. Во-вторых, различия между государствами-членами и не-членами обычно больше, чем между самими государствами-членами. Таким образом, внешний метод обещает большие преимущества, чем внутренний. По этим причинам заинтересованные стороны, столкнувшиеся с дилеммой, вероятно, будут настаивать на внешнем методе изменения границ.

Анализ процессов трансформации граничных регуляций в Европейском Союзе позволяет сделать вывод о многогранности и сложности этих процессов. Несмотря на структурные и экономические вызовы, ЕС продолжает искать

пути эффективной интеграции, противостоящий внешним и внутренним давлениям. Осознание необходимости гармонизации внутренних и внешних граничных стратегий обеспечивает поддержание стабильности и продолжение развития в регионе, что, в свою очередь, служит залогом устойчивого будущего Европейского Союза.

Пристатейный библиографический список

1. Moravcsik, A. Negotiating the single European Act. National interests and conventional statecraft in the European community // *International Organization*. – 1991. – № 45 (1). – P. 19-56. <https://doi.org/10.1017/S0020818300001387>.
2. Rodrik D. The globalization paradox: Democracy and the future of the world economy. – Norton, 2011.
3. Lavenex, S., Krizic, I., Veuthey, A. EU boundaries in the making: Functionalist versus federalist // *Journal of European Public Policy*. – 2021. <https://doi.org/10.1080/13501763.2021.1881586>
4. Schimmelfennig, F. European integration 'theory' in times of crisis. A comparison of the Euro and Schengen crises // *Journal of European Public Policy*. – 2018. – № 25 (7). – P. 969-989. <https://doi.org/10.1080/13501763.2017.1421252>.
5. Ludlow N. P. From deadlock to dynamism. The European community in the 1980s. In D. Dinan (Ed.), *Origins and evolution of the European Union* (pp. 218–232). – Oxford University Press, 2006.
6. Lutz P., & Karstens F. External borders and internal freedoms: How the refugee crisis shaped the bordering preferences of European citizens // *Journal of European Public Policy*. – 2021. <https://doi.org/10.1080/13501763.2021.1882541>.
7. Niemann A. *Explaining decisions in the European Union*. – Cambridge University Press, 2006.
8. Popescu G. *Bordering and ordering the twenty-first century. Understanding borders*. Rowman and Littlefield. – 2012.
9. Kriesi H., Altiparmakis A., Bojar A., Oana N. Debordering and re-bordering in the refugee crisis: a case of 'defensive integration' // *Journal of European Public Policy*. – 2021. <https://doi.org/10.1080/13501763.2021.1882540>.

Гурьянова Виктория Валентиновна

заместитель председателя правительства Астраханской области, полномочный представитель губернатора Астраханской области в Думе Астраханской области и представительных органах муниципальных образований – министр Астраханской области; аспирант Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕФИНИТИВНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ «ПРАВОВТВОРЧЕСТВО»

Статья посвящена детальному анализу доктринально-дефинитивного набора правового явления «правотворчество». Проанализированы компоненты правовой категории правотворчество, организовано соотнесение термина правотворчество с такими категориями как законотворчество, нормотворчество. Представлена разнонаправленная позиция ученого сообщества о понятии правообразование в контексте исследования дефиниции правотворчества. Сформирована и обоснована авторская позиция о самостоятельности правового явления правотворчества, категоризированы его элементы, сконструирована гипотеза о динамичности механизма правотворчества в институциональном и социально прикладном варианте.

Ключевые слова: право, правотворчество, нормотворчество, законотворчество, правообразование.

GURYANOVA Viktoriya Valentinovna

Deputy Chairman of the Government of the Astrakhan Region, Plenipotentiary Representative of the Governor of the Astrakhan Region in the Duma of the Astrakhan Region and representative bodies of municipalities - Minister of the Astrakhan Region; postgraduate student of the V. N. Tatishchev Astrakhan State University

Гурьянова В. В.

THEORETICAL ASPECTS OF DEFINITIVE SUPPORT OF THE LEGAL CATEGORY OF «LAWMAKING»

The article is devoted to a detailed analysis of the doctrinal and definitional set of the legal phenomenon "lawmaking". The components of the legal category of law-making are analyzed, the correlation of the term law-making with such categories as law-making, rule-making is organized. The multidirectional position of the scientific community on the concept of legal formation in the context of studying the definition of lawmaking is presented. The author's position on the independence of the legal phenomenon of lawmaking is formed and substantiated, its elements are categorized, and a hypothesis is constructed about the dynamism of the lawmaking mechanism in the institutional and socially applied version.

Key words: law, lawmaking, rulemaking, lawmaking, legal education.

Построение правопорядка с целью органичного функционирования любого государства невозможно без наличия стройной правовой системы. Ключевым элементом ее формирования является механизм правотворчества, который представляет собой не просто правовую категорию, а многогранное правовое явление, существующее в постоянной динамике правовых конструкций современного миропорядка. Представленное объясняет актуальность выбранного научного направления, а правовые реалии теоретико-дефинитивного исследования формируют потребность историографического обзора термина «правотворчество».

Проблема правотворчества не является новой для правовой науки. Категория «правотворчество» эволюционирует на протяжении многих десятилетий советского и постсоветского периодов истории российской науки. Советская наука сформировала дефиницию, отвечающую идеологическим устоям, и определяла правотворчество как форму государственного руководства обществом, которая имела целью завершать длительный процесс формирования права; акцент ставился на значении социальных факторов – возведении воли правящих классов в правила общеобязательного характера (правовые нормы) [4, с. 576]. Наука позднего советского периода (80-е гг. XX столетия) существенно расширила содержание понятия «правотворчество», дополнив его сложными процессами, которые предвляли решение о подготовке нормативного акта, в том числе, обуславливали необходимость правовой регуляции, ее характер и направление [5]. Правотворчество стало рассма-

триваться как определенная государственная деятельность, направленная на выявление потребности в нормативном правовом регулировании соответствующих общественных отношений, а также созданию новых правовых норм, коррелирующих выявленным потребностям, при необходимости отмене или замене действующих норм [5]. Всплеск интереса представителей науки к рассматриваемой категории наблюдался после распада СССР и осуществления крупномасштабной модернизации отечественной правовой системы.

В настоящей отечественной правовой действительности легального зафиксированного понятия «правотворчества» не существует. По этой причине юридическая наука изобилует авторскими определениями рассматриваемой правовой категории, представляя разнонаправленные составляющие дефиниции. При этом зачастую термин «правотворчество» идентифицируется с понятиями «нормотворчество», «законотворчество» [13]. Некоторые ученые дифференцируют понятия. Так, к примеру, А. А. Редько законотворческий процесс определяет как часть правотворческого, усложняя, таким образом, наполняемость правовой категории правотворчество внутренними структурными элементами [8]. В диссертационном исследовании Н. П. Алешковой представленные понятия отделены и получили обособленное определение [1]. Так, законотворчество, по мнению ученого, направлено на издание исключительно законов, нормотворчество – нормативных правовых актов, а правотворчество на издание правовых актов вообще. В диссертации сделан акцент на нетождественности указанных понятий.

Интересна с исследовательской точки зрения позиция С. В. Синокова, в диссертационной работе которого сделан акцент на том, что правотворчество представляет собой «институт правовой культуры» [12]. В содержании диссертации красной нитью проходит мысль о комплексности этого института, содержащего элементы

- правообразования (сопровождается механизмом инициативы),
- нормообразования (включающий редактирование существующих правовых конструкций),
- законодательства (посвященный изданию новых законов),
- правореализации (при наличии комплексного инструментария применения правовых конструкций, обобщения практики, формирования постановлений Пленумов ВС РФ, правового мониторинга),
- правосознания (включая правовую культуру и правовое мировоззрение, нацеленных на достижение цели правового порядка).

Нетрадиционную гипотезу по факту функционирования дефиниции правотворчества выдвигает М. Б. Румянцев, определяя его как юридическую науку [10]. Рациональное зерно в данном утверждении также имеется, автор подошел к раскрытию понятия правотворчество через систему исследования процесса правотворчества, отраслевые формы проявления рассматриваемого правового явления. Тем не менее, автор данного исследования акцентирует внимание на том, что правотворчество может быть выражено как юридическая наука, однако, это одна из граней сложной правовой категории, которая не занимает центральное место в наполняемости компонентов дефинитивного ряда понятия «правотворчество».

В представленной правовой дискуссии нельзя не уделить должного внимания «мастодонту» философии права, создателю теории «канонов права» В. С. Нерсесянц. По мнению академика правотворчество необходимо исследовать при соотношении с более глобальным правовым явлением – правообразованием [6]. Именно правообразование ученый определяет как объединяющее начало всех ранее представленных правовых категорий, называя законодательство вообще формальным процессом, представляющим только механическую сторону явления правообразования и даже правотворчества. Именно позиция В. С. Нерсесянц для автора данной статьи является наиболее близкой по духу отношения к правовой категории правотворчества.

Современные авторы ориентируются на термин правообразование в контексте проведения исследований правотворчества, акцентируя внимание на том, что рассматривают его как эволюционный процесс становления правовой системы, образования праворегуляторов, сложения правовой культуры и мировоззрения, исходящие из недр этико-моральных регуляторов и органично конструируемых самим обществом через правовые инициативы [2], [3], [9].

Уникальной, в представленном плюрализме мнений, можно считать позицию О. В. Попова, который в диссертационном исследовании обосновал факт того, что все ранее рассмотренные компоненты правотворчества: и законодательство, и нормотворчество, и правотворчество, есть не что иное, как стадии соответствующего правового явления, причем единого правового явления – формирования права. По мнению ученого, правотворчество в данной цепи является завершающим этапом. Исследуя детально представленную позицию, автор данного публикационного исследования пришел к выводу о том, что О. В. Попов рассматривал процесс правотворчества с позиции возможного судебного правотворчества. Именно эти аспекты имеют ключевое значение, потому что процесс правоприменения в данном случае предшествует судебному правотворчеству. Это обоснование и стало определяющим в доказательственной базе определения места правотворчества, как заключительного этапа образования права [7].

Относит лишь к этапу правообразования правотворчество и видный питерский ученый В. А. Сапун [11]. Центральная идея его восприятия правотворчества в дефинитивном порядке посвящена определению его как механизма, элемента правообразования.

Следует констатировать, что представленная череда мнений о компонентном месте правотворчества в едином процессе правообразования, характеризует отсутствие самостоятельности правового явления правотворчества. С представленной позицией автор данного исследования согласиться не может по ряду причин.

В первую очередь правотворчество является институционально определенным механизмом с характерными содержательными элементами, отраженными в нормативных правовых актах.

Во-вторых, словообразовательный подход определяет рассматриваемый процесс как творение права, то есть охватывает все явление целиком, с акцентом на объемность в составных элементах и динамике жизни правотворчества.

В-третьих, никто из ученых, авторитетное мнение которых было приведено, не исключал инициативу как элемент правотворчества. Это означает, что формирование социального заказа, а, следовательно, поэтапное формирование зрелости общества к восхождению потребности в принятии данной конкретной нормы в результате правотворчества, является ничем иным, как результатом правового мировоззрения, структурированного процесса восприятия норм права. Таким образом именно правотворчество как правовое явление является ключевой, включающей в себя все ранее представленные и проанализированные элементы правовой категорией.

Пристатейный библиографический список

1. Алешкова Н. П. Конституционно-правовые основы муниципального правотворчества в Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 2010.
2. Анохин Ю. В. Правообразование и правотворчество в теоретико-правовой науке // Научный вестник Омской академии МВД России. - 2022. - Т. 28. - № 1 (84). - С. 33-38.
3. Бочков А. А. Правотворчество как высший этап правообразования // Право и государство: теория и практика. - 2021. - № 4 (196). - С. 114-117.
4. Марксистско-ленинская общая теория государства и права: основные институты и понятия. - М., 1970.
5. Научные основы советского правотворчества. Отв. ред. Р. О. Халфина. - М., 1981.
6. Нерсесянц В. С. Право и закон. - М., 1983.
7. Попов О. В. Теоретико-правовые вопросы судебного правотворчества в РФ. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Тольятти, 2004.
8. Редько А. А. Правовая инициатива в механизме действия современного российского права. Дис. ... доктора юрид. наук / Академия управления МВД России. - Москва, 2023.
9. Румянцев М. Б. Правообразование и правотворчество в России / Монография. - Чебоксары, 2023.
10. Румянцев М. Б. Правотворчество в Российской Федерации / Монография. - Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2019.
11. Сапун В. А. Механизм правообразования и правотворчества: проблемы соотношения и демократизации // Юридическая техника. - 2014. - № 8. - С. 383-386.
12. Синоков С. В. Механизм правотворчества. Дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2013.
13. Фетисова С. С., Фетисов Д. Н., Садохина Н. А. Правотворчество в современной России // Матрица научного познания. - 2023. - № 10-2. - С. 414-417.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-11-186-75-78

ДУШКИНА Екатерина Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правоведения Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета;

КАРЧЕВСКАЯ Наталья Ивановна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры философских и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации;

ФОМИЧЕВ Денис Сергеевич

преподаватель кафедры специальной и автомобильной техники Санкт-Петербургского университета МВД России

ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ НА МИНИМИЗАЦИЮ ПРАВОВЫХ ОШИБОК

В статье определены основные пути устранения правовых ошибок. Правовая политика демократического государства направлена на упорядочение правовой сферы жизни общества, где одной из задач правовой политики является минимизация правовых ошибок.

Проанализирована взаимосвязь правового сознания субъекта реализации права и вероятности совершения правовой ошибки. Правовая ошибка может являться следствием неразвитости индивидуального правового сознания. Причинами правовых ошибок могут быть деформации индивидуального правосознания (правовой идеализм, правовой конформизм, правовой нигилизм и т.д.).

Доказано, что предотвращению и противодействию правовым ошибкам должно служить повышение уровня правового сознания субъекта, особенно профессионального. Для этого прежде необходимо усовершенствовать систему юридического образования. Правовое информирование, правовое просвещение и правовое воспитание граждан определены как средства повышения уровня правового сознания.

Описаны сущность и признаки профессионального правосознания, а также ряд специальных средств предупреждения и преодоления деформаций профессионального правосознания.

Ключевые слова: правовая психология, правовое сознание, профессиональное правосознание, правовая ошибка, минимизация правовых ошибок, предотвращение правовых ошибок.

DUSHKINA Ekaterina Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal studies sub-faculty of the St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering;

KARCHEVSKAYA Natalya Ivanovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Philosophical and socio-economic disciplines sub-faculty of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation

FOMICHEV Denis Sergeevich

lecturer of Special and automotive engineering sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

THE INFLUENCE OF LEGAL CONSCIOUSNESS ON THE MINIMIZATION OF LEGAL ERRORS

The article identifies the main ways to eliminate legal errors. The legal policy of a democratic state is aimed at streamlining the legal sphere of society, where one of the tasks of legal policy is to minimize legal errors.

The interrelation of the legal consciousness of the subject of the realization of the right and the probability of making a legal error is analyzed. A legal error may be a consequence of the underdevelopment of individual legal consciousness. The causes of legal errors can be deformations of individual legal consciousness (legal idealism, legal conformism, legal nihilism, etc.).

It is proved that the prevention and counteraction of legal errors should serve to increase the level of legal consciousness of the subject, especially professional. To do this, it is first necessary to improve the system of legal education. Legal information, legal education and legal education of citizens are defined as means of raising the level of legal awareness.

The essence and signs of professional legal awareness are described, as well as a number of special means of preventing and overcoming deformations of professional legal awareness.

Keywords: legal psychology, legal consciousness, professional legal awareness, legal error, minimization of legal errors, prevention of legal errors.

Душкина Е. В.

Карчевская Н. И.

Фомичев Д. С.

Актуальность взаимосвязи и взаимозависимости правосознания субъекта и совершения субъектом правовой ошибки обусловлена теоретической и практической значимостью проблем, связанных с поиском путей минимизации правовых ошибок. «Правовое сознание обычно исследуется в неразрывной связи с правом, как элемент механизма правового регулирования [1, с. 82]. В таком контексте «правосознание квалифицируется как одна из форм общественного сознания, субъективный образ правового мира, его копия, которая никогда полностью не совпадает с оригиналом. Правосознание считается неслучайной составной частью структуры правовой культуры общества» [2, с. 5]. В юридической науке разработана разветвленная система уровней и видов правосознания. По глубине отражения правовой реальности различают обыденное, неюридическое, профессиональное и научное правосознание, а по субъектам (носителям) – индивидуальное – групповое и коллективную [3].

Несмотря на повышенный интерес к проблемам правосознания со стороны отечественных ученых, особенно постсоветского периода, соотношение взаимосвязи правосознания субъекта с вероятностью совершения правовой ошибки практически не рассмотрено. По мнению А. Б. Лисюткина, «характер взаимосвязи правосознания и ошибки отражает уровень развития политико-правовых ценностей. В таком ракурсе ошибка выступает основанием для оценки качества правовой культуры, соответствующей определенному уровню правосознания. Иначе говоря, взаимосвязь правосознания и ошибки характеризует состояние правовой культуры общества» [4 с. 27]. С таким утверждением можно согласиться и даже его конкретизировать. В сфере права действуют не «абстрактные», а персонализированные правоспособные и дееспособные субъекты, которые из возможностей, которые перед ними открываются, в тех или других обстоятельствах пытаются выбрать оптимальные модели поведения. При этом правовая ошибка свидетельствует о том, что в сознании конкретного субъекта сформировалось неадекватное отражение той модели, что закреплена нормой права.

Заложенные в норме права общественные модели поведения, прежде всего, отражаются в сознании человека. В процессе обработки информации происходит оперирование образами, выполняются умственные действия (анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, классификация, другие логические операции). Только после восприятия необходимой информации о предлагаемой модели поведения человек может определить, как он ведет себя в юридически значимой ситуации – моделируется динамическая конструкция действия права: «общество – нормы права (система права) – сознание (правосознание) – поведение».

Поскольку правовая ошибка отражает неразвитость индивидуального правового сознания, то, в конечном итоге, выступает индикатором состояния общественного правосознания, ибо последняя оказывается «не иначе, как через индивидуальную, а у каждого человека она проходит сквозь призму личных потребностей и интересов, черт характера и т.п.» [5].

Особенность правосознания заключается в том, что оно проявляется лишь в непосредственном поведении субъекта, вне которого она существовать не может. Традиционно основными функциями правового сознания признаются «познавательная (информационная), оценочная (аксиологическая), регулятивная (учредительная), тесная взаимосвязь между которыми обеспечивается единством элементов правосознания – правовой психологии и правовой идеологии» [6].

Считается, что правовая психология – это совокупность настроений, чувств, эмоций, переживаний по поводу права

в целом и отдельных правовых явлений, в частности, реакция на вступление субъекта права в правовые отношения, использование субъективных прав, исполнение или нарушение юридической обязанности другими субъектами. Очевидно, одни и те же правовые предписания могут вызывать у разных людей неодинаковые психические реакции и даже противоположные этим требованиям правовые представления, взгляды, чувства.

Правовая идеология представляет собой систематизированные представления о правовой реальности и праве как ее неотъемлемом элементе. Р. А. Осипов установил, что «различие между ними усматривается в особенностях их формирования и изменения: если первая образуется стихийно, как субъективная реакция какого-либо человека на тот или иной правовой феномен, то правовая идеология нуждается в глубоком осмыслении права как части культурного мира. Поскольку субъективное отношение к правовой действительности (правовая психология) формируется на основе знания и оценки права, то первичной можно считать правовую идеологию» [7].

В то же время глубоким, систематизированным правовым знаниям и оценкам предшествует фрагментарная правовая информация, которую лицо получает эпизодически, часто эмпирическим путем, что указывает на первичный характер правовой психологии. По мнению Р. А. Осипова, «разрешить это противоречие можно, приняв утверждение, «что правовая психология и правовая идеология как компоненты правосознания взаимосвязаны и взаимообусловлены. Правовая идеология создает базу для повседневного правоощущения, а правовая психология становится средой для развития правовых идей, целей, программ» [8, с. 120]. Именно эта взаимосвязь и обеспечивает реализацию функций правосознания, результатом чего выступает как восприятие правовой реальности, так и активное воздействие на нее. Правовые ошибки негативно влияют на способность правового сознания выполнять свои функции, особенно регулятивную, что приводит к снижению регулятивного потенциала права в целом.

Следовательно, правовое сознание и правовая ошибка – взаимосвязанные категории. Поскольку правосознание обеспечивает «жизнь права», то она же детерминирует и правовые ошибки. Функционирование правосознания представляет собой сложный и динамичный процесс познания субъектом правовой реальности путем усвоения правовой информации (т. е. содержания правовых норм, закрепляющих систему его прав и обязанностей), оценки качества (соответственно справедливости) нормативных правовых предписаний, их одобрения, в также формирования правовой установки.

На любом этапе этого процесса может быть допущена ошибка. Неверная интерпретация содержания правовых предписаний субъектом реализации права может повлечь формирование неадекватного образа правовой реальности, вследствие чего юридическое поведение субъекта не будет отвечать требованиям права.

Одной из причин правовых ошибок могут быть определенные деформации правосознания, под которыми понимаются искажения правовых установок общества и государства, в результате чего правовая реальность отображается неадекватно. Несформированность правовых знаний или их недостаточная глубина (правовой инфантилизм), гиперболизация значения правовых предписаний (правовой идеализм), нечеткость или отсутствие собственных правовых цен-

ностных ориентаций (правовой конформизм), сознательное пренебрежение правом и отрицание его ценности (правовой нигилизм) – наиболее распространенные разновидности деформаций правосознания, нередко порождающие правовые ошибки.

Кроме того, по замечанию А. Б. Лисюткина, «правосознание часто сопровождается пороком воли в процессе волеизъявления субъектов права, обусловленное искусственно создаваемыми правовыми установками и ценностями. Это позволяет рассматривать правосознание как средство выражения ошибки. Воля – это не только сущность права, но и внутренний источник формирования и функционирования правосознания. И в этом смысле воля определяет мотивы поведения субъекта права через волеизъявление и правовые установки, где ошибка выражает порок в волеизъявлении» [4, с. 27].

Действительно, именно волевой элемент обеспечивает единство элементов правосознания и переводит их в правопослушное поведение, которое, в свою очередь, выступает элементом правовой культуры субъекта права.

Поскольку неразвитое правовое сознание субъектов права влечет правовые ошибки, встает острая необходимость повышения его уровня, причем решать эту проблему должны государство и гражданское общество в тесном взаимодействии.

Наибольшее внимания требует профессиональное правовое сознание, так как, для большинства людей правосознание является детерминирующим фактором удовлетворения их собственных потребностей, а от правосознания людей, чья профессиональная деятельность имеет юридический характер, поскольку связана с реализацией правовых предписаний, зависит эффективность реализации интересов других субъектов. Развитость элементов профессионального правосознания предопределяет действенность правового регулирования.

Профессиональному правосознанию присущ ряд признаков:

1) субъектом выступает должностное лицо, осуществляющее профессиональную юридическую деятельность;

2) компонентами содержания являются когнитивный (рационально- идеологический), эмоционально-психологический и практический;

3) специфика познания правовых явлений и обратного воздействия на них определяется состоянием основных компонентов профессионально-правового сознания, обусловленный особым подходом к праву как инструменту юридической деятельности;

4) проходит обязательные стадии формирования, характеризуется особыми источниками получения правовой информации;

5) имеет формализованный характер;

6) обеспечивает правопорядок данного общества и его дальнейшее развитие;

7) основывается на системе принципов права.

Последние делятся на две группы:

1) принципы права;

2) собственно принципы профессионального правосознания:

1) этические принципы, определяющие основы взаимодействия юриста с другими субъектами юридического процесса;

2) принципы организации собственной профессиональной деятельности и профессионального саморазвития.

Стоит заметить, что такие компоненты, как когнитивный (рационально идеологический), эмоционально-психологический и практический, присущи не только профессиональному правосознанию, но и другим ее уровням.

Исследуя сущность профессионального правосознания юриста, В. В. Гриб подчеркивает, «что идеальное правосознание юриста предусматривает уважительное отношение к праву и закону, а необходимым компонентом профессионального сознания признает установку на активную правомерную и профессионально значимое поведение. Такая установка охватывает: а) готовность юриста к активному использованию своих профессиональных прав с целью защиты личной безопасности граждан, их прав и свобод, законных интересов, точное и неукоснительное соблюдение правовых норм; б) готовность к справедливому, ответственного и сознательного выполнения своих профессиональных обязанностей; в) стремление совершенствования права в соответствии с общечеловеческими морально-правовыми ценностями» [9].

Моделирование идеального профессионального правосознания имеет не только теоретическое, но и прикладное значение, поскольку безошибочность правотворческой и правоприменительной деятельности обеспечивает именно правосознание.

Проанализировав концепции ученых-правоведов, исследовавших роль профессионального правового сознания в правотворческой и правореализационной деятельности, можно определить алгоритм влияния профессионального сознания на минимизацию правовых ошибок.

Правосознание юриста, позволяя избрать адекватные общественным реалиям формы правового регулирования общественных отношений с использованием необходимых технических средств, существенно влияет на уменьшение количества правовых ошибок в нормативных правовых актах. Правосознание субъектов правоприменения через системное видение права и практики его реализации, совершенное владение способами толкования норм права обеспечивает безошибочное воплощение их в жизнь, в свою очередь, это способствует формированию в общественном правосознании уважения к праву и связанных с ним явлений, соответственно поведение субъектов, непосредственно реализующих право, минимально отклоняется от тех моделей правового поведения, которые закреплены нормами права.

Стоит отметить и роль научного профессионального правосознания в процессе предотвращения и противодействия правовым ошибкам. Доктринальное профессиональное правосознание способно к критической оценке правовой реальности и существующей системы права; выявлению недостатков правового регулирования; разработке предложений по обновлению законодательства, которые позволяют избежать пробелов, коллизий и ошибок в нормативном правовом регулировании общественных отношений.

Профессиональное правосознание, также, как другие виды правосознания, может подвергаться деформации. Выделяют виды деформации правосознания:

а) общие для всех разновидностей правосознания;

б) присущие лишь правосознания профессиональному.

К первой группе относятся: правовой инфантилизм, правовой идеализм, правовой ригоризм, правовая демагогия, правовой нигилизм.

Ко второй группе – стереотипность мышления; сужение кругозора; снижение эмоционального отношения к происходящим событиям и равнодушие к субъектам, в отношении которых осуществляется профессиональная юридическая

деятельность; предвзятость в отношении правонарушителей (обвинительный уклон); юридическое восприятие неюридического мира; пренебрежение неюридическим профессиональным мнением; формализм и бюрократизм профессионального правосознания.

В. С. Бреднева предлагает ряд специальных средств предупреждения и преодоления деформаций профессионального правосознания, среди которых: моральное, материальное и социальное стимулирование добросовестной и эффективной работы юристов; рациональная кадровая политика; усовершенствование системы юридического образования; обеспечение правовой информированности юристов, эффективная организация их труда и т.д. [10].

По нашему мнению, повышению уровня профессионального правосознания (и, соответственно, минимизации правовых ошибок в юридической деятельности) в первую очередь должно способствовать совершенствование системы юридического образования.

Важное значение для минимизации правовых ошибок имеет также формирование и развитие мотивации к безошибочной деятельности субъектов правотворчества и правоприменения. На наш взгляд, данный результат можно достичь побуждением социального характера, когда человек осознает полезность своей деятельности для общества, что повышает его требовательность к себе и результатам этой деятельности, способны принести большую пользу.

Следует отдельно отметить, что минимизация правовых ошибок всех остальных субъектов права возможна путем положительного воздействия на обыденное и неюридическое правовое сознание средствами правового информирования, правового образования и правового воспитания. Государство обязано активно информировать своих граждан о правовых предписаниях. Чем больше будет форм доведения до сведения граждан правовых распоряжений и чем эффективнее они будут реализовываться, тем лучше население будет знать законодательство своего государства. Через обеспечение доступности законодательства формируются правосознание и правовая культура граждан.

С целью преодоления негативных тенденций в развитии правосознания необходимо содействовать на уровне государственной власти развитию правового просвещения и правового воспитания населения, активно привлекать граждан к обсуждению важнейших решений, осуществлять другие мероприятия для повышения правовой образованности и правовой культуры граждан.

Целью правового образования и правового воспитания является, по нашему мнению, утверждение в сознании каждого человека понимания права как олицетворения гуманизма, справедливости, свободы, равенства. Отношение людей к праву, его осмысление и оценка определяются не только научными соображениями, а ценностными установками и представлениями. Лишь тогда непосредственное ощущение, восприятие и освоение права в практической деятельности на обыденном и профессиональном уровнях будет застраховано от правовых ошибок.

Следовательно, правовое сознание и правовая ошибка – это самостоятельные, но тесно связанные между собой феномены. Их соотношение характеризует состояние правовой культуры человека и общества в целом. Правовая ошибка выявляет неразвитость индивидуального правового сознания, то есть свидетельствует о том, что в сознании человека сформировалось неадекватное отражение той модели поведения, что закреплена нормой права. Правовые ошибки могут быть

вызваны определенными деформациями индивидуального правосознания (правовым идеализмом, правовым конформизмом, правовым нигилизмом). В связи с этим актуальной задачей государства и гражданского общества является повышение уровня правового сознания, особенно профессионального. Поскольку профессиональное сознание юриста формируется в процессе специальной профессиональной подготовки, минимизации правовых ошибок в юридической деятельности можно достичь путем совершенствования системы юридического образования. Кроме того, правовое информирование, правовое просвещение и правовое воспитание граждан России как средства повышения уровня обыденного и неюридического правового сознания призваны минимизировать правовые ошибки в правовой деятельности всех субъектов права.

Пристатейный библиографический список

1. Палеха Р. Р. Правосознание как элемент содержания правового воздействия // *Право и государство: теория и практика*. – 2020. – № 4 (184). – С. 82.
2. Беляев В. П., Беляева Г. С., Антонова Ж. Д. Правовое сознание в механизме защиты прав и свобод граждан: общетеоретический подход. – М.: Юрлитинформ, 2017. – С. 5.
3. Кожевников В. В., Зверев В. О., Войнаровская Л. И. Виды правосознания в правоповедении и возможная их деформация // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. – 2023. Т. 28. – № 1 (92). – С. 97-102. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-97-102>.
4. Лисюткин А. Б. Ошибка как категория правоповедения: теоретико-методологический аспект: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Саратов, 2002. – С. 27.
5. Rowena Rodrigues, Legal and human rights issues of AI: gaps, challenges and vulnerabilities, *Journal of Responsible Technology* (2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jrt.2020.100005>.
6. Гусарова М. А. Соотношение правовой идеологии и правовой психологии как фактор преодоления кризиса правосознания в современном российском обществе (философско-правовой аспект) // *Вестник Вятского государственного университета*. – 2017. – № 6. – С. 12-16.
7. Осипов Р. А. Правовая информированность и правосознание граждан: вопросы теории: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2018. – 26 с.
8. Осипов Р. А. Правовая информированность и правосознание граждан (вопросы теории): Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2018. – С. 120.
9. Гриб В. В. Факторы, влияющие на формирование профессионального правосознания российских юристов // *История государства и права*. – 2003. – № 6. – С. 17-19.
10. Бреднева В. С. Технологии преодоления деформации профессионального правосознания субъектов юридической деятельности // *Общество: политика, экономика, право*. – 2019. – № 11 (76). – С. 96-100. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: DOI 10.24158/per.2019.11.15.

ИШЕКОВ Константин Анатольевич

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры правовых основ управления Факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; профессор кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

ПОПОВ Павел Валерьевич

аспирант кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ

В статье рассматриваются доктринальные подходы, используемые российскими учеными в ходе осмысления юридической категории «правовая система», проводится анализ различных научных мнений о понимании правовой системы. Авторами предпринята попытка выделения данных подходов в отдельные группы, в результате чего предлагаются семь научно-обоснованных подходов к пониманию исследуемого понятия: функциональный, социологический, философский, формально-юридический, системный, культурный и транснациональный. В ходе исследования были выявлены конкретные особенности их применения в современном правовом государстве и обществе, а также проанализировано влияние каждого из описанных подходов на правовую систему Российской Федерации. Многообразие в понимании правовой системы показало ее многоплановость, способность к изменению и приспособлению к современным условиям жизнедеятельности общества и государства. На основании изложенного, авторами сделаны выводы о преобладании в российской правовой доктрине формально-юридического подхода; существенном влиянии на правовую систему России культурного и транснационального подходов; частичном проявлении системного и функционального подходов; высказано критическое отношение к использованию социологического и философского подходов к пониманию правовой системы.

Ключевые слова: правовая система, правовая доктрина, плюрализм, общественные отношения, правовая дефиниция.

ISHEKOV Konstantin Anatoljevich

Ph.D. in Law, associate professor, professor of Legal foundations of management sub-faculty of the Faculty of Public Administration of the M. V. Lomonosov Moscow State University; professor of Fundamental legal and social-humanitarian disciplines sub-faculty of the Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

POPOV Pavel Valerjevich

postgraduate student of Fundamental legal and social-humanitarian disciplines sub-faculty of the Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

BASIC APPROACHES TO UNDERSTANDING THE LEGAL SYSTEM IN THE RUSSIAN LEGAL DOCTRINE

The article discusses the doctrinal approaches used by Russian scientists in the process of understanding the legal category "legal system". The article analyzes various scientific opinions on the understanding of the legal system. The authors made an attempt to separate these approaches into separate groups, as a result of which seven scientifically based approaches to understanding the concept under study are proposed: functional, sociological, philosophical, formal legal, systemic, cultural and transnational. The study identified specific features of their application in a modern rule-of-law state and society, and also analyzed the impact of each of the described approaches on the legal system of the Russian Federation. The diversity in the understanding of the legal system has shown its versatility, ability to change and adapt to modern conditions of life of society and the state. Based on the above, the authors made conclusions about the predominance of the formal legal approach in the Russian legal doctrine; significant influence on the Russian legal system of cultural and transnational approaches; partial manifestation of systemic and functional approaches; a critical attitude has been expressed towards the use of sociological and philosophical approaches to understanding the legal system.

Keywords: legal system, legal doctrine, pluralism, public relations, legal definition.

Правовая система представляет собой один из основных элементов, необходимых для нормального функционирования государства и общества, а ее понимание представляется важным как для практической работы юристов, так и для осуществления своих полномочий органами государственной власти и органами местного самоуправления. В российской юридической доктрине понятие правовой системы занимает важное место и является предметом активного обсуждения и

исследования. В связи с этим существует множество научных взглядов на определение понятия правовой системы, каждое из которых имеет безусловную значимость для отечественной правовой науки.

Начиная с самых ранних этапов становления современного российского государства, учёными-юристами высказывались различные мнения относительно определения данного понятия, что вызывало необходимость в научных

Ишекков К. А.

Попов П. В.

дискуссиях. Так, профессор А. В. Малько указывал, что понятие «правовая система» претендует на то, чтобы быть предельно широкой категорией, охватывающей все юридические явления и процессы, всю юридическую сферу [14].

Менее широким данное понятие представлялось С. С. Алексееву, который считал, что под правовой системой преимущественно понимают право, господствующую правовую идеологию и юридическую практику [1, с. 276].

Согласно позиции Н. И. Матузова, правовая система – это совокупность внутренне согласованных, взаимосвязанных, социально однородных юридических средств (явлений), с помощью которых публичная власть оказывает регулятивно-организующее и стабилизирующее воздействие на общественные отношения, поведение людей и их объединений [15, с. 93].

По мнению Б. В. Малышева, правовая система является одной из устоявшихся категорий, которой в отечественной юридической литературе обозначают институциональную совокупность (элементную, структурную, функциональную, историческую и т.д.) общественных явлений, имеющих непосредственное отношение к праву как автономному социальному регулятору [13, с. 31].

Исходя из анализа научной доктрины, в отечественной теории государства и права принято выделять два основных направления к структурному составу правовой системы. С одной стороны, по мнению ряда исследователей, определить полный и окончательный перечень структурных элементов правовой системы представляется затруднительным, ввиду того что сама по себе правовая система может охватывать весь комплекс правовых явлений, происходящих в государстве и обществе. Отсюда формируется широкий подход к пониманию правовой системы, где её структурный состав может расширяться и сужаться в зависимости от выбранного критерия, а также от того насколько он конкретизирован. Основным недостатком такого понимания элементного состава правовой системы, по нашему мнению, состоит в том, что он позволяет расширять элементный состав правовой системы до абсолютно неограниченных пределов. В свою очередь, нечеткость в выборе критерия систематизации элементов правовой системы будет приводить к выделению в их числе не только правовых, но и неправовых явлений, что приводит к некорректности, неполноте, а также приблизительности в определении ее содержания. Более корректным, с нашей точки зрения является представление о широком понимании правовой системы, сформулированное Ф. И. Долгих, который исключает неправовые явления из общей системы элементов, утверждая, что правовая система представляет собой комплексное образование, охватывающее все правовые явления. К основным элементам при этом предлагается относить: систему права, систему законодательства, правовые отношения, правовую политику, правовую культуру, правосознание, правовые понятия и принципы, правотворческие органы, правовые учреждения и др. [9, с. 281-282].

Другие исследователи придерживаются иного, более узкого подхода к представлению об элементном составе правовой системы. Согласно их пониманию системный характер указанного явления сводится к выделению конкретных элементов (блоков элементов), представляющих подсистемы самой правовой системы. В частности, С. С. Алексеев выделяет три таких подсистемы: 1) совокупность норм, закрепленных в объективных формах; 2) правовая идеология; 3) юридическая практика [1, с. 87]. С одной стороны, указанный подход выглядит более убедительным, особенно с методологической точки зрения, с другой, – заслуживает критической оценки. Как правило, при таком способе систематизации не выделяется объединяющий фактор, положенный в основу разграничения именно такого набора элементов правовой системы, что в ряде случаев позволяет судить о спорности выбранного исследователем перечня подсистем. Такой подход на протяжении долгого времени был определяющим в отечественной правовой науке, однако как показывают современные исследования, на сегодняшний день становится преобладающим процесс укоренения в теории права именно «широкого» представления о правовой системе.

Представление о правовой системе как о совокупности всех правовых явлений, существующих в обществе, безусловно, заслуживает внимания и поддержки. Однако, по нашему

мнению, рассматривать правовую систему как совокупность всех без исключения правовых явлений было бы некорректно, поскольку это приводит к тому, что из поля зрения исследователя исчезает крайне важный фактор «системности» указанного явления, а как известно, любая система должна соответствовать достаточно четким критериям её объединения. Отсутствие признака системности будет приводить к тому, что такое многозначное и многомерное явление как правовая система будет представлять собой случайный набор правовых явлений, превращая правовую систему в «правовую совокупность». Настоящее исследование направлено на систематизацию доктринальных представлений теоретиков права относительно вопроса о научном понимании правовой системы. Результаты исследования отечественной правовой доктрины позволяют выделить семь различных научных подходов к пониманию правовой системы:

– *Функциональный подход.* Суть данного подхода сводится к тому, что правовая система выполняет функцию регулирования общественных отношений и защиты прав и свобод человека. Такой подход предполагает, что право – это нечто большее, чем просто набор правил, оно направлено на достижение определенных целей, таких как, например, защита общественного порядка и справедливости. Как утверждает В. П. Реутов, структурные проблемы правовой системы не могут быть решены в отрыве от анализа функций права и самой правовой системы. При этом учёный выделяет исключительно две основные функции правовой системы – регулиющую и охранительную [18, с. 7-20]. С таким подходом согласны далеко не все представители научного сообщества. В частности, А. Р. Губайдуллин в качестве еще одной, не менее важной функции правовой системы, выделяет интегративную функцию, которая, по его мнению, обуславливает целостность правовой системы, ввиду того, что правовые явления существуют в тесной взаимосвязи друг с другом и, следовательно, не могут существовать по-отдельности [8, с. 27-36]. Кроме того, с учетом возрастающего влияния процессов информатизации и цифровизации, в научной доктрине стало формироваться мнение, согласно которому правовая система выполняет также информационную функцию [27, с. 83]. Это связано с множеством объективных факторов: постоянным и стремительным ростом объема правовой информации, развитием IT-технологий, при которых упрощается обработка такой информации, а также её практическое применение.

Роль функций правовой системы видится российским теоретикам права достаточно важной в контексте рассмотрения вопроса о сущности правовой системы, что подчеркивается наличием значительного числа научных трудов по данному вопросу. Однако признать указанный подход основополагающим или единственно правильными было бы также некорректно, ввиду его «односторонности». В связи с этим исследователи функционального подхода к пониманию правовой системы не отрицают возможность существования и корректности иных точек зрения, не склоняясь к вышеобозначенному подходу как единственно верному.

– *Социологический подход.* Странники данного подхода акцентируют внимание на социальных аспектах правовой системы, таких как значимость, влияние и общественное восприятие права. Этот подход предусматривает, что правовая система – это часть социокультурной системы, которая формируется в соответствии с историческими, экономическими и социальными факторами. В. П. Милецкий, рассуждая о понятии правовой системы, приходит к выводу, что она представляет собой упорядоченную совокупность не только государственных, но и общественно-политических институтов, а также организаций и объединений, представляющих интересы отдельных групп населения [16, с. 74]. Социология права рассматривает право в целом, равно как и правовую систему в качестве формы общественной жизни, основными и связующими элементами которой являются определенные социальные структуры и процессы [20, с. 60]. Социологи связывают возникающие изменения в праве в том числе с коммуникативным взаимодействием в профессиональных группах, то есть среди прокуроров, судей, сотрудников правоохранительных органов, юрисконсультов, законодателей, ученых-юристов.

С социологической точки зрения право не относится к одним только социальным или юридическим нормам, обеспеченным моралью, обычаями, традициями, а также государственным принуждением или угрозой его применения. В свою очередь, правовая система существует относительно самостоятельно от других подсистем и отличается от них. По мнению представителей социологического подхода, правовая система – это совокупность государственных и общественно-политических институтов, организаций и объединений, осуществляющих представительство интересов всех групп населения, а также управление обществом на основе определенных политико-правовых норм, принципов и методов организации и осуществления политической власти [16, с. 74]. Однако данное понимание правовой системы идет вразрез с ранее обозначенными авторами двумя подходами к пониманию правовой системы, где «широкое» представление о правовой системе включает в себя все правовые явления в целом, исключая явления социальные, политические и т.п., а узкий подход не позволяет соотносить такое понимание правовой системы ни с одной из её составляющих. На основании изложенного, понимание правовой системы как совокупности не только правовых, но и социальных, политических, идеологических и иных аспектов не является предметом исследования отечественной правовой науки, а в большей степени находит свое отражение в исследованиях социолого-политологического характера, в связи с чем данный подход не получил широкого распространения в исследованиях российских правоведов.

– *Философский подход.* Философы рассматривают право не только во всех аспектах его функционирования в обществе, но также и его сущностные особенности. Этот подход сосредоточен на теоретических аспектах права, включая его связь с моралью, справедливостью, логикой и естественным правом. Рассуждая о системности права как о философской категории, В. В. Васильев приходит к выводу, что системность представляет собой свойство права, которое служит одной из базовых и объективных предпосылок объединения его структурных элементов в системное целое без внутренних противоречий, внутри которого существуют неразрывные правовые связи, позволяющие говорить о единстве системы [6, с. 18]. Однако единство системы не приводит к единству мнений относительно того, как философское учение о морали и справедливости вступает во взаимосвязь с правовой системой. В научной доктрине доминируют, как правило, три различных мнения по данному вопросу. Первое сводится к тому, что правовая система является независимой от морали и справедливости. Согласно этой точке зрения, право – не должно связываться с моралью и справедливостью, которые являются делом субъективных убеждений. Второе мнение предполагает, что правовая система должна базироваться на высших моральных и справедливых принципах. Согласно этой точке зрения, законы должны строиться на основе универсальных моральных принципов, таких как уважение к личности, свобода, равенство, справедливость и т.п. В свою очередь, третья точка зрения, по сути, объединяющая два предыдущих антагонистических мнения, состоит в том, что правовая система стремится к достижению баланса между моралью и справедливостью, при этом она должна учитывать моральные и этические принципы, принципы правопорядка, а также уважать законные интересы всех участников правовых отношений.

Так, В. С. Нерсисянц среди элементов правовой системы выделял доктринально-философский или идеологический элемент, который, по его мнению, включает в себя правопонимание, понятия и категории права и т.п. [17, с. 281]. При этом большая часть философско-правовых исследований в российской юридической доктрине была посвящена в основном сущности самого права, попыткам его философского осмысления. Сама же правовая система очень редко входила в предмет исследования отечественных философов права. Однако, выделяя сущностные характеристики самого права, можно экстраполировать их и на особенности российской правовой системы. Так Н. Н. Вопленко указывал в своих исследованиях, что правопонимание – это своеобразная онтология права, система идей, объясняющих сущность и бытие права в обществе [7, с. 11]. Критикуя философский подход к сущности права, М. И. Байтин утверждал, что главной

ошибкой такого подхода является чрезмерное расширение понятия права, фактическое отождествление его с правосознанием, правоотношениями, субъективными правами, распространением его на всю правовую систему, что приводит к рассмотрению права в отрыве от государства, а также к противопоставлению права и закона [4, с. 81-82]. В связи с вышеизложенным, можно заключить, что философский подход к пониманию права и правовой системы хоть и находит отражение в трудах российских исследователей, но тем не менее подвергается всесторонней критике и, в связи с этим, не является широко распространенным.

– *Формально-юридический подход.* Согласно данной позиции, правовая система – это совокупность нормативных правовых актов, в том числе законов, подзаконных актов, которые регулируют отношения в обществе. Такой подход сосредоточен на формальности актов и их системной взаимосвязи между собой, а также на системе принципов и норм, которые определяют их применение. По мнению М. А. Большунова, структурное ядро правовой системы всегда закладывают те формализованные правила поведения (нормы права), благодаря существованию которого могут существовать и иные правовые явления [5, с. 57]. Как считает Ю. А. Тихомиров, правовая система – это «структурно и функционально упорядоченный массив взаимозависимых нормативно-правовых актов, учреждаемых и действующих на основе единых принципов» [24, с. 5]. Однако указанное представление о правовой системе, как и подход в целом, на наш взгляд, заслуживают обсуждения и критической оценки. Мнение о том, что правовая система – это совокупность нормативных актов, хоть и достаточно распространено среди общества, но в большей степени является предметом обыденного, общечеловеческого понимания сути данного явления. Это объясняется тем, что нормативные правовые акты, в особенности законы и подзаконные акты, безусловно, являются основой правовой системы и регулируют поведение людей в обществе. Правовые нормы закрепляют права и обязанности граждан, определяют ответственность за нарушение закона, устанавливают порядок решения конфликтов и т.д. Таким образом, нормативные правовые акты являются важнейшим инструментом правовой системы и обеспечивают ее функционирование. Однако не стоит забывать, что правовая система также включает в себя другие элементы, такие как правоприменительная практика, судебные прецеденты, договоры, международные правовые акты и т.д.

– *Системный подход.* Основан на тезисе о том, что правовая система представляет собой сложную систему, включающую различные элементы, такие как законы, судебную практику, доктрину и прочее. Важно понимать, что все эти элементы взаимосвязаны и влияют друг на друга, что создает единую правовую систему. По мнению С. С. Алексеева, правовая система – это понятие, которое на основании юридических норм, в целостности и взаимосвязи охватывает все конститутивные элементы правовой действительности и определяет общую конструкцию действующего права в том или ином государстве [2, с. 65-66]. Как видно из приведенного определения, системный подход предполагает выделение основных элементов правовой системы, изучение их структуры и взаимодействия, а также определение принципов, которые лежат в основе ее функционирования. Указанный подход позволяет рассматривать её как сложную систему, включающую множество элементов, взаимодействующих между собой и соответствующих определенным принципам и нормам. Это позволяет более глубоко и полно понимать ее структуру и функционирование, а также принимать обоснованные решения на практике.

Исследованиям структуры национальной правовой системы посвящено незаслуженно скромное число научных трудов, что свидетельствует о нераспространенности такого подхода в российской юридической доктрине. Большинство исследований отечественных ученых рассматривают элементы правовой системы в общетеоретическом смысле. Например, как указывает Б. В. Малышев, в структуру правовой системы входят: 1) связи между подсистемами; 2) связи между частями каждой из подсистем; 3) связи между частями различных подсистем; 4) связи системы со средой; 5) связи компонентов системы с внешней средой [13, с. 33]. Ю. А. Тихомиров выделяет уже совершенно иной набор элементов

правовой системы: 1) цели и принципы правового регулирования; 2) основные разновидности правовых актов и их объединения; 3) системообразующие связи, обеспечивающие целостность системы [24, с. 3]. В свою очередь, Н. И. Матузов предлагал объединять элементы правовой системы в «блоки» такие как: нормативный, правообразующий, доктринальный (научный), статистический, динамический, блок прав и обязанностей и другие [22, с. 173]. С учетом изложенного, вопрос о структуре национальной правовой системы Российской Федерации в отечественной правовой доктрине остается открытым и нуждается в широком научном осмыслении в том числе не только со стороны ученых - теоретиков права.

Как известно, системность привносится в право именно законодателем, поскольку именно в системе право в наибольшей степени проявляет свои регулирующие свойства. Чем теснее увязка правовых норм в системе права, тем эффективнее само право регулирует общественные отношения. За 2022 год Государственной Думой Российской Федерации было рассмотрено рекордное количество законопроектов, а именно 653, по сравнению с 506 в 2021 году¹. Каждый принятый закон должен занять своё место в правовой системе таким образом, чтобы не порождать негативных правовых явлений (пробелов, коллизий и т.п.). Для российской национальной правовой системы характерна системность, отражающаяся в ряде основных признаков и черт свойственной самой романо-германской правовой системе: деление право на публичное и частное, материальное и процессуальное; разделение права на отрасли, подотрасли, институты, субинституты и нормы; микросистемность самой нормы права. Все вышеизложенное позволяет заключить, что системный подход является одним из основополагающих для отечественной правовой системы.

– *Культурный подход.* Представители указанного подхода солидарны в том, что правовая система является частью культуры и общества, в которых она функционирует. Культурные элементы, такие как стереотипы, традиции и общественные ценности, влияющие на формирование правовой культуры, которую также можно рассматривать как составляющую правовой системы. Правовая культура как качественное состояние правовой жизни проявляется в нормативных правовых актах, их применении, реализации прав и свобод граждан их правосознании и правовой грамотности [26, с. 173]. Культура играет важную роль в определении того, что является правомерным и неправомерным, нормативным и ненормативным. Таким образом, культурные аспекты, такие как исторические обычаи, стереотипы, убеждения и ценности, оказывают безусловное влияние на правовую систему и ее содержание. Необходимо понимать, что правовые системы создаются и применяются конкретными обществами, которые имеют свою уникальную культуру, менталитет и исторические традиции. Правовые системы, таким образом, могут отражать множество культурных факторов, таких как религия, философия, традиции и обычаи. Например, в странах с сильной религиозной традицией, законодательство может отражать ценности и нормы, связанные с религиозными убеждениями. В странах, где культурно признана индивидуальная свобода и независимость, законы могут уделять большое внимание защите и предоставлению гражданам права на личную свободу и индивидуальность.

Указанный подход также проявляет себя в национальной правовой системе Российской Федерации. И. Е. Фарбер утверждал, что Конституция – это не только юридический акт, но и важнейший политический документ [21, с. 71]. Прозвошедшая в 2020 году реформа Конституции РФ обозначила тенденции изменения системы ценностей, среди которых особенно выделяются: усиление консолидирующего потенциала Конституции РФ; формирование общероссийской национальной и государственной идентичности; социальная ориентированность политики государства; придание особой значимости достижению общественного согласия [19, с. 73]. Стоит заметить, что импульс формированию и развитию системы ценностей также придал Указ Президента РФ от

09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»².

Н. А. Филиппова также указывает на изменение конституционных подходов по отношению к ценностям и, в особенности, в части сохранения традиций национальной государственности; традиционной культуры, языковой, национальной и этнической идентичности, исторической идентичности [25, с. 99-100]. Буквальное толкование норм Конституции РФ также позволяет выделить перечень традиционных ценностей личности, среди которых: традиционные семейные ценности, патриотизм, гражданственность, уважение к старшим, институт брака как союза мужчины и женщины, достойное воспитание детей и забота о родителях, здоровый образ жизни и культура ответственного отношения к здоровью (ст. 67, ст. 72, ст. 114). Кроме того, Конституция РФ провозгласила ряд ценностей общества и государства, к числу которых можно отнести: русский язык как язык государствообразующего народа, культура как уникальное наследие многонационального народа, общероссийская культурная идентичность, культурная самобытность, этнокультурное и языковое многообразие (ст. 68-69). Особое место среди конституционных ценностей в контексте рассматриваемого подхода занимают их религиозно-исторические основы, в частности: вера в Бога, историческая правда, память предков и защитников Отечества и т.п. (ст. 67).

– *Транснациональный подход.* Сторонники указанного подхода полагают, что правовая система включает в себя не только национальное законодательство, но и международные стандарты и нормы, которые регулируют отношения между государствами на международном уровне. По мнению А. Р. Губайдулина, определяя понятие правовой системы надлежит учитывать, что речь должна идти об универсальной дефиниции, которую можно применить как в национальном праве, так и в международном [8, с. 82]. В качестве основания для этого можно рассматривать узкий и широкий подходы к пониманию международного права. Рассуждая о широком понимании международного права, Н. Ф. Кислицына приходит к выводу о том, что в данном случае речь идет не только о правовых нормах, но и о субъектах, и об источниках международного права, в связи с чем имеет смысл говорить о его сближении с понятием «правовая система» [11, с. 11-12]. Необходимо учитывать, что современный мир в условиях глобализации, как и правовые системы, уже не ограничиваются рамками одного государства, но при этом оказываются взаимосвязанными с другими юридическими системами. Транснациональный подход предлагает осмысление правоотношений в мировом масштабе как совокупности пересекающихся юрисдикций, находящихся в диалоге друг с другом. Юридические решения, таким образом, становятся результатом влияния, обсуждения и диалога между различными юрисдикциями. Транснациональный подход отмечает международный и транснациональный характер правовых норм и укладывает их в рассмотрение национальных систем права.

Применительно к Российской Федерации транснациональный подход также имеет существенное значение при формировании национальной правовой системы. Нормы международного права, а также его основополагающие принципы и идеи находят своё отражение в вопросах развития правовой системы России. Как отмечают И. С. Искевич и А. Н. Попов, на национальную правовую систему оказывает влияние целый ряд факторов, связанных с имплементацией международного права, среди которых: добровольное принятие на себя международных обязательств; воздействие идей и принципов международного права на реформирование отраслей национального права; полное или частичное воспроизведение диспозиции в тексте национального закона (ссылки, отсылки) и т.п. [10, с. 163] Вопрос о влиянии международного права является особенно актуальным в нынешних политико-правовых реалиях. Россия, находясь на стыке Запада и Востока, стремится развивать свою правовую систему

1 Госдума приняла рекордное количество законов в 2022 году. Дата обновления: 22.12.2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.ru/news/244594/?ysclid=lpmpoe4td959824988> (дата обращения: 01.12.2023).

2 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 9 нояб. 2022 г. № 809 // Собрание законодательства РФ. – 14.11.2022. – № 46. – Ст. 7977.

с учетом собственных национальных особенностей. Россия, являясь частью мирового сообщества, не может дистанцироваться от закономерностей и даже коллизий его развития, несмотря на серьезные разногласия, главным образом политического характера, существующие в межгосударственных отношениях [12, с. 88]. Учитывая недружественную политику стран Запада по отношению к Российской Федерации, а также прямое навязывание своих ценностей международному сообществу, национальная правовая система вынуждена перестраиваться под новые вызовы и реалии. В частности, в результате конституционной реформы 2020 года, норма ст. 79 Конституции РФ дополнена указанием на то, что «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации». С другой стороны, наблюдается динамичное сближение Российской Федерации со странами Востока, в особенности с Китайской Народной Республикой и ближневосточными странами, порождающее целый ряд двусторонних и многосторонних договоров и соглашений, и как следствие, взаимопроникновение национальных правовых систем на основе общности принципов, интересов и ценностей.

В результате проведенного анализа российской юридической доктрины было выявлено, что данное понятие может варьироваться в зависимости от конкретной направленности исследования, а также от конкретного подхода, избранного исследователем. В ходе анализа было выявлено, что далеко не каждый из этих подходов применим и приемлем в условиях сложившейся национальной правовой системы Российской Федерации. Исследование показало, что правовая система России в наибольшей степени тяготеет к формально-юридическому подходу. Культурный и транснациональный подход также применимы, но только в части взаимосвязей с ценностями и международным правом. В меньшей степени в отечественной правовой системе проявляют себя системный и функциональный подходы. Однако как показывает анализ правовой доктрины, отдельные попытки структурирования российской правовой системы всё же предпринимаются теоретиками права, равно как и исследования правовой системы через призму выполняемых ей функций. В свою очередь, философский и социологический подходы, хоть и являются предметом исследования в отдельных научных трудах, но при этом практически не используются в юридической науке, и более того подвергаются всесторонней критике со стороны правоведов, поскольку оба подхода допускают чрезмерно широкое представление о правовой системе, не свойственное общепринятому пониманию данного явления в теории права. Вместе с тем, независимо от подхода, все авторы сходятся в том, что правовая система имеет важное практическое значение для функционирования государства и общества в целом, при этом каждый из подходов к пониманию правовой системы вносит свой значительный вклад в развитие отечественной юриспруденции и обеспечение правовой защиты человека и гражданина.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Общая теория права: курс в 2 т. – Т. 1. – М.: Юридическая литература, 1981. – 359 с.
2. Алексеев С. С. Общая теория права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК«Велби». 2008. – 307 с.
3. Алексеев С. С. Теория права. 2-е изд. – М., 1995. – 276 с.
4. Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное понимание на грани двух веков). – Саратов, 2003. – 416 с.
5. Большунов М. А. К вопросу о понятии правовой системы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2011. – № 1. – С. 56-65.
6. Васильев В. В. Системность права как философско-правовая категория // Государство и право: теория и практика: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, апрель 2011 г.). – Челябинск : Два комсомольца, 2011. – С. 15-18.

7. Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права. – Волгоград, 2009. – 898 с.
8. Губайдуллин А.Р. Функции права и правовой системы общества // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 155. – № 4. – С. 27-36.
9. Долгих Ф. И. Теория государства и права: учебник. – Москва: Университет «Синергия», 2023. – 465 с.
10. Искевич И. С., Попов А. Н. Правовая система России и международная правовая система: вопросы и пути взаимодействия // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 3. – С. 162-165.
11. Кислицына Н. Ф. Развитие системы международного права на современном этапе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 26 с.
12. Майстренко Г. А. Российская правовая система: современное состояние и перспективы развития // Теории и проблемы политических исследований. 2022. – Том 11. – № 6А. – С. 86-91.
13. Малышев Б. В. Правовая система: элементный состав и структура // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. – № 2 (58). – С.30-35.
14. Малько А. В. Правовая система и правовая жизнь общества // Журнал российского права. – 2014. – № 7 (211). – С. 51-60.
15. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. – 512 с.
16. Милецкий В. П. Социологические аспекты анализа эволюции правовой системы России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2003. – № 2. – С. 73-88.
17. Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов / Под общ. ред. акад. РАН, д.ю.н., проф. В. С. Нерсесянца. – М: НОРМА – ИНФРА-М, 2002. – 832 с.
18. Реутов В. П. О соотношении функций и структур в правовой системе // Вестник Пермского университета. – 2001. – № 1. – С. 7-20.
19. Руденко В. В. Российская конституционная реформа 2020 года: трансформация системы ценностей // Ленинградский юридический журнал. – 2020. – № 4 (62). – С. 71-83.
20. Салыгин Е. Н. Правовая система как объект социолого-правового анализа // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – № 1. – С. 57-69.
21. Советское государственное право / под ред. И. Е. Фарбера. – Саратов, 1979. – 324 с.
22. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – М.: Юристъ, 2001. – 776 с.
23. Тихомиров Ю. А. Право: национальное, международное, сравнительное // Государство и право. – 1999. – № 8. – С. 5-12.
24. Тихомиров Ю. А. Сравнительное правоведение: развитие концепций и общественной практики // Журнал российского права. – 2006. – № 6. – С. 3-15.
25. Филиппова Н. А. Национальная идентичность в евразийском контексте: особенности российской конституционной реформы 2020 года // Вестник Сургутского государственного университета. – 2020. – № 2 (28). – С. 95-107.
26. Шашин П. А. Правовая культура в правовой системе общества: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2006. – 191 с.
27. Ярмиева И. Т. Структура и функции правовой системы // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 1 (55). – С. 80-85.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-11-186-84-86

КОНДРАТЬЕВА Анна Николаевна

кандидат юридических наук, начальник отдела довузовской подготовки Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске

КРЕПЫШЕВА Вероника Викторовна

специалист по организационной работе отдела проектной деятельности и спортивно-оздоровительной работы управления по молодежной политике Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

РЕГУЛИРОВАНИЕ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТУНИСЕ

Брачно-семейные отношения в современном Тунисе регламентируются Кодексом о личном статусе 1956 года, который определяет процедуру заключения брака, развода, наследования, взыскания алиментов, опеки над детьми и ряд других вопросов. Данный документ изменил правовой статус женщины, расширил ее права и возможности. В статье акцентируется внимание на роли этого правового акта в трансформации социальных отношений в современном Тунисе.

Ключевые слова: Кодекс Республики Тунис о личном статусе 1956 года, правовое положение женщин, брак, семья, развод.

KONDRATJEVA Anna Nikolaevna

Ph.D. in Law, Head of the Department of Pre-university Training of the Sredne-Volzhsky Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) in Saransk

KREPYSHOVA Veronika Viktorovna

specialist in organizational work of the Department of Project Activities and Sports and Recreation Work of the Youth Policy Department of the N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

REGULATION OF FAMILY AND MARRIAGE RELATIONS IN TUNISIA

Marriage and family relations in modern Tunisia are regulated by the Personal Status Code of 1956, which defines the procedure for marriage, divorce, inheritance, alimony, child custody and a number of other issues. This document changed the legal status of women and expanded her rights and opportunities. The article focuses on the role of this legal act in the transformation of social relations in modern Tunisia.

Keywords: Code of the Republic of Tunisia on Personal Status of 1956, legal status of women, marriage, family, divorce.

Кондратьева А. Н.

Крепышева В. В.

Государство Тунис, находящееся в Северной Африке, имеет длинную и сложную историю. На протяжении тысячелетий эта территория была попеременно под контролем финикийцев, римлян, вандалов, византийцев, а с VII века захвачена арабами, которые и составляют подавляющее число населения современного государства. В XVI веке тунисские земли вошли в состав Османской Империи, а в 1881 году они были захвачены Францией и стали фактически ее колонией. Лишь в 1956 году Тунис добился юридической независимости, но фактически продолжал находиться в сильной политической, экономической и культурной зависимости от своей бывшей метрополии [2]. Это до сих пор отражается на языке образования, науки, культуре и, в целом, социальной жизни населения. Хотя официальным языком согласно Конституции 1959 года¹ является арабский, тем не менее, образованная часть населения общается на французском языке. Государственной религией является ислам суннитского тол-

ка, что является одной из особенностей многих арабских государств, включая и Тунисскую Республику. Эта особенность проявляется на законодательных решениях, принимаемых правительством, на культуре и искусстве, быте, традициях и, конечно, праве и всей правовой системе.

Правовая система Туниса, как и других государств Магриба, носит смешанный характер, включая нормы шариата и светского законодательства. Причины этого положения совершенно понятны. Находясь под протекторатом Франции, государство восприняло континентальные правовые принципы и нормы в области регулирования большей части общественных отношений, экономики, государственного управления, политики. Длительное влияние французского права существенно повлияло на базовые принципы отношений личности с государством: признание равенства всех граждан перед законом, свободу личности, свободу совести, свободу слова, собраний, ассоциаций, неприкосновенность жилища, тайну корреспонденций, свободу передвижения, выбора места жительства и выезда за границу. Установлено, что международные договоры, ратифицированные в законном порядке, имеют приоритет над внутренним законодательством. Тысячелетняя близость к Европе и ее праву, тра-

¹ Конституция Республики Тунис 1959 года. Официальный текст. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.jurisite-tunisie.com/tunisie/codes/constitution/menup.html> (дата обращения: 20.10.2023).

дициям, средиземноморская торговля с Италией, Францией, Испанией и т.п. позволили им легко и надолго прижиться в магрибских странах. Но, это лишь одна сторона правовой системы Туниса.

Второй, не менее значимой стороной правовой системы, является мусульманское право и его главные источники – Коран и Сунна. Вопросы личного статуса, такие как брак, семья, наследование, и некоторые другие находятся в сфере регулирования исламского права, шариата.

В настоящее время из всех стран Магриба Тунис считается самым либеральным государством и входит в число наиболее умеренных арабских стран. Кардинальные изменения в законах, касающихся семейного права Туниса, произошли сравнительно недавно, во второй половине XX века. Связано это, в первую очередь с провозглашением независимости 20 марта 1956 г. и последующим принятием Кодекса о личном статусе [6].

13 августа 1956 года, менее чем через пять месяцев после провозглашения независимости от французского колониального правления, Тунисская Республика обнародовала Кодекс о личном статусе (Code of Personal Status – CPS) [3, с. 14]. Данный документ представляет собой свод законов, регулирующих брак, развод, опеку и наследование, коренным образом изменил семейное законодательство и правовой статус женщин. Вместе с тем, Кодекс о личном статусе 1956 года представлял собой новаторский правовой инструмент, который уменьшил гендерное неравенство в Тунисе [9, с. 6].

Необходимо отметить, что в отличие от западных стран, где в то время активно разворачивалось массовое феминистское движение, в Тунисе такого движения не было. Религия ислама, представляющая основу арабского менталитета, не допускала вызывающего феминизма, строго держала женщин на вторых ролях в исламском обществе. Инициаторы и разработчики Кодекса о личном статусе создавали его, в первую очередь для того, чтобы трансформировать существующие модели семейной жизни, что являлось необходимым условием для дальнейших социальных, политических и экономических изменений.

Так, Кодекс изменил нормы, касающиеся брака, развода, алиментов, опеки, усыновления и, в меньшей степени, наследования, оставив нетронутыми лишь немногие аспекты семейной жизни. Наиболее известные и смелые реформы, воплощенные в Кодексе, касаются полигамии, или права мужчины иметь до четырех жен, и отказа от брака, или одностороннего права мужа расторгнуть брак по своему желанию. Кодекс полностью запретил полигамию. Попытка вступить в повторный брак, наказывалась тюремным заключением сроком на год и штрафом в размере, представлявшем эквивалент годового дохода для многих тунисцев на момент опубликования Кодекса в 1956 году.

Кодекс состоит из десяти книг, каждая из которых включает ряд статей, регламентирующих правовой статус женщин и защищающий семейную жизнь в Тунисе.

В первой книге регулируются вопросы заключения брака и утверждается, что для того, чтобы брак был действительным, он должен позволять, как женщинам, так и мужчинам, свободно соглашаться на брак перед «двумя достойными свидетелями с выплатой невесте аль-махр (брачный дар со стороны жениха). Невыполнение этого требования означает, что брак не может быть заключен. Хотя в Кодексе личного статуса это положение сохранено, в Тунисе аль-махр часто носит в значительной степени символический характер и может иметь номинальную денежную стоимость. В отличие

от некоторых других мусульманских стран, в Тунисе жена не обязана возвращать аль-махр, если брак заканчивается разводом [5].

Кодекс был принят, чтобы положить конец ранее популярной практике договорных браков и лишить отца или опекуна права принуждать молодую женщину выходить замуж против ее воли. Согласно новому законодательству, брак стал добровольным союзом между двумя людьми, и только суд имел право его расторгнуть.

Необходимо отметить, что не все нормы Кодекса носили прогрессивный характер, например, остались действовать нормы, которые вводили ограничения на межконфессиональные браки, не позволяющие мусульманским женщинам выходить замуж за мужчин, не являющихся мусульманами. Лишь в 2017 году данное положение было изменено².

Также появилась норма, согласно которой государственная регистрация браков и разводов стала обязательной, чего раньше не было. Кодекс также отменил одностороннее расторжение брака и сильно изменил правила развода. Теперь развод может быть произведен только в суде. Специфический старый традиционный развод – Талак, по которому муж может развестись со своей женой без объяснения причины и без выдачи ей имущества, отменялся.

Согласно Кодексу о личном статусе существует три основания для развода:

- развод по взаимному согласию;
- по просьбе одного из супругов со ссылкой на конкретное основание;
- в результате жестокого обращения или причинения вреда одному из супругов. В этом случае судья определит, следует ли одному супругу выплачивать компенсацию другому и какой должна быть сумма [4, с. 227].

Несмотря на то, что согласно Кодексу, и муж, и жена в равной степени имеют право подать заявление на развод; тем не менее, суд все равно обязан попытаться примирить стороны с целью избежать расторжения брака. С точки зрения мусульманской религии такое поведение супругов считалось нежелательным, но допустимым. Статья 32 гласит: «Судья не может вынести решение о разводе до тех пор, пока он не изучит причины спора между супругами и не найдет возможности добиться примирения». В Кодексе также разъясняется, что развод не может быть произведен иначе, как в судебном порядке. Это означает, что развод, которого добиваются оба или один из супругов, не будет действителен без решения суда [7]. Примечательно, что после расторжения брака судьей женщина автоматически получает право на финансовую компенсацию, выплачиваемую ей бывшим мужем за ущерб, причиненный разводом, как это предусмотрено шариатом.

Кодекс также отрегулировал права матерей на опеку над своими детьми. После развода вопросы, касающиеся детей, решаются исходя из интересов, прежде всего, ребенка, суд должен найти решение, удовлетворяющее бывших супругов. Однако в настоящее время, как и прежде, отцы обладают исключительным правом на опеку. Хотя мать может осуществлять ежедневный уход за ребенком, отец всегда должен одобрять важные решения в воспитании ребенка. В исключительных случаях, если отец скончался или неспособен

2 Права женщин: в Тунисе разрешили выходить замуж за немусульман // ИА Регнум: официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2322251?ysclid=1p8elzukef823696451> (дата обращения: 17.09.2023).

бен выполнять свои обязанности, матери может быть предоставлено опекуновство [1].

Среди других нововведений Кодекс, с одной стороны, предоставил женщинам больше прав, расширив спектр доступных им возможностей в семейной жизни [8], с другой, возложил на них больше обязанностей, например, возложил на жену ответственность за участие в расходах по ведению домашнего хозяйства и за финансовую поддержку детей, если у нее были для этого средства.

Однако некоторые нормы Кодекса открыто поддерживали гендерное неравенство. Раздел 103 Кодекса личного статуса гласит, что «при наличии сыновей мужчина наследует в два раза больше, чем женщина». По замечанию Моны Ибрагим, заместителя лидера тунисской партии Ан-Нахда, «данная норма отражает суть исламской религии и основана на отрывке из Корана, согласно которому мужчина обязан использовать свое богатство для содержания своей семьи»³. При этом, Кодекс все же изменил правила наследования, отдав предпочтение супруге и потомкам женского пола перед двоюродными братьями мужского пола в некоторых специфических конфигурациях родства.

Поэтому, несмотря на то, что Тунис часто считают одной из самых прогрессивных арабских стран, Кодекс личного статуса не закрепил полное гендерное равенство в законе. При всей своей значимости Кодекс, тем не менее, укрепил представление о том, что мужчина является главой семьи, разрешает по умолчанию предоставлять юридическую опеку над детьми только отцам и ограничивает права женщин на наследование. Это положение, однако, может быть изменено. Думается, что не случайно, Беджи Каид Эссесби, президент Туниса, выбрал дату 13 августа, чтобы объявить о пересмотре национального закона о наследовании⁴. Это был Национальный женский день, тунисский государственный праздник, посвященный годовщине принятия Кодекса о личном статусе.

После Жасминовой революции, которая привела к демократизации Туниса, Национальное Учредительное собрание приняло новую конституцию. Хотя статья 21 Конституции Туниса от 2014 года гласит, что граждане мужского и женского пола «равны перед законом»⁵, изучение национальных законов о наследовании позволяет предположить, что в настоящее время это не так.

Согласно Конституции 2014 года⁶, Тунис является светским государством, хотя ислам является его национальной религией, которую исповедуют 99 % его граждан⁷. 6-й Президент Туниса Беджи Каид Э-Сесби в своем призыве к равным правам наследования сказал: «Мы найдем способ примирить религию и конституционные принципы. Наследование – это проблема людей. Бог и Его пророк оставили людей решать

эти вопросы»⁸. Заявление Э-Сесби вызвало неоднозначную реакцию, поскольку некоторые мусульманские священнослужители высказались против реформы, которая, по их мнению, не соответствует Писанию. С другой стороны, эта новость приветствовалась некоторыми активистами, в том числе правозащитницей Вафой Бен-Хассин, которая сделала ряд ярких заявлений по данному поводу⁹.

Несмотря на то, что Тунис добился огромных успехов в достижении равенства между полами, существует несколько законов, которые не предоставляют женщинам тех же прав, что и мужчинам, и, как таковые, могут быть признаны неконституционными. В настоящее время разрабатываются планы пересмотра отдельных положений законодательства. В 2018 году поддерживаемая правительством комиссия по вопросам индивидуального равенства и свобод подтвердила, что государство будет выступать против любой формы дискриминации. Ожидается, что это обязательство распространится на законы о разводе, финансовых расчетах и решениях, касающихся опеки над детьми.

Пристатейный библиографический список

1. Медушевский Н. А., Савичева П. Ю. Права женщин в современном Тунисе: прошлые достижения и взгляд в будущее // Теории и проблемы политических исследований. – 2021. – Том 10. – № 2А. – С. 17-27.
2. Правовые системы стран мира: энцикл. справ. / Отв. ред. А. Я. Сухарев. – 3. изд., перераб. и доп. – Москва: НОРМА, 2003 (ОАО Можайский полигр. комб.). – 967 с.
3. Рыжкова Е. А. Становление семейного права Туниса (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2000. – 26 с.
4. Borrmans M. Divorce et abus de droit en Tunisie. – I.B.L.A., 1967.
5. Khedher R. Tracing the Development of the Tunisian 1956 Code of Personal Status // Journal of International Women's Studies. – 2017. – Vol. 18. – Iss. 4. – Article 3.
6. Russell J. Code of Personal Status (Tunisia). – М.: Книга по Требованию, 2013. – 112 с.
7. Sfeir George N. The Tunisian Code of Personal Status (Majallat al-Ahwal al-Shakhsiyah) // The Middle East Journal. – 1957. – № 3. – P. 310.
8. Sofi M. Dawood. The Tunisian Republic and the Restructuring of Socio-Economic Institutions: A Brief Analysis of Bourguiba's Nation-Building Project // Islamic studies. – 2018. – Vol. 57 (3-4). – Pp. 245-259.
9. Whidden G. R. «If There Be One Only, She Shall Inherit Half»: Explaining the Preservation of Islamic Inheritance Law in Tunisia's 1956 Personal Status Code: An Thesis Presented for the Degree of Bachelor of Arts / Gwendolyn R. Whidden; The Faculty of the Department of Politics Bates College. – Lewiston, 2019. – 132 с.
- 3 Connor M. Reconciling religion and the constitution: a brief overview of family law in Tunisia. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Vardags | Reconciling religion and the constitution: a brief overview of family law in Tunisia (дата обращения: 18.10.2023).
- 4 Там же.
- 5 Конституция Республики Тунис 2014 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Tunisia_2014.pdf (constituteproject.org) (дата обращения: 10.10.2023).
- 6 Там же.
- 7 Сапронова М. А. Новая конституция Туниса: свобода, равенство, ислам // Институт Ближнего Востока. – 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iimes.ru/?p=19583#more-19583 (дата обращения: 10.10.2023).
- 8 Граждане Туниса разделились во мнениях по поводу прав женщин на наследство. – 2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://northafricapost.com/19367-tunisians-divided-womens-inheritance-rights.html (дата обращения: 18.10.2023).
- 9 В то время как Тунис рассматривает предложение о правах женщин, некоторые из противников нововведений являются женщины. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.npr.org/sections/parallels/2017/08/17/544123358/as-tunisia-weighs-womens-rights-proposal-some-of-the-staunchest-opponents-are-women (дата обращения: 18.10.2023).

МАЛКОВА Лариса Леонидовна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, управления и инженерно-технического обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Инженерно-экономического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России

Малкова Л. Л.

ЗАКОННОСТЬ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье представлен научный анализ вопросов укрепления законности и дисциплины государственного управления в Российской Федерации. Проанализированы наиболее значимые проблемы в данной области. По результатам исследования предлагается установление на государственно-правовом уровне четких целей государственности и государственного управления, обеспечение надлежащего соотношения норм законодательного и подзаконного уровней, расширение мер противодействия коррупции в сфере государственного управления, повышение этических требований к профессии юриста и профессиональной юридической деятельности, формирование действенных механизмов внешнего аудита сферы государственного управления.

Ключевые слова: государственное управление, законность, дисциплина, правопорядок, противодействие коррупции, эффективность.

MALKOVA Larisa Leonidovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, associate professor of Economics, management and engineering and technical support of the activities of the penal enforcement system of the Faculty of Engineering and Economics of the Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia

LEGALITY IN PUBLIC ADMINISTRATION: LEGAL AND ETHICAL ASPECTS

The article presents a scientific analysis of the issues of strengthening the rule of law and discipline of public administration in the Russian Federation. The most significant problems in this area are analyzed. According to the results of the study, it is proposed to establish clear goals of statehood and public administration at the state legal level, ensure an appropriate ratio of legislative and subordinate levels, expand anti-corruption measures in the field of public administration, increase ethical requirements for the legal profession and professional legal activity, and form effective mechanisms for external audit of public administration.

Keywords: public administration, public associations, state-public associations, public-state associations, public monitoring commission, public council, board of trustees.

Вопросы укрепления законности и дисциплины государственного управления в Российской Федерации приобретают особое значение на современном этапе. Без решения данных вопросов не представляется возможной реализация идей правового государства в нашем обществе. Часть 1 статьи 3 Федерального закона от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» в качестве одного из основных принципов построения и функционирования системы государственной службы определила принцип законности. Только на его основе возможно достижение должного уровня правопорядка в обществе и, соответственно, утверждение легитимности государственной власти, повышение эффективности государственного управления в целом.

Законность является общесистемным принципом государственного управления, для воплощения которого в общественную жизнедеятельность требуется политическая воля субъектов государственной власти и государственного управления. Вместе с тем, современная практика управления и анализ существующих тенденций в области обеспечения законности и дисциплины в государственно-правовой сфере демонстрируют наличие серьезных проблем в исследуемой нами области.

Деятельность органов государственной власти по-прежнему характеризуется наличием многочисленных на-

рушений законности, проявляющихся в таких негативных явлениях, как издание незаконных правовых актов и актов управления, злоупотребления полномочиями и административным усмотрением, пренебрежение общественными интересами, нарушения прав и свобод граждан, безответственность, а также различные коррупционные проявления (взятничество, фаворитизм, конфликт интересов и т.п.). Деятельность правоохранительных органов также нередко выходит за рамки правомерного поведения, что можно проследить по многочисленным негативным публикациям в средствах массовой информации, а также в официальной правовой статистике. Здесь можно назвать и другую проблему – это отсутствие инициативности и низкая эффективность при исполнении государственными служащими своих должностных обязанностей, непрофессионализм, а, нередко, и прямая халатность и противодействие прогрессивному развитию общественных отношений, внедрению новшеств, превалирование в ряде случаев целей внутриорганизационной управленческой деятельности над целями внешнеуправленческой деятельности. Все вышесказанное, в свою очередь, усугубляется недостаточностью действенного внешнего аудита сферы государственного управления.

В рамках настоящей статьи обратимся к рассмотрению наиболее значимых, на наш взгляд, проблем, определяющих

состояние законности и дисциплины в сфере государственного управления на современном этапе.

Исходной проблемой представляется отсутствие закрепления на государственно-правовом уровне четких целей государственности и государственного управления. Их юридическое воплощение реализуется в настоящее время в основном на подзаконном уровне. В частности, Указом Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» в качестве национальных целей развития Российской Федерации определены: сохранение населения, здоровье и благополучие людей; возможности для самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни; достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; цифровая трансформация. К сожалению, в числе названных целей не фигурируют цели духовно-нравственного развития общества, роста его образовательного, научного и культурного уровня. С внесением поправок в Конституцию Российской Федерации общие целевые ориентиры российской государственности стали более четко прослеживаться на конституционно-правовом уровне, однако говорить об установлении окончательной определенности в данном вопросе пока еще рано [1].

Одной из наиболее острых, с точки зрения гарантирования прав и свобод человека и гражданина, является проблема обеспечения надлежащего соотношения норм законодательного и подзаконного уровней. Речь здесь идет, в частности, об имеющем место «вторжении» в компетенцию законодателя, о регулировании подзаконными актами отношений, подлежащих регулированию федеральными законами. По мнению Н. Н. Литягина, данная ситуация является следствием недостаточной конкретизации круга общественных отношений, регулирование которых должно осуществляться федеральными законами [2]. Возможным решением указанной проблемы могло бы стать принятие федерального закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации» [3]. В любом случае, закон должен стоять на страже интересов общества и граждан, объективно ими определяться, быть однозначно понимаемым и единообразно применяемым, а самое главное – быть правовым. Ограничение основных прав и свобод граждан, их общественных объединений, субъектов экономической деятельности возможно лишь непосредственно нормами закона, и не должно обосновываться наличием рамочного закона при фактическом «делегировании» данных полномочий на подзаконный уровень.

Например, Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» предусматривает возможность установления обязательных требований указами Президента Российской Федерации, нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти (ст. 2). При этом в указанном законе не конкретизируется, установление каких обязательных требований может передаваться на подзаконный уровень. Представляется, что одной из целей принятия данного нормативного правового акта и должно было стать четкое разграничение полномочий по установлению обязательных требований между уровнями правового регулирования.

Федеральный закон от 17.09.1998 № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» устанавливает, что отсутствие профилактических прививок влечет отказ в приеме граждан на работы или отстранение граждан от работ, выполнение которых связано с высоким риском заболевания

инфекционными болезнями (ст. 5). Вместе с тем, несмотря на наличие законодательных норм общего (рамочного) содержания, закрепляющих обязательность профилактических прививок в отношении отдельных видов работ, конкретный перечень таких работ, а также Календарь профилактических прививок по эпидемическим показаниям устанавливаются на подзаконном уровне.

В качестве примера также можно привести Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», установивший цели, принципы и виды геномной регистрации, основания для ее обязательного применения, общий порядок проведения геномной регистрации, работы с биологическим материалом и геномной информацией, а также соответствующий понятийный аппарат. Вместе с тем, конкретные Правила получения, учета, хранения, использования, передачи и уничтожения биологического материала и обработки геномной информации устанавливаются в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации. В названном законе не регламентируются вид биологического материала и порядок его изъятия, ничего не говорится о сроках хранения биологического материала [4]. Какая именно персональная биологическая (геномная) информация будет собираться и в каких целях будет использоваться в законе не установлено. Закрепленные в законе цели использования геномной информации могут быть истолкованы расширительно без конкретных правовых ограничений (например, цель предупреждения преступлений). В законе также не установлен запрет на включение в нормативные акты требования о прохождении гражданами добровольной государственной геномной регистрации как условия занятия отдельными видами профессиональной деятельности или условия доступа к получению определенных видов услуг. Представляется, что все эти вопросы должны найти свое закрепление на законодательном уровне.

Серьезной правовой проблемой, имеющей системный характер и создающей реальные угрозы национальной безопасности, является коррупция в сфере государственного управления. Ее причины кроются в низком уровне правосознания и правовой культуры отдельных государственных служащих и граждан, существованием «двойных стандартов» при квалификации коррупционных деяний и привлечении к ответственности, некачественным изучением и отбором кандидатов на государственную службу, проникновением криминальных элементов в систему государственной власти и управления и, в целом, не достаточно высоким уровнем терпимости к коррупционным проявлениям в обществе. Базовые категории отечественного антикоррупционного законодательства (коррупция, конфликт интересов, личная заинтересованность, превышение полномочий, злоупотребление полномочиями, нарушение ограничений и запретов на государственной службе и др.) неоднозначно интерпретируются на практике, что, в свою очередь, обуславливает отсутствие единого подхода при анализе деликтных и иных конфликтных (противоречивых) ситуаций на государственной службе.

Отдельного внимания заслуживают проблемы сотрудничества государственных и общественных институтов в сфере противодействия коррупции, исключения взаимодействия между ними. Свободе убеждений, широкому и действенному участию общественности в управлении государством, в том числе и в деле противодействия коррупции, противостоят формализм такого участия, закрытость сферы государственного управления для широкого общественного

контроля, отсутствие действенных правовых гарантий безопасности и поддержки участников антикоррупционной деятельности из числа общественности. Требуется дальнейшее развитие институтов государственно-общественного (общественно-государственного) контроля (общественные палаты, общественные советы, общественно-наблюдательные комиссии, попечительские советы и т.п.) в части обеспечения их реального воздействия на формирование и реализацию государственной политики, принимаемые управленческие решения, реагирования на выявляемые факты нарушений законности. Становление действенных институтов общественного контроля, наряду с институтами парламентского и судебного контроля, прокурорского надзора, является, на наш взгляд, необходимым условием для создания эффективной системы внешнего аудита сферы государственного управления.

На современном этапе особую значимость приобретают также вопросы этики профессиональной юридической деятельности. Современная юридическая практика предъявляет повышенные требования к профессии юриста. Юрист несет ответственность перед обществом за правильное применение нормативных актов, за качество оказания юридической помощи, за авторитет системы правосудия, правотворчества и правоприменения, без которых невозможно построить стабильное в духовном, политическом, социально-экономическом плане демократическое и правовое государство [5]. Нравственные качества юриста, такие как честность, справедливость, гуманность, добросовестность, развитое чувство долга образуют фундамент его нравственной культуры, а также его способность и готовность к профессиональной работе. На современном этапе актуально создание новой морально-этической концепции юриста-профессионала, в основе которой находится нравственный идеал юридической профессии, с опорой на традиционные морально-нравственные ценности. Юрист не должен забывать о публичном характере юридической деятельности и игнорировать публично-правовые интересы и ценности права, должен быть связан, прежде всего, позитивной социальной ответственностью, а не частными, сугубо экономическими интересами. Юрист-профессионал должен занимать активную субъектную позицию в защите публичных интересов и правовых ценностей. Требуется пересмотреть подходы к правовой защите, в том числе на законодательном уровне, добросовестных субъектов правоотношений, возникающих в сферах хозяйственной (экономической) деятельности, трудовой деятельности, гражданского оборота недвижимости, внедрения различного рода новшеств, здравоохранения и т.д. Актуальным видится более внимательное отношение законодателя к вопросам обеспечения неприкосновенности частной жизни граждан, защиты их персональных данных от несанкционированного сбора и обработки, особенно в условиях набирающей обороты цифровизации всех сфер государственного управления и общественной жизнедеятельности, а также исключение из отечественного правового поля правоприменительных механизмов, влекущих нарушение прав и свобод граждан в условиях распространения заразных инфекционных заболеваний (пандемии), недопущение продвижения инициатив по созданию различного рода социальных (фидуциарных) рейтингов и «черных списков» граждан.

Таким образом, в качестве перспективных направлений укрепления законности и дисциплины в сфере государственного управления целесообразно было бы определить следующие: установление на государственно-правовом уровне четких целей государственности и государственного управле-

ния с опорой на ценности духовно-нравственного развития общества, роста его образовательного, научного и культурного уровня; обеспечение надлежащего соотношения норм законодательного и подзаконного уровней на основе четкого разграничения полномочий между уровнями правового регулирования по установлению обязательных требований; противодействие коррупции в сфере государственного управления посредством повышения уровня правосознания и правовой культуры государственных служащих, качества изучения и отбора кандидатов на государственную службу, развития механизмов сотрудничества государственных и общественных институтов в сфере противодействия коррупции; повышение требований к профессии юриста и создание новой морально-этической концепции юриста-профессионала, основанной на традиционных морально-нравственных ценностях, повышенной позитивной ответственности и активной субъектной позиции в защите публичных интересов и правовых ценностей; формирование действенных механизмов внешнего аудита сферы государственного управления.

Пристатейный библиографический список

1. Малкова Л. Л. Цели государственного управления и общественный прогресс в Российской Федерации: правовой аспект // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 9 (172). – С. 85-88.
2. Литягин Н. Н. Ревизия и систематизация законодательства // Государство и право. – 2003. – № 4. – С. 26-32.
3. Голодов П. В. Некоторые проблемы нормотворчества федеральных органов исполнительной власти // *Ius publicum et privatum*. – 2021. – № 5 (15). – С. 118-123.
4. Ольховик Н. В. Правовые проблемы обязательной геномной регистрации осужденных в России // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2020. – № 2 (4). – С. 51-56.
5. Камалетдинов Э. С. Нравственные аспекты деятельности юриста: современное измерение // Вестник Башкирского университета. – 2013. – Т. 18. – № 1. – С. 217-219.

СПИРИН Михаил Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права Юридического института Самарского национального исследовательского университета имени С. П. Королёва

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ МОРФОЛОГИИ ПРАВА (ДОКТРИНЫ ИСТОЧНИКОВ И ФОРМ ПРАВА)

Статья посвящена основным идеям представителей советской общей теории права 40-80-х гг. XX в. в сфере морфологии права (учения об источниках и формах права). Рассматривается понимание источника права и формы права в качестве различных по смыслу юридических категорий, устанавливается смысловая и содержательная связь между ними, анализируются особенности внутренней и внешней форм права. Определяется сложность разграничения внешней формы права и формального источника права в некоторых несовпадающих значениях этих родственных категорий.

На основании анализируемых классических концепций советской теоретической юриспруденции автор обращает внимание на актуальность использования категории «форма права» в своём первичном значении как современной общей теорией права, так и отраслевыми юридическими дисциплинами.

Ключевые слова: источник права, формальный источник права, форма права, внутренняя форма права, внешняя форма права, морфология права.

SPIRIN Mikhail Yurjevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Theory and history of state and law and international law sub-faculty of the Institute of Law of the S. P. Korolyov Samara National Research University

THE MAIN STAGES IN THE DEVELOPMENT OF SOVIET LEGAL MORPHOLOGY (DOCTRINE OF SOURCES AND FORMS OF LAW)

The article is devoted to the main ideas of representatives of the Soviet general theory of law from the 40s to the 80s of the XX century in the field of legal morphology (doctrine of sources and forms of law). The understanding of the source of law and the form of law as legal categories that are different in meaning is considered, a semantic and substantive connection between them is established and the features of the internal and external forms of law are analyzed. The difficulty of distinguishing between the external form of law and the formal source of law in some discrepant meanings of these related categories is determined.

Based on the analyzed classical concepts of Soviet theoretical jurisprudence, the author draws attention to the relevance of using the category "form of law" in its primary meaning both by modern general theory of law and by branch legal disciplines.

Keywords: source of law, formal source of law, form of law, internal form of law, external form of law, legal morphology.

Советская доктрина источников и форм права (морфология права) всегда обладала устойчивым внутренним дуализмом: с одной стороны, она была производна от достижений классической русской дореволюционной догматики права рубежа XIX-XX вв., с другой стороны, советская морфология права вышла «из шинели» раннесоветских представлений о «революционном правосознании трудящихся масс» как единственно возможном источнике всякого пролетарского права.

В последующем у разных авторов (Н. Г. Александров, С. С. Алексеев, М. Н. Марченко и др.) можно увидеть элементы этого внутреннего дуализма. В итоге такая двойственность оснований источников права логично привела к дуалистическому подходу в самой морфологии права (к выделению материального и формального источника права).

Необходимо отметить сравнительно поздний интерес советской юридической теории к проблематике источников и форм права: первая научная статья С. И. Вильянского, посвящённая источникам советского права, была опубликована лишь в 1939 году [3], первый развёрнутый научный доклад С. Ф. Кечекьяна по данной тематике («Спорные вопросы учения об источниках права») был сделан в Институте права АН СССР только в 1943 году, в 1946 году Кечекьян опубликовал на основе сделанного доклада первую программную научную статью по этой проблематике [8].

Чрезвычайно важным источником информации по вопросу развития советской морфологии права является соответствующая научная статья К. В. Петрова 2009 года [11].

На основе длительного изучения данного вопроса и собранных в результате этого научных материалах можно выделить 5 основных этапов развития советской морфологии права:

I этап – научная дискуссия С. Ф. Кечекьяна и Н. Г. Александрова (вторая половина 40-х гг.)

II этап – развитие концепции Д. А. Керимова (50-е гг.)

III этап – развитие концепции А. Ф. Шебанова (60-е гг.)

IV этап – научная дискуссия А. Ф. Шебанова и С. Л. Зивса (70-е – первая половина 80-х гг.)

Спирин М. Ю.

V этап – развитие взглядов будущих постсоветских исследователей данной проблематики (вторая половина 80-х – начало 90-х гг.)

Также следует отметить принципиальное значение появления трёх основных подходов в рамках советской морфологии права:

I. Появление и развитие дуалистического (плюралистического) подхода (С. Ф. Кечекьян, А. Ф. Шебанов: 40-е – 60-е гг.)

II. Появление и развитие волевого (волеустанавливающего) подхода (Н. Г. Александров: 40-е – 50-е гг.)

III. Появление и развитие монистического подхода (Д. А. Керимов, С. Л. Зивс, М. И. Байтин: 50 – 80-е гг.)

В итоге именно эти подходы сформировали три важнейших устойчивых направления в современной постсоветской морфологии права.

Проанализируем важнейшие достижения советской доктрины источников и форм права на каждом из обозначенных выше этапов её развития.

В рамках I этапа следует обратить пристальное внимание на оригинальные концепции источника права С. Ф. Кечекьяна и Н. Г. Александрова и научную дискуссию между ними, возникшую на основании различия их концепций. Многие мысли и выводы данных авторов, изложенные в их работах второй половины 40-х гг. XX в., стали первоосновой для современных российских теоретиков права [12, с. 13-14].

Так, С. Ф. Кечекьян можно считать родоначальником советской дуалистической (плюралистической) доктрины источников права. Принципиальное разделение источника права в материальном, социально-экономическом смысле («причины, обусловившие содержание права (норм права)») [8, с. 3-4] и источника права в формальном, формально-юридическом смысле («причины (основания) юридической обязательности норм») [8, с. 3-4], а также обоснование логичности представления об источнике права одновременно в этих двух несовпадающих значениях, имеющих различную природу, явилось важным итогом развития концепции Кечекьяна.

Данный автор указывал на то, что воля господствующего класса выступает основанием юридической обязательности всякой нормы права [8, с. 4]; при этом такая воля нуждается в формальной объективации, итогом которой (например, закон) и является источником права в формальном смысле [8, с. 5].

Н. Г. Александров, полемизируя с С. Ф. Кекекьяном, пришёл к выводу о необходимости видеть в содержании категории «источник права» волевое (волеустанавливающее) начало. Данный автор (исходя из специфики времени и господствовавшей политической идеологии) связывал это начало с волей экономической господствующего класса, исходя из особенностей материальных условий жизни этого класса, либо с общенародной волей, комплексно выраженной органами советского государства.

В то же время Александров не отрицал в своих работах того принципиального положения, что данная воля является первичной и определяет само действие этих классов и государств, которые они создают, для эффективной реализации этой воли. Следовательно, в источнике права по Александрову можно увидеть основу для будущего волевого подхода, который будет различать источник и форму права уже не с позиции соотношения категорий базиса и надстройки (как это мы видим у Кекекьяна), а с точки зрения корреляции сущности (источник права) и явления (форма права).

Следует отметить интерес Н. Г. Александрова к категории «форма права». Так, он писал о том, что закон выступает в качестве вида права, или его формы [1, с. 47]. Под источником права автор понимал «факты, которые непосредственно обуславливают отличие правовых социальных норм от неправовых и определяют таким образом специфику права» или «вид деятельности государства, заключающийся в установлении юридических норм или в признании юридическими иных социальных норм» [1, с. 51, 52]. В этой части можно заметить сильное влияние на Александра догматики права Г. Ф. Шершеневича начала XX века.

II этап эволюции советской морфологии права был связан с развитием концепции Д. А. Керимова в 50-е гг. XX в. Данный учёный, анализируя категорию «форма права», также не без влияния русской дореволюционной литературы (Чижов, Шершеневич *etc.*) пришёл к важному выводу, который часто связывают с именем более позднего исследователя данной проблематики – А. Ф. Шебанова. Именно Керимов впервые выделил два тесно связанных типа формы права: внешнюю форму права и внутреннюю форму права.

Справедливости ради, следует отметить, что его подход к этой проблеме оказался первичным. В частности, Керимов рассматривал внутреннюю форму права через конструкцию структуры юридической нормы, по сути, сводя к ней всё многообразие структуры самого права и всего процесса правового регулирования. Под внешней формой права Д. А. Керимов понимал «выражение вовне внутренне организованного содержания правовой нормы» [7].

Сама постановка Д. А. Керимовым соответствующей проблемы для советской теоретической юриспруденции было достаточно важной. Также, фактически следуя в «фарватере» мыслей Г. Ф. Шершеневича, Керимов определял форму права как используемый для непосредственного закрепления норм права и регулирования с их помощью социальных отношений формальный источник права (закон, санкционированный государством правовой обычай, судебный прецедент и т.д.). Данный подход сформировал устойчивое представление многих отечественных юристов, в т.ч. и современных, о том, что категории «форма права» и «формальный источник права» суть категории тождественные.

В качестве источника права Керимов понимал силу, порождающую право «в единстве его содержания и формы», т.е., акт волеизъявления господствующего класса, «правотворческую деятельность управомоченных органов государственной власти и управления» [6, с. 12-14], [7].

В рамках III этапа развития советской морфологии права следует обратить внимание на концепцию источника и формы права А. Ф. Шебанова, которая в 60-е гг. стала важной вехой в развитии самой морфологии права как самостоятельного раздела общей теории права.

А. Ф. Шебанов исходил из того, что нормативные правовые акты в силу объективных причин развития самого права выступают в советском обществе и государстве как основная и даже исключительная форма права [13, с. 45-50]. При этом, говоря о форме советского права, Шебанов имел в виду как теоретический концепт внешнего выражения нормативного содержания советского права, так и практические конструкции нормативных правовых актов, издававшихся различными органами государственной власти СССР и союзных республик, которые содер-

жали в себе конкретные регулятивные и охранительные нормы права.

Важной отправной точкой рассуждений А. Ф. Шебанова стало его указание на особый содержательный характер категории «источник права», которая длительное время используется не в строго научном смысле, а в качестве своеобразной метафоры. Шебанов отмечал, что само понятие источника права «принадлежит к числу наиболее неясных в теории права. Не только нет общепризнанного определения этого понятия, но даже спорным является самый смысл, в котором употребляются слова «источник права». Ведь «источник права» – это не более как образ, который скорее должен помочь пониманию, чем дать понимание того, что обозначается этим выражением» [13, с. 48]. Следовательно, принципиального логического смысла в обозначении соответствующей максимально многозначной категории искать не следует. Фактически Шебанов, отталкиваясь от этого понимания, придавал в вопросе обозначения закона и иного нормативного правового акта большее значение категории «форма права».

Одной из самых известных идей в концепции А. Ф. Шебанова выступает положение о принципиальном различии внешней формы права и внутренней формы права [13, с. 23-24, 27-28]. В этом вопросе данный исследователь пошёл значительно дальше выводов Д. А. Керимова и определил внутреннюю форму права как отражение его исходной и имманентной системности, иерархичности, структуры содержания всего объективного права. В качестве внутренней формы права Шебанов понимал «внутреннюю организацию права, порождаемому в конечном счёте отражением в волевом содержании права экономического строя общества на данном этапе его развития» [13, с. 23]. Далее автор указывал, что это – по сути, «система права, т.е. ... внутренняя структура права, которая выражает внутреннюю согласованность и единство составляющих его юридических норм и вместе с тем объективно необходимое разделение их на отрасли и институты» [13, с. 23]. А. Ф. Шебанов выводил своё различие внешней и внутренней форм права из господствовавших представлений советской материалистической философии о необходимости разделения любой содержательной формы на внутреннюю и внешнюю. В данном вопросе выводы Шебанова находят рядом с характеристикой такого важного качества юридических норм как их общеобязательность, в свою очередь воздействующего на образование категории «юридическая сила», свойственной как этим нормам, объединённым в правовые тексты, так и самим этим текстам, имеющим определённые внешние границы своего выражения (внешним формам права).

В качестве такой внешней формы права Шебанов определял «принятие в данном обществе формы выражения нормативной государственной воли» [13, с. 24]. Внешние формы права также обрели в работах Шебанова по сравнению с предшественниками несколько новое звучание, поскольку автор специально обратил внимание на их **нетождественность** формальным источникам права. Этот нюанс довольно редко замечают и в настоящее время, однако применение в данном случае критерия выраженной вовне государственной воли в качестве разграничительного маркера является весьма значимым. Получается, что всякая внешняя форма права должна исходить (по Шебанову) от государства, но не всякий формальный источник права (источник права в формальном, юридическом значении) непосредственно связан с государственной деятельностью, поскольку может, например, отражать интересы общества в целом. Кроме того, необходимо выделять и те внешние формы права, которые в силу различных причин и исходя из особенностей своей природы не содержат в себе нормы права, но при этом выражают вовне государственную волю (например, постановления Пленума Верховного Суда).

Таким образом, А. Ф. Шебанов фактически предлагал использовать в научном обороте сложносоставную конструкцию «форма права», в которой критерий выражения вовне государственной воли сочетается с критерием нормативности содержания права, и на основании совместного действия этих критериев из единой категории «форма права» возникают четыре взаимосвязанных, но при этом **различных по характеру** явления:

- 1) внешняя форма права, содержащая нормы права;
- 2) внешняя форма права, не содержащая нормы права;
- 3) формальный источник права, выражающий волю государства;
- 4) формальный источник права, не выражающий волю государства.

Как представляется, данная классификация, логически выводимая из работ Шебанова, является наиболее важной.

О четвёртом явлении А. Ф. Шебанов в своей концепции высказывал весьма осторожные суждения [13, с. 37-38], но из ло-

тики его рассуждений и природы самой конструкции «форма права» это непосредственно следует. В концепции Шебанова первое и третье явления объединяются, на основании чего автор делает небезупречный вывод о том, что формальный источник права всегда выражает государственную волю. При этом нужно принимать во внимание особенности эпохи и то обстоятельство, что учёным, воспитанным в 40–50-е гг. XX в. в СССР, было трудно воспринимать в качестве субъектов правотворчества кого-либо ещё, кроме государства, органов государственной власти и их должностных лиц. Так, в этом смысле современник Шебанова С. Л. Зивс прямо утверждает: «источник права есть внешняя форма объективизации правовой нормы» [4, с. 9]. И далее: «Норма права не существует и не может существовать вне источника права – оболочки бытия правовой нормы» [4, с. 9]. «Источник права суть внешняя форма установления правовой нормы государством (или по поручению государства, или с санкции, одобрения, государства). ... Право возникает только как результат действий государственных органов» [4, с. 10]. Тем самым, все эти четыре явления должны логически совпасть и выразить вовне исключительно государственную волю. Следовательно, именно неразрывная связь фактора выраженности вовне государственной воли в рамках всякого формального источника права и является исходной причиной последующего активного развития монистического подхода в морфологии права, сторонники которого (в т.ч. – С. Л. Зивс), как известно, отождествляли и продолжают отождествлять категории «источник права» и «форма права» (отсюда появляется устойчивое словосочетание «источники (формы) права»). Как раз поэтому те формальные источники права, которые в строгом смысле не выражают вовне волю государства, отечественной теорией права, а также отраслевыми юридическими науками долгое время подвергались сомнению (правовые обычаи, юридические прецеденты, правовая доктрина, договоры, принципы права *etc.*).

Получается, что если в строго научном смысле различать не только источник права и форму права, не только внешнюю форму права и внутреннюю форму права, но также формальный источник права и внешнюю форму права, то единственно правильным собирательным обозначением всей палитры разнообразных по своей природе и частоте использования средств формального закрепления норм права выступает категория «форма права», содержащая в себе юридические нормы («внешняя форма права» по Шебанову).

Подобный вывод, по сути, подтверждает правоту дореволюционных учёных, которые рассматривали категорию «источник права» более как метафору, а не как конкретное обозначение определённой разновидности правового текста, состоящего из расположенных в определённом устойчивом порядке норм права. В этом смысле Н. Г. Александров и А. Ф. Шебанов (в определённой степени неожиданно для самих себя и для советской теоретической юриспруденции) вернулись к истокам соответствующей проблематики и обратили внимание на магистральный путь развития юридической терминологии, уход от которого, очевидно, не приносит пользы как общей теории права в целом, так и юридической морфологии в частности [13, с. 42-44].

Последующее критическое осмысление концепции источников и форм права А. Ф. Шебанова стало основой для развития монистического подхода в советской морфологии права. С этим процессом связан IV этап эволюции отечественной доктрины источников и форм права, который выразился главным образом через призму научной дискуссии А. Ф. Шебанова и С. Л. Зивса в 70-е – первой половине 80-х гг. XX в.

Взгляды С. Л. Зивса, отражённые в его известной монографии «Источники права» 1981 года, стали основополагающими для многих сторонников формального позитивизма в отечественной юриспруденции.

Фактическое отождествление категорий «источник права» и «форма права» логически привело к признанию тождества конструкций «право» и «закон», а также – к определению бессмысленности попыток создания каких-либо логических нормативных конструкций, располагающихся за пределами официальных форм установленной государственной воли. Подобный «манифест легизма», через 24 года уже на следующем этапе «перезданный» М. И. Байтиным [2], можно рассматривать как элемент более крупной сущностной полемики между представителями юридического позитивизма и естественно-правовой доктрины. Тем более, что именно в конце 70-х – 80-е гг. XX в. благодаря либертарно-юридической доктрине В. С. Нерсисянца вопрос о статусе закона как главенствующего и непоколебимого источника советского права стал рассматриваться более гибко, чем до этого.

На последующем V этапе развития советской морфологии права (вторая половина 80-х – начало 90-х гг.) проявились взгляды

будущих постсоветских исследователей данной проблематики. По большому счёту лишь в отдельных работах этого периода можно найти некоторые новации в сравнении с предшественниками, а также – определённую рефлексию на тему различных смыслов содержания как источника права, так и формы права, которая была производна от осуществляемых соответствующими авторами специальных исследований [9], [5]. На данном этапе окончательно сформировались три направления в советской общей теории права, которые принято называть тремя подходами в морфологии права: монистическое, дуалистическое (плюралистическое) и волевое.

Современная российская юриспруденция унаследовала именно эти подходы и, по сути, на данный момент не предложила в рамках морфологии права ничего принципиально нового.

На основании данного обзора основных этапов развития советской морфологии права можно сделать несколько основных выводов:

1. Современные российские концепции источников и форм права во многом не являются оригинальными и чаще всего копируют изложенные выше советские и, в частности, позднесоветские (проявившиеся на IV и V этапах развития советской морфологии права) подходы и выводы, исходя из идеологического содержания полученного в советское время будущими российскими учёными юридического образования. В отдельных аспектах можно увидеть некоторое развитие советского подхода, однако в любом случае ощущается чрезвычайно сильное влияние советских догматических доктрин [10, с. 249–250].

2. Современная российская теоретическая юриспруденция практически не использует достижения и проблематику зарубежной морфологии права.

3. Современная российская общая и отраслевая теория права принципиально нуждается в новых, логически выверенных и идеологически нейтральных концепциях источников и форм права для своего дальнейшего развития.

Пристатейный библиографический список

1. Александров Н. Г. Понятие источника права // Учёные труды Всесоюзного института юридических наук. – М., 1946. – Вып. 8. – С. 47-54.
2. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – 2-е изд. – М.: Издат. дом «Право и государство», 2005. – 544 с.
3. Вильнянский С. И. К вопросу об источниках советского права // Проблемы социалистического права. – 1939. – № 4–5. – С. 62-71.
4. Зивс С. Л. Источники права. – М.: Наука, 1981. – 240 с.
5. Калинин А. Ю., Комаров С. А. Форма (источник) права как категория в теории государства и права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2000. – № 6 (233). – С. 3-10.
6. Керимов Д. А. Источники советского социалистического права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1950. – 24 с.
7. Керимов Д. А. Понятие источника советского социалистического права в свете работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» // Учёные записки Ленинградского юридического института. – Л., 1951. – Вып. 5. – С. 41-68.
8. Кечебян С. Ф. О понятии источника права // Учёные записки МГУ. – Вып. 116. Труды юридического факультета. – Кн. 2. – М.: Изд-во МГУ, 1946. – С. 3-25.
9. Муромцев Г. И. Источники права (теоретические аспекты проблемы) // Правоведение. – 1992. – № 2. – С. 23–30.
10. Петров А. В. О категории формы права // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 5 (1). – С. 245-251.
11. Петров К. В. Источники и формы права в советском правоведении // Ленинградский юридический журнал. – 2009. – № 2 (16). – С. 23-33.
12. Спирин М. Ю. Основные этапы развития отечественной доктрины источников и форм права // Юридическая наука. – 2017. – № 6. – С. 9-18.
13. Шебанов А. Ф. Форма советского права. – М.: Юридическая литература, 1968. – 216 с.

ФРИЗЕН Петр Дмитриевич

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России

НЕГАТИВНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ СОВЕРШЕНИЮ ГРАБЕЖЕЙ В РОССИИ

В представленной статье исследуются вопросы, связанные с основными особенностями детерминирования современных грабежей. В частности, рассматриваются такие негативные социальные явления, как алкогольная и наркотическая зависимости, которые существенно влияют на количество совершенных открытых хищений в стране. Автор приходит к выводу о том, что требуется непосредственное участие государства для решения проблемы распространения в стране наркомании и алкоголизма. Полиция, как основной субъект профилактики грабежей, должна эффективно предупреждать преступные посяательства рассматриваемого вида, устранять проблемы, связанные с организацией деятельности правоохранительных органов по противостоянию негативным социальным явлениям в обществе.

Ключевые слова: грабеж, причины и условия, алкоголизация, пьянство, наркомания, профилактика преступности, полиция.

FRIZEN Peter Dmitrievich

Ph.D. in Law, associate professor, professor of Theory and history of law and state sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

NEGATIVE SOCIAL PHENOMENA CONTRIBUTING TO THE COMMISSION OF ROBBERIES IN RUSSIA

The presented article examines the issues related to the main features of the determination of modern robberies. In particular, such negative social phenomena as alcohol and drug addiction are considered, which significantly affect the number of committed open theft in the country. The author comes to the conclusion that the direct involvement of the state is required to solve the problem of the spread of drug addiction and alcoholism in the country. The police, as the main subject of robbery prevention, must effectively prevent criminal encroachments of the type in question, eliminate problems related to the organization of law enforcement agencies' activities to counter negative social phenomena in society.

Keywords: robbery, causes and conditions, alcoholism, drunkenness, drug addiction, crime prevention, police.

Одним из приоритетных направлений деятельности государства выступает обеспечение правовой защиты интересов граждан, общественных организаций и предприятий. Процедура проводится с учетом положений Концепции общественной безопасности в РФ [2]. Она рассматривается как правовая основа, призванная обеспечить комплексную защиту.

Концепция создана для решения ряда приоритетных задач, в том числе обеспечения равноправия, поддержания уровня общественного порядка, борьбы с отмыванием денежных средств, противодействия преступным элементам и обеспечения социально-экономического роста. Для этого проводится целый комплекс мероприятий. Препятствие существованию и развитию преступных групп и сообществ, внедрение и применение эффективных профилактически-правовых методик, направленных в том числе на обеспечение общественного порядка, борьба с незаконным оборотом и легализацией денежных средств, а также общие меры, направленные на противодействие преступникам, призванные обеспечить социально-экономический рост в ближайшем периоде нашему государству также являются для нее важнейшими задачами.

Однако, несмотря на осуществление комплексной и плановой работы, уровень преступности продолжает оставаться довольно высоким. В частности, это касается открытого хищения чужого имущества. Данные деяния включаются в перечень преступлений, отличающихся повышенной общественной опасностью. Иногда возможно сочетание вышеуказанных преступлений, что значительно ухудшает возможные последствия. В частности, есть риск причинения не только материального, но и физического ущерба, который бывает довольно серьезным и может привести к наступлению гибели пострадавшего лица.

Фризен П. Д.

Сегодня прослеживается повышенный законодательный и общественный интерес к грабежам, что вызвано весомым впечатлением подобных преступлений на криминогенной ситуации, а также формированием криминального облика населения и государства в целом, наложения тени на экономику и социальную сферу страны.

Осознание несовершенства возможностей, имеющих у правоохранительных органов, чья непосредственная деятельность направлена на предупреждение и пресечение грабежей, ведет к снижению у населения уверенности в возможности получения адекватной правовой защиты. Подтверждением этого выступает констатация рядом ученых роста количества прецедентов разрешения конфликтных ситуаций силами самих граждан, использующих для этого силовые методы борьбы [5, с. 10].

Актуальность исследования причин и условий совершения такого распространенного преступления как грабеж, а также специфики его предупреждения подтверждается как статистическими данными, так и большим количеством научных исследований по указанной теме, в которых ученые выделяют различные проблемы рассматриваемого института права, анализ которых необходим для выработки предложений, востребованных на современном этапе.

Чтобы успешно бороться с грабежами, следует уделять внимание изучению их ключевых причин, а также содействующих сегодня подобным преступным проявлениям факторов и условий. Исключительно их устранение или хотя бы минимизация позволит с высокой эффективностью предотвратить упомянутые преступления.

Как показывают результаты исследовательской деятельности ученых, изучающих проблемы криминологии, преступления совершают преимущественно лица без источников регулярного заработка. Причем свыше 50 % случаев – это

рецидивы, то есть преступные посягательства, совершенные лицами, которые ранее привлекались к ответственности [6, с. 98-99].

Более того, треть происходящих в общественных местах грабежей совершают лица, пребывающие под воздействием наркотических веществ или алкоголя [3, с. 53].

Следует акцентировать внимание на проблематике, связанной с ростом количества граждан, страдающих от алкогольной и наркотической зависимостей, которая с недавних пор приобрела особую остроту. И в научной литературе, и в средствах массовой информации довольно тщательно освещена данная проблемная ситуация. Фундаментальные исследования, на которые опираются сегодня специалисты, проводились в основном во второй половине прошлого века. Однако выводы, к которым пришли их авторы, сохранили свою актуальность до сих пор. Например, в работах этих исследователей доказано, что преступность, в том числе в форме грабежей, растет под влиянием такого основного фактора как злоупотребление алкоголем.

Общезвестно его негативное воздействие на способность человека контролировать свои действия и давать им адекватную оценку. Алкоголь снимает нравственные барьеры и заставляет проще относиться к собственному противоправному поведению. Разработка и реализация комплекса разнообразных мероприятий, направленных на противодействие этому проблемному явлению, осуществляется уже в течение десятилетий, но проблема сегодня продолжает усугубляться и приобретает глобальные масштабы [7, с. 57-60].

Для преступлений самых разнообразных типов в качестве детерминанты выступает именно алкогольная зависимость. Причем в случае открытых хищений чужого имущества данный фактор особенно важен. Это связано с тем, что под воздействием алкоголя правонарушитель сильно мотивирован совершить противоправное действие, сопровождающееся агрессией, чтобы немедленно реализовать свои корыстные мотивы, в том числе для последующей покупки спиртного [5, с. 94].

Изучив практику следственной деятельности и судебных разбирательств, приходим к следующему выводу. В случаях, когда алкоголь употребляется систематически, очевидно возрастает риск того, что это приведет к умышленному преступлению либо совершенному по неосторожности.

Кроме того, употребление алкогольных напитков способствует повышению уровня виктимности, что является серьезным криминогенным фактором при совершении грабежей. В состоянии опьянения ослабляется внимание и прекращается соблюдение базовых мер предосторожности, обеспечивающих безопасность человека. О том, что рассматриваемая проблема крайне важна, свидетельствует тот факт, что по статистическим данным у лиц с алкогольной зависимостью уровень противоправной активности в сотню раз превышает такую активность у граждан без проблем с алкоголем [4, с. 217-219].

Как утверждает в статье «Криминологический и виктимологический анализ преступлений против собственности в современной России» Е. Г. Телегина, есть прямая корреляция между количеством алкозависимых на территории определенного муниципалитета, активностью правонарушителей и тяжестью совершенных ими деяний [8, с. 246-251].

Учитывая вышесказанное, мы можем уверенно констатировать, что следует рассматривать алкоголизм не в качестве явления, которое характерно для общества в целом, а как конкретный фактор, способствующий совершению многих преступных посягательств, среди которых грабеж. Наряду с алкоголизмом еще одним явлением явно негативного характера с позиции нормально функционирующего общества является предшественник алкоголизма – пьянство. Оно способствует укреплению преступности и приводит к тому, что постоянно пополняются ряды граждан с асоциальным поведением.

Целесообразно также сделать акцент на проблеме, связанной с ростом количества лиц, употребляющих наркотические средства. Особенно острой она стала в конце прошлого века, и эта острота все еще сохраняется. Как показывают официальные статистические данные, происходит постоянное расширение круга преступных посягательств, которые совер-

шаются лицами, пребывающими под действием наркотиков. Такая картина обусловлена увеличением количества наркозависимых, вследствие которого развивается наркобизнес и растет общий уровень преступности [1, с. 95-97].

При воздействии наркотиков субъект перестает осознавать какое имущество чужое, а какое нет, стирается грань преступного и не преступного, что в результате ведет к уголовно наказуемому деянию. При этом, с точки зрения уголовного права, лицо, находящееся в наркотическом алкогольном или ином опьянении не только не освобождается от уголовной ответственности (какая бы сильная стадия опьянения не была), а, наоборот, в силу положений ст. 63 УК РФ может по усмотрению суда быть признаноотягчающим наказание обстоятельством. Значит, даже сильнейшая стадия опьянения, при которой виновный не мог осознавать преступный характер действий по открытому хищению чужого имущества (например, думал, что это имущество принадлежит ему), не может освободить лицо от уголовной ответственности по ст. 161 УК РФ.

Сказанное предопределяет тот факт, что государству следует сосредоточить свои усилия на том, чтобы в обществе формировалось неприятие преступной деятельности, которая связана с желанием злоумышленников обогатиться. У всех должны быть возможности для реализации в труде, получении за него достойной оплаты, за счет которой можно удовлетворить как базовые, так и другие личные нужды, а также нужды родных и близких, которые зависят от данного лица и обеспечиваются им.

Таким образом, требуется непосредственное участие государства для решения проблемы распространения в стране наркомании и алкоголизма. Необходимо больше внимания уделять тому, как воспитываются дети и обеспечивается их досуг. Полиция, как ключевой субъект профилактики грабежей, должна эффективно предупреждать данные преступные посягательства, устранять проблемы, связанные с организацией деятельности правоохранительных органов по минимизации негативных социальных явлений. Исключительно в том случае, если рассмотренные негативные социальные явления будут устраняться комплексно и с научным подходом, возможна будет выработка методики, которая позволит эффективно предупреждать грабежи в России.

Пристатейный библиографический список

1. Илюшкин Н. В. Профилактика грабежей в России // Проблемы науки. - 2019. - № 12 (48). - С. 95-97.
2. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685 // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 05.10.2023).
3. Абызов Р. М., Абызов К. Р., Ботвин И. В. и др. Криминология: Общая и Особенная части: курс лекций / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф., засл. юриста Российской Федерации Р. М. Абызова. Барнаул: БЮИ МВД России, 2020. - 262 с.
4. Макапов А. А. Алкоголизм как детерминанта преступного поведения // Информация и образование: границы коммуникаций INFO'21. - 2021. - С. 217-219.
5. Ботвин И. В., Ермакова О. В., Семенюк Р. А., Штаб О. Н. и др. Особенности первоначальной квалификации и профилактики преступлений, рассматриваемых участковыми уполномоченными полиции: монография. - Барнаул: БЮИ МВД России, 2019. - 164 с.
6. Постелова В. Б. Состояние и причины хищений в России // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений. - 2021. - С. 98-99.
7. Семенюк Р. А. Преступления, совершаемые в состоянии опьянения: постановка проблемы // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат.-лы двенадцатой международной научно-практ. конф-ции. - Барнаул: БЮИ МВД России, 2014. - С. 57-60.
8. Телегина Е. Г. Криминологический и виктимологический анализ преступлений против собственности в современной России // Лучшая студенческая статья 2017: сборник статей XII Международного научно-практ. конкурса. - Пенза, 2017. - С. 246-251.

ЧИНАЕВ Всеволод Викторович

аспирант кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета (МГЮА) имени О. Е. Кутафина

ПРАВОВЫЕ РИСКИ ПЕРЕХОДА К ЦИФРОВОМУ ОБЩЕСТВУ

В статье приведены достижения и преимущества использования цифровых технологий в правовой сфере. Проанализированы проблемы и правовые риски, связанные с внедрением цифровых технологий. Отмечено, что для предотвращения киберугроз организация может использовать цифровые решения, платформы и инструменты, соответствующие требованиям законодательства. Сделан вывод, что объем правовой защиты должен отвечать быстро меняющейся среде угроз, связанных с использованием информационных технологий. Выявлено, что основные факторы риска в производственной сфере связаны с нарушением информационной безопасности, вызванным кибератаками, утратой персональных данных и т.д. Обосновано, что цифровые технологии позволяют, с одной стороны, повысить эффективность деятельности компании, но с другой – увеличивают юридические риски. Поэтому необходимо развить положения нормативных правовых актов в данной сфере, способствуя снижению правовых рисков, связанных с увеличением масштабов цифровизации и автоматизации.

Ключевые слова: технологии, цифровые технологии, цифровизация, Интернет, конфиденциальность, персональные данные, юридические проблемы, правовые риски, защита данных.

CHINAEV Vsevolod Viktorovich

postgraduate student of Theory of state and law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

LEGAL RISKS OF TRANSITION TO A DIGITAL SOCIETY

The article presents the achievements and advantages of using digital technologies in the legal field. The problems and legal risks associated with the introduction of digital technologies are analyzed. It is noted that in order to prevent cyber threats, an organization can use digital solutions, platforms and tools that meet the requirements of legislation. It is concluded that the scope of legal protection should meet the rapidly changing environment of threats associated with the use of information technology. It is revealed that the main risk factors in the production sector are associated with information security violations caused by cyber attacks, loss of personal data, etc. It is proved that digital technologies allow, on the one hand, to increase the efficiency of the company's activities, but on the other hand, they increase legal risks. Therefore, it is necessary to develop the provisions of regulatory legal acts in this area, helping to reduce the legal risks associated with the increase in the scale of digitalization and automation.

Keywords: technologies, digital technologies, digitalization, Internet, privacy, personal data, legal problems, legal risks, data protection.

Инновации в области цифровых технологий развивались быстрее, чем в любой другой области в истории человечества. Появление цифровых технологий произвело революцию в обществе и экономике, и практически все отрасли промышленности и виды повседневной деятельности испытывают существенные изменения в результате цифровой революции.

Цифровая революция продемонстрировала необычайную силу, способную внедрять новые методы работы, общения и установления связей между дисциплинами, сообществами и границами. Эта революция затронула правовые, экономические и социальные институты, финансовые и банковские реформы, массовую культуру, а также коммуникацию и потребление. В последние десятилетия 20-го века цифровизация и развитие таких технологий, как волоконная оптика, вычислительная техника и спутники, распространились по всему миру, что привело к широкому использованию сети Интернет.

Сегодня, по мере продвижения цифровой революции, мы видим рост использования данных и приложений искусственного интеллекта, основанных на машинном обучении и алгоритмах [2]. Мы также наблюдаем появление робототехники в производственных и домашних приложениях, Интернета вещей (IoT), блокчейн-технологий, нейронных сетей и квантовых вычислений, среди других используемых технологий. Эти технологические иннова-

ции работают совместно, создавая новые миры профессиональной практики, процессов, основанных на знаниях, парадигм бизнеса и управления, а также всемирных социальных сетей.

В связи с пандемией коронавируса, затронувшей глобальные отрасли, мир быстро перешел на цифровые технологии, изменив методы работы компаний в разных секторах и странах, а также трансформировав условия работы людей. С современными технологиями произошло заметное увеличение производительности. Сотрудники оптимизировали операции с помощью цифровых процессов, что позволяет им работать где угодно и решать срочные вопросы.

Кроме того, повседневные задачи можно свести к минимуму с помощью автоматизации. Электронный автоматизированный документооборот обеспечивает более организованный рабочий процесс, который может привести к удовлетворенности клиентов цифровыми технологиями. Это также дает возможность использовать весь потенциал сотрудников, позволяя им сосредоточить свой опыт на более продуктивной работе.

Цифровизация также позволяет специалистам сократить время, затрачиваемое на юридические исследования, поскольку искусственный интеллект (ИИ) уже применяется в этой области. Например, ИИ может помочь участникам судебных процессов в поиске исходных данных и извлечении важной информации из контрактов и других

документов с помощью алгоритмов. Искусственный интеллект также может немедленно предоставлять ответы на часто задаваемые вопросы и советы по юридическим вопросам, обеспечивая надежное обслуживание клиентов в режиме 24/7.

Передовые системы кибербезопасности теперь могут выявлять, классифицировать, защищать и отслеживать конфиденциальную информацию, делая ее доступной только для уполномоченных сторон. Управление цифровыми административными процедурами, профилями клиентов, цифровыми идентификационными данными, конфиденциальными сведениями влечет для организации определенные киберриски.

Следовательно, они становятся более уязвимыми для хакеров, потенциальных мошенников, совершающих кражи личных данных. Именно здесь важное значение приобретает цифровое регулирование. Для предотвращения киберугроз организация может использовать цифровые решения, платформы и инструменты, соответствующие требованиям законодательства. При этом развитая цифровая платформа для бизнеса должна собирать, хранить, управлять и защищать информацию о клиентах.

Поскольку использование Интернета увеличилось с годами, возросло и значение конфиденциальности данных. Веб-сайтам, приложениям и платформам социальных сетей часто необходимо собирать и хранить персональные данные о пользователях для предоставления услуг. Однако некоторые приложения и платформы могут превосходить ожидания пользователей в отношении сбора и использования данных, оставляя пользователей с меньшей конфиденциальностью, чем они предполагали. Другие приложения и платформы могут не устанавливать адекватных гарантий в отношении данных, которые они собирают, что может привести к нарушению данных, ставящие под угрозу конфиденциальность пользователей.

Во многих юрисдикциях конфиденциальность считается фундаментальным правом человека, и для защиты этого права существуют законы о защите данных. Особенно уязвимы персональные данные, которые обрабатываются с использованием Интернета.

Использование и разглашение персональных данных могут осуществляться без ведома пользователей и, как правило, против их воли. Некоторые правонарушители могут пользоваться отсутствием либо несовершенством нормативных актов, контролирующих конфиденциальность данных.

Если сохранность персональных данных не обеспечена или если люди не имеют возможности контролировать их использование, эти данные могут быть неправомерно использованы несколькими способами:

- Преступники могут использовать персональные данные для обмана или преследования пользователей.
- Субъекты могут продавать персональные данные рекламодателям или другим сторонним лицам без согласия пользователя, что может привести к получению пользователями нежелательного маркетинга или рекламы.
- Деятельность человека отслеживается и контролируется, что может ограничить его способность свободно выражать себя и свое мнение.

Каждая организация, которая занимается управлением данными, и хочет защитить данные и информацию клиентов, их идентификационные профили или цифровые транзакции, должна быть осведомлена о правовых нормах в этой сфере и цифровых правах клиентов, чтобы предоставлять

наилучшие безопасные и законные цифровые услуги, повышая лояльность и доверие клиентов. Сегодня для организаций, внедряющих современные технологии, угрозы киберпреступности вкуче со стремительными технологическими изменениями представляют серьезную проблему.

Несмотря на удобство и простоту использования облачных технологий, концепция территориальности применительно к современным технологиям может вызвать множество трудностей в толковании. Каждая юрисдикция будет подходить к нарушению конфиденциальности материалов, загруженных в облако, по-разному, что потенциально приведет к существенным расхождениям в правовом регулировании данных вопросов.

Интернет вещей (IoT) относится к сети объектов, встроенных в программное обеспечение и датчики и имеющих возможность подключаться, передавать и обмениваться данными между устройствами через Интернет без необходимости взаимодействия с человеком. Они уже являются большей частью жизни человека, как правило, в виде «умных» устройств и систем, таких как системы умного дома, где бытовые приборы и устройства подключены и могут управляться удаленно.

Одной из самых больших угроз безопасности IoT является отсутствие шифрования при регулярной передаче. Множество устройств Интернета вещей не шифруют данные, которые они отправляют, что означает, что если кто-то проникнет в сеть, он может перехватить учетные данные и другую важную информацию, передаваемую на устройство и с него. Многие IoT-устройства регулярно взаимодействуют с облачными приложениями. Передача данных из сети в облако обычно проходит через общедоступный Интернет, что делает их уязвимыми для перехвата и атаки вредоносных программ.

Защита, конфиденциальность и безопасность данных обеспечиваются должна обеспечиваться изначально. Поэтому важно интегрировать эти меры в технологию IoT, начиная с процесса разработки. Принятие согласованного набора международных стандартов, специфичных для IoT, поможет сформировать четко определенную нормативно-правовую среду, которая снизит риски, связанные с этой технологией.

Ключевой проблемой здесь является принятие решения о степени ограничений на обмен информацией из-за опасений за их безопасность [1].

Результатом слишком широких и превентивных ограничений на корпоративную коммуникацию, даже если они оправданы серьезными опасениями по поводу информационной безопасности, является потеря функциональной совместимости. Это проблема требует информационной защиты, с одной стороны, и правовой – с другой.

Ученые показали, что необходимо разработать нормы и предписания для повышения глобальной безопасности, поскольку существующие нормативные акты не подходят для таких компьютерных систем [3].

Хранение и использование конфиденциальной информации на компьютерах, мобильных устройствах, подключенных к Интернету, требует повышенной юридической безопасности. Поэтому объем правовой защиты должен отвечать быстро меняющейся среде угроз, связанных с использованием информационных технологий.

Технологии хранения больших данных - это архитектура вычислений и хранения, которая собирает большие наборы данных и управляет ими, а также позволяет анализировать данные в режиме реального времени. Большие

данные в информационных технологиях используются для улучшения операций, обеспечения лучшего обслуживания клиентов, разработки индивидуальных маркетинговых кампаний и других действий для увеличения доходов и прибыли.

Однако большие данные также являются целью для потенциальных злоумышленников, поэтому несоблюдение мер безопасности при хранении и обработке этих данных может привести к утечке ценной информации. Большие данные сопряжены с такими юридическими рисками, как неправомерное получение интеллектуальной собственности третьими лицами.

Важным вопросом является гражданская ответственность за ущерб, причиненный роботами. Обеспечение надлежащего уровня безопасности киберфизической системы в промышленной сфере зависит от принятия правовых норм, регулирующих стандартизацию, права интеллектуальной собственности, управление данными, вопросы ответственности, трудоустройства. Наиболее совершенные роботы могут получить правовой статус электронных лиц.

Увеличение сектора информационных коммуникаций также сегодня влечет серьезные юридические трудности в обеспечении конфиденциальности и защиты неприкосновенности частной жизни. Глобальная подверженность правовому риску, создаваемому Интернетом, в сочетании с часто противоречащими друг другу правами и обязанностями и ограниченными возможностями правоприменения, означают, что корпорации могут усомниться в необходимости соблюдения всех применимых законов.

Основные факторы риска в производственной сфере связаны с нарушением информационной безопасностью, вызванным кибератаками, утратой персональных данных и т.д. Доступность данных неизбежно влияет на процесс управления рисками. Использование инновационных технологий означает, что должны иметься готовые решения для снижения юридических рисков.

Примеры юридических рисков, которые могут возникнуть в связи с применением цифровых технологий, включают материальный ущерб, нарушение условий контракта, неправомерное использование персональных данных, нарушение прав работников организации, нарушение прав правообладателей объектов интеллектуальной собственности.

Кроме того, в случае Интернета вещей и киберфизических систем, перечень потенциальных юридических рисков шире, поскольку существует возможность повреждения датчиков или других элементов систем наблюдения и контроля в автономных системах механической обработки, включая системы загрузки и разгрузки.

Итак, внедрение цифровизации и автоматизации сопряжено с высокими правовыми рисками. Их минимизация возможна путем снижения вероятности возникновения риска для конкретной технологии.

Научная проблема регулирования неприкосновенности частной жизни в мире постоянно развивающихся технологий состоит в том, чтобы определить уровень эффективного регулирования конфиденциальности, защитить права субъектов данных, но при этом предоставить бизнесу возможность использовать персональные данные на законных основаниях и вдохновить на свободное перемещение данных. Практическая проблема заключается в том, чтобы найти баланс между бизнесом, использующим технологии для получения выгоды от персональных данных, и фактическим реальным контро-

лем над персональными данными со стороны субъектов данных.

Цифровые технологии позволяют, с одной стороны, повысить эффективность деятельности компании, но с другой - увеличивают юридические риски. В свете цифровой трансформации производства требования в области защиты информации, персональных данных, ИТ-безопасности получили «новое звучание».

В связи с этим, необходимо развивать положения нормативных правовых актов в данной сфере, способствуя снижению правовых рисков, связанных с увеличением масштабов цифровизации и автоматизации. Такие проблемы, как утечка персональных данных лиц, вторжение в частную жизнь на основе больших данных высветили двойственность технологического развития и приводят к выводу о том, что технологическое развитие необходимо надлежащим образом регулировать.

Неприкосновенность частной жизни как фундаментальное право регулируется специальными правилами, которые ставят инновационные организации, работающие с персональными данными, в рамки, направленные на защиту прав субъектов данных и не наносящие вреда нововведениям как концепции. Влияние технологий на неприкосновенность частной жизни обеспечивается сочетанием различных технологий, которые по-разному используются в разных случаях во всем мире, что формирует законодательство о конфиденциальности таким образом, чтобы оно отвечало новым вызовам инноваций.

Пристатейный библиографический список

1. Allhoff F., Henschke A. The Internet of Things: Foundational ethical issues // *Internet of Things*. 2018. 1-2. P. 55-66.
2. Ragnedda M. *Enhancing Digital Equity: Connecting the Digital Underclass*. Palgrave, 2020.
3. Sahmim S. Gharsellaoui H. Privacy and Security in Internet-based Computing: Cloud Computing, Internet of Things, Cloud of Things: A review // *Procedia Computer Science*. 2017. 112. P. 1516-1522.

ЧИНАЕВ Всеволод Викторович

аспирант кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета (МГЮА) имени О. Е. Кутафина

НОРМАТИВНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ МЕХАНИЗМОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РИСКАМ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

Технологический суверенитет – это важная составляющая развития государства, особенно в современной цифровой экономике. Это понятие означает способность страны самостоятельно разрабатывать и использовать передовые технологии, чтобы обеспечивать свою экономическую, политическую и оборонную безопасность. Однако в условиях быстро меняющегося мира и всё большей цифровизации различных уровней жизни общества, возникают и новые риски, которые способны нанести вред технологическому суверенитету России. В этом контексте нормативное оформление механизмов противодействия рискам является неотъемлемой частью обеспечения технологического суверенитета страны. Поэтому вопросы совершенствования нормативно-правового регулирования данной сферы приобретают актуальность и научную значимость, особенно в наши дни.

Ключевые слова: технологический суверенитет, нормативное регулирование, противодействие рискам, информационная безопасность, развитие России.

CHINAEV Vsevolod Viktorovich

postgraduate student of Theory of state and law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

REGULATORY DESIGN OF MECHANISMS FOR COUNTERING RISKS IN THE FIELD OF ENSURING TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY OF RUSSIA

Technological sovereignty is an important component of the development of the state, especially in the modern digital economy. This concept means the ability of a country to independently develop and use advanced technologies to ensure its economic, political and defense security. However, in the conditions of a rapidly changing world and the increasing digitalization of various levels of society, new risks arise that can harm Russia's technological sovereignty. In this context, the regulatory design of risk mitigation mechanisms is an integral part of ensuring the technological sovereignty of the country. Therefore, the issues of improving the legal regulation of this sphere are becoming relevant and of scientific importance, especially nowadays.

Keywords: technological sovereignty, regulatory regulation, risk management, information security, development of Russia.

Введение

С ускорением технологического развития возникает всё больше рисков, поскольку многие страны развиваются в этом направлении очень быстро. Повсеместное использование иностранных компьютерных программ и других технологических компонентов таит в себе угрозу подрыва национального технологического суверенитета.

В связи с этим актуальной становится задача противодействия этим рискам. И на наш взгляд, нормативно-правовое регулирование этих отношений занимает не последнее место в данном механизме. Законодательное обеспечение технологического суверенитета возможно посредством разработки и принятия соответствующих нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы, связанные с использованием иностранных технологий и программного обеспечения в стратегически важных секторах экономики, а также выстраиванием собственной наукоёмкой технологической базы.

Результаты исследования

Для того, чтобы понять нормативные механизмы противодействия рискам в области обеспечения технологического суверенитета России, необходимо сформулировать контуры понятия технологического суверенитета.

Технологический суверенитет представляет собой способность государства контролировать и использовать информационные и коммуникационные технологии в интересах своей национальной безопасности, экономического развития и сохранения суверенитета. Однако, с развитием новых технологий приходят и новые угрозы, которые могут нанести серьезный ущерб стране. Поэтому, необходимо разработать и внедрить механизмы противодействия рискам, связанным с обеспечением технологического суверенитета [3, с. 134].

Важнейшим направлением работы по формированию правового механизма противодействия рискам в области технологического суверенитета России является разработка и утверждение законодательных актов [4, с. 1068].

Ключевым нормативно-правовым актом в этой сфере является Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ. В этом законе зафиксированы базовые положения

политики обеспечения информационной безопасности страны и противодействия возникающим угрозам.

В законодательстве, а именно в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», чётко говорится, что обладатель информации обязан принимать меры по защите информации. И только в отдельных случаях, которые установлены законодательством РФ, мы обязаны защищать информацию и информационные активы так, как нам это предписывает государство. Согласимся с А. Лукацким в том, что во всех остальных случаях, если государство не устанавливает обязательных требований, лицо вправе самостоятельно выбирать те стандарты, подходы которыми вы будете руководствоваться при построении, мониторинге и эксплуатации системы информационной безопасности.

Обязательные требования устанавливаются в следующих случаях:

- в области защиты персональных данных;
- требования ФЗ № 161 «О национальной платёжной системе», обязательные требования по защите информации для финансовых организаций;
- отдельная ветка регулирования – промышленные системы, энергетика, транспорт, то есть так называемые ключевые системы;
- операторы связи;
- вопросы государственной тайны;

Также важнейшим нормативно-правовым актом является Доктрина информационной безопасности РФ. Действующая версия Доктрины информационной безопасности утверждена Президентом РФ в 2016 г., и она во многом сохраняет преемственность с предыдущей редакцией, которая была утверждена Президентом РФ в 2000 г., т.е. более 15 лет до этого. Естественно, она потребовала обновления и все актуальные на настоящий момент взгляды в ней перечислены.

Суть доктрины описана в п. 1 ч. I, в которой говорится о том, что доктрина информационной безопасности является установочным документом, на который можно ссылаться при обосновании различных проектов и решений, их соответствии духу официальных взглядов на обеспечение информационной безопасности. Эти взгляды во многом влияют на

реалии, мы убедились на примере конкретных законов, которые должны согласовываться с доктриной.

В отечественном правовом поле существует целый ряд регуляторов, которые определяют государственную политику в данном направлении и осуществляют контроль её исполнения. Рассмотрим кратко их полномочия. Выделяют ряд регуляторов, которые принимают ключевые решения в данной области: ФСТЭК, ФСБ, ЦБ, Минцифры, Роскомнадзор. ФСТЭК занималась всеми вопросами защиты информации, кроме криптографии, криптографией занималась ФСБ. В настоящее время ФСБ занимается вопросами мониторинга регулирования на инциденты, частично такими решениями как файервол, сетевое оборудование, антивирусы, а также имеет требования к такого рода решениям [7, с. 11]. Сегодня существуют однозначные вопросы, которыми занимаются ФСТЭК или ФСБ, а существует области, где может действовать как один, так и другой орган. ЦБ регулирует вопросы защиты информации в национальной платёжной системе, а также вопросы защиты информации в финансовых и некредитных финансовых организациях. Роскомнадзор ранее отвечал за соблюдение прав участников (субъектов) информационной безопасности, а с конца 2022 г. отвечает за уведомления в области инцидентов, связанных с персональными данными [6, с. 81].

Отдельно стоит упомянуть Министерство Цифрового развития РФ, которое до недавнего времени занималось вопросами электронной подписи и удостоверяющих центров. Несмотря на то, что Минцифры устанавливает государственную политику в области персональных данных, в последний год данное ведомство вышло также в публичное поле регулирования отдельных вопросов кибербезопасности, что связано с особой ролью этого ведомства в процессах информатизации. Достаточно сказать, что за реализацию Указа Президента от 1 мая 2022 г. № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации» отвечает в первую очередь Минцифры. Помимо этого, указанное ведомство занимается вопросами сертификатов безопасности для сайтов, анализом защищённости объектов информационной инфраструктуры и другими вопросами.

Справедливо мнение И. Дурницына в том, что российское законодательство, касающееся информационной безопасности, можно разделить на три этапа. Таким образом, российское законодательство прошло последовательный путь развития, поэтапно двигаясь к более совершенному уровню защиты информации¹.

Кроме того, для обеспечения технологического суверенитета необходимо уделять внимание и образовательной сфере. Здесь можно согласиться с общим выводом Т. Н. Блиновой в том, что «на ближайшие годы перед высшей школой стоят две главные задачи - кардинальная перестройка содержания подготовки кадров и принятие мер по уменьшению текущего дефицита кадров с использованием различных механизмов» [2, с. 38]. В этой связи важно на законодательном уровне обеспечить развитие образовательных центров и высших учебных заведений [1, с. 29].

Важным аспектом нормативного оформления механизмов противодействия рискам является и обеспечение защиты интеллектуальной собственности. В этом направлении уже действует такой орган как Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС), который занимается регистрацией полезных моделей и промышленных образцов. Деятельность данного органа крайне важна с точки зрения обеспечения технологического суверенитета страны [5, с. 63].

Однако, одного только нормативного оформления недостаточно. Для эффективного противодействия рискам необходимо также создать систему международного сотрудничества в области обеспечения технологического суверенитета. Россия активно ведёт работу в этом направлении, участвуя в различных международных форумах, соглашениях и сотрудничая с другими странами в области кибербезопасности и защиты прав интеллектуальной собственности [8, с. 351].

Безусловно, стоит согласиться с мнением В.В. Лапаевой, которая говорит о необходимости комплексного подхода:

«прорыв в этом направлении требует постановки и решения значительно более широкого круга вопросов: от перестройки системы образования, готовящей научные кадры (здесь от тестовой оценки знаний надо переходить к стимулированию у обучающихся понимания и креативности), до легитимации собственности, сложившейся по итогам приватизации нашего общего социалистического наследия, без чего невозможно создать экономику, заинтересованную в развитии инноваций».

Заключение и выводы

Таким образом, российское законодательство прошло последовательный путь развития, поэтапно двигаясь к более совершенному уровню защиты информации.

В отечественном правовом поле существует целый ряд регуляторов, которые определяют государственную политику в данном направлении и осуществляют контроль её исполнения.

На основе анализа законодательства был выявлен ряд нормативно-правовых актов, регулирующих данную сферу, и проанализировано их влияние на формирование технологического суверенитета.

В настоящее время в российском правовом поле существует ряд правовых коллизий, которые требуют законодательного совершенствования. Безусловно, правоприменительная практика не должна устранять данные пробелы аналогией права или закона.

Формирование в России технологического суверенитета – ключевая задача на среднесрочную перспективу и нормативно-правовая основа, позволяющая эффективно выстраивать процессы, является очень важным подспорьем в её решении.

В статье перечислены основные шаги, которые нужно сделать для того, чтобы приблизиться к решению задачи по обеспечению технологического суверенитета и минимизировать риски. Это эффективный законотворческий процесс, поддержка образовательных организаций, создание и эффективная работа координирующих органов.

Пристатейный библиографический список

1. Астапенко П. Н. Цифровой суверенитет как условие реализации государственного суверенитета в интернет-эпоху. – Текст: непосредственный // Издательство Смоленского государственного университета. – 2022. – № 9. – С. 27-33.
2. Блинова Т. Н., Коваленкова А. А., Семионова Е. А. и др. Кадры технологического суверенитета России – прежние проблемы и назревшие решения. – Текст: непосредственный // Университетское управление: практика и анализ. – 2022. – № 26 (4). – С. 37-55.
3. Горячева Т. В., Мызрова О. А. Роль и место технологического суверенитета в обеспечении устойчивости экономики России. – Текст: непосредственный // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Экономика. Управление. Право. – 2023. – Т. 23. – Вып. 2. – С. 134-145.
4. Жданев О. В. Обеспечение технологического суверенитета отраслей ТЭК Российской Федерации. – Текст: непосредственный // Записки Горного института. – № 258. – С. 1061-1078.
5. Лапаева В. В. Технологический суверенитет России: правовые проблемы. – Текст: непосредственный // Научно-исследовательские исследования. – 2023. – С. 60-72.
6. Неретин О. П. Интеллектуальный суверенитет экономики России – Москва: Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС), 2022. – 166 с.
7. Сморгунов Л. В. Доказательная политика технологического суверенитета и ее дизайн. – Текст: непосредственный // Южно-российский журнал социальных наук. – 2022. – Т. 23. – № 3. – С. 6-19.
8. Тимофеева А. Д. Технологический суверенитет: правовой аспект понятия на современном этапе регулирования. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 21 (468). – С. 350-352.

1 Дурницын И. Развитие права в сфере информационной безопасности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/durnicyn/1420282/> (дата обращения: 03.04.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-11-186-100-101

ХАКИМОВА Алина Рафаэлевна

начальник сектора бухгалтерского учета и отчетности подведомственных учреждений
Министерства культуры Республики Татарстан

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

В данной статье рассматриваются психологические особенности, распространенные среди лиц, совершающих экономические преступления. Дана характеристика их психологических особенностей личности. Предложена типология личностей лиц, совершающих экономические преступления. Подчеркивается важность понимания психологических основ экономических преступлений для разработки эффективных стратегий предупреждения и вмешательства, а также важность признания психологических характеристик экономических преступников для борьбы с этой распространенной проблемой.

Ключевые слова: экономическая преступность, личностные особенности, мотивы преступления, финансовые нарушения, психология преступника.

KHAKIMOVA Alina Rafaelevna

Head of the Accounting and Reporting Sector of subordinate institutions of the Ministry of Culture of the Republic of Tatarstan

ECONOMIC CRIME: INDIVIDUAL PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF A PERSON

This article examines the psychological characteristics common among persons committing economic crimes. The characteristic of their psychological characteristics of personality is given. A typology of the personalities of persons committing economic crimes is proposed. The importance of understanding the psychological foundations of economic crimes for the development of effective prevention and intervention strategies is emphasized.

Keywords: economic crime, personality traits, motives of crime, financial violations, psychology of the criminal.

Хакимова А. Р.

Экономическая преступность – это явление, которое существует уже давно и имеет свои корни в экономической деятельности человека. Согласно данным Министерства внутренних дел Российской Федерации за январь-сентябрь 2023 года в России было выявлено 87,8 тысяч преступлений экономической направленности [1]. В то же время Генеральная прокуратура России добавила, что общее число преступлений экономической направленности с начала года снизилось на 6 % в сравнении с прошлым отчетным периодом [2]. Несмотря на то, что экономические преступления охватывают множество составов, которые подрывают финансовую стабильность и доверие общества, все они указывают на то, что экономическая преступность является сложным явлением, которое требует комплексного подхода при его изучении.

За формальным составом преступления и преступностью в целом скрывается такой важный аспект, заслуживающий изучения, как связь между индивидуальными психологическими особенностями и совершением данного вида преступлений.

Раскрытие индивидуальных психологических характеристик лиц, причастных к таким преступлениям, имеет ключевое значение для понимания генезиса таких преступлений. Анализируя эти аспекты, становится возможным выявить катализаторы, движущие этими преступлениями, и понять закономерности, которые могли бы помочь в стратегиях профилактики, вмешательства и предупреждения.

В стремлении разгадать психологические аспекты, лежащие в основе экономической преступности, ученые сталкиваются не только с доктринальным анализом [3], но и с необходимостью внедрения междисциплинарных методологий для анализа нюансов индивидуальной психологии в этой сфере. Рассматривая методологические подходы, которые могут быть использованы для изучения экономической пре-

ступности в контексте темы статьи, можно выделить несколько наиболее основных.

Помимо классических юридических методологических подходов в рамках данной проблемы также используются психологическое профилирование и поведенческие исследования. Благодаря данному методу удастся выявить модели поведения лиц и их мотивы. Немаловажным также является метод статистического анализа, позволяющий изучить взаимосвязи между психологическими переменными и экономической преступностью, для получения представления об относительной силе этих связей.

Область экономических преступлений охватывает мошенническую деятельность, коррупцию, растрату и различные правонарушения типичными проявлениями которых являются обман, манипулирование и эксплуатация с целью получения финансовой выгоды. Однако за формальным составом преступления и преступностью в целом скрывается такой важный аспект, заслуживающий изучения, как связь между индивидуальными психологическими особенностями и совершением данного вида преступлений.

В основе этой взаимосвязи лежит понимание мотивации, процессов принятия решений и моделей поведения, лежащих в основе экономической преступности. Раскрытие индивидуальных психологических характеристик лиц, причастных к таким преступлениям, имеет ключевое значение для понимания генезиса таких преступлений.

Выявление и осмысление этих факторов по своей сути ценно из-за их роли в формировании характера совершения экономических преступлений. Такое понимание позволяет глубже понять, почему определенные лица, движимые определенными психологическими предрасположенностями, склонны к данному поведению. Анализируя эти психологические аспекты, становится возможным выявить катализаторы, движущие этими преступлениями, и понять закономер-

ности, которые могли бы помочь в стратегиях профилактики, вмешательства и предупреждения.

Основной характеристикой личности совершающей преступления правильно считать – мотив. Несмотря на то, что в большинстве случаев финансовая выгода является основным мотивом для многих экономических преступлений, другие факторы, такие как жадность, власть, статус и погоня за адреналином, также могут играть значительную роль. Например, мошеннические схемы часто мотивируются финансовой выгодой, в то время как превышение полномочий частным детективом может являться следствием стремления к власти и влиянию.

Те, кто совершает преступления ради финансовой выгоды, проявляют ряд психологических особенностей, которые способствуют их противоправному поведению. О. С. Капинус, В. И. Авдийский и другие ученые выделяют 5 основных типов преступников в зависимости от мотива: корыстный, насильственный, престижный, сексуальный, игровой [3], [4].

Стоит отметить, что эта типология универсальна и подходит ко всем видам преступности. Принимая во внимание разнообразные мотивы и поведение экономических преступников, имеет смысл конкретизировать и разработать типологию личностей преступников в зависимости от мотива преступления. Это может служить для принятия превентивных мер, которые направлены на предупреждение экономической преступности.

1. Корыстный тип. Их основной мотив заключается в стремлении к личной финансовой выгоде. Данный тип наиболее часто встречается у личностей, совершающих преступления закрепленных в ст. 159, ст. 160, ст. 185 Уголовного кодекса Российской Федерации.

2. Жестокий тип. Личности склонные к насилию, могут прибегать к силе или угрозам насилия для достижения своих финансовых целей. Чаще всего встречается у обвиняемых по таким составам преступления, как Кража, Грабеж, Вымогательство [4].

3. Престижный тип. Их мотивирует желание высокого статуса. Они стремятся произвести впечатление, стать символом успеха. К такому типу можно отнести людей, занимающихся манипулированием рынков (ст. 185.3 УК РФ), подкупом арбитра (ст. 200.7 УК РФ).

4. Азартный тип. Экономические преступники, которые ищут острые ощущения, могут быть мотивированы адреналином. Наиболее часто встречается у людей, занимающихся кражами, фальсификацией финансовых документов.

Эта классификация показывает, что каждый тип отражает конкретную психологическую ориентацию, которая направляет их в сфере экономических преступлений.

Стоит отметить, что преступления в сфере экономики часто совершаются людьми, которые проявляют определенные характеристики, такие как контроль над собой, гибкость, способность сосредоточиться на цели, настойчивость и дисциплинированность, особенно в сложных ситуациях.

Также, следует упомянуть такую немаловажную характеристику личности, как пол и возврат. Анализ по гендерному признаку показывает, что в 2021 г. около 79 % преступлений коррупционной направленности совершили мужчины, в то время как 21 % приходилось на женщин [5]. Анализируя материалы изученных уголовных дел о преступлениях в сфере экономической деятельности, при прохождении практики в прокуратуре, можно сделать вывод, что средний возраст экономического преступника составляет 40 лет. В целом, данные более старых исследований говорят о схожих цифрах [6].

Моральные и психологические характеристики личности правонарушителя являются катализатором их противоправного поведения. Основными из них являются: рациональность, отсутствие эмпатии, склонность к манипулированию, стратегическое мышление, рискованность, социально-экономическое влияние и внешние факторы.

Совокупность этих моральных и психологических характеристик формирует личность экономического преступника. Понимая экономических преступников, мы можем лучше понять факторы, влияющие на их поведение.

Таким образом, изучение психологических основ экономических преступников проливает свет на разнообразие личностей, совершающих экономические правонарушения, позволяя эффективнее предупреждать их. Сложная взаимосвязь между психологическими особенностями и совершением экономических преступлений подчеркивает важность понимания нюансов, присущих поведению правонарушителя.

Эффективные стратегии предупреждения и вмешательства должны устранять основные причины экономических преступлений, воздействуя на эти основополагающие психологические факторы. Правоохранительные органы могут извлечь пользу из понимания психологических характеристик экономических преступников для выявления потенциальных правонарушителей и разработки более эффективных методов расследования.

Понимание психологических основ экономической преступности имеет важное значение для борьбы с этой широко распространенной проблемой. Устраняя их, мы можем стремиться создать общество, в котором преобладают этические принципы принятия решений и уважение к закону.

Пристатейный библиографический список

1. Состояние преступности в России за январь-сентябрь 2023 года. // МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», Москва.
2. Генпрокуратура сообщила о сокращении числа экономических преступлений на 6 % с начала года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/18958035> (дата обращения: 23.10.2023)
3. Криминология: учебник для вузов / В. И. Авдийский [и др.]; под редакцией В. И. Авдийского, Л. А. Букалеровой. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 301 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-03566-7. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/510960> (дата обращения: 24.10.2023).
4. Криминология: учебник для вузов / О. С. Капинус [и др.]; под общей редакцией О. С. Капинус. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 1132 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-09795-5. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/517394> (дата обращения: 24.10.2023).
5. Генпрокуратура зафиксировала рост преступности среди женщин в России: ВЕДОМОСТИ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/10/31/948099-genprokuratura-zafiksirovala-rost-prestupnosti-sredizhenschin> (дата обращения: 23.10.2023).
6. Экономическая преступность: социально-психологический аспект.; Деулин Д. В. // Вестник экономической безопасности. – 2010.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-11-186-102-104

ВАХИТОВА Гузель Валериевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права Уфимского университета науки и технологий

ГАЗИЗОВА Лейсан Махмутовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин филиала в г. Дербенте Дагестанского государственного университета

РУДМАН Марк Наумович

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭТИКИ

В статье поставлены задачи выявления, во-первых, ценностно-исторических предпосылок формирования евразийской этики, во-вторых, особенностей ее содержания, синтезировавших культурологические основания евразийской идеологии, в-третьих, противоречий евразийской концепции синтеза этики и обоснования неограниченности государственной власти. Исследование позволило выявить противоречия этической концепции евразийства, изначально базирующейся на исторически сформировавшихся родовых обычаях и традициях, противоречащих правовому универсализму. Анализ историко-культурных предпосылок возникновения евразийства позволил объяснить первопричины возникновения евразийской идеологии, выявить ее историческую обусловленность и взаимосвязь с мировыми тенденциями кризиса либеральной государственности. Применительно к актуальной для современной Российской Федерации проблеме построения правового государства обоснован вывод о неприемлемости евразийских идей для развития идеологии и права, поскольку их использование угрожает утратой возможности реализации функций публичной власти по поддержанию социального мира и согласия.

Ключевые слова: евразийство, этика, правовое государство, менталитет, самодержавие, рационализм, либерализм, коллективизм.

VAKHITOVA Guzel Valerjevna

Ph.D. in philological sciences, associate professor, associate professor of International law and international relations sub-faculty of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology

GAZIZOVA Leysan Makhmutovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Law and humanitarian disciplines sub-faculty of the branch in Derbent of the Dagestan State University

RUDMAN Mark Naumovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Theory of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology

HISTORICAL AND CULTURAL FOUNDATIONS AND CONTRADICTIONS OF EURASIAN ETHICS

The article sets out the tasks of identifying, firstly, the value-historical prerequisites for the formation of Eurasian ethics, secondly, the features of its content that synthesized the cultural foundations of the Eurasian ideology, thirdly, the contradictions of the Eurasian concept of the synthesis of ethics and the justification of the unlimited state power. Results: the study revealed contradictions in the ethical concept of Eurasianism, initially based on historically formed tribal customs and traditions that contradict legal universalism. The analysis of the historical and cultural prerequisites for the emergence of Eurasianism made it possible to explain the root causes of the emergence of the Eurasian ideology, to identify its historical conditionality and interrelation with the global trends of the crisis of liberal statehood. With regard to the problem of building a rule of law, which is relevant for the modern Russian Federation, the conclusion is substantiated that Eurasian ideas are unacceptable for the development of ideology and law, since their use threatens the loss of the possibility of implementing the functions of public authority to maintain social peace and harmony.

Keywords: Eurasianism, ethics, rule of law, mentality, autocracy, rationalism, liberalism, collectivism.

В современной отечественной юридической литературе имеет место реакция на кризис претендовавших в Новое время на общечеловеческую значимость идей правового государства в форме попыток обосновать возможность его построения на основе обращения к исторически обусловленным ценностям локальных цивилизаций. В качестве примера приведем новое определение: «Правовым – социально справедливым, следует считать такое государство, в котором его законы и публичная власть, обладающая православным духовно-нравственным менталитетом, пользуются полным доверием абсолютного большинства населения, используя

свои должностные полномочия исключительно на благо своего народа и национальной безопасности государства, в котором нет места коррупционным проявлениям, а национальные доходы справедливо распределяются между всеми слоями общества, реально обеспечивая им достойный уровень жизни» [1, с. 39].

Неожиданное обращение правоведов к «православно-духовно-нравственному менталитету» требует солидного обоснования, поскольку развернутый характер формулировки заставляет предположить, что эта трактовка также претендует на универсальное значение, как и идеи правового го-

сударства позиционировались и активно распространялись европейской цивилизацией в силу убежденности в ее общечеловеческом значении.

Последней теоретической попыткой обратить внимание на православие как проверенный многовековой русской историей путь формирования «духовно-нравственного менталитета», обеспечившего становление всех преимуществ русской государственности и русской культуры над аналогичными явлениями западной цивилизации, было евразийство. Его основные теоретические положения о влиянии исторического православия на развитие отечественной государственности были сформулированы группой единомышленников – талантливых русских историков культуры, настаивающих на реальности «евразийства» как специфического менталитета, исторически сформировавшегося в пределах контактов славянских народов как носителей земледельческой цивилизации с кочевым «туранским элементом». В этом плане предшественниками евразийцев можно считать и русских самодержцев, которые, начиная с Ивана IV, были озабочены завоеванием территорий к востоку от Московского государства, и выдающихся представителей русской культуры XIX века, увлекающихся аналогичными идеями в условиях очевидного кризиса восточных автократических традиционных государств, неспособных противостоять военной организации Российской империи. Например, достаточно обоснованными представляются современные оценки роли Ф. М. Достоевского в истории политической мысли как основателя «предъевразийства»: «Будущее России Достоевский видел не в общеславянском единстве, а в утверждении ее влияния в пространствах бывшей империи Чингис-хана и бывшей Византии (даже с возможным переносом столицы в Константинополь). Миссия такой России состоит в том, чтобы сказать миру свое «слово», выразить идею, что станет смыслом и системообразующим началом российского государства. Тем самым Достоевский прямо предвосхищает ключевую мысль евразийства об «идее-правительнице!»» [1, с. 20].

Объективным основанием такого подхода являлось многовековое взаимовлияние ордынской родовой этики и славянской оседлой земледельческой культуры, которое согласно основам евразийского учения привело к созданию уникальной русской государственности, сформировавшей этически более развитой в сравнении с ориентированной на материальные потребности, как это представляется многими отечественными исследователями, западной цивилизацией. Общим элементом евразийства было убеждение в определяющем влиянии на формирование евразийского менталитета, выраженного в ценностях ненависти к индивидуализму и эгоизму, коллективизма, служения государству, которое оказала историческая Православная Церковь. Масштабность идеи сформировать целостную историко-философскую концепцию, которая сможет одновременно теоретически преодолеть влияние на Россию рациональной западной цивилизации и практически направить результаты большевистского правления в созидательное русло формирования православной государственности объединили талантливых ученых, обладающих выдающимися способностями к литературно-публицистической деятельности. В их число входили Л. П. Карсавин, П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, Н. Н. Алексеев. Причем сферу их специализации в общественном знании сложно конкретизировать в силу разносторонности научных инте-

ресов, объединяющих историю, политологию, лингвистику, религиоведение, культурологию. Надо подчеркнуть, что их труды считаются началом развития отечественной культурологии как науки об уникальных историко-культурных феноменах, определяющих развитие любого общества.

В современной отечественной историографии и публицистике, так или иначе отражающей актуальные проблемы современности, евразийство, известно как один из характерных для русской культуры феноменов – «идейное течение», основанное на исходном, предельном по насыщенности эмоционального накала, отторжении влияния либеральной западной цивилизации и попытке обрести принципиально «отличные» от западного влияния историко-культурные корни. В этом смысле евразийство являлось характерным для развития русской культуры явлением, поскольку в той или иной форме такие психологически обоснованные «провалами» русской истории интеллектуальные запросы имели место с начала XIX века. Они были вызваны кризисом столкновения русской самодержавно-крепостнической культуры с претендующей на рациональную и этическую универсальность идеологией Великой Французской Революции. Общим «предком» евразийцев и большевиков оказалось крайнее разочарование в европейской цивилизации, предъявляющей жестокие требования к индивидуальной ответственности «человека и гражданина». Отторжение европейской предприимчивости и связанного с нею индивидуализма, объяснялись тем, что многими теоретически образованными деятелями русской культуры они воспринимались как культ безнравственности и предательства по отношению к коллективу и обществу. Такое восприятие, стало ментальной основой противопоставления русской культуры западной цивилизации. Оно выражалось не только в идеях официального и «народнического» русского консерватизма, но и в классических литературных сюжетах – от Андрия, предавшего «своих» в «Тарасе Бульбе», до образов Пьера Безухова и Михаила Сперанского, известных по «Войне и миру». Аналогичные истоки имела общерусская реакция на реформаторские усилия Петра Столыпина, выраженная в отторжении его проектов консервативными помещиками, убежденными в патриотичности своих мотивов, и революционерами, мечтавшими любой ценой уничтожить самодержавное правительство, падение которого П. А. Столыпин при всей его консервативности оттягивал или предотвращал специфически «западными» методами [3, с. 12].

Показательность евразийского движения в идейных и организационных проявлениях как характерного для русской культуры явления, в достаточной степени отражающего кризис мировой цивилизации XX века, наглядно проявляется в этических подходах к истории и следующих из строго исторического обоснования концепциях идеального государственного устройства, восходящие к Платону.

Обобщенные позиции по вопросам специфической для русской государственности этики евразийцы в публикациях середины 1920 гг. сводятся к их обоснованию историческим опытом русской культуры, подчеркивая позитивное влияние «туранского элемента» в противовес разлагающему воздействию западной цивилизации. Пытаясь встать на твердую почву исторического реализма, они стараются обнаружить высший смысл в пережитом опыте поражений и утнетения, который, начиная с ордынского завоевания стал система-

тическим. Но евразийцы, стараясь дистанцироваться от европеизированных оценок ордынского влияния на русскую культуру, считают вполне допустимым оценивать извлеченные из этого уроки в категориях «служения», а не «угнетения». В результате, из изначально объективной предпосылки ориентация на принципиальное антизападничество приводит к логическим противоречиям.

«Для всякой нации иноземное иго есть не только несчастье, но и школа». Н. С. Трубецкой в рамках рациональной методики исторического познания, из которой именно в это время в странах западного мира формируется культурологическая парадигма в общественном сознании, отмечает, что «соприкасаясь с иноземными покорителями и засильниками, нация заимствует у них черты их психики и элементы их национальной культуры и идеологии. Если она сумеет органически переработать и усвоить заимствованное и выйдет, наконец, из-под ига, то о благотворности или вредности ига как школы можно судить по тому, в каком виде предстанет освобожденная нация [4, с. 65]. Присущее самодержавной российской традиции отрицание любых форм «децентрализации» как проявления недопустимой свободы, угрожающей всеобщим хаосом, отражается на фактическом осуждении домонгольского состояния русских земель. Оригинальность признания смысла в установлении диктаторской власти монгольских сборщиков дани, позднее станет традицией в позднесоветской историографии, наиболее красочно проявившись в теориях пассионарности Льва Гумилева. Н. С. Трубецкой выносит свой исторический осуждающий приговор феодальной демократии русских земель, действительно не чуждых демократии до появления монгольской державности: «Монгольское иго длилось более двух веков. Россия попала под него, еще будучи агломератом удельных княжеств, самостийнических, разрозненных, почти лишенных понятий о национальной солидарности и о государственности. Пришли татары, стали Россию угнетать, а попутно и учить. А через двести с лишком лет Россия вышла из-под ига в виде может быть и «неладно скроенного» но очень «крепко сшитого» православного государства, спаянного внутренней духовной дисциплиной и единством «бытового исповедничества», проявляющего силу экспансии и вовне. Это был результат татарского ига, тот плод, по которому можно судить о вредности или благоприятности самого ига в судьбах русского народа» [4, с. 60].

Развиваемая евразийцами идея «православного государства» имела объективное историческое основание в истории русского самодержавия. Но евразийцы игнорировали неспособность поддержавшей самодержавие православной церкви обеспечить себе авторитет поисками спланированного общества идеала социальной справедливости. «Проповеди церковников о мире, любви, национальном единстве с XVI в. используются с целью мобилизации населения на борьбу с оппонентами официальной церкви. Первым примером такой разрушительной для общества ситуации стала борьба нестяжателей и иосифлян, воспользовавшихся поддержкой великокняжеской власти для победы в конфликте, интерес в котором у победителей был сугубо материальным, что было очевидно для современников, который своим авторитетом способен поддержать людей в моменты жизненных и душевных кризисов. А официальная церковь отстаивает интересы учреждений церковной власти, подменяющей идеи возрож-

дения нравственности и духовности необходимостью смирения перед социальной несправедливостью с целью получения доступа к управлению широкими слоями населения [5, с. 10].

Исходный пункт евразийской этики, исторически опирающийся на созданную за церковью за несколько веков самодержавия традицию безоговорочного подчинения государственной власти, создает параллели с признанием русской эмиграцией большевистской диктатуры. Установленная с 1917 года в России власть обладала всеми признаками монгольского завоевания, разбавленными европейскими лозунгами и использованием технических достижений западной цивилизации. Формальные различия не могут заслонить общности традиции поклонения неограниченной власти, красочно демонстрирующей неограниченные возможности применения насилия и поиском в ней смысла, достаточного для формирования идеала безоговорочного «служения» [6, с. 266].

Евразийцы в эмигрантской среде, раздраженной как собственной исторической судьбой, так и европейскими «беспорядками», непривычными для представителей самодержавной культуры, пусть и владеющими европейскими языками, были объединены общностью ненависти к «коллективному западу», которую они старались оформить рациональными доводами о кризисе западной цивилизации и ее разрушительными влияниями на окружающие народы, в первую очередь, на Россию. Их морально-этические рассуждения основаны на все преодолевающем стремлении подчеркнуть все преимущества наследуемой от монгольских чингизидов традиции самодержавной неограниченной власти. Она производит на переживших лишения и страхи гражданской войны евразийцев впечатление могущества угрозами физической расправы для всех кто ей не покорится. Примечательно, что по содержанию такие идеи характерны для всех отечественных государственников – носителей «имперской идеи» на русской почве с начала XVIII века.

Противоречия таких идейных построений в том, что иррациональную доктрину преимущества власти, практикующей принцип неограниченного насилия над обществом, их авторы пытаются обосновать с опорой на те же доводы рационализма, с которых начиналась римско-европейская цивилизация. В силу влияния именно европейской картины мира евразийцы понимают, или, точнее, ощущают, недостаточность логических доводов, заменяя их опорой на исторический опыт. Здесь ощущается влияние немецкой «исторической школы», которая в равной степени стала основой расцвета германской исторической культурологии в XIX – начале XX вв. Одним из ее ведущих проявлений являлась концепция «исторической школы права». Германская историческая школа стала образцом расцвета европейского консерватизма в Европе XIX века, вызванного отторжением рационализма Великой Французской Революции. Под ее влиянием евразийцы стараются с опорой на русский исторический опыт осудить Великую русскую революцию 1917 года, расколов ее на следствия европейского интеллектуального влияния, от которого надо отказаться, осудив его этически, и проявления русского самодержавного «подсознания», которое проявили большевики своим культом неограниченной власти государства и насилия. С. Н. Трубецкой обозначает допетровскую духовную культуру русского государства по-

нятием «подсознательной философской системы», видимо противопоставляя ее «сознательной» европейской рациональной и иррациональной» философии, развившейся в идеологию государства, ограниченного рациональным и потому общечеловеческим правом, допускавшим революцию как способ защиты социальной справедливости как условия социального прогресса. «Евразийцы примыкают к тем мыслителям, которые отрицают существование универсального «прогресса»» [7, с. 111]. Исторически такое неприятие прогресса обусловлено русским опытом попыток «ускорения» технологического развития, умножавшего страдания, не усовершенствовавшего социальную и государственную организацию. Крайний кризис идей прогресса происходит под впечатлением от ужасов Первой Мировой войны, а затем большевистского террора, так напомиравшего по степени беспомощности общества и опричьину Ивана Грозного и абсолютный произвол полицейских служб при Петре I. Русский опыт революционных событий первой четверти XX века не оставил от восприятия идей прогресса ни следа того исторического оптимизма, который охватил сторонников Просвещения и привел к либерально-демократическим революциям в Европе. Как утверждал отечественный философ, переживший позднее распад СССР, – «Революция, ты научила нас верить в несправедливость добра». Порожденные этим разочарованием попытки найти предельно востребованный социальный идеал в дореволюционной истории Российской Империи были затруднены сходством большевистской идеологии с «петровским самодержавием».

Евразийское отрицание индивидуалистической морали, объяснялось преклонением перед родовой этикой традиционных обществ допетровской Руси, остававшейся под влиянием военизированных степных сообществ, возводивших свои родовые линии к потомкам чингизидов. Именно ее они считали опорой таких специфических ценностей евразийских народов как преданность государю, воспринимавшемуся в патриархальной традиции в качестве отца-покровителя большой семьи, награждающего за покорность своим покровительством и защитой [8, с. 101].

Отсюда следовало сосредоточение исторического внимания духовных лидеров русской эмиграции на допетровской эпохе, легко поддающейся идеализации в силу своей удаленности от трагического настоящего. И вся концепция евразийства опиралась на объединяющее представителей русской эмиграции признание, что именно вот это российское «государственное подсознание», проявлявшее себя в допетровской «народной монархии», надо всемерно развивать, продолжая традиции русской государственности.

У Н. С. Трубецкого как идеолога евразийского движения этот исторический подход был развит до отождествления западного влияния в России, имевшего место, начиная с политики Петра I, с ордынским игом. Он признает, этическую неприглядность таких явлений государственной русской жизни как крепостничество и предельная милитаризация, но как русский государственный подчеркивает, что они достигли своей высшей точки развития и стали действительно ужасными с этической точки зрения именно в эпоху европеизации: «И если вспомнить, что к этому временами присоединялось ожесточенное гонение на все исконно русское, официальное признание национально

русской культуры варварством и духовное засилье европейских идей, то вряд ли будет преувеличением обозначить этот период русской истории как эпоху «европейского» или «романо-германского ига». Это иго продлилось тоже более двухсот лет» [4, с. 75].

В целом, евразийская этика как оригинальное историко-философское учение является важнейшим эпизодом российской «истории идей», уникальной главой в истории русской эмиграции, которая еще не получила достойного внимания в самой России. Но отступление от интеллектуальной честности, которое неоднократно допускается в стремлении обосновать этические положения и политическую концепцию евразийцев, разрушает их историческую и практическую политическую значимость. В этом смысле евразийство в плане содержания идеологии имеет объективную историческую ценность как источник по истории отечественного самодержавия, породившего многие черты теории и практики большевизма, так и в плане выявления предпосылок последующего краха советского эксперимента.

Пристатейный библиографический список

1. Мазурин С. Ф., Сальников М. В. Правовое государство в России: некоторые концептуальные подходы // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 2. – С. 32-39.
2. Захарцев С. И., Масленников Д. В., Сальников В. П. Теоретико-методологические основания философии права Ф. М. Достоевского как идеолога «предь-евразийства» // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 2. – С. 17-24.
3. Ивакин Г. А. Правомонархизм и его политические оппоненты: межпартийная борьба в России в 1905-1917 гг. – М.: Этносоциум и межнациональная культура, 2014. – 261 с.
4. Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – М.: Наука, 1993. – С. 59-76.
5. Рудман М. Н. Противоречия социальной памяти о месте религии в российском обществе и их последствия // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2021. – № 1 (9). – С. 7-16.
6. Пономарев Е. Р. Родина в философии евразийства // Имагология и компаративистика. – 2022. – № 17. – С. 266-286.
7. Савицкий П. Н. Евразийство // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – М.: Наука, 1993. – С. 100-113.
8. Газизова Л. М., Рудман М. Н. Этико-правовые основы евразийства как отражение системного кризиса российской государственности в первой половине XX века // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 9 (172). – С. 98-103.

ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадутович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Марийского государственного университета

ЗАКОН И ПРАКТИКА НАЗНАЧЕНИЯ И УВОЛЬНЕНИЯ ПРОКУРОРСКИХ РАБОТНИКОВ В СОВЕТСКОЙ ПРОКУРАТУРЕ В 1922-1940 ГГ.

В статье рассмотрены вопросы назначения, перемещения и увольнения (далее – назначения) прокурорских работников в прокуратурах СССР, РСФСР, Верховного Суда СССР (далее – ВС СССР), Марийской автономной области (далее – МАО) и Марийской АССР (далее – МАССР) в 1922-1940 гг.

Исследование подтвердило существование в прокуратуре двух параллельных структур, что повлияло на кадровую политику. С 1922 по 1936 годы все назначения в советской прокуратуре, за исключением прокуратуры ВС СССР, осуществлялись Наркомюстом РСФСР. Определяющим стало Положение о прокурорском надзоре 1922 года. Работники прокуратуры ВС СССР, действовавшей в 1923-1933 гг. назначались в зависимости от должности Президиумом ЦИК СССР по представлению прокурора ВС СССР или распоряжениями прокурора ВС СССР.

Положение о прокуратуре Союза ССР 1933 г. предусматривало несколько категорий прокуроров при их назначении и отзыве. Была существенно повышена роль прокурора СССР при назначении прокурорских кадров.

В прокуратуре МАО в 1922-1936 гг. прокуроры области назначались Наркомюстом. Иные прокурорские работники, например, помощники прокурора области, назначались до 1929 года Наркомюстом, в 1930-1931 гг. – Нижегородской краевой прокуратурой, в 1932-1936 гг. – непосредственно прокурором области. Практика показала, что это назначение продолжилось и в 1937 году уже прокурором МАССР.

С 1937 года все кадровые решения в прокуратуре принимались в рамках единой централизованной прокурорской системы. В зависимости от компетенции назначали прокурорских работников на должности или их утверждали прокуроры СССР и РСФСР, а тех, кто не входил в их номенклатуру – нижестоящие прокуроры.

Только в январе 1938 года в приказе прокурора МАССР о назначении впервые появилось слово «допустить». Документы на кандидатов в занятия определенных должностей (заместитель прокурора, начальники отделов, горрайпрокуроры, следователи и др., всего около 10) на назначение или утверждение стали направляться в прокуратуры СССР и РСФСР.

Ключевые слова: советская прокуратура, положение о прокурорском надзоре, назначение и увольнение прокурорских работников, прокуратура Союза ССР, Наркомюст, Нижкрайпрокуратура, прокуратура Марийской АССР

GABDRAKHMANOV Farit Vadutovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law and process sub-faculty of the Mari State University

THE LAW AND PRACTICE OF APPOINTMENT AND DISMISSAL OF PROSECUTORS IN THE SOVIET PROSECUTOR'S OFFICE IN 1922-1940

The article deals with the issues of appointment, relocation and dismissal (hereinafter – appointment) of prosecutors in the prosecutor's offices of the USSR, the RSFSR, the Supreme Court of the USSR (hereinafter – the Supreme Court of the USSR), the Mari Autonomous Region (hereinafter – MAO) and the Mari ASSR (hereinafter – MASSR) in 1922-1940.

The study confirmed the existence of two parallel structures in the prosecutor's office, which influenced the personnel policy. From 1922 to 1936, all appointments in the Soviet Prosecutor's office, with the exception of the Prosecutor's Office of the USSR Armed Forces, were carried out by the People's Commissariat of Justice of the RSFSR. The Regulation on Prosecutorial Supervision of 1922 became decisive. Employees of the Prosecutor's Office of the USSR Armed Forces, which operated in 1923-1933, were appointed depending on the position by the Presidium of the CEC of the USSR on the recommendation of the Prosecutor of the USSR Armed Forces or by orders of the Prosecutor of the USSR Armed Forces.

The Regulation on the Prosecutor's Office of the USSR of 1933 provided for several categories of prosecutors when they were appointed and recalled. The role of the Prosecutor of the USSR in the appointment of prosecutorial personnel was significantly increased.

In the Prosecutor's office of MAO in 1922-1936, the prosecutors of the region were appointed by the People's Commissariat of Justice. Other prosecutors, for example, assistant prosecutors of the region, were appointed until 1929 by the People's Commissariat of Justice, in 1930-1931 – by the Nizhny Novgorod Regional Prosecutor's Office, in 1932-1936 – directly by the prosecutor of the region. Practice has shown that this appointment continued in 1937 as the prosecutor of the MASSR.

Since 1937, all personnel decisions in the prosecutor's office have been made within the framework of a single centralized prosecutor's system. Depending on their competence, prosecutors were appointed to positions or approved by the prosecutors of the USSR and the RSFSR, and those who were not included in their nomenclature were subordinate prosecutors.

It was only in January 1938 that the word "admit" appeared for the first time in the order of the prosecutor of the MASSR on appointment. Documents for candidates to occupy certain positions (deputy prosecutor, heads of departments, city prosecutors, investigators, etc., about 10 in total) for appointment or approval began to be sent to the prosecutor's offices of the USSR and the RSFSR.

Keywords: Soviet Prosecutor's office, regulation on prosecutor's supervision, appointment and dismissal of prosecutors, Prosecutor's Office of the USSR, People's Commissariat of Justice, Nizhkrayprok's Office, Prosecutor's Office of the Mari ASSR

Габдрахманов Ф. В.

Исследование вопроса о назначении прокурорских работников в довоенном периоде недостаточно изучено и характеризуется отсутствием региональной практики.

Советская прокуратура в довоенные годы выделялась действием двух параллельных структур, функционирующих в системах Наркомюста РСФСР и ВС СССР. Отличались они, в основном, осуществлением надзора за соблюдением республиканского и общесоюзного законодательства.

Основная структура прокуратуры действовала в системе Наркомюста РСФСР, другая – в системе ВС СССР. В 1933 году прокуратура ВС СССР была упразднена и создана прокуратура СССР, функции которой в отношении нижестоящих прокуратур были ограничены. Прокуратуры союзных республик продолжали оставаться в системе Наркомюста.

Л. И. Вазовченко отметила, что в советское время прокуратура не имела четкой вертикали и тесного взаимодействия друг

с другом, но была разделена на союзные и республиканские органы [1].

Положение о прокурорском надзоре 1922 года, с которого началась организация советской прокуратуры, предусматривало особый порядок назначения, перемещения и увольнения прокурорских работников.

Законодательно выделены несколько категорий прокуроров. Первая категория относилась непосредственно к отделу прокуратуры Наркомюста. Так, помощники прокурора Республики утверждались Президиумом ВЦИК по представлению прокурора Республики.

Н. Крыленко в 1922 году на страницах юридического журнала отмечал, что «Народный Комиссар Юстиции по своей должности Народного Комиссара и Прокурора Республики ведет целиком и полностью отделом прокуратуры (им назначаемой и смещаемой)» [6].

Вторая категория прокуроров относилась к прокуратурам губерний, областей и революционных трибуналов (военных и военно-транспортных). Назначение, перемещение и увольнение (отстранение) от должности прокуроров губернии и области производилось прокурором Республики. Помощники губернского и областного прокурора назначались и отзывались прокурором Республики по представлению прокурора соответствующей губернии или области. Военные прокуроры назначались, увольнялись и перемещались прокурором Республики.

Третья категория касалась прокурора автономной республики, который назначался и отзывался ЦИК той же республики¹.

Таким образом, компетенция прокурора Республики при назначении и отзыве прокурора автономной республики была ограничена.

Хаяли Р. И. отметил, что отсутствовало единообразие в порядке назначения на должности прокуроров. Если прокурор РСФСР непосредственно назначал губернского прокурора и его помощников и осуществлял их увольнение, перемещение и отстранение от должности, то в автономных республиках прокурор назначался и отзывался ЦИК республики [10]. Эту же особенность подметили Гаврилов С. О. и Мищенко Л. В. [2]

Отличное мнение имел Зиновьев Г. А., который писал, что система назначения прокуроров в автономных национальных образованиях РСФСР была несколько децентрализованной потому, что решение по той или иной кандидатуре принималось соответствующим ЦИКом, а не Наркомом юстиции РСФСР [4].

Чтобы проверить утверждение в части, касающейся назначения прокуроров в национальных образованиях РСФСР, мы обратились к архивным документам прокуратуры Марийской автономной области.

В результате исследований было установлено, что назначение прокурорских работников в автономной области осуществлялось, как правило, совместными распоряжениями по Наркомюсту и прокуратуре Республики. Например, распоряжением по Наркомюсту и прокуратуре Республики от 29 января 1927 года Ятманов М. Ф. и Андреев Ф. Г. были утверждены помощниками прокурора области².

Таким образом, назначение прокурорских работников в автономной области было отличным от автономной республики.

Другая проблема возникла после присоединения к прокуратуре следственного аппарата. 3 сентября 1928 года вышло постановление ВЦИК, согласно которому назначение и увольнение народных следователей производилось прокурором и подлежало утверждению губернским исполнительным комитетом или городским советом, по принадлежности, а старшие следователи назначались постановлениями Наркомюста по представлению губернского прокурора. Применительно к Марийской автономной области участие в решении о назначении и увольнении следователей принимали прокурор области, облисполком и Наркомюст³.

Положение о Наркомюсте от 1 февраля 1923 года было более детализированным в отношении кадровой политики. Оно возложило на отдел прокуратуры назначение, перемещение и отзыв губернских прокуроров и их помощников; учет личного

состава прокурорского надзора⁴. В Положении о Наркомюсте РСФСР 1929 года компетенция управления прокуратуры при решении кадровых вопросов не регулировалась⁵.

1923-1933 ВС СССР. Пробразом будущей прокуратуры СССР стала прокуратура ВС СССР, созданная еще в 1923 году. Прокурор ВС СССР и его заместитель назначались Президиумом ЦИК Союза ССР и состояли при ВС СССР⁶.

Максимова О.Д. подчеркнула, что прокуратура на уровне Союза ССР и союзных республик структурно входила в состав разных органов: на уровне Союза – в состав Верховного Суда, а на уровне союзной республики – в состав Наркомата юстиции [7].

При прокуроре ВС СССР состояли три старших помощника, которые назначались Президиумом ЦИК Союза ССР по представлению прокурора ВС СССР. Другие помощники прокурора назначались распоряжением прокурора ВС СССР.

В 1929-1936 годы Марийская автономная область входила в состав Нижегородского края [5, с. 159] и кадровые решения в начальный период принимались не Наркомюстом, а Нижегородской краевой прокуратурой.

7 апреля 1930 года прокуратура области обратилась в Нижкрайпрокуратуру с представлением об утверждении в должности помощников прокурора Алмакаевой Л. А. и Протасова А. А. на основании циркуляра № 25 от 26 сентября 1929 года⁷.

12 мая 1931 года прокурор области обратился в Нижкрайпрокуратуру с просьбой утвердить перевод с 1 мая 1931 года старшего следователя областной прокуратуры Коновалова И. И. помощником прокурора МАО. 20 мая 1931 года он был утвержден в этой должности⁸.

В 1932-1936 гг. назначения на должность помощников прокурора области, районных прокуроров, народных следователей, даже перевод заместителя прокурора области прокурором района, и других осуществлялись непосредственно прокурором области. Кадровые решения по прокуратуре области также согласовывались с партийными и иными органами.

Прокуроры Марийской автономной области всю первую половину 1930-х годов продолжали назначаться на должность и отзываться решениями Наркомюста. Так, 19 апреля 1930 года на основании распоряжения по НКЮ от 28 апреля 1930 года прокурор области Лямаев И. К. сдал дела и имущество вновь назначенному прокурору области Шикину К. А.⁹

1933-1935 Прокуратура СССР. В 1933 году прокуратура Верховного суда Союза ССР была упразднена и создана усеченная Прокуратура Союза ССР, так как прокуратуры союзных республик продолжали оставаться в системе НКЮ.

Положение о прокуратуре Союза ССР предусматривало несколько категорий прокуроров при их назначении и отзыве. Так, прокуроры союзных республик назначались и отзывались прокурором Союза ССР, по согласованию с ЦИК союзных республик. Краевые и областные прокуроры и прокуроры автономных республик и областей назначались и отзывались прокурорами союзных республик с согласия прокурора Союза ССР. Прокуроры по специальным делам в союзных и автономных республиках, краях и областях и прокуроры по надзору за оперативными секторами ОГПУ назначались и отзывались прокурором Союза ССР¹⁰.

4 Декрет ВЦИК РСФСР от 1 февраля 1923 года «Положение о Народном Комиссариате Юстиции». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (дата обращения: 6.11.2023).

5 Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 3 июня 1929 года «Об утверждении Положения о Народном комиссариате юстиции РСФСР». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3573.htm (дата обращения: 12.10.2023).

6 Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР от 23 ноября 1923 года «Об утверждении Положения о Верховном Суде Союза Советских Социалистических Республик» (с изм. и доп., внесенными Постановлениями Президиума ЦИК СССР от 14.07.1924, 24.07.1925). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1871.htm (дата обращения: 04.11.2023).

7 Архив прокуратуры Республики Марий Эл. - Ф. 384. - Оп. 1. - Д. 63. - л. 203.

8 Архив прокуратуры Республики Марий Эл. - Ф. 384. - Оп. 1. - Д. 63. - л. 162.

9 Архив прокуратуры Республики Марий Эл. Ф. Книга приказов прокуратуры Марийской автономной области за 1930 год. - Оп. 1. - Д. 96. - Л. 51.

10 Постановление ЦИК СССР № 84, СНК СССР N 2621 от 17.12.1933 «Положение о прокуратуре Союза ССР». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-ecolog.ru/docs/et3lFXGKcVlE716BXnY> (дата обращения: 01.11.2023).

1 Положение о прокурорском надзоре, принятое постановлением ВЦИК от 28 мая 1922 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1334.htm (дата обращения: 30.10.2023).

2 Архив прокуратуры Республики Марий Эл. Ф. Книга приказов прокуратуры Марийской автономной области за 1927 год. - Оп. 1. - Д. 93. - Л. 13.

3 Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 3 сентября 1928 года «Об изменении Положения о судостроительстве РСФСР». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3450.htm (дата обращения: 12.10.2023).

МАО. Как происходило назначение прокурорских работников на региональном уровне, например, в прокуратуре МАО, в период существования прокуратуры СССР и Наркомюстов союзных республик в 1933-1936 гг.? Изучение приказов по прокуратуре МАО за 1934-1936 гг. показало отсутствие решений Прокуратуры СССР и Наркомюста по кадровым вопросам. Все решения о назначениях оперативных работников прокуратуры области, в том числе заместителя прокурора области, горрайпрокуроров принимались прокурором области. В приказах прокуратуры в качестве основания назначения фигурировали только решения Марийского обкома ВКП(б).

Исключением явилось назначение прокурора области, решение по которому принимал Наркомюст. Приказ по прокуратуре области от 10 мая 1935 года о том, что Быстряков В. Н. приступил к обязанностям прокурора МАО, основан на решении «областных директивных органов и приказе НКЮ»¹¹.

В целом 1936 год был знаменателен для органов прокуратуры. Сперва органы прокуратуры выделились из системы Наркомюста и стали подчиняться Прокурору Союза ССР [9]. Затем была принята Конституция СССР, в которой был закреплен порядок и сроки назначения руководителей прокуратуры.

Кадровые вопросы в органах прокуратуры стали регулироваться приказами Прокурора СССР, в которых устанавливались прокурорские должности, на которые производились назначения, а также компетенция в этом прокуратур СССР, РСФСР и нижестоящих прокуратур. Так, 21 сентября 1937 года Прокурором СССР был установлен порядок назначения, увольнения и перемещения прокуроров краев, областей и автономных республик и областей, их заместителей, районных, городских и окружных прокуроров, прокуроров и помощников прокуроров, а также следователей по важнейшим делам, старших и народных следователей¹².

В дальнейшем в указы Прокурора Союза ССР по кадровым вопросам были внесены изменения. Так, функции назначения, перемещения и увольнения помощников районных и городских прокуроров и народных следователей были переданы прокурорам областей, краев, АССР и автономных областей. В номенклатуре РСФСР остались заместители прокурора по общим вопросам и помощники прокуроров автономных республик, краев и областей¹³.

Первые изменения на региональном уровне в порядке назначения прокуроров произошли в январе 1938 года, когда в приказах прокурора МАССР впервые появилось слово «выдвинуть». Так, 3 января 1938 года на должность прокурора Сернурского района был выдвинут Кокорев В. Ф. и материалы направлены прокурору РСФСР для назначения¹⁴.

Слово «утвердить» появилось впервые в приказах прокуратуры МАССР еще в конце 1936 г. Так, 31 декабря 1936 года приказом прокурора области ст. секретарь прокуратуры Захаров Д. был назначен и.о. помощника прокурора МАССР с направлением материала прокурору РСФСР для утверждения этого назначения¹⁵. Но этот приказ был изменен и Захаров Д. Т. назначен прокурором МАССР помощником прокурора по отделу жалоб¹⁶.

Можно сделать вывод, что в прокуратуре МАССР в 1937 году, т.е. после принятия Конституции СССР, все назначения работников республиканской прокуратуры, горрайпрокуроров, их помощников, следователей продолжал осуществлять прокурор МАССР.

Кого относили к прокурорским работникам в плане назначения и утверждения в должности вышестоящей прокуратурой? В Марийской АССР в 1938-1940 гг. к ним относились прокурор области (республики), его заместители, старшие помощники и помощники прокурора, прокуроры отделов, начальник особого сектора, прокуроры города и районов, их помощники, старшие и народные следователи и др. Для каждой категории существовал определенный порядок назначения, перемещения и отзыва с должности.

Основными нормативно-правовыми актами при назначениях прокурорских работников в довоенное время были Положение о прокурорском надзоре, Положения о Верховном суде СССР, Положение о прокуратуре СССР, Конституция СССР и др.

Практика назначения, перемещения и увольнения прокурорских работников в Марийской АССР (автономной области в 1922-1936 гг.) свидетельствовала, что с 1922 по 1930 гг. кадровые назначения производились Наркомюстом, в 1930-1931 гг. – Нижегородской краевой прокуратурой, в 1932-1937 гг. – прокурором МАССР, в 1938-1940 гг. – прокурорами СССР, РСФСР и МАССР согласно компетенции.

Пристатейный библиографический список

1. Вязовченко Л. И., Ефремов А. А. Конституционно-правовой статус прокуратуры в советский период истории России // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – № 2. – С. 57-62. – EDN OTCJLW.
2. Гаврилов С. О., Мищенко Л. В. Становление и развитие системы прокуратуры РСФСР в период формирования советского политического режима (1917 начало 1920-х гг.) // СибСкрипт. – 2012. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-sistemy-prokuratury-rsfsr-v-period-formirovaniya-sovetskogo-politicheskogo-rezhima-1917-nachalo-1920-h-gg> (дата обращения: 02.11.2023).
3. Галкин О. В. Роль и значение партийных актов в осуществлении прокурорского надзора в СССР в 1920-е-1930-е годы // Пролог: журнал о праве. – 2021. – № 3 (31). – С. 133-141. – DOI 10.21639/2313-6715.2021.3.13. – EDN ICBVLM.
4. Зиновьев Г. А. Создание и развитие органов прокурорского надзора на территории Северной Осетии (1922-1925 гг.) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. – 2015. – № 3. – С. 45-50. – EDN VAUSYB.
5. Из истории Марийской АССР [Текст]: Сборник статей / Под ред. А. Хлебникова (отв. ред.) [и др.]; МарНИИ-ЯЛИ при СМ МАССР. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1956 [пер. 1957]. – 232 с.
6. Крыленко Н. К реформе действующей судебной системы // Ежегодник советской юстиции. – 1922. – № 5 (29 янв.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.prlib.ru/sites/default/files/book_preview/ace00608-3c10-466d-b4f2-3055461f_292e/1801728-doc1-3b6fde37-f22c-4f95-ad66-5971b6d50d22.jpg (дата обращения: 02.11.2023).
7. Максимова О. Д., Сивцев Н. И. Поиск места и роли прокуратуры в системе органов власти Советского государства в 1920-х - 1930-х гг. // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 11 (179). – С. 20-22. – EDN ZYDGGX.
8. Развитие института прокуратуры в период 1933-1977 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studbooks.net/1082965/pravo/razvitie_instituta_prokuratury_period_1933_1977 (дата обращения: 15.10.2023).
9. Струков В. Н. Оформление института прокуратуры СССР в единую централизованную систему // Вестник БелЮИ МВД России. – 2018. – № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/oformlenie-instituta-prokuratury-sssr-v-edinuyu-centralizovannuyu-sistemu> (дата обращения: 23.09.2023).
10. Хаяли Р. И. Восстановление института прокуратуры в советской России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7. № 3-1. – С. 67-76. – DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)-67-76. – EDN EINNEZ.

11. Архив прокуратуры Республики Марий Эл. Ф. Книга приказов прокуратуры Марийской автономной области за 1935 год. - Оп. 1. - Д. 101. - Л. 61.

12. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 415. - Оп. 3. - Д. 1. - Л. 279.

13. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 415. - Оп. 3. - Д. 13. - Л. 157.

14. Архив прокуратуры Республики Марий Эл. Ф. Книга приказов прокуратуры Марийской АССР за 1938 год. - Оп. 1-лс. - Д. 21. - Л. 3.

15. Архив прокуратуры Республики Марий Эл. Ф. Книга приказов прокуратуры Марийской АССР за 1936 год. - Оп. 1. - Д. 102. - Л. 177.

16. Архив прокуратуры Республики Марий Эл. Ф. Книга приказов прокуратуры Марийской АССР за 1937 год. - Оп. 1лс. - Д. 18. - Л. 88.

КОНОВАЛОВА Татьяна Александровна

кандидат экономических наук, доцент кафедры таможенного администрирования Факультета безопасности и таможни Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

РАЗВИТИЕ ПОГРАНИЧНОЙ ТАМОЖЕННОЙ СТРАЖИ НА ЮЖНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ФИНСКОГО ЗАЛИВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье были рассмотрены вопросы регулирования пограничной таможенной стражи Российской империи на южном побережье Финского залива в период с первой половины XVIII в. до начала XX в. Исследованы правовые акты, регулирующие деятельность сначала пограничной таможенной стражи, а далее пограничной стражи. Представлен состав лиц, входящих в стражу, ее материально-техническое обеспечение, включая особенности обмундирования. На основании изучения военно-топографических карт Петербурга и его окрестностей того времени автором представлены места конкретного нахождения застав и таможенных станций. Автор пришел к выводу о том, что лучший результат в деятельности пограничной таможенной стражи был лишь в виде унифицированной комплексной службы, управляемой из одного центра; всяческие попытки экономии средств путем сокращения штата пограничной таможенной стражи либо сокращения численности таможенных судов приводили к росту провоза контрабандных товаров, в результате чего страдала российская промышленность.

Ключевые слова: пограничная таможенная стража, пограничная стража, береговая пограничная служба, таможенный объездчик, кордоны, контрабанда товаров, южное побережье Финского залива.

KONOVALOVA Tatyana Alexandrovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Customs administration sub-faculty of the Faculty of Security and Customs, Northwestern Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

DEVELOPMENT OF THE BORDER CUSTOMS GUARD ON THE SOUTHERN COAST OF THE GULF OF FINLAND OF THE RUSSIAN EMPIRE

The article considers the issues of regulation of the border customs guard of the Russian Empire on the southern coast of the Gulf of Finland in the period from the first half of the XVIII century to the beginning of the XX century. The legal acts regulating the activities of the border customs guard first, and then the border guard are investigated. The composition of the members of the guard, its logistical support, including the specifics of uniforms, is presented. Based on the study of military topographic maps of St. Petersburg and its environs at that time, the author presents the locations of specific outposts and customs stations. The author came to the conclusion that the best result in the activities of the border customs guard was only in the form of a paramilitary integrated service managed from one center; all attempts to save money by reducing the staff of the border customs guard or reducing the number of customs vessels led to an increase in the transportation of contraband goods, as a result of which the Russian industry suffered.

Keywords: border customs guard, border guard, coastal border guard, customs detourer, cordons, smuggling of goods, the southern coast of the Gulf of Finland.

Любое сложноорганизованное общество стремится поддерживать принятые им правила поведения и уровень жизни составляющих его членов, поддерживая внутреннее производство и контролируя ввоз и распространение иностранных товаров, вывоз стратегического сырья, исторических и художественных ценностей и пресекая провоз опасных предметов, в том числе таких, как оружие и наркотики. Государство для этих целей имеет специальную службу, в ведении которой находится эта деятельность.

Необходимым условием для развития собственного промышленного производства в России было ограничение ввоза иностранных товаров. Для этого с 1724 года на них были введены высокие пошлины [2, с. 349], а на некоторых дорогах на границе с Польшей выставлены посты, которые контролировали ввозимые иностранцами товары¹. Проезд в объезд этих пунктов был запрещен. Вдоль границы курсировали разъезды казаков, которые должны были конфисковать весь товар, ввозимый таким образом².

Иностранные торговые суда при входе и выходе из порта досматривались таможенными служителями. Инstrukция о введении таможенных яхт была издана в 1724 году, а первая таможенная яхта куплена у Адмиралтейства в 1747 году. Можно предположить, что в этот промежуток времени их функции выполняли военные дозорные суда. Для регламентации деятельности таможенных судов в 1731 году был принят Морской пошлинный устав. С 1747 года при таможнях у моря были введены вооруженные катера и шлюпки, которыми командовали мор-

ские офицеры³. Во второй половине XVIII века вблизи торговых городов на Балтике выставили караулы с тем, чтобы иностранные торговцы не разгружались в обход таможни [1, с. 14]. Такие караулы к 1868 году находились недалеко от мест - Малый Знаменский и мыза Знаменская (в настоящее время данное место известно как Знаменка, здесь располагалась бывшая царская усадьба (современный адрес — г. Петергоф, Санкт-Петербургское шоссе, 115). У пристаней в Ораниенбауме (Ломоносове) стояли будки⁴.

В 1741 году таможенный досмотр переместили к границе. С 1754 казаки составляли первую линию охраны границы. Вторую линию обеспечивала вольнонаемная таможенная стража из объездчиков, надзирателей и их помощников.

В 1782 году была учреждена особая таможенная цепь и стража для борьбы с контрабандой. Таможенные заставы преобразовали в надзирательные дворы. Реорганизовали форпостную систему. Надзирателями ставили чиновников, а объездчиков набирали из вольных людей, которые имели надежных поручителей. Каждому надзирателю подчинялось 10 объездчиков, каждый из которых контролировал 5 верст границы. Таможенная цепь и стража подчинялись генерал-губернаторам. Стражу контролировали Коммерц-коллегия, Главная таможенная канцелярия, казенные палаты губерний и генерал-губернаторов [4, с. 64]. С 1797 года были введены должности пограничных инспекторов, а пограничную стражу стали формировать из отставных кавалерийских офицеров и солдат.

В 1802 году таможенную стражу перевели в ведение департамента внешней торговли Министерства финансов. По предложению военного министра М. Б. Барклая де Толли каждый

1 Чернышов А. В. Отдельный корпус пограничной стражи // Памяти героев Великой войны 1914–1918 // Информационные материалы / Состав вооруженных сил. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gwar.mil.ru/> (дата обращения: 20.10.2023).

2 История XVIII–XX века // Центральный музей таможенной службы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://museum.customs.gov.ru/> (дата обращения: 20.10.2023).

3 Там же.

4 Военно-топографическая карта Санкт-Петербургской и Выборгской губерний 1868 г. // Старые карты Санкт-Петербурга и Ленинградской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-peterburg_verstovka/ (дата обращения: 11.10.2023).

участок западной границы, длиной в 150 верст, был поручен одному из Донских казачьих полков, которые трижды в год переводились с одного участка на другой. Разъезды казаков подчинялись штаб-офицеру из армии. Было введено Положение об устройстве казачьей пограничной стражи [3, с. 66].

С 1822 года первую линию составила таможенная служба с объездчиками, а казаков перевели во вторую линию пограничного надзора. На следующий год объездчиков усилили пешими стражниками. Были построены казенные дома для чинов стражи, а между ними разместили биваки из шалашей. Проводились круглосуточные обходы и объезды линии границы.

В 1827 году по проекту министра финансов Е. Ф. Канкрин пограничная таможенная стража приведена к военному устройству. Увеличилось число стражников, они стали обеспечиваться единообразным вооружением, снаряжением и обмундированием. Стражу разделили на бригады, полубригады, роты и отряды. Объездчики вооружались пикой, саблём и пистолетами, а стражники – пехотными ружьями и тесаками.

В 1832 году казаков окончательно убрали с границы. Пограничную таможенную стражу переименовали в пограничную стражу. Она осуществляла кроме борьбы с контрабандой и незаконным пересечением границы еще и карантинную службу. Деятельность стражи на берегу поддерживалась силами военноморского флота, корабли которого поступали в распоряжение таможенного ведомства для помощи в досмотре и задержании иностранных судов. С 1846 года всех гражданских чиновников стражи заменили офицерами, которым передали и таможенный надзор за границей⁵.

В период Крымской войны на Балтийском море пограничную стражу подчинили командующему сухопутной армией. После ее окончания ее состав был пополнен значительным числом флотских офицеров из расформированного Черноморского флота, что улучшило качество ее комплектования. С 1859 года надзирателей и их помощников переименовали в отрядных офицеров, а полубригады были развезены в бригады [7, с. 48].

С 1861 года пограничная стража стала комплектоваться рекрутами, а в 1864 году получила новую военную форму. К 1831 году на южном побережье Финского залива дома объездчиков располагались западнее Ораниенбаума, где побережье заселено относительно редко⁶. На 80-километровом отрезке, без учета береговых изгибов, находилось 5 домов объездчиков, 2 дома смотрителей пограничной стражи, застава и таможенная станция⁷. Дома смотрителей и пограничная застава располагались возле устьев наиболее крупных рек. Таможенная станция контролировала единственную прибрежную дорогу восточнее Лути и Наровы. Дома объездчиков строились у берега залива, недалеко от деревень, но отдельно от них. Это позволяло им оставаться вне деревенской общины и одновременно быть в курсе местных событий. Можно предположить, что контрабандисты были либо местными жителями, либо имели связь с ними.

С 1875 года роты пограничной стражи переименовали в отдели, командиры которых получили штаб-офицерские чины. Служба в пограничной страже стала одним из видов воинской повинности. Для подготовки объездчиков и стражников создали учебные команды – началось специальное обучение состава пограничной стражи. С 1877 года в частях пограничной стражи был введен Дисциплинарный устав [6, с. 21]. К 1882 году пограничной страже на время войны отводились боевые задачи на основании Положения об употреблении пограничной стражи на случай войны. Объездчики получили вооружение драгун, а стражники пехоты [4, с. 49].

Служба по охране границы стражей велась круглосуточно и осуществлялась в две линии: первая из стражников, вторая из объездчиков. С развитием сети железных дорог на них ввели должности железнодорожных пограничных стражников. В дополнение к построенным ранее, на участке от Петербурга до Форта Красная Горка (находится в Ленинградской области, Ломоносовский район, рядом с поселком Лебяжье) к 90-м годам XIX века появились дома пограничной стражи возле деревни Сагомиле и Кронштадтской колонии, караульня и дом смотри-

теля гавани в Ораниенбауме⁸. В 1889 году в пограничной страже появились собственные оружейные мастерские под управлением обер-офицеров.

В 1893 году пограничная стража была выведена из управления департамента таможенных сборов и реорганизована в отдельный корпус пограничной стражи. К 1899 году она окончательно получила военное устройство, когда были введены должности начальников округов пограничной стражи, на которые стали назначать генералов. С 1909 года бригады пограничной стражи получили общую нумерацию.

По мере совершенствования структуры пограничной стражи и накопления ею опыта борьбы с контрабандистами ее деятельность становилась все более эффективной [5, с. 300]. Контрабандисты также действовали все более изощренно: выявляли пограничные секреты с помощью специально обученных собак, отслеживали маршруты и время движения часовых и объездчиков, распространяли ложные слухи о предполагаемом месте и времени пересечения границы⁹.

В конце XIX века пограничную стражу перевооружили казнозарядными винтовками Бердан, револьверами систем Галанд и Смит-Вессон, а позже драгунскими пашками и винтовками Мосина, карабинами и револьверами системы Наган. Они носили ту же форму, что и гвардейские драгунские полки, только темно-зеленого цвета со светло-зелеными выпушками на мундире. В мирное время пограничная стража находилась в ведении Министерства финансов. Во время войны корпус пограничной стражи в районе боевых действий реформировывались в воинские части, которые поступали в распоряжение военного командования.

В 1917 году отдельный корпус пограничной стражи был переименован в отдельный пограничный корпус. Южное побережье Финского залива охраняла 1-я пограничная Санкт-Петербургская императора Александра III бригада.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что развитие пограничной таможенной стражи на южном побережье Финского залива Российской империи с первой половины XVIII в. до начала XX в. прошло долгий путь от иррегулярной конницы, обедневших купцов и отставных солдат к отдельному виду воинской службы. Использование для охраны государственной границы структур, не связанных военной дисциплиной, показало свою полную неэффективность. Попытки правительства сэкономить часть средств на сокращении штата и оснащения такой стражи заканчивались ростом торговли контрабандными товарами, отчего в первую очередь страдала промышленность. Оснащение сил пограничной таможенной стражи современной техникой, вооружением и связью, управление из единого центра ее работой, как в территориальных водах, так и на побережье обеспечивало наиболее надежную охрану границы.

Пристатейный библиографический список

1. Алепко А. В. История вооруженных сил России: служба охраны границ (IX–XX вв.): учебное пособие для среднего профессионального образования. – М.: Юрайт, 2019.
2. Березина О. В. Некоторые исторические аспекты борьбы с контрабандой со времен Древней Руси до наших дней // Молодой ученый. – 2014. – № 9 (68).
3. Борискин В. И., Плеханов А. М., Чепелкин М. А. Границы Российской империи, их охрана и защита (1725–1827) // Пограничник. – 1996. – № 8.
4. Боярский В. И. На стороже Руси стояти. Страницы истории пограничной стражи Российского государства. – М.: Граница, 1992.
5. Кисловский Ю. Г. Контрабанда: история и современность/ Под ред. А. С. Крутлюкова. – М.: ИПО «Автор», 1996.
6. Плеханов А. М. Отдельный корпус пограничной стражи. Краткий исторический очерк. – М., 1993.
7. Плеханов А. М. Охрана государственной границы при переходе от таможенной стражи к войскам// Пограничник. – 1996. – № 9.
5. Ташлыков С. Л. Пограничная таможенная стража / Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/> (дата обращения: 12.10.2023).
6. Топографическая карта окрестностей Санкт-Петербурга Шуберта, 1831 г. / Старые карты Санкт-Петербурга и Ленинградской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-peterburg_schubert-gubernija (дата обращения: 01.11.2023).
7. Пятиверстная топографическая карта Санкт-Петербургской губернии Шуберта, 1840 г. / Старые карты Санкт-Петербурга и Ленинградской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-peterburg_gubernija-schubert-1840 (дата обращения: 19.11.2023).
8. Карта Шуберта Санкт-Петербургской губернии – трехверстовка, 1855 г. / Старые карты Санкт-Петербурга и Ленинградской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-peterburg_3versty-center (дата обращения: 13.10.2023).
9. Таможня и контрабанда / Виртуальная таможня. Таможенно-логистический портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vch.ru/> (дата обращения: 01.11.2023).

СТЁПКИН Евгений Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России

ИДЕИ И. ЗОННЕНФЕЛЬСА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИЦЕЙСКИЕ РЕФОРМЫ ЕКАТЕРИНЫ II

В статье рассматриваются идеи одного из крупнейших австрийских ученых-полицистов XVIII – начала XIX вв., профессора Венского университета, барона Иосифа Зонненфельса о назначении, организации и деятельности полиции. Прослеживается взаимосвязь между его взглядами и положениями основных политических и правовых документов Екатерины II.

Ключевые слова: Зонненфельс, полиция, организация, функции, идеи, реформы, государство.

STEPKIN Evgeniy Yurjevich,

Ph.D. in Law, associate professor, Deputy Head of State and legal disciplines sub-faculty of the Academy of Management of the MIA of Russia

I. ZONNENFELS' IDEAS AND THEIR INFLUENCE ON CATHERINE II'S POLICE REFORMS

The article discusses the ideas of one of the largest Austrian political scientists of the XVIII - early XIX centuries, Professor of the University of Vienna, baron Joseph Sonnenfels on the appointment, organization and activities of the police. The relationship between his views and the provisions of the main political and legal documents of Catherine II is traced.

Keywords: Sonnenfels, police, organization, functions, ideas, reforms, state.

В научной литературе неоднократно обращалось внимание на тот факт, что Екатерина II при подготовке своих ключевых политических и правовых документов использовала идеи французских и немецких ученых-полицистов [4, с. 34], [5, с. 247], [6, с. 44]. К таким ученым относят прежде всего Н. Де ла Мара, И. Г. Г. Юсти [7], Я. Ф. Бильфельда [1], [2]. Меньшее внимание уделяется идеям австрийского ученого Иосифа Зонненфельса (1732-1817), хотя Екатерина II была с ними знакома, и они оказали определенное влияние на формирование ее политических взглядов, в том числе относительно реформирования полиции.

В своих работах И. Зонненфельс отстаивает и развивает основные идеи, выражающие сущность полицейского государства. Наиболее известной его работой, посвященной полиции, является «Иосифа Зонненфельса начальные основания полиции или благочиния», которая была переведена на русский язык и опубликована в России.

Следом за своими предшественниками в качестве цели государства Зонненфельс рассматривал общую пользу, для достижения которой нужны соответствующие средства и меры. Основным средством достижения общего блага он считал полицию (благочиние). Полицию ученый, понимал сразу в трех значениях: и как науку, и как деятельность по обеспечению внутренней безопасности, и как систему государственных органов. «Правилам, которые служат основанием и соблюдению внутренней безопасности, научает полиция или благочиние» – пишет он [3, с. 19].

В отличие от Юсти, который в предмет благочиния включает почти все вопросы внутреннего управления, Зонненфельс делает акцент на вопросах безопасности, но понимает ее достаточно широко. Согласно его мнению, все, что может способствовать повышению уровня «...внутренней безопасности принадлежит к пространству благочиния» [3, с. 49]. Он делит внутреннюю безопасность на публичную и частную.

Задачи, функции и обязанности полиции по обеспечению внутренней безопасности ученый рассматривает весьма детально и наделяет ее обширными полномочиями, связанными с существенным вмешательством в сферу частной жизни граждан.

Зонненфельс предлагает ограничить частную собственность путем определения суммы, достаточной для проживания

того или иного субъекта, и препятствования дальнейшему росту достатка различными способами. Выступает против чрезмерного обогащения [3, с. 49]. Надо заметить, что от этой идеи веет не только полицейским государством, но и социалистическим. Кроме того, он считает, что каждый должен давать отчет о своих занятиях и источнике пропитания.

Ученый в целях обеспечения безопасности предлагает и такие меры, как всеобщая перепись населения, запрет публичных мероприятий в общественных местах [3, с. 67]. Поощряет практику доносов: «... поелику полицейские чиновники не везде могут поспевать то они должны нередко поступать по посторонним доносам», но замечает, что доносчики не должны иметь вражды с объектом их жалоб и должны обладать безупречной репутацией [3, с. 64].

Полиция, по Зоннефельсу, должна контролировать увеселительные мероприятия, проводимые в частном порядке. «Кто пожелает в своем доме балы или игры, тот должен брать разрешение у начальника благочиния» [3, с. 55].

На полицию он возлагает и попечение о «просвещении ума и исправление склонностей граждан», осуществление цензуры, контроль за религиозными обрядами, так как религия восполняет недостаток законодательства. Вообще религия Зонненфельс отводит важное место в жизни государства и считает вольнодумство в религиозных вопросах политическим преступлением [3, с. 82-86]. Очень полезной его идеей является повышение социального статуса школьного учителя. «Школьный учитель в каждом месте должен по крайней мере быть первым» [3, с. 86] – пишет он. Канцлер Германии Отто фон Бисмарк впоследствии воспользуется этой идеей в целях воспитания единой немецкой нации.

Ученый выступает за законодательное ограничение праздности, то есть фактически предлагает труд сделать обязанностью [3, с. 107]. В этой связи сразу вспоминается советское законодательство, предусматривавшее обязанность трудиться и уголовную ответственность за тунеядство.

Зонненфельс резко выступает против нищенства и предлагает уничтожить подаяние в любой форме, в том числе и в церкви. Уличенных в нищенстве, которые годны к работе, предлагает отдавать в работные дома и в солдаты. Более того, совсем неимущим предлагает запретить женитьбу. Контроль за выполнением данных требований должна осуществлять полиция. Полицейские, которые «...уличены в небрежении

столь важного дела» должны строго наказываться. Он считает возможным и законодательное регулирование размеров жалования слуг. «Не бесполезно установить границы щедрости господ в отношении слуг» – говорится в его работе [3, с. 110, 115].

В обязанности полиции ученый включает «неусыпное бдение» за содержателями «непотребных и публичных домов», контроль за пьяницами и за тем, чтобы в питейных домах им не продавали алкоголь. Надо заметить, что он вообще выступал против публичных домов. Более того, предлагал создать своего рода полицию нравов (комиссию для смотра за нравами), которая будет надзирать за людьми дурного поведения. За нравственные пороки предлагал также наказывать [3, с. 116]. В сущности, речь идет о смешении правовых и моральных норм. Надо заметить, что даже Юсти выступал против «полиции нравов» [7].

Зоннефельс предлагает установить уголовную ответственность за аборты, приравнять их к детоубийству. Контроль за «отвращением детоубийства» должна осуществлять полиция. В этих целях из всех лавок и аптек должны быть изъяты «зелья» для абортов [3, с. 144].

Как и другие известные полицейисты XVIII века, Зоннефельс в обязанности полиции включает контроль за строительством, безопасностью дорожного движения, состоянием медицинских учреждений, санитарией и чистотой городов. Предлагает осуществлять даже ветеринарный контроль за продуктами животноводства [3, с. 153, 171].

Ученый считает необходимым установить контроль над ценами на основные продукты (хлеб, мясо, мука, соль, дрова), предусмотреть ответственность за спекуляцию. И всем этим должна заниматься полиция [3, с. 209].

К обязанностям полиции он относит и контроль за лотереями и соблюдением запрета на проведение частных азартных игр [3, с. 240].

Важным полномочием полиции Зоннефельс считает борьбу с пожарами и наводнениями. «Главнейшие случаи, против которых благочиние должно иметь граждан приводить в безопасность, суть пожары и наводнения» [3, с. 249] – пишет автор.

Таким образом, основные задачи полиции согласно Зоннефельсу состоят «в сохранении всенародного спокойствия, доброго порядка и поведения, в надзирании над мерой, весом, торгами и чистотою городов, в распоряжении против различного рода опасностей и несчастных случаев, а главное в том, что требует мгновенных мер» [3, с. 251].

Достаточно много внимания в своих трудах И. Зоннефельс уделяет вопросам структуры полицейских органов. Каждый город, по его мнению, должен иметь полицейского начальника, ему придаются полицейские надзиратели, а также частные приставы, которые «...имеют смотрение за вверенными им частями» города. Кроме того, части города могут разделяться на кварталы с назначением в них полицейских чиновников. Главный начальник с помощниками и окружными приставами образуют управу благочиния [3, с. 269]. В малых городах ученый не исключает возможности поручать дела благочиния магистрату.

Не обходит вниманием Зоннефельс и организацию полиции в сельской местности. В этой связи он предлагает разделить провинции на округа (уезды), над которыми «определяются особливо учрежденные особы, капитаны, которые кроме других дел имеют смотрение за уездом» [3, с. 269].

Зоннефельс выступает активным сторонником специализации в деятельности полицейских органов. Ученый считает необходимым закрепление за каждым членом управы благочиния определенного направления службы. Если же направление объемное, то «определяются более одного члена к оному, и тогда они уже называются комиссиями с приложением предмета: комиссия касательно до нравов, нищих, чищения, ремесел и промышленности, пожара и тому по-

добного» [3, с. 270]. Он выступает против частой смены полицейских чиновников своих мест, так как, по его правильному замечанию, это приведет к поверхностному отношению к делу и непрофессионализму.

Учитывая большой объем стоящих перед полицией задач, Зоннефельс понимает необходимость учреждения значительного количества нижних чинов, к которым он относит осмотрщиков умерших, скота, смотрителей за напитками, торгом, контролеров мер и весов, а также «розыскных чинов», занимающихся розыском и возвратом потерянного и украденного [3, с. 271-274].

По мнению ученого, в подчинении полицейских чиновников должна быть учреждена дневная и ночная стража, а также «башенная или пожарная» стража. Для сохранения безопасности на больших дорогах предлагается расставлять пешие и конные караулы из военных [3, с. 277].

В целях безопасности автор считает нужным ввести в городах уличное освещение в ночное время и полицейским стражникам вменить в обязанность следить за тем, чтобы фонари не погасли. Важной обязанностью полиции он считает учет всех приезжих, в связи с чем владельцы гостиниц, постоялых дворов должны докладывать обо всех постояльцах в управу благочиния. «Почтампы же без предварительного позволения от полиции никому не должны отпускать лошадей» [3, с. 279, 288].

Многие идеи Зоннефельса нашли непосредственное отражение в реформах городской и сельской полиции Российской империи. Это касается и ее структуры и функций. Отдельные передовые идеи, например, о специализации в деятельности полицейских органов так и не были реализованы во многом по причинам финансового и организационного характера.

Пристатейный библиографический список

1. Бильфельд Я. Наставления политические барона Бильфельда. Ч. 1. - М.: Императорский Московский университет, 1768.
2. Бильфельд Я. Наставления политические барона Бильфельда. Ч. 2. - М.: Императорский Московский университет, 1775.
3. Зоннефельс И. Иосифа Зоннефельса начальные основания полиции или благочиния. - М., 1787.
4. Поленов Д. В. Исторические сведения о Екатеринбургской комиссии для сочинения проекта нового Уложения // Сборник Русского исторического общества. Том четвертый. - СПб., 1869.
5. Каменский А. Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. - М.: НЛО, 1999.
6. Тарновский Ф. В. Политическая доктрина в Наказе Императрицы Екатерины II // Сборник статей по истории права, посвященный М. В. Владимирскому-Буданову. - Киев, 1904. - С. 44-86.
7. Юсти И. Г. Г. Основание силы и благосостояния царств или подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния. - СПб., 1778. - Ч. 4.

АЛЬ-БАЗЗАР Омар Абд Альнафи Халиил

аспирант кафедры конституционного права и конституционного судопроизводства, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аль-Баззар О. А. Х.

СУДЕБНЫЕ ГАРАНТИИ ИЗБИРАТЕЛЯ, СУДЕБНЫЕ ГАРАНТИИ ПРОЦЕДУРЫ РЕГИСТРАЦИИ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СПИСКАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (СИРИЯ, ЕГИПЕТ И ИРАК)

В данной статье было проведено комплексное исследование, направленное на анализ судебных гарантий, предоставляемых избирателям в процессе регистрации в избирательных списках в трех странах: Сирии, Египте и Ираке. Целью исследования является выявление сходств и различий в судебных механизмах, обеспечивающих защиту избирательных прав и законность процедур регистрации в этих странах. Методология исследования основана на анализе конституций, законов о выборах, судебных решений, связанных с регистрацией избирателей.

Результаты исследования позволяют нам выделить наиболее важные правовые механизмы и процедуры, которые обеспечивают судебные гарантии регистрации избирателей и регистрационных процедур в Сирии, Египте и Ираке. Кроме того, в исследовании освещается развитие законодательства и технологий в этих странах, включая переход к электронным системам и обязательную регистрацию избирателей. Короче говоря, статья обеспечивает важную практическую исследовательскую основу для улучшения судебных гарантий при проведении выборов и регистрации избирателей в Сирии, Египте и Ираке.

Ключевые слова: судебные гарантии, выборы, избиратель, Сирия, Египет, Ирак.

AL-BAZZAR Omer Abd Alnafeha Khaleel

postgraduate student of Constitutional law and constitutional judiciary of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

JUDICIAL GUARANTEES OF THE VOTER, JUDICIAL GUARANTEES OF THE REGISTRATION PROCEDURE IN THE ELECTORAL LISTS: A COMPARATIVE LEGAL STUDY (SYRIA, EGYPT AND IRAQ)

In this article, a comprehensive study was conducted aimed at analyzing the judicial guarantees provided to voters during the registration process in the electoral lists in three countries: Syria, Egypt and Iraq. The aim of the study is to identify similarities and differences in judicial mechanisms that ensure the protection of electoral rights and the legality of registration procedures in these countries. The methodology of the study is based on the analysis of constitutions, election laws, court decisions related to voter registration. The results of the study allow us to identify the most important legal mechanisms and procedures that provide judicial guarantees for voter registration and registration procedures in Syria, Egypt and Iraq. In addition, the study highlights the development of legislation and technology in these countries, including the transition to electronic systems and mandatory voter registration. In short, the article provides an important practical research basis for improving judicial guarantees in the conduct of elections and voter registration in Syria, Egypt and Iraq.

Keywords: judicial guarantees, elections, voter, Syria, Egypt, Iraq.

Введение:

Электорат представляет собой фундаментальный элемент, на котором строится демократическое общество. В каждом демократическом правовом государстве выборы служат средством распределения политической власти и предоставления каждому индивиду права голоса, тем самым позволяя ему стать частью политической общности.

В большинстве стран, где принят принцип всеобщего избирательного права, избиратели обычно регистрируются в избирательные списки, содержащие имена всех, удовлетворяющих условиям для участия в выборах. Это делается с целью определения числа избирателей в каждом избирательном округе. В рамках демократического процесса этот этап рассматривается как один из подготовительных этапов к выборам, поскольку он организуется за относительно длительный период до самих выборов, а не в период проведения конкретного избирательного мероприятия. Подготовка к выборам считается ключевым моментом в обеспечении честности выборов и предотвращении возможных случаев мошенничества, подделок и манипуляций [1].

Регистрация в избирательных списках предоставляет гражданину, имя которого включено в один из этих списков, право голоса при выборах своих представителей. Аналогично, кандидат, чтобы участвовать в выборах, должен быть зарегистрирован в избирательных списках в пределах своего избирательного округа. В этом контексте, некоторые толкователи конституцион-

ного права описывают избирательные списки как «официальные реестры, упорядоченные в алфавитном порядке, содержащие имена всех граждан, которые, на момент их публикации, соответствуют условиям для права участия в выборах и осуществления избирательных прав» [2].

Избирательные списки представляют собой способ осуществления права голоса, и, следовательно, они должны быть полными, точными и регулярно обновляться, чтобы учитывать демографические изменения в избирательном корпусе [3]. Только те граждане, имена которых зарегистрированы в этих списках, имеют право участвовать в голосовании.

Существует два метода включения граждан в реестр избирателей: добровольная регистрация и автоматическая регистрация. По системе добровольной регистрации гражданин подает заявление в компетентный административный орган, чтобы включить его в список избирателей. Такая практика, например, применяется во Франции. В случае автоматической регистрации административный орган самостоятельно подготавливает списки избирателей, и гражданину не требуется подавать отдельное заявление о включении его имени в список избирателей. Однако автоматическая регистрация более ресурсоемкая и требует больших затрат по сравнению с добровольной регистрацией.

Признано, что судебный контроль является одним из основных элементов, на которых основан принцип правового государства [4].

В данной статье мы рассмотрим судебные гарантии процедур регистрации в избирательных списках в Сирии, Египте и Ираке на основе правовых текстов этих стран и дадим некоторые рекомендации, которые улучшили бы эту практику в этих странах.

Юрисдикция в спорах о избирательном реестре:

При анализе текущей ситуации в странах Ближнего Востока, представленной в данном исследовании, следует отметить следующее:

А) В Сирии:

Согласно статье 27 Закона о всеобщих выборах № 5 от 2014 года в Сирии, законодатель устанавливает, что включение в список избирателей считается фундаментальным правом и личной ответственностью каждого гражданина, который соответствует условиям для осуществления избирательных прав. Гражданам предоставляется право требовать включения своего имени в список избирателей, а также право на проверку наличия своего имени в этом списке, в случае его отсутствия.

Согласно статье 28 Закона о выборах, министерство внутренних дел в сотрудничестве с министерством юстиции, Министерством местного управления и центральным статистическим бюро несет ответственность за составление и поддержание общего списка избирателей на уровне государства. Закон также предписывает пересмотр общего списка избирателей один раз в начале каждого календарного года. По вопросам включения, исключения или изменения записей в этом списке также предусматривается пересмотр, который должен быть завершен не позднее чем за два месяца до проведения какого-либо выбора.

Более того, согласно положениям статьи 29 Закона о выборах, верховного избирательного комитета поручено проводить процедуры обновления и проверки общего списка избирателей не менее чем за два месяца до начала любого избирательного процесса.

Таким образом, сирийский законодатель придал регистрации в списках избирателей смешанный характер. С одной стороны, подготовка списка избирателей представляет собой административную задачу, которую выполняет Министерство внутренних дел совместно с участием некоторых сторон, участвующих в избирательном процессе. Что касается надзора, его осуществление лежит в ведении судебных органов через верховную судебную комиссию по выборам, которая отвечает за обновление списка избирателей и его проверку перед каждым избирательным процессом. Однако стоит отметить, что законодатель не предусмотрел какие-либо механизмы судебного обжалования решений, принимаемых Верховной судебной комиссией по вопросам регистрации в списках избирателей.

Б) В Египте:

Статья 13 Закона № 45 от 2014 года, который регулирует осуществление политических прав в Египте, устанавливает, что все граждане, обладающие правом участвовать в политической жизни, должны быть внесены в реестр избирателей. Согласно Статье 14 данного закона, процесс регистрации избирателей осуществляется автоматически на основе национальных идентификационных данных, собранных и зарегистрированных в базе данных Управления гражданского состояния министерства внутренних дел. Национальная база данных удостоверений личности Управления гражданского состояния признается основным источником для формирования базы данных избирателей.

Прокуратура направляет информацию Национальной избирательной комиссии и Министерству внутренних дел относительно судебных решений, приводящих к лишению политических прав.

Статья 16 Закона № 45 от 2014 года устанавливает, что внесение каких-либо изменений в реестр избирателей запрещено после объявления о предстоящих выборах или референдуме, за исключением случаев, когда такие изменения необходимы в соответствии с судебным решением, которое вступило в законную силу. Публичное представление реестра избирателей также является обязательным [5]. Любой гражданин, который был незаконно исключен из реестра избирателей, обнаружил ошибку в своих регистрационных данных или выполнил необходимые условия для включения в список избирателей после внесения изменений в реестр, имеет право на просьбу о внесении своего имени или коррекции данных, связанных с его регистрацией [5].

Закон № 198 от 2017 года, касающийся создания национального избирательного органа, определяет его полномочия, включающие в себя подготовку базы данных избирателей на основе национальных номеров, ее регулярное обновление, внесение изменений и периодический пересмотр на постоянной основе [6]. Решения, принятые общими комиссиями по регламенту, подлежат рассмотрению в случае апелляции в соответ-

ствии с процедурами и сроками, предусмотренными законами, регулирующими президентские, парламентские и местные выборы, в зависимости от контекста.

Все решения комиссии также могут быть оспорены в верховном административном суде относительно референдумов и президентских выборов, а также в Административном судебном совете в отношении выборов и их результатов. Апелляции подаются в соответствии с установленным порядком, предусмотренным Законом о Государственном совете [6].

При возвращении к тексту статьи 5 Закона о создании органа становится очевидным, что совет директоров этого органа состоит из десяти членов, равномерно представленных среди заместителей председателя кассационного суда, председателей апелляционных судов, заместителей председателя кассационного суда, председателей Государственного совета, заместителей председателя государственного судебного органа и заместителей председателя государственного органа. Члены органа избираются верховным судебным советом, а также специальными и верховными советами верховных судебных органов, в зависимости от обстоятельств, из числа лиц, не входящих в состав этих советов. При этом обязательным условием является наличие срока, оставшегося до достижения каким-либо из кандидатов пенсионного возраста, не менее шести лет на момент их назначения. Решение о назначении принимается президентом республики на основе представления министра юстиции.

Орган руководится старшим членом кассационного суда, который представляет его в системе судебных органов и взаимодействует с другими сторонами, он обладает полномочиями и компетенцией, предписанными компетентному министру и министру финансов в соответствии с законами и нормативными актами.

Таким образом, египетский законодатель придал регистрации в избирательных списках смешанный характер. С точки зрения подготовки, это является административной задачей, которую выполняет избирательная комиссия, хотя Совет директоров Комиссии имеет в основном судебный характер. Тем не менее, он оставил возможность обжалования решений в судебных органах.

В) В Ираке:

Почти все известные Ираку конституции включали в себя нормы, касающиеся прав и свобод, начиная от Конституции Ирака 1925 года. Например, глава вторая данной конституции содержала положения, определяющие права народа. Это свидетельствует о том, что при создании иракских конституций внимание основателя было уделено с самого начала обеспечению прав и свобод.

Конституция Республики Ирак 2005 года включила во второй главе, который предназначенную для обеспечения основных прав и свобод, озаглавленную «Основные права» и охватывающую статьи с 10-й по 23-ю [7]. Несмотря на то, что Временная конституция Ирака включала социальные права и свободы в одну статью, Конституция Ирака 2005 года более подробно разделила их с целью устранения возможной неоднозначности [8].

Хотя закон о выборах, изданный приказом временного коалиционного органа № 96 от 2004 года, не упоминает избирательные апелляции, он все же предусматривает, что «Комиссия может издавать постановления, правила, процедуры и решения для реализации этого приказа [9], а независимая верховная избирательная комиссия издала несколько постановлений». Чтобы регулировать предмет выборов и порядок их обжалования, включая измененное постановление 7 от 2004 года (период, указанный для показа списка избирателей и подачи апелляций).

Процесс регистрации избирателей в Ираке подразумевает последовательное выполнение нескольких этапов, включая составление первоначального списка избирателей, начало процедуры регистрации, а также ввод и фиксацию данных о гражданах, включенных в данный список. Кроме того, обязательно предусматривается период для обновления реестра путем удаления, добавления или коррекции информации о выбирателях. После завершения этого процесса первоначальный список подвергается конвертации в окончательный реестр. Заявления, внесенные в первичный реестр, считаются окончательными после истечения срока, предусмотренного для подачи апелляций, и подлежат одобрению со стороны Независимой верховной избирательной комиссии [10].

Замечено, что Законом о выборах парламента Ирака № 12 от 2018 года и соответствующими поправками уделяется особое внимание реестру избирателей и связанным с ним преступлениям. В этом законе предусматривается, что независимая верховная избирательная комиссия ответственна за подготовку реестра избирателей. Согласно данным из базы данных продовольственных карточек и их регулярному обновлению в центрах регистра-

ции избирателей, Комиссия обязуется формировать мобильные группы с целью обновления информации о избирателях [11]. Отмечается, что реестр избирателей будет опубликован после того, как он будет полностью подготовлен для мониторинга и проверки. Люди, чьи имена не включены в первичный список избирателей, а также те, кто допустил ошибку при регистрации своих личных данных, имеют право подать жалобу в главный офис верховного суда или ее подразделением в регионах и провинциях, не включенных в регион. Это должно быть сделано в течение семи дней после окончания даты актуализации реестра избирателей. Решение, принятое Управлением Комиссии, может подлежать апелляции перед Советом уполномоченных, в то время как решение Совета уполномоченных может быть обжаловано в соответствии с применимым законодательством [11]. Следовательно, предварительный реестр считается окончательным, и голосование проводится в соответствии с ним после истечения сроков для подачи возражений против него или решения поданных возражений [11].

Анализируя применение технологий на выборах 2014 года, следует отметить, что была внедрена электронная система с использованием электронных карт и устройства для электронной верификации. Эта система предназначена для проверки данных избирателей по реестру избирателей. Процедура включала в себя предъявление электронной избирательной карты, а также сканирование отпечатков пальцев избирателя для предоставления права на голосование. Эти изменения представляют собой следующий этап в развитии избирательных технологий. Первым шагом на этом пути является электронная модернизация процесса регистрации избирателей, что подразумевает переход от традиционных бумажных выборов к электронным системам.

Можно утверждать, что иракское законодательство ввело систему автоматической и обязательной регистрации как общее правило, за исключением некоторых случаев, когда регистрация является необязательной.

Иракский закон также предоставляет возможность административного обжалования процедуры регистрации перед руководителем избирательной комиссии в провинции и перед советом уполномоченных апелляция на решение совета уполномоченных подлежит рассмотрению в судебном органе по выборам [12].

Заключение:

Исходя из вышесказанного можно выявить следующие сходства и различия в судебных гарантиях процедуры регистрации избирателей в Сирии, Египте и Ираке:

Сходства:

1. Все три страны уделяют внимание правам и свободам избирателей в своих конституциях и законодательстве, подчеркивая важность обеспечения этих прав.

2. Процедуры регистрации избирателей в каждой из этих стран включают в себя составление начального списка избирателей, обновление данных и окончательное формирование реестра.

3. Все три страны предоставляют механизмы апелляции, позволяющие избирателям обжаловать решения и ошибки, связанные с регистрацией.

4. Законодательство в этих странах предусматривает независимые избирательные комиссии, ответственные за процесс регистрации.

Различия:

1. Структура законодательства и процедуры регистрации могут различаться в каждой стране, включая разные законы о выборах и конституционные нормы.

2. В Египте процесс регистрации осуществляется автоматически на основе национальных идентификационных данных, в то время как в Ираке и Сирии регистрация может быть обязательной.

3. В Ираке внедрена электронная система с использованием электронных карт и сканирования отпечатков пальцев, что отличается от процедур в других странах.

4. Все три страны имеют различные органы, ответственные за управление избирательными процессами и регистрацией, такие как верховные избирательные комиссии и судебные органы, что может повлечь за собой различия в судебных гарантиях и процедурах обжалования.

5. Сроки и порядок апелляции могут различаться в каждой стране в зависимости от их законодательства и процедур.

Таким образом, хотя все три страны придерживаются общих принципов обеспечения избирательных прав и регистрации избирателей, существуют существенные различия в законодательстве и процедурах, а также в технологических ин-

новациях, которые они используют для обеспечения судебных гарантий в этом процессе.

Рекомендации для улучшения процесса регистрации избирателей в каждой из рассмотренных стран:

1. Сирия:

– Усилить прозрачность процесса регистрации избирателей и обеспечить доступность информации для всех граждан.

– Внедрить эффективные механизмы контроля за регистрацией и обеспечить возможность судебного обжалования решений Верховной судебной комиссии по вопросам регистрации.

– Рассмотреть внедрение современных технологий для обеспечения точности и надежности регистрации.

2. Египет:

– Обеспечить полную автоматическую регистрацию избирателей на основе национальных идентификационных данных, чтобы устранить возможные ошибки и исключить несогласия в регистрации.

– Повысить прозрачность и надежность процесса регистрации, в том числе путем ужесточения контроля за данными и мерами защиты информации.

– Рассмотреть возможность обязательной регистрации для всех граждан, чтобы снизить вероятность исключения избирателей из списка.

3. Ирак:

– Дальше развивать электронные системы и технологии для улучшения процесса регистрации и верификации избирателей.

– Укрепить механизмы апелляции и обеспечить доступность процедур обжалования решений независимой верховной избирательной комиссии.

– Обеспечить информирование граждан о процессе регистрации и их правах на обжалование решений.

Приставительный библиографический список

1. Саад А., Моклед А., Исмаил И. Н. Избирательные системы. - Бейрут: Юридические публикации Аль-Халаби, 2005. - 350 с.
2. Кашакиш К. Ю. А. На пути к передовому демократическому закону о выборах в Иордании. - Ирбид: Карим Кашкаш, 1998. - 172 с.
3. Шиха И. А. А. Анализ конституционной системы Египта. - 1 изд. - Александрия: Центр знаний, 2003. - 376 с.
4. Тохами А. Ш. Медиация и примирение споров в египетском законодательстве и сравнительном законодательстве // Журнал юридических исследований Международного университета Южной долины. - 2021. - № 6. - С. 458-506.
5. Решение президента Арабской Республики Египет Законом № 45 от 2014 года о провозглашении закона, регулирующего осуществление политических прав // Кадая. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://qadaya.net/?p=8755>.
6. Закон № 198 от 2017 года о национальной избирательной комиссии Египта // elections.eg [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.elections.eg/images/pdfs/laws/NEAlaw2017-198.pdf>.
7. Аль-Амири М. М. К. Роль конституционной судебной власти в защите прав человека в законодательстве Иордании и Ирака: сравнительное исследование: дис. ... маг. юрид. - Амман, 2019. - 144 с.
8. Ахмад А. Д. Экономические и социальные права и свободы и их гарантии в арабских конституциях // Исследовательский центр Аль-Фурат. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://firatn.com/?p=304>.
9. Официальные документы Временной коалиционной власти // Университет Северного Техаса. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://govinfo.library.unt.edu/cpa-iraq/arabic/regulations/index.html>.
10. Третья поправка к Закону о выборах в Палату представителей № (45) 2013 года // Иракский парламент. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://archive3.parliament.iq/ar/2018/06/06/لدي عتلا-نون اق-نواب ختن ازون اقل-شلا اشل-تابا ختن ازون اقل-شلا اشل>.
11. Закон о выборах в провинциальные и районные советы № 12 от 2018 г. // Иракский факт. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.moj.gov.iq/upload/pdf/4494.pdf>.
12. Закон о Независимой верховной избирательной комиссии № 11 2007 года // Электронная ссылка на информацию. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.almerja.com/reading.php?idm=177042>.

АЛИЕВА Зульфия Ибрагимовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ГАДЖИЕВ Зураб Рашидович

магистрант кафедры конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ

Высшее образование – часть профессионального образования, имеющая целью обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии. Для того, чтобы иметь полное представление о праве на образование в России следует рассмотреть его исторические аспекты развития, которые в свою очередь являются основой современного права на образование. В статье рассматривается историческая ретроспектива развития местного самоуправления в России, включая самые ранние этапы.

Ключевые слова: высшее образование, конституционно-правовая основа, система образования, формирование единого образовательного пространства.

ALIEVA Zulfiya Ibragimovna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and international law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

GADZHIEV Zurab Rashidovich

magister student of Constitutional and international law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

HISTORICAL ASPECT OF THE DEVELOPMENT OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO HIGHER EDUCATION IN RUSSIA

Higher education is a part of professional education aimed at ensuring the training of highly qualified personnel in all major areas of socially useful activities in accordance with the needs of society and the state, meeting the needs of the individual in intellectual, cultural and moral development. In order to have a complete understanding of the right to education in Russia, it is necessary to consider its historical aspects of development, which in turn are the basis of the modern right to education. The article examines the historical retrospective of the development of local self-government in Russia, including the earliest stages.

Ключевые слова: высшее образование, конституционно-правовая основа, система образования, формирование единого образовательного пространства.

Для того, чтобы иметь полное представление о праве на образование в России следует рассмотреть его исторические аспекты развития, которые в свою очередь являются основой современного права на образование.

Образование в России имеет богатую историю, которая начинается с создания Славяно-греко-латинской академии в 1687 году в Москве. Это учебное заведение создавалось с целью обеспечить образование класса духовников, аристократии. В Академии изучались славянский, греческий и латинский языки, она сыграла важную роль в формировании культурного наследия и способствовала развитию научных и литературных традиций русской церковной и светской науки [6, с. 35].

Для того, чтобы иметь полное представление о праве на образование в России следует рассмотреть его исторические аспекты развития, которые в свою очередь являются основой современного права на образование. Высшее образование – часть профессионального образования, имеющая целью обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии [2, с. 56].

Ряд ученых-юристов, среди которых можно выделить А. Г. Мечникова, А. С. Никонова, Б. В. Хомякова, А. В. Смирнову придерживаются точки зрения, что формирование права на образование в древние времена в основном зависели от четырех факторов: во-первых, позиции государственной власти по отношению к развитию грамотности и повышения уровня образования у своих подданных, во-вторых, отношения отдельных слоев населения к получению знаний, в-третьих, материальных возможностей государства в развитии системы обучения, возможностей населения по использованию шансов на получение образования [6, с. 35].

После изучения древних летописей, ряд историков, среди которых можно отметить А. К. Пескова, В. Л. Рыбакова, А. А. Скворцова, В. В. Юдин отмечают, что первое упоминание об учебных заведениях, то есть школах встречается в 988 году [7, с. 14]. В древней Руси власть (княжеская и позднее царская) имела определенное влияние и отношение к образованию, но эти отношения были сложными и зависели от конкретных исторических

условий и правителей. Власть тесно сотрудничала с церковью, которая играла ключевую роль в образовании. Монастыри и церковные школы были основными центрами образования, и духовенство часто выполняло образовательные функции. Некоторые князья и цари выражали интерес к образованию, поддерживали монастырские школы и могли быть покровителями литературных трудов. Примером может служить Иван Грозный, который поддерживал образование, в том числе создание Славяно-греко-латинской академии в 1687 году.

Как отмечают И. А. Стариков и А. Н. Вулканов, в период феодальной Руси в древней Руси образование было тесно связано с церковью. Первые школы возникали при монастырях и церквях, где обучали чтению и письму на славянском языке. Важную роль играла монастырская школа в Киево-Печерской Лавре. С развитием государства в XIII-XIV веках, особенно при Дмитрии Донском и Иване III, стали появляться иные учебные заведения. Однако доступ к образованию был ограничен, преимущественно для знати и духовенства. Центром образования была Лавра, где занимались копированием рукописей и изучением древнегреческих и латинских текстов.

Во время правления Петра I, произошли глобальные реформы в области образования. Особое внимание было направлено на создание светских школ. Петр провел реформы, направленные на модернизацию и европеизацию России. Были введены новые учебные программы, это включало в себя изучение иностранных языков, математики, навигации и других предметов. Были утверждены школы для низших слоев населения, созданы народные школы для распространения базового образования среди населения. Он признавал важность для гражданской службы и укрепления государства. Была проведена секуляризация образования, Петр I уменьшил влияние церкви на образовательные учреждения. В результате этих мероприятий Россия получила новый импульс в развитии образования, который оказал влияние на долгосрочное формирование национальной интеллектуальной культуры.

Петр I прекрасно понимал, что для усовершенствования государственного аппарата, в первую очередь, требуются подготовленные высококвалифицированные кадры, которые смогут трудиться и работать на благо Отечества. Ведь одна из главней-

ших проблем, которая касалась как военной сферы, так и других сфер деятельности - отсутствие грамотных специалистов [3, с. 38]. В 1722 году в разных регионах появляются цифирные школы. Эти школы были созданы для обучения навигационной астрономии и счета времени с использованием часовых циферблатов. Время становилось важным аспектом в морской деятельности и торговле, и Петр I видел необходимость подготовки специалистов в этой области. Цифирные школы предоставляли обучение счету времени, астрономии, математике и другим навигационным навыкам. Эти учебные заведения играли ключевую роль в подготовке специалистов для российского флота и торговых компаний. Петр I стремился модернизировать Россию, приблизив ее к европейским стандартам, и внедрение цифирных школ было одним из шагов в этом направлении. Эти школы способствовали укреплению морской мощи России и развитию научных знаний в стране [4, с. 37].

В XIX веке в России произошли важные изменения в системе образования. В 1802 году было создано Министерство народного просвещения, что сделало образование более централизованным. Адамантова реформа 1803 года устанавливала новую структуру школьной системы. В начале XIX века были открыты новые университеты, такие как Московский и Санкт-Петербургский. Они предоставляли образование на уровне высшего образования и были центрами для развития науки и культуры. В 1864 году был принят Закон об обязательном начальном образовании, который предусматривал обучение детей с 8 до 12 лет в государственных или общественных школах. Вторая половина XIX века характеризовалась расширением образовательных возможностей для разных социальных групп. Появление женских гимназий и учебных заведений для народных слоев было важным шагом в этом направлении. Работы педагогов и реформаторов, таких как Константин Ушинский, оказали огромное влияние на подходы к образованию и внедрению новых методов обучения.

В 1864 году было принято «Положение о начальных училищах», утверждавшее общедоступность и всеобщность образования. При этом количество образовательных учреждений увеличивалось примерно в 20 раз. Впервые права на образование предоставлялось всем сословиям, в том числе и крестьянам. Общедоступность образования обеспечивалась его бесплатностью [3, с. 38].

Государственная и общественная жизни в России стали меняться кардинально с приходом к власти большевиков в октябре 1917 году. Эти изменения не обошли и сферу образования, которое приобретало важное значение. основополагающими принципами образования провозглашались введение в короткий срок всеобщего обязательного бесплатного обучения, организация единой светской школы, введение в стране всеобщей грамотности [2, с. 56].

В 1918 году полным ходом шла национализация учебных заведений. Школа была объявлена не только единой и трудовой, но и бесплатной, общеобязательной и общедоступной. Большевики провели политику ликвидации частных и церковных школ, утверждая идею бесплатного и обязательного государственного образования. Частные и церковные учебные заведения были закрыты или национализированы. В ходе революции были введены новые принципы образования, направленные на создание «коммунистического образования» [1, с. 25].

Декретом Советской власти государство и школа отделялись от Церкви. Отменялись различные привилегии и ограничения, осуществлялось совместное обучение мальчиков и девочек. Поэтому можно сделать вывод о том, что в данный период времени произошли коренные преобразования в сфере образования. Однако, нельзя полностью утверждать, что образование в СССР полностью освободилось от ограничений. Постепенно оно стало ярко идеологическим, а также в нем существовали негласные ограничения. Например, выходы из «нетрудовых» классов имели ограниченный доступ к образованию.

Необходимо отметить, что право на образование в советский период было закреплено во всех Советских Конституциях. Статья 17 Конституции СССР 1918 года обеспечивает трудящимся действительный доступ к знаниям. А также ставит своей целью предоставление рабочим и беднейшим слоям населения, а именно крестьянам, полное и всестороннее бесплатное образование.

Конституция СССР 1936 года, в статье 121 декларирует право граждан на образование, обеспечивающееся всеобщим обязательным начальным образованием, его бесплатностью, включая высшее образование, системой государственных стипендий подавляющему большинству учащихся в высшей школе, обучением в школах на родном языке, организацией на производственных площадках бесплатного технического и агрономического обучения трудящихся. Конституция 1977 года в статье 45 дополняет и обновляет положения, отраженные в предыдущем Основном Законе страны [4, с. 38].

Таким образом можно сделать вывод, что по сравнению с дореволюционной Россией в Советском Союзе право на образование являлось неотъемлемой частью государственного права и конституционно закреплённой частью правового статуса личности советского гражданина.

Еще одним ограничением того периода было то, что выпускники после получения диплома о профессиональном образовании должны были отработать в местах, указанных при распределении. Эта система предполагала, что после окончания образовательного учреждения молодые специалисты обязаны отработать определенный период времени в местах, определенных государством. Молодые специалисты были распределяемы государством в зависимости от потребностей экономики. Распределение осуществлялось по различным отраслям промышленности, сельскому хозяйству, науке и другим областям. Это обеспечивало государству стабильную кадровую базу. В обмен на отработку предоставлялись социальные гарантии, такие как предоставление жилья, медицинское обслуживание и другие льготы. Это правило существенно влияло на жизнь молодых специалистов и определяло их трудовую карьеру в первые годы после окончания учебы. Однако в долгосрочной перспективе эта практика стала одним из факторов, препятствующих мобильности трудовых ресурсов и развитию эффективных рынков труда. Законодательно регулировалось Инструкцией НКТ СССР № 804 от 4 октября 1930 г. «Об обязанности отработки и условиях труда молодых специалистов» (п. 30), а затем его дополнило постановление ЦИК и СНК СССР от 15 сентября 1933 г. «Об улучшении использования молодых специалистов», которое устанавливало срок отработки в пять лет.

С точки зрения практичности данные меры оправданы, так как государство всегда заинтересовано в молодых кадрах, особенно в тех местностях, где существует их дефицит. Возможно, с одной стороны, эта мера может показаться неправомерной, нарушающей естественное право человека на выбор (в данном случае на выбор места работы). Но, с другой стороны, выбор гражданин сделал уже тогда, когда пошел учиться в то или иное учебное заведение, соответственно это и является его согласием «по умолчанию» на место работы [1, с. 26].

В 1993 году в России была принята новая Конституция, в статья 2 которой указано: «человек, его права и свободы являются высшей ценностью, их признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства».

Анализируя выше сказанное, также можно отметить, что в современной России, безусловно, преодолены многие недостатки, присущие советскому образованию, например, отсутствуют ограничения права на образование, о которых было сказано выше. Но перед современным российским образованием стоят не менее сложные проблемы, не способствующие лучшей реализации права граждан на образование: недостаточное финансирование, бюрократизм, коррупция, падение качества образования, его «элитаризация», снижающая доступность образования для большинства населения. Борьба с элитаризацией образования включает в себя внедрение более равномерных систем финансирования, поддержку разнообразных образовательных путей и инициативы, направленные на устранение барьеров, особенно в отношении социально уязвимых групп [8].

Пристатейный библиографический список

1. Андреев А. Л. Российское образование // Трибуна молодого ученого. – 2019. – № 3. – С. 25-29.
2. Коршунова О. Н. Традиции и эволюция историографии российского университетского образования в XIX – первой половине XX вв. // Власть истории и история власти. – 2022. – № 8 (42). – С. 56-61.
3. Носков О. В. Реформа образования в эпоху правления Петра I // Молодой ученый. – 2019. – № 4. – С. 38-42.
4. Рекурров Е. И. Становление образования в России // Трибуна молодого ученого. – 2019. – № 1. – С. 37-42.
5. Ревунов В. С. Реформа образования в России: промежуточные итоги // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2016. – № 7. – С. 24-29.
6. Смирнова А. В. Особенности реализации конституционного права на образование // Современное право. – 2018. – № 1. – С. 35-39.
7. Юдин В. В. Образование: понятие, содержание, значение // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2019. – № 3. – С. 14-19.
8. Матюшева Т. Н. Принципы российской образовательной политики: конституционная составляющая // Современное право. – 2013. – № 8. – С. 36.

БУДНИК Юлия Ивановна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КОНСТИТУЦИОННОСТЬ ЧАСТИ 2 СТАТЬИ 2.6.1 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Целью исследования является анализ части 2 статьи 2.6.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. Данное положение толкуется в правоприменительной практике как ограничение права у работодателей быть освобожденными от ответственности за нарушение правил дорожного движения, если транспортным средством управлял водитель по трудовому договору. В статье проводится анализ соответствия рассматриваемого законоположения Конституции Российской Федерации. Актуальность темы заключается в том, что в случаях нарушения правил дорожного движения в рамках трудовых отношений должны применяться четкие и справедливые правила ответственности.

Ключевые слова: собственник (владелец) транспортного средства, административная ответственность, принцип равенства, правовая определенность.

BUDNIK Yuliya Ivanovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

CONSTITUTIONALITY OF PART 2 OF ARTICLE 2.6.1 OF THE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION ON ADMINISTRATIVE OFFENSES

The purpose of the article is to analyze part 2 of article 2.6.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. This provision is interpreted in law enforcement practice as a limitation of the right of employers to be exempt from liability for violating traffic rules if the vehicle was driven by a driver under an employment contract. The article analyzes the compliance of the legal provision in question with the Constitution of the Russian Federation. The relevance of the topic lies in the fact that in cases of violation of traffic rules within the framework of labor relations, clear and fair rules of responsibility must be applied.

Keywords: owner (owner) of the vehicle, administrative responsibility, principle of equality, legal certainty.

Положения статьи 19 Конституции РФ закрепляют равенство всех перед законом и судом независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Конституционный Суд РФ указывает, что именно принцип равенства оказывает регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений и выступает конституционным критерием оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, закреплённых непосредственно в Конституции РФ, но и прав, приобретаемых на основании закона¹.

Осуществляя правовое регулирование оснований и порядка применения мер административной ответственности за совершение административных правонарушений, законодательная власть связана вытекающими из части 3 статьи 55 Конституции РФ критериями необходимости, пропорциональности и соразмерности ограничения прав и свобод граждан².

Норма, закреплённая в части 2 статьи 2.6.1 КоАП РФ, в значении, придаваемой ей правоприменительной практикой, ограничивает работодателей в праве быть освобождёнными от ответственности за нарушение правил дорожного движения, если транспортным средством управлял водитель по трудовому договору.

Указанное ограничение устанавливается КоАП РФ, который является федеральным законом. В связи с этим требование части 3 статьи 55 Конституции РФ о том, что ограничение конституционных прав может быть установлено только федеральным законом, следует считать соблюденным.

В соответствии с частью 3 статьи 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только в конституционно значимых целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. При этом указанные цели ограничения прав и свобод являются универсальными, то есть распространяются на все права и свободы – на конституционные и производные от них³.

Введение данной нормы одновременно преследует несколько целей.

Во-первых, привлечение к ответственности работодателя отвечает интересам общества, так как неотвратимость наказания стимулирует собственника к более ответственному использованию источника повышенной опасности (опасности, в первую очередь, для жизни и здоровья других лиц).

Во-вторых, привлечение к административной ответственности обеспечивают безопасность государства, а также защиту основ конституционного строя, что достигается благодаря поступлению сумм административных штрафов в соответствующие бюджеты. При этом с работодателя, как с профессионального участника отношений и экономически

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П // СЗ РФ. - 2010. - № 11. - Ст. 1255.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 17 мая 2022 г. № 19-П // СЗ РФ. - 2022. - № 22. - Ст. 3755.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 1996 г. № 8-П // СЗ РФ. - 1996. - № 15. - Ст. 1768.

более сильного субъекта⁴, подлежащий уплате штраф будет взыскан с большей вероятностью.

В-третьих, обеспечивается защита прав работников как более экономически слабых субъектов, которые обязаны осуществлять управление предоставленным транспортным средством в силу заключённого трудового договора, но не имеют возможности самостоятельно устранить имеющиеся в нем нарушения.

В целом, законодатель вправе осуществлять подобное правовое регулирование для повышения эффективности охраны защищаемых Конституцией РФ ценностей от противоправных посягательств (что входит в круг задач этого законодательства – статья 1.2 КоАП РФ)⁵.

Кроме того, Конституционный Суд РФ отмечал, что в конституционно значимых целях законодатель обязан использовать все доступные ему средства государственного принуждения, включая административную ответственность, руководствуясь при этом общими принципами, которые имеют универсальное значение и по своей сути относятся к отправным началам конституционного правопорядка⁶.

При этом осуществляя правовое регулирование оснований и порядка применения мер административной ответственности за совершение административных правонарушений, законодательная власть обязана соблюдать гарантированное Конституцией РФ равенство всех перед законом, из которого вытекает требование о соответствии закона, предусматривающего административную ответственность, критериям формальной определённости⁷.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20⁸ о вопросах применения норм главы 12 КоАП РФ (административные правонарушения в области дорожного движения) даны недвусмысленные разъяснения о возможности освобождения собственников транспортных средств от административной ответственности при выбытии транспортного средства из их владения и пользования (часть 2, статья 2.6.1 КоАП РФ).

Во-первых, Верховный Суд РФ обращает внимание на то, что субъектом административного правонарушения, зафиксированного техническим средством, работающим в автоматическом режиме, выступает собственник (владелец) транспортного средства независимо от того, является он физическим либо юридическим лицом (пункт 27).

Во-вторых, Верховный Суд РФ указывает, что отсутствует исчерпывающий перечень доказательств, подтверждающих факт нахождения транспортного средства во владении (пользовании) другого лица (пункт 27), что обеспечивает действие правовых положений части 2 статьи 2.6.1 КоАП РФ.

Институт освобождения собственников транспортных средств от административной ответственности при выбытии транспортного средства из их владения и пользования известен иностранным правопорядкам. В частности, аналогичные нормы закреплены в части 2 статьи 31 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях⁹, а также в части 3 статьи 4.8 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях¹⁰.

Таким образом, данные доводы свидетельствуют о том, что исследуемое законоположение конституционно.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П // СЗ РФ. - 2010. - № 11. - Ст. 1255;
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 мая 2022 г. № 19-П // СЗ РФ. - 2022. - № 22. - Ст. 3755.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 1996 г. № 8-П // СЗ РФ. - 1996. - № 15. - Ст. 1768.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2022 г. № 3-П // СЗ РФ. - 2022. - № 5. - Ст. 861
@@ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 2020 г. № 25-П // СЗ РФ. - 2020. - № 21. - Ст. 3375.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 января 2019 г. № 5-П // СЗ РФ. - 2019. - № 4. - Ст. 360.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 09 июля 2021 г. № 34-П // СЗ РФ. - 2021. - № 29. - Ст. 5752
@@ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июня 2018 г. № 23-П // СЗ РФ. - 2018. - № 26. - Ст. 3932.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 мая 2022 г. № 19-П // СЗ РФ. - 2022. - № 22. - Ст. 3755.
8. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2020 г. № 20 // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2019. - № 9.
9. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях: закон Республики Казахстан от 5 июля 2014 г. № 235-V // Ведомости Парламента Республики Казахстан. - 2014. - № 18-II (2667-II). - Ст. 92.
10. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: закон Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 91-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

4 Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2022 г. № 3-П // СЗ РФ. - 2022. - № 5. - Ст. 861; Постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 2020 г. № 25-П // СЗ РФ. - 2020. - № 21. - Ст. 3375.

5 Постановление Конституционного Суда РФ от 18 января 2019 г. № 5-П // СЗ РФ. - 2019. - № 4. - Ст. 360.

6 Постановление Конституционного Суда РФ от 09 июля 2021 г. № 34-П // СЗ РФ. - 2021. - № 29. - Ст. 5752; Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июня 2018 г. № 23-П // СЗ РФ. - 2018. - № 26. - Ст. 3932.

7 Постановление Конституционного Суда РФ от 17 мая 2022 г. № 19-П // СЗ РФ. - 2022. - № 22. - Ст. 3755.

8 О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2020 г. № 20 // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2019. - № 9.

9 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях: закон Республики Казахстан от 5 июля 2014 г. № 235-V // Ведомости Парламента Республики Казахстан. - 2014. - № 18-II (2667-II). - Ст. 92.

10 Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: закон Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 91-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

ДЕНИКАЕВА Саида Эмирхановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ГУСЕЙНОВА Джамиля Шерхановна

магистрант кафедры конституционного и международного Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ГОССЛУЖАЩИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Настоящая статья посвящена некоторым аспектам ограничения прав государственных служащих. Рассматривается один из злободневных и спорных моментов в определении ограничений госслужащих – конфликт интересов. Перечисляются распространенные виды конфликта интересов. Анализируются классификации конфликта интересов: реальный, возможный и мнимый. Обращается внимание на то, что сам факт состояния в родстве или свойстве еще не является основанием для возникновения конфликта интересов. Говорится, что квалифицирующими обстоятельствами в данном случае являются наличие факта извлечения материальной выгоды и установление причинно-следственной связи. Сделан вывод о том, что проблема конфликта интересов в системе государственной гражданской службы имеет моральную составляющую, так как во многом зависит от уровня нравственной культуры служащих, правового сознания, умения принимать должные моральные решения.

Ключевые слова: конфликт интересов, государственная служба, государство, ограничения прав, граждане, юридические лица.

DENIKAEVA Saida Emirkhanovna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and international sub-faculty of the Dagestan State University, Makhachkala

HUSEYNOVA Jamila Sherkhanovna

magister student of Constitutional and international sub-faculty of the Dagestan State University, Makhachkala

ON SOME ASPECTS OF RESTRICTING THE RIGHTS OF CIVIL SERVANTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article is devoted to some aspects of restricting the rights of civil servants. One of the topical and controversial issues in determining the limitations of civil servants is considered – a conflict of interests. Common types of conflicts of interest are listed. The classifications of conflicts of interest are analyzed: real, possible and imaginary. Attention is drawn to the fact that the very fact of a state of kinship or property is not yet a basis for a conflict of interests. It is said that the qualifying circumstances in this case are the existence of the fact of obtaining material benefits and the establishment of a causal relationship. It is concluded that the problem of conflict of interests in the public civil service system has a moral component, since it largely depends on the level of moral culture of employees, legal consciousness, and the ability to make proper moral decisions.

Keywords: conflict of interests, public service, state, restrictions on rights, citizens, legal entities.

В соответствии со статьей 16 Федерального закона «О государственной гражданской службе» запрещается прием на государственную службу лица либо нахождение на гражданской службе лица в следующих случаях:

– если лицо, по вступившему в законную силу решению суда был признан недееспособным либо ограничено дееспособным¹;

– если государственный служащий был осужден к такому виду наказания, которое полностью исключает возможность исполнения им своих функциональных обязанностей по должности государственной службы;

– если лицо намеренно отказывается от прохождения процедуры допуска к сведениям, которые представляют собой государственную или военную тайну в том случае, если работа госслужащего непосредственно связана с допуском к информации подобного рода;

– если у лица обнаружено заболевание, которое является препятствием к поступлению на гражданскую службу и, соответственно, затрудняет сам факт прохождения государственной службы. Соответствующий перечень с указанием видов заболеваний устанавливается Правительством Российской Федерации;

– наличие факта близкого родства или свойства с гражданским служащим, в подчинении у которого необходимо выполнять трудовые функции;

– в случае выхода из гражданства либо наличия гражданства или подданства иностранного государства;

– в порядке уголовного преследования наказывается факт подлога документов или заведомо ложных сведений при трудоустройстве на госслужбу;

– в случае отказа государственного служащего либо кандидата на должность государственного служащего предо-

ставлять сведения о доходах, об имуществе либо обязательствах имущественного характера;

– в случае утраты доверия представителем нанимателя к государственному служащему при возникновении конфликта интересов либо при совершении тех или иных действий, относящихся к актам коррупционного характера.

Как видно из перечня ограничений прав государственных служащих, можно сделать вывод о том, что государство оказывает самое пристальное внимание к определению статуса государственных служащих, причем любые попытки государственного служащего обмануть существующий порядок вещей могут быть чреваты для него потерей работы.

Попробуем рассмотреть один из злободневных и спорных моментов в определении ограничений госслужащих. К ним можно отнести конфликт интересов. Определение конфликта интересов содержится в Федеральном законе о противодействии коррупции². По природе вещей государственные служащие должны быть ориентированы на служение Родине, на честное, объективное и непредвзятое исполнение своих служебных обязанностей и функций. Следует четко разграничивать дефиниции «коррупция» и «конфликт интересов». Однако необходимо понимать, что именно конфликт интересов может стать причиной возникновения негативных коррупционных факторов. Следуя букве закона, конфликт интересов можно определить как объективно возникшую ситуацию, когда либо прямая, либо косвенная заинтересованность должностного лица может повлиять на объективное и правильное разрешение ситуации.

Соответственно при наличии конфликта интересов может быть нанесен необоснованный ущерб интересам личности, государственного органа, государству либо субъекту государства. Личная заинтересованность в данном аспекте

1 О государственной гражданской службе: федер. закон Рос. Федерации от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ; ред. от 23 июня 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 О противодействии коррупции: федер. закон Рос. Федерации от 21 декабря 2008 г. № 273-ФЗ; ред. от 23 июня 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

представляет собой возможность и желание должностного лица получить за свои действия те или иные материальные блага. Это могут быть денежные средства, ценные бумаги, имущественные права либо обещания о предоставлении всех вышеуказанных благ.

Закон также указывает на круг лиц, из-за выгоды либо во благо которых осуществляется конфликт интересов. Как правило, таковыми выступают дети, супруги, родители, братья и т.д. Также к этому перечню можно отнести граждан либо юридических лиц, во взаимоотношениях с которыми находится государственный служащий.

Существуют следующие виды конфликта интересов: реальный, возможный и мнимый. Реальный конфликт – это тот, который является следствием возникновения противоречия между служебными обязанностями и частными интересами служащего, и в данной ситуации частные интересы могут реально сказаться на объективном исполнении служащим своих обязанностей.

Возможный (предполагаемый) конфликт означает, что должностное лицо теоретически имеет личный интерес, который впоследствии может воспрепятствовать честному и безукоризненному исполнению должностным лицом своих функциональных обязанностей.

Латентный (скрытый) конфликт – это наиболее сложно выявляемая форма конфликта интересов, ситуация, когда должностное лицо может быть заподозрено в наличии у него конфликта интересов несмотря на то, что по факту конфликта может и не быть. Как правило, скрытый конфликт ассоциируется именно с нарушением этических норм. Не важно, где находится должностное лицо, – при исполнении своих служебных обязанностей либо в каком-то другом месте, либо на досуге. Чиновник всегда должен понимать, что его поведение должно быть кристально честным. Не допускается поведение, порочащее честь госслужащего. Так, известен печальный пример заместителя руководителя государственной корпорации Росгеологии Руслана Горринга, который, проводя прямой эфир в одной из социальных сетей, озвучил шокирующие факты о своей деятельности на государственном посту и личной биографии, которые в последующем стали достоянием общественности. Буквально на второй день вышеуказанное лицо было уволено с занимаемой должности с формулировкой «... за нарушение корпоративной этики...». В последующем было установлено, что Р. Горринг устроился на работу по поддельным документам, что является прямым нарушением ст. 16 ФЗ о государственной гражданской службе. В настоящее время в отношении данного лица возбуждено уголовное дело³.

Как следует из анализа судебной практики, сам факт состояния в родстве или свойстве еще не является основанием для возникновения конфликта интересов. Это далеко не единственный признак конфликта интересов.

Квалифицирующими обстоятельствами в данном случае являются наличие факта извлечения материальной выгоды и установление причинно-следственной связи. Обязательным фактором в подобного рода ситуациях является установление у государственного служащего так называемого «поведенческого выбора» между надлежащим выполнением своих функций и принятием необоснованного, субъективно-го решения.

Массу ситуаций можно подвести под дефиницию «конфликт интересов». И госслужащий, в процессе реализации служебных полномочий, легко может оказаться в одной из них.

Самыми распространенными вариациями конфликта интересов являются следующие:

- совершение тех или иных действий в сфере государственного или муниципального управления касательно близких родственников либо тех лиц, с которыми теоретически может существовать заинтересованность госслужащего;
- предоставление чиновнику того или иного имущества либо материальных благ безвозмездно в дар или пользование;
- нахождение чиновника в комиссии, в функцию которой входит вопрос рассмотрения близким родственником имущества;

3 Мустафаев Н. Т. На смену КТО пришло СКПО. 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chernovik.net/content/novosti/na-smenu-kto-prishlo-skpo> (дата обращения: 22.10.2023).

– ситуация, когда государственный служащий издает распоряжение, по которому его близкий родственник получает материальные блага;

– получение от заинтересованных лиц разного рода подарков и услуг;

– факт ведения предпринимательской деятельности родственником чиновника в той сфере, которая является подконтрольной последнему;

– выполнение любых работ за вознаграждение в подконтрольных чиновнику структурах.

По итогам рассмотрения уведомления подготавливается мотивированное заключение, в котором указывается принятое решение.

Следует понимать, что чиновник, в соответствии с нормативными установлениями, вправе использовать разного рода механизмы для недопущения возникновения конфликта интересов в будущем.

Это – такие меры, как:

– самоотвод служащего в случаях и порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации;

– полный отказ от материальной выгоды;

– отказ от выполнения своих служебных полномочий;

– отказ от принятия того или иного решения;

– и самая радикальная мера – добровольное сложение с себя полномочий.

Данный перечень действий не является закрытым. Каждый случай должен быть детально изучен с последующим принятием аргументированного, взвешенного решения.

Несоблюдение чиновником вышеуказанных мер может привести к печальным последствиям. Более того, это квалифицируется как правонарушение, что в итоге может привести к утрате доверия и увольнению. Суровость этой санкции обусловлена тем, что на кону стоят интересы государства, поэтому последствия конфликта интересов могут быть непредсказуемыми.

Санкции в данном случае могут быть следующие: замечание, выговор, предупреждение о неполном должностном соответствии. Это предусмотрено Законом о государственной гражданской службе и Трудовым кодексом.

Подводя итог, следует отметить, что проблема конфликта интересов в системе государственной гражданской службы сегодня достаточно актуальна и останется таковой еще долгое время. Ситуация «конфликта интересов» имеет моральную составляющую, так как во многом зависит от уровня нравственной культуры служащих, правового сознания, умения принимать должные моральные решения.

Зачастую все ограничения прав государственных служащих вводятся для недопущения возникновения коррупционных механизмов, которые подрывают основу конституционного строя. Подобного рода ограничения также касаются работников органов внутренних дел, прокуратуры, таможенной службы и др. Они формируют так называемый силовой блок правительства, находящийся в прямом и непосредственном подчинении у Президента РФ⁴.

Завершить статью хотелось бы словами С. Железняк: «Человек, выбравший в качестве своей профессии государственную службу, изначально должен понимать, что вся его деятельность и его персона будут находиться под пристальным вниманием общественности и СМИ. А если чиновник не готов претерпевать все эти ограничения, то лучше ему вовсе и не заниматься этим делом»⁵.

Мы солидарны с позицией С. Железняк и считаем, что каждому человеку необходимо отдавать отчет, насколько важна деятельность государственных служащих во благо нашей страны. От безукоризненного исполнения государственной службы зависит престиж власти – как на международном, так и на внутреннем уровне.

4 Шуმიлова Т. А., Мурзова М. А. Ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина: понятие и виды. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/ogranicheniya-konstitutsionnyh-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina-ponyatie-i-predely> (дата обращения: 23 октября 2023).

5 Железняк С. «Чиновник не может быть связан экономическими обязательствами с другими государствами». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://orenburg.er.ru/activity/news/sergej-zheleznyak-chinovnik-ne-mozhet-byt-svyazan-ekonomicheskim-obyazatelstvami-s-drugimi-gosudarstvami> (дата обращения: 23 октября 2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-11-186-122-124

ИЛЬИНА Ольга Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент Юридического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, Якутск

ИВАНОВА Татьяна Михайловна

руководитель учебного центра закупок управления закупок Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, старший преподаватель Юридического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, Якутск

ЗАЩИТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ В СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД

В статье раскрывается роль защиты конкуренции как ценности, лежащей в основе конституционной экономики, фундаментального принципа государственной экономической политики. В то же время авторы анализируют обязанность государства поддерживать и защищать конкуренцию как конституционную гарантию, обеспечивающую рациональное использование ресурсов в интересах общества и равный доступ к ним в аспекте социальной и экономической солидарности в социальном государстве.

Ключевые слова: поддержка конкуренции, защита конкуренции, социальное государство, солидарность, экономическая солидарность.

ILJINA Olga Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor of the Faculty of Law of the M. K. Ammosov Northeastern Federal University, Yakutsk

IVANOVA Tatyana Mikhaylovna

Head of the Procurement Training Center of the Procurement Department of the M. K. Ammosov Northeastern Federal University, senior lecturer of the Faculty of Law of the M. K. Ammosov Northeastern Federal University, Yakutsk

PROTECTION OF ECONOMIC COMPETITION IN A SOCIAL STATE: A CONSTITUTIONAL AND LEGAL VIEW

The article reveals the role of protecting the competition as a value underlying constitutional economics, a fundamental principle of state economic policy. At the same time, the authors analyze the state's obligation to support and protect competition as a constitutional guarantee that ensures the rational use of resources in the interests of society and equal access to them in aspect of social and economic solidarity in a social state.

Keywords: support for competition, protection of competition, welfare state, solidarity, economic solidarity.

«Большое видится на расстоянии» и сегодня к 30-летию Конституции РФ можно с уверенностью утверждать, что закрепление в ч. 1 ст. 8 и ч. 2 ст. 34 принципа защиты конкуренции как «несущей конструкции» в конституционном дизайне экономической системы России обеспечило реализацию нового «общественного договора», направленного на трансформацию прежнего социального порядка и на создание современного государства с рыночной экономикой.

Конституционный законодатель закрепил отношение к рыночной конкуренции как к ценности, которая обязывает государство поддерживать и защищать ее. Г. А. Гаджиев относит отношения экономической конкуренции к конститутивным отношениям, влияющим на нормальное функционирование экономической и социальной системы [4].

Изучение совокупности конституционных принципов и норм, регулирующих конститутивные экономические и социальные отношения, входит в предмет конституционной экономики как направления науки конституционного права.

Представляется необходимым проанализировать действие принципа поддержки конкуренции в связи с закреплением на конституционном уровне принципов экономической и социальной солидарности, как развивающих идею социального государства в постиндустриальную эпоху.

По мнению А. С. Сухорукова, принцип поддержки конкуренции имеет двойную нормативно-правовую природу: как норма-принцип и как норма-гарантия, а также самостоятельное правовое значение, которое выражается в реализации конкурентной политики государства по защите и развитию конкуренции [9]. О. В. Брызгунова в своей диссертации в отношении поддержки конкуренции использует характери-

стику «конституционный принцип регулирования экономических отношений» [2].

Е. М. Якимова относит поддержку конкуренции к группе конституционных принципов, которая определяет экономическую систему общества и устанавливает основы предпринимательства [12]. В. В. Мнишко еще в 2003 году уточнил, что принцип поддержки конкуренции является одним из конституционных принципов, гарантирующих единство экономического пространства в Российской Федерации [8].

В комментариях к Конституции РФ под редакцией В. Д. Зорькина указано, что «конституционный принцип поддержки конкуренции выполняет роль содержащихся в самой Конституции ограничений свободы экономической деятельности»¹.

В рамках данной статьи, исходя из классификации принципов, предложенной в исследованиях о системе науки конституционного права профессором Н. А. Богдановой [1], представляется возможным считать принцип поддержки конкуренции специальным принципом экономического блока конституционного права, то есть самостоятельным конституционным принципом, определяющим модель государственного участия в экономической жизни общества.

Конкуренция – движущая сила рыночной экономики, одна из фундаментальных основ развития материального благосостояния современного общества и государства. По-

1 Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) (2-е издание, пересмотренное) / Под ред. В. Д. Зорькина. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант-Плюс».

этому ее защита необходима для устойчивого развития экономической системы. В. А. Вайпан полагает, что защита конкуренции обеспечивает сохранение социально справедливой экономической среды, соответствующей коренным интересам общества [1, с. 193].

После определения значимости принципа поддержки конкуренции в конституционной экономике, обратимся к вопросу о его реализации в социальном государстве.

Экономика – это социальный феномен, поэтому в реализации экономических и социальных прав проявляется целостная системная взаимосвязь, выражающая сложное сочетание частных и публичных интересов в сфере экономики. Как подчеркивает Е. П. Губин, социальное государство может выполнять свои функции и реализовывать задачи лишь на основе реализации экономических прав, создания развитой социально ориентированной рыночной экономики, экономики социальной [3].

Современное общество, находящееся в постиндустриальной стадии, характеризуется наличием ярко выраженного запроса в укреплении консолидации, что концентрируется в идею солидарности, которая приобретает сложносоставной интегративный характер и дифференцируется в виде системы более частных принципов, выступающих регуляторами для различных видов общественных отношений и решения новых задач. Отсюда выделяются виды солидарности [11], в частности, экономическая солидарность.

Таким образом, в экономической сфере защите конкуренции, отражающей защиту экономического разнообразия, согласно законам диалектики антиномичен принцип экономической солидарности.

Здесь стоит озвучить и принять позицию А. А. Ливерского о том, что механизм действия конституционного принципа в противовес нормативному регулированию состоит в возможности вариантного применения его содержания, воздействия на регулирование общественных отношений в некоторой, неполной, мере [6].

Действительно, реализация конституционного принципа поддержки конкуренции в полном соответствии с его содержанием могла привести к абсурдной обязанности государства всемерно поддерживать любую конкуренцию на любом уровне. Однако в социальном государстве, служащем обществу и призванном рационально использовать ресурсы в интересах всех его слоев, поддержка конкуренции не может рассматриваться как абсолютный принцип без ограничений. Более того, свобода конкуренции может и должна быть ограничена государством в интересах национальной безопасности, защиты прав и свободы других лиц. Такой вывод, в частности, сформулирован и А. А. Трипузовой в статье, содержащей анализ положений конституций и ключевых законов государств – членов ЕАЭС [10]. В научной литературе также сложилось мнение, что принцип поддержки конкуренции дополняется конституционной гарантией запрета на экономическую деятельность, направленную на монополизацию или недобросовестную конкуренцию [7].

Итак, особенности реализации экономического блока конституционных норм, в том числе поддержки конкуренции, обусловлены социоэкономической парадигмой Конституции России, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, устойчивый экономический рост страны (статья 7, статья 75.1 Конституции РФ) при одновременном провозглашении права каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности (ст. 34 Конституции РФ).

Так, профильный нормативный правовой акт – Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» распространяется на отношения, которые связаны с защитой конкуренции, в том числе с предупреждением и пресечением монополистической деятельности и недобросо-

вестной конкуренции². Кроме того, Е. С. Донецковым отмечены следующие формы ограничения конкуренции:

– предоставление отдельным хозяйствующим субъектам на основании правовых актов органов власти преференций, обеспечивающих им более выгодные условия деятельности (ч. 20 ст. 4, ст. 19);

– соглашения органов власти о введении ограничений на создание новых хозяйствующих субъектов; на осуществление ими отдельных видов деятельности; создание иных барьеров развитию предпринимательства [5].

Немалый интерес в реализации конституционного принципа поддержки конкуренции представляет и законодательство о публичных закупках.

В Федеральном законе от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в числе шести принципов контрактной системы закреплен принцип обеспечения конкуренции³. При этом добросовестная конкуренция обеспечивается посредством создания равных условий для участников закупок, предоставлением возможности стать поставщиком (подрядчиком, исполнителем) любому заинтересованному лицу в соответствии с нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок. Следовательно, контрактная система содержит и ограничения абсолютной свободы конкуренции в отношении круга претендентов на заключение контракта. Обоснованные ограничения конкуренции, полагаем, установлены в самом Федеральном законе № 44-ФЗ. К ним можно отнести:

закрытые конкурентные способы закупки (ч. 11, ч. 12 ст. 24);

– применение национального режима к товарам, происходящим из иностранного государства, работам и услугам, выполняемым и оказываемым иностранными лицами (ст. 14);

– предоставление преимуществ учреждениям и предприятиям уголовно-исполнительной системы, организациям инвалидов, субъектам малого предпринимательства, социально ориентированным некоммерческим организациям (ст. 28 – 30);

– специально установленные случаи осуществления закупки у единственного поставщика (ст. 93);

– обязанность заказчика требовать обеспечения заявки и обеспечения исполнения контракта (ст. 44, 96).

Запрет недобросовестной конкуренции в контрактной системе в сфере закупок выражается в запрете любых действий, которые приводят к необоснованному ограничению числа участников закупок (например, запрет проведения переговоров заказчиком, членами комиссий по осуществлению закупок с участником закупки в отношении заявок на участие до выявления победителя закупки, ст. 46).

В Федеральном законе от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» развитие добросовестной конкуренции является одной из целей регулирования⁴. Закон № 223-ФЗ основную регламентирующую закупочную деятельность заказчика роль отводит корпоративному акту – положению о закупке отдельных видов юридических лиц. В этой связи можно предположить, что ключевое значение в оценке правомерности и

2 Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ от 31 июля 2006 г. – № 31 (часть I). – Ст. 3434.

3 Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ от 8 апреля 2013 г. – № 14. – Ст. 1652.

4 Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ от 25 июля 2011 г. – № 30 (часть I). – Ст. 4571.

конституционности содержания положений о закупке имеют решения Конституционного Суда РФ.

К примеру, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 23.12.2022 № 57-П рассматривался вопрос об обязанности лица, осуществляющего закупки в соответствии с Федеральным законом № 223-ФЗ, заключить договор с единственным участником торгов в случае признания торгов несостоявшимися⁵.

В данном постановлении указано, что Конституционный Суд РФ прибегает к конституционно-правовому истолкованию системы норм, исходя из презумпции обоснованности воли законодателя в сфере регулирования закупок по указанному федеральному закону на конституционно значимые принципы, в том числе на принцип поддержки конкуренции. Предпосылкой реализации принципа поддержки конкуренции в данном случае Конституционный Суд РФ назвал отсутствие в положении о закупке и документации о закупке предписаний, создающих условия для дискриминации участника торгов и нарушения его прав. Условием реализации принципа поддержки конкуренции, по мнению Конституционного Суда РФ, является отсутствие ситуации, когда заказчик (организатор торгов) действовал бы в отношениях с единственным участником торгов по своему произвольному усмотрению, не основанному на какой-либо регламентации, определенным образом предписывающей его поведение при признании торгов несостоявшимися в связи с отсутствием других участников торгов.

Государство в соответствии со ст. 75.1. Конституции РФ связано обязанностью обеспечивать экономическую солидарность, что выражается в гарантировании экономических прав субъектам экономической деятельности. Подобное гарантирование осуществляется путем использования методов дозволения, разрешения, ограничения, запрета, обязывания и др. правовыми инструментами. Конституционный суд РФ относит ограничительные меры, направленные на самоорганизацию общества, к проявлению социальной солидарности, основанной на взаимном доверии государства и общества⁶.

На основании изложенного можно заключить, что принцип защиты конкуренции, отражающий экономическое многообразие должен рассматриваться в социальном государстве в неразрывном диалектическом единстве с принципом экономической солидарности и содействовать развитию социально ориентированной рыночной экономики, а следовательно, устойчивому развитию общества в целом. К такому пониманию, предопределенному социоэкономической парадигмой Конституции РФ, должны стремиться законодатель при формировании отраслевого законодательства и Конституционный Суд РФ, проверяя конституционность конкретной правовой ситуации в сфере экономической деятельности.

5 Постановление Конституционного Суда РФ от 23 декабря 2022 г. № 57-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 432, пункта 1 статьи 438, пункта 4 статьи 445, пункта 5 статьи 447 и пункта 4 статьи 448 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой акционерного общества «Системный оператор Единой энергетической системы» // СЗ РФ от 2 января 2023 г. – № 1 (часть III). – Ст. 497.

6 Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области // Российская газета. – 2021. – № 6. – 15 января.

Пристатейный библиографический список

1. Богданова Н. А. Система науки конституционного права: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.02. – Москва, 2001. – С. 189.
2. Брызгунова О. В. Конституционные принципы регулирования экономических отношений в РФ и субъектах РФ: дисс. кандидата юридических наук: 12.00.02. – Пенза, 2010.
3. Губин Е. П. Экономическая деятельность, экономические права и их защита в контексте соотношения права и экономики // Предпринимательское право. – 2021. – № 3. – С. 3-10.
4. Гаджиев Г. А. Меморандум // Ежегодник конституционной экономики. – 2019 / Отв. ред. и сост. А. А. Ливеровский, науч. ред. Г. А. Гаджиев, рук. проекта и сост. П. Д. Баренбойм. – М., 2019. – С. 8.
5. Донецков Е. С. Баланс частного и публичного интереса в контексте реализации принципа поддержки конкуренции: анализ отдельных правовых позиций Конституционного Суда РФ // Конституция России: глобальное, национальное, региональное: Материалы Международной научно-практической конференции, Волгоград, 05 декабря 2013 года. – Волгоград: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Волгоградский филиал), 2013. – С. 184.
6. Ливеровский А. А. Конституционное регулирование экономических процессов // Ежегодник конституционной экономики. – 2019 / Отв. ред. и сост. А. А. Ливеровский, науч. ред. Г. А. Гаджиев, рук. проекта и сост. П. Д. Баренбойм. – М., 2019. – С. 30.
7. Мазаев В. Д. Понятие и конституционные принципы публичной собственности / Ин-т права и публич. Политики. – Москва, 2004. – С. 43, 68.
8. Мнишко В. В. Конституционно-правовые основы единства экономического пространства в Российской Федерации: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.02. – Москва, 2003. – С. 50.
9. Сухоруков А. С. Конституционно-правовое регулирование конкуренции в Российской Федерации. – Москва: Юрлитинформ, 2013. – С. 63-64, 82.
10. Трипузова А. А. Конституционные принципы поддержки и защиты конкуренции в государствах-членах ЕАЭС // Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений: Сборник научных статей / Редколлегия: О. И. Чуприс (гл. ред.) [и др.]. Том Выпуск 4. – Минск: Общество с ограниченной ответственностью «Колорград», 2022. – С. 439.
11. Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А. Принцип солидарности в постиндустриальном обществе: особенности содержания и тенденции развития // Международное частное и публичное право. – 2021. – № 1. – С. 3-7.
12. Якимова Е. М. Система конституционных принципов правового регулирования предпринимательской деятельности в России // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 3. – С. 42-43.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-11-186-125-126

КРАШЕННИКОВА Татьяна Васильевна

Кандидат экономических наук, магистр Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член избирательной комиссии Ростовской области, помощник депутата Государственной Думы Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА НАБЛЮДЕНИЯ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ РФ

Без избирательного права демократическое общество становится подверженным авторитарным режимам, коррупции и нарушениям прав человека. Поэтому защита и соблюдение права граждан на участие в выборах является одним из важнейших признаков демократии. Наблюдатели, как субъекты избирательного процесса, как национального, так и международного уровня, призваны обеспечить гласность деятельности избирательных органов. От качества нормативно-правового регулирования наблюдения зависит эффективность реализации полномочий наблюдателей в избирательных правоотношениях. Целью данной статьи является рассмотрение функционирования института наблюдения в избирательном процессе РФ, в частности проблемы замены наблюдателя.

Ключевые слова: избирательное право, институт наблюдателей, демократическое общество, общественный контроль, списки наблюдателей.

KRASHENNIKOVA Tatyana Vasiljevna

Ph.D. in economical sciences, Master of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economical and Public Administration under the President of the Russian Federation, member of the Election Commission of the Rostov region, Assistant to the deputy of the State Duma of the Russian Federation, Rostov-on-Don

PROBLEMS OF FUNCTIONING OF THE INSTITUTE OF OBSERVATION IN THE ELECTORAL PROCESS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Without the right to vote, a democratic society becomes subject to authoritarian regimes, corruption and human rights violations. Therefore, the protection and observance of the right of citizens to participate in elections is one of the most important signs of democracy. Observers, as subjects of the electoral process, both at the national and international levels, are called upon to ensure the transparency of the activities of electoral bodies. The effectiveness of the exercise of the powers of observers in electoral legal relations depends on the quality of the regulatory regulation of observation. The purpose of this article is to consider the functioning of the institute of observation in the electoral process of the Russian Federation, in particular the problem of replacing the observer.

Keywords: electoral law, institute of observers, democratic society, public control, lists of observers.

Избирательное право имеет огромное значение для демократического общества. В рамках демократии, где власть принадлежит народу, избирательное право позволяет гражданам участвовать в выборе своих представителей в правительстве и оказывать влияние на политические процессы.

Институт наблюдателей в избирательном праве играет важную роль в обеспечении прозрачности и законности выборов. Наблюдатели представляют различные организации, общественные объединения и международные миссии, которые наблюдают за проведением выборов и докладывают о них.

Основные функции наблюдателей в избирательном процессе включают:

1. Гарантирование соблюдения закона. Наблюдатели проверяют, что все этапы избирательного процесса соответствуют закону, включая регистрацию кандидатов, работы избирательных комиссий, голосование и подсчет голосов.

2. Обеспечение прозрачности. Наблюдатели следят за тем, чтобы все процессы выборов были открытыми и доступными для общественности. Они могут иметь право наблюдать за работой избирательных комиссий, а также присутствовать на участках голосования и подсчёте голосов.

3. Предотвращение нарушений. Наблюдатели могут предотвращать возможные нарушения избирательного процесса, такие как подкуп избирателей или фальсификации результатов голосования, и предоставлять информацию о таких случаях.

4. Оценка честности выборов. Наблюдатели могут делать выводы о честности и законности выборов на основе своих наблюдений и фиксировать их в соответствующих докладах. Эти оценки могут быть важными для определения результатов выборов и для принятия мер, если выявлены серьезные нарушения.

В целом, институт наблюдателей в избирательном праве играет важную роль в защите демократических принципов и обеспечении легитимности выборов, что, несомненно, повышает уровень доверия граждан к избирательному процессу и его результатам.

Статья 1 Конституции Российской Федерации провозглашает ее демократическим правовым государством, а статья 3 Конституции подразумевает потенциальную возможность выражения политической воли и политических предпочтений через референдум и свободные выборы. В соответствии с ч. 1. ст. 3 Конституции именно многонациональный народ Российской Федерации является единственным источником власти в Российской Федерации.¹

рации является единственным источником власти в Российской Федерации.¹

Несмотря на развитие законодательства и совершенствование демократических институтов, способствующих прямому волеизъявлению воли народа, федеральное законодательство по-прежнему является сложной и разрозненной системой, не лишенной пробелов и противоречий. Более очевидным становится регламентация таких институтов демократии – как свободные выборы.

В рамках данной научной статьи мы ставим цель рассмотреть проблемы функционирования института наблюдения в избирательном процессе РФ, в частности проблемы замены наблюдателя.

Участие наблюдателей в выборах направлено прежде всего на реализацию гражданами своего конституционного права на участие в управлении государством. посредством наблюдения за избирательным процессом осуществляется общественный контроль за деятельностью органов публичной власти, направленный на соблюдение законодательства всеми участниками избирательных отношений, защите интересов кандидатов и политических партий, на недопущение искажения волеизъявления избирателей².

Опыт применения данного института свидетельствует, что реализация принципа гласности в деятельности избирательных комиссий, присутствие их на избирательных участках в день выборов в значительной степени формирует мнение общественности в отношении выборов, способствует участию граждан в избирательном процессе. Также наблюдатели выполняют ряд важных функций: общественного контроля, превентивную функцию, информационную, аналитическую.

Как отметил Конституционный Суд РФ, наблюдатель от избирательного объединения, кандидата на выборах не является носителем самостоятельных интересов, связанных с реализацией права избирать и быть избранным в органы государственной власти, органы местного самоуправления, – как производный (вторичный) участник избирательного процесса, он вступает в него по общему правилу в качестве представителя интересов кандидата,

1 «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // ИПС Консультант-плюс

2 Нарутто С. В. Наблюдатель на выборах: правовое положение, порядок участия // СПС КонсультантПлюс. 2023.

избирательного объединения, чем обеспечивается контроль в отношении законной реализации избирательных процедур.³

Несмотря на значимость данного правового института опыт проведения избирательных кампаний и анализ практики избирательных кампаний 2023 года на территории Ростовской области показывает, что существуют некоторые упущения в правовом регулировании отдельных важных вопросов, касающихся деятельности наблюдателей.

Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» содержат положения о назначении наблюдателей, устанавливают их порядок работы, однако никак не регулируют вопросы их замены по уважительной причине. Закон Ростовской области от 12 мая 2016 года № 525-ЗС «О выборах и референдумах в Ростовской области» также не регулирует этот вопрос.

В соответствии с Постановлением ЦИК России от 29.06.2022 № 88/738-8 «О разъяснении порядка работы со списками наблюдателей при проведении дополнительных выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва по одномандатным избирательным округам, иных выборов и референдумов», установлено, что в случае если после представления списка назначенных наблюдателей в территориальную избирательную комиссию наступили обстоятельства, по которым наблюдатель по уважительной причине (болезнь, командировка и др.) не сможет осуществлять наблюдение в день (дни) голосования (в дни досрочного голосования), кандидат, субъект общественного контроля вправе до дня (первого дня) голосования (до дня досрочного голосования) назначить вместо этого наблюдателя другого, письменно уведомив об этом соответствующую территориальную избирательную комиссию и представив сведения о назначенном наблюдателе на бумажном носителе.⁴

Вышеуказанная норма не содержит требований о предоставлении каких-либо еще сведений или документов в отношении наблюдателя, в частности подтверждающих уважительность причины, по которой он не сможет осуществлять наблюдение, помимо прямо указанных в ней.

Однако на практике, территориальные избирательные комиссии запрашивают необходимость представить документы, подтверждающие уважительность причины, по которой наблюдатель не сможет осуществлять наблюдение, например, больничный лист.

Так, например, избирательное объединение политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» обратилось с информационным письмом о том, что назначенный наблюдатель не сможет осуществлять наблюдение в дни голосования по причине болезни, и направило информацию о назначении нового наблюдателя.

В то же время территориальная избирательная комиссия Ленинского района города Ростова-на-Дону предложила РОО КПРФ представить документы, подтверждающие уважительность причины, по которой данный наблюдатель не сможет осуществлять свою деятельность. В ответе № 01-12/328 от 08.09.2023 г., подписанном председателем территориальной избирательной комиссией Ленинского района города Ростова-на-Дону содержится требование о предоставлении документа, подтверждающего болезнь первого назначенного наблюдателя.

На наш взгляд подобные запросы могут являться превышением должностных полномочий территориальных избирательных комиссий и быть направлены на ограничение пассивного избирательного права, которые выражаются в недопущении к

осуществлению контроля за процессом проведения голосования, реализуемого посредством присутствия в помещении для голосования наблюдателя.

Кроме того, возможные запросы дополнительных документов, не указанных в Постановлении ЦИК России от 29.06.2022 № 88/738-8, на наш взгляд, противоречат нормам ФЗ «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ ввиду того, что наблюдатели не представляют в избирательные комиссии согласия об обработке персональных данных.⁵

Такое требование комиссии о предоставлении сведений, подтверждающих уважительность причины, по которой наблюдатель не сможет осуществлять наблюдение, которые будут содержать в себе персональные данные, в том числе о состоянии здоровья (что относится к специальной категории персональных данных) является противозаконным, тем более учитывая тот факт, что единственным документом, предоставляемым наблюдателем для реализации своих полномочий является направление.

В случае расширительной трактовки избирательными комиссиями нормативных актов, регулирующих отношения в сфере избирательных прав, дальнейшие действия могут привести к злоупотреблению правом, возможным ограничением участия отдельных политических партий. В частности, наблюдатели, назначаемые избирательными объединениями и кандидатами, которые могут действовать в целях реализации преступных намерений по подрыву конституционного строя России и служащие интересам недружественных иностранных государств, смогут отказаться от осуществления полномочий наблюдателя за несколько дней до голосования, и при этом отказаться предоставить документы подтверждающие уважительность такого отказа, что исключит возможность осуществления наблюдения от имени соответствующего избирательного объединения и кандидата, и нарушит его пассивное избирательное право.

Очевидно, что формулировка, содержащаяся в Разъяснениях порядка работы со списками наблюдателей, в которой однозначно не указано на то, что какие-либо еще документы, помимо указанных в ней, не могут истребоваться у субъектов назначения наблюдателей в случае замены последних по уважительным причинам, нуждается в изменениях, которые не будут создавать неоднозначность толкования, и исключать возможные нарушения избирательных прав. В связи с этим считаем целесообразным внести соответствующие изменения в Разъяснения порядка работы со списками наблюдателей.

Приставейный библиографический список

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // ИПС Консультант-плюс.
2. Нарутто С. В. Наблюдатель на выборах: правовое положение, порядок участия // СПС КонсультантПлюс. 2023.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.04.2013 № 8-П «По делу о проверке конституционности статей 3, 4, пункта 1 части первой статьи 134, статьи 220, части первой статьи 259, части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, подпункта «з» пункта 9 статьи 30, пункта 10 статьи 75, пунктов 2 и 3 статьи 77 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», частей 4 и 5 статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А. В. Андропова, О. О. Андроновой, О. Б. Белова и других, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и регионального отделения политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в Воронежской области» // «Российская газета», № 94, 30.04.2013.
4. Постановление ЦИК России от 29.06.2022 № 88/738-8 (ред. от 28.06.2023) «О разъяснении порядка работы со списками наблюдателей при проведении дополнительных выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва по одномандатным избирательным округам, иных выборов и референдумов» // «Вестник ЦИК России», № 6, 2022.
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «О персональных данных» // «Российская газета», № 165, 29.07.2006.

РАБАДАНОВА Саида Спартаковна

магистрант 3 года заочной формы обучения Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

МАГОМЕДОВА Патимат Расуловна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ С ДРУГИМИ ОРГАНАМИ В ХОДЕ ПАРЛАМЕНТСКОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Данная научная статья исследует проблемы, связанные со взаимодействием Федерального Собрания Российской Федерации с другими органами в контексте парламентского расследования. Авторы анализируют механизмы взаимодействия между Федеральным Собранием и другими ключевыми органами государственной власти в России во время проведения парламентских расследований. Статья оценивает препятствия, возникающие в ходе такого взаимодействия, и предлагает рекомендации для улучшения эффективности парламентского расследования, с учетом участия различных органов в процессе их проведения. Анализируются законодательные и практические аспекты взаимодействия Федерального Собрания с другими органами в рамках парламентского расследования для выработки рекомендаций по совершенствованию этого процесса в Российской Федерации.

Ключевые слова: взаимодействие, Федеральное Собрание, парламентское расследование, органы власти, парламент, власть.

RABADANOVA Saida Spartakovna

magister student 3 year of study of the correspondence course of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

MAGOMEDOVA Patimat Rasulovna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and international law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

PROBLEMS OF INTERACTION OF THE FEDERAL ASSEMBLY WITH OTHER BODIES DURING THE PARLIAMENTARY INVESTIGATION

This scientific article explores the problems associated with the interaction of the Federal Assembly of the Russian Federation with other bodies in the context of a parliamentary investigation. The authors analyze the mechanisms of interaction between the Federal Assembly and other key public authorities in Russia during parliamentary investigations. The article evaluates the obstacles that arise during such interaction and offers recommendations for improving the effectiveness of parliamentary investigations, taking into account the participation of various bodies in the process of their conduct. The legislative and practical aspects of the interaction of the Federal Assembly with other bodies within the framework of the parliamentary investigation are analyzed in order to develop recommendations for improving this process in the Russian Federation.

Keywords: interaction, Federal Assembly, parliamentary investigation, authorities, parliament, government.

Парламентские расследования в России представляют собой важный инструмент, используемый Федеральным Собранием для выявления и анализа различных проблем, возникающих в различных сферах общественной жизни. Однако, несмотря на их значимость, эти расследования зачастую сталкиваются с рядом серьезных проблем во взаимодействии между Федеральным Собранием и другими органами.

Одной из основных проблем является отсутствие эффективного механизма сотрудничества и координации между Федеральным Собранием, правительством и другими органами в процессе парламентского расследования. Это может приводить к затягиванию расследований, потере актуальности собираемой информации, а иногда и к срыву процесса в целом.

В настоящем контексте структура власти в России не следует традиционной модели Монтеスキе. Федеративное устройство РФ придает основополагающую роль институту президента, отражая федеративные особенности государственности. Возможно, при формировании сильных парламентских партий и конкурентных взаимоотношений между ними отношения между Правительством и Государственной Думой могут стать напряженными. В этом контексте разграничение власти между Президентом, Советом Федерации и Конституционным Судом обеспечит стабильность в работе властных структур. Необходимо усовершенствовать конституционные отношения Президента с Советом Федерации и Конституционным Судом, чтобы они соответствовали существующей структуре власти и акцентировали роль Президента РФ. Следует адаптировать и приспособить иностранный опыт парламентаризма к отечественной системе разделения властей, подчеркивая роль Президента в государственной структуре. Реформы должны соответствовать требованиям современности и укрепить государственность России, открыв

новые перспективы развития. Также необходимо улучшить систему взаимодействия между Правительством и Государственной Думой, увеличить ответственность законодательной власти за политическое и экономическое развитие страны. Важно активизировать контроль Государственной Думы за деятельностью правительства, улучшить законодательную базу для этого. Нынешняя Конституция РФ не содержит положений, регламентирующих парламентский контроль, что затрудняет последующее законодательное определение контрольных функций депутатов. Федеральный закон о парламентском расследовании частично решает эту проблему, но предоставляет возможность палате Федерального Собрания создать должность специального следователя для расследования попыток государственных деятелей нарушить конституционный порядок [1, с. 28].

Это взаимодействие основано на беспрепятственном обмене информацией, свидетельскими показаниями и экспертными знаниями. Комитеты и члены Федерального собрания взаимодействуют с различными государственными органами и ведомствами исполнительной власти, заставляя их предоставлять необходимые документы, отчеты и свидетельские показания, которые имеют решающее значение для расследования. Это совместное мероприятие направлено на тщательный анализ действий, политики и решений правительства, тем самым способствуя прозрачности и укрепляя принципы демократической подотчетности [2, с. 13].

От 13-й до 24-й статьи Федерального закона о парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации включают в себя положения о правах и обязанностях участников этого процесса. К примеру, в ходе расследования комиссия имеет право запросить и получить информацию и копии документов, связанных с объектом расследования, от различных государственных и муниципальных органов. Ко-

миссия также имеет возможность приглашать должностных лиц и граждан для предоставления пояснений. Эти права соответствуют обязанности должностных лиц предоставить копии требуемых документов и информации, а также явиться на заседание комиссии и дать подробные пояснения по фактам и обстоятельствам, находящимся на рассмотрении. Более того, взаимодействием Федерального Собрания с правоохранительными органами и службами безопасности имеет особое значение, особенно когда расследования затрагивают такие деликатные вопросы, как национальная безопасность или правоприменительная практика. Сотрудничество с этими структурами обеспечивает сбалансированный подход, позволяя Ассамблее получать доступ к соответствующей информации при соблюдении императива защиты засекреченных или конфиденциальных данных.

Участие судебной власти и правовых институтов еще больше обогащает процесс расследования. Эти структуры помогают толковать законы, разрешать юридические споры, которые могут возникнуть в ходе расследований, и обеспечивать соответствие парламентских расследований правовой базе и конституционным принципам [3, с. 26].

За игнорирование запросов парламентской комиссии или отказ в предоставлении запрошенных документов, предоставление неполной или ложной информации, а также за уклонение от ответов на вопросы комиссии, либо явку на заседание без уважительных причин должностные лица могут нести административную или уголовную ответственность согласно законодательству Российской Федерации. Такая ответственность установлена в статье 17.1 Кодекса об административных правонарушениях («Невыполнение законных требований члена Совета Федерации или депутата Государственной Думы») и статье 287 Уголовного кодекса Российской Федерации («Отказ в предоставлении информации Федеральному Собранию Российской Федерации или Счетной палате Российской Федерации»).

Временные рамки для завершения парламентского расследования ограничиваются одним годом с момента создания комиссии. Его результатом является подготовленный итоговый доклад, содержащий анализ 106 фактов и обстоятельств, подвергнутых расследованию. Этот доклад может включать предложения по правовым актам, улучшению органов власти или освобождению должностных лиц. Он передается обеим палатам Федерального Собрания, и будет принят, если за него проголосует большинство членов Совета Федерации и Государственной Думы. После утверждения доклад отправляется президенту и Правительству Российской Федерации, а также может быть передан в другие государственные органы и органы местного самоуправления. Доклад публикуется в соответствии с законом и размещается в сети интернет. После этого парламентское расследование считается завершенным, и комиссия распускается [4, с. 229].

Ю. Г. Федотова подчеркивает необходимость закрепления в законодательстве правил, гарантирующих прозрачность проведения расследования. Она предлагает расширить права участников, позволяя им подавать ходатайства не только во время опросов, но и на протяжении всего процесса. Также предложено предоставить членам комиссии право давать поручения государственным органам о сборе информации и предусмотреть возможность возобновления расследования после его прекращения. Парламентское расследование является ответом законодательной власти на события, вызвавшие общественный интерес, и способствует снижению напряженности в обществе, устанавливая диалог между ним и государством. Однако правовое регулирование этой контрольной функции законодательного органа требует усовершенствования. Например, на федеральном уровне отсутствуют нормы, устанавливающие основные принципы парламентских расследований в законодательных органах субъектов Российской Федерации.

Федеральное собрание также активно запрашивает информацию у организаций гражданского общества и экспертных групп. Эти взаимодействия не только расширяют диапазон точек зрения, но и привносят в расследования специальные знания и различные точки зрения. Беспечный опыт, предоставляемый этими организациями, повышает глубину и достоверность результатов расследований. Вызывая свидетелей, запрашивая информацию, организуя слушания и консультации, Федеральное собрание тщательно организует совместные усилия, выходящие за рамки простых следственных процедур. Это означает приверженность надежному надзору, демократическим ценностям и поддержанию системы сдер-

жек и противовесов внутри правительства. Однако такая среда сотрудничества не лишена проблем. Юридические ограничения, соображения конфиденциальности и иногда сопротивление определенных организаций предоставлению информации могут усложнить процесс расследования. Решение этих проблем требует тонкого баланса между необходимостью прозрачности и границами секретной информации или юридической конфиденциальности [5, с. 42].

Полномочия Федерального собрания по контролю за главой государства и исполнительной властью ограничены. Возможность контроля за Правительством РФ со стороны Государственной думы блокируется (ч. 3 и 4 ст. 117 Конституции РФ угрожают ее роспуском Президентом РФ). Процедура отмены главы государства (ст. 93 Конституции РФ) затруднительна, как это было при правлении Б. Н. Ельцина. Нет закона, разрешающего контроль Федерального собрания за деятельностью Президента РФ. Некоторые законы даже запрещают проверку Президента, например, ч. 2 ст. 4 Федерального закона от 27.12.2005 № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального собрания Российской Федерации».

Однако, не ясно, как Государственная дума может выявить признаки преступления в действиях Президента, таких как государственная измена, без расследования. Возможно, следует оспорить этот федеральный закон в Конституционном суде РФ, чтобы убедиться в его соответствии конституции. В противном случае возможность отстранения Президента РФ от должности станет лишь формальностью [6, с. 89].

Для решения данных проблем необходимо разработать более четкие процедуры и механизмы взаимодействия между Федеральным Собранием и другими органами в ходе парламентских расследований. Важно установить прозрачные правила доступа к информации и документам, а также обеспечить независимость и объективность расследований, исключив их использование в политических целях. В конечном итоге, эффективные парламентские расследования требуют четких правил, сотрудничества между органами власти и общественной поддержки для обеспечения объективности, прозрачности и результативности этого важного инструмента выявления проблем и улучшения общественной жизни в России.

Пристатейный библиографический список

1. Амирагян С. С. Парламентское расследование по законодательству субъектов Российской Федерации // Студенческий форум. – 2023. – № 6 (229). – С. 28-31.
2. Агузаров Т. Т. Парламентское расследование как форма парламентского контроля -Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет). Том Выпуск 2. – Владикавказ: Терек, 2018. – С. 13-18.
3. Абаева З. Р. Парламентское расследование как форма парламентского контроля в субъектах Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 3. – С. 26-31
4. Володина Е. Н. Актуальные вопросы осуществления парламентского контроля в России // Высокие технологии, наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей VIII Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 27 октября 2020 года. – Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2020. – С. 229-232.
5. Лобков А. В. Соотношение индивидуальных и коллегияльных начал парламентского контроля (на примере парламентских расследований в субъектах Российской Федерации) // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 6. – С. 42-46.
6. Негамутзянова А. С. Парламентское расследование в механизме обеспечения прав и свобод граждан: теоретические аспекты // Современные проблемы правотворчества и правоприменения: Материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции в рамках Байкальского студенческого юридического форума-2020, Иркутск, 26 марта 2020 года / Отв. редакторы Э. И. Девицкий, С. И. Сулова. Том 1. – Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020. – С. 89-94.

ФАРИКОВА Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье проанализирована правовая природа обеспечения информационных прав. Проанализированы основные проблемы законодательства в области обеспечения информационных прав граждан. В результате проведенного исследования обоснованы выводы о том, что система информационных прав граждан имеет огромное значение для реализации правового статуса современного человека и должна быть обеспечена действенным и законным механизмом реализации и гарантий.

Ключевые слова: информационные права, проблемы обеспечения информационных прав, права граждан, государственная политика, развитие информационного общества.

FARIKOVA Ekaterina Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the North-Caucasian branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar

PROBLEMS OF ENSURING CITIZENS' INFORMATION RIGHTS IN MODERN RUSSIA

The article analyzes the legal nature of ensuring information rights. The main problems of legislation in the field of ensuring the information rights of citizens are analyzed. As a result of the study, the conclusions are substantiated that the system of information rights of citizens is of great importance for the implementation of the legal status of a modern person and must be provided with an effective and legal mechanism for implementation and guarantees.

Keywords: information rights, problems of ensuring information rights, citizens' rights, public policy, development of the information society.

В процессе активного и повсеместного внедрения информационных технологий в жизнь общества возникло множество вопросов и проблем, связанных с обеспечением информационных прав граждан.

В первую очередь необходимо отметить, что информационные права человека составляют основу современной коммуникации государства и населения. Несмотря на определенные успехи в развитии информационного общества, среди лидирующих стран мира Российская Федерация заметно отстает по развитию информационных технологий. Автоматизация процессов коммуникации органов публичной власти и граждан проходит далеко не во всех регионах, а только в наиболее развитых крупных городах, имеющих стабильное покрытие систем связи для использования телекоммуникационной сети. Такое положение усугубляется реализацией в отношении нашей страны мер санкционного давления со стороны ряда зарубежных государств. Разрыв международных экономических связей и некоторая изоляция России от мирового сообщества неизбежно сказывается на темпе развития информационных технологий.

Также следует обратить внимание на то обстоятельство, что современные ученые обоснованно указывают на необходимость в свободном получении информации каждым человеком, что является обычной процедурой для любого демократического государства [5, с. 347]. Свободный доступ к любой информации рассматривается как основа демократического правового режима, поскольку для современного человека право на неограниченный поиск информации и обмен соответствующими сведениями составляет основу его правового статуса в информационном обществе. В то же время свободный доступ к информации конкурирует и вступает в противоречие с интересами государства и общества.

В науке высказываются опасения относительно того, что на геополитическом уровне права человека являются своеобразной мерой «демократичности» и благополучия того или иного общества, превратившись в подобие обязательной для всех государств идеологии [3, с. 76]. Поэтому обосновывается острая необходимость обеспечения информационного суве-

Фарикова Е. А.

ренитета Российской Федерации. На примере законодательской и правоприменительной деятельности мы видим, что поддержание информационного суверенитета стало одним из основных направлений современной государственной политики в России.

Например, в декабре 2022 г. была расширена ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений. Теперь состав административного правонарушения, закрепленный в ст. 6.21 КоАП РФ, включает не только пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, но и любую пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений или предпочтений, смены пола, ориентированную в том числе на взрослое население. Санкция статьи теперь предусматривает существенно более суровое административное наказание за совершение правонарушения.

В марте 2022 г. КоАП РФ также был дополнен ст. 20.3.3, устанавливающей ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации, а УК РФ – ст. 280.3, которая предусматривает уже уголовную ответственность за совершение такого деяния при наличии криминообразующих признаков. Указанные составы правонарушений связаны с информационным воздействием, а публичность таких действий обусловлена использованием сети Интернет.

Какой вывод следует из указанных законодательных новелл в контексте рассматриваемой нами проблематики? С одной стороны, актуальная государственная политика направлена на обеспечение информационного суверенитета страны. С другой стороны, мерами публично-правовой ответственности все больше ограничиваются информационные права граждан, расширяется спектр информации, которая находится под запретом.

Кроме того, в последние годы обнаруживаются пороки правового регулирования некоторых видов информации, доступ граждан к которой ограничен. Достаточно много вопросов вызывает сохраняющийся в российском праве институт служебной тайны. Служебная тайна как специфический вид

сведений, связанных с обеспечением государственной безопасности, активно охранялась в эпоху СССР. Тоталитарный характер советского государства предполагал жесткий контроль отношений в области доступа к информации. В научной литературе отмечается, что выбор формы и степени секретности каких-либо сведений определялся руководством государственного органа на основе личных воззрений его руководителя и текущей государственной политики [1, с. 10].

В современной России законодатель отказался от института служебной тайны, хотя и не полностью. До 2008 г. в ст. 139 ГК РФ содержались общие нормы о правовом режиме служебной и коммерческой тайны. Действующая редакция ГК РФ о служебной тайне не упоминает вовсе. Между тем, на уровне подзаконных нормативно-правовых актов понятие служебной тайны сохраняется. Например, в п. 3 Указа Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» дана легальная дефиниция служебной тайны, которая определена как служебные сведения, доступ к которым ограничен органами государственной власти в соответствии с ГК РФ и федеральными законами. Тем не менее, в ГК РФ служебная тайна не упоминается, специального федерального закона, который определял бы содержание и правовой режим использования сведений, составляющих служебную тайну, также не принят. Последняя попытка принятия закона о служебной тайне была предпринята в 2004 г.¹, но в 2011 г. законопроект был отклонен.

Вторым подзаконным нормативно-правовым актом, устанавливающим ограничение режима использования служебной тайны, является Постановление Правительства РФ от 3 ноября 1994 г. № 1233. В п. 1.2. указанного Постановления раскрыто содержание так называемой «служебной информации ограниченного распространения», к которой относится несекретная информация, касающаяся деятельности организаций, ограничения на распространение которой диктуются служебной необходимостью, а также поступившая в организации несекретная информация, доступ к которой ограничен в соответствии с федеральными законами.

Таким образом, в настоящее время только на уровне подзаконного нормативного регулирования установлены ограничения правового режима использования служебной тайны. Вместе с тем это противоречит требованиям ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», согласно которому ограничение доступа к информации устанавливается только федеральными законами. В обозначенном ключе подзаконное нормативно-правовое регулирование режима использования служебной тайны является существенным препятствием для реализации гражданами права на доступ к информации. Нормами подзаконных актов декларативно устанавливается институт служебной тайны, но ее содержание не раскрывается, в связи с чем остается неясным, какие действия являются нарушением режима использования служебной тайны, к каким сведениям ограничен доступ граждан.

В настоящее время существует один федеральный закон, который не только использует понятие «служебная тайна», но и раскрывает ее общее содержание. Речь идет о Федеральном законе от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», который в 2021 г. был дополнен ст. 3.1, установившей перечень сведений, составляющих служебную тайну. Согласно ч. 2 ст. 3.1 Закона об обороне, перечень сведений, отнесенных к служебной тайне в области обороны, содержит не отнесенные в установленном порядке к государственной тайне и не являющиеся общедоступными сведения. Однако конкретное содержание служебной тайны как родового понятия, охватывающего сведения ограниченного доступа, в законе не раскрыто. Поэтому новеллы 2021 г. не внесли ясность в понимание природы и конкретного содержания служебной тайны, в том числе относительно других, не связанных с обороной, отношений.

Анализируя институт служебной тайны и его правовое регулирование в современной системе российского права, мы приходим к выводу о том, что существование данного

института в том виде, в котором он представлен сейчас (подзаконный характер нормативно-правового регулирования, размытые и абстрактные формулировки, определяющие содержание служебной тайны), не вписывается в современную демократическую концепцию информационных прав граждан, в первую очередь, права на доступ к информации. Поэтому в целом считаем нецелесообразным существование в российском праве института служебной тайны, ведь режим использования информации ограниченного доступа вполне может быть обеспечен институтом государственной тайны, которая имеет четкое законодательное регулирование и конкретное содержание.

В процессе исследования нами выявлены следующие актуальные проблемы обеспечения информационных прав граждан на современном этапе.

Во-первых, Россия все еще отстает от некоторых зарубежных стран по уровню развития информационных технологий. Автоматизация процессов коммуникации органов публичной власти и граждан проходит далеко не во всех регионах, а только в наиболее развитых крупных городах, имеющих стабильное покрытие систем связи для использования телекоммуникационной сети.

Во-вторых, в настоящее время в России посредством мер публично-правовой ответственности (административной, уголовной) все больше ограничиваются информационные права граждан, расширяется спектр информации, которая находится под запретом.

В-третьих, в последние годы обнаруживаются пороки правового регулирования некоторых видов информации, доступ граждан к которой ограничен. В частности, ограничения правового режима использования служебной тайны установлены на уровне подзаконного нормативного регулирования, что противоречит требованиям ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также выступает существенным препятствием для реализации гражданами права на доступ к информации.

Резюмируя изложенное, отметим, что система информационных прав граждан, которая имеет огромное значение для реализации правового статуса современного человека, должна быть обеспечена действенным и законным механизмом реализации и гарантий. Проблемы правового регулирования и практического соблюдения информационных прав в современной России свидетельствуют о необходимости дальнейшей теоретической разработки данной тематики в целях внесения изменений в действующее законодательство, совершенствования практических мер и гарантий реализации информационных прав.

Пристатейный библиографический список

1. Кармановский Н. С., Савченко-Новопавловская С. Л. Организационно-правовые основы охраны служебной тайны на предприятии: учебное пособие. - СПб., 2018.
2. Краснонос Е. Ю., Григоренко Н. Ю. Общая характеристика информационных прав человека и гражданина как четвертого поколения прав человека // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы VI Международной научной конференции / под общ. ред. С. В. Беспаловой. - Донецк, 2021.
3. Кузьменкова Т. Н. Концептуальные аспекты прав человека и информационный суверенитет государства // Право.by. - 2021. - № 6 (74).
4. Международное право: учебник / Отв. ред. Р. М. Валеев, Г. И. Курдюков. - М., 2017.
5. Смольяков А. А. К вопросу о защите прав и свобод человека и гражданина в контексте информационной безопасности личности // Закон. Право. Государство. - 2022. - № 2 (34).
6. Чепенко Я. К. Новые поколения прав человека // Закон. Право. Государство. - 2022. - № 4 (36).

1 Проект федерального закона № 124871-4 «О служебной тайне» // Система обеспечения законодательной деятельности. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/124871-4> (дата обращения: 09.11.2023).

КЕРАМОВА Саида Назировна

старший преподаватель кафедры административного, финансового и таможенного права Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ЯРАХМЕДОВ Шамиль Русланович

магистрант кафедры административного, финансового и таможенного права Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье перечисляются основания привлечения иностранных граждан к административной ответственности в России. Анализируется административное законодательство, регламентирующее отношения, связанные с установлением административной ответственности иностранных граждан. Обращается внимание на проблемы, касающиеся пребывания иностранных граждан на российской территории. Отмечаются основные различия таких мер административного наказания, как выдворение, депортация и реадмиссия указанных категорий лиц. Предлагаются пути совершенствования действующего административного законодательства.

Ключевые слова: иностранные граждане, административная ответственность, выдворение, депортация, реадмиссия, права и обязанности.

KERAMOVA Saida Nazirovna

senior lecturer of Administrative and financial law sub-faculty of the Dagestan State University, Makhachkala

YARAKHMEDOV Shamil Ruslanovich

magister student of the Department of Civil Law, Dagestan State University, Makhachkala

PECULIARITIES OF BRINGING FOREIGN CITIZENS TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article lists the grounds for bringing foreign citizens to administrative responsibility in Russia. The administrative legislation regulating relations related to the establishment of administrative responsibility of foreign citizens is analyzed. They talk about the problems associated with the stay of foreign citizens on the territory of the Russian Federation. The main differences between such administrative penalties as expulsion, deportation and readmission of these categories of persons are listed. Ways to improve the current administrative legislation are proposed.

Keywords: foreign citizens, administrative responsibility, expulsion, deportation, readmission, rights and obligations.

Керамова С. Н.

Ярахмедов Ш. Р.

В ходе развития международных отношений на российскую территорию прибывают иностранные граждане в поисках работы и зачастую совершают административные правонарушения. Поэтому особую актуальность приобретает вопрос о росте правонарушений, совершаемых иностранцами и с их участием.

Прежде всего, надо сказать, что кроме общих обязанностей, которые характерны для всех граждан РФ, иностранные граждане имеют специальные обязанности. При нарушении норм права, установленных государством, иностранные граждане подвергаются административной, уголовной, гражданско-правовой и материальной ответственности. В соответствии со ст. 2.6 КоАП РФ иностранные граждане и лица без гражданства, совершившие на территории Российской Федерации административные правонарушения, подлежат административной ответственности на общих основаниях. Главной целью привлечения к административной ответственности является, в первую очередь, соблюдение национальной безопасности РФ.

Обязанности по несению материальных, организационных, человеческих и прочих расходов несет государство, кроме вопроса об административной ответственности иностранных граждан, которые пользуются иммунитетом от юрисдикции Российской Федерации. К данным лицам, имеющим иммунитет, относятся главы и члены иностранных дипломатических представительств, консульские представители, члены их семей, полномочные представители международных организаций. Следует акцентировать внимание при установлении субъектов данных правонарушений на том, что граждан РФ, имеющих, в том числе, иностранное гражданство, нельзя считать иностранными гражданами.

Несмотря на то, что иностранцы, как и граждане России, могут быть привлечены к административной ответственности на общих основаниях, все же для иностранных граждан существует

ряд особенностей, которые закреплены в ч. 3 статьи 2.6 КоАП РФ. Административное правонарушение иностранного гражданина разрешается в соответствии с международным правом.

На иностранных граждан распространяется большинство норм Особенной части КоАП, что обуславливается рядом ограничений правового статуса иностранных граждан, закрепленных в Федеральном законе «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»¹. Они относятся, в частности, к запрету пребывания иностранных граждан на государственной службе и др. [5, с. 163].

Основные виды административных правонарушений в области обеспечения режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории РФ, за совершение которых предусмотрено назначение административного наказания, содержатся в главе 18 КоАП РФ.

Особенностями привлечения иностранных граждан к административной ответственности является то, что в качестве административно-правовых мер за совершение административных правонарушений к ним применяются следующие административные наказания: административное выдворение за пределы России, депортацию, административный штраф, административный арест, предупреждение, административное приостановление деятельности [2, с. 82].

К наиболее распространенной в отношении иностранных граждан можно отнести наложение штрафа, административное выдворение за пределы Российской Федерации, административное приостановление деятельности. Последнюю санкцию

1 О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ: в ред. от 10 июля 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

необходимо рассматривать как альтернативу основному наказанию.

Административный штраф, по мнению ученых, можно считать допустимой формой вмешательства в права человека и гражданина вследствие того, что он реализуется только государством согласно федеральному законодательству и в целях государственной безопасности, территориальной целостности, общественного спокойствия, предотвращения противоправных нарушений и т.д. [4, с. 206].

В соответствии с главой 18 КоАП РФ за первичное привлечение к административной ответственности органы полиции назначают наказание в виде штрафа в размере от двух до пяти тысяч рублей. В случае повторного совершения таких правонарушений суд может назначить наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации [3, с. 107].

Такая санкция, как административное выдворение за пределы России, является характерной чертой административной ответственности иностранных граждан. Административное выдворение – это перемещение лица в принудительном порядке через государственную границу в страну своего гражданства.

Особенностью применения такой санкции, как административное выдворение из России следует также считать и то, что при ее назначении и реализации деньги взимаются с лица, которое выдворяется, или с лиц, указанных в части 6 статьи 3.10 КоАП РФ.

Как полагает А. Н. Шабурова, с которой следует согласиться, административное выдворение за пределы России способствует предупреждению совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами². На практике эту санкцию применяют достаточно редко.

Административное выдворение, кроме высылки иностранного гражданина за пределы российской территории, накладывает запрет на посещение РФ от трех до пяти лет. Так, согласно пп. 4 ст. 26 ФЗ от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»³ при неоднократном в течение трех лет привлечении конкретного лица к административной ответственности за совершение административного правонарушения на российской территории возможен отказ во въезде в РФ. Существенное значение при этом имеют обстоятельства содеянного правонарушения (степень причиненного ущерба, вина правонарушителя и пр.) [2, с. 184].

Однако существуют особенности, продлевающие санкции для иностранца более чем на 5 лет. А если ему выносится решение о выдворении за пределы РФ во второй раз, то въезд на территорию нашей страны для него закрывается уже на 10 лет, с аннулированием всех разрешительных документов.

Среди особенностей привлечения иностранных граждан к административной ответственности можно назвать и то, что в процессе производства по делу об административном выдворении иностранного гражданина устанавливается, согласно статье 24.2 КоАП РФ, государственный язык судопроизводства – обычно русский язык. Однако лицо, которое не знает русского языка, вправе давать объяснения, заявлять отводы и ходатайства на родном языке или привлекая переводчика [1, с. 400]. Переводчиком может быть любое не заинтересованное в исходе дела совершеннолетнее лицо, которое владеет языками или навыками судоперевода (ст. 25.10 КоАП).

За нарушение сроков пребывания и проживания в РФ иностранные граждане подлежат депортации, то есть принудительной высылке. Депортация – это принудительный выезд иностранца из России в другое государство. Она применяется тогда, когда иностранный гражданин утрачивает свое законное право на проживание в РФ. Для депортации иностранца достаточно отсутствия у него легальных оснований для проживания в РФ, то есть он незаконно находится на российской территории [7, с. 247].

Существует также реадмиссия, цель которой, как отмечают ученые, возвращение депортированного гражданина из места пребывания туда, откуда он прибыл, если его пребывание или проживание были незаконны. Ряд ученых отмечают отличия

реадмиссии от иных видов высылки иностранных граждан, подчеркивая, что это – двусторонний процесс, выступающий в качестве определенного вида государственного соглашения

Таким образом, административная ответственность иностранных граждан в Российской Федерации возникает с момента въезда на российскую территорию; к ним применяются депортацию, выдворение за пределы нашей страны и реадмиссию; некоторые категории иностранных граждан с дипломатическим иммунитетом не могут привлекаться к административной ответственности; иностранные граждане подлежат.

В заключение можно сделать следующие выводы.

Кроме общих обязанностей, которые характерны для всех граждан РФ, иностранные граждане имеют специальные обязанности.

При нарушении норм права, установленных государством, иностранные граждане подвергаются административной, уголовной, гражданско-правовой и материальной ответственности.

Основной целью административной ответственности иностранных граждан следует считать соблюдение национальной безопасности России.

Обязанности по несению материальных, организационных, человеческих и прочих расходов несет государство, гражданином которого является нарушитель.

Как представляется, следует согласиться с В. А. Сокол в том, что целесообразным решением данной проблемы станет расширение объекта охраны общественных отношений, относящихся к главе 18 КоАП РФ. Вследствие этого нужно создать отдельную главу, содержащую все необходимые составы административных правонарушений, совершаемых иностранными гражданами [6, с. 233].

Особенностями административного выдворения иностранных граждан с российской территории, как нам кажется, являются следующие: в качестве его субъектов выступают лишь иностранные граждане или лица без гражданства; выдворение применяется при наличии правомерных и неправомерных оснований (нарушение миграционного режима, обеспечение государственной безопасности и т.д.); оно предполагает контроль над выездом и реализуется из средств выдворяемого лица; принятие и осуществление постановления об административном выдворении происходят в одностороннем порядке.

Пристатейный библиографический список

1. Аккузин Ю. А., Люев Т. Х., Василенко Н. С., Терновская А. В. Особенности административной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12. – № 1А. – С. 398-406.
2. Онищенко К. Ф. Особенности привлечения к административной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства // Вопросы устойчивого развития общества. – 2021. – № 1. – С. 182-187.
3. Садовская О. В., Махмудова С. Ш. Основания привлечения иностранных граждан к административной ответственности // Вопросы устойчивого развития общества. – 2022. – № 10. – С. 105-111.
4. Сазонова О. А., Филиппова Н. В., Потанина И. В., Баркалов Р. В. О мерах административной ответственности за нарушение правил привлечения иностранных граждан к трудовой деятельности в РФ // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13. – № 3А. – С. 204-210.
5. Снитко О. Г. Иностранцы граждане и лица без гражданства как специальные субъекты административной ответственности // NovaUm.Ru. – 2021. – № 31. – С. 162-166.
6. Сокол В. А. К вопросу об административной ответственности иностранных граждан // Ермен. Global. – 2022. – № 25. – С. 229-234.
7. Терентьева А. А. Административное выдворение иностранных граждан за пределы РФ и депортация: понятие, отличия, проблемы применения, заключение в специальные учреждения иностранных граждан // Теория права и межгосударственных отношений. – 2021. – Т. 2. – № 8 (20). – С. 245-253.

2 Шабурова А. Н. Особенности привлечения иностранных граждан к административной ответственности на территории Российской Федерации // Молодой ученый. – 2021. – № 12 (354). – С. 170-173. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/354/79320/> (дата обращения: 21.09.2023).

3 О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: федер. закон от 15 авг. 1996 г. №114-ФЗ: в ред. от 4 авг. 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

МАРАХОВСКАЯ Кристина Геннадьевна

студент 4 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической Школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СТЕПАНОВА Светлана Игоревна

студент 4 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической Школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СЛОЖНОСТИ АДАПТАЦИИ: ДЕТИ-МИГРАНТЫ И ШКОЛЬНАЯ СРЕДА

Дети трудовых мигрантов являются наиболее уязвимыми субъектами миграционного процесса, поскольку вынуждены жить в новых социальных и культурных условиях и адаптироваться к ним, в связи с чем, зачастую в процессе обучения сталкиваются с определенными трудностями, такими как языковой барьер, культурные различия, трудности социальной адаптации и другие. Особое внимание уделяется анализу влияния этих проблем на психологическое благополучие детей-мигрантов и их успехи в области образования. В статье рассматриваются возможные пути решения этих проблем, а также предлагаются практические рекомендации по преодолению этих трудностей и созданию более благоприятной среды для успешной адаптации детей-мигрантов в школьной среде.

Ключевые слова: образование, дети, мигранты, проблема, школа, обучение, адаптация.

MARAKHOVSKAYA Kristina Gennadjevna

bachelor student of the 4th course of the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

STEPANOVA Svetlana Igorevna

bachelor student of the 4th course of the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DIFFICULTIES OF ADAPTATION: MIGRANT CHILDREN AND THE SCHOOL ENVIRONMENT

Children of migrant workers are the most vulnerable subjects of the migration process, since they are forced to live in new social and cultural conditions and adapt to them, and therefore often face certain difficulties in the learning process, such as the language barrier, cultural differences, difficulties of social adaptation and others. Special attention is paid to the analysis of the impact of these problems on the psychological well-being of migrant children and their educational achievements. The article discusses possible ways to solve these problems, as well as offers practical recommendations for overcoming these difficulties and creating a more favorable environment for the successful adaptation of migrant children in the school environment.

Keywords: education, children, migrants, problem, school, education, adaptation.

Образование играет решающую роль в оказании поддержки мигрантам из третьих стран в адаптации к новой стране и культуре, а также в построении социальных отношений в принимающих сообществах. Образование является основным ресурсом для участия в экономической, социальной, политической и культурной жизни в современном обществе.

Опыт неоднократно доказывает, что различия в профессиональном статусе и шансах на рынке труда и связанных с этим доходами, уровне жизни в области социального обеспечения и общественной репутации, а также различия в политическом, социальном и культурном участии связаны с различиями в уровне образования.

Именно поэтому для детей трудовых мигрантов в России – это серьезная проблема, требующая внимания и решений со стороны государства и общества.

В настоящее время регулирование миграционных потоков является неотъемлемой частью государственной миграционной политики. Трудовые мигранты приезжают в Россию в поисках работы и привозят с собой своих детей, в том числе дошкольного возраста. В будущем многие из них могут получить российское гражданство и найти работу в России, однако на данный момент на практике у детей возникает немало трудностей при получении образования.

Одной из главных проблем является языковой барьер. Дети трудовых мигрантов часто не говорят по-русски, что затрудняет им обучение в местных школах, а также является поводом к сегрегации.

Согласно данным сайта ЕМИСС основная группа трудовых мигрантов, прибывающих в Россию, состоит из граждан Таджикистана, Узбекистана, Киргизии и ряда других¹. Однако языки этих стран существенно отличаются от русского языка как по фонетическим, так и по грамматическим правилам.

Начало к решению данной задачи уже положено, Министерство просвещения допустило включать в учебный план различные курсы и программы дополнительного образования на основе результатов проведенной учебным учреждением диагностики на определение уровня владения обучающимися русским языком². Однако контроль будет возложен на саму школу, соответственно, как они решат воспользоваться таким полномочием пока не представляется возможным сказать.

1 ЕМИСС. Въезд иностранных граждан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/38479> (дата обращения: 08.11.2023).

2 Приказ Министерства просвещения РФ от 3 августа 2023 г. N 581 "О внесении изменения в пункт 13 Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам - образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования, утвержденного приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 22 марта 2021 г. N 115". [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407494236/> (дата обращения: 08.11.2023).

Вторая проблема – дискриминация. В связи с большим количеством детей мигрантов в стране, в школах создаются целые классы с их представителями. Так в 2022 году в Волгограде администрация школы решила объединить учеников с плохим знанием русского языка. Помимо того, что это вело к изолированности детей от других учащихся, неподготовленность российских школ и учителей к таким проблемам также привела к тому, что классный руководитель начального класса не выдержала нагрузки и отказалась от него³.

Статья 43 Конституции РФ гарантирует право каждого на образование⁴, однако на практике зачастую можно встретить случаи отказа Администраций школ в зачислении в учебные классы детей мигрантов, ссылаясь на переполнение учреждения, чтобы не портить уровень успеваемости⁵.

Третьей проблемой является доступ к образованию. В России довольно продолжительное время существуют т. н. «мигрантские школы». Родители стараются отправлять детей именно в те школы, в которых уже учатся их знакомые, поскольку не все учебные учреждения готовы принимать таких детей. Поэтому дети мигрантов обычно попадают в школы, уже имеющие низкие показатели по успеваемости среди учеников.

При этом местные жители настороженно относятся к таким учреждениям, поскольку считают, что они негативно влияют не только на уровень образования их детей, но и на ситуацию в районе в целом, делая ее опасной [1, с. 153].

Также препятствиями являются: недостаток материальных возможностей родителей, отсутствие необходимых документов (регистрация по месту пребывания или по месту жительства, медицинская страховка) [2, с. 248].

Четвертая проблема связана с социально-психологической адаптацией детей трудовых мигрантов. Они наиболее уязвимые субъекты миграционного процесса, поскольку вынуждены жить в новых социальных и культурных условиях и адаптироваться к ним [3, с. 1–7], т. е. им необходимо привыкать к различиям в культуре, воспитании и нормах поведения. Эти различия могут создавать проблемы в общении со сверстниками, понимании местных традиций, правил поведения, а также проблемы в вопросе необходимости посещения учебного учреждения в целом. В подтверждение можно привести слова Геннадия Семигина «по информации, которая была предоставлена в Комитет по делам национальностей Министерством просвещения, 450 тысяч детей иностранцев, приехавших с родителями в Россию, не посещают школ»⁶. Объяснение этому также есть – приехавшие граждане из других государств очень долго ждут получения гражданства, но бюрократическая система настолько сильна, что дети не ходят в школу и в детские сады [2, с. 248].

Отсутствие воспитания и норм поведения в российском обществе может привести к тому, что дети-мигранты могут чувствовать себя изолированными или непонятыми. Они мо-

гут столкнуться с непониманием со стороны российских детей и взрослых, что может привести к социальной изоляции и негативным последствиям для их психологического состояния и в будущем.

В связи с вышесказанным, государственные и неправительственные организации, а также общество в целом должны обратить внимание на эту проблему и принять меры для ее решения.

Образование является основой успешной адаптации и будущего детей трудовых мигрантов, и его обеспечение должно быть одним из приоритетов в работе с этой категорией населения. Примечательно, что Президент Российской Федерации Путин В. В. своим Указом от 12 мая 2023 года уже определил основным направлением миграционной политики – содействие адаптации иностранных граждан и их несовершеннолетних детей⁷.

В связи с этим чтобы решить проблему, необходимо разработать специальные программы поддержки для детей трудовых мигрантов. Эти программы должны включать в себя обучение русскому языку, адаптацию к местной системе образования и обеспечение доступа к образовательным ресурсам. Кроме того, важно проводить информационную работу среди родителей мигрантов о важности образования, поскольку большинство их детей школу не посещают вовсе.

Таким образом, миграция требует, чтобы системы образования учитывали потребности тех, кто мигрирует, а также тех, кто остается. Странам необходимо юридически признать право мигрантов на образование и реализовать это право. Они должны адаптировать свое образование к потребностям тех, кто ведет «кочевой» образ жизни. Т. е. образование должно быть инклюзивным, а учителя должны быть готовы работать в классах с разнообразными учащимися, особенно с теми, которые были травмированы миграцией. Обобщая сказанное, имеющийся опыт государство должно трансформировать в новый, современный подход к максимальному использованию навыков мигрантов, которые могут внести значительный вклад в процветание в долгосрочной перспективе.

Пристатейный библиографический список

1. Деминцева Е. От «заводской» до «Мигрантской» школы: (пост)советская школьная сегрегация в городском пространстве // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. - 2020. - Том 12. - №1. - С. 152-182.
2. Боярский П. В. Положение и права мигрантов в сфере школьного образования в России // *Молодой ученый*. - 2020. - № 20 (310). - С. 247-253.
3. Konstantinov V. V., Klimova E. A., Osin R. V. Socio-Psychological Adaptation of Labor Migrants' Children in Conditions of Preschool Educational Institutions // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. - 2020. - Vol. 91. - P. 1-340.
- 7 Указ Президента РФ от 12 мая 2023 г. № 342 «О внесении изменений в Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406768770/> (дата обращения: 08.11.2023).

3 Не нашли общий язык. Учительница из Волгограда отказалась от класса, где дети не знают русский. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/2023/09/02/17525066.shtml>.

4 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

5 Семья мигрантов из Узбекистана возмущена, что их ребенка не приняли в три казанские школы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.evening-kazan.ru/articles/nash-synchto-tupym-budet-semya-migrantov-iz-uzbekistana-vozmushchena-chto-ih-rebenka-ne-prinyali-v-tri-kazanskih> (дата обращения: 08.12.2023).

6 Геннадий Семигин: к разработке закона об основах национальной политики мы уже приступили. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pnp.ru/politics/gennadiy-semigin-k-razrabotke-zakona-ob-osnovakh-natsionalnoy-politiki-my-uzhe-pristupili.html> (дата обращения: 08.11.2023)

КЕРАМОВА Саида Назировна

старший преподаватель кафедры административного, финансового и таможенного права Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

МАГОМЕДОВА Алжанат Гамзаевна

магистрант кафедры административного, финансового и таможенного права Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ПРИЗНАКАХ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается проблема определения понятия административно правового режима. Выявляются его признаки. Говорится, что основными признаками административно-правовых режимов в РФ считаются: регламентация нормами административного права; закрепление правил поведения субъектов; введение дополнительных ограничений и обязанностей; установление в сфере исполнительной власти, применение мер государственного принуждения и др. Показано практическое значение административно-правовых режимов для регулирования общественных отношений. Перечислены недостатки правового регулирования административно-правовых режимов в РФ. Делается вывод о необходимости внесения изменений в законодательство.

Ключевые слова: административно-правовые режимы, нормативные правовые акты, общественные отношения, государственное управление, правовые предписания, наука административного права.

KERAMOVA Saida Nazirovna

senior lecturer of Administrative and financial law sub-faculty of the Dagestan State University, Makhachkala

MAGOMEDOVA Alzhanat Gamzaevna

magister student of Administrative and financial law sub-faculty of the Dagestan State University, Makhachkala

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT AND FEATURES OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGIMES IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses the problem of defining the concept of an administrative legal regime. Its signs are revealed. It is said that the main signs of administrative and legal regimes in the Russian Federation are considered: regulation by the norms of administrative law; consolidation of the rules of conduct of subjects; the introduction of additional restrictions and responsibilities; establishment in the field of executive power, application of state coercion measures, etc. The practical significance of administrative and legal regimes for regulating public relations is shown. The disadvantages of legal regulation of administrative and legal regimes in the Russian Federation are listed. It is concluded that it is necessary to amend the legislation.

Keywords: administrative and legal regimes, regulatory legal acts, public relations, public administration, legal regulations, the science of administrative law.

Административно-правовой режим является базовым понятием и важнейшим институтом науки административного права в современный период. Однако в юридической литературе в настоящий момент отсутствует единый подход к определению понятия административно-правового режима и его признаков. Поэтому проблема определения понятия и признаков административно-правового режима на современном этапе является весьма актуальной.

Прежде всего, надо сказать, что административно-правовые режимы вводятся исключительно в случаях, когда цели общего административного воздействия не могут быть достигнуты в режиме обычного порядка государственного управления и текущего административно-правового регулирования [1, с. 102].

Как представляется, наиболее важные общественные отношения, подпадающие под действие административно-правовых режимов – это:

- социально-экономические отношения, возникающие в связи с реализацией государственных задач;
- отношения, связанные с правами и свободами человека и гражданина и др.

Административно-правовые режимы закреплены в нормативных правовых актах, основой которых является Конституция РФ. Данную сферу также регулируют следующие нормативные правовые акты: ФКЗ «О военном положении»¹;

1 О военном положении: федеральный конституционный закон» от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ: ред. от 2 ноября 2023 г. Доступ из

Керамова С. Н.

Магомедова А. Г.

КоАП РФ²; ФЗ «Об опеке и попечительстве»³ и другие. В Указе Президента Российской Федерации от 15.03.2000 г. № 511 «О классификаторе правовых актов»⁴ в раздел об административно-правовых режимах включены такие режимы: пограничный, чрезвычайного положения, режим чрезвычайных ситуаций, военного положения, таможенный, паспортный и визовый режимы. Таковыми режимами также названы иные разрешительные и регистрационные режимы, обращения, заявления и жалобы граждан. Тем не менее, полагаем, что этот перечень административно-правовых режимов является неполным. К тому же в Указе не выделены отдельно особые административно-правовые режимы, для которых характерны исключительные черты. К таким режимам следует относить режимы чрезвычайного положения и чрезвычайной ситуации, контртеррористической операции и военного положения.

Вследствие этого полагаем, что понятие «административно-правовой режим» шире, чем понятие «особый» или «чрезвычайный» правовой режим [2, с. 59].

В учебнике по административному праву административно-правовой режим определяется как «определенный нормами административного права особый порядок функционирования его субъектов, направленный на упорядочение общественных отношений в соответствующей сфере государственного управления» [3, с. 207].

Г. С. Беляева определяет административно-правовой режим как особый порядок правового регулирования общественных отношений, основанный «на определенном сочетании правовых средств и способов правового регулирования (дозволений, запретов и позитивных обязанностей), направленного на достижение соответствующих правовых целей и планируемого оптимального социально-значимого результата» [7, с. 281].

Д. Н. Бахрах называет административно-правовой режим отраслевым режимом, в основе которого лежат «принципы административно-правового регулирования, методы и способы административно-правового воздействия, правовое положение участников административно-правовых отношений» [4].

Н. В. Макарейко определяет его в широком и узком смысле. В широком – в качестве общего режима деятельности органов государственного управления по осуществлению их полномочий, в узком – в качестве совокупности правил поведения, деятельности граждан и юридических лиц, зафиксированных в нормах права, порядок реализации ими прав и законных интересов в публичном управлении по обеспечению общественного порядка и безопасности специальными органами, подразделениями и службами [5].

А. О. Новиков понятие административно-правового режима также трактует двояко: в широком и узком смысле. В

широком – как режим осуществления полномочий государственными органами, в узком – как определенную «совокупность установленных поведенческих и деятельностных правил, предназначенных для субъектов правоотношений» [6, с. 32].

А. Ф. Ноздрачев административно-правовой режим рассматривает как особый элемент правопорядка, закрепленный в законодательстве, обеспечивающий поддержание «нормального состояния системы управления и достижение целей государства» [1, с. 98].

Как видим, ученые определяют административно-правовой режим непосредственно – в качестве совокупности правовых средств и правил поведения или опосредованно как особый порядок правового регулирования.

В контексте данной статьи на основе рассмотренных определений представляется необходимым выделить основные признаки административно-правового режима в РФ.

Во-первых, он базируется на Конституции РФ⁵ и конкретизируется в специальном федеральном законодательстве. Порядок его введения происходит по определенной процедуре. Во-вторых, административно-правовые режимы вводятся с использованием юридических средств, необходимых для регулирования деятельности государственных органов и должностных лиц в особых условиях [8, с. 94].

Думается, можно согласиться с П. В. Космыниной в том, что признаками административно-правового режима являются: «нормативность, специфический объект регулирования, особый характер используемых правовых средств и ограниченный круг целей, упрощенный порядок изменения содержания режима» [9, с. 35].

Е. С. Караваев и другие ученые признаками административно-правового режима называют следующие:

- 1) регламентация нормами административного права;
- 2) закрепление правил поведения субъектов;
- 3) особый контроль за соблюдением правопорядка при особом режиме;
- 4) введение дополнительных ограничений и обязанностей;
- 5) установление в сфере исполнительной власти;
- 6) вынужденную детальную регламентацию деятельности государственных органов и общественных организаций;
- 7) применение мер государственного принуждения [10, с. 206].

В связи со сказанным необходимо подчеркнуть, что существуют определенные проблемы в применении административно-правовых режимов в России.

Одной из основных проблем следует считать значительное расширение враждебных действий со стороны иностранных государств по отношению к нашей стране. Вследствие этого увеличилось также и количество нормативных правовых актов для защиты суверенитета страны. В связи со спецификой государственного управления они приобретают особые черты и имеют некоторые недостатки, в связи с чем, по мнению А. О. Новикова, «возникает необходимость выработки контрмер во всех сферах» [6, с. 33]. На этом фоне остро встал вопрос о защите жителей России, находящихся как в стране, так и за рубежом.

В 2020 г. по причине пандемии были введены режимы повышенной готовности, чрезвычайной ситуации и карантина. Однако в реальности в стране появилось множество

5 Конституция Российской Федерации. - Москва, 2022.

справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ; ред. от 19 октября 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3 Об опеке и попечительстве: федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ; ред. от 30 апреля 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4 О классификаторе правовых актов: Указ Президента Рос. Федерации от 15 марта 2000 г. № 511; ред. от 28 июня 2005 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

проблем. В частности, очевидное социальное расслоение населения, неравная защищенность граждан, во-вторых, актуализировались проблемы единства правового пространства Российской Федерации и т.д. Как подчеркивает О. А. Милькевич, «необходимость срочного реагирования вытеснила на периферию внимания вопросы легитимности принимаемых мер» [11, с. 131]. В 2022 году российский Президент В. В. Путин предоставил российскому Правительству право вводить специальные экономические меры в случае проведения Вооруженными Силами РФ за пределами территории Российской Федерации [2, с. 64].

Значимой проблемой следует считать отсутствие из-за пробелов в законодательстве и административных барьеров правового института, закрепляющего связанные с введением карантина и чрезвычайной ситуации общественные отношения. Имеются лишь правовые нормы отсылочного характера. Надо сказать также об отсутствии инструментов, обеспечивающих защиту персональных данных российских граждан после введения карантина и проведения контртеррористических и иных операций.

В заключение краткого анализа понятия и признаков административно-правовых режимов в Российской Федерации можно сделать выводы.

Понятие административно-правового режима является базовым понятием и важнейшим институтом науки административного права в современный период.

Основными признаками административно-правовых режимов в РФ мы считаем: регламентацию нормами административного права; закрепление правил поведения субъектов; становление особого контроля за надлежащим соблюдением правопорядка в сфере действия особого режима; введение дополнительных ограничений и обязанностей; установление в сфере исполнительной власти; детальную регламентацию деятельности государственных органов и общественных организаций; применение мер государственного принуждения.

Существуют определенные проблемы в применении административно-правовых режимов в России. Одной из основных проблем следует считать значительное расширение враждебных действий со стороны иностранных государств по отношению к нашей стране, в связи с чем увеличилось также и количество нормативных правовых актов для защиты суверенитета страны.

Вследствие этого необходимо совершенствовать правовое регулирование административно-правовых режимов в Российской Федерации.

Для решения вышеназванных проблем требуется внесение изменений в законодательство. Полагаем правильным мнение ученых о необходимости разработки основных подзаконных нормативных правовых актов, не противоречащие законодательству, в которых будут содержаться определенные правовые предписания [12, с. 182].

Пристатейный библиографический список

1. Ноздрачев А. Ф. Современное содержание понятия «административно-правовой режим» // Журнал российского права. – 2017. – № 2 (242). – С. 98-110.
2. Маюров Н. П., Жуков И. А., Портнова А. А. Институт специальных административно-правовых режимов в Российской Федерации: историко-правовое исследование // Вестник Тверского госу-

- дарственного университета. Серия: Право. – 2023. – № 2 (74). – С. 58-70.
3. Административное право России: учебник, 3-е издание, переработанное и дополненное / ответственный редактор Л. Л. Попов. – Москва, 2014.
4. Бахрах Д. Н., Российский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: учебник для вузов. – 2-е издание, с изменениями и дополнениями. – Москва: Норма, 2005. – 800 с.
5. Макарейко Н. В. Административное право: учебное пособие для вузов. – 12-е изд., переработанное и дополненное. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 309 с.
6. Новиков А. О. Опыт и проблемы применения административно-правовых режимов в Российской Федерации // Modern Science. – 2023. – № 3-1. – С. 32-36.
7. Беляева Г. С. Правовой режим: понятие и признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2021. – Т. 25. – № 1. – С. 281-293.
8. Жирдецкая М. С. Правовой режим: понятие, признаки, классификация // Вестник науки. – 2023. – Т. 4. – № 3 (60). – С. 92-97.
9. Космынина П. В. Правовой режим предупреждения преступлений. – Москва, 2005.
10. Караваев Е. С., Паранин В. А., Картавцев Д. А. К вопросу об административно-правовых режимах России // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11. – № 3А. – С. 204-209.
11. Милькевич О. А., Гончаров Е. В. и [др.] Изменение ценности здоровья в период самоизоляции: социально-культурный и психолого-педагогические аспекты // Современный ученый. – 2020. – № 4. – С. 130-135.
12. Керамова С. Н., Абдуллаев М. М. Вопросы правового регулирования административно-правовых режимов в России // Закон и право. – 2019. – № 2. – С. 180-182.

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ИВЛИЕВ Павел Валентинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

УРЕГУЛИРОВАНИЕ СПОРОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В исследовании рассматриваются нормы законодательства по урегулированию споров в различных областях права: гражданского, семейного, предпринимательского и др. Мировая практика показывает, что контрагенты, вступающие в спорные отношения, предпочитают, в большинстве случаев, решать споры не в судебном порядке, а с помощью привлечения определенных служб. Такое поведение позволяет остаться в отношениях взаимодействия в дальнейшем, сэкономить денежные средства на судебных издержках и соблюсти минимальные временные рамки решения конфликтных ситуаций. Отечественная нормативная правовая база также предоставляет возможность регулирования конфликтов с помощью медиации. Однако проблема применения данной помощи не настолько развита. Авторы рассматривают действующее законодательство, анализируют статистические данные и предпринимают попытку разработки направления применения закона с учетом расширения его применения.

Ключевые слова: гражданское законодательство, урегулирование споров, процедура медиации, медиативное соглашение, третьи лица.

ANANJEVA Ekaterina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

IVLIEV Pavel Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

SETTLEMENT OF DISPUTES UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The study examines the norms of legislation on dispute settlement in various areas of law: civil, family, business, etc. World practice shows that counterparties entering into contentious relations prefer, in most cases, to resolve disputes not in court, but through the involvement of certain services. This behavior allows you to stay in the relationship of interaction in the future, save money on court costs and observe the minimum time frame for resolving conflict situations. The domestic regulatory framework also provides an opportunity to regulate conflicts through mediation. However, the problem of using this assistance is not so developed. The authors review the current legislation, analyze statistical data and attempt to develop the direction of application of the law, taking into account the expansion of its application.

Keywords: civil law, dispute settlement, mediation procedure, mediation agreement, third parties.

Разрешение споров в гражданском, административном, арбитражном процессе является одной из наиболее сложных задач, которые стоят перед судами и адвокатами. Наиболее распространенные проблемы, связанные с решением споров в гражданском и семейном праве, включают в себя длительность процесса, высокие затраты на юридические услуги, неопределенность и неудовлетворенность сторон.

Одним из возможных решений этих проблем является использование альтернативной процедуры урегулирования споров. Такую процедуру можно использовать на любой стадии процесса (в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве), а также установлены типы правоотношений в которых применяется медиативный подход (публичные, экономические, трудовые и семейные отношения). Медиация - это процесс, в котором третья независимая сторона помогает в созданном конфликте договориться

о разрешении спора. Медиатор не принимает решения за стороны, но помогает им найти общий язык и достичь соглашения [1].

Применение медиации в гражданском и семейном праве может помочь ускорить процесс разрешения споров, снизить затраты на юридические услуги и уменьшить напряженность между сторонами. Кроме того, медиация может привести к более удовлетворительному и долгосрочному решению спора, так как стороны сами принимают решение и чувствуют большую ответственность за его выполнение.

Однако, не все споры могут быть решены через медиацию. Некоторые споры требуют судебного разбирательства, особенно если они связаны с нарушением закона или права на жизнь и здоровье людей. Медиацию, как правило, не используют, если вопрос затрагивает интересы третьих лиц. Кроме того, не все стороны готовы к медиации, особенно

Ананьева Е. О.

Ивлиев П. В.

если они находятся в конфликте уже длительное время и имеют непримиримые позиции.

В целом, медиация является эффективным инструментом для разрешения споров в гражданском и семейном праве. Например, судебные споры о расторжении брака, раздела имущества или вопрос об определении места жительства детей. Как правило, такие споры достаточно длительны по времени, затратные по применению юридических услуг, и тяжелы в морально-психологическом плане. В таких случаях процедура альтернативного урегулирования споров может помочь сторонам найти общий язык и достичь соглашения, что может привести к более удовлетворительному и долгосрочному решению конфликта.

Если рассматривать отечественную статистику обращения сторон в конфликтных ситуациях к помощи медиаторов, то официальными можно увидеть следующие данные. В 2020 году общее количество оконченных гражданских дел составила 21545254, из них прекращенных дел с вынесением судебного решения 281124, а заключенных медиативных соглашений (п. 4 ст. 220 ГПК РФ) 772. В 2021 году от общего количества в 23476133 оконченных гражданских дел медиативные соглашения составили 724 [2, с. 360].

Из статистических данных можно сделать вывод, несмотря на то, что медиация является эффективным инструментом для разрешения споров, ее использование все еще является редким явлением. Следовательно, стоит выявить причины такого явления.

Одной из основных причин редкого обращения в службу медиации является недостаточная информированность о ее существовании и возможностях. Многие люди не знают о том, что медиация может помочь им разрешить конфликт без судебного разбирательства и снизить затраты на юридические услуги [3].

Кроме того, многие люди не понимают, как работает медиация и какие преимущества она может предоставить. Некоторые люди считают, что медиация означает уступки со стороны одной из сторон, что может привести к несправедливому решению спора.

Также важным фактором является отсутствие государственной поддержки для развития служб медиации. В некоторых странах медиация не получает должной поддержки со стороны правительства, что приводит к отсутствию квалифицированных медиаторов и низкому качеству услуг.

Наконец, некоторые люди предпочитают судебное разбирательство, потому что они считают, что это единственный способ защитить свои права. Однако, судебное разбирательство может быть дорогостоящим и длительным процессом, который может привести к неудовлетворительному результату для обеих сторон.

Акты по регламентации медиации приняты во многих странах мира. К ним относятся Германия, США, Австрия. В Германии медиация встроена в судебную систему и посредники, работающие прямо в судах значительно снижают количество потенциальных судебных разбирательств. Разные нормативные правовые акты в странах мира по-своему встраивают систему медиации в систему урегулирования конфликтов. Так, например, комиссией ООН по международному торговому праву разработан Типовой закон о медиации для решения международных коммерческих споров. В Евросоюзе с 2004 года действует Европейский кодекс поведения

медиаторов. Он разработан практикующими специалистами из 30 организаций, работающих в сфере альтернативного урегулирования конфликтов. Согласно цифрам международной статистики, через процедуру медиации проходят до 40 % всех видов споров (например, в Китае таким способом решаются 20 % споров, Нидерланды указывают показатель в 27 %) [4].

Стоит обратить внимание на работу специалистов-медиаторов в образовательной среде. Именно эта сфера нашла свое применение и эффективность работы такого направления деятельности. Стоит обратить внимание на то, что учителя в процессе своей педагогической деятельности вынуждены общаться с разными людьми. Это и ученики, и их родители, коллеги, а также руководство и лица, осуществляющие проверку деятельности. Такое многогранное общение просто невозможно без появления конфликтов. В современном образовании возникают неоднозначные ситуации, связанные с отношениями между учениками, учителями, родителями и администрацией школы. Медиация может помочь решить эти конфликты быстро и эффективно, сохраняя отношения между сторонами.

Ранее при возникновении таких положений использовался административный подход, что не могло привести к необходимому результату. Сегодняшняя альтернатива

Одним из преимуществ использования медиации в образовательных учреждениях является то, что она помогает участникам конфликта находить совместные решения. Это особенно важно в случаях, когда конфликт возникает между учениками или между учениками и учителями. В таких случаях медиация может помочь сторонам найти компромисс и договориться о том, как лучше решить проблему. Кроме того, медиация может быть полезна в случаях, когда родители не согласны с решениями администрации школы. В таких случаях медиатор может помочь сторонам найти компромиссное решение, которое будет удовлетворять все стороны.

Однако, несмотря на все преимущества медиации, ее использование в образовательных учреждениях все еще является не повсеместным явлением. Это связано с тем, что многие люди не знают о том, что медиация может быть использована в образовании, и какие преимущества она может предоставить. Значит в обоих рассмотренных нами случаях медиация не так популярна и граждане мало о ней знают.

Актуальность медиативного подхода была указана в Стратегии развития воспитания в РФ до 2025 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации. В Стратегии отмечаются необходимость оказания помощи детям в выработке модели поведения в различных жизненных ситуациях, которые могут касаться стрессовых и конфликтных проблем.

По статистическим данным с 2020 по 2022 год общее количество служб медиации и служб примирения возросло с 30514 до 32700. Кроме того, заинтересованные в применении такой процедуры лица могут обратиться на портал «Общероссийского профсоюза медиаторов» и посмотреть информацию реестра медиаторов, выбрав свой регион, направления деятельности медиатора и конкретную кандидатуру.

С учетом рассматриваемых направлений применения медиации и специалистов, становится понятным и двойственный характер такой меры. Если говорить о судебных спорах, то медиатор обязан быть профессионально подготов-

ленным. Требования к медиаторам изложены в ст. 15 ФЗ № 193. Кроме того, медиация может проходить как на платной, так и на бесплатной основе (ст. 10 ФЗ). Современная медиация достаточно многогранна. Она может быть представлена в виде участия одного или нескольких посредников. Если брать показатель отношения медиации к суду, то российским законодательством предусмотрена досудебная, судебная и постсудебная медиация. Интересной является такая градация как очная, очно-заочная с аудиовизуальным контактом и медиация по переписке [5].

На сегодняшний день, возможно принятие решения о подходах применения процедуры урегулирования споров альтернативных способом. Ориентируясь на успешный опыт зарубежных стран по применению медиации стоит рассмотреть вопрос об обязательной процедуре при решении определенных вопросов, без прохождения которой рассмотрение дела в суде было бы невозможным. Например, к таким спорам можно было бы отнести вопрос о выплате алиментов на содержание детей, о разделе имущества или споры в предпринимательской деятельности, что является не менее актуальным.

Для сферы бизнеса медиация может дать возможность проведения эффективных переговоров под контролем специалистов в данной области, то есть с помощью беспристрастного лица. Контрактная медиация уже может считаться новым и весьма востребованным направлением деятельности медиаторов. Ведь обсуждение условий контрактов, тем более, в международной сфере, приводит к лучшим результатам. С учетом распространенности такой деятельности зарубежом, иностранным контрагентам легче довериться в совершении сделки с участием специалиста-медиатора. Кроме того, важным является тот факт, что медиация в бизнесе обеспечивает конфиденциальность рассмотрения и решения вопроса. При этом у сторон есть возможность контроля за прохождением процесса переговоров, в отличие от непредсказуемости судебных решений.

Для того чтобы повысить уровень информированности о медиации, необходимо проводить информационную работу среди граждан. Также важно создать условия для развития служб медиации и повышения квалификации медиаторов. В целом, редкое обращение в службу медиации является серьезной проблемой, которая требует внимания со стороны правительства и общественности.

Применение процедур медиации, начиная с решения простых спорных ситуаций в образовательной, трудовой деятельности и до семейных, гражданско-правовых, административных и коммерческих, в том числе международных вопросов, позволит расширить круг применения альтернативных процедур урегулирования споров с участием посредника.

Необходимость проведения обязательной досудебной медиации по отдельным видам споров также должна быть введена в нормы законодательства России. В отношении личностей профессиональных медиаторов видится необходимость наличия базовых знаний в тех областях, в которых он участвует в качестве посредника. И к последнему вопросу относится конкретизация в законодательстве статуса медиатора и его деятельности. До настоящего момента не определено является ли участие в решении конфликта услугой, оказываемой государственным служащим или предпри-

нимателем. Ведь организации медиативной помощи могут быть частными. Но даже с отнесением медиации к консультативной деятельности, такую также можно квалифицировать как коммерческую, тем более если она оказывается за определенную плату.

Только тогда люди будут осознавать, что медиация может помочь им разрешить конфликт быстро и эффективно, сохраняя отношения между сторонами и снижая затраты на юридические услуги.

Пристатейный библиографический список

1. Медиация: что это такое в гражданском процессе, арбитражном, административном. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.arbitrpraktika.ru/article/2489-mediatsiya> (дата обращения 01.10.2023 г.).
2. Кудрина А. А. Применение процедуры медиации в РФ. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 19 (466). – С. 359-361.
3. Правовое регулирование медиации в РФ. – Официальный интернет портал Национальной палаты медиаторов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fpmrf.ru/правовое-регулирование-медиации-в-рф/> (дата обращения: 01.10.2023г.).
4. Медиация: о чем говорит зарубежный опыт. NORMA.UZ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.norma.uz/nashi_obzori/. (дата обращения: 01.10.2023 г.).
5. Российская медиация. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://journal.arbitration.ru/ru/analytics/rossiyskaya-mediatsiya/> (дата обращения: 01.10.2023 г.).

АГАМОВ Джамалудин Тагирович

магистр Юридического Института Дагестанского государственного университета

ПРОБЛЕМА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ, НЕ ВХОДЯЩИХ В ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ

В статье исследуется вопрос о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, не входящих в органы управления юридического лица, приводятся примеры из судебной практики. Автор анализирует основания и условия привлечения к ответственности таких лиц, а также рассматривают проблемы, возникающие в связи с данным вопросом.

Одной из главных проблем является определение круга лиц, которые могут быть привлечены к субсидиарной ответственности, и установление их вины. В статье приводятся аргументы в пользу того, что ответственность должна распространяться не только на руководителей и членов органов управления, но и на других лиц, действия или бездействие которых привели к банкротству компании.

Также в статье ставится вопрос о том, как определить степень вины каждого из привлекаемых к ответственности лиц и как распределить ответственность между ними.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, контролирующее должника лицо, органы управления, привлечение к субсидиарной ответственности, управление должника.

AGAMOV Jamaludin Tagirovich

master of the Institute of Law of the Dagestan State University

THE PROBLEM OF BRINGING TO SUBSIDIARY LIABILITY THE PERSONS CONTROLLING THE DEBTOR WHO ARE NOT MEMBERS OF THE MANAGEMENT BODIES

The article examines the issue of bringing to subsidiary liability of persons who are not members of the management bodies of a legal entity, giving examples from court practice. The author analyzes the grounds and conditions of bringing such persons to liability, and also considers the problems arising in connection with this issue.

Identifying the individuals subject to secondary liability and ascertaining their culpability stands as a primary challenge. This article posits that accountability should encompass not solely executives and governing body members but also encompass other individuals whose actions or oversights contribute to the company's bankruptcy.

The article also raises the question of how to determine the degree of guilt of each of the persons held liable and how to distribute liability between them.

Keywords: subsidiary liability, person controlling the debtor, management bodies, bringing to subsidiary liability, debtor's management.

Банкротство юридического лица, как дополнительный механизм и возможность вернуть задолженность, в современной практике имеет достаточно низкий уровень удовлетворения требований кредиторов и также ряд своих особенностей доказывания.

Тем не менее, в случаях, когда требования кредиторов компания не в состоянии удовлетворить, закон предусматривает механизм привлечения к ответственности лиц, которых закон определяет как «контролирующих». Таким образом, сумма долга взыскивается с контролирующих должника лиц в рамках субсидиарной ответственности.

Статья 61.10 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)¹ определяет понятие «контролирующее должника лицо». Согласно данной статье под «контролирующим должника лицом» понимается «физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий».

Однако, в практике арбитражных судов нередки случаи, когда действия компании-должника определяют не руководители или учредители должника, а лица, формально

никакой связи с деятельностью должника не имеющие, что приводит к неплатежеспособности такого предприятия и в последующем, к банкротству.

В практике арбитражных судов нередко встречаются случаи, когда конкурсный управляющий или иные лица, в случае бездействия конкурсного управляющего, обращаются в арбитражный суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, которые никак не связаны, на первый взгляд, с деятельностью организации-должника.

Стоит отметить, что при подаче заявления о привлечении к субсидиарной ответственности лица, которое формально с деятельностью должника никак не связана, вероятность привлечения такого лица к ответственности гораздо ниже, чем привлечение к ответственности, например, руководителя должника. Анализируя статью 61.10 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)¹ можно сказать, что для привлечения такого лица, необходимо представить доводы, доказывающие возможность такого лица «иным образом» определять действия должника по совершению сделок, определению условий и т.д.

В рассматриваемом судебном споре Арбитражный суд Московского округа вернул дело на новое рассмотрение по вопросу привлечения лица к ответственности. Данное лицо не являлось руководителем или учредителем должника, однако занимало должность заместителя генерального директора по финансовым вопросам. Суд обосновал свое решение тем, что это лицо имело возможность управлять финансами предприятия. Кроме того, на него была выдана доверенность

¹ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

для вывода денежных средств со счетов должника, что нанесло существенный ущерб имущественным правам кредиторов. Кассационная инстанция также указала на то, что нижестоящие суды не учли, что данное лицо было генеральным директором в фирмах, на которые перечислялись денежные средства должника².

Таким образом, данный судебный спор подчеркивает актуальность проблемы привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц, не занимающих органы управления. Даже без формального статуса руководителя или учредителя, такие лица могут иметь значительное влияние на финансовую деятельность предприятия, что приводит к нарушению прав кредиторов и наносит имущественный ущерб.

Основанием для подачи заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, также, является наличие выгоды исходя из недобросовестного и незаконного поведения участников компании, которые в силу закона или иного правового акта или учредительного документа лица выступают от имени юридического лица.

Согласно определению Верховного суда РФ, такое лицо можно считать контролирующим, так как оно получало выгоду от незаконных и недобросовестных действий главы компании-должника. Считается, что это лицо получило выгоду от сделок, заключенных руководителем, нарушающие права кредиторов и компании-должника (например, на заведомо несправедливых условиях для должника или с контрагентом, заведомо неспособным выполнить обязательства). Несмотря на это, сторона, привлекаемая к ответственности, может опровергнуть эти доводы, указав на свою добросовестность, возмездный характер сделок и наличие условий, при которых в подобных обстоятельствах обычно заключаются подобные сделки³.

Несмотря на то, что данные разъяснения Верховный Суд Российской Федерации выпустил еще в 2017 г., судебной практики по данному вопросу недостаточно и она только формируется.

Например, на рассмотрении Арбитражного суда Республики Дагестан находится дело № А15-3494/2021.⁴ Согласно данному делу, конкурсный кредитор подал заявление о привлечении к субсидиарной ответственности не только руководителей и учредителей должника, но и лиц, оказывающих юридические услуги должнику, значительно влияющие на деятельность организации. Свою деятельность данные лица, осуществляли на основе доверенностей, выданные должником, контролирующими должника лицами и самим конкурсным управляющим для представления интересов компании в судах.

Однако одной лишь доверенности на представления интересов должника недостаточно для признания лица контролирующим. Тем не менее, конкурсный кредитор ссылался на множество других факторов, определяющих представителей, как конечных бенефициаров, и что именно их действия привели к банкротству компании.

С одной стороны, имеются все основания для привлечения таких лиц субсидиарной ответственности, поскольку имеется доверенность на представление интересов, что также подтверждено судебными актами. Были случаи, когда это лицо представляло интересы контролирующих должника лиц и совершало определенные действия от их имени, например, публиковало объявления на ЕФРСДЮЛ за их электронной цифровой подписью.

Помимо этого, есть подтвержденные переводов денежных средств от должника данным лицам для исполнения решений третейского суда (хотя арбитражный суд не выдавал

исполнительный лист на данные решения), а также другие платежи.

На первый взгляд, действия участников процесса кажутся согласованными, последовательными и направленными на достижение общей незаконной цели, однако из-за небольшого количества подобных дел и недостатка судебной практики данный спор не рассмотрен с середины 2022 г.

Стоит отметить, что данная проблема присутствует как в странах романо-германской правовой семьи, так и в англосаксонской. Для стран романо-германской правовой семьи характерно наличие оснований, предусмотренных исключительно законом, что создает определенный барьер для определения лиц, осуществляющих контроль, не имея формальной никакой связи с должником.

Что касается стран общего права, в судебной практике Англии, например, существует некоторые «типичные» критерии, которые определяют наличие или отсутствие «корпоративного покрова». Среди них: 1) связь имущества должника с частным имуществом контролирующего лица; 2) использование имущества в частных интересах; 3) является ли организация своего рода «прикрытием» для дел иных физических, юридических лиц; 4) наличие ущерба при выводе активов должника в пользу иных лиц. Тем не менее, вопреки данным критериям, такие лица привлекаются к ответственности только при наличии признаков недобросовестности.

В заключение, ситуации, когда действия должника, совершенные лицами, не входящими в органы управления юридического лица, приводят к банкротству компании, в судебной практике встречаются довольно часто. Однако, на сегодняшний день, полной нормативно-правовой базы для решения данного вопроса недостаточно, что делает привлечение таких лиц к ответственности является крайне сложным процессом, что нельзя сказать о тех, кто прямо указан в статье 61.14 Федерального закона №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Пристатейный библиографический список

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [ред. от 03.08.2018] [с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2019].
3. Колонтаевская И. Ф. Проблемы взаимодействия корпоративного права России и зарубежных стран. Доктрина «снятия корпоративной вуали» // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Сер. 2: Юридические науки. - 2014. - № 3.
4. Попондопуло В. Ф., Силина (Слепченко) Е. В. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве // Судья. - 2018. - № 4.
5. Ефимов П. А. Особенности привлечения к субсидиарной ответственности лиц, не входящих в органы управления должника // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. - 2020.
6. Ломакин Д., Гентовт О. Ответственность контролирующих лиц: правовая природа и механизм привлечения к ней // Хозяйство и право. - 2016. - № 1. - С. 11-15
7. Покровский С. С. Субсидиарная ответственность: проблемы правового регулирования и правоприменения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2015. - № 7. - С. 98-129.

2 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 января 2020 г. по делу № А40-77319/2016.

3 Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве».

4 Постановление Арбитражного суда Республики Дагестан от 22 мая 2021 г. по делу № А15-3494/2021.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-11-186-143-145

АЙРАПЕТЯН Гурген Вазгенович

аспирант 2-ого года обучения юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

ОТКАЗ В ПРИМЕНЕНИИ СРОКА ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ КАК САНКЦИЯ ЗА ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ

В статье институт исковой давности исследуется не с точки зрения порядка исчисления сроков, а в плоскости его правового содержания и соотношения с институтом злоупотребления правом. Назрела необходимость ответить на вопрос, может ли, или должен ли суд отказать ответчику в применении срока исковой давности (далее – «СИД») в случае злоупотребления им своим правом. В статье проводится анализ судебной практики по отказу судом в применении СИД по заявлению ответчика в качестве санкции за злоупотребление правом.

Ключевые слова: срок исковой давности (СИД), пропуск срока, возражение, злоупотребление правом, недобросовестное поведение, судебная защита.

AYRAPETYAN Gurgen Vazgenovich

postgraduate student of the 2nd year of study of the Faculty of Law of St. Petersburg State University

REFUSAL TO APPLY THE STATUTE OF LIMITATIONS AS A SANCTION FOR ABUSE OF RIGHT

In the article the institute of statute of limitations is investigated not from the point of view of the procedure for calculating the terms, but in the plane of its legal content and correlation with the institution of abuse of right. There is a need to answer the question whether the court can or have to refuse to apply the statute of limitations (hereinafter referred to as "SID") to the defendant in case of abuse of his right. The article analyzes the judicial practice on the refusal by the court to apply SID at the request of the defendant as a sanction for abuse of right.

Keywords: statute of limitations (SID), missed deadline, objection, abuse of right, unfair behavior, judicial protection.

Айрапетян Г. В.

Институт исковой давности ограничивает возможность защиты субъективного гражданского права во времени и исключает возможность бессрочного преследования в отношении ответчика. СИД является разновидностью гражданско-правового срока, имеет сложную правовую природу и материально-правовой характер, поскольку регулируется нормами материального права. В соответствии со статьёй 195 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – «ГК РФ») исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено. Истечение СИД является юридическим фактом, создающим определённые правовые последствия. При этом само истечение СИД без соответствующего заявления ответчика не исключает возможность судебной защиты права. В данной работе под истечением СИД имеется в виду истечение, содержащее в себе волеизъявление ответчика о применении СИД.

Возражение ответчика о пропуске СИД известно нам ещё с римского права: оно является самостоятельным возражением против требования истца («эксцепция»). В древнеримском праве цивильные иски, направленные на защиту *jus civile*, не давались, они были *actiones perpetuae* (вечные иски). Напротив, для многих преторских исков, и для всех эдильских исков, была предусмотрена исковая давность, поэтому они были *actiones temporales* (временные иски, ограниченные во времени). Со временем исковая давность начала действовать также в цивильном праве. Уже в 424 г. Император Феодосий II постановил общий СИД на срок 30 лет, за исключением ряда исков (были также более короткие и удлиненные). Данное правило с некоторыми модификациями было отражено в Юстиниановском праве и перешло в современное римское право. В связи с указанными изменениями *actiones perpetuae* стали называться иски, на которых распространяется 30 – летний срок и более, и *actiones temporales* – остальные иски. По некоторым искам СИД не применялся.

Энгельман И. Е. исковую давность определял как способ погашения иска вследствие непредъявления его в течение определённого срока (погасительная давность). Конституционное право лица на судебную защиту обеспечивается государственным принуждением до тех пор, пока: 1) не пропущен СИД и 2) не заявлено о пропуске СИД. Данный срок, можно сказать, является сроком правовой охраны субъективного гражданского права.

Заявление об истечении СИД существенным образом отличается от других возражений ответчика в плоскости доказывания. Возражая о пропуске СИД, ответчик не опровергает обстоятельства, указанные истцом в исковом заявлении, а заявляет об отсутствии возможности судебной защиты охраняемого права. Обычно иные возражения ответчика, которые находятся в конфликте с доводами истца, закрепляются доказательствами, направленными на опровержение позиции истца.

Право, на восстановление которого направлена реализация права на судебную защиту, продолжает существовать по истечении СИД, а право на судебную защиту аннулируется (при условии заявления ответчика о пропуске СИД). Данная позиция соответствует логике части 1 статьи 206 ГК РФ, согласно которой, лицо, исполнившее обязанность по истечении СИД, не вправе требовать исполненное обратно. Если бы субъективное гражданское право по истечении СИД аннулировалось, то такое исполнение призналось бы неосновательным обогащением.

Институт СИД устанавливает баланс между принципом правовой определённости, обеспечивающим стабильность правоотношений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, с одной стороны, и правом на судебную защиту, с другой. Он также служит для обеспечения актуальности доказательственной базы существующего права и призван повысить эффективность принятия закон-

ного и обоснованного судебного акта, поощряя оперативное предъявление претензий до того, как доказательства станут устаревшими или дорогостоящими для предоставления, и освобождает активы (если речь идёт об иске имущественного характера), которые могут быть обременены в случае предъявления старых претензий.

Аналогично большинству стран с континентальной правовой системой, в отечественном законодательстве установлен стандарт добросовестного поведения участников гражданского оборота. Злоупотребление правом является одним из видов недобросовестного поведения. Как известно, на основании статьи 10 ГК РФ, суд может отказать лицу полностью либо частично в защите принадлежащего ему права с учётом характера и последствий допущенного нарушения. В п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – ПП ВС РФ № 25) предусмотрена «инструкция» оценки действий сторон спора на предмет добросовестности следующим образом: «следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации». При этом, в отличие от применения СИД, в данном пункте отмечается возможность признания судом поведения стороны недобросовестным *ex officio*, вне зависимости от заявления другой стороны. Помимо самого признания, суд также вправе применять меры, направленные на защиту прав добросовестной стороны, например, признать условие, которому сторона недобросовестно воспрепятствовала или содействовала, наступившим или ненаступившим (пункт 3 статьи 157 ГК РФ); указать, что заявление такой стороны о недействительности сделки не имеет правового значения (пункт 5 статьи 166 ГК РФ).

А. Г. Карапетов полагает, что в случае возражения против иска путём заявления о пропуске СИД, если судом будет установлено основание для применения статьи 10 ГК РФ, то отказ судом в защите права выливается в отказ учитывать такое возражение. Следовательно, суд отказывает в защите права «заявить возражение».

Само право на заявление о пропуске СИД имеет материально-правовую природу, несмотря на то, что оно осуществляется в процессуальной форме. Из этого можно вывести, что возражение о пропуске СИД имеет материальное содержание и процессуальную форму.

В отечественной правоприменительной практике статья 10 ГК РФ используется как основание для отказа в применении СИД. Несмотря на то, что такая позиция не получила широкого распространения, она также не была «опровергнута» высшими судами.

В процессе исследования было выявлено, что для показательного примера отказа в применении СИД авторы в основном ссылаются на постановление Президиума ВАС РФ № 17912/09 от 22.11.2011 года по делу № А54-5153/2008/С16. Президиум ВАС обратил внимание, что поскольку возможность истца обращения с иском появилась только после восстановления корпоративного контроля, который был утрачен в результате недобросовестных действий другого участника (ответчика), то отказ в применении СИД является обоснованным, «...который по своему смыслу соответствует пункту 2 статьи 10 Гражданского кодекса и выступает в настоящем случае как санкция за злоупотребление правами». Далее Президиум отмечает, что иной подход противоречил бы основным началам и принципам гражданского законодательства.

Постановлением Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа по делу № А63-420/2005-С2 на основании статьи 10 ГК РФ ответчику было отказано в применении СИД. Суд указывает следующее: «Заявление о применении

срока исковой давности является одним из способов защиты прав. Следовательно, на него распространяется правило о возможности отказа в судебной защите лицу, злоупотребляющему своими правами; если ответчик своими действиями препятствовал своевременной подаче иска, суд может отказать в применении срока исковой давности».

В рамках спора по делу № А43-25745/2013 о взыскании неосновательного обогащения Президиум ВС РФ своим постановлением от 28.09.2016 года по делу № 203-ПЭК16 отменил определение Судебной Коллегии по Экономическим спорам ВС РФ (далее – «СКЭС ВС РФ»), в котором суд признал заявление ответчика о пропуске СИД как злоупотребление правом. СКЭС ВС РФ упрекнула ответчика за несвоевременное раскрытие существенной информации, которая стало препятствием для своевременного обращения в суд истцом. Отменяя судебные акты нижестоящих судов, СКЭС ВС РФ указала, что «злоупотребление правом может быть вызвано такими действиями лица, в результате которых другая сторона не могла реализовать принадлежащие ей права». СКЭС ВС РФ определила, что цель санкции в виде отказа применения СИД является «не наказание лица, злоупотребившего правом, а защита прав лица, потерпевшего от этого злоупотребления». СКЭС ВС РФ пришла к выводу, что у нижестоящих судов отсутствовали основания для применения СИД, поскольку начало течения СИД было определено неправильно. Такой подход «не способствует должной защите прав участников гражданского оборота и восстановлению их нарушенных прав». Позиция СКЭС ВС РФ – палка о двух концах. С одной стороны, нет оснований для применения СИД, поскольку ответчик злоупотребляет своим правом, с другой стороны, СИД не истёк, поскольку судами неправильно определено начало течения срока. Данное дело вместе с надзорной жалобой было передано на рассмотрение в Президиум ВС РФ. Судья в определении о передаче указал, что 1) непредставление ответчиком доказательств (раскрытие информации) не влияет на СИД, 2) в рамках спора о взыскании убытков истец при новом рассмотрении дела не воспользовался своим правом об изменении основания иска, а настаивал на возмещение убытков, 3) начало течения СИД установлено неправильно, что нарушает единообразие в применении и толковании судами норм права об исковой давности. Примечательно то, что суд не затрагивал и обходил стороной вопрос правомерности отказа в применении СИД на основании статьи 10 ГК РФ. Президиум ВС РФ не проявил негативного отношения к практике применения статьи 10 ГК РФ в целях отказа в применении СИД, а учитывал фактические обстоятельства спора и нарушение СКЭС РФ процессуальных норм ввиду переоценки выводов нижестоящих судов.

Дальнейшее применение статьи 10 ГК РФ для отклонения заявления о пропуске СИД отслеживается в рамках дела № А56-40228/2014. Правовая позиция должника содержала взаимоисключающие возражения: с одной стороны, должник отрицал сам факт выдачи займа, с другой стороны – представил доказательства, подтверждающие возврат суммы займа. Позднее он заявил об истечении СИД. Кредитор заявил о необходимости применения статьи 10 ГК РФ в отношении должника, поскольку последний сокрыл обстоятельства и документы по займовым сделкам. Суд первой инстанции пришёл к выводу, что заявление должника о пропуске СИД подлежит отклонению, поскольку должником не представлены документы и доказательства, раскрывающие условия договоров займа до обращения кредитором в суд, выдача займа и получение денежных средств на свой счёт в ситуации, когда должник является единственным участником и генеральным директором кредитора, является злоупотреблением права. Со ссылкой на постановление Президиума ВАС РФ от 22 ноября 2011 г. № 17912/09 по делу № А54-5153/2008 суд первой инстанции указал, что в силу статьи 10 ГК РФ СИД не применяется в случае заявления недобросовестной стороны

спора. Суд также добавил, что СИД не истёк, поскольку заявление было подано конкурсным управляющим, который не является стороной договора займа. Следовательно, суд первой инстанции, установив наличие злоупотребления правом со стороны должника, в качестве санкции отказал в применении СИД. Суд в качестве отказа не указывает на создание препятствий для своевременного обращения в суд (как в вышеуказанных судебных актах), а ссылается на недобросовестность в виде нераскрытия условий договоров займа, получения денежных средств на свой счёт директором и участником общества. Спрашивается, почему суд ссылается на статью 10 ГК РФ, если приходит к выводу, что СИД не пропущен? Если СИД не пропущен, то суд может просто отклонить заявление. Полагаю, в связи с неустойчивостью применения в правоприменительной практике статьи 10 ГК РФ в целях отказа в применении СИД, суд первой инстанции в качестве подкрепления позиции о неприменении СИД добавляет дополнительный довод о непропуске СИД ввиду подачи иска конкурсным управляющим, а не самим должником. Судебный акт первой инстанции был оставлен без изменений вышестоящими судами. Судом кассационной инстанции было добавлено, что должник вначале рассмотрения спора не заявлял о возврате суммы займа, а только отрицал сам факт выдачи займа и ссылался на пропуск СИД. Суд кассационной инстанции квалифицировал действия должника как процессуальное злоупотребление и применил принцип эстоппель.

По вышеуказанному делу необходимо разграничивать последствия «процессуального злоупотребления» и «материального злоупотребления». Последствия процессуального злоупотребления – невозможность ссылаться на доказательства возвращения заёмных средств и, соответственно, использование возражения о возврате суммы займа, поскольку изначально должник отрицал сам факт выдачи суммы займа. Последствия материального злоупотребления – невозможность возражения со ссылкой на пропуск СИД.

По некоторым судебным актам, хотя и не прямо, но косвенно допускается отказ в применении СИД на основании статьи 10 ГК РФ. Например, постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25.12.2019 по делу № А49-6629/2012, в котором суд отказал в применении статьи 10 ГК РФ в целях отклонения возражения о пропуске СИД, поскольку нижестоящими судами было установлено, что заявителем не допущено злоупотребление правом.

В результате анализа судебной практики можно констатировать, что для отказа в применении СИД необходимо наличие со стороны заявителя такого недобросовестного поведения, в результате которого истец своевременно не может обратиться в суд за защитой права. Суды в основном ссылаются на постановление Президиума ВАС РФ от 22 ноября 2011 г. № 17912/09 по делу № А54-5153/2008 и для подкрепления своей позиции ссылаются на иные обстоятельства, которые свидетельствуют о непропуске СИД. Складывается впечатление, что правоприменительная практика окончательно не определилась с позицией о неприменении СИД на основании статьи 10 ГК РФ и заморозила данный вопрос до окончательного установления такой возможности вышестоящими судами.

Судебная практика по отказу в применении СИД должна быть обновлена, должны быть выработаны основания и условия для применения статьи 10 ГК РФ, обозначены чёткие границы и пределы отказа в применении СИД.

Вместо применения универсального инструмента – статьи 10 ГК РФ, следовало бы разработать новые правила и основания для применения статьи 10 ГК РФ, например, путём приостановления течения СИД в результате недобросовестных действий ответчика. Институт приостановления позволит не отказывать в применении СИД, а установить приостановление СИД в результате недобросовестного поведения ответчика, вследствие чего истец, действуя разумно и осмо-

трительно, не смог своевременно обратиться в суд за защитой права. Указанные изменения должны быть дополнительно детализированы и истолкованы в судебных актах ВС РФ, как, например, это сделано в п. 61 ПП ВС РФ № 25.

Если ответчик умышленно препятствует, либо вводит в заблуждение истца, в результате чего СИД формально пропускается, то необходимо признать, что СИД был приостановлен с момента возникновения обстоятельств, препятствующих предъявлению иска, и был возобновлён с момента отпадения, либо устранения этих препятствий. Необходимо найти золотую середину между проявлением ответчиком злоупотребления правом и проявлением истцом должной заботливости и осмотрительности. Одно лишь наличие признаков злоупотребления правом в действиях ответчика не должно быть достаточным для приостановления СИД.

В целях законодательного закрепления возможности приостановления СИД до момента устранения препятствий либо задержки, возникших в результате недобросовестных действий ответчика, необходимо внести изменения в п. 1 ч. 1. статьи 202 ГК РФ и изложить его в следующей редакции: «Течение срока исковой давности приостанавливается, если предъявлению иска препятствовало чрезвычайное и непредотвратимое при данных условиях обстоятельство (непреодолимая сила); либо недобросовестные действия ответчика». При внесении данных изменений суд не будет отказывать в применении СИД, а установит, что СИД не истёк, поскольку имело место автоматическое приостановление СИД в результате недобросовестных действий ответчика.

Таким образом, разработка новых правил для применения статьи 10 ГК РФ на институт исковой давности обеспечит единообразие судебной практики и создаст определённую в вопросе о влиянии статьи 10 ГК РФ на СИД.

Пристатейный библиографический список

1. Энгельман И. Е. О давности по русскому гражданскому праву. СПб., 1901. С. 1-2.
2. Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права: учебник / Под ред. В. А. Томсинова. М.: Издательство «Зерцало», 2003. 497 с. - (серия «Русское юридическое наследие»).
3. Основные положения гражданского права: поста-тейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко [и др.]; отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. С. 867 (Комментарии к гражданскому законодательству).
4. Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Дата обращения 10.05.2023. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2011 г. № 17912/09 по делу № А54-5153/2008, Постановление арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 7 ноября 2006 г. Вх. Ф08-5243/06 по делу № А63-420/2005-С2, Определение Судебной Коллегии по Экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.01.2016 по делу № 301-ЭС15-5443, Определение Верховного Суда РФ от 01.08.2016 № 203-ПЭК16, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.11.2018 по делу № А56-40228/2014., Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25.12.2019 по делу № А49-6629/2012. Дата обращения 10.05.2023. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/>.

АНДРИЕВСКИЙ Константин Витальевич

доктор юридических наук, доцент, директор АНО «Институт экономико-правовых исследований», г. Севастополь

ШЕСТОВ Сергей Николаевич

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики предприятия Севастопольского государственного университета

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В ФИНАНСОВОМ ПРАВЕ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация и цифровизация существенным образом меняют область финансового права. Ключевой задачей российского законодателя является модернизация нормативно-правового массива в рассматриваемой нами области. Действие правовых норм выходит на новый уровень – уровень взаимодействия резидентов разных стран и континентов, транснациональных корпораций, межгосударственных альянсов, международных финансово-экономических структур. Национальная составляющая в финансовом праве, конечно же, не вытесняется полностью, но постепенно адаптируется к новой цифровой повестке – даже в наиболее конвенциональных правовых системах мира.

Авторы приходят к выводу о том, что ускоряющаяся динамика цифровизации экономики, финансов, общественных отношений и бизнеса привела к отставанию гражданского законодательства от реальной финансовой практики, которая сейчас формируется во многих случаях в виртуальном пространстве. Ключевой задачей российского законодателя является модернизация нормативно-правового массива в рассматриваемой нами области. Цифровизация финансового рынка подразумевает использование новых технологий, таких, как блокчейн, искусственный интеллект, аналитика данных и цифровые платежные системы. Эти инновации требуют соответствующего законодательного регулирования – только так можно обеспечить их безопасное и эффективное использование.

Ключевые слова: финансовое право, финансово-правовая норма, цифровизация, глобализация, токен, цифровой актив, цифровые права.

ANDRIEVSKIY Konstantin Vitaljevich

Ph.D. in Law, associate professor, Director of the ANO «Institute of Economic and Legal Research», Sevastopol

SHESTOV Sergey Nikolaevich

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Enterprise economics sub-faculty of the Sevastopol State University

TO THE QUESTION OF THE CHANGES IN FINANCIAL LAW IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION AND GLOBALIZATION

Globalization and digitalization are significantly changing the field of financial law. Large-scale digitalization of life and business has led to a lag between civil legislation and real financial practice, which is now mainly taking shape in the digital sphere. The key task of the Russian legislator is to modernize the regulatory framework in the area we are considering. The effect of legal norms is reaching a new level - the level of interaction between residents of different countries and continents, transnational corporations, interstate alliances, international financial and economic structures. The national component in financial law, of course, is not being completely replaced, but is gradually adapting to the new digital agenda - even in the most conventional legal systems of the world.

The authors come to the conclusion that the accelerating dynamics of digitalization of the economy, finance, public relations and business have led to a lag between civil legislation and real financial practice, which is now being formed in many cases in the virtual space. The key task of the Russian legislator is to modernize the regulatory framework in the area we are considering. Digitalization of the financial market involves the use of new technologies such as blockchain, artificial intelligence, data analytics and digital payment systems. These innovations require appropriate legislative regulation - this is the only way to ensure their safe and effective use.

Keywords: financial right, financial precept of law, digitalization, globalization, token, digital asset, digital rights.

В «классический» период экономика понималась как совокупность отношений, возникающих в связи с генерацией, распределением, обменом и потреблением материальных благ. Сегодня экономика все чаще обретает новые черты и переходит в статус цифровой. Цифровая экономика привела не только к применению цифровых инструментов для выполнения вышеперечисленных процессов, но и сформировала новые экономические и финансовые категории, феномены и тренды – криптовалюта, токены, цифровой актив, Big Data, интеллектуализация производства, IoT и проч. [2, с.180]. Революционные изобретения повлекли за собой, помимо прочего, кардинальные изменения и в финансовых, кредитных, монетарных, налоговых системах. Многие из этих технологий существенно облегчают и ускоряют регулирование экономики и финансов, другие же, напротив, бросают серьезный вызов существующим институциям и нормам права, регулирующим экономику и финансы.

В идеальной ситуации цифровые инструменты должны стать средством повышения эффективности финансово-правового регулирования, администрирования, финансового контроля, но в реальной практике динамика цифровизации и сопряженных с ней процессов настолько высока, что общество и государство просто не успевают адаптировать свои механизмы под новые реалии окружающей действительности. Тем не менее, переход на «цифровые рельсы» обозначен в качестве приоритетной цели государственных программ, стратегий, официальных заявлений правительств развитых и развивающихся стран. Подобный переход, безусловно, «не мыслится без применения правовых ресурсов, вне правовых рамок» [4, с. 54] – в противном случае цифровые ресурсы могут превратиться в неконтролируемый инструмент воздействия на сознание людей и оказать деструктивное влияние как на внутристрановую, так и на общецивилизационную динамику.

Цифровизация и глобализация, с одной стороны, представляют собой объективные и закономерные тенденции современного мира, во многом конструируемые, стимулируемые и корректируемые правительственными органами и наднациональными институтами. С другой стороны, существует немало примеров того, что глобализация и цифровизация обретают неуправляемый характер, сложно поддаются анализу и прогнозированию, вносят элемент хаоса в существующую геополитическую картину, подрывают фундаментальные основы функционирования государства как такового, финансовой и экономической системы.

Несмотря на отсутствие цельного понимания масштаба, последствий, предпосылок, проявлений цифровизации и глобализации, можно с уверенностью сказать, что эти процессы оказывают колоссальное влияние на развитие национальных правовых систем и правовых традиций. В данной связи вопросы изменения законодательства в сфере финансов вызывают широкие научные дискуссии [1; 3, с. 167-169; 8, с. 139-140].

Государственные системы правового регулирования утрачивают свой «национальный» колорит, за счет преодоления замкнутости финансовых и экономических систем, многие хозяйственные процессы протекают в трансграничном контексте, правовые системы, подобно сообщающимся сосудам, обмениваются нормами, дефинициями и принципами. Все это, в свою очередь, приводит, во-первых, к унификации национальных правовых систем, во-вторых, стирают границы между государствами – по крайней мере, правовые, хозяйственные, финансовые, в-третьих, повышает роль наднационального регулирования цифровой экономики и финансов.

Соответственно, исследовать каждую правовую систему в отдельности уже не всегда целесообразно – нужно обязательно учитывать макросистемное взаимодействие национальных правовых массивов, а также усиление роли международных норм [6, с.4]. Вместо традиционного фокуса на проблемах внутреннего правопорядка национальный законодатель вынужден все чаще обращаться к вопросам внешнего, международного миропорядка [7, с. 15].

Глобализация и цифровизация, существенным образом меняют область финансового права. Действие правовых норм выходит на новый уровень – уровень взаимодействия резидентов разных стран и континентов, транснациональных корпораций, межгосударственных альянсов, международных финансово-экономических структур [7, с. 15]. Национальная составляющая в финансовом праве, конечно же, не вытесняется полностью, но постепенно адаптируется к новой цифровой повестке – даже в наиболее конвенциональных правовых системах мира.

В контексте настоящего исследования мы будем рассматривать процесс глобализации и цифровизации в качестве цельного тренда, акцентируя их тесную взаимосвязь. К примеру, цифровизация позволила многим частным лицам и организациям осуществлять финансовую или экономическую деятельность за рубежом – посредством онлайн-площадок, используя средства электронной коммуникации, посредников в области производства, поставки, таможенного оформления, доставки до потребителя в любую точку мира.

Таким образом, граждане и компании, могут получать доход в своей стране, а также в странах ближнего и дальнего зарубежья. При этом государство, на территории которого извлекается данный доход, заинтересовано в обложении хозяйствующего субъекта налогом и пресечении потоков незаконного вывода капитала за рубеж. Это отразилось в расширении Налогового Кодекса РФ (1 часть) разделом VII.1, регламентирующем вопросы выполнения международных договоров по вопросам налогообложения и взаимной административной помощи по налоговым делам, а также зафиксировавшем процедуру обмена финансовой информацией с иностранными государствами¹. Все это актуализирует потребность в наднациональном взаимодействии стран и их правовых систем и наглядно иллюстрирует тезис о неразрывном единстве глобализации и цифровизации.

Если рассматривать влияние цифровизации и глобализации на финансовое право, можно выделить несколько

ключевых направлений воздействия глобальных трендов на правовую систему России:

- «оцифровка» ценных активов, экономика знаний, информация как актив, появление финансовых активов новых типов;
- расширение возможностей трансграничных общественных отношений;
- внедрение технических средств в способы правового регулирования.

Рассмотрим эти направления более подробно. Говоря о внедрении цифрового инструментария в процесс правового регулирования правоотношений в контексте цифровизации общества, можно отметить явную тенденцию гибридизации форм и средств правового регулирования: на сегодняшний день применяются как сугубо юридические, правовые рычаги для оказания воздействия на участников финансовых структур и сторон транзакций, так и технические – аппаратные и программные инструменты. Соблюдение норм права происходит сегодня зачастую в автоматическом режиме – особенно в сфере финансов и смежных с ней. Одним из наиболее показательных примеров гибридизации финансового права и техники в России выступает система «АСК НДС-2», обеспечивающая автоматизацию проверок налоговых деклараций по НДС. Система была введена в рамках Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 290-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О применении контрольно-кассовой техники...»², а также письма Министерства финансов России от 15 апреля 2019 г. № 03-01-11/26624.

Цифровизация и глобализация непосредственно приводят к расширению предмета финансового права за счет возникновения множества инновационных объектов правового регулирования. Речь идет об электронных финансах, цифровых валютах, цифровых финансовых активов и многих других явлениях современной эпохи [5, с. 32]. Появление новых объектов обуславливает появление новых общественных отношений, которые не могут долгое время находиться в «слепой» зоне правового регулирования.

Цифровое глобальное финансовое пространство рождает новый вид прав – цифровых – т. е. таких прав, которые возникают благодаря и в пределах виртуальных финансовых рынков. Законодателю любой страны требуется четко определить сущность цифровых прав, уточнить их спектр, обстоятельства их возникновения и прекращения, обязательность всех задействованных участников финансовых рынков. В России такие попытки уже предпринимались неоднократно, но оптимальной системы регулирования категории «цифровые права» пока не выработано.

Гражданский Кодекс РФ в рамках Ст. 141.1 включил в себя определение цифровых прав (обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, действующей в рамках требований законодательства)³.

Данную дефиницию многие специалисты-правоведы совершенно справедливо считают размытой и не выполняющей возложенных на нее задач. Законодателю, как очевидно, пока не удается определить, какие именно права классифицируются в качестве цифровых, что наглядно видно даже во фразе «и иные права». Таким образом законодатель оставляет пространство для маневра, или, скорее, для возможности удобного толкования данного термина. Критика данного определения в научной и политической среде, на наш взгляд, вполне обоснована.

В рамках законопроекта № 424632-73 была предпринята попытка уточнить данную дефиницию и сузить ее смысл до цифрового кода, удостоверяющего права на объекты гражданских прав, за исключением нематериальных благ⁴. В тексте законопроекта № 419090-7 цифровые права отождест-

1 Налоговый Кодекс РФ 31 июля 1998 года № 146-ФЗ // Консультант Плюс. – 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/; Лифанов А.В. Тенденции развития финансового права в условиях цифровизации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 11-4. – С. 33.

2 Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 290-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием платежных карт» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Консультант Плюс. – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200743/.

3 Гражданский Кодекс РФ 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ // Консультант Плюс. – 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.

4 424632-7 Законопроект // Государственная Дума. – 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7>.

вляются с понятием «токен», взятым из законодательных положений англоговорящих стран. В дальнейшем такой подход был отвергнут⁵. Попытка определить цифровые права была также предпринята в Федеральном законе «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ...»⁶: цифровые права – это «право требовать передачи вещи (вещей); передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности; передачи использования этих результатов; 3) требовать выполнения работ и/или оказания услуг». Права, получающие статус цифровых, возникают исключительно на основании договора о приобретении цифрового права, заключенного с использованием инвестиционной платформы.

Импульсом к изменению финансового сегмента законодательного массива нашей страны стала, безусловно, Стратегия развития финансового рынка в Российской Федерации до 2030 г., выработанная Правительством РФ совместно с Банком России (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.12.2022 № 4355-р). Согласно Тексту Стратегии, все действия Министерства финансов в области бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики, при выборе ключевых векторов стимулирования развития отечественного финансового рынка, должны согласовываться с положениями Стратегии⁷. Кроме того, требует обновлять и пересматривать Стратегию каждые три года или чаще.

Стратегия в качестве основных принципов развития финансового рынка в России декларирует следующие: (1) стремление к клиентоориентированности цифрового финансового рынка; (2) стимуляция развития российского финансового рынка, устранение неэтичных практик, барьеров и искажений; (3) создание условий для развития и циркуляции новых активов и продуктов с учетом киберрисков для сферы финансов; (4) постепенное внедрение средств автоматизации, в т.ч. искусственного интеллекта; (5) внедрение и популяризация фундаментальных программ подготовки специалистов по широкому кругу инновационных направлений и специальностей финансовой сферы, а также подготовки кадров на стыке смежных с финансами видов деятельности (цифровыми)⁸.

Одним из ключевых документов, реализующих правовой базис для цифровизации и глобализации финансовой сферы, выступает Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте...»⁹. Данный Закон содержит ряд важнейших дефиниций и устраняет таким образом разночтения и противоречия в понимании ключевых финансовых инноваций. Так, законодательно определены понятия «электронная платформа» и «цифровые финансовые активы». Цифровые финансовые активы, в частности, обозначаются следующим образом: цифровые права, в т.ч. денежные требования, права по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право на истребование эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов.

5 419090-7 Законопроект // Государственная Дума. – 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419090-7>.

6 Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.08.2019 N 259-ФЗ (последняя редакция) // Консультант Плюс. – 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330652/.

7 Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 N 4355-р «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка РФ до 2030 года» // Консультант Плюс. – 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436693/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/.

8 Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 № 4355-р «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка РФ до 2030 года» // Консультант Плюс. – 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436693/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/.

9 Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Консультант Плюс. – 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/.

Кроме того, Закон включил в себя определение одной из наиболее спорных для отечественной финансовой сферы понятия – понятия «цифровая валюта». Анализ дефиниции цифровой валюты позволяет выделить следующие основные признаки и отличия цифровой валюты от валюты конвенциональной: (1) цифровая валюта реализуется в виде цифрового кода, зафиксированного в определенной программной среде; (2) цифровая валюта не может отождествляться с денежной единицей; (3) цифровая валюта представляет собой одно из допустимых средств платежа или инвестирования [2, с. 185].

Ценность вышеотмеченного законодательного акта не ограничивается широким перечнем новых законодательных дефиниций, отражающих ключевые компоненты новой цифровой финансовой среды. Закон, помимо прочего, наделил возможностью участников финансовых рынков совершать сделки купли-продажи цифровых финансовых активов без привлечения оператора обмена цифровых финансовых активов. Возможность отсутствия реального контролирующего лица – оператора – обусловлена внедрением технологии смартконтракта – «самоисполняющихся соглашений», реализуемых на основании технологии блокчейн без человеческого вмешательства.

Закон расширил перечень способы оплаты цифровых финансовых активов – помимо денежных выплат и передачи материальных ценностей, цифровые финансовые активы могут подражать передаче имущественных прав, имеющих денежную оценку. Одновременно с этим Закон ужесточил систему правового регулирования циркуляции цифровых финансовых активов: к примеру, наложен запрет на использование активов подобного рода в качестве платежа за товары, работы, услуги; расширены полномочия Банка России в плане требований по прекращению обращения цифровых финансовых активов.

Таким образом, ускоряющаяся динамика цифровизации экономики, финансов, общественных отношений и бизнеса привела к отставанию гражданского законодательства от реальной финансовой практики, которая сейчас формируется во многих случаях в виртуальном пространстве. Ключевой задачей российского законодателя является модернизация нормативно-правового массива в рассматриваемой нами области. Цифровизация финансового рынка подразумевает использование новых технологий, таких как блокчейн, искусственный интеллект, аналитика данных и цифровые платежные системы. Эти инновации требуют соответствующего законодательного регулирования – только так можно обеспечить их безопасное и эффективное использование.

Пристатейный библиографический список

1. Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики: монография / Под ред. Е. Ю. Грачевой. – М., 2020. – 256 с.
2. Алексеев Н. В. Соотношение институтов цифровых прав, цифровых финансовых активов и цифровых валют // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2022. – № 1 – С. 180-190.
3. Гуляева Т. Б. Цифровые права объект правоотношений? // Образование и право. – 2021. – № 8. – С. 167-169.
4. Коробова А. П. Финансово-правовая политика государства: проблемы цифровой трансформации // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 12. – С. 54-56.
5. Лифанов А. В. Тенденции развития финансового права в условиях цифровизации // Международный гуманитарный и естественных наук. – 2021. – № 11-4. – С. 32-34.
6. Марченко М. Н. Влияние процессов глобализации и регионализации на развитие права и его теории // Проблемы и перспективы развития государства и права в XXI веке: материалы Международной научно-практической конференции. – Улан-Удэ, 2010. – 399 с.
7. Пашенцев Д. А. Влияние международных финансовых организаций на динамику правовой традиции России // Вестник Академии права и управления. – 2016. – № 1. – С. 15-18.
8. Россоник С. Л. Шайдулина Н. Р. Транснациональная коррупция в условиях глобализации как вызов мировой системе безопасности // Закон и право. – 2021. – № 3. – С. 139-140.

АНАНЬЕВ Роман Викторович

судья Арбитражного суда Поволжского округа

МЕСТО ДОГОВОРА КОНВЕРТИРУЕМОГО ЗАЙМА В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

В статье рассмотрены место и роль нового договорного института гражданского права – конвертируемого займа в системе договорных обязательств. Установлено, что договор конвертируемого займа содержит в себе признаки нескольких гражданско-правовых сделок: займа, зачета, увеличения уставного капитала, корпоративного договора. Проанализированы особенности данного института посредством его рассмотрения в качестве основания сложного обязательства, а также через анализ альтернативного обязательства, заложенного в модель договора конвертируемого займа.

Ключевые слова: договора займа, обязательственные отношения, корпоративное регулирование, зачета заемных требований, альтернативные обязательства, сложные обязательства.

ANANJEV Roman Viktorovich

judge of the Arbitration Court of the Volga district

THE PLACE OF THE CONVERTIBLE LOAN AGREEMENT IN THE SYSTEM OF CIVIL LAW CONTRACTUAL STRUCTURES

The article examines the place and role of a new contractual institution of civil law – a convertible loan in the system of contractual obligations. It has been established that a convertible loan agreement contains signs of several civil transactions: a loan, offset, increase in authorized capital, corporate agreement. The features of this institution are analyzed through its consideration as the basis of a complex obligation, as well as through the analysis of an alternative obligation embedded in the model of a convertible loan agreement.

Keywords: loan agreements, obligation relations, corporate regulation, offset of loan claims, alternative obligations, complex obligations.

Гражданско-правовая характеристика договора конвертируемого займа (далее по тексту ДКЗ) предполагает в обязательном порядке решение вопроса о месте этой договорной конструкции в системе поименованных договорных моделей. Так, М. Н. Илюшина квалифицирует ДКЗ в качестве нового договорного вида, опосредующего общественные отношения договора займа. При этом она справедливо добавляет, что правовая природа отношений, возникающих из ДКЗ, относится к числу дискуссионных вопросов современной цивилистики [1, с. 33]. Так, в научно-практическом комментарии к Закону об ООО ставится под сомнение уместность выбора договора займа в качестве родовой договорной модели, а сложность квалификации отношений, возникающих из ДКЗ, объясняется тем, что заем передается обществу, а встречное предоставление по данной сделке – его участниками [2].

Установление места ДКЗ в системе гражданско-правовых договорных конструкций следует начать с предварительного анализа названия исследуемого договора. Так, из анализа понятия исследуемой договорной конструкции следует вывод о его родовом признаке, в качестве которого выступает «заем», и о его видовом признаке, в качестве которого выступает функция «отложенной конвертации». Таким образом, ДКЗ является видом заемной договорной конструкции, на что неоднократно указывается в научной литературе [3], [4], [5]. Однако не все ученые соглашаются с тем, что употребление в наименовании исследуемой конструкции указания на «заем» автоматически свидетельствует о заемном характере обязательства, основанием которого выступает ДКЗ. К примеру, С. Ю. Филиппова рассуждает о корректности «использования гражданско-правовой модели займа для оформления данных отношений» и делает вывод о том, что ДКЗ напоминает сделку со встроенным обеспечением, снижающим ее риско-

ванный характер. По ее мнению, вопреки названию исследуемого договора, он не может быть целиком отнесен к заемным обязательствам, поскольку таковым является лишь одна его альтернативная опция [2].

В комментарии к ст. 807 ГК РФ, подготовленном А. Г. Карапетовым, автор, рассуждая о таком явлении, как «мерцание каузы», поясняет, что под ним следует понимать «возможное несоответствие характеристик предоставляемого и возвращаемого имущества. Как уже отмечалось, по умолчанию вид и характеристики имущества, предоставляемого заемщику в собственность, и имущества, подлежащего обратному отчуждению в пользу займодавца по окончании соответствующего срока, должны совпадать. Это следует из принципа возвратности займа, вернуть можно то же, что ты получил, но в принципе слово «вернуть» может распространяться и на такую ситуацию, когда возвращается не буквально то же имущество, а такое же по характеристикам имущество, что как раз и имеет место в случае с займом. Там же, где объекты предоставлений двух сторон не совпадают по характеристикам, нельзя говорить о «возврате», а надо говорить об обмене разнородными экономическими благами. Возвратность – это ключевой квалифицирующий признак займа, отличающий эту договорную конструкцию от договоров, опосредующих обмен разнородными экономическими благами (например, договоры купли-продажи, мены, подряда и др.)» [6]. Все описанное с точностью характеризует ДКЗ, в рамках которого займодавцем сделан выбор в пользу получения доли/акций в проинвестированном хозяйственном обществе. Ввиду этого обстоятельства А. Г. Карапетов приходит к выводу о том, что ДКЗ – это гибридная заемная конструкция.

Определяя правовую природу ДКЗ, А. В. Богданов приходит к выводу о том, что ДКЗ «содержит в себе элементы

гражданско-правового договора займа и корпоративного обязательства по увеличению уставного капитала и передаче акций или доли участия в уставном капитале займодавцу во исполнение договора» [7].

Согласно п. 3 ст. 809 ГК РФ, «при отсутствии иного соглашения проценты за пользование займом выплачиваются ежемесячно до дня возврата займа включительно». В отличие от обычного займа, нередко предполагающего ежемесячный возврат процентов, начисляемых на сумму займа, ДКЗ не предусматривает периодические платежи. Как отмечается в специальной экономической литературе, модель ДКЗ предполагает одномоментный возврат суммы займа и причитающихся процентов, начисленных за весь период пользования займом, при наступлении отлагательного условия. При этом в случае, если займодавец сделает выбор в пользу увеличения уставного капитала ООО во исполнение ДКЗ/размещения дополнительных акций АО во исполнение ДКЗ, то проценты учитываются для целей определения размера доли/количества акций, получаемых в результате конвертации, и, как правило, не подлежат выплате в натуре [8]. Таким образом, системный анализ норм права, посвященных ДКЗ, позволяет убедиться в том, что законодателем создана довольно-таки сложная модель обязательственного правоотношения, основанного на займе, но при этом существенно отличающегося от него.

ДКЗ содержит в себе признаки нескольких гражданско-правовых сделок: займа, зачета, увеличения уставного капитала, корпоративного договора. При этом обязательство, основанием возникновения которого выступает ДКЗ, является альтернативным, что вносит дополнительное усложнение в исследуемую договорную модель. Соглашаясь с квалификацией ДКЗ в качестве альтернативного обязательства, С. Ю. Филиппова отмечает, что альтернативное исполнение, заложенное в модель ДКЗ и представленное в виде требования об увеличении уставного капитала во исполнение ДКЗ/размещения дополнительных акций во исполнение ДКЗ, «не имеет отношения к заемному обязательству» [2]. Отмечая неоднозначность правовой природы ДКЗ, А. В. Качалова приходит к выводу о том, что ДКЗ является смешанным договором [9].

Суммируя все вышеперечисленные точки зрения относительно конструкции ДКЗ, считаем возможным квалифицировать этот договор в качестве самостоятельного гражданско-правового договора и предлагаем придать ему статус «поименованного» за счет внесения норм о нем в отдельную главу части второй ГК РФ – главу 42.1 «Конвертируемый заем». Это позволит обозначить «границы» этой договорной конструкции в сравнении с договором займа, придать ей самостоятельный гражданско-правовой статус и, вероятно, увеличить частоту его заключения за счет повышения информированности участников имущественного оборота о нем. Необходимость в признании за ДКЗ самостоятельного гражданско-правового статуса продиктована наличием в нем признаков нескольких сделок (займа, зачета, увеличения уставного капитала, корпоративного договора), что неизбежно порождает дискуссии относительно правовой природы соответствующей договорной конструкции.

С учетом сложности ДКЗ, его дальнейшее изучение следует проводить по следующим смысловым направлениям: изучение ДКЗ как обязательства, как сделки, как гражданско-правового договора.

Договор конвертируемого займа как основание сложного обязательства.

В научной литературе справедливо отмечается усложнение заемной конструкции правилами о ДКЗ. Так, В. А. Микрюков, изучая проблематику аналогии безденежности и бестоварности займа, обращает внимание на новую сложную заемную модель отношений, основанием которой выступает ДКЗ [10].

Можно констатировать, что ДКЗ порождает сложное обязательство, отличающееся наличием нескольких этапов существования. Первый этап существования обязательства из ДКЗ сопряжен с его возникновением, являющимся следствием вступления в договорные отношения, обусловленные ДКЗ. Ограничение этого этапа временными рамками может быть осуществлено следующим образом: с момента подписания ДКЗ и до момента наступления отлагательного условия, активирующего секундарное право займодавца на совершение выбора в рамках альтернативного обязательства. В этот период своего существования обязательство, основанием возникновения которого является ДКЗ, исполняется как заемное обязательство и преимущественно сводится к действиям займодавца по предоставлению заемных денежных средств. Специфика этого этапа заключается в том, что к правоотношениям, возникающим из ДКЗ, применяются как общие положения о займе, так и специальные предписания, касающиеся ДКЗ. С учетом смысла, который заложен в этот этап существования исследуемого обязательства, мы предлагаем именовать первый этап «заемным».

Второй этап существования обязательства, основанием которого выступает ДКЗ, следует отсчитывать от даты наступления отлагательного условия, являющегося обстоятельством, предоставляющим займодавцу право выдвигать требование об увеличении уставного капитала во исполнение ДКЗ/размещении дополнительных акций во исполнение ДКЗ. Этот этап оканчивается совершением выбора. Ко второму этапу применяются, прежде всего, общие положения предписания, касающиеся ДКЗ. К примеру, длительность этого этапа не может превышать трехмесячного срока, являющегося пресекательным в смысле предоставления займодавцу секундарного права выбора одного из альтернативных вариантов исполнений. С учетом значения и смысла этого этапа, предлагаем именовать его «выборным».

Наконец, с момента совершения выбора, альтернативное обязательство, возникшее из ДКЗ, трансформируется в простое однопредметное обязательство, и наступает последний, третий по счету, этап существования обязательства из ДКЗ. Однако переход к этому третьему этапу, в отличие от двух предыдущих, обусловлен совершенным выбором или несвершенным выбором. Так, если займодавец а) совершил выбор в пользу получения заемных денежных средств и причитающихся процентов или б) не реализовал принадлежащее ему секундарное право на совершение выбора, то исследуемое нами обязательство трансформируется в простое «заемное», поэтому стадийность такого правоотношения может быть схематически представлена следующим образом: заемный этап – выборный этап – заемный этап. Пользуясь таким приемом, как юридическая фикция [11], можно полагать, что такое обязательство, возникшее из ДКЗ, изначально существовало и исполнялось как простое заемное. Однако если займодавец, пользуясь принадлежащим ему секундарным правом на совершение выбора, активирующимся во второй – «выборной» – стадии существования исследуемого обя-

зательства, сделал выбор в пользу предоставления ему доли/акций в хозяйственном обществе, то можно утверждать, что исследуемое нами обязательство перешло в иную – не «замную» – стадию своего существования. В поисках наиболее подходящего наименования этой стадии, следует сделать два замечания: во-первых, смысл избранного кредитором предоставления заключается в приобретении права корпоративного участия в делах хозяйственного общества (аналогично покупке доли в ООО/акций в АО); а, во-вторых, такое приобретение оформляется зачетным механизмом. Условно отождествляя эту стадию существования обязательства с покупкой доли в ООО или акций в АО, стоит отметить, что это не «простая» покупка, поскольку она приводит к существенной трансформации положения иных участников хозяйственного общества. Представляется, что описанная стадия динамики обязательства, основанием возникновения которой является ДКЗ, может быть условно названа «корпоративная».

Альтернативное обязательство, заложенное в модель договора конвертируемого займа.

На наш взгляд, в основе отношений, возникающих из ДКЗ, лежит альтернативное обязательство, что требует обращения к нормам, его регламентирующим. В Федеральном законе РФ от 08 марта 2015 г. № 42-ФЗ¹ законодатель специально предусмотрел правовые предписания, посвященные понятию альтернативного обязательства (ст. 308.1 ГК РФ), и скорректировал нормы об его исполнении (ст. 320 ГК РФ).

Р. М. Янковский отмечает, что «наиболее очевидная структура конвертируемого займа – договор займа, в котором займодавцу принадлежит право выбора способа исполнения в соответствии со ст. 308.1 Гражданского кодекса (ГК) РФ (альтернативное обязательство)» [12, с. 186]. Вслед за ним, А. Бычков пишет: «обязательство заемщика из договора конвертируемого займа по своей правовой природе является альтернативным, поскольку заемщик по выбору займодавца обязан совершить одно из двух действий: возврат суммы займа с начисленными процентами или конвертация требования кредитора в капитал компании-заемщика» [13, с. 57].

Из легальной дефиниции ДКЗ следует, что займодавец вправе совершить одно из следующих действий: 1) потребовать возврата всей суммы займа и выплаты всех процентов; 2) потребовать возврата части суммы займа и выплаты части процентов и увеличения уставного капитала, увеличения номинальной стоимости и размера доли займодавца – участника общества и уменьшения размера долей иных участников общества (или принятия займодавца в общество, приобретения займодавцем доли в уставном капитале общества и уменьшения размера долей участников общества) / размещения займодавцу дополнительных акций определенной категории (типа); 3) потребовать только увеличения номинальной стоимости и размера доли займодавца – участника общества и уменьшения размера долей иных участников общества (или принятия займодавца в общество, приобретения займодавцем доли в уставном капитале общества и уменьшения размера долей участников общества) / размещения займодавцу дополнительных акций определенной категории (типа); 4) возможны иные подобные конфигурации.

В научной литературе справедливо отмечается, что такая многовариантность встреченного предоставления по ДКЗ предопределена следующими объективными обстоятельствами: если предположить, что размер уставного капитала среднестатистического хозяйственного общества равен минимально допустимому – 10 000 руб., а внешнее финансирование через ДКЗ имеет смысл, например, от 500 000 руб., то при зачете всей суммы займа корпоративным участием произойдет существенное увеличение уставного капитала хозяйственного общества с одновременным существенным уменьшением долей иных его участников, теряющих в таком случае предпринимательский интерес в отношении своего корпоративного участия [1]. По этой причине обсуждение вопроса о порядке увеличения уставного капитала общества или выпуска дополнительных акций должно предварять заключение ДКЗ. Понятно, что выбор между предусмотренными ДКЗ опциями будет сделан займодавцем позже, но сами опции должны быть идентифицированы заблаговременно во избежание юридических конфликтов и нарушений прав участников корпорации.

Квалификация ДКЗ в качестве альтернативного обязательства обладает не только теоретической, но и практической значимостью. Так, из этого факта следуют некоторые правила исполнения такого обязательства.

Во-первых, пока субъект права выбора не совершил выбор, вторая сторона обязательства не вправе осуществить исполнение, поскольку до выбора предмет обязательства является неопределенным. Именно в таком смысловом ключе сформулированы специальные правила о недопустимости возврата заемщиком займа в период, когда займодавцу предоставлен срок для совершения выбора.

Во-вторых, секундарное право выбора [14], [15], [16], [17], [18] осуществляется его субъектом свободно: независимо от каких-либо обстоятельств (в том числе интереса заемщика предоставить конкретное исполнение). В этом смысле займодавец оценивает финансовое положение дел в том юридическом лице, которое получило инвестиции, и принимает решение о своем желании либо нежелании стать его членом с вытекающими из этого корпоративными правами и обязанностями. Однако на практике нам удалось обнаружить такие договорные модели, в которых предоставление корпоративных прав вместо заемных денежных средств было обусловлено невозможностью возврата займа. Так, в производстве Тринадцатого арбитражного апелляционного суда находился спор, возникший из исполнения ДКЗ, одно из условий которого было сформулировано следующим образом: «в случае неисполнения обязательства по возврате суммы займа, заемщик обязан обеспечить конвертацию займа займодавца в уставный капитал заемщика»². Стоит добавить, что указанная практика имела место до принятия норм о ДКЗ.

В-третьих, если модель, заложенная в ДКЗ, не предполагает альтернативности выбора и как следствие не является альтернативным обязательством, то такую модель некорректно квалифицировать ныне законодательно регламентированным ДКЗ: ее следует воспринимать как непоименованную договорную конструкцию (возможно, смешанную), условия которой разработаны сторонами соответствующего право-

1 О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 08 марта 2015 г. № 42-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.03.2015 г.).

2 Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 13 марта 2019 г. № 13АП-420/2019, 13АП-422/2019, 13АП-4482/2019 по делу № А56-24280/2015/тр.1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.06.2023 г.).

отношения. Так, в судебной практике был рассмотрен спор, в которой модель ДКЗ не предполагала альтернативности в предмете исполнения: «11 апреля 2013 г. между АО «ГВИТ» (заемщик) и АО «КРСУ» (займодавец) заключен договор займа № КР-01-04-ЗР, по условиям которого займодавец в целях инвестирования участия в проекте Госпиталя Восстановительных Инновационных Технологий в городе Нижний Тагил обязуется предоставить заемщику заем траншами для финансирования инвестиционных затрат, а также возмещения ранее понесенных заемщиком инвестиционных затрат по Проекту. В соответствии с п. 4.3 договора займа в целях инвестиционного участия займодавца в Проекте, погашение займа, включая начисленные по займу проценты, осуществляется путем приобретения займодавцем акций создаваемого многопрофильного медицинского центра, указанного в п. 1.1 договора, в соответствии с условиями подписанного между сторонами Соглашения о сотрудничестве»³. Модель отношений, созданных сторонами проанализированной договорной конструкции, напоминает смешанный договор, содержащий признаки займа и отступного.

Считается, что «сложность» любого альтернативного обязательства предопределена секундарным правом выбора предмета исполнения. Этот вывод актуален и для альтернативного обязательства, основанием возникновения которого является ДКЗ. Однако у исследуемой нами модели обязательства есть и иные усложняющие элементы.

Пристатейный библиографический список

- Илюшина М. Н. Договор конвертируемого займа как новый договорно-обязательственный механизм регулирования корпоративных отношений в обществах с ограниченной ответственностью // *Гражданское право*. – 2022. – № 3. – С. 31-35.
- Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью». Том 1 / Под ред. И. С. Шиткиной. – М.: Статут, 2021 (автор комментария к ст. 19.1 – С. Ю. Филиппова).
- Вишневецкий П. Н. Договор трансграничного займа: право и практика. – М.: Инфотропик Медиа, 2018. – 196 с.
- Майфат А. В. Инвестирование: способы, риски, субъекты. – М.: Статут, 2020. – 176 с.
- Бирюков Д. О. До минор: реквием для миноритариев в мажорной тональности / Вступ. сл. И. С. Шиткиной. – М.: Статут, 2020. – 300 с.
- Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807–860 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Байбак, О. М. Иванов, А. Г. Карапетов и др.; отв. ред. А. Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2019. – 1282 с. @@ Карапетов А. Г. Условные права и обязанности: обзор проблемных вопросов применения ст. ст. 157 и 327 ГК РФ // *Вестник экономического правосудия*. – 2017. – № 6. – С. 71-128.
- Богданов А. В. Правовое регулирование договора конвертируемого займа в корпоративных отношениях // *Ex jure*. – 2022. – № 2. – С. 68.
- Веко Р. В. Конвертируемый заем как инструмент привлечения финансовых ресурсов для инновационной деятельности организаций: особенности и возможности применения в Республике Беларусь // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки*. – 2020. – № 5. – С. 57.
- Качалова А. В. Договор конвертируемого займа // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*. – 2021. – № 11. – С. 206-215.
- Микрюков В. А. Об аналогии безденежности и бестоварности займа // *Вестник арбитражной практики*. – 2021. – № 5. – С. 29-33.
- Кузнецова О. А. Фиктивные явления в праве. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2004. – 204 с.
- Янковский Р. М. Конвертируемый заем: договорная модель и проблемы регулирования // *Закон*. – 2017. – № 11. – С. 184-192.
- Бычков А. Договор конвертируемого займа // *Юридический справочник руководителя*. – 2021. – № 11. – С. 53-63.
- Тужилова-Орданская Е. М. Классификация секундарных прав // *Гражданское право*. – 2020. – № 1. – С. 16-19.
- Бычков А. Секундарные права // *ЭЖ-Юрист*. – 2017. – № 31. – С. 3.
- Кравченко А. А. К вопросу об определении правовой природы секундарных прав // *Законодательство и экономика*. – 2015. – № 2. – С. 49-52.
- Костин П. Ю. Имущественный и неимущественный характер секундарных прав // *Современное право*. – 2014. – № 4. – С. 58-62.
- Зеккель Э. Секундарные права в гражданском праве // *Вестник гражданского права*. – 2007. – № 2.

³ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25 января 2022 г. № 17АП-11472/2021-ГК по делу № А60-17873/2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.06.2023 г.).

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

КАЧМАЗОВА Алина Юрьевна

магистрант Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

ПОЛИТИКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ НОВЫХ РЕГИОНОВ СТРАНЫ

В данной работе рассматриваются проблемные вопросы гражданско-правового определения энергетической отрасли регионов страны, недавно присоединенных к территории Российской Федерации. В исследовании отражены особенности оптимизации в работе электросетевого комплекса вследствие послабления налогообложения предприятий электроэнергетики в отраслевом сегменте. Дается характеристика энергетической стратегии России на период до 2035 года. Рассматриваются виды налогов для новых субъектов с учетом проведения СВО и иных социальных рисков.

Ключевые слова: государство, гражданское законодательство, налоговая политика, новые регионы, электроэнергетика, потребление.

ANANJEVA Ekaterina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

KACHMAZOVA Alina Yurjevna

magister student of the Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

THE POLICY OF LEGAL REGULATION OF THE ENERGY INDUSTRY OF THE NEW REGIONS OF THE COUNTRY

In this paper, the problematic issues of the civil definition of the energy industry of the country's regions recently annexed to the territory of the Russian Federation are considered. The study reflects the features of optimization in the operation of the electric grid complex as a result of the relaxation of taxation of electric power enterprises in the industry segment. The characteristic of Russia's energy strategy for the period up to 2035 is given. The types of taxes for new entities are considered, taking into account the implementation of the SMO and other social risks.

Keywords: state, civil legislation, tax policy, new regions, electric power industry, consumption.

Ананьева Е. О.

Качмазова А. Ю.

Структура доходов бюджетов разных уровней экономики страны, имеет зависимость от поступлений от предприятий электроэнергетики, что в частности определяет целесообразность построения оптимальной системы налогового регулирования в данной отрасли, которая, с одной стороны, обеспечит получение государством налоговых поступлений, с другой — будет учитывать интересы электросетевых компаний.

Электросетевые компании являются важным звеном в энергетической инфраструктуре любой страны. Они отвечают за передачу электроэнергии от производителей к конечным потребителям. Однако, помимо основной задачи, электросетевые компании также сталкиваются с налоговыми обязательствами, которые в разных странах могут значительно отличаться. В современной российской экономике электроэнергетика играет существенную роль как с точки зрения налоговых поступлений в бюджет, так и с точки зрения экономического роста страны, в целом, в следствии ежегодного увеличения энерго потребителей и средней мощности потребления на душу населения.

Электроэнергетика играет важную роль в современной экономике страны. Она обеспечивает энергией производство, транспорт, коммунальное хозяйство и бытовую сферу. Без электроэнергии невозможно функционирование многих отраслей экономики, а также жизнь общества в целом.

Электроэнергетика является одной из ключевых отраслей экономики, которая обеспечивает не только внутренний рынок, но и экспортные поставки электроэнергии. Важную роль играют инновационные технологии, которые позволяют повышать эффективность производства и снижать затраты на производство электроэнергии [1, с. 191].

Кроме того, развитие электроэнергетики напрямую связано с экологической безопасностью и устойчивым развитием экономики. Переход на использование возобновляемых источников энергии, таких как солнечная и ветровая энергия, является одним из ключевых направлений развития отрасли.

Энергетическая стратегия России на период до 2035 года разработана в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» является межотраслевой стратегией для совокупности отраслей и сфер государственного управления энергетическим сектором.

Учитывая сложность отсутствия прецедентов и специфику производственной и финансово-хозяйственной деятельности новых регионах, у электроэнергетических компаний возникают вопросы по оптимизации налогообложения в отраслевом аспекте.

Проблемы и тенденции развития электроэнергетики России на новых регионах осложнены объективными причинами. Достаточно сложно в современный период времени провести и применить методологические подходы к определению налогового потенциала отрасли в данных регионах. В условиях проведения специальной военной операции важными направлениями оптимизации налогообложения предприятий электроэнергетики являются соотнесение и адаптация налоговой политики страны со стратегическими целями развития отрасли, регламентируемыми Энергетической стратегией России.

Как мы видим на сегодняшний день сетевые компании на новых регионах, не имея надежащего контроля, со стороны ведомственных органов пришли в плачевное состояние. Как правило, в лучшем случае проводятся аварийно-восстановительные работы, либо частичная замена вышедшего из строя оборудования, так как надежащее обслуживание и профилактика электрооборудования очень затратное и рисованное дело по причине отсутствия фактического баланса держателя данных электросетевых компаний.

Часто экономия средств на выполнения работ и качественное и своевременное ремонтно-эксплуатационное обслуживание электроустановок надлежащим образом не ведется. Стоит отметить, что такое оборудование влияет на показатели надежности, а давая сбой в работе приводит к технологическим нарушениям (авариям), что в свою очередь неминуемо ведет к сбою нормальной

полноценной работы промышленных предприятий и безопасности жизни человека.

В условиях проведения СВО на новых регионах и необходимости надежного качественного и бесперебойного электроснабжения потребителей и надлежащего контроля за исполнением потребителями большие финансовые вливания в данные регионы, а для более оптимальной работы в энергосетях компании в этих регионах необходимо послабление налоговых нагрузок.

В последние несколько лет в России ведется преобразование в электроэнергетике идет цифровая трансформация до 2030 года в отрасли. Основной задачей цифровой трансформации 2030 заключается выявлении рисков ориентированное управление электросетевым комплексом на основе большего количества данных при грамотном подходе к реформе уменьшения послабления налоговых ставок и использование нормативных акты в области государственного регулирования деятельности предприятий электроэнергетики и налогообложения и произведя консолидацию всего электросетевого комплекса на базе одной сетевой компании просчитать экономическую выгоду и перспективу от такого решения не сложно. Приведем пример Всероссийской консолидации электросетевого хозяйства на базе компании ПАО «Россети» безусловно ведущий к положительной динамике развития электроэнергетики в зоне эксплуатационной ответственности компания ПАО «Россети», являющийся одним из крупнейших оператор энергетических сетей в РФ и в мире [2].

Компания управляет 2,35 млн. километров линий электропередачи, 507 тыс. подстанций трансформаторной мощностью более 792 тыс. МВА. В 2022 году полезный отпуск электроэнергии потребителям составил 761,5 млрд. кВт·ч. Численность персонала Группы компаний «Россети» - 220 тыс. человек. ПАО «Россети» - ведущая компания на российском рынке по внедрению инновационных технологий в магистральном и распределительном электросетевом комплексе.

Уделяя большое внимание к вопросам энергосбережения, энерго эффективности, международного сотрудничества, защиты окружающей среды и охраны труда, консолидации электросетевого хозяйства в новых регионах вновь присоединённых республик, на базе компании ПАО «Россети» может и создает на их основе единые центры управления сетями. Это наиболее экономическое и объективно выгодное решение для дальнейшего развития в данных регионах.

Для оптимально быстрого и экономический выгодного решения поставленной цели необходимо уточнить классификации налогов и сборов, применяемых в электросетевых компаниями в России и за рубежом, оценить влияние налогового бремени на финансовые результаты российских и зарубежных электросетевых компаний. Провести сравнительный анализ налогового бремени на уже существующие электросетевые, компании отрасли России и зарубежных компаний в аналогичной отрасли.

В США налоговое бремя на электросетевые компании довольно высокое. Компании, занимающиеся передачей и распределением электроэнергии, обычно платят федеральный налог на прибыль в размере 35%. Кроме того, они также обязаны уплачивать налоги на муниципальном уровне, которые могут составлять до 10% от общей прибыли. В некоторых штатах, таких как Нью-Йорк и Калифорния, электросетевые компании также обязаны платить налог на имущество. В Европе налоговое бремя на электросетевые компании также может быть довольно высоким. В Германии, например, компании, занимающиеся передачей и распределением электроэнергии, обычно платят налог на прибыль в размере 15-30%. Кроме того, они также обязаны уплачивать налог на имущество и налог на транспортную инфраструктуру.

В России налоговое бремя на электросетевые компании также значительно. Компании, занимающиеся передачей и распределением электроэнергии, обычно платят налог на прибыль в размере 20%. Кроме того, они также обязаны уплачивать налог на имущество и налог на землю. Однако, не все страны так строго относятся к налоговому бремени электросетевых компаний. В некоторых странах, таких как Швеция и Норвегия, электросетевые компании освобождаются от уплаты налога на имущество. Вместо этого они платят лишь небольшой налог на прибыль.

Таким образом, налоговое бремя на электросетевые компании может значительно различаться в зависимости от страны. Высокие налоговые ставки могут снижать прибыль компаний и затруднять их развитие, однако, некоторые страны могут предоставлять компаниям налоговые льготы, что может стимулировать их развитие и рост. Сегодня сложно определить точное количество энерго объектов в следствии проведения на территории вновь присоединённых республик СВО. Несмотря на это имеющееся время, необходимо задействовать на составление социально-экономических прогнозов развития в новых регионах. Пред-

полагается незначительное снижение зависимости бюджетов разных уровней от налоговых поступлений компаний электросетевого отрасли.

Значит, в данных регионах стоит реализовать пилотный проект, в рамках которого будут присутствовать послабления налоговых нагрузок на сетевую компанию в зоне эксплуатационной ответственности, где она будет находиться. Внести Республиканским Службам по Тарифом (РСТ) льготную тарифную сетку предприятиям для возможности качественной модернизации и техническому перевооружению всего электросетевого комплекса новых регионов. Видится необходимость проведения инвентаризации всего электросетевого хозяйства страны и составления проектно-сметной документации с учетом специфики всех новых регионов и вновь присоединённых республик. Ставка НДС должна составить 50% от доходов от продажи электроэнергии за вычетом экспортных пошлин, НДС. После реализации пилотного проекта принять решение о целесообразности введения его в отрасль в целом в регионах.

Стоит учесть, что снижение тарифов для населения не решит вопросы финансирования отрасли и вместе с тем государство не может стать постоянным донором и субсидировать такую деятельность Это приведет к разорению ЭСК.

Таким образом, проанализировав налоговое бремя электросетевых компаний как в России, так и за рубежом, можно сделать вывод, что действующие ставки по налогам и сборам даже в России для электросетевых компаний могут стать препятствием в развитии. Повышая уровень платежей, государство приводит компании к вынужденным мерам – повышение тарифов для населения. В данной ситуации можно предпринять такие меры как:

1. Определить системообразующее территориальных сетевых организаций;
2. Консолидировать имущество на базе системообразующего территориальных сетевых организаций.
3. Разработать финансово-экономическую модель, с учётом тарифно-балансовых решений;
4. Провести обследование и инвентаризацию имущество.

Однако, в той или иной степени данные меры проводятся в отдельных регионах страны. Вопрос остается по организации деятельности компаний новых республик России. Им в сложившихся условиях, с изношенным оборудованием достаточно тяжело влиться в быстро развивающуюся энергетическую отрасль государства. В связи с этим стоит рассмотреть вопрос о создании особой экономической зоны, которая охватывала бы данные регионы. На такой базе стоит рассмотреть всестороннюю цифровизацию отрасли, поскольку руководством страны уже давно дано распоряжение вводить IT-технологии во все процессы организации жизнедеятельности гражданского общества. [3] Цифровизация таких компаний позволит им создавать конкурентоспособные отношения и привлекать дополнительные инвестиции для своего развития. Интересным было бы создание небольших пилотных территориальных сетевых организаций с охватом небольших территорий в регионах, а лишь затем при выявлении и нормализации их деятельности проводить объединение таких компаний и консолидацию их с единым российским энергетическим комплексом.

Например, на основе единообразного технического задания территориальная сетевая организация могла бы создать несколько филиалов и дать им возможность самостоятельно развиваться с учетом заключенных договоров с иными технологическими субъектами (компаниями Сколково). Результатом должна стать полная цифровизация отрасли, внедрение экопроцессов и технологий, увеличение эффективности деятельности представителей отрасли, подъем региона и нормализация налогообложения таких структур. Это, несомненно, принесет положительный эффект и пользу не только для граждан и самих ТСО, но и налоговых поступлений в бюджет.

Пристатейный библиографический список

1. Ананьева Е. О., Качмазова А. Ю. Банкротство электросетевых компаний и снижение риска государственных компаний при организации новых сетевых компаний и гарантирующих поставщиков // Евразийский юридический журнал. 2023. № 6 (181). С. 190-192.
2. «Россети» завершили реорганизацию на базе ФСК ЕЭС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/16770449> (дата обращения 15.10.2023 г).
3. Ананьева Е. О., Бондаренко А. В., Лукиных М. Ю. Гражданско-правовое регулирование вопросов цифровизации общества // Евразийский юридический журнал. 2022. № 8 (171). С. 14-18.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-11-186-155-158

АХТЯМОВА Евгения Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института права Уфимского университета науки и технологий

АЛСЫНБАЕВА Эльвира Махаматовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института права Уфимского университета науки и технологий

АМИНЕВА Айгуль Юлаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института права Уфимского университета науки и технологий

АТНАБАЕВА Юлия Вилевна

старший преподаватель кафедры гражданского права Института права Уфимского университета науки и технологий

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Актуальность темы связана, прежде всего, с тем, что исследования в области генетики на данном этапе мирового прогресса развивается весьма стремительными темпами. Детальный анализ правового регулирования генетических исследований в Российской Федерации позволил выявить проблемы в процессе законодательного регулирования отрасли медицинской геномной инженерии. Сделан вывод, что развитие инновационных генетических технологий является одним из ключевых факторов, определяющих конкурентоспособность национальных экономик и эффективность национальных стратегий безопасности в стране.

Ключевые слова: право, генетика, ДНК, информация, правовое регулирование, генетическая информация, генетические исследования, генотерапия.

AKHTYAMOVA Evgeniya Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the Institute of Law of Ufa University Science and Technology

ALSYNBAYEVA Elvira Makhamatovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the Institute of Law of Ufa University Science and Technology

AMINEVA Aigul Yulaevna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the Institute of Law of Ufa University Science and Technology

ATNABAEVA Yuliya Vilevna

senior lecturer of Civil law sub-faculty of the Institute of Law of Ufa University Science and Technology

GENETIC RESEARCH IN THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL PROBLEMS AND SOLUTIONS

The relevance of the topic is primarily due to the fact that research in the field of genetics at this stage of world progress is developing at a very rapid pace. A detailed analysis of the legal regulation of genetic research in the Russian Federation made it possible to identify problems in the process of legislative regulation of the medical genetic engineering industry. It was concluded that the development of innovative genetic technologies is one of the key factors determining the competitiveness of national economies and the effectiveness of national security strategies in the country.

Keywords: law, genetics, DNA, information, legal regulation, genetic information, genetic research, gene therapy.

В исторической ретроспективе Россия, безусловно, является одной из передовых научных держав, оказавших влияние на развитие научного сектора в области экономики, медицины, промышленной микробиологии др. В советский период истории решение масштабных исследовательских задач обеспечивалось за счет объединения ресурсов в системе Академии наук СССР и отраслевых институтах, директивного планирования исследований и разработок, осуществляемого Государственным комитетом Совета Министров СССР по науке и технике и Госпланом СССР. С переходом в начале 90-х гг. XX века на рыночную экономику Российская Федерация, пройдя через этап кризисной оптимизации и адаптации к рыночному пути развития, основной стратегической целью которого было сохранение научно-технологического потенциала страны, перешла к новому этапу активного развития инновационного сектора, в том числе в сфере геномной инженерии и геномных технологиях.

Естественным является тот факт, что для любой группы общественных отношений необходима определенная правовая регламентация, в связи с чем? возникает проблема отставания правового поля от стихийных изменений сферы генетических (и геномных) исследований.

Отметим, что в октябре 2019 г. заместитель председателя правительства РФ по вопросам социальной политики Т. А. Голикова упомянула о создании 65 новых генетических лабораторий мирового класса, занимающихся развитием генетики по 37 различным направлениям [1].

Немаловажен тот факт, что в 2019 году в рамках основных направлений развития современных технологий было образовано три основополагающих исследовательских центра в сфере геномной инженерии, с перспективой выхода на мировой уровень. Их основными целями реализации перспективного развития технологий являются: биобезопасность, медицина, сельское хозяйство и промышленность [2].

Представляется необходимым провести анализ нормативных правовых актов именно по направлению медицина, так как, с позиции ученых, данное направление всегда будет являться приоритетом любого государства для развития и продвижения научно-технического прогресса, а также снижения расходов в обозначенной сфере [3, с. 21]. Особенно учитывая эпидемиологическую ситуацию в мире, вызванную пандемией COVID-19, как никогда необходимо углубленное и активное изучение предрасположенности к различным ге-

нетическим заболеваниям, которые могут усугубить состояние больных вирусом.

Кроме того, с появлением возможности проведения различного уровня генетического тестирования при использовании генетической информации, государство развивает превентивную медицину, тем самым выходя на новый уровень развития общества в целом.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 01 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»¹, в ближайшие 10-15 лет приоритетами научно-технологического развития Российской Федерации следует считать те направления, которые позволят получить научные и научно-технические результаты.

Причем такие научные изыскания в приоритете в том числе, и в медицинской сфере, что позволит в последующем модернизировать ее и обеспечить персонализированный подход в отношении каждого обратившегося гражданина, а кроме того, позволит применить методы высокотехнологичного порядка. В целом политика государства в свете последних тенденций ее развития очевидно направлено на поддержку здоровьесбережения населения нашей страны.

Наличие данной Стратегии развития лишний раз доказывает приоритетность и необходимость научного развития в этой области, а, как следствие, совершенствование правовой регламентации таких исследований.

Перед тем, как анализировать правовое регулирование генетических исследований, нам представляется логичным и правильным сначала разобраться, из каких нормативных правовых актов международного уровня складывалась правовая база в регулировании данной научной отрасли и на каком этапе развития в 2021 году находится процесс исследования генетической информации в России.

В Российской Федерации правовое регулирование генетических исследований регулируется, прежде всего, Конституцией РФ². В ней закреплен комплекс прав, как основа, граждан, напрямую связанный с их охраной и защитой и возможностью реализации (право на охрану здоровья и медицинскую помощь, добровольность участия в медицинских, научных и иных опытах, недопущение сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни без согласия человека).

Далее следует выделить Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»³, как основополагающий акт в сфере отношений складывающихся по поводу реализации конституционного права на здоровье. Приоритетное значение имеет Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»⁴, нормы которого определяют генодиагно-

стику, как «совокупность методов по выявлению изменений в структуре генома». Особое значение имеет Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах», который регламентирует отношения, возникающие в связи с обращением биомедицинских клеточных продуктов, а также донорства биоматериалов⁵. Отчасти к данному комплексу правовых актов можно отнести Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»⁶, в нем описывается процедура осуществления государственной геномной регистрации, а также получения, хранения и использования геномной информации.

Стоит также упомянуть Указ Президента РФ от 28 ноября 2018 г. № 680 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации»⁷, в котором определены общие цели, по ускоренному развитию и усилению контроля в сфере генетических технологий (в т. ч. и технологий генетического редактирования). При этом данный нормативно-правовой акт касается не только сектора медицины и здравоохранения, но также и, например, сельского хозяйства, промышленности и т.п. Разработанная во исполнение данного Указа «Федеральная научно-техническая программа развития генетических технологий на 2019-2027 годы» определяет направления развития генетических технологий в различных отраслях деятельности, а также меры по обеспечению безопасности их применения и технологической независимости⁸. Исходя из анализа правового регулирования генетической информации, можно сделать вывод, что законодательство Российской Федерации, регулирующее сферу генетических исследований, в настоящее время лишь находится на этапе роста и развития.

Таким образом, развитие инновационных генетических технологий является одним из ключевых факторов, определяющих конкурентоспособность национальных экономики и эффективность национальных стратегий безопасности в стране. В частности, В. Д. Рузановой, В. И. Беяковым справедливо подмечено неудовлетворительное состояние правового регулирования в данной сфере исследований и в связи с этим они полагают, что современное законодательство должно системно учитывать особенности генетической информации человека, определяя ее место среди персональных данных [4, с. 29].

Анализ правового регулирования генетических исследований в отечественном правовом поле позволил выявить проблемы в процессе законодательного регулирования отрасли медицинской геномной инженерии.

Во-первых, установлено, что отечественное законодательство в настоящее время учитывает не все положения

1 Указ Президента РФ от 01 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 03.12.2023).

2 Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 03.12.2023).

3 Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 03.12.2023).

4 Федеральный закон от 05 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 03.12.2023).

5 Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 03.12.2023).

6 Федеральный закон от 03 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 03.12.2023).

7 Указ Президента РФ от 28 ноября 2018 г. № 680 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации» (вместе с «Положением о совете по реализации Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019 - 2027 годы») // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 03.12.2023).

8 Постановление Правительства РФ от 22 апреля 2019 г. № 479 «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019 - 2027 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 03.12.2023).

международного права в области генетических исследований. Так, за пределами национального правового регулирования находятся так называемые «личностные права» (соматические права) [5, с. 32]. Исходя из научных воззрений соматические права – это признанные обществом и государством возможности определенного поведения, выражающиеся в полномочиях по распоряжению человеком своим телом), к которым относятся, в том числе, репродуктивные права человека [6, с. 127]. Вполне очевидно, что упомянутые права не входят в круг естественных прав человека, которые отражены в положениях Конституции РФ (право на жизнь, право на безопасное существование и др.). Учитывая тесную взаимосвязь между телом человека, научным прогрессом, а также его правом свободно распоряжаться своей жизнью, государство, провозглашающее человека и его права высшей ценностью, обязано выработать соответствующий механизм их юридического обеспечения.

В настоящее время термин «личностные права» не легализован, в этой связи видится необходимость расширения комплекса конституционных прав человека в национальном законодательстве и выделение личностных прав человека в отдельную категорию. Важным представляется восполнение отсутствия в российском законодательстве права человека на защиту своей генетической идентичности (по опыту закрепления такого права в зарубежных странах, например, в Конституции Греции, Португалии) [7, с. 20].

Во-вторых, стоит согласиться с мнением ученых в том, что собственно сама правовая природа генетической информации и определение ее правового режима на сегодняшний день нуждаются в доработке [8, с. 267]. Так, Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (п. 3 ст. 1) определяет геномную информацию как био-персональные данные, включающие кодированную информацию об определенных фрагментах дезоксирибонуклеиновой кислоты физического лица или неопознанного трупа, не характеризующие их физиологические особенности⁹. Логично, что на такую информацию следует распространить режим, определенный в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», согласно которому такая информация, безусловно, требует оформления, соответствующего правового регламента ее использования, как, впрочем, и любая информация имеющая отношение к категории персональных (ст. 7).

Заслуживает поддержки мнение исследователей о том, что «генетическую информацию субъекта некорректно относить только к его персональным данным, поскольку обладателем данной информации является не только само лицо, предоставившее ДНК, но его генетические родственники, как предки, так и потомки, и, следовательно, разрешение на ее распространение не должно определяться только волеизъявлением конкретного лица» [9, с. 43]. Соответственно, ввиду особых характеристик такой информации представляется важным на законодательном уровне отнести ее к особому – самостоятельному виду информации.

Нельзя не согласиться с мнением о том, что генетической информации человека должен быть придан особый правовой статус. Ее необходимо выделить из группы персональной биометрической информации в самостоятельный подвид персональных данных, с ограниченным доступом, исходя из родственной (кровной) связи третьих лиц с носителем такой информации [10, с. 78]. При этом важно определить именно критерии и безусловно ограничения такого доступа обо-

значенных лиц! Одним из критериев полагаем установление потенциальной угрозы здоровью не только непосредственно пациенту генетического исследования, но и его родным в том числе. Заметим, что в некоторых странах такая процедура уже разработана, однако объем правомочий использования генетической информации в интересах третьих лиц, различен.

В-третьих, серьезная проблема возникает при использовании информации, полученной посредством применения технологий ЭКО, преимплантационной генетической диагностики (в тексте – ПНД) и пренатальной генетической диагностики (в тексте – ПГД). В научных статьях, посвященных данной проблеме, учеными неоднократно указывалось на этическую спорность применения метода ПГД исходя из возможности отбора эмбрионов по запросу пациентов [11, с. 127]. Не стоит отрицать тот факт, что, бесспорно, обозначенная ситуация напрямую может оказать влияние на демографическую ситуацию в стране. Такие дискуссии связаны с отсутствием легального статуса эмбриона в отечественном законодательстве [12, с. 125]. Опять-таки, обращаясь к опыту зарубежного правового регулирования, можно сказать, что правовой статус эмбриона закреплен различных развитых странах. Например, в Германии, согласно Закону «О защите эмбриона» (1990 г.), установлен запрет на возможные манипуляции с эмбрионом, кроме как криоконсервирования. Им же определены уголовные санкции за несанкционированное изменение генетического кода зародыша человека и клонирование эмбриона¹⁰. По такому же пути идет и законодательство Франции¹¹.

В этой связи, предлагаем следующие законодательные дополнения применительно к процедуре ПНД:

- запретить развивать человеческий эмбрион в экстракорпоральных условиях дольше 14 дней с момента оплодотворения и имплантации генетически модифицированного эмбриона. Данное ограничение позволит исключить возможность использования эмбриона для иных, не связанных с рождением здорового потомства целей (например, забор стволовых клеток и др.);

- регламентировать случаи допуска определения пола на раннем сроке по показаниям высокого риска рождения ребенка с наследственными заболеваниями, связанными с данным признаком.

В отношении ПГД, также видится необходимость, дополнительная регламентации и следующих поправок, носящих характер рекомендаций:

- внедрение и расширение применения неинвазивной пренатальной генодиагностики (НИПТ) в государственных программах пренатального скрининга. Решение о включении НИПТ в систему гарантированной государством пренатальной помощи должно быть обусловлено очевидной медицинской значимостью и экономической целесообразностью дополнительных комплексных затрат, для чего следует провести исследования для сравнительной оценки стоимости и эффективности существующей системы пренатального скрининга и скрининга с включением новой технологии [13, с. 92]. Заметим, что в России на региональном уровне делаются попытки масштабного использования НИПТ на примере пилотного проекта в городе Москва, а также в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО).

10 Gesetz zum Schutz von Embryonen [Elektronische Ressource]: Bundesgesetz (BRD), 1990 i. // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. 2017. Zugriffsmodus. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gesetze-im-internet.de/eschg/index.html>. (дата обращения: 03.12.2023).

11 Code de la santé publique [une ressource électronique]: Code, version consolidée au 15 août 2016 // Legifrance.gouv.fr. 2017. Le mode d'accès. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT00006072665> (дата обращения: 03.12.2023).

9 Федеральный закон от 03 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 03.12.2023).

– повышение требований к квалификации врачей-генетиков, поскольку проблема достаточной квалификации врачей в сфере генетической диагностики, в том числе и в области неинвазивной пренатальной генодиагностики – это проблема номер один.

Отметим, что суды не сомневаются в дефектах такой диагностики в тех случаях, когда генетический скрининг беременным вообще не проводился, либо не соответствовал нормативам его проведения. Однако, важное значение имеет именно в квалификации качества проведения такой диагностики правильность интерпретации (прочтения) результатов генетического скрининга. Очень часто в практике встречаются случаи «пропуска» врачом патологии, что чревато нежелательным рождением дефектного ребенка. Число исков в отношении таких случаев растет с каждым годом!

В-четвертых, на сегодняшний день актуален вопрос о возможной реализации государством права вмешиваться в процесс принятия потенциальными родителями решения о рождении детей с использованием технологий ЭКО, методов ПГД, CRISPR и других технологий [14, с. 130]. Конечно, в большинстве стран такое вмешательство государства недопустимо, в том числе и в Российской Федерации. Однако, не стоит упускать из виду такой факт, что ограничение права государства на вмешательство в процесс принятия потенциальными родителями решения о рождении детей с использованием ВРТ не способствует рождению и развитию здорового поколения, более того, предполагает весьма существенные расходы на содержание лиц с генетическими отклонениями. Представляется необходимым, установить критерии допустимости вмешательства государства и контроля в отношении лиц с выявленными в процессе генодиагностики или имеющимися в анамнезе генетическими отклонениями. Кроме того, в отношении пар, где уже есть ребенок с генетическим дефектом, должно быть установлено обязательное дополнительное проведение ПГД.

В-пятых, проблема проявляется в отсутствии должной сохранности полученной генетической информации в результате генодиагностики. Основной риск деятельности биобанков в частных медико-генетических центрах связан с нарушением прав граждан на тайну неприкосновенность персональных данных. Такие нарушения имеют место при незаконном сборе и хранении биоматериалов, при использовании биоматериалов без согласия донора и др. Поэтому справедливо мнение М.Н. Малеиной о том, что контроль за деятельностью биобанков со стороны государства «в форме лицензирования деятельности, отчетности, установления в федеральном законе отдельных запретов и ограничений, необходимо» [15, с. 105]. Вследствие этого видится необходимым внести соответствующие дополнения в Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах», об установлении требования к обеспечению безопасности генетической информации, как в процессе ее хранения в биобанках, так и при транспортировке биологических материалов, которые тоже ее содержат.

Обозначенные в исследовании проблемы в данной сфере напрямую указывают о том, что для современного российского правового регулирования генетических исследований необходимы законодательные механизмы, которые обеспечат права граждан, регламентируют вопросы получения, использования, защиты генетических данных человека и его семьи, в том числе будущих поколений. В контексте систематизации действующего российского законодательства в области правового регулирования геномных исследований важное значение приобретают формирование концептуальных положений по разработке и принятию нормативных правовых актов, внесения изменений и дополнений в действующее законодательство.

Постатейный библиографический список

1. В России будет создано 65 генетических лабораторий мирового класса к 2027 году // Официальный сайт Министерства образования и науки РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/21798/> (дата обращения: 03.12.2023).
2. Нацпроект «Наука»: Геномные центры мирового уровня // Официальный сайт Министерства образования и науки РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/21566/> (дата обращения: 03.12.2023).
3. Ахтямова Е. В., Алсынбаева Э. М., Масалимова А. А. Проблемы правового регулирования защиты генетической информации, полученной методами преимплантационной и пренатальной генетической диагностики в Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. - 2022. - № 3 (69) - С. 20-26.
4. Рузанова В. Д., Беляков В. И. Проблемы легализации и использования генетических технологий и данных циркадианной физиологии в сфере профессионального отбора // Юридический вестник Самарского университета. - 2020. - Т. 6. № 2. - С. 28-35.
5. Василевич Д. Г. Взаимодействие соматических и иных прав и свобод человека и гражданина // Вестник экономической безопасности. - 2018. - № 4. - С. 30-35.
6. Поцелуев Е. Л., Данилова Е. С. Понятие и виды личностных (соматических) прав человека // Наука. Общество. Государство. - 2015. - Т. 3. № 1. - С. 124-133.
7. Богданова Е. Е. Правовые проблемы и риски генетической революции: генетическая информация и дискриминация // Lex Russica. - 2019. - № 6 (151). - С. 18-29.
8. Тужилова-Орданская Е. М., Ахтямова Е. В. Проблемы гражданско-правового регулирования в сфере защиты прав гражданина в Российской Федерации при использовании генетической информации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. - 2021. - Вып. 52. - С. 263-284.
9. Владимиров В. Ю., Горбулинская И. Н., Кубитович С. Н. К вопросу о безопасности геномной информации // Биосфера. - 2018. - Т. 10. № 1. - С. 42-47.
10. Хусаинова Р. И., Миннихметов И. Р., Ялаев Б. И., Ахтямова Е. В., Э. М. Алсынбаева Э. М. Правовые проблемы защиты прав человека в Российской Федерации при использовании молекулярно-генетических технологий в медицине // Гены & Клетки. - 2021. - Т. XVI. № 3. - С. 75-81.
11. Ахтямова Е. В., Хусаинова Р. И., Миннихметов И. Р., Султанова Р. И. Современные молекулярно-генетические технологии в медицине: этические и правовые вопросы // Правовое государство: теория и практика. - 2020. - № 2 (60). - С. 123-133.
12. Белова Д. А. Правовой статус эмбриона in vitro // Lex Russica. - 2019. - № 6(151). - С. 122-130.
13. Алсынбаева Э. М., Хусаинова Р. И., Миннихметов И. Р., Ахтямова Е. В. Перспективы использования неинвазивного пренатального теста в России с точки зрения правового регулирования // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2021. - № 9-2 (60). - С. 91-93.
14. Богданова Е. Е., Малеина М. Н., Ксенофонтова Д. С. Отдельные проблемы защиты прав граждан при использовании геномных технологий // Lex russica. - 2020. - Т. 73. № 5. - С. 129-142.
15. Малеина М. Н. Правовой статус биобанка (банка биологических материалов человека) // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2020. - № 1. - С. 98-107.

ГУЛЯЕВА Татьяна Борисовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного права Нижегородского института управления (филиала) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

АВДЕЕВА Валерия Андреевна

студент 3 курса Нижегородского института управления (филиала) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

САВИНОВА Наталья Дмитриевна

студент 3 курса Нижегородского института управления (филиала) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ИНСТИТУТ ПРИЗНАНИЯ ГРАЖДАНИНА БЕЗВЕСТНО ОТСУТСТВУЮЩИМ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРОБЛЕМАТИКА СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

В статье рассматриваются существующие проблемы функционирования института признания гражданина безвестно отсутствующим или умершим в Российской Федерации. Авторы исследуют теоретические основы функционирования института объявления гражданина безвестно отсутствующим или умершим, анализируют статистические данные в этой области. Благодаря рассмотрению реальных судебных практик были выявлены основные пробелы в правовом регулировании изучаемого института. В заключение предложены варианты изменения статей ГК РФ и ГПК РФ, которые позволят совершенствовать механизм судопроизводства.

Ключевые слова: гражданин безвестно отсутствующий, гражданское законодательство, гражданские правоотношения, судебные разбирательства, механизм судопроизводства.

GULYAEVA Tatyana Borisovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil and international law sub-faculty of the Nizhny Novgorod Institute of Management (branch) of the Russian Academy of National Economic and Public Administration under the President of the Russian Federation

AVDEEVA Valeriya Andreevna

student of the 3rd course of the Nizhny Novgorod Institute of Management (branch) of the Russian Academy of National Economic and Public Administration under the President of the Russian Federation

SAVINOVA Natalya Dmitrievna

student of the 3rd course of the Nizhny Novgorod Institute of Management (branch) of the Russian Academy of National Economic and Public Administration under the President of the Russian Federation

THE INSTITUTION OF RECOGNIZING A CITIZEN AS MISSING: LEGAL FOUNDATIONS AND PROBLEMS OF JUDICIAL PRACTICE

The article examines the existing problems of functioning of the institution of recognition of a citizen as missing or deceased in the Russian Federation. The authors investigate the theoretical foundations of the functioning of the institution of declaring a citizen missing or deceased, analyze statistical data in this area. Due to the consideration of real judicial practices, the main gaps in the legal regulation of the institution under study were identified. In conclusion, options for changing the articles of the Civil Code of the Russian Federation and the CPC of the Russian Federation are proposed, which will improve the mechanism of legal proceedings.

Keywords: citizen unknown absent, civil legislation, civil legal relations, court proceedings, mechanism of legal proceedings.

В настоящее время все активнее развивается институт о признании гражданина безвестно отсутствующим, а также объявления его умершим. Проанализировав статистические данные (таблица 1), был сделан вывод о том, что абсолютный показатель пропавших без вести с каждым годом уменьшается, но за девять месяцев 2023 года количество таких граждан уже составляет 34 227 человек. Делая прогноз, мы можем предположить, что этот показатель к концу 2023 года увеличится по сравнению с 2022 годом [1]. (См. табл. 1.)

Предпосылки создания современного института признания гражданина безвестно отсутствующим появились ещё в начале XX века.

Отметим, что первый Гражданский Кодекс РСФСР был принят в 1922 году и устанавливал первоочередную роль нотариальных фирм в изучаемом институте. Так, ближайшие заинтересованные лица могли подать иск о признании гражданина пропавшим лишь в случае наличия официального

документа, подтверждающего факт пропажи человека, от юридической конторы. В случае гибели свидетельство выдавалось только при наличии документов у заинтересованных лиц, в виде протоколов и актов [2].

Таблица 1. Изменение числа граждан, пропавших без вести с 01.01.2020 по 01.09.2023 гг.

Годы	Количество граждан, пропавших без вести
2020	41 901
2021	40 349
2022	38 517
Январь-Сентябрь 2023	34 227

Таблица 2. Динамика деятельности судов общей юрисдикции в сфере специального судопроизводства в 2020-2022 гг.

	2020	2021	2022
Количество дел особого производства	185 148	194 600	206 800
Количество дел о признании гражданина безвестно отсутствующим или об объявлении гражданина умершим, поступивших в отчетном периоде	6060	6099	6012
Всего окончено, из них:	6189	6073	5940
С удовлетворением требования	3702	3798	3833
С отказом в удовлетворении требования	1121	921	838
Прекращено	600	569	487

На современном этапе развития вопроса о признании гражданина безвестно отсутствующим либо объявления его умершим регулируется нормами гражданского законодательства. По общему порядку, через год после пропажи гражданина заинтересованными лицам необходимо составить и подать заявление в суд, которое содержит данные о пропавшем гражданине. Заинтересованными лицами могут быть, например, родственники или граждане, состоящие в близких отношениях с пропавшим. Иногда определение конкретной даты пропажи гражданина, а именно получение последних данных о месте нахождения человека, пропавшего без вести, является невозможным. А. П. Анисимов характеризует подобную ситуацию следующим образом: «Согласно п. 2 ст. 42 ГК РФ при невозможности установить день получения последних сведений об отсутствующем, началом исчисления срока для признания безвестного отсутствия считается первое число месяца, следующего за тем, в котором были получены последние сведения об отсутствующем, а при невозможности установить этот месяц - 1 января следующего года» [3, с. 86].

Для граждан, проходящих военную службу, определены сокращённые сроки выяснения факта отсутствия, если в течение шести месяцев по адресу, указанному в прописке, нет информации о местонахождении военного. Кроме того, если суд уже признал военнослужащего безвестно отсутствующим, и с момента вступления в законную силу решения суда прошло три месяца, этот гражданин может быть объявлен умершим.

Заявление подается в суд по месту жительства или месту нахождения заинтересованного лица. При этом необходимо представить доказательства, указывающие на то, что гражданин на самом деле является безвестно отсутствующим. Для убеждения достоверной информации в суде, заинтересованным лицам необходимо принимать участие в судебном заседании и получить судебное решение.

Правые последствия признания гражданина безвестно отсутствующим изменяют различные сферы гражданских правоотношений, и установлены они в статье 43 ГК РФ: «Имущество при необходимости постоянного управления передается на основании решения суда лицу, которое определяется органом опеки и попечительства и действует на основании договора о доверительном управлении, заключаемого с этим органом; из этого имущества выдается содержание гражданам, которых безвестно отсутствующий обязан содержать, и погашается задолженность по его другим обязательствам» [4, с. 182].

В случае признания гражданина безвестно отсутствующим или умершим значительным изменениям подвергаются семейные правоотношения. В соответствии со ст. 19 Се-

мейного Кодекса РФ супруг или супруга может обратиться в суд для установления факта его/её смерти для расторжения брака. При этом возникают вопросы об опеке над детьми, поддержке семьи, имущества и т.д.

Факт признания гражданина безвестно отсутствующим может вызвать вопросы управления его имуществом. Если у гражданина имеется недвижимость, бизнес или другое имущество, может потребоваться временный контроль за имуществом с целью его сохранности и предотвращения ущерба. Исходя из этого могут возникнуть судебные разбирательства в отношении наследования имущества потенциально умершего гражданина, которые затрагивают вопросы о распределении его имущества среди наследников или в соответствии с его завещанием при наличии.

Кроме того, признание гражданина безвестно отсутствующим изменяет трудовые правоотношения. В соответствии со ст. 83 ТК РФ, работодатель может стать заявителем в деле по признанию гражданина безвестно отсутствующим в случае, если работник перестал выполнять свои должностные обязанности или появляться на рабочем месте, а также отсутствуют сведения о месте его нахождения по адресу проживания. В этом случае трудовые отношения с работником будут прекращены.

Кроме всего прочего изменяются и налоговые правоотношения лица, признанного безвестно отсутствующим. В соответствии со ст. 51 НК обязанность уплаты налогов переходит к доверительному управляющему имущества гражданина, который назначается уполномоченным органом опеки и попечительства. На управляющего кроме обеспечения вверенного ему имущества ложится ответственность за уплату налогов по этому виду собственности.

Проанализировав теоретические основы функционирования института объявления гражданина безвестно отсутствующим или умершим, предлагаем провести исследование судебных практик, применяемых в данной сфере. Согласно статистическим данным, число дел особого производства, рассматриваемые судами общей юрисдикции, возрастает с каждым годом (в 2022 году в сравнении с 2020 темп роста данного показателя составил 11 %). На основании данных сводной таблицы (таблица 2) можно сделать вывод, что ежегодно порядка 3-4 % от дел специального судопроизводства приходится на иски о признании человека пропавшим/умершим. Качественный анализ принятых решений по оконченным процессам из года в год остается относительно стабильным: около 63 % исков удовлетворены, 16 % – неудовлетворены и 9 % судебных разбирательств прекращены по различным обстоятельствам [5]. (См. табл. 2.)

По общему порядку в случае наличия достаточного количества доказательств, исковое заявление подлежит удов-

летворению. Для выявления актуальных проблем процесса объявления гражданина безвестно отсутствующим или умершим следует рассмотреть судебные разбирательства, итогом которых стал отказ.

В первую очередь, причиной отказа по исковому обращению может стать явка гражданина, в отношении которого рассматривается иск, или же получение информации о его местонахождении от различных причастных сторон. Чаще всего информацией о местонахождении человека располагают близкие родственники, поэтому подавляющее большинство отказов по исследуемой причине базируется на их показаниях. Принимая решение по делу № 2-1157/2019 от 02.11.2020 г., в котором Д. А. Плотникова просит признать своего бывшего мужа (Е. С. Еренкова) безвестно отсутствующим, Читинский районный суд ссылается на сведения об объявлении лица, представленные матерью Е. С. Еренкова [6]. Однако правовые нормы, регулирующие подобные гражданские процессы и установленные в действующем законодательстве, не закрепляют, кто конкретно может выступать в качестве заинтересованного лица. Поэтому иногда во время судебного процесса судьи привлекают сторонних наблюдателей, не являющихся родственниками потенциально пропавшего или умершего гражданина. Например, 16.11.2020 года Тобольский городской суд (Тюменская область), оставляя без удовлетворения исковые требования Н. С. Воробьевой в отношении своего бывшего сожителя Е. Ю. Лисицина, сослался на информацию, полученную на запрос от медицинского учреждения, к которому прикреплен Лисицин. Представитель лечебного учреждения подтвердил, что данный гражданин недавно обращался к специалисту за медицинской помощью [6].

Нередки случаи, когда в ходе разбирательства сведения о человеке так и не появляются, однако это не означает, что заявление точно будет удовлетворено. Чаще всего суд концентрирует свое внимание на проведении работ по поиску пропавшего органами внутренних дел, отсутствие данного обстоятельства также может стать причиной отказа. Примеров подобных ситуаций множество, в рамках исследования судебной практики были рассмотрены решения по трём искам, где заявление не было удовлетворено именно по описываемому обстоятельству.

Классический вариант заключения был вынесен Шабалинским районным судом (Кировская область) по делу № 2-2/71/2021 от 08.06.2021 заявитель Е. С. И считал свою бывшую супругу безвестно отсутствующей и хотел узаконить данный факт, в качестве доказательственной базы были предоставлены лишь показания истца [6]. Чтобы организовать поиск пропавшей, Е. С. И. в органы внутренних дел (ОВД) не обращался, ссылаясь на то, что не является родственником гражданки. Данное заявление суд счел ложным, так как согласно закону Е. С. И. мог направить обращение в ОВД, но не сделал этого в силу своих убеждений.

Также интересен опыт Богородского городского суда (Нижегородская область), который рассматривал дело № 2-837/2020 [6]. В рамках разбирательства истица предоставила документ, установленного образца о мероприятиях, проведенных ОВД относительно потенциального безвестно отсутствующего. Однако суд установил, что гражданин выехал из РФ на Родину, а на территории иностранного государства в розыск его не подавали, следственно информация о местонахождении гражданина была выявлена.

Очень часто совместно с наличием или отсутствием розыскных мероприятий судом анализируется вероятность

преднамеренного сокрытия местонахождения лица им самим или же заявителем. Обнаружение данного факта является третьей по популярности причиной отказа в удовлетворении обращений граждан. Чаще всего это дела, целью которых является получение выплат (пенсий) на содержание детей или же погашение задолженностей.

Анализ дела № 2-581/2022, рассмотренного Шалинским районным судом (Свердловская область), показал, что такая проблема действительно существует. Суд, отказывая в удовлетворении искового обращения, опирался на факт умышленного отсутствия гражданина для того, чтобы не выплачивать алименты [6]. Также стоит обратить внимание, что, если механизм выявления данного факта, хоть и не закреплён нормативно, работает эффективно, потому что судебная практика обширна. А вот вопрос ответственности специально срывающихся от своих обязательств людей до сих пор является дискуссионным.

Во всех исследуемых практиках имело место досудебное делопроизводство исполнительного характера (судебными приставами), но оно имело меньшую степень значимости в доказывании пропажи человека, чем розыскные мероприятия. Процесс и очередность проведения таких событий часто вызывает споры в юридическом сообществе. Рассуждая над этим вопросом Т. В. Шакитко пишет: «В определенной степени в этом повинен и законодатель, уклонившийся при создании ГПК РФ от описания состава общего предмета доказывания, оставивший этот вопрос на разрешение процессуальной теории и судебной практики» [7, с. 99].

Следующей причиной отказа может стать несоответствие заявителя категории заинтересованных лиц. Неудовлетворение иска по данному основанию встречается намного реже, при этом очень часто цель обращения в таких случаях не ясна, а отношения заявителя и отсутствующего гражданина не несёт правовой нагрузки. Руководитель воинского подразделения утверждал, что один и солдат, отбывающий дисциплинарное наказание, самовольно покинул территорию части и должен быть признан безвестно отсутствующим. Щелковский городской суд (Московская область), проводивший судебное разбирательство по данному обращению, не нашел юридических связей между командиром части и пропавшим. Кроме того, в иске заявитель не отрицал предполагаемые правовые последствия в случае удовлетворения [8].

Вопрос признания того или иного лица заинтересованным, на самом деле, является базовым пробелом в законодательном регулировании системы объявления человека пропавшим без вести или умершим. В статьях как ГК РФ, так и в ГПК РФ отсутствует чёткое определение термина «заинтересованные лица», информации о субъектах, входящих в это понятие, также не имеется. В связи с этим, часто судьи вынуждены сами, субъективно оценивать факт заинтересованности заявителя, а тот в свою очередь должен доказать ее наличие суду. Для упрощения механизма установления связей между истцом и пропавшим без вести считаем целесообразным внести изменения в статьи 42 ГК РФ и 276 ГПК РФ при помощи следующей формулировки:

«Заинтересованными лицами признаются:

1. родственники пропавшего гражданина;
2. физические или юридические лица, связанные с пропавшим без вести узаконенными обязательствами;
3. органы публично-правовых образований, целью которых является регулирование последствий, связанных с пропажей гражданина, в общественных интересах».

Также в процессе судебных разбирательств возникает вопрос о доверительном управлении имуществом лица, признанного пропавшим без вести. Однако, во время судебных заседаний данный механизм очень редко используется, именно поэтому на сегодняшний день он слабо развит. В связи с этим, мы можем сделать вывод, что есть определенные пробелы в законодательстве, а именно не установлен реестр имущества, которое должно быть передано под руководство избранного управляющего. С нашей точки зрения, целесообразно будет изменить статью 43 ГК РФ, включив в нее различные виды имущества и собственности безвестно отсутствующего, над которыми необходимо установить обязательный контроль.

Это могут быть:

1. документы, удостоверяющие ценные имущественные права гражданина;
2. официальные зарегистрированные интеллектуальные имущественные права;
3. материальный комплекс (в том числе организации, предприятия, фирмы) находящийся в собственности пропавшего гражданина;
4. вещи, нуждающиеся в постоянном уходе;
5. иные объекты, которые по решению суда должны быть под контролем доверенного лица.

Если местонахождение гражданина, который был включён в категорию безвестно отсутствующим/ умершим становится известным, и он готов явиться в суд и доказать свое существование, предшествующее судебное решение аннулируется. Иногда в таких разбирательствах присутствуют факты, подтверждающие умышленность действий заявителя. Однако нормативные правовые акты, регулирующие изучаемый институт не содержат какие-либо меры юридической ответственности, которую можно было бы применить в случае недобросовестного поведения гражданина. Вопрос редактирования закона относительно этого аспекта часто обсуждается юристами, которые до сих пор не могут прийти к общему мнению. По нашему мнению, в первую очередь, необходимо предусмотреть возможность прекращения действия решения о признании гражданина безвестно отсутствующим (статья 44 ГК РФ) в случае обоснования умышленных и неправомерных действий лица. Кроме того, следует дополнить статьи 44 и 46 ГК РФ следующим пунктом: «В случае наличия обстоятельств, указывающих на умышленное сокрытие информации о местонахождении гражданина, признанного безвестно отсутствующим/ умершим, самим гражданином или заинтересованными лицами, суд вправе признать факт презумпции недобросовестной пропажи гражданина». В таком случае, гражданин, подозреваемый в преднамеренном укрывательстве, должен будет доказать в судебном порядке свою невиновность, в противном случае, к гражданину будут применены меры юридической ответственности.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать вывод, что институт признания гражданина пропавшим без вести стремительно развивается в современных реалиях. На основе анализа теоретических положений и реальных судебных разбирательств были выявлены существующие пробелы в законодательстве. Разработанные альтернативы изменения статей ГК РФ и ГПК РФ позволит облегчить механизм судопроизводства. Применение усовершенствованных норм законодательства даст возможность улучшить систему государственной защиты прав добросовестных и нуждающихся граждан, и, в тоже время, ужесточит наказание за неправо-

мерные деяния и умышленное отклонение от исполнения некоторыми лицами своих обязательств.

Пристатейный библиографический список

1. ЕМИСС государственная статистика. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/36194?ysclid=lo7flh67py465975510> (дата обращения: 28.10.2023 г.).
2. Падалкина О. И. Становление и развитие института признания гражданина безвестно отсутствующим. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitiye-instituta-priznaniya-grazhdanina-bezvestno-otsutstvuyuschim> (дата обращения: 30.10.2023 г.).
3. Анисимов А. П. Гражданское право России. Общая часть: учебник для вузов. – М., 2023. – 435 с.
4. Основы государства и права: учебное пособие для среднего профессионального образования. – М., 2023. – 677 с.
5. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 – 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 2.11.2023 г.).
6. Судебные и нормативные акты РФ. Крупнейшая в сети база судебных и нормативных актов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 2.11.2023 г.).
7. Шакитько Т. В. Состав предмета доказывания по делам о признании гражданина безвестно отсутствующим. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostav-predmeta-dokazyvaniya-po-delam-o-priznanii-grazhdanina-bezvestno-otsutstvuyuschim> (дата обращения: 24.10.2023 г.).
8. Решение № 2-618/2017 2-618/2017(2-7379/2016;)-М-8855/2016 2-7379/2016 М-8855/2016 от 28 февраля 2017 г. по делу № 2-618/2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/F7QGuHgv93QV/?ysclid=lo5jaz4nc413604393> (дата обращения: 3.11.2023 г.).

КАРПОВА Юлия Сергеевна

ассистент кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, аспирант Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Карпова Ю. С.

СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ «СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ» И ЕЕ СООТНОШЕНИЕ С КАТЕГОРИЕЙ «СПОСОБ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ»*

Конституция Российской Федерации наделяет каждого правом обращения в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся «внутригосударственные средства правовой защиты», однако что понимается под «средствами правовой защиты» и что входит в содержание этой категории не закреплено. Легальная неопределенность используемого законодателем понятия «средство защиты» затрудняет ее понимание.

В науке категории «способ защиты прав» и «средство защиты прав» достаточно часто отождествляются, рассматриваются как часть и целое, либо признаются элементами единого механизма защиты прав.

В то же время, в силу отсутствия теоретического единообразия по вопросу содержания категории «средство защиты» и ее соотношения с категорией «способ защиты», отсутствия нормативного определения понятия «средство защиты» в действующем законодательстве, недостаточной изученности вопроса и, при этом, при большой распространенности ее применения в различных отраслях, следует выяснить содержание категории и сформулировать ее дефиницию.

Ключевые слова: средство защиты прав, способ защиты прав, механизм защиты прав, реализация права, субъективное право на защиту.

KARPOVA Yuliya Sergeevna

assistant of Theory and history of state and law sub-faculty of the Law School of the Far Eastern Federal University Vladivostok, postgraduate student of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

CONTENTS OF THE CATEGORY «REMEDY OF PROTECTING CIVIL RIGHTS» AND ITS RELATION TO THE CATEGORY «METHOD OF PROTECTING CIVIL RIGHTS»

The Constitution of the Russian Federation gives everyone the right to appeal to interstate bodies for the protection of human rights and freedoms if all available «domestic remedies» have been exhausted, but what is meant by «remedies» and what is included in the content of this category is not fixed. The legal vagueness of the concepts of interests used by the legislator makes them difficult to understand.

In science, the categories «method of protecting rights» and «means of protecting rights» are quite often identified, considered as part and whole, or recognized as elements of a single mechanism.

At the same time, we believe that due to the lack of theoretical uniformity on the issue of the content of the category, the lack of a normative definition in the current legislation, insufficient knowledge of this issue and, at the same time, the widespread use in various industries, it is necessary to clarify the content of the category and formulate a definition.

Keywords: means of protecting rights, method of protecting rights, mechanism for protecting rights, implementation of rights, subjective right to protection.

Общеизвестно, что субъективные права подлежат защите предусмотренными законом способами в установленных формах при помощи специальных средств. При этом необходимо отметить, что без надлежащей защиты субъективное право является не более чем декларативным правом, а его реализация в случае его нарушения не представляется возможной.

Для начала обратиться к понятию слова «средство», предусмотренном в толковом словаре. Так, слово «средство» понимается как «прием для достижения чего-либо», во-

вторых, как «орудие для осуществления какой-нибудь деятельности» [2].

При этом, нельзя не отметить, что понятие «средство» как в теории права, так и в цивилистической науке используется в различных значениях, которые для целей настоящего исследования следует рассмотреть подробнее [3].

Раскрывая понятие средства защиты прав в правовом поле, следует обратиться к категории, используемой в теории права – «правовые средства».

Следует отметить, что единство в теории права по вопросу содержания рассматриваемой категории отсутствует. В науке под правовыми средствами понимают явления правовой действительности; нормативные установления; инструменты упорядочения общественных отношений; деятельность субъек-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

ектов права, направленная на реализацию права; механизм урегулирования отношений, и др.

Так, в теории права в понятие правовых средств включают «институциональные явления правовой действительности, воплощающие регулятивную силу права, его энергию, которым принадлежит роль ее активных центров [4]».

Так, некоторые ученые понимают правовые средства в широком смысле как правовые явления, используемые для достижения целей, поставленных перед правом [5].

Л. В. Белова, в свою очередь, полагает, что правовое средство можно определить, как «нормативное установление, реализация которого может привести к достижению целей правового регулирования и решению задач, стоящих перед обществом и государством на современном этапе» [6].

При этом автор отмечает, что правовое средство является характеристикой норм права, обусловленной регулятивной функцией права. Таким образом, полагаем, что в данном случае понятие правового средства сводится к нормативным установлениям.

Л. П. Рассказов под правовыми средствами понимает юридические инструменты, используемые для упорядочения правоотношений и удовлетворения интересов их субъектов. По мнению ученого к ним относятся такие правовые средства, как нормы права, корреспондирующие друг другу права и обязанности субъектов правоотношений, юридическая ответственность, правовые ограничения, правовые стимулы, правовые поощрения и т.д. [7]. Таким образом, в данном случае понятие правовых средств сводится к определенным инструментам.

Б. И. Пугинский отмечает, что «правовые средства представляют собой сочетания (комбинации) юридически значимых действий, совершаемых субъектами с дозволенной степенью усмотрения и служащих достижению их целей (интересов), не противоречащих законодательству и интересам общества» [8]. Таким образом, ученый под правовыми средствами понимает непосредственно деятельность уполномоченного субъекта по реализации права.

Другие же ученые полагают, что содержанию категории «правовое средство» соответствует правовой механизм, благодаря которому осуществляется регулирование общественных отношений, являющихся предметом [9].

Е. В. Вавилин утверждает, что механизм защиты субъективных гражданских прав и есть правовые средства исходя из предложенного ученым определения. Так, Е. В. Вавилин понимает под правовыми средствами «индивидуально выстроенную систему правовых средств и условий, направленную на достижение конечной цели по юридическому и фактическому восстановлению нарушенных прав либо пресечению их нарушения» [10].

Б. С. Монгуш под правовыми средствами понимает и нормативные установления, и деятельность управомоченных субъектов по реализации права, и инструменты, регулирующие отношения. Также Б. С. Монгуш в качестве признака правовых средств указывает их целевую направленность и обусловленность функциями, которые определяются целевым назначением средств и сферой их применения [11].

Здесь необходимо обратить внимание на корреляцию средств и целей защиты прав – без выбора надлежащих средств защиты прав достижение цели их защиты не представляется возможным. Если необходимые средства защиты отсутствуют, то цель защиты гражданского права становится недостижимой.

Я. Н. Шевченко также отмечает, что средства защиты имеют целевую направленность, что является их основным признаком [12].

Нельзя не согласиться с М. А. Рожковой, которая отмечает, что «средства защиты являются одним из элементов механизма реализации субъективного гражданского права» [13].

На фундаментальность статуса правовых средств в механизме защиты субъективных прав обращает внимание А. П. Смирнов [14].

Как полагает А. Б. Степин, основными элементами механизма защиты гражданских прав являются средства, связанные со способами защиты (статус адвоката, законодательное закрепление перечня документов, социальные выплаты и др.) [15].

Полагаем обоснованным, что средства защиты прав являются неотъемлемым элементом механизма защиты гражданских прав, иными словами, защита гражданских прав осуществляется с помощью определенных средств.

При этом в юридической науке встречаются точки зрения, в соответствии с которыми категории «средства защиты» и «способы защиты» являются тождественными [16]. Вместе с тем, полагаем необходимым рассмотреть и иные позиции на соотношение двух вышеуказанных категорий.

Здесь также необходимо отметить, что законодатель в статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации закрепил термин «способ защиты», а не «средство защиты» и также не упоминает их в качестве синонимов.

Так, А. Б. Степин полагает, что «средства защиты выступают опосредованным выражением способов, реализуются в качестве основных элементов частноправовых и публично-правовых механизмов». При этом ученый отмечает, что правовые средства включают в себя представление интересов в юрисдикционной и неюрисдикционной формах, подача иска, жалобы, представление доказательств по делу и др. [17].

Так, разграничивая категории «способ защиты прав» и «средство защиты прав», некоторые ученые отмечают, что если способ защиты гражданских прав указывает на то, что именно лицо осуществляет для защиты и (или) восстановления своих нарушенных прав, то средство правовой защиты – это то, посредством чего реализуется способ защиты [18]. Иными словами, содержание средства правовой защиты составляет действие частного лица.

Ученые также в качестве правовых средств понимают инструменты, которые приводят в действие способы защиты [19].

Так, М. А. Рожкова отмечает, что способ защиты прав олицетворяет собой ту непосредственную цель, к достижению которой стремится субъект защиты, полагая, что таким образом он пресечет нарушение (оспаривание) своих прав и восполнит понесенные потери, возникшие в связи с нарушением его прав [20].

В свою очередь, средство правовой защиты – это орудие воздействия на нарушителя, к которому лицо, осуществляющее защиту, обращается для достижения этой цели.

Д. В. Дернова, наоборот, полагает, что способы защиты приводят в действие средства защиты. Так, средство защиты является требованием лица, чьи права подлежат защите, а способы – непосредственные действия, совершение которых обеспечивает защиту прав [21]. Вместе с тем, изложенный подход не является распространенным в научной литературе, а также не содержит обоснованного объяснения необходимости подмены одного понятия другим.

В своей работе М. А. Рожкова приводит наглядное соотношение способа защиты и средства защиты: так, если лицо, чье право нарушено, выбирает способ защиты права – взыскание убытков, то для его применения необходимо предъявить иск, который является средством защиты. Как полагает автор, способ защиты указывает на то, что лицо, чье право нарушено, осуществляет для защиты и (или) восстановления нарушенного права, а средство, в свою очередь, определяет, каким образом субъект этого добивается.

Средства защиты подразделяются на действия и бездействие, при этом бездействие может быть выражено, например, в виде неисполнения не основанных на законе и договоре требований контрагента. При этом указанные действия (бездействие) должны быть правомерными. Неправомерные действия (бездействие), даже совершаемые в целях защиты прав, в любом случае не могут рассматриваться в качестве средств защиты прав.

Также достаточно спорной представляется точка зрения о том, что средства защиты включают в себя формы и способы защиты прав [22], а также формы ответственности, способы самозащиты, способы обеспечения исполнения обязательств [23]. Полагаем, что изложенная позиция убедительными аргументами не подкреплена, представляет собой собирательное понятие различных категорий института защиты прав.

По результатам проведенного исследования следует сделать следующие выводы. Так, способ защиты и средство защиты не являются идентичными понятиями. Несомненно, вышеизложенное позволяет сделать вывод о правоте тех ученых-цивилистов, которые отрицают тождество понятий «способ защиты прав» и «средство защиты прав».

Также по результатам анализа средств защиты прав представляется возможным вывести следующее определение средств защиты прав.

Под средствами защиты гражданских прав следует понимать совокупность инструментов и юридически значимых действий (бездействий) субъектов права по их применению и использованию, нацеленная на надлежащую реализацию субъективных гражданских прав, их охрану, восстановление в случае нарушения и оказание воздействия на правонарушителя.

Говоря о соотношении средства и способа защиты прав следует отметить, что способ защиты указывает на то, что лицо, чье право нарушено, осуществляет для защиты и (или) восстановления нарушенного права, а средство, в свою очередь, определяет юридически значимые действия субъектов и применение ими инструментов, направленных на защиту своих прав и оказание воздействия на их нарушителя.

Пристатейный библиографический список

- Хабиров А. И. Средства, способы и формы гражданско-правовой защиты прав сторон по договору займа: теоретический аспект // Вестник гражданского процесса. 2018. № 6. С. 226-259.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. С. 621
- Теория государства и права: Учебник / Ред. Н. И. Матузов, А. В. Малько. М., 2013. С. 223.
- Алексеев С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 14.
- Теория государства и права: Учебник / Ред. Н. И. Матузов, А. В. Малько. М., 2013. С. 223.
- Белова Л. В. Правовые средства и формы защиты экономических интересов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 Самара, 2006. С. 97.
- Рассказов Л. П. Теория государства и права: учебник. Москва: РИОР: Инфра-М, 2015. С. 446.
- Пугинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984. С. 86-87
- Хропанюк В. А. Теория государства и права. М., 1993. С. 244-245.
- Вавилин Е. В. Некоторые проблемы механизма защиты субъективных гражданских прав // Правоведение. 2002. № 3. С. 179.
- Монгуш Б. С. Средства защиты гражданских прав // Вестник Саратовской государственной юридической академии, (Дополнительный). 2012. С. 128-132.
- Шевченко Я. Н. Средства защиты в гражданском праве // Советское государство и право. 1977. № 7. С. 55-62.
- Рожкова М. А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. М.: Волтерс Клувер, 2006. 416 с.
- Смирнов А. П. Юридические средства защиты субъективных прав: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Омск, 2016. С. 50.
- Степин А. Б. Основные элементы и стадии механизмов защиты гражданских прав: вопросы теории и практики // Российский судья. 2020. № 7. С. 3-8.
- Латыпов Д. Н. Система способов защиты гражданских прав в Российской Федерации: дис. ... докт. юрид. наук 5.1.3. Ульяновск, 2022. С. 397.
- Степин А. Б. Основные элементы и стадии механизмов защиты гражданских прав: вопросы теории и практики // Российский судья. 2020. № 7. С. 3-8.
- Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1-5 / А. В. Барков, А. В. Габов, В. Г. Голубцов и др.; под ред. Л. В. Санниковой. М.: Статут, 2015. 662 с.
- Бутнев В. В. Понятие механизма защиты субъективных гражданских прав // Механизм защиты субъективных гражданских прав: сборник научных трудов. Ярославль: ЯрГУ, 1990. С. 16.
- Рожкова М. А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. М.: Волтерс Клувер, 2006. 416 с.
- Дернова Д. В. Неюрисдикционные формы и средства разрешения частноправовых конфликтов (общие положения) // Администратор суда. 2015. № 4. С. 21 - 25.
- Монгуш Б. С. Категория «правовые средства» применительно к защите субъективного гражданского права // Семейное и жилищное право. 2012. № 2. С. 43-44.
- Стоякин Г. Я. Меры защиты в советском гражданском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1973. С. 36-37.

КАТАНОВ Александр Владимирович

старший преподаватель кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Вологодского института права и экономики ФСИН России

УСТЮЖАНИНА Виктория Олеговна

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ, КАК МЕСТА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СДЕЛОК

В статье рассматриваются проблемы формирования нормативной базы, регулирующей информационные системы, авторами предлагается местом заключения сделки считать информационную систему. На основе анализа правового регулирования информационных систем, в рамках которых заключаются сделки, сделан вывод о высокой степени саморегулируемости данных систем. В связи с этим, авторами указывается на необходимость гармонизации национального законодательства с учетом особенности информационных систем.

Ключевые слова: сделка, электронная сделка, информационная система, место заключения сделки, цифровизация, Интернет, смарт-контракты.

KATANOV Alexander Vladimirovich

senior lecturer of Criminal process, criminalistics and operational investigative activities sub-faculty of the Vologda Institute of Law and Management of the FPS of Russia

USTUZHANINA Viktoriya Olegovna

lecturer of Civil law disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF INFORMATION SYSTEMS AS A PLACE OF ELECTRONIC TRANSACTIONS

The article discusses the problems of the formation of the regulatory framework governing information systems, the authors propose to consider the information system as the place of conclusion of the transaction. Based on the analysis of the legal regulation of information systems within which transactions are concluded, a conclusion is made about the high degree of self-regulation of these systems. In this regard, the authors point out the need to harmonize national legislation, taking into account the specifics of information systems.

Keywords: transaction, electronic transaction, information system, place of transaction, digitalization, Internet, smart contracts.

Катанов А. В.

Устюжанина В. О.

Изобретение новых способов коммуникации и передачи данных существенным образом повлиял на трансформацию института сделок. Новые способы коммуникации обусловили дистанцирование отношений, а появление сети Интернет – дематериализацию отношений.

Кроме того, электронные сделки заключаются дистанционно, что исключает личный контакт контрагентов, таким образом привязка места заключения сделки к определенной территории считается проблематичной. К аналогичным выводам приходит и Н. К. Калиева, которая, рассмотрев вопросы трансграничной e-торговли отмечает, что традиционная привязка «места заключения договора» не может использоваться, поскольку в настоящее время сделки могут заключаться также на маркетплейсах, то есть фактически отсутствует физическая связь сторон сделки с местом заключения договора [3, с. 522]. Действительно, особенности информационной системы также состоят и в том, что информационная система тесно связана с сервером, место нахождения которого законом не определено. Е. А. Махиня отмечает, что «оферент может разместить оферту не только на сервере, который находится на территории государства, резидентом которого он является, но и на сервере, который расположен в любой точке земного шара, подключенной к сети Интернет» [4, с. 71].

Обязательным условием, обуславливающей заключение электронной сделки, является необходимость доступа к специальной электронно-цифровой среде, информационной системе.

В соответствии с Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» Информационная система - совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств.

Изучение статуса информационных систем несомненно важно, поскольку, во-первых, владельцы информационных систем, являются участниками сделки, характерными только для электронной формы сделок, во-вторых, правовое регулирование заключения электронных сделок зависит от правил, установленных самой информационной системой.

Кроме того, количество и объем сделок, заключаемых на цифровых платформах, растет: по данным Центрального Банка России отмечается, что в 2022 году объем совершенных сделок достиг 36 млрд рублей и увеличился за год в семь раз, а их количество — в восемь раз, что делает актуальным изучение правового регулирования информационных систем, в рамках которых заключаются электронные сделки [5].

В настоящее время происходит активное становление цифровых платформ (информационных систем), которые по сути являются электронными агентами, а также происходит процесс становления законодательства, регулирующего информационные системы. Государство пытается выработать оптимальную модель правового регулирования, подобрать метод, который бы обеспечивал стабильность функционирования данного института.

Особенностью информационных систем, в которых заключаются сделки, является многоуровневость их правового регулирования. Д. Драммер и Д. Нойман выделяли многоуровневость в правовом регулировании смарт-контрактов, определяя правовой и нормативный уровни, уровень контракта и уровень технической реализации. При этом в качестве проблем ими были выделены необходимость в международной гармонизации правил (правовой и нормативный уровень), а также отсутствие унифицированных стандартов (уровень технической реализации) [1].

В настоящее время принято ряд фундаментальных правовых актов, закладывающих основу деятельности таких информационных систем.

Базовым нормативным правовым актом является Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», содержащий в себе базовые дефиниции в сфере информационных технологий и являющийся общим по отношению в последствии принятым правовым актам, устанавливающим специальные нормы, регулирующие отдельные цифровые системы, в рамках которых заключаются сделки.

Так, в 2020 году было принято два принципиально важных закона в данной области: Федеральный закон «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» от 20.07.2020 № 211-ФЗ и Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ. Были внесены изменения в ряд уже принятых нормативно-правовых актов, как уже было указано, изменениям подвергся Гражданский кодекс Российской Федерации в части признания легитимности сделок, заключаемых с помощью цифровых технологий и признания «самоисполняемых» сделок, введено понятие «информационный посредник».

Однако, природа регулирования информационных систем обладает своей спецификой: регулирование происходит «снизу-вверх», а государство в свою очередь принимает ряд императивных норм, которые устраняют недостатки системы либо защищают иных участников правоотношений.

Изучение правоприменительной практики в России и в мире демонстрирует постепенный переход «от мягкого права и саморегулированию» к «императивам» [2].

Как было отмечено, информационные системы обладают многоуровневой системой правового регулирования. Императивными нормами установлены, например, требования к операторам информационных систем, к их статусу и порядку регистрации, установлены обязанности, например, по учету сделок, совершенных в информационной системе, их ответственность в таких сделках и т.д., кроме того, с одной стороны – работа цифровых платформ регулируется нормами гражданского законодательства (в части заключения сделок), а также отдельными федеральными законами и подзаконными актами, регулирующими работу отдельных платформ (например, финансовые платформенные сервисы, маркет-плейсы и иные агрегаторы торговли). С другой стороны – данные системы являются саморегулируемыми и подавляющее количество вопросов регулируется правилами самой информационной системы (например, порядок идентификации и аутентификации пользователей, то есть установление конкретных требований к субъекту – обладанию возможности авторизации через ЕСИА или СМЭВ, либо ис-

пользования биометрических данных). Правилами информационной системы устанавливается также форма выражения волеизъявления – в форме заполнения своих данных при регистрации на сайте, в виде click-wrap соглашения, нажатием клавиши «я согласен» либо каким-либо иным способом.

Очевидно, что в настоящее время существует ряд проблем, вызванных противоречиями двойственной природы правового регулирования информационных систем – с одной стороны, информационная система является саморегулируемой, с другой – суды не всегда считают установленные правила «достаточными» для однозначного разрешения спора и так или иначе обращаются к нормам, которые установлены федеральным законодательством. Данные проблемы однозначно влияют на степень урегулированности электронных сделок, а их разрешение способствует гармонизации законодательства, что также благотворно повлияет на развитие данного института и унификации законодательства и судебной практики в рассматриваемой области.

Исследователями отмечается, что в будущем возможна конкуренция систем: установленной централизованной системы – регулируемой и поддерживаемой государственными органами – и частной, самоподдерживаемой системы [1].

Органы государственной власти, то есть законодатели, политики и регулирующие органы могут использовать множество вариантов для создания благоприятной среды для более успешного использования электронных сделок. Потенциальные подходы включают в себя обязательную идентификацию, регулирование защиты потребителей и национальную и международную гармонизацию правил.

Аналогичным образом инициативы частного сектора могут способствовать решению некоторых технически проблем и повышению надежности и уровня доверия к электронным сделкам.

Для разработки комплекса законодательства в данной сфере необходимо также говорить о создании корпоративного регулирования поверх существующей нормативно-правовой базы.

Пристатейный библиографический список

1. Drummer D., & Neumann D. Is code law? Current legal and technical adoption issues and remedies for blockchain-enabled smart contracts // Journal of Information Technology - № 35 (4). - P. 337-360.
2. Дупан А. С., Бикбулатова Ю. С. Мировые тенденции в регулировании цифровых платформ: от мягкого права и саморегулирования к императивам // Закон и право. - 2022. - № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovye-tendentsii-v-regulirovanii-tsifrovyyh-platform-ot-myagkogo-prava-i-samoregulirovaniya-k-imperativam> (дата обращения: 25.08.2023).
3. Калиева Н. К. Место заключения сделки – WWW. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2022. - № 21 (416). - С. 519-522.
4. Махиня Е. А. Актуальные проблемы заключения гражданско-правовых сделок в сети Интернет // Сибирское юридическое обозрение. - 2013. - №2 (21). - С.69-71.
5. Маркетплейсы, краудфандинг и ЦФА: итоги развития платформенных сервисов // Официальный сайт Центрального Банка России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cbr.ru/press/event/?id=14760>.

ПРОНИНА Юлия Олеговна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Юго-Западного государственного университета, г. Курск

СОПРОВОЖДЕНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ «СТАРТАП КАК ДИПЛОМ», КАК ВИДА ИННОВАЦИОННОЙ МЕТОДИКИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Автор рассматривает актуальные вопросы реализации показателя «Стартап как диплом» в рамках программы стратегического развития «Приоритет 2030» Министерства науки России. В работе на основе проведенного анализа даваемых определений стартапа различными учеными, были выделены его признаки и общие черты реализации в университетах. Статья стала результатом научного исследования автора о стартапах и их реализации в университетах.

Ключевые слова: стартап, университет, стратегическое развитие, инновации, образовательный процесс, инновационные методики.

PRONINA Yuliya Olegovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, associate professor of Civil law sub-faculty of the Southwestern State University, Kursk

Пронина Ю. О.

SUPPORT AND IMPLEMENTATION OF THE “STARTUP AS A DIPLOMA” PROGRAM AS A TYPE OF INNOVATIVE METHODOLOGY IN THE EDUCATIONAL PROCESS

The author examines current issues of implementing the “Startup as a Diploma” indicator within the framework of the strategic development program “Priority 2030” of the Russian Ministry of Science. In the work, based on the analysis of the definitions of a startup given by various scientists, its characteristics and general features of implementation in universities were highlighted. The article was the result of the author’s scientific research on startups and their implementation in universities.

Keywords: startup, university, strategic development, innovation, educational process, innovative methods.

Вектор развития современного Российского образования, реализуемого на базе университетов, нацелен на внедрение инновационных методик реализации образовательного процесса. В новых экономических обстоятельствах важным ускоряющим стимулом развития экономики могут стать стартапы, которые выполняются в форме выпускной квалификационной работы [2, с. 59].

Данное направление внедрения инноваций в учебных заведениях высшего профессионального обучения было закреплено в программе «Приоритет 2030» Министерства науки России. Университетам и научным организациям согласно программы необходимо решить следующие задачи:

- повышение научно-технологического потенциала российских университетов для создания новых технологий, отраслей и конкурентоспособных продуктов;
- расширение межинституционального сетевого взаимодействия;
- интеграция университетской науки с научными организациями и реальным сектором экономики;
- развитие международного сотрудничества» [9].

Решение данных задач возможно путем реализации инновационных продуктов полученных в результате подготовки стартап-проектов. Глобальные изменения, происходящие в социально-экономической и технологической сферах, переформатировали позиции национальных университетов от простых «трансляторов знаний» к инновационным «драйверам развития» отраслей и территорий [7].

Молодое, интерактивное поколение обучающихся с легкостью перевоплощаются в «стартаперов» рождая новые идеи и продукты. Реалии сегодняшнего дня требуют от обучающихся знаний не только в области профильных дисциплин,

но и навыков в ведении предпринимательской деятельности. Для быстрой и успешной реализации на практике теоретических знаний полученных в стенах альма-матер обучающимся надо проявить себя не только перед преподавателями, но и перед внешними стейкхолдерами. Наиболее перспективной такой возможностью является написание выпускной квалификационной работы (ВКР) в формате «Диплом как стартап». Данный формат предусматривает коллаборацию освоенных в ходе обучения профессиональных компетенций и запросов сегодняшнего дня. Все это в совокупности необходимо для успешного быстрого старта и монетизации инновационной идеи зародившейся у молодого обучающегося.

Для написания ВКР в формате стартапа необходимо уточнить используемый понятийный аппарат, применяемый в данной области.

Так, А. С. Ежов считает: «Стартап-форма временного (стартового) состояния частной коммерческой корпорации, позволяющая осуществить поиски и апробацию работы бизнес-модели на основе имеющихся и привлекаемых материальных ресурсов, разработки либо совершенствования с дальнейшим применением новых идей в товарах, услугах и процессах, а также самоорганизации команды участников [6, с. 250].

А. С. Вострикова дает следующее определение: «Стартап - это, во-первых, организация, находящаяся на стадии своего создания и развития, во-вторых, проект, в основе которого лежит уникальная или инновационная идея, в-третьих, организация, стремящаяся построить свою деятельность на основе инновационных подходов и новейших технологий, с целью решения существующих проблем, реализации перспективной идеи и получения прибыли» [4, с. 825].

А. С. Алексина, А. В. Хабирова, П. Л. Глухих дают свое авторское определение: ««стартап» как недавно образованной компании или группы людей, имеющей особую культуру, ориентированной на поиск возможностей для стремительного жизненного цикла, разрабатывающей и/или внедряющей новую технологию и/или продукт в условиях повышенной неопределенности и риска с целью максимально быстрого роста, использующей для этого масштабируемую бизнес-модель (как правило, на основе инновационной технологии и/или продукции) [1, с. 234].

По итогам проведенного анализа вышерассмотренных определений стартапов предлагаемых Российскими учеными, мы можем выделить общее:

- реализацией стартапа занимаются несколько лиц или группа;
- коллектив имеет не большой срок формирования;
- участники имеют только идею содержащую инновацию;
- для реализации стартап проекта необходима поддержка (чаще всего финансовая);
- деятельность команды направлена на быстрый старт и получение прибыли.

Все эти общие признаки стартапов присутствуют при написании ВКР в форме «Стартап как диплом». Защита диплома осуществляется командой выпускников, состоящей из нескольких человек. Такие команды обычно формируются на последних курсах, когда обучающиеся почти закончили свой процесс обучения и практически сформировались как специалисты. Стоит отметить, что будущие специалисты на 100% не владеют компетенциями нужными для формирования готового бизнеса. Это в первую очередь объясняется получением профильного высшего образования. Так, к примеру, будущие IT специалисты не могут просчитать необходимую сумму финансовой поддержки. Без помощи специалиста, владеющего юридическими знаниями, невозможно осуществить процедуру создания и налаживания работы вновь создаваемой организации.

Инновационные идеи в большинстве своем генерируют молодые люди в возрасте до 35 лет. Таковыми и являются обучающиеся университетов по направлениям подготовки бакалавриат, специалитет, магистратура, аспирантура, ординатура.

Для успешной реализации новых проектов необходимо наличие в университетах структурных подразделений, занимающихся организационно-координирующими мероприятиями, помогающими написанию, анализу возможности реализации и продвижению инновационных идей. Именно вузы должны быть драйверами развития общества [8, с. 133].

По состоянию на сегодняшний день не все вузы России соответствуют этим требованиям. Как отмечают обучающиеся: «к сожалению, университеты очень медленно двигаются в направлении разрешения введения практики сдачи стартапов вместо дипломов. Да и те, что двигаются в этом направлении, практическим опытом между собой обмениваются очень редко, что также замедляет введение этой технологии. В основном подразделения, занимающиеся стартапами – это, как правило, акселераторы от различных корпораций, у которых, либо очень высокий порог вступления в акселерацию, либо узкий круг направлений стартапов [5, с. 29].

Для выполнения задач, обозначенных в программе «Приоритет 2030» ВУЗам необходимо в короткие сроки переориентироваться на масштабирование защиты дипломов в форме стартап проектов.

И такое изменение статуса учебных проектных и/или исследовательских работ закономерно, постольку ключевым образовательным результатом, наряду со знаниями, становятся компетенции, то есть, комплексные личностные характеристики, обеспечивающие максимально успешное решение задач [3, с. 142].

Стоит отметить, что при создании проектов реализуемых в университетах логично привлекать к руководству такими проектами преподавателями обладающими сразу несколькими компетенциями. К таким навыкам кроме руководства написанием диплома в классической форме, необходимо наличие предпринимательских компетенций.

Пристатейный библиографический список

1. Алексина А. С., Хабирова А. В., Глухих П. Л. Молодежное стартап-движение: анализ зарубежных теоретических подходов // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16. – № 2. – С. 234-248
2. Блюм В. С., Будагов А. С., Куликова Д. М. Стартап как выпускная квалификационная работа по образовательной программе «Прикладная информатика в экономике» // Актуальные проблемы экономики и управления. – 2022. – № 2 (34). – С. 59-64. – EDN QEWAYQ.
3. Богданова О. Н., Аверков М. С. Учебный стартап как инструмент становления компетенций, освоения деятельности, появления персональных проектов у обучающихся // Красноярское образование: вектор развития. – 2022. – № 1 (5). – С. 142-147. – EDN YDPVYO.
4. Вострикова А. С. Основные проблемы стартап - индустрии в России // Аллея науки. - 2019. - Т. 1. - № 12 (39). - С. 825 - 828.
5. Ганбаров А. Т. Стартап вместо дипломной работы // Вестник науки и образования. – 2019. – № 11-4 (65). – С. 29-31. – EDN RVXSBD.
6. Ежов А. С. Инновационный стартап - ключевой элемент национальной инновационной системы в России // Бизнес. Образование. Право. – 2020. – № 1 (50). – С. 250-255. – DOI 10.25683/VOLBI.2020.50.171. – EDN BGRPRM.
7. Шершнева Е. Г., Пархаева А. А. Инновационный формат «Стартап как диплом» в российских вузах (на примере Уральского федерального университета) // Современные научные исследования и инновации. – 2021. – № 12 (128). – EDN LOZZEC.
8. Ягубов Э. З. Университет как жизненный стартап и профориентационная работа как выбор жизненного пути // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2021. – № 3 (37). – С. 133-138. – DOI 10.17122/2541-8904-2021-3-37-133-138. – EDN CWVVND.
9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030/>.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-11-186-170-173

СЕДОВ Петр Денисович*

аспирант Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ И НАИМЕНОВАНИЯ МЕСТ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТОВАРОВ В СТРАНАХ ЕАЭС. ВОЗМОЖНОСТЬ СОЗДАНИЯ ОБЩЕЙ СИСТЕМЫ РЕГИСТРАЦИИ

В свете появления географических указаний в Российской Федерации и невозможности ее присоединения к Женевскому акту Лиссабонского соглашения возникает неотложная потребность в создании единой системы регистрации на территории стран ЕАЭС. В данной статье исследуется правовое регулирование географических указаний и наименований мест происхождения товара на территории стран ЕАЭС. Основное внимание уделяется вопросам регулирования этих понятий в контексте стран ЕАЭС. В ходе исследования также выявлены отдельные особенности национального регулирования в государствах ЕАЭС. Кроме того, выделены ряд проблем, которые мешают созданию общей системы регистрации географических указаний и наименований мест происхождения товара.

Ключевые слова: географические указания, правовое регулирование, система регистрации, ЕАЭС, законодательство, средства индивидуализации.

SEDOV Petr Denisovich**

postgraduate student of the Law Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation

GEOGRAPHICAL INDICATIONS AND NAMES OF PLACES OF ORIGIN OF GOODS IN THE EAEU COUNTRIES. POSSIBILITY OF CREATING A COMMON REGISTRATION SYSTEM

In light of the introduction of geographical indications in the Russian Federation and its inability to join the Geneva Act of the Lisbon Agreement, there is an urgent need to create a unified registration system on the territory of the EAEU countries. This article examines the legal regulation of geographical indications and place names of origin of goods on the territory of the EAEU countries. The main focus is on the regulation of these concepts in the context of the EAEU countries. During the research, certain peculiarities of national regulation in the EAEU member states were also identified. Additionally, a number of issues that hinder the establishment of a common registration system for geographical indications and place names of origin of goods have been identified.

Keywords: geographical indications, legal regulation, registration system, EAEU, legislation, means of individualization.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире средства индивидуализации приобретают все больше экономического значения для привлечения потребителей к продукту. Особенное место среди средств индивидуализации занимают географическое указание (ГУ) и наименование места происхождения товара (НМПТ) как одни из самых древних форм индивидуализации товаров. Сам способ связывать определенный товар с географическим местом является наиболее древним способом индивидуализации товара. Уже до нашей эры в Древней Греции существовали такие обозначения как «сикионская рыбешка», «беотийские угри», «кабаны аргосские», «спартанская похлебка», «фессалийская запеканка» и «эвбейские фрукты», что можно отследить из тех письменных источников, которые дошли до нашего времени. Уже в данный период подобные товары пользовались спросом, и ценились именно за свое место происхождения, так как оно наделяло товар отдельными, особыми характеристиками. Активное использование современными предпринимателями данных средствами индивидуализации в большинстве стран мира ясно демонстрирует тот факт, что они актуальны до сих пор. Важно отметить, что использование НМПТ в качестве средства индивидуализации помогает потребителям связывать определенные качества и характеристики с товарами, произведенными в конкретном регионе. Это также способствует защите и продвижению товаров, произведенных в определенном географическом районе, и созданию прочной репутации для таких товаров. Таким образом, НМПТ и ГУ играют важную роль в сегментации рынка и ориентации потребителей.

На международном уровне существует несколько нормативно-правовых актов, которые регулирует или связаны с ГУ и НМПТ. Однако, в них нет четко разграниченного понятийного аппарата, и в связи с этим есть проблема, связанная с возможностью разграничения таких понятий «указание происхождения», «географическое указание» и «наименова-

ние места происхождения товаров», что, в частности, указывают Рузакова О.А. и Гринь Е.С. [5]. Одним из важнейших международных актов является Лиссабонское соглашение об охране наименований мест происхождения товаров и их международной регистрации, а также Женевский акт к данному соглашению. В частности, С. А. Горленко говорила о том, что Женевский акт это одна из важнейших вех в развитии системы правовой охраны ГУ на международном уровне [1]. Во многом из-за того, что данный закон вносит четкое разграничение определений НМПТ и ГУ. Кроме того, Шахназарова Э. А. подчеркивала, что в рамках Женевского акта Лиссабонского соглашения присутствуют определенные гарантии не только для ГУ и НМПТ, но и для иных средств индивидуализации [7]. В частности, в рамках данного акта установлено, что ранее зарегистрированные товарные знаки не должны быть аннулированы или не должно ограничивать право людей на использование своего собственного имени при осуществлении торговой деятельности.

Одним из наиболее ярких примеров обозначения, зарегистрированного как наименование места происхождения, является «CHAMPAGNE» [11]. Однако, необходимо отметить, что у данных средств индивидуализации только начинает расти количество регистраций в России, так В. И. Еременко говорил о том, что НМПТ зарегистрировано меньше, чем остальных средств индивидуализации [2]. Даже после улучшения правового регулирования наименования места происхождения товара, вопрос о том, что наименование места происхождения товара зарегистрировано меньше, чем остальных средств индивидуализации, до сих пор остается актуальным. До 2020 года данная проблема была связана с рядом факторов, одними с основных являлись, с нашей точки зрения:

1) Необходимость наличия особых свойств, которые должны были быть подтверждены, что подходит не для всех обозначений с географическим элементом;

2) Ограниченный круг государственных органов, которые могут выдать заключение лишь на узкий круг товаров.

В условиях современной глобализации и большого количества международных организаций вопросы правовой интеграции между странами-участницами данных организаций встают все более остро, в том числе в сфере интеллектуальной собственности. В настоящий момент, большинство государств как участники международных организаций соз-

* Научный руководитель: Свиридова Екатерина Александровна, кандидат юридических наук, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

** Scientific Advisor: Sviridova Ekaterina Alexandrovna, Ph.D. in Law, associate professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

дают общие рыночные механизмы и иные условия для взаимной экономической интеграции. Исследование правового регулирования географических указаний участников ЕАЭС позволит установить возможно ли функционирование общей системы регистрации ГУ и НМПТ. Одна из целей ЕАЭС - устранение препятствий во взаимной торговле. Общая система регистрации ГУ и НМПТ позволила бы предпринимателям из разных государств эффективно защищать свои права на средства индивидуализации и регистрировать их сразу на территории нескольких стран, а также, вероятно, способствовала бы упрощению таможенных процедур. Важность подобных правовых интеграций подчеркивали также Г. П. Ивлиев и М. А. Егорова, которые указывали, что для того, чтобы социально-экономически развивать страны-участницы ЕАЭС необходимо создать экосистему интеллектуальной собственности и провести гармонизацию национальных законодательств в данной области. Целью подобных мер является создание единой институциональной среды, которая будет адаптивной, и достаточно гибкой, чтобы функционировать во всех странах ЕАЭС [3]. Функционирование общей системы регистраций ГУ и НМПТ также направлено на формирование подобной экосистемы между странами ЕАЭС. Необходимо отметить, что страны-участники предприняли шаги в этом направлении, однако до сих пор система не начала действовать.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СТРАНАХ ЕАЭС

На текущий момент странами-участницами ЕАЭС являются:

1. Республика Армения;
2. Республика Беларусь;
3. Республика Казахстан;
4. Кыргызская Республика;
5. Российская Федерация.

В правовом регулировании Российской Федерации географическое указание как отдельное средство индивидуализации возникло только в 2020 в связи со вступлением в силу Федерального закона от 26.07.2019 № 230-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 1 и 23.1 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», который начал действовать 27.07.2020 г¹. В частности, в связи с принятием данного закона, необходимо отметить позицию Шереметьевой Н. В. которая указывала, что правовое регулирование охраны ГУ в рамках национального законодательства дает возможность потребителю обезопаситься от различного рода мошенничеств, а также позволяет предпринимателем повысить свой уровень узнаваемости среди потребителей [9].

Понятия географического указания и наименования места происхождения товара даны в ст. 1516 Гражданского Кодекса Российской Федерации. Согласно данной статье «Географическим указанием, которому предоставляется правовая охрана, является обозначение, идентифицирующее происходящий с территории географического объекта товар, определенное качество, репутация или другие характеристики которого в значительной степени связаны с его географическим происхождением (характеристики товара)². Также, согласно Гражданскому Кодексу Российской Федерации наименованием места происхождения товара является «обозначение, представляющее собой современное или историческое, официальное или неофициальное, полное или сокращенное наименование страны, городского или сельского поселения, местности или другого географического объекта, включающее такое наименование или производное от такого наименования и ставшее известным в результате его использования в отношении товара, особые свойства которого исключительно определяются характерными для данного географического объекта природными условиями и (или)

людскими факторами.»³. Необходимо отметить, что также значение имеет количество стадий производства в пределах географического объекта, для ГУ требуется наличие лишь одной стадии производства, в свою очередь, для НМПТ все стадии производства должны быть на данной территории. Кроме указанных выше признаков, важной особенностью, которую нельзя отнести к признакам, но которая также отделяет ГУ от НМПТ, является необходимость предоставления заключения от уполномоченного Правительством РФ органа о соответствии заявленных свойств (в настоящее время, в случае, если такой орган не установлен Правительством, то подобное заключение может быть предоставлено региональным органом). Заключение уполномоченного органа для регистрации НМПТ служит базовым документом, на основе которого проводится экспертиза по заявке на регистрацию обозначения, и, именно основываясь на данной заявке, принимается решение со стороны Роспатента. Данное заключение является необходимым элементом только для заявок российских производителей, когда для иностранных производителей нужен только документ, который подтверждает регистрацию НМПТ в стране происхождения товара. В свою очередь для ГУ, согласно действующему правовому регулированию, нет обязанности предоставить подобное заключение (что исходит из понятия географического указания). Исходя из текущей статистики, можно отметить следующее, с момента введения географических указаний наблюдается рост количества заявок для регистрации обозначений с географическим элементом. Долгое время статистика регистраций НМПТ не росла, и до 2020 года было зарегистрировано всего 232 НМПТ за более чем 20 лет существования данного средства индивидуализации. На текущий момент зарегистрировано уже 330 обозначений с географическим элементом, к примеру, 06.12.2023 было зарегистрировано географическое указание «Якутский нож». Во многом подобный рост вызван именно появлением географических указаний, которые позволили большим предпринимателям осуществлять регистрацию обозначений.

В Республике Армения регулирование географических указаний осуществляется отдельным нормативно-правовым актом закон Республики Армения «О географических указаниях». Географические указания предназначены для защиты и поддержки продукции, производимой на определенной территории, и для предотвращения незаконного использования или подделки такой продукции. Закон о географических указаниях в Республике Армения устанавливает правила и процедуры для регистрации, защиты и использования географических указаний. Он определяет требования к продукции, чтобы она могла быть идентифицирована как произведенная на определенной территории. В соответствии с данным правовым актом, географическое указание представляет собой название конкретной территории или местности (иногда страны), которое свидетельствует о производстве определенной продукции на данной территории. Уникальные характеристики и репутация товара должны быть тесно связаны с его географическим происхождением с определенного географического объекта, при этом сам товар должен быть произведен, переработан или изготовлен в пределах этой территории. В законе Республики Армения «О географических указаниях», определение места происхождения товара представляет собой название (географическое) территории или местности, которое указывает на то, что товар произведен в пределах этой территории или местности. Особое качество данного товара или его характеристики должны быть обусловлены исключительного различного рода природными факторами, которые есть только в пределах данной территории. Все стадии производства (производство, переработка, изготовление) обязаны быть в пределах территории географического объекта⁴. Исходя из приведенных выше понятий, можно сделать вывод, что разграничение между этими двумя средствами индивидуализации является характер их взаимосвязи с географическим объектом. Это разграничение также было подчеркнута Э.А. Шахназаровой, которая отметила, что ГУ требует соответствия качественных характеристик и репутации конечного продукта, изготовленного

1 Федеральный закон от 26.07.2019 № 230-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 1 и 23.1 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // Собрание законодательства РФ, 29.07.2019, № 30, ст. 4132.

2 «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Российская газета», № 289, 22.12.2006.

3 «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Российская газета», № 289, 22.12.2006.

4 Закон Республики Армения от 22.05.2010 г. № ЗР-60 «О географических указаниях» (в редакции Закона Республики Армения от 18.10.2016 г. № ЗР-147) // Законодательство стран СНГ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=67786 (дата обращения: 02.10.2023).

в определенном географическом районе, установленным требованиям. В свою очередь, НМПТ прямую зависимость от географических факторов, свойств и качеств продукции, которая полностью производится в данном конкретном географическом объекте [8]. Данный закон состоит из 45 статей, и стоит особняком от большинства стран ЕАЭС в связи с тем, что, кроме озвученных средств индивидуализации, в законодательстве Армении есть такое средство индивидуализации как гарантированный традиционный продукт, а также дано понятие традиционности, что уже ближе к европейскому законодательству. Также, в отличие от других стран ЕАЭС в рамках данного закона урегулировано соотношение с доменным именем. В статье 36 указывается что доменное имя, которое было зарегистрировано после даты начала правовой охраны географического указания, наименования места происхождения товара, то подобная регистрация признается недействительной, в случае же, когда доменное имя было зарегистрировано до предоставления охраны, то оно может использоваться правообладателем. Кроме того, закон Республики Армения выделяется тем, что предусматривает особые условия для того, чтобы зарегистрировать обозначение для вина как ГУ или НМПТ. Среди ключевых особенностей можно выделить следующие:

1) Для географического указания достаточно использование 85% винограда, который произведен в данной местности. Для того, чтобы предоставить правовую охрану НМПТ требуется, чтобы весь виноград был выращен в пределах географического объекта;

2) Если необходимо зарегистрировать географическое указание в отношении вина, то его качества или репутация обязательно должны быть связаны именно с географическим происхождением, но не должны быть исключительно связаны с каким-либо природным или человеческим фактором. В свою очередь для того, чтобы регистрация НМПТ возможна только в обратном случае, когда именно природный или человеческий фактор повлиял на качество или иные характеристики вина.

3) Наименование места происхождения вина могут регистрировать только в том случае, если виноград, который использовался для производства, был из вида Витис винифера (*Vitis vinifera*). Для географического указания ограничения не такие строгие, и в законе прямо указано, что может использоваться также виноград, который возник в результате скрещивания сортов винограда видов Витис винифера (*Vitis vinifera*) и Витис (*Vitis*). Как можно отметить, закон Республики Армения имеет ряд особенностей, которые позволяют ему держаться обособленно от остальных законов стран ЕАЭС. В целом, регулирование географических указаний в Республике Армения направлено на поддержку и защиту местных производителей и их продукции, а также на предоставление потребителям информации о происхождении и качестве продукции. Это способствует развитию местных экономик и созданию прочной репутации для продукции, произведенной на определенных территориях. Если рассматривать статистические показатели, то в Республике Армения зарегистрировано небольшое количество ГУ и НМПТ, на текущий момент это 8 обозначений, согласно данным, приведенным Офисом интеллектуальной собственности Министерства экономики Республики Армения. Вероятно, подобное связано с относительно небольшой территорией Республики Армения, а также отсутствием понимания у предпринимателей необходимости регистрации обозначений с географическим элементом.

В законодательстве Республики Казахстан за 2022 год произошло большое изменение, а именно вступили в силу поправки в Закон Республики Казахстан от 26 июля 1999 года № 456-І «О товарных знаках, знаках обслуживания, географических указаниях и наименованиях мест происхождения товаров». С момента вступления в силу поправок в данный закон, географическое указание как отдельное средство индивидуализации появилось в Казахстане. Согласно закону Республики Казахстан от 20 июня 2022 года № 128-VII ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РК по вопросам совершенствования законодательства в сфере интеллектуальной собственности» под географическим указанием понимается определенное обозначение, основная цель которого позволить потребителю идентифицировать товар, как происходящий с территории определенного географического объекта⁵. Чтобы гарантиро-

вать соответствие данного товара его географическому происхождению, необходимо учесть взаимосвязь между его характеристиками и определенным этапом производства, которые должны происходить на территории этого места. Важно отметить, что термин «наименование места происхождения товара» имеет аналогичное определение в Российской Федерации. При изучении Закона Республики Казахстан № 456-І «О товарных знаках, знаках обслуживания, географических указаниях и наименованиях мест происхождения товаров» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.06.2022 г.) необходимо отметить, что сущности отличий от законов большинства иных стран ЕАЭС нет, так как использованы общепринятые подходы к этим средствам индивидуализации. На текущий момент в Республике Казахстан зарегистрировано 108 обозначений с географическим элементом. Из них, 103 обозначения являются НМПТ, а 5 обозначений - ГУ. Важно отметить, что использование НМПТ в качестве средства индивидуализации существует на территории Казахстана с 1992 года, и за это время было зарегистрировано всего лишь 103 обозначения. Это говорит о том, что в Казахстане активно осуществляется охрана географических наименований и указаний, однако еще остается потенциал для дальнейшего развития и регистрации новых обозначений.

Закон о географических указаниях также принят в Республике Беларусь. Необходимо отметить, что недавно правовое регулирование ГУ и НМПТ в Беларуси подверглось реформированию в 2020 году. Если рассматривать законодательные изменения, принятые в 2020 году, то предыдущие средства индивидуализации с географическим элементом - географические указания, наименования мест происхождения товаров и указания происхождения товаров - подверглись существенным изменениям. В новой редакции закона Республики Беларусь от 17 июля 2002 года №127-3 «О географических указаниях» было исключено «указание происхождения товара» из правового регулирования, а также, в порядке регистрации правовая охрана предоставляется не НМПТ, а общему объекту «географическое указание». Как указывает Ядревский О. О. исключение указания происхождения из списка объектов интеллектуальной собственности целесообразно, так как данное понятие слишком широко, и не может быть частью «географического указания» [10]. На наш взгляд, указание происхождения товара не является средством индивидуализации товара, так как на каждом товаре указывается страна-изготовитель. Это связано с тем, что на каждом товаре указывается страна-изготовитель, и в большинстве случаев такая информация может повторяться. На одной и той же территории может быть произведено множество товаров разных производителей, которые отмечаются информацией о своей стране-производителе. Из-за этого постоянного повторения невозможно говорить о заимствовании. Определения в законе республике Беларусь повторяют определения из ГК РФ, однако никак не уточнены стадии производства в рамках географической местности, что позволяет осуществить регистрацию наименования места происхождения товара даже при условии осуществления только одной стадии производства на территории данного географического объекта. Согласно последнему годовому отчету (за 2022 год) Национального центра интеллектуальной собственности Республики Беларусь всего зарегистрировано 37 НМПТ/ГУ. В отличие от большинства других стран ЕАЭС, на территории Беларуси преимущественно зарегистрированы обозначения производителей из других стран, к примеру, 21 НМПТ зарегистрировано от предпринимателей из Грузии, в свою очередь именно национальных зарегистрированных обозначений всего 3.

В Кыргызской республике географические указания возникли как отдельное средство индивидуализации только в 2023 году, а именно только когда был принят закон Кыргызской республики от 24 марта 2023 года № 70 «О товарных знаках, знаках обслуживания, географических указаниях и наименованиях мест происхождения товаров»⁶. Данный закон прекратил действие старого закона, который был принят

акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования законодательства в сферах интеллектуальной собственности и оказания гарантированной государством юридической помощи» // «Ведомости Парламента Республики Казахстан» № 11-12 (2854-2855), 2022 год.

6 Закон Кыргызской Республики от 24 марта 2023 года № 70 «О товарных знаках, знаках обслуживания, географических указаниях и наименованиях мест происхождения товаров». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/properties/ru-ru/112553/112553> (дата обращения: 26.10.2023).

5 Закон Республики Казахстан от 20 июня 2022 года № 128-VII «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные

еще в 1998 году. Определения ГУ и НМПТ в законе Кыргызской республики повторяют определения из законодательства Российской Федерации. Также, главы 8 - 11 закона Кыргызской республики содержательно повторяют положения Гражданского кодекса Российской Федерации. На текущий момент в Кыргызской республике зарегистрировано 21 НМПТ, по ГУ статистика на текущий момент не представлена, одной из возможных причин является относительно недавнее появление данного средства индивидуализации.

ВЫВОДЫ

На текущий момент большое количество географических указаний приобрели международную известность, в том числе географические указания из Российской Федерации довольно широко известны за пределами территории Российской Федерации, и существует необходимость их охраны и регистрации за пределами страны. Рассматривая вопрос международной регистрации в рамках общей системы регистрации ЕАЭС можно установить, что несмотря на тот факт, что еще в 2020 году был принят Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров ЕАЭС, он до сих пор не начал фактически действовать. Более того, в большинстве стран ЕАЭС появилось новое средство индивидуализации – географическое указание, которое никак не урегулировано в рамках данного закона, в связи с этим, при дальнейшем функционировании системы регистрации на уровне ЕАЭС, в связи с отсутствием в рамках данного договора географических указаний, права предпринимателей, которые регистрирует географические указания, могут быть ограничены. Среди ограничений, которые являются препятствием для создания и функционирования общей системы регистрации можно необходимо отметить:

1) Законодательство стран ЕАЭС в области регулирования ГУ и НМПТ отличается друг от друга и не позволяет полноценно реализовать систему, которая бы работала аналогично с системой регистрации в Европейском союзе. На текущий момент законодательство Армении имеет ряд отличительных черт, которые отсутствуют в других странах. Расхождения в правовом регулировании объектов интеллектуальной собственности действительно являются препятствием на пути формирования и развития единых рынков в рамках Евразийской экономической интеграции. Минакова И.В. правильно отмечает, что различия в правовом регулировании в этой сфере между пятью странами-участниками ЕАЭС создают трудности при создании общих правил и условий для защиты интеллектуальной собственности [4];

2) Возможность внесения корректировок в уже принятый Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров затруднительна, так как для этого необходимо повторное согласование всех стран ЕАЭС. Данное обстоятельство сильно замедляет процесс по созданию общей системы регистрации ГУ и НМПТ.

3) Конфликт между уже зарегистрированными обозначениями в разных государствах. На текущий момент ряд обозначений уже может быть зарегистрирован в нескольких странах отдельными, не связанными между собой лицами.

4) Также необходимо учесть технические и информационные аспекты создания общей системы регистрации. Это включает в себя разработку и внедрение новых технологий, объединение баз данных существующих служб интеллектуальной собственности 5 государств.

Подобная система необходима для дальнейшего развития как института ГУ и НМПТ, так и для развития экономического взаимодействия между странами. В частности, если рассматривать ситуацию с Российской Федерацией, то несмотря на тот факт, что в 2021 году был принят закон о присоединении к Женевскому акту Лиссабонского соглашения, до сих пор Россия не является участником данного соглашения. С учетом сложившейся ситуации на текущий момент участие России в данном соглашении видится затруднительным, в связи с этим создание единой системы на территории стран ЕАЭС выглядит более перспективным. Создание общей системы регистрации позволит достичь следующих целей:

1) компании и предприниматели, занимающиеся бизнесом в разных странах ЕАЭС, могли бы более эффективно защищать свои права и решать проблему контрафакта, имеется возможность зарегистрировать ГУ и НМПТ в рамках ЕАЭС. Это позволит осуществлять более эффективную юридическую защиту правовых интересов сторон;

2) общая система регистрации ГУ и НМПТ ЕАЭС позволит проще осуществлять включение в Единый таможенный реестр ЕАЭС. Важно отметить, что в настоящее время геогра-

фические указания не включены в Единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности государственных в соответствии со статьей 385 ТК ЕАЭС. ТК ЕАЭС явно указывает на включение в реестр объектов авторского права и смежных прав, товарных знаков, знаков обслуживания и наименований мест происхождения товаров. В связи с этим, очевидно, что данная ситуация требует поправок и включения ГУ в список объектов интеллектуальной собственности;

3) Кроме того, регистрация ГУ и НМПТ в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) способствует защите прав на интеллектуальную собственность.

На основе вышеизложенного, можно сделать вывод, что создание общей системы регистрации позволит улучшить правовую защиту предпринимателей стран ЕАЭС, а также положительно скажется на экономической интеграции стран. В целом, хотя создание общей системы регистрации имеет потенциал для улучшения правовой защиты предпринимателей и экономической интеграции в рамках ЕАЭС, на данный момент существуют значительные преграды, которые мешают ее реализации.

Пристатейный библиографический список

1. Горленко С. А. Совершенствование международной системы правовой охраны наименований мест происхождения товаров и географических указаний // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2016. – № 1. – С. 37-44
2. Еременко В. И. Особенности правовой охраны наименования мест происхождения товаров в Российской Федерации // Биржа интеллектуальной собственности. – 2012. – Т. XI. № 2. – С. 9-10.
3. Ивлиев Г. П., Егорова М. А. Обеспечение правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности и коммерциализации прав на них в ЕАЭС // Lex Russica (Русский закон). – 2021. – Т. 74. № 11 (180). – С. 9-16.
4. Минакова И. В., Солодухина О. И. Совершенствование контроля таможенными органами ЕАЭС трансграничного перемещения объектов интеллектуальной собственности // Регион: системы, экономика, управление. – 2022. – № 1 (56). – С. 11-17
5. Рузакова О. А., Гринь Е. С. Вопросы развития правового регулирования отношений, объектом которых выступают географические указания // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – № 42. – С. 685-699.
6. Сычев А. Е. Экспертиза заявок на наименования мест происхождения товаров и географические указания // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2020. – № 11. – С. 2-9.
7. Шахназарова Э. А. Особенности международной правовой охраны наименований мест происхождения товаров и географических указаний в свете принятия Женевского акта Лиссабонского соглашения 20 мая 2015 г // Журнал российского права. – 2016. – № 11 (239). – С. 171-180.
8. Шахназарова Э. А. Охрана средств индивидуализации, содержащих указание на географическое происхождение товаров, в международном частном праве: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03; [Место защиты: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации]. – Москва, 2019. – 276 с.
9. Шереметьева Н. В. Правовой режим «географического указания» // Право и практика. – 2020. – № 2. – С. 140-143
10. Ядревский О. О. Новации законодательства Республики Беларусь о географических указаниях // Третьи цивилистические чтения памяти профессора М. Г. Проинной: Сборник материалов, Минск, 18 марта 2021 года / Под редакцией Н. Л. Бондаренко [и др.]. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2021. – С. 263-267.
11. Jay T., Taylor M. A case of champagne: a study of geographical indications // Corporate Governance eJournal. – 2013. – Т. 29. – С. 1-31.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-11-186-174-176

СИНЕЛЬНИКОВА Эвелина Андреевна

бакалавр 5 курса бакалавриата Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
Научный руководитель:

БЕЛОУСОВ Андрей Леонидович

кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

ДОЛЬЩИК И ДОГОВОР УЧАСТИЯ В ДОЛЕВОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЕЛЫ И ПУТИ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

В рамках данной статьи проанализированы юридические терминологические лакуны, связанные с отсутствием четкого определения договора участия в долевом строительстве на фоне сложности его юридической природы, а также вопрос важности уточнения статуса дольщика как участника долевого строительства в российском законодательстве. В результате исследования были предложены возможные законодательные определения данных понятий, а также рекомендации по решению ключевых проблем, выявленных в судебной практике, с целью устранения неопределенности и повышения эффективности правового регулирования в сфере долевого строительства, сделав законодательство более актуальным и соответствующим современным рыночным реалиям.

Ключевые слова: договор участия в долевом строительстве, юридическая природа договора участия в долевом строительстве, определение договора участия в долевом строительстве, банкротство застройщика, термин дольщик, приоритетность требований участников долевого строительства.

SINELNIKOVA Evelina Andreevna

bachelor of the 5th course of the Bachelor's Degree of the Faculty of Law Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow

BELOUSOV Andrey Leonidovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Department of Legal Regulation of Economic Activity Financial University under the Government of the Russian Federation

THE SHAREHOLDER AND THE CONTRACT OF PARTICIPATION IN SHARED-EQUITY CONSTRUCTION: LEGAL GAPS AND WAYS TO RESOLVE DISPUTES

This article analyses the legal terminological gaps associated with the lack of a clear definition of the contract of participation in shared-equity construction against the background of the complexity of its legal nature, as well as the importance of clarifying the status of the shareholder as a participant in shared-equity construction in Russian legislation. As a result of the study, possible legislative definitions of these concepts were proposed, as well as recommendations for solving key problems identified in judicial practice in order to eliminate uncertainty and increase the effectiveness of legal regulation in the field of shared-equity construction, making legislation more relevant and corresponding to modern market realities.

Keywords: the contract of participation in shared-equity construction, the legal nature of the contract of participation in shared-equity construction, the definition of the contract of participation in shared-equity construction, the bankruptcy of the developer, the term shareholder, the priority of the requirements of participants in shared-equity construction.

Покупка жилья через договор участия в долевом строительстве представляет собой экономически выгодную альтернативу для граждан, поскольку это инвестиционное решение позволяет приобрести жилье по значительно более низкой цене - как минимум на 20-30 % ниже стоимости уже готовых объектов. Данные, опубликованные 21 сентября 2023 года в РБК, указывают на рекордный спрос на такие договоры в Москве за последние 15 лет. Согласно этим данным, только в августе 2023 года было заключено 16,38 тыс. договоров на столичных объектах недвижимости, что превышает предыдущие показатели на 37,2 % по сравнению с июлем (11,94 тыс.), на 75 % по сравнению с августом прошлого года (9,37 тыс.) и на 68 % больше, чем за аналогичный период в 2021 году (9,75 тыс.) [1].

Договор участия в долевом строительстве выделяется сложностью дифференциации от смежных юридических соглашений, что способствует возникновению споров относительно его юридической природы в теоретическом правовом контексте. Это связано с актуальностью, порождаемой повышенной популярностью данной формы инвестиций, где значительное количество участников вкладывают средства в долевое строительство. Разорение застройщика и его недобросовестные действия, противоречащие законодательству в области долевого строительства, порождают массовые проблемы. Несмотря на наличие действующего Федерального закона «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 № 214-ФЗ (далее по тексту – «Закон об участии в долевом строительстве»), с каждым годом возрастает количество судебных споров по договорам участия в долевом строительстве. Сложность определения правовой при-

роды договора участия в долевом строительстве и отсутствие у судей единой правоприменительной практики по некоторым вопросам провоцирует частые и значительные изменения в Законе об участии в долевом строительстве, который по этой же причине постоянно нуждается в новых корректировках.

Учитывая исторический аспект в определении правовой природы договора участия в долевом строительстве, стоит упомянуть, что после распада СССР, в начале девяностых годов и до декабря 2004 года, период, когда был принят Закон об участии в долевом строительстве, данная сфера в России практически никак законодательно не регулировалась, кроме применения Федерального закона № ФЗ-39 от 25.02.1999 «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» вместе с Законом РСФСР от 26.06.1991 № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности РСФСР». Именно фактор слабой защищенности участников долевого строительства побудил законодателя принять Закон об участии в долевом строительстве. До и даже после его принятия Верховный Суд Российской Федерации многократно указывал позицию в пользу применения к договорам участия в долевом строительстве и сходным договорам, заключаемым гражданами-потребителями с строительными организациями, действующего законодательства о защите прав потребителей, что связано именно с проблемой определения отличительных особенностей этого вида договора в сравнении с другими видами гражданско-правовых договоров.

На момент введения указанного законодательного акта было распространено явление двойных продаж, именно в связи с тем, что в предшествующий период до принятия Закона об участии в долевом строительстве многие застройщики заключали

предварительные соглашения о купле-продаже недвижимости, не подлежащие обязательной государственной регистрации, отличаясь от договоров участия в долевом строительстве. В такой ситуации основной гарантией для покупателей жилья была честность застройщика, что являлось ненадежным фактором. Вследствие масштабности проблемы двойных продаж недвижимости, добросовестность застройщиков оставалась на низком уровне, что приводило к оставлению покупателей без денег и жилья [2]. Яркой иллюстрацией может служить ситуация соинвесторов в 2004 году в подмосковной Щербинке, которые стали жертвами мошенничества со стороны ЗАО «Стройметрус», позиционировавшего себя как самого надежного застройщика. Даже организация голодовки со стороны соинвесторов была попыткой привлечь внимание властей к данной проблеме. И это нашло отклик – региональное руководство предприняло меры для урегулирования вопросов обманутых граждан. В результате принятия Закона об участии в долевом строительстве закрепились условия и порядок регистрации соглашений о долевом участии [3].

Как справедливо отмечают в своих трудах Н. В. Гурин [4] и А. А. Журавлёва [5] при сравнении содержания и отношений по договору участия в долевом строительстве и инвестиционному договору, участники договора инвестирования в строительство жилья в отличие от договора участия в долевом строительстве испытывают на себе, как минимум, большее количество рисков в ходе осуществления договорных обязательств. Однако, если обратиться к работе А. В. Майфат [6], то на основании анализа автора следует вывод о том, что договор участия в долевом строительстве и договор инвестирования в строительство полностью идентичны, с чем мы не можем согласиться, исходя, как минимум, из того фактора, что данные договоры регулируются разными законодательными актами и имеют разный порядок условий участия, принятия, а также перечень прав и обязанностей сторон. В частности, даже само заключение инвестиционного договора происходит в простой письменной форме и не подлежит порядку обязательной государственной регистрации в Росреестре, как в случае с договором участия в долевом строительстве.

Сложность в определении понятия договора участия в долевом строительстве связана с тем, что она в момент своего становления достигала степени смешения с другими видами договоров из-за схожести предмета, условий участия и обязательственных отношений сторон. Ожесточенные дискуссии в части определения правовой природы договора участия в долевом строительстве активно не прекращаются до сих пор, и, в результате анализа трудов теоретиков права по данному вопросу, была выявлена именно сложность в формулировании самого понятия «договор участия в долевом строительстве». Проблематика определения возникает именно из-за того, что учёные-правоведы в своих работах стремятся выявить именно особенности данного вида договора и большее внимание уделяют именно сравнительно-правовому анализу, а не попыткам дать наиболее точное и исчерпывающее определение договора участия в долевом строительстве.

А. А. Биньковская [7] в одном из своих исследований отметила, что из данного определения, закреплённого законодателем в ч. 1 ст. 4 Закон об участии в долевом строительстве, уже проистекает, что он является консесуальным. Также является очевидным, что договор участия в долевом строительстве является двусторонним и возмездным. Также можно сделать вывод о том, что данный вид договора является сигналагматическим ввиду того, что застройщик как сторона договора исполняет свои обязательства перед дольщиком, ведь дольщик исполняет обязательства со своей стороны, заплатив обусловленную договором цену, исходя из п. 1 ст. 328 ГК РФ. То есть условия и последующие обязательственные правоотношения после подписания его сторонами в данном виде договора характеризуются взаимобусловленностью. Нельзя, однако согласиться с мнением М. В. Петрухина [8], который в одной из своих работ указывал, что договор участия в долевом строительстве публичным не является постольку, поскольку из ч. 1 и 2 ст. 5 Закона об участии в долевом строительстве следует, что цена договора изменяется и устанавливается по соглашению сторон, что исключает, как главный признак публичности договора, применение одинаковой цены для потребителей. На наш взгляд, публичность договора не исключает возможность изменения цены в соответствии с соглашением сторон. В законодательстве об участии в долевом строительстве присутствуют другие аспекты, такие как обязательное предоставление информации о договоре, обязательная государственная регистрация договора, защита прав потребителей и прозрачность условий указывают на публичный характер данного вида договора. Таким образом, публичность договора не исключает его возможность изменения цены по соглашению сторон.

Существует большое количество споров, касаясь определения предмета договора участия в долевом строительстве, и некоторые авторы вообще считают договор участия в долевом строительстве «юридической фикцией» из-за того, что на момент заключения объект долевого строительства не прошел кадастровый и технический учёт [13]. Однако с автором нельзя согласиться, потому что на основании п. 1 ст. 40 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», ведется государственный кадастровый учёт и государственная регистрация прав заявителя на объект недвижимости, зарегистрированный в Едином государственном реестре недвижимости. Однако в качестве приложений к договору участия в долевом строительстве выступают копии проектов поэтажных планов будущих помещений, номер секции, этажа, количество этажей строительный номер квартиры, её площадь и ряд других параметров, также ключевые индивидуализирующие параметры должны быть прописаны в самом договоре: адрес строительного объекта, типовая серия дома, номер секции и этажа, на которых находится квартира и ряд других данных, которые подлежат государственной проверке для последующей регистрации договора в Едином государственном реестре недвижимости и публикации данных о застройщике на официальном сайте Минстроя РФ. Помимо этого, не стоит также забывать о том, что Гражданским кодексом РФ закреплено, что объектом договора может быть, как созданная вещь, так и вещь, которая будет создана в будущем. Так что говорить о неопределённости договора участия в долевом строительстве и о том, что данный договор «юридическая фикция» является бесосновательным.

Из Определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ (№ 307-ЭС19-24320 от 14.08.2020, дело № А56-44694/2019 вытекает понимание смешанного характера договора участия в долевом строительстве [9]. В случае административных правонарушений застройщиком ООО «Балт-продком» при заключении таких договоров с физическими лицами, содержание условий, считающих административным органом нарушающими права участников, приводит к оспариванию постановлений о привлечении к ответственности. Арбитражные суды признали возможность включения в договор условий, отличающихся от законодательных норм (например, Закона от 07.02.2001 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»), в соответствии с частями 2 и 5 статьи 7 Закона об участии в долевом строительстве. Судебная коллегия Верховного Суда РФ подчеркнула диспозитивность Закона об участии в долевом строительстве, призванного установить минимальные стандарты и гарантии, однако допускающей более благоприятные условия для участников договоров, чем установлены законодательством о защите прав потребителей. Тем не менее, суд подчеркнул, что диспозитивность этих норм направлена на улучшение положения участника долевого строительства и может применяться исключительно для укрепления его позиций. Таким образом, судебная практика склоняется к защите интересов участников долевого строительства с учетом диспозитивности норм Закона об участии в долевом строительстве.

Наиболее, на наш взгляд, справедливой в отношении определения предмета договора участия в долевом строительстве придерживался О. Г. Ершов, поскольку он писал о том, что да – действия застройщика и сам процесс безусловно важны, но тем не менее, немаловажен сам результат [10]. То есть он учитывает и сами действия застройщика в строительстве недвижимости и результат – объект строительства недвижимого имущества. Также важно отметить и мнение О. С. Вагиной о том, что спецификой данного договора является сложный, «комплексный состав субъектов», участвующих в правовых отношениях, вытекающих из договора [11]. Эта особенность проявляется в сотрудничестве различных субъектов, включая лица, действующие на основе частного права, такие как стороны гражданско-правового договора, а также органы государственной власти и другие публичные организации, действующие на основе публичного права.

Часть 2 ст. 13 Федерального закона от 29 июля 2017 года № 218-ФЗ «О публично-правовой компании «Фонд развития территорий» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» устанавливает ограничение размера возмещения гражданам, участвующим в строительстве и имеющим требование о передаче жилого помещения (жилых помещений) к застройщику. Данное возмещение выплачивается в случае несостоятельности (банкротства) застройщика публично-правовой организацией «Фонд развития территорий» ограничивает размер возмещения гражданам при участии в строительстве и требовании передачи жилого помещения к застройщику через Фонд развития территорий. Ограничение в 120 кв. м. может быть несостоятельным в современных условиях рынка недви-

жимости. Увеличение этого лимита может быть оправданным, учитывая инфляцию и изменения на рынке. Проанализирован судебный пример, где спор был о выплате возмещения по закону [12]. Суд отменил решение апелляционной инстанции, указав на неправомочность выплаты и противоречие нормам. Увеличение лимита могло бы повлиять на размер компенсации и снизить размер неустойки в подобных случаях. Увеличение лимита на возмещение жилых помещений может быть обосновано изменениями на рынке и обеспечить более справедливое урегулирование интересов участников долевого строительства.

На основании проведенного исследования были сделаны следующие теоретические выводы и практические рекомендации:

1. Обосновано, что договор участия в долевом строительстве представляет собой уникальный и смешанный вид договора, объединяющий элементы договора подряда и договора купли-продажи будущей недвижимой вещи. Этот договор характеризуется консенсуальностью, двусторонностью, возмездностью и синаллагматичностью, требует простой письменной формы и обязательной государственной регистрации. Дольщик передает средства застройщику для строительства жилого объекта и взамен получает право на определенную долю в этой недвижимости. Важно отметить, что этот договор обладает рядом уникальных особенностей, таких как обязательные обеспечительные меры, публичность информации о стройпроекте, и защита интересов всех сторон.

2. Отсутствие единообразного подхода к пониманию договора участия в долевом строительстве и его нечеткое определение приводят к соответствующей правовой неопределенности, рискам для участников сделок и отсутствию стандартов в регулировании. Авторское определение договора участия в долевом строительстве наиболее четко отображает правовую природу данного договора, предоставляя точную и полную формулировку его сути. Это определение служит эффективным средством для решения проблем правовых рисков и разночтений, предоставляя сторонам ясное понимание и уменьшая возможность интерпретационных несоответствий. Авторское определение «договора участия в долевом строительстве», предлагается добавить в качестве дополнительного положения, которое бы являлось уточнением или дополнением, содержащегося определения в п. 1 ст. 4 Закона об участии в долевом строительстве, в целях устранения правовых рисков и разночтений.

Данное определение сформулировано следующим образом:

Договор участия в долевом строительстве – это соглашение, имеющее признаки консенсуального, двустороннего, возмездного и синаллагматического договора, заключенного в простой письменной форме и подлежащего обязательной государственной регистрации, на основании которого одна сторона договора (физическое или юридическое лицо – далее «дольщик») передает другой стороне (далее – «застройщик») заёмные или личные денежные средства для возведения застройщиком жилого объекта, и взамен после сдачи объекта недвижимости в эксплуатацию застройщиком, дольщик получает право на жилое помещение, пропорционально своему вложению и принимает жилое помещение в установленном законом порядке и на условиях в подписанном сторонами договоре.

3. В правовой практике широко используется термин «дольщик» для обозначения лиц, участвующих в долевом строительстве жилых объектов, однако этот термин не закреплен прямо в законодательстве. Такое использование термина, не прописанного в законе, может создавать правовую неопределенность и разночтения в понимании статуса этих лиц. Это, в свою очередь, может привести к трудностям в правовой интерпретации и применении норм закона, а также вызвать неоднозначность в правовых отношениях между участниками долевого строительства. Более целесообразным предлагается внесение уточнения к термину «участник долевого строительства» определением «дольщик» в п. 1 ст. 4 Закона об участии в долевом строительстве. Это позволит четко и однозначно определить терминологию, используемую в тексте закона, и установить соответствие между употребляемыми терминами и их пониманием в правовой сфере. Предложена следующая формулировка:

«Дольщик» - сторона договора участия в долевом строительстве, которая, будучи физическим или юридическим лицом, передает застройщику заёмные или личные денежные средства для возведения жилого объекта. На основании заключенного договора участия в долевом строительстве, после завершения строительства и ввода объекта в эксплуатацию, дольщик имеет право на получение жилого помещения, пропорционально внесенным вкладам, и принимает это помещение в соответствии с условия-

ми, предусмотренными в договоре участия в долевом строительстве.

4. Норма ч. 2 ст. 13 Федерального закона от 29 июля 2017 года № 218-ФЗ «О публично-правовой компании «Фонд развития территорий» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» устанавливает ограничение размера возмещения гражданам, участвующим в строительстве и имеющим требование о передаче жилого помещения (жилых помещений) к застройщику. Данное возмещение выплачивается в случае несостоятельности (банкротства) застройщика публично-правовой компанией «Фонд развития территорий». Однако ограничение этого возмещения размером до 120 квадратных метров жилой площади может оказаться недостаточным в современных рыночных условиях. Увеличение данного лимита может быть оправданным в связи с инфляцией, изменениями на рынке недвижимости и учетом интересов граждан. Увеличение лимита позволит гражданам, участвующим в долевом строительстве, получить более справедливую компенсацию в случае банкротства застройщика, а также сделает законодательство более актуальным и соответствующим современным рыночным реалиям.

Пристатейный библиографический список

1. РБК. Недвижимость. Росреестр зафиксировал абсолютный рекорд спроса в новостройках Москвы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://realty.rbc.ru/news/650affb39a79476fef1f17e98> (дата обращения: 01.11.2023).
2. Белоусов А. Л., Сошилова Н. С. Единственное жилье за долги // Российская государственность и правовая система в XXI веке: тенденции, противоречия и перспективы развития: Межрегиональная научно-практическая конференция ученых, аспирантов, студентов и практиков. Астрахань: Астраханский государственный технический университет, 2017. С. 60-63.
3. Двойные продажи квартир: хроника борьбы // Газета. Ру. 2006. 21 июля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bpn.ru/publications/19093/#> (дата обращения: 23.10.2023).
4. Гурин Н. В. Соотношение договора участия в долевом строительстве с иными правовыми формами инвестирования в строительство // Вестник Санкт-Петербургского университета Сер. 14. 2009. Вып. 3. С. 141.
5. Журавлёва А. А. Договор об инвестировании строительства жилья и договор участия в долевом строительстве: соотношение понятий // Журнал российского права. 2016. № 7.
6. Майфат А. В. Гражданско-правовые конструкции инвестирования. М., 2006. С. 161.
7. Биньковская А. А. Понятие и содержание долевого строительства объектов недвижимости по законодательству России // Право и экономика. 2016. № 10. С. 21-26.
8. Петрухин М. В. Понятие и признаки договора участия в долевом строительстве // Журн. рос. права. 2010. № 3. С. 134-142.
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 14.08.2020 № 307-ЭС19-24320 по делу № А56-44694/2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/36sRg7> (дата обращения: 01.11.2023).
10. Ершов О. Г. Договор участия в долевом строительстве в системе гражданско-правовых договоров // Нотариус. 2013. № 2. С. 22.
11. Вагина О. С. Некоторые особенности субъективного состава правоотношений в сфере участия в долевом строительстве // Вестник Пермского университета. 2011. № 1. С. 85.
12. Определение СК по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 01 августа 2023 г. по делу № 8Г-14758/2023[88-16476/2023]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/335426871/> (дата обращения: 03.11.2023).
13. Бунина Н. Объект долевого строительства: правовые проблемы определения понятия // Юрист. 2007. № 6. С. 42.

АНДРИЕВСКИЙ Константин Витальевич

доктор юридических наук, доцент, директор АНО «Институт экономико-правовых исследований», г. Севастополь

ШЕСТОВ Сергей Николаевич

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики предприятия Севастопольского государственного университета

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье рассмотрены изменения, происходящие в регулировании налоговых правоотношений. Подчеркнута роль изменений, произошедших в налоговом законодательном массиве России в связи с цифровизацией общества и экономики, а также выделены перспективные направления усовершенствования правового массива и проблемные аспекты в рассматриваемой предметной области. Одной из проблемных областей выступает защита данных, поступающих в виртуальное пространство. В связи с этим одним из направлений цифровой трансформации экономики, которое начало недавно интересовать российское законодательство с целью разработки нормативного правового регулирования данных правоотношений, выступают криптовалюты.

В работе авторами был сделан вывод о том, что на сегодняшний день законодатель стремится не допустить избыточного ужесточения правового режима использования криптовалюты, а с другой – ввести разумный контроль за оборотом активов нового типа с целью предотвращения теневизации криптовалютного сегмента финансового пространства страны. При этом абсолютное большинство национальных экономических систем находится в режиме цифровой трансформации, обусловленной переводом реального сектора экономики в виртуальное пространство, повышением удельного веса цифровых услуг и товаров в структуре ВВП, «оцифровкой» законодательства.

Ключевые слова: налоговая система, налоговое законодательство, цифровизация, цифровой актив, криптовалюта, личный кабинет.

ANDRIEVSKIY Konstantin Vitaljevich

Ph.D. in Law, associate professor, Director of the ANO «Institute of Economic and Legal Research», Sevastopol

SHESTOV Sergey Nikolaevich

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Enterprise economics sub-faculty of the Sevastopol State University

TRANSFORMATION OF THE TAX LEGISLATION OF RUSSIAN FEDERATION IN THE CONDITIONS OF DIGITAL ECONOMY

In the article the changes happening in regulation of tax legal relationship are considered. The role of the changes which happened in the tax legislative massif of Russia in connection with digitalization of society and economy is emphasized and also the perspective directions of improvement of the legal massif and problem aspects in the considered subject domain are allocated. One of the problem areas is the protection of data entering the virtual space. In this regard, one of the areas of digital transformation of the economy, which has recently begun to interest Russian legislation in order to develop normative legal regulation of these legal relations, is cryptocurrencies.

In the work, the authors concluded that today the legislator is trying to prevent excessive tightening of the legal regime for the use of cryptocurrency, and on the other hand, to introduce reasonable control over the turnover of a new type of assets in order to prevent the shadowing of the cryptocurrency segment of the country's financial space. At the same time, the vast majority of national economic systems are in a digital transformation mode, caused by the transfer of the real sector of the economy into the virtual space, an increase in the share of digital services and goods in the structure of GDP, and the "digitization" of legislation.

Keywords: tax system, tax law, digitalization, digital asset, cryptocurrency, private office.

Абсолютное большинство национальных экономических систем находится в режиме цифровой трансформации, обусловленной переводом реального сектора экономики в виртуальное пространство, повышением удельного веса цифровых услуг и товаров в структуре ВВП, «оцифровкой» законодательства. Цифровизация, прямо или косвенно, охватывает все сферы хозяйственной деятельности [2, с. 21]. Кроме того, тотальная цифровизация приводит к тому, что многие законодательные положения устаревают, утрачивают свою актуальность, и заменяются на более современные, соответствующие текущей цифровой повестке.

Особый интерес представляют изменения, происходящие в регулировании налоговых правоотношений. Условно все направления изменений налогового законодательства можно разделить на 4 группы:

- регулирование вопросов внедрения и оказания цифровых государственных услуг в сфере налогообложения;
- формирование благоприятных налоговых условий для стимулирования имплементации цифровых инструментов и технологий, в т.ч. посредством инвестиций;
- автоматизация и интеллектуализация налогового администрирования;
- описание новых продуктов и операций, возникших в условиях цифровизации и выработка правовых соответствующих механизмов налогообложения [6, с. 149].

Цифровизация налоговых правоотношений имеет ряд преимуществ как для самих налогоплательщиков, так и для государства. К примеру, внедрение цифровых инструментов налогообложения потенциально способно снизить административную нагрузку на бизнес, уменьшить объемы непроизводственных издержек, облегчить взаимодействие с налоговыми органами, минимизировать количество налоговых проверок. Кроме того, цифровые сервисы облегчают поиск информации для налого-

плательщиков и таким образом повышают открытость и доступность сведений о налоговой системе. В отношении государства можно отметить следующие преимущества: повышение уровня налоговой собираемости, рационализация использования финансовых ресурсов, уточнение планов и прогнозов в области налоговых поступлений в бюджет [3, с. 70], оперативный учет налоговых поступлений, контроль за движением денежных средств и, возможно, выведение из «тени» деятельность части бизнес-структур.

Цифровизация существенным образом влияет на законодательный массив большинства стран. Как показывает анализ текста законодательных и подзаконных актов, существующих в России и странах ближнего зарубежья, цифровой инструментарий достаточно глубоко укоренился в практику функционирования налоговых систем. В подтверждение этого тезиса можно отметить наличие в законодательстве и юридической литературе таких терминов, как «электронные деньги», «электронные услуги», «электронная торговая площадка», «электронный документ» [5], «электронный налогоплательщик», «электронное правительство», «электронная цифровая подпись», «электронная форма налоговой отчетности (ЭФНО)», «электронная почта», «электронный документооборот», «электронные счета-фактуры», «личный кабинет налогоплательщика» [8, с. 313].

Ключевым законодательным актом, регулирующим порядок, метод, объем уплаты налогов и сборов в нашей стране, выступает Налоговый кодекс¹. Именно текст Кодекса в первую очередь

1 Налоговый кодекс Российской Федерации (2 часть) от 05.08.2000 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/.

отражает все изменения в области налогообложения в стране и, соответственно, именно на его модернизацию направлены усилия законодателя.

Рассмотрим более подробно изменения, произошедшие в налоговом законодательстве России в связи с цифровизацией общества и экономики, а также перспективные направления усовершенствования правового массива и проблемные аспекты в рассматриваемой нами предметной области.

По мнению многих исследователей, событием, послужившим точкой отсчета для процесса цифровизации налогового законодательства, следует считать 2010 г., когда был принят Федеральный закон № 229-ФЗ. Закон затрагивал процедуры выплаты налога на добавленную стоимость и внес существенные изменения в Ст. 169 Налогового Кодекса РФ. Новая редакция статьи предусматривала возможность выставления счетов-фактур в электронном виде по телекоммуникационным каналам связи с применением электронной цифровой подписи.

Категория «электронная подпись» – еще один важный индикатор перехода к цифровому налогообложению – была законодательно зафиксирована в 2011 г. в рамках Федерального закона № 63-ФЗ «Об электронной подписи»². Выставление небумажных счетов, снабженных электронной подписью, на подзаконном уровне было урегулировано Приказом Министерства финансов России от 25 апреля 2011 г. № 50н. В настоящее время действует Приказ Министерства финансов России от 5 февраля 2021 г. № 14н «Об утверждении Порядка выставления и получения счетов-фактур в электронной форме по телекоммуникационным каналам связи с применением усиленной квалифицированной электронной подписи» [4, с. 207]³.

Следующим этапом цифровизации налогообложения стало появление личных кабинетов налогоплательщиков на официальном портале налогового ведомства. Основой для правового регулирования данной новации стал Федеральный закон от 4 ноября 2014 г. № 347-ФЗ, расширивший текст Налогового Кодекса РФ за счет Ст. 11.2, регламентирующей правовой режим реализации данной новации⁴. Личный кабинет стал альтернативой личным визитам в налоговые структуры и фактически позволил выполнять большинство налоговых операций дистанционно. Порядок ведения личного кабинета налогоплательщика (физического лица) был зафиксирован в тексте Приказа Федеральной Налоговой службы России от 30 июня 2015 г. № ММВ-7-17/260 «Об утверждении порядка ведения личного кабинета налогоплательщика». На сегодняшний день действует Порядок, утвержденный Приказом Федеральной Налоговой службы России от 22 августа 2017 г. № ММВ-7-17/617.

Импульсом для цифровизации налоговой системы государства стала принятая в 2017 г. программа «Цифровая экономика в РФ» (постановление Правительства от 28 июля 2017 г. № 1632-р). Программа в качестве приоритетной цели декларирует комплексный переход национальной экономической системы к автоматизированным программам учета, анализа, контроля и оценки, в т. ч. и в налоговом секторе⁵. Среди доступных на сегодняшний день цифровых налоговых инструментов можно выделить следующие:

- онлайн-кассы, которые оперативно сообщают сведения обо всех операциях в налоговую службу;
- автоматизированные программы учета, ведения налоговой статистики, формирования форм налоговой отчетности;
- программы, позволяющие осуществлять налоговый анализ, формировать и направлять в налоговые органы налоговую декларацию;
- электронное формирование отчетности 2-НДФЛ, 3-НДФЛ;

– личный кабинет налогоплательщика для физических и юридических лиц;

– программа взаимодействия, в том числе с налоговыми органами, в рамках сервиса «госуслуги»;

– приложение «Мой налог» для самозанятых [3, с. 68].

Несмотря на вышеуказанные изменения, в законодательстве Российской Федерации существует множество пробелов и проблемных аспектов, которые нужно разрешить в ближайшее время. Данные проблемы возникают вполне естественно, так как цифровизация экономических правоотношений является относительно новой тенденцией, и законодатель просто не успевает фиксировать все ее проявления. Безусловно, любое изобретение, любая инновация «появляются прежде, чем о нем узнает государство и, конечно же, прежде, чем оно начинает его регулировать в своем праве и использовать в своей деятельности» [8, с. 312].

Любое нововведение, особенно масштабное и влияющее на жизни большинства граждан, нуждается в изучении, социальной и правовой оценке на предмет полезности, эффективности и, что особенно важно, безопасности. Одной из проблемных областей выступает защита данных, поступающих в виртуальное пространство. Любой эксперимент, направленный на перевод значимой информации в цифровой формат, сопряжен с высокой степенью риска утраты, утечки, разглашения данных или их использования в противоправных целях. Информация, циркулирующая в области налогового администрирования, безусловно, классифицируется как лично и социально значимая. Следовательно, законодатель должен не только прописывать методы и механизмы перевода налоговых инструментов и налоговой информации в цифровой вид, но и регулировать ситуацию, в которых эти инструменты и сведения могут попасть «не в те руки».

Первые попытки очертить правовой спектр проблем, связанных с нарушением информационной безопасности в налоговой сфере, были предприняты еще в 2012 г. в рамках Концепции информационной безопасности налоговых органов (Приказ Федеральной налоговой службы России от 13 января 2012 г. № ММВ-7-4/6 «Об утверждении Концепции информационной безопасности Федеральной налоговой службы»⁶). При этом возможность виртуализации налогового администрирования еще не рассматривалась на тот момент как объективная тенденция, поэтому Концепция фактически не затронула цифровые риски перехода в онлайн-режим. В 2021 г. при учете цифрового тренда произошло обновление Концепции (Приказ ФНС России от 6 апреля 2021 г. № ЕД-7-24/298 «О внесении изменений в Концепцию информационной безопасности Федеральной налоговой службы»⁷). Новая Концепция содержала указание на то, что цифровые ресурсы и технологии должны быть надежно защищены – в противном случае существенно повышается риск их неправомерного использования и нанесения ущерба всем участникам системы налоговых правоотношений [1, с. 231].

Тогда как некоторые проблемы виртуализации налоговой системы устраняются достаточно легко (к примеру, защитить данные налогоплательщика от постороннего доступа можно посредством введения двухфакторной аутентификации на цифровых платформах налоговых ведомств), другие требуют более тщательного изучения как с технической, так и с правовой точки зрения.

Так, не совсем понятно, каким должно быть решение проблемы несоответствия реальной действительности налоговых правоотношений и их виртуального представления. Речь идет о том, что «оцифровка» налоговых механизмов непременно влечет за собой «раздвоение личности» налогоплательщика – т.е. существует его цифровой двойник – совокупность электронных данных, сообщаемых им государственным органам и/или присваиваемых ему государством, и реальный прототип этого двойника – «аналоговый», «настоящий» налогоплательщик.

Как показывает текущая практика налогового правоприменения, в ситуации цифровизации налоговой системы могут пострадать контрагенты юридических лиц, чья регистрация признана недействительной из-за ее осуществления на подставных лиц. Причиной подобных проблем выступает как раз-таки «раздвоение» реального и виртуального налогоплательщика как результат возможности удаленной, «обезличенной» регистрации юридических лиц по документам и подписям лиц [8, с. 314]. Компании могут удаленно оказывать свой род деятельности, уда-

2 Федеральный закон № 63-ФЗ «Об электронной подписи» Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/.

3 Приказ Министерства финансов России от 5 февраля 2021 г. № 14н «Об утверждении Порядка выставления и получения счетов-фактур в электронной форме по телекоммуникационным каналам связи с применением усиленной квалифицированной электронной подписи». // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_379103/.

4 Федеральный закон от 4 ноября 2014 г. № 347-ФЗ Федеральный закон «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» от 04.11.2014 № 347-ФЗ (последняя редакция) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170541

5 Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 г. № 1632-р. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/.

6 Приказ ФНС России от 13 января 2012 г. № ММВ-7-4/6 «Об утверждении Концепции информационной безопасности Федеральной налоговой службы» // СПС «КонсультантПлюс». – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_256498/.

7 Приказ ФНС России от 6 апреля 2021 г. № ЕД-7-24/298@ «О внесении изменений в Концепцию информационной безопасности Федеральной налоговой службы» // СПС «КонсультантПлюс». – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382089/.

ленно взаимодействуют с налоговыми инспекторами, удаленно декларируют доход, что приводит в ряде случаев к сокрытию некоторых фактов из жизни реального предприятия и формированию искаженного виртуального образа субъекта хозяйствования.

Законодатель, кроме того, пока не урегулировал в полной мере вопросы, связанные с техническими ошибками в функционировании цифровых налоговых инструментов. Работа программистов, операторов, пользователей не исключает ошибок. Сегодня, в эпоху, когда цифровые инструменты получают все большую степень автономности и даже наделяются искусственным интеллектом, ошибки могут возникнуть и без участия т. н. «человеческого фактора». Таким образом, налицо законодательный пробел: индивидуальный результат «машинного творчества» способен вступить в конфликт с нормами налогового права, статьями Налогового кодекса, с волей законодателя и интересами налогоплательщиков, но ответственность за такие результаты машина нести априори не может. Ученые-правоведы склоняются к мнению о том, что программные ошибки, возникающие в работе цифровых инструментов налогообложения, являются ответственностью государства или компании-разработчика дефектного ПО. В любом случае налогоплательщик не должен ощущать негативный эффект от подобных сбоев серверов, программ и автоматизированных систем. Можно понадеяться, что такая норма будет в скором времени внедрена в законодательство и распространена на все случаи неисполнения или ненадлежащего исполнения налогоплательщиком налоговых обязательств по внешним техническим причинам.

Цифровизация в рассматриваемой нами области затрагивает не только перевод в электронных формат существующих механизмов налогового администрирования, но и формирует новые виды хозяйственной деятельности, способы получения дохода и распоряжения денежными средствами. Эти цифровые экономические феномены во многом остаются на позиции лакун – неурегулированных областей – в национальном законодательстве. Одним из направлений цифровой трансформации экономики, которое начало недавно интересовать российского законодательства, выступают криптовалюты.

Уже в 2020 г. юристы широко обсуждали законопроект «О цифровых финансовых активах», и ключевым его недостатком, по мнению большинства специалистов, стало игнорирование вопросов налогообложения виртуальных активов и налогового правового режима для новых видов экономической и финансовой деятельности. При этом сам термин «цифровая валюта» был введен в отечественный правовой массив в 2020 г. в Федеральном законе № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Данную категорию законодатель определил как «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей»⁸.

Отставание налогового законодательства от реальных процессов виртуализации валютных операций обусловлено противоречиями в понимании статуса и легитимности цифровых валют. Так, к примеру, позиции Центрального Банка РФ и Министерства финансов по данному вопросу оказались противоположными: Центральный банк настаивал на тотальном законодательном запрете оборота криптовалюты на территории государства на основании ее потенциального сходства с финансовыми пирамидами и в целом спекулятивного характера активов подобного рода; Министерство, в свою очередь, предполагало более либеральный подход. По мнению чиновников Министерства финансов, проведение всех операций с криптовалютой является вполне возможным при соблюдении нескольких условий: (1) оформление и проведение транзакций через российские банки, (2) идентификация владельцев криптовалютных кошельков, (3) их дифференциация на квалифицированных и неквалифицированных, (4) привлечение Росфинмониторинга для отслеживания операций; (5) обязательство содержания финансового резервного фонда для криптовалютных платформ.

Результатом споров стали изменения в законодательстве, в результате которых появилась возможность легального использования криптовалюты. Подход, который избрал российский законодатель в регулировании криптовалют, существенно отличается

от мирового: криптовалюта утратила свои основные признаки – анонимность и неотслеживаемость; кроме того, были запрещены сделки между налоговыми резидентами РФ [7, с.568].

На сегодняшний день законодатель стремится, с одной стороны, не допустить избыточного ужесточения правового режима использования криптовалюты, а с другой – ввести разумный контроль за оборотом активов нового типа с целью предотвращения теневизации криптовалютного сегмента финансового пространства страны. Вопрос налогообложения цифровых активов был впервые рассмотрен в тексте Федерального закона от 14.07.2022 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации», по условиям которого цифровой финансовый актив: (1) освобождается от НДС; (2) поступающий в форме дохода юрлица облагается налогом в объеме 13% (иностранное юрлица – 15%)⁹. Можно предположить, что в будущем российское законодательство будет также регламентировать вопросы генерации цифровых активов – т. н. майнинга (хотя соответствующий законопроект уже был неоднократно отклонен).

Исходя из изложенного, можно сделать следующие выводы:

– цифровизация существенным образом влияет на законодательство, регулирующее налоговые правоотношения. Причина этого – внедрение цифрового инструментария в практику функционирования налоговых систем;

– точкой отсчета для процесса цифровизации налогового законодательства, можно считать Федеральный закон № 229-ФЗ, регулирующий процедуры выплаты НДС. Категория «электронная подпись» – еще один важный индикатор перехода к цифровому налогообложению. Следующим этапом цифровизации налогообложения стало появление личных кабинетов налогоплательщиков. Импульсом для цифровизации налоговой системы государства стала принятая в 2017 г. программа «Цифровая экономика в РФ» (постановление Правительства от 28 июля 2017 г. № 1632-р);

– в законодательстве Российской Федерации существуют пробелы, которые нужно заполнить в ближайшее время. Одной из проблемных областей выступает защита данных, поступающих в виртуальное пространство. Законодатель, кроме того, пока не урегулировал в полной мере вопросы, связанные с техническими ошибками в функционировании цифровых налоговых инструментов. Одним из направлений цифровой трансформации экономики, которое начало недавно интересовать российского законодательства, выступают криптовалюты.

Пристатейный библиографический список

1. Бакаева О. Ю., Бахолдин О. И. Особенности цифровизации деятельности налоговых органов (правовой аспект) // Вестник СГЮА. – 2023. – № 3. – С. 226-232.
 2. Братцев В. И., Ройбу А. В. Цифровизация налогообложения и стимулирующая основа развития реального сектора экономики // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. – 2018. – № 5. – С. 20-25.
 3. Васильева М. В. Актуальные аспекты налогообложения в условиях цифровизации // Учет и статистика. – 2022. – № 2. – С. 65-71.
 4. Емельянов А. С. Преодоление уязвимости налогоплательщиков в контексте цифровизации налогового контроля и налогового администрирования // Право и практика. – 2021. – № 4. – С. 205-209.
 5. Каменков В. С. Правовое регулирование цифровизации в отношении налогового обязательства // ЮрСпектр. – 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ilex.by/pravovoe-regulirovanie-tsifrovizatsii-v-otnoshenii-nalogovogo-obyazatelstva/>.
 6. Кононенко О. В. Налогообложение в условиях цифровой экономики: вызовы и перспективы // Вестник Института экономических исследований. – 2020. – № 1. – С. 147-153.
 7. Остроумов Н. В. Актуальные проблемы изменения гражданского и налогового законодательства в условиях цифровизации // Юридическая техника. – 2023. – № 17. – С. 566-569.
 8. Порохов Е. В. Цифровизация и налоговое право // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2020. – № 1. – С. 310-316.
- ⁸ Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/.
- ⁹ Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421956/.

ВАН Лу

аспирант Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСТРОЙСТВА ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В Китайской народной республике проблемы устройства детей, оставшихся без попечения родителей, являются наиболее сложными по сравнению с аналогичными проблемами в других странах мира. Обусловлено это как спецификой отношений в китайском обществе, где родители могут оставить детей на неофициальное попечительство родственников или иных лиц, не состоящих с детьми в родственной связи, так и спецификой китайского законодательного регулирования, ориентированного на государственную поддержку детей исключительно в случае официального оформления отношений опеки, в том числе со стороны государства, или передачу детей под ответственность учреждений социального обеспечения. При этом особую актуальность приобретают вопросы, связанные с устройством детей, оставшихся без попечения родителей, в неформальные семьи (то есть к лицам, не имеющим с детьми какой-либо родственной связи).

В статье рассматривается специфика функционирования таких неформальных семей, акцентируется внимание на том факте, что государственные органы местного уровня могут не только неофициально поддерживать неформальные семьи, но и способствовать развитию такого института. На государственном уровне признается важность неформальных приемных семей как новой формы альтернативного ухода и акцентируется внимание на необходимости поддержки таких семей, но на законодательном уровне соответствующие меры поддержки еще не закреплены. Вместе с тем, такие неформальные семьи необходимо рассматривать не просто как некую форму альтернативного ухода за детьми, а как новый институт китайского общества в вопросах устройства детей, оставшихся без попечения родителей, и обеспечить этот институт эффективными механизмами правового регулирования.

Ключевые слова: дети, оставшиеся без попечения родителей, неформальные семьи, правовые проблемы устройства детей, правовое обеспечение прав детей, учреждения социального обеспечения.

Wang Lu

postgraduate student of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

LEGAL PROBLEMS OF PLACEMENT OF CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE IN CHINA

In the People's Republic of China, the problems of placement of children left without parental care are the most difficult compared to similar problems in other countries of the world. This is due both to the specifics of relations in Chinese society, where parents can leave their children to the informal guardianship of relatives or other persons who are not related to their children, and to the specifics of Chinese legislative regulation focused on state support of children exclusively in the case of official registration of guardianship relations, including from the state, or the transfer of children under the responsibility of social security institutions. At the same time, issues related to the placement of children left without parental care in informal families (that is, to persons who do not have any kinship with children) are of particular relevance.

The article examines the specifics of the functioning of such informal families, focuses on the fact that local government bodies can not only informally support informal families, but also contribute to the development of such an institution. At the state level, the importance of informal foster families as a new form of alternative care is recognized and attention is focused on the need to support such families, but at the legislative level, appropriate support measures have not yet been fixed. At the same time, such informal families should be considered not just as a form of alternative childcare, but also as a new institution of Chinese society in matters of the placement of children left without parental care and to provide this institution with effective mechanisms of legal regulation.

Keywords: children left without parental care, informal families, legal problems of children's placement, legal provision of children's rights, social security institutions.

В Китайской Народной Республике (далее – Китай) вопросы, связанные с правовым обеспечением прав детей и их семей, являются весьма актуальными. Так, в последние несколько лет в стране проводится масштабная реформа, направленная на качественные изменения жизни детей и их семей в Китае. В рамках проводимой реформы законодательно регулируются даже незначительные вопросы, в частности, такие, как количество домашних заданий, которые учителя могут задавать детям, а также количество часов в день, которые могут быть отведены детям на онлайн-игры [6]. Отдельные направления реформы касаются также прав несовершеннолетних, закрепленных Законом Китая о защите несовершеннолетних, обнародованном 17 октября 2020 года и вступившим в силу 1 июня 2021 года (далее – Закон о защите несовершеннолетних) [7].

Так, Закон о защите несовершеннолетних устанавливает конкретные обязательства всех слоев общества по обеспечению прав, здоровья и достоинства несовершеннолетних. В нем содержатся основополагающие правила правового регулирования таких вопросов, как опека и образование. Еще одним важным актом, направленным на урегулирование отдельных вопросов опеки над детьми, является Закон Китая о поощрении семейного образования, обнародованный 23 октября 2021 года и вступивший в силу 1 января 2022 года (далее – Закон о семейном образовании) [6]. Основные положения Закона о семейном образовании направлены на обеспечение содействия семейному воспитанию несовершеннолетних их родителями или опекунами, то есть данные нормы права имеют непосредственное отношение к обеспечению прав детей, оставшихся без попечения родителей.

Положениями статей 48 и 49 Закона о семейном образовании законодательно установлено, что, если родители или опекуны отказываются или пренебрегают выполнением обязанностей по семейному воспитанию или незаконно препятствуют другим опекунам в проведении семейного воспитания, они подлежат критике, воспитанию, выговору, вмешательству и, при необходимости, руководству семейным воспитанием.

Применительно к детям, оставшимся без попечения родителей и находящимся под опекой, вышеприведенные нормы закрепляют право на вмешательство со стороны государства в случае наличие факта ущемления прав ребенка. Сам законодательный подход к проблемам детей, оставшихся без попечения родителей в Китае, не свойственен другим странам и обусловлен соответствующими проблемами детей, оставшихся без попечения родителей, свойственных исключительно китайскому обществу. Несмотря на тот факт, что о динамике развития тех или иных общественных отношений в Китае всегда трудно получить достоверные данные, исследования о проблемах детей, оставшихся без попечения родителей, проводятся на уровне различных организаций [3], [4].

Так, в 2013 году, согласно отчету Всекитайской федерации женщин за 2013 год, 30 миллионов детей (что составляет более 10 процентов всех детей в Китае) жили в сельской местности без своих родителей, на попечении родственников или без какой-либо опеки. В 2016 году около 360 000 детей остались без какой-либо опеки, в том числе без попечения родителей [1], [9]. Вышеприведенная динамика обусловлена рядом факторов, которые мотивируют родителей оставлять своих детей без попечения. Среди таких факторов можно выделить: высокая стоимость жизни в городах, нестабильная занятость вдали от дома и ограничения китайской системы регистрации домохозяйств, известной как хукоу, которая привязывает социальные пособия граждан и школьные привилегии детей к месту их рождения.

Вместе с тем, в большинстве стран дети, оставшиеся без попечения родителей, находятся на особом контроле и им гарантированы различные меры государственной поддержки. Так, например, в Российской Федерации дети, оставшиеся без попечения родителей, находятся под особой государственной опекой и имеют право на получение жилых помещений при достижении ими восемнадцатилетнего возраста.

В Китае о большинстве детей, оставшихся без попечения родителей, заботятся родственники, не оформляющие опекунство (часто государство даже не имеет информации о таких случаях). Дети, информация о родителях которых не известна либо переходят под опеку государства, либо передаются под ответственность учреждений социального обеспечения детей, либо живут в так называемых неформальных семьях с людьми, с которыми их не связывают родственные отношения [2], [5]. В отдельных случаях учреждения социального обеспечения могут прямо или косвенно вмешиваться в вопросы обеспечения прав детей, живущих в таких неформальных семьях, и с каждым годом государство все больше и больше обращает внимание на необходимость решения с правовой точки зрения проблем детей, оставшихся без попечения родителей, и проживающих в неформальных семьях.

Вместе с тем несмотря на то, что неформальные приемные семьи признаются на государственном уровне в качестве новой формы альтернативного ухода и акцентируется внимание на необходимости поддержки таких семей, на законодательном уровне такая правовая категория еще не закреп-

лена. Политические дебаты о неформальном усыновлении начинаются чаще всего тогда, когда внимание китайского общества привлекают очередные случаи смерти детей, находящихся в неформальных семьях.

Одним из самых резонансных случаев стал случай, произошедший в январе 2013 года в провинции Хэнань на востоке центральной части Китая с административным центром в Чжэнчжоу, когда при пожаре погибло семеро несовершеннолетних детей. Местная жительница Юань Лихай более двадцати лет использовала свой дом для того, чтобы приютить детей, которых она считала брошенным. В такой неформальной семье в различные годы проживало до 100 детей. Важно отметить, что местные органы власти не только не препятствовали развитию такой неформальной семьи и не вмешивались в ее существование, но и напротив направляли туда других детей, оставшихся без попечения родителей. Пожар произошел по причине бедственных условий неформальной семьи [8].

Вышеприведенный случай поднял в китайском обществе дискуссию об обязательствах государства по защите брошенных младенцев и детей [10], находящихся на неформальном попечении в неформальных семьях и иных учреждениях, осуществляющих неформальный уход за детьми, оставшимися без попечения родителей, поскольку в соответствии с положениями китайского законодательства финансовая и государственная поддержка детей, оставшихся без попечения родителей, осуществляется только тогда, когда у таких детей есть государственно признанный статус.

После вышеприведенного случая неформальные семьи как были, так и продолжают оставаться одним из неотъемлемых институтов китайского общества, не имеющих соответствующего статуса, выполняющим важную функцию в сфере заботы над детьми, оставшимися без попечительства родителей. Важность этого института подчеркивает и тот факт, что Юань Лихай, которая более 20 лет без официального оформления опеки заботилась о чужих детях, не только не препятствовала, но и всячески содействовала в неофициальном порядке чиновники местного уровня. Кроме того, в проблематике неформальных семей, несмотря на их незащищенность с правовой позиции, актуальным является и социальная составляющая, которая ставит перед обществом и государством вопрос о том, что было бы с детьми, оставшимися без попечения родителей, если бы о них не заботились в неформальных семьях.

Важно отметить, что ни в одном из законодательных актов (ни в Законе о защите несовершеннолетних, ни в Законе о семейном образовании), направленных на совершенствование вопросов правового обеспечения прав детей и их семей в рамках проводимой в Китае реформы, несмотря на известную проблему неформальных семей, не акцентировано внимание на важности института неформальной семьи, не закреплен правовой статус таких семей, и не акцентировано внимание на мерах государственной поддержки таких семей.

При этом в Законе о семейном образовании отведена особая роль в отношении правового регулирования вопросов семейных отношений и стратегий воспитания. Закон о семейном образовании прямо говорит о том, как следует структурировать семьи и управлять ими, устанавливая цели родительского и опекунского поведения. Семейное и опекунское воспитание не должно быть формальным образованием, оно должно быть интегрировано в повседневную жизнь, при этом опекуны должны обучать, подавая положительные примеры.

В Законе о семейном образовании также акцентируется внимание на том, что официальные опекуны должны воспитывать детей сами, а не доверять заботу другим лицам, таким, как бабушки и дедушки. Даже после развода или в тех случаях, когда родители живут отдельно от своих детей, за ними сохраняют главную ответственность за воспитание своих детей и поддержку связи с детьми.

Китайские суды уже продемонстрировали готовность издавать приказы в соответствии с Законом о семейном образовании, требующие от опекунов посещать родительские классы, где они не поддерживают регулярного общения со своими детьми или где у их детей проявляются проблемы с поведением.

При этом, стоит еще раз подчеркнуть тот факт, что в Законе о семейном образовании речь идет исключительно об официальных опекунах (когда опекунство оформлено с правовой точки зрения) и их роли и обязанностях при воспитании детей, оставшихся без попечения родителей, и не акцентировано внимание на роли в жизни детей лиц, которые осуществляют фактическое воспитание детей, оставшихся без попечения родителей, и не имеют родственных связей с такими детьми, но вносят существенный вклад в жизнь и развитие детей.

Вместе с тем, суть Закона о семейном образовании связана с поощрением участия всего общества в воспитании детей посредством модели, описанной как «ответственность семьи при поддержке государства и социальной координации». Отсюда неформальные семьи, как часть общества и элемент социальной координации, должны поддерживаться со стороны не только китайского общества или местной власти в неофициальном порядке, а иметь полноценную государственную поддержку, поскольку такие семьи не просто альтернативная, незакрепленная форма устройства детей, а важнейший институт китайского общества в вопросах устройства детей, имеющий многолетнюю историю.

Подводя итог, отметим, что правовые проблемы устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в Китае являются весьма актуальными. При этом особенно остро стоит проблема правового статуса неформальных семей, которые с одной стороны признаются государством и обществом и могут неофициально поддерживаться государственными органами местного уровня, но с другой стороны не имеют официального правового статуса, в связи с чем лишены полноценных мер государственной поддержки.

На государственном уровне признается важность неформальных приемных семей как новой формы альтернативного ухода и акцентируется внимание на необходимости поддержки таких семей, но на законодательном уровне соответствующие меры поддержки еще не закреплены. Вместе с тем, такие неформальные семьи необходимо рассматривать не просто как некую форму альтернативного ухода за детьми, а как новый институт китайского общества в вопросах устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в связи с чем следует обеспечить этот институт эффективными механизмами правового регулирования.

Пристатейный библиографический список

- Blaxland M., Shang X. Fisher K.R. 2018, 'Women and care in China', in Shaver S (ed.), Handbook of Gender and Social Policy, Edward Elgar, Cheltenham, UK. – Pp. 430-447. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.4337/9781785367168>.
- Fisher K.R., Cortis N., Shang X., Blaxland M. 2023, 'Chinese and Australian Neoliberal Policy Responses to Risks in Social Service Purchasing', Social Policy and Society. – Pp. 1-16. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1017/S1474746423000155>.
- Shang, Xiaoyuan & Fisher, Karen. (2022). Ten – State support for children in informal care. 185-206. 10.46692/9781447336709.010.
- Shang X., Fisher K.R., 2019, 'Everything for the Children: Orphans Growing up in Informal Adoptive Families in China', Journal of Social Service Research, 45. – Pp. 166-180. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1080/01488376.2018.1479674>.
- Shang X., Katz I. 2015, 'Awareness of Child Maltreatment among Professionals in Shanghai', Asian Social Work and Policy Review, 9. – Pp. 245-256. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1111/aswp.12062>.
- Закон Китая о поощрении семейного образования. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/family-education-promotion-law-of-china-20211023/chn> (дата обращения: 22.10.2023 г.).
- Закон Китая о защите несовершеннолетних. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/family-education-promotion-law-of-china-20211023/chn> (дата обращения 22.10.2023 г.).
- Seven children killed in Henan orphanage fire. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.scmp.com/news/china/article/1119738/seven-children-killed-henan-orphanage-fire> (дата обращения: 22.10.2023 г.).
- The Orphans of China's Economic Miracle. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2018/03/27/opinion/china-left-behind-children.html> (дата обращения: 22.10.2023 г.).
- MCA, Ministry of Public Security, Ministry of Justice, Ministry of Health, National Commission of Population and Family Planning. Notice on addressing issues concerning informal adoption of children by Chinese citizens. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/zwggk/2008-09/22/content_1102097.htm. (дата обращения: 22.10.2023 г.).

ДУЛАЕВА Зарина Сослановна*

аспирант 3 года обучения, ФГБОУ Северо-Осетинский Государственный университет им. Коста Левановича Хетагурова

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ (ПОССЕСЕРНОЙ) ЗАЩИТЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РФ И ЕЕ РОЛЬ

В статье рассматриваются перспективы развития владельческой (поссесерной) защиты в гражданском праве РФ и ее роль. В статье ставится ряд вопросов, связанных с перспективами развития владельческой (поссесерной) защиты. Обоснована актуальность введения в ГК РФ норм о владельческой защите, проведен анализ недостатков Проекта ГК РФ в сфере владельческой защиты, которые могут привести к неправильной работе механизма такой защиты. Отмечено, что обеспечение надлежащей защиты владения является фундаментальным аспектом справедливости и установления равновесия между интересами владельцев и третьих лиц, и создание эффективных механизмов защиты поможет гарантировать права владельцев и предотвращать недопустимое оспаривание их владения.

Ключевые слова: владельческая (поссесерная) защита, защита от самоуправства, виндикационный иск, негативный иск, поссесерный иск, приобретательная давность, титулы, беститульное владение.

DULAEVA Zarina Soslanovna**

postgraduate student of 3 years of study of the K. L. Khetagurov North Ossetian State University

PERSPECTIVES ON THE DEVELOPMENT OF POSSESSOR PROTECTION IN RUSSIAN CIVIL LAW AND ITS ROLE

This article examines the perspectives on the development of possessor protection in Russian civil law and its role. The article addresses a number of questions regarding the prospects for the development of possessor protection. The relevance of introducing provisions on possessor protection in the Civil Code of the Russian Federation is justified, and an analysis of the shortcomings of the Draft Civil Code in the field of possessor protection is conducted, which may lead to the improper functioning of such protection mechanism. The article emphasizes that providing adequate protection of ownership is a fundamental aspect of justice and establishing a balance of interests between owners and third parties, and the creation of effective protection mechanisms will help guarantee the rights of owners and prevent unwarranted challenges to their ownership.

Keywords: possessor protection, protection against self-help, vindication claim, negative claim, possessor claim, acquired prescription, titles, non-title defeat.

В современном обществе владение имуществом является одним из важнейших элементов гражданских прав и свобод. В этой связи появляется необходимость обеспечения надлежащей защиты владения, реализация которой осуществляется посредством применения института владельческой (поссесерной) защиты.

Владельческая (поссесерная) защита представляет собой комплекс мер гражданско-правового и процессуального характера, направленных на охрану владения законным обладателем. Ее основными задачами являются обеспечение эффективной защиты прав собственника в случаях противоправного вскрытия, нарушения, ограничения права собственности, а также восстановление нарушенных гражданских прав.

Неоспоримо, что развитие владельческой (поссесерной) защиты имеет огромную значимость для гражданского права Российской Федерации. Оно способствует совершенствованию механизма защиты владения и усилению гарантий собственников. Перспективы развития данной защиты включают в себя несколько аспектов.

Во-первых, значительное влияние на развитие владельческой (поссесерной) защиты оказывает активная судебная практика. Суды, выносящие решения по делам,

связанным с защитой владения, формируют судебные прецеденты, которые затем становятся основой для развития и совершенствования данного института. Судебная практика непрерывно анализируется, выявляются реальные проблемы, находят оптимальные способы защиты прав владельцев имущества.

Во-вторых, важную роль в развитии владельческой (поссесерной) защиты играют нормативные правовые акты. Законодательство России периодически изменяется и дополняется, чтобы адаптироваться к современным вызовам и потребностям общества. Принятие новых законов позволяет улучшить механизмы защиты прав владельцев и обеспечить более эффективную работу государственных органов, прокуратуры и судов.

Кроме того, важным фактором в развитии владельческой (поссесерной) защиты является реформирование гражданско-процессуального законодательства. Упрощение процессуальных процедур, ускорение процесса рассмотрения дел, внедрение электронных систем и технологий – все это способствует более оперативной и эффективной защите прав собственников [2].

Также необходимо отметить роль профессионального юридического сообщества в развитии владельческой (поссесерной) защиты. Адвокаты, юристы и иные правовые специалисты активно участвуют в процессе защиты прав и интересов своих клиентов, предоставляя им необходимую правовую поддержку и консультации. Благодаря их усилиям владель-

* Научный руководитель – Макиев Сослан Александрович, кандидат юридических наук, доцент.

** Scientific supervisor – Makiev Soslan Alexandrovich, Ph.D. in Law, associate professor.

ческая (посесерная) защита становится более эффективной и всесторонней.

Необходимо усовершенствовать механизмы и инструменты владельческой защиты, чтобы обеспечить эффективную защиту вещных прав на недвижимость в Российской Федерации. Реализация этих мер поможет создать стабильную и справедливую правовую систему, которая гарантирует обеспечение прав и интересов владельцев недвижимости.

По нашему мнению, статья 234 Гражданского кодекса РФ не может быть истолкована как направленная на посесорную защиту. Важно отметить, что защита на основании давности имеет свои условия, помимо самого факта владения. Конечно, статья 234 ГК РФ упоминает владение как факт, но также требуются другие условия, такие как добросовестность, открытость и непрерывность (пункт 1 статьи 234 ГК РФ). Но самое главное, владение по приобретательной давности не защищено от собственника и титульного владельца (пункт 2 статьи 234 ГК РФ). В итоге, владение по давности не может быть противопоставлено праву собственности и другим вещным правам, а рассматривается скорее, как факт при сравнении с ними.

М. А. Фоменко обращает внимание на то, что наше законодательство лишилось классической защиты владельца, что открывает возможность незаконного и насильственного отъема имущества у незаконного владельца без последствий с точки зрения частного права. Он обосновывает свою точку зрения тем, что классический посесорный иск проверяет только факт предыдущего владения и не учитывает возражения, связанные с правами на вещь. Основательность таких прав суд может проверить только при рассмотрении вопроса о гражданском праве. В современных условиях истцу потребуется доказать свое право владения, а суд будет вынужден разрешать вопрос о гражданском праве, а не только о самом владении [5].

Однако, следует отметить, что данный вопрос вызывает определенные сложности и требует глубокого анализа. Чтобы обеспечить справедливость и достичь баланса интересов, необходимо разработать более конкретные и четкие механизмы защиты бесхозяйных владельцев. Также важно учесть современную динамику общества и рыночные отношения для эффективной защиты прав собственности и интересов граждан.

Развитие данного института требует взаимодействия правовой науки и практики. Совместное исследование и обсуждение помогут разработке новых подходов к защите бесхозяйных владельцев. Это снизит вероятность конфликтов и споров в судебном процессе, а также сделает систему правоприменения более эффективной и справедливой.

Закрепление теоретической основы института владения в российском праве является важным шагом в обеспечении справедливости и защите прав собственности. Это также содействует развитию экономики и обеспечению стабильности в обществе.

На данный момент существует множество неразрешенных вопросов, связанных с практическим применением нововведений, предложенных в данной ситуации. Очевидно, что необходимо тщательно продумать процессуальный механизм, который обеспечит надлежащую владельческую защиту. Если мы рассматриваем владельческую защиту как отдельный институт, то мы должны определить, какие суды

будут компетентными и какие именно споры будут подсудны для обсуждения вопросов, связанных с защитой собственности. Кроме того, нам необходимо установить особенности предъявления требований, проведения судебных процессов, возможности применения обеспечительных мер, процедуры вступления в силу и исполнения судебных решений, а также порядок обжалования судебных актов и другие важные детали.

При возникновении решения суда в пользу истца-владельца, возникает вопрос о том, как собственнику будет защищать свои законные интересы. Однако, следует отметить, что такая ситуация возникает только в случаях, когда собственник самостоятельно претендует на имущество, основываясь на своем праве собственности. В таких случаях важно помнить, что право на собственность не является абсолютным и должно учитывать интересы других участников. Поэтому, для защиты своих законных интересов, собственнику необходимо обратиться к компетентным органам, которые могут принять решение по данному спору, учитывая все обстоятельства и соответствующие нормы закона. Таким образом, владельцам и собственникам важно обратиться к опытным юристам и обладать полным пониманием правовых актов, чтобы эффективно защищать свои интересы в сложных юридических вопросах. Только так можно обеспечить справедливость и законность в решении подобных спорных вопросов.

Споры, возникающие в правовой науке, ясно указывают на необходимость обеспечить ясность и определенность в институте владельческой защиты в современном гражданском праве России. В связи с этим Д. М. Тамлиани предлагает включить в Гражданский кодекс РФ отдельную главу, посвященную владению. В рамках этой главы предлагается предусмотреть механизм защиты владения от насильственных, тайных и других самоуправных действий, включая возможность подачи исков и самозащиты в течение одного года после утраты владения [4].

Владельческая защита имеет цель оперативного защитить интересы владельца от незаконного лишения его владения и может использоваться проактивно для предотвращения возможных угроз самоуправства. Кроме того, такая защита имущества может быть применена для преодоления препятствий, не связанных с конкретным лишением владения.

А. Б. Селезнев подчеркивает, что при осуществлении владельческой защиты владелец не обязан доказывать своё право на вещь. В то же время, нарушитель владения не может использовать своё право на вещь в качестве аргумента для оспаривания [3]. Таким образом, предложение о включении отдельной главы о владении в Гражданский кодекс РФ и создание эффективного механизма владельческой защиты отражает желание улучшить законодательный фундамент и обеспечить более эффективный инструмент защиты для владельцев. Это также отражает потребность в развитии и совершенствовании гражданского права, учитывая современные вызовы и практические потребности владения в современном обществе.

В связи с этим, мы считаем, что непременно нужно закрепить теоретические основы института владения в российском праве. Это позволит уменьшить количество противоречий, возникающих в практике применения закона.

Однако, необходимо отметить, что защита беститульных владельцев является сложным вопросом, который требует тщательного изучения. Чтобы достичь справедливости и соблюсти баланс интересов всех сторон, необходимо разработать четкие и конкретные механизмы защиты таких владельцев. Важно также принимать во внимание современную динамику общества и рыночные отношения, чтобы обеспечить эффективную защиту прав собственности и интересов граждан.

Правовая наука и практика должны сотрудничать и внести свой вклад в разработку новых подходов к защите беститульных владельцев. Это позволит уменьшить возможность конфликтов и споров в судебных процессах, а также сделает систему правоприменения более справедливой и эффективной.

Закрепление теоретических основ института владения в российском праве является важным шагом к обеспечению справедливости и защите прав собственности. Это также способствует развитию экономики и обеспечению стабильности в обществе.

В конечном итоге, чтобы достичь полноценной защиты беститульных владельцев и создать более сбалансированное правовое общество, необходимо продолжать исследования и совершенствование гражданского права, учитывая изменяющиеся потребности и реалии современного мира [1].

Для того чтобы избежать разделения процедуры рассмотрения спора о владении на два этапа, где сначала владельцу по посессорному иску возвращают вещь, а затем собственник подает петиторный иск, разработчики предусмотрели принципиальное возражение в статье 218. Это дает возможность лицу, к которому предъявлено требование о защите владения, высказать свои возражения по данному требованию.

Однако, важно заметить, что в посессорном процессе не должно быть места для обсуждения права на спорное имущество. В этой связи, пункт 4 статьи 217 Проекта Гражданского Кодекса РФ запрещает использование каких-либо доказательств, свидетельствующих о принадлежности права на объект владения, в качестве возражения. Данный подход позволяет сосредоточиться на рассмотрении вопроса о владении, преследуя цель справедливого и оперативного разрешения спора. Он помогает улучшить процесс правоприменения в случаях, когда возникают споры о владении, и ускорить процедуру возвращения вещи владельцу без отклонения в сторону более сложных правовых вопросов.

Таким образом, перспективы развития владельческой (посесерной) защиты в гражданском праве Российской Федерации весьма обширны. Она основывается на активной судебной практике, разработке новых нормативных актов, реформировании гражданско-процессуального законодательства и деятельности юридического сообщества. Благодаря постоянному развитию и совершенствованию данной защиты гарантируется эффективная охрана прав владения и законных интересов собственников в России. Можно заключить, что в Российском гражданском праве существуют различные точки зрения относительно области и эффективности владельческой защиты. Некоторые авторы считают, что классическая владельческая защита потеряла свою значимость, в то время как другие подчеркивают необходимость внесения ясности и изменений в законодательство, чтобы справедливо защитить интересы владельцев от незаконных

действий. Решение этой проблемы требует вдумчивого изучения и анализа, а также активного взаимодействия гражданской науки, практических экспертов и законодательных органов для разработки эффективного и справедливого механизма владельческой защиты.

Пристатейный библиографический список

1. Бутина В. В. Владельческая (посесерная) защита в действующем гражданском законодательстве России // В сборнике: Достижения вузовской науки 2018. сборник статей Международного научно-практического конкурса: в 3 ч. – 2018. – С. 264-266.
2. Радченко Н. А. Соотношение владельческой (посесерной) защиты и виндикации // Молодой ученый. – 2020. – № 25 (315). – С. 290-292.
3. Селезнев А. Б. Владельческая (посесерная) защита титульных прав владельцев недвижимости // В сборнике: Закон. Общество. Человек. Актуальные вопросы теории и практики права. Сборник научных статей. Под редакцией О. В. Архиповой, А. И. Климина. – Санкт-Петербург, 2020. – С. 46-51.
4. Тамлиани Д. М. Спорные вопросы введения посесерной защиты в России // Аллея науки. – 2022. – Т. 1. № 9 (72). – С. 632-638.
5. Фоменко М. А. О владельческой защите в проекте изменений Гражданского кодекса РФ // В сборнике: Инновации в науке и практике. Сборник статей по материалам XI международной научно-практической конференции. В 3 частях. Ответственный редактор Халиков А. Р., 2018. – С. 248-252.

МОКШИН Сергей Игоревич

аспирант кафедры гражданского права и процесса Поволжского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ И ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О РАССМОТРЕНИИ СПОРОВ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ ДОГОВОРА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

В статье рассматриваются характерные признаки объекта гражданско-правовой защиты по делам, связанным с суррогатным материнством, предмета доказывания по данной категории гражданских дел. Автором с учетом анализа общетеоретических положений относительно указанных категорий сформулирован предмет доказывания по делам, рассматриваемым в порядке искового и особого судопроизводства.

Ключевые слова: объект гражданско-правовой защиты, предмет доказывания, суррогатное материнство, договор суррогатного материнства, доказывание.

МОКШИН Sergey Igorevich

postgraduate student of Civil law and process sub-faculty of the Volga Region Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economical and Public Administration under the President of the Russian Federation

THE OBJECT OF CIVIL PROTECTION AND THE SUBJECT OF PROOF IN CASES OF DISPUTE RESOLUTION ARISING FROM THE SURROGACY AGREEMENT

The article examines the characteristic features of the object of civil protection in cases related to surrogacy, the subject of proof in this category of civil cases. The author, taking into account the analysis of general theoretical provisions regarding these categories, formulated the subject of evidence in cases considered in the order of claim and special proceedings.

Keywords: object of civil protection, subject of proof, surrogacy, surrogacy agreement, proof.

Мокин С. И.

Гражданское процессуальное право не существует отдельно от иных отраслей права, особая взаимосвязь имеется с гражданским и семейным правом. Предусмотренные последними права граждан и организаций обеспечиваются различными средствами, на первый план выходят способы защиты прав, перечисленные в ст. 12 ГК РФ.

Анализ нормативных источников, равно как и обращение к учебной и научной литературе не позволяет найти четкое определение «объекта гражданско-правовой защиты», однако попытки сформулировать таковое предпринимаются некоторыми авторами. Наиболее ярким примером тому служат научные работы И. В. Архипова [1, с. 110-120], [2, с. 7-11]. Затрагивая вопрос определения исследуемого понятия, ученый обращает внимание на соотношение объектов гражданских прав и объектов гражданско-правовой защиты, делает акцент на неаргументированности позиции некоторых авторов, однозначно указывающих, что объект защиты – нарушенное право. Сомнения И. В. Архипова обуславливаются параллельным анализом содержания ст. 12 ГК РФ и пп. 4 п. 2 ст. 131 ГПК РФ [2, с. 111]. Обратимся к содержанию данных норм.

Применительно к исследуемой категории правоотношений, связанных с установлением происхождения детей, которые рождены суррогатной матерью, и иных правоотношений, возникающих из договора суррогатного материнства, согласно ст. 12 ГК РФ значение имеют следующие способы защиты: признание права; признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности; применение последствий недействительности ничтожной сделки; самозащита права; присуждение к исполнению обязанности в натуре; возмещение убытков; взыскание неустойки; компенсация морального вреда; прекращение или изменение правоотношения и др.

В то же время содержательный анализ пп. 4 п. 2 ст. 131 ГПК РФ позволяет сделать вывод о том, что объектами гражданско-правовой защиты могут выступать права, свободы и законные интересы лица. Все перечисленные категории являются самостоятельными и не подлежат отождествлению. Объектами гражданско-правовой защиты по делам, связанным с суррогатным материнством, являются субъективные права и законные интересы. Зачастую применение конкретного способа защиты гражданского права осуществляется посредством обращения лица, чье право или законный интерес нарушены, в суд. С обозначенной позиции важным аспектом является выявление того, какие же права и законные интересы могут быть рассмотрены в качестве объектов гражданско-правовой защиты по делам, связанным с суррогатным материнством, и соответственно, что входит в предмет доказывания по указанным спорам. Предлагается установление данных обстоятельств применительно к исковому и особому судопроизводству.

Защита нарушенного или оспариваемого субъективного права осуществляется в порядке искового судопроизводства, в то время как защита законного интереса – в порядке особого судопроизводства. Для того, чтобы верно разрешить дело требуется выяснить все юридические факты, имеющие значение для дела.

Учеными, специализирующимися на сфере гражданского процессуального права, интерпретация предмета доказывания осуществляется через совокупность юридических фактов, подлежащих установлению для того, чтобы суд мог вынести законное и обоснованное решение [3, с. 208]. А. К. Сергун включает в предмет доказывания юридические факты различного свойства (события и действия, правомерные и неправомерные) [4, с. 75]. Без правильного определения предмета доказывания невозможно рассмотрение граждан-

ского дела. Указанное проявляется в следующем. Неполнота предмета доказывания, состоящая в отсутствии в содержании такого фактов, которые необходимы и обладают юридически значением для разрешения дела по существу. Поводом к тому будет служить – необоснованность судебного решения.

Отсутствие в рамках предмета доказывания необходимых фактов, которые имеют значение для разрешения дела по существу, влечет за собой отмену судебного решения ввиду необоснованности такового. При этом включение в предмет доказывания фактов, которые не обладают правовым значением для конкретного дела, служит основанием для бессмысленной траты времени, силы и средств участников процесса.

Рассмотрим объект гражданско-правовой защиты и предмет доказывания по спорам, связанным с суррогатным материнством, которые подлежат рассмотрению в рамках искового судопроизводства.

По гражданским делам о взыскании денежных сумм с потенциальных родителей или суррогатной матери по договору о суррогатном материнстве принципиальное значение имеют нормы ГК РФ, поскольку нормы СК РФ определяют исключительно специфическую терминологию, используемую в рамках соответствующих правоотношений. Основной интерес вызывают положения раздела III, регламентирующего общие положения об обязательствах и договорах. Необходимо понимать, что договор о суррогатном материнстве является непоименованным договором, так как его название прямо не закреплено в части 2 ГК РФ. Соответственно к договору о суррогатном материнстве должны применяться общие положения об обязательствах (подраздел 1 раздела III ГК РФ) и о договоре (подраздел 2 раздела III ГК РФ), а также нормы главы 39 ГК РФ.

Важно отметить, что правила главы 39 о договоре возмездного оказания услуг могут применяться по гражданским делам о взыскании денежных сумм с потенциальных родителей или суррогатной матери по договору о суррогатном материнстве. В качестве обоснования тому служит анализ понятия договора возмездного оказания услуг, закрепленного в п. 1 ст. 779 Кодекса, а также отсутствие закрытого перечня услуг, которые могут выступать в качестве предмета договора возмездного оказания услуг, или прямого запрета на предоставление услуг, которые не могут выступать в качестве предмета договора возмездного оказания услуг (п. 2 ст. 779 ГК РФ). Предмет доказывания составляют: факт заключения между суррогатной матерью и потенциальными родителями договора о суррогатном материнстве, факт нарушения стороной обязательств по договору и иные факты, определяемые в зависимости от конкретных особенностей подлежащего рассмотрению и разрешению судом гражданско-правового спора.

По гражданским делам о взыскании денежных сумм с медицинской организации, осуществляющей или осуществлявшей сопровождение процедуры суррогатного материнства, по аналогии с предыдущей группой дел специальные нормы СК РФ имеют вспомогательное значение. Также применению подлежат нормы, предусмотренные разделом III и главой 39 ГК РФ. Предмет доказывания составляют факты, характеризующие заключение договора между сторонами, нарушение сторонами обязательств по договору, возможность взыскания с медицинской организации неустойки или убытков (за исключением упущенной выгоды, что обусловлено спецификой рассматриваемой категории споров).

По гражданским делам о взыскании возмещения морального вреда, обусловленного нарушением врачебной тайны, правовое значение имеют нормы, которые предусмотрены ст. 151, 1099-1101 ГК РФ, а также ст. 13 Основ охраны здоровья граждан. В частности, указанные нормы определяют основания, способ и размер компенсации гражданину морального вреда, обязательность соблюдения врачебной

тайны. Предмет доказывания по указанной группе гражданско-правовых споров составляют: факт нарушения врачебной тайны, факт наличия физических и нравственных страданий у гражданина, факт наличия вины ответчика в действиях, повлекших нарушение врачебной тайны.

По гражданским делам об установлении или оспаривании отцовства и (или) материнства в отношении ребенка, который рожден суррогатной матерью, в качестве предмета доказывания выступает факт происхождения ребенка от конкретного лица – отца или матери. Данные споры основываются на комплексе положений, а именно: ст. 47-53 СК РФ. Обозначенный факт не является единственным фактом, составляющим предмет доказывания по соответствующей группе споров. Также в предмет доказывания могут быть включены факты, состоящие в том, что суррогатная мать отказалась в даче согласия на запись потенциальных родителей в качестве родителей ребенка, который рожден суррогатной матерью, орган записи актов гражданского состояния отказал записать потенциальных родителей родителями ребенка, который рожден суррогатной матерью, ввиду отсутствия между потенциальными родителями официально зарегистрированных брачных отношений.

По гражданским делам об установлении факта родства с ребенком, рожденным суррогатной матерью, целесообразно оперировать положениями семейного законодательства. Расширение предмета доказывания, реализуемое в данном случае, возможно за счет доказывания факта родства отца или матери с ребенком, который рожден суррогатной матерью, факта родства заинтересованного лица, являющегося родственником указанных граждан (например, бабушки, тети или дяди). Как правило, подобные ситуации характерны в тех случаях, когда генетические родители умерли, не успев установить отцовство или материнство в отношении ребенка, который рожден суррогатной матерью, или когда родственником указанных лиц после смерти таковых принято решение об использовании биологического материала данных лиц.

Таким образом, объектами гражданско-правовой защиты по делам, связанным с суррогатным материнством, являются субъективные права и законные интересы. Зачастую применение конкретного способа защиты гражданского права осуществляется посредством обращения лица, чье право или законный интерес нарушены, в суд. Автором установлено содержание предмета доказывания по исследуемой категории гражданских дел с учетом вида судопроизводства, применяемого при рассмотрении таковых.

Пристатейный библиографический список

1. Архипов И. В. Жизнь как объект гражданско-правовой защиты // *Юридическая наука*. - 2020. - № 12. - С. 7-11.
2. Архипов И. В. Объекты гражданских прав и объекты защиты // *Вопросы российского и международного права*. - 2017. - Том 7. - № 5А. - С. 110-120.
3. Лебедев М. Ю. *Гражданский процесс: учебник для вузов*. 13-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2023. - 438 с.
4. Сергун А. К. *Советское гражданское процессуальное право*. Учеб. пособие. - М.: [б.и.], 1960. - 127 с.

ТОКАРЕВ Александр Максимович

студент-бакалавр направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ДОГОВОРОМ РОЗНИЧНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Статья рассматривает основные аспекты договора розничной купли-продажи в интернете и проблемы, с которыми сталкиваются стороны при его заключении и исполнении. Особое внимание уделяется проблеме мошенничества в онлайн-торговле, а также логистическим трудностям и техническим ошибкам, возникающим при осуществлении электронной коммерции. Статья также рассматривает нормативные акты, регулирующие розничную куплю-продажу в сети интернет, и приводит примеры из судебной практики. В заключение автор отмечает положительное влияние онлайн-торговли на экономику и предлагает дальнейшие исследования в данной области.

Ключевые слова: Интернет-торговля, купля-продажа, электронный договор, электронная торговля.

Токарев А. М.

TOKAREV Alexander Maksimovich

bachelor student in the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

PROBLEMS ASSOCIATED WITH THE CONTRACT OF RETAIL SALE ON THE INTERNET

The article considers the main aspects of the contract of retail sale on the Internet and the problems faced by the parties in its conclusion and execution. Particular attention is paid to the problem of fraud in online commerce, as well as logistical difficulties and technical errors arising in the implementation of e-commerce. The article also examines the regulations governing online retail sales and provides examples from court practice. In conclusion, the author notes the positive impact of online commerce on the economy and suggests further research in this area.

Keywords: Internet trade, purchase and sale, electronic contract, electronic commerce.

С развитием информационных технологий и распространением интернет-сетей по всему миру, онлайн-торговля стала неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Сегодня все больше потребителей предпочитают приобретать товары и услуги через сеть Интернет, благодаря ее удобству, широкому ассортименту и возможности сравнения цен. Однако, вместе с ростом популярности интернет-торговли возникают и проблемы, связанные с договором розничной купли-продажи.

Актуальность темы обусловлена следующими факторами:

Рост электронной коммерции: в последние годы наблюдается стремительный рост онлайн-покупок, и все больше потребителей предпочитают совершать покупки через интернет-магазины. В связи с этим, важно исследовать проблемы и вызовы, возникающие при совершении розничных покупок в сети Интернет.

Защита прав потребителей: покупатели в интернете сталкиваются с рядом проблем, таких как мошенничество, подделки, задержки в доставке, некачественный товар и другие. Необходимо исследовать, какие конкретные проблемы возникают при розничной купле-продаже в сети Интернет и каким образом потребители могут защитить свои права.

Закон о правах потребителей применим ко всем договорам розничной купли-продажи, включая те, которые заключены через сеть Интернет. Он предусматривает право потребителя на получение полной и достоверной информации о товаре или услуге перед заключением договора, а также на

защиту от недобросовестных или мошеннических действий продавца.

Правовые аспекты. Совершение покупок через интернет налагает ряд юридических вопросов и сложностей, связанных с законодательством о защите прав потребителей, условиями использования интернет-площадок, ответственностью продавцов и другими аспектами.

Технические вопросы. Договоры розничной купли-продажи в интернете требуют обмена информацией между продавцом и покупателем, а также обработки платежей и доставки товаров. Проблемы могут возникать в связи с безопасностью данных, ошибками в технической части и другими техническими вопросами. Изучение этих вопросов может помочь в определении проблем, которые необходимо решить для обеспечения эффективной и безопасной розничной купли-продажи в сети Интернет.

Исследование этих проблем имеет важное значение для защиты прав потребителей и развития электронной коммерции. Понимание основных проблем и способов их предотвращения позволит разработать эффективные меры по защите интересов потребителей и улучшению законодательства в этой области. Таким образом, научная статья на данную тему будет актуальной и востребованной как для специалистов в области права и экономики, так и для предпринимателей, занимающихся онлайн-торговлей.

Целью исследования ставится изучение проблем, связанных с заключением договора розничной купли-продажи в сети Интернет.

Основной нормативный документ, регулирующий розничную куплю-продажу в сети интернет – Гражданский кодекс Российской Федерации.

Действующее законодательно разделяет два способа заключения такого договора.

Первый способ связан с непосредственным направлением одним контрагентом другому оферты в электронной форме, а затем и последующим принятием путем совершения конклюдентных действий, заключающихся в выполнении условий договора. Чаще всего это происходит в форме оплаты.

Второй способ заключается в заключении договора в письменной форме, подписание которого обязательно для двух сторон, либо путем обмена документами с помощью электронной, почтовой и иной связи. (п. 2 ст. 434 ГК РФ)

Независимо от формы договора, контрагенты сталкиваются с проблемами, связанные с заключением договора розничной купли-продажи в сети Интернет.

Фактор мошенничества выделяется многими исследователями как один из основных недостатков электронной торговли. На фоне возрастающего спроса деятельность многих интернет-магазинов привлекает не только покупателей, но и мошенников. Мошенничество может проявляться в виде получения некачественного товара, задержки или невыполнения доставки, а также в случаях, когда продавец не выполняет свои обязательства по возврату денег за некачественный товар.

Как отмечает Бельская А. А., особенно острой стала проблема существования так называемых интернет-магазинов – «однодневки» [1, с. 104].

Магазины «однодневки» – это компании, созданные с целью получения прибыли исключительно за счет мошенничества и обмана потребителей. Как правило такие компании зарегистрированы под фиктивными именами или именами других людей. Такие продавцы рекламируют свои товары и услуги в интернете, часто предлагая очень низкие цены и обещая высокое качество.

Однако, после того как покупатель совершает покупку и оплачивает товар, он сталкивается с рядом проблем. Часто товар не соответствует описанию, качество оказывается низким или отсутствует вообще. Более того, покупатель не может обратиться за возвратом или обменом товара, так как компания уже исчезла, разорилась или перенаправила деятельность на какой-либо другой информационный ресурс.

Также существует проблема совершения предоплаты за товары или услуги. Недобросовестная сторона требует предоплату, не оказывая в дальнейшем оговоренных услуг, в результате чего потребитель может потерять деньги.

Кроме того, такие компании могут использовать личные данные покупателей, полученные в процессе покупки, для мошеннической деятельности или продажи третьим лицам.

Одна из проблем также связана с логистическими трудностями, имеющими место быть при доставке товаров. Между тем, нарушение сроков доставки товара по договору является основанием для обращения в суд.

Это подтверждается примером из судебной практики, а именно решением по делу № 2-521/2018, вынесенное Сыктывкарским городским судом Республики Коми, из которого следует, что А. А. Архипов обратился в суд с иском к А. Н. Матюшонок о взыскании предварительной оплаты двух сотовых телефонов и неустойки за нарушение срока передачи товара. Суд удовлетворил исковые требования А. А. Архипова.

Со стороны продавцов логистические трудности могут возникать из-за задержек в поставках товаров, неправильной упаковки или доставки, а также из-за некачественного обслуживания со стороны поставщиков и перевозчиков.

Со стороны потребителей логистические трудности могут проявляться в виде недостаточной информации о сроках и условиях доставки, неудовлетворительного качества услуги доставки, а также сложностей при возврате товара или решении проблем, связанных с доставкой.

Другой фундаментальной проблемой являются технические ошибки: возможные сбои при оформлении заказа, оплате товара или доставке, которые могут привести к нарушению условий договора и возникновению споров.

При проведении онлайн-транзакций, возможны различные трудности. Например, технические сбои могут привести к неполадкам в платежной системе, из-за чего деньги не будут переведены продавцу или покупателю. Такие сбои могут вызывать у потребителей разочарование и недоверие к интернет-магазину.

Несмотря на трудности, связанные с осуществлением электронной торговли, договоры розничной купли-продажи в сети интернет по-прежнему пользуются большой популярностью в России. Это суждение подтверждается мнением Сенченко Е. В., высказывающегося о том, что электронная коммерция в настоящее время достаточно широко охватывает все сферы нашей жизни. [3, с. 83].

Несомненно, существование онлайн-торговли оказывает положительное влияние на экономику. Во-первых, она способствует увеличению объемов торговли, поскольку потребители получают возможность приобретать товары и услуги из любой точки мира, не выходя из дома. Это расширяет рынок сбыта для компаний и способствует увеличению объемов продаж.

Во-вторых, онлайн-торговля способствует увеличению конкуренции, поскольку потребители имеют возможность сравнивать цены и условия различных продавцов. Это заставляет компании улучшать качество своих товаров и услуг, а также предлагать более привлекательные цены и условия доставки.

В связи с сохранением высокой актуальности данной темы имеет место быть и дальнейшие исследования, связанные с развитием электронной коммерции в будущем.

Пристатейный библиографический список

1. Бельская А. А. Специфика правовой природы дистанционного способа купли-продажи // Вестник РУК. - 2018. - № 2 (32). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-pravovoi-prirody-distantionnogo-sposoba-kupli-prodazhi> (дата обращения: 06.11.2023).
2. Мурзина Д. О., Стекачева Е. С. ЭЛЕКТРОННАЯ ТОРГОВЛЯ В ИНТЕРНЕТЕ // Форум молодых ученых. - 2017. - № 12 (16). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnaya-torgovlya-v-internete> (дата обращения: 06.11.2023).
3. Сенченко Е. В. Анализ рынка электронной торговли в России // Стратегия устойчивого развития регионов России. - 2015. - № 28. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-rynka-elektronnoy-torgovli-v-rossii> (дата обращения: 06.11.2023).

ЧЕРЕМИСИНА Кристина Максимовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КАЛЮЖНАЯ Полина Леонидовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ПУЧКИН Дмитрий Константинович

магистр, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

ЮДИНА Дарья Витальевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЖУРМАН Юлия Владимировна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДИНАМИКА МНЕНИЙ ОБ ИММИГРАЦИИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: АНАЛИЗ МНЕНИЙ ГРАЖДАН В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ

Научная статья исследует динамику мнений граждан об иммиграции в различных странах. Используя алгоритм диадических соотношений и анализируя данные об общественных мнениях, мы стремимся выявить изменения в отношении к иммиграции и иммигрантам во времени и пространстве. Полученные результаты позволяют понять, каким образом политика иммиграции влияет на мнения граждан и как эти мнения эволюционируют в разных странах.

Ключевые слова: мнения граждан, иммиграция, иммигранты, динамика мнений, алгоритм диадических соотношений, политика иммиграции, социальные изменения, общественная поддержка, общественное противостояние, страновой анализ.

CHEREMISINA Kristina Maksimovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KALYUZHNYAYA Polina Leonidovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

PUCHKIN Dmitry Konstantinovich

master's degree, Far Eastern Federal University

YUDINA Darya Vitaljevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ZHURMAN Yulia Vladimirovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

THE DYNAMICS OF OPINIONS ON IMMIGRATION IN A COMPARATIVE PERSPECTIVE: AN ANALYSIS OF THE OPINIONS OF CITIZENS IN DIFFERENT COUNTRIES

The scientific article explores the dynamics of citizens' opinions about immigration in various countries. Using the dyadic relations algorithm and analyzing data on public opinion, we strive to identify changes in attitudes towards immigration and immigrants in time and space. The results obtained allow us to understand how immigration policy affects the opinions of citizens and how these opinions evolve in different countries.

Keywords: citizens' opinions, immigration, immigrants, opinion dynamics, algorithm of dyadic relations, immigration policy, social changes, public support, public opposition, country analysis.

Иммиграция является одним из наиболее актуальных и сложных социальных явлений, которое оказывает влияние на современное общество. С ростом глобализации и международной мобильности, мнения граждан об иммиграции стали ключевым фактором для формирования политики во многих странах. Публичные мнения о приеме иммигрантов могут варьироваться от положительных до отрицательных и часто меняются во времени и в зависимости от контекста. Понимание этих динамик мнений об иммиграции имеет важное значение для разработки социальных и политических стратегий.

Настоящая научная статья посвящена анализу динамики мнений граждан об иммиграции в разных странах. Мы применяем инновационный алгоритм диадических соотношений для объединения информации о мнениях граждан в

общий показатель. Этот анализ позволяет нам не только выявить направление изменения мнений, но и оценить их величину.

Иммиграционные процессы в Европе активно развивались после завершения Второй мировой войны, но особо усиленное движение иммигрантов началось в 1960-х годах. С 1980-х этот процесс приобрел ещё большую интенсивность, как в плане темпов, так и в плане масштабов. Последние десятилетия отмечаются резким ростом числа иммигрантов, включая просителей убежища и экономическую иммиграцию, что, в свою очередь, сформировало так называемый «европейский миграционный кризис».

В результате Европа столкнулась с существенным приростом иммигрантов, что способствовало систематическому увеличению показателей чистой миграции практически во

всех западноевропейских государствах. В свете этих изменений иммиграция стала одним из ключевых вопросов европейской социально-политической агенды, занимая центральное место в обсуждениях с 1980-х годов.

Подряд идущие экономические, финансовые и миграционные кризисы акцентировали внимание на проблеме иммиграции как одной из самых актуальных в европейских демократиях. В целом, вопросы, связанные с иммиграцией и предоставлением убежища, стали фундаментальными для общества и сохраняют свой статус ключевых политических проблем на европейском континенте, который отличается институциональным и демографическим разнообразием.

Мнения об иммиграции можно рассматривать как комплексную и согласованную оценку, отражающую изменения в общественных предпочтениях или обобщенных мнениях касательно воздействия иммиграции на различные группы населения. При этом такое понимание устойчиво к изменениям времени и контекста, что позволяет проводить как сравнительные, так и долгосрочные исследования.

В целом эмпирические результаты часто разнятся, так как взгляды граждан на иммигрантов и миграцию значительно различаются. Не во всех странах происходят одинаковые изменения одновременно и в одной и той же степени [3]. Это говорит о том, что единый общий тренд по всей Европе вряд ли полноценно описывает динамику мнений. Это, в частности, происходит из-за постоянного, но контекстуально различного взаимодействия между мнением о иммиграции и иммиграционной политикой. Мы описываем это взаимодействие как «иммиграционный термостат» в следующем разделе.

В сильно политизированных областях правительства законодатели уделяют внимание желаниям граждан. Граждане, в свою очередь, замечают и реагируют на действия законодателей. В частности, по вопросам иммиграции это означает, что иммиграционная политика сигнализирует гражданам стать более или менее рестриктивными в своих мнениях, которые законодатели затем отражают соответственно. Любые отклонения от «нормального» расстояния между мнениями и политикой со временем корректируются, что приводит к постоянному процессу приведения в соответствие мнений и политики. Исходя из этого, наше исследование основано на оригинальной термостатической модели Wlezien (1995) и умной адаптации Jennings (2009) к иммиграции в Великобритании для сравнительного описания того, как настройка предпочтений и политический ответ объединяются в области иммиграции.

Существующие исследования утверждают, что граждане реагируют на изменения в своем социальном, экономическом и политическом окружении через процесс адаптивной обратной связи. Это означает, что граждане замечают и адаптируются к изменениям в политике. У рационального населения существует разнообразие индивидуальных предпочтений, где некоторые хотят более рестриктивной иммиграционной политики, чем другие. Среднее значение в общем распределении мнений о иммиграции представляет собой «идеальное» положение [10]. Таким образом, общество в целом имеет предпочтение к более жесткой или менее жесткой иммиграционной политике. Это предпочтение относительно, так как оно корректируется в ответ на изменения в политике. Когда иммиграционная политика выходит за рамки «умеренной зоны приемлемости» общества, мнения о иммиграции реагируют, требуя возврата к более приемлемым уровням. Когда общественность реагирует на иммигра-

ционную политику, иммиграционное настроение содержит значимую информацию.

Исходя из термостатической логики, можно предположить, что относительные предпочтения общественности представляют разницу между желаемыми уровнями политики и реальными уровнями её реализации. В этом контексте формальное выражение принимает следующий вид:

$$R_{kt} = P^* - P_{kt},$$

где индексы k и t относятся к стране и времени соответственно. Уравнение демонстрирует, что граждане склонны к менее ограничительной иммиграционной политике, когда реальная политика оказывается более ограничительной, чем идеальная. С другой стороны, когда реальная политика менее ограничена, чем желаемая, граждане выражают своё желание усилить ограничения. Иными словами, данная модель утверждает, что мнения о иммиграции изменяются в противоположном направлении относительно изменений в иммиграционной политике [2].

Одним из основных вызовов при точном измерении мнений о иммиграции в их политически эффективном смысле (Конверс, 1987) является качественное исследование и интерпретация общественного мнения в долгосрочной перспективе. Часто опросы проводятся с ограниченной периодичностью (например, в период выборов) или повторяются в течение ограниченного времени (или вообще не проводятся). Это несомненно недостаточно, учитывая интерес макрополитических исследований к временным изменениям в ответах на повторяющиеся вопросы опросов. В отличие от некоторых других вопросов, имеющих долгую историю исследований (например, социального класса или удовлетворенности демократией), большинство международных опросов не всегда включали вопросы о «новых» политических вопросах, таких как иммиграция, глобализация или европейская интеграция [8].

Несмотря на то, что иммиграция остается актуальной с начала 1980-х годов, повторяющиеся вопросы в опросах все еще ограничены. Есть случаи, когда иммиграция хорошо изучена в национальных опросах, особенно в странах с долгой историей иммиграции, таких как Франция, Германия и Великобритания. Это имеет свои преимущества для исследований в рамках одной страны, но остается сложной задачей для сравнительного анализа. Например, в то время как международные опросы обычно последовательны в своем дизайне и формулировке вопросов, и, таким образом, предполагают эквивалентность значений и показателей для теоретических конструктов, это не всегда так для национальных опросов. Они более прагматичны в своем дизайне, часто зависят от актуальных вопросов, что приводит к изменению формулировок вопросов и вариантов ответов. Это усложняет создание последовательных временных рядов, которые были бы достаточно длинными, плотными и обширными, чтобы охватить более широкое представление о мнениях о иммиграции. В результате часто используются только ограниченные источники данных (например, Боман и Хьерм, 2016; Форд, 2008; Хаттон, 2021), снимки из нескольких источников, которые ограничены по времени (например, Семенов и др., 2006) или данные из коммерческих опросов, но не из высококачественных международных источников (например, Форд и др., 2015).

Сравнивая данные, мы должны стремиться к созданию композитных показателей насколько это возможно. С учетом

этого мы принимаем более всесторонний подход и используем без прецедента количество вопросов опросов, собранных в рамках Проекта Глобального Общественного Мнения, для измерения мнений о иммиграции. Выбранные вопросы касаются позиций в отношении иммиграции или иммигрантов, отношения к правительственной политике в отношении иммиграции, отношения к иммигрантам или другим общим ненациональным меньшинствам, экономических или культурных последствий иммиграции, ксенофобии и предвзятости [3]. Из этого широкого выбора мы выделяем те вопросы, которые имеют хотя бы два наблюдения в течение анализируемого периода и вычисляем (взвешенные) маргинальные показатели, связанные с иммиграцией. В то время как частота вопросов может значительно варьироваться, некоторые из более заметных серий вопросов касаются браков с иностранцами (Германия, 15), считают ли, что слишком много иммигрантов (Франция, 15), продвижение или увольнение иностранцев перед местными жителями (Нидерланды, 21) и равных шансов для иностранцев и местных жителей (Швейцария, 24).

Для каждой страны мы применяем алгоритм диадических соотношений для гармонизации информации в совокупный показатель мнений о иммиграции (Stimson, 1991). Данная методика позволяет нам оценить динамику общественной поддержки (низкие значения) или противостояния (высокие значения) иммиграции и иммигрантам, улавливая как направление, так и величину изменений.

Алгоритм диадических соотношений исходит из предположения, что изменение между двумя значениями во временном ряде (диадное соотношение) является относительным показателем мнений о иммиграции со временем. Производя такие измерения на каждом этапе времени для каждого временного ряда, алгоритм затем оценивает ковариацию между диадными соотношениями каждого элемента. Исходя из этой ковариации, он рассчитывает показатели достоверности для разных серий диадных соотношений и использует их для оценки наилучшего латентного показателя мнений об иммиграции [4].

Затем алгоритм использует эти оценки для вычисления значений мнения об иммиграции на каждом доступном интервале (в нашем случае ежегодно). Дополнительное экспоненциальное сглаживание увеличивает точность оценки, учитывая возможные ошибки выборки и смещение. Этот метод оценки мнений о иммиграции затем повторяется для каждой страны в исследовании.

В результате мы получаем 13 страновых показателей мнений об иммиграции, содержащих огромное количество информации. Несмотря на то, что фактическое количество входных рядов различается между странами (от 24 в Австрии до 82 в Германии), объединенные показатели мнения о иммиграции основаны на 2 461 опросных данных. Было установлено, что одно уникальное измерение, которое мы теоретизируем как мнения о иммиграции, объясняет в среднем около 60% дисперсии (собственное значение) в моделях измерения по странам. Доля объясненной дисперсии устойчива к используемым вопросам, то есть общая дисперсия остается схожей, независимо от того, как мы оцениваем совокупный показатель мнений о иммиграции.

Полученные результаты имеют важное значение для политических и социальных решений. Они позволяют лучше понимать, как изменения в политике могут повлиять на общественное мнение и каким образом формируются предпочтения граждан в отношении иммиграции. Дальнейшие ис-

следования в этой области могут помочь разработать более эффективные стратегии управления иммиграцией и укрепить социальную стабильность в разнообразных обществах.

Пристатейный библиографический список

1. Cinalli M., & Van Hauwaert S. M. Contentious politics and congruence across policy and public spheres: The case of Muslims in France // *Ethnic and Racial Studies*. – 2021. – № 44 (14). – P. 2532-2550.
2. Bartle J., Dellepiane-Avellaneda S., & Stimson J. A. The moving centre: Preferences for government activity in Britain, 1950-2005 // *British Journal of Political Science*. – 2011. – № 41 (2). – P. 259-285. <https://doi.org/10.1017/S0007123410000463>.
3. Bartle J., Bosch A., & Oriolls L. The policy mood in Spain: The thermostat in a warm climate, 1978-2017 // *European Political Science Review*. – 2020. – № 12 (2). – P. 133-153. <https://doi.org/10.1017/S175577392000003X>.
4. Bølstad J. Dynamics of European integration: Public opinion in the core and periphery // *European Union Politics*. – № 2015. – № 16 (1). – № 23-44. <https://doi.org/10.1177/1465116514551303>.
5. Brooks C., & Manza J. Why do welfare states persist? // *The Journal of Politics*. – 2006. – № 68 (4). – P. 816-827. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2508.2006.00472.x>.
6. Brooks C., & Manza J. Why welfare states persist: The importance of public opinion in democracies. – University of Chicago Press, 2008.
7. Allan J. P., & Scruggs L. Political partisanship and welfare state reform in advanced industrial societies // *American Journal of Political Science*. – 2004. – № 48 (3). – P. 496-512. <https://doi.org/10.1111/j.0092-5853.2004.00083.x>.
8. Anderson, B., Böhmelt T., & Ward H. Public opinion and environmental policy output: A cross-national analysis of energy policies in Europe // *Environmental Research Letters*. – 2017. – № 12 (11). – P. 114011. <https://doi.org/10.1088/1748-9326/aa8f80>.
9. Arceneaux K. Direct democracy and the link between public opinion and state abortion policy // *State Politics & Policy Quarterly*. – 2002. – № 2 (4). – P. 372-387. <https://doi.org/10.1177/153244000200200403>.
10. Arzheimer K. Contextual factors and the extreme right vote in Western Europe, 1980-2002 // *American Journal of Political Science*. – 2009. – № 53 (2). – P. 259-275. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2009.00369.x>.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-11-186-193-194

ШУБНЫЙ Владислав Сергеевич

аспирант 2 курса кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии

УПРАВЛЕНИЕ МНОГОКВАРТИРНЫМ ДОМОМ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЦЕНЫ В ДОГОВОРЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЖИЛИЩНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Введение: В работе выявлены некоторые проблемы установления цены договора управления многоквартирным домом. Освещен вопрос сочетания принципов публичного и частного права в жилищной сфере. Автор предлагает конкретные способы по улучшению реализации прав собственников многоквартирного дома.

Цель исследования заключается в разработке предложений для решения практико-теоретических проблем, связанных с установлением цены договора управления общим имуществом многоквартирного дома в Российской Федерации.

Методологическая основа исследования: используется комплекс методов научного познания таких как: формально-юридический метод, диалектический метод, метода сравнительного анализа и т.д.

Результаты исследования: выявлены некоторые способы совершенствования законодательства в сфере управления общим имуществом в МКД.

Выводы: на законодательном уровне необходимо более детально регламентировать порядок установления цены договора управления общим имуществом многоквартирного дома с сочетанием принципов публичного и частного права.

Ключевые слова: гражданское право, жилищное право, общее имущество, многоквартирный дом.

SHUBNY Vladislav Sergeevich

postgraduate student of the 2nd course of Civil law sub-faculty of the Saratov State Law Academy

MANAGEMENT OF AN APARTMENT BUILDING: PROBLEMS OF DETERMINING THE PRICE IN THE CONTRACT AND PROSPECTS FOR IMPROVING HOUSING LEGISLATION

Background: The paper identifies some problems of setting the price of an apartment building management contract. The issue of combining the principles of public and private law in the housing sector is highlighted. The author suggests specific ways to improve the realization of the rights of owners of an apartment building.

The purpose of the study is to develop proposals for solving practical and theoretical problems related to setting the price of a contract for managing the common property of an apartment building in the Russian Federation.

Methodological basis of the research: a set of methods of scientific cognition is used, such as: formal legal method, dialectical method, comparative analysis method, etc.

Research results: some ways of improving legislation in the field of management of common property in the MCD have been identified.

Conclusions: at the legislative level, it is necessary to regulate in more detail the procedure for setting the price of the contract for the management of the common property of an apartment building with a combination of the principles of public and private law.

Keywords: civil law, housing law, common property, apartment building.

Шубный В. С.

Многогранность сферы управления многоквартирным домом подтверждает необходимость детальной и комплексной стратегии развития жилищного законодательства, объединяющей разнообразные формы взаимодействия собственников общего имущества, чтобы гарантировать жильцам благоприятные условия и безопасность.

Гринькова Н. В. утверждает, что управление многоквартирным домом выходит за рамки простого осуществления прав собственности, подчеркивая необходимость комплексного подхода, соответствующего потребностям и безопасности жильцов [1, с. 74].

Сконцентрировать внимание необходимо на финансировании, требующее тщательного учета и разумного распределения средств на обслуживание и развитие. А также на то, что управляющая организация несет ответственность за бесперебойную работу коммунальных служб, включая водоснабжение, отопление, электричество и чистоту территории. Хорошо оснащенное управленческое подразделение

использует разнообразные методы смягчения конфликтов, начиная от собраний владельцев до обращения в суд и арбитража. Ключевая роль выделяется в обеспечении безопасности жильцов и создании благоприятной среды обитания. Для повышения благосостояния граждан необходимо укрепить механизмы мониторинга и надзора за управлением многоквартирными домами. Общественные советы или комитеты могут сыграть важную роль, обеспечивая участие и влияние жителей на решения. Возможности финансирования, как со стороны государства, так и частной сферы, могли бы еще больше улучшить содержание и модернизацию жилых построек. Стремление к наилучшему управлению многоквартирным домом требует комплексной стратегии, включающей правовые нормы, социальную поддержку, взаимодействие с собственниками и их финансовую осознанность.

Решение проблем качества услуг и финансирования вызывает необходимость в программах, поддерживающих

энергоэффективность и использование возобновляемых источников энергии в многоквартирных домах. Аргументируется это тем, что использование солнечных панелей и информационные инициативы по снижению затрат могут стать вектором развития отрасли.

Разрешение споров требует сложной правовой базы, включающей посредничество, арбитраж и судебное разбирательство. Расширение прав и возможностей жителей через общественные советы способствует активному участию и требует прозрачного распространения информации с помощью современных технологий.

Государственная политика, хотя и направлена на сокращение монополий, может непреднамеренно помешать эффективному принятию решений и оптимизации затрат, влияя на удовлетворенность жителей.

Вывод: путь к эффективному управлению многоквартирным домом проложен путем интеграции правовых, социальных и финансовых аспектов. Установление четких критериев ценообразования имеет решающее значение для предотвращения конфликтов, обеспечения справедливости и улучшения общих условий жизни. По мере того, как ориентироваться на этой сложной территории, находит отклик призыв к созданию комплексной правовой системы — объединения принципов частного и публичного права, обеспечивающего гармоничный и эффективный ландшафт управления жилыми домами.

Кроме того, анализ законодательства в области управления общим имуществом позволяет сделать вывод о том, что на сегодняшний день в Жилищном Кодексе Российской Федерации отсутствуют конкретные положения о порядке определения цены договора управления общим имуществом многоквартирного дома.¹ Хотя, цена договора является, одним из его существенных условий. Данная проблема дополняется тем, что установление цены договора управления общим имуществом практически не изучалась в научной литературе. В теории права существует только общее раскрытие понятийного аппарата цены договора.

Итак, недостаточно развитые установления цены договора приводит к целому ряду проблем, включая неправильное распределение затрат, дефицит открытости и справедливости цены и возникновению конфликтов между собственниками.

Вышесказанное подтверждается тем, что цена договора имеет крайне глубокую структуру, состоящую не только из содержания общего имущества, управления общим имуществом, управления домом, а также оказания коммунальных услуг. Но, и экономического положения собственников. То есть, необходимо обеспечить заинтересованные стороны возможностью участия в формировании цены договора на управление многоквартирным домом. Создание таких условий не только дадут возможность собственникам формировать справедливую и разумную цену договора, но уменьшать риски установления финансового притеснения интересов жильцов. В связи с этим возникает необходимость разработки механизмов контроля в области образования цены договоров управления общим имуществом многоквартирных домов и обеспечения открытого процесса определения стоимости коммунальных услуг. Это позволит установить струк-

турированные и обоснованные правовые границы ценообразования, учитывающие заинтересованность всех сторон, и справедливое распределение финансовых обязательств между собственниками. Так как, формирование надежной процедуры определения цены, договора управления общим имуществом многоквартирных домов поможет, обеспечит более прозрачные отношения между сторонами. Такой подход создал бы равные условия для всех сторон, и позволил бы более эффективно управлять многоквартирными домами.

Сложность и масштаб проблем, подтверждается многочисленными жилищными спорами. В Жилищном кодексе Российской Федерации договорным конструкциям отводится особое место в рамках раздела, посвященного управлению многоквартирными домами, как одному из возможных вариантов управления. Вышесказанное подтверждает позиции многих авторов, утверждающих, что правила о договоре управления общим имуществом многоквартирного дома, закрепленные в Жилищном кодексе Российской Федерации, чрезвычайно лаконичны, допускают неоднозначные подходы к их толкованию. Кроме того, они не всегда могут быть дополнены теоретической базой. Такой специфический правовой институт, учитывая его сложность и особую субъектную структуру, с трудом вписывается в общие договорные структуры, что еще раз подчеркивает необходимость детального регулирования.

Столь специфический правовой институт, учитывая его сложность и особую субъектную структуру, с трудом вписывается в общие договорные конструкции, что еще раз подчеркивает необходимость детального регулирования.

Проблемы дополняются ситуациями, сложившимися на практике, которые можно охарактеризовать следующим образом недостаточная разработка детальных и эффективных механизмов управления многоквартирными.

В целом определение цены договора управления многоквартирным домом является сложным и многогранным вопросом, требующим комплексного подхода и учета различных факторов. Важно создать справедливые и прозрачные механизмы определения цены, которые будут учитывать интересы всех сторон и обеспечивать качественное обслуживание и управление жилыми домами. Кроме того, анализ действующего законодательства и практики, учет мнений заинтересованных сторон и выработка рекомендаций по установлению четких критериев ценообразования помогут создать более эффективную систему управления многоквартирными домами. Также, следует уделять внимание совершенствованию жилищного законодательства в целом в целях обеспечения защиты прав граждан и юридических лиц в жилищных условиях и необходимо предоставить заинтересованным лицам возможность участвовать в формировании цены договора управления многоквартирным домом.

Пристатейный библиографический список

1. Гринькова Н. В. Перспективы совершенствования законодательства об управлении многоквартирными домами // Проблемы гражданского права. - 2014. - № 1.
2. Борзенкова Т. А. Правовая формализация управления многоквартирными домами // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2006. - № 9. - С. 21-26.
3. Витрянский В. Существенные условия договора // Хозяйство и право. - 1998. - № 7. - С. 3-12.

¹ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 24.11.2023) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения: 17.11.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-11-186-195-197

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич

адвокат, «Ленинградская областная коллегия адвокатов», филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПАЦИЕНТА ЗА НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ИСПОЛНЕНИЕ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПЕРЕД КЛИНИКОЙ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ

В статье раскрываются понятие, виды ответственности пациента за ненадлежащее исполнение договорных обязательств перед клиникой пластической хирургии. Отмечается, что в первую очередь, пациент несет ответственность за несвоевременную и неполную оплату услуг исполнителя. Ответственность может предусматривать уплату неустойки, процентов по ст. 395 ГК РФ, возмещение убытков. Внимание также уделяется ответственности пациента за достоверность предоставленной исполнителю необходимой информации о своем здоровье. Соккрытие информации, предоставление клинике недостоверной информации о своем состоянии и симптомах от врачей может иметь негативные последствия для здоровья и эффективности лечения. Кроме того, указывается, что пациент несет ответственность за соблюдение правил внутреннего распорядка клиники, за причинение материального ущерба имуществу клиники.

Ключевые слова: пластическая хирургия, договор, медицинские услуги, нарушение обязательства, ответственность, ущерб, неустойка, соккрытие информации, клиника, пациент.

YASTREMSKIY Ivan Anatoljevich

Lawyer, «Leningrad regional lawyer association», Law firm «Pelevin and partners»

THE PATIENT'S RESPONSIBILITY FOR IMPROPER FULFILLMENT OF CONTRACTUAL OBLIGATIONS TO THE PLASTIC SURGERY CLINIC

The article reveals the concept, types of responsibility of the patient for improper performance of contractual obligations to the clinic of plastic surgery. It is noted that first of all, the patient is responsible for late and incomplete payment of the contractor's services. Liability may include the payment of a penalty, interest under Article 395 of the Civil Code of the Russian Federation, compensation for losses. Attention is also paid to the patient's responsibility for the reliability of the necessary information about his health provided to the contractor. Hiding information, providing the clinic with false information about their condition and symptoms from doctors can have negative consequences for health and the effectiveness of treatment. In addition, it is indicated that the patient is responsible for compliance with the internal regulations of the clinic, for causing material damage to the clinic's property.

Keywords: plastic surgery, contract, medical services, breach of obligation, liability, damage, penalty, concealment of information, clinic, patient.

Ястремский И. А.

Гражданско-правовая ответственность может быть определена как обязанность лица, причинившего ущерб другому лицу (активно или пассивно), возместить или компенсировать этот ущерб либо в натуре, либо в денежной форме. Несмотря на то, что, как правило, виновником ущерба является лицо, которое отвечает, не исключено, что ответственность может быть возложена на другое лицо, поэтому это называется «ответственность за действия других лиц».

Существуют следующие виды гражданско-правовой ответственности:

– договорная: когда имеет место нарушение из-за несоблюдения ранее установленного правила в частном волеизъявлении (договоре);

– внедоговорная: когда имеет место нарушение обязанности поведения, которое не включено ни в один договор и приводит к ущербу другому лицу.

Договорная ответственность основывается на договоре, который заключен между его сторонами и реализуется в случае нарушения ими своих обязательств. В некоторых случаях стороны договора могут договориться об увеличении или уменьшении ответственности, установленной законом.

Ответственность за нарушение договора в российском законодательстве подразумевает возмещение ущерба и убыт-

ки, которые нарушитель договора обязан выплатить своему контрагенту в соответствии с законом или контрактом.

Понимание договорной ответственности имеет важное значение, так как помогает распознать потенциальные риски, связанные с заключением и исполнением договора и позволяет принять необходимые меры предосторожности для смягчения возможных правовых последствий. Четко определенные обязательства могут укрепить доверие между сторонами, способствуя эффективному и взаимовыгодным отношениям.

Внедоговорная ответственность применяется только в случаях, установленных законом и в соответствии с его императивными нормами. Внедоговорная (деликтная) ответственность возникает как следствие противоправных действий одного лица в отношении другого и применяется также в случаях, когда нарушение обязательства приводит к причинению ущерба жизни и здоровью потерпевшего лица.

Внедоговорная ответственность охватывает и другие случаи гражданско-правовой ответственности, которые основаны на иных основаниях, чем договор, включая неосновательное обогащение.

Гражданско-правовая ответственность состоит из следующих элементов:

- Нарушение конкретной обязанности, установленной договором или законом.
- Вред (ущерб) или убытки.
- Причинно-следственная связь. Для этого необходимо, чтобы существовала причинно-следственная связь между действием или бездействием лица, причинившего ущерб и самим ущербом. Таким образом, никто не должен отвечать за случайные убытки (если только их обязанность не состоит в том, чтобы их избежать) или те, которые являются непредвиденными или неизбежными.

Гражданско-правовая медицинская ответственность – это ответственность за ущерб, причиненный стороне по договору об оказании медицинских услуг. Пациент будет привлечен к ответственности только в том случае, если соблюдены условия гражданско-правовой ответственности.

Ущерб, причиненный клинике, является условием ответственности, но не является достаточным для ее возникновения. Ответственность наступает в том случае, если существует причинно-следственная связь между действием или бездействием пациента, с одной стороны, и ущербом, причиненным клинике, с другой. Действие или бездействие пациента должно быть противоправным, то есть противоречащим либо законодательным положениям, либо условиям договора.

В первую очередь, пациент несет ответственность за несвоевременную и неполную оплату услуг исполнителя. Как правило, услуги оплачиваются на условиях определенной предоплаты, размер которой может составлять до 100 % стоимости операции. Исполнитель может получить часть стоимости услуг (предоплату) после заключения договора, оставшуюся часть – после проведения операции и подписания акта приема-передачи услуг.

Из п. 3 ст. 730, ст. 783 ГК РФ, п. 1 ст. 1 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее - закон) следует, что отношения, возникающие в связи с оказанием услуг потребителю, регулируются как законом, так и ГК РФ. Соответственно, в договоре может быть ответственность за неисполнение пациентом своих обязательств по договору, в том числе в виде неустойки (штрафа, пени), процентов по статье 395 ГК РФ за просрочку оплаты услуг.

Неустойка играет двойную роль в российском законодательстве: с одной стороны, это мера обеспечения исполнения обязательства, а с другой стороны, форма договорной ответственности, которая должна быть реализована в случае нарушения договора.

В качестве неустойки (пени, штрафа) в Гражданском кодексе РФ признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан выплатить кредитору в случае, если он не исполнит свое обязательство по договору, включая неисполнение, ненадлежащее исполнение и просрочку в исполнении обязательств.

На практике стороны устанавливают неустойку в виде размера процента за каждый день просрочки, например, 0,1%, 0,5%, 1% за каждый день просрочки (пени), либо в твердой сумме, в том числе за каждый день просрочки.

Проценты за пользование чужими денежными средствами рассчитываются исходя ключевой ставки Банка России, действовавшей в периоды просрочки. При этом проценты по ст. 395 ГК РФ не начисляются за несвоевременное перечисление аванса заказчиком.

Одновременное начисление процентов по статье 395 ГК РФ и неустойки не допускается, за исключением случаев, предусмотренных законом или договором (в частности, допускается начисление процентов и штрафной неустойки).

За нарушение договорных обязательств от контрагента можно потребовать возмещения причиненных убытков. Возмещение ущерба является формой универсального средства правовой защиты (меры гражданской ответственности) за нарушение договора в том смысле, что оно может сочетаться с

другими средствами правовой защиты. Бремя доказывания ущерба лежит на истце. Таким образом, чтобы получить возмещение ущерба, кредитор должен доказать противоправное поведение должника, то, что он понес материальный ущерб, причинно-следственную связь между противоправным поведением должника и понесенным ущербом, а также точную сумму понесенного ущерба.

Определение ущерба охватывает фактические убытки и упущенную выгоду, которые классифицируются как прямые убытки. Фактические убытки включают расходы и утрату или повреждение имущества. В частности, фактические убытки включают расходы, понесенные кредитором при получении от другой стороны ненадлежащим образом исполненного обязательства. Например, убытки клиники могут заключаться в затратах, произведенных на закупку необходимых медицинских препаратов, расходных материалов при последующем отказе заказчика от оплаты по договору.

Пациент также несет ответственность за непроизведенную компенсацию произведенных затрат исполнителя, в случае, когда клиенту передается результат неоказанных не по вине исполнителя в полном объеме услуг, в случае прекращения договора до приемки услуги по основаниям, предусмотренным законом или договором.

Пациент несет ответственность за достоверность предоставленной исполнителю следующей информации:

- о перенесенных или имеющихся заболеваниях, в т.ч. аллергии, гепатита, заболеваний сердца, туберкулеза;
- о наследственных и психических заболеваниях;
- о перенесенных травмах, проведенных операциях;
- о переливании крови;
- о проведенных прививках;
- о непереносимости медицинских препаратов;
- о параллельном лечении в других медицинских учреждениях;
- об имеющихся вредных привычках;
- иные, запрошенные лечащим врачом сведения, необходимые для полного и качественного оказания пациенту медицинских услуг.

Также клиент несет ответственность за: несоблюдение действующих в клинике требований и правил, невыполнение назначений и рекомендаций врачей во время и после окончания лечения, в том числе: применение медикаментов, которые не были рекомендованы врачом, употребление спиртных напитков, курение и др.; несоблюдение требований по пребыванию в стационаре, причинение вреда жизни и здоровью врачей, медицинского персонала, других пациентов, повреждение или уничтожение имущества клиники, врачей, медицинского персонала, других пациентов.

Клиент должен предоставить исполнителю полную и достоверную информацию о своем здоровье, включая текущее состояние, прошлые болезни, госпитализации, лекарства, продукты и витамины, а также любые другие вопросы, касающиеся его здоровья.

Скрытие информации о своем состоянии и симптомах от врачей может повлечь негативные последствия для здоровья и эффективности медицинской помощи. Достоверность и полнота данной информации имеет ключевое значение для оценки здоровья пациента и определения подходящего лечения.

Причинами сокрытия информации является страх пациентов перед возможным диагнозом, осложнениями или проведением операции, перед процедурами или лечением, опасения, связанные с влиянием этого на их работу или отношения с близкими.

Отсутствие у врача сведений о проблемах и болезнях пациента влияет на постановку верного диагноза и выбор необходимого лечения. Недостоверная информация, предоставленная пациентом, может также привести к неправильному назначению лекарств или диагноза.

Соккрытие пациентом информации о приеме им других лекарств и наличии аллергий может повлечь нежелательные взаимодействия между препаратами, назначение противопоказанного препарата, что может привести к отрицательным побочным эффектам или ухудшению состояния здоровья, в том числе при проведении операции и после ее окончания. Это может затруднить проведение необходимых исследований и взятие анализов, что не способствует установлению причин болезни и выбору лечения.

Соккрытие пациентом информации об имеющемся заболевании сердечно-сосудистой системы может привести к прогрессированию сердечной недостаточности, артериальной гипотонии и развитию осложнений. Скрытая информация может быть опасна для окружающих, например, если пациент скрывает, что заражен опасной инфекцией.

В целом, непредоставление полной информации о своем состоянии врачам может иметь негативные последствия для здоровья и эффективности лечения. Пациентам следует понимать, что клиника и его персонал обязаны соблюдать конфиденциальность (врачебную тайну) и использовать полученную от клиента информацию только в медицинских целях. Искреннее и открытое общение между пациентом и врачом является залогом положительных результатов операции и лечения.

Таким образом, отсутствие у врача полной информации о состоянии пациента может повлечь неправильные диагностику или лечение. Нехватка необходимых сведений также может привести к некорректному назначению лекарств или процедур, что также имеет риски для здоровья пациента. Кроме того, сокрытие информации создает врачам препятствия при постановке правильного прогноза и предупреждении о возможных негативных последствиях медицинского вмешательства.

При поступлении в стационар пациента необходимо ознакомить с Правилами внутреннего распорядка клиники, которыми предусматриваются права, обязанности, ограничения для пациентов. Самовольный уход больного из стационара расценивается судами как отказ пациента от медпомощи.

В случае нарушения Правил внутреннего распорядка пациентами, находящимися на амбулаторном или стационарном лечении в клинике, последние могут быть выписаны до окончания срока лечения с отметкой в медицинской документации «нарушение режима». Пациент несет ответственность за несоблюдение данных Правил, в том числе назначенного режима лечения, что может снизить качество медицинской помощи, негативно отразиться на состоянии здоровья пациента.

Договором может быть предусмотрено, что исполнитель вправе в одностороннем порядке отказаться от договора в случае нарушения пациентом Правил внутреннего распорядка, назначенного режима лечения, неоднократных опозданий на прием и/или неявки на прием без уважительной причины, нахождения пациента в состоянии алкогольного, токсического, наркотического опьянения.

В случае нарушения пациентом указанных Правил, общественного порядка врачи, клиника вправе отказать в оказании медицинской помощи, при отсутствии риска для жизни и здоровья пациента.

Как было отмечено, пациент несет ответственность за причинение материального ущерба имуществу клиники. Имущественным вредом следует считать материальные (экономические) лишения, которые несет собственник или иной законный владелец в случае посягательства на его имущественные права, имеющие стоимостную форму¹.

Чтобы взыскать компенсацию за поврежденное имущество, клинике следует зафиксировать ущерб, оценить его размер, затем потребовать от пациента компенсации в досудебном порядке. Сумму ущерба определяет пострадавшая сторона. Если нужен ремонт, к оценке привлекаются соответствующие специалисты (эксперты). Затраты на оплату экспертизы и услуг по оценке ущерба можно будет взыскать с пациента.

Пациент несет ответственность за нарушение общественного порядка на территории клиники. Если пациент испортил, повредил имущество клиники, его могут привлечь к ответственности за мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ). Штраф за такое нарушение - от 500 до 1000 руб.

За умышленную порчу имущества возможно привлечение и к уголовной ответственности, если размер вреда превышает 5 тыс. руб. (ч. 1 ст. 167 УК РФ). В этом случае пациенту грозит штраф до 40 тыс. руб. или лишение свободы на срок до двух лет. Если он повредил имущество из хулиганских побуждений, он может понести ответственность по ч. 2 ст. 167 УК, которая предусматривает до 5 лет лишения свободы.

Для взыскания суммы причиненного материального ущерба доказывать наличие вины пациента клиника не обязана. Вина в нарушении обязательства или в причинении вреда предполагается, пока не доказано обратное.

К сожалению, ответственности пациента не уделено должное внимание ни в законодательстве, ни в теории. Ответственность пациента должна получить более подробную нормативную регламентацию, что выступит своеобразной дополнительной гарантией защиты прав и интересов медицинских клиник. Целесообразной видится и детализация обязанностей пациента в рамках законодательства об охране здоровья.

Пристатейный библиографический список

1. Абдуллина В. С. Условия гражданско-правовой ответственности за нарушения в сфере медицинских услуг // Казанский медицинский журнал. 2007. № 2. Том 88.
2. Воропаев А. В. Вопросы разграничения ответственности между пациентом и лечебно-профилактическим учреждением при оказании платных медицинских услуг // Сибирский медицинский журнал (Иркутск). 2008. Т. 77. № 2.
3. Инюшкин А. А., Кудашева П. С. Проблемы правового регулирования медицинских услуг // Актуальные вопросы развития отраслевого развития. 2021. Том 17 № 2 (64).
4. Кратенко М. В., Мороз В. П. Проблемы доказывания в медицинских спорах: сравнительный анализ права России, Беларуси и стран Евросоюза // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 4.
5. Муравьева Е. В. Гражданско-правовая ответственность в сфере медицинской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004.
6. Павлов А. А. К вопросу о вине как условии гражданско-правовой ответственности: проблемы и пути решения // Matters of Russian and International Law. 2021. Vol. 11. Is. 1A.
7. Старчиков М. Ю. Гражданско-правовое регулирование взаимоотношений в сфере охраны здоровья: проблемные вопросы и судебная практика: научно-практическое пособие // СПС КонсультантПлюс. 2022.

¹ Старчиков М.Ю. Гражданско-правовое регулирование взаимоотношений в сфере охраны здоровья: проблемные вопросы и судебная практика: научно-практическое пособие // СПС КонсультантПлюс. 2022.

БЕЛЯСОВ Сергей Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правовых дисциплин Государственного гуманитарно-технологического университета

ПИРОГОВ Владимир Петрович

старший преподаватель кафедры правовых дисциплин Государственного гуманитарно-технологического университета

СОБЛЮДЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СРОКА КАК ГАРАНТИЯ ПРАВА ГРАЖДАН НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

В статье рассматривается институт «разумного срока в гражданском процессе». В статье сделан вывод, что в законодательстве нет базового понятия – «разумный срок судопроизводства». Это связано, с тем, что данный правовой институт имеет особую правовую природу, которая обусловлена его межотраслевым характером, и, следовательно, для преодоления нарушения разумных сроков судопроизводства и процессуальных сроков судебного разбирательства необходимо выработать комплексный подход, который включает в себя устранение не только судопроизводственных причин длительности.

Ключевые слова: Гражданский процесс, Европейский суд по правам человека, Европейская конвенция, судебное разбирательство, правосудие.

BELYASOV Sergey Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor of Public law sub-faculty of the State Humanitarian and Technology University

PIROGOV Vladimir Petrovich

senior lecturer of Legal disciplines sub-faculty of the State Humanitarian and Technology University

OBSERVANCE OF THE PROCEDURAL PERIOD AS A GUARANTEE OF THE RIGHT OF CITIZENS TO A FAIR TRIAL

The article examines the institution of “reasonable time in civil proceedings”. The article concludes that there is no concept of a basic concept in the legislation – «a reasonable period of legal proceedings». This is due to the fact that this legal institution has a special legal nature, which is due to its intersectoral nature, and, therefore, in order to overcome violations of reasonable deadlines for legal proceedings and procedural deadlines for judicial proceedings, it is necessary to develop an integrated approach that includes eliminating not only the judicial reasons for the duration.

Keywords: Civil procedure, European Court of Human Rights, European Convention, judicial proceedings, justice.

Белясов С. Н.

Пирогов В. П.

Категория «разумный срок» неразрывно связана с институтом процессуальных сроков в гражданском судопроизводстве, который регламентирован достаточно большим количеством не всегда коррелирующих друг с другом норм. Между тем, без четко и однозначно определенных процессуальных сроков сложно говорить об обеспечении реализации требований о «разумности срока» судебного разбирательства и исполнения приговора.

Рассмотрение соблюдения процессуального срока в качестве гарантии права граждан на справедливое судебное разбирательство предполагает проведение исследования, прежде всего, базового теоретического понятия, такого как «справедливое судебное разбирательство».

Для этого представляется необходимым начать с уяснения понятия и содержания дефиниции «справедливое судебное разбирательство», прежде всего, в контексте соотношения с процессуальными сроками, поскольку, забегая вперед, следует отметить многоаспектность содержания рассматриваемого принципа и его зависимость от иных (помимо процессуальных сроков) факторов.

Развитие правовых систем в ретроспективном аспекте происходило благодаря устремлениям к построению

более совершенной системы юстиции, способной обеспечить надежную защиту прав и свобод человека. Очевидно, что любые достижения в этой области человеческой деятельности непосредственно связаны с возможностями осуществления справедливого судебного разбирательства.

Присоединение к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) послужило важным импульсом для государств, чтобы сверить национальное право и практику его применения как с положениями непосредственно Конвенции, так и с требованиями практики Европейского суда по правам человека (далее – Европейский суд, Суд).

Идея формулирования в тексте Конвенции положения о справедливом судебном разбирательстве была заимствована из текста статьи 10 Всеобщей декларации прав человека. Европейский суд, отмечая важность требований статьи 6 Конвенции, особо подчеркивал, что «ключевым принципом, регулирующим применение статьи 6 Конвенции, является справедливость. Право на справедливое разбирательство занимает такое видное место в демократическом обществе, что не может быть никакого объяснения для уз-

кого толкования пункта 1 статьи 6 Конвенции»¹. Требование справедливости предполагает ориентированность всего процесса на поддержание этой цели. Вместе с тем оно не означает наличия стремления направить действие национальных органов на достижение определенного результата, а исходит из необходимости присутствия мотивации справедливости при установлении фактов и применении права. Суд неоднократно указывал на субсидиарный характер Конвенции и на то, что он не является очередной высшей судебной инстанцией для национальных судов, осознавая при этом следующее важное обстоятельство: общая защита отраженных в Конвенции ценностей зависит от возможности каждой страны создать такую систему юстиции, которая была бы способна обеспечить справедливое судебное разбирательство.

В определении рассматриваемого права сам Европейский суд приводит обычно два важных аспекта: принцип равенства сторон и состязательность процесса². Следование указанным фундаментальным принципам служит поддержанию доверия к судам, признанию легитимности всего судебного разбирательства. «Осуществление принципа равенства сторон в процессе не должно ставиться в зависимость от ресурсов сторон, и достижение разумного баланса может происходить, во-первых, путем постоянного совершенствования законодательства в направлении выравнивания положения сторон, во-вторых, за счет развития судебной практики, особенно высших судебных инстанций и органов конституционного правосудия» [1, с. 576]. В то же время представляется, что континентальная модель процесса исторически связана не только с участием государства, но и его значительной ролью в установлении истины, что порой вызывает у лица определенную степень недоверия, сомнения в государственном вмешательстве.

Минимизация такого восприятия может служить не только комплекс законодательных мер, но и признание в качестве судебной доктрины достижения правды, сосредоточенности суда, относящегося к органам государства, на этой общепризнанной ценности. Такую направленность следует отличать от требования установления истины, когда-то служившей в качестве доктрины, но впоследствии раскритикованной как идеологической.

Справедливость процесса зависит от равного права сторон принимать участие на всех стадиях разбирательства. От вовлеченных в гражданское судопроизводство лиц, не являющихся сторонами правового спора, требуются с учетом существующих процессуальных реалий абсолютная беспристрастность и независимость.

Можно сказать, что справедливость складывается в ходе всего процесса. Тем не менее важнейшей стадией процесса, в которой рассматриваются и оцениваются представленные сторонами доказательства, где происходит столкновение аргументов сторон, является судебная. Именно с ней связываются надежды на справедливое разбирательство, и вместе с ней складывается мнение о состоянии справедливости в целом, а с ним приходит важное для человека чувство уважения и доверия к правосудию. Вот почему стадию судебного разбирательства относят к наиболее приемлемой демократической арене независимо от формы судопроизводства, где стороны не просто осведомлены о существую-

щих доказательствах, но и могут участвовать непосредственно в их исследовании.

Примечательно, что в контексте решений Европейского суда право на справедливое судебное разбирательство подразумевает не минимизацию таких сроков, а их оптимизацию. Т.е. сроки судебного разбирательства не только не должны быть затянутыми, но и должны обеспечивать возможность подготовки к нему сторон, возможность представления или истребования ими доказательств и полноценного их исследования в ходе судебного разбирательства с последующей объективной оценкой.

В целом, анализ решений по делам Европейского суда позволяет сформулировать следующие элементы принципа осуществления судебного разбирательства в разумный срок.

Во-первых, сроки рассмотрения жалобы не должны повлечь признание ее неприемлемой.

Во-вторых, «недопустимо предъявление в отношении заявителей норм о пропуске срока исковой давности, если это совершается на поздней стадии разбирательства, в котором заявители добросовестно и активно принимали участие и лишает их возможности защитить свое право».

В-третьих, не должны наличествовать процессуальные барьеры, препятствующие или ограничивающие возможность обращения в суд.

В-четвертых, недопустим излишний формализм со стороны национальных судов, который приводит к лишению заявителей их права на доступ к суду.

В-пятых, требования, связанные с исполнением ранее вынесенных судебных актов, не должны ограничивать право на доступ к суду.

В-шестых, нарушают принцип на судебное разбирательство в разумный срок процедурные нормы, препятствующие отдельным субъектам права инициировать судебные разбирательства.

Далее, разбирая право на судебное разбирательство в разумный срок Европейский суд акцентирует внимание на недопустимости задержек в отправлении правосудия, если такие задержки могут спровоцировать подрыв авторитета суда и снижение эффективности судопроизводства.

Процессуальные нормы, регламентирующие гражданское судопроизводство, должны разрабатываться с учетом специфики правоприменительной деятельности суда.

По мнению Европейского суда, аккумуляция нарушений со стороны государства составляет практику, несовместимую с положениями Конвенции.

Уделяет внимание Европейский суд и временным рамкам разумного срока в контексте права на справедливое судебное разбирательство. Начало течения срока в подавляющем большинстве случаев связывается с возбуждением гражданского судопроизводства, либо, в отдельных случаях, с момента инициации обязательной административной процедуры досудебного урегулирования спора. Требование о разумном сроке распространяется и на урегулирование споров во внесудебном порядке, если итог такого урегулирования утверждается судом (например, при использовании медиативных процедур).

Окончание течения срока связывается с окончанием производства по делу (включающего в себя и процедуры обжалования) и обусловлено принятием итогового решения по делу. Поэтому не допускается сужение требования о разумности срока судопроизводства до одной или нескольких стадий гражданского судопроизводства.

При этом, как отмечает Европейский суд, исполнение решения суда также включается в период судебного разбирательства. По этой причине исчисляемый срок прекращается только эффективностью судебного разбирательства.

При инициации заявителем конституционного судопроизводства, если оно обусловлено необходимостью вер-

1 Постановление Европейского суда по делу «А. В. против Словакии» (A. V. v. Slovakia) от 4 марта 2003 г., жалоба № 41784/98, § 54. Официальный сайт Европейского Суда по Правам Человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 07.12.2023).

2 Постановление Европейского суда по делу «Брандштеттер против Австрии» (Brandstretter v. Austria) от 28 августа 1991 г. Series A. № 211. P. 27, § 66. Официальный сайт Европейского Суда по Правам Человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 23.11.2023).

го применения национального права, его срок также засчитывается в срок судебного разбирательства.

При вступлении в дело третьих лиц, течение срока судебного разбирательства продолжается в том случае, если данное лицо является правопреемником стороны.

Европейским судом разработаны критерии оценки разумности срока гражданского судопроизводства. Сроки в части рассмотрения гражданских дел юрисдикционными органами расцениваются с учетом индивидуальных характеристик гражданского дела, однако, в любом случае во внимание принимаются такие факторы как сложность дела, специфика тактики заявителя, процессуальной деятельности юрисдикционных органов и предмет спора.

Разъясняя перечисленные критерии, Европейский суд отмечает, что в критерий сложности дела входят такие факторы, как многосубъектность на стороне заявителя или ответчика, необходимость истребования доказательств.

Тактика заявителя является допустимой, если он надлежащим образом исполняет свои процессуальные обязанности и не злоупотребляет процедурными правами, не затягивает гражданское судопроизводство и принимает меры, от него зависящие, к ускорению судопроизводства. Между тем, государство не может ссылаться на злоупотребление заявителем процедурными правами как на причину нарушения требования о разумности срока судебного разбирательства, поскольку национальным законодательством должны быть предусмотрены механизмы, препятствующие затягиванию гражданского судопроизводства.

Только задержки, связанные с государством, могут привести к выводу о нарушении требования «разумного срока», причем государство несет ответственность за деятельность как государственных органов, так и государственных учреждений. Изложенное касается и сроков производства по делу экспертизы. В случае, если производство экспертизы существенно затягивает сроки гражданского судопроизводства, ответственность за нарушение права на справедливый суд возлагается на суд, в обязанности которого входит обеспечение рассмотрения дела в разумный срок.

В зоне ответственности государства – участника Конвенции находится обеспечение организации судебной системы так, чтобы дела могли быть и были рассмотрены в разумные сроки. Исходя из этого, не является обстоятельством, исключаящим ответственность государства неравномерная нагрузка на судебную систему, и, как следствие, перегрузка отдельных ее звеньев. Абсолютно такой же позиции придерживается Европейский суд в части случаев, когда длительное рассмотрение дела обусловлено частой сменой состава суда. Также государство не может быть освобождено от ответственности за нарушение разумного срока судопроизводства в случае совершения со стороны суда излишних действий, направленных на проверку психического здоровья заявителя. Отдельно Европейский суд обращает внимание на недопустимость возложения на государство ответственности за нарушение срока судопроизводства в случае, если оно было обусловлено забастовкой сообщества адвокатов.

Что касается предмета спора, он не должен обуславливать длительность сроков рассмотрения дела. Напротив, Европейский суд прямо указывает на ситуации, в которых дело должно быть рассмотрено ускоренно: дела о гражданском состоянии и дееспособности, дела об опеке над несовершеннолетними, дела об ответственности родителей, трудовые споры, (в т.ч. о доступе к профессии и (или) о возможности осуществления профессиональной деятельности, о восстановлении на работе и т.д.), пенсионные споры. Кроме того, обращается внимание государств-участников на необходимость оперативного рассмотрения дел, заявитель по которым неизлечимо болен, что предопределяет меньшую, по сравнению с другими лицами, продолжительность жизни заявителя.

Кроме того, по мнению Европейского суда, максимально оптимизировать следует рассмотрение дел об ущербе, причиненном насилием сотрудников правоохранительных органов по отношению к заявителю; пенсионных дел, если пенсия составляет большую часть дохода заявителя; дел о нарушении права на образование, а также дел о возмещении вреда здоровью в случае, если заявитель старше 65 лет.

Не считается задержкой увеличение продолжительности отдельно взятой стадии гражданского судопроизводства в случае, если общая длительность судопроизводства соответствует требованиям о разумном сроке.

Итак, как показало проведенное исследование,

– в контексте решений Европейского суда право на справедливое судебное разбирательство подразумевает не минимизацию таких сроков, а их оптимизацию. Т.е. сроки судебного разбирательства не только не должны быть затянутыми, но и должны обеспечивать возможность подготовки к нему сторон, возможность предоставления или истребования ими доказательств и полноценного их исследования в ходе судебного разбирательства с последующей объективной оценкой;

– анализ решений по делам Европейского суда позволяет сформулировать следующие элементы принципа осуществления судебного разбирательства в разумный срок: сроки рассмотрения жалобы не должны повлечь признание ее неприемлемой; применение исковой давности, если это совершается на поздней стадии разбирательства, в котором заявители добросовестно и активно принимали участие и лишает их возможности защитить свое право, недопустимо; не должны наличествовать процессуальные барьеры, препятствующие или ограничивающие возможность обращения в суд; недопустим излишний формализм со стороны национальных судов, который приводит к лишению заявителей их права на доступ к суду; требования, связанные с исполнением ранее вынесенных судебных актов, не должны ограничивать право на доступ к суду; нарушают принцип на судебное разбирательство в разумный срок процедурные нормы, препятствующие отдельным субъектам права инициировать судебные разбирательства;

– Европейским судом разработаны критерии оценки разумности срока гражданского судопроизводства. Сроки в части рассмотрения гражданских дел юрисдикционными органами расцениваются с учетом индивидуальных характеристик гражданского дела, однако, в любом случае во внимание принимаются такие факторы как сложность дела, специфика тактики заявителя, процессуальной деятельности юрисдикционных органов и предмет спора.

Пристатейный библиографический список

1. Гаджиев Х. И. Справедливый судебный процесс как гарантия доверия к правосудию: новые права сторон // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека (Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights) / Т. К. Андреева, Е. Е. Баглаева, Г. Е. Беседин и др. М.: Развитие правовых систем, 2019. Вып. 5: Россия и Европейская конвенция по правам человека: 20 лет вместе. 576 с.

НАЙДЁНОВ Кирилл Дмитриевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СИКАЧ Артём Сергеевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ВОЛОШИНА Татьяна Владимировна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ПЕРСПЕКТИВЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДСУДНОСТИ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В представленной статье авторы предлагают законодательно установить перечень гражданских дел, которые могут быть подсудны присяжным заседателям с точки зрения правовой природы обозначенных в настоящей работе материальных правоотношений и требований разумности и целесообразности. В данной работе отражена идея о последовательном внедрении института судопроизводства с участием присяжных заседателей в гражданский процесс по ряду дел, носящих в основном имущественный характер и входящих в сферу действия ряда отраслей права (собственно гражданского, земельного, трудового, семейного, экологического и проч.). Авторы выражают позицию, согласно которой в ГПК РФ и иные федеральные законы подлежат включению нормы, предусматривающие участие присяжных заседателей в делах, которые не представляют особой сложности, а именно в спорах, связанных с установлением значимых для конкретного правоотношения фактов и с определением санкций, включая размер денежных компенсаций, взыскиваемых с ответчика.

Ключевые слова: присяжные заседатели, зарубежные страны, англо – саксонская система, гражданский процессуальный кодекс РФ, материальные правоотношения, категория дел ряда отраслей права, подсудность дел присяжных, уголовно – процессуальный кодекс РФ.

NAYDENOV Kirill Dmitrievich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SIKACH Artem Sergeevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

VOLOSHINA Tatyana Vladimirovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

PROSPECTS FOR DETERMINING THE JURISDICTION OF CIVIL CASES INVOLVING JURORS IN THE RUSSIAN FEDERATION

In the presented article, the authors propose to legislatively establish a list of civil cases that may be subject to jurors from the point of view of the legal nature of the material legal relations indicated in this work and the requirements of reasonableness and expediency. This paper reflects the idea of the consistent introduction of the institution of judicial proceedings with the participation of jurors in civil proceedings in a number of cases that are mainly of a property nature and fall within the scope of a number of branches of law (civil, land, labor, family, environmental, etc.). The authors express the position according to which the Civil Procedure Code of the Russian Federation and other federal laws are subject to the inclusion of norms providing for the participation of jurors in cases that are not particularly difficult, namely in disputes related to the establishment of facts significant for a particular legal relationship and with the definition of sanctions, including the amount of monetary compensation collected from the defendant.

Keywords: jurors, foreign countries, the Anglo-Saxon system, the Civil Procedure Code of the Russian Federation, material legal relations, the category of cases of a number of branches of law, the jurisdiction of jury cases, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Введение.

Институт присяжных заседателей известен еще со времен Средневековья [1]. Судопроизводство с участием присяжных заседателей широко применялось в Англии и на территории стран – бывших британских колоний и доминионов. В России же развитие института судопроизводства с участием присяжных заседателей началось с 1864 года – именно тогда был принят знаменитый Устав уголовного судопроизводства, регламентировавший участие коллегии присяжных в определенных уголовных делах. С приходом к власти большевиков суд присяжных был упразднен, судебные разбирательства с участием присяжных не проводились вплоть до распада СССР. В дореволюционный период и в период с 1993 г. по настоящее время коллегия присяжных заседателей привлекалась и привлекается к рассмотрению только уголовных дел. В то же время в Великобритании, США и иных стран англо-саксонской системы обеспечена возможность отправления правосудия с участием жюри присяжных по граждан-

ским делам. На сегодняшний день имеется довольно спорная точка зрения, согласно которой российскому законодателью следует позаимствовать зарубежный опыт и дополнить Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации соответствующими нормами об участии присяжных.

Авторами отмечается, что, исходя из специфики отечественного гражданского процесса, материальных отраслей, которые он обслуживает, а также особенностей российской правовой культуры и правосознания в целом, отнесение слишком широкого спектра дел под юрисдикцию присяжных заседателей является рискованным и необоснованным. Неразумное включение в подсудность присяжных большинства дел сведет на нет все плоды профессиональной деятельности судьи, снизит его роль в отправлении правосудия, что, в свою очередь, может повлечь обратный эффект – недоверие будет уже не к профессиональным судьям, а к самим народным представителям. Тем не менее, авторы позитивно относятся к самой идее расширения компетенции присяжных

путем возложения на них полномочий по рассмотрению гражданских дел. Помимо авторов настоящей статьи, ряд практикующих юристов, включая и действующих работников судебной системы, видит перспективу во внедрении присяжных в гражданское судопроизводство. В рамках проведения научной конференции В. С. Момотовым было высказано предложение о включении в российский гражданский процесс института суда присяжных [2]. В научной среде также имеется положительный настрой относительно включения института суда присяжных в гражданское судопроизводство [3]. Представители адвокатского сообщества поддержали идею В. С. Момотова о распространении подсудности присяжных на гражданские споры, однако адвокаты выступают за постепенное включение их в гражданское правосудие и только по несложным делам. Мы также считаем наиболее разумным проводить реформу суда присяжных не посредством бездумного рецептирования англо-саксонской модели жюри в российское гражданское процессуальное право, а на началах разумности и целесообразности, в том числе и путем отнесения к компетенции присяжных только решения конкретных вопросов факта по ограниченной категории дел.

Анализ подсудности дел присяжным в зарубежных странах (на примере Англии, Канады, США).

Прежде чем рассуждать о том, какие дела можно доверить российским народным представителям, обратимся к зарубежному законодательству, регламентирующему деятельность жюри присяжных по гражданским спорам.

1. Великобритания. Именно в средневековой Англии впервые было установлено право обвиняемого в совершении преступления на судопроизводство с участием присяжных. Позднее юрисдикция английских жюри была распространена на гражданские дела. Перечень гражданских дел, подсудных на сегодняшний день коллегии присяжных в Великобритании, чрезвычайно мал и во многом зависит от усмотрения судьи. Согласно положениям раздела 69 Акта о высших судах (1981) [4] и раздела 66 Акта об окружных судах (1984) [5], жюри присяжных правомочно рассматривать исключительно деликтные споры, а именно по делам, связанным с:

- клеветой, диффамацией;
- незаконным тюремным заключением;
- злонамеренным судебным преследованием;
- мошенничеством.

Закон прямо не предусматривает рассмотрение присяжными дел из договорных споров, споров о неосновательном обогащении и ряда других типичных гражданских дел, вытекающих из имущественных отношений. В указанных актах содержится оговорка, в силу которой по делам, которые законом прямо отнесены к подсудности жюри, присяжные могут быть назначены, только если судья придет к выводу, что рассматриваемое дело не будет являться, сложным и длительным [6]. Такое положение дел в гражданском судопроизводстве обусловлено спецификой правовой системы Англии, основанной на прецедентных решениях судов. Вердикт присяжных в силу этого может оказать серьезное влияние на рассмотрение аналогичных дел судами впоследствии, поэтому законодатель очень осторожно отнесся к роли присяжных заседателей в цивилистическом процессе. Тем не менее, английское законодательство о работе присяжных заседателей в гражданском судопроизводстве несколько непоследовательно. Акты 1981 г. и 1984 г., с одной стороны, не позволяют жюри участвовать в сложных спорах, а с другой же стороны, закон прямо доверяет суду присяжных дела о мошенничестве. Особенности института мошенничества, сложности квалификации подобных деяний вызывают трудности у простых обывателей, облеченных полномочиями по отправлению правосудия. Стремительное развитие информационных технологий, появление новых, еще неизученных явлений и институтов, таких как криптовалюта, блокчейн-технологии и т.д., рост числа киберправонарушений и, что самое важное, разнообразие способов их совершения делают норму, гарантирующую право на суд присяжных при рассмотрении гражданских исков о мошенничестве, “мертвой”, поскольку судьи в большинстве случаев считают подобные дела слишком сложными для присяжных. В целом же правовое регулирование вопросов юрисдикции присяжных в Англии можно считать оптимальным и целесообразным: законодатель доверил жюри рассматривать те споры, в которых вынесение вердикта на основании здравого смысла и жизненного опыта

поможет установлению формально-юридической истины, и при этом минимизируются риски “перекосов”, при которых принцип демократизма правосудия мог бы вытеснить принципы справедливости судопроизводства и профессионализма судей. Сходная ситуация и в Канаде, Австралии, Новой Зеландии и др.

2. Канада. Правовое регулирование юрисдикции присяжных по гражданским делам содержится в разделе 108 Акта о Судах 1990 г. Данный закон предусматривает участие присяжных только в исследовании вопросов факта и оценке причиненного ущерба, за исключением случаев прямого указания в законе [7]. Запрещено доверять присяжным дела о разделе и продаже недвижимости, корпоративные споры, дела об ипотеке, договорные и социальные споры. Как правило, присяжные заседатели рассматривают деликтные споры, в том числе дела, связанные с дорожно-транспортными происшествиями, злонамеренным судебным преследованием и др., остальные же иски могут рассматриваться судом присяжных, если только суд, разрешающий дело, не придет к выводу о некомпетентности присяжных относительно предмета спора. Правовое регулирование работы суда присяжных в Канаде весьма сходно с английским. Разница лишь в том, что законодательство провинций Канады – субъектов федерации – может варьировать цену иска и категории дел, непосредственно подсудных присяжным. В целом, Британия и Канада существенно ограничивают в своем законодательстве право на суд присяжных по гражданским делам, но такая осторожность, по мнению авторов, является рациональной и уместной, поскольку включение в подсудность слишком сложных споров может затруднить разрешение дела и негативно отразиться на качестве судебного процесса.

3. Соединенные Штаты Америки (США). Официальное право на суд присяжных по гражданским спорам в США обеспечивается Седьмой поправкой к Конституции США 1787 г., конституциями субъектов (штатов), прецедентной практикой. В отличие от Великобритании, американское законодательство гарантирует широкие возможности привлечения в гражданский процесс присяжных заседателей, с учетом позиций судов. К примеру, в решении по делу *Feltner v. Columbia Pictures Television, Inc.* Верховный Суд США отметил, что несмотря на прямое отсутствие в Законе об авторских правах 1976 г. гарантий на суд присяжных по спорам из интеллектуальной деятельности, такое право сторон вытекает из содержания VII Поправки к Конституции США [8]. Если спуститься на уровень субъектов федерации, то региональный законодатель также предусматривает значительное число дел, разрешаемых жюри. Так, Кодекс законов штата Нью-Йорк устанавливает, что в компетенцию присяжных входит решение вопросов факта в делах о выборах и отходах, в иных деликтных спорах, в делах об истребовании движимого имущества (пар. 4101) [9]. В юрисдикцию присяжных в США включены договорные и деликтные споры, дела о неосновательном обогащении, некоторые семейные и трудовые споры, дела, возникающие из патентных, наследственных, земельных, жилищных, медицинских и экологических правоотношений и т.д. Стороны гражданского процесса в США имеют больше возможностей для рассмотрения их дела присяжными, по сравнению с Великобританией, но при этом, по мнению авторов, слишком широкие полномочия присяжных в области гражданского судопроизводства не всегда способствуют правильному разрешению споров, в которых требуются не только и не столько житейский опыт и здравый смысл, сколько экспертное мнение компетентного специалиста, особенно в условиях прецедентного характера судебных решений, основанных на вердикте жюри. Нередко право на суд присяжных, гарантированное законом, перекрывается судебной практикой из-за опасения т. н. “нуллифицирующих вердиктов”, что иногда делает бессмысленным и бесполезным включение в подсудность присяжных заседателей чрезмерно большого числа гражданских дел, не все из которых жюри способно адекватно и грамотно разрешить.

Исходя из приведенной информации, в англо-саксонской системе намечается двойственная тенденция: одни государства не доверяют рассматривать “судьям факта” широкий спектр дел и споров (Англия, Канада и проч.), в то время как в США законодатель, наоборот, считает суд присяжных по гражданским делам “жизненно важной и устойчивой частью отправления гражданского правосудия в стране” [10].

Категории гражданских дел, подлежащих отнесению под юрисдикцию суда присяжных в Российской Федерации

Авторы полагают, что в условиях системы российского материального и процессуального права следует устанавливать промежуточный объем компетенции присяжных, т. е. не со столь урезанными полномочиями, как в Великобритании и Канаде, но при этом без непродуманного включения в подсудность чрезмерно большого числа дел, как это происходит в США. На начальном этапе существования суда присяжных по гражданским делам важно предусмотреть возможность обжалования постановлений суда первой инстанции с участием коллегии присяжных заседателей в случаях несоответствия выводов суда, изложенных в решении, фактическим обстоятельствам гражданского дела, в отличие от норм УПК РФ (ст. 389.27 и ст. 389.15), которые в подобных случаях не допускают обжалование приговоров по уголовным делам [11].

Как мы считаем, созыв коллегии присяжных заседателей было бы целесообразно проводить по ходатайству любой из сторон процесса в следующих категориях гражданских дел, предусмотренных ст. 22 ГПК РФ:

а) в семейных спорах, вытекающих только из имущественных отношений;

б) в некоторых спорах, возникающих из гражданских правоотношений, а именно: по поводу причинения вреда, неосновательного обогащения, признания права собственности; кроме того, необходимо законодательно закрепить механизм определения коллегией присяжных размера компенсации морального и репутационного вреда по соответствующим делам;

в) в отдельных видах споров, возникающих из трудовых отношений, как то: дела о расторжении трудового договора и споры, связанные с дискриминацией и признанием трудовых отношений;

г) в делах, возникающих из земельных правоотношений;

д) в экологических спорах о причинении вреда окружающей среде, в том числе и с участием государственных или муниципальных предприятий, крупных компаний, как российских, так и зарубежных;

Начнем с семейных споров. Для целей настоящей работы под таковыми следует понимать, в частности, споры о разделе имущества супругов, алиментные споры и иные. В законодательстве США предусмотрено право сторон в семейных делах ходатайствовать о формировании жюри присяжных по подобным спорам. В Семейном кодексе РФ определен режим совместной собственности супругов (ст. 34), режим имущества каждого из супругов (ст. 36), порядок признания имущества каждого из супругов их совместной собственностью (ст. 37) и вопросы раздела общего имущества супругов (ст. 38), а также порядок взыскания алиментов (раздел V) [12]. В ходе рассмотрения дел, которые вытекают из отношений, урегулированных вышеуказанными статьями СК РФ, присяжным следует доверять разрешение конкретных вопросов, например:

- доказано ли истцом, что спорное имущество было приобретено до вступления в брак/в период брака;
- имелись ли у супруга в период брака уважительные причины отсутствия самостоятельного дохода;
- доказано ли, что спорное имущество приобретено в дар;
- является ли спорное имущество супруга предметом роскоши и т. д.

Вопрос об отнесении того или иного имущества к предметам роскоши имеет важное практическое значение. Само по себе понятие “предмет роскоши” является оценочным, вследствие чего судебная практика не может выработать четких критериев (в делах о банкротстве нередки случаи, когда, например, в одном регионе арбитражный суд включает в конкурсную массу жилье, имеющее площадь 81,5 кв. м, как роскошное, а в другом субъекте РФ спорное помещение площадью 119,3 кв. м исключается из конкурсной массы) [13]. В какой-то степени участие присяжных в определении критериев роскошности того или иного имущества, в том числе и недвижимого, поможет привнести свежий взгляд на разрешение назревшей проблемы правоприменительной практики.

Кроме этого, в подсудность российских присяжных можно включить алиментные споры, в ходе которых коллегия могла бы заниматься разрешением вопросов опре-

деления размера твердой денежной суммы, определением доказанности фактов, влияющих на размер взыскиваемых денежных средств. Но поскольку данные дела затрагивают интересы незащищенных слоев общества - несовершеннолетних детей и (или) нетрудоспособных членов семьи, то здесь следует позаимствовать отдельные способы законодательного регулирования из англо-саксонской правовой семьи, а именно право судьи по своему усмотрению выносить определение о невозможности рассмотрения данного дела судом присяжных в связи с особой сложностью спора или иными обстоятельствами, имеющими существенное значение для правильного разрешения дела.

Относительно же гражданско-правовых, экологических и земельных споров авторы полагают целесообразным установить в качестве споров, подсудным присяжным заседателям, дела об обязательствах из причинения вреда (ст. ст. 1064 – 1101 ГК РФ), из неосновательного обогащения в сфере коммунальных услуг, споры об установлении сервитута. При этом в число деликтных споров, подлежащих рассмотрению коллегией присяжных заседателей, важно включить дела о причинении морального вреда, а также дела о причинении вреда окружающей среде, в том числе и действиями государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц, крупных субъектов предпринимательства, а также дела о возмещении вреда, причиненного земельными правонарушениями (ст. 76 ЗК РФ). Отнесение к подсудности суда присяжных экологических споров с участием государственных и муниципальных органов и (или) подведомственных им организаций и представителей крупного бизнеса может стать еще одним шагом на пути к укреплению независимости судебной системы, поскольку специфика института судопроизводства с участием присяжных заседателей строится на том, что первичное решение (вердикт) выносится именно народными представителями, а затем их мнение закрепляется решением профессионального судьи, который не может произвольно вынести постановление, противоречащее вердикту. Однако если говорить о том, кого считать крупным субъектом предпринимательской деятельности, наиболее разумно будет исходить из следующих критериев: а) размер уставного капитала юридического лица (по мнению авторов, он должен составлять не менее 5 млн рублей); б) количество филиалов и (или) представительств (указанные структурные подразделения должны быть расположены не менее чем в 1/2 всех субъектов РФ).

Помимо этого, в компетенцию присяжных важно включить полномочие по определению размера компенсации за причинение вреда. Исходя из зарубежного опыта и предложений отечественных практикующих юристов, этот шаг будет иметь большое значение для функционирования судебной системы, существенно позволит более полноценно реализовать принцип демократизации правосудия, а также в какой-то степени увеличит шансы на получение более адекватной и справедливой компенсации за страдания физического и морально-нравственного характера. Российская судебная практика имеет тенденцию снижения размера требований истца, в судебных решениях нет единой позиции относительно критериев оценки глубины нравственных страданий, которые бы более или менее справедливо и разумно повлияли на размер выплачиваемой компенсации. Возможно, позиция авторов в дальнейшем вызовет споры, но мы полагаем, что представители от народа должны в той или иной мере помогать профессиональному судье в части имущественной оценки нанесенного гражданину морального вреда, тем более, как выяснилось ранее, канадское и американское процессуально-правовое регулирование уже позволяет присяжным заседателям осуществлять подобные “оценочные” полномочия.

Авторы склонны считать, что присяжным заседателям стоит доверять рассмотрение дел по искам о признании права собственности в силу приобретательной давности (в том числе о признании права собственности на земельный участок), а также по спорам, вытекающим из негаторных исков. В первом случае, жюри могло бы оценивать доказательства и иные факты, подтверждающие добросовестность, открытость и непрерывность владения лицом, не являющимся собственником, недвижимым имуществом. Что же касается дел по негаторным требованиям, то следует отметить, что по своему характеру они не всегда являются сложными, хотя такие иски вытекают из собственно гражданских, земельных

и жилищных правоотношений. Так как в подобных правоотношениях участвовали и участвуют многие граждане, соответственно, их участие в качестве присяжных заседателей не создаст ситуацию “дилетантского” правоприменения, которое может свести на нет усилия профессиональных юристов, участвующих в деле. Именно в таких делах иногда нужно полагаться на опыт, логику и здравый смысл, что порой помогает привнести что-то новое в правоприменение.

Если же говорить о спорах, возникающих из неосновательного обогащения, то здесь следует отметить, что такая категория дел может включать в себя как относительно несложные споры (например, в сфере коммунальных услуг), так и дела, для рассмотрения которых нужно профессиональное заключение специалистов, экспертное мнение. Следовательно, в нормах ГПК РФ о подсудности присяжных необходимо прямо включить споры о неосновательном обогащении с той оговоркой, что судья в данных делах уполномочен оценить реальную возможность быстрого и правильного разрешения дела коллегией присяжных заседателей, как это происходит в странах англо-саксонской системы.

Говоря о **трудовых спорах**, авторы в очередной раз подчеркивают, что суд присяжных по делам, возникающим из трудовых и иных, непосредственно связанных с ними, отношений, будет излишеством в силу многообразия правовых механизмов разрешения споров между работниками и работодателями. Тем не менее, даже в трудовом праве существуют определенные проблемы, для разрешения которых правоприменительные органы еще не выработали единого подхода. В частности, это проблемы, связанные с незаконным расторжением трудового договора. Так, п. 1 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса РФ в качестве основания увольнения по инициативе работодателя предусматривает сокращение численности или штата работников. На практике работодатели нередко используют этот инструмент в целях избавиться от конкретных работников или в дискриминационных целях. Определение мотивов и характера сокращения численности или штата работников является нелегкой задачей для судьи. Хотя судебная практика складывается в основном в пользу работников, по отдельным вопросам у судов возникают проблемы, в частности, сопряженные с выявлением фиктивного характера сокращения. Судебные акты говорят о противоречивости подходов в правоприменении. Так, одни суды делают акцент только на соблюдении процедуры сокращения, другие же суды, напротив, детально изучают все фактические обстоятельства и объективность причин сокращения (экономические, технические, организационные факторы и проч.) [14]. Привлечение к рассмотрению дел по искам о признании сокращения незаконным присяжных заседателей, которыми могут быть как действующие или бывшие работники, так и работодатели, сможет обеспечить оценку всех значимых обстоятельств дела, а не только формально-процедурных аспектов.

Относительно же дел о дискриминации авторы хотят отметить, что законодательный опыт отнесения к подсудности жюри присяжных споров уже имеется в американском трудовом и процессуальном праве. Подобный подход не будет вредным для российского правового регулирования. Согласно конституционным положениям, народ России является многонациональным. Требования законодательства о присяжных заседателях не допускают ограничения прав по признаку национальности, пола, расы, вероисповедания и т. д. Аналогичный принцип действует и в трудовом праве (ст. ст. 2, 3 ТК РФ). Рассмотрение присяжными заседателями вопросов доказанности дискриминации не будет влечь каких-бы то ни было перекосов в судебной практике: напротив, в составе коллегии присяжных могут быть люди разного пола, национальности, религиозной и социальной принадлежности, политических убеждений, которые так или иначе взаимодействуют между собой, совместно оценивая все обстоятельства спора и согласованно решая вопросы, имеющие значение для разрешения дела. Это повысит объективность при вынесении судебных постановлений, в том числе позволит законопослушным работодателям защититься от действий недобросовестных работников, которые пытаются обвинить ответчика в дискриминации.

Исходя из вышеизложенного, мы приходим к следующим **выводам**.

Во-первых, сама по себе идея суда присяжных в гражданском судопроизводстве не только не вредна, но и в определен-

ной степени полезна, что подтверждается опытом зарубежных стран, а также мнением отечественных исследователей и практикующих юристов. Во-вторых, любое заимствование, особенно в области правового регулирования, всегда должно быть разумным и целесообразным. В-третьих, нужна “подгонка” института суда присяжных под российские реалии, в рамках которых функционирует отечественное правосудие по гражданским делам. И только тогда рецепция англо-саксонской модели суда присяжных в цивилистическом процессе сама по себе будет адекватной и существенно повысит качество и независимость правосудия в Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Великая и Кларендонская ассизы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Engl/XII/GenrichII/Assizy/text.htm>.
2. Предложено ввести присяжных в гражданские процессы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/03/05/predlozhenovvesti-prisiazhnyh-v-grazhdanskie-processy.html>.
3. Шарифуллин Р. А., Гурина Д. Е. Опыт и предпосылки введения присяжных заседателей в гражданский процесс // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 7. С. 56-60.
4. Акт о высших судах, 1981 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/54/contents>.
5. Акт об окружных судах, 1984 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1984/28>.
6. Михайлов А. М. Сравнительное правоведение: судебная власть в правовой системе Англии: учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2023. 340 с. (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-16917-1. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/532018> (дата обращения: 31.10.2023).
7. Акт о Судах, 1990 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://qweri.lexum.com/w/onlegis/rso-1990-c-c43-en/#fragment//BQCwhgziBcwMYgK4DsDWszlQewE4BUBTADwBdoByCgSgBplTcIBFRQ3AT0otokLC4EbDtyp8BQkAGU8pAELcASgFEAMioBqAQQByAYRW1SYAEbRS2ONWpA>.
8. Feltner v. Columbia Pictures Television, Inc., 523 U.S. 340 (1998). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/judgments/details/854>.
9. Кодекс законов штата Нью-Йорк. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://codes.findlaw.com/ny/>.
10. Harris W.R. Jury Trial in Civil Cases - A Problem in Constitutional Interpretation // Southwestern Law Journal. 1953. Vol. 7. Is. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scholar.smu.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=4516&context=smulr>.
11. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС “КонсультантПлюс”.
12. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СПС “КонсультантПлюс”.
13. Найдёнов К. Д., Чернышов Н. В., Рубан П. О. К вопросу о последствиях ограничения исполнительского иммунитета гражданина-должника // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 9А. С. 309-317. DOI: 10.34670/AR.2022.43.15.041.
14. Способы фиктивного сокращения штата работников как форма злоупотребления правом работодателем. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://conf.siblu.ru/sposoby-fiktivnogo-sokrashcheniya-shtata-rabotnikov-kak-forma-zloupotrebleniya-pravom-rabotodatelem>.

ДЕНИСОВА Юлия Владимировна

аспирант кафедры юриспруденции Университета управления «ТИСБИ»

ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ МЕДИАЦИИ В СЕМЕЙНЫХ СПОРАХ

Статья посвящена изучению причины разрушения брачных отношений, нахождению способа или способов урегулирования брачных отношений после нарастающих конфликтов, а также ответу на вопрос: можно ли медиацией решить семейный конфликт? В статье рассматривается выдвижение предложение по дополнению к кандидатуре медиатора требований, в случае разрешения семейных конфликтов, а также предложение о создании кризисного центра по решению возникающих на начальной стадии семейных проблем.

Ключевые слова: медиация, споры, разрешение споров и конфликтов, кризисный центр, «посредники», семья, дети, психология, юриспруденция.

DENISOVA Yuliya Vladimirovna

postgraduate student of Jurisprudence sub-faculty of the University of Management «TISBI»

MANDATORY MEDIATION IN FAMILY DISPUTES

The article is devoted to the study of the causes of the destruction of marital relations, finding a way or ways to resolve marital relations after increasing conflicts, as well as the answer to the question: is it possible to resolve a family conflict through mediation? The article considers the nomination of a proposal to supplement the candidacy of a mediator of claims, in case of resolution of family conflicts, as well as a proposal to create a crisis center to solve family problems that arise at the initial stage.

Keywords: mediation, disputes, dispute and conflict resolution, crisis center, "mediators", family, children, psychology, jurisprudence.

Денисова Ю. В.

Семейные отношения являются институтом, которые находятся под защитой самого государства. Само законодательство ставит в приоритет, что семья – ячейка общества, которая построена на взаимных чувствах любви, уважения, взаимопомощи, защиты друг друга от чужих и несения ответственности перед друг другом в данных отношениях¹. Не допускается вмешательство третьих лиц в отношения внутри семьи в произвольном волеизъявлении. Любое вмешательство во внутренние семейные разборки, могут быть осуществлены для защиты интересов членов семьи, только государственными органами власти, в том числе за права детей несут отдельную также ответственность органы опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних, Уполномоченный по правам ребенка и т.д., их действия предусмотрены на законодательном уровне и закреплены законодательством Российской Федерации.

Принятие Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ (далее – ФЗ о медиации (посредничестве)), стало началом развития примирительной процедуры на законодательном уровне Российской Федерации [2].

С 2011 года предлагают семейные споры и конфликты регулировать с помощью процедуры медиации, как альтернативный способ решения проблем.

Медиация (решение конфликта или спора с помощью посредника) – это способ решения какой-либо проблемы при помощи человека, который выступает в виде медиатора (посредника), на добровольном единогласном согласии обеих сторон для достижения ими мирного решения проблемы.

Сам медиатор является независимым физическим лицом. Его привлекают стороны конфликта для мирного решения споров и конфликтов.

Целью исследования являлось изучение причины распада брачных отношений, нахождение способа урегулирования брачных отношений после нарастающих конфликтов, а также найти ответ на вопрос: можно ли с помощью медиации решить семейный конфликт?! Предметом исследования при этом был бы сам способ оптимизации процедуры, которая определялась бы конфликтующими для урегулирования спора или конфликта.

В семейных конфликтах всегда есть стороны, которые связаны близкородственными и дальне родственными связями, но чаще всего встречаются конфликты в отношении:

- супруг (муж) – супруга (жена);
- ребенок (дети) – мать;
- ребенок (дети) – отец;
- ребенок (дети) – родители [4].

Самым важным в решении бракоразводных процессов, сохранение стабильности в отношении между родителем и ребенком (детьми), чтобы проблемы родителей не переходили в виде озлобленности, отчуждения и т.д. к детям от родителей.

Авторы отмечают: «Чаще всего семейная медиация нужна при расставании или разводе пары для того, чтобы помочь ей сохранить свой статус родителей и отделить совместное выполнение парой своих родительских обязанностей от эмоций, связанных с прекращением их взаимоотношений в качестве партнеров. Медиация помогает родителям сфокусироваться на индивидуальных потребностях и чувствах их детей и выработать схему, по которой будут строиться их отношения с детьми в дальнейшем» [3], [4]. В связи с чем, процедура медиации была бы успешным решением и применением в области решения конфликтов

1 Медиация. Персональный сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://intermediation.narod.ru/index_0-10_\(дата_обращения: 15.11.2023\)](http://intermediation.narod.ru/index_0-10_(дата_обращения: 15.11.2023)).

между супругами при разводе с минимальным влиянием на психологическом уровне на детей при процессе развода.

Возникает вопрос, почему же процедура медиации не столь эффективно используется в решении семейных конфликтов, если это положительно сказывается на самих отношениях людей, семей, детей и иных родственников?!

Согласно обзору судебной статистики дела, возникающие из семейных отношений, составили 202,7 тыс., или 7,3 %, в структуре общего числа окончанных производством гражданских дел (в 2018 году – 184,1 тыс. дел, или 6,4%). В структуре дел этой категории 22,5 % составляют дела о лишении родительских прав – 45,7 тыс. дел, (в 2018 году – 45,8 тыс. дел, или 24,9 %); об ограничении родительских прав – 7,9 тыс., или 3,9 % (в 2018 году – 7,5 тыс., или 4,1%); о восстановлении в родительских правах – 2,9 тыс., или 1,4 % (в 2018 году – 2,9 тыс., или 1,6%); споры, связанные с воспитанием детей – 30,4 тыс., или 15 % (в 2018 году – 28,7 тыс., или 15,6 %); споры о разделе совместно нажитого имущества между супругами составили 37,9 тыс., или 18,7 % от всех окончанных дел по спорам, возникающим из семейных отношений (в 2018 году – 36,4 тыс., или 19,7 %)².

Ученые, психологи, юристы и медиаторы в целом в своих научных публикациях описывают преимущественно медиативный процесс в виде этапов:

1) Презентация сторон, при которой каждая конфликтующая сторона высказывают свое видение конфликтной ситуации. При первом этапе взаимодействие происходит только между конфликтующими сторонами и медиатором. Конфликтующие стороны на первом этапе не пересекаются.

2) Формирование вопросов для последующего обсуждения.

3) Затем происходит взаимодействие медиатора с каждой из конфликтующих сторон для последующей проработки предложений по устранению конфликтной ситуации.

4) На завершающем этапе формируется соглашение между конфликтующими сторонами и завершение самого процесса.

Необходимо отметить, что при проведении процедуры медиации, конфликтующие стороны не сталкиваются с серьезной «бумажной волокитой» и «временной петлей» на начальных этапах, не вступают в острый конфликт с самого начала, что в свою очередь имеет ряд преимуществ:

1. Меньше времени затрачивается на процедуру решения конфликта или спора, чем на судебные или судебное разбирательство.

2. Решение конфликта данным путем приносит положительное завершение проблемы для обеих сторон.

3. Конфликт или спор решаются на доверительных и уважительных тонах и отношениях.

4. Возможно, но не точно, даже восстановление или сохранение отношений, если будут найдены причины и проблемы, т.к. этот процесс носит в себе психологический тренинг.

5. Гарантия конфиденциальности.

6. Приобретается навык и опыт регулирования конфликтных споров и ситуаций. Их урегулирование мирным путем.

2 Обзоры судебной статистики – Верховный суд Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vsrf.ru/documents/statistics/?year=2019> (дата обращения: 15.11.2023).

На основании проведенных исследований и практической работы в данной области были выявлены следующие проблемы:

1. Неосведомленность населения, для которого введена возможность альтернативного урегулирования конфликта, о возможностях медиации, правилах применения медиации и дальнейшего применения выводов медиации.

2. Невозможность повсеместного применения медиации при разрешении семейных конфликтов ввиду психологических особенностей ряда населения, наличие враждебной настроенности между супругами и взаимной мести. В следствии нарастающего конфликта между родителями, находящимися в спорных ситуациях, страдают дети, которые становятся разменной монетой конфликтующих сторон.

3. Поверхностный подход судейского сообщества при рассмотрении дел, связанных с семейными спорами между супругами, невозможность отойти от общих правил при рассмотрении дела.

В Концепцию государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года³, внедрены задачи по пропаганде семейного благополучия и традиционных семейных ценностей, укрепление института брака, сокращение числа разводов, в первую очередь разводов супругов, имеющих несовершеннолетних детей, рождений детей вне брака.

Также необходимо учитывать, что услуги медиатора или иного специалиста должны оплачиваться достойно на уровне, так как знания, умения и применение своего опыта и навыков очень ценный и весомый ресурс. Одним из нюансов также остается указанное выше проекта закона, как и откуда будет поступать финансирование на оплату услуг медиатора. Необходимо отметить, на сайтах медиаторов и их услуг изучая расценки, можно понять, что в определенных ситуациях, услуги посредника в семейных конфликтах будет слишком дорогостоящей и семьи на грани развода и финансовых конфликтов просто не смогут себе позволить данные услуги. Исходя из этого, можно прийти к выводу, что необходимо создать кризисный центр, который можно будет финансировать из средств государства, инвестиционных фондов, благотворительных фондов по поддержке семей и детей и иных частных инвесторов, которые будут заинтересованы в сохранении семей Российской Федерации и благополучия детей в будущем для гармонизации семейных отношений в супружеских парах, которыми они могли доверительно воспользоваться с целью разобраться в конфликте не доводя конфликт до грани развода.

Возвращаясь к тому, что семейные конфликты необходимо разрешать на стадии их появления. Для этого необходимо, в первую очередь, осознанность действий участников конфликта, безусловно, беспристрастность и ответственность медиатора или иного специалиста с опытом семейного быта. Кроме того, необходимо предусмотреть финансовую поддержку со стороны государства при рассмотрении и урегулировании семейных конфликтов. Что же касается самой кандидатуры медиатора или иного специалиста так называемого кризисного центра, то она должна устанавливаться независимыми в исходе дела государственными органами, к

3 Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г.». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70727660/> (дата обращения: 14.11.2023).

примеру, органами опеки и попечительства или органами записи актов гражданского состояния. Также необходимо утвердить возрастную ценз и семейный статус медиатора, так как только при наличии своего опыта можно разрешить конфликт других сторон. Ведь при семейных конфликтах затрагиваются интересы детей в первую очередь и, определенно, в полной семье с счастливыми родителями, детям было бы гораздо лучше.

В данной статье внимание акцентируется на необходимости создания кризисных центров для семейных пар, где они могли бы получить компетентную психологическую помощь при возникающих между ними конфликтах с разъяснениями о возможных последствиях тех или иных поступках как для них самих, так и для их несовершеннолетних детей, так как у детей после развода и манипуляций родителей могут быть психологические травмы.

Проводить разъяснительные мероприятия или консультации населению о возможностях медиации, вести активную работу с населением по раннему выявлению кризисных проблем в части семейных конфликтов. На государственном уровне оказывать поддержку населению при угрозах распада семей – ячеек общества (психологическая помощь, помощь при выявлении случаев домашнего насилия, абьюзерства, тираннии и т.д.). Необходимо выстраивать доверительные отношения между государственными органами и их совместной работой (суды, органы опеки и попечительства и т.д.) с населением. Работу всех органов власти необходимо наладить между собой, если нет слаженной работы в органах власти, то невозможно помочь и гражданам Российской Федерации.

Исходя из вышеописанного пункта, необходимо выстроить алгоритм работы с семейными парами, которые находятся в состоянии конфликта. Это поможет выявить источник возникновения конфликта в семье и составить план работы или схемы решения конфликта для дальнейшего его устранения. Источниками конфликта в семьях и вообще между родными людьми, чаще всего становятся азартные игры, разные виды зависимостей, финансовое благополучие, а также самое распространенное: потеря одной из составляющей – взаимоуважение, доверие, поддержка, чувство защищенности и стабильности.

Судебные дела с семейными спорами, необходимо квалифицировать в отдельную категорию и разбирать их еще более детально, чем в настоящее время. Рассмотрение таких дел предоставить судьям, которые будут работать в более узко специализированном направлении с соответствующей квалификацией. Судьям необходимо будет пройти дополнительное обучение в области психологии и социальной работы, чтобы правильно понимать ситуации в отношении семьи и детей. Обязательным пунктом улучшения и совершенствования работы судей является расширение круга полномочий судей при назначении экспертиз для более широкого и качественного рассмотрения дел. Распределение расходов по экспертизе вести на более широком уровне, не передавать экспертизу сторонам конфликта, а создать единый резервный экспертный состав (центр, офис, лабораторию), который сможет проводить необходимые исследования, проверки и т.д. через уплату гражданами государственной пошлины.

При исследовании текущего вопроса применялась работа из жизни людей, в семьях которых были выявлены конфликты, споры и проблемы, которые довели семьи до бракоразводного состояния в разной степени. Также на практике были использованы знания в области юриспруденции, психологии и медиации, как раз то, что необходимо для вы-

шеуказанного кризисного центра. На протяжении трех лет трудовой (практической) деятельности удалось выстроить гармоничные взаимоотношения семи парам, что достигалось путем нахождения причины возникновения споров и конфликтов с последующим доведением найденной причины конфликта и споров до минимума. Три пары прошли процесс бракоразводного состояния без конфликта, после нахождения и устранения причины их конфликта и при этом супруги остались в хороших отношениях, что также положительно отобразилось на их общении с детьми.

В настоящее время процедура медиации была бы методом для профилактики конфликтов в обществе, что привело бы к снижению напряжения в социальной среде у населения, а также способствовало бы развитию позитивной культуры при решении конфликтов и развитию коммуникативных качеств в людях.

Пристатейный библиографический список

1. Архипкина А. С. Институт медиации в современном праве // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 1. – С. 167.
2. Куприянчук Е. В. Психологическая сущность медиации как особого вида современных коммуникативных практик // Интеграция науки и практики как механизм развития современного общества. – Саратов: Саратовский источник, 2013. – С. 149-159.
3. Костина О. В., Овсяникова Е. А., Долженко Н. И., Савельева И. В. Семейная медиация как одно из ведущих направлений государственной семейной политики // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2014. – № 10 (53). – С. 42-46.
4. Мельниченко Р. Г. Медиативные технологии разрешения семейных конфликтов // Процессуальное право. – 2018. – Vol. 17. – № 1. – С. 135-141.
5. Нигматуллина Т. А., Терновая Л. О. Политическая медиация: учебное пособие. – Уфа: Изд-во Башкирского института социальных технологий (филиала) Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений», 2016. – 370 с.
6. Тарасова Л. Е. Социальные представления о благополучии в диалоге цивилизаций // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2016. – Т. 26. – № 4. – С.100-106.
7. Третьеиское разбирательство в Российской Федерации: учебное пособие / Под ред. О. Ю. Скворцова – М.: Издательство «Волтер Клуверс», 2010.
8. Шамионов Р. М., Григорьева М. В. Психология субъективного благополучия и социальной адаптации личности. – Саратов: Изд-во: Саратовского ун-та, 2014. – 196 с.

САРАНКИНА Юлия Александровна

заместитель начальника кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, г. Симферополь

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Статья посвящена всестороннему анализу института миграции. В статье детально исследовано содержание указанного института, определена сущность эмиграции, иммиграции, содержание понятия «беженец», на основе анализа статистических данных сделаны выводы о современном состоянии миграционных процессов в Российской Федерации, в том числе, происходящих на рынке труда, осуществлен анализ значения трудовых миграционных процессов для социально-экономического развития принимающей страны.

Ключевые слова: трудовой мигрант, миграция, трудовая миграция, рынок труда.

SARANKINA Yuliya Alexandrovna

Deputy Head of State and civil law disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol

LABOR MIGRATION: GENERAL CHARACTERISTICS AND CURRENT TRENDS

The article is devoted to a comprehensive analysis of the migration institute. The article examines in detail the content of this institution, defines the essence of emigration, immigration, the content of the concept of "refugee", based on the analysis of statistical data, conclusions are drawn about the current state of migration processes in the Russian Federation, including those occurring in the labor market, analyzes the importance of labor migration processes for the socio-economic development of the host country.

Keywords: labor migrant, migration, labor migration, labor market.

Миграция с давних времен стала неотъемлемым элементом мировых процессов (социальных, экономических, политических и пр.). Практически все ключевые современные процессы сопровождаются массовым перемещением населения с одной территории на другую. Причинами такого перемещения могут выступать различные факторы: политические, религиозные, климатические, социальные и иные. Но один признак является неизменным – смена места проживания.

На сегодняшний день явление миграции можно рассматривать с двух ключевых позиций: как благо для государства, на территорию которого прибывают мигранты, и как фактор, способный дестабилизировать внутриполитическую ситуацию. Если рассматривать институт миграции с первой позиции, становится очевидным, что благодаря миграционным процессам, государство, принимающее мигрантов, «обогащается» демографически, появляется новая рабочая сила, которая способна заполнить пустоты на рынке труда (в основном в сфере выполнения работ, предоставления услуг). Кроме того, государство в лице мигрантов обретает и определенное количество высококвалифицированных специалистов, что, безусловно, благотворно влияет на развитие экономики принимающей стороны, а также рост научно-технического прогресса. Миграция с позиции дестабилизирующего фактора рассматривается как массовое перемещение определенной общности людей, объединенных единой религией, традициями, обычаями, которые могут быть чужды как для населения принимающей страны, так и для правового устройства самого государства. На этой почве возникают расовые, межэтнические конфликты, которые могут дестабилизировать работу государственных органов, приводят, как правило, к массовым беспорядкам, росту преступности, а также напряженности в обществе. И примеров такому негативному проявлению миграционных процессов масса. На сегодняшний день ситуация с мигрантами накаляется с каждым днем по всему миру. Учащаются столкновения мигрантов с полицией, растет количество преступлений, участниками которых становятся мигранты, участились случаи массовых протестов и пр. Особенно, это касается тех стран, где наибольшее количество мигрантов (США, Германия, Россия, Саудовская Аравия, Великобритания, Франция, Канада и пр.). Количество мигрантов в этих странах исчисляется миллионами.

Следует отметить, что миграцию можно рассматривать и с точки зрения мощного базиса для формирования мирового хозяйства. В странах, где наблюдается нехватка рабочей силы в определенных сферах хозяйствования, приток мигрантов способен решить эту проблему.

Что касается содержания термина «миграция», то на сегодняшний день в законодательстве Российской Федерации отсутствует легальное определение указанного понятия, а в научных кругах существует достаточно много точек зрения по поводу его трактовки. Рассмотрим основные из них, для определения сущности указанного понятия и явления миграции в целом. Традиционно миграцию рассматривают с позиции «мобильности, подвижности», «движения, передвижения, перераспределения» [1, с. 38]. Колесов Д. В., Бондырева С. К. миграцию характеризуют с позиции «естественной мобильности человека», одной из причин миграции называют «их стремление попасть в среду, в которой лучше, полноценнее можно реализовать потребности жизни в более благоприятных для этого условиях» [1, с. 38]. Однако, вынуждены частично не согласиться с указанной позицией, поскольку факт миграции не всегда обусловлен стремлением человека попасть в более благоприятные условия. В некоторых случаях человек вынужден эмигрировать (например, военный конфликт в стране его проживания, неблагоприятное состояние окружающей среды и пр.). Миграция, на наш взгляд, обладает следующими признаками: всегда связана с перемещением физических лиц с места проживания; перемещение может быть, как добровольным, так и вынужденным, временным или постоянным; внутри государства или за его пределы. Понятие «миграция» тесно связано с такими понятиями как: эмигранты, иммигранты и беженцы. Если под эмигрантом понимается человек, который покинул территорию своей страны, то иммигрантом считается человек, который въезжает на территорию другого государства для постоянного или временного проживания.

Что касается понятия беженец, то оно обозначает человека, вынужденно покидающего свою страну по негативным причинам (опасается за свою жизнь, преследуется по политическим, расовым и иным мотивам), лишённого возможности воспользоваться защитными механизмами своей страны (вынужденно или по собственным мотивам). Так, по данным ООН количество беженцев к концу 2022 года составило 108,4

млн человек, что на 19,1 млн больше, чем в 2021 году¹. Рост количества беженцев обусловлен, прежде всего, происходящими военными конфликтами. Так, в результате военного конфликта в Судане число беженцев к маю 2023 года составит 110 млн человек. Безусловно, на рост статистики повлияла и специальная военная операция на Украине. На конец 2022 года число беженцев увеличилось до 5,7 млн человек (в 2021 году эта цифра составляла 27,3 тыс.). В результате военного конфликта в секторе Газа вынужденно покинули свои дома более 1,5 млн человек. Статистика по беженцам в результате указанного конфликта постоянно корректируется. В ноябре 2023 года ООН опубликовало новую статистику, согласно которой в результате военного конфликта сектор Газа покинуло 2 млн человек².

Как отмечалось выше, миграция происходит по различным причинам. Более детально коснемся миграционных процессов рабочей силы, т.е. трудовой миграции. Согласно статистике, в 2022 году на территорию Российской Федерации прибыло 3,47 млн граждан других государств с целью трудоустройства. Этот показатель вырос на треть по сравнению с 2021 годом. При этом, львиную долю из общего количества трудовых мигрантов, прибывших на территорию Российской Федерации, составляют граждане из Узбекистана (приток вырос на 377,7 тыс. человек или на 35,1 % по сравнению с предыдущим годом). В целом большинство трудовых мигрантов приезжают на территорию нашей страны из таких государств, как: Киргизия, Казахстан, Азербайджан, Вьетнам, Молдова, Турция, Туркмения, Китай. Следует отметить, что в связи с обострившейся политической обстановкой в мире сократились миграционные потоки на территорию России из таких стран, как: Армения, Украина, Сербия, Германия, Франция, Италия, США, Чехия, Австрия, Нидерланды³.

На миграционный учет в 2022 году встало 11,8 млн человек. Если взять показатели распределения регистраций трудовых мигрантов по регионам России, то наиболее привлекательными для них стали: Москва (25,6 %), Московская область (15,1 %), Санкт-Петербург и Ленинградская область (12,8 %), Краснодарский край (2,7 %), Иркутская область (2,3 %), Свердловская область (2,2 %), Амурская область и Приморский край (1,8 %), Татарстан (1,6 %), Красноярский край (1,5 %), остальные регионы (32,4 %)⁴.

Следует отметить, что для миграционных потоков рабочей силы характерны периоды спада и всплеска. Это является закономерностью, поскольку на потоки трудовой миграции оказывают воздействие любые процессы, которые происходят в каждой конкретной стране, в мире в целом. Так, например, в разгар пандемии миграционная активность вынужденно затухла, поскольку большинством стран были введены ограничения, в том числе, относительно въезда и выезда. Возникновения военного конфликта на территории государства неизбежно влечет отток из страны рабочей силы, ее перемещение на территорию других государств. Таким образом, можно сделать вывод о том, что уровень трудовой миграции может стать своего рода показателем стабильности, уровня развития той или иной страны либо наоборот.

Трудовые мигранты, прибывая на территорию страны, не только занимают невостребованные ниши на рынке труда, но и составляют конкуренцию гражданам государства. Большую часть трудовых мигрантов составляют «рабочие, занятые на горных, горно-капитальных, строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах, а также неквалифицированные рабочие» [2]. Населению принимающей страны достаточно тяжело конкурировать с трудовыми мигрантами, прежде всего, по причине дешевизны рабочей силы, что работодателю более выгодно.

Если рассматривать трудовую миграцию с призмы отрицательного явления для страны, то можно выделить сле-

дующие проблемы, с которыми приходится столкнуться принимающей стране: отток капитала; безработица среди местного населения; приток неквалифицированной рабочей силы; замедление процесса подготовки собственных трудовых резервов; сокрытие налогов. Помимо экономических причин, можно выделить также и другие: формирование замкнутых этнических групп, что способствует нарастанию напряженности в обществе, рост недовольства местного населения; криминализация определенной части мигрантов; отток высококвалифицированных специалистов из страны, где они получили образование.

Таким образом, государственная миграционная политика должна выстраиваться таким образом, чтобы снизить отрицательный эффект от трудовых миграционных процессов в пользу социально-экономического развития России. Она должна быть ориентирована на повышение уровня жизни граждан собственной страны. Это позволит в определенной степени снизить градус напряженности между трудовыми мигрантами и населением.

На сегодняшний день миграционная политика нашего государства строится на принципах, заложенных в Указе Президента РФ от 1 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы». Данная Концепция определила не только основные принципы государственной миграционной политики, но и цели, задачи и основные ее направления.

Однако на сегодняшний день одним из основных проблемных вопросов, который остается до конца не решенным, является контроль за передвижением трудовых мигрантов по территории страны после их въезда.

В соответствии со ст. 30 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» прибытие гражданина другого государства фиксируется при въезде на территорию Российской Федерации должностным лицом пограничного органа федеральной службы безопасности. В миграционной карте ставится отметка о въезде и выезде данного лица⁵. Однако такая процедура не позволяет быстро и эффективно отслеживать его перемещение по территории страны. И хотя законодательством предусмотрено проведение проверок по месту пребывания такого лица, а также по месту его трудоустройства, такие проверки не всегда оказываются результативными.

Поэтому сегодня необходимо разработать эффективный механизм контроля за передвижением иностранных граждан по территории Российской Федерации. Например, посредством создания единой базы данных, которая будет содержать информацию о въезде конкретного гражданина на территорию России, его въезде и в которую будет стекаться вся возможная информация о его передвижении по стране (фиксация использования банковской карты, привлечение к ответственности, обращение за медицинской помощью и пр.). Вся эта информация позволит отследить, а самое главное, проконтролировать перемещение иностранного гражданина.

Пристатейный библиографический список

1. Толаметова З. А., Хошимов П. З. Особенности международной трудовой миграции // Экономика и финансы (Узбекистан). - 2019. - № 3 (123). - С. 37-40.
2. Шевелева Н. П. Влияние международной трудовой миграции на социально-экономическое развитие принимающей стороны // Общество: социология, психология, педагогика. - 2018. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-mezhdunarodnoy-trudovoy-migratsii-na-sotsialno-ekonomicheskoe-razvitiie-prinimayushey-strany/viewer>.

5 О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 10.07.2023). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378668/9ae70ef0abf5841ec85dc4618d1d665c84182d50/.

1 Новости ООН. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://news.un.org/ru/stori/2023/06/1441962>.

2 Газу с начала войны покинуло 2 млн человек. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://RuNews24>.

3 Приток трудовых мигрантов в Россию в 2022 году вырос на треть. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/pritok-trud-migrant-2022/>.

4 Приток трудовых мигрантов в Россию в 2022 году вырос на треть. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/pritok-trud-migrant-2022/>.

АЛИЕВА Эльмира Башировна

кандидат экономических наук, доцент Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

АШУРЛАЕВА Нажуан Магомедхановна

студент Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ АКЦИЗНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

В данной статье рассматриваются проблемные вопросы и эффективность акцизного налогообложения в Российской Федерации. Особое внимание уделяется разрешению вопросов, связанных с контролем по уплате акцизов, вопросов введения изменений в нормативно-правовую базу акцизного налогообложения, их последствия и перспективы развития. Сделан вывод о необходимости цифровизации акцизов в рамках разрешения актуальных проблем.

Ключевые слова: налог, акциз, акцизное налогообложение, цифровизация, контроль.

ALIEVA Elmira Bashirovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of the Dagestan State University, Makhachkala

ASHURLAEVA Nazhuan Magomedkhanovna

student of the Dagestan State University, Makhachkala

THE MAIN PROBLEMS AND EFFECTIVENESS OF EXCISE TAXATION

This article discusses problematic issues and the effectiveness of excise taxation in the Russian Federation. Special attention is paid to resolving issues related to control over the payment of excise taxes, issues of introducing changes to the regulatory framework of excise taxation, their consequences and prospects for development. The conclusion is made about the need to digitalize excise taxes in the framework of solving urgent problems.

Keywords: tax, excise tax, excise taxation, digitalization, control.

Процессы развития налоговой системы, в частности совершенствования нормативно-правовой базы и создание механизмов регулирования в данной сфере обуславливают необходимость углубленного изучения сущности определенных аспектов налогообложения.

Акцизное налогообложение представляет собой сложный механизм, при использовании которого государство получает доходы и осуществляет регулирование рынка. В настоящее время акцизы являются важным инструментом налогообложения, при использовании которого возникают противоречия, требующие эффективного разрешения.

Одной из основных проблем в сфере налогообложения является проблема определения и установления ставок акцизов. При осуществлении этих функций необходимо проводить анализ множества факторов, таких как цена товара и спрос на него, его влияние на здоровье или окружающую среду. Установление высоких ставок подакцизных товаров может привести к использованию различных схем уклонения от уплаты акцизов, к сокрытию товаров от налогообложения, т. е. к незаконному обороту подакцизных товаров, вследствие чего возникают потери для соответствующего бюджета государства.

По решению данной проблемы в 2023 году реализовались некоторые законодательные меры. Так, с 1 сентября 2023 года вступил в силу федеральный закон от 13 июня 2023 года № 203-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота табачных изделий, табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства»¹, положения которого направлены на сокращение объемов нелегального производства и оборота табачной и никотинсодержащей продукции, а также федеральный закон № 204-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»². Ре-

ализация предписаний данных законов обеспечит не только поступление акцизов в бюджет, но и направление денежных средств, получаемых нелегальными производителями от продажи табачной и никотинсодержащей продукции, в легальное поле, что будет способствовать увеличению доходности добросовестных участников рынка.

В качестве еще одной меры по противодействию незаконного оборота такой продукции выступает ужесточение ответственности за совершение правонарушений в данной области. В связи с этим принят закон № 310855-8 «О внесении изменений в статью 171.3 Уголовного кодекса Российской Федерации»³, предусматривающий с 1 апреля 2024 года уголовную ответственность за производство, закупку, поставку, хранение табачных изделий, табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства без соответствующей лицензии.

Таким образом, установление высоких ставок акцизов способствует уклонению от уплаты налогов и росту теневого бизнеса, что определяет важность совершенствования законодательного регулирования в данной сфере и установления привлекательных налоговых ставок по акцизам, что может привлечь нарушителей выйти из тени для уплаты соответствующих налогов на основании закона.

Одним из ключевых вопросов является перечень подакцизных товаров, предусмотренный статьей 181 Налогового кодекса РФ⁴, который характеризуется крайней негибкостью. Сложности возникают, в частности, при ввозе и вывозе облагаемых товаров в нашу страну при осуществлении таможенного контроля за их перемещением и оборотом. Несмотря на то, что Налоговый

Алиева Э. Б.

Ашурлаева Н. М.

1 Федеральный закон «О государственном регулировании производства и оборота табачных изделий, табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства» от 13 июня 2023 года № 203-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449350/ (дата обращения: 12.11.2023).

2 Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.06.2022 № 204-ФЗ (последняя редакция). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420321/ (дата обращения: 12.11.2023).

3 Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 171.3 и 322 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 31.07.2023 № 390-ФЗ (последняя редакция). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_453248/ (дата обращения: 12.11.2023).

4 Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 27.11.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.12.2018) // Собрание законодательства РФ. – № 31. – Ст. 181.

Кодекс устанавливает перечень подакцизных товаров, при его применении в практической деятельности возникают неординарные ситуации, связанные с алкогольной продукцией, спиртосодержащей дезинфицирующей продукцией и т.д.

Так, в таможенной практике встречаются ситуации, когда коллекционные вина и коньяки декларируются как одинаковый товар.

Проблемы, связанные с применением перечня подакцизных товаров, обусловлены недостаточно проработанным законодательством, регулирующим отнесение того или иного товара к подакцизным.

Возможным выходом из этой ситуации является расширение перечня подакцизных товаров, путем внесения изменений в статью 181 Налогового Кодекса РФ с указанием на товары внешнеэкономической деятельности. Эти группы товаров имеют спорные вопросы из-за особенностей их регистрации. Актуальность маркировки таких подакцизных товаров обусловлена необходимостью проверки качества, законности производства и ввоза на территорию РФ.

Можно предположить, что решение этой проблемы возможно путем продвижения и развития цифровизации как в области таможенного контроля, так и в области налогового контроля за подакцизными товарами, в частности посредством создания единого цифрового пространства, которое позволяло бы распознавать соответствующие товары, в целях минимизации временных затрат.

В современных условиях наиболее важной является проблема обложения акцизами табачной и алкогольной продукции, поскольку данные товары представляют собой наибольшую актуальность в рамках системы подакцизных товаров.

Объем продаж этих товаров соответствует масштабам нелегального рынка и значительное количество денежных средств остаётся вне поля зрения государства. Основная проблема заключается в том, что отсутствует должный эффективный контроль за оборотом данных товарных позиций. Следует выделить два возможных пути разрешения сложившейся проблемной ситуации. Во-первых, ужесточение контроля за производством алкогольных напитков и табачных изделий. В данном случае сущность этого контроля заключается непосредственно в проверке соответствия данных товаров требованиям, установленным на законодательном уровне.

Во-вторых, эффективным при таких обстоятельствах будет усиление контроля за дистрибуцией упомянутых подакцизных товаров.

Для того, чтобы урегулировать отношения в области контроля за производством алкогольных товарных позиций, следует модернизировать нормативно-правовое регулирование в сфере уголовной ответственности.

Употребление алкогольных напитков оказывает пагубное воздействие на такие категории, как жизнь, здоровье человека, укрепление и сохранение которых является безусловным приоритетом для государства.

Следовательно, применение мер уголовной ответственности за совершение правонарушения, вследствие которого нанесен тяжкий вред здоровью гражданина или причинена смерть его жизни, ввиду потребления данных напитков ненадлежащего качества, способствует решению одной из главных задач государства – сокращение нелегального сектора экономики, путем формирования действенного и эффективного механизма контроля в этой области.

Несмотря на перечисленные проблемы, акцизное налогообложение является эффективным элементом государственного управления, поскольку оно не только обеспечивает пополнение государственного бюджета, но и способствует снижению употребления тех товаров, которые оказывают отрицательное влияние на здоровье граждан.

Нововведением в области акцизного налогообложения является разработка введения акциза на калорийные безалкогольные газированные напитки. В целях ограничения употребления таких товаров и пополнения государственного бюджета за счет доходов, получаемых в результате введения акциза на эту продукцию, Министерством здравоохранения РФ было инициировано включение данных товарных позиций в перечень подакцизных товаров.

В соответствии с «Основными направлениями бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2023 год и плановый период 2024 и 2025 годов» [2], утвержденными Министерством Финансов РФ, намечен комплекс мероприятий, направленных на борьбу с сахарным диабетом. Реализация данных мероприятий будет осуществляться за счет денежных сумм, полученных от введения акциза на безалкогольные газированные напитки.

Соответственно, внесение таких изменений обусловлено в том числе необходимостью снижения уровня чрезмерного по-

требления сахара гражданами и переходом на рациональное, здоровое потребление.

Тем не менее, в результате введения акциза на безалкогольные газированные напитки, производители данных товарных позиций включают в их состав сахарозаменители – компоненты, оказывающие негативное влияние на организм человека, в том числе увеличивающие вероятность заболевания человека.

Экспертами Всемирной Организации Здравоохранения было проведено исследование и вынесено заключение, в котором оценивались риски заболевания раком, вследствие употребления газированных напитков, содержащих в качестве компонента сахарозаменители.

В настоящее время также разрабатывается проект закона, который предусматривает переход на «цифровой акциз». Обсуждения введения «цифрового акциза» обусловлены необходимостью маркировки табачных и никотиносодержащих товаров.

В часть вторую НК РФ предлагается внести изменения, предусматривающие применение учетно-контрольных специальных марок для идентификации табачной и подакцизной никотинсодержащей продукции в связи с необходимостью отмены «бумажной маркировки».

Под учетно-контрольными специальными марками понимаются исключающие возможность их подделки и повторного использования средства идентификации, наносимые на упаковку табачной и никотинсодержащей продукции.

Согласно разъяснению разработчиков проекта данная мера позволит сохранить полномочия таможенных органов по администрированию сумм акцизов в отношении ввозимых из стран-членов ЕАЭС указанных товаров, а также обеспечит возможность контроля за правильностью определения налоговой базы по акцизам в отношении такой продукции. Предполагается, что закон вступит в силу с 1 марта 2024 года [1].

Необходимость применения «цифровой маркировки» вызвана тем, что в настоящее время большинство продаж подакцизных товаров осуществляется посредством использования методов незаконной торговли подакцизными товарами, т. е. без соблюдения надлежащего фискального учета и, соответственно, потребители, приобретая такие товарные позиции, не обладают информацией о характере используемых злоумышленниками методов, и, несмотря на отсутствие информированности, они не подлежат привлечению к юридической ответственности, в результате чего у них формируется нигилистическое поведение, оказывающее влияние на уровень налоговой культуры.

Перспективы введения цифрового акциза связаны и с тем, что он дает возможность снизить количество заменителей подлинных подакцизных товаров, например, суррогатов алкогольной продукции, газированных напитков и т.д., а также обеспечит возможность сохранить объемы производства подакцизных товаров легальным производителям при значительном снижении их потребления.

В заключение можно сделать вывод, что налоговое законодательство в современных условиях активно развивается, проходит многочисленные этапы совершенствования и для решения основных проблем и наиболее эффективного использования акцизного налогообложения необходимо совершенствование правового регулирования в области осуществления контроля за оборотом подакцизных товаров и внедрение цифровизации в этом направлении, а также систематизации перечня подакцизных товаров. Несомненно, акцизное налогообложение в наибольшей мере способствует осуществлению фискальной функции, однако следует подчеркнуть, что для того, чтобы обеспечить баланс между социальными и экономическими интересами государства необходимо найти золотую середину, при которой доходы от акцизов будут поступать в государство, а незаконный оборот подакцизных товаров снизится.

Пристатейный библиографический список

1. Агузарова Ф. С., Гуриева С. А. Акцизное налогообложение: проблемы и пути их решения // Научные Известия. – 2018. – № 12. – С. 86.
2. Косов М. Е., Чалова А. Ю., Ахмадеев Р. Г., Голубцова Е. В. Федеральный бюджет и бюджетно-налоговая политика государства: макроэкономическая адаптация до 2025 года // Финансовый журнал. – 2023. – Т. 15. – № 2. – С. 8–26. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-2-8-26>.
3. Найденова Т. А., Новокшопова Е. Н. Налоговая культура как необходимое условие обеспечения наполняемости бюджетов // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. – 2022. – № 1. – С. 34–45.

ГОРОХОВА Арина Олеговна

магистр Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

ПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Преступность в сфере страхования выступает одной из существенных угроз нормальному функционированию экономики, так как затрагивает интересы государства, общества и хозяйствующих субъектов. В последние годы в России сохраняется высокая доля экономической преступности, одной из разновидностей которой выступает преступность в сфере страхования. На сегодняшний день преступность в сфере страхования отождествляется исследователями и практиками с составами мошенничества. Автором в статье анализируются положения действующего законодательства, статистики и правоприменительной практики относительно вопросов преступности в сфере страхования. Рассматриваются основные причины преступности и способы противодействия. Сделаны выводы по итогам исследования.

Ключевые слова: преступность, мошенничество, экономическая преступность, страхование, мошенничество в сфере страхования, детерминанты преступности, противодействие преступности.

GOROKHOVA Arina Olegovna

master of the Financial University under the Government of the Russian Federation

CRIME IN THE INSURANCE INDUSTRY: DEVELOPMENT TRENDS

Crime in the insurance sector is one of the significant threats to the normal functioning of the economy, as it affects the interests of the state, society and business entities. In recent years, Russia has maintained a high proportion of economic crime, one of the varieties of which is crime in the insurance sector. To date, crime in the insurance industry is identified by researchers and practitioners with the components of fraud. The author analyzes the provisions of the current legislation, statistics and law enforcement practice regarding the issues of crime in the insurance sector. The main causes of crime and methods of counteraction are considered. Conclusions are drawn based on the results of the study.

Keywords: crime, fraud, economic crime, insurance, insurance fraud, determinants of crime, crime prevention.

Экономика является неотъемлемым и важнейшим элементом развития любого государства. Нарушение порядка нормального функционирования экономических отношений наносит вред обществу, государству и его дальнейшему развитию. За период своего развития сфера страхования стала не только одним из наиболее значимых сегментов экономики, но и приобрела важное социальное значение [4, с. 171]. По большей части состояние сферы страхования, обеспечение прав субъектов таких правоотношений обусловлено социальной политикой, проводимой со стороны государства. Именно поэтому анализ состояния преступности в сфере страхования, учет детерминант такой преступности и эффективности мер противодействия имеют существенное значение для общества и государства.

На сегодняшний день нормы Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) содержат в себе широкий перечень экономических преступлений, к категории которых также относятся преступления в сфере страхования¹. Обращаясь к доктринальным источникам, отметим, что в науке выделяются следующие группы преступлений в сфере страхования [1]:

- Преступления, которые совершаются страхователями, застрахованными лицами, а также выгодоприобретателями;
- Преступления, которые совершаются должностными лицами страховых организаций в сфере страхования;
- Преступления, которые совершаются руководителями страховых организаций.

Данная классификация, представленная Р. Н. Боровских, предполагает разделение преступлений в сфере страхования на группы по признаку субъекта преступления. Такой подход в науке встречается чаще всего. Представляется наиболее обоснованным рассмотреть систему преступности в сфере страхования более широко и выразить ее следующим образом:

1. Непосредственно преступления в сфере страхования, которые включают в себя следующие подгруппы:

– Преступления в сфере страхования, совершаемые страхователями, выгодоприобретателями (такая группа включает в себя следующие составы, предусмотренные в УК РФ – Мошенничество в сфере страхования, которое квалифицируется в зависимости от размера причиненного ущерба по статьям 159 и 159.5 УК РФ; Мошенничество при получении выплат, которое квалифицируется по ст. 159.2 УК РФ; причинение ущерба путем обмана и злоупотребления доверием в случае, если такое деяние осуществлено в сфере страхования, что квалифицируется по ст. 165 УК РФ);

– Преступления в сфере страхования, которые совершаются страховыми посредниками, а также должностными лицами страховых организаций (квалификация таких деяний также будет ограничиваться мошенническими составами, а также возможно применение положений ст. 160 УК РФ «Присвоение и растрата»);

– Преступления в сфере страхования, которые совершаются руководителями страховых организаций (в данном случае составы, которые применяются для квалификации организаций в сфере страхования помимо прочего могут совершать и налоговые преступления путем сокрытия доходов;

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

также к такой группе преступлений будут относиться уже упомянутые составы мошенничества, а также присвоения и растраты).

2. Сопутствующие преступления в сфере страхования, которые затрагивают иную группу общественных отношений и предполагают иной непосредственный объект преступного посягательства, в частности, группа коррупционных преступлений, легализация денежных средств, полученных преступных путем, а также преступления, связанные с подделкой документов, их уничтожения (например, статьи 325 УК РФ и 327 УК РФ).

Однако в доктринальных источниках и правоприменении понятие «преступность в сфере страхования» отождествляется все же с закрепленными в нормах УК РФ составами мошенничества². А следовательно, квалификация преступлений в сфере страхования будет осуществляться либо по основному составу мошенничества (ст. 159 УК РФ), либо по специальному составу, определяющему мошенничество в сфере страхования (ст. 159.5 УК РФ). Обращаясь к специальному составу, необходимо отметить, что согласно действующим уголовно-правовым нормам, мошенничество в сфере страхования представляет собой «хищение чужого имущества путем обмана относительно наступления страхового случая, размера страхового возмещения, которое подлежит выплате в соответствии с законом или договором, заключенным между страхователем и страховщиком»³. При этом, Постановление Пленума ВС РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» более детально раскрывает объективную сторону таких преступлений, в частности устанавливается, что мошенничество в сфере страхования может быть совершено путем: предоставления заведомо ложных сведений, инсценировка страхового случая, предоставление документов, которые свидетельствуют о завышенном ущербе, полученном в результате страхового случая⁴. Таким образом, можно сказать о том, что преступления в сфере страхования представляют собой определенную последовательность действий субъекта преступления. Важно отметить, что сами условия договора страхования предполагают возможность получения страховой выплаты при наступлении страхового случая (страхового события)⁵. Соответственно, когда речь идет о совершении преступления в сфере страхования, в частности, получения страховых выплат, субъект преступления должен либо искусственно создать условия наступления страхового случая, либо использовать подложные документы, которые завышают размер ущерба, причиненного объекту страхования в результате наступления страхового случая. Наиболее распространенным являются случаи, когда мошенничество в сфере страхования определяется корыстным умыслом еще до заключения договора страхования со страховой организа-

цией. Однако такой умысел может возникнуть и уже после заключения договора.

Представляется, что сужение понятия преступности в сфере страхования не является обоснованным подходом. Это подтверждается тем фактом, что само понятие «преступность» носит более широкий характер и предполагает выделение составов преступлений, совершаемых в конкретной сфере деятельности (например, экономическая преступность, киберпреступность, преступность в сфере страхования и др.), или же обладающих общими признаками (например, организованная преступность, преступность несовершеннолетних, корыстная преступность и др.).

Квалификация преступлений в сфере страхования осуществляется по «экономическим статьям». Согласно данным МВД РФ за 2022 год, в России сохраняются высокие показатели экономической преступности, а также отмечается высокий уровень латентности совершаемых преступлений в экономической сфере⁶. Такие статистические данные включают в себя также и преступления, совершаемые в сфере страхования. Высокие показатели статистики позволяют сказать о необходимости исследования детерминант преступности в сфере страхования.

Детерминанты представляют собой совокупность условий и причин различного характера, которые влияют на распространение того или иного вида преступности. В научных источниках содержится большое количество подходов к классификации детерминант преступности, в частности, выделяются следующие группы факторов – экономические, политические, организационные, правовые, социальные и другие [3 с. 48]. В контексте рассмотрения преступности в сфере страхования необходимо выделить следующую группу условий, влияющих на показатели преступности:

1. Для большинства экономических преступлений, совершаемых с корыстной целью, основной детерминантой выступают экономические факторы. В данном случае речь идет не только о конкретном материальном положении субъекта преступления, но и общих экономико-правовых тенденциях развития государства, в частности, стабильность экономики, результативность и эффективность социально-экономической политики, снижение реальных доходов населения. Именно эти факторы определяют стремление потенциального преступника к получению преступных доходов, в частности путем совершения мошеннических действий в сфере страхования;

2. Правовые факторы, которые связаны с эффективностью мер государственно-правовой защиты той или иной группы общественных отношений. В частности, к правовым мерам относятся особенности конструирования составов преступлений, особенности санкций, а также наличие зафиксированных мер профилактики и противодействия преступности;

3. Психологические факторы, определяющие особенности восприятия преступных действий как со стороны субъекта преступления, так и с точки зрения виктимологии;

4. Идеологические и социальные факторы, которые определяют отношение общества к совершаемым противоправным действиям. В частности, именно отношение обще-

2 Ответственный за совершение преступлений в сфере страхового дела. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://гвуд.48.мвд.рф/news/item/15344526/> (дата обращения: 06.05.2023).

3 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

4 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/?ysclid=lhj9fvgaj670204772 (дата обращения: 07.05.2023).

5 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Российская газета. – № 23. – 06.02.1996. – № 24.

6 Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/?ysclid=lhj87307b1823163536> (дата обращения: 06.05.2023).

ства к совершаемым преступлениям характеризует высокую латентность экономической преступности;

5. Организационные, которые характеризуют особенности взаимодействия органов расследования, а также профессиональные, технические и иные навыки, необходимые для раскрытия преступлений.

В контексте анализа детерминант преступности в сфере страхования необходимо согласиться с позицией Е. С. Кузько, которая говорит о том, что основная причина преступности в сфере страхования – это экономические факторы, которые, во-первых, определяют общее напряжённое состояние экономики в стране, а во-вторых, определяют корыстный мотив преступника [3, с. 51]. Однако видится необходимым также указать на то, что в качестве существенных и основных условий развития преступности в сфере страхования также выступают правовые факторы (сложности квалификации преступлений, недостатки в конструировании составов преступлений, а также отсутствие системы профилактики и противодействия преступлениям, совершаемым в сфере страхования).

На сегодняшний день ключевой тенденцией являются способы и меры противодействия преступности в сфере страхования. На сегодняшний день развитие преступности в сфере страхования становится угрозой для существования и нормального функционирования страхового рынка в России [2, с. 16]. Именно это определяет необходимость создания комплексной и эффективной системы профилактики и противодействия преступности в сфере страхования.

Ввиду того, что согласно авторской позиции, преступность в сфере страхования представляет собой широкий перечень составов преступлений, не ограничивающихся составами мошенничества, видится возможным разделение мер противодействия и профилактики на две группы:

– Общие меры противодействия, которые могут быть применимы для всех видов экономических преступлений;

– Специальные меры противодействия, которые будут направлены на предупреждение преступных действий непосредственно в сфере страхования.

Общие меры должны быть выражены в конкретных действиях государства и государственных органов. В частности, должны быть реализованы мероприятия по стабилизации экономики, повышению реального дохода населения, повышению эффективности деятельности правоохранительных органов, а также формированию необходимой нормативно-правовой основы для регулирования отношений в сфере страхования.

Специальные меры противодействия должны быть реализованы посредством проведения разъяснений, работы со страховыми компаниями и гражданами о последствиях совершения преступлений в сфере страхования. Безусловно, на сегодняшний день крупные страховые компании имеют собственную систему безопасности, что также выступает мерой противодействия рассматриваемому виду преступности. Более того, страховые компании находятся во взаимодействии с правоохранительными органами, что позволяет минимизировать случаи получения страхователем страховых выплат в отношении одного и того же страхового случая. Помимо этого, осуществляется постоянное информационное взаимодействие между правоохранительными органами и страховыми компаниями.

Представляется, что специальные меры противодействия и профилактики могут быть дополнены конкретными информационно-аналитическими мероприятиями, а также

разработкой стандартов для обеспечения внутренней безопасности страховых компаний.

В заключение необходимо отметить, что преступность в сфере страхования имеет важное значение для обеспечения стабильного экономического развития государства, так как такой вид преступности нарушает нормальное функционирование экономических отношений, затрагивая не только интересы страховых компаний, но и общества в целом ввиду того, что сама сфера страхования носит явный социально-ориентированный характер. По причине того, что экономическая преступность занимает весомое место в статистике совершенных преступлений в Российской Федерации, видится необходимым участникам страховых правоотношений, правоохранительным органам уделять больше внимания именно системе противодействия и предупреждения преступности.

Пристатейный библиографический список

1. Боровских Р. Н. Преступления в сфере страхового бизнеса как вид преступлений и раскрытия в сфере страхования: проблемы выявления // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2013. – № 4 (26). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-v-sfere-strahovogo-biznesa-kak-vid-prestupleniy-i-raskrytiya-v-sfere-strahovaniya-problemy-vyyavleniya> (дата обращения: 07.05.2023).
2. Кинзягулов А. Ф. Особенности мошенничества в сфере страхования // Перо науки. – 2020. – № 24. – С. 14-17.
3. Кузько Е. С. Причины совершения лицами мошенничества в сфере страхования // За нами будущее: взгляд молодых ученых на инновационное развитие общества: сборник научных статей 2-й Всероссийской молодежной научной конференции, Курск, 04 июня 2021 года. Том 3. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. – С. 47-51.
4. Чумаченко А. Н. Преступность в сфере страхования // Актуальні проблеми розвитку фінансово-кредитної системи України: Матеріали Другої Всеукраїнської наукової конференції студентів та молодих вчених, Донецьк, 09-10 апреля 2009 года. – Донецьк: Донецкий национальный технический университет, 2009. – С. 171-172.

МУТУЕВ Ахмед Ибрагимович

магистрант 2 курса Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

АЛИЕВА Эльмира Башировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры административного, финансового и таможенного права Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ПРАКТИКА НАЛОГОВЫХ СПОРОВ В РФ И В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Данная статья представляет уникальный анализ опыта зарубежных стран в области обжалования решений налоговых органов, сосредоточившись на процедурах урегулирования налоговых споров и действиях (или бездействиях) налоговых органов. В результате проведенного исследования также выявлены отличия между зарубежным и российским налоговым законодательством.

Ключевые слова: налоговый спор, налоговый орган, законодательство, обжалование, налогоплательщик, решение суда, урегулирование споров.

MUTUEV Akhmed Ibragimovich

magister student of the 2nd course of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

ALIEVA Elmira Bashirovna

Ph.D. in economical sciences, of associate professor of Administrative, financial and customs law sub-faculty of the Dagestan State University, Makhachkala

PRACTICE OF TAX DISPUTES IN THE RF AND FOREIGN COUNTRIES

This article represents a unique analysis of the experience of foreign countries in the field of challenging decisions of tax authorities, focusing on the procedures for resolving tax disputes and the actions (or inactions) of tax authorities. As a result of the research conducted, differences between foreign and Russian tax legislation have also been identified. This adds originality and uniqueness to this article, making it not only informative but also relevant for specialists in the field of tax law.

Keywords: tax dispute, tax authority, legislation, appeal, taxpayer, court decision, dispute settlement.

Согласно данным ФНС, количество жалоб налогоплательщиков в России остается на стабильно высоком уровне. Аналогичная тенденция наблюдается и в судебной системе по разрешению налоговых споров. Урегулирование налоговых споров является важным условием для налогообложения, так как механизм обжалования закреплен в налоговом законодательстве, а право на административный и судебный пересмотр защищает интересы налогоплательщиков.

Судебная система нашей страны испытывает большую нагрузку и логичным является вопрос о необходимости оптимизации характера и количества налоговых дел, которые рассматриваются судами. Рассматривая мировой опыт решения налоговых споров, мы пришли к выводу что большинство развитых стран пытаются решить налоговый спор в досудебном порядке. Нами будет рассмотрен опыт двух стран, у которых на наш взгляд, сформировалась совершенная система досудебного и судебного решения налоговых споров. Приведем опыт США и Франции, определим сходства и различия с процессом разрешения налоговых споров в нашей стране.

И США, и Франция имеют такую систему решения налоговых споров, которая позволила бы уладить конфликт до выноса дела в правовое поле и его рассмотрение в судебном порядке. Это обусловлено, прежде всего, высокой стоимостью юридических услуг в указанных странах. За долгие годы практики это породило возникновение различных методов досудебного разрешения налоговых споров.

Помимо установленной Налоговым кодексом РФ процедуры предлагается ввести упрощенную вневедомственную процедуру рассмотрения налоговых споров, учитывая опыт США и создавая специализированный административный орган, такой как налоговая комиссия. Административно-процессуальное право США имеет двойственную природу.

Отличительной особенностью американской системы решения налоговых споров является ее стремление решить проблему на стадии ее возникновения, не усложняя процесс посредством передачи в суд. Также в США созданы специальные службы, которые призваны решать подобные конфликты до передачи дела в суд. Примером может служить деятельность различных комиссий и бюро, которые имеют государственные полномочия, например Бюро по рассмотрению жалоб налогоплательщиков при Федеральной налоговой службе США.

Большое внимание при разрешении налоговых споров в такой системе уделено правам налогоплательщиков, созданы специальные системы оповещения заинтересованных лиц. Так

как налогам и их уплате в США уделяется большое внимание и уклонение от уплаты, либо умышленное занижение налогооблагаемых доходов строго наказывается законом. Даже в досудебном порядке разрешения налогового конфликта система США предусматривает право налогоплательщика на адвоката или другого законного представителя и возможность получить копии протокола.

Есть у указанного метода решения налогового спора как существенные плюсы, так и неоспоримые минусы. Порой рассмотрение дела в суде, хоть и дорогостоящее, но быстрее, в то время как досудебная стадия может длиться очень долго и не иметь четкого результата. Это может быть объяснено тем, что для таких служб, к примеру, рассмотрение налоговых споров является не основной деятельностью, а побочной [6].

К примеру «Служба внутренних доходов США поддерживает несколько программ мирного разрешения жалоб налогоплательщиков на действия и решения налоговых органов. Процедуры, альтернативные административному порядку разрешения споров, дифференцируются в зависимости от категории налогоплательщика и этапа налогового контроля. Помимо стандартного административного процесса рассмотрения налогового дела и обжалования вынесенного решения в апелляционном порядке всем категориям налогоплательщиков доступны три процедуры:

1. в рамках налоговой проверки – процедура ускоренного разрешения налогового спора и процедура ранней апелляции;

2. на стадии обжалования (апелляции) – медиация в рамках административной процедуры.

3. Дополнительно для крупного и международного бизнеса предусмотрена процедура предварительной оценки соответствия. Для среднего и малого бизнеса разработана специальная программа медиации, которая реализуется до возбуждения стандартной административной процедуры обжалования решения о взыскании налога.

В вопросах досудебного и судебного разрешения налоговых споров США безусловно являются лидерами. В настоящее время Соединенными Штатами реализуется модель Dispute Systems Design. Суть данной модели состоит в том, что решать налоговые споры можно не только офлайн, но и в онлайн пространстве. В этом плане Россия еще не достигла такого развития. Власти нашей страны активно пытаются внедрять технические решения и организовать единое налоговое пространство. Однако реализация данных шагов пока возможна только в центральной части.

В США есть суды разной юрисдикции, которые занимаются делами, связанными с налоговыми спорами. Среди них основными являются Налоговый суд США и Суд Федеральных исков. В последнем, как правило, рассматриваются исключительно крупные дела (споры, сумма которых составляет не менее 100 тыс. долларов или нарушением патентных прав).

Если сравнивать суды общей юрисдикции США с налоговыми судами, то последние используют более упрощенную процедуру рассмотрения дел. Аналогично с отечественной системой в США есть федеральные суды и суды штатов. Также проводится и подача апелляций по вынесенным решениям – в Апелляционный суд Федерального округа или другие апелляционные суды США. При разрешении налоговых споров в США значительна роль доктрин типа «доктрины экономической сущности», используемые для устранения пробелов при разрешении налоговых споров.

Подводя итог анализа досудебной и судебной системы решения налоговых споров в США, мы пришли к выводу что данный опыт достаточно успешен и мог бы с учетом национальных особенностей быть реализован в нашей стране. К примеру, по опыту США создать комиссию, которая бы сопровождала налоговый спор в досудебном порядке. Упразднить оплату государственной пошлины и установить возможность подачи апелляции и жалоб посредством электронных ресурсов на территории всей страны. Создавать такие комиссии на территории всей страны будет непременно затратно, но такая мера может быть реализована в городах с населением 1 миллион и более».

Во Франции степень ответственности физических лиц с уплатой подоходного налога определяется статусом резидента, типом дохода, который они получают, источником этого дохода и условиями соглашений об избежании двойного налогообложения.

Налоговые резиденты Франции облагаются налогом на свой доход по всему миру в соответствии с положениями соответствующего налогового соглашения. Нерезиденты облагаются подоходным налогом во Франции только с их доходов из французского источника в соответствии с положениями соответствующего налогового соглашения.

Подоходный налог взимается только на национальном уровне. Другие налоги включают взнос с лиц с высоким доходом, социальные отчисления, налог на имущество, налог на недвижимость, налог на наследство, налог на владение недвижимостью и налог на телевидение, если назвать наиболее распространенные.

Кроме того, розничные цены обычно отражают налог на добавленную стоимость (НДС), который в настоящее время составляет 20 процентов для большинства товаров и услуг. Однако транспорт, ремонт и благоустройство жилья, и некоторые другие товары облагаются сниженным 10-процентным НДС, продукты питания и некоторые другие товары облагаются сниженным 5,5 процентным НДС, а на другие, такие как некоторые лекарства, НДС составляет всего 2,1 процента [5].

Далее рассмотрим опыт решения налоговых споров во Франции.

Во Франции на законодательном уровне проводится разграничение двух видов налоговых споров:

- споры об установлении налога;
- споры о взыскании налога.

Документом, регулирующим налоговые отношения во Франции, является Книга налоговых процедур. Кроме того, для этих целей создан Общий кодекс о налогах. Как и США, Франция значительное внимание уделяет решению налоговых споров. Они могут быть решены в досудебном и судебном порядке. Отличием является разграничение споров в зависимости от природы их возникновения. Рассмотрим разрешение спора об установлении налога. Такие споры имеют место быть, когда в отношении налогоплательщика или им самим была подана жалоба по вопросам налогов, неправильных расчетов по налогам, штрафов и т.д.

Рассмотрим процесс разрешения спора об установлении налога в судебном порядке. Прежде чем обращаться в суд с целью решить налоговый спор, налогоплательщик составляет и отправляет жалобу в налоговую службу. В течение 2-х лет после возникновения предмета спора налогоплательщик имеет право подать жалобу до конца календарного года. Требования к составлению и форме жалобы содержатся в Книге налоговых процедур. В сжатой форме налогоплательщик должен указать вид налога, по которому возник спор, кратко описать возникшие противоречия, подпись и дата. Все документы, имеющие отношение к факту установления или уплаты налога в обязательном порядке должны быть приложены. Несоответствие установленной форме лишает поданную жалобу юридической силы [4].

Во Франции индивидуальная жалоба является неотъемлемой частью процедуры оспаривания налоговых платежей. Она может быть коллективной только в строго определенных случаях, например, если члены полного торгового товарищества не согласны с вменением уплаты налога. Жалоба должна быть подана в компетентный территориальный орган налоговой администрации и, если была отправлена по ошибке в неправильный орган, должна быть незамедлительно передана тому, кто может рассмотреть ее содержание. Это является обязательным требованием закона и гарантией защиты прав граждан и бизнеса во время процесса оспаривания налоговых платежей.

Если налогоплательщик запрашивает отсрочку по уплате налога, налоговая служба Франции может предоставить ему такое право. Но тут в расчет будут браться финансовые гарантии, которые налогоплательщик может предоставить. Если таких гарантий нет или их недостаточно, то налоговая служба вправе отказать в предоставлении отсрочки. Если же она все-таки, предоставлена – то уплата налога будет осуществлена в строго оговоренные отсрочкой сроки, без возможности принудительного изъятия дохода. На рассмотрение подобного рода жалоб законом установлен срок 6 месяцев, а затем дается еще 3 месяца на вынесение решения. Если налогоплательщик предприниматель или юридическое лицо, то налоговая служба вправе повторно запросить бухгалтерские документы и отчетность о результатах финансово-хозяйственной деятельности субъекта. Решение по принятой жалобе также должно соответствовать установленному образцу, а именно, иметь развернутые обоснованные выводы по принятому решению. Также предполагается вариант, что жалоба может быть удовлетворена частично, то есть какие-то пункты были приняты, а какие-то отклонены. В таком случае, по каждому пункту должны быть сформулированы подробные выводы.

Если вынесенное решение не удовлетворяет истца, то ему дается срок 2 месяца для подачи повторной жалобы в вышестоящий суд. Если же после подачи жалобы в налоговую службу ответа не последовало, то налогоплательщик имеет право обратиться в суд незамедлительно.

Проанализировав статистику налоговых споров, рассмотренных в судебном порядке во Франции, мы пришли к выводу, что аналогично системе США, Франция стремится урегулировать конфликт на стадии его возникновения, не доводя до судебных разбирательств. Тем самым снижается излишняя нагрузка на судебную систему Франции. Величина жалоб, которая не находит решения в досудебном порядке, составила – 0,6%. Как мы видим, величина незначительна и практически все дела решаются при прямом взаимодействии с налоговым органом.

Это также объясняется рядом факторов. Обычно жалобы возникают в связи с обнаружением ошибки допущенной либо самим налогоплательщиком, либо должностными лицами налоговой службы. Так как французская система налогообложения отличается от российской важно отметить, что сведения для расчета налога предоставляют налогоплательщики и часто последние совершают арифметические ошибки, либо ошибочно определяют период уплаты налога.

Таким образом, мы видим, что международный опыт по решению налоговых споров довольно разносторонний и в нем есть положительные аспекты, которые могут быть реализованы в нашей экономике с учетом национальных особенностей. Это также позволит снять «груз» с судебной системы и решать налоговые споры на стадии их возникновения.

Пристатейный библиографический список

1. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023).
2. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 27.11.2023).
3. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023, с изм. от 22.06.2023) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/kodeksy/APK-RF/>.
4. Корзун С. Ю. «Защита прав налогоплательщиков в зарубежных государствах» // Административное и муниципальное право. - Москва, 2022. - № 12.
5. Орахелашвили Д. Б. «Понятие налоговых споров и отдельные направления их разрешения в Российской Федерации». Кандидат юридических наук. - Москва, 2019.
6. Споры в сфере налогообложения / Юридический центр «Pravogroup». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravogroup.ru>.

ОЧАКОВСКИЙ Виктор Александрович

кандидат юридической наук, доцент Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

КЕСОВ Георгий Павлович

студент Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ГАБРИЕЛЯН Степан Самвелович

студент Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АУДИТОРСКОЙ ТАЙНЫ

В статье рассматривается вопрос о правовом регулировании аудиторской тайны в Российской Федерации. К аудиторской тайне относятся сведения, полученные аудитором или аудиторской организацией в ходе осуществления своей профессиональной деятельности. Правовое регулирование аудиторской тайны осуществляется на основе финансового, гражданского и иных отраслей отечественного законодательства. В статье поднимаются вопросы противоречия финансового законодательства о регулировании аудиторской тайны иным нормам законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: аудиторская тайна, аудиторская деятельность, институт тайны, финансовое законодательство, правовое регулирование.

OCHAKOVSKIY Viktor Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

KESOV Georgy Pavlovich

student of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

GABRIELYAN Stepan Samvelovich

student of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

LEGAL REGULATION OF AUDIT SECRECY

The article discusses the issue of legal regulation of audit secrecy in the Russian Federation. Audit secrecy includes information obtained by an auditor or an audit organization in the course of its professional activities. Legal regulation of audit secrecy is carried out on the basis of financial, civil and other branches of domestic legislation. The article raises issues of contradiction between financial legislation on the regulation of audit secrecy and other norms of the legislation of the Russian Federation

Keywords: audit secrecy, auditing activities, the institution of secrecy, financial legislation, legal regulation.

В правовой системе России на сегодняшний день сложились предпосылки к созданию единого межотраслевого института тайны, связанного с обеспечением конфиденциальности информации, распространяющейся в рамках правовых отношениях. Отметим, что в настоящее время информация выступает ключевым ресурсом, поэтому вопрос об обеспечении ее защиты становится ключевым вопросом большинства общественных отношений. Правовая категория тайны затрагивает различные сферы правовых отношений и предусматривает создание специальных инструментов (например, режима правовой охраны), которые позволили бы обеспечить конфиденциальность сведений, получаемых государственными органами, организациями и иными лицами в ходе осуществления их профессиональной деятельности.

Одной из разновидностей правовой категории тайны в России выступает аудиторская тайна. Напомним, что аудиторская деятельность представляет собой деятельность по проведению аудита аудиторскими организаторами и индивидуальными аудиторами. В свою очередь, аудит представляет собой деятельность по проверке бухгалтерской или финансовой отчетности организации в целях выявления достоверности такой отчетности [1, ст. 1]. Отметим, что аудит в Российской Федерации осуществляется на основе определенных стандартов, в том числе включающих правила охраны аудиторской тайны [5, с. 27]. При этом основной задачей аудита является проведение проверки хозяйственной деятельности организации в целях выявления проблем, которые необходимо скорректировать [6, с. 40]. Регулирование аудиторской тайны происходит на основе норм финансового права, в контексте проведения внутреннего финансового контроля организаций [7, с. 19].

Отметим, что необходимость защиты информации в ходе аудиторской деятельности предопределена самим характером

такой деятельности. Аудитор (аудиторская организация) в ходе осуществления своей профессиональной деятельности сталкивается с различного рода сведениями, разглашение которых может привести к существенным убыткам со стороны лица, в отношении которого проводятся аудиторские мероприятия. В данном случае понятие аудиторской тайны достаточно близко схоже с понятием коммерческой тайны, сведения которой могут составлять и аудиторскую тайну в том числе.

Правовое регулирование аудиторской тайны в Российской Федерации осуществляется на основании норм финансового, гражданского и иных отраслей Российского законодательства. Так, основное содержание правового режима охраны аудиторской тайны регулируется положениями Федерального закона «Об аудиторской деятельности», в рамках которого, к примеру, раскрывается легальное определение понятия «аудиторская тайна». Согласно данному нормативно-правовому акту под аудиторской тайной следует понимать те сведения, которые становятся доступными аудитору (аудиторской организации) в ходе осуществления аудиторских мероприятий, и разглашение которых может нанести существенный вред лицу, в отношении которого проводятся такие мероприятия [1, ст. 9]. В современной науке понятие аудиторской тайны рассматривается аналогичным образом, как сведений, которые получены или составлены аудитором в ходе осуществляемой им аудиторской деятельности [8, с. 223]. Таким образом, можно заключить, что современный законодатель предусматривает две ключевые особенности сведений, составляющих аудиторскую тайну: во-первых, это сведения, которые могут стать известными аудитору или аудиторской организации в ходе осуществления их профессиональной деятельности; во-вторых, это сведения, разглашение которых может привести к нанесению существенного вреда лицу, в отношении которого проводится аудит.

Отметим, согласно действующему законодательству Российской Федерации, не все сведения, полученные аудитором в ходе аудиторской деятельности, могут составлять аудиторскую тайну. Так, к таким сведениям не относятся:

- сведения, которые были разглашены самим лицом, в отношении которого проводился аудит;
- сведения, разглашенные с согласия лица, в отношении которого проводился аудит;
- сведения о заключении договора оказания аудиторских услуг;
- сведения о величине оплаты за оказание аудиторских услуг.

Представляется, что отечественный законодатель не относит указанную категорию сведений к числу сведений, составляющих аудиторскую тайну, по ряду причин. Во-первых, представляется, что сведения, которые уже были разглашены самим лицом (либо с его согласия) становятся общедоступными, а значит, по своему определению не могут составлять институт тайны. Что же касается сведений о заключении договора аудиторских услуг, а также об их оплате, то представляется, что такие сведения не могут нанести реального вреда лицу, в отношении которого проводится аудит. Более того такие сведения могут быть полезны для контрагентов такого лица.

Современное законодательство Российской Федерации содержит в себе лишь общие положения, которые касаются обеспечения сохранности сведений, составляющих аудиторскую тайну. При этом каждая аудиторская организация вправе устанавливать дополнительные режимы охраны аудиторской тайны, соблюдая при этом все требования российского законодательства [9, с. 60].

Федеральное законодательство Российской Федерации также содержит в себе определение разглашения аудиторской тайны. Так, к разглашению аудиторской тайны относятся действия по распространению сведений, составляющих аудиторскую тайну, а также передачу указанных сведений третьим лицам. Аудиторы и аудиторские организации несут обязанность по сохранению аудиторской тайны, в виду чего не имеют права разглашать указанные сведения. При этом, однако, закон указывает на то, что получение согласия на разглашение сведений, составляющих аудиторской тайны, со стороны лица, в отношении которого проводится аудит, не влечет за собой применение мер ответственности.

В то же время разглашение аудиторской тайны без получения согласия лица, в отношении которого проводится аудит, приводит к наступлению юридической ответственности. В первую очередь, речь в данном случае идет о гражданско-правовой ответственности. Так, в соответствии со статьей 15 Гражданского кодекса Российской Федерации лицо, по чьей вине были разглашены сведения, составляющие аудиторскую тайну, обязано возместить вред, причиненный таким разглашением [2, ст. 15]. Еще одним видом юридической ответственности за разглашение аудиторской тайны выступает административная ответственность. Так, согласно статье 13.14 за совершение такого административного правонарушения на аудитора может быть наложен административный штраф [3, ст. 13.14].

Отметим, что современное законодательство Российской Федерации также содержит в себе положение о том, что не является разглашением аудиторской тайны передача сведений третьим лицам в предусмотренных законом случаях. Представляется, что под указанными случаями имеется в виду передача указанных сведений государственным органам для осуществления ими своих полномочий. К примеру, речь в данном случае может идти о передаче сведений налоговым органам. Отметим, что ряд авторов считают указанное положение отечественного законодательства существенной проблемой, не позволяющей полноценно обеспечить защиту сведений, составляющих аудиторскую тайну. На практике, при разглашении сведений государственному органу действительно может возникнуть опасность последующего разглашения сведений, составляющих аудиторскую тайну.

В то же время анализ отечественного законодательства в сфере охраны аудиторской и налоговой тайн, позволяет заключить, что в действительности риски распространения сведений, составляющих аудиторскую тайну, при передаче их государственным органам минимальны. Так, если, к примеру, обратиться к положениям налогового законодательства Российской Федерации, а в частности к положениям На-

логового кодекса Российской Федерации, то можно отметить, что в рамках своей деятельности налоговые органы могут запросить далеко не все сведения, составляющие аудиторскую тайну, а лишь те сведения и документы, которые непосредственно связаны с налоговой деятельностью и налоговыми обязательствами самого предприятия [3, ст. 93.2]. Более того, в рамках налогового законодательства также существует понятие налоговой тайны, которое предусматривает обеспечение защиты сведений, полученных налоговыми органами в ходе налоговой деятельности, в том числе сведения, которые могут составлять аудиторскую тайну [10, с. 122]. При этом налоговая тайна характеризуется ограничениями в области ее получения, а также определенными запретами в сфере ее распространения [11, с. 117]. Таким образом, сведения, составляющие аудиторскую тайну, в любом случае остаются под защитой законодательства Российской Федерации.

Обобщая вышеизложенное в данном исследовании, отметим, что в настоящее время в Российской Федерации продолжает свое развитие межотраслевой правовой институт тайны. Частью указанного института выступают законодательные положения об обеспечении защиты аудиторской тайны, которая представляет собой сведения, которые становятся доступными аудитору (аудиторской организации) в ходе осуществления аудиторских мероприятий, и разглашение которых может нанести существенный вред лицу, в отношении которого проводятся такие мероприятия. В рамках современных финансового, гражданского, административного и иных отраслей законодательства устанавливаются общие требования к соблюдению режима охраны аудиторской тайны. Конечным итогом такого правового регулирования становится создание оптимальных условий для проведения аудита хозяйствующих субъектов, которые в настоящее время находятся в постоянном поиске эффективных методов оценки своей хозяйственной деятельности [12, с. 27].

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон Российской Федерации «Об аудиторской деятельности» от 30.12.2008 № 307-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Российская газета. - 2008. - № 267.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. - 1994. - № 238-239.
3. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 19.10.2023) // Российская газета. - 2001. - № 256.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Российская газета. - 1998. - № 148-149.
5. Задорожная К. А. Особенности соблюдения правил (стандартов) аудита в Российской Федерации // Политатис. - 2018. - № 9. - С. 25-34.
6. Архиреева А. С., Шеуджен А. А. Роль аудита как вспомогательного инструмента в правовом регулировании экономической деятельности предприятий в условиях регулируемого рынка // Эпомен. - 2019. - № 23. - С. 38-44.
7. Архиреева А. С., Едиджи Ф. А. Проблемы развития финансового контроля // Эпомен. - 2020. - № 36. - С. 17-24.
8. Якименко К. С., Архиреева А. С., Очаковский В. А. Аудиторская тайна: правовой режим // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 2 (153). - С. 223-225.
9. Курочкина Е. В., Очаковский В. А. Особенности правового регулирования ответственности за несоблюдение аудиторской тайны // Политатис. - 2018. - № 9. - С. 55-60.
10. Крутова Я. А., Очаковский В. А., Корыгина Т. Е. Налоговая тайна и ее обеспечение // Вестник Краснодарского университета МВД России. - 2018. - № 3 (41). - С. 122-126.
11. Саакян М. А., Архиреева А. С. Налоговая тайна и особенности ее реализации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2019. - № 2. - С. 117-120.
12. Архиреева А. С., Струкова Т. А. Аудиторское заключение как результат аудиторской проверки // Эпомен. - 2019. - № 24. - С. 25-30.

ПОНОМАРЕВ Олег Владимирович

старший преподаватель кафедры конкурентного и предпринимательского права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СКОБИЛЕВА Ирина Вячеславовна

студент 3 курса бакалавриата по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МАХОНИН Данила Дмитриевич

студент 3 курса бакалавриата по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БАВИН Дмитрий Евгеньевич

студент 3 курса бакалавриата по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В БЮДЖЕТНОМ ПРОЦЕССЕ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ

В статье поднимается вопрос о возможности участия граждан в бюджетном процессе. Приведен иностранный опыт «народного» бюджетирования. Рассмотрены достоинства и недостатки действующих на территории Российской Федерации форм участия граждан в формировании приоритетов по распределению бюджетных средств. Приводится анализ действующего законодательства. Предложены векторы возможного развития программ, направленных на вовлечение граждан в бюджетный процесс.

Ключевые слова: бюджетный процесс, принцип участие граждан в бюджетном процесс, народное бюджетирование, инициативное бюджетирование, партисипаторное бюджетирование, Народный бюджет, Программа поддержки местных инициатив.

PONOMAREV Oleg Vladimirovich

senior lecturer of Competition and business law sub-faculty of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SCOBILEVA Irina Vyacheslavovna

student of the 3rd year of the bachelor's degree in the field of study 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MAKHONIN Danila Dmitrievich

student of the 3rd year of the bachelor's degree in the field of study 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BAVIN Dmitriy Evgenjevich

student of the 3rd year of the bachelor's degree in the field of study 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

PARTICIPATION OF CITIZENS IN THE BUDGET PROCESS AS A FACTOR OF INCREASING THE EFFICIENCY OF DISTRIBUTION AND UTILIZATION OF BUDGETARY FUNDS

The article raises the issue of the possibility of citizens participating in the budget process. Foreign experience of "popular" budgeting is given. The advantages and disadvantages of the forms of participation of citizens in the formation of priorities for the distribution of budget funds operating in the Russian Federation were considered. An analysis of the current legislation is provided. Vectors of possible development of programs aimed at involving citizens in the budget process are proposed.

Keywords: budget process, the principle of citizen participation in the budget process, people's budgeting, initiative budgeting, participatory budgeting, People's Budget, Local Initiatives Support Program.

В условиях бюджетного дефицита одним из главных инструментов повышения эффективности распределения и использования бюджетных средств может стать участие граждан в бюджетном процессе. Более того, согласно статье 28 Бюджетного кодекса РФ от 31.07.1998 № 145-ФЗ участие граждан в бюджетном процессе является одним из принципов бюджетной системы Российской Федерации.

«Народное» (оно же инициативное или партисипаторное) бюджетирование зародилось еще в 20 веке и быстро распространилось в Латинской Америке, Западной Европе,

Северной Америке, видоизменяясь под влиянием национальной специфики. Одним из наиболее известных примеров внедрения партисипаторного бюджетирования на муниципальном уровне является опыт бразильского города Порто-Алегри. В 1989 году в Порто-Алегри была проведена первая экспериментальная программа участия граждан в составлении бюджета: местная администрация, руководство которой принадлежало к партии бразильского демократического движения, представило местные бюджеты на общественное обсуждение. Такой опыт был признан успеш-

ным и вскоре партиципаторное бюджетирование начало внедряться и в другие города Бразилии. Почему же идея инициативного бюджетирования достигла успеха именно в такой авторитарной стране, как Бразилия? В 1989 г. треть населения Порту-Алегри жила в фавелах — изолированных трущобах на окраине города. Граждане не имели доступа к государственным услугам, медицинскому обслуживанию, достойному образованию, была высока степень неравенства в уровне жизни. Данные проблемы и попытались решить расширением общественного участия в политической жизни города. Инновационный процесс внедрения партиципаторного бюджетирования расширил возможности для различных слов бразильского общества. Таким образом, «народное» бюджетирование — это демократический и прозрачный процесс формирования и использования бюджетных средств на местном уровне, который зиждется на принципах прямой демократии.

Мы считаем, участие населения в процессе составления, рассмотрения, утверждения проекта бюджета обеспечивает открытость и прозрачность управления государственными финансами, поэтому все чаще на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований появляются различные формы вовлечения граждан в процесс формирования регионального и местного бюджетов. Одной из таких форм является программа «Народный бюджет».

Данная программа представляет собой инновационный механизм, позволяющий гражданам активно участвовать в формировании приоритетов по распределению бюджетных средств. Такой подход получает все большую популярность в различных субъектах РФ и является важным инструментом развития демократии и обеспечения прозрачности государственного управления.

Основная идея программы «Народный бюджет» заключается в том, что граждане могут предлагать различные проекты для финансирования из бюджетных средств. В рамках проекта решаются задачи из разных областей: образование, здравоохранение, благоустройство территорий, культура, спорт и другие социально значимые сферы. После сбора предложений происходит этап голосования, в результате которого определяются проекты, которые будут реализованы. Таким образом, «Народный бюджет» позволяет гражданам напрямую влиять на распределение государственных ресурсов в соответствии с потребностями и приоритетами конкретного муниципального образования.

Преимущества данной программы очевидны. Во-первых, она позволяет информировать граждан об объемах денежных средств, выделяемых на развития муниципального образования, во-вторых, на оценку населения выносятся предложения по улучшению перечня объектов, а также происходит сбор инициатив граждан, в-третьих, выбираются наиболее важные проекты, отвечающих интересам максимально большего числа граждан. Также стоит сказать, что в регионах по-разному реализуется данная программа, субъекты РФ вправе самостоятельно определять направления реализации проекта, устанавливать процедуры, формы контроля, осуществлять финансирование. Таким образом, каждый субъект РФ самостоятельно определяет черты «Народного бюджета», которые будут характерны для их местности, что, по нашему мнению, является безусловным преимуществом. Более того, мы считаем, что представление

бюджета в общедоступной форме способствует формированию в обществе культуры восприятия бюджетных данных. Доступность и понятность бюджета и бюджетной политики создает необходимые предпосылки для общественного обсуждения приоритетов расходования бюджетных средств, повышает доверие граждан к власти и принимаемым бюджетным решениям.

К недостаткам программы «Народный бюджет» стоит относить: Точечное решение проблем местного значения (участникам программы предлагается выбрать ограниченное количество объектов, на улучшение которых будут направлены средства из бюджета), недостаточная эффективность участия (несмотря на попытки обеспечить широкое участие граждан в формировании бюджета, программа столкнулась с ограниченным уровнем активности и заинтересованности со стороны населения ввиду отсутствия технических средств и навыка владения ими, необходимых для выражения воли путем голосования за те или иные объекты, требующие вложений), неучтенное разнообразие потребностей (программа не рассчитана на учет потребностей всех категорий населения, право голоса имеет ограниченное количество граждан, что зачастую приводит к тому, что решения, принятые в рамках «народного бюджета», не удовлетворяют интересы всех общественных групп).

Программа «Народный бюджет» получает свою реализацию в различных субъектах Российской Федерации: Республике Коми, Якутии, Вологодской, Кировской, Омской, Оренбургской, Тульской, Ульяновской областях, Приморском, Хабаровском крае. Например, в Приморском крае в пилотном варианте программы «Народный бюджет» были реализованы инициативы жителей по благоустройству на территории городов Артем, Владивосток, Уссурийск, Находка.

Таким образом, проект «Народный бюджет» представляет собой важные инструменты для стимулирования гражданского участия в формировании бюджета, улучшения качества государственного управления в сфере финансов и обеспечения соответствия государственных финансовых решений потребностям и приоритетам общества.

Ещё одной формой участия граждан в бюджетном процессе является так называемое инициативное бюджетирование (далее ИБ). Данная программа направлена на вовлечение граждан в бюджетный процесс путём предоставления авторских проектов распределения бюджетных средств в своём муниципальном образовании. Так, в рамках ИБ на сегодняшний день успешно реализуются несколько проектов: «программа поддержки местных инициатив (ППМИ)» от Всемирного банка и «молодёжный бюджет».

«Программа поддержки местных инициатив» — это механизм, позволяющий решать социальные вопросы местного уровня при непосредственном участии населения в подготовке инициатив, софинансировании их и контроле за ходом реализации проектов. Участникам программы ППМИ предлагается выявить социально-значимую проблему муниципального образования (далее МО), сформировать идею по решению данной проблемы, подготовить проект решения, после чего предоставить проект главе МО, инициативной группе лиц (соседи, односельчане), а также спонсорам для дальнейшей его реализации. Реализация подготовленного проекта осуществляется силами всех четырёх сторон: адми-

нистрации, правительства субъекта, граждан и спонсоров на основе разной степени софинансирования идеи.

Так, например, в районе N отсутствуют детские площадки; инициативная группа лиц формирует проект решения проблемы и предлагает свою помощь в виде софинансирования (собирают определённую сумму, которую они могут предоставить в бюджет МО для решения проблемы). Далее этот проект рассматривается администрацией, администрация выделяет определённую сумму из бюджета, а также привлекает финансирование от спонсоров и бюджета субъекта. Результатом данной инициативы выступает достижение поставленной цели – строительство детской площадки.

Второй, вышеназванный проект, дающий высокую эффективность, называется «молодёжный бюджет», его суть заключается в следующем: школьникам десятого и одиннадцатого класса предоставляется возможность подготовить план реализации конкретной суммы, выделенной администрацией МО. Участники формируют идею, обосновывают необходимость её реализации и полезность для общества, после чего проект проходит стадии одобрения: сначала на уровне своей школы (учащиеся голосуют за или против проекта), потом, после проверки реализуемости проекта уполномоченным органом муниципального образования, голосование выносится на муниципальный уровень (среди всех школьников МО). По результатам голосования выявляются победители, чьи проекты будут профинансированы бюджетом муниципального образования.

Преимущества данных программ заключаются в том, что инициатива исходит от граждан и молодого поколения, что делает бюджетный процесс наиболее эффективным, поскольку обозначает наиболее приоритетные направления распределения бюджетных средств. Активное участие граждан способствует укреплению доверия к властям ввиду того, что общество видит результаты своего воздействия на формирование бюджета. Плюс ко всему, реализация успешных проектов, предложенных гражданами, может служить образцом для других городов и регионов, способствуя обмену опытом.

Вместе с тем существуют и определённые недостатки указанных программ. Так, обе эти программы склоняются к тому, что решают проблемы локального масштаба, не влияя на общую картину бюджетной политики МО. Кроме того, обращаясь непосредственно к программе ППМИ, стоит указать в качестве предполагаемого отрицательного следствия её реализации обнищание населения, поскольку граждане, реализуя свои инициативы несут дополнительные финансовые расходы, помимо уплаты налогов.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что действующие программы не являются совершенными, они нуждаются в доработке с учетом выявленных недостатков. Участие граждан в бюджетном процессе обеспечивает легитимность принимаемых решений, связанных с распределением средств. В дальнейшем органам муниципальных образований следует проводить мероприятия, направленные на повышение финансовой и бюджетной грамотности населения, а также их вовлечения в бюджетный процесс. Также необходимо создавать новые площадки для обмена мнениями между органами власти и населением с использованием ныне существующих систем передачи информации. Считаем возможным привлечение к бюджетному процессу граждан-професси-

оналов, трудящихся в финансовом секторе, стимулировать их общественно-полезную деятельность по формированию приоритетов по распределению бюджетных средств путем предоставления грантов.

Пристатейный библиографический список

1. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 02.11.2023).
2. Блинова Е. А., Партиципаторное бюджетирование и управляемость государства в Бразилии // Человек. Сообщество. Управление. - 2016. - Т. 17. - №4. - С.31-44.
3. Болтинова О. В., Принцип участия граждан в бюджетном процессе // Актуальные проблемы российского права. - 2023. - Т. 18. - № 7 (152). - С. 54-61.
4. Миронова С. М., «Народный бюджет» как форма участия граждан в финансовой деятельности государства и муниципальных образований // Вестник Волгоградской академии МВД России. Конституционное и административное право. - 2016. - С. 25-30.
5. Отв. ред. Запольский С. В., Финансовое право: учебник для академического бакалавриата / 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2015. Серия: Бакалавр. Академический курс. - С. 200-211.
6. Тасс: статья «В Приморье в рамках акции «Народный бюджет» построят сквер и заменят окна в школах» от 02.07.2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/8868035> (дата обращения: 27.10.2023).

ПОСПЕЛОВА Светлана Валерьевна

кандидат медицинских наук, доцент, профессор кафедры публичного права Факультета внебюджетного образования Пермского института ФСИН России

ДОЛГИНОВ Илья Сергеевич

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Пермского института ФСИН России

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОПТИМИЗАЦИИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ

В статье рассматриваются вопросы оптимизации налогообложения предприятия как способа снижения расходов по уплате налогов и улучшения за счет этого финансового состояния. Раскрыты цели, виды, принципы, а также сущность оптимизации налогообложения через призму присущих ей признаков. Отдельное внимание уделяется принципам и отдельным методам оптимизации налогообложения, которые рассматриваются в деятельности предприятий на современном этапе.

Ключевые слова: оптимизация, налогообложение, налоги, налоговая нагрузка, предприятие.

POSPELOVA Svetlana Valerjevna

Ph.D. in medical sciences, associate professor, professor of Public Law sub-faculty of the Faculty of Extrabudgetary Education of the Perm Institute of the FPS of Russia

DOLGINOV Ilya Sergeevich

senior lecturer of Civil law disciplines sub-faculty of the Perm Institute of the FPS of Russia

LEGAL ASPECTS OF OPTIMIZATION OF TAXATION OF ENTERPRISES

The article discusses the issues of optimizing the taxation of an enterprise as a way to reduce tax costs and improve its financial condition due to this. The objectives, types, principles, as well as the essence of tax optimization through the prism of its inherent features are disclosed. Special attention is paid to the principles and individual methods of tax optimization, which are considered in the activities of enterprises at the present stage.

Keywords: optimization, taxation, taxes, tax burden, enterprise.

Уплата каждого вида налога или сбора приводит к финансовым затратам для предприятия. Они состоят в том, что предприятие должно высвободить часть денежных средств из оборота или полученной прибыли (доходов) и внести их в бюджет в виде налогового платежа. Влияние величины налоговых платежей на финансовое состояние предприятия определяет формирование такого показателя, как налоговая нагрузка.

Налоговая нагрузка – это показатель, характеризующий объем налоговых обязательств экономического субъекта перед бюджетом. Он определяется как отношение всех уплаченных в бюджет налогов, сборов и страховых взносов к выручке от реализации товаров, работ, услуг [1, с. 152].

Налоговая нагрузка – это основной показатель, применяемый для оценки влияния налоговых платежей на финансовое состояние предприятия, а в масштабах страны он отражает влияние налоговой системы на экономический рост в целом [2, с. 53].

Поскольку уплата налогов и сборов отвлекает ресурсы из деятельности предприятий, логичным является их стремление к снижению налоговой нагрузки. Процесс такого снижения, в рамках которого применяются различные способы и методы, определяет понятие налоговой оптимизации или оптимизации налогообложения.

Под оптимизацией понимается один из элементов налогового планирования, который характеризует право налогоплательщика на сокращение своих налоговых обязательств, используя для этого незапрещенные законом инструменты, методы и способы [3, с. 359].

Осуществление налоговой оптимизации носит системный характер использования способов и методов снижения

налоговой нагрузки, для того чтобы обеспечить в будущем желаемое для экономического субъекта финансовое состояние.

Целью оптимизации налогообложения для предприятия выступает снижение расходов на уплату налогов и сборов, и повышение за счет этого собственных финансовых результатов – прибыли, остающейся в распоряжении, и используемой в дальнейшем для наращивания собственного капитала и повышение через это финансовой устойчивости, для инвестиционного развития деятельности, для выплаты доходов владельцам предприятия и пр. Достижение этой цели заключается в праве предприятия применять все допустимые законом приемы и способы с целью сокращения своих налоговых обязательств.

Сущность оптимизации налогообложения раскрывается в признаках, которыми она обладает (таблица 1).

Из приведенных признаков можно заключить, что оптимизация налогообложения на предприятии вызвана экономическими и правовыми причинами:

– в первом случае предприятие прибегает к мерам налоговой оптимизации, чтобы через размер налоговой нагрузки повлиять на свое финансовое состояние – улучшить его, снизить расходы и повысить прибыльность;

– во втором случае применение налоговой оптимизации обусловлено – наличием в законодательстве налоговых льгот, наличием различных ставок налогообложения по одному налогу, наличием пробелов и неточных формулировок в налоговом законодательстве, что в совокупности дает возможность для снижения нагрузки.

Оптимизация налогообложения является элементом финансового управления деятельностью предприятия, который может присутствовать в течение всего периода работы

Таблица 1. Признаки оптимизации налогообложения [4, с. 117]

Признак	Характеристика
1	2
Цель	Снижение суммы налоговых платежей, уплачиваемых предприятием
Задачи	снижение налоговой нагрузки на предприятие; получение экономической выгоды от снижения суммы уплачиваемых налогов; минимизация налоговых рисков.
Отношение к объекту налогообложения	Стремление к такой деятельности, при которой объекты налогообложения не возникают или освобождаются от налогообложения
Отношение к налоговой базе	Стремление к законному снижению налоговой базы, в том числе за счет использования налоговых вычетов и льгот
Отношение к налоговой ставке	Использование возможности для применения сниженной налоговой ставки
Отношение к порядку уплаты налогов	Стремление к получению законной отсрочки по уплате налогов
Основной результат	Сокращение расходов по уплате налогов

Таблица 2. Принципы оптимизации налогообложения на предприятии [5, с. 140], [6, с. 42]

Принцип	Содержание
1	2
Принцип законности	Все методы оптимизации, применяемые предприятием, должны отвечать нормам действующего налогового законодательства. Недопустимым является снижение нагрузки путем уклонения от уплаты налогов и сборов.
Принцип индивидуальности	У каждого предприятия система оптимизации отличается, поскольку определяется условиями деятельности, составом уплачиваемых налогов, основаниями для уплаты и прочими характеристиками.
Принцип оперативности	Оптимизация должна отвечать современному состоянию налоговых законов, быть актуальной. По мере изменения норм уплаты налогов должны меняться и методы оптимизации.
Принцип непрерывности	Применение оптимизации должно сопутствовать всему периоду деятельности предприятия.
Принцип адекватности затрат	Затратность мер по осуществлению оптимизации не должна быть выше, чем экономия по уплате налогов.
Принцип разумности	Снижение налоговой нагрузки не должно быть полным. Т.е. предприятие не должно стремиться к полному освобождению от налогов. В этом случае оно повышает свои налоговые риски относительно осуществления стороннего налогового контроля.
Принцип комплексной налоговой экономии	Наиболее эффективной оптимизация налогообложения будет в том случае, если налогоплательщик одновременно применяет разные методы снижения налоговой нагрузки в комплексе.
Принцип ограниченности налоговой оптимизации	Оптимизация должна проводиться в рамках пределов, т.е. границ поведения налогоплательщика по снижению налоговых платежей. Выделяются следующие виды пределов: законодательные ограничения; меры административного воздействия со стороны налоговых органов; специальные судебные доктрины, разъясняющие применение налогового законодательства.

предприятия – от создания до ликвидации. В зависимости от периода времени, в котором проводится оптимизация, выделяют текущую и перспективную (долгосрочную) оптимизацию:

– первый вид состоит в том, что снижение нагрузки на плательщика налогов происходит в рамках его текущей деятельности. Предприятие может проводить оптимизацию по конкретному налогу, за определенный период его уплаты, в отношении отдельного вида деятельности, реализуемой операции, полученного дохода и т.п.;

– второй вид оптимизации носит долгосрочный характер. Предприятие принимает меры, которые направлены на снижение налоговой нагрузки не только в текущем периоде, но в будущие периоды, т.е. с долгосрочной перспективой, в процессе всей деятельности. Такая оптимизация направлена на всю систему налогообложения предприятия, носит более объемный характер, чем текущая, например, предусматривая вопросы правильного и эффективного для плательщика налогового учета.

Независимо от вида, осуществление оптимизации налогообложения предполагает соблюдение определенных принципов (таблица 2).

Указанные в таблице принципы выражают правила осуществления налоговой оптимизации, которых должны придерживаться предприятия. Их соблюдение, прежде всего, исключает возникновение у предприятия проблем с законом при снижении налоговой нагрузки. Первый принцип можно считать основополагающим – предприятие может применять только те методы, которые не приведут к нарушению законодательства РФ в сфере налогообложения. В противном случае предприятие будет привлекаться не только к налоговой ответственности за уклонение от уплаты налогов, но также к административной и уголовной.

Оптимизация налогообложения реализуется как совокупность активных методов налогоплательщика по снижению налогового бремени. Другими словами, она требует поиска решений для уменьшения уплачиваемых налогов со стороны предприятия. Если же такое уменьшение связано с ослаблением норм законодательства, недостатков в работе налоговых органов, судебными решениями, то это не может быть признано оптимизацией.

Каждое предприятие самостоятельно выбирает те активные методы, которые составят его оптимизацию. Они за-

Таблица 3. Методы оптимизации налогообложения на предприятии [7, с. 226], [8, с. 63]

Метод	Содержание
Формирование учетной политики для целей налогообложения	Учетная политика формирует основные начала налогообложения на предприятии. В частности, устанавливая режим уплаты налогов – общий или специальный, отдельные вопросы учета налоговых показателей, формирования отчетности и пр. Через изменение норм политики может меняться порядок исчисления налога.
Оптимизация договорных отношений налогоплательщика	Через проработку условий заключаемых хозяйственных договоров предприятие может влиять на налоговые последствия по нему, в частности, на сумму налога и сроки его уплаты.
Применение налоговых льгот (вычетов)	Метод предусматривает изучение состава льгот, вычетов и прочих послаблений по каждому действующему налогу. Предприятие должно определить свои возможности к их применению и обосновать соответствующее право.
Изменение срока уплаты налога	Метод основан на использовании возможности уплатить налог в более поздние сроки, используя отсрочку, рассрочку, инвестиционный налоговый кредит.
Применение прав на освобождение от уплаты конкретного налога или группы налогов	При соответствии показателей деятельности требования законодательства предприятие может быть освобождено от уплаты отдельных налогов, например, при переходе на специальные налоговые режимы.
Применение пониженной налоговой ставки	Метод предусматривает осуществление операций, которые по отдельным налогам облагаются по сниженным ставкам. Кроме того, он предусматривает выбор места регистрации деятельности (объекта обложения), если по определенному налогу действуют разные ставки в субъектах РФ.

висят от условий работы, видов налогов, действующих норм закона, целей и ориентиров снижения нагрузки и пр. Выбор методов оптимизации является правом налогоплательщика, так как законодательно ни понятие методов оптимизации, ни их состав не определены.

В нижеприведенной таблице обобщены отдельные методы оптимизации налогообложения, применяемые в деятельности предприятий на современном этапе.

Приведенные в таблице методы показывают базовые примеры оптимизации налогообложения. На практике могут применяться и другие методы, которые зависят от каждого конкретного случая, а именно, системы налогообложения, по которой работает предприятие, вида его деятельности, структуры, порядка ведения учета и пр.

Таким образом, снижение налоговой нагрузки в деятельности предприятия происходит за счет проведения оптимизации налогообложения. Этот процесс должен носить постоянный характер, так как деятельности организации подвергается налогообложению непрерывно. К числу основных принципов оптимизации относится законность методов, используемых для снижения налоговых обязательств. Основу для проведения оптимизации составляет расчет организацией имеющегося уровня налоговой нагрузки и применение к ней актуальных методов снижения.

Подводя итог исследованию теоретических основ налогообложения предприятия, можно сделать следующий вывод: налогообложение присуще деятельности каждого предприятия, функционирующего в экономическом пространстве РФ. Оно направлено на изъятие части прибыли (доходов) предприятия при осуществлении им определенных экономических операций, получении прибыли, владении имуществом. Налогообложение выступает инструментом формирования государственного бюджета за счет того экономического результата, который формирует вся совокупность предприятий, работающих в стране, а также оказывает регулирующее влияние на финансовое состояние, инвестиционную активность каждого конкретного плательщика. Налогообложение предприятий в РФ осуществляется согласно общему и специальному порядку налогообложения, которые различаются составом уплачиваемых налогов и сборов. При этом каждый порядок определяет формирование налоговой нагрузки, по отношению

к которой предприятия осуществляют меры налоговой оптимизации, стремясь к снижению расходов по уплате налогов и улучшению за счет этого своего финансового состояния.

Пристатейный библиографический список

1. Поторочин П. С. Определение налоговой нагрузки и суть ее оптимизации // Вестник науки. – 2020. – Т. 2. № 1 (22). – С. 152.
2. Толмачева О. И. Методические аспекты оценки налоговой нагрузки и использование данных налогового учета при определении налоговой нагрузки организации // Вестник науки и образования. – 2019. – № 1-1 (55). – С. 53.
3. Налоги и налогообложение: учебник и практикум / Д. Г. Черник [и др.]; под редакцией Д. Г. Черника, Ю. Д. Шмелева. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – С. 359.
4. Картечева Е. В. Тонкая грань между налоговой оптимизацией и уклонением от налогообложения // Инфраструктурные отрасли экономики: проблемы и перспективы развития. – 2018. – № 14. – С. 117.
5. Назарова Н. А. Налоговая нагрузка: принципы и эффективные пути оптимизации // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2021. – Т. 2. № 2 (110). – С. 140.
6. Савинова О. В. Налоговая оптимизация: принципы и методы // В сборнике: Лучшая студенческая статья 2019 сборник статей XXV Международного научно-исследовательского конкурса: в 2 ч. – 2019. – С. 42.
7. Вылкова Е. С. Налоговое планирование. Теория и практика: учебник. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – С. 226.
8. Кутасова А. Н. Методы оптимизации налогообложения // В сборнике: Фундаментальная прикладная наука: состояние и тенденции развития. Сборник статей IX Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2021. – С. 63.

ЮДИН Иван Петрович

Старший преподаватель кафедры правовых дисциплин Государственного гуманитарно-технологического университета, аспирант Юридического факультета Московского университета имени А. С. Грибоедова

ЩЕРБИНИНА Ирина Васильевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин Государственного гуманитарно-технологического университета

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БАНКА РОССИИ КАК СУБЪЕКТА С ПУБЛИЧНЫМИ ФИНАНСОВЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ И КВАЛИФИЦИРОВАННОГО ИНВЕСТОРА НА ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ

В статье рассмотрена деятельность Банка России как специфического субъекта частноправовых и публично-правовых отношений через призму его регуляторной функции на финансовом рынке.

Ключевые слова: Банк России, денежно-кредитная (монетарная) политика, квалифицированный инвестор, деловой оборот, финансовый инструмент, ценные бумаги.

YUDIN Ivan Petrovich

senior lecturer of Legal disciplines sub-faculty of the State University of Humanities and Technology, postgraduate student of the Law Faculty of the A. S. Griboyedov Moscow University

SHCHERBININA Irina Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal disciplines sub-faculty of the State University of Humanities and Technology

ACTIVITIES OF THE BANK OF RUSSIA AS AN ENTITY WITH PUBLIC FINANCIAL POWERS AND A QUALIFIED INVESTOR IN THE FINANCIAL MARKET

The article examines the activities of the Bank of Russia as a specific subject of private and public law relations through the prism of its regulatory function in the financial market.

Keywords: Bank of Russia, monetary policy, qualified investor, business turnover, financial instrument, securities.

Изучение деятельности Банка России с точки зрения ее экономической и правовой составляющих является занимательным предметом научно-исследовательских изысканий. Банк России (далее – ЦБ) как участник правоотношений занимает пограничное положение. Имеется в виду, что правовому статусу главного банка государства присуща дуальность, которая придает ему и его деятельности черты некой уникальности, выделяя этот финансовый институт на фоне других субъектов права. При этом, как подмечено в доктрине [5, с. 53], ни в Гражданском кодексе РФ, ни в Законе о Банке России его организационно - правовая форма законодательно не определена, что также является специфической чертой правового положения. Впрочем, своего рода уникальность присуща не только ЦБ как носителю публичных финансовых полномочий и субъекту частноправовых отношений. Подконтрольные ему, как мегарегулятору финансового рынка, кредитные организации тоже выступают и как юридические лица гражданского оборота, и как субъекты финансового права в случае обеспечения денежно-кредитного оборота средств государства [4, с. 400]. Хотя, в отличие от ЦБ, кредитные организации (коммерческие банки и небанковские кредитные организации) ведут хозяйственную деятельность в рамках определенных национальным законодательством организационно - правовых форм.

За последние несколько лет мы видим увеличение уровня неопределенности в мировой экономике, что сказывается на настроениях внутренних (российских) инвесторов, предпринимателей и граждан. Экономический спад в целом ряде государств (включая Россию), вызванный неэкономическим фактором – пандемией COVID 19 – отрицательно сказался на уровне социально-экономического благосостояния, на положении глобального и локальных финансовых рынков, повлек за собой переток инвестиционных ресурсов в менее рискованные активы и рыночные сегменты, а в некоторых случаях изъятие финансовых ресурсов из экономики гражданами и предприятиями, а также подорвал доверие частных субъектов к органам публичной власти (преимущественно к финансовым органам в лице государственных (центральных) банков, министерств финансов и т.п.).

Кроме того, начавшееся весной 2022 г. санкционное давление, под которым находится российская финансовая система и многие другие сферы государственно-общественной жизни, является барьером на пути к формированию благоприятного предпринимательского (в т.ч. инвестиционного) климата и про-

ведению «мягкой» денежно-кредитной (монетарной) политики, при которой интересы и имущественные права российских граждан и предприятий не ущемлялись бы существенно. Напомним, что монетарная политика проводится ЦБ для стабилизации рыночных цен на товары и услуги путем воздействия на механизм спроса и предложения денег в экономике, для стимулирования инвестиционной и иной деловой активности, и повышения благосостояния как государства, так и граждан.

В настоящее время российский ЦБ как главный регулятор финансовых процессов играет качественно иную роль, т.к. в условиях экономической и геополитической нестабильности его решения в рамках подзаконного нормотворчества приобретают первостепенное значение для субъектов частных и публичных отношений, предметом которых являются денежные средства, ценные бумаги, имущественные права и пр. Следовательно, перед ЦБ стоит непростая задача в том, чтобы противостоять возникшим на внешнем контуре вызовам и предупредить наступление рисков для национальной финансовой системы в долгосрочной перспективе.

В связи с вышеизложенным необходимо уделить особое внимание рассмотрению экономико-правовых особенностей деятельности ЦБ как субъекта с публичными (государственными) финансовыми полномочиями и квалифицированного инвестора на финансовом рынке.

Юридический базис деятельности ЦБ исходит из ст. 75 Конституции России, которая уполномочивает его на защиту и обеспечение устойчивости российской национальной валюты, а также из соответствующего федерального закона, детализирующего область компетенций ЦБ как контрольно-надзорного органа и субъекта делового оборота при осуществлении операций на рынке ценных бумаг, валютном, банковском и иных сегментах финансового рынка.

Предлагаем рассмотреть деятельность ЦБ в области проведения монетарной политики, через призму которой наиболее ярко проявляются его публично-правовые возможности как носителя государственной воли.

В литературе встречается позиция, согласно которой в ответ на введение в адрес России внешних запретов и ограничений со

Юдин И. П.

Щербинина И. В.

стороны иностранных государств, а также вытекающей отсюда неопределенности в отечественной экономике ЦБ ужесточает монетарную политику. Ужесточение реализуется под воздействием негативного падения цен на экспорт топливного энергетического комплекса. При этом говорится о положительных моментах рестрикционного влияния денежно-кредитной политики ЦБ на внутренний рынок. Аргументируется это тем, что уход иностранных компаний с рынка освобождает место для развития протекционистских начал [2].

Осмывая точку зрения об уходе иностранных компаний с национального рынка, на наш взгляд, нельзя признать ее сузубо положительной для развития в России инвестиционных и иных экономических отношений, поскольку уход зарубежных предприятий означает как отток иностранного капитала из экономического оборота, так и процесс устаревания материально-технической базы отечественных компаний вследствие различных санкционных запретов на использование современного импортного оборудования, технологий. Кроме того, крайне важно отметить, что адаптация экономики страны к обозначенным выше реалиям не происходит быстро, ведь от государства и национальных предприятий требуется изыскание дополнительных финансовых ресурсов, использование высококвалифицированного человеческого капитала, а также создание и внедрение в бизнес-процессы современных и конкурентоспособных технологических решений. Авторы считают, что только при соблюдении этих условий протекционистские меры смогут дать ожидаемый эффект, который отвечал бы запросу на долгосрочный рост благосостояния и мог вернуть полноценную включенность российской экономики (в т.ч. ее инвестиционного рынка) в глобальные экономические процессы.

Правовой инструментацией ЦБ для осуществления монетарной политики содержится в ст. 35 Закона о Банке России. К средствам регулирования в числе прочего относятся процентные ставки по операциям ЦБ, операции на открытом рынке, валютные интервенции и т.д. Перечень является открытым.

Монетарные способы управления экономическими процессами не всегда вызывают положительную реакцию со стороны граждан и бизнес-структур. Это неудивительно. В научных работах нередко встречается тезис о том, что инвестиционная активность в России продолжительное время формируется в условиях медленного роста экономики и жесткой денежно-кредитной политики. Одним из факторов замедления темпов развития является увеличение реальных процентных ставок [3, с. 412]. Следовательно, монетарная политика является ярким примером ситуации, при которой субъект публичной власти, имея полномочия по вмешательству в механизмы рыночной экономики, активно реализует такое право, задавая императивные рамки поведения для участников инвестиционных процессов и одновременно с этим детерминируя характер развития экономических отношений на перспективу.

Кроме того, мегарегулятор должен учитывать традиционную проблему оттока капиталов национальных домохозяйств и организаций за рубеж вслед за изъятием средств иностранными инвесторами. Нежелание зарубежных инвесторов держать собственные средства в российских активах можно объяснить возникающими у зарубежных финансово-промышленных групп, корпораций, международных финансовых организаций и просто крупных индивидуальных инвесторов опасениями о нестабильности российской финансово-экономической системы (ввиду, например, низких реально располагаемых доходов людей и «узости» определенных рыночных секторов) и законодательской дисгармонии, выражающейся в частых изменениях финансового законодательства (особенно в налоговой сфере). Указанные обстоятельства вызывают у внешних инвесторов чувство неопределенности (непредсказуемости), поэтому при принятии решения об инвестировании собственных средств в российский финансовый рынок либо в сферу производства товаров и услуг (реальный сектор) они не всегда готовы нести высокие юридические и финансовые риски (к примеру, законодательный запрет на владение и распоряжение активами; получение денежных убытков от отрицательного финансового результата в деятельности российской компании или в результате объявления дефолта с последующими банкротными процедурами, которые могут длиться долго и не окупить инвестиционных вложений и т.д.).

Исходя из эмпирических наблюдений за особенностями осуществления монетарной политики, авторы пришли к выводу о том, что двойственность правового статуса ЦБ отчетливо видна на примере двух инструментов монетарной политики ЦБ: ключевой ставки и операций на открытом рынке. Посредством первого рычага влияния ЦБ осуществляет публичные финансовые полномочия, а через проведение сделок с финансовыми инстру-

ментами (ценные бумаги и деривативы) финансовый регулятор выступает в роли квалифицированного инвестора.

Ключевая (процентная) ставка направлена на регулирование объема денег обращении с целью недопущения роста инфляции, которая становится препятствием в установлении стабильного и адекватного уровня рыночных цен. Повышая процентную ставку, ЦБ делает кредиты для бизнеса и домохозяйств более недоступными, тем самым искусственно изымая из денежного обращения лишнюю денежную массу, которая провоцирует инфляционные процессы. А обратная мера – понижение ставки – приводит к ситуации, при которой стоимость заимствований в коммерческих банках и иных кредитных организациях снижается, т.е., по выражению экономистов, деньги становятся «дешевыми», что дает стимул для роста инвестиционной активности и увеличения темпов потребления экономических благ.

Необходимость использования этого инструмента объясняется тем, что основными бенефициарами финансового сектора, кто рассчитывает на помощь государства в первую очередь, являются крупные системно значимые банки. Их стабильность крайне важна для экономики страны. Кризисные явления обычно приводят к массовому изъятию денег из банковского сектора, что приводит банки к быстрой потере ликвидных активов (деньги и прочее) и потенциальному банкротству [1, с. 210]. А учитывая подобные риски и предвидя потенциальные негативные последствия от реализации такого сценария, кризисы в банковской среде не могут не запустить процессы деградации финансового рынка как в целом, так и в деятельности отдельных субъектов финансовых правоотношений. Вдобавок стоит сказать, что ключевая ставка главного банка государства влияет на иные процентные ставки на финансовом рынке посредством т.н. «трансмиссионного механизма»¹ – комплекса экономических взаимосвязей, посредством влияния на которые ЦБ может способствовать перетоку финансовых ресурсов из, например, банковских депозитов в государственные либо коммерческие облигации, тем самым влияя на величину спроса на активы и размер их доходности. Подобные легальные манипуляции со стороны мегарегулятора стимулируют развитие финансовых институтов, предоставляя достаточное количество ликвидных активов либо изымая их с целью борьбы с инфляцией.

Помимо использования ключевой ставки, ЦБ активно прибегает к проведению операций с ценными бумагами и финансовыми инструментами. Особый статус этого финансового института связан с тем, что он поименован в ст. 51.2. Закона о рынке ценных бумаг квалифицированным инвестором. Как квалифицированный инвестор и полноправный участник правоотношений Банк России наделяется правами по проведению различных операций и сделок: купля - продажа облигаций, выпущенных ЦБ, государственных облигаций; принятие на хранение и управление ценных бумаг и других активов и т.д. Подробный перечень операций, которые ЦБ вправе проводить содержится в ст.ст. 39 и 46 Закона о Банке России.

Таким образом, ЦБ может влиять на объемы торгов и оперативно купировать выявленные финансовые риски в деятельности компаний, связанные, например, с образованием в бюджете хозяйствующего субъекта значительной суммы долга.

Приставленный библиографический список

1. Бырда Н. А., Захарова Т. И. Государственная поддержка финансового сектора // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 4. – С. 208-212.
 2. Гарышинова А. Р. Влияние экономической санкций на денежно-кредитную политику ЦБ РФ. - Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2022. - № 22 (417). - С. 158-161. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/417/92350/> (дата обращения: 07.11.2023).
 3. Еремина О. И. и др. Влияние денежно-кредитной политики на инвестиционную активность в России // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2022. – № 10 (3). – С. 410-415
 4. Крохина Ю. А. Финансовое право России: учебник. - 6-е изд., перераб. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 504 с.
 5. Рожественская Т. Э., Гузнов А. Г. Банковское право. Публично-правовое регулирование: учебник и практикум для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 222 с.
- 1 «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2022 год и период 2023 и 2024 годов» (утв. Банком России). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_docs_LAW_400129/?ysclid=lpxybmdozw287272134 (дата обращения: 07.10.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-11-186-227-231

ГОРШКОВ Дмитрий Александрович

генеральный директор Юридической компании «Горшков и партнеры», соискатель кафедры предпринимательского права Российского государственного гуманитарного университета

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА УПРАВЛЕНИЯ ЗАЛОГОМ

В работе рассмотрены этапы становления института управления залогом в российском гражданском праве, изложены позиции ученых об особенностях данного вида договора, его влияния на стабильность гражданского оборота, а также дефекты законодательного закрепления. Рассмотрен опыт зарубежных правовых порядков, касающийся нормативного закрепления практики применения данного института.

Ключевые слова: управление залоговым имуществом, связанные договоры, договорные конструкции, синдицированное кредитование, банковское кредитование.

GORSHKOV Dmitry Alexandrovich

General Director of «Gorshkov and Partners» Law Firm, competitor of Business law sub-faculty of the Russian State Humanitarian University

EVOLUTION OF THE LEGAL REGULATION OF THE PLEDGE MANAGEMENT AGREEMENT

The paper examines the stages of the formation of the institution of pledge management in Russian civil law, outlines the positions of scientists on the features of this type of contract, its impact on the stability of civil turnover, as well as defects in legislative consolidation. The experience of foreign law and order concerning the normative consolidation of the practice of using this institution is considered.

Keywords: collateral management, related contracts, contractual structures, syndicated lending, bank lending.

Появление в российском гражданском законодательстве новой договорной конструкции – договора управления залогом (далее по тексту также – ДУЗ) – обусловлено реформированием отдельных положений российского обязательственного права, состоявшейся чуть менее десяти лет назад в результате принятия Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации (далее по тексту также – Закон № 367-ФЗ)¹. В пояснительной записке к проекту указанного закона отмечалось, что включение в российское обязательственное право принципиально новых договорных институтов, в том числе и ДУЗ, предусмотрено задачей «создания в России международного финансового центра»². Как отмечал А. Л. Маковский, появление института управления залогом в проектируемых нормах было обусловлено «давлением Рабочей группы по созданию МФЦ в порядке компромисса, поддержанного Минюстом России и Минэкономразвития России (декабрь 2011 г.)» [1]. При этом А. Л. Маковский объяснил появление норм о ДУЗ «давлением банковского лобби», что обеспечило спешку, непоследи-тельность принятия соответствующего корпуса норм и, как следствие, их низкое качество.

До принятия Закона № 367-ФЗ заинтересованные участники имущественного оборота все-таки прибегали к конструкции ДУЗ, однако в отсутствие соответствующих правовых норм моделировали возникающие между ними

отношения самостоятельно, пользуясь общим принципом свободы договора. Вместе с тем, как справедливо отмечают А. И. Мацуев и К. С. Миллер, нормативное закрепление ДУЗ не способствовало формированию адекватной судебно-арбитражной практики на этот счет [2]. А. А. Певзнер, отмечая, что этот инструмент «пока не получил широкого распространения, в связи с чем практика разрешения судами споров по таким договорам отсутствует», полагает, что «данный механизм достаточно перспективен и может значительно облегчить задачу кредиторов при необходимости» [3].

Стоит согласиться с И. А. Емелькиной в том, что постановка вопроса о правовой природе управления чужим имуществом в системе правового регулирования обусловлена потребностью в передаче имущества профессиональным управляющим, в том числе фондам, арбитражным управляющим, залоговым управляющим и др. [4]. Такая потребность предопределена усложнением отечественной экономики, расширением арсенала объектов гражданских прав, в том числе тех, управление которыми требует специальных узкопрофессиональных знаний. В таких экономических условиях складывается следующая ситуация: собственник имущества (в том числе имущественных прав), обладая имуществом, не может им эффективно управлять, обеспечивая его сохранение и преумножение. Это предопределено отсутствием профессиональных знаний, требующих специального образования и (или) опыта в определенной сфере. В обозначенных обстоятельствах положено начало развитию нового гражданско-правового института «управление чужим делом».

Идея упорядочения норм о залоге имеет более давнюю историю и связана с разработкой Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (далее по тексту также – Концепция)³. Так, в п. 9 Концепции обращалось внимание на необходимость упрочнения стабильности имущественного оборота, в том числе за счет такого отдельного направления, как совершенствование положений о

1 О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ (ред. от 26.07.2017). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 23.12.2013 г.).

2 Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Документ опубликован не был. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.08.2023 г.).

3 Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07 октября 2009 г. // Документ опубликован не был. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.08.2023 г.).

залоге. В части данного института гражданского законодательства разработчики Концепции отмечали явную несогласованность норм и их чрезмерное нагромождение. При этом в рамках совершенствования гражданского законодательства ставилась задача обеспечения четкости и ясности гражданско-правовых конструкций. Б. М. Гонгало, оценивая результаты кодификации законодательства о залоге, в числе новых понятий называет и ДУЗ [5].

Важно отметить, что ДУЗ тесно связан с институтом синдицированного кредитования. В банковской практике синдицированный кредит понимается как кредит, предоставленный несколькими кредиторами, именуемыми вместе банковским консорциумом, одному лицу и обеспеченный залогом или поручительством. Аналогичный институт – «синдицированная ссуда» – был закреплен в нормах ранее действовавшего российского банковского законодательства. Так, этот термин использовался в Инструкции Банка России от 03 декабря 2012 г. № 139-И «Об обязательных нормативах банков», в которой содержалась следующая легальная дефиниция: «под синдицированной ссудой понимается соглашение (договор) о предоставлении ссуды заемщику одним или несколькими лицами (участниками синдиката), в связи с предоставлением которой риск неисполнения либо ненадлежащего исполнения заемщиком обязательств по ссуде в предусмотренный соглашением (договором) срок (далее – кредитный риск) принят одновременно двумя и более участниками соглашения (договора)»⁴. Таким образом, российский институт синдицированной ссуды стал предшественником ДУЗ в его современном понимании.

Считается, что институт управления залогом был первоначально связан исключительно с банковским сектором экономики. Кредитные организации, имея непрофильные активы, находящиеся в залоге, испытывали серьезные затруднения в части управления ими, а специальная правоспособность банков создавала дополнительные препятствия в этой части. В сложившейся ситуации банки были вынуждены создавать отдельные специализированные подразделения с передачей им функции управления заложенным имуществом. Однако более удачным решением обозначенного затруднения стало делегирование управленческих функций компетентному управляющему, представленному чаще всего профессиональной управляющей компанией. Неудивительно, в связи с этим упоминание проблемы управления залоговым обеспечением именно в акте банковского законодательства⁵.

Таким образом, ДУЗ рассчитан на профессиональных участников имущественного оборота и сконцентрирован вокруг такого имущества, как ценные бумаги, недвижимость, в том числе коммерческая, транспортные средства, специальное оборудование, имущественные права и т.д. В. В. Долинская, комментируя новеллы законодательства об обязательствах, обращает внимание на то, что ДУЗ был введен в правовое регулирование «в интересах кредиторов в обязательствах, исполнение которых связано с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности» [6].

В научной литературе приводятся отличные позиции относительно иностранного опыта, который был учтен при введении ДУЗ в российскую правовую систему. Так, Д. И. Степанов обращает внимание на то, что прародиной синдицированного кредитования выступают Германия и Нидерланды [7]. К примеру, аналогом немецкого ДУЗ выступает соглашение кредитных организаций об объединении усилий в рамках договора простого товарищества (Gesellschaft Bürgerlichen Rechts) [8]. Вслед за германским законодателем, некоторые европейские страны избрали для ДУЗ модель договора о пуле способов обеспечения, цель которого заключа-

ется в объединении интересов кредиторов и исключении их противодействия друг другу.

Д. И. Гравин исходит из значимости практики управления залогом в США и Великобритании, как первых стран, использовавших соответствующий опыт [9]. Так, американской банковской системе хорошо известен такой договор, как Collateral Management Agreement, дословно означающий договор об оказании услуг по управлению обеспечением. Считается, что одной из первых американских сделок по управлению залогом стал договор, заключенный в начале 1980-х гг. между банковской ассоциацией «Bankers Trust» и инвестиционным банком «Salomon Brothers». Большой вклад в развитие правового регулирования управления залогом и расширения практики его применения внесла Международная ассоциация профессиональных участников рынков свопов и деривативов (ISDA) [10].

Дополнительно отметим, что зарубежная практика управления залогом связана с доктриной параллельного долгового обязательства. Здесь имеется в виду совокупность правоотношений, при которых у одного заемщика возникают как бы параллельные кредиты, предоставленными несколькими кредитными организациями на отличных условиях, но установленные в едином договоре. Так, специфической чертой английской практики синдицированного кредитования выступает отсутствие преимуществ у участников синдиката: «зеркальное» соответствие прав одного участника правам другого.

Аналогичное положение дел складывается и в отечественной юрисдикции: российское законодательство об управлении залогом оперирует нормами о равенстве интересов всех кредиторов. Примечательно, что доктрина параллельного долгового обязательства, иначе именуемая доктрина взаимосвязанных договоров, постепенно привлекает внимание и отечественных исследователей частного права. Основная идея этой доктрины заключается в том, что договорные конструкции, имеющие между собой сущностную связь, не могут признаваться самостоятельными и в силу этого обстоятельства не подлежат изолированному учету [11].

Французская юридическая доктрина исходит из существования такого явления, как «группа договоров», понимая под ним две или несколько договорных связей, возникших между разными участниками имущественного оборота на отличных условиях в рамках отдельных договоров, однако характеризующихся единством цели и объекта, а также экономическим содержанием [12]. Считается, что французское теоретическое учение о взаимосвязанных договорах берет свое начало только в XXI в. При этом в рамках данного учения сформировались две теории: теория акцессорности (построенная по аналогии существования взаимосвязанности основного обязательства и акцессорного) и теория неделимости (основанная на единстве целевой направленности взаимосвязанных договоров и единстве воли участников соответствующих отношений). По мнению Кассационного суда Франции, единство воли участников взаимосвязанных договоров является решающим фактором неделимости соответствующих параллельных правоотношений [13].

В качестве примера европейского опыта применения доктрины взаимосвязанных договоров может быть приведена норма п. 1 ст. 15 Директивы № 2008/48/ЕС «О договорах потребительского кредитования и отмене Директивы Совета ЕС 87/102/ЕЭС»⁶, согласно которой отказ потребителя от исполнения договора купли-продажи или возмездного оказания услуг автоматически влечет прекращение кредитного

4 Об обязательных нормативах банков: Инструкция Банка России от 03 декабря 2012 г. № 139-И (ред. от 30.05.2014) (Зарегистрировано в Минюсте России 13 декабря 2012 г. № 26104) // Вестник Банка России. – № 74. – 21 дек. 2012 г. (документ утратил силу).

5 О документе Комитета по платежным и расчетным системам «Принципы для инфраструктур финансового рынка»: Письмо Банка России от 29 июня 2012 г. № 94-Т // Вестник Банка России. – № 38-39. – 17 июля 2012 г.

6 О договорах потребительского кредитования и отмене Директивы Совета ЕС 87/102/ЕЭС: Директива № 2008/48/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза (вместе с Европейскими стандартами информации в отношении овердрафта, потребительского кредита, предлагаемого определенными организациями (параграф 5 статьи 2), долгового преобразования) (принята в г. Страсбурге 23 апреля 2008 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu> (дата обращения: 14.08.2023 г.).

договора, заключенного во взаимосвязи с договором купли-продажи или оказания услуг соответственно.

Концепция взаимосвязанных договоров получила отражение и в ином акте европейского частного права – Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law – Draft Common Frame of Reference [14]. Опираясь термином «linked contracts», этот акт закрепляет такую опцию, как распространение отказа потребителя от договора на все иные договоры, связанные с ним. Draft Common Frame of Reference получил весьма высокую оценку среди отечественных исследователей частного права [7]. В комментариях к этому документу отмечается, что под взаимосвязанными договорами следует понимать договор купли-продажи и кредитный договор, договор купли-продажи и договор страхования, договор купли-продажи и договора технического обслуживания и тому подобное. При этом в качестве критерия связанности предлагается использовать экономическое единство договоров, которое надлежит устанавливать в судебном порядке в рамках судебного усмотрения⁷.

Степень научной разработанности отечественного учения о взаимосвязанных договорах в настоящее время нельзя признать высокой. Разрешая проблему организации рациональных хозяйственных связей, советские ученые-юристы апеллировали к доктрине взаимосвязанных договоров, квалифицируя в качестве последних «цепочку» договоров, сопровождающих поставку товаров [16]. Отдельные наработки в этом направлении сделаны А. М. Ширвиндтом, который считает целесообразным дальнейшую научную разработку функциональной связи взаимосвязанных договоров, представленных договорами о приобретении товаров/работ/услуг и кредитными договорами, с целью последующей коррекции гражданского законодательства [17].

Отмечая терминологическую неточность категории «взаимосвязанных договоров», А. В. Габов обращает внимание на необходимость их изучения в части прояснения действительных случаев такой взаимосвязи, приводя в качестве одного из примеров связанности договор купли-продажи и договор залога [18]. Многократно обращаясь к доктрине взаимосвязанных договоров, С. Ю. Морозов упоминает ее в контексте связи организационных договоров с имущественными [19]. Отдельные наработки в рамках исследуемой проблематики имеются у О. М. Иванова, который отмечает связанность договоров банковского счета, страхования, оценки имущества, залога или поручительства общей целевой направленностью [20]. А. В. Гунин обнаруживает связанность договоров, оформляющих субарендные отношения [21], а Н. Н. Ковров – договоров, оформляющих субподрядные отношения [22]. Кроме того, взаимосвязанными считают договор лизинга и сопутствующий ему договор купли-продажи лизингового имущества [23].

Тематика «связанных договоров» была удостоена законодательного внимания, что способствовало включению положения о них в проект Федерального закона № 136312-5 «О потребительском кредитовании»⁸, однако впоследствии соответствующая проектируемая норма права была исключена из законопроекта. Само терминологическое обозначение или близкие по смыслу слова, производные от него, – «взаимосвязанные договоры» – встречается в российском законодательстве: применительно к клиринговой деятельности (п. 2 ст. 14 Закона о клиринге⁹); в рамках законодательства об

электроэнергетике (абз. 3 п. 1 ст. 32 Закона об электроэнергетике); в контексте бухгалтерского учета¹⁰.

Еще большую консервативность в части применения доктрины взаимосвязанных договоров проявляет российский правоприменитель. Так, крайне редко встречаются судебные акты, в которых содержится ссылка к этой доктрине. К примеру, Хабаровский краевой суд пришел к выводу о том, что договор потребительского кредита является производным от договора купли-продажи, что послужило основанием для его расторжения. В другом деле Арбитражный Суд Московского округа квалифицировал в качестве взаимосвязанных договоров пары сделок по покупке и обратной продаже одних и тех же ценных бумаг¹¹. Кроме того, на уровне правоприменительных актов, содержащих разъяснительный характер, также имеются упоминания взаимосвязанных договоров (например, в п. 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62)¹².

Таким образом, следует признать, что доктрина взаимосвязанных договоров является неотъемлемой составляющей цивилистического учения о договоре управления залогом. Такой вывод предопределен тем объективным обстоятельством, что отношения, возникающие вокруг управления залогом, связаны с несколькими договорами, которые объединены общностью цели, объекта и экономического содержания: так, договор управления залогом находится в неразрывной связи с договором залога, а договор залога – с обеспечиваемым залогом договорным обязательством.

Большинство ученых-юристов дают положительную оценку нормативному признанию ДУЗ, отмечая его соответствие национальной и международной предпринимательской практике [24]. При этом отмечается слабая проработанность норм о нем и необоснованность спешки законодателя в принятии соответствующих правовых норм [25]. В научной литературе отмечается, что нормы о ДУЗ способствуют развитию гражданского оборота, повышению эффективности управления и реализации заложенного имущества [26]. Кроме этого, отмечается, что «введение законодателем института управляющего залогом отвечает современным стандартам международной практики, в том числе при синдицированном кредитовании, поскольку позволяет не только существенно снизить расходы по управлению заложенным имуществом, но и улучшить его качество как вида обеспечения» [27].

Положительное восприятие законодательной идеи о ДУЗ связано, прежде всего, с преимуществами этой договорной конструкции. По этому поводу С. П. Гришаев замечает, что «договор управления залогом может быть использован в целях более действенного использования кредитором своих прав и обязанностей, связанных как с заключением договора залога, так и с осуществлением прав и обязанностей залогодержателя» [28]. Р. С. Бевзенко называет новеллу ст. 356 ГК РФ «одной из самых интересных новелл последней реформы залогового права»¹³. По его мнению, множественность лиц на стороне залогодержателей является объективной предпо-

7 См. об этом: Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law Draft Common Frame of Reference (DCFR). – Р. 410-411. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/justice/contract/files/european-private-law_en.pdf (дата обращения: 14.08.2023 г.).

8 О потребительском кредитовании: Проект Федерального закона № 136312-5 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 18 ноября 2010 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.08.2023 г.).

9 О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте: Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 14.02.2011. – № 7. – Ст. 904.

10 Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет договоров строительного подряда» (ПБУ 2/2008): Приказ Минфина России от 24 октября 2008 г. № 116н (Зарегистрировано в Минюсте России 24 ноября 2008 г. № 12717) (ред. от 27.11.2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата опубликования: 16.02.2021 г.).

11 Постановление ФАС Московского округа от 16 ноября 2011 г. по делу № А40-22155/11-34-193. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.08.2023 г.).

12 О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица: Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 // Солидарность. – № 31. – 28.08-04.09.2013.

13 Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко, О. А. Беляева и др.; отв. ред. А. Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2017. Электронное издание. Редакция 1.0. – 1120 с. (автор комментария – Р. С. Бевзенко).

сылкой правового регулирования управления залогом и если удовлетворение самостоятельных интересов нескольких лиц наиболее эффективно только путем объединения их усилий, то этим лицам нужен помощник, обеспечивающих баланс их интересов.

В. В. Витрянский дает неоднозначную оценку принятым правовым нормам о ДУЗ. Во-первых, он отмечает крайнюю скудность правовых предписаний, содержащихся в ст. 356 ГК РФ. Во-вторых, он обращает внимание на историю принятия соответствующих изменений: «действующий вариант регулирования договора управления залогом значительно проигрывает варианту, содержащемуся в едином законопроекте, принятом в первом чтении. При подготовке соответствующей статьи ко второму и третьему чтениям из ее текста были «выброшены» (вероятно, за ненадобностью) несколько весьма важных положений» [29].

А. В. Петухова, оценивая нормы об управлении залогом, пишет, что эта договорная конструкция весьма перспективна, поскольку благодаря ее опциям достигается профессиональное и, как следствие, эффективное управленческое воздействие на объект управления (права залогодержателей по договору залога), добавляя, что нормы института управления залогом слабо проработаны, а это требует от участников соответствующих договорных отношений повышенной внимательности при формулировании условий конкретного договора [30].

Нормы о ДУЗ сконцентрированы в одноименной ст. 356 ГК РФ, которая, однако, в ранее действовавшей редакции (до внесения изменений Законом № 367-ФЗ) была посвящена переводу долга по обязательству, обеспеченному залогом. Принятие Закона № 367-ФЗ способствовало созданию в рамках ст. 356 ГК РФ развернутого правового регулирования ДУЗ. Все нормативные правила о ДУЗ сконцентрированы исключительно в ст. 356 ГК РФ, что обуславливает отсутствие упоминания этой договорной конструкции в иных положениях гражданского законодательства. Важно отметить специальный характер ст. 356 ГК РФ по отношению к ст. 334 ГК РФ, в которой содержится понятие залога.

Важным этапом эволюции законодательного регулирования ДУЗ стало принятие Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 528-ФЗ «О внесении изменений в статью 356 части первой и статью 860.1 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее по тексту также – Закон № 528-ФЗ)¹⁴. Заметим, что этот поправочный федеральный закон был специально посвящен коррекции правового регулирования ДУЗ. Новеллы, предусмотренные данным законом, получили всестороннее освещение в научной литературе [31].

В пояснительной записке к Проекту Закона № 528-ФЗ¹⁵ отмечалось, что его целью является уточнение гражданского законодательства об управлении залогом. Разработчики соответствующего законопроекта поясняли, что анализ судебно-арбитражной практики, складывающейся вокруг ДУЗ, наглядно демонстрирует отдельные недостатки в части правового регулирования ДУЗ, требующие соответствующего законодательного реагирования. Так, обнаружена недостаточная конкретизация механизма осуществления управляющим залогом действий, направленных на получение имущества в интересах залогодержателя(лей) с целью передачи им этого имущества. Для разрешения обнаруженного недостатка законодательного регулирования управления залогом введены положения п. 4 ст. 356 ГК РФ, посвященные учетным обязанностям управляющего залогом в части фик-

сации кредиторов, их требований, имущества, полученного в их интересах, а также открытия специального банковского счета, именуемого «номинальным», с указанием кредиторов в качестве бенефициаров по этому счету.

Кроме того, в период подготовки проекта Закона № 528-ФЗ было обнаружено отсутствие правовых норм, направленных на регулирование юридической судьбы ДУЗ, осложнённого множественностью залогодержателей, в случае выбытия из этой множественности одного лица. Для восполнения этого пробела ст. 356 ГК РФ была дополнена новым абзацем п. 5, содержащим следующую норму: по общему правилу, прекращение прав одного из залогодержателей не влияет на юридическую судьбу ДУЗ в отношении иных залогодержателей, если иное не предусмотрено условиями этого договора или не вытекает из его существа. Однако если личность «выбывающего» кредитора имела существенное значение для иных участников соответствующих договорных правоотношений, то ДУЗ может предусматривать в этом случае прекращение этого договора для всех его участников.

Особого уточнения требовала ситуация, в которой должник и кредитор состояли в договорных отношениях, обусловленных договором синдицированного кредита (займа), одним из условий которого выступало правило об управлении залогом с передачей управляющих функций кредитному управляющему. В этой ситуации возникшее затруднение было обусловлено тем, что согласно законодательству о синдицированном кредите (займе) функции кредитного управляющего возлагаются на одного из участников синдиката кредиторов, который в свою очередь выступает одновременно в двух функциональных ролях: как владелец номинального счета и как один из его бенефициаров. Для допущения возможности подобного функционального совмещения разработчики проекта Закона № 528-ФЗ предложили новое правило, внесенное впоследствии в п. 1 ст. 860.1 ГК РФ, об отсутствии запретов в части совмещения в лице владельца счета двух функциональных ролей – владельца счета и его бенефициара. Однако при этом было введено уточняющее правило о том, что владелец счета, совмещающий такие функции, в своих правоотношениях с банком должен всякий раз отмечать, в какой функциональной роли он выступает.

В пояснительной записке к проекту Закона № 528-ФЗ также обращалось внимание на проблему актуализации круга участников синдиката кредиторов или залогодержателей, сопряженную одновременно с двумя обстоятельствами: во-первых, допускаемой законодательством частой и неоднократной заменой кредиторов, а, во-вторых, сложностью и дороговизной постоянной актуализации списка залогодержателей. При этом участники исследуемой законодательной инициативы обратили внимание на то, что информация о составе кредиторов или залогодержателей безразлична для третьих лиц.

Речь идет о таких третьих лицах, которые имеют дело с изучением государственных и иных информационных реестров, имеющих сведения о залоге имущества должника. В то же время принципиальное значение для третьих лиц имеет информация о том, что права и обязанности кредиторов возложены на кредитного управляющего или управляющего залогом. Ввиду обозначенных обстоятельств разработчиками исследуемого законопроекта было принято решение о снятии имеющихся барьеров в части развития институтов управления залогом и синдицированного кредитования путем дополнения ст. 356 ГК РФ правилом следующего содержания: в случае заключения ДУЗ или договора синдицированного кредита с условием об управлении залогом, сведения о залогодержателе не подлежат учету в государственных реестрах. При этом в этих информационных учетных системах в качестве залогодержателя указывается управляющий залогом с отметкой о его статусе.

Эволюция правовой регламентации договора управления залогом прошла несколько исторических этапов: 1) начало XX в. – фактическое существование управления залогом, основанного на непоименованной договорной конструкции; 2) 2009 г. – включение идеи о ДУЗ в Концепцию развития гражданского законодательства РФ с целью его имплемен-

14 О внесении изменений в статью 356 части первой и статью 860.1 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 30 декабря 2020 г. № 528-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата опубликования: 30.12.2020 г.).

15 О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации: Проект Федерального закона № 808193-7 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 08 октября 2019 г.) // Документ опубликован не был. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 13.08.2023 г.).

тации из зарубежных правопорядков; 3) 2013 г. – разработка и последующее принятие проекта Закона № 367-ФЗ, регламентирующего договор управления залогом; 4) 2020 г. – реформа института управления залогом путем принятия Закона № 528-ФЗ.

Юридическая доктрина взаимосвязанных договоров, основным постулатом которой следует признать тезис о связи двух или более договоров, возникших между разными участниками имущественного оборота на отличных условиях, однако характеризующихся единством цели, объекта и экономического содержания, является основой цивилистического учения о договоре управления залогом, поскольку последний находится в неразрывной связи с договором залога, а договор залога – с обеспечиваемым залогом договорным обязательством.

Пристатейный библиографический список

- Маковский А. Л. Собственный опыт – дорогая школа // Актуальные проблемы частного права: сб. ст. к юбилею П. В. Крашенинникова (Москва – Екатеринбург, 21 июня 2014 г.) / Под ред. В. В. Витрянского, С. Ю. Головиной, Б. М. Гонгало и др. – М., 2014. – С. 127.
- Мацуев А. И., Миллер К. С. Некоторые практические проблемы использования договора управления залогом // Банковское право. – 2020. – № 2. – С. 75-79 @ Мацуев А. И., Миллер К. С. Некоторые практические проблемы использования договора управления залогом // Банковское право. – № 3. – С. 28-32.
- Певзнер А. А. Новеллы гражданско-правового регулирования множественности залогодержателей // Право и управление. XXI век. – 2016. – № 2 (39). – С. 118.
- Емелькина И. А. Проблемы соотношения вещного права с конструкцией «управление чужим имуществом» // Гражданское право. – 2021. – № 6. – С. 12.
- Гонгало Б. М. Развитие кодификации законодательства о залоге: трансформация понятий // Кодификация российского частного права 2019 / В. В. Витрянский, С. Ю. Головина, Б. М. Гонгало и др.; под ред. Д. А. Медведева. – М.: Статут, 2019. – 492 с.
- Реформирование гражданского законодательства: общие положения о сделках, обязательствах и договорах / И. З. Аюшеева, И. С. Богданова, Е. С. Болтанова и др.; отв. ред. В. В. Долинская. – Москва: Проспект, 2018. – 192 с. (автор главы – В. В. Долинская).
- Степанов Д. И. Проект Гражданского кодекса: от патернализма по-советски к истинному частному праву // Закон. – 2012. – № 5. – С. 97-110.
- Фогель В. А., Шмидт С. Г. Управление способами обеспечения исполнения обязательства в Германии в связи с заключением синдицированного кредитного договора // Закон. – 2012. – № 2. – С. 161-171.
- Гравин Д. И. Синдицированное кредитование в российском и английском праве // Журнал российского права. – 2013. – № 12. – С. 100-109.
- Gregory Jon. Counterparty credit risk. ISBN 978-0-470-68576-1. – P. 59.
- Кирпичев А. Е. Категория взаимосвязанных договоров в российском и европейском праве // Гражданское право. – 2014. – № 2. – С. 40-43.
- Wery P. Droit des obligations: developpements recents et pistes nouvelles, Formation permanente C.U.P. – Vol. 96, Anthemis. – 2007. – P. 10.
- Deshayes M. Interdependance contractuelle: la Cour de cassation tranche pour une definition objective de la notion // Option Finance. – 2013. – № 1225.
- Модельные правила европейского частного права / Пер. с англ.; Науч. ред. Н. Ю. Рассказова. – М.: Статут, 2013. – 989 с.
- Карапетов А. Г. Приостановление исполнения обязательства как способ защиты прав кредитора. – М.: Статут, 2011. – 239 с.
- Антимонов Б. С. Основания договорной ответственности социалистических организаций. – М.: Юридическая литература, 1962. – С. 139 @ Клейн Н. И. Организация договорно-хозяйственных связей. – М., 1976. – С. 3.
- Ширвиндт А. М. Ограничение свободы договора в целях защиты прав потребителей в российском и европейском частном праве // Вестник гражданского права. – 2013. – № 1. – С. 5-51.
- Габов А. В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. – М.: Статут, 2005. – 412 с.
- Морозов С. Ю. Система транспортных организационных договоров. – М.: Норма, 2011. – 352 с.
- Иванов О. М. Правовое регулирование стоимости потребительского кредита: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – С. 38.
- Гунин А. В. Договор субаренды в российском гражданском праве: общие положения // Гражданское право. – 2011. – № 2. – С. 30-33.
- Ковров Н. Н. Договорные связи в субподрядных отношениях // Юрист. – 2010. – № 11. – С. 28-31.
- Чепига Т. Д. Финансовая аренда (лизинг): проблемы правопреемства // Цивилист. – 2011. – № 2. – С. 67-72.
- Харитонова Ю. С. Договор управления залогом // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 11. – С. 15-20.
- Василюк Л. Ю. Правовая квалификация договора управления залогом // Закон. – 2016. – № 3. – С. 38-47.
- Баутина В. С. Договор управления залогом: содержание и проблемы применения // Право, общество, государство: проблемы теории и истории: сб. ст. всерос. студенч. науч. конф. Российский университет дружбы народов, 2017. – С. 269.
- Нуриев А. Х. Регулирование проектного финансирования: на пути к международным стандартам // Международные банковские операции. – 2014. – № 1. – С. 10.
- Гришаев С. П., Богачева Т. В., Свит Ю. П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «КонсультантПлюс», 2019 (автор комментария к ст. 356 ГК РФ – С. П. Гришаев).
- Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. – М.: Статут, 2018. – С. 216.
- Петухова А. В. Залог: основные изменения законодательства // Индивидуальный предприниматель: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2014. – № 4. – С. 73-78.
- Школдин К. В. Договор управления залогом: новые правила управления залогом // Новеллы права, экономики и управления 2021: сб. науч. трудов по мат-лам VII междунар. науч.-практ. конф. – 2022. – С. 114-117.

ФИРСОВА Ольга Николаевна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга и предпринимательства Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ЗОЛОТАРЕВА Ирина Александровна

студент 1 курса, направление Экономика, профиль «Экономика, финансы и бухгалтерский учет» Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ СОБСТВЕННОГО БИЗНЕСА НАЧИНАЮЩИМИ СУБЪЕКТАМИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

В исследовании представлены результаты анализа динамики численности субъектов предпринимательской деятельности в Российской Федерации в целом и, в частности в Центральном федеральном округе, отражающие специфические особенности начинающих предпринимателей, стремящихся к развитию личностных предпринимательских навыков, самореализации в предпринимательской среде посредством создания собственного бизнеса в различных формах его организации, а также теоретически обоснованы основные проблемы начинающих предпринимателей на старте своей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, начинающий предприниматель, бизнес.

FIRSOVA Olga Nikolaevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Marketing and entrepreneurship sub-faculty of the I. S. Turgenev Orel State University

ZOLOTAREVA Irina Alexandrovna

student of the 1st course, direction Economics, profile "Economics, finance and accounting" of the I. S. Turgenev Orel State University

FEATURES OF THE CREATION AND DEVELOPMENT OF THEIR OWN BUSINESS BY BEGINNING BUSINESS ENTITIES IN RUSSIA

This study presents the results of the analysis of the dynamics of the number of business entities in the Russian Federation as a whole and, in particular, in the Central Federal District, reflecting the specific features of start-up entrepreneurs seeking to develop personal entrepreneurial skills, self-realization in the entrepreneurial environment by creating their own business in various forms of its organization, and also theoretically substantiates the main problems of start-up entrepreneurs in the stratum of their professional activity.

Keywords: entrepreneurial activity, aspiring entrepreneur, business.

Развитие предпринимательства в настоящее время выступает одним из наиболее актуальных направлений социально-экономической политики России, поскольку предпринимательская деятельность выступает источником устойчивого социально-экономического развития государства и определяет путь к экономическому прогрессу, находя отражение интересов всего общества в представленной сфере, охватывая все ресурсы человеческого капитала, реализуя весь потенциал как начинающих предпринимателей, так и устоявшихся на рынке представителей малого и среднего бизнеса. Прогрессивность процесса развития предпринимательства носит практический характер отражения на всей территории страны, однако деятельность, основанная на реализации предпринимательских способностей, имеет ряд ограничений, особенно на этапе запуска бизнеса.

Любой начинающий предприниматель на старте своей деятельности проходит ряд этапов по созданию собственной фирмы, где основополагающим этапом является регистрация компании. Среди организационно-правовых форм регистрации предпринимательской структуры в нашей стране наиболее распространенными формами являются индивидуальное предпринимательство, создание юридического лица и набирающая популярность в последние годы форма организации бизнеса - самозанятость. Так, согласно статистическим данным Единого государственного реестра субъектов малого и среднего предпринимательства, число новых зарегистрированных индивидуальных предпринимателей (ИП) в 2022 году составило 133 317 относительно количества ИП в

2021 году и 373 316 относительно количества ИП в 2020 году, что демонстрирует интерес физических лиц в России к созданию собственного бизнеса. Среди форм организации индивидуального предпринимательства в стране наибольшими темпами характеризуется создание микропредприятий, их число в 2022 году составило 3,65 млн единиц. Количество малых индивидуальных предприятий в 2022 году достигло значения 28,3 тыс. предприятий, а число средних индивидуальных предприятий выросло на 28 единиц относительно 2021 года и составило 354 предприятия (таблица 1).

Однако, согласно представленным в таблице 1 данным нельзя отметить положительную динамику в создании новых юридических лиц в РФ. Число микро и малых предприятий, созданных в форме юридического лица, сократилось в 2022 году относительно 2021 года на 7003 и 1672 предприятия соответственно. Но количество средних предприятий, организованных в форме юридического лица, отмечается небольшим ростом значения показателя, составив по итогам 2022 года 17655 бизнес-единиц. (См. табл. 1.)

Что же касается динамики численности самозанятости в России, то стоит отметить стремительный рост числа зарегистрированных самозанятых граждан в период 2020-2022 годы. Их число в 2022 году составило более 6,5 млн человек, когда как в 2020 году их насчитывалось порядка 1,6 млн человек. (См. рис. 1.)

Такой растущий интерес начинающих предпринимателей к организации собственного бизнеса в качестве самозанятого обуславливается простотой регистрации бизнеса,

Таблица 1. Динамика количества субъектов малого и среднего предпринимательства в России в 2020-2022 годах [1]

Показатели	Микро предприятия	Малые предприятия	Средние предприятия	Всего
Индивидуальные предприниматели				
2020 г.	3285859	26478	309	3312646
2021 г.	3525482	26837	326	3552645
2022 г.	3657257	28351	354	3685962
Изменение 2022 г./ 2021 г. (+/-)	131775	1514	28	133317
Изменение 2022 г./ 2020 г. (+/-)	371398	1873	45	373316
Юридические лица				
2020 г.	2164402	190137	17376	2371915
2021 г.	2110815	185592	17651	2314058
2022 г.	2103812	183920	17655	2305387
Изменение 2022 г./ 2021 г. (+/-)	-7003	-1672	4	-8671
Изменение 2022 г./ 2020 г. (+/-)	-60590	-6217	279	-66528

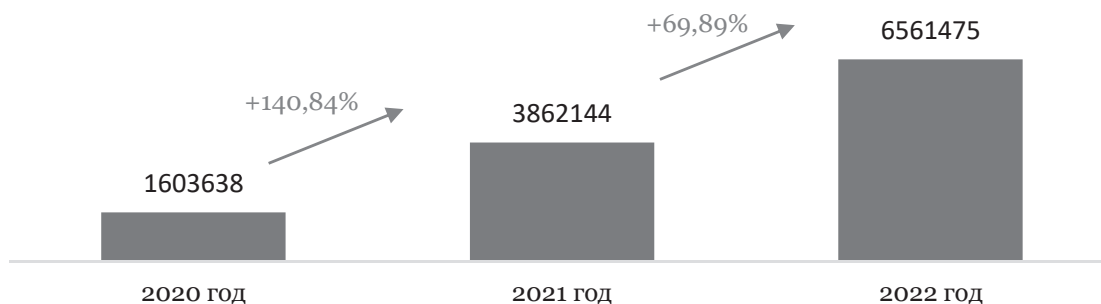

Рисунок 1. Динамика численности самозанятых граждан в России в 2020-2022 годах, чел. [3]

минимальной отчетностью, пониженной налоговой базой – налог на профессиональный доход составляет всего 4% и 6% от дохода при сделках с физическими и юридическими лицами соответственно, а также возможностью совмещения с основным местом работы и самореализацией в предпринимательской деятельности.

Несмотря на положительные темпы роста численности вновь зарегистрированных предпринимателей в РФ существует проблема дифференциации развития предпринимательских структур в региональном разрезе. Определим динамические сдвиги количественных показателей численности начинающих предпринимателей в разрезе регионов Центрального федерального округа (ЦФО). Так, число новых созданных индивидуальных предпринимателей в Центральном федеральном округе превалирует в таких регионах, как Москва, где увеличение показателя в соотношении 2022 года с 2021 годом произошло в 25 012 единиц и с 2020 годом в 75 468 единиц. А также отмечается значительный прирост в Московской области по данным 2022 года к 2021 году в 19 307 субъектов. При этом величина роста наблюдается ещё в Ивановской, Тульской, Воронежской областях. Отрицательная тенденция к распространению выявлена в Калужской области, где индекс изменения 2022 года к 2021 году снизился на 555 структур [1].

Проводя исследование количества юридических лиц в той же географической широте РФ выявлено активное снижение, которое доходит до снижения в 1999 субъектов Ивановской области относительно 2022 года к 2020 году. Сопоставив ресурсы этих временных рамок с долей развития ИП

региона, составляющее прирост на 2 254 показателя численности, выявляем, что приоритетность заключается в данной форме. Осуществляя аналогичную параллель ведения бизнеса в Калужской области, отметим снижение в менее значительных объемах юридической структуры, чем индивидуальных предпринимателей в соотношении 2022 года к 2021 году составляющая сокращение в 148 организаций. Стремление к увеличению в деятельности сферы юридических лиц исходит лишь от Москвы и Московской области [1]. Доля низких показателей чаще всего обусловлена отсутствием мотивации и масштабной конкуренцией с единоличными собственниками организаций.

Рассматривая структурный региональный разрез численности самозанятых в ЦФО по итогам 2022 года, отметим, что наибольшее число зарегистрированных предпринимателей в данной форме осуществления профессиональной деятельности отмечается в г. Москва – более 1,2 млн субъектов. Среди регионов ЦФО лидирующие позиции по числу самозанятых граждан в Московской области – около 481 тыс. граждан, Воронежской области – 81,7 тыс. самозанятых граждан и Калужской области – 44,9 тыс. человек. Наименьшее число самозанятых граждан в 2022 году было зафиксировано в Орловской области – 20,6 тыс. чел., Тамбовской области – 19,3 тыс. граждан и Костромской области – 15 тыс. самозанятых [3].

Создание и развитие собственного бизнеса – это всегда риск для начинающих предпринимателей, которые, зачастую, сначала делают шаг и только потом разбираются в нюансах предпринимательской деятельности. Существуют определенные базовые требования к начинающим предпри-

нимателям на старте создания собственного бизнеса, среди которых:

1) система знаний в области:

– законодательства в сфере бизнеса;

– финансового планирования предпринимательской деятельности и учета доходов и расходов будущей предпринимательской структуры, а также выбора оптимальной системы налогообложения в соответствии с выбранной формой организации бизнеса;

2) система навыков в области:

– самоорганизации и самоуправления, в частности личный тайм-менеджмент, необходимый для эффективного управления временем, представляющий собой единственный ресурс в предпринимательстве, не обладающий свойством воспроизводства и восстановления;

– эффективной организации системы продаж и планомерного продвижения будущей бизнес-единицы;

– ведения эффективных деловых переговоров со всеми контрагентами в ходе реализации предпринимательской деятельности;

– саморазвития, построенного на работе своими убеждениями, ограничениями, страхами и постоянном развитии предпринимательских компетенций.

При этом, стоит отметить, что на пути создания бизнеса начинающие предприниматели испытывают определенные трудности разнопланового характера. К категориям таких сложностей относятся:

1. Неполнота информации. Критерий основывается на скудности ресурсов для решения множества возникающих вопросов в формировании новой предпринимательской структуры.

2. Взаимодействие с ФНС. Трудности зачастую выражаются в низкой осведомленности начинающих предпринимателей о своих обязанностях и ответственности в виде: самостоятельного выбора системы налогообложения, сдачи деклараций и наложенных санкций за не взаимодействия с налоговыми органами.

3. Регистрация бизнеса. Зафиксировать факт создания в контролирующих органах составляет помеха нестабильности законодательной базы и большое количество систем прохождения регистрации, особенно при создании бизнеса в форме юридического лица.

4. Расчетная система. Требования к открытию бизнес-счета, выборе, установке и обслуживании кассового аппарата и др. Процесс носит документальное направление, подтягивая на лимитное обслуживание, тем самым создавая уменьшение собственного капитала владельца.

5. Низкая доля потребителей. При входе на рынок сложно производить сбыт созданного благо из-за отсутствия собственной клиентской базы.

6. Отсутствие «Предприниматель» – как профессии. Проблема предстает в виде дефицита владения конструктивными сведениями и применением их на практике. Сфера деятельности работы на себя, не предусматривает возможности обучения в учебных заведениях, с дальнейшим приобретением диплома высококвалифицированного специалиста.

7. Соответствие технологиям. Внедрению цифровых установок на старте бизнеса поддаются реализации не каждому проекту, а современные методики рассчитаны на усовершенствование производства, предполагая отслеживания трендов и предоставление потребителям лучшие инновационные свойства продукта.

8. Экономический кризис, влияющий на покупательскую способность потенциальных клиентов, так как за ним кроется снижение реальных доходов населения.

Состояние перечисленных факторов напрямую влияет на возможности во внешней бизнес-среде, также на готовность и способность создавать собственный бизнес начинающими предпринимателями.

В целях оказания помощи преодолению трудностей начинающим предпринимателям государство, заинтересованное в развитии сферы предпринимательства в стране, предусматривает некоторые меры поддержки молодых предпринимателей на старте создания собственного бизнеса, среди которых: ведение собственного дела по сниженной налоговой ставки; предоставляет меры поддержки начинающих предпринимателей посредством оказания различных услуг «Мой бизнес»; выдача грантов; получение льготного кредита; финансово-гарантийная поддержка через МФО и РГО; льготные лизинговые программы; доступ альтернативных способов получения привлечения инвестиционного капитала в бизнес; допуск к площадкам промпарков, технопарков, бизнес-инкубаторов [2].

Таким образом, процесс создания и развития собственного бизнеса начинающими предпринимателями обладает широким спектром трудностей, подверженности разного рода рискам, но находится под системой стимулирующих мер, предлагаемых государством, по поддержке, помощи начинающим предпринимателям для большего вовлечения населения в сферу бизнеса, стратегически определяя их вклад в будущую экономику страны.

Пристатейный библиографический список

1. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // Федеральная налоговая служба (официальный сайт). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rmsp.nalog.ru/>
2. Меры поддержки МСП // Мой бизнес (официальный сайт). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мойбизнес.пф/anticrisis>.
3. Самозанятость в РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sznpd.ru/statistika-samozanyatostina-nachalo-2023/>.

БАЙРАМОВ Рамзи Раджабович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии имени В. Б. Бобкова

ГАБДУЛХАКОВ Марсель Фанильевич

бакалавр права, соискатель магистерской степени Московского государственного института дипломатических отношений (Университета) МИД России

ЛАВРЕНОВА Александра Сергеевна

бакалавр права, соискатель магистерской степени Московского государственного института дипломатических отношений (Университета) МИД России

РЕДИНА Валерия Всеволодовна

соискатель магистерской степени Московского государственного института дипломатических отношений (Университета) МИД России

ПРАВО УЧАСТНИКОВ КОРПОРАЦИИ НА ИНФОРМАЦИЮ

В данной работе рассматривается право участников корпорации на получение информации. Автором анализируются основные аспекты данного права, включая порядок предоставления информации, субъектов, которые должны предоставлять информацию, а также виды информации, на которые распространяется данное право. Особое внимание уделяется вопросам защиты прав участников корпорации на получение информации. Проведён сравнительный анализ объема права на информацию, а также его возможные ограничения в РФ и США, Германии, Франции и Великобритании. Сделан вывод о том, что право на информацию о деятельности общества является имманентным правом любого участника корпорации, так как оно позволяет защитить вложенные средства участников, управление которыми осуществляют другие лица.

Ключевые слова: право на информацию, участники корпорации, порядок предоставления информации, виды информации, защита прав.

BAYRAMOV Ramzi Rajabovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty of the St. Petersburg branch of the V. B. Bobkov Russian Customs Academy

GABDULKHAKOV Marsel Fanilevich

LL.B., competitor for a master's degree of the Moscow State Institute of Foreign Affairs (University) of the MFA of Russia

LAVRENOVA Alexandra Sergeevna

LL.B., competitor for a master's degree of the Moscow State Institute of Foreign Affairs (University) of the MFA of Russia

REDINA Valeriya Vsevolodovna

competitor for a master's degree of the Moscow State Institute of Foreign Affairs (University) of the MFA of Russia

THE RIGHT TO INFORMATION OF MEMBERS OF THE CORPORATION

This paper examines the right of members of a corporation to receive information. The author analyses the main aspects of this right, including the procedure for providing information, the subjects who must provide information, and the types of information to which the right applies. Particular attention is paid to the issues of protecting the rights of the participants of the corporation to obtain information. A comparative analysis of the scope of the right to information as well as its possible limitations in the Russian Federation and the USA, Germany, France and the United Kingdom is made. It is concluded that the right to information on the activities of the company is an inherent right of any participant in the corporation, as it allows to protect the invested funds of the participants managed by other persons.

Keywords: the right to information, members of the corporation, how to provide information, types of information, protection of rights.

Участники хозяйственных обществ обладают множеством прав и обязанностей, каждая из которых регламентированы как в гражданском законодательстве, так и в специальных федеральных законах. Одним из неотъемлемых прав участников является право на получение информации о компании. Законодателем подчеркнута его значимость, так как без возможности понимать, как происходит операционная деятельность корпорации, участники не могут полноправно участвовать в управлении обществом. В особенности это актуально в отношении публичных акционерных обществ, поскольку инвесторам необходимо знать о ключевых показателях компании, перед тем как вкладываться в ее деятельность.

Вместе с тем, на практике распространены ситуации, когда участники злоупотребляют своим правом на получении информации. Это проявляется в том числе в шантаже, который в состоянии серьезно дестабилизировать деятельность хозяйственного общества. В связи с этим, целью настоящей

работы является анализ объема права участников на информацию, установленного как российским, так и зарубежным законодательством, а также реализации указанного права в судебной практике вместе с вытекающими из него проблемами.

Правом на информацию обладают не только члены коммерческих корпораций, но также и некоммерческих, в связи с чем указанное право закреплено в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ). Пункт 1 статьи 65.2 регламентирует общие права участников корпораций, в число которых включено право получать информацию о деятельности корпорации и знакомиться с ее бухгалтерской и иной документацией в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом и учредительным документом корпорации. Такая общая формулировка непосредственно связана с тем, что конкретный объем права и порядок его реализации закреплен в специальных федеральных законах. В настоящей работе право на получение информации будет рассмотрено

в рамках обществ с ограниченной ответственностью и акционерных обществ.

В соответствии с пунктом 1 статьи 8 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – ФЗ об ООО) участники общества вправе получать информацию о деятельности общества и знакомиться с его бухгалтерскими книгами и иной документацией в установленном его уставом порядке. Так, конкретный порядок реализации права на получение информации устанавливается основным учредительным документом ООО – уставом. При этом, как подчеркивал Высший арбитражный суд Российской Федерации (далее – ВАС РФ), в уставе можно установить только порядок получения информации об обществе, но не перечень информации, которая подлежит предоставлению участникам общества. В связи с этим, участник имеет право требовать любые имеющиеся у общества документы, которые связаны с деятельностью этого общества. Конкретный перечень информации, на получение которой может претендовать участник ООО, закреплен в статье 50 ФЗ об ООО. В этот перечень включены устав общества, внутренние документы, протоколы заседаний общего собрания и ревизионной комиссии, договоры, являющиеся крупными сделками или сделками, в совершении которых имеется заинтересованность и некоторые другие документы. При этом общество не вправе отказать участнику в предоставлении информации, за исключением строго определенных законом случаев, например, в случае если лицо повторно в течение трех лет запрашивает документ, который уже был предоставлен (п. 4 ФЗ об ООО). За неправомерный отказ ООО предоставить информацию общество подлежит административной ответственности.

В акционерных обществах (далее также – АО) объем права на получение информации отличается от ООО. Так, все акционеры вправе получать только те документы, которые указаны в п. 1 статьи 91 Федерального закона «Об акционерных обществах» (далее – ФЗ об АО), куда включены схожие с ФЗ об ООО документы.

Вышеописанные ограничения на доступ к информации непосредственно связаны с тем, что на практике наблюдались значительные злоупотребления акционеров указанным правом. В случае, если речь идет о публичных акционерных обществах, акции которых может купить любой желающий на бирже, открытый доступ ко всем документам может существенно навредить самой корпорации. В связи с этим, 29 июля 2017 года в ФЗ об АО были внесены указанные поправки, ограничивающие доступ к некоторым документам для акционеров, не обладающих достаточным количеством акций. В число этих поправок вошло также введение термина «деловая цель», под которой подразумевается законный интерес акционера в получении сведений и документов, которые объективно необходимы и достаточны для надлежащей реализации прав акционера. В случае, если участник не укажет разумную деловую цель, с которой он запрашивает документ, общество вправе отказать ему в предоставлении информации (пп. 4, п. 8 ст. 91 ФЗ об АО).

Важно заметить, что получение участниками информации может осуществляться не только по их личному запросу, но также в результате раскрытия обществом информации и в ходе участия самих участников в деятельности компании. В этом смысле право участника на получение информации корреспондирует обязанности публичного общества раскрывать информацию. И тогда как предоставление информации осуществляется в пользу непосредственных участников общества, раскрытие информации совершается обществом для неопределенного круга заинтересованных лиц [4, с. 64-65].

Таким образом, право на получение информации участниками корпорации является их неотъемлемым правом, за неправомерный отказ в реализации которого обществом грозит ответственность. В то же время законодатель, осознавая, что деятельность крупных корпораций может быть поставлена под удар в случае безлимитного доступа участников ко всем документам организации, в некоторых аспектах существенно ограничивает объем указанного субъективного права.

Как уже было сказано ранее, неограниченный доступ участников общества к информации о деятельности компании может приводить к злоупотреблению участником своим правом. Президиум ВАС указал на признаки, свидетельствующие о том, что в действиях участника содержится злоупотребление правом: к их числу относятся то, что (1) участник является фактическим конкурентом общества или его аффилированным лицом, (2) запрашиваемая информация является конфиденциальной и может навредить коммерческим интересам общества и (3) наличие неправомерного интереса.

Суды, разрешая вопрос о наличии в действиях участника ООО признаков злоупотребления правом, руководствуются позицией, изложенной Президиумом ВАС. Так, в одном деле Арбитражного суда Московского округа истец запрашивал информацию и документы у общества АО НПП «СПЕЦЭНЕРГОТЕХНИКА», будучи одновременно единственным участником ООО «СЭТ». При этом одним из видов деятельности ООО «СЭТ» являлось производство красок, лаков и аналогичных материалов для нанесения покрытий, полиграфических красок и мастик, в то время как аналогичный вид деятельности также осуществляло общество, у которого истец запрашивал информацию. Суд пришел к выводу о том, что поскольку спорные документы и информация содержали сведения как о контрагентах ответчика, условиях сотрудничества с ними, так и о его работниках, а ООО «СЭТ», в котором истец является единственным участником, позиционирует себя для неограниченного количества лиц как общество, занимающееся тождественной деятельностью, что и ответчик, предоставление подобного рода документов и информации о деятельности общества может привести к причинению вреда интересам последнего. Таким образом, в данном деле общество правомерно отказало в предоставлении конфиденциальной информации, которую запрашивал участник, так как он одновременно является фактическим конкурентом компании.

Также одним из важнейших аспектов права на получение информации является баланс интересов акционера и самого акционерного общества. В одном деле суд апелляционной инстанции отменил постановление Банка России о назначении административного наказания обществу, отказавшемуся предоставить участнику информацию, как раз по причине нарушения такого баланса. В споре ОАО «Газпром газораспределение Киров», будучи миноритарным акционером общества, просило представить все бюллетени для голосования и все доверенности на участие во всех общих собраниях акционеров общества за 2010-2013 годы. Суд в своей аргументации ссылался на позицию Конституционного суда РФ о том, что при рассмотрении судом дела об оспаривании постановления о привлечении к административной ответственности недостаточно установления одного лишь факта непредоставления истребуемой миноритарным акционером информации, а необходима проверка обеспечения баланса законных интересов миноритарного акционера и общества. Помимо этого, необходимо установление обоснованного интереса участника соответствующей информации. Применительно к конкретным обстоятельствам рассматриваемого дела суд не нашел доказательств обоснованности интереса миноритарного акционера ОАО «Газпром газораспределение Киров» в получении соответствующей информации и пришел к выводу о том, что требование акционера нарушает баланс интересов сторон.

Однако не во всех ситуациях виновным является участник общества. Распространены случаи неправомерного отказа хозяйственного общества в предоставлении информации. Полномочиями для привлечения в этом случае общества к ответственности обладает Центральный Банк РФ, будучи центральным регулятором финансового рынка РФ [6, с. 7]. Проанализировав судебную практику, можно сделать вывод о том, что в своей аргументации суды исходят из презумпции добросовестности участника, установленной в части 3 статьи 10 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). В связи с этим, именно на обществе лежит ответственность за предоставление доказательств того, что участник злоупотребляет своим правом на информацию. Так, в одном деле Вовненко А.В. являлся участником общества, и ему принадлежала доля в уставном капитале общества в размере 25%. Вовненко А.В. направил в адрес общества требование о предоставлении документов, касающихся хозяйственной деятельности общества. Поскольку общество не исполнило требование о предоставлении документов, истец обратился в суд с настоящим иском. Суд в своем решении ссылался на презумпцию добросовестности участника, которая означает, что когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно, разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагаются. Ответчиком в настоящем деле не были представлены доказательства наличия в действиях истца злоупотребления правом, в связи с чем само по себе обращение истца за судебной защитой его прав, вытекающих из статуса участника общества, не может расцениваться как злоупотребление правом.

Таким образом, из анализа судебной практики по делам, связанным с правом участников общества на получение информации, можно сделать вывод о том, что суды в большей

части исходят из баланса интересов участников и хозяйственного общества, а также из доказанности и обоснованности доводов как участника, так и самой организации.

Законодательная регламентация права на доступ к информации об обществе различается в разных правовых порядках. Произведем сравнительный анализ объема права на информацию, а также его возможные ограничения в РФ и США, Германии, Франции и Великобритании.

В США право участников на информацию является правом на изучение книг и записей корпорации и происходит из того, что участники корпорации являются фактическими владельцами ее имущества. В этом смысле акционеры извлекают выгоду из имущества, которое юридически принадлежит корпорации, поэтому они полноправно могут и должны знать все о деятельности компании [5, с. 330]. В соответствии с американским законодательством право на информацию должно осуществляться в надлежащее время, в надлежащем времени и целях. В штатах Нью-Йорк и Делавэр право на изучение книг и записей участника должны реализовать по мере возникновения такой необходимости, при этом обязательно нужно указывать цель, с которой соответствующая информация запрашивается. Согласно Кодексу штата Делавэр (Delaware Code) в случае отказа общества предоставить акционеру информацию или отсутствия ответа в течение пяти рабочих дней последний вправе подать иск в Канцлерский суд с требованием о принудительном предоставлении информации. В Нью-Йорке же акционер, получивший непропорциональный отказ в предоставлении информации, вправе подать иск в верховный суд в судебном округе, в котором находится компания. Так, американский подход схож с российским в аспекте необходимости указания деловой цели при запросе информации, однако при этом в США объем права на информацию не различается в зависимости от количества акций, которыми владеет акционер [5, с. 341-351]. Также разница заключается в том, что в США перечень документов, которые вправе истребовать акционер, открытый, в то время как в РФ он строго очерчен законом. Отличительная особенность именно штата Делавэр заключается в том, что участники вправе получать информацию также и о дочерних компаниях общества, такое право не предусмотрено в штате Нью-Йорк и тем более в России.

В Германии законодательное регулирование права на информацию кардинально отличается как от США, так и от России, ввиду того, что акционеры вправе запрашивать информацию только для того, чтобы надлежаще оценить повестку дня. При этом Федеральный конституционный суд Германии не считает указанное ограничение недопустимым, более того он указывает, что оно является эффективной реализацией права на информацию [3, с. 97-108]. В случае непропорционального отказа в предоставлении информации участник может оспорить как такой отказ, так и решение собрания акционеров на основании отказа. Однако такое ограничение не устанавливается в отношении акционеров GmbH, так как им общество обязано без задержек предоставлять всю информацию о деятельности компании, а также все записи и книги [5, с. 345-346]. В отношении перечня запрашиваемой информации в Германии, так же, как и в США, ограничений не установлено и он является открытым, однако это связано непосредственно с тем, что запрашивать информацию участники общества вправе только по повестке дня собрания акционеров. В качестве другого отличия можно отметить, что в Германии акционер не обязан указывать цель, с которой он запрашивает информацию, как этого требует закон в РФ и США. Однако общество вправе отказать в предоставлении информации в ряде случаев, например, если информация касается налоговых обязательств компании или ее предоставление может причинить значительный ущерб компании [5, с. 379-381]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что регулирование права на информацию в Германии дифференцируется от вышеописанных стран, в том числе России, и все требования к реализации права на информацию, как правило, обусловлены тем, что акционеры вправе запросить информацию только для оценки повестки дня.

Во Франции и Великобритании беспрепятственным доступом к информации о деятельности общества обладают аудиторы компании. Во Франции участники вправе запрашивать бухгалтерские книги и другие документы компании не более чем за последние три года, в то время как в Великобритании акционеры могут проверять записи компании только если можно доказать, что проверка необходима применительно к какому-либо конкретному спору или вопросу, в котором заинтересован акционер, и даже в этом случае такое право предоставляется только в той мере, в какой это может быть необходимо для конкретного случая. В обоих государствах при

запросе информации необходимо указывать надлежащую цель [7, с. 35-40].

Примечательно, что в Великобритании общество не вправе отказывать акционерам в предоставлении информации. Вместо этого в Законе о компаниях (United Kingdom Companies Act, статья 116) предусмотрены конкретные документы, в предоставлении которых руководители могут отказать акционерам и любым заинтересованным лицам. Когда компания получает запрос, она должна в течение пяти рабочих дней либо удовлетворить запрос, либо обратиться в суд. Так, компания не может решить не предоставлять информацию акционеру по своему усмотрению, вместо этого решение по этому вопросу принимает суд [7, с. 54].

Таким образом, в различных европейских юрисдикциях законодательное регулирование права на информацию, его объем и ограничения, связанные с его реализацией, обладают некоторыми сходствами, однако в определенных аспектах кардинально отличаются.

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод о том, что право на информацию о деятельности общества является имманентным правом любого участника корпорации, так как оно позволяет защитить вложенные средства участников, управление которыми осуществляют другие лица. В связи с этим, необоснованное ограничение доступа к реализации такого права, в особенности миноритариям, являющимся слабой стороной в крупных корпорациях, недопустимо. Вместе с тем ничем не ограниченное субъективное право на информацию может серьезно дестабилизировать деятельность общества, что, как показывает практика в России, могут делать даже участники, размер доли участия в обществе которых является совсем незначительным. Именно поэтому ключевым является баланс интересов корпорации и ее участников. При этом поскольку участники и само общество преследуют, как правило, крайне разные интересы, соблюдение такого баланса может быть существенно затруднено, однако к этому следует стремиться.

Следует заметить, что действующее законодательство России о хозяйственных обществах, несмотря на его эволюцию в последние годы, все еще требует доработок. В частности, представляется необходимым, чтобы перечень информации, на получение которой вправе претендовать участник общества, не был строго ограничен. В этом смысле предпочтительно опираться на опыт государств Западной Европы, рассмотренных в настоящей работе. Помимо этого, по нашему мнению является недопустимым диспозитивное регулирование права на информацию в непубличных акционерных обществах, так как указанное субъективное право должно реализовываться в максимально одинаковом объеме для всех участников общества.

Пристатейный библиографический список

1. Бычков А. Режим коммерческой тайны в организации // Юридический справочник руководителя. – 2021. – № 6.
2. Габов А. В., Губин Е. П., Карелина С. А. и др. Корпоративное право: учебник / Отв. ред. И. С. Шиткина. – М.: Статут, 2019. – 540 с. // СПС КонсультантПлюс.
3. Кузнецов В. А., Степанов Д. И. Право акционера на информацию // Закон. – 2011. – № 7.
4. Мельникова Т. В. Некоторые проблемы правового регулирования обязанностей акционерного общества раскрывать информацию и предоставлять информацию // Юрист. – 2021. – № 3.
5. Орлова О. Е. Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20-летию Закона об ООО [Электронное издание] / Отв. ред. А. А. Кузнецов. – М-Логос, 2020.
6. Петров В. Информационные права участников обществ. Ищем баланс интересов // ЭЖ-Юрист. – 2017. – № 16.
7. Cherkashenko A. Shareholders' rights to information and inspection as means of protecting minority shareholders: Germany, United Kingdom, France, and Kyrgyzstan. Central European University, 2011.

АРЦХАЕВ Денис Русланович

магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

БОХАН Андрей Петрович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Ростовского филиала Российской государственного университета правосудия, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

УЛЕЗЬКО Иван Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

НАХОДКА ИЛИ КРАЖА? (ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ)

В статье авторы дают общую уголовно-правовую характеристику преступлениям против собственности. Раскрыто понятие собственности как объекта посягательства преступлений главы 21 УК РФ.

Также рассмотрены признаки статьи 158 УК РФ (Кража). Используя метод сравнения признаков, авторами подвергнута юридическому анализу ситуация, при которой даны рекомендации по квалификации действий при обнаружении забытой (выпавшей) вещи в отношении лиц(а), который(е) данную вещь находят.

Авторы дают рекомендации о необходимости внесения дополнений в текст уголовного закона, а также в действующее постановление Пленума Верховного Суда по рассматриваемой категории уголовных дел.

Ключевые слова: собственность, имущество, находка, оставление имущества, кража, присвоение найденного.

ARTSKHAEV Denis Ruslanovich

magister student of the Rostov State University of Economics (RINE)

BOKHAN Andrey Petrovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law sub-faculty of the Rostov branch of the Russian State University of Justice, associate professor of Criminal and criminal executive law, criminology sub-faculty of the Faculty of Law of the Rostov State University of Economics (RINE)

ULEZKO Ivan Sergeevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal and criminal executive law, criminology sub-faculty of the Faculty of Law of the Rostov State University of Economics (RINE)

FIND OR STEAL? (DISCUSSION OF THE PROBLEM)

In the article, the authors give a general criminal-legal characterization of crimes against property. The concept of property as an object of encroachment of crimes of Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation is revealed.

Also considered are the signs of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation (Theft). Using the method of comparing features, the authors were subjected to a legal analysis of the situation in which recommendations were given on the qualification of actions when a forgotten (dropped) thing was found in relation to person(s) who find this thing.

The authors make recommendations on the need to amend the text of the criminal law, as well as the current decision of the Plenum of the Supreme Court on the category of criminal cases under consideration.

Keywords: property, possessions, find, abandonment of property, theft, assignment of found.

Право собственности является одним из наиболее социально значимых и неотъемлемых прав человека. Его признание и защита гарантируются как нормами международного, так и национального права. В соответствии со ст. 17 Всеобщей декларации прав и свобод человека, «каждый человек имеет право владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими. Никто не должен быть произвольно лишен своего имущества». Конституция Российской Федерации закрепляет, что право частной собственности находится под охраной закона (ст. 35). Указанные основополагающие положения получили свое развитие в нормах отраслевого, в том числе, уголовного права.

Собственность является наиболее важным институтом общественной жизни, подлежащим уголовно-правовой охране. С развитием института собственности совершенствуются и нормы уголовного права, направленные на ее защиту.

Преступления против собственности являются наиболее распространенными в общей структуре преступности.

Преступления против собственности - это предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, посягающие на чужие имущественные интересы.

Собственность как объект преступления имеет многогранное значение [1, с. 115]. С экономической точки зрения собственность – это отношение между субъектом (человеком или группой лиц) и объектом (субстанцией материального мира), заключающееся в постоянном или временном, частичном или полном отчуждении, отсоединении, присвоении объекта субъектом. Социально-экономические отношения собственности получают свое закрепление в праве собственности, которое предоставляет собственнику обеспеченную нормами права возможность извлекать пользу из обладания находящимся в его распоряжении имуществом. Все

иные лица обязаны не нарушать режим собственности и не препятствовать собственнику осуществлять свои правомочия в отношении этого имущества.

Общественная опасность преступлений против собственности определяется тем, что они нарушают отношения принадлежности вещи собственнику. В результате таких правонарушений собственник терпит ущерб, потому что лишается возможности реально извлекать из нее пользу, разрушаются связи между собственником и его имуществом [2, с. 14].

Характеризуя имущество в качестве предмета преступлений против собственности, нужно отметить, что к нему относятся вещи как объекты материального мира, по поводу которых складываются отношения собственности и которые обладают определенной стоимостью. Объекты интеллектуальной собственности не являются предметом преступлений против собственности, поскольку они не обладают признаками вещи. Также не является предметом таких преступлений информация, являющаяся нематериальным благом.

Юридический признак имущества как предмета преступлений состоит в том, что предметом может быть только чужое для лица, совершившего преступление, имущество.

Объективную сторону большинства преступлений против собственности, образует действие. Объективную сторону кражи как преступления, образует совокупность двух действий: изъятия и обращения имущества в свою пользу или пользу иных лиц, при этом такие действия должны обладать признаком тайности. В свою очередь, тайность состоит в том, что такое имущество изымается и обращается либо в отсутствие законного владельца или других лиц, либо в их присутствии, но незаметно для них. Также действия виновного по изъятию и обращению имущества, полагавшего, что он действует тайно, но являющиеся очевидными для окружающих, будут составлять объективную сторону кражи как преступления [3].

Таким образом, тайность хищения является объективным признаком кражи, причем выражается он в такой оценке деяния самим правонарушителем.

Кража, как и большая часть преступлений против собственности, имеет материальный состав, объективная сторона которого состоит из трех элементов: общественно опасного деяния; общественно опасного последствия в виде имущественного ущерба; причинной связи между деянием и наступившим последствием.

Моментом окончания кражи как преступления считается изъятие имущества виновным из законного владения другого лица и возможность преступником владеть, пользоваться и распоряжаться таким имуществом по своему усмотрению.

Субъективная сторона кражи, как и большинства преступлений против собственности, характеризуется умышленной виной, при этом ее обязательным признаком является наличие корыстной цели. Если лицо при совершении преступления руководствовалось не корыстной целью, а предполагаемым правом на указанное имущество, содеянное не образует кражи.

Субъект преступлений против собственности – это физическое лицо, обладающее вменяемостью, достигшее возраста привлечения к уголовной ответственности (для кражи этот возраст составляет 14 лет).

Поскольку кража имеет много общих признаков с другими преступлениями против собственности, следует разграничивать их составы. Так, деяние, начатое как кража, может в ходе его совершения преобразоваться в грабеж (когда действия виновного становятся очевидными, но он все равно доводит их до конца, осознавая при этом характер своих действий), либо разбой (когда деяние начато как тайное и насильственное, при обнаружении его собственником, переходит в разряд насильственного изъятия имущества).

Если лицо непосредственно не принимало участия в краже, но впоследствии присвоило себе часть украденного, зная о способе получения данного имущества, его действия надлежит рассматривать как заранее не обещанное приобретение добытого заведомо преступным путем имущества.

Поскольку обязательным признаком объективной стороны состава кражи как тайного хищения чужого имущества является изъятие, кражу следует отграничивать от присвоения найденной вещи, где ущерб причиняется не законному владельцу вещи, а неосторожными действиями самого собственника. В научной литературе отмечается, что если признавать тот факт, что кража совершается посредством обращения, то в таком случае отпадает надобность в применении норм гражданского права о находке, поскольку при таких обстоятельствах практически все действия по присвоению найденного себе будут квалифицироваться как кража. В свою очередь, изъять вещь можно только у собственника или иного правомочного лица, который фактически ею обладает [4, с. 28]. Верховный суд Российской Федерации придерживается иного мнения, в своем кассационном определении он установил, что вещь будет утеряна в том случае, если об этом не знал потерпевший, в ином же случае если потерпевший знал, где находятся его вещи, то они будут оставлены, и определяться данное деяние будет как кража чужого имущества [5].

Приведем пример из судебной практики по данному вопросу. Так, 15.01.2022 в 14.20 мин. Перов С. Ю., находясь на парковке торгового комплекса «Золотой вавилон» расположенного по адресу: ..., увидел лежащий смартфон марки «Iphone 13», и, реализуя внезапно возникший умысел на тайное хищение чужого имущества, воспользовавшись тем, что за его преступными действиями никто не наблюдает, тайно похитил принадлежащий Соколовой С. И. смартфон.

В суде первой инстанции Перов С. Ю. признан виновным и осужден за кражу, то есть тайное хищение чужого имущества (п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ.). Вину свою он не признал и обратился с апелляционной жалобой в Ростовский областной суд Российской Федерации.

Из доводов суда апелляционной инстанции следует, что присвоение, в том числе и корыстное присвоение, уже выбывших из владения собственника предметов, в том числе, ввиду их утраты, не является изъятием и не может образовывать состав кражи. Как видно из материалов дела, поведение Перова С. Ю. свидетельствует лишь о присвоении найденного смартфона, уже выбывшего на момент его обнаружения из владения Соколовой С.И., а представленные стороной обвинения доказательства не подтверждают незаконное изъятие, а, следовательно, и кражу принадлежащего Соколовой С. И. смартфона.

Таким образом, поскольку в действиях Перова С. Ю. отсутствует обязательный признак объективной стороны

преступления - хищения в виде противоправности изъятия имущества, суд апелляционной инстанции считает необходимым его оправдать за отсутствием состава преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ [6].

Как видим из вышесказанного примера следует то, что суды не всегда обращают внимание на Кассационное определение Верховного суда Российской Федерации № 75-УД17-2 от 19.04.2017 года, и только на апелляционной или кассационной инстанции приходят к аналогичному решению. На наш взгляд данный вопрос должен найти свое отражение в нормативных правовых актах, Постановлениях Верховного Суда РФ, и должны быть даны понятия утерянного и оставленного имущества [7, с. 117].

Например, это могут быть следующие определения: «Утерянным имуществом будет являться то имущество, которое принадлежит владельцу на праве собственности, а место нахождения данного имущества по тем или иным обстоятельствам неизвестно, с поправками на время, т.е. с момента обнаружения утери не должно пройти более двух недель, а с момента поиска правоохранительными органами не более двух месяцев.

Оставленным имуществом будет являться то имущество, которое принадлежит владельцу на праве собственности, ему известно, где это имущество находилось, когда и кем это имущество было там положено (оставлено)».

Также целесообразно, на наш взгляд, внести в законодательство положение о вознаграждении за найденное утерянное имущество, сумму вознаграждения будет определять при этом сам владелец имущества. Минимальное вознаграждение должно составлять 5% от рыночной стоимости. Предусмотреть нашедшему такую вещь уголовную или административную ответственность, т.е. добавить норму права, которая бы устанавливала ответственность за такие действия, как присвоение найденного имущества себе, или же передача такого имущества третьим лицам, а также, если данное лицо препятствует поиску имущества, при условии, что у имущества есть владелец, которому на праве собственности оно принадлежит.

Подводя итог отметим, что преступления против собственности являются наиболее распространенными деяниями в общей структуре преступности и представляют собой повышенную опасность для социально-экономической сферы жизни общества и государства ввиду особого предмета их посягательства – имущества. Кража, как один из наиболее часто совершаемых видов преступлений против собственности, представляет собой тайное хищение чужого имущества, результатом которого является выбытие этого имущества из законного владения собственника или иного лица, владеющего им на законных основаниях. Уголовное наказание следует только в том случае, если вещь была незаконно изъята или обращена в пользу виновного или третьих лиц, и если вещь была утеряна, а потом найдена, то данные действия не содержат признаки состава преступления кражи. На практике и в теории уголовного права данный вопрос спорный: в одном случае суды квалифицируют данные действия как кражу, в другом рассматривают как находку. Для решения данного вопроса нужно на законодательном уровне закрепить, какие действия будут относиться к находке; когда вещь будет признаваться оставленной или утерянной; и какие действия будут расцениваться как кража.

Пристатейный библиографический список

1. Бохан А. П., Асатрян К. А. Объект преступления и последствия преступления // Экономико-правовые, социологические исследования: вопросы теории и практики: Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. Рязань, 2023.
2. Елисеев С. А. Преступления против собственности: курс лекций. Томск, 2018.
3. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения 20.11.2023)
4. Зубцов А. А. Разграничение норм о находке и тайном хищении чужого имущества: проблемы теории и практики // Уголовное право. 2019. № 3.
5. Кассационное определение Верховного суда Российской Федерации № 75-УД17-2 от 19.04.2017 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vsrif.ru/stor_pdf.php?id=1540678 (дата обращения 15.11.2023)
6. Приговор от 7 августа 2022 г. по делу № 22-2144/2022/Ростовского областного суда. Режим обращения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru> (дата обращения 20.11.2023)
7. Бохан А. П., Ставило С. П. Теоретические основы криминализации общественно-опасных деяний и декриминализации деяний, утративших общественную опасность // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 11 (150).

АСМАНДИЯРОВА Наиля Римовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА, ПРИМЕНЯЕМАЯ ПО ФАКТАМ СОВЕРШЕНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА, В КОНТЕКСТЕ СОБЛЮДЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЧЕЛОВЕКА

В данной работе проанализировано состояние взяточничества в России. Составлена характеристика лица, совершившего взяточничество. Рассмотрены правовые основания конфискации имущества (предмета взятки). Выявлены проблемные ситуации, возникающие на практике при решении вопросов конфискации предмета взятки. Приведено обоснование необходимости обеспечения конституционных гарантий в вопросах защиты прав и законных интересов человека при конфискации у него имущества.

Ключевые слова: право на частную собственность, взяточничество, предмет взятки, конфискация имущества, меры по противодействию коррупционным преступлениям

ASMANDIYAROVA Nailya Rimovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Bashkir Academy of Public Service and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan

CONFISCATION OF PROPERTY USED ON THE BASIS OF BRIBERY IN THE CONTEXT OF RESPECT FOR CONSTITUTIONAL RIGHTS AND LEGITIMATE HUMAN INTERESTS

This work analyzed the state of bribery in Russia. A description of the person who committed bribery was compiled. The legal grounds for confiscation of property (subject of bribe) were considered. Problematic situations have been identified that arise in practice when solving issues of confiscation of the subject of a bribe. The justification of the need to ensure constitutional guarantees in matters of protecting the rights and legitimate interests of a person when confiscating property from him is provided.

Keywords: right to private property, bribery, subject of bribes, confiscation of property, measures to counter corruption crimes.

Асмандиярова Н. Р.

Государство выступает гарантом прав и свобод человека, закрепленных в Конституции Российской Федерации (далее Конституции РФ). Относительно заявленной темы исследования мы обращаемся к конституционному праву каждого иметь в собственности имущество и распоряжаться им по своему усмотрению и невозможности принудительно лишиться этого права, как только в судебном порядке (ст. 35 Конституции РФ). Определенным ограничителем вышеуказанных прав является такой институт в уголовном праве как конфискация имущества (ст. 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ)). Он не исполняет роль вида наказания, а именуется иной мерой уголовно-правового характера, которая может быть применена при вынесении обвинительного приговора или при прекращении судом уголовного дела по не реабилитирующим основаниям. Официальная статистика предоставляет данные общего количества в России применяемых мер, связанных с конфискацией имущества по всем возбужденным уголовным делам: в 2018 г. – 2755, в 2019 г. – 3001, в 2020 г. – 2932, в 2021 г. – 3834, 2022 г. – 5545 [1]. В данной работе конфискацию имущества мы будем рассматривать относительно преступлений, связанных с взяточничеством.

Предметом преступлений, связанных с взяточничеством, могут быть деньги, ценности и иное имущество, услуги имущественного характера и т.д., которыми владеет одна из сторон либо могут ею оказываться, если это касается соответствующих услуг, и (или) используются во время совершения взяточничества. В ходе следствия и судебного разбирательства по данной категории дел, как правило, возникает вопрос о вещественных доказательствах (ст. 81 Уголовно-процессуального кодекса (далее УПК РФ)), которыми признаются и вышеуказанные предметы. Уголовный и уголовно-процессуальный законы регламентирует порядок определения их судьбы. Они могут быть конфискованы в доход государ-

ства либо возвращены владельцу [2] или может быть принято решение об их передачи соответствующим учреждениям или уничтожении.

Обращаясь к преступлениям, связанным с взяточничеством, целесообразно определиться с общественными отношениями, на которые осуществляется посягательство. При совершении рассматриваемых преступлений, а они предусмотрены статьями: 290 УК РФ (получение взятки), 291 УК РФ (дача взятки), 291¹ УК РФ (посредничество во взяточничестве), 291² УК РФ (мелкое взяточничество), подвергаются преступному воздействию основы государственной власти, нормальная деятельность государственных и муниципальных органов. Также утрачивается авторитет этих органов, искажается правосознание людей путем допущения в своей практике или в практике других лиц поведения, связанного с подкупом должностных лиц для решения корыстных вопросов.

Одной из особенностей указанных преступлений является, за некоторым исключением, преступная заинтересованность обеих сторон, участвующих в событиях, связанных с коррупционным поведением. То есть, ни одна из сторон-участниц не признается потерпевшей. К исключениям можно отнести действия лица, подвергающегося вымогательству взятки, и которое своевременно сообщило о факте вымогательства и не предприняло преступных действий по даче взятки, а также лиц, вынужденных совершать соответствующие действия в состоянии крайней необходимости или в результате психического принуждения (39 УК РФ и части 2 статьи 40 УК РФ).

Актуализируют заявленную тему также результаты сделанного анализа состояния данных преступлений. Общее количество ежегодно регистрируемых в России преступлений, связанных с взяточничеством - 15805, что составляет - 47 % в структуре коррупционной преступности. Количество выявляемых лиц в совершении взяточничества ежегодно – 9845

Таблицу 1. Статистика по фактам взяточничества в России [3]

Период / Статистика	2018г.	2019г.	2020г.	2021г.	2022г.	01-09.2023г.
Зарегистрировано преступлений, связанных с взяточничеством	12527	13867	14548	18591	19490	16478
Выявлено лиц, совершивших взяточничество	8105	8527	9496	10942	12157	9630

человек. Динамика рассматриваемых преступлений имеет следующие тенденции: с 2018г. по 2022г. отмечаются рост, как самих совершаемых преступлений, так и количество выявляемых в их совершении лиц (см.: Таблицу 1). Важным аспектом выступает характеристика лиц, совершающих взяточничество. Благодаря ей, выявляются некоторые условия, способствующие распространению коррупции в современном обществе [4, с. 112-113].

Характеристика лица, совершающего взяточничество, позволяет определить некоторые криминогенные условия коррупции. Это возраст от 30 и старше (80 %), принадлежность к мужскому полу (83 %), служба в государственных или муниципальных органах (42 %). Также к криминологическим характеристикам можно отнести распространенный рецидив (14 %); совершение взяточничества в группе (12 %); отсутствие постоянного дохода у одной из сторон-участниц взяточничества (18 %) [4, с. 112-113].

При назначении наказания за совершение взяточничества не редко применяют конфискацию имущества. В этих случаях принудительно, безвозмездно изымается и обращается в собственность государства на основании обвинительного приговора следующее имущество: а) деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступлений, перечисленные в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, в том числе, предусмотренного статьей 290 УК РФ и любые доходы от этого имущества, за исключением имущества и доходов от него, подлежащих возвращению законному владельцу; б) деньги, ценности и иное имущество, в которые имущество, полученное в результате совершения преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, и доходы от этого имущества были частично или полностью превращены или преобразованы.

С целью предупреждения преступлений, связанных с взяточничеством, законодатель предусмотрел к статьям 291, 291¹, 291² УК РФ, стимулирующие нормы, позволяющие освободить отдельных лиц от уголовной ответственности при соблюдении ими закрепленных в законе условий. В этих случаях возникает вопрос о необходимости вернуть предмет взятки владельцу или его конфисковать [5, п. 30].

В случае, когда лицо обращается с заявлением о даче взятки после его совершения, то оно не признается потерпевшим лицом и предмет взятки ему не возвращается, за исключением обстоятельств, когда взятка была передана в состоянии крайней необходимости или в результате психического принуждения и когда отсутствовали иные законные средства для предотвращения причинения вреда охраняемым интересам. При указанных исключительных обстоятельствах, полученное должностным лицом, возвращается их владельцу. Также в случае, когда имело место вымогательство, и лицо обратилось с заявлением о преступлении после совершения им самим противоправных действий, то он не будет признан потерпевшим и предмет взятки не будет ему возвращен. В случае же, когда лицо, подвергшееся вымогательству взятки, до передачи предмета взятки добровольно заявило об этом в предусмотренный законом орган, и его передача осуществлялась под контролем соответствующих органов с целью задержания с поличным вымогателя взятки, деньги и другие ценности, переданные в качестве взятки, подлежат возвращению их законному владельцу [6, п. 4].

На практике имеет место, когда обвиняемый передает предмет взятки другому лицу. В такой ситуации суду необходимо установить, знало ли оно или должно было ли знать,

что имущество получено в результате совершения преступных деяний или использовалось либо предназначалось для использования при совершении преступления.

Также бывают ситуации, когда предмет взятки использован, продан или возникли другие причины, не позволяющие осуществить конфискацию. В данной ситуации суд принимает решение о конфискации либо денежных средств, соответствующих стоимости предмета взятки либо конфискации другого имущества соразмерного стоимости предмета взятки (ст. 104.2 УК РФ).

Введение законодателем норм, определяющих основания применения конфискации имущества, и условия освобождения от уголовной ответственности применительно к статьям, связанным с взяточничеством в Уголовном кодексе РФ, способствуют обеспечению конституционных прав и законных интересов человека, закрепленных в статьях. 35, 45, 52 Конституции РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Судебная статистика РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stat.xn--7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/12/s/8> (дата обращения: 24.11.2023).
2. Приговор № 1-318/2022 от 5 декабря 2022 г. по делу № 1-318/2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/ZYr8E3Q4hWxl>. Дело № 1-318/2022 УИД 26RS0035-01-2022-003118-73 (дата обращения: 25.11.2023).
3. По данным ГИАЦ МВД России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mvd.ru (дата обращения: 22.11.2023).
4. Преступность и правонарушения (2017-2021): статистический сборник / Министерство внутренних дел Российской Федерации, Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, Департамент надзорной деятельности и профилактической работы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. – Москва: [Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации], 2022. – 178 с. Текст: непосредственный.
5. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 года № 24. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.11.2023).
6. О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2018 года № 17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.11.2023).

ДИБИРОВ Юсуп Сайбулаевич

старший преподаватель кафедры административного, финансового и таможенного права Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИЧЕСКОМ СОДЕРЖАНИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Статья посвящена исследованию теоретической составляющей уголовной ответственности в качестве важного института российского уголовного права. Автор проводит анализ имеющихся подходов к определению сущности уголовной ответственности, по результатам которого предлагает их систематизацию. Раскрывается важность регламентации дефиниции уголовной ответственности в методологическом отношении, так как это снимает возникающие теоретические и практические вопросы. Описывая преобладающую в теории уголовного права точку зрения касательно сути уголовной ответственности, сведенной к обязанностям преступника в отчёте перед государством и претерпеванию негативных последствий, выделяет ее особенности.

Ключевые слова: уголовная ответственность, уголовное наказание, мера государственного принуждения, негативные последствия, дефиниция, деликтоспособные лица.

DIBIROV Yusup Saibulaevich

senior lecturer of Administrative, financial and customs law sub-faculty of the Dagestan State University, Makhachkala

Дибиров Ю. С.

ON THE ISSUE OF THE THEORETICAL CONTENT OF CRIMINAL LIABILITY

The article is devoted to the study of the theoretical component of criminal liability as an important institution of Russian criminal law. The author analyzes existing approaches to determining the essence of criminal liability, based on the results of which he proposes their systematization. The importance of regulating the definition of criminal liability from a methodological point of view is revealed, since this eliminates the arising theoretical and practical issues. Describing the prevailing point of view in the theory of criminal law regarding the essence of criminal liability, reduced to the obligations of the criminal in reporting to the state and suffering negative consequences, he highlights its features.

Keywords: criminal liability, criminal punishment, measure of state coercion, negative consequences, definition, persons capable of delinquency.

Пробелом в российском уголовном законодательстве является тот факт, что отсутствует такая важная дефиниция, как определение термина «уголовная ответственность». Это создаст почву, с одной стороны, для восполнения этого упущения путем соответствующих научных исследований, с другой стороны, открывает возможности для дискуссий и споров.

Также стоит отметить и то, что некоторые исследователи справедливо утверждают о том, что задача регламентации дефиниции уголовной ответственности имеет огромное методологическое значение, снимающая теоретические и практические вопросы [1, с. 385].

Анализ имеющихся подходов к определению сущности уголовной ответственности позволяет систематизировать их по следующему:

А) сущности уголовной ответственности и уголовного наказания тождественны [13, с. 85-87], [16, с. 69], [7, с. 12];

Б) уголовная ответственность выражена в виде уголовного правоотношения между лицом, совершившим преступление и государством [4, с. 6], [20, с. 124];

В) уголовная ответственность является обязанностью лица, совершившего уголовный закон лично отчитаться перед государством в содеянном, подвергаться негативным последствиям, указанным в уголовном законодательстве, что является государственной юридической реакцией на совершенное преступление [12, с. 20-21], [2, с. 72];

Г) суть уголовной ответственности заключается непосредственно в том, что лицо, совершившее преступление должно само претерпевать лишения и ограничения согласно решению суда [18, с. 230], [8, с. 188];

Д) под уголовной ответственностью понимается статус осужденного лица – преступника, разбалансированный таким образом, что, сокращая права и свободы, увеличивает количество обязанностей в сравнении с законопослушными гражданами [5, с. 556], [14, с. 192];

Е) уголовная ответственность выражается в виде комплекса мер государственного принуждения, применяемых в отношении лиц, совершивших запрещенные в УК РФ деяния [9, с. 26-27], [10, с. 104]. Здесь под мерой государственного принуждения следует понимать и наказание, и иные меры воздей-

ствия, которые, не являясь уголовным наказанием, оказывают принудительное и правоограничительное влияние в случае применения к лицу, преступившему уголовный закон.

Некоторые из вышеприведенных мнений являются достаточно дискуссионными. Так, трудно согласиться с тем, что уголовная ответственность и наказание являются тождественными понятиями: 1) в соответствии с уголовным законодательством (главы 11-12 УК РФ) лицо, освобожденное от наказания, не освобождается от уголовной ответственности; 2) ограничения в правах лицо начинает испытывать гораздо ранее начала уголовного исполнительного производства по делу, а именно в процессе производства по делу; 3) несмотря на отбытие уголовного наказания, уголовная ответственность реализуется до момента погашения или снятия судимости с лица, совершившего преступление; 4) помимо наказания, в уголовном законодательстве прописано применение других мер государственного принуждения, составляющих сущность уголовной ответственности и которые могут быть применены в отношении преступника.

Основываясь на вышесказанном, надо согласиться с мнением о том, что наказание представляет собой элемент уголовной ответственности, они соотносятся в виде части и целого, также уголовная ответственность реализуется в форме уголовного наказания [11, с. 17].

На наш взгляд, спорно то, что сущность уголовной ответственности заключается в уголовно-правовом отношении между преступником и государством, в этом случае происходит сужение смысла этого понятия. Объект взаимодействия здесь – это нарушенные отношения (социальные). Лицо, которое совершило преступление, обязано отчитаться за содеянное правонарушение, также оно должно ощутить на себе меры государственного принуждения. Но и это не «конец», так как есть еще обязанность лица по претерпеванию неблагоприятных последствий [19, с. 63]. Обязанность государства заключается в реакции на совершенное преступление и применении мер принуждения в отношении преступника. Вместе с тем названные субъекты не ограничены только обязанностями, имеют и права на правильность и справедливость в применении уголовно-правовой нормы.

Ряд исследователей утверждают, что уголовно-правовое отношение состоит из частей, важнейшей из которых является уголовная ответственность [17, с. 88].

Пожалуй, преобладает в теории уголовного права точка зрения, согласно которой суть уголовной ответственности сводится к обязанностям преступника в отчете перед государством и перенесению негативных последствий. Но и здесь есть свои особенности.

Так, после наступления ответственности, лицо лишается возможности отказа от совершения действия или бездействия, так как они представляют собой содержание обязанности, которая должна быть реализована [3, с. 103].

Во-вторых, интерпретация ответственности должна отталкиваться от ее реализации, пусть даже частичной, но никак не гипотетической возможной в будущем, так как должен обозначиться ее признак – наступившие негативные последствия [15, с. 113, 116].

В-третьих, нельзя отождествлять саму обязанность несения уголовной ответственности и уголовную ответственность, так как в ряде случаев лицо может и не нести ответственность за совершенное преступление. К таким можно отнести недоказанность вины лица преступившего закон и нераскрытие преступления [18, с. 230].

В-четвертых, выносится на «поверхность» вопрос соотношения институтов: уголовной ответственности и освобождения от уголовной ответственности.

В-пятых, в обязанности преступника не входит быть подвергнутым последствиям неблагоприятного характера, так как они связаны с действиями органов правосудия по назначению мер уголовно-правового воздействия [14, с. 186].

Таким образом, суть уголовной ответственности выражается в статусе преступника, возлагается судом и заключается в том, что преступивший уголовный закон должен быть лишен и ограничен в правах, свободах и законных интересах. Но это является областью научных дискуссий. Статус лиц, не важно находящихся или не находящихся под следствием, преследуемых государством в уголовном смысле это массив прав и обязанностей, регламентированных законодательством. То есть вопросы статуса выходят далеко за рамки уголовно-правового ракурса.

С учетом описанных выше особенностей считаем правильным согласиться с мнением тех исследователей, которые считают уголовную ответственность мерой принуждения со стороны государства, адресуемой преступнику. Анализ действующего российского законодательства позволяет судить о том, что суть уголовной ответственности наиболее ярко проявляется в виде меры принуждения со стороны государства, применяющейся по отношению к преступнику и заключающейся в том, что преступивший закон лишается или ограничивается в правах и свободах соразмерно требованиям, регламентированных в уголовном законодательстве. Также неправильным является отождествление уголовной ответственности и наказания. Это вытекает из смысла статей УК РФ, в которых прописываются меры уголовного правового воздействия, не относящиеся к видам уголовных наказаний, но при этом принуждающие и ограничивающие в правах лиц, которые совершили преступление.

Выводы.

1. Научные дискуссии касательно сути уголовной ответственности будут иметь место и далее ровно до того момента, пока не будет законодательно закреплена дефиниция «уголовная ответственность». В теории уголовного права выделяются следующие основные признаки уголовной ответственности:

а) направлены только на лиц, которые совершили преступления;

б) может быть применена в отношении только деликтоспособных лиц, способных быть виновными;

в) представлена в виде набора различных мер государственного принуждения, которые активизируются в результате совершенных преступлений.

2. Уголовная ответственность представляет собой межотраслевой правовой институт, на возникновение которого прямо влияет сформировавшийся уголовно-правовой статус, а на окончание – погашение или снятие судимости.

3. Уголовная ответственность представляет собой комплекс мер принуждения, санкционированных государством, применяемых исключительно конкретными органами государственной власти, установленных на законодательном уровне в отношении лиц, совершивших преступления; лишающих, либо ограничивающих права и свободы этих лиц.

Пристатейный библиографический список

1. Бавсун М. В., Нечипуренко А. А. Уголовно-правовое воздействие – уголовная ответственность – наказание: соотношение понятий // Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс. Т. 1 Понятие, цели уголовного наказания. Система уголовного наказания. Кн. 1. Понятие уголовного наказания / Под ред. Н. А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2020. – С. 368-402.
2. Благов Е. В. Наказание и иные меры уголовно-правового характера: лекции. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 237 с.
3. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. – М.: Юридическая литература, 1976. – 216 с.
4. Ведмидь С. Э. Проблемы реализации уголовной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. – 17 с.
5. Дворецкий М. Ю. Эффективная реализация уголовной ответственности как оптимальное средство предупреждения преступлений и преступности: монография. – Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, 2009. – 668 с.
6. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. – М.: Госюриздат, 1961. – 381 с.
7. Каплин М. Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. – 21 с.
8. Карпов А. В. К вопросу о понятии «уголовная ответственность» в уголовном праве России // Science time. – 2015. – № 1. – С. 183-188.
9. Келина С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности / Отв. ред. А. А. Пионтковский. – М.: Наука, 1974. – 232 с.
10. Корнеев С. А. Сущность и формы реализации уголовной ответственности в соответствии с российским уголовным законом // Вестник Российской правовой академии. – 2020. – № 4. – С. 104.
11. Курбанова А. С. Уголовно-правовые отношения и уголовная ответственность: проблемы соотношения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Челябинск, 2010. – 23 с.
12. Курляндский В. И. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. – М.: Юрид. лит., 1965. – 142 с.
13. Лейст О. Э. Санкции в советском праве. – М.: Госюриздат, 1962. – 238 с.
14. Мотовиловкер Е. Я. Понятие уголовной ответственности: обнаружение реальности термина в контексте института освобождения от уголовной ответственности // Вопросы факта и права в юридической деятельности: сборник научных статей. – Ярославль, 2020. – С. 180-192.
15. Ретюнских И. С. Уголовная ответственность и ее реализация по советскому законодательству // Уголовная ответственность: проблемы содержания, установления, реализации: межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж, 1989. – С. 112-118.
16. Самощенко И. С., Фарукшин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. – М.: Юрид. лит., 1971. – 240 с.
17. Середа И. М. К вопросу о соотношении понятий «уголовная ответственность», «уголовно-правовое отношение», «уголовное преследование» и «наказание» // «Преступление, наказание, исправление»: сборник тезисов выступлений и докладов участников III Международного пенитенциарного форума: в 8 т. – Рязань, 2017. – Т. 2. – С. 87-91.
18. Федоровская Л. А. Уголовная ответственность: сущность, момент возникновения. Освобождение от уголовной ответственности // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2013. – № 15. – С. 229-333.
19. Чучаев А. И. Наказание в уголовном праве России: антология идей // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 7. – С. 51-78.
20. Шевелева С. В., Дробышева О. С. Уголовная ответственность как уголовно-правовое отношение // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2012. – № 5-1. – С. 124-127.

ЛАЩЕНКО Роман Александрович

старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина

ФАКОВ Азамат Мухажидович

доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

МИХАЙЛОВ Александр Николаевич

старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина

НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ, СВЯЗАННЫЕ С УСИЛЕНИЕМ ПРОЦЕССОВ ОТМЫВАНИЯ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ

Статья посвящена исследованию последствий глобализации мировой экономики и связанных с этим процессов отмывания денег и финансирования терроризма (ПОД и ФТ). Рассматривая цифровое развитие экономических систем и механизмов противодействия легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем, авторы акцентируют внимание на проблемах финансового мониторинга и подчеркивают, что совершенствование и взаимодействие между элементами этой системы обеспечат эффективное противодействие отмыванию денег.

Ключевые слова: режим ПОД и ФТ; легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем; глобализация экономики; финансовый мониторинг; комплаенс; ФАТФ.

LASHCHENKO Roman Alexandrovich

senior lecturer of Criminal law disciplines sub-faculty of the I. D. Putilin Belgorod Law Institute of the FPS of Russia

FAKOV Azamat Mukhazhidovich

associate professor of Internal affairs in special conditions sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

MIKHAYLOV Alexander Nikolaevich

senior lecturer of Operational investigative activities sub-faculty of the I. D. Putilin Belgorod Law Institute of the MIA of Russia

THE NEGATIVE CONSEQUENCES OF THE GLOBALIZATION OF THE WORLD ECONOMY ASSOCIATED WITH THE INTENSIFICATION OF THE PROCESSES OF LAUNDERING CRIMINAL PROCEEDS

The article is devoted to the study of the consequences of globalization of the world economy and the related processes of money laundering and terrorist financing (AML and CFT). Considering the digital development of economic systems and mechanisms for countering the legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means, the authors focus on the problems of financial monitoring and emphasize that the improvement and interaction between the elements of this system will ensure effective countering money laundering.

Keywords: AML and CFT regime, legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means, globalization of the economy, financial monitoring, compliance, FATF.

Глобализация мировой экономики, развитие информационных и телекоммуникационных технологий порождают как позитивные изменения, так и целый ряд проблем.

Одним из них является отмывание преступных доходов, которое представляет значительную угрозу финансовой и экономической стабильности государства и влияет на уровень его социально-экономического развития. Отмывание денег носит транснациональный характер из-за развития цифровой экономики и наличия инструментов, которые помогают скрывать доходы, полученные преступным путем.

Отчеты Международного валютного фонда показывают, что текущий объем операций по отмыванию денег в мире колеблется от 620 миллиардов долларов до 1,6 триллиона долларов, что составляет около 2-5 % мирового ВВП¹

Таким образом, каждое государство должно не только способствовать цифровизации экономики, но и учитывать потенциальные угрозы и принимать меры по противодействию им. В частности, программа «Цифровая экономика Российской Федерации» утверждённая Распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р предусматривает, что одним из принципов развития цифровой экономики и общества на 2017-2024 годы является: – сопровождение цифровизации повышением уровня информационной безопасности; кибербезопасность; защита персональных данных; неприкосновенность прав пользователей цифро-

вых технологий; укрепление и защита доверия в киберпространстве.²

Эти положения являются одновременно предпосылками для цифрового развития экономики и соответствующего предотвращения, локализации и управления связанными с этим рисками. Анализ последних публикаций и исследований показывает, что ряд работ был посвящен развитию цифровой экономики и противодействию отмыванию денег, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Термин кибер-отмывание денег включает отмывание денег через Интернет, электронный банкинг и электронные деньги. Основным преимуществом отмывания денег через Интернет является быстрое действие, необходимое для завершения электронного перевода средств и сокрытия доходов от незаконной преступной деятельности. Таким образом, преступные доходы поступают из регулярных, легальных потоков³.

В. И. Прасолов подчеркивает, что электронные деньги и электронный банкинг, как результат цифровой экономики, являются очень эффективным преступным инструментом для отмывания денег, поскольку они позволяют получать наилучшие результаты от преступной деятельности с минимальными затратами. Учитывая это, государством стоит задача проводить

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/PLEN_\(2023\)_7_rev_1_rus_%20\(1\).pdf](https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/PLEN_(2023)_7_rev_1_rus_%20(1).pdf).

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7Mo.pdf>.

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.fatf-gafi.org/publications/methodandtrends/documents/professional-money-laundering.html.

систематическую политику по предотвращению массового отмывания денег [1, с. 132].

Таким образом, проблема отмывания денег является актуальной, в связи с ростом этой общественно опасной деятельности в цифровой экономике и, соответственно, ущербом финансово-экономическим интересам государства. М. М. Прошунин определяет, что отмывание денег является негативным социально-экономическим явлением, в основе которого лежит сокрытие незаконного происхождения дохода, искажение информации о характере его происхождения, местонахождении, движении, принадлежности такого дохода, а также обеспечение законной видимости, когда лицо осознает, что эти материальные блага незаконно полученных доходов, а также другие действия, прямо или косвенно связанные с регистрацией фактических отношений владения, использования, распоряжения доходом или с сокрытием его незаконного происхождения [2, с. 48].

М. С. Шуваева подчеркивает, что отмывание денег — это сложный процесс осуществления юридических финансовых операций, в ходе которых скрывается незаконное происхождение этого дохода, а в некоторых случаях и истинный владелец денег. Более того, ученый обращает внимание на то, что в условиях глобализации различные схемы денежных отмывания денег приобретает транснациональный характер и ассоциируется с организованной преступностью, которая представляет значительную угрозу финансовой и экономической безопасности и стабильности государства. В частности, отмывание денег: 1. подорывает репутацию финансового сектора; 2. увеличивает отток капитала; 3. сокращает инвестиции; 4. ухудшает международный имидж; 5. способствует развитию организованной преступности; 6. приводит к недобросовестной конкуренции, расслоению населения с точки зрения доходов и увеличение доли неформальных доходов; 7. ослабляет социальную систему; 8. усугубляет диспропорции в распределении налогового бремени и т.д. [3, с. 230].

Следует подчеркнуть, что отмывание денег способствует росту теневой экономики, в то время как сегодня практически невозможно точно оценить ее масштабы. Более того, отмывание денег способствует повышению уровня коррупции, который является все еще довольно высоким сегодня и снижает доверие населения к государственным учреждениям и институтам.

А. Б. Денисов поддерживает мнение о том, что отмывание денег является комплексным процессом, включающим в себя множество операций, которые выполняются различными методами и постоянно совершенствуются. В то же время ученый подчеркивает существование нескольких моделей отмывания денег, а именно: двухфазной, трехфазной и четырехфазной моделей. Соответственно, основными этапами двухфазной модели являются отмывание денег путем обмена денег на банкноты другого достоинства или другие виды валют и переработка, в частности, придание предварительно отмытым деньгам видимости получения их из законных источников. Наиболее распространенной является трехфазная модель, которая включает в себя реализацию этапа размещения, этапа наложения слоев и этапа интеграции, которые могут выполняться одновременно или частично поверх друг друга. Эксперты ООН обычно используют четырехэтапную модель структурирования процесса отмывания денег [4, с. 148].

Основными этапами отмывания денег в рамках этой модели являются следующие: 1. избавление от наличных денег и перевод их на счета подставных лиц; 2. распределение свободных средств, хотя зарубежный опыт показывает, что распределение наличных часто производится в пунктах обмена валюты, казино и ночных клубах; 3. сокрытие следов преступления, т.е. принятие всех мер для того, чтобы посторонний человек не узнал, где были получены деньги и с кем они были распределены; 4. интеграция денежной массы или инвестирование отмытого капитала в высокодоходные бизнес-секторы.

По мнению П. С. Шараева, на каждом этапе вышеприведенных моделей отсутствует связь с предикатным правонарушением, что определяет способ и механизм отмывание денег, и поэтому ученый предлагает дополнить их структуру “нулевой фазой”, связанной с совершением предикатного преступления [5, с. 95].

Правоохранительные органы отмечают, что отмывание денег чаще всего затрагивает финансово-банковскую систему, где сомнительные операции — это способ сокрытия преступления. В подтверждение вышеизложенного Т. А. Евстратова отмечает, что в 2018 году более 90 % отчетов, службой Росфинмониторинга были получены от банковских учреждений, что делает их деятельность объектом особого внимания с точки зрения противодействия отмыванию денег. В условиях цифровой экономики и с учетом потенциальных угроз государство должно инвестировать, в первую очередь, в ИТ инфраструктуру банков. Более того, между банками и правоохранительными органами государства должно быть налажено взаимодействие, которое позволит бан-

кам оперативно уведомлять правоохранительные органы о любых подозрительных транзакциях [6, с. 58]. Стоит отметить, что без первоначального финансового мониторинга, деятельность подразделений правоохранительных органов не будет эффективной в борьбе с киберпреступностью, как источником преступных доходов.

В частности, органы финансового мониторинга принимают следующие меры для выявления схем отмывания денег: (1) проверки на местах; (2) оперативная деятельность; (3) анализ отчетности; (4) исследование финансовых операций; (5) валютный контроль (осуществляется банковскими учреждениями и другими агентами валютного контроля при осуществлении расчетов в иностранной валюте, экспорте/импорте, передаче валютных ценностей). Соответственно, противодействие отмыванию денег должно осуществляться в контексте взаимодействия правоохранительных органов и органов финансового мониторинга.

А. Е. Ляпин относит финансовый мониторинг к компонентам системы борьбы с отмыванием денег и подчеркивает, что совершенствование и взаимодействие между элементами этой системы обеспечат эффективное противодействие отмыванию денег. Это мнение поддерживает С. Ю. Мустафина, которая приходит к выводу, что, учитывая ограниченные ресурсы государства в нынешних условиях, повышение эффективности предотвращения отмывания денег возможно за счет совершенствования принципов взаимодействия правоохранительных органов агентства и взаимодействие последних с субъектами финансового мониторинга. В то же время такое взаимодействие должно выходить за рамки государства, учитывая транснациональный характер отмывания денег [7, с. 272].

Финансовый мониторинг является важной областью для предотвращения отмывания денег, в то время как его использование в качестве экономического и правового инструмента требует решения ряда вопросов, таких как установление надлежащей коммуникации между банками и правоохранительными органами, а также надлежащей правовой основы для такого взаимодействия.

Таким образом, результаты развития цифровой экономики, а именно электронные деньги, электронные банковские услуги и информационно-телекоммуникационные технологии, которые используются для осуществления ряда платежей и других банковских операций, стали инструментами преступной деятельности, в том числе отмывания денег. Очевидно, что негативные последствия отмывания денег ставят задачу поиска оптимальных путей противодействия такому общественно опасному действию.

Пристатейный библиографический список:

1. Прасолов В. И., Фешина С. С. Влияние цифровой трансформации на процессы выявления легализации доходов, полученных преступным путем // Экономика: вчера, сегодня, завтра. - 2020. - Том 10. - № 8А. - С. 130-145
2. Прошунин М. М. К вопросу о понятии отмывания преступных доходов // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. - 2008. - № 3.
3. Шуваева М. С., Макаренко М. М. Борьба с оттоком капитала и отмыванием доходов, полученных преступным путем // Международный журнал гуманитарных и строительных наук. - 2021. - № 6-2.
4. Денисов А. Б. Легализация (отмывание) преступных доходов как один из источников финансирования террористической деятельности // Сборник статей международной научно-практической конференции «Проблемы взаимодействия науки и общества». - Тамбов, 2018. - С. 147-151.
5. Шараев П. С. Противодействие отмыванию (легализации) денежных средств в условиях цифровой трансформации (финансово-правовой аспект) // Юридический вестник Самарского университета. - 2022. - № 3.
6. Евстратова Т. А., Кабанова Е. Е., Ветрова Е. А. Деятельность Росфинмониторинга по осуществлению контроля поднадзорных организаций по операции с денежными средствами // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2021.
7. Ляпин А. Е., Мустафина С. Ю. Финансовый мониторинг как средство борьбы с преступлениями против собственности и подрывом финансов организаций // Вестник экономической безопасности. - 2020. - № 4.

МАКСИМОВА Кристина Леонидовна

старший преподаватель кафедры трудового права Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации, генерала армии Е. Н. Зиничева

ПЛЕВАКО Дарья Андреевна

студент Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации, генерала армии Е. Н. Зиничева

МЕРЫ НАКАЗАНИЯ МАТЕРЯМ-УБИЙЦАМ НОВОРОЖДЁННЫХ ДЕТЕЙ

В данной статье рассмотрен очень дискуссионный вопрос о наказании матерей, совершивших убийство новорожденного ребенка. Нами рассмотрены критерии, по которым преступление может рассматриваться как привилегированное и применение наказания со смягчающими обстоятельствами. Также определены спорные вопросы при применении наказания для матерей-убийц. Предложены законодательные изменения относительно наказания, которые в дальнейшем могут помочь избежать совершения данного преступления.

Ключевые слова: новорожденный, мать-убийца, привилегированный состав, смягчающие обстоятельства, Уголовный кодекс, убийство, младенец, несовершеннолетняя подозреваемая, субъект преступления, наказание, ответственность.

MAKSIMOVA Kristina Leonidovna

senior lecturer of the Hero of the Russian Federation, General of the Army E. N. Zinichev St. Petersburg State Fire Fighting Service University of the Ministry of Emergency Situations of Russia

PLEVAKO Darya Andreevna

student of the Hero of the Russian Federation, General of the Army E. N. Zinichev St. Petersburg State Fire Fighting Service University of the Ministry of Emergency Situations of Russia

PUNISHMENTS FOR MOTHERS WHO MURDER NEWBORN CHILDREN

This article discusses a very controversial issue about the punishment of mothers who have committed the murder of a newborn child. We have considered the criteria by which a crime can be considered as privileged and the application of punishment with mitigating circumstances. Controversial issues have also been identified in the application of punishment for murderous mothers. Legislative changes regarding punishment, which in the future may help to avoid the commission of this crime, are proposed

Keywords: newborn, mother-murderer, privileged composition, mitigating circumstances, Criminal Code, murder, infant, minor suspect, subject of crime, punishment, responsibility.

В современном обществе человеческая жизнь имеет высокую ценность. Право на жизнь имеет каждый гражданин страны, независимо от пола, расы, языка, национальности или же других критериев. Данное право неотчуждаемо, и никто не может на него посягать.

Из этого можно выделить, что жизнь новорожденного, является также ценностью общества и находится под охраной государства. В международном праве имеются положения, которые новорожденного признают полноценным членом общества, который нуждается в охране и заботе своих прав, как до еще рождения, так и после.

В Уголовном кодексе Российской Федерации в статье 106 УК РФ предусматривается ответственность за убийство материю новорожденного ребёнка, норма является специальной по отношению к другим статьям. Данный состав преступления является привилегированным, на что указывают определённые обстоятельства в законе.

Чтобы определить более детально ответственность за указанное преступление, обратимся к разъяснениям законодателя. Итак, основание для смягчения ответственности связано не с процессом физиологических родов, а с новорожденным младенцем, который не достиг возраста четырех недель.

Законодатель отмечает, что спустя четыре недели убийство новорожденного будет квалифицировано по другой статье, тем самым смягчающие обстоятельства не применяются.

Считаем, что уголовный закон, предусматривает чрезмерно мягкое наказание за лишение жизни и законодателю необходимо пересмотреть данный состав, изучить статистику преступлений, психофизиологические особенности субъекта преступления и другие особенности. Привилегированный состав преступления, излишне смягчает наказание матери для конкретного преступления, а также для будущих случаев убийства новорождённых. Ведь, закон должен пресекать по-

добные преступления, если мать, не ценит и не бережет своего будущего ребёнка, так может под страхом ответственности и наказания, она должна задумываться о своих действиях и последствиях для новорожденного, который будучи в утробе, уже имеет свое право на жизнь. А, чтобы защитить это право необходимо убрать привилегированный состав нормы и, возможно, отнести его к преступлению с отягчающими обстоятельствами. К сожалению, при анализе статей 105 и 106 УК РФ, мы можем заметить, что жизнь младенца не так ценится и назначается наказание за ее лишение, как жизнь малолетнего подростка, взрослого или пожилого человека.

Анализ мер наказаний для матерей-убийц новорождённых, свидетельствуют о необходимости пересмотра данного института уголовного права, с постановкой вопроса исключения этого привилегированного состава преступления из норм УК РФ либо об усилении меры ответственности за убийство новорожденного. За убийство новорожденного до четырех недель мать ребёнка может получить условное осуждение, что весьма несправедливо и противоречит многим нормам как международного, например Конвенции о правах ребенка, так и Конституции РФ.

Считаем, что уголовный закон нуждается в совершенствовании, это доказывает тот факт, что в части 2 статьи 105 УК РФ предусмотрена санкция в виде лишения свободы на срок от 8 до 20 лет, в то время как за совершённое убийство матерью новорожденного, санкция статьи 106 УК РФ предусматривает наказание лишь на срок до 5 лет лишения свободы, что существенно ниже [1, с. 187].

В том числе, при наличии обстоятельств статьи 75 УК, женщина может быть освобождена от уголовной ответственности, в случае если она впервые совершила преступление, добровольно явилась с повинной или иным образом загладила причиненный вред.

Деяние матери может быть квалифицировано по статье 106 УК РФ в исключительных случаях при наличии ряда критериев.

Выделим следующие критерии: 1) психологические особенности женщины после родов; 2) трудная жизненная ситуация беременной или уже родившей женщины; 3) давление и угнетение иных лиц; 4) послеродовая депрессия и другие критерии, которые могут быть индивидуальными для каждой женщины. Наличие хоть одного критерия, может стать катализатором психофизиологических отклонений у матери новорожденного, которые впоследствии могут привести к необратимым последствиям. В судебной практике нередки случаи, когда суд, основываясь на определенной психотравмирующей ситуации матери-убийцы, будет квалифицировать данное преступление со смягчающими обстоятельствами, а именно по статье 106 УК РФ. Порой это не всегда правильно, так как практически у каждой родившей женщины хоть немного может присутствовать один из приведенных критериев. Появление ребенка — это весьма значимое и долгожданное событие, которое изменит жизнь матери полностью, поэтому многие с трепетом и, наверное, с чувством чрезмерной заботы и ответственности могут отнестись к этому, вследствие чего, могут возникать индивидуальные психологические особенности. Но это не должно являться смягчающим обстоятельством и тем более поводом к преступлению и нарушению конституционного права ребёнка на жизнь независимости от возраста [2, с. 62].

Давайте более детально разберем. Субъектом указанного состава преступления является только мать, достигшая 16-летнего возраста и находящаяся в состоянии вменяемости в момент совершения преступления. Если мать будет иметь возраст менее 16 лет, психиатрическое заболевание, делающее её ограниченно дееспособной или полностью недееспособной, то ответственность будет определяться исходя из условий, которые влияют на её способность в принятии решений. Если мать новорожденного ребенка не достигла возраста 14 лет, она не подлежит уголовной ответственности. Поскольку силу положений статьи 20 УК РФ такая мать не обладает правосубъектностью в уголовно-правовом смысле [4, с. 125].

По этому поводу возникает немало дискуссий. Что же делать и как квалифицировать убийство новорожденного, когда субъект преступления в возрасте от 14 до 16 лет? Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что данное преступление не подпадает по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, хотя многие с этим не согласны и в судебной практике бывают коллизии. Позиция Пленума достаточно понятна, преступление, совершенное женщиной, которая находилась в помутненном сознании и не могла адекватно оценить свои действия. Чтобы деяние было квалифицировано со смягчающими обстоятельствами, матери-убийце необходимо доказать, что у нее были соответствующие психофизиологические отклонения. Для этого ее в обязательном порядке отправят судебно-медицинскую экспертизу, для выяснения всех обстоятельств, послуживших фактором к совершению преступления. Также и убитого новорожденного отправляют на экспертизу, чтобы выяснить была ли у него способность его к жизни, были ли какие-то заболевания или отклонения в развитии, проверяется на уродства как внутренне, так и внешне и т.д. Судебно-медицинская экспертиза выясняет все необходимые обстоятельства, для правильного разрешения дела в судебном процессе. Подсудимой-матери при наличии хоть одного привилегированного фактора могут применить более мягкое наказание:

1. ограничение свободы сроком от 2 до 4 лет, что весьма сильно различается, допустим, от наказания со статьёй 105;
2. исправительные работы, назначаемые сроком до 5 лет;
3. лишение свободы до 5 лет.

Все это лишь пример применяемых наказаний, у каждого возбужденного уголовного дела связанного с убийством новорожденного индивидуальные ситуации и судья выносит решение на основании изученных материалов дела и факторов, которые были предоставлены в процессе судебно-медицинской экспертизы. Если подозреваемая мать ранее привлекалась к подобным обвинениями, то в смягчающих обстоятельствах ей будет отказано, и мы считаем это очень правильным решением, необходимо, как можно вернее при-

меняя наказание, для исключения дальнейшего рецидива преступления.

Обратимся к судебной практике. В Челябинской области в г. Трехгорный произошло преступление с участием 18-летней женщины. Ночью в больничное отделение поступила 18-летняя родившая мать, с весьма странным диагнозом криминальные роды. Врачи начали осматривать подозреваемую, у нее было низкое артериальное давление. Когда врачи задали ей вопрос, где ее новорожденный? Она ответила, что он дома в шкафу. Родители матери-убийцы не знали, что она беременна и что начались роды, она сама закрылась в ванной и приняла у себя роды, а чтобы ребенок не кричал, утопила его в ванной, после этого она завернула его в полотенце и спрятала в шкафу [3, с. 233].

К сожалению, таких случаев достаточно много, под страхом ответственности молодые матери совершают подобные преступления. В таком случае мать сознательно убила дитя из-за отсутствия желания заботиться о нем. Поэтому мы считаем, что данное деяние не попадает под действие санкции статьи 106 УК РФ, так как здесь нет смягчающих обстоятельств и мать находилась в сознании и отдавала отчет своим действиям. Данное преступление следует квалифицировать по статье 105 УК РФ, так как имеется прямой умысел.

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет выделить следующие выводы. Статья 106 УК РФ содержит ущербные положения по отношению к новорожденным детям, чья жизнь должна быть высшей ценностью. Предлагаем законодателю полностью исключить статью 106 УК РФ, так как убийство новорожденного ребенка не может основываться психофизиологическими отклонениями. Также не может применяться наказание со смягчающими обстоятельствами. Отметим, что за такие преступления разумнее применять п.п. «а» «в» часть 2 статьи 105 УК РФ – убийство двух и более лиц и убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии.

Судебная практика показывает, что убийство матерью новорожденного ребенка это достаточно сложный и противоречивый состав преступления. И порой при назначении наказания возникает трудности применения статьи 106 УК РФ. Предлагаем снизить возраст уголовной ответственности за данное преступление с 16 лет до 14. Таким образом, будет возможным применить справедливое наказание для матери-убийцы с учетом всех особенностей рассматриваемого дела.

Пристатейный библиографический список

1. Высотина Я. А. Привилегированный состав: убийство матерью новорожденного ребенка // *Fundamental and applied approaches to solving scientific problems: Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Уфа, 12 декабря 2019 года.* – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2019. – С. 185-188.
2. Захарова С. С., Кирхлярова (Зубаилова) Г. Проблемы квалификации и применения наказания за убийство матерью новорожденного ребенка по законодательству Российской Федерации // *Экономика, управление, право: актуальные вопросы и векторы развития: сборник статей II международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 02 февраля 2020 года.* – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская Ирина Игоревна), 2020. – С. 61-70.
3. Кунц Е. В. К вопросу об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в контексте уголовно-правовой политики // *Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник материалов VII-ой Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 01-02 ноября 2019 года.* – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2019. – С. 230-234.
4. Максимова К. Л., Ефимова Д. А., Жаброва А. А. проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* – 2023. – № 5. – С. 124-126.

МАРИАНОВ Алихан Абдулаевич

кандидат исторических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета, Дагестанского государственного университета, филиал в г. Избербаш

АЮБОВА Шуайнат Исрапиловна

кандидат исторических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета

КАРИМУЛАЕВА Эльмира Магомедовна

кандидат педагогических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета

ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ СТРЕЛЬБЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Описаны основные методологические подходы к анализу школьных перестрелок, представлены теории, предлагающие системное понимание этого феномена, определены этапы социальных и личностных предикторов школьных перестрелок. Предпринимались попытки объединить различные научные подходы к диагностике угрозы и предотвращению массовых инцидентов в школах. В статье анализируются причины и особенности нападений в школах на учащихся и преподавателей образовательных учреждений России. Приведены основные факторы, которые играют роль в подготовке атак и осуществлении самих атакующих действий.

Ключевые слова: школьный расстрел, насилие в школе, массовое убийство, безопасность, образование.

MARIANOV Alikhan Abdulaevich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of the Dagestan State Pedagogical University, Dagestan State University, branch in Izberbash

AYUBOVA Shuayanat Israpilovna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of the Dagestan State Pedagogical University

KARIMULAEVA Elmira Magomedovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of the Dagestan State Pedagogical University

PROBLEMS OF PREVENTION OF SHOOTING IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

The main methodological approaches to the analysis of school shootings are described, theories offering a systematic understanding of this phenomenon are presented, the stages of social and personal predictors of school shootings are determined. Attempts have been made to combine various scientific approaches to threat diagnosis and prevention of mass incidents in schools. The article analyzes the causes and features of attacks in schools on students and teachers of educational institutions in Russia. The main factors that play a role in the preparation of attacks and the implementation of the attacking actions themselves are given.

Keywords: school shooting, violence at school; mass murder, security, education.

Трагедии в школе № 633 Санкт-Петербурга, Пермском государственном национальном исследовательском университете, в школе № 127 г. Пермь [1], и другие факты привлекли внимание всей страны к проблеме школьных перестрелок. 11 ноября 2021 года в махачкалинской школе № 51 девятиклассник ударил сверстника ножом в грудь во время драки. Получивший ранение школьник умер по дороге в больницу [2].

Призывы что-то предпринять для защиты наших школьников, учителей и персонала стали серьезной проблемой для школьных администраций, и многие школы нанимают вооруженных сотрудников службы безопасности, ограничивают доступ к зданиям кампуса, устанавливают металлодетекторы и обучают людей тому, как реагировать, когда стрелок проникает на территорию школы. Однако многие из этих мер безопасности были реализованы практически без ознакомления с эмпирической литературой.

Эта неспособность принять меры реагирования, основанные на фактических данных, привела к финансовым и скрытым последствиям, которые обнаруживаются только сейчас. Эта научная статья направлена на то, чтобы заполнить этот пробел, исследуя эмпирические данные, касающиеся общих мер безопасности, принятых в ответ на широко освещаемые школьные перестрелки, и призывая к использованию основанного на фактических данных подхода к обеспечению школьной безопасности.

Требования к созданию планов реагирования на чрезвычайные ситуации, систем массового оповещения, оценки угроз, кризисных групп, политики абсолютной нетерпимости, металлоискателей, мер контроля доступа, вооруженной полиции в кампусе, травли профилактические программы, вооруженные

учителя и планы активного реагирования на действия стрелков стали обычным явлением

Политики, законодатели и школьные администраторы стремились разработать политику и внедрить различные меры для предотвращения стрельбы в своей школе. Каждое крупное событие приводило к призывам повысить безопасность в своих школах и заверить отдельных лиц в том, что их школа и их дети не станут жертвами.

В этом контексте цель настоящей статьи – описать и оценить эффективность различных мер, часто принимаемых в качестве прямого ответа на широко освещаемую стрельбу в школе. Многие из этих стратегий и процедур применяются оперативно и основаны на страхе и неправильном восприятии того, что насилие в школе растет по спирали.

Во-первых, рассматривается распространенность и сопровождающая ее моральная паника, которая окружает эти редкие события. Во-вторых, приводится описание и оценка эффективности распространенных превентивных методов, таких как вооруженная полиция, меры контроля доступа, металлодетекторы и активные действия стрелков для студентов, персонала и преподавательского состава. Важно понимать, что превентивные меры иногда могут и не сработать. Замки могут быть взломаны, металлодетекторы могут выйти из строя, а сотрудники полиции не могут постоянно присутствовать везде. Следовательно, то как учащиеся, персонал и преподаватели обучены реагировать, если они оказываются в ситуации активного убийства, является важной мерой при подготовке к стрельбе в школе. Хотя эти трагические события заслуживают освещения в прессе, представление СМИ о том, что школьные беспорядки становятся эпидемией и являются возникающей социальной проблемой, ошибочно.

Почему изображение школьных перестрелок в средствах массовой информации настолько противоречит эмпирическим данным? Почему перестрелки в школах часто приводят к требованиям радикальных и немедленных изменений в политике и усилению протоколов безопасности?

Одним из ответов является абсолютно трагический характер этих правонарушений. Эти нападения наносят вред нашим детям, которые отличаются своей невинностью и наивностью в отношении реалий сурового мира. Они только начинают свою жизнь, полную надежд и обещаний. Их смерти – особенно в школьной обстановке, которая характеризуется изучением алгебры, созданием художественных проектов, решением математических уравнений и подготовкой к поступлению в колледж – кажутся особенно несправедливыми и ужасающими.

Многие, как результат реагирования на эти массовые расстрелы, требовали усиления мер безопасности и наблюдения, чтобы предотвратить проникновение огнестрельного и другого оружия в школу, включая вневедомственную охрану на территории колледжа, более строгие меры контроля доступа и металлодетекторы.

Следовательно, меры безопасности, направленные на раннее уведомление и упрощение, и упорядочение отчетности о подозрительных действиях, были приняты в качестве средства предотвращения повторения такого разрушительного события.

В связи с этим руководители образовательных учреждений чаще всего применяют три метода ситуационной профилактики для сокращения числа случаев стрельбы в школах. К ним относятся: (а) использование вневедомственных охранников в школе для усиления формального наблюдения; (б) запирающие двери и наблюдение за ними, а также металлодетекторы для контроля доступа к объектам; и (в) активные ответные действия учащихся, персонала и преподавательского состава.

Многие меры реагирования на стрельбу в школах основаны на теории ситуационного предупреждения преступности и, таким образом, можно было бы ожидать сокращения числа подобных случаев в будущем.

Однако в целом оценки этих мер показывают, что они часто практически не влияют на уровень преступности в школе и иногда могут усиливать страх и тревожность в школьной среде.

Распространенной мерой безопасности является использование частной охранной службы, которые часто вооружены. Кажется логичным, что это сократит количество инцидентов, потому что сотрудник в школе может сдерживать или, при необходимости, немедленно реагировать на кризис. Учитывая интуитивную привлекательность этой стратегии, неудивительно, что число школ, в которых работают охранники в форме, за последние годы резко возросло. Данная мера принимается обычно за счет оплаты услуг родителям.

Исследования показали, что школы, в которых действует вневедомственная охрана, с большей вероятностью будут патрулироваться на всей их территории. В свою очередь, в этом случае более высока вероятность официального реагирования на сообщения о преступлениях от учащихся и учителей, будет существовать разработанный план реагирования на чрезвычайные ситуации и проводиться мероприятия, связанные с риском оценки. Кроме того, было обнаружено, что, когда учащиеся положительно относятся к вневедомственной охране, они с большей вероятностью сообщают о преступлении или угрозе и с большей вероятностью чувствуют себя в безопасности в школе.

Контроль доступа может включать в себя различные меры, включая запирающие двери, проверку посетителей путем их регистрации, требование предъявления идентификационных бейджей учащимся и/или персоналу, среди других мер по контролю за тем, кто входит и/или не входит в школу.

Единственным наиболее важным соображением было то, что в главном здании должны быть заперты входные группы, куда могут входить учащиеся, персонал, преподаватели, а попасть к посетителям можно только с помощью удостоверений личности, кодированных панелей входа или разрешения контролируемого персонала. В дополнение к усилению мер безопасности у главного входа школам было также рекомендовано ограничить количество боковых наружных дверей, обеспечить, чтобы большинство дверей открывалось только изнутри, и установить устойчивое к разбиванию закаленное стекло в дверях там, где требуется стекло. Такая положительная практика безопасности имеется из опыта работы Дагестанского государственного педагогического университета.

Все эти стратегии направлены на мониторинг только тех лиц, которые имеют законную цель находиться в здании, ограничивая при этом вход лиц, не связанных с функционированием школы.

Металлодетекторы служат единственной цели: предотвратить пронос оружия, особенно пистолетов, в школу. Традиционно металлодетекторы устанавливались только в городских школах, но в свете страха, связанного с недавними школьными перестрелками, теперь они являются заметной мерой школьной безопасности в пригородных школах.

Однако металлодетекторы внедрялись не так часто, как вневедомственная охрана и другие организации, меры контроля доступа, в значительной степени потому, что затраты могут быть крайне непомерно высокими для школы.

Все это меры, основанные на здравом смысле, интуитивно понятные и кажущиеся рациональными способами создания более безопасной школьной среды. Каждая из этих мер безопасности, однако, может оказаться неэффективной, и в прошлом они терпели неудачу. Школы должны признать, что многие из принятых жестких мер безопасности не устраняют полностью угрозу со стороны школьного стрелка.

Поэтому крайне важно, чтобы ученики, учителя, студенты, преподаватели и персонал были обучены тому, как реагировать и выживать, когда в их среде происходит инцидент с массовой стрельбой.

Один из подходов называется традиционным. Этот подход обычно включает в себя инструктаж людей запирающих внутренние двери, выключать свет, пригнуться к земле, отойти в угол помещения.

Отойдите от двери и окон и соблюдайте тишину до прибытия полиции на место происшествия. Помимо традиционного запирающего двери и сохранения тишины, чтобы повысить выживаемость людей, которые трагически оказались, вовлечены в активные перестрелки, чтобы люди покинули место стрельбы, если это возможно сделать безопасно.

В отличие от традиционного подхода, который рекомендует отдельным лицам полагаться исключительно на запирающие двери, также важно забаррикадировать комнату. Баррикады могут быть сформированы из предметов, находящихся в непосредственной близости, таких как столы, конторки, полки и стулья.

Цель состоит в том, чтобы сделать комнату труднодоступной мишенью и предотвратить доступ в комнату стрелка. Важно отметить, что баррикады не обязательно удерживать в течение длительного периода времени, например, часов или дней, поскольку большинство массовых расстрелов (69%) заканчиваются менее чем за 5 минут.

Хотя перестрелки в школах происходят редко, они являются реальностью в современном мире. Это трагические события, которые затрагивают самых невинных жертв в месте, где должна быть гарантирована безопасность. Протест общественности и соответствующие призывы к тому, чтобы что-то было сделано после одного из этих инцидентов, вполне понятны.

Однако крайне важно, чтобы школьные администраторы не реагировали на такие звонки опрометчиво, эмоционально нагруженным образом и вместо этого принимать обоснованные, рациональные решения, полностью осознавая последствия своих решений.

Как было отмечено выше, многие меры безопасности, которые были приняты немедленно после широко освещаемых случаев стрельбы в школах, были реализованы без глубокого анализа произошедших случаев.

Пристатейный библиографический список

1. Выборный А. Резня в Перми доказала – стандарты безопасности для школ должны быть внедрены по всей России: интервью // Парламент. газ.: электрон. период. изд. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pnp.ru/social/anatoliy-vybornyuy-reznya-v-permi-doka>.
2. В школе в Дагестане подросток зарезал одноклассника, а другие дети напали на журналиста. Рассказываем, что об этом известно. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.yuga.ru/news/460103-vshkole-v-dagestane-podrostok-zarezal-odnoklassnika-a-dругие-deti-napali-na-zhurnalista-rasskazyvaem-cto-ob-etom-izvestno/>.

МАРАКУЛИН Денис Анатольевич

заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского Юридического института МВД России

ШТАБ Оксана Николаевна

кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Одной из приоритетных задач государства и общества является охрана памятников истории и культуры, представляющих собой уникальную ценность для всего многонационального народа Российской Федерации и являющихся неотъемлемой частью всемирного культурного наследия. Авторы своей целью определяют изучение преступности и связанных с ней фоновых явлений в сфере охраны объектов культурного наследия, и соответственно разработку мер по их профилактике. В статье затрагиваются в первую очередь вопросы специального и индивидуального предупреждения преступности в сфере охраны объектов культурного наследия.

Ключевые слова: преступление, правонарушение, преступность в сфере охраны объектов культурного наследия, уголовная ответственность, предупреждение преступности, археологический предмет, объекты археологического наследия, объекты культурного наследия.

MARAKULIN Denis Anatoljevich

Deputy Head of Criminal law and criminology sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

SHTAB Oksana Nikolaevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, Head of Criminal law, criminal process and criminalistics sub-faculty of the Altai branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

CRIME PREVENTION IN THE FIELD OF PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE SITES

One of the priorities of the state and society is the protection of historical and cultural monuments, which are of unique value to the entire multinational people of the Russian Federation and are an integral part of the world cultural heritage. The authors aim to study crime and related background phenomena in the field of protection of cultural heritage sites, and, accordingly, to develop measures for their prevention. The article deals primarily with the issues of special and individual crime prevention in the field of protection of cultural heritage sites.

Keywords: crime, offense, crime in the field of protection of cultural heritage objects, criminal liability, crime prevention, archaeological object, archaeological heritage objects, cultural heritage objects.

Федеральным законодательством Российской Федерации закреплено, что одной из приоритетных задач органов государственной власти, органов государственной власти субъектов и органов местного самоуправления является государственная охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)¹. При этом статья 44 Конституции Российской Федерации устанавливает обязанность каждого «заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры»².

Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года констатировала, что не только традиционные причины угрожают повреждению культурному и природному наследию, но и масштабные изменения в социальной и экономической жизни общества, которые в

том числе усугубляют их еще более опасными, вредоносными и разрушительными явлениями.

И действительно, наряду с природными (землетрясения, наводнения, ветровая и водная эрозия и т.д.) и техногенными (загрязнение поверхностных и подземных вод, нарушения естественных физических параметров среды, физическое нарушение почвенного покрова и т.д.) причинами разрушения и потери памятников истории и культуры, сегодня особое место занимают антропогенные факторы (избыточное развитие туристской инфраструктуры на территориях объектов культурного наследия, отсутствие собственника, пользователя или иного законного владельца объекта культурного наследия, несоблюдение норм пожарной безопасности на объектах культурного наследия и т.д.)³.

К наиболее опасным и разрушительным из последних необходимо отнести в том числе противоправные посяательства на объекты культурного наследия.

Поведенные нами ранее исследования и анализ последних статистических данных показывают, что за прошедшие пять лет (2018-2022 гг.) зарегистрированные преступления в сфере охраны объектов культурного наследия в Российской Федерации имеют тенденцию к увеличению их числа [4, с. 118-120], [5, с. 41-43].

1 Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: федер. закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ: ред. от 24.07.2023: принят Гос. Думой 24 мая 2002 года [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс / Компания «Консультант Плюс». – Электрон.дан. – [М.]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/, свободный. – Загл. с экрана. – Яз.рус. (дата обращения: 10.10.2023).

2 Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс / Компания «Консультант Плюс». – Электрон.дан. – [М.]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/, свободный. – Загл. с экрана. – Яз.рус. (дата обращения: 09.10.2023).

3 Письмо Минкультуры России от 22.02.2017 № 45-01.1-39-НМ «О направлении Методических рекомендаций по эксплуатации объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)» [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс / Компания «Консультант Плюс». – Электрон.дан. – [М.]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз.рус. – (дата обращения: 10.10.2023).

Так, только за 2022 год количество преступлений, предусмотренных ст. 243.1 УК РФ (Нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, либо выявленных объектов культурного наследия), увеличилось на 8,3 %, а рост противоправных деяний, предусмотренных ст. 243.2 УК РФ (Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания), составил 30 %.

Так же особо стоит обратить внимание на состояние преступлений, предусмотренных ст. 243.4 УК РФ (Уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России): за прошедший год их количество выросло на 476,2 %⁴.

Отметим, что в абсолютных цифрах рассматриваемые преступления выглядят «незначительными» в общей структуре преступности⁵. Однако, они представляют высокую степень общественной опасности и в большинстве случаев в результате их совершения наступает невосполнимая утрата объектов культурного наследия.

При этом сегодня сложно сказать об уровне латентности данных преступлений, но только один запрос о покупке металлоискателя на известных торговых онлайн площадках показывает, что количество частных предложений на территории всех субъектов Российской Федерации ежедневно превышает более 1700 штук.

Как мы видим, в настоящее время приобретает особую актуальность вопрос о разработке комплекса мер, направленных на предупреждение преступности в сфере охраны объектов культурного наследия, о чем так же неоднократно упоминалось в юридической литературе по различным отраслям права [1], [2], [3], [6].

К одной из первоочередных таких мер, по нашему мнению, следует отнести совершенствование государственной политики в сфере правовой регламентации оборота археологических предметов в Российской Федерации.

Это направление профилактики позволит на государственном уровне в первую очередь бороться с незаконным оборотом объектов культурного наследия посредством развития негосударственных музейных коллекций, а также изменения правового статуса организационных форм для купли-продажи и обмена «предметов старины».

Не менее важное направление предупреждения рассматриваемых преступлений связано с борьбой с «чёрной археологией».

Здесь особое место занимает вопрос регламентации использования в Российской Федерации металлоискателей и других специальных механизмов и приспособлений поиска. В настоящее время с одной стороны в нашей стране с каждым годом всё больше приобретает популярность такое хобби, как кладоискательство, а с другой – законный поиск археологических предметов с помощью металлоискателя и их изъятие из мест залегания возможен только при наличии открытого листа вовремя проведения археологических полевых работ.

По нашему мнению, сегодня необходимо на государственном уровне решить вопрос о введении лицензирования деятельности, направленной на любительский поиск с металлоискателем.

Еще одним аспектом профилактики данных преступлений является просветительская работа, где необходимо обратить внимание на Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, обеспечивающий государственный учёт памятников и закрепляющий принадлежность памятника к соответствующему виду и категории.

Данный ресурс позволяет любому гражданину ознакомиться со списком памятников истории и культуры с привязкой к конкретной местности.

Анализ судебно-следственной практики показывает, что в 25 % случаев лица, совершившие преступления, предусмотренные ст. 243 УК РФ (Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей), не были осведомлены о том, что повреждаемые или уничтожаемые ими объекты относятся к культурному наследию народов Российской Федерации⁶. При этом опрос участковых уполномоченных полиции показал, что только 8 сотрудников из 56 знают о существовании данного информационного ресурса и пользуются им в своей служебной деятельности⁷.

В заключении скажем, что предложенные нами меры, направленные на предупреждение преступности в сфере охраны объектов культурного наследия, являются только частью того комплекса, который сегодня необходим для обеспечения одной из приоритетных задач государства и общества – «сохранность объектов культурного наследия народов Российской Федерации в интересах настоящего и будущего поколений многонационального народа Российской Федерации»⁸.

Пристатейный библиографический список

1. Батршин Р. Ю. Административная ответственность за правонарушения в сфере охраны объектов культурного наследия // Российское правосудие. - 2016. - № 8 (124). - С. 12-17.
2. Болотова Е. Д. Уголовная ответственность за посягательство на объекты культурного наследия, взятые под охрану государством: специальная 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 2022. - 209 с.
3. Казаков А. А., Павлюченко А. М. Проблемы правоприменительной практики в сфере охраны культурно-исторического наследия // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. - 2017. - № 2 (33). - С. 48-50.
4. Маракулин Д. А. Криминология преступности в сфере охраны объектов культурного наследия // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. - 2022. - № 2 (43). - С. 118-120.
5. Маракулин Д. А. Состояние и динамика преступности в сфере охраны объектов культурного наследия в Российской Федерации (за 2017-2021 гг.) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. - 2023. - № 23-2. - С. 41-43.
6. Халиков И. А. Актуальные вопросы квалификации преступлений в отношении памятников археологии и археологических предметов (ст. 243.2 УК РФ) // Уголовное право. - 2019. - № 3. - С. 81-84.
7. Всего было проанализировано 48 приговоров по преступлениям, предусмотренным ст. 243 УК РФ.
8. В опросе участвовали сотрудники из Республики Алтай, Алтайского края, Кемеровской и Новосибирской областей.
9. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: федер. закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ: ред. от 24.07.2023: принят Гос. Думой 24 мая 2002 года [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс / Компания «Консультант Плюс». – Электрон.дан. – [М.]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/, свободный. – Загл. с экрана. – Яз.рус. (дата обращения: 10.10.2023).

4 Отчет формы 1-ЕГС ГИАЦ МВД России за 2022 г.

5 В 2022 году зарегистрировано 13 преступлений, предусмотренных ст. 243.1 УК РФ, 13 преступлений, предусмотренных ст. 243.2 УК РФ и 121 преступление, предусмотренное ст. 243.4 УК РФ.

РАДЧЕНКО Елизавета Ивановна

магистрант 1-го курса Юридического института Иркутского государственного университета

АВЕРИНСКАЯ Светлана Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Юридического института Иркутского государственного университета

ЗАГАЙНОВ Владимир Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА

В представленной научной статье рассмотрены различные подходы к содержанию субъективной стороны доведения до самоубийства. Авторами освещены криминологические аспекты доведения до самоубийства, проанализированы различные доктринальные подходы к содержанию возможных форм и видов вины, свойственных доведению до самоубийства с приведением примеров судебно-следственной практики, проанализировано уголовное законодательство зарубежных стран.

Ключевые слова: доведение до самоубийства, субъективная сторона преступления, форма вины.

RADCHENKO Elizaveta Ivanovna

magister student of the 1st course of the Institute of Law of the Irkutsk State University

AVERINSKAYA Svetlana Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law sub-faculty of the Institute of Law of the Irkutsk State University

ZAGAINOV Vladimir Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty of the Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

ON THE ISSUE OF THE CONTENT OF THE SUBJECTIVE SIDE OF DRIVING TO SUICIDE

The presented scientific article examines various approaches to the content of the subjective side of driving to suicide. The authors highlight the criminological aspects of incitement to suicide, analyze various doctrinal approaches to the content of possible forms and types of guilt inherent in incitement to suicide, citing examples of forensic investigative practice, and analyze the criminal legislation of foreign countries.

Keywords: incitement to suicide, subjective side of the crime, form of guilt.

На протяжении последних десяти лет одним из основных национальных приоритетов России является обеспечение благополучного и защищенного детства. В посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации неоднократно ставились задачи по разработке современной и эффективной государственной политики в области детства.

Вместе с тем в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы, утвержденной Президентом РФ от 1 июня 2012 г. № 761, подчеркивается сложная ситуация с суицидами среди молодых людей в возрасте от 10 до 18 лет и указывается на необходимость разработки системы мер по предотвращению подросткового суицида¹. Это подтверждается и статистическими сведениями, представленными на сайте судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации, согласно которым общее количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 110 УК РФ в период с 2012 по 2022 гг. возросло. (См. рис. 1.)

Говоря про удельный вес, рассматриваемого нами преступления, в структуре всех преступлений, предусмотренных действующим уголовным законодательством, отметим, что он является чрезвычайно малым и составляет 0, 00-0, 01% от общего числа преступлений¹. (См. рис. 2.)

В 2017 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин, на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России в 2017 г. озвучил проблему деятельности интернет-сообществ суицидальной направленности так называемых, «групп смерти». Глава государства поддержал инициативу депутатов Государственной Думы «о дополнении законодательства нормой, расширяющей перечень действий, при которых наступает уголовная ответственность за доведение до самоубийства»².

Между криминогенностью и суицидальной ситуацией, как социальными явлениями, прослеживается устойчивая взаимосвязь. Возрастание или снижение данных показателей позволяет оценить степень напряженности присутствующей в обществе, функционал и эффективность государственных реформ уголовно-правовой политики нашего государства или же выявить обратную тенденцию: кризис и стагнацию, которые обуславливают рост преступности и тенденцию к увеличению числа совершаемых самоубийств.

Несмотря на положительную динамику законодательного реформирования исследуемого нами состава преступления, существует немалое количество проблемных вопросов квалификации доведения до самоубийства и прежде

1 Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы» // Собрание законодательства РФ. 04.06.2012. № 23. Ст. 29.

2 Единый отчет о состоянии преступности на территории РФ // Сайт МВД России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://10.5.0.16/csi/files/content/stat/books/te_xt/txt491_201812.001.txt (дата обращения: 11.11.2023).

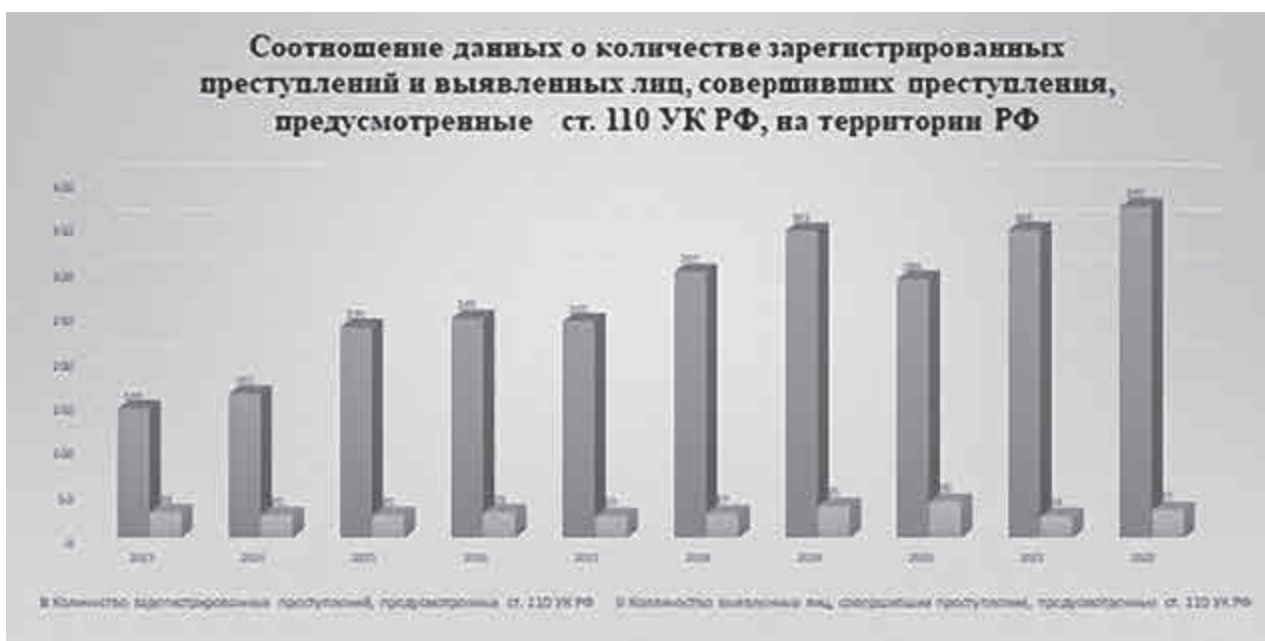

Рисунок 1

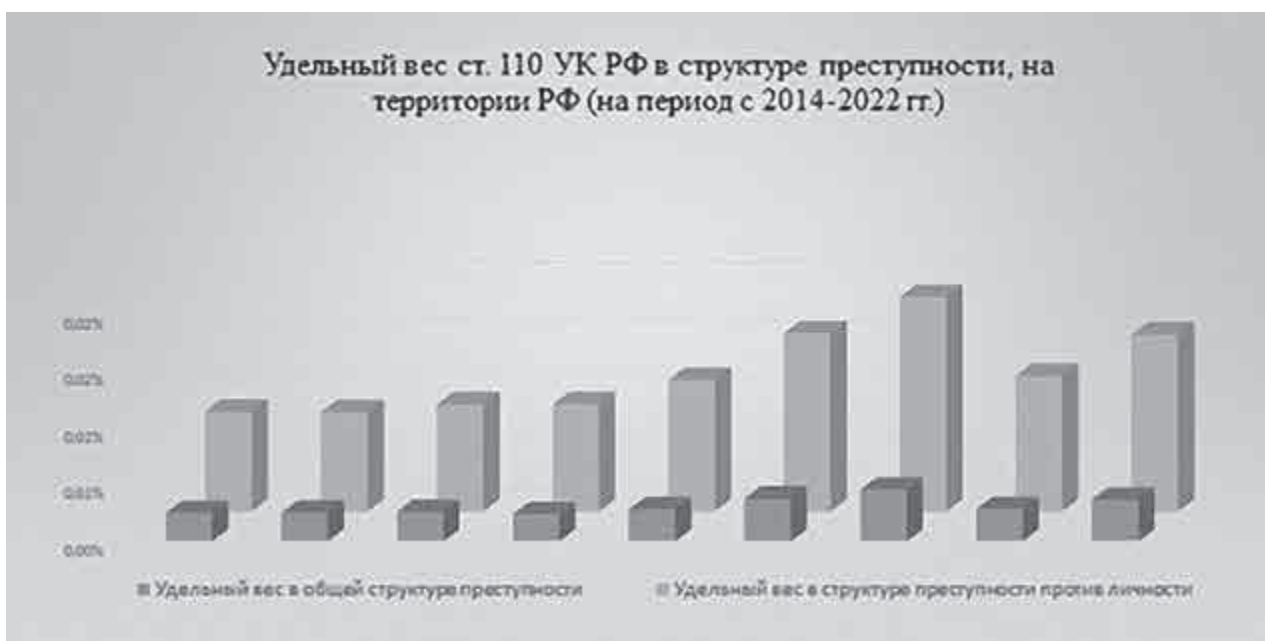

Рисунок 2

всего различных подходов к содержанию субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ.

Так, на сегодняшний день, в доктрине уголовного права отсутствует единство мнения относительно формы вины, при наличии которой, действия виновного могут быть квалифицированы по статье 110 УК РФ.

По мнению ряда авторов, рассматриваемый нами состав преступления может быть вменен только при наличии умышленной формы вины. Так, Борзенко Г. Н. в своих научных трудах указывал на то, что «неосторожное доведение до самоубийства» возможно, но в силу ч. 2 ст. 24 УК РФ ответственность в данном случае исключается, так как в ст. 110 УК РФ нет указания на неосторожную форму вины [4].

В прототивес вышеизложенной позиции законодатель в ч. 2 ст. 24 УК РФ отмечает, что Особенная часть уголовного закона РФ содержит такие составы преступлений, совершение которых возможно исключительно с неосторожной формой вины, о чем указано в наименовании или диспозиции уголовно-правовой нормы. Отсутствие же указания на неосто-

рожную форму вины не предопределяет ее невозможность, а говорит о том, что форма вины может быть, как умышленной, так и неосторожной.

В свою очередь, Э. Ф. Побегайло и В. Б. Малинин допускают наличие как умышленной, так и неосторожной формы вины, однако, применительно к первой, по мнению ученых, речь может идти только о наличии косвенного умысла [3].

Обращаясь к материалам судебно-следственной практики, можно констатировать, что в настоящее время преобладающее число обвинительных приговоров, вынесенных в отношении лиц, которым инкриминируется совершение общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 110 УК РФ, основываются на установлении наличия прямого или косвенного умысла. Однако, есть и обратные примеры.

Для более детального изучения данного вопроса, обратимся к приговору Кунашакского районного суда Челябинской области.

«Так, Н, представляя интересы организации ООО «Инвест-Гарант», специализирующейся на внесудебном взыскании про-

сроченной кредиторской задолженности, преследуя корыстную цель, применял незаконные методы при осуществлении указанной деятельности, которые выразились в том, что он угрожал заёмщику Ч. и его жене Л. имевшим просроченные кредиторскую задолженность в микрокредитной организации ООО Финансовая компания «Авик», повреждением чужого имущества и причинением вреда здоровью потерпевшим.

Кроме того, Н. направил Л. на абонентский номер оператора СМС-сообщение, в котором высказал Л. в грубой форме угрозы повреждения и уничтожения имущества – поджога дома, в котором последняя проживала со своим мужем Ч. Угрозы сопровождалась оскорблениями, нецензурными словами, оскорбительными прозвищами, что унижало человеческое достоинство Л. и её мужа Ч.

Спустя некоторое время, Ч., будучи неспособным более испытывать вышеуказанные угрозы, и систематическое унижение человеческого достоинства со стороны Н, совершил самоубийство путем повешения на веревке в хозяйственных постройках.

Суд признал Н. виновным в совершении совокупности преступлений, предусмотренных ст. 110 и ч.1 ст. 163 УК РФ³.

Необходимо отметить, что в описательной части вышеуказанного обвинительного приговора судом было установлено, что виновный осознавал общественную опасность своих действий, предвидел возможность наступления общественно опасных последствий в виде совершения Ч. самоубийства, не желал их наступления, но сознательно допускал наступление этих последствий либо относился к ним безразлично.

Отдельно следует остановиться на примерах судебной следственной практики, которые основаны на необходимости констатации прямого умысла, как обязательного признака субъективной стороны доведения до самоубийства.

Так, по приговору Городищенского районного суда Волгоградской области от 1 сентября 2017 г. по делу № 1-156/2017 М. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ. Из материалов уголовного дела следует:

«У М., на почве сложившейся личной неприязни к С., возник преступный умысел на доведение её до самоубийства.

Реализуя свой преступный умысел, М., систематически, причинял ей физические и психические страдания путём жестокого обращения, систематического нанесения побоев, а также психического травмирования её личности, посредством грубых оскорблений нецензурной бранью, умаления личности С. как женщины, систематического унижения человеческого достоинства. При этом, М. своими преступными действиями создал для С. обстановку деспотизма, постоянного страха и опасности нанесения побоев, унижения человеческого достоинства. В неустановленный период времени, М., проживая совместно с С., выражаясь в её адрес нецензурной бранью, сопровождая свои действия словесным унижением личности С., в ходе ссоры умышленно нанёс С. не менее пяти ударов кулаком правой руки по телу, спине, плечам, а также хватал её с применением значительной силы за волосы на голове, чем причинил ей физическую боль и моральные страдания, а также психическое травмирование личности С.

В один из дней М. умышленно забрал из детского сада их с С. дочь и сообщил последней, что она будет её видеть только по выходным.

В результате угроз, жестокого обращения и систематического унижения человеческого достоинства С. решила покончить жизнь самоубийством. С этой целью С. прошла на кухню указанной квартиры, взяв 3 пачки лекарственных средств - таблетки «Парацетамол МС», выпила 30 таблеток, после чего прошла в свою комнату, закрыла дверь и легла на диван. Примерно в 11 часов 20 минут, она почувствовала себя плохо, появилась тошнота, сухость губ, головокружение. После чего каретой скорой медицинской помощи С. была доставлена в ГБУЗ «БОНД». Вместе с тем, покончить жизнь самоубийством у С. не получилось по

независящим от неё обстоятельствам, так как она была своевременно госпитализирована каретой скорой медицинской помощи в ГБУЗ «БОНД», где ей была оказана квалифицированная медицинская помощь⁴.

Из приведенного обвинительного приговора явствует, что суд неоднократно подчеркивал наличие у виновного лица прямого умысла на доведение лица до самоубийства.

Проводя сравнительно-правовой анализ российского уголовного законодательства и уголовного законодательства зарубежных стран, отметим, что уголовное законодательство Республики Армения прямо указывает, что доведение до самоубийства допускает наличие умышленной формы вины в виде косвенного умысла либо неосторожной формы вины [2].

В свою очередь, Законодатель Республики Кыргызстан считает, что допустимо существование как умышленной, так и неосторожной формы вины, дифференцируя при этом наказуемость в зависимости от формы вины.

Верховный суд Республики Узбекистан обращает внимание правоприменителей на допущение только умышленной формы вины в аспекте рассматриваемого нами состава преступления. Аналогичного мнения придерживается законодатель Республики Беларусь, указывая в диспозиции данной статьи, что доведение лица до самоубийства предполагает «умышленное возбуждение у другого лица решимости совершить самоубийство, склонение к самоубийству» [1].

Анализ зарубежного уголовного законодательства также позволяет выделить противоречивость рассматриваемой проблемы и отсутствие единства мнений относительно содержания субъективной стороны доведения до самоубийства.

Подводя итог вышеизложенному, отметим следующее. Социальная проблема, связанная с суицидом, сформировалась и существует достаточно длительное время. Уголовное законодательство нашего государства претерпело многочисленное количество изменений, направленных на конфигурацию и закрепление данного уголовно-правового института.

Ввиду того, что на сегодняшний день не урегулирован вопрос, связанный с формой вины в аспекте ст. 110 УК РФ, у правоприменителей зачастую возникают трудности при определении признаков данного состава преступления, следовательно, и правоприменительная практика по ст. 110 УК РФ достаточно многообразна.

Думается, для восполнения пробела по данному вопросу, необходимо на законодательном уровне внести разъяснения, касающиеся формы и вида вины, которые присущи данному преступному деянию

Пристатейный библиографический список

1. Антипова А. В. Уголовная ответственность за доведение несовершеннолетних до самоубийства: зарубежный опыт // Международное публичное и частное право. 2020. № 1. С. 29-35.
2. Хатуев В. Б. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство по законодательству зарубежных государств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 3. С. 50-69.
3. Малинин В. Б., Побегайло Э. Ф. Энциклопедия уголовного права: Преступления против жизни и здоровья. – Т. 13 / Отв. В. Б. Малинин. Санкт-Петербург: Изд-во профессора В. Б. Малинина, 2013. 953 с.
4. Борзенков Г. Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья: учеб.-практ. пособие. М., 2020. С. 101.

3 Приговор Кунашакского районного суда Челябинской области по делу № 1-49/2018 от 21 марта 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/V3MHIOSwg3d1/?page> (дата обращения: 1.11.2023).

4 ГИАЦ МВД России «Состояние преступности в Российской Федерации 2021 года» // МВД.РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1a1/reports/item/19412450/> (дата обращения 10.11.2023)

РОЖНОВ Алексей Петрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Волгоградского государственного университета

ОБЩИЕ НАЧАЛА И ПРИНЦИПЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

Статья посвящена уяснению сущности нормативных предписаний, отражающих в действующем Уголовном кодексе общие начала назначения уголовного наказания. На основе анализа содержания ст.60 УК РФ автор выражает свое несогласие с пониманием общих начал в качестве институциональных принципов уголовного права. Формулируется вывод о том, что общие начала непосредственно влияют на процесс назначения наказания, тогда как принципы лишь задают определенную направленность поведения участников правовых связей либо влияют на содержание определенной группы норм в процессе нормотворчества.

Ключевые слова: дифференциация и индивидуализация ответственности; общие начала назначения наказания; принципы права; справедливость; уголовно-правовое принуждение.

ROZHNOV Alexey Petrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the Volgograd State University

GENERAL BEGINNINGS AND PRINCIPLES OF SENTENCING: PROBLEMS OF CORRELATION

The article is devoted to the clarification of the essence of normative prescriptions reflecting in the current Criminal Code the general beginnings of imposition of criminal punishment. Based on the analysis of the content of Article 60 of the Criminal Code of the Russian Federation, the author expresses his disagreement with the understanding of general beginnings as institutional principles of criminal law. The conclusion is formulated that the general beginnings directly affect the process of imposing punishment, while the principles only set a certain direction of behaviour of participants of legal relations or influence the determination of the content of a certain group of norms in the process of rule-making.

Keywords: differentiation and individualisation of responsibility; general beginnings of sentencing; principles of law; justice; criminal law coercion.

Рожнов А. П.

Вопрос назначения наказания является не менее важным, чем вопрос квалификации преступления. Правильная оценка преступного деяния во многом предопределяет и формирование государственной реакции на него. Но даже правильная квалификация – отнюдь еще не гарантия правильного назначения судом уголовного наказания. Отсюда вполне понятно стремление правотворца обособить в уголовном законе круг предписаний, следуя которым суд за совершенное преступление назначит справедливое наказание.

Впервые такого рода предписания были компактно обособлены в статье 32 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, утвержденных Законом СССР от 25 декабря 1958 г.¹, и получили «с легкой руки» советского законодателя наименование «общих начал назначения наказания».

В действующем Уголовном кодексе РФ общие начала назначения наказания аккумулярованы в его статье 60, поименованной аналогично рассматриваемому явлению. Анализ данной статьи позволяет выделить следующие относительно самостоятельные и законченные в смысловом плане вехи, адресуемые суду в процессе выбора им вида и меры наказания:

1) из части первой:

- назначаемое лицу, виновному в совершении преступления наказание, должно быть справедливым,
- наказание назначается в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части Кодекса,
- наказание назначается с учетом положений Общей части Кодекса,
- при выборе наказания более строгий его вид из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания;

2) из части третьей:

- а) при назначении наказания судом должны приниматься во внимание (учитываться) следующие относительно самостоятельные, но взаимосвязанные друг с другом группы обстоятельств:
 - характер и степень общественной опасности совершенного преступления,
 - личность виновного,

– обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, б) суд при назначении наказания также должен учесть и то, как назначенное наказание:

- повлияет на исправление осужденного и
- на условия жизни его семьи.

В ч. 2 ст. 60 Кодекса устанавливаются скорее исключения из правила о назначении наказания в пределах санкции статьи Особенной части, касающиеся:

- во-первых, такого выхода за пределы санкции, который обуславливает назначение более строго наказания – при назначении наказания по совокупности преступлений или совокупности приговоров в соответствии со ст. 69 и 70 УК,
- во-вторых, такого выхода за пределы санкции, когда виновному назначается менее строгое наказания, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса за совершенное преступление, по правилам ст.64 УК.

Очевидно, что предписания ч. 2 ст. 60 УК лишены самостоятельности хотя бы потому, что они содержат отсылку к ст. ст. 64, 69 и 70 Кодекса и регламентируют явно нетипичные для предписаний ч.ч. 1 и 3 ст. 60 случаи.

Вопрос о том, что с точки зрения содержания позитивного права представляют из себя нормоположения, аккумулярованные в ст. 60 УК, однозначного разрешения в доктрине получили.

Само наименование анализируемых положений в законе как «общих начал» побуждает, на первый взгляд, отнести их к числу принципов уголовного права, поскольку именно принципы права, безотносительно от своей локализации в системе права (все право, отрасль, несколько отраслей, институт), являются его общими началами, сквозными идеями, которые определяют общий дух, «вектор», идеологию нормативно-правового регулирования и правоприменительной деятельности [7, с. 34-35]. Определение принципов права через категорию общих (основных) начал, «руководящих идей» и т.п. является традиционным для общей теории права и отраслевых наук, включая и доктрину уголовного права [16, с. 78]. Коль скоро положения ст.60 самим законодателем поименованы как «общие начала» (по крайней мере института наказания), то отсюда логично предположить, что данные предписания являются в системе норм уголовного права принципами его отдельно взятого сегмента, посвященного регламентации назначения наказания.

1 Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 6.

Из понимания общих начал как принципов назначения наказания, ориентированного исключительно на буквальное значение термина «начала», вынесенного в название ст.60 УК РФ, исходит А. В. Наумов. «Общие начала назначения наказания, – пишет ученый, – это и есть общие принципы назначения наказания, в которых законодательно зафиксированы и критерии такого назначения» [14, с. 399].

Сходное понимание общих начал в системе норм, составляющих отрасль уголовного права, разделяет и В. Г. Татарников, определяя их как «руководящие идеи, которыми должен руководствоваться суд при разрешении каждого конкретного уголовного дела» [18, с. 43]. Хотя в некоторых своих работах он же определяет общие начала как те требования, реализация которых позволяет суду достичь справедливости в процессе назначения наказания [19, с. 32]. Сходная точка зрения высказана и А. И. Рарогом, по мнению которого общие начала, аккумулированные в ст. 60 УК, – это «основополагающие идеи (требования), которыми должен руководствоваться суд, определяя наказание лицу, признанному виновным в совершении конкретного преступления (преступлений)» [17, с. 100]. Под таковыми предлагается понимать законность, справедливость, индивидуализацию. Однако, раскрывая сущность этих идей, автор, по сути, переходит к характеристике тех требований, собранных в ст.60, при выполнении которых возможно обеспечить реализацию указанных принципов [17, с.100].

Но все же, думается, вряд ли правильно определять природу предписаний исключительно исходя из их наименования, данного законодателем. Приоритетным для решения вопроса о том, чем же в праве вообще и уголовном праве в частности являются общие начала, должен быть анализ содержания таковых.

Как следует из общетеоретической литературы, правовые принципы входят в т.н. «нормативно-вспомогательную часть» [4, с. 9] права – тех положений, которые не участвуют в правовом регулировании человеческой деятельности непосредственно, но которые, во-первых, влияют на содержание «основной части» права – норм-правил поведения – через механизмы их создания, а во-вторых, задают определенный «режим», «фон», «вектор» применения норм-правил поведения. В обоих случаях принципы права «работают» в механизме правового регулирования опосредованно и воздействуют на социальные связи через те предписания, которые содержат в себе правило поведения в его окончательном и логически завершенном виде. И вряд ли изложенные в ст. 60 УК РФ положения обладают такой высокой степенью абстракции, которая делает их непригодными для непосредственного применения в сфере отношений реализации уголовной ответственности.

Отсюда правы те авторы, которые причисляют общие начала к группе правовых норм, называя их «общими правилами» [3, с. 150], либо «правилами (требованиями)» [2, с. 10; 8, с. 12; 12, с. 253; 13, с. 81], «руководствуясь которыми суд по каждому уголовному делу в процессе постановления обвинительного приговора обеспечивает реализацию принципов института назначения наказания и избрание осужденному справедливой меры воздействия» [10, с. 164]. В правильности такого взгляда на общие начала убеждает содержание ст. 60 УК РФ, в которой излагаются именно требования, адресованные суду (судье) о том, как следует применять отдельные предписания Общей и Особенной части УК в процессе назначения наказания и какие цели должны быть достигнуты в «финале» этого процесса. Специфика же правил поведения, изложенных в ст. 60 УК РФ, заключается, на наш взгляд, в следующем.

Во-первых, адресатами данных правил является суд, хотя ст.60 УК РФ его [в таком качестве] и не упоминает, что представляется ее серьезным юридико-техническим упущением. Между тем, тот факт, что изложенные в ст.60 УК РФ правила регулируют именно деятельность суда, а не другого субъекта, закономерно вытекает из целого ряда смежных предписаний, так или иначе связанных со ст.60 УК РФ. Так, содержащиеся в ч. 1 ст. 60 УК РФ правила регулируют назначение наказания «лицу, признанному виновным в совершении преступления». В свою очередь, в силу ч. 1 ст. 49 Конституции РФ виновность в совершении преступления может устанавливаться только вступившим в законную силу приговором суда. При этом при вынесении приговора суд должен обсудить (в числе прочего) вопрос о том, подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное им преступление (п. 5 ч. 1 ст. 299 УПК РФ) и какое наказание должно быть назначено подсудимому (п. 7 ч. 1 ст. 299 УПК РФ).

О том, что наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда, говорится в ч. 1 ст. 43 УК РФ.

Во-вторых, изложенные в ст.60 правила – это императивы, поскольку они обязывают суд действовать определенным образом в тех ситуациях, на которые данные правила распространяются. Иными словами, это долженствования, направляющие интеллектуально-волевую деятельность суда в вопросах назначения наказания в определенных случаях, также из этих правил вытекающих.

В-третьих, анализируемые правила специфичны и, более того, даже нетипичны для системы нормативных предписаний, составляющих отрасль уголовного права России. Как представляется, общие начала весьма похожи на уголовно-процессуальные нормы, потому что, подобно процессуальным нормам, они отвечают на вопрос как [5, с. 240] – как следует поступать суду в определенных ситуациях, составляющих сферу действия общих начал, чтобы назначить справедливое наказание за совершенное преступление? Однако если процессуальные нормы регулируют *деятельность*, внешне выраженное поведение субъектов, то общие начала задают рамки, границы и направление интеллектуально-волевой деятельности суда в разрешении вопросов назначения наказания, очерчивают алгоритм принятия судом соответствующего решения, конкретизируют его дискреционные полномочия, упорядочивают усмотрение суда, ограничивают его субъективизм и в этом качестве представляют собой технико-юридические, или операционные, нормы, являются «нормами о нормах». Данные правила – это, очевидно, нормы вторичного порядка. Они не регулируют наказание, не устанавливают его, но при этом регламентируют процесс применения санкций статей Особенной части УК РФ в указанных в ст.60 Кодекса случаях.

Итак, общие начала назначения наказания – это совокупность правовых норм, устанавливающих обязательные требования, которыми должен руководствоваться суд в каждом случае применения санкции статьи Особенной части УК РФ с целью назначения справедливого наказания лицу, виновному в совершении преступления.

Понимание общих начал как норм – правил поведения, регламентирующих деятельность суда по вопросам назначения наказания, позволяет решить и проблему их соотношения с принципами уголовного права.

Как уже указывалось, принципы уголовного права не регулируют поведение кого бы то ни было, относятся к вспомогательной части права, являются предписаниями высокой степени абстракции, которые имеют служебное значение по отношению к основной части права (правилам поведения). Неслучайно поэтому принципы определяются в литературе через такие образные категории как «основные», либо «генеральные», либо «сквозные» идеи, пронизывающие право, определяющие его «общий дух», «направленность правового регулирования» [7, с. 34] и т.п. Высокая степень абстракции правового принципа не позволяет ему быть непосредственным регулятором правовых связей. Между тем принципы задают вектор в проведении законотворческих работ, устанавливают границы полномочий правотворцев в сфере определения содержания права. И они же задают определенный тон, режим в применении правовых норм, непосредственно регулирующих правовые связи.

Думается, отдельные принципы уголовного права проявляют себя в обоих отмеченных качествах в отношении общих начал: и на нормативном, и на правореализационном уровнях.

Между тем вопрос о системе принципов отрасли уголовного права, включая и вопрос о принципах назначения уголовного наказания, продолжает оставаться дискуссионным. И, зачастую, к принципам уголовного права вообще и принципам его отдельных институтов (включая и институт наказания) современными криминалистами относятся самые разные явления – причем как собственно общеправовые и отраслевые принципы (законность, справедливость, гуманизм равенство граждан перед законом, принцип экономии карательных средств [15] и др.), так и другие явления правовой действительности (например, правосознание субъекта назначения наказания [9, с. 59-60], целесообразность, обоснованность назначаемого наказания [20, с. 104] и т.д.).

Нам все же импонирует иерархический подход к рассмотрению принципов назначения наказания, позволяющий выделить главные, или общие, принципы, действующие во всей отрасли уголовного права и даже во всей системе внутренне права (например, принцип справедливости), и их частные проявления, которые адаптируют эти принципы к отрасли и ее институтам, образуя сутубо отраслевые, специальные, или даже институциональные принципы.

Применительно к назначению наказания базовым принципом соответствующего института является справедливость,

которая закреплена как в качестве фундаментального начала всей отрасли (ст. 6 УК РФ), так и в качестве цели назначения любого наказания, за каждое преступление и во всех случаях его назначения, поскольку в силу ч. 1 ст. 60 УК РФ «лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание...».

Особенностями ее проявления в сфере назначения наказания выступают принципы дифференциации и индивидуализации мер ответственности и наказания, а также принцип рационального применения мер уголовно-правового принуждения (принцип целевого устремления и экономии мер уголовной репрессии) [11, с. 71].

В обоих отмеченных отраслевых (специальных) принципах воплощается распределяющий аспект юридической справедливости, обязывающий воздать каждому члену обществу пропорционально его личному, персональному, вкладу в общественную жизнь, в то время как уравнивающий аспект справедливости требует обеспечения такого режима регулирования правовых связей, когда для всех членов общества создаются равные возможности их доступа к материальным и духовным благам и адресуются равные требования, налагаются равные обязанности [6, с. 10]. Поскольку вклад в общественную жизнь может быть как позитивным, так и негативным, то и воздаяние субъекту может быть и наградой, и наказанием.

Относительно нормативного закрепления и принципа справедливости, и его отраслевых проявлений (на уровне специальных принципов отрасли) в действующем Кодексе сложилась странная ситуация.

Во-первых, легально в виде отдельных предписаний в действующем УК РФ нашел свое закрепление только принцип справедливости, которому посвящена самостоятельная статья 6 в главе 1 «Задачи и принципы УК РФ» раздела I «Уголовный закон» Общей части Кодекса.

Принципы дифференциации и индивидуализации мер ответственности и наказания и принцип рационального применения мер уголовно-правового принуждения своего закрепления в УК не нашли, что является существенным недостатком отечественного уголовного закона.

Вместе с тем впервые предпринятая попытка нормативного определения принципа справедливости оказалась явно неудачной, поскольку содержание принципа очевидно шире его закрепленной в ст. 6 УК дефиниции.

Согласно ч. 1 ст. 6 УК РФ, наказание будет справедливым, если оно будет соответствовать:

- характеру и степени общественной опасности преступления,
- обстоятельствам его совершения,
- личности виновного.

Однако справедливость как идеал, требование, идея, ориентир и проч. не сводима только к наказанию, поскольку воплощается в отрасли уголовного права как минимум в трех аспектах: на уровне установления круга наказуемых деяний, которые должны быть реально общественно опасными; на уровне установления адекватных наказаний за совершение таких деяний; на уровне назначения конкретных наказаний на основании имеющихся в законе санкций статей Особенной части УК [1, с. 27]. Судя по тексту ст. 6 УК, первые два аспекта справедливости никакого отражения в ст. 6 УК не получили.

Во-вторых, несмотря на незакрепление в УК РФ его отраслевых и институциональных принципов, последние находят свое завуалированное нормативное закрепление в изложении «наказательного» аспекта принципа справедливости в ст. 6, 60 УК РФ.

Прежде всего, по нашему мнению, ст. 6 и ч. 3 ст. 60 УК РФ, устанавливающие критерии назначения справедливого наказания за конкретное преступление (путем перечисления тех обстоятельств, связанных с преступлением, и лицом, его совершившим), являются тем самым воплощением той части принципа дифференциации и индивидуализации ответственности, которая требует индивидуализировать назначаемое судом наказание, учитывая конкретные особенности деяния и субъекта, внесшего свой негативный вклад в жизнь государства и общества.

Напротив, положения ч. 1 ст. 60 УК РФ требуют рачительного распоряжения мерами уголовной репрессии, полагая справедливым не чрезмерное (как в плане его мягкости, так и жесткости) наказание, а лишь только такое, которое достигнет своих целей наиболее экономичным и наименее затратным для преступника образом. Именно на это ориентированы требования ч. 1 ст. 60 УК РФ, обязывающие суд назначать более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление только в случае, если менее строгий

вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания.

Таким образом, положения ч.ч. 1 и 3 ст. 60 УК РФ, не будучи сами по себе принципами уголовного права либо института наказания (назначения наказания), являются воплощением указанных выше специальных принципов отрасли, поскольку выражают конкретные правила поведения суда по вопросам назначения наказания в типовых случаях с учетом устанавливаемых в данных принципах требований.

Пристатейный библиографический список

1. Арендаренко А. В. Общеправовой принцип социальной справедливости и его реализация в современном уголовном праве России (теоретико-правовые аспекты): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2009. – 46 с.
2. Благов Е. В. Назначение наказания (теория и практика). – Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2002. – 187 с.
3. Васильева Я. Ю. Понятие и характеристика общих начал назначения наказания по российскому уголовному законодательству // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 8-9. – С. 149-155.
4. Вопленко Н. Н. Нормы права: Лекция для студентов юридического факультета. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1997. – 32 с.
5. Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – 896 с.
6. Вопленко Н. Н. Свобода и справедливость: закономерности их взаимодействия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. – 2012. – № 1 (16). – С. 7-12.
7. Вопленко Н. Н. Сущность, принципы и функции права: Учебное пособие. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. – 53 с.
8. Дударь Н. Н. Общие начала назначения наказания: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 23 с.
9. Дядькин Д. С. Теоретические основы назначения уголовного наказания: алгоритмический подход. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический Центр Пресс», 2006. – 508 с.
10. Крутликов Л. Л. Общие начала назначения наказания (глава II) // Энциклопедия уголовного права. Т. 9. Назначение наказания. – Издание профессора Малинина. – СПб. ГКА, СПб., 2008. – С. 159-293.
11. Крутликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. – 300 с.
12. Лядов Э. В. К вопросу об общих началах назначения наказания // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2015. – № 1 (64). – С. 253-256.
13. Малинин В. Б., Измалков В. А. Общие начала и критерии назначения уголовного наказания // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2011. – № 4 (13). – С. 81-84.
14. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. – М.: Изд-во БЕК, 1996. – 560 с.
15. Похмелькин В. В. Достижение справедливости при назначении наказания по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1985. – 24 с.
16. Пудовочкин Ю. Е., Пирвагидов С. С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 297 с.
17. Рагог А. И. Назначение наказания (глава 7) // В кн.: Есаков Г. А., Рагог А. И., Чуцаев А. И. Настольная книга судьи по уголовным делам / Отв. ред. А. И. Рагог. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2010. – С. 100-122.
18. Татарников В. Г. Понятие общих начал назначения наказания и их содержание // Проблемы совершенствования борьбы с преступностью: Сборник статей. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. – С. 38-52.
19. Татарников В. Г. Принцип справедливости и его отражение в общих началах назначения наказания // Глаголь правосудия. – 2018. – № 4 (18). – С. 31-36.
20. Шкредова Э. Принципы назначения наказания как один из критериев его справедливости // Уголовное право. – 2016. – № 2. – С. 102-108.

СНЕГОВОЙ Максим Андреевич

заместитель директора по долгосрочному планированию филиала АО «УК ЭФКО», г. Алексеевка

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 280.3 УК РФ

Установление уголовной ответственности за совершение публичных действий, направленных на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ и исполнения указанными в ст. 280.3 УК РФ государственными органами, формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные силы РФ, представляет собой естественную реакцию государства на получающий все большее распространение социальный недуг. Надлежащее уяснение правоприменителем признаков данного состава преступления и их толкование в соответствии с волей законодателя обеспечивают единообразие судебно-следственной практики и, в конечном итоге, практическое осуществление уголовной политики современного российского государства.

Ключевые слова: объективная сторона, дискредитация, добровольческие формирования, заведомо ложная информация, дестабилизация общественной безопасности.

SNEGOVOY Maxim Andreevich

Deputy Director for Long-term Planning of the branch of JSC "UK EFKO", Alexeevka

ON THE QUESTION OF THE SIGNS OF THE CORPUS DELICTI PROVIDED FOR IN ARTICLE 280.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The establishment of criminal liability for committing public actions aimed at discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation and the execution of state bodies, formations, organizations or persons specified in Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation to assist in the performance of tasks assigned to the Armed Forces of the Russian Federation is a natural reaction of the state to an increasingly widespread social ailment. The proper understanding by the law enforcement officer of the signs of this corpus delicti, their uniform interpretation in accordance with the will of the legislator ensure the uniformity of judicial and investigative practice and, ultimately, the practical implementation of the criminal policy of the modern Russian state.

Keywords: objective side, discrediting, volunteer formations, deliberately false information, destabilization of public security.

Федеральным законом от 04 марта 2022 года № 32-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) был дополнен ст. 280.3 «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности»¹. Появление этой нормы – результат естественной реакции государства на получившее распространение после начала специальной военной операции (далее – СВО) негативное явление, дестабилизирующее общественную безопасность и правопорядок в нашей стране. Кроме того, учитывая появившиеся в дальнейшем многочисленные факты распространения в социальных сетях, средствах массовой информации и т.п. негативной информации об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, действиях деятельности добровольческих формирований, организаций или лиц, направленных на оказание содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации (далее – ВС РФ), в ст. 280.3 УК РФ были внесены соответствующие изменения², расширившие масштабы применения данной нормы.

1 Федеральный закон от 04.03.2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ. - прав. системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.09.2023)

2 Федеральный закон от 18.03.2023 № 58-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Доступ из справ. - прав. системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.08.2023).

Следует отметить, что введение уголовной ответственности за совершение указанных действий было положительно воспринято правоприменителем: как показывают результаты проведенного нами анкетного опроса среди практических работников, более 80% опрошенных респондентов (в анкетном опросе приняло участие 94 сотрудника органов следствия, дознания, прокуратуры и суда Курской и Московской областей) отметили целесообразность закрепления в законе указанной нормы, что связывалось ими с распространенностью данного явления, спецификой совершаемых действий и конкретизацией ответственности за их совершение, повышением уровня противодействия распространению данного феномена (здесь сразу надо отметить, что оставшееся количество опрошенных, разделяя необходимость борьбы с указанным явлением, отмечали, что в арсенале уже есть необходимый инструментарий).

Объектом состава преступления, предусмотренного ст. 280.3 УК РФ, выступают общественные отношения, которые гарантируют не только защиту интересов нашего государства и его граждан, поддержание международного мира и безопасности, но и моральный облик, авторитет, достоинство, имидж ВС РФ, а также государственных органов, добровольческих формирований, организаций или лиц, оказывающих содействие в выполнении задач, которые возложены на ВС РФ [1, с. 88].

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 280.3 УК РФ, характеризуется совершением публичных действий, формы выражения которых законодателем не ограничены. Таким образом, ими могут быть любые коммуникативные действия, совершаемые в указанных в законе целях (публикация в свободном доступе информационных материалов в виде изображения, содержащих текстовые надписи; установка сооружений; публикации в социаль-

ных сетях; повреждение (уничтожение) символов военной операции и т.д.). Так, бывший мэр Екатеринбурга Евгений Ройзман (признан иностранным агентом) 1 июля 2022 года вышел в прямой эфир на своем YouTube-канале и, отвечая на вопросы зрителей, дискредитировал Вооруженные Силы РФ, негативно отзывался о проводимой в настоящее время СВО, в связи с чем 19 мая 2023 года был признан виновным и осужден по ч. 1 ст. 280.3 УК РФ³.

Следует сразу отметить, что дискредитацию, ответственность за которую установлена ст. 280.3 УК РФ надлежит ограничивать от публичного распространения заведомо ложной информации об использовании ВС РФ, исполнении государственными органами своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, которые возложены на ВС РФ (ст. 207.3 УК РФ). Дискредитация по своему содержанию представляет собой действия, которые направлены на подрыв доверия к кому-нибудь или чему-нибудь и умаляют чей-нибудь авторитет (в контексте рассматриваемого нами состава, следует вести речь о подрыве доверия общества к государственной власти и представляющим ее органам, уменьшение их авторитета и значения). В отличие от распространения информации, которая изначально не соответствует действительности и представляет собой «утверждение о факте», дискредитация – это выражение негативного «мнения» о факте использования Вооруженных сил РФ или негативная оценка данного факта, предполагающие убеждение адресата в правильности такой оценки (например, формирования у него «негативного образа ВС РФ и негативного эмоционально-смыслового отношения к их действиям или их использованию⁴). Тем самым, нельзя не согласиться с мнением К. С. Малышева о том, что дискредитация имеет место в случаях, когда распространяется ложная информация, носящая общий характер, а, если помимо, например, оскорбительных лозунгов об использовании ВС РФ, виновный распространяет информацию, содержащую ложные факты, выдаваемые под видом достоверных, деяние надлежит квалифицировать по совокупности ст. ст. 207.3 и 280.3 УК РФ [2, с. 172].

В диспозиции ст. 280.3 УК РФ законодатель указывает на публичность совершаемых действий. Однако, в тоже время, он не раскрывает ее определения, что порождает трудности в правоприменительной практике. Если обратиться к этимологии слова, то «публичный» (лат. *publicus* - «общественный») – это совершающийся, происходящий в присутствии публики, людей [3]; осуществляемый в присутствии публики открытый⁵. Действительно, публичность предполагает открытость, наличие возможности восприятия информации и действий, образующих объективную сторону деяния, неопределенным кругом лиц. Однако каково должно быть их минимальное количество для констатации факта публичности? В доктрине уголовного права исследователи называют разное минимальное количество человек – от трех до шести, судебная практика исходит из наличия двух и более лиц. На наш взгляд, учитывая общественную опасность изучаемого нами деяния и в целях устранения возможных трудностей

при квалификации рассматриваемого преступления, законодателю следует разъяснить в диспозиции ч. 1 ст. 280.3 УК РФ термин «Публичность» путем дополнения ее после слов «Публичные действия» словами «т.е. действия, совершенные в присутствии двух или более лиц». Следует отметить, что наше предложение поддержало и большинство опрошенных нами респондентов – 77%). Кроме того, представляется целесообразным и установление повышенной ответственности за совершение указанных в законе действий с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети «Интернет»): как показывает анализ правоприменительной практики большинство деяний, подпадающих под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 280.3 УК РФ, совершаются именно таким способом, что позволяет виновному получить больший охват аудитории и повышает общественную опасность содеянного.

Состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 280.3 УК РФ, формальный: для признания преступления окончательным не требуется наступления общественно-опасных последствий. Для признания же оконченным квалифицированного состава дискредитации требуется наступление альтернативно любого общественно-опасного последствия из числа указанных в законе и установления наличия причинной связи между совершенным действием и наступившими последствиями.

Субъективная сторона преступления характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла по отношению к совершаемым действиям и неосторожной формой вины по отношению к наступившим последствиям (ч. 2 ст. 280.3 УК РФ). Мотивы совершения указанных действий могут быть различными и на квалификацию не влияют (однако учитываются при назначении наказания).

Субъект преступления – физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет, совершившее указанное деяние после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года (статья предусматривает административную преюдицию). На наш взгляд, реалии дня сегодняшнего обуславливают необходимость установления повышенной ответственности для лиц, совершающих рассматриваемые нами действия с использованием своего служебного положения: совершение общественно-опасного деяния лицом, пользующегося доверием и авторитетом, повышает общественную опасность первого и требует надлежащей реакции.

Пристатейный библиографический список

1. Мурадян С. В. Вопросы применения статьи 280.3 УК РФ о дискредитации использования Вооруженных Сил Российской Федерации или исполнения государственными органами своих полномочий // Криминологический журнал. - 2023. - № 1. - С. 87-94.
2. Малышев К. С. Особенности разграничения статей 207.3 и 280.3 Уголовного кодекса российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. - 2023. - № 3. - С. 169-172.
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. - М.: Русский язык, 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.efremova.info/letter/+pu.html?page=2> (дата обращения: 14.06.2023).

3 Евгений Ройзман (признан иностранным агентом) оштрафовали на 260 000 за дискредитацию армии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/news/246593/> (дата обращения: 30.09.2023).

4 Методическое письмо Министерства юстиции РФ «Об особенностях судебных лингвистических экспертиз информационных материалов, связанных с публичным распространением под видом достоверных сообщений заведомо ложной (недостоверной) информации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ceur.ru/files/%20Metod_pismo01.pdf (дата обращения: 01.09.2023).

5 Ожегов С. И., Шведова Н. ЮБ. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_p_r.txt (дата обращения: 14.06.2023).

МАКСИМОВА Кристина Леонидовна

старший преподаватель кафедры трудового права Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации, генерала армии Е. Н. Зиничева

ЛОБОВ Никита Владимирович

студент 3 курса по направлению «Юриспруденция» Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации, генерала армии Е. Н. Зиничева

ХАМАЙКО Евгений Сергеевич

студент 3 курса по направлению «Юриспруденция» Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации, генерала армии Е. Н. Зиничева

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СОТРУДНИКОВ МЧС

В данной статье рассмотрен очень дискуссионный вопрос о юридической ответственности сотрудников МЧС. В статье анализируются виды ответственности сотрудников МЧС, которые применяются за проступок, правонарушение или преступление. Также нами были выявлены коллизии при определении гражданско-правовой ответственности, а именно при выявлении особенностей компенсации морального вреда. Нами были предложены совершенствования законодательства, которые помогут урегулировать деятельность сотрудников МЧС.

Ключевые слова: сотрудник МЧС, юридическая ответственность, материальная ответственность, уголовная ответственность, МЧС России, компенсация морального вреда.

MAKSIMOVA Kristina Leonidovna

senior lecturer of the Hero of the Russian Federation, General of the Army E. N. Zinichev St. Petersburg State Fire Fighting Service University of the Ministry of Emergency Situations of Russia

LOBOV Nikita Vladimirovich

student of the 3rd course in the field of Jurisprudence of the Hero of the Russian Federation, General of the Army E. N. Zinichev St. Petersburg State Fire Fighting Service University of the Ministry of Emergency Situations of Russia

KNAMAİKO Evgeniy Sergeevich

student of the 3rd course in the field of Jurisprudence of the Hero of the Russian Federation, General of the Army E. N. Zinichev St. Petersburg State Fire Fighting Service University of the Ministry of Emergency Situations of Russia

LEGAL RESPONSIBILITY OF THE MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS EMPLOYEES

This article discusses a very controversial issue about the legal responsibility of emergency workers. The article analyzes the types of responsibility of employees of the Ministry of Emergency Situations, which are applied for a misdemeanor, offense or crime. We also identified conflicts in determining civil liability, namely, in identifying the features of compensation for moral damage. We have proposed improvements in legislation that will help regulate the activities of emergency workers.

Keywords: EMERCOM employee, legal liability, material liability, criminal liability, EMERCOM of Russia, compensation for moral damage.

На сегодняшний день остается довольно открытым и дискуссионным вопрос о юридической ответственности сотрудников МЧС. Для начала необходимо разобраться с понятием юридической ответственности. В теории государства и права можно дать определение следующее:

Юридическая ответственность — это предусмотренная государственно-правовыми нормами обязанность субъекта прав претерпевать неблагоприятные для него последствия, связанные с правонарушением. Данная ответственность подразумевает под собой применение определённых санкций, которые должны оказывать воздействие на правонарушителя с целью недопущения в следующий раз нарушения закона.

Юридическая ответственность, применяемая к сотрудникам МЧС подразделяется на несколько видов: 1) уголовная, которая подразумевает ответственность за совершение преступления; 2) гражданская, наступает за вред, причиненный жизни и здоровью граждан, их имуществу; 3) административная, применяется при совершении правонарушения, например, в сфере общественного порядка или государственного управления; 4) дисциплинарная ответственность, которая применяется при нарушении трудовой деятельности; 5) материальная ответственность, наступает в случае нарушения материальных прав граждан [4].

Для того, чтоб привлечь сотрудника МЧС к какому-либо виду юридической ответственности необходимо иметь основание, которым может послужить правонарушение или же преступление, совершенное им.

В практическом плане юридическая ответственность может выражаться для правонарушителя в виде наступления нежелательных (отрицательных) последствий материального, морального, личного, организационного, физического характера.

Сотрудники МЧС основывают свою деятельность на принципе законности, который является основным в их деятельности.

Нарушение данного принципа несет за собой применение ответственности к сотруднику. Применяемый вид наказания зависит от конкретной ситуации, т.е. сотрудник совершил правонарушение или преступление. Поэтому сотрудник МЧС должен действовать в рамках своих должностных обязанностях и нести ответственность за их нарушение.

Рассмотрим основные виды юридической ответственности, которые наиболее часто применяются к сотрудникам МЧС, за совершение дисциплинарного проступка, административного правонарушения или уголовного преступления.

Обратимся к ФЗ № 141 «О службе в федеральной противопожарной службе...», согласно ч. 2 ст. 15 сотрудник МЧС за

совершение административного правонарушения несет дисциплинарную ответственность [1].

Дисциплинарная ответственность подразделяется на: замечание, выговор, строгий выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии, перевод на нижестоящую должность, увольнение. Данная ответственность применяется в случае, когда сотрудник нарушил трудовой распорядок или не выполнил свои трудовые обязанности.

Далее рассмотрим материальную ответственность, по поводу ее возникает много дискуссий в науке и правоприменительной практике. Если сотрудник МЧС нарушит условия трудового договора или была выявлена недостача имущества, также, если был причинён ущерб в результате действий сотрудника, попадающих под действие уголовного кодекса и т.д.

Что касается административной ответственности, то мы можем отметить, изучив административное законодательство. Итак, сотрудник МЧС подвергается административному наказанию вследствие административного правонарушения, которое было совершено действием или бездействием сотрудника МЧС.

Но административная ответственность не так серьезна по сравнению с уголовной.

Согласно ч. 1 ст. 15 №141 – ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе...», сотрудник МЧС за совершение преступления несет уголовную ответственность в соответствии с актуальным законодательством России. Например, если вследствие действий/бездействия работника был причинен вред жизни и здоровью третьих лиц, то сотрудник спасательной службы может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 293 УК России «Халатность» [2].

Также что касается уголовной ответственности, то можно отметить еще ст. 290 УК РФ, санкции которой могут быть применены при получении взятки сотрудником МЧС, а если сотрудник МЧС воспользуется своим служебным положением и злоупотребит своими должностными полномочиями, то к нему будет применена ст. 285 УК РФ.

Итак, мы рассмотрели основные виды юридической ответственности, которые могут применяться к сотруднику МЧС, но остается нераскрытой гражданско-правовая ответственность, а именно компенсация морального вреда сотрудником МЧС.

В правоприменительной практике отсутствует полное понимание и четкое урегулирование данного вопроса.

Более детальную регламентацию дает Конституционный Суд РФ, так он определяет, что компенсация морального вреда потерпевшему сотрудником МЧС положен в случае нарушения им имущественных прав гражданина, своими действиями или бездействиями. Данное положение подпадает под действие закона, т.е. любое из деяний, посягающих на отношения собственности, может затрагивать и достоинство личности потерпевшего, тем самым причиняя ему нравственные страдания.

Однако следует также понимать, что компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя в случае, когда вред причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности [3].

Мы предлагаем, чтобы в науке и правоприменительной практике не возникало спорных моментов, Верховному Суду РФ разработать Постановление, которое будет относиться исключительно к ответственности сотрудников МЧС. Данное Постановление должно четко регламентировать защиту прав и интересов сотрудников, определять их пределы должностных обязанностей. Также определять четкую регламентацию юридической ответственности по каждому виду, с конкретно установленной и подробно регламентированной санкцией.

Проведённое исследование позволяет сделать определенные выводы и заключение. Нами были предложены совершенствования законодательства, которые могли бы помочь урегулировать коллизии в применении юридической ответственности сотрудников МЧС. Необходимо законодательно закрепить ряд определений в Федеральном законе «О службе в федеральной противопожарной службе», которые будут определять общие начала деятельности сотрудников

МЧС. Также стоит подробнее урегулировать каждый вид юридической ответственности, дать ему характеристику, легальное определение, описать критерии и дать общие конкретные положения каждого вида ответственности сотрудников МЧС, чтобы в их деятельности не возникало спорных моментов и всегда было справедливое разрешение конкретного спорного случая.

Пристатейный библиографический список

1. Ванеева Т. Б., Шмурыгина О. В. Профессиональные ценности и ответственность сотрудников как показатель эффективного управления в системе МЧС // Бизнес. Образование. Право. – 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49341719> (дата обращения: 25.10.2023)
2. Завадская Ю. Е. Ответственность должностных лиц органов государственного пожарного надзора за халатность // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века: Сборник IX международной студенческой научной конференции, Ачинск, 23 апреля 2021 года. Том 9. – Ачинск: Ачинский филиал Красноярский государственный аграрный университет, 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46431266> (дата обращения: 25.10.2023).
3. Николаев М. В., Просин М. В., Стабровская Е. И. [и др.] Ответственность сотрудников МЧС // Пищевые инновации и биотехнологии: Сборник тезисов IX Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых в рамках III международного симпозиума «Инновации в пищевой биотехнологии», Кемерово, 17-19 мая 2021 года / Под общей редакцией А. Ю. Просекова. Том 2. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46634376> (дата обращения: 25.10.2023).
4. Савинков С. Н., Писаревский К. Л., Егоров Н. В. Методы психологического сопровождения формирования ответственности у студентов - начинающих специалистов МЧС России // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право: сборник научных трудов, Москва, 21-26 ноября 2022 года. – Москва: Московский психолого-социальный университет, 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50102688> (дата обращения: 25.10.2023).
5. Ступина С. А. Некоторые вопросы гражданско-правовой ответственности сотрудников государственной противопожарной службы МЧС России // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: Материалы XXV международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Красноярск, 07-08 апреля 2022 года. Том Часть 1. – Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48237107> (дата обращения: 25.10.2023).
6. Сысоев А. А. Правовое регулирование ответственности за вред, причиненный сотрудниками МЧС при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера // Гражданская оборона на страже мира и безопасности: Материалы V Международной научно-практической конференции, посвященной Всемирному дню гражданской обороны. В 4-х частях, Москва, 01 марта 2021 года. Том Часть III. – Москва: Академия Государственной противопожарной службы МЧС России, 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44865341> (дата обращения: 25.10.2023).

РАДЧЕНКО Елена Павловна

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела изучения проблем управления и реформирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

МЕДВЕДЕВА Инна Николаевна

научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ГРУЗИИ

В начале двухтысячных годов в Грузии проводилась активная работа по дополнению и изменению законодательства, в том числе уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного. Особое внимание уделялось нормам права, направленным на борьбу с организованной преступностью и рэкетом. Грузия на постсоветском пространстве стала пионером по принятию достаточно эффективных законов в рассматриваемой сфере. Ряд передовых положений законодательства Грузии были имплементированы в законодательство многих стран, в том числе и в уголовное законодательство Российской Федерации. В настоящей статье представлены статистические данные о состоянии преступности в Грузии, а также ряд положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: Грузия, уголовное судопроизводство, задержание, обвиняемые, осужденные.

RADCHENKO Elena Pavlovna

Ph.D. in economical sciences, leading researcher of the Department for the Study of Problems of Management and Reform of the Penal System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penal System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

MEDVEDEVA Inna Nikolaevna

researcher of the Department for the Study of the problems of employment of convicts and economic problems of the functioning of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and organization of the execution of Sentences in the Penal System of the Federal Penitentiary Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia

ABOUT SOME FEATURES OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN GEORGIA

At the beginning of the 2000s, active work was carried out in Georgia to supplement and amend legislation, including criminal, criminal procedural and criminal executive legislation. Particular attention was paid to legal norms aimed at combating organized crime and racketeering. Georgia has become a pioneer in the post-Soviet space in adopting fairly effective laws in this area. A number of advanced provisions of Georgian legislation have been implemented into the legislation of many countries, including the criminal legislation of the Russian Federation. This article presents statistical data on the state of crime in Georgia, as well as a number of provisions of criminal and criminal procedural legislation.

Keywords: Georgia, criminal proceedings, detention, accused, convicted.

В начале двухтысячных годов в Грузии проводилась активная работа по борьбе с организованной преступностью, где представители криминальных группировок в девяностые годы прошлого века даже вошли в законодательные органы страны и могли влиять на политику государства [1, с. 175-176]. В рамках данной работы совершенствовалось уголовное и уголовно-процессуальное законодательство страны. Именно Грузия после прихода к власти весьма неоднозначного президента М. Саакашвили на постсоветском пространстве стала пионером по принятию достаточно эффективных законов в сфере противодействия организованной преступности, в частности были приняты: Закон «О борьбе против наркотических преступлений» от 03.07.2007 № 5183-ВС; Закон «Об организованной преступности и рэжете» от 20.12.2005 № 2354-ВС; Закон «О борьбе с преступлениями против половой свободы и половой неприкосновенности» от 17.03.2020 № 5749-Пс; Кодекс о заключении под стражу от 09.03.2010 № 2696-Ис; Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 09.10.2009 № 1772-Пс (далее – УПК Грузии) и ряд других законов.

Ряд передовых положений законодательства Грузии были имплементированы в законодательство многих стран, в

том числе и в российское – Ст. 210.1. УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии».

Возвращаясь к рассматриваемой проблеме, приведем статистические данные о состоянии преступности в Грузии за 2016-2022 гг. Так, в 2016 г. было зарегистрировано более 35,9 тыс. преступлений, в 2017 г. – 37,9 тыс., в 2018 г. – 58,4 тыс., в 2019 г. – 64,1 тыс., в 2020 г. – 56,5 тыс., в 2021 г. – 56,3 тыс., в 2022 г. – 54,4 тыс. [2].

Приведенные данные о состоянии преступности в Грузии свидетельствуют о росте количества зарегистрированных преступлений за все рассматриваемые годы в сравнении с 2016 г. (в 2017 г. – 5,41 %; в 2018 г. – 62,27 %; в 2019 г. – 78,13 %; в 2020 г. – 57,22 %; в 2021 г. – 56,52 %; в 2022 г. – 51,22 %) при этом пик роста зарегистрированных преступлений пришелся на 2019 г. [3].

Полномочия по осуществлению уголовного преследования по УПК Грузии, которое начинается с момента задержания или признания обвиняемым (ч. 1 ст. 167 УПК РФ), отнесены к компетенции прокуратуры (ст. 166 УПК). Согласно порядка, установленного ст. 168.1 УПК Грузии, прокурор вправе отказаться от уголовного преследования лица (субъ-

екта), совершившего менее тяжкое (менее тяжким преступление по Уголовному кодексу Грузии (далее – УК Грузии) признается умышленное или совершенное по неосторожности преступление, за которые максимальное наказание не превышает пяти лет лишения свободы (ч. 2 ст. 12) или тяжкое преступление (согласно ч. 3 ст. 12 УК Грузии тяжким преступлением признается умышленное преступление, за которое максимальное наказание не превышает десяти лет лишения свободы, а равно совершение по неосторожности преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пяти лет), если будет выполнено одно или несколько условий, перечисленных в пунктах а-е ч. 1 рассматриваемой нормы уголовно-процессуального закона, а именно: а) передача государству похищенного имущества или возмещение причиненного материального ущерба; б) передача государству орудия преступления или (и) изъятого из гражданского оборота объекта; в) полное или частичное вымещение вреда, причиненного преступлением; г) уплата денежного штрафа в размере от 500 лари; д) выполнение безвозмездного общественно-полезного труда в размере от 40 до 400 часов; е) прохождение обязательного курса обучения, ориентированного на изменение насильственного отношения и поведения при совершении семейного преступления. Положения ст. 168.1 УК Грузии не применяются к лицам, совершившим преступления, связанные с торговлей людьми (ст. 143.1), торговлей несовершеннолетними (ст. 143.2), использованием услуг жертв (потерпевших) торговли людьми (ст. 143.3), захватом заложников (ст. 144), пытками (ст. 144.1), угрозой пыток (ст. 144.2), унижающим или нечеловеческим обращением (ст. 144.3).

Кроме того, невыполнение правонарушителем перечисленных выше условий прекращения уголовного преследования может повлечь отмену ранее принятого решения и возобновление уголовного производства.

Здесь следует подчеркнуть, что прекращение уголовного преследования или уголовного дела возможно лишь при согласии правонарушителя, который до принятия соответствующего решения пользуется всеми правами обвиняемого (ч. 1-2 ст. 168.2 УПК Грузии), а также потерпевшего (ч. 3 ст. 168.2 УПК Грузии). Применение к обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу исключает возможность прекращения в отношении него уголовного преследования или уголовного дела (ч. 5 ст. 168.2 УПК Грузии).

Уголовно-процессуальное законодательство Грузии при наличии такой необходимости позволяет кратковременно ограничить свободу передвижения лица, совершившего уголовно наказуемое деяние, которое с момента задержания считается обвиняемым (ст. 170 УПК Грузии). Лицо, совершившее преступление, может быть задержано как по решению суда, так и без такового. В соответствии с ч. 1 ст. 171 УПК Грузии суд вправе задержать лицо в случае, если: совершено преступление, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы; имеется основание полагать, что преступник скроется или не явится в суд, уничтожит доказательства или иную имеющую значение для уголовного дела информацию, продолжит преступную деятельность. Помимо перечисленных оснований суд может задержать лицо в рамках исполнения международных обязательств Грузии (п. 4 ст. 16 Закона Грузии «О международном сотрудничестве в сфере уголовного права») по ходатайству прокурора, инициированного обращением иностранного государства. Подобные постановления выносятся судом без проведения устного слушания и обжалованию не подлежат.

Во внесудебном порядке лицо может быть задержано соответствующим компетентным органом или должностным лицом, к которым закон относит органы или сотрудников, осуществляющих оперативные функции, обязанности по охране общественного порядка, ведущих следствие или осуществляющих уголовное преследование (ст. 172 УПК Грузии), если: а) лицо застигнуто в момент совершения или непосредственно после совершения преступления; б) лицо замечено на месте совершения преступления и в отношении него незамедлительно осуществляется уголовное преследование с целью его задержания; в) на лице, при нем или на его одежде обнаружены явные следы совершенного преступления; г) лицо скрылось после совершения преступления, но затем было опознано очевидцем; д) лицо может скрыться; е) лицо находится в розыске; ж) такую возможность предусматривает Закон Грузии «О международном сотрудничестве в сфере уголовного права». Внесудебное задержание лица допустимо лишь при наличии обоснованного предположения, что лицом совершено преступление и невозможно предотвратить опасность того, что оно скроется, его неявки в суд, уничтожения имеющей значение для дела информации или совершения нового преступления с помощью иной, альтернативной меры, пропорциональной обстоятельствам предположительно совершенного преступления и личным данным обвиняемого.

С момента задержания лицо вправе знать, в совершении какого преступления он обвиняется, о своих правах, в том числе помощь адвоката, хранить молчание и воздерживаться от ответов на вопросы, воздерживаться от дачи показаний против себя в совершении преступления, о том, что все сказанное им может быть использовано против него в суде. Заявления и показания обвиняемого, данные до разъяснения ему его прав, признаются недопустимыми доказательствами и не могут лечь в основу обвинения (ч. 1 ст. 174 УПК Грузии).

Закон предписывает доставление задержанного в ближайшее учреждение полиции или другой правоохранительный орган. Законодательство Грузии позволяет проводить личный обыск задержанного в целях изъятия оружия или (и) иных предметов, объектов, веществ, имеющих значение для уголовного дела. Установленный законом срок задержания не должен превышать 72 часов. Не позднее 48 часов с момента задержания лицу должно быть вручено постановление о предъявлении обвинения. Если в этот срок постановление задержанному не вручено, он подлежит незамедлительному освобождению. Срок задержания зачитывается в срок содержания обвиняемого под стражей.

Пристатейный библиографический список

1. Козловская М. Г. Опыт борьбы с организованной преступностью в Грузии // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2018. – № 2 (55). – С. 175-179.
2. Geostat official website. Criminal Justice Statistics. 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.geostat.ge/en/modules/categories/132/criminal-justice-statistics> (дата обращения: 08.11.2023).
3. Расчеты произведены с помощью программного средства «Темп роста». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ciox.ru/growth-rate> (дата обращения: 08.11.2023).

ЧЕРЕМНОВА Наталья Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Омской академии МВД России

ГОРБАЦЕВИЧ Ольга Анатольевна

преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел Воронежского института МВД России, капитан полиции

ЛЮКОВЕЦ Владимир Петрович

преподаватель цикла кинологии Уфимской школы по подготовке специалистов-кинологов МВД России, майор полиции

ЗИМИН Никита Владимирович

старший специалист группы профессиональной подготовки ОРЛС МВД России по г. Нефтеюганску, старший лейтенант полиции

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ ЭКСЦЕССЕ ИСПОЛНИТЕЛЯ

В настоящей статье рассмотрены ключевые характеристики, учет которых необходим для полной и правильной квалификации преступления при эксцессе исполнителя. Авторы подчеркивают важность разграничения количественного и качественного эксцесса, в основе которого лежит однородность / неоднородность совершаемого преступного деяния. Также авторы рассматривают возможность совершения эксцесса как одним, так и несколькими участниками преступления. Отдельное внимание уделяется вопросам квалификации эксцесса при сложном соучастии с распределением ролей. В результате исследования авторы приходят к выводу о том, что для верной квалификации содеянного необходимо обеспечить единообразное толкование и применение норм Общей части УК РФ о соучастии, что возможно путем их усовершенствования и дополнения.

Ключевые слова: эксцесс исполнителя, соучастие в преступлении, сложное соучастие, количественный эксцесс, качественный эксцесс, преступление, квалификация преступления.

CHEREMNOVA Natalya Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the Omsk Academy of the MIA of Russia

GORBATSEVICH Olga Anatoljevna

lecturer of Administrative activities of internal affairs bodies sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia, captain of police

LYUKOVETS Vladimir Petrovich

lecturer of the Cycle of Cynology at the Ufa School for the Training of Cynologists of the MIA of Russia, major of police

ZIMIN Nikita Vladimirovich

senior specialist of the Professional training group of the MIA of Russia in Nefteyugansk, senior lieutenant of police

QUALIFICATION OF A CRIME IN THE CASE OF AN EXCESS OF THE PERPETRATOR

This article discusses the key characteristics that must be taken into account for proper qualification in case of excess of the performer. The authors emphasize the importance of distinguishing quantitative and qualitative excess, which is based on the homogeneity and heterogeneity of the criminal act being committed. At the same time, the authors consider the possibility of committing an excess by both one and several participants in the crime. Special attention is paid by the authors to the issues of qualification of excess in complex complicity with the distribution of roles. Authors conclude that in order to properly qualify what they have done, it is necessary to ensure a uniform interpretation and application of the norms of the articles of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation on complicity, which is possible by improving and supplementing the norms under consideration.

Keywords: excess of the perpetrator, complicity in the crime, complex complicity, quantitative excess, qualitative excess, crime, qualification of the crime.

Проблемы квалификации преступлений, совершенных в соучастии, привлекают внимание ученых уже несколько десятилетий. Особый интерес вызывают вопросы квалификации деяний, выходящих за пределы совместного умысла соучастников, – эксцесса исполнителя. Уголовный кодекс Российской Федерации закрепляет в статье 36 понятие эксцесса исполнителя, под которым признается совершение исполнителем такого преступления, которое не охватывается умыслом иных соучастников. Рассматриваемая норма закрепляет положение о том, что «за эксцесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат».

Теоретическое обоснование вопросов квалификации эксцесса исполнителя нашло свое отражение в исследованиях таких авторов, как Гюлбанкян А. А., Давыденко В. С., Максимов А. С., Нешатаев В. Н., Черненко Т. Г., Шатов С. А. и др.

Следует отметить, что в теории уголовного права выделяют два основных вида эксцесса: количественный и ка-

чественный. Ключевой составляющей рассматриваемой классификации является понятие однородности / неоднородности совершаемого исполнителем преступного деяния. Так, к примеру, качественным будет являться эксцесс, когда группой виновных достигнута договоренность о совершении разбоя, однако исполнитель осуществляет действия, выходящие за рамки совместного умысла, – совершает убийство. Ярким примером, наиболее часто встречающимся в практике правоохранительных органов, характеризующим количественный эксцесс, являются кража и кража, совершенная с квалифицирующими признаками. Исполнитель совершает действия, которые выходят за рамки оговоренного совместного преступного умысла: например, совершает кражу с причинением значительного ущерба гражданину, притом, что изначальный умысел был направлен на совершение простой кражи, предусмотренной ч. 1 ст. 158 УК РФ. При количественном эксцессе исполнитель совершает однородное преступление, которое не охватывалось умыслом иных со-

частников, а при качественном эксцессе – неоднородное преступное деяние, выходящее за пределы изначального преступного сговора. Соответственно, по мнению ряда авторов [4], количественный эксцесс характеризуется совершением более тяжкого однородного преступления в сравнении с планируемым. При любой форме изменения объекта преступного посягательства (полном или частичном) будет меняться качественная сторона преступления.

Вместе с тем, рассматривая особенности квалификации при количественном эксцессе, ряд авторов придерживаются иного мнения. Так, «исполнитель может по своей инициативе совершить менее тяжкое преступное посягательство на тот же объект уголовно-правовой охраны. Например, исполнитель, имея предварительную договоренность с иными соучастниками о хищении чужого имущества путем разбойного нападения с применением оружия (ч. 2 ст. 162 УК РФ), воспользовался непродолжительным отсутствием собственника и совершил тайное хищение этого имущества (ст. 158 УК РФ). Или при наличии совместного конкретизированного умысла соучастников на убийство общеопасным способом (например, путем подрыва автомобиля потерпевшего) (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ) исполнитель убил потерпевшего иным способом, не относящимся к числу общеопасных» [1].

Следует отметить, что в доктрине уголовного права встречаются и иные объективные признаки, характеризующие эксцесс исполнителя. В первую очередь, это количество лиц, выходящих за пределы совместного умысла иных участников, а также совершение эксцесса как одним лицом, так и несколькими соучастниками. При этом следует учитывать, что для эксцесса необходимо наличие хотя бы одного лица, которое при совершении преступления придерживается изначально обговоренного умысла.

Во-вторых, на стадии приготовления или покушения на совершение преступления обязательно должен присутствовать признак совместности, «позволяющий говорить о том, что изначально преступление начиналось как преступление, совершаемое в соучастии. В противном случае не может быть речи и об эксцессе соучастника или соисполнителя» [2].

Еще одной значимой характеристикой эксцесса, встречающейся в теории уголовного права, является мнение о том, что при эксцессе исполнителя, в частности, при сложной форме соучастия, ответственность должна выстраиваться на акцессорных началах. Но встречается и противоположное мнение: «Если у организатора или подстрекателя умысел направлен именно на то, чтобы исполнитель совершил убийство с особой жестокостью или общеопасным способом, о чем исполнитель информирован, то при квалификации их действий следует учитывать направленность их умысла на преступление с квалифицирующими признаками, а не на простое убийство» [5]. Иной подход к квалификации действий организатора преступления предполагал бы необоснованное смягчение его ответственности и, как следствие, нарушение принципа справедливости наказания. Соответственно, если непосредственный исполнитель вопреки договоренности с организатором и подстрекателем совершает менее тяжкое преступление, то ему должно инкриминироваться преступление, которое он совершил фактически, а подстрекателю – склонение к тому преступлению, которое оговаривалось изначально.

Примером может служить следующий случай из практики. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ переквалифицировала действия Г., М. и С. с разбоя, совершенного группой лиц по предварительномуговору, с применением оружия (ч. 2 ст. 162 УК РФ), на групповой насильственный грабёж (п.п. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ) на том основании, что в судебном заседании не было установлено, что подсудимые знали о наличии у Я. ножа, видели его применение и что это охватывалось их умыслом. Таким образом, за применение ножа при разбойном нападении должен отвечать лишь один Я. (ч. 2 ст. 162 УК РФ) [6]. Подобная квалификация позволила в полной мере реализовать принцип самостоятельности ответственности соучастников.

На сегодняшний день накопленная научная база института соучастия содержит множество различающихся между собой позиций о пределах взаимосвязей субъектов – соучастников, таких как подстрекатель, пособник, организатор и исполнитель. Более подробные ответы на вопросы квалификации преступления при эксцессе исполнителя отражены в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Феде-

рации. Орган законодательной власти разъясняет и формулирует специальные правила, конкретизирующие особенности применения норм ст.ст. 33, 35 и 36 УК РФ.

К примеру, в постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» сформулировано расширительное толкование соисполнительства при совершении кражи, грабежа или разбоя. В пункте 10 постановления разъясняется: «Исходя из смысла части второй статьи 35 УК РФ, уголовная ответственность за кражу, грабёж или разбой, совершенные группой лиц по предварительномуговору, наступает и в тех случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществляет один из них. Если другие участники совершили согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении преступления (например, лицо не проникло в жилище, но участвовало во взломе дверей, запоров, решеток, по заранее состоявшейся договоренности вывозило похищенное, подстраховывало других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления), содеянное ими является соисполнительством и в силу части второй статьи 34 УК РФ не требует дополнительной квалификации по статье 33 УК РФ» [3].

В ходе изучения эмпирических материалов по изучаемой теме мы пришли к выводу о том, что сегодня ученые по-разному трактуют положения УК РФ по вопросам соучастия в преступлении, что негативным образом сказывается и на правильной квалификации преступления, а также на решениях суда. Для того, чтобы правильно квалифицировать преступление при эксцессе исполнителя, необходимо обеспечить единообразное толкование и применение статей Общей части УК РФ о соучастии, что возможно путем усовершенствования и дополнения рассматриваемых норм.

Пристатейный библиографический список

1. Гюлбанкян А. А. Сложные вопросы квалификации эксцесса исполнителя преступления // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. - 2023. - № 2. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/slozhnye-voprosy-kvalifikatsii-ekstsessa-ispolnitelya-prestupleniya>.
2. Давыденко В. С. Эксцесс исполнителя в уголовном праве // Отечественная юриспруденция. - 2018. - № 4. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstsess-ispolnitelya-v-ugolovnom-prave>.
3. Кленова Т. В., Мнацаканян Д. А. Актуальные проблемы понимания эксцесса соучастника // Юридический вестник Самарского университета. - 2019. - № 3. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-ponimaniya-ekstsessa-souchastnika>.
4. Нешатаев В. Н., Максимов А. С. Количественный и качественный виды эксцесса исполнителя преступления // Государственная служба и кадры. - 2020. - № 5. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kolichestvennyy-i-kachestvennyy-vidy-ekstsessa-ispolnitelya-prestupleniya>.
5. Черненко Т. Г. Проблемные вопросы квалификации действий соучастников при эксцессе исполнителя // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. - 2022. - № 44. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-voprosy-kvalifikatsii-deystviy-souchastnikov-pri-ekstsesse-ispolnitelya>.
6. Шатов С. А. Квалификация эксцесса исполнителя. Теория и практика // Закон и право. - 2018. - № 12. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsiya-ekstsessa-ispolnitelya-teoriya-i-praktika>.

ЧОЧУЕВА Зульфия Азреталиевна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права и процесса Северо-Кавказской государственной академии

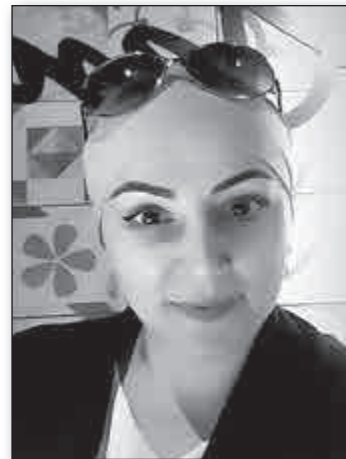
ВЛИЯНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ НА ПРАКТИКУ СМЯГЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

Гуманизация российского уголовного законодательства, как демонстрируют реалии современной политики, является неотъемлемой и важной частью жизни и развития государства. Смягчающий характер закона проявляется в правовых нормах, устанавливающих специальные правила, предусматривающие уменьшение или послабление наказания в зависимости от различных обстоятельств и оснований. В данной статье автором рассматриваются правила смягчения наказания, какие основания и обстоятельства в таких случаях применимы, по какому пути следует теория и практика применения наказаний.

Ключевые слова: наказание, правила, совокупность норм, обстоятельства, институт уголовного права, дифференциация.

CHOUCHUEVA Zulfiya Azretalievna

Ph.D. in Law, associate professor, head of Criminal law and process sub-faculty of the North Caucasus State Academy

Чочуева З. А.

THE INFLUENCE OF EXCEPTIONAL CIRCUMSTANCES ON THE PRACTICE OF MITIGATION OF PUNISHMENT

The humanization of Russian criminal legislation, as demonstrated by the realities of modern politics, is an integral and important part of the life and development of the state. The mitigating nature of the law is manifested in legal norms that establish special rules providing for a reduction or relaxation of punishment, depending on various circumstances and grounds. In this article, the author examines the rules of mitigation of punishment, what grounds and circumstances are applicable in such cases, which way the theory and practice of applying punishments follows.

Keywords: punishment, rules, set of norms, circumstances, institution of criminal law, differentiation.

Смягчение наказания представляет один из институтов уголовного права, направленных на гуманизацию российского законодательства. Для того чтобы изменить практику назначения более мягких видов наказания в сторону их увеличения, стоит более детально обратить внимание на исключительные обстоятельства. В уголовно-правовой доктрине исключительные обстоятельства рассматриваются с различных позиций, и нет единообразного подхода к их применению. Поэтому в теории возникают вопросы по толкованию и правильному уяснению их содержания с целью реализации судами правил назначения наказания с наличием смягчающих и (или) исключительных обстоятельств. Законодатель относительно вопроса назначения наказания ниже низшего предела подошел обобщенно, указывая в общих правилах, что такое решение суда может быть основано на присутствующих в деле смягчающих обстоятельствах, которые бы значительным образом снижали степень общественной опасности как совершенного преступного деяния, так и лица, виновного в его совершении.

Анализ ранее действовавшего уголовного законодательства свидетельствует о том, что понятие исключительных обстоятельств, или же их примерный перечень, в УК РФСР представлены не были. Также и в действующем уголовном законе отсутствует четкое понимание исключительных обстоятельств и их видов. Указывается что в качестве исключительного обстоятельства может быть предусмотрено как одно смягчающее обстоятельство, так и их совокупность. К примеру, на основании действовавших нормативно-правовых актов 1918 года Постановления Кассационного отдела ВЦИК «О подсудности революционных трибуналов» и По-

ложения о народном суде РСФСР, назначение более мягкого наказания или наказания низшего, чем это предусмотрено санкцией соответствующей нормы, было возможным, если суд мотивировал это в приговоре.

Представители уголовно-правовой теории, рассуждая о значении и роли исключительных обстоятельств, определяют их как «особые». При этом они оговаривают, что такой статус может быть им придан в случае, если они не содержатся в статьях Общей части Уголовного Кодекса РФ. Другой позиции придерживаются другие ученые, которые, напротив, указывают, что исключительные обстоятельства обязательно должны найти свое отражение в нормах уголовного закона. При этом авторы признавали и то, что статус исключительного может признаваться и за одним смягчающим обстоятельством.

М. Н. Становский понимает исключительные обстоятельства лишь как определенную комбинацию смягчающих обстоятельств и указывает, что они именно в своей совокупности способны значительным образом снизить общественную опасность совершенного преступного посягательства, и в том числе, личности лица, его совершившего [8, с. 278]. Судебная практика свидетельствует о том, что именно данный принцип сочетания смягчающих обстоятельств применяется судами при назначении более мягкого наказания или снижения его низшего предела.

Правильно в литературе указывается на отсутствие в законодательстве термина «исключительность» и понятия «исключительные обстоятельства». Ввиду отсутствия четких критериев установления смягчающих обстоятельств в качестве исключительных, суды на практике назначение нака-

зания оставляют на свое усмотрение. Интерес представляет исследование, проведенное В. И. Зубковой, которая акцентирует внимание больше на тех смягчающих обстоятельствах, которые призваны смягчить степень общественной опасности деяния, относящихся к категории тяжких и особо тяжких преступлений. Она отмечает, что их роль должна быть заметна в указанных категориях преступлений, где существует необходимость снижения или смягчения наказания [5, с. 268].

Значимость исключительных обстоятельств при выборе наказания в сторону смягчения однозначна. Но есть некоторые сложности, которые возникают в процессе их выбора и использования в судебном разбирательстве, так как в каждом отдельном случае они могут быть разными. Полагаем, что практика учета исключительных обстоятельств в уголовном деле с целью смягчения уголовного наказания, снижения степени общественной опасности определенного общественно опасного деяния, а также личности самого виновного, может быть улучшена при условии конкретизации понятия исключительных обстоятельств, предложения четких критериев их определения, а также правил учета смягчающих обстоятельств в качестве исключительных. Такие изменения должны отразиться в уголовном законодательстве либо в уяснениях, предлагаемых в постановлениях судов, и таким образом в большей степени минимизировать разночтение правил назначения наказания и их применения на практике. Суды при назначении наказания руководствуются ст. 61 УК РФ, предусматривающей смягчающие наказание обстоятельства, а также постановлениями Пленумов Верховного Суда РФ. Как известно, перечень смягчающих оснований не является исчерпывающим, и потому суды в качестве таковых могут использовать и другие обстоятельства.

В судебной практике при указании на наличие исключительных обстоятельств в деле зачастую используются расплывчатые и неточные формулировки. Связано это с тем, что ни на законодательном уровне, ни в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ нет точного определения исключительных обстоятельств. Рассмотрим несколько официальных документов, которые в своем содержании разъясняют положение исследуемых обстоятельств и их влияние на выбор судом конкретного вида наказания. Чаще всего в приговорах судов встречаются такие смягчающие обстоятельства как положительная характеристика личности виновного, наличие у лица малолетних детей, а также лиц, находящихся на иждивении, совершение преступления впервые. Также существенную роль при назначении наказания могут играть совершения общественного деяния, относящегося к категории небольшой или средней тяжести преступления, а также вследствие тяжелого материального положения, болезни, стечения тяжелых жизненных обстоятельств. Сочетание двух или более смягчающих обстоятельств суд может рассматривать как исключительных, и напротив, может в качестве таковых и не отметить.

Первый из нормативно-правовых актов, который был выбран для исследования и содержал анализ исследуемых обстоятельств, это Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 40 «О практике применения судами уголовного наказания», принятое 11 июня 1999 г. Здесь роль исключительных обстоятельств рассматривалась в совокупности действий, которые судом учитывались как положительное поведение осужденного, проявленного им после совершения общественно опасного деяния. П. 5 указанного Постановления дает право суду назначить виновному в совершении преступного деяния лицу назначить более мягкий

вид наказания при условии соответствия установленных обстоятельств тем основаниям, которые изложены в ст. 64 УК РФ [1]. Так, судом для смягчения наказания в роли исключительных обстоятельств могут рассматриваться положительное поведение осужденного и действия, указывающие на его исправление.

Следующее Постановление № 2 «О практике назначения судами РФ уголовного наказания» было принято 11 января 2007 года, где рекомендация о применении исключительных обстоятельств представлена в другой интерпретации. Так в п.12 Постановления толкователем указывается, что в качестве исключительных обстоятельств могут рассматриваться такие активные действия виновного, которые существенно помогли раскрытию группового преступления, и тем самым свидетельствовали о меньшей общественной опасности данного лица [2]. Анализ двух постановлений 1999 и 2007 гг. показывает, что в них содержатся указание на различные смягчающие основания, которые судом могут оцениваться как исключительные. Более того, трудности в последнем постановлении на наш взгляд вызваны еще и тем, что предложенная в нем формулировка не позволяет выделить какое либо одно смягчающее основание либо их сочетание в роли более исключительных обстоятельств, чем остальные.

В декабре 2015 года вступает в силу новое Постановление по практике назначения судами уголовного наказания, где п. 40 указывает: «Суд вправе признать исключительными обстоятельствами, дающими основание для применения ст. 64 УК РФ, как отдельные смягчающие обстоятельства, так и их совокупность, указав в приговоре основания принятого решения. По смыслу ч. 1 ст. 64 УК РФ, назначение более мягкого вида основного наказания не препятствует наличию в санкции статьи альтернативных видов наказания» [3].

Рассмотренные нами три постановления, разъясняющие теорию и практику применения общих и специальных правил назначения наказания при наличии смягчающих и исключительных обстоятельств, особенных отличий не имеют и к тому же оставляют без ответов вопросы определения исключительных обстоятельств, уяснения их содержания, установления некоторого перечня и др.

Одной из проблем назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено санкцией статьи Особенной части УК РФ, являются ограничения, установленные действующим Постановлением по практике назначения судами уголовного наказания [3]. Одним из критериев смягчения наказания выступает установление всех обстоятельств дела, которые могут рассматриваться как смягчающие и (или) исключительные. Затруднения возникают ввиду отсутствия как в ст. 64 УК РФ, так и в указанном Постановлении 2015 года, точного определения исключительных обстоятельств и примерный их перечня. Чтобы максимально избежать многозначного толкования исключительных обстоятельств и применения их в правоприменительной практике в различном содержании необходимо внесение их полного и точного понятия в разъяснения Пленума Верховного Суда РФ. С такими рассуждениями согласны также и другие исследователи [4, с. 12].

Есть и теории, в соответствии с которыми в применительной практике возможно назначение наказания ниже установленного в статье его предела [4, с. 12]. И это правило может быть применимо как к основному, так и к дополнительному виду наказания, так как сам уголовный закон не содержит каких-либо запретов по данному случаю.

Ст. 64 УК РФ предусматривает три правила смягчения наказания. Два из них связаны с основным видом наказания

– это назначение наказания ниже низшего предела, установленного статьей Особенной части УК РФ и назначение более мягкого вида наказания, чем предусмотрено данной статьей; третье с дополнительным видом наказания – неприменение дополнительного вида наказания, которое в данной статье является обязательным. Практика смягчения наказания свидетельствует о том, что судами при вынесении такого решения перечисляются имеющиеся в деле смягчающие обстоятельства, а их совокупность подразумевается как исключительное основание. Основным видом наказания, назначаемым судами, как было представлено в результатах диссертационного исследования А. Е. Куковьякина, является «назначение наказания ниже низшего предела, установленного уголовным законом в соответствующей статье» [7, с. 117].

Представляется верным в Постановлении рекомендовать судам:

– применять смягчение наказания в том случае, если представленные в уголовном деле все смягчающие обстоятельства способны значительным образом снизить степень общественной опасности совершенного виновным преступного посягательства;

– придать данной совокупности смягчающих обстоятельств статус «исключительных»;

– мотивировать в приговоре суда принятое решение;

– использовать при определении наказания в случае возможности его смягчения или снижения установленных размеров или сроков те смягчающие обстоятельства, которые были предложены в уголовном законодательстве.

Не останавливаясь отдельно на обстоятельствах, которые судом признаются как исключительные, перечислим некоторые из них, которые наиболее часто повторяются. Это наличие у виновного лица малолетних детей, нахождение на иждивении лиц, нуждающихся в опеке и помощи (инвалиды, престарелые родители и др.), постпреступное поведение виновного, активное участие в раскрытии и расследования преступления и т.д. Поскольку законодатель перечень смягчающих обстоятельств оставил открытым, то в качестве таковых могут учитываться и иные обстоятельства, которые не нашли отражения в положениях статей 61 и 64 УК РФ. Вопрос о необходимости законодательного определения термина «исключительные обстоятельства» находит единогласное понимание в научной среде. Только в случае официального разъяснения исследуемого понятия, возможно будет избежать его различного толкования в теории и практике реализации исключительных обстоятельств.

Большинство авторов исследований, проведенных по изучаемому вопросу, сходятся во мнении, что исключительные обстоятельства характеризуют личность виновного во время и после совершения данного преступления. В. М. Степашин полагает, что значение исключительных состоит в том, что они существенно влияют на процесс снижения степени и характера общественной опасности деяния и предусмотренное по данному преступлению наказание представляется чрезмерно суровым, и в силу этого может признаваться несправедливым [9, с. 140]. Также верным представляется толкование исключительных обстоятельств, которым присущи признаки не характерные для данного вида преступлений.

Исходя из вышеприведенных мнений, можно уверенно говорить о том, что уже давно возникла необходимость внесения дополнений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации в части предложения четкого понятия исключительных обстоятельств с указанием, какие из перечисленных законодателем смягчающих оснований

могут рассматриваться в качестве таковых, и какое решение суд правомочен принимать при их наличии в деле. Облегчить практику применения судами правил назначения более мягкого вида наказания или ниже низшего предела, который установлен в санкции соответствующей статьи, возможно в том случае если, во-первых, более подробно и детально регламентировать условия и основания рассмотрения обстоятельств как исключительные. Во-вторых, предложить понимание исключительности обстоятельства, которое значительным образом способно снизить степень общественной опасности преступления. И, в-третьих, предложить в уголовном законе примерный перечень тех обстоятельств, который судом может быть использован в виде исключительных оснований смягчения наказания.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 40 от 11.06.1999 г. «О практике применения судами уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 8.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 2 от 11.01.2007 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 4.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Российская газета. 2015. 29 дек.
4. Артеменко Н., Шимбарева Н. Верховный суд о правилах смягчения уголовного наказания // Уголовное право. 2016. № 5. С. 12.
5. Зубкова В. И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. М.: НОРМА, 2002. С. 268.
6. Королева З. И. Исключительные обстоятельства как основание для назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление: понятие, сущность и их виды // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2008. Том 150. Кн. 5. С. 201-206.
7. Куковьякин А. Е. Исключительные обстоятельства как основание смягчения наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2018. С. 117-118.
8. Становский М. Н. Назначение наказания. СПб.: Юридический центр Пресс, 1999. С. 278.
9. Степашин В. М. Назначение наказания при исключительных обстоятельствах // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2007. № 3 (12). С. 140.

ЯКУБОВА Ольга Петровна

инспектор по особым поручениям Управления организации охраны общественного порядка и взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления МВД по Республике Крым, кафедра криминалистики Краснодарского университета МВД России

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ НЕДВИЖИМОСТИ: АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ АНКЕТИРОВАНИЯ РАБОТНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

В статье представлен анализ результатов анкетирования работников правоохранительных органов Республики Крым и города Севастополя по вопросам расследования мошенничеств, совершаемых в сфере обращения недвижимого имущества. Этот анализ основывается на официальных сведениях криминальной статистики, исследования специфики преступной деятельности по незаконному завладению чужой собственности и ее перераспределение преступными сообществами в Крымском регионе Российской Федерации.

Ключевые слова: мошенничество, мошенничество в сфере обращения недвижимости, способы совершения мошенничества, взаимодействие, анкетирование работников правоохранительных органов.

YAKUBOVA Olga Petrovna

inspector on special assignments of the Department for the Organization of Public Order Protection and Interaction with Executive Authorities of the Subjects of the Russian Federation and Local Self-government bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Crimea, Department of Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

PROBLEMS OF DETECTING AND INVESTIGATING OF FRAUD IN THE FIELD OF REAL ESTATE CIRCULATION: ANALYSIS OF THE RESULTS OF A SURVEY OF LAW ENFORCEMENT OFFICIALS

The article presents an analysis of the results of a survey of law enforcement officials of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol on the investigation of fraud committed in the sphere of real estate circulation. This analysis is based on official criminal statistics, a study of the specifics of criminal activity for the illegal appropriation of other people's property and its redistribution by criminal communities in the Crimean region of the Russian Federation.

Keywords: fraud, fraud in the field of real estate circulation, methods of committing fraud, interaction, questioning of law enforcement.

В современном обществе совершение мошенничества в сфере обращения с недвижимым имуществом стало одной из весомых проблем. Несмотря на активное проведение экономических реформ в стране, достижение положительных результатов в создании рыночной экономики, а также формирование и развитие полноценных рыночных отношений вопросы предупреждения, выявления и раскрытия хищения недвижимого имущества в настоящее время становятся все более актуальными. Вместе с тем, активизация криминальных элементов по незаконному изъятию недвижимости, изменение и усовершенствование криминальных способов совершения преступлений, требует постоянного и пристального внимания не только в законодательной сфере, но и в уголовной правоприменительной практике судебных и правоохранительных органов.

Согласно статистических данных, в 2019 г. зарегистрировано 294409 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе мошенничеств (ст. 159 УК РФ) – 119903; из них, в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ) – 687 преступлений. В 2020 г. количество таких преступлений увеличилось на 73,4 %, в том числе, мошенничеств – на 75,6 %, а мошенничеств в сфере компьютерной информации – на 10,8 % преступлений; в 2021 году зарегистрировано уже 517 722 преступлений, связанных с хищениями с использованием информационных технологий (ИТ), что всего на 1,44% больше, чем в 2020 г. и, почти в два раза больше, чем в 2019 г¹, а по итогам 2022 года число таких преступлений уже превысило более полмиллиона и составило четверть от всех уголовно

наказуемых правонарушений, что, безусловно, связано с развитием этих технологий².

В ходе проведения коллегии МВД России³ г. отмечено наличие негативной тенденции, характеризующейся многократным увеличением количества сделок с недвижимым имуществом. Незаконное завладение чужой собственностью, ее перераспределение преступными сообществами, к тому же, нередко сопровождается совершением насильственных действий по отношению к гражданам – собственникам недвижимого имущества. Таким образом, учитывая сложившуюся ситуацию, возможно утверждать, что эффективное и своевременное выявление, раскрытие, расследование и предупреждение мошенничеств в сфере обращения недвижимого имущества требует использования нового (современного) комплекса приемов, средств и методов уголовно-процессуальной, оперативно-розыскной и административно-правовой деятельности сотрудников соответствующих подразделений органов внутренних дел. Преступность постоянно эволюционирует: каждый год появляются новые организованные преступные сообщества, усложняются и совершенствуются способы совершения мошенничества, а переход на дистанционные способы оформления сделок с недвижимостью представляют новые возможности мошенникам для совершения ими незаконных сделок с недвижимым имуществом.

В ходе проведения специального исследования, ориентированного на установление правовой основы, проблематики и обстоятельств расследования фактов мошенничества в сфере обращения недвижимого имущества, с учетом практики, сложившейся на территории новых субъектов Россий-

1 Статистика и аналитика // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2019-2020 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 10.02.2023).

2 Расширенное заседание коллегии МВД России. Выступление Президента Российской Федерации Путина В. В. от 20.03.2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/70744> (дата обращения: 17.11.2023).

3 См.: Там же.

ской Федерации – Республики Крым и города федерального значения Севастополя, автором проведено анкетирование сотрудников оперативных подразделений, следователей и прокурорских работников.

Актуальность исследования обусловлена наличием существенных и закономерных особенностей криминальной, оперативно-розыскной и криминалистической деятельности, специфики указанных субъектов Российской Федерации, принятых в состав Российской Федерации в 2014 году⁴. Такими особенностями, на наш взгляд, являются: применение на территории Республики Крым и города Севастополя до марта 2014 года уголовно-процессуального законодательства другой страны – Украины, а также наличие региональных особенностей формирования практики раскрытия и расследования уголовных дел совершения мошенничества в сфере обращения недвижимого имущества, взяточничестве в указанных регионах. Задачами анкетирования работников правоохранительных органов были определены:

1. исследование наиболее распространенных оснований для возбуждения данной категории уголовных дел;
2. наиболее частые причины отказа в возбуждении уголовного дела по материалам, связанных с незаконным оборотом недвижимого имущества;
3. типичные данные о личности мошенника и личности потерпевшего в сфере незаконного обращения недвижимого имущества;
4. оценка практическими работниками значения использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве по делам о мошенничестве с недвижимым имуществом;
5. оценка уровня и качества эффективности взаимодействия между следователями и сотрудниками оперативных подразделений МВД на этапе предварительного расследования уголовных дел;
6. выявление основных причин и условий совершения преступлений в сфере обращения недвижимого имущества в Республике Крым и городе Севастополь;
7. выявление вероятных тенденций изменения уровня преступности в сфере обращения недвижимого имущества в указанном выше регионе за последние пять лет и др.

В анкетировании приняли участие 100 оперативных сотрудников органов внутренних дел, 74 следователя и 50 работников прокуратуры.

На вопрос «С учетом сложившейся практики выявления и раскрытия преступлений, совершаемых в сфере обращения недвижимого имущества, укажите наиболее распространенные основания возбуждения данной категории уголовных дел» респонденты ответили следующим образом:

- обращения и заявления граждан (70 % оперативных сотрудников, 66% следователей, 44 % прокурорских работников);
- результаты оперативно-розыскной деятельности (25 % оперативных сотрудников, 10 % следователей, 21 % прокурорских работников);
- материалы прокурорских проверок и материалы проверок и информация контролирующих органов (5 % оперативных сотрудников, 24 % следователей, 24 % прокурорских работников).

Анализ результатов анкетирования работников правоохранительных органов свидетельствует о том, что работа органов внутренних дел по выявлению и предотвращению мошенничества с недвижимостью в настоящий период является недостаточно эффективной, а результаты использования оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по данной категории уголовных дел не отвечают предъявляемым требованиям оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства.

На вопрос «Укажите, на Ваш взгляд, основные причины прекращения уголовных дел данной категории?» следователи и работники органов прокуратуры ответили следующим образом:

- 1) недостаточный профессиональный уровень следственных и оперативных работников (17 % следователей, 37 % прокурорских работников);
- 2) отсутствие межведомственного взаимодействия следственных и оперативных работников органов внутренних дел порядка возбуждения уголовных дел при реализации материалов оперативных разработок (14 % следователей, 11 % прокурорских работников);
- 3) возбуждение уголовных дел без достаточных на то оснований (69 % следователей, 23 % прокурорских работников);
- 4) иные причины – 28 %.

По мнению работников правоохранительных органов, основными причинами совершения преступлений в сфере обращения недвижимого имущества в Республике Крым и городе Севастополь являются: низкие заработные платы граждан (19 % оперативных сотрудников, 12 % следователей, 11 % прокурорских работников); низкий уровень правового сознания граждан (25 % оперативных сотрудников, 25 % следователей, 28 % прокурорских работников); недостаточный контроль, за действиями чиновников (24 % оперативных сотрудников, 26 % следователей, 24 % прокурорских работников); неудовлетворительная работа правоохранительных органов (4 % оперативных сотрудников, 10 % следователей, 44 % прокурорских работников); несовершенство законодательства и судебной системы (18 % оперативных сотрудников, 16 % следователей, 8 % прокурорских работников); несоответствие наказания за совершаемое преступление (12 % оперативных сотрудников, 12 % следователей, 11 % прокурорских работников).

На вопрос о необходимости использования дополнительных мер в борьбе с мошенничеством в сфере обращения недвижимого имущества в Крымском регионе и городе Севастополь работники правоохранительных органов указали, что необходимо усиление контроля за доходами и расходами государственных и муниципальных служащих (39 % оперативных сотрудников, 26 % следователей, 13 % прокурорских работников); активизация деятельности правоохранительных органов по выявлению преступлений при расходовании бюджетных средств и реализации полномочий муниципальными и государственными органами власти (27 % оперативных сотрудников, 19 % следователей, 49 % прокурорских работников); комплексное применение информационных, пропагандистских, социально-экономических и правовых мер (25 % оперативных сотрудников, 34 % следователей, 18 % прокурорских работников), а также применение методик антикриминального просвещения населения (9 % оперативных сотрудников, 22 % следователей, 9 % прокурорских работников).

Обобщая результаты анкетирования работников правоохранительных органов и анализ следственно-судебной практики, считаем возможным высказать мнение о том, что решение проблем, присущих на этапах выявления и расследования мошенничества в сфере обращения недвижимости состоит в обобщении и анализе следственной и судебной практики; разработке, на этой основе, комплексных научных рекомендаций организационно-тактического и методического характера; повышение эффективности расследования по делам о преступлениях в данной области; применение информационных, пропагандистских, социально-экономических и правовых мер и методик антикриминального просвещения населения.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70618342/> (дата обращения: 16.01.2023).
 2. Расширенное заседание коллегии МВД России. Выступление Президента Российской Федерации Путина В. В. от 20.03.2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/70744> (дата обращения: 17.11.2023).
 3. Статистика и аналитика // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2019-2020 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 10.02.2023).
4. Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70618342/> (дата обращения: 16.01.2023).

СИПЯГИН Николай Александрович

магистрант 2 курса Института публичного права и управления Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ, СВЯЗАННЫХ С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ ПРИЗНАКОВ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ В КОНТЕКСТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 228 И 2281 УК РФ

Статья посвящена рассмотрению дискуссионных вопросов, связанных с определением признаков субъективной стороны, на примере преступлений, предусмотренных ст. 228 и 2281 УК РФ. Основной задачей статьи являются освящение существующих взглядов на проблематику психического содержания преступлений и формулирование предложений по преодолению сложившихся противоречий между общими положениями уголовного законодательства и практикой его применения.

Автор обратил внимание именно на преступления, предусмотренные ст. 228 и 2281 УК РФ, по нескольким причинам: первая – оба преступления являются формальными, и потому стоит отдельно остановиться на вопросах возможности в них иных разновидностей умысла, помимо прямого; вторая – преступления в сфере незаконного оборота наркотиков входят в число наиболее распространенных, и львиная доля из числа всех совершаемых нарушений данной категории приходится на ст. 228 и 2281 УК РФ; третья причина связана с расхождениями между судебной практикой и разработанной наукой системой правил квалификации преступлений по признакам субъективной стороны, которые возникли в результате принятия постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами».

Ключевые слова: субъективное вменение, вина, мотив, цель, умысел, косвенный умысел, сбыт, приобретение наркотических средств.

SIPYAGIN Nikolay Alexandrovich

magister student of the 2nd course of the Institute of Public Law and Management of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

ON SOME PROBLEMATIC ASPECTS RELATED TO THE DEFINITION OF THE SIGNS OF THE SUBJECTIVE SIDE IN THE CONTEXT OF CRIMES UNDER ART. 228 AND 2281 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the consideration of controversial issues related to the definition of the signs of the subjective side, on the example of crimes under Art. 228 and 2281 of the Criminal Code of the Russian Federation. The main objective of the article is to highlight the existing views on the problem of the mental content of crimes and to formulate proposals to overcome the existing contradictions between the general provisions of criminal law and the practice of its application.

The author paid attention to the crimes under Articles 228 and 2281 of the Criminal Code of the Russian Federation for several reasons: first - both crimes are formal, and therefore it is worth to dwell separately on the issues of the possibility of other types of intent in them, in addition to direct intent; second - crimes in the field of illicit drug trafficking are among the most widespread, and the lion's share of all committed violations of this category falls on Articles 228 and 2281 of the Criminal Code of the RF; the third reason is connected with discrepancies between judicial practice and the system of rules developed by science for qualification of crimes on the signs of the subjective side, which arose as a result of the adoption of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 15, 2006 № 14 "On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances".

Keywords: subjective imputation, guilt, motive, purpose, intent, indirect intent, sale, acquisition of narcotic drugs.

Сипягин Н. А.

С развитием категории вины и ее значимости в уголовном праве субъективная сторона стала играть роль неотъемлемой части состава преступления. Сегодня без разъяснения психических компонентов деяния невозможно определить, присутствовал ли в общественно-опасном поведении человека уголовно наказуемый элемент.

Хотя данная в 5-й статье Уголовного кодекса дефиниция объективного вменения сведена к ответственности за невиновное причинение вреда, для соблюдения принципа вины при квалификации правоприменитель должен оценить все компоненты психической активности субъекта, имеющие отношение к объективным признакам общественно опасных действий (бездействия), в частности, таких, как приобретение или сбыт запрещенных веществ.

Наряду с виной субъективную сторону формируют мотив и цель. Первый представляет собой внутренний стимул к осуществлению деяния. Цель понимается как определенный результат, на достижение которого направлена воля субъекта.

Так, при незаконном сбыте наркотических средств (ст. 228¹ УК РФ) мотивом может быть чувство сострадания к человеку, болеющему наркоманией, а целью – стремление временно освободить несчастного от бремени, вызванного мучительной зависимостью.

Некоторые исследователи полагают, что в любом случае определение субъективной стороны ограничивается оценкой, проводимой в отношении совершаемого деяния. При этом нет фундаментального различия между данным элементом состава преступления и виной, которую предла-

гается рассматривать как комплексное психологическое содержание активности нарушителя. В соответствии с таким подходом вина включает мотив и цель как неотъемлемые компоненты интеллектуально – волевого отношения к совершаемому деянию [4].

Авторы, не разделяющие предложенную позицию, говорят о ее расхождении с действующими положениями Уголовного кодекса. Их аргументация основывается на толковании статьи 24 УК, согласно которой законодатель определяет вину исключительно как психическое отношение к совершаемому общественно опасному деянию и преступным последствиям. В фундаменте такой связи лежит совокупность интеллектуального и волевого элементов, из соотношения которых образуются различные варианты формы вины. «Закон относит к содержанию вины, то есть умысла и неосторожности, лишь психическое отношение – сознание и волю, не оставляя ни в интеллектуальном, ни в волевом элементах умысла и неосторожности места для мотива, цели и иных признаков» [10, с. 43]. Следовательно, нужно различать субъективную сторону и вину, так как первая представляет собой более обширное понятие.

Когда субъект занимается продажей наркотических веществ из сострадания, его вина ограничивается осознанием признаков своих действий и стремлением следовать задуманному. В этом контексте эмоциональные реакции, будь то положительные или отрицательные, выходят за пределы такой связи в психике. Однако их нельзя игнорировать, поскольку мотив и цель напрямую влияют на уровень общественной угрозы, связанной с преступлением, потому им отведено место факультативных признаков состава. Вряд ли кто-то станет возражать, что торговля наркотиками с целью получения материальной выгоды заслуживает большего осуждения, чем бескорыстное предоставление запрещенных препаратов человеку, страдающему наркоманией, из жалости или страха за его жизнь.

Как видно, точное определение мотива и цели преступления позволяет раскрывать характер психологического отношения к совершенному деянию, обеспечивая соблюдение принципа вины. Но рассматривать их в качестве структурных элементов умысла или неосторожности неправильно.

По мнению большинства ученых, характеристика психической деятельности субъекта не ограничивается виной, мотивом и целью. Важно учитывать, что эмоциональное состояние также играет роль в уголовно-правовом аспекте и должно рассматриваться как субъективный признак преступления.

Эмоции представляют собой психические переживания, которые могут возникать до, во время или после выполнения объективной стороны. Особенно важными являются те переживания, которые происходят именно в момент совершения преступления. В статье, посвященной отражению признаков субъективной стороны в уголовном законодательстве, Тарханов И. А. и Гайфутдинов Р. Р. отмечают: «В сочетании с некоторыми другими признаками законодатель рассматривает состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта) в качестве привилегированного признака субъективной стороны составов преступлений, предусмотренных ст. 107, 113 УК РФ. Это обстоятельство делает допустимым включение эмоционального состояния в содержание субъективной стороны некоторых преступлений, в которых оно рассматривается как элемент юридической конструкции, используемой в законодательной модели преступлений определенного вида» [12].

Высказанное утверждение широко распространено в отечественной уголовно-правовой науке [13], [14], [15], [17], однако оно остается спорным. Если рассмотреть эмоции с точки зрения их воздействия на психическое состояние личности, а не в связи с оценкой совершаемого деяния, то более точным представляется позиция Рагога А. И. Ученый обращает внимание на те аспекты эмоционального возбуждения, которые отражают особенности психического состояния субъекта, когда лицо оказывается ограничено в способности адекватно воспринимать окружающую реальность [11]. Они воздействует на мотивацию его действий, но в большей степени на эмоционально-чувственный компонент. Предложенный подход предписывает оценивать эмоции скорее как особенность субъекта, нежели чем как характеристику субъективной стороны.

Для наглядности представим ситуацию, когда человек, страдающий от абстинентного синдрома, начинает испытывать неудержимое желание употребить запрещенные вещества, что в конечном итоге побуждает его к незаконному приобретению наркотиков. Эта мотивация формируется под влиянием психологических страданий, мешающих здравому рассмотрению ситуации. Важно отметить, что данное психологическое давление исходит из подсознания и, соответственно, не может быть осознанной частью поведения субъекта. С этой точки зрения суждение о том, что эмоции являются признаком субъекта, выглядит убедительным.

Принцип вины тесно связан с субъективным вменением. Этот сложный юридический концепт означает, что лицо обязано нести ответственность только за те действия, которые были совершены умышленно или по неосторожности. Оно также должно соответствовать требованиям, предъявляемым к субъекту преступления, и осознавать все юридически значимые аспекты своего деяния [5].

В судебной практике встречаются случаи противоречия последнему из вышеназванных условий субъективного вменения. Примером такого несоответствия служит положение постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» от 15 июня 2006 г. Под четвертым пунктом настоящего постановления дано разъяснение, согласно которому, «размер наркотического средства или психотропного вещества, включенного в список I (или в списки II и III, если средство, вещество выделено сноской) входящего в состав смеси (препарата), содержащей одно наркотическое средство или психотропное вещество, определяется весом всей смеси»¹. На основе указанного предписания лицо должно нести уголовную ответственность, даже если некоторые фактические аспекты преступления выходят за пределы его психического отношения.

Согласно принципу вины, субъект должен нести уголовную ответственность только за ту часть смеси, признаки которой были восприняты его сознанием. В таком случае возникает практическая проблема, связанная с отсутствием нелегального распространения наркотиков в их химически чистой форме. По моему мнению, эту трудность можно пре-

1 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» от 15 июня 2006 г., г. Москва (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 23 декабря 2010 г. № 31, от 30 июня 2015 г. № 30 и от 16 мая 2017 г. № 17).

одолеть не нарушая базовые концепции уголовного законодательства, а именно - путем указания в статьях особенной части не только на запрет незаконного обращения наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, но также смесей, пригодных для немедицинского потребления и образованных с использованием названных компонентов.

Как следствие, объект преступления будет находиться под законной защитой вне зависимости от субъективных ошибок в признаках предмета. Также отпадет необходимость использовать предложенное Пленумом уголовно-правового ухищрение, направляющее правоприменителя по пути небрежения принципом вины.

В Уголовном кодексе Российской Федерации нет статьи, определяющей понятие умысла. Для него характерна классификация по видам. Умышленным является деяние, совершенное с прямым либо косвенным умыслом (ст. 25 УК). Интеллектуальную составляющую этой формы вины можно свести к осознанию общественной опасности действий и предвидению вероятности или неизбежности наступления общественно опасных последствий. Что касается волевого элемента, то его природа заключается в личном отношении к изменениям во внешней среде, предстоящим по итогу совершения деяния.

Часть исследователей утверждает, что умышленный характер преступления всегда предполагает наличие у субъекта осознания противоправности совершаемых действий или бездействия [8].

Правильность этой точки зрения вызывает сомнения. Следуя такой логике, действия лица, приобретающего или сбывающего псилоцибиновые грибы (включенные в утвержденный Правительством Российской Федерации перечень растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их прекурсоры, и подлежащих контролю в Российской Федерации согласно постановлению от 27 ноября 2010 г. № 934), не будут считаться наказуемыми, если окажется, что субъект не был осведомлен о законодательных ограничениях на оборот указанных веществ. При этом знание о химических свойствах и целях использования данных грибов никак не повлияет на квалификацию. В результате нарушится принцип конституционного запрета на освобождение от ответственности из-за незнания официально опубликованных законов (см. ст. 67.4 Конституции РФ).

Для избежания подобных противоречий важно учитывать не только осознание лицом формальной противоправности преступления, но прежде всего его субъективное отношение к фактическим обстоятельствам деяния.

Восприятие общественной опасности как обязательный критерий умышленного преступления также поддается дискуссии. Общественная опасность – это социальная оценка деяния. Ее наличие в преступлении предполагает, что оно «сотрясает основы и подрывает условия существования общества» [7]. Осознание общественной опасности требует достаточного понимания значимости социальных связей, а также способности лица адекватно оценивать ущерб, причиняемый его действиями. В контексте преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, это случается далеко не всегда.

Например, когда человек приобретает наркотики для личного употребления, не учитывая возможные опасные последствия своих действий для общества или не признавая негативный окрас этих последствий, он не осознает степень

социальной характеристики своего преступления в полном объеме, несмотря на то, что ему известны все юридически значимые объективные признаки деяния. Поэтому нужно согласиться с утверждением А. А. Пионтковского, который писал: «Для установления умысла при совершении лицом преступления необходимо доказывать лишь предвидение им тех фактических обстоятельств, которые образуют объективные признаки состава совершенного преступления» [9]. Если помимо осознания объективных признаков также присутствует верное понимание социальной оценки совершенных действий (или бездействия) это следует учитывать при индивидуализации наказания.

Когда конкретное нарушение предполагает наличие предмета преступления или личности потерпевшего, их юридически значимые свойства тоже обязательно должны охватываться субъективной стороной. Это приводит к возникновению спорных ситуаций, порождающих дискуссии в научном сообществе. Иллюстрацией может служить проблема, связанная с психическим восприятием особенностей личности потерпевшего в контексте преступления, предусмотренного частью 4 статьи 228¹ Уголовного кодекса, где пунктом «в» устанавливается ответственность за совершение деяния в отношении несовершеннолетнего, лица, достигшего восемнадцатилетнего возраста.

Как указывает Пленум², в ситуациях, предусмотренных пунктом «в» части 4 статьи 228.1 УК, ответственность возникает, если лицо осознавало или допускало, что совершает преступление в отношении несовершеннолетнего.

Многие авторы высказывают мнение о противоречивости этой точки зрения. Она может быть воспринята как утверждение о наличии косвенного умысла относительно характеристик потерпевшего. Дубовиченко С. В. считает, что «Пленум не учитывает, что допущение, то есть волевой элемент косвенного умысла относится лишь к последствиям и переносить его на квалифицирующие признаки неправомерно» [2, с. 86]. Представляется, что автор склонен разрешать подобные ситуации в пользу обвиняемого, аргументируя это тем, что, хотя субъект осознавал возможность совершения преступления, у него не было полной уверенности в общественной опасности своего деяния.

Не все согласятся с данной позицией. Кажется, более целесообразным будет признать, что осознание возможности преступления и его действительное совершение должны неизбежно влечь за собой ответственность. В противном случае существует риск установления неполных стандартов правопорядка, где недобросовестный человек может избежать наказания за преступное деяние из-за недостаточной уверенности в его реальных свойствах.

По-видимому, основу рассматриваемого положения Пленума составило правило квалификации, используемое в случае неконкретизированного умысла в преступлении. Для этой разновидности прямого умысла характерно осознание общественно опасного характера поступка при недостаточной определенности по отношению к последствиям. Иначе говоря, субъект сознает, что совершает преступление, а также желает наступления вредного результата, но не представ-

2 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» от 15 июня 2006 г., г. Москва (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 23 декабря 2010 г. № 31, от 30 июня 2015 г. № 30 и от 16 мая 2017 г. № 17).

ляет его достаточно точно. В таком случае правоприменителю стоит исходить из фактически наступивших последствий, а при покушении - из наименее опасных возможных последствий, как следует из принципа о толковании в пользу обвиняемого всех сомнений в его виновности (ст. 49 Конституции РФ).

В приведенном примере речь идет о формальном преступлении, где, по мнению большинства специалистов, общественно опасные последствия находятся за пределами конструкции состава. В них «признаком объективной стороны, воплощающим общественную опасность деяния, во всех случаях является само запрещенное законом действие или бездействие» [10, с. 86], - в конкретной ситуации – сбыт наркотиков. Значит, вариации прямого умысла также следует рассматривать в зависимости от конструкции объективной стороны состава.

Несложно представить сценарий, когда лицо, занимающееся незаконной продажей наркотиков с целью быстрого обогащения, не обращает внимание на возраст покупателя, так как оно понимает, что его поступок преступен по своей природе, независимо от этого обстоятельства. Поэтому правильным будет оценивать изложенную ситуацию в контексте прямого умысла по отношению к характеристике потерпевшего, так как относительно него субъектом принимаются все противоправные варианты объективной составляющей преступления.

Имеются спорные моменты при квалификации, когда лицо одинаково допускает вероятность как преступного, так и не преступного характера совершаемых им действий (бездействия).

Допустим, человек выполнял посреднические функции в распространении наркотиков, осуществляя доставку пакетов с веществом за деньги. При этом у него не было полной уверенности в содержании передаваемых свертков, но он допускал возможную противоправную природу своего поведения. Его подозрения основывались на дополнительных посылках, таких как чрезвычайно высокая оплата за услуги, обязательные меры конспирации, нехарактерные для легальной торговли, подозрительный внешний вид адресатов поставяемой продукции и так далее. Тем не менее он продолжал участвовать в распространении, равным образом предполагая, что его действия могут быть вполне законными.

Может показаться, что в подобных ситуациях снова идет речь о проявлении неопределенного умысла. Однако в таком случае возникают значительные противоречия принципу вины, поскольку субъект равнозначно допускал возможность как преступной, так и не преступной природы своих действий.

Альтернативный умысел рассматривается как часть определенного «поскольку, для обоих видов умысла характерно сознание непосредственного объекта, а также четкое представление одного или нескольких общественно опасных последствий в индивидуально определенной форме» [3]. При неопределенности относительно осознания конкретных общественно опасных характеристик деяния происходит смещение акцента с одного конкретного объекта на другой либо с непосредственного на родовый, что, в свою очередь, также свидетельствует о принятии преступной составляющей поступка при любом варианте развития деятельности субъекта. Следовательно, если использовать правила квалификации для деяний с альтернативным или неопределенным прямым умыслом, то даже если фактические обстоятельства деяния лица не будут содержать уголовно наказуемый элемент, оно

будет привлечено к уголовной ответственности за покушение. Такой подход неприемлем, ведь, по сути, он подразумевает ответственность за мысли, не имеющие внешнего проявления.

Значит, остается до конца неясным, как оценивать подобные поступки, если они выходят за пределы прямого намерения и не являются легкомысленными или небрежными в силу того, что в них присутствует сознательное допущение антиобщественного характера совершаемого деяния.

Думается, что разрешение сложившегося противоречия следует осуществлять в пользу применения уголовного порицания, однако только в тех случаях, когда воспринимаемые признаки деяния действительно соответствовали объективным обстоятельствам конкретного преступления. Наиболее точным определением вины в данном случае нужно считать косвенный умысел, где интеллектуальная сторона проявляется через осознание возможной общественной опасности деяния, а волевой момент включает в себя принятие этой возможности или безразличное отношение к социальной характеристике собственного поведения.

Большинство отечественных экспертов придерживаются противоположной точки зрения по этому вопросу, утверждая, что при данном подходе происходит слияние интеллектуального и волевого аспектов субъективной стороны [10, с. 112]. Так, в 25 статье Уголовного кодекса четко определено, что косвенный умысел в преступлении признаётся только в случае, если воля человека была направлена на общественно опасные последствия его деяния. Однако при незаконном приобретении или сбыте наркотиков для установления ответственности достаточно самого факта совершения противоправных действий, упомянутых в особенной части Уголовного кодекса.

Как отмечал Волков Б.С.: «особенностью «формальных» преступлений является не отсутствие общественно опасных последствий, а невключение последних в число необходимых элементов соответствующих преступных деяний» [1]. Любое преступление влечет последствия в виде ущерба для отношений, защищенных уголовно-правовыми нормами. Однако законодатель не всегда включает в текст статьи четкую формулировку относительно конкретного материального вреда, так как в преступлениях с формальной конструкцией объективной стороны негативные последствия тесно связаны с самим деянием, что исключает необходимость их детализации в законе [6].

В статье, посвященной проблематике субъективной стороны в формальных составах, Ширияев А.Ю. пишет: «Конструкции умысла, предусмотренные в ст. 25 УК РФ, не исключают возможности косвенного умысла в преступлениях с формальным составом, поскольку не ориентированы на юридические признаки законодательных моделей» - по всей видимости, автор имеет в виду формально закрепленные последствия материальных преступлений. «В этих нормах сформулированы традиционные для советского уголовного права «материальные дефиниции» умысла, не вмещающиеся в рамки современной нормативистской парадигмы» [16]. Вероятно, поэтому в контексте формальных составов конструкция прямого умысла базируется исключительно на отношении к деянию, хотя Уголовный кодекс связывает его с предвидением возможности или неизбежности наступления именно последствий.

Иными словами, совершившая сбыт или, наоборот, приобретая запрещенные вещества, лицо, одновременно с выполнением объективной стороны состава, причиняет вред

общественным отношениям, обеспечивающим безопасность здоровья населения. Если при этом в его сознании существует твердое намерение приобрести или сбыть именно наркотики, то совершение деяния и причинение вреда общественным отношениям, как общественно опасное последствие, являются желанными для субъекта. Если же человек только допускал, что его действия могут оказаться общественно опасными, но устойчивое желание сбыть наркотики у него отсутствует, то ответственность должна наступать исключительно в случае реального причинения вреда объекту по правилам квалификации при косвенном умысле.

Таким образом, применительно к статьям 228 и 228¹, а также к некоторым остальным формальным преступлениям, деяние должно признаваться совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало возможную общественную опасность своего поведения и соглашалось с данной возможностью, либо относилось к объективным признакам своего поступка безразлично.

Для закрепления вышеизложенных суждений в правовом поле, считаю необходимым внести корректировки в содержание 25 статьи Уголовного кодекса, которые позволят привести нормы об умысле в согласие с устоявшейся нормативистской традицией, а также устранить существующие сомнения относительно виновности лиц, равнодушно относящихся к безопасности здоровья населения и общественной нравственности.

Доработка 25 статьи может быть осуществлена различными способами. Наиболее простым из них представляется адаптация уже существующих частей 25 статьи УК. Так, Дубовиченко С.В. считает возможной следующую редакцию ч. 2 ст. 25 УК РФ: «Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало характер и степень общественной опасности и уголовной противоправности своих действий (бездействия) и желало их совершения, а в случае, если деяние по настоящему Кодексу признается доведенным до конца с наступлением определенных последствий, также предвидело возможность или неизбежность общественно опасных последствий и желало их наступления» [2, с. 141]. Предлагаемая редакция будет соответствовать сложившейся традиции устанавливать умысел в формальных преступлениях на основе отношения субъекта к деянию.

Пожалуй, что новая редакция ч. 3 ст. 25 УК РФ может быть составлена аналогичным образом. Следует установить, что преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо, не желая, но предвидя возможный общественно опасный характер своих действий (бездействия) или относясь к характеру своих действий (бездействия) безразлично, сознательно совершило эти действия (бездействие), а в случае, если деяние по настоящему Кодексу признается доведенным до конца с наступлением определенных последствий, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично.

Пристатейный библиографический список

1. Волков Б. С. Проблема воли и уголовная ответственность. С. 27.
2. Дубовиченко С. В. Умышленная форма вины в уголовном праве: Монография. Москва: Проспект, 2021.
3. Дубовиченко С. В. Определенный и неопределенный умысел: критерии деления и правила квалификации // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2009. № 70. С. 113-116. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenny-i-neopredelenny-umysel-kriterii-deleniya-i-pravila-kvalifikatsii>
4. Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Науч. ред.: Горский Г. Ф. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. С. 40-41.
5. Коваленко Т. С. Принцип субъективного вменения и проблемы его реализации в преступлениях с двумя формами вины. Дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2016. С. 15
6. Кузнецова Н. Ф. Избранные труды. Москва: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 47-67
7. Лопашенко Н. А., Голикова А. В., Кобзева Е. В., Ковлагина Д. А., Лапунин М. М., Хутов К. М. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации. Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов. Правоприменение 2020. Т. 4. № 4. С. 124-140
8. Паньков И. В. Теоретические аспекты умышленной вины по российскому уголовному праву // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. №65. С. 258 @ С. В. Дубовиченко. Умышленная форма вины в уголовном праве. Монография. М.: Проспект. 2021. С. 11.
9. Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву: курс советского уголовного права. Общая часть. М.: Госиздат, 1952. С. 230.
10. Рарог А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: Монография. М.: Проспект, 2016.
11. Рарог А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М.: Профобразование, 2001. С. 11.
12. Тарханов И. А., Гайфутдинов Р. Р. Субъективная сторона преступления и отражение ее признаков в уголовном законодательстве // Ученые записки Казанского Университета. Серия гуманитарные науки. 2020. Т. 162. Кн. 2. С. 161-176.
13. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. А. И. Марцева. Омск, 2006. С. 130;
14. Уголовное право России. Общая часть / Под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб., 2006. С. 460.
15. Уголовное право России. Общая часть / Под ред. Ф. Р. Сундурова и И. А. Тарханова. М., 2009. С. 288; Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. В. П. Коняхина и М. Л. Прохоровой. М., 2014. С. 213.
16. Ширяев А.Ю. О возможности косвенного умысла в преступлениях с формальным составом // Российский юридический журнал. 2016. № 5 (110). С. 150-155.
17. Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. В. П. Коняхина и М. Л. Прохоровой. М., 2014. С. 213.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-11-186-277-278

ЗАХАРОВ Ашур Рихардович

аспирант Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»; секретарь судебного заседания, Ростовский-на-Дону гарнизонный военный суд

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ АСПЕКТАХ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 222 УК РФ

На современном этапе развития российского общества правоохранительными органами все чаще поднимается вопрос о росте незаконного оборота оружия. В этой связи в данной статье были проанализированы точки зрения авторов из научного сообщества и практика применения ч. 1 ст. 222 УК РФ. Было выявлено ряд проблемных моментов, возникаемых при квалификации преступного деяния по хранению, ношению и перевозке оружия, предложены авторские варианты квалификации содеянного.

Ключевые слова: огнестрельное оружие, его основные части, боеприпасы, незаконный оборот оружия, проблемы квалификации, хранение, ношение, перевозка.

ZAKHAROV Ashur Richardovich

postgraduate student of the South-Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; secretary of the court session, Rostov-on-Don garrison military court

Zakharov A. P.

ON SOME CONTROVERSIAL ASPECTS OF THE QUALIFICATION OF CRIMINAL ACTS UNDER ART. 222 OF THE CRIMINAL CODE

At the current stage of the development of Russian society, law enforcement agencies are increasingly raising the issue of an increase in illegal arms trafficking. In this regard, this article analyzed the points of view of authors from the scientific community and the practice of applying Part 1 of Art. 222 of the Criminal Code. A number of problematic points arose during the qualification of a criminal act for the storage, carrying and transportation of weapons, author's options for the qualification of the deed were proposed.

Keywords: firearms, its main parts, ammunition, illegal arms trafficking, problems of qualification, storage, carrying, transportation.

Незаконный оборот оружия создает реальную угрозу как общественной, так и личной безопасности. Характер и степень общественной опасности указанного противоправного деяния зачастую повышается в силу того, что оно является составной частью иных совокупных преступлений, посягающих на другие объекты уголовно-правовой охраны. К примеру, в 2022 году было осуждено 2786 лиц за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 222 УК РФ, при этом 68 % осужденных совершили преступление по совокупности с иными преступными деяниями¹. Законодатель же стремится максимально защитить охраняемые права и свободы личности и российского общества путем систематического усовершенствования механизма, регулирующего отношения в сфере оборота оружия, а также усиления ответственности за преступные посягательства на данную сферу правоотношений. При этом правоприменитель в процессе квалификации содеянного сталкивается со спорными моментами, требующими разъяснения и уточнения.

Федеральный закон № 281-ФЗ от 01.07.2021г. внес изменения в диспозицию ч. 1 ст. 222 УК РФ, актуализировав перечень незаконных альтернативных деяний, которыми признаются «приобретение, передача, хранение, перевозка, пересылка или ношение»². Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» дает интерпретацию каждого из вышеприведенных преступных деяний, при этом, как показывает анализ судебной практики, у правоприменителя возникают спорные моменты при установлении признаков объективной стороны ч. 1 ст. 222 УК РФ в процессе квалификации содеянного.

Аксиоматичной, полагаем, представляет собой дефиниция «приобретения» оружия, его основных частей, боеприпасов (далее по тексту - оружие), приведенная в вышеуказанном По-

становлении. Судебная практика и научное сообщество тоже преимущественно единообразны в понимании незаконного приобретения предмета преступления. Фактически, приобретение может выражаться в различных активных волевых актах, к примеру, обнаружение оружия в лесном массиве или в зоне военных действий (в том числе, «чернокопателями» [3, с. 237]), получение в качестве подарка или в качестве предмета договора иного гражданско-правового характера (в том числе, в бартерной сделке). При этом Робак В. А. обращает внимание на спорность квалификации незаконного получения оружия во временное пользование. По мнению автора, такое деяние полностью охватывается понятием «хранение» [1, с. 314]. Мы согласны с ним лишь отчасти. Дело в том, что пользоваться означает эксплуатировать предмет по своему усмотрению, извлекать из него полезные свойства [2], даже временно, в то время как хранение не сопряжено с процессом использования и призвано обеспечить его максимальную сохранность. Соответственно, если лицо незаконно получило оружие от сторонних лиц с целью сохранения его свойств, то, действительно, в таком деянии имеются признаки хранения, но если такое получение было совершено для того, чтобы в последствие эксплуатировать это оружие по его целевому назначению, то признаки хранения отсутствуют. Поскольку законодатель не установил преступность «пользования» оружием, то в последнем случае деяние следует квалифицировать как незаконное приобретение оружия (ст. 222 УК РФ) по совокупности с тем преступлением, совершение которого было сопряжено с использованием оружия. И практика правоприменения подтверждает наше мнение.

Неразрешенным, по нашему мнению, остается вопрос о разграничении «ношения» и «перевозки» оружия. Под ношением Верховный суд РФ понимает непосредственное нахождение предмета преступления при субъекте в ходе его передвижения (будь то сумка или иная вещь, одежда или возле тела виновного), перевозка рассматривается как «перемещение на любом виде транспорта»³. При этом возникает вопрос, как квалифицировать

1 Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdpr.ru/?id=79> (дата обращения: 12.10.2023).

2 Федеральный закон от 01.07.2021 № 281-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2021. - № 27 (часть I). - Ст. 5109.

3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 №5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» (ред. от 11.06.2019) // Российская газета. - № 48. - 19.03.2002.

деяние лица, если виновный незаконно перемещает на любом виде транспорта оружие, которые находятся непосредственно в одежде лица. Судебная практика подобные деяния квалифицирует как «ношение» указанных предметов. Рассмотрим пример, Сакский районный суд Республики Крым признал виновным З.В.Г. за незаконные приобретение, хранение, перевозку, ношение огнестрельного оружия и боеприпасов, поскольку виновный незаконно приобрел, подобрав с земли и присвоив, найденные им 16 патронов и пистолет, затем перенес их, осуществляя незаконное ношение, к неустановленному автомобилю такси, на котором перевез их по месту жительства, где в последствие незаконно хранил. Судебная коллегия по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции исключил из осуждения З.В.Г. по ч. 1 ст. 222 УК РФ - незаконную перевозку огнестрельного оружия и боеприпасов. Позиция суда высшей инстанции исходит из того, что незаконное перемещение на любом виде транспорта огнестрельного оружия и боеприпасов, находящихся непосредственно при лице, не признается перевозкой. Мы же не согласны с подобной практикой по ряду оснований. Во-первых, квалификация подобных деяний как «ношения» не свидетельствует об единообразии в толковании и применении уголовного закона. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», под перевозкой понимаются «действия лица, которое перемещает наркотические средства из одного места в другое, том числе в специально оборудованных тайниках в транспортном средстве, багаже, одежде, а также в полостях тела человека или животного и т.п.»⁴ Во-вторых, специфика перевозки предмета преступления непосредственно при виновном состоит в том, что лицо держит этот предмет при себе и осуществляет его перемещение из одного пункта в другой не пешим образом, а посредством использования движения транспорта. Соответственно, исходя из логики правила квалификации «части и целого», получается, что когда лицо незаконно держит оружие непосредственно возле себя, то он выполняет часть деяний из общей совокупности деяний, в которую также включен признак его перевозки в транспортном средстве. Следовательно, полагаем, что квалификация подобных деяний должна производиться только как «перевозка» оружия.

Весьма спорным, как полагаем, остается вопрос о сущности «хранения» оружия. Мы не подвергаем сомнению определение понятия, приведенное Верховным судом РФ, при этом, считаем, важно расширить содержание понятия «хранение» с учетом специфики направленности умысла виновного лица. Рассмотрим для наглядности конкретный пример из судебной практики. Е.С.Н. в лесном массиве обнаружил охотничий промысловый самозарядный карабин, после чего незаконно перенес огнестрельное оружие в салон своего автомобиля, перевез в свой гараж, где спрятал его и до момента изъятия сотрудниками полиции хранил в шкафу с личными вещами⁵. Суд квалифицировал содеянное как незаконное приобретение, хранение, перевозку и ношение огнестрельного оружия. Мы поддерживаем позицию Робака В. А. [1, с. 317] и полагаем, что в данной ситуации квалификация в части перевозки и ношения оружия чрезмерна по следующим основаниям. Согласно разъяснениям Верховного суда РФ, под «незаконным хранением огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств следует понимать сокрытие указанных предметов в помещениях, тайниках, а также в иных местах, обеспечивающих их сохранность»⁶. Если совокупно рассматривать данное понятие и приведенные выше термины «перевозка» и «ношение» применительно к рассматриваемому нами примеру, то получается, что Е.С.Н. осуществлял ношение и перевозку оружия с целью дальнейшего его хранения в личных целях. Соответственно, чтобы реализовать свой умысел на хранение и

использование найденного оружия, виновному следовало сперва его перенести в транспортное средство, а затем перевезти в место укрытия, то есть в свой гараж. Получается, что ношение и перевозка являются последовательными действиями в процессе достижения конечной определенной цели – хранения незаконно приобретенного огнестрельного оружия в личных целях. В этой связи, полагаем, что важно правоприменителю учитывать направленность умысла виновного на достижение конкретизированной цели – хранение в личных целях, которую виновный стремится достичь по итогам ношения и перевозки огнестрельного оружия (основных частей, боеприпасов), и исходя из этого осуществлять квалификацию содеянного. Если преступление пресекается правоохранительными органами, как в приведенном примере, на этапе хранения предмета преступления, то достаточно вменить лицу незаконное «хранение», без указания на «ношение» и/или «перевозку»; в противном случае – вменение «ношения» и/или «перевозки» будет целесообразным.

В продолжение исследования противоправности деяния по хранению оружия заслуживают анализа такие специфические вопросы квалификации как, к примеру, противоправность хранения лицом унаследованного оружия. Согласно Федерального закона от 13.12.1996 N 150-ФЗ «Об оружии» в случае смерти законного собственника оружия до решения вопроса о наследовании имущества и получения лицензий на приобретение этого оружия оно изымается уполномоченными на то органами.⁷ Однако на практике случаются случаи, когда изъятие не осуществляется, и в действиях потенциальных наследников может возникнуть ситуация с незаконностью его хранения. Полагаем, что в данном случае важно руководствоваться субъективными признаками преступления. Если лицо активно предпринимает все меры для того, чтобы приобрести право собственности на данное оружие, то в его действиях будет отсутствовать состав преступления, предусмотренного ст. 222 УК РФ в части хранения оружия, в противном случае – лицо подлежит уголовной ответственности по исследуемому преступлению. Интересен для рассмотрения такой гипотетический случай, когда лицо арендует жилое помещение, в котором собственник жилья на законных основаниях хранит оружие. Будет ли тогда в деяниях арендатора состав незаконного хранения в случае обнаружения оружия правоохранительными органами? Соглашаясь с мнением Робака В. А. [1, с. 316], полагаем, что в случае, если лицо не осведомлено о том, что по месту его проживания находится оружие (оно находится в специально оборудованном месте и у лица отсутствует доступ к оружию), то привлечение к уголовной ответственности будет незаконным в силу отсутствия состава преступления. В случае, если лицо осведомлено о его нахождение и незаконно использует это оружие без согласия собственника, то, считаем, тогда его деяния подлежат квалификации как любое из альтернативных преступных деяний в сфере незаконного оборота оружия, за исключением его хранения в арендованном помещении.

Таким образом, полагаем, что уточнение и разъяснение спорных вопросов, возникающих при юридической оценке деяний, предусмотренных ст. 222 УК РФ, позволит не только с позиции единообразия толковать содержание уголовно-правовых норм, но и снизить количество ошибок при квалификации преступного деяния.

Пристатейный библиографический список

4 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 №14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (ред. от 16.05.2017) // Российская газета. - № 137. - 28.06.2006.

5 Приговор Томпонского районного суда Республики Саха (Якутия) №1-19/2022 от 22 апреля 2022 года. URL: Уголовное дело 1-19/2022 (sudrf.ru) (дата обращения: 12.10.2023).

6 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» (ред. от 11.06.2019) // Российская газета. - № 48. - 19.03.2002.

1. Робака В. А. Отдельные вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 222 Уголовного кодекса Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). – № 2. – С. 313-319.
2. Что такое право собственности // СПС Консультант-Плюс. 2023.
3. Денисов Д. М. Проблемы квалификации преступлений в сфере незаконного оборота оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ // Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции «Становление и развитие профессии юриста: наследие поколений (памяти юристов-фронтовиков посвящается)». – Тамбов, 2021. – С. 237.

7 Федеральный закон от 13.12.1996 №150-ФЗ «Об оружии» (ред. от 06.02.2023) // Российская газета. - № 241. - 18.12.1996.

КУРЛЫШЕВ Андрей Олегович

магистрант 2 курса Дальневосточного федерального университета, Владивосток

АКАДЕМИЧЕСКАЯ НЕЧЕСТНОСТЬ СТУДЕНТОВ – ЭТО ФАКТОР, КОТОРЫЙ СПОСОБСТВУЕТ КОРРУПЦИИ?

В настоящей статье анализируется ответ на поставленный в названии темы вопрос. Проводится исследование самого понятия «академическая нечестность», её последствий в виде ухудшения образовательной системы, моральных и деловых качеств студентов как будущих специалистов. Также в статье приводятся меры, которые могли бы противостоять данному явлению.

Дополнительно в статье приводятся примерные вопросы для анкетирования студентов об академической нечестности. Анализируются вопросы, как их правильно задавать и формулировать, поскольку некорректная подача вопроса, неправильная его формулировка может привести к искажению результатов либо же к отказу от интервьюирования.

Ключевые слова: академическая нечестность, коррупция, студенты, анкетирование, интервьюирование.

KURLYSHEV Andrey Olegovich

magister student of the 2nd course of the Far-Eastern Federal University, Vladivostok

IS ACADEMIC DISHONESTY OF STUDENTS A FACTOR THAT PROMOTES CORRUPTION?

This article analyzes the answer to the question posed in the title of the topic. A study is conducted of the very concept of “academic dishonesty”, its consequences in the form of deterioration of the educational system, moral and business qualities of students as future specialists. The article also provides measures that could counter this phenomenon.

Additionally, the article provides sample questions for surveying students about academic dishonesty. The questions are analyzed, how to ask and formulate them correctly, since incorrect presentation of the question or its incorrect formulation can lead to distortion of the results or to refusal of interviewing.

Keywords: academic dishonesty, corruption, students, questionnaires, interviews.

Когда мы говорим о факторах, которые способствуют какому-либо преступлению вообще, то мы ведём речь о различных условиях и процессах в окружающей действительности – это и моральные факторы, и социально-экономические факторы, и политические факторы, и культурные факторы, и демографические факторы, и уровень образования граждан, уровень правовой культуры общества и т. п. Когда мы говорим о факторах, которые способствуют коррупции, то мы должны из всего перечня выше понять, какие конкретно способствуют коррупции.

Под академической нечестностью студентов стоит понимать такой вид обмана, при котором студент может:

- списывать работу при различных тестах, контрольных, экзаменах для получения положительной оценки;
- писать какую-либо работу (курсовую, диплом) копируя чужие мысли, чужие работы, без указания авторства, т. е. заниматься плагиатом;
- делать двойную сдачу, т. е. представление одной и той же работы в качестве двух разных для прохождения какой-либо аттестации или выполнения задания;
- фальсификация данных при проведении каких-либо исследований и т. д.;
- подкуп преподавателя, других студентов в целях получения ответов;
- саботаж, т. е. попытка помешать другим выполнить какое-либо задание на конкурсе, учебной «игре», кейсах и т. п.

Таким образом, мы видим, что разновидностей академической нечестности студентов бывает много. В некоторых ВУЗах подобное поведение даже прописывают в перечне примеров нарушения академических норм, а именно в кодексах поведения студентов, которые могут быть основанием для применения мер дисциплинарного взыскания к студентам [1].

Безусловно одним из главных факторов, который способствует коррупции и одним из факторов, который коррупции противостоит (как и любому преступлению в принципе) это моральный фактор, потому что если мораль того или

иного человека находится на высоком уровне, то он никогда не пойдёт ни на какое преступление, в том числе и на академическую нечестность, а если же мораль человека находится на таком уровне, что он даже и не задумывается о ней, то безусловно риск совершения коррупционного правонарушения очень высок. Исходя из этого мы можем сделать вывод, что академической нечестностью будет заниматься только тот студент, который имеет низкую мораль, низкую моральную ответственность. Следовательно, безусловно можно считать, что академическая нечестность студентов – это фактор, который способствует коррупции.

В начале было сказано о факторах, способствующих совершению преступления, и там были указаны уровень образования, уровень правовой культуры граждан. Правовая культура включает в себя уровень правосознания человека, его правовую активность. Таким образом, сюда входят даже очень незначительные поступки – переход дороги в неподходящем месте, переход дороги на красный свет там, где нет даже машин, а также списывание контрольной, плагиат в курсовой. Даже если за это не накажут, это подрывает моральное состояние человека, показывает его низкую правовую культуру и способствует коррупции в будущем, потому что если студент списывает и знает, что обманным путём, он может добиться желаемого результата, то он также может решать вопросы и далее. Например, став должностным лицом будет использовать свои служебные полномочия вопреки интересам службы из своих корыстных интересов.

Также стоит коснуться и такого фактора, как институциональный фактор, характеризующий современные тенденции развития института образования в его взаимосвязи с другими институтами общества. Макарова и Вахрушев отмечают, что «высокая конкуренция среди молодежи на рынке образования и профессий, растущее в этой связи давление общества, семьи, родителей, педагогов, а также необходимость платить за обучение и поддерживать свое материальное положение – все эти факторы заставляют молодых людей действовать таким образом, чтобы сдать экзамен любой ценой, подчас в обход устоявшихся норм,

законодательства и этики» [2]. С этим можно согласиться лишь отчасти, поскольку безусловно излишние строгость и требования зачастую вынуждают студентов прибегать к подобным методам, но, как бы то ни было, это не позволяет студентам при подобных сложностях жизни использовать подобные методы, поскольку любой экзамен — это проверка, прежде всего, на компетенции и навыки как будущего специалиста.

Исходя из вышеуказанного стоит отметить, что академическая нечестность студентов влияет и на качество того образования, которое данные студенты получают. Не хочется даже представлять, какой специалист выйдет из медицинского института, который списывал на контрольных, давал взятки преподавателю на экзамене. Половина навыков и компетенций такого специалиста это просто фикция, поскольку, «сжульничав» на той или иной дисциплине, студент не усвоит данный предмет и знания в этой сфере будут отсутствовать.

Для борьбы с академической нечестностью студентов необходимо начинать с морального воспитания. Родителям необходимо ещё с детства прививать своим детям интерес к учению, неприятие шпаргалок, списываний и прочих разновидностей академической нечестности, рассказывать на своих примерах из молодости о достоинствах академической честности, порядочности. Такие моральные аспекты могут повлиять как на самого ученика, так и на других студентов, поскольку, когда большая часть студентов будет отрицательно относиться к академической нечестности, то другие студенты маловероятно захотят списывать на контрольной. Это будет вызвано давлением моральной ответственности со стороны общества сверстников.

Также необходимо бороться с академической нечестностью при помощи мер дисциплинарного взыскания (предупреждение, аннулирование работы с дальнейшей передачей, отчисление).

Таким образом, можно сделать вывод, что академическая нечестность студентов является одним из факторов, способствующих коррупции, подрывающим правовую культуру личности, его навыки и компетенции как специалиста. Для борьбы с академической нечестностью необходимо развивать меры морального контроля, а также дисциплинарного взыскания.

В указанной тематике можно представить примерный перечень вопросов для анкетирования (интервьюирования) респондентов при эмпирическом исследовании на данную тему:

1. Вы слышали ранее или слышите сейчас впервые о таком понятии как «академическая нечестность» студентов?
2. Какие Вам известны разновидности академической нечестности со стороны студентов?
3. Приходилось ли Вам сталкиваться с использованием шпаргалок при выполнении контрольных, проверочных работ?
4. Приходилось ли Вам сталкиваться с тем, чтобы студенты заказывали готовую курсовую работу/диплом/диссертацию?
5. Приходилось ли Вам сталкиваться с ситуацией чтобы студенты давали преподавателям деньги за положительную оценку на экзамене/зачёт во время сессии?
6. Приходилось ли Вам сталкиваться с тем, чтобы студенты сдавали свою ранее написанную работу для другого задания?
7. Какие факторы, на Ваш взгляд, способствуют коррупции?
8. На Ваш взгляд, способствует ли академическая нечестность студентов коррупции?
9. Как Вы считаете, академическая нечестность студентов влияет на качество получаемого образования?
10. Как Вы относитесь к академически нечестным студентам?
11. Как бы Вы поступили, если бы стали свидетелем академической нечестности со стороны другого студента?
12. Какие меры, на Ваш взгляд, необходимо проводить по борьбе с академической нечестностью студентов?

При этом необходимо отметить, что указанные вопросы не содержат указаний на личность респондента, т. е. когда задаются вопросы о конкретных нарушениях и проявлениях академической нечестности, то они задаются в третьем лице «Приходилось ли Вам сталкиваться с тем, чтобы студенты заказывали готовую курсовую работу/диплом/диссертацию?». Это сделано специально для того, чтобы результаты опросов были приближенными к реальности, поскольку если задавать вопросы, обращаясь непосредственно к личности опрашиваемого, то определённая часть ответит отрицательно или вообще откажется отвечать на вопрос по причине страха ответственности, если они ответят положительно на данный вопрос, что в итоге будет искажать реальность.

Также в самом начале содержатся два вопроса на понимание респондентами вообще указанной темы, поскольку нельзя задавать вопросы на тематику академической нечестности студентов, если опрашиваемые лица не понимают, что такое «академическая нечестность» и что в неё входит. Если респонденты ответят отрицательно на вопрос «Вы слышали ранее или слышите сейчас впервые о таком понятии как «академическая нечестность» студентов?», то необходимо разъяснить им данное понятие и далее приступать к следующим вопросам.

Также нельзя задавать такие вопросы, которые могут повлиять на взаимоотношения с другими лицами, т. е. вопросы по типу «Как бы Вы поступили, если бы стали свидетелем академической нечестности со стороны Вашего друга Васи/Пети/Коли и т. д.?». Вопрос опять-таки должен быть нейтральным и в третьем лице «Как бы Вы поступили, если бы стали свидетелем академической нечестности со стороны другого студента?».

Вопрос не должен быть наводящим, т. е. вопрос «Как Вы относитесь к академически нечестным студентам, которые тем самым создают факторы, способствующие коррупции и подрывают качество предоставляемого им образования?» уже содержит в себе намёк на то, как надо ответить, потому что безусловно ответ подавляющего большинства респондентов об отношении к лицам, создающим коррупциогенные факторы и подрывающим качество образования, будет негативным. Вопрос всё так же должен быть нейтральным и объективным «Как Вы относитесь к академически нечестным студентам?».

Нельзя также задавать вопросы, умаляющие авторитет опрашиваемого лица или организации, в которой он обучается, т. е. если на вопрос «Приходилось ли Вам сталкиваться с ситуацией чтобы студенты давали преподавателям деньги за положительную оценку на экзамене/зачёт во время сессии?» был ответ «Да, приходилось», то нельзя после этого спрашивать «Не стыдно ли Вам учиться в таком ВУЗе, в котором студенты дают преподавателям взятки?».

Вопросы не должны уходить в крайности и радикализм, т. е. нельзя спрашивать: «Ненавидите ли Вы академически нечестных студентов?», «Считаете ли Вы, что академически нечестные студенты должны понести самое суровое и жестокое наказание?», «Считаете ли Вы, что академически нечестные студенты — это позор России?».

Таким образом, вот вопросы, которые не стоит задавать респондентам на указанную тему, потому что они могут: а) запутать их; б) напугать их, в результате чего человек просто откажется от опроса или будет давать неправдивые ответы; в) привести к необъективным данным. Вопросы должны быть нейтральными, чёткими, конкретными, понятными.

Пристатейный библиографический список

1. Кодекс академической этики студента ВШЭ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/189834921?ysclid=ippisqxsfs353575731>.
2. Макарова М. Н., Вахрушев Р. В. Коррупция в высшем образовании и академическая этика // Высшее образование в России. - 2014. - № 12. - С. 56.

ПЛАТИЦЫНА Любовь Андреевна

студент 5 курса Специалитета по направлению «Судебная и прокурорская деятельность» Института прокуратуры Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ПРОБЛЕМА ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 146 УК РФ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается проблема декриминализации преступления, предусмотренного статьей 146 УК РФ. Делается вывод, следует пойти по пути гуманизации уголовного законодательства при отсутствии четких критериев его установления по рассматриваемому составу в течение последних лет, а также с учетом мнений представителей правоприменительной практики.

Ключевые слова: гуманизация, декриминализация, интеллектуальная собственность, авторские права, преступление.

PLATITSYNA Lyubov Andreevna

student of the 5th course of the Specialization in «Judicial and Prosecutorial Activities» of the Institute of the Prosecution of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA)

THE PROBLEM OF DECRIMINALIZATION OF THE CRIME STIPULATED BY ARTICLE 146 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

The article addresses the issue of decriminalizing the crime provided for by Article 146 of the Criminal Code of the Russian Federation. It concludes that it is necessary to follow the path of humanizing of criminal legislation in the absence of clear criteria for its establishment for the considered composition in recent years, as well as taking into account the opinions of law enforcement practitioners.

Keywords: humanization, decriminalization, intellectual property, copyright, crime.

На сегодняшний день в условиях формирования инновационной модели экономики и мировой трансформации интеллектуальная собственность стала ключевым ориентиром для человеческого общества. Как создание, так и эффективное использование объективных результатов творческого труда невозможно без соответствующего правового регулирования [6].

Музыка, фильмы, литературные произведения и многое другое становятся широкодоступными благодаря цифровым технологиям и Интернету. Вместе с тем такая доступность сделала объекты авторского права более уязвимыми для незаконного использования. Законодатель старается реагировать на такие изменения, при этом поддерживая хрупкий баланс между защитой прав авторов и обеспечением публичного доступа к произведениям. По мере развития технологий правообладатели ищут новые меры правовой защиты своих произведений.

Защита авторских прав в современном мире, безусловно, стала как никогда актуальной, что во многом обусловлено их спецификой. Авторские права, например, отличаются от товарных знаков, которые в основном касаются брендинга, а также от патентов, призванных защищать изобретения.

Также уникален процесс приобретения статуса объекта авторского права. Чтобы им стать, произведение необязательно должно быть опубликовано или общедоступно, но оно должно быть выражено в дискретной, материальной форме и должно быть оригинальным. Защита авторских прав обеспечивается не только в процессе всей жизни автора, но и в течение 70 лет после смерти создателя, что также придает специфику указанной категории прав.

Таким образом, авторское право – это одна из нескольких категорий защиты интеллектуальной собственности, призванная защитить исключительное право создателя, владельца или правообладателя претендовать на оригинальное произведение как на свое собственное, когда произведение зафиксировано на материальном носителе. Как только то или иное произведение написано на бумаге, записано в цифровом виде или напечатано в электронном виде, т.е. возникает что-то, что можно услышать, увидеть, прочитать или потрогать, автор получает защиту авторских прав. Их нарушение обычно связано с использованием кем-либо оригинальной творческой работы другого человека или работы, защищенной авторским правом, без разрешения.

Стоит отметить, что за последние годы значительно возросли виды и количество так называемых творений, и их

ценность в том числе. Например, защищенные авторским правом результаты творческой деятельности составляют большую часть электронного бизнеса и электронной торговли, начиная от электронных игр для детей и взрослых и заканчивая наиболее сложной компьютерной продукцией [1].

Таким образом, охране могут подлежать как такие знакомые виды творческих произведений – книги, песни и картины, так и предметы архитектуры, одежды и веб-сайты¹.

С разнообразием и уникальностью объектов авторских прав свое развитие продолжает и проблематика их нарушения, и соответственно защиты, которая менялась на протяжении длительного времени. Одним из ключевых способов защиты интеллектуальных прав является использование института уголовной ответственности, применение которой возможно только в исключительных случаях, когда имеют место умысел, неоднократность действий или крупный размер [5]. Вместе с тем одной из проблем в рамках данного института по праву стоит признать вопрос возможности декриминализации преступления, установленного статьей 146 УК РФ «Нарушение авторских и смежных прав»².

Основной закон дает гарантию того, что каждый вид творчества, будь то литературное, художественное, научное или иного вида произведение, свободно в выражении³. Охране на законодательном уровне подлежит вся интеллектуальная деятельность. При этом за посягательства более серьезного характера на авторские и смежные права предусмотрена уголовная ответственность. Насколько это обосновано – в этом и вопрос.

Стоит кратко рассмотреть признаки состава преступления, предусмотренного статьей 146 УК РФ. Большинство признаков раскрыто в Постановлении Пленума Верховного

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.com/advisor/business/what-is-copyright/> (дата посещения: 14 ноября 2023).

2 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

3 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный сайт интернет-портала правовой информации (www.pravo.gov.ru). – 6.10.2022. – № 0001202210060013.

Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака»⁴.

При этом объективная сторона может быть выражена в виде присвоения авторства (часть 1) или в незаконном использовании объектов авторского права или смежных прав либо приобретения, хранения, перевозке контрафактных экземпляров произведений или фонограмм (часть 2). Оба деяния изложены в привязке к крупным размерам⁵. В соответствии со ст. 146 УК РФ объектом плагиата могут быть следующие объекты авторского права и смежных прав: произведения, включая производные и составные, программы для ЭВМ и музыкальные исполнения [2].

Норма рассматриваемой статьи, по мнению некоторых ученых, должна преследовать ряд целей: с одной стороны, прикладные, такие как, например, удобство ее использования судами, с другой стороны, супортивные, то есть поддерживающие творческую активность сообщества авторов с помощью установления четкого и ясного воплощения в судебной практике принципа неотвратимости наказания за любые деяния, квалифицируемые как нарушение авторских прав.

С учетом особенностей состава преступления норма статьи 146 УК РФ должна в первую очередь обеспечивать пресекающий механизм нарушения имущественных прав автора и компенсаторный механизм восстановления нарушенных прав в виде возмещения имущественного вреда в уголовном порядке [3].

Присвоение чьей-либо интеллектуальной собственности, в создание которой автор вкладывает значительный объем ресурсов, не может считаться меньшим преступлением, чем присвоение чьей-либо собственности на физическом носителе. Сегодня владельцы авторских прав и смежных прав делают огромные инвестиции в создание или получение контента, защищенного авторским правом. Например, звукозаписывающие компании ежегодно тратят миллионы рублей на артистов и репертуар. В индустрии кино и телевидения цифры также значительные.

Сторонники сохранения состава, предусмотренного вышеуказанной статьей, акцентируют внимание на повышенной уязвимости категории граждан, которые занимаются создательной деятельностью. Также, по их мнению, наличие уголовно-правовой охраны авторских прав значительным образом влияет на экономический потенциал авторства как явления.

Кроме того, в практике зафиксированы случаи, когда деяния, предусмотренные статьей 146 УК РФ, могут повлечь последствия и неэкономического характера. Так, например, поставка контрафактного товара (аккумуляторных батарей) согласно решению Санкт-Петербургского УФАС России от 18 марта 2019 года⁶ могла привести к причинению вреда здоровью наряду со значительными убытками и расходами.

Таким образом, **аргументы против декриминализации статьи 146 УК РФ можно изложить в следующих тезисах:**

необходимость повышенной защиты прав авторов, в этом случае уголовную ответственность по праву можно считать самым сильным сдерживающим фактором против нарушений;

жесткие меры при защите авторских прав во многом соответствуют международной практике и стандартам защиты интеллектуальной собственности;

нарушения авторских прав могут наносить значительный экономический ущерб, и уголовное наказание служит средством предотвращения таких действий.

4 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // СПС «ГАРАНТ». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12053266/> (дата посещения: 15 ноября 2023).

5 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) (9-е изд., перераб. и доп.) (под ред. Г. А. Есакова). - М.: Проспект, 2021.

6 Решение Санкт-Петербургского УФАС России от 18.03.2019 по жалобе № То2-201/20. Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <https://br.fas.gov.ru> по состоянию на 11.04.2020. (дата посещения: 14 ноября 2023).

Далее стоит перейти к рассмотрению аргументов за декриминализацию статьи 146 УК РФ. В первую очередь, стоит отметить, что наличие гражданско-правовой и административной ответственности за нарушения авторских и смежных прав обеспечивает как минимум два немалых механизма по их защите. Одним словом, лицо, совершившее посягательство на авторские или смежные права иного лица, не останется безнаказанным. Указанные механизмы при этом являются достаточными и эффективными, о чем свидетельствует тот факт, что об обратном крайне редко пишут в научной среде.

Более того, на практике статья 146 УК РФ практически не работает, о чем свидетельствует, например, статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Так, за период с 2020 по 2022 год по указанной статье приговор бы вынесен 342 лицам, из которых 68 (20 %) были осуждены по части второй и 274 (80 %) – по части третьей данной нормы.

Из данных за последние три года видно, что по части 2 статьи 146 УК РФ в качестве основных мер наказания судами применяется условное осуждение к лишению свободы и штрафы, существенно реже применяются обязательные работы. Значима и доля случаев прекращения уголовного преследования за примирением с потерпевшим или в связи с деятельным раскаянием осужденного [3].

Вместе с тем законодатель не стоит на месте, и, принимая во внимание давнюю историю рассматриваемого в настоящей статье вопроса, а также с учетом вышеприведенной и иной статистики компетентных органов власти, реагирует следующим образом. В сентябре 2023 года стало известно, что Министерством юстиции Российской Федерации были разработаны поправки об увеличении пороговых значений сумм крупного и особо крупного размеров ущерба по ряду преступлений, в том числе это касалось и статьи 146 УК РФ⁷.

Согласно пояснительной записке целесообразным для целей статьи 146 УК РФ законодатель виделось установление крупного размера в сумме, превышающей 500 тыс. руб., а особо крупного размера – в сумме, превышающей 2 млн руб. Тем самым были приняты меры по количественной примечательной декриминализации [4]. Стоит отметить, что меры по увеличению размера ущерба применительно к статье 146 УК РФ осуществлялись и ранее, например, в 2011 году, когда внесенными изменениями размер был увеличен с 50 до 100 тыс. рублей.

Однако последнее решение законодателя, целесообразность которого объяснялась инфляцией, сложившейся правоприменительной практикой и возможностью декриминализировать около 26 % нарушений, не нашло поддержки в научных кругах и у практиков.

Так, по мнению Геннадия Есакова, решения, которые были предложены авторами законопроекта, носят неоднозначный, ополовиненный и внесистемный характер. В качестве аргументов приведен тот факт, что вплоть до настоящего времени не был формализован признак крупного ущерба в статье 146 и смежной статье 147 УК РФ.

Более того, родственная статье 146 УК РФ норма статьи 180 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг), остается без изменений – с крупным ущербом в 250 тыс. руб., что видится крайне нелогичным⁸.

Вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации Елена Авакин также обратилась к поправкам, подготовленным федеральным органом власти, выразив сожаление относительно нерешительности авторов в части совершения шага к декриминализации состава преступления⁹.

Представители правоприменительной практики также отмечают, что правоприменительный опыт в рамках указанной статьи обычно сводился к преследованию лиц, наруша-

7 Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 01/05/09-23/00141901) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 18.09.2023).

8 Минюст предлагает увеличить пороговые значения размеров ущерба при привлечении к уголовной ответственности за нарушение авторских и смежных прав. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eg-online.ru/article/474550/>.

9 Декриминализация в меру. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fparf.ru/news/media/dekriminalizatsiya-v-meru/>. (дата посещения: 14 ноября 2023).

ющих права на программы для ЭВМ. В остальных случаях криминальная составляющая статьи 146 УК РФ совсем не очевидна, что позволяет полностью декриминализировать деяние.

В зарубежной теории вопрос декриминализации наказания за нарушение авторских и смежных прав также находится в центре внимания, о чем свидетельствует внушительное количество статей, посвященных этой теме. Так, по мнению некоторых ученых, определение оценки экономического ущерба, понесенного правообладателями в результате нарушения их авторских прав, вызывает ряд сложностей в разрезе уголовно-правовой охраны.

В зарубежной юриспруденции разграничивают «общий ущерб», нанесенный автору (значительный целенаправленный вред, повлекший экономические и репутационные убытки, вплоть до посягательств на национальные интересы), а также «незначительный вред», который причиняется третьими лицами в ходе личного использования материалов, защищенных авторским правом, доступ к которым открыт (например, песня, доступная на просторах Интернета, была использована в рамках семейного праздника).

Отождествление «общего ущерба» с «незначительным вредом», причиненным в ходе вышеуказанного пользования материалами, в полной мере раскрывает проблематику справедливости и соразмерности наказания за рассматриваемое деяние.

Привлечение к уголовной ответственности за нарушение авторских прав, как считает автор, при так называемом личном использовании ограничивает общественный доступ к материалам, защищенным авторским правом, что может привести к неблагоприятным последствиям. Слабая связь между таким нарушителем и реальной угрозой нанесения ущерба в области авторских прав не может служить основанием для установления уголовного наказания.

Есть и противники декриминализации. Wenjing Wang (Вэньцзин Ван), проведя глубинное исследование и выявив ряд закономерностей, пришел к выводу, что защита авторских прав, основанная на уголовном праве, оказывает значительное положительное влияние на экономический рост.

Усиление такой защиты, по мнению автора, приводит к более быстрому развитию предприятий и региональной экономики. В исследовании также изучалась взаимосвязь между entrepreneurial spirit (ES) (предпринимательский дух), экономическим ростом, корпоративными инновациями и защитой авторских прав на основе уголовного права [7].

По мнению других зарубежных ученых [8], законодательство об авторском праве в последние два десятилетия находится в кризисе, особенно с момента появления цифровых технологий, с чем невозможно не согласиться. Нормы, относящиеся к защите авторских и смежных прав, предусмотрены в трех отраслях права, что видится нерациональным и совершенно не адаптированным к цифровой действительности.

Безусловно, авторское право стимулирует творческую деятельность путем предоставления авторам имущественных прав на свои оригинальные произведения, а уголовное законодательство налагает санкции и наказания на тех, кто эти права нарушает. В какой-то мере криминализация нарушений авторских прав может показаться интуитивно понятной, ведь сам факт наличия уголовной ответственности будет отпугивать потенциальных нарушителей (при этом измерить, насколько такая превенция работает, не представляется возможным).

Тем не менее привлекательность таких мер защиты является, по мнению автора, иллюзорной и непрактичной.

Уголовное наказание является необоснованным и неэффективным средством предотвращения нарушения авторских прав, при этом наличие норм гражданского законодательства видится достаточным. Указанный вывод основывается на мнениях представителей науки и практики, указывающих на неэффективность норм уголовного права в части защиты авторских и смежных прав.

Уголовное право быстрыми темпами проникло в сферу интеллектуальной собственности, и учитывая ее важную роль в мировой и отечественной экономике, неудивительно, что именно указанная отрасль права стала играть ключевую роль в институте защиты указанной области. Вместе с тем по причине уникальных характеристик авторского права (нематериальность, неисключаемость и неконкурентность) многие ученые задают вопрос: являются ли уголовные наказания со-

ответствующими и эффективными средствами обеспечения соблюдения порядка в этой области?

Таким образом, использование уголовных наказаний для защиты прав интеллектуальной собственности вызывает много вопросов. Теоретический дискурс, посвященный им, возможно не так обширен, но споры не утихают, как и не прекращаются попытки законодателя скорректировать ситуацию посредством внесения изменений в федеральные законы.

Существует много заметных различий между нарушением авторских и смежных прав и большинством других преступлений. Такие деяния обычно не связаны с насилием, вред сложно оценить, жертв нарушений может быть трудно идентифицировать. Во многих случаях обстоятельства, приводящие к такому посягательству, связаны с творческой деятельностью другого лица, которая считается социально позитивным и продуктивным явлением.

Нарушение авторских прав приобрело массовый характер, на чем акцентируют внимание те, кто выступает за сохранение уголовной ответственности за нарушение авторских и смежных прав. Сторонники ужесточения мер отмечают, что они вполне обоснованы и предусмотрены в ответ на растущее количество совершенных преступных актов преступными организациями, что угрожает общественному порядку.

Необходимо отметить, что в отличие от прямого и очевидного вреда, причиненного кражей или иным преступным деянием по отношению к материальной собственности, ущерб, причиненный нарушением авторских прав, является косвенным и неочевидным для общественности. Причиненный нарушителем вред с использованием Интернета и вовсе трудно оценить количественно.

Таким образом, криминализация нарушения авторских и смежных прав является проблематичной по многим причинам. С учетом существования такого механизма защиты авторских прав, как возможность воздействия мерами уголовно-правового регулирования, особо ценным видится установление принципов возможного баланса частных, общественных и публичных интересов. Очевидно, следует пойти по пути гуманизации уголовного законодательства при отсутствии четких критериев его установления по рассматриваемому составу в течение последних лет, а также с учетом мнений представителей правоприменительной практики. Правовая защита авторских и смежных прав в подавляющем большинстве случаев осуществляется путем реализации гражданско-правовых и административно-правовых средств защиты, что является достаточными мерами.

Пристатейный библиографический список

1. Блинец И. А., Витко В. С. Персонаж как объект авторско-правовой охраны в законодательстве России. – М.: ЮРИСТ, 2022. – 144 с.
2. Витко В. С. Концепция плагиата как негативного социально-правового явления // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2023. – № 4. – С. 71-79.
3. Макагонова Н. В. Актуальные проблемы в сфере уголовной ответственности за нарушение авторских прав // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2022. – № 7. – С. 71-76.
4. Нечаев А. Д. Типология (де)криминализации (обзор отечественного законодательства) // Российская юстиция. – 2017. – № 2. – С. 59-62.
5. Тиллинг Е. М. Клонирование бизнес-решений. Как защититься от утечки идей и пресечь их незаконное использование // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2022. – № 1. – С. 57-61.
6. Шестак В.А. Актуальные проблемы обеспечения уголовно-правовой защиты авторских прав // Адвокатская практика. – 2019. – № 3. – С. 44-49.
7. Wenjing Wang. Criminal law-based copyright protection with entrepreneurial spirit // Front. Psychol. – 2022. – Vol. 13. Sec. Organizational Psychology <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.944122> (дата посещения: 14 ноября 2023).
8. Miriam Marcowitz-Bitton. Orit Fischman Afori. Hillel Billauer. GEORGE MASON LAW REVIEW. The Future of Criminal Enforcement of Copyright: The Promise of Civil Enforcement, 2023. – 463 p.

АБДУРАГИМОВ Замир Микаилович

магистрант кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала.

ИСАИБОВА Сабрина Абукаровна

старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала.

РОЛЬ АДВОКАТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье приводится анализ роли адвоката в уголовном судопроизводстве России. Предметом исследования выступили нормы Конституции Российской Федерации, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что такой инструмент оказания юридической помощи, как адвокатский запрос не может быть в полной мере использован адвокатом при защите интересов доверителей, поскольку действующее законодательство устанавливает ряд ограничений в отношении определенных сведений, относя их к информации конфиденциального характера.

Ключевые слова: адвокат, защитник, уголовный процесс, защита прав и законных интересов, предварительное расследование, судебное разбирательство.

ABDURAGIMOV Zamir Mikailovich

magister student of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

ISAIBOVA Sabrina Abukarovna

senior lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

THE ROLE OF A LAWYER IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article provides an analysis of the role of a lawyer in criminal proceedings in Russia. The subject of the study was the norms of the Constitution of the Russian Federation, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, as well as the Federal Law "On Advocacy and Advocacy in the Russian Federation". As a result of the conducted research, the authors conclude that such a tool for providing legal assistance as a lawyer's request cannot be fully used by a lawyer in protecting the interests of clients, since the current legislation establishes a number of restrictions on certain information, referring them to confidential information.

Keywords: lawyer, defender, criminal proceedings, protection of rights and legitimate interests, preliminary investigation, judicial proceedings.

Принятая в 1993 году Конституция Российской Федерации провозгласила права и свободы человека высшей ценностью, ряд из которых нашли свое отражение во второй главе Основного закона страны. Среди таковых и право каждого на получение квалифицированной юридической помощи. В статье 48 Конституции говорится, что «каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения».

Конституционное право на защиту и квалифицированную юридическую помощь нашло свое отражение и в отраслевом процессуальном законодательстве, в том числе в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), который зиждется на началах смешанного типа уголовного процесса.

Как известно, для смешанного типа уголовного процесса характерно сочетание розыскных и состязательных начал. Последнее в свою очередь является неотъемлемым условием существования любого правового и демократичного общества.

Принцип состязательности сторон уголовного процесса в соответствии со статьей 15 УПК РФ выражается в дифференциации функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, каждая из которых является прерогативой самостоятельных и независимых друг от друга публично-правовых институтов, а именно: органов следствия и прокуратуры, адвокатуры и суда. Также специально оговаривается, что суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты, он, как уполномоченный орган от имени государства лишь создает необходимые условия для исполнения равными с процессуальной точки зрения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

В рамках настоящего исследования особый интерес представляет роль адвоката в современном уголовном процессе.

Со времен появления первых писанных источников права и регламентации процесса отправления правосудия люди прибегали к помощи людей, обладающих специальными познаниями в области права, поскольку его основной смысл и содержание не всегда бывают понятны для простых обывателей. В связи с этим, социальные предпосылки возникновения института адвокатуры возникли еще до нашей эры в эпоху эллинизма. Прошедший в своем развитии долгий путь, институт адвокатуры все еще является неотъемлемым атрибутом гражданского общества.

Известный российский юрист и политический деятель П. И. Стучка был убежден в наличии неразрывной связи между правом на защиту и состязательностью. По его мнению, «защита, а не обвинение является самой существенной частью состязательного процесса, как прочного завоевания демократии» [1, с. 152].

Участвуя в уголовном процессе, адвокат-защитник выполняет сразу несколько функций, в частности:

- оказывает юридическую помощь доверителю;
- защищает права и законные интересы подозреваемых и обвиняемых граждан, посредством оказания им профессиональной юридической помощи;
- обеспечивает соблюдение законности на всех стадиях уголовного процесса, поскольку нередко представители органов следствия и дознания допускают нарушения прав подозреваемых и обвиняемых [2, с. 409], [3, с. 119].

Нельзя не отметить также и то, что адвокат – единственный участник уголовного процесса, который может выступать, как на стороне защиты, представляя интересы обвиняемого, так и на стороне обвинения, представляя интересы потерпевшего, гражданского истца и т.д.

Почему же так важно участие защитника в уголовно-процессуальных правоотношениях?

Мы придерживаемся точки зрения, в соответствии с которой участие адвоката-защитника должно обеспечиваться еще на стадии возбуждения уголовного дела по той причине, что в рамках расследования и рассмотрения уголовного дела проводятся различные мероприятия, следственные дей-

ствия, регламентированные уголовно-процессуальным законом, все они должны совершаться в определенном порядке, в установленные сроки и пр. Подозреваемое лицо или обвиняемый могут не знать в какой процессуальной форме совершается то или иное следственное действие, какими правами он обладает, а также какие обязанности в отношении него возложены на следователя, дознавателя и прокурора.

Очевидно, что лицо, имеющее процессуальный статус подозреваемого, обвиняемого или подсудимого как никто другой нуждается в квалифицированной юридической помощи адвоката. Особенно остро эта потребность обнаруживается на стадии предварительного расследования в процессе сбора доказательств. В случае, если в отношении подозреваемого лица избрана мера пресечения, ограничивающая его личную свободу, например заключение под стражу или домашний арест, он не может участвовать в процессе сбора доказательств и в полной мере обеспечить защиту своих прав и интересов. Именно поэтому надлежит привлекать к участию в деле независимое от следствия лицо, которое будет защищать интересы подозреваемого и принимать необходимые меры реагирования при нарушении его прав представителями правоохранительных органов.

УПК РФ и Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» закрепляют широкий перечень полномочий адвоката, реализация которых он может выполнять возложенные на него функции.

Одним из наиболее эффективных инструментов оказания квалифицированной юридической помощи, по мнению самих представителей данной профессии, выступает адвокатский запрос, под которым законодатель понимает направленное адвокатом в органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации в порядке, установленном федеральным законом, официальное обращение по входящим в компетенцию указанных органов и организаций вопросам о предоставлении справок, характеристик и иных документов, необходимых для оказания квалифицированной юридической помощи [4].

В юридической литературе направление адвокатских запросов характеризуется, как субсидиарное властное полномочие, предоставленное адвокату для осуществления деятельности по оказанию юридической помощи как публичной функции.

По закону субъекты, в адрес которых поступил адвокатский запрос, должны ответить на него в течение 30 дней с момента его получения, то есть адвокатский запрос рассматривается, как обращение гражданина. При этом в случаях, требующих дополнительного времени на сбор и предоставление запрашиваемых сведений, указанный срок может быть продлен, но не более чем на тридцать дней, о чем должен быть уведомлен сам адвокат.

За отказ в предоставлении информации по адвокатскому запросу установлена административная ответственность по статье 5.39 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Для того, чтобы отказ в предоставлении адвокату запрашиваемой информации был законным, необходимо наличие оснований, предусмотренных частью 4 статьи 6.1. Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». К таковым законодатель относит:

- 1) направление запроса субъекту, не располагающему запрашиваемыми данными;
- 2) нарушение требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса;
- 3) запрос сведений, доступ к которым ограничен в соответствии с законом.

На практике наиболее распространенным основанием отказа в предоставлении информации по адвокатскому запросу выступает последнее, т.е. органы и организации аргументируют свой отказ тем, что адвокатом запрашивается информация конфиденциального характера.

Действительно в силу того, что разглашение определенной информации может иметь негативные последствия, государством осуществляется правовое регулирование отношений, объектом которых выступает такая информация. В настоящее время в российской системе законодательства сформировался целый пласт правовых актов, определяющих правовой режим информации с ограниченным доступом.

По данным различных источников, на сегодняшний день насчитывается более 70 видов тайн, и каждая из них имеет свой правовой режим, отличающийся субъектным составом, составом сведений, признаваемых конфиденциальными, а также мерами по обеспечению конфиденциальности и мерами ответственности, которые применяются к лицам, разгласившим информацию ограниченного доступа.

Однако, несмотря на это, четкая систематизация информации с ограниченным доступом так и не выработана, ни в науке информационного права, ни в законодательстве. Имеются также пробелы, позволяющие субъектам некоторых тайн отказывать адвокатам в получении запрашиваемой информации.

Так, правовой режим информации с ограниченным доступом применяется в сфере налоговых правоотношений и именуется налоговой тайной. Согласно п. 1 ст. 102 Налогового кодекса Российской Федерации: «налоговую тайну составляют любые полученные налоговым органом, органами внутренних дел, следственными органами, органом государственного внебюджетного фонда и таможенным органом сведения о налогоплательщике, плательщике страховых взносов». Далее по тексту указанной статьи уточняется какие сведения не относятся налоговой тайне, а также случаи ее разглашения, не признаваемые законом противоправными.

Исследователи в области налогового права, анализируя институт налоговой тайны, акцентируют внимание на размытость используемой законодателем формулировки «любые сведения» [5, с. 430].

Действительно, нельзя отрицать тот факт, что при наличии возможности признания разглашением любых сведений, ставших известными налоговым и иным органам, стираются границы, необходимые при квалификации поведения лица, как нарушающего режим налоговой тайны, а это в свою очередь создает предпосылки для необоснованного расширения дискреционных полномочий судебных и правоохранительных органов при решении вопроса о применении мер уголовной ответственности за разглашение сведений, составляющих налоговую тайну.

Аналогичным образом ситуация складывается и с банковской тайной, с той лишь разницей, что понятие банковской тайны сформулировано иначе. В статье 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» закреплено, что «Кредитная организация, Банк России, организация, осуществляющая функции по обязательному страхованию вкладов, гарантируют тайну об операциях, о счетах и вкладах своих клиентов и корреспондентов». Из приведенной формулировки следует, что банковскую тайну составляют не любые сведения, а лишь прямо поименованные в законе, но большинство субъектов банковской тайны расширительно толкуют данную норму и также отказывают адвокатам в предоставлении запрашиваемых сведений.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что в сложившихся условиях, при таком количестве сведений, охраняемых законом в качестве информации ограниченного доступа, адвокаты не могут в полной мере реализовывать функции участников уголовного судопроизводства и надлежащим образом защищать интересы своих доверителей.

Пристатейный библиографический список

1. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса [Текст]. - М.: Издательство «Наука», 1968. - 468 с.
2. Иванов Д. С. Адвокат как субъект доказывания в уголовном судопроизводстве России // Вопросы российской юстиции. - 2021. - № 11. - С. 408-419.
3. Макашова Т. П. Функции адвоката-представителя в уголовном судопроизводстве: виды и особенности // Правопорядок: история, теория, практика. - 2021. - № 2. - С. 116-121.
4. Макаров С. Ю. Проблемы направления адвокатского запроса // Электронный ресурс. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/problemu-napravleniya-advokatskogo-zaprosa/> (дата обращения: 28.11.2023).
5. Игнатова В. А., Кукса А. Ю. Правовой режим налоговой тайны и проблемы его реализации // Аллея науки. - 2020. - Т. 2. - № 4 (43). - С. 430.

БАЛОВИНА Ирина Валерьевна

старший преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПЕРЕКРЕСТНОГО ОПРОСА КАК ПРОВЕРОЧНОГО ДЕЙСТВИЯ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В статье рассматривается используемый следователями и дознавателями в практической деятельности перекрестный опрос как одна из неурегулированных отечественным уголовно-процессуальным законом форм такого иного процессуального действия как получение объяснения. Перекрестный опрос, являясь непроцедурным способом получения фактических данных, применяется в ходе проведения доследственной проверки по поступившему сообщению о преступлении и направлен на устранение противоречий в показаниях ранее отдельно опрошенных лиц с целью установления наличия или отсутствия признаков преступления. В исследовании указывается на необходимость рассмотрения вопроса о нормативном урегулировании данного проверочного действия.

Ключевые слова: перекрестный опрос, иное процессуальное действие, очная ставка, объяснение, доследственная проверка, стадия возбуждения уголовного дела, уголовный процесс.

BALOVINA Irina Valerjevna

senior lecturer of Criminology sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

THE NEED FOR A PROCEDURAL SETTLEMENT OF CROSS-EXAMINATION AS A VERIFICATION ACTION AT THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE

The article examines the cross-examination used by investigators and interrogators in practice as one of the forms of such other procedural action as obtaining an explanation that are not regulated by the domestic criminal procedure law. Cross-examination, being a non-procedural way of obtaining factual data, is used during a pre-investigation check on a reported crime and is aimed at eliminating contradictions in the testimony of previously separately interviewed persons in order to establish the presence or absence of signs of a crime. The study indicates the need to consider the issue of regulatory regulation of this verification action.

Keywords: cross-examination, other procedural action, confrontation, explanation, pre-investigation check, stage of initiation of a criminal case, criminal process.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) в п. 32 ст. 5 определяет, что процессуальные действия могут быть следственными, судебными и иными, среди которых в качестве способов собирания доказательств согласно ч. 1 ст. 86 УПК РФ законодатель называет не только следственные, но и иные процессуальные действия, представленные в уголовно-процессуальном законе в виде заявления о преступлении (ч. 1, 2, 3, 6 ст. 141 УПК РФ), получения объяснений, или так называемого опроса¹, явки с повинной (ч. 1 ст. 142 УПК РФ), поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ч. 1 ст. 144 УПК РФ)², требования о производстве документальных проверок и ревизий (ч. 4 ст. 21 УПК РФ), истребования заключения специалиста (ст. 74, 80 и 144 УПК РФ), истребования из средства массовой информации документов и материалов, подтверждающих сообщение о преступлении, а также данные о лице,

представившем указанную информацию (ч. 2 ст. 144 УПК РФ), истребования документов, материалов и предметов (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), представления предметов и документов, получения заключения налогового органа о нарушении законодательства о налогах и сборах (ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ)³. В науке уголовного процесса такого рода действия одни процессуалисты называют «иными процессуальными» [1, с. 217], другие – «проверочными» [2, с. 8].

Помимо перечисленных выше иных процессуальных действий следователи и дознаватели системы МВД в рамках доследственной проверки зачастую проводят действия, не предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством, но необходимые для наиболее полной проверки поступившего сообщения, а, так как на стадии возбуждения уголовного дела закон не разрешает проводить следственные действия (например, такие как очную ставку, выемку), правоприменители вводят в практику новые действия, заимствуя элементы порядка проведения у следственных действий. Такого рода действия процессуальными с учетом отсутствия соответствующего нормативного регулирования назвать не представляется возможным.

1 О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия: федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3 О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 9 марта 2022 г. № 51-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Баловина И. В.

В процессе доследственной проверки в целях принятия предусмотренного законом решения опрашиваются заявитель, лицо, на которое заявитель указывает как на совершившее преступление, а также очевидцы. Должностное лицо, производящее опрос, фиксирует этот процесс письменно, в виде документа, который в правоприменительной практике называется по-разному – объяснение, протокол объяснения, акт опроса. Зачастую сведения, содержащиеся в объяснениях, противоречивы, а добиться устранения противоречий в объяснениях ранее опрошенных лиц возможно лишь через их повторный опрос, но уже в присутствии друг друга, то есть возникает необходимость в действии, которое уголовно-процессуальным законодательством не закреплено – перекрестном опросе.

Перекрестный опрос, выработанный исключительно правоприменительной практикой и прямо не предусмотренный законом, можно рассматривать как разновидность такого иного процессуального действия как получение объяснения (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), или, иными словами, опроса. Результаты перекрестного опроса носят предварительный характер. Перед перекрестным опросом следователь (дознатель) ставит задачу не просто подтвердить информацию, полученную при отдельных опросах, но и убедиться в наличии события, в наличии состава преступления, в установлении обстоятельств совершения деяния [3, с. 19].

Перекрестный опрос, цель которого устранение противоречий в объяснениях, полученных от ранее опрошенных лиц, по своему содержанию схож с таким следственным действием, как очная ставка. В. Ю. Стельмах в своем исследовании, посвященном правовой природе и доказательственному значению объяснения, определяет «перекрестный опрос» как одновременное попеременное получение объяснений от двух лиц [4, с. 153]. Различия между перекрестным опросом и очной ставкой имеют формально-юридический характер и обусловлены особенностями нормативной регламентации, а не содержанием. В процессе такого опроса противопоставляются показания двух ранее опрошенных лиц, не обладающих самостоятельными процессуальными статусами, с целью устранения противоречий с закреплением результатов в письменном виде. Участники такого непроцедурного познавательного приема в отличие от очной ставки не предупреждаются об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний. В случае, когда поступившее сообщение указывает на очевидность наличия признаков преступления и соответственно не требует проверки сроком свыше 3-х суток, перекрестные опросы не проводят.

Внедрению перекрестного опроса в практическую деятельность на стадии возбуждения уголовного дела порой способствуют предложения, рекомендации либо указания работников прокуратуры, курирующих направление по проверке материалов с постановлениями об отказе в возбуждении уголовного дела (отказных материалов).

Перекрестный опрос, как и объяснения, носит предварительный характер. Полученные в ходе данного действия сведения доказательственного значения по уголовным делам не будут иметь. Устранение противоречий в показаниях уже опрошенных лиц в рамках предварительного расследования требует проведения следственного действия – очной ставки.

Учитывая, что перекрестный опрос как способ получения объяснений пока не предусмотрен действующим УПК РФ (но возможно, с учетом потребностей правоприменительной практики будет внесено в будущем в ст. 144 дополнение

в список «проверочных» действий), соответственно в стадии предварительного расследования данное действие доказательственного значения не будет иметь, даже при расследовании уголовного дела в форме сокращенного дознания, но для проведения полной проверки сообщения о преступлении и принятия законного и обоснованного решения (возбуждения уголовного дела либо отказа в возбуждении уголовного дела) перекрестный опрос имеет важное проверочное и ориентирующее значение.

Пристатейный библиографический список

1. Балакшин В. С. Допустимость доказательств: понятие, правовая природа, значение, алгоритм оценки: науч.-практ. пос. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2013. – С. 217.
2. Давлетов А. А. Возбуждение уголовного дела. Образцы процессуальных документов. Комментарии: учеб.-практ. пос. – Екатеринбург: Екатеринбургская высшая школа МВД России, 1994. – С. 8.
3. Каретников А. С., Каретников С. А. Назначение стадии возбуждения уголовного дела: декларируемое и действительное // Российский следователь. – 2015. – № 23. – С. 19.
4. Стельмах Ю. В. Объяснения в уголовном судопроизводстве: правовая природа, процессуальный порядок получения, доказательственное значение. Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2016. – Т. 26. – Вып. 5. – С. 153.

БИЛЯЕВ Владимир Александрович

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Симферополь

КЛИМОВСКИЙ Антон Сергеевич

преподаватель кафедры специальных дисциплин факультета профессиональной подготовки Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, г. Симферополь

ТАРАНИН Михаил Александрович

преподаватель кафедры специальных дисциплин факультета профессиональной подготовки Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, г. Симферополь

ГУТНИК Оксана Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Симферополь

Биляев В. А.

Климовский А. С.

Таранин М. А.

Гутник О. В.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ДОКАЗЫВАНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ОПЕРАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

В статье рассматриваются проблемы квалификации действий взяточполучателя в условиях оперативного эксперимента. Авторы констатируют, что в каждом случае проведения оперативного эксперимента должны быть предварительно собраны сведения, отражающие обстоятельства предварительного взаимодействия сторон коррупционной сделки, включая сведения о размере незаконного материального вознаграждения. Формулируется также вывод о том, что при взятке-благодарности, в случаях неопределенного, в части размера незаконного вознаграждения, умысла взяточполучателя, преступление должно считаться оконченным не с момента передачи-получения взятки, а с момента получения взяточполучателем реальной возможности распоряжения принятым незаконным вознаграждением.

Ключевые слова: коррупционная сделка, оперативный эксперимент, размер взятки, взяточполучатель, взятка-благодарность, коррупционная услуга, неопределенный умысел.

BILYAEV Vladimir Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor, professor of Criminal process law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice, Simferopol

KLIMOVSKIY Anton Sergeevich

lecturer of Special disciplines sub-faculty of the Faculty of Professional Training of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol

TARANIN Mikhail Alexandrovich

lecturer of Special disciplines sub-faculty of the Faculty of Professional Training of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol

GUTNIK Oksana Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor, professor of Criminal process law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice, Simferopol

PROBLEMS OF QUALIFICATION AND PROOF OF BRIBERY IN AN OPERATIONAL EXPERIMENT

The article examines the problems of qualifying the actions of a bribe-taker in the conditions of an operational experiment. The authors state that in each case of conducting an operational experiment, information reflecting the circumstances of the preliminary interaction between the parties to a corruption transaction, including information on the amount of illegal material remuneration, must be previously collected. The conclusion is also formulated that in the case of a thank-you bribe, in cases where the intent of the bribe-taker is uncertain in terms of the amount of illegal remuneration, the crime should be considered completed not from the moment of transfer and receipt of the bribe, but from the moment the bribe-taker receives a real opportunity to dispose of the accepted illegal remuneration.

Keywords: corruption deal, operational experiment, bribe size, bribe recipient, gratitude bribe, corrupt service, undetermined intent.

Квалификация преступлений является, прежде всего, информационно-аналитическим деятельным процессом, предусматривающим изучение и уголовно-правовую оценку преступного деяния, а также соотнесение его признаков с признаками состава преступления, предусмотренного специальной нормой Особенной части УК РФ. Правильная квалификация является залогом соблюдения справедливости при назначении наказания, так как позволяет разграничивать между собой отдельные уголовно наказуемые деяния, учитывая, при этом признаки, влияющие на характер и степень тяжести деяния, а также отграничивать их от сходных по ряду признаков других смежных составов преступлений.

Понятие квалификации раскрывается путем характеристики ее познавательной и правоприменительной сущности. Так, с одной стороны, квалификация – это логический познавательный процесс, в ходе которого устанавливается соответствие изучаемого деяния применяемой уголовно-правовой норме, а с другой – она представляет правовую оценку и юридически значимый вывод о таком соответствии, полагаемый в основу правоприменительных решений.

Квалификация преступлений, как отмечает А. И. Чучаев, есть частью единого процесса, предусматривающего последовательную реализацию определенных стадий (этапов), динамическая система которых выстраивается по принципу «от общего к частному». Так, первый этап квалификации предусматривает установление наиболее общих признаков деяния для определения его в качестве уголовно-наказуемого. Второй этап предусматривает квалификацию «... деяния как преступления, посягающего на определенную сферу отношений, на этом этапе происходит констатация родовых признаков преступления и установления раздела Особенной части УК РФ». Третий этап квалификации предполагает определение группы общественных отношений, на которые посягает деяние, т.е. его видовых признаков в соответствии с конкретной главой Особенной части УК РФ. И завершающий этап квалификации заключается в определении соответствия исследуемого деяния конкретной уголовно-правовой норме, т.е. ««идентификация» деяния в рамках статьи Особенной части УК РФ» [1].

Установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, и последующая квалификация взяточничества во многих случаях представляют достаточную практическую сложность. Это обусловлено как латентным характером таких деяний и взаимной заинтересованностью участников коррупционной сделки в оказании коррупционной услуги и получения платы за нее, так и наличием в большинстве случаев квалифицирующих признаков, отягчающих уголовную ответственность виновных. Одним из таких существенных признаков является размер незаконного вознаграждения, который по уголовным делам о взяточничестве подлежит обязательному установлению.

В связи с необходимостью установления размера незаконного вознаграждения, представляет достаточную сложность квалификация взяточничества в условиях оперативного эксперимента. Так, если руководствоваться разъяснением, содержащимся в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (далее – Постановление), деяние, состоящее в получении взятки, необходимо квалифицировать как оконченное преступление в случаях, когда незаконное вознаграждение изымается сотрудниками правоохранительных органов сразу после его принятия должностным лицом. В этом случае, квалификация деяния и установление прямого умысла взяткополучателя в части размера незаконного вознаграждения возможны если в ходе проведенных ранее оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий (в случае возбуждения уголовного дела) были получены сведения (доказательства), подтверждающие предварительные до-

говоренности субъектов коррупционного взаимодействия в части конкретного размера предполагаемой взятки, а также обусловленные такими договоренностями сведения о намерениях и действиях (бездействии) должностного лица. Однако вызывает затруднение ситуация, при которой в ходе предшествующих, непосредственно, оперативному эксперименту мероприятий не удалось получить сведений о конкретном размере предполагаемой взятки, которые в ходе последующего производства по уголовному делу могут быть преобразованы в доказательства. Если, при этом, исходить из рекомендаций, изложенных в п. 8 Постановления, в соответствии с которыми уголовная ответственность за взяточничество наступает «независимо от того, были ли указанные действия (бездействие) заранее обусловлены взяткой или договоренностью с должностным лицом о передаче за их совершение взятки», то установление вышеуказанных обстоятельств, включая также сведения о предполагаемом размере взятки, для квалификации преступления в качестве оконченного не требуется. Таким образом, буквальное следование указаниям пунктов 13 и 8 Постановления, фактически, открывает «окно возможностей» для внеправового произвола в условиях оперативного эксперимента со стороны его организаторов, так как лицу (взяткополучателю) может быть вменен ранее необусловленный сторонами коррупционной сделки фактический размер принятой им взятки.

Таким образом, в условиях проведения оперативного эксперимента, состоящего в контролируемой передаче предмета взятки взяткополучателю, предварительное установление обстоятельств того, что действия (бездействие) должностного лица были заранее обусловлены взяткой или договоренностью с должностным лицом о передаче за их совершение взятки, не требуется (п. 8 Постановления). Из этого, в частности, следует, что не требуется и установление размера предполагаемой взятки на основании сведений о предварительном взаимодействии сторон коррупционной сделки. Также учитывая, что взяточничество, исходя из упомянутых рекомендаций Верховного Суда РФ, должно считаться оконченным в момент изъятия взятки сотрудниками правоохранительных органов сразу после ее принятия должностным лицом, размер передаваемого под контролем незаконного вознаграждения, фактически, может быть «установлен» по усмотрению самих организаторов оперативного эксперимента. Таким размером и будет обусловлена последующая квалификация действия взяткополучателя. В зависимости от размера незаконного вознаграждения, лицо может понести уголовную ответственность как за мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ), так и за преступление средней тяжести (ч. 1 ст. 290 УК РФ), тяжкое преступление (ч. 3 ст. 290) и особо тяжкое преступление (ч. 5, 6 ст. 290 УК РФ).

В связи с вышеизложенным, считаем, что указание п. 8 Пленума о том, что ответственность за взяточничество наступает независимо от того, были ли действия, составляющие предмет коррупционной услуги, заранее обусловлены взяткой или договоренностью с должностным лицом о передаче, за их совершение, идет в разрез с ч. 1 ст. 290 УК РФ, исходя из которой взаимная обусловленность коррупционной услуги и платы за нее является обязательным признаком взяточничества. Применяемая в п. 8 Постановления формулировка «заранее не обусловлены» является оценочной и неточной. Так значение слова «обусловленность» подразумевает: «Необходимость чего-либо, вытекающая из каких-либо условий; зависимость от каких-либо причин» [2]. Если же применить указанную понятийную конструкцию к изучаемой коррупционной ситуации, то взятка или договоренность о ее передаче относится к причинам и условиям, а действия или бездействие, составляющие коррупционную услугу, зависят и вытекают из этих причин и условий. В этой связи наличие причин и условий (взятка или договоренность о ее передаче) логически и хронологически должны предварять действия

(бездействие) должностного лица, которые составляют коррупционную услугу, т.е. предшествовать им. Поэтому, если такие действия обусловлены взяткой или договоренностью о ее передаче, то они всегда могут быть, не иначе как, заранее обусловленными. Исходя из этого, предварительная не обусловленность действий исходя из упоминаемых причин и условий, исключает и само наличие обусловленности таких действий этими причинами и условиями. В свою очередь формулировка части 1-й статьи 290 УК РФ: «Получение должностным лицом должностным взятки в виде денег... за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя...» исключает ее двоякое истолкование и предполагает, что действия (бездействие) в пользу взяткодателя должны быть обусловлены получением взятки. Природа такой взаимообусловленности коренится в самой сущности взяточничества как обоюдной коррупционной сделки. Кроме того, оказываемая коррупционная услуга всегда обусловлена не просто материальным вознаграждением, а конкретным его размером, который характеризует предмет незаконного вознаграждения. Учитывая вышеизложенное, считаем, что недопустимо рассматривать в качестве взяточничества передачу (принятие) должностным лицом денежных средств, иного имущества и т.д., если действия (бездействие) должностного лица в пользу лица предоставившего незаконное вознаграждение, не были обусловлены таким вознаграждением.

Таким образом взаимная обусловленность коррупционной услуги и платы за нее в конкретном размере характеризуют необходимую причинно-следственную связь сложного механизма совершения взяточничества, исходя из чего указанные обстоятельства подлежат обязательному установлению в процессе доказывания по уголовным делам о взяточничестве, что следует учитывать также в целях правильной квалификации таких деяний в условиях оперативного эксперимента.

Достаточно спорной является и позиция Пленума, изложенная в пунктах 10 и 13 о том, что момент окончания взяточничества необходимо связывать с моментом принятия взяткополучателем незаконного вознаграждения. При этом не учитывается возможность неопределенного умысла взяткополучателя в части размера взятки, если речь идет о взятке-благодарности, что также представляется как проблема, аналогичная ранее рассматриваемой, при квалификации взяточничества в условиях оперативного эксперимента. Так, в случаях, когда умысел взяткополучателя в части размера взятки при взятке-благодарности не определен, то можно ли вменить лицу фактический размер взятки, если считать момент ее получения моментом окончания преступления? Считаем, что нет. На верность такого подхода обращают внимание, в частности, И. А. Шадрин и В. А. Биляев, которые пишут: «Правильно квалифицировать рассматриваемые коррупционные деяния можно лишь установив конкретный умысел лица относительно размера незаконного вознаграждения. Прямой преступный умысел взяткополучателя ... предусматривает осознание таким лицом факта предоставляемой им коррупционной услуги, имеющей определенную стоимость, которая выражена в конкретном размере взятки... Однако в рассматриваемой ситуации, – подразумевается ситуация неопределенного умысла взяткополучателя в части размера взятки, – на момент получения лицом предмета незаконного вознаграждения, умысел на совершение преступления (если учитывать диалектическую связь коррупционной услуги и оплаты за нее) не сформирован, а поэтому отсутствует субъективная сторона преступления. Формирование умысла, в данном случае, возможно только в результате определения (оценки) субъектом получения незаконного вознаграждения его конкретного размера. Если же считать окончательным преступление с момента принятия незаконного вознаграждения, то на указанный момент лицо не сможет оценить такой размер. Момент наступления возможности оценки размера

незаконного вознаграждения наиболее логично связывать с моментом получения им реальной возможности распоряжения принятым незаконным вознаграждением. Только, начиная с этого момента, следует говорить об обусловленности действий или бездействия взяткой в конкретном размере, что позволяет квалифицировать такие действия лица как получение взятки. При этом установление направленности умысла взяткополучателя в части размера взятки (в простом, значительном, крупном размере) следует осуществлять исходя из последующих за принятием незаконного вознаграждения и его оценкой действий взяткополучателя. Здесь возможна и ситуация, при которой взяткополучатель, посчитав, что оказанная им коррупционная услуга «так дорого не стоит», может возратить взяткодателя «излишний», исходя из его оценки, размер незаконного вознаграждения» [3].

Исходя из вышеизложенного, можем резюмировать следующее:

1. В целях соблюдения законности при производстве по уголовным делам о взяточничестве и для правильной уголовно-правовой оценки противоправных действий, в каждом случае проведения оперативного эксперимента должны быть предварительно собраны сведения отражающие обстоятельства предварительного взаимодействия сторон коррупционной сделки, включая сведения о размере незаконного материального вознаграждения, которые по таким делам относятся к обязательным обстоятельствам, входящим в предмет доказывания.

2. При документировании факта получения взятки в ходе оперативного эксперимента, а также в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела в суде, юридическая оценка действий взяткополучателя осуществляется, в зависимости от направленности его умысла в части размера незаконного вознаграждения.

3. При взятке-благодарности, в случаях неопределенного, в части размера незаконного вознаграждения, умысла взяткополучателя, преступление должно считаться окончательным не с момента передачи-получения взятки, а с момента получения взяткополучателем реальной возможности распоряжения принятым незаконным вознаграждением.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / Под ред. А. И. Чучаева. – 3-изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2018. – С. 8.
2. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
3. Шадрин И. А., Биляев В. А. Проблема квалификации действий взяткополучателя при неопределенном умысле в части размера взятки // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 10 (226). – С. 453-455.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-11-186-291-295

БИРУК Марина Сергеевна

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

ПРИВЛЕЧЕНИЕ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО: ТРЕБОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА К ВЫНЕСЕНИЮ ПОСТАНОВЛЕНИЯ В ПОРЯДКЕ СТ. 172 УПК РФ

В статье рассматривается порядок вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого в соответствии с требованиями УПК РФ, дается алгоритм действий следователю при составлении постановления о привлечении в качестве обвиняемого, анализ структурных элементов постановления о привлечении в качестве обвиняемого, выявлены типичные практические ошибки правоприменителя при составлении постановления в качестве обвиняемого, даны конкретные рекомендации по их недопущению.

Ключевые слова: обвиняемый, привлечение в качестве обвиняемого, формула обвинения, формулировка обвинения, форма обвинения.

BIRUK Marina Sergeevna

lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

INVOLVEMENT AS AN ACCUSED: REQUIREMENTS OF THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION FOR MAKING A DECISION IN ACCORDANCE WITH ARTICLE 172 OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the procedure for making a decision on involvement as an accused in accordance with the requirements of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, gives an algorithm of actions to the investigator when drafting a decision on involvement as an accused, analyzes the structural elements of the decision on involvement as an accused, identifies typical practical mistakes of a law enforcement officer when drafting a decision as an accused, gives specific recommendations on their prevention.

Keywords: the accused, involvement as an accused, the formula of the charge, the wording of the charge, the form of the charge.

Анализ прокурорской и судебной практики по направлению уголовных дел на дополнительное расследование, а также вынесению оправдательных приговоров показывает, что в большинстве случаев ошибки следователями допускаются при составлении на наш взгляд ключевых процессуальных документов, фиксирующих ход уголовного преследования – постановлении о возбуждении уголовного дела и постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. В настоящих методических рекомендациях обобщим и обсудим основную часть тех ошибок, которые допускаются следователями на стадии предварительного расследования при составлении постановления о привлечении в качестве обвиняемого, выделив особенности по наиболее встречаемым составам преступления [5].

Постановление о привлечении в качестве обвиняемого – итог на стадии предварительного расследования деятельности стороны обвинения по установлению лица, совершившего преступление, собиранию, оценке и проверке доказательств, как уличающих, так и оправдывающих виновное лицо. Содержание обвинения в дальнейшем является основой обвинительного заключения и предметом судебного рассмотрения дела, по существу. Поэтому малейшая ошибка в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого даже при наличии в совокупности достаточного объема доказательств совершения преступления конкретным лицом используется стороной как «спасательный круг» вплоть до оправдания лица в суде.

Обобщая основные ошибки можно их условно объединить в группы (остановимся на них подробнее ниже):

- 1) ошибки при несоблюдении требований к форме обвинения;
- 2) ошибки при неверном определении оснований для привлечения в качестве обвиняемого;
- 3) ошибки при изложении содержания обвинения и квалификация совершенного деяния, а также неверное отображение объема обвинения;
- 4) ошибки при неверном изложении формулы и формулировки обвинения;
- 5) ошибки при изложении неоконченных составов преступления
- 6) стилистические и лингвистические ошибки.

Для более детального раскрытия содержания каждой ошибки необходимо учитывать определения следующих понятий: квалификация совершенного преступления, основание, содержание, объем, форма, формулировка и формула обвинения.

Под квалификацией совершенного преступления следует понимать установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками конкретного состава преступления, предусмотренного соответствующей уголовно-правовой нормой.

Основание обвинения - наличие достаточных доказательств, указывающих на совершение определенным лицом деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом. Выделяются основания фактические (доказанное совершение общественно опасного деяния) и юридические (норма уголовного закона, указывающая на уголовную противоправность такого деяния) [3].

Под содержанием обвинения следует понимать объективные и субъективные признаки деяния, определяющие его уголовно-правовую квалификацию. Это, в большинстве случаев, самый объёмный фрагмент текста описательной части постановления. Содержание обвинения, как правило, начинается со слов:

«...По настоящему уголовному делу собраны достаточные доказательства, дающие основания для предъявления обвинения Иванову Ивану Ивановичу, в том, что он...». Заканчивается оно перед формулой и формулировкой обвинения.

Под объемом обвинения следует понимать совокупность всех инкриминируемых лицу преступлений (составов), отягчающих или смягчающих обстоятельств, с которыми закон связывает уголовную ответственность. Так, при вменении грабежа (основной состав предусмотрен ч. 1 ст. 161 УК РФ), совершённого с незаконным проникновением в жилище (п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ), в особо крупном размере (п. «б» ч. 3 ст. 161 УК РФ) объём обвинения включает эти три составляющих элемента, основной из которых первый, а два последних – дополнительные. Понятно, что это единое преступление будет квалифицировано лишь по п. «б» ч. 3 ст. 161 УК РФ.

Форма обвинения является отражением всех оснований, содержания и объема обвинения в конкретном процессуальном документе – постановлении о привлечении в качестве обвиняемого.

Под формулой обвинения следует понимать буквенно-цифровое выражение обвинения в виде чисел и букв, указывающих на нормы УК РФ, нарушение которых вменяется обвиняемому, которая в резолютивной части постановления о привлечении в качестве обвиняемого [4]. Например, в резолютивной части обвинения указывается решение следователя привлечь Иванова Ивана Ивановича, 01.01.1981 года рождения, (персональные данные о фамилии, имени, отчестве и дате рождения обвиняемого) в качестве обвиняемого по уголовному делу, предъявив ему обвинение в совершении преступления, предусмотренного п. п. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ [2].

От формулы следует отличать формулировку обвинения, которая является кратким (краткость определяется содержанием обвинения конкретному лицу) изложением текста диспозиции уголовно-правовой нормы, нарушение которой вменяется обвиняемому. Обычно формулировка следует сразу после формулы обвинения, после слов «то есть», «а именно» или просто тире. Например:

Своими умышленными действиями Иванов Иван Иванович совершил преступление, предусмотренное п. п. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ (формула обвинения), то есть открытое хищение чужого имущества, совершенное группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в жилище, с применением насилия, не опасного для здоровья (формулировка обвинения).

Таким образом, правильно составленное в соответствии с уголовно-процессуальными требованиями обвинение должно соответствовать примерно такому уравнению:

законное
постановление
о привлечение
в качестве обвиняемого = К+О+С+О+Ф1+Ф2+Ф3,

где

К – квалификация совершенного преступления,
О – основание обвинения,

С – содержание обвинения,
О – объем обвинения,
Ф1 – форма обвинения,
Ф2 – формулировка обвинения,
Ф3 – формула обвинения.

Наглядно прекрасно видно, что несоблюдение одной переменной приводит к нарушению равенства, следовательно, в лучшем случае к возвращению уголовного дела для дополнительно расследования прокурором или судом. Далее выделим методические рекомендации относительно каждой переменной по недопущению возможных нарушений.

1. Соблюдение требований к форме обвинения.

Часть 1 статьи 171 УПК РФ [1] регламентирует, что при наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления, следователь выносит постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого. В постановлении должны быть указаны:

- 1) дата и место его составления;
- 2) кем составлено постановление;
- 3) фамилия, имя и отчество лица, привлекаемого в качестве обвиняемого, число, месяц, год и место его рождения;
- 4) описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с п. п. 1-4 ч. 1 ст. 73 УПК;
- 5) пункт, часть, статья УК, предусматривающие ответственность за данное преступление;
- 6) решение о привлечении лица в качестве обвиняемого по расследуемому уголовному делу (ч. 2 ст. 171).

Часто, невнимательно ознакомившись с закрепленными требованиями закона, следователи при составлении обвинения допускают существенные нарушения, которые невозможно восполнить в последующем при рассмотрении уголовного дела в суде по существу.

При изложении описательно-мотивировочной части постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого в совершении нескольких преступлений, предусмотренных разными пунктами, частями, статьями Уголовного Кодекса необходимо в соответствии с частью 3 ст. 171 УПК РФ, в обвинении должно быть указано, какие деяния вменяются ему по каждой из этих норм уголовного закона. То есть обвинение должно быть изложено в тексте документа по следующему алгоритму:

«Содержание обвинения по эпизоду № 1 – формула по эпизоду № 1 – формулировка по эпизоду № 1;
содержание обвинения по эпизоду № 2 – формула по эпизоду № 2 – формулировка по эпизоду № 2;
и т.д.».

Сложность в этой части возникает у следователей, когда обвинение лица в совершении нескольких эпизодов преступлений (как показывает практика более 10) содержит реальную (ч. 1 ст. 17 УК РФ) или идеальную совокупность (ч. 2 ст. 17 УК РФ) преступлений, такая схема изложения приводит к повторам фрагментов в тексте, но иногда из-за собственной лени, некомпетентности, желая «написать покороче», следователи не соблюдают данное требование закона.

При привлечении по одному уголовному делу в качестве обвиняемых нескольких лиц комментируемое постановление выносится в отношении каждого из них (ч. 4 ст. 171 УПК), при этом необходимо обязательно в обвинении конкретного лица вначале указывать именно его фамилию, а затем фамилии других обвиняемых.

Описательно-мотивировочная часть постановления обязательно заканчивается формулой и формулировкой обвинения. А также необходима ссылка на нормы УПК РФ, которыми руководствовался следователь, при составлении данного постановления:

– если первоначальное обвинение, то необходимо указывать статьи 171, 172 УПК РФ,

– если же обвинение предъявляется в связи с изменением или дополнением обвинения, то статья 171, 172 и ч.1 статьи 175 УПК РФ.

К сожалению, в этой части следователи допускают ошибки, так как бездумно заполняют существующие в сети интернет бланки постановления о привлечении в качестве обвиняемого и бездумно одновременно указывают все выше перечисленные нормы: «руководствуясь статьями 171, 172 (175) УПК РФ», что логично вызывает вопрос у прокурора и защитника: что мы сейчас делаем? Изменяем обвинение, которое еще не предъявлено, или предъявляем?

Постановление в обязательном порядке должно быть подписано лицом, его составившим и содержать отметку о дате и времени предъявления данного постановления обвиняемому, например, в конце постановления в виде такой фразы:

«_дата_» __месяц__ 2023 года в «_» часов «_» минут постановление о привлечении в качестве обвиняемого мне предъявлено, его суть разъяснена и «_____» (понятна) ФИО обвиняемого и его подпись.

В этой части следует обратить внимание следователей на недопустимость переноса подписи лица, составившего постановление о привлечении в качестве обвиняемого, или же подписи обвиняемого на отдельный чистый лист. Считаю также целесообразным в исследуемом постановлении предусмотреть возможность (срока, место, отметка) для подписи обвиняемым каждого листа составленного постановления для пресечения возможных фальсификаций со стороны молодых, неопытных или же некомпетентных следователей (когда, например, при ознакомлении с постановлением сам обвиняемый может указать на существенную ошибку, допущенную в содержании постановления, вплоть до неверного указания названия улицы или анкетных данных лица), следователь не найдет лучшего способа исправить эту ошибку, как попробовать «заменить лист» уже предъявленного обвинения.

2. Правильное определение оснований для привлечения в качестве обвиняемого.

П. 4 ч. 2 ст. 171 УПК РФ закрепляет обязанность следователя об указании в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого обстоятельств, подлежащих доказыванию, предусмотренных ст. 73 УПК, а именно:

1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);

2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;

3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;

4) характер и размер вреда, причиненного преступлением;

5) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;

6) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;

7) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания.

По своему содержанию – это и есть план расследования каждого конкретного преступления, по результатам которого следователь при установлении виновного лица должен в материалах уголовного дела иметь ответы на каждый из указанных выше пунктов.

Обвинение может быть предъявлено лишь в том случае, когда проведенным расследованием получены ответы в виде конкретных допустимых, относимых и достоверных доказательств на каждый из выше указанных пунктов ст.73 УПК РФ. Например, при квалификации совершенного деяния по ст.223 УК РФ как незаконное изготовление огнестрельного оружия недостаточно в качестве основания для предъявления обвинения изъятия самого предмета внешне схожего на огнестрельное оружие, обязательно необходимо установить, а является ли данный предмет огнестрельным оружием? Пригоден ли он для стрельбы? и тд. Аналогично, при предъявлении обвинения лицу в совершении сбыта наркотических средств, недостаточно изъятие вещества, внешне схожего на наркотическое средство без определения его путем проведения соответствующей судебной экспертизы материалов, веществ и изделий. Если сбыт задокументирован подразделением, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, которыми предоставлены рассекреченные в установленном законом порядке материалы проведенной «оперативной закупки», сами по себе указанные материалы не могут служить основанием для предъявления обвинения лицу без проверки следственным путем их результатов.

3. Изложение содержания обвинения и квалификация совершенного деяния, а также верное отображение объема обвинения.

Прежде, чем приступить к составлению постановления о привлечении в качестве обвиняемого, необходимо определиться с квалификацией совершенного деяния, для этого настоятельно рекомендуем (несмотря на опыт или отличную память) выполнить следующее:

изучить саму соответствующую статью УК РФ и смежные + обязательно изучить Постановления Пленума Верховного Суда РФ по соответствующему преступлению, а также судебную практику + прочесть не менее трех комментариями к указанной статье УК РФ, при необходимости иную научную литературу.

Определившись с правильной квалификацией совершенного деяния и объемом обвинения, необходимо приступить к составлению содержания обвинения – к отображению объективных и субъективных признаков деяния, определяющие его уголовно-правовую квалификацию. Необходимо обратить внимание, что в содержании обвинения должен быть расписан каждый квалифицирующий признак, который найдет свое отражение в формулировке обвинения, а также криминалистическая характеристика преступления и субъективная сторона преступления. Например, если лицо совершило преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 158 УК РФ, субъективная сторона которого характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла, то в обвинении он должен быть расписан словами «действуя умышленно, осознавая противоправность своего деяния и предвидя наступление общественно опасных последствий, и желая их наступления, действуя из корыстных побуждений...». Объективная сторона указанного преступления предусматривает «тайное хищение чужого имущества», соответственно, в содержании обвинения должно быть расписано, в чем заключалась тайность («помимо воли собственника», «достоверно зная об отсутствии зрения или слуха потерпевшего» или «за-

ведомо зная о нахождении в бессознательном положении потерпевшего и т.д.»).

Если обвиняемый условно-осужденный или имеет снятую и непогашенную судимость и совершил преступление, то содержание обвинения обаятельно должно начинаться со слов: «Иванов И. И., будучи ранее судим и имеющий не снятую в установленном законом порядке судимость, на путь исправления не стал и вновь совершил новое преступление при следующих обстоятельствах...» Аналогично, если квалифицирующим признаком состава преступления является нахождение лица в состоянии опьянения, в содержании обвинения необходимо указывать обязательно «Иванов И.И., будучи в состоянии алкогольного опьянения (при условии алкогольного, если нет, выбираете необходимый вам вариант)».

В случае, если предметом хищения является иностранная валюта, то в содержании обвинения обязательно необходимо расписывать стоимость валюты в рублях по состоянию на дату совершения преступления, например: «одна тысяча (пишем прописью, а не цифрами) долларов США, что согласно курса Центрального Банка РФ по состоянию на 21 мая 2023 года (пишем дату преступления) при курсе ... (в данном месте допустимо указание цифрами) рублей за 100 долларов США составило (сумму пишем прописью) рублей».

При совершении хищения товаров или продуктов у ИП необходимо в обязательном порядке перечислять каждый предмет, который похищен, его отличительные признаки, количество или вес, стоимость за 1 штуку (без учета НДС) и общая стоимость за количество похищенных предметов одного вида, только потом общую сумму всего похищенного имущества. Например:

– при похищении нескольких объектов у частного лица, их перечисление должно быть изложено следующим образом:

« тайно умышленно похитил, имущество принадлежащее Смирнову А.Ю., а именно:

1. 1 машину углошлифовальную марки «Sturm!», 1000 Вт, 125 мм, 10000об/мин, КАМНЕРЕЗ, яп.вык.mod T, стоимостью 3261 рубль 5 копеек;

2. 3 паяльника марки «ТМ» 1800 Вт 75-110, стоимостью 2712 рублей 41 копейка за единицу, общей стоимостью 8137 рублей 23 копейки;

3. 1 перфоратор марки «Sturm «SDS-MAX» 1900 Вт, 10 Дж, 4000уд/мин, 590 об/мин, 2 режима, стоимостью 13300 рублей 76 копеек;

4. 1 перфоратора марки «PIT», стоимостью 4258 рублей 54 копейки, -после чего Иванов И.И. с места совершения преступления скрылся, похищенным имуществом распорядился по своему усмотрению, причинив Смирнову А.Ю. значительный материальный ущерб на общую сумму 28957 рублей 58 копеек».

– при хищении имущества у ИП нескольких объектов у частного лица, их перечисление должно быть изложено следующим образом: «1 мужской футболки черного цвета, 52-54 размера, артикул которой «113625-99 52-54», стоимостью 1415 рублей 83 копейки (без НДС); 1 мужской джемпер марки «Termit» с длинным рукавом, черно-серого цвета, 48 размера, артикул которого «114631-ВА 48», стоимостью 1832 рубля 50 копеек (без НДС); 2 джемпера мужского «ESS+ Tape Full-Zip Hoodie TR», серого цвета, размера «S», артикул которого «848768-03 S», стоимостью каждого 4165 рублей 83 копейки (без НДС), а всего на сумму 8331 рубль 66 копеек, а всего иму-

щества на общую сумму 11579 (одиннадцать тысяч пятьсот семьдесят девять) рублей 99 (девятьсот девять) копеек».

Если предметом хищения был мобильный телефон и иное имущество, которое материальной ценности для потерпевшего не представляет, мы указываем все похищенное имущество, не забывая обязательно указывать имей-номер похищенного телефона, и выражаем примерно такими формулировками: «Логачев В. И., реализуя свой внезапно возникший преступный умысел, направленный на тайное хищение имущества, принадлежащего Кошелюк А. И., с причинением значительного ущерба последней, действуя умышленно, осознавая противоправный характер и общественную опасность своих действий, предвидя наступление последствий в виде причинения значительного имущественного ущерба потерпевшей и желая их наступления, из корыстных побуждений, с целью личного обогащения, 25.08.2022, примерно в 11 часов 15 минут, находясь в помещении общественного туалета, расположенного на территории рынка «Калинка», по адресу: Республика Крым, г. Симферополь, пгт Грэсовский, ул. Яблочкова, 19А, убедившись, что за его действиями никто не наблюдает и они не очевидны для иных лиц, путем свободного доступа, тайно похитил имущество, принадлежащее Кошелюк А. И., а именно: мобильный телефон марки «Samsung», модели «Galaxy A20», в корпусе красного цвета, IMEI1: 355710102741183/01, IMEI2: 355711102741181/01, стоимостью 12 000 рублей, в силиконовом чехле черного цвета с рисунком в виде льва в очках, не представляющем материальной ценности для потерпевшего, со вставленной в него сим-картой мобильного оператора ПАО «МТС» с абонентским номером +7978 040 04 35, не представляющей для потерпевшего материальной ценности, взяв указанный мобильный телефон с деревянной табуретки, расположенной в указанном помещении туалета. Совершив хищение, Логачев В. И. с места совершения преступления скрылся, похищенным имуществом распорядился по своему усмотрению, причинив тем самым потерпевшей Кошелюк А. И. значительный материальный ущерб на общую сумму 12 000 рублей».

Для определенных составов преступления, имеющих бланкетную диспозицию (например, ч. 3 ст. 160, ст. 201 и ст. 264 УК РФ и другие) необходимо в качестве обоснования наличия признаков состава преступления необходимо прочитать и привести в содержании обвинения конкретный нормативно-правовой акт или подзаконные нормативный акт (приказы, инструкции и т.д.), указывая при этом его полное название, дату принятия, номер и конкретный пункт или статью, которые были нарушены обвиняемым.

Особенно важно при квалификации преступлений относительно нарушений каких-либо правил или совершении служебных преступлений. Применительно к деятельности следователей органов внутренних дел наиболее распространенным примером являются преступления, предусмотренные статьями 264-268 УК РФ.

При изложении содержания обвинения, необходимо помнить, что нецелесообразно расписывать те действия, которые не образуют вменяемый состав преступления. Например, при умышленном причинении тяжкого вреда здоровью в результате нанесения одного проникающего удара ножом в брюшную область, нет необходимость загромождать обвинение ненужным описанием повреждений, причинивших легкий вред здоровью (конечно, в случае, если они не влияют на квалификацию деяния).

Особое внимание хочется уделить отображению в обвинении дате и месту совершения преступления. Следователи

часть употребляют такие выражения как « в неустановленное следствием время и дату», в лесопарке с неустановленным адресом и т.д. Все они свидетельствуют о неполноте составленного и предъявленного обвинения. Так как несмотря на наличие в материалах дела необходимых данных или возможности их получить, подобное «неустановленное» указание говорит о неполноте обвинения и, следовательно, подобное привлечение подлежит отмене. Если участник уголовного судопроизводства (свидетель, потерпевший, обвиняемый) не помнит точно дату и время, проведением следственных действий необходимо максимально сузить временно промежуток и словесно в обвинении отображать примерно так: « в один из дней первой (второй или третьей соответственно) декады ноября 2022 года, более точная дата предварительным следствием не установлена, примерно около 10 часов» или «в один из дней в период времени с 10 марта 2023 года и до конца мая 2023 года, но не позднее 31 мая 2023 года, более точная дата предварительным следствием не установлена, примерно около 10 часов ...». Аналогично и относительно указания места совершения преступления: если нет точного адреса, необходимо установить и указать координаты места.

Таким образом, изложение содержания обвинения должно быть логично выстроенным, последовательным, полным и обоснованным.

4. Правильное изложение формулы и формулировки обвинения.

При изложении формулы и формулировки обвинения сложности возникают, как правило, в двух случаях:

1) при необходимости квалификации деяния, подпадающего под один из нескольких альтернативных признаков состава преступления;

2) когда формулировка обвинения выходит за пределы рамки формулы.

В первом случае при совершении лицом деяния, образующего один из альтернативных признаков состава преступления, то в формулировке обвинения необходимо указывать только этот один признак, а не переписывать все альтернативные деяния, указанные в законе. Например, ч. 3 ст. 159 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за совершение мошенничества, то есть хищения чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, то есть диспозиция части первой статьи 159 УК РФ предусматривает шесть квалифицирующих признака:

- «хищение чужого имущества»,
- «приобретение права на чужое имущество»,
- «путем обмана»,
- «путем злоупотребления доверием»,
- «совершенное лицом с использованием своего служебного положения»,
- «совершенное в крупном размере»,

Например, Иванов Иван Иванович, предоставив доброверному приобретателю подложный документ – доверенность от собственника объекта недвижимости на распоряжение этим объектом, осуществил сделку купли-продажи, таким образом, получил денежные средства за проданный объект недвижимости, которыми в последующем распорядился по своему усмотрению, чем причинил потерпевшему (собственнику) ущерб в крупном размере. В описанном примере, с учетом того, что реально совершил Иванов Иван Иванович, мы будем ему вменять только «хищение чужого имущества», а не «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество», и только «путем обмана», а не «пу-

тем обмана или злоупотребления доверием», и только «совершенное в крупном размере», а не «совершенное лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере».

Во втором случае следует помнить, что формулировка обвинения может и должна выходить за пределы формулы обвинения. Например, действия лица, совершившего разбой, с применением насилия в группе с 3 лицами, с проникновением в жилище, квалифицированы по ч. 3 ст. 162 УК РФ (формула обвинения), а формулировка обвинения должна указывать: разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для здоровья, совершенный группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в жилище. Необходимо помнить, что в таком случае действует простое правило: наиболее тяжкие квалифицирующие признаки в формуле обвинения поглощают признаки основного состава и квалифицирующие (менее тяжкие). [3]. Таким образом, в данном примере следователь не должен указывать ч. 1, ч. 2 ч. 3 ст. 162 УК РФ, а пишет только формулу самого тяжкого состава преступления – ч. 3 ст. 162 УК РФ.

Пристатейный библиографический список:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: [Фед. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 24.09.2022.] // Доступ из справ. -правовой системы Гарант. – Текст: электронный.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: [Фед. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 07.10.2022 // Доступ из справ. -правовой системы Гарант. – Текст: электронный.
3. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. - 2-е изд., перераб. и доп. – М., Юристъ, 1999. – С. 5.
4. Макаров С. Д. Изменение квалификации преступлений в судебном разбирательстве // Уголовное право. – 2003. – № 2. – С. 118.
5. Статистические отчеты о работе следственных подразделений МВД по Республике Крым за 2022 год.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-11-186-296-298

БОНДАРЬ Мария Михайловна

старший преподаватель кафедры уголовного процесса Учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России

ЕВСТИФЕЕВА Екатерина Петровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России

ПРОИЗВОДСТВО СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Статья посвящена рассмотрению проблемных вопросов, возникающих у правоприменителей при производстве следственных действий с использованием систем видеоконференцсвязи. На основе анализа норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих возможность производства следственных действий с применением дистанционных технологий и практики их применения, авторами определены основные направления модернизации уголовно-процессуального законодательства в рассматриваемой области, предложены некоторые пути усовершенствования норм Уголовно-процессуального кодекса РФ и тактики производства рассматриваемых следственных действий в целях наиболее эффективного производства расследования, уменьшения следственных ошибок.

Ключевые слова: следственные действия, допрос, очная ставка, участник следственного действия, видео-конференц-связь.

BONDAR Mariya Mikhaylovna

senior lecturer of criminal process sub-faculty of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in Law Enforcement Bodies of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

EVSTIFEEVA Ekaterina Petrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Preliminary investigation sub-faculty of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in Law Enforcement Bodies of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

PRODUCTION OF INVESTIGATIVE ACTIONS USING VIDEO CONFERENCING SYSTEMS: PROBLEMATIC ASPECTS OF REGULATORY REGULATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

The article is devoted to the consideration of problematic issues that arise for law enforcement officials during investigative actions using video conferencing systems. Based on an analysis of the norms of criminal procedural legislation regulating the possibility of carrying out investigative actions using remote technologies and the practice of their application, the authors identified the main directions for modernizing criminal procedural legislation in the area under consideration, and proposed some ways to improve the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation for the most effective conducting an investigation, minimizing investigative errors.

Keywords: investigative actions, interrogation, confrontation, participant in investigative actions, video conferencing.

Развитие информационно-телекоммуникационных технологий и их проникновение во все сферы общественной жизни диктует необходимость совершенствования нормативно-правового регулирования в государстве. В полной мере цифровизация коснулась и уголовного судопроизводства, что диктует необходимость приведения уголовно-процессуального законодательства в соответствие с современными реалиями.

С января 2022 года в связи с внесением изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее УПК РФ) [1], органам предварительного расследования разрешено проводить следственные действия путем использования систем видеоконференц-связи (далее ВКС). На данный момент, согласно закону, с помощью систем ВКС можно проводить только три следственных действия, а именно очную ставку, допрос и предъявление для опознания. Такая процессуальная воз-

можность, безусловно, является значительным шагом на пути к оптимизации не только производства следственных действий, но и в целом уголовного судопроизводства, дает возможность минимизировать временные, процессуальные и финансовые затраты в рамках расследования уголовного дела.

Благодаря такому нововведению у органов предварительного расследования появилась возможность проведения перечисленных следственных действий с лицом, находящимся на значительном расстоянии или по иным причинам не имеющим возможности прибыть для участия в следственном действии. Это, конечно, положительно скажется на результатах расследования. Однако, как и любое нововведение, использование ВКС при производстве следственных действий породило немало проблемных вопросов, требующих скорейшего разрешения.

Бондарь М. М.

Евстифеева Е. П.

В первую очередь правоприменитель обязан не только хорошо знать правовую регламентацию и процессуальный порядок производства следственных действий с использованием ВКС, но и уметь использовать системы ВКС. Производство любого из разрешенных следственных действий с использованием системы ВКС имеет свои нюансы, как в подготовке к следственному действию, так и при его осуществлении.

Необходимо отметить, что использование ВКС при проведении допроса, очной ставки либо предъявления для опознания опирается на применение сервиса СВКС-м, который входит в систему электронного документооборота Единой системы информационно аналитического обеспечения деятельности МВД России (далее ИСОД МВД России) [2, с. 52]. Стоит отметить, что СВКС-м – один из сервисов системы ИСОД, обеспечивающий коммуникацию сотрудников с использованием видеосвязи. Сервис предназначен для оптимизации и ускорения процесса получения и обработки информации при принятии управленческих решений. При этом сервис видеоконференцсвязи МВД России (СВКС-м) – один из сервисов системы ИСОД, обеспечивающий коммуникацию сотрудников с использованием видеосвязи. Изначально данный сервис предназначен для оптимизации и ускорения процесса получения и обработки информации при принятии управленческих решений.

У этой системы имеются необходимые уровни защиты информации от внешнего воздействия, что позволяет проводить следственные действия с абсолютной уверенностью, что не произойдет какой-либо утечки информации.

Стоит обратить внимание на правила производства следственного действия с использованием ВКС, а также особенностей закрепления результатов такого следственного действия. Лицо, осуществляющее предварительное расследование по уголовному делу перед началом производства следственного действия обязано организовать присутствие всех участников. Для этого следователь (дознатель) проводящий расследование по этому уголовному делу, направляет поручение следователю, дознавателю или в орган дознания по месту нахождения лица, чье участие в данном следственном действии будет обеспечено. После этого необходимо осуществить взаимодействие с указанным должностным лицом, разрешить организационные моменты, связанные со временем производства, а также обеспечением присутствия всех участников организуемого следственного действия.

Для успешного производства допроса, очной ставки или предъявления для опознания следователю (дознателю), ведущему расследование, в установленное время необходимо обеспечить присутствие конкретного участника уголовного судопроизводства на рабочем месте возле компьютера, на котором есть возможность выхода в ИСОД МВД России [3, с. 15]. Аналогичные действия должен осуществить следователь (дознатель), который действует по поручению.

Важным этапом в подготовке следственного действия с использованием системы ВКС является предварительная проверка наличия и качества телекоммуникационного соединения. При положительной оценке качества соединения, можно переходить к производству самого следственного действия. После включения системы ВКС, производство следственного действия проходит по правилам, предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством (ст.ст. 189, 192, 193 УПК РФ соответственно).

При разъяснении прав и порядка производства участникам следственного действия, необходимо особое внимание

обратить на применение технических средств, в том числе указать на использование системы ВКС через ИСОД МВД России. Кроме того, участники должны быть предупреждены о ведении видеозаписи в ходе всего следственного действия, которая после окончания будет зафиксирована на электронном носителе информации и приобщена к материалам уголовного дела.

В обязательном порядке следователь (дознатель) ведущий расследование по уголовному делу обязан объявить об участии в следственном действии должностного лица органа предварительного расследования, который по поручению следователя (дознателя) ведущего расследование, обеспечивает присутствие другого участника данного действия.

Важно понимать, что в соответствии со ст. 166 УПК РФ, по результатам следственного действия составляется один протокол следственного действия следователем, осуществляющим расследование по уголовному делу. Местом проведения следственного действия с использованием системы ВКС считается служебное помещение по месту нахождения следователя (дознателя), ведущего расследование. При этом время следственного действия в протоколе фиксируется как по месту производства расследования, так и по месту нахождения лица, чье участие обеспечивается.

УПК РФ устанавливает обязанность следователя (дознателя) при производстве следственного действия с использованием систем ВКС огласить протокол следственного действия и выяснить, есть ли у участников следственного действия замечания или дополнения к протоколу. Законодатель требует от следователя (дознателя), по поручению обеспечивающего участие лица в следственном действии вне места производства расследования, по окончании следственного действия с использованием системы ВКС отобразить подпись о разъяснении последнему прав, а также об оглашении протокола и поступивших к нему замечаний. Данную подпись в течении 24 часов следователь (дознатель), действующий по поручению обязан направить следователю (дознателю), ведущему расследование по уголовному делу. Однако на практике встречаются случаи иного оформления результатов следственного действия с использованием систем ВКС. Так ознакомление участвующих в следственном действии лиц может происходить в следующем порядке: первыми с протоколом следственного действия ознакомляются и подписывают его участники, которые находятся со следователем (дознателем), ведущим расследование по уголовному делу. После этого протокол сканируется, и полученный электронный документ через программу ИСОД МВД России направляется на электронный адрес следователю (дознателю), действующему по поручению. Последний распечатывает полученный протокол и предъявляет его для ознакомления участнику, чье присутствие обеспечено. После ознакомления и подписания, протокол вновь сканируется и аналогичным способом направляется на электронный адрес следователю (дознателю), в производстве которого находится уголовное дело. Данный протокол вновь распечатывается. После этого следственное действие считается оконченным.

При этом к материалам уголовного дела приобщаются оба экземпляра протокола данного следственного действия. Правоприменители, прибегнув к такому способу оформления результатов следственного действия, пытаются избежать нарушений, которые могут повлечь признание его результатов недопустимым доказательством.

Так, например, апелляционным постановлением Нижегородского областного суда в 2021 году, отменившего неза-

конные постановления суда первой инстанции. Суд первой инстанции был недостаточно компетентен и квалифицирован в области проведения следственных действий путём ВКС. Следователь, проводя очную ставку с помощью ВКС, сделал в присутствии понятых запись о том, что подписать данный протокол вторым участником следственного действия не возможно, поскольку используется видео-конференц-связь. Суд признал, что протоколирование следственного действия таким способом противоречит законодательству [4].

Одной из причин отказа от проведения следственных действий с использованием ВКС (несмотря на большие преимущества) является как раз отсутствие знаний о правилах проведения подобных следственных действий.

Отсутствие достаточного практического опыта у правоприменителя также негативно может сказаться на результатах следственного действия, проводимого с использованием систем ВКС. Например, дистанционное производство очной ставки, и без того сложного следственного действия, требующего тщательной подготовки и четкой реализации плана следственного действия, может вызвать особые затруднения, поскольку внимание следователя будет сконцентрировано на процессе подключения системы ВКС и течения хода работы оборудования и связи, отвлекая от обстоятельств подлежащих выяснению. В результате следственное действие будет проведено не на должном уровне, а в худшем случае может быть получено недопустимое доказательство.

Кроме того, говоря о процессуальном порядке производства следственного действия с использованием систем ВКС, хотелось бы также отметить, что следователям (дознателям) при производстве допроса, очной ставки, а тем более предъявления для опознания необходимо учитывать, что системы аудио-визуального наблюдения за участником следственного действия могут исказить мимику участника по ВКС, отсутствует возможность применения невербальных средств общения (оценивание показаний и поведения по движению руками или ногами).

Еще одним обстоятельством в рассматриваемом вопросе, требующим нормативного урегулирования, является отсутствие в УПК РФ процессуального положения следователя (дознателя), которому направляется поручение о необходимости обеспечить участие в следственном действии лица, находящегося вне места производства расследования. Закон не устанавливает, какими правами и какими обязанностями наделяется указанное лицо. Может ли такой следователь (дознатель) задавать вопросы, делать замечания в ходе следственного действия, должен ли он разъяснять права лицу, чье участие он обеспечивает и т.д. До конца не понятна процессуальная роль последнего: он выступает следователем (дознателем) и пользуется правами такого участника, или он выступает лишь в роли специалиста, обеспечивающего работу системы ВКС при производстве такого следственного действия.

Совершенно верно отмечается в правовой литературе, что использование систем ВКС при производстве следственных действий в рамках расследования уголовного дела вполне соответствует принципам и правилам, закрепленным как уголовно-процессуальным законодательством России, так и международным принципам, а также отвечает требованиям современных реалий [5].

Из изложенного можно сделать вывод о том, что практика применения систем ВКС при производстве допроса, очной ставки и предъявления для опознания в ходе предварительного расследования кроме значительных положитель-

ных сторон выявила и некоторые негативные аспекты, требующие урегулирования.

В целях совершенствования нормативного регулирования и правоприменительной практики при производстве следственных действий с использованием системы ВКС видится необходимым в первую очередь определить процессуальный статус лица (следователя, дознавателя, органа дознания), обеспечивающего участие лица, находящегося вне места производства расследования.

Представляется возможным внести изменения в ст. 189.1 УПК РФ, дополнив ее частью 2.2, изложив в следующей редакции: «Следователь, дознаватель или орган дознания, исполняющий поручение об организации участия лица в следственном действии с использованием систем видео-конференц-связи уполномочен обеспечить участие такого лица в следственном действии, разъяснить ему права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом, а также порядок производства следственного действия, заявлять отводы, знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он участвует, и подавать на него замечания.».

Безусловно, первостепенным является повышение уровня профессиональной подготовленности лиц, осуществляющих предварительное расследование. В целях единообразного правоприменения необходимо выработать соответствующий единый алгоритм действий следователя (дознателя) при производстве следственного действия с использованием систем ВКС, порядок его процессуального оформления, а также возможных действий при сбоях работе таких систем ВКС, предусмотрев законные способы их устранения без потери доказательства.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 30.12.2021 № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
2. Брусницын Л. В. О праве обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей // Рос. юстиция. – 2018. – 120 с.
3. Авдонин К. В. Видеоконференц-связь в следственных действиях: как правильно использовать. – М., 2022. – 25 с.
4. Апелляционное определение № 697-АП/21 от 15 февраля 2021 года Дело Клеминой А. И. и Смирнова Д. В. [Электронный ресурс] режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1903202210180001>, дата обращения 28.11.2023
5. Гаас Н. Н. Использование видео-конференц-связи при производстве следственных действий в стадии предварительного расследования: изменения, в которых нуждается практика // Российский следователь. – 2021. – № 12. – С. 12.

ГАДАДОВ Исрафил Саидович

аспирант 4 года обучения Российского государственного университета правосудия

ВНУТРЕННЕЕ УБЕЖДЕНИЕ СУДЬИ В ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ХОДЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

В статье рассматривается сущность такого элемента доказательств судьей, как его внутреннее убеждение. Статья отражает мнение теоретиков об оценке доказательств по внутреннему убеждению. Проанализировано понятие внутреннего убеждения судьи как результата свободной оценки доказательств, показана его роль и значение для постановления законного, обоснованного и справедливого приговора. Посредством научных методов определено, какую роль в процессе доказывания играет внутреннее убеждение судьи.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказательства, оценка доказательств, свобода оценки доказательств, внутренне убеждение судьи.

GADADOV Israfil Saidovich

postgraduate student of the 4th year of education of the Russian State University of Justice

INTERNAL CONVICTION OF THE JUDGE IN THE EVALUATION OF EVIDENCE IN THE TRIAL OF CRIMINAL CASES

The article examines the essence of such an element of evidence by a judge as his inner conviction. The article reflects the opinion of theorists about the evaluation of evidence by internal conviction. The concept of the judge's inner conviction as a result of a free evaluation of evidence is analyzed, its role and significance for the ruling of a lawful, reasonable and fair sentence is shown. By means of scientific methods, it is determined what role the judge's inner conviction plays in the proof process.

Keywords: criminal procedure, evidence, evaluation of evidence, freedom of evaluation of evidence, internal conviction of the judge.

Судебное разбирательство является ключевым этапом в уголовном судопроизводстве, где суд устанавливает виновность лица в совершении преступления, в соответствии с частью 1 статьи 49 Конституции РФ. В процессе разбирательства выполняется исследование представленных сторонами и запрошенных судом доказательств, а также их окончательная оценка. Судебное разбирательство уголовных дел требует от судей глубокого внутреннего убеждения в оценке представленных доказательств. Точность и объективность при анализе материала являются основополагающими принципами данного процесса. Благодаря надлежащей и всесторонней оценке доказательств, судья способен принять справедливое и обоснованное решение по делу, обеспечивая соблюдение принципа презумпции невиновности и защиту прав и интересов всех сторон, затронутых уголовным процессом.

Внутреннее убеждение судьи основывается на объективном анализе истории дела, свидетельских показаний, экспертных заключений, материалов следствия и других факторов, имеющих значение для дела. Оно представляет собой глубокую личную уверенность судьи в правильности своего решения и преследовании целей справедливости. Судья, обладая обширным опытом и тщательным знанием законов, способен анализировать и оценивать представленные доказательства.

Оценка доказательств также требует не только знания законов, но и навыков исследования и анализа. Судья стремится понять и точно определить, какие факты доказаны, а какие остаются сомнительными. Он вырабатывает собственную точку зрения, основанную на своем опыте и понимании нюансов дела.

Р. С. Белкин подчёркивал, что оценка доказательств в контексте судебного исследования является умственным процессом, основанным на логике, который помогает определить, какую функцию выполняют собранные доказательства в процессе установления истины [1].

По мнению П. Ф. Пашкевича, объективная оценка доказательств сводится к грамотному выявлению степени их установленности, а также к учету их взаимосвязи с конкретным делом и остальными доказательствами. Кроме того, не менее важным фактором выступает определение того, какой факт устанавливается или опровергается данным доказатель-

ством, а также понимание общей значимости всей совокупности собранных доказательств [2].

Среди сообщества ученых, специализирующихся на процессуальных вопросах, распространено мнение, согласно которому судебная оценка доказательств представляет собой интеллектуальную операцию, в рамках которой происходит анализ и сопоставление представленных доказательств [3].

В учебнике под редакцией Л. В. Головки оценка доказательств разделяется на два вида: мыслительный процесс, сопровождающий деятельность следователя, прокурора и суда; и юридическая оценка доказательств, предшествующая принятию процессуального решения, которая отражается в его мотивировочной части [4].

В уголовном процессе Российской Федерации применяется принцип свободной оценки доказательств в соответствии с УПК РФ. Этот принцип предписывает правоприменителям осуществлять оценку доказательств без ограничений, формальных требований и применения принуждения. Оценка доказательств в таком случае полностью предоставляется на усмотрение субъекта доказывания [5].

Согласно статье 17 УПК РФ, судьи, присяжные заседатели, прокуроры, следователи и дознаватели оценивают факты и обстоятельства дела исходя из своего собственного внутреннего убеждения, основанного на всей имеющейся в деле информации, с учетом применимого законодательства и собственного суждения.

Конституционный Суд Российской Федерации дал разъяснение относительно оценки доказательств на основе внутреннего убеждения. Суд уточнил, что данная оценка не предполагает произвольного решения, а основывается на сумме имеющихся доказательств в уголовном процессе и руководствуется законом с целью предотвратить принятие неоправданных решений [6]. Однако законодательство в настоящее время не содержит определение понятия «внутреннее убеждение».

Взгляд Ю. В. Чуфаровского на внутреннее судебское убеждение заключается в том, что оно возникает как результат воздействия определенного набора доказательств, которые были установлены и проверены во время судебного разбирательства. Такое убеждение всегда формируется на основе рационального анализа причинно-следственных и других связей между фактами реального мира, а также их цен-

ностного понимания и соотношения с нормами уголовного права. Кроме того, на формирование судейского убеждения влияют социально-психологические и внесудебные факторы, такие как поведение подсудимого в суде или оценка средств массовой информации [7].

М. С. Строгович выражал две абсолютно противоположные точки зрения относительно важности внутреннего убеждения судей в процессе оценки доказательств. В соответствии с первой точкой зрения, внутреннее убеждение судьи неоспоримо является единственным показателем при оценке доказательств. Однако, вторая точка зрения утверждает, что оценка доказательств зависит от качества самих доказательств и их убедительности [8].

А. Я. Вышинский выступал против взгляда М. С. Строговича и утверждал, что внутреннее убеждение является важным критерием для оценки доказательств, основанных на особенностях исследуемых фактов [9].

Вопрос о значимости внутреннего убеждения при оценке доказательств является предметом активных дискуссий среди исследователей. При этом автор А. Р. Ратинов указывает на то, что внутреннее убеждение может рассматриваться как метод, способ или принцип оценки доказательств, а также как критерий этой оценки или ее результат [10].

С другой стороны, Н. П. Кузнецов подчеркивает, что внутреннее убеждение, в качестве результата оценки доказательств, следует рассматривать как состояние сознания доказывающего субъекта, когда он считает, что собранные доказательства полностью достаточны для принятия решения по вопросу о наличии или отсутствии подлежащих установлению фактов. В этом состоянии он чувствует уверенность в правильности своего вывода и полностью готов применять полученные знания на практике [11].

Согласно В. А. Лазаревой, свободная оценка доказательств возможна только у судьи, который представляет независимую судебную власть в конкретном деле. Прокуроры, следователи и дознаватели, по мнению В. А. Лазаревой, не могут быть объективными в своих оценках, так как они предвзяты. В уголовном процессе, единственным субъектом, способным осуществлять действительно свободную оценку доказательств, является суд. Суду обеспечивается свобода через состязательность уголовного судопроизводства, которая освобождает судью от необходимости доказывать, не обязывает его принимать определенное решение и не устанавливает заранее определенные правила для оценки доказательств. Важно также отметить, что суд не подвержен внешнему принуждению при принятии решения [12].

Однако, по нашему мнению, это утверждение неверно, так как объективность не является исключительной особенностью только судейского убеждения. В процессе судебного рассмотрения формируется внутреннее убеждение не только у суда, но и у государственного обвинителя, который имеет возможность повторно проверить свою оценку, убедиться в ее правильности и при необходимости внести коррективы.

В. Л. Кудрявцева утверждает, что для того чтобы достичь истины в суде, государственному обвинителю следует идти по пути всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, о чем свидетельствует научное исследование и практический опыт. Для государственного обвинителя необходимо: а) провести всестороннее исследование всех возможных версий дела, включая и обвинение, и защиту; б) собрать и исследовать все доказательства, которые подтверждают виновность подозреваемого и доказывают отсутствие преступления или участие обвиняемого в нем; в) провести объективное и беспристрастное исследование как обвинительных, так и оправдательных доказательств [13].

Внутреннее убеждение государственного обвинителя, сложившееся в процессе подготовки к судебному заседанию при анализе письменных материалов уголовного дела, может претерпеть изменения после непосредственного изучения доказательств в суде. Это может привести к пересмотру оценки некоторых доказательств и даже вызвать необходимость пересмотра или отказа от обвинения.

Каким образом должен поступить суд в случае, когда вынесенный приговор не соответствует внутреннему убеждению суда, или когда государственный обвинитель частично или полностью отказывается от обвинения? Независимо от того, согласен ли суд с мотивами такого отказа, он не вправе

выносить приговор и должен прекратить уголовное дело или уголовное преследование полностью или частично в соответствии с основанием реабилитации, указанным государственным обвинителем (пункт 7 статьи 246 УПК РФ).

Также необходимым для суда является изменение обвинения, предъявленного государственным обвинителем, в сторону его смягчения (ч. 8 ст. 246 УПК РФ). В этом случае суд автоматически корректирует обвинение, уменьшая его объем в соответствии с позицией государственного обвинителя, что отражается в обвинительном приговоре. Такие решения суд нередко принимает, отступая от своего собственного убеждения относительно доказанности обвинения и его квалификации в соответствии с уголовным законом [14].

Важно отметить, что внутреннее убеждение судьи не должно быть связано с каким-либо внешним влиянием, давлением или предвзятостью, судья должен оставаться объективным и независимым. В связи с этим, законодательство запрещает кассационным и надзорным судам заранее принимать решения, касающиеся оценки доказательств, сделанной нижестоящими судами (в соответствии с пунктом 7 статьи 401.16 и пунктом 3 статьи 412.12 УПК РФ).

На практике, судьи вынуждены учитывать не только свои внутренние убеждения, но и мнение вышестоящей инстанции. В случае отмены приговора вышестоящей судебной инстанцией, это расценивается как признак ошибки, допущенной судом. Из-за этого судьи зачастую принимают решения, не соответствующие их внутренним убеждениям, опасаясь отмены приговора вышестоящей инстанцией или в связи с уже сложившейся судебной практикой [15].

В ходе судебного разбирательства судья осуществляет процесс оценки всех доказательств, представленных сторонами дела. Важным фактором является анализ допустимости и значимости каждого доказательства. Однако решение судьи не сводится исключительно к закону, поскольку судья также принимает во внимание и свою профессиональную экспертизу, знание предыдущих аналогичных дел и собственный этический кодекс. Если судья способен выработать четкую внутреннюю уверенность в принятом решении, то это создает основу для справедливого и законного окончания дела.

Однако при рассмотрении уголовного дела в особом порядке судья не проводит полноценное исследование и оценку доказательств, собранных по делу (ч. 5 ст. 316 УПК РФ). Суд, выносящий обвинительный приговор в особом порядке, основывается на убеждении органа уголовного преследования, а не на своем собственном убеждении. Из-за отсутствия подробной проверки доказательств и формирования собственного внутреннего убеждения суду не требуется анализировать и оценивать доказательства (ч. 8 ст. 316 УПК РФ).

Согласно С. В. Бурмагину, законодатель отдает приоритет экономии и оперативности судебного процесса перед всесторонней проверкой доказательств и формированием собственного судейского убеждения при вынесении обвинительного приговора в особом порядке. Это может привести к ошибочному осуждению обвиняемого, особенно в случаях тяжких преступлений и строгих наказаний [14, с. 18].

Несмотря на то, что принцип свободы оценки доказательств закреплен в законодательстве, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации также устанавливает ограничения на формирование внутреннего убеждения судей, включая презумпцию невиновности (статья 14 УПК РФ). Презумпция невиновности играет важную роль в противодействии одностороннему обвинительному уклону государственных органов и неправосудным приговорам, а также обеспечивает справедливость в уголовном процессе. В соответствии с пунктом 1 статьи 297 УПК РФ требуется, чтобы приговор суда был законным, обоснованным и справедливым, а согласно пункту 4 статьи 302 УПК РФ основанием для вынесения обвинительного приговора не могут быть предположения, требуется убедительное подтверждение виновности подсудимого на основе оцененных судом доказательств. Из-за презумпции невиновности оправдательный приговор должен быть вынесен не только в случае, когда судья уверен в невиновности подсудимого, но и в ситуации, когда его виновность вызывает сомнения, которые не могут быть разрешены.

Обозначим также ряд других проблем, влияющих на формирование внутреннего убеждения судьи при рассмотрении уголовного дела:

- предвзятость и субъективность - судьи могут иметь субъективные убеждения и предубеждения, которые могут повлиять на их способность оценить и взвесить доказательства объективно. Это может быть связано с их личными убеждениями, мировоззрением или предыдущим опытом работы;

- отсутствие надлежащей подготовки, в случае, когда судья может не иметь достаточных знаний или опыта в конкретной области уголовного права, что может повлиять на его способность верно интерпретировать законы и судебные прецеденты;

- воздействие внешних факторов - судьи могут подвергаться внешнему давлению со стороны общественного мнения, СМИ, политических сил или других заинтересованных сторон, что может снизить их способность принимать независимые и обоснованные решения;

- неполная информация - судьи могут оказаться в ситуации, когда им не предоставлено достаточно полной и достоверной информации для принятия решения. Это может быть связано с отсутствием доказательств или умышленной скрытностью одной из сторон дела;

- давление времени - в некоторых случаях судьям могут быть назначены жесткие сроки для принятия решения, особенно в судах с высокой нагрузкой на работу, что также может затруднить глубокий анализ фактов и доказательств, а также препятствовать надлежащему рассмотрению альтернативных точек зрения;

- личное беспокойство, стресс, в случае, когда судьи могут столкнуться с эмоциональными и психологическими проблемами при принятии сложных уголовных решений, особенно в случаях, связанных с серьезными преступлениями, что может ослабить их способность принимать объективные решения.

Внутреннее убеждение судьи является одним из наиболее важных факторов, влияющих на вынесение приговора по уголовному делу. Это представление, которое формируется на основе рассмотрения всех представленных доказательств, аргументов сторон и применения закона к делу. Опыт, знания, мудрость и моральные убеждения судьи играют решающую роль при формировании его внутреннего убеждения. Внутреннее убеждение судьи формируется скрупулезно и часто происходит за закрытыми дверями судебного заседания. Внимательное прослушивание аргументов сторон, использование логического мышления и анализ собранной информации помогают судье определиться с единством и последовательностью своих аргументов. Но в то же время внутреннее убеждение судьи должно быть сбалансировано и контролируется, чтобы обеспечить справедливость и соблюдение прав обвиняемого в соответствии с гарантиями правового государства. Игак, внутреннее убеждение судьи при вынесении приговора по уголовным делам представляет собой сложный процесс психологического обоснования и рационального решения. Важность этого понятия заключается в том, что оно влияет на общественное доверие к судебной системе и обеспечивает справедливость в деле каждого отдельного обвиняемого.

С целью устранения возможных сомнений, препятствующих принятию объективного решения по делу, предлагается внести необходимые изменения в статью 17 УПК РФ. В этой связи, предлагается дополнить данную статью следующим третьим пунктом: «3. Судья имеет полномочия применять все установленные законодательством меры для разрешения разумных сомнений, препятствующих принятию обоснованного решения по делу».

В конечном счете, внутреннее убеждение судьи является результатом сложного взаимодействия законов, фактов и его собственного профессионализма. Только представляя справедливость и учитывая все обстоятельства дела, судья может достичь наиболее объективного решения и обеспечить справедливость.

В соответствии с представленным выше суждением, можно сделать следующий вывод: внутреннее убеждение судьи в рамках уголовного процесса России истолковывается как формирование мнения на основе предоставленных до-

казательств и профессионального багажа. Внутреннее убеждение судьи в рамках уголовного процесса должно рассматриваться с точки зрения справедливости и подтверждаться адекватной аргументацией и логическим изложением фактов и доказательств. Результирующее решение судьи должно отражать его внутреннюю позицию и быть обоснованным объективно, исключая принесение произвольных решений. Таким образом, внутреннее убеждение судьи в рамках уголовного процесса России играет важную роль в принятии судебных решений и должно быть справедливым, объективным и основанным на законе и доказательствах.

Пристатейный библиографический список

1. Белкин Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств: сущность и методы. - М.: Наука, 1966. - С. 65
2. Пашкевич П. Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. - М.: Госюриздат, 1961. - С. 49.
3. Ульянова Л. Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. - М., 2008. - С. 34., Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. - С. 164., Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / Под ред. П. А. Лупинской. - М.: Юрист, 1995. - С. 132.
4. Курс уголовного процесса / Под ред. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. - М.: Статут, 2017. - С.469.
5. Артамонова Е. А., Фирсов О. В. Основы теории доказательств в уголовном процессе России: учеб. пособие. - 4-е изд., испр. и доп. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. - С. 95.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 12 июля 2005 г. № 323-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шейченко Владислава Игоревича на нарушение его конституционных прав статьями 17, 88, 234 и 235 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Чуфаровский Ю. В. Юридическая психология: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Проспект, 2006. - С. 460.
8. Строгович М. С. Основные вопросы оценки доказательств в уголовном процессе // Советская юстиция. - 1936. - № 22. - С. 5.
9. Вышинский А.Я. Проблемы оценки доказательств в советском уголовном процессе // Советская юстиция. - 1936. - № 23. - С.5.
10. Ратинов А. Р. Теория доказательств в советском уголовном процессе. - М.: Юрид. лит., 1973. - С. 474-475.
11. Кузнецов Н. П. Доказывание и его особенности на стадиях уголовного процесса России: дис. ... докт. юрид. наук. - Воронеж, 1998. - С. 367-368.
12. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учеб.-практ. пособие. - М.: Высш. образование, 2009. - С. 66-67.
13. Кудрявцев В. Л. Проблемы установления истины через механизм доказывания в контексте деятельности государственного обвинителя в суде // Журнал российского права. - 2006. - № 2. - С. 6.
14. Бурмагин С. В. Соответствие приговора внутреннему убеждению судьи // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. - 2017. - № 1 (т. 15). - С. 14
15. Горевой Е. Д. Внутреннее судебское убеждение в оценке доказательств по уголовным делам. - М.: Юрлитинформ, 2008. - С. 132.

ДАНИЛОВА Ирина Юрьевна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикоты

СУЛЕЙМАНОВ Талят Алиевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств совершаются в условиях неочевидности, конспиративно, зачастую с использованием сети «Интернет». Авторы пытаются осветить коллизионные вопросы, возникающие в следственной практике при решении вопросов, связанных с возбуждением уголовного дела в связи с незаконным оборотом наркотических средств. За совершение незаконного оборота наркотических средств привлекаются рядовые участники преступного сообщества, организаторы, как правило, избегают уголовной ответственности по различным причинам, в том числе и ввиду несовершенства уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Применение процессуальных норм, регулирующих возбуждение уголовного дела, не охватывает множества ситуаций, имеющих место быть по продолжительным, но многоэпизодным преступлениям.

Ключевые слова: следственная практика, незаконный оборот наркотических средств, возбуждение уголовного дела, единое продолжаемое преступление, соучастники преступления.

DANILOVA Irina Yurjevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, associate professor of Criminal process sub-faculty of the Ryazan branch of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

SULEYMANOV Talyat Alievich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

INITIATION OF A CRIMINAL CASE ON CRIMES RELATED TO DRUG TRAFFICKING

Crimes in the field of illicit drug trafficking are committed in conditions of non-obviousness, conspiratorially, often using the Internet. The authors try to highlight the conflict of laws issues that arise in investigative practice when solving issues related to the initiation of criminal proceedings in connection with illicit drug trafficking. Ordinary members of the criminal community are involved in the commission of illicit drug trafficking, the organizers, as a rule, avoid criminal liability for various reasons, including due to the imperfection of criminal and criminal procedure legislation. The application of procedural rules governing the initiation of a criminal case does not cover many situations that take place for ongoing, but multi-episode crimes.

Keywords: investigative practice, illegal drug trafficking, initiation of a criminal case, a single ongoing crime, accomplices of the crime.

Следственная практика показывает, что по каждому известному эпизоду сбыта наркотического средства, как правило, рассматривается вопрос о возбуждении уголовного дела. Законодательно недостаточно полно урегулирован вопрос о возбуждении уголовного дела по факту пресечения и выемки наркотического средства из тайника, совершаемого бесконтактным способом. Требование возбудить уголовное дело по единичному факту обнаружения наркотического средства из условного места впоследствии создает правовые сложности, связанные с соединением уголовных дел, квалификацией преступления, установлением единого умысла. Возбуждение уголовного дела по факту обнаружения наркотического средства порождает организационные и правовые сложности, связанные с уголовным преследованием неизвестных лиц, причастных к незаконному обороту наркотических средств. Позже, когда будут установлены лица, причастные к сбыту наркотических средств через закладки, необходимо будет возбудить уголовное дело в отношении конкретного лица, а затем объединить все имеющиеся уголовные дела в одно производство, что приводит к затягиванию расследования и необходимостью составления значительного количества документов.

Отсутствие установленного правового решения по вопросу, в какой ситуации возбуждать уголовное дело по факту, а в какой еще дополнительно в отношении физического лица порождает неоднозначную правоприменительную практику в субъектах Российской Федерации. Надзирающие прокуроры полагают, что каждый факт обнаружения тайника с наркотическим средством образует признаки оконченного преступления, в связи с чем необходимо принять решение о возбуждении уголовного дела. При выявлении закладки с наркотическим средством необходимо решить непростой вопрос: является ли обнаруженная закладка составной частью одного преступления или образует состав самостоятельного преступления. Этот вопрос разрешается органами предварительного расследования самостоятельно [1]. Разумеется, подобная

позиция вышестоящего суда, призванного дать толкование закона, не прибавляет ясности в вопросах правоприменения. При этом судебная практика идет по такому пути, что направленные в суд уголовное дело не должно быть предметом судебного разбирательства, если в отношении подсудимого не было возбуждено уголовное дело. Можно сформулировать суждение: если лицо обвиняется в совершении отдельного эпизода, входящего в состав единого преступления, то по всем эпизодам обвинения, образующего единое продолжаемое преступление, нет необходимости возбуждать уголовное дело. И, напротив, если подсудимый обвиняется в совершении иного преступления, даже аналогичного (например, осуществил сбыт наркотического средства по просьбе своего товарища, который не охватывался умыслом единого преступления), то требуется принятие решения о возбуждении уголовного дела. Невозможно привлечь физическое лицо в качестве обвиняемого и избрать ему меру пресечения, если в отношении данного лица не было принято решение о возбуждении уголовного дела. Нет возбужденного уголовного дела – нет уголовного преследования. Соответственно, такое понимание сложившейся судебной практики не способствует выработке единого подхода в решении обозначенной проблемы [2, с. 111].

Согласно требованиям ст. 144-146 УПК РФ, вынесение постановления о возбуждении уголовного дела обязательно, после возбуждения уголовного дела в отношении подозреваемого начинается уголовное преследование, ограничиваются его права и свободы. Позиция Прокуратуры РФ сводится к тому, что по многоэпизодным уголовным делам, связанным с НОН^{1*} нет необходимости по каждому эпизоду возбуждать уголовное дело в отношении конкретного лица. Сказанное приводит к тому, что сначала уголовные дела возбуждаются по каждому эпизоду факта сбыта наркотических средств неизвестными лицами, а затем, после задержания подозреваемо-

1 *НОН-незаконный оборот наркотических средств

го, все возбужденные уголовные дела соединяются в отдельное производство. Если одно и тоже лицо осуществляет сбыт различных видов наркотических средств, то каждый факт подобного деяния требует издания постановления о возбуждении уголовного дела. Сложность квалификации деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, заключается в том, что эти многочисленные деяния представляют собой единое продолжаемое преступление. Виновное лицо планирует в результате нескольких тождественных действий реализовать имеющийся у него в распоряжении объем наркотического средства (сырья) [3, с. 97]. Если исходить из подобной посылки, то по каждому эпизоду дистанционной продажи наркотического средства возбуждать уголовное дело не требуется, достаточно возбуждение одного уголовного дела, но в отношении конкретного лица.

Нерешенность освещаемого вопроса состоит еще и в том, что возбуждение уголовного дела по каждому случаю сбыта требует выполнить значительный объем проверочных работ, чтобы решение о возбуждении уголовного дела получило законный, обоснованный характер, а это требует значительного количества времени, сил и средств следственного аппарата. Реализация требования о едином учете преступлений в органах предварительного расследования предполагает, что действия лиц по сбыту наркотических средств должны квалифицироваться как единое продолжаемое преступление, если они охвачены одним умыслом и одной целью.

Не допустимо для повышения показателей работы следственного подразделения намеренно выделять из одного многоэпизодного преступления несколько самостоятельных уголовных дел. Недопустимым и необоснованным также являются случаи возбуждения уголовного дела по факту задержания лица в состоянии наркотического опьянения, либо по факту наступления смерти физического лица по причине передозировки приема наркотических средств. Без выемки наркотического средства на начальном этапе расследования, возбуждение уголовного дела по факту незаконного оборота наркотических средств является противоправным. Прокуратура РФ и органы предварительного расследования должны совместно предусмотреть единые правила возбуждения уголовного дела по факту дистанционного сбыта наркотических средств для построения единой следственной практики [4, с. 205].

Еще одна сторона вопроса возбуждения уголовного дела по преступлениям, связанных с незаконным оборотом наркотических средств состоит в том, что, если уголовное дело возбуждается в отношении физического лица без указания на соучастников, а впоследствии при установлении соучастников необходимо возбуждать уголовное дело в отношении каждого из них, после чего все дела соединяются в одно производство. Описанная ситуация связана с тем, что УПК РФ детально не регулирует подобные действия. При этом, в отношении одних и тех же фигурантов уголовные дела за совершение одного преступления могут быть возбуждены следователями различных ведомств и территориальных подразделений.

Проблема формулируется следующим образом: надо ли возбуждать уголовное дело в отношении нового фигуранта, причастного к расследуемому преступлению. Следственная практика полагает, что в отношении нового лица необходимо возбуждать уголовное дело, иначе невозможно в отношении него начать уголовное преследование. Судебная практика придерживается противоположной позиции, что нет необходимости отдельно возбуждать уголовное дело в отношении соучастников, если они причастны к расследуемому преступлению. Анализ статей 140-149 УПК РФ не предписывает следователю по каждому факту установления соучастника возбуждать в отношении него уголовное дело [5, с. 93]. Единство следственной практики в подходе возбуждения уголовного дела по преступлениям, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, обеспечивают законность принимаемых решений на последующих этапах предварительного расследования. Уголовно-процессуальный закон (ст. 146 УПК РФ) не предусматривает указывать данные о лице, совершившем преступление, то в большинстве случаев по данной категории дел уголовное дело возбуждается по факту совершения преступления, независимо от того, насколько конкретно установлены лица, причастные к совершению преступления. Наше мнение сводится к тому, что по делам о преступлениях, связанных с НОН, уголовное дело должно возбуждаться один раз, независимо от количества эпизодов деяния и лиц, причастных к совершению преступления.

Еще одним важным обстоятельством, которое вызывает сложности в следственной практике, является установление подследственности по эпизодам преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств. Дело в том, что фигуранты уголовного дела, виновные в противоправном НОН, совершают деяния, которые относятся к подследственности органов следствия и дознания. Возникает вопрос: кто полномочен возбуждать уголовное дело, относящееся к компетенции органов дознания, если расследование уголовного дела по незаконному обороту наркотических средств ведет следователь, и затем надо ли эти дела вновь соединять в одно производство? Следователь полномочен возбуждать уголовное дело, относящееся к подследственности органа дознания, и направить в орган дознания для расследования по подследственности, а может собрать исходную информацию, проверочный материал, и, в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ, направить материал в орган дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела [6, с. 130]. В компетенции органа дознания решение вопроса о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела. Если орган дознания возбуждает уголовное дело, то через прокурора передает возбужденное уголовное дело следователю для соединения в одно производство. Единого подхода как поступать в подобной ситуации тоже нет.

Нам видится, что в подобной ситуации следственная практика должна идти по одному пути, если в ходе расследования уголовного дела органом следствия обнаруживаются признаки преступления, отнесенные к подследственности органа дознания, но связанные с расследуемым уголовным делом, то следователь проводит необходимые проверочные мероприятия по данному эпизоду. После чего материалы проверки направляются в орган дознания для принятия процессуального решения. Орган дознания возбуждает уголовное дело, после чего уголовное дело направляется через прокурора следователю, а последний соединяет новое уголовное дело с находящимся у него в производстве в одно производство и расследование уголовного дела продолжается в обычном порядке [7, с. 88]. Предложенную схему можно было бы существенно упростить, если УПК РФ предоставляло бы следователю полномочия по расследуемому им уголовному делу, в случае выявления признаков преступления, отнесенных к подследственности органов дознания, самому возбуждать уголовное дело и соединять в одно производство с расследуемым уголовным делом. Сложность излагаемого вопроса заключается еще в том, что одни и те же лица совершают единое продолжаемое преступление в различных субъектах Российской Федерации. В результате чего возбуждаются несколько уголовных дел на различных территориях в отношении одних и тех же фигурантов. Здесь для определения территориальной подследственности необходимо определить место совершения и окончания преступления.

Пристатейный библиографический список

1. Определение Конституционного Суда РФ от 23.12.2014. № 3008-О.
2. Османов Э. З. Основания привлечения лица в качестве обвиняемого // Закон и право. - 2019. - № 8. - С. 111-113.
3. Ерохин Д. В. Некоторые проблемы квалификации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств // Сибирское юридическое обозрение. - 2019. - № 16 (1). - С. 96-102.
4. Откидач А. О. К вопросу о возбуждении уголовных дел в отношении неустановленных сбытчиков наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Вестник Московского университета МВД России. - 2015. - № 10. - С. 205-209.
5. Ковтун Н. Н. Возбуждение уголовного дела в отношении нового лица или по признакам нового преступления: дискреционное право или императивная обязанность следственных органов? // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2019. - № 1 (47). - С. 93-99.
6. Гусейнов Н. А. Производство дознания следователем: коллизии законодательного регулирования // Проблемы экономики и юридической практики. - 2015. - № 3. - С. 129-131.
7. Власов П. Е. Актуальные проблемы квалификации и расследования незаконного оборота наркотических средств. - М., 2023. - 104 с.

ДЬЯКОНОВА Виктория Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ Ч. 2 СТ. 111 УПК РФ

В статье рассматриваются проблемы правоприменения ч. 2 ст. 111 УПК РФ, связанные с вопросом применения, указанных в данной норме, видов иных мер процессуального принуждения к участникам уголовного судопроизводства. Так же, рассматривается проблема отсутствия четкости и однозначности правовой регламентации применения иных мер процессуального принуждения, которая влечет неверное понимание соответствующих правовых норм, их толкование и реализацию в правоприменительной деятельности. В статье проводится анализ сложившейся правовой ситуации, выявляются причины возникшей проблемы и предлагаются пути ее разрешения.

Ключевые слова: иные меры процессуального принуждения, проблемы законодательной техники, проблемы правоприменения, толкование норм уголовно-процессуального права, обязательство о явке, привод, денежное взыскание.

DYAKONOVA Viktoriya Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Judicial activity and criminal process sub-faculty of the V. F. Yakovlev Ural State Law University

CONTROVERSIAL ISSUES OF APPLICATION OF PART 2 OF ARTICLE 111 OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with the problems of law enforcement of Part 2 of Article 111 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation related to the issue of the application of the types of other measures of procedural coercion specified in this norm to participants in criminal proceedings. Also, the problem of the lack of clarity and unambiguity of the legal regulation of the application of other measures of procedural coercion, which entails a misunderstanding of the relevant legal norms, their interpretation and implementation in law enforcement activities, is considered. The article analyzes the current legal situation, identifies the causes of the problem and suggests ways to resolve it.

Keywords: other measures of procedural coercion, problems of legislative technique, problems of law enforcement, interpretation of the norms of criminal procedural law, obligation to appear, drive, monetary penalty.

Редакция процессуальных норм главы 14 в действующем УПК РФ, связанных с применением иных мер процессуального принуждения, с момента его вступления в силу и по настоящее время вызывает различное и многообразное доктринальное толкование, из-за отсутствия четкости и однозначности правовой регламентации их применения.

В целях выявления и устранения проблем, связанных с правоприменением положений ч. 2 ст. 111 УПК РФ, используя теоретические и гносеологические аспекты, разработанные теорией права, опираясь на философские концепции исследования мысли о праве напрашивается вывод о причинах проблем, связанных с данным вопросом. Основными причинами возникновения необходимости рассмотрения данного вопроса, на мой взгляд, являются два аспекта, это:

- 1) Проблема законодательной техники;
- 2) Проблема правоприменительной деятельности.

В этой связи попробую кратко сформулировать свою мысль о взаимосвязи внешней формы выражения нормативного положения, правильного толкования и применения правовых норм в практической деятельности в точном соответствии с представлениями законодателя при их закреплении в нормативном акте.

Касательно первой проблемы, связанной с законодательной техникой ч. 2 ст. 111 УПК РФ. Поскольку содержание нормы права является предметом теоретических изысканий, то хотелось бы уточнить что понимается под законодательной техникой в теории права, в общем виде, это комплекс специфических средств, правил и приемов, используемых для обеспечения наиболее оптимального регулирования

общественных отношений в области права, а также для закрепления и оформления правовых норм.

Таким образом, понимание содержания сути проблемы дает возможность правильного ее разрешения.

Формирование и выражение содержания законодательного материала в статьях закона должно отличаться четкостью и определенностью, а самое главное, согласованностью с содержанием нормативных положений, закрепленных в других статьях Закона и подзаконных нормативных актах, которые объединены единым предметом правового регулирования. Так, анализируя положения ч. 2 ст. 111 УПК РФ, предписывают применение обязательства о явке, привода, денежного взыскания к указанным в ней субъектам, а именно, к потерпевшему, свидетелю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, переводчику и (или) понятому. Проводя соотношение положений ч. 2 ст. 111 УПК РФ с соответствующими положениями подзаконного нормативного акта, касательно применения **привода**, можно увидеть, что те же субъекты указаны и в п. 1 Общих положений Приказа МВД России от 21.06.2003 г. № 438 (в ред. от 01.02.2012 г.) «Об утверждении Инструкции о порядке осуществления привода» [1]. В данной Инструкции содержится ссылка на статьи 111 и 113 УПК РФ. Но положения ч. 1 ст. 113 УПК РФ указывают всего на двух субъектов из перечисленных в ч. 2 ст. 111 УПК РФ - потерпевшего и свидетеля. Очевиден вывод, о явном отсутствии согласованности указанных норм и даже их противоречии. Хотя, на мой взгляд, вопрос о том, кому из участников Закон разрешает применять привод, решается достаточно просто, через определение действия общей и специальной нормы. Так, положения ч. 2 ст. 111 УПК

РФ будут являться общей нормой, а ч. 1 ст. 113 УПК РФ «Привод» - специальной.

Таким образом, привод может применяться только к двум субъектам – потерпевшему и свидетелю, из восьми перечисленных в ч. 2 ст. 111 УПК РФ и из 10 (включая подозреваемого и обвиняемого), указанных в Инструкции об осуществлении привода.

Кроме того, если говорить о приоритете норм, с точки зрения их юридической силы, и сравнении положений УПК РФ с Приказом МВД России о введении в действие Инструкции по осуществлению привода, то руководствуясь положениями ст. 1 и ст. 7 УПК РФ, очевиден вывод о несоответствии указанных норм подзаконного нормативного акта закону, т.е. УПК РФ. Кроме того, интересным представляется вопрос о применении привода к лицу, указанному в ст. 56.1 УПК РФ, в отношении которого дело выделено в отдельное производство, в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. Применение каких-либо иных мер процессуального принуждения к данному субъекту, статьями 111, 112 и 113 УПК РФ вообще не предусмотрено. В этой связи только в части 6 статьи 56.1 УПК РФ предусмотрена возможность применения привода. В Инструкции по осуществлению привода данный участник производства по уголовному делу, вообще не указан.

Аналогичным образом решается вопрос о применении **обязательства о явке**. По сравнению с ч. 2 ст. 111 УПК РФ, положения ст. 112 УПК РФ указывают на возможность применения обязательства о явке только к потерпевшему и свидетелю.

Более того, ч. 2 ст. 111 УПК РФ содержит указание, на то, что должностные лица вправе применить обязательство о явке, привод или денежное взыскание в случаях, предусмотренных «настоящим Кодексом». И снова не совсем понятно, что имеет в виду законодатель, основания для применения или субъектов, к которым вправе применить иные меры процессуального принуждения.

Если о применении обязательства о явке и приводе можно рассуждать с точки зрения классификации общих и специальных норм, то решение вопроса о возможности применения **денежного взыскания** вообще заводит правоприменителя в тупик, так как в соответствии с общей нормой ч. 2 ст. 111 УПК РФ данная иная мера процессуального принуждения применяется к потерпевшему, свидетелю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, переводчику, понятому. А специальная норма, ст. 117 УПК РФ, указывает просто на «участников уголовного процесса» ... В данном случае получается, что специальная норма толкует участников, к которым возможно применение денежного взыскания, шире, чем общая, фактически указывая на всех участников уголовного процесса. Если воспользоваться методом исключения и логикой законодателя, то из широко толкуемого понятия участников можно сразу исключить всех должностных лиц, наделенных государственно-властными полномочиями по осуществлению уголовного судопроизводства, поскольку в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения своих должностных обязанностей, они несут дисциплинарную ответственность в соответствии с трудовым законодательством. Так же, в судебном заседании, согласно ч. 2 ст. 258 УПК РФ, при неподчинении обвинителя или защитника, а именно прокурора и адвоката, распоряжениям председательствующего, суд вправе заменить этих участников или отреагировать вынесением частного постановления (определения) с сообщением об этом вышестоящему проку-

рору или в адвокатскую палату. Вряд ли можно говорить о применении к адвокату денежного взыскания и в досудебном производстве, так как он является лицом, осуществляющим профессиональную деятельность, предоставляя квалифицированную юридическую помощь, и УПК РФ, фактически, не устанавливает обязанностей и ответственности для защитника.

По мнению известного правозащитника, адвоката Генри Резника, к защитнику-адвокату нельзя применить денежное взыскание (ст. 117 УПК РФ), поскольку ст. 117 УПК РФ предусматривает наложение денежного взыскания за неисполнение процессуальных обязанностей, УПК РФ не устанавливает их для адвоката-защитника, в связи с чем отсутствуют основания для применения [2].

Следует отметить, что и для адвоката - представителя, а также и для иных лиц, участвующих в качестве защитников и представителей потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика статьи 45, 53 УПК РФ не содержат процессуальной ответственности. Также следует отметить, что процессуальной ответственности не предусматривают и статьи 57, 58, 59, 60 УПК РФ для эксперта, специалиста, переводчика и понятого.

Вторая проблема видения ситуации применения положений ч. 2 ст. 111 УПК РФ связана с проблемой правоприменительной деятельности. И конечно же, она не может рассматриваться в отрыве от проблемы законодательной техники, поскольку тот смысл, который вкладывал законодатель в соответствующие положения Закона, должен быть воспринят правоприменителем в точном соответствии с представлениями законодателя и не вызвал бы вопросов и сомнений при применении данных положений в практической деятельности. Думается, что незаменимую помощь в этом правоприменителю должен оказать правовой интеллект, который предполагает способность человека к правопознанию и правовому мышлению... Кроме того, правовой интеллект формирует правовое мышление, а значит и критическое мышление в том числе. Усовершенствование правового мышления посредством правопознания положительным образом влияет на повышение правового интеллекта, что не может не влиять на качественно новый уровень профессионального правового мышления.

Нужно сказать, что отмечается общая проблематика такого рода в действующем уголовно-процессуальном законодательстве России, которая требует глубокого осмысления и разрешения на законодательном уровне.

Пристатейный библиографический список

1. Приказа МВД России от 21.06.2003 г. № 438 (в ред. от 01.02.2012 г.) «Об утверждении Инструкции о порядке осуществления привода»// СПС «Консультант плюс» - consultant.ru.
2. Резник Г. Почему на адвоката-защитника нельзя налагать денежное взыскание? // Российская юстиция. - 2003. - № 8. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: kalinovskiy-k.narod.ru.

ЕРЕМЕЕВ Денис Викторович

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД Российской Федерации

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: НЕКОТОРЫЕ ПУТИ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В статье проведён краткий анализ перспектив перевода процесса расследования уголовных дел в Российской Федерации в электронный формат. Отмечается, что внедрение в уголовно-процессуальную деятельность органов предварительного расследования электронной формы расследования - дело не ближайшего времени, но научно-правовую основу этого процесса нужно начинать готовить уже сейчас. Отражены некоторые преимущества производства предварительного расследования и рассмотрения уголовных дел в электронном формате, а также определен перечень необходимых технологий (технических средств) для возможности внедрения электронной формы уголовных дел в уголовный процесс. Обращено внимание на зарубежный опыт внедрения в уголовный процесс электронных уголовных дел и сделаны некоторые предложения по усовершенствованию законодательства Российской Федерации в данной сфере.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное дело, досудебное производство, предварительное расследование, электронный формат, цифровизация, «электронное дело».

EREMEEV Denis Viktorovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of State and civil law disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

DIGITIZATION OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES: SOME WAYS OF IMPROVEMENT

The article provides a brief analysis of the prospects for transferring the process of investigating criminal cases in the Russian Federation to an electronic format. It is noted that the introduction of an electronic form of investigation into the criminal procedural activities of preliminary investigation bodies is not a matter of the near future, but the scientific and legal basis for this process must begin to be prepared now. Some advantages of conducting a preliminary investigation and consideration of criminal cases in electronic format are reflected, and a list of necessary technologies (technical means) is defined for the possibility of introducing the electronic form of criminal cases into the criminal process. Attention is drawn to foreign experience in introducing electronic criminal cases into the criminal process and some proposals are made to improve the legislation of the Russian Federation in this area.

Keywords: criminal process, criminal case, pre-trial proceedings, preliminary investigation, electronic format, digitalization, «electronic case».

Еремеев Д. В.

XXI век – век информационных технологий и это несомненно меняет весь мир, в том числе и уголовный процесс.

В данной статье я хотел бы затронуть вопрос, который раньше, за исключением некоторых работ, был мало затронут в научных исследованиях в Российской Федерации, а именно перспективы перевода процесса расследования уголовных дел в электронный формат.

В данном случае имеется в виду практически полный, пусть и постепенный перевод всего уголовного процесса от привычного нам «бумажного» формата в электронный.

Прекрасно отдавая себе отчет в том, что внедрение в уголовно-процессуальную деятельность органов предварительного расследования электронной формы расследования - дело не ближайшего времени, в силу ряда субъективных и объективных причин, уверен, что рано или поздно этот вопрос в Российской Федерации придется решать и поэтому научно-правовую основу этого процесса нужно начинать готовить уже сейчас.

Для начала также считаю целесообразным отразить некоторые преимущества производства предварительного расследования и рассмотрения уголовных дел в электронном формате:

– подробное хронологическое документирование всего процесса производства по уголовному делу, начиная со

стадии возбуждения уголовного дела и вплоть до вынесения итогового решения по уголовному делу;

– безопасное и практически вечное хранение материалов уголовного дела (например, в 2015 году в ходе прокурорских проверок было выявлено исчезновение 270 тысяч уголовных дел) [1];

– сокращение сроков производства предварительного расследования и рассмотрения уголовных дел (сокращение сроков передачи уголовного дела от органов предварительного расследования прокурору и в суд, значительное сокращение сроков ознакомления с уголовным делом всех участников уголовного процесса и т.д.);

– упрощение, ускорение и усовершенствование ведомственного контроля и прокурорского надзора при производстве предварительного расследования;

– усовершенствование взаимодействия между правоохранительными органами и судами;

– значительная экономия денежных средств (бумага, канцелярские принадлежности, транспорт и др.) и т.д.

Уверен, что указанные преимущества производства предварительного расследования и рассмотрения уголовных дел в электронном формате достаточны для того, чтобы сделать вывод о необходимости внедрения соответствующих

изменений в уголовно-процессуальное право и деятельность правоохранительных органов и суда.

Также необходимо определить перечень необходимых технологий (технических средств) для возможности внедрения электронной формы уголовных дел в уголовный процесс:

- компьютерная техника с соответствующим программным обеспечением;
- наличие высокоскоростного интернета у всех участников уголовного процесса;
- серверное оборудование для обеспечения «облачного» хранения всех материалов уголовных дел;
- программное и техническое обеспечение взаимодействия правоохранительных органов и судов;
- обеспечение антивирусной и иной защиты доступа к материалам уголовных дел.

Исходя из анализа вышеуказанных требований, необходимых для «технической» организации процесса внедрения электронного расследования и рассмотрения уголовных дел, можно сделать вывод, что фактически на сегодняшний день существующие в России технологии уже позволяют осуществить переход от «бумажных дел» к «электронным», естественно при достаточном финансировании со стороны государства.

Следующим и на сегодняшний день самым сложным вопросом в процессе внедрения электронной формы расследования и рассмотрения уголовных дел является правовое обеспечение данных новаций.

При этом следует сразу отметить, что первые шаги в направлении цифровизации уголовного процесса нашим законодателем уже сделаны. Так, например, Федеральным законом от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти», в УПК введена ст. 474.1 «Порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве». В соответствии со ст. 474.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ), судебное решение может быть изготовлено в форме электронного документа, который подписывается усиленной квалифицированной электронной подписью.

Кроме того, ст. 474.1 УПК РФ позволяет участникам уголовного судопроизводства подавать в суд ходатайство, заявление, жалобу или представление в форме электронного документа путем заполнения формы, размещенной на официальном сайте соответствующего суда (при этом требуется подписание процессуального документа лицом, его направившим, электронной подписью).

В электронной форме могут быть оформлены судебные решения, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 474.1 УПК РФ. Более того, используя сеть Интернет, копии судебных решений могут быть направлены участникам уголовного судопроизводства. Для этого необходимы их просьба или согласие (ч. 3 ст. 474.1 УПК РФ) [2].

Кроме того, постановлением Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 была утверждена федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы», в которой предусмотрена реализация мероприятий по созданию электронного правосудия, внедрению программных средств аналитического обеспечения деятельности и осуществлению сканирования всех поступающих в суды документов, а также формирование электронных дел и формирование электронного архива судебных дел [3].

Во исполнение данной федеральной целевой программы в арбитражных судах запланирована реализация пилотного проекта «Электронное дело», успешная реализация которого в дальнейшем может способствовать внедрению электронной формы уголовных дел в уголовное судопроизводство.

Таким образом, на современном этапе уже создаются условия для перехода от бумажных процессуальных доку-

ментов к электронному документообороту в уголовном судопроизводстве.

Однако в качестве проблемного аспекта следует отметить отсутствие в настоящее время в Российской Федерации каких-либо концептуальных (концепций, стратегий, планов) или нормативных документов, направленных на практическое внедрение электронной формы уголовного дела на досудебных стадиях уголовного процесса.

При этом хотелось бы отметить, что в некоторых зарубежных странах внедрение в уголовный процесс «электронных уголовных дел» уже началось. Так, например, в Казахстане приказом Генерального прокурора Республики Казахстан от 3 января 2018 года № 2 была утверждена «Инструкция о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате», где в части 3 статьи 3 дано определение – «электронное уголовное дело – обособленное производство, ведущееся органом уголовного преследования по поводу одного или нескольких уголовных правонарушений в электронном формате посредством модуля е-УД» [4].

Не являясь сторонником революций, в том числе и в праве, и предпочитая эволюционное развитие права, особенно уголовно-процессуального, считаю, что уголовный процесс России должен постепенно идти по пути цифровизации, т.е. постепенного увеличения цифровых сервисов на всех стадиях уголовного процесса.

Одним из таких нововведений могло бы быть внесение в уголовный процесс России, а именно в статьи 141 и 144 УПК РФ изменений, которые позволили бы обращаться с заявлением о преступлении в правоохранительные органы с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи или с использованием СИИП (справочно-информационный интернет-портал) «Госуслуги».

В заключение следует подчеркнуть, что несмотря на то, что действующее законодательство России существенно трансформируется в направлении перехода от бумажных процессуальных документов к электронному документообороту, научному сообществу необходимо проводить дальнейшие научные исследования во взаимодействии с практическими сотрудниками по подготовке нормативно-правового обеспечения внедрения электронной формы уголовного дела при расследовании уголовных дел.

Пристатейный библиографический список

1. Генпрокуратура сообщила о 270 тысячах пропавших уголовных дел. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2015/07/28/prokurori.html> (дата обращения: 28.04.2023).
2. Макарова О. В. Совершенствование судопроизводства путем внедрения электронной формы уголовного дела // Журнал российского права. - 2019. - № 2. - С. 159–168.
3. Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы»: постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2012 № 1406 // Гарант.ру: сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70292624> (дата обращения: 20.04.2023).
4. Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате: Приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 3 января 2018 года № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016268> (дата обращения: 28.09.2023).

ЕРЕМИН Сергей Германович

доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Волгоградской академии МВД России

НИКОНОВИЧ Сергей Леонидович

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса Военного университета имени князя Александра Невского Минобороны Российской Федерации

ВАСИЛЬЕВ Дмитрий Владимирович

старший преподаватель кафедры предварительного расследования Волгоградской академии МВД России

КАЙРГАЛИЕВ Данияр Вулкаиревич

кандидат биологических наук, доцент, эксперт ООО «Экспертные технологии и сертификация продукции»

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В данной статье рассмотрены вопросы возникновения, развития и становления института наложения ареста на имущество в отечественном уголовном судопроизводстве. Анализ рассматриваемого вопроса начинается с таких законодательных актов как Русская правда и Судебник Ивана III, также затрагивает период Петра Великого, Александра II, Новой Экономической Политики, а также современной России.

Ключевые слова: наложение ареста на имущество, институт ареста имущества, становление, история становления, законодательное регулирование, судебный следователь.

EREMIN Sergey Germanovich

Ph.D. in Law, professor of Criminalistics sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

NIKONOVICH Sergey Leonidovich

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Criminal process sub-faculty of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

VASILJEV Dmitriy Vladimirovich

senior lecturer of Preliminary investigation sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

KAYRGALIEV Daniyar Vulkairевич

Ph.D. in biological sciences, associate professor, expert of LLC «Expert Technologies and Product Certification»

HISTORICAL ASPECTS OF THE FORMATION OF THE INSTITUTE OF SETTING PROPERTY IN DOMESTIC CRIMINAL PROCEEDINGS

This article discusses the emergence, development and establishment of the institution of seizure of property in domestic criminal proceedings. The analysis of the issue under consideration begins with such legislative acts as the Russian Truth and the Code of Law of Ivan III, and also touches on the period of Peter the Great, Alexander II, the New Economic Policy, as well as modern Russia.

Keywords: seizure of property, institution of seizure of property, formation, history of formation, legislative regulation, judicial investigator.

В современной юридической науке для того, чтобы разобраться в какой-либо отрасли права недостаточно хороших познаний действующего законодательства и практического опыта о каком-либо правовом институте. Чтобы разобраться в чем либо, необходимо окунуться в истоки исследуемого объекта. В нашем случае для понимания института наложения ареста на имущество необходимо рассмотреть историю его становления на территории российского государства в разные эпохи, начиная со становления российской уголовно-правовой системы.

Исследование таких памятников законодательства как Русская правда, Новгородская и Псковская судебные грамоты и Судебник Ивана III позволяют сделать вывод о том, что в те времена государственные органы были мало заинтересованы о возмещении вреда, причиненного потерпевшему. Об этом говорит тот факт, что взыскание имущества и бремя доказывания ложилось на истца. Но исторических документов этого периода недостаточно для выполнения целей данного параграфа дипломной работы.

Необходимо подробнее остановиться на периоде истории Российского государства, когда с рождением империи начинается эпоха неограниченной власти императора – эпоха абсолютизма. Реформы Петра Великого, которые изменили уклад жизни в России в сторону европейских государств,

затронули все сферы жизни. Так появился розыскной процесс. Так же государство стало обеспечивать имущественные права пострадавших лиц. В ситуациях, когда у ответчика не было средств для обеспечения гражданского иска, способы возмещения причиненного вреда определял суд.

Спустя почти 150 лет возникла необходимость совершенствования института наложения ареста на имущество. Император Александр II в 1864 году провел важнейшую судебную реформу, результаты которой оказали большое влияние на развитие дореволюционного российского судопроизводства. Принятый 20 ноября 1864 года Устав уголовного судопроизводства ознаменовал начало уже правовой регламентации наложения ареста на имущество как процессуального действия. В Уставе указывается на то, что судебный следователь, в случае полной доказанности виновности обвиняемого лица и когда он считал необходимым выполнить действия по обеспечению заявленного потерпевшим гражданского иска, мог по собственной инициативе возбудить ходатайство перед судьей об аресте имущества виновника преступления.

Хочется подчеркнуть тот факт, что судебная реформа Александра II была направлена не только на конфискацию имущества мелких преступников, то есть на низший и средний классы населения, но и на высшее сословие – дворянство.

Под конец существования монархии в России наложение ареста на имущество приобрело черты самостоятельного процессуального действия. Эта норма использовалась только в целях возмещения вреда, причиненного потерпевшему в результате совершения общественно-опасного деяния. Однако, в результате революции 1917 года все знания и правовые нормы, которые ранее были накоплены выдающимися юристами и были закреплены в законодательных актах, были в прямом смысле слова уничтожены.

В 1922 году стало ясно, что для скорейшего восстановления страны после войны и создания нового общества необходимо проведение реформ во всех сферах жизни. Так в этом году был осуществлен план по переходу к Новой Экономической Политике (далее – НЭП). Данная программа затрагивала не только экономику, но и реформировалась интересующая меня уголовно-процессуальная отрасль права. Суть НЭПа заключалась в необходимости перестройки плановой экономики в сторону рыночной. В таких условиях возникала необходимость в возрождении и продуманном применении института наложения ареста на имущество. Ведь снижение контроля экономики со стороны государства неизбежно влекло за собой рост числа имущественных преступлений, в том числе связанных с неуплатой налогов.

В период НЭПа у пострадавших от преступлений лиц появилась возможность на предъявление искового заявления лицу, причинившему материальный ущерб, таким образом они получили право на защиту своих прав и интересов. Данная норма была прописана в УПК РСФСР 1922 года. Это говорит о том, что толчок для возрождения данной меры процессуального принуждения стала экономическая реформа, то есть правовая и экономическая сферы неразрывно связаны между собой.

В процессе исследования данного вопроса можно разделить этапы становления института наложения ареста на имущество в советский период на два этапа. Первый этап рассмотрен выше, это период становления советского государства и военный период. Второй этап проходит во второй половине двадцатого века.

В соответствии с вступившим в законную силу в 1961 году УПК РСФСР основания и порядок наложения ареста на имущество стали более регламентированы. Данное процессуальное действие регламентировалось статьями 175 и 176, которые устанавливали не только порядок и основания, но и правила составления протокола наложения ареста на имущество. Так же следователю давалось указание на то, что он обязан вручить копию протокола наложения ареста на имущество хозяину данного имущества в соответствии со статьей 177 УПК РСФСР.

Выше проведен анализ статей УПК РСФСР 1960 года. Но, помимо этого, необходимо выяснить как все эти нормы работали на практике и как они применялись правоохранительными органами. В данный период у следователей сложилась тенденция указывать в постановлении о наложении ареста на имущество основания и повод выполнения данного процессуального действия. Данное правило являлось обязательным и скорее всего являлось требованием надзорных органов. Стоит указать на то, что в постановлении о наложении ареста на имущество было принято указывать перечень и место нахождения имущества если следователь располагал данной информацией. Но вышеуказанное было редкостью и как правило следователи указывали в постановлении необходимость ареста всего имущества, которое могло находиться в месте проведения процессуального действия.

В процессе подготовки следователя помимо вынесения вышеуказанного постановления было необходимым выяснить личность владельца конфискуемого имущества, его материальное состояние, сведения о родственниках и друзьях, наличие судимости. Если арест проводился в жилище, так же выяснялись данные о жильцах данного помещения и о том, в каких взаимоотношениях они состоят. Так же следователь выяснял стоимость, размеры, количество и свойства имущества, на которое он собирался наложить арест. Здесь было важно заранее узнать свойства имущества, так как лучше заранее создать все условия для обеспечения правильного хранения имущества в целях его сохранности.

Если же преступник попытался умышленно скрыть свое имущество от органов правосудия, то в данной ситуации данное имущество незамедлительно подлежало аресту и не применялись процедуры, необходимые при конфискации иму-

щества третьих лиц. Для исполнения решения следователя о наложении ареста на имущество, хранящегося в банковской организации, направлялось соответствующее постановление в соответствующую организацию. Тот же порядок возникал при необходимости наложения ареста на почтовые и телеграфные отправления. Арест имущества, заложенного или хранящегося в ломбардах, проходил по схожему плану с арестом имущества в банковской организации. Советская практика сложилась таким образом, что при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений передача арестованного имущества под сохранную расписку обвиняемому не предусматривалась и соответственно имущество конфисковывалось. В тех случаях, когда арестованное имущество могло потерять свои исходные свойства при его использовании, то следователь мог запретить пользование данным имуществом.

Нормативно-правовые акты Советского Союза, касающиеся института наложения ареста на имущество, во многом схожи с ныне действующим УПК РФ. Это говорит о том, что основы процессуального действия были заложены 60 лет назад и с тех пор практически не изменились. Касаясь правоприменительной практики советского и современного периода, то и здесь я не обнаружил особых отличий, что естественно, учитывая то, что статьи закона тоже мало чем отличаются.

В завершение можно сделать вывод о том, что данная мера процессуального принуждения не появилась спонтанно. Её применение обуславливалось обязанностью государства по защите законных прав граждан, в частности обеспечение возмещения причиненного имущественного вреда. Именно поэтому зачатки института наложения ареста на имущество начали появляться еще в царские времена. Со временем изучаемый мной институт развивался, законодатель вносил поправки и нововведения в соответствии с реалиями конкретного исторического периода и уровня развития общественных отношений. Говоря о современном этапе, стоит подчеркнуть то, что на данный момент порядок и условия наложения ареста на имущество во многом схожи с теми, что были приняты в 60-е годы XX века в СССР. Это говорит о том, что уже во второй половине прошлого века законодатель сумел ввести нормы, которые не только соответствовали устоям и требованиям того времени, но и сумели найти свое применение спустя 60 лет. Но несмотря на все это законодатель не мог предусмотреть то, как далеко продвинется наука и как будут развиваться общественные отношения в будущем. В наше время происходит переход от индустриального общества к информационному. В современном мире люди все больше хранят свои сбережения в нематериальных формах, таких как электронные счета, кошельки, ценные бумаги, криптовалюта и так далее. В соответствии с этим, государству необходимо выработать новые меры по обнаружению и конфискации вышеуказанных активов в целях обеспечения законных прав граждан о возмещении вреда, причиненного преступлением.

Пристатейный библиографический список

1. Павленко А. Ф. Актуальные вопросы, возникающие при наложении ареста на имущество. — Текст: непосредственный // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2019. — № 2 (49). — С. 138-142.
2. Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Особенности наложения ареста на ценные бумаги при производстве по уголовным делам // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2018. — № 3 (53). — С. 7-11
3. Горкина Е. В. наложение ареста на имущество как инструмент обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением. — Текст: непосредственный // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2017. — № 1 (40). — С. 69-72.
4. Павленко А. Ф. наложение ареста на имущество: следственное действие или мера процессуального принуждения? — Текст: непосредственный // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2018. — № 4 (47). — С. 144-156.
5. Юткина С. М., Ростовщикова О. В. О наложении ареста на имущество как мере уголовно-процессуального принуждения: история, теория, практика. — Текст: непосредственный // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2012. — № 4 (23). — С. 144-156.

ЗАПИВАЛОВ Дмитрий Александрович

кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского института ФСИН России

ИЗОСИМОВ Вадим Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации

ШАМШИНА Ольга Сергеевна

преподаватель кафедры предварительного расследования Волгоградской академии МВД России

ОБЫСК В ЖИЛИЩЕ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

В статье рассматриваются аспекты правовой регламентации процессуального порядка производства обыска в жилище. Анализируется правоприменительная практика, особое внимание в статье уделяется несовершенствам процессуального регулирования производства обыска в жилище в случаях нетерпящих отлагательства. Предлагается алгоритм действия следователя и возможные пути решения проблем, возникающих при применении норм, регламентирующих производство обыска в жилище.

Ключевые слова: обыск, неотложное следственное действие, уголовное судопроизводство, обыск в жилище.

ZAPIVALOV Dmitriy Alexandrovich

Ph.D. in Law, Head of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Perm Institute of the FPS of Russia

IZOSIMOV Vadim Sergeevich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law, criminology and criminal process sub-faculty of the Nizhny Novgorod branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

SHAMSHINA Olga Sergeevna

lecturer of Preliminary investigation sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

HOUSE SEARCH: PROBLEMATIC ISSUES OF CRIMINAL PROCEDURE REGULATION AND PRACTICAL PRACTICE

The article discusses aspects of the legal regulation of the procedural procedure for conducting a search in a home. The law enforcement practice is analyzed, special attention is paid in the article to the imperfections of the procedural regulation of the search in housing in cases of urgent delay. The algorithm of the investigator's action and possible ways to solve problems arising from the application of norms regulating the conduct of a search in a home are proposed.

Keywords: search, urgent investigative action, criminal proceedings, house search.

В доктрине уголовно-процессуального законодательства существует множество пробелов и неточностей, которые иногда даже противоречат отдельным нормам права и процесса. Важное значение в настоящее время имеет улучшение и устранение противоречий в уголовно-процессуальном законодательстве. Рассматривая проблемные вопросы следственных действий, а в частности обыска, мы видим, что наибольшее число вопросов возникает при производстве обыска в жилище, это непосредственно связано с тем, что данное следственное действие нарушает конституционные права и законные интересы граждан.

Отметим, что в УПК РФ не содержится легального определения обыска, однако в ч. 1 ст. 182 УПК РФ установлены основания для производства обыска, а также порядок производства указанного следственного действия. Вопрос фактического основания производства обыска в жилище состоит в том, что он должен проводиться только при наличии достаточных данных, о том, что в определенном месте и у определенного лица могут находиться доказательства по уголовному делу, которые имеют важное значение. Формулировка «наличие достаточных данных» носит оценочную характеристику, которая может восприниматься каждым уполномоченным органом и отдельным лицом по-своему, что в своем роде является нарушением законных прав и свобод человека и гражданина, потому что никто не может нарушать право неприкосновенности жилища. С другой стороны, данная форма помогает в быстрые сроки провести следственное действие, ведь чаще всего данные о наличии каких-то доказательств получают следователи от оперативных уполномочен-

ных сотрудников полиции после проведения ими оперативных розыскных мероприятий [1].

Как показывает правоприменительная практика, на основе анализа анкетирования проведенного среди слушателей факультета заочного обучения, переподготовки и повышения квалификации Волгоградской академии МВД России, в некоторых случаях фактическим основанием производства обыска в жилище служит информация, полученная от сотрудников оперативных подразделений, а также сами результаты ОРД, которые не оформляются, а указываются в рапортах.

По нашему мнению, данный факт показывает нам формальность системы получения разрешения на обыск жилища в суде. Данная коллизия права может решаться введением и установлением в законодательстве конкретизирующих требований и оценок для определения понятия «достаточных данных» как при обыске, так и при других следственных действиях.

На необходимость процессуальной проверки информации, полученной в результате ОРД, неоднократно обращалось внимание рядом авторов [2], [3].

Вместе с тем видится верной позиция авторов, о допустимости использования результатов ОРД, как единственного источника обоснования необходимости производства обыска в жилище, в случае если результаты ОРД содержат в себе информацию обосновывающую необходимость производства обыска в случаях нетерпящих отлагательства. Вместе с тем предполагается учитывать количественный критерий «достаточность», например, указанные результаты содержат

в себе, разнородные источники информации (результаты проверочных закупок, справки об исследовании, объяснения «покупателей» и т.д.) [4].

Следующая проблема производства обыска в жилище, возникает, когда необходимо проведение данного следственного действия, в случаях, не терпящих отлагательства. Перечень таких требований также не установлен в УПК РФ, что осложняет оценку фактических оснований обыска, результатом ошибочности при определении сущности понятия «нетерпящее отлагательства». Высший судебный орган дает разъяснение какие ситуации могут относиться к таковым (ситуации, когда необходимо реализовать меры по предотвращению или пресечению преступления; промедление с производством следственного действия позволит подозреваемому скрыться; возникла реальная угроза уничтожения или сокрытия предметов или орудий преступления; имеются достаточные основания полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором производится какое-либо следственное действие, скрывает при себе предметы или документы, могущие иметь значение для уголовного дела). Сама формулировка «случаи, не терпящие отлагательства» имеет двойственное и субъективное значение и каждый оценивает данные случаи субъективно, исходя из своего жизненного и профессионального опыта, что в крайней степени неправильно, ведь это также нарушает права граждан.

Заполнить данный пробел возможно установлением в УПК РФ критериев ситуаций, которые могут считаться нетерпящими отлагательства, на основе судебной и следственной практики, что упростит задачу при оценке обстоятельств дела и сможет в полной мере реализовывать права граждан, поскольку приведение какого-либо списка возможных исключительных ситуаций, в которых возникает необходимость производства обыска в случаях, нетерпящих отлагательства исчерпывающе невозможно. Так как невозможно предусмотреть абсолютно все ситуации, которые могут возникнуть в правоприменительной практике. При возникновении такой неординарной ситуации в случае нормативного закрепления закрытого перечня исключительных ситуаций в которых возникает необходимость производства «неотложного» обыска, правоприменитель будет лишен возможности производства такого следственного действия.

Видится возможным определить критерии неотложности как безотлагательность, обязательность и незаменимость. Думается возможным определить промежутки времени от момента появления информации у следователя о необходимости производства обыска в жилище до момента, когда он перестанет носить безотлагательный характер. Поскольку двадцать четыре часа УПК РФ предусмотрено для вынесения судом разрешения на производство обыска в жилище, то закономерно будет предположить, что обыск, проводимый по истечении указанного времени с момента установления оснований для его производства, не будет отвечать критериям неотложности.

Переходя к рассмотрению следующей выявленной проблеме при оценке норм УПК РФ, регламентирующих производство обыска в жилище, стоит остановиться на ст. 170 УПК РФ, которая устанавливает условие производства обыска с участием двух понятых (не меньше), для удостоверения факта его проведения, а также его законности, но стоит отметить, что на практике достаточно трудно найти понятых, которые готовы несколько часов присутствовать при следственном действии, особенно в ночное время.

Стоит отметить, что обыск как специфическое следственное действие включает в себя вторжение в частную жизнь граждан и тогда институт понятых, призванный обеспечить законность следственных действий, фактически нарушает права и свободы граждан. Решение этой проблемы нам видится в установлении на законодательном уровне требования к использованию видеосъемки при производстве обыска, как наиболее эффективного средства фиксации динамического следственного действия.

Ряд авторов, отмечает, что процессуальный институт понятых в настоящее время уже не отвечает замыслу законодателя и не выполняет возложенной на него функции удостоверения факта, хода и результата процессуального действия, поэтому его проще заменить на техническое устройство, которое также имеет огромный плюс именно при оценке следственного действия (т.е. исключиться возможность привода «подставных» понятых) [5].

Очевидно, что в современных реалиях, ввиду высказываемых в научной литературе сомнений в незаинтересованности и добросовестности понятых, а также сложностей, возникающих в правоприменительной практике ввиду отказа большинства граждан оказать содействие правоохранительным органам будучи привлеченными в качестве понятых к производству данного следственного действия, более эффективным и логичным будет применение технических средств, а конкретно, аудио, фотосъемки или видеосъемки с учетом специфики проводимого следственного действия.

Рассматривая возможность использования видеофиксации как альтернативный способ удостоверения факта производства, хода и результатов следственного действия, могут возникнуть сомнения в объективности отражения всего происшедшего в обыскиваемом помещении. Поскольку обыск сложное в организационном плане мероприятие ввиду большого количества участников и для достоверности фиксации хода и результатов следственного действия необходимо предусмотреть, чтобы все участники попадали в обзор видеокамеры и исключались какие-либо не просматриваемые участки в помещении. Данное требование возможно обеспечить применением современных средств фиксации, позволяющих проводить фиксацию окружающей обстановки на 360 градусов, либо использованием двух видеокамер, обеспечивающих тот же обзор.

Если следователь для фиксации использовал видеофиксацию, то видеозапись прилагается в полном объеме на различных носителях к протоколу.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать вывод, что при расследовании преступления могут возникнуть вопросы правоприменения именно по такому следственному действию как обыск в жилище. Казалось бы, данный институт уже достаточно изучен, но с каждым днем, с развитием различных технологий и с повышением уровня квалификации преступников возрастает количество проблем при обыске. Важными вопросами при обыске в жилище не сегодняшний день остаются: вопрос производства обыска в случаях нетерпящих отлагательств и его обоснование следователем; вопрос целесообразности участия понятых при обыске в жилище. Крут проблем при изучении данной темы гораздо шире, чем мы его рассмотрели, и это приводит нас к той мысли, что институт обыска как следственного действия в уголовном процессе имеет множество проблем, которые необходимо решать оперативно и заполнять коллизии в законодательстве для того, чтобы в суде не возникало вопросов об исключении доказательств из материалов уголовного дела. Нами была предпринята попытка решения одной из рассмотренных проблем, предложено внести в уголовно-процессуальное законодательство дополнение нормы о проведении обыска в жилище в случаях, не терпящих отлагательства, критериями неотложности.

Пристатейный библиографический список

1. Хоршева В. С. О некоторых аспектах взаимодействия следователя, дознавателя с оперативными службами органов внутренних дел в ходе расследования преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 1 (48). – С. 166-173.
2. Жирова М. Ю., Кондратюк С. В. Недостатки процессуальной регламентации производства обыска в свете обеспечения защиты прав и свобод человека // Гуманитарные балканские исследования. – 2019. – Т. 3. № 4 (6). – С. 94-97.
3. Кальницкий В. В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве основания для производства следственных действий // Законодательство и практика. – 2022. – № 1 (48). – С. 48-53.
4. Осипов А. В. Структура фактических оснований производства обыска // Криминалист. – 2022. – № 4 (41). – С. 92-97.
5. Виноградова С. А. Видеозапись как альтернатива институту понятых // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2022. – № 3 (62). – С. 51-56.

КОЗЛОВ Вячеслав Викторович

старший преподаватель кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ ИЗЪЯТИИ И ОСМОТРЕ МОБИЛЬНЫХ ТЕЛЕФОННЫХ УСТРОЙСТВ В ХОДЕ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с уголовно-процессуальными аспектами изъятия и осмотра мобильного телефонного устройства. В частности, рассматриваются вопросы такого изъятия и осмотра при проверке сообщения о преступлении. Автор анализирует различные мнения, относительно необходимости получения судебного разрешения на доступ следователя, дознавателя к информации, содержащейся в мобильных телефонах. Указывается на необходимость совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики с целью реализации конституционных принципов охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: проверка сообщения о преступлении, стадия возбуждения уголовного дела, изъятие, осмотр, мобильное телефонное устройство, смартфон, права участников уголовного судопроизводства.

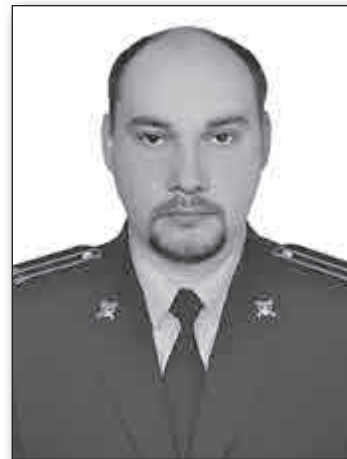
KOZLOV Vyacheslav Viktorovich

senior lecturer of Criminal process sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

ISSUES OF THE IMPLEMENTATION OF CERTAIN CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS DURING THE SEIZURE AND EXAMINATION OF MOBILE TELEPHONE DEVICES DURING THE VERIFICATION OF A CRIME REPORT

The article deals with issues related to the criminal procedural aspects of the seizure and examination of a mobile phone. In particular, issues such as seizure and examination when a crime is reported are considered. The author analyzes various opinions regarding the need for a court decision by an investigator, an interrogating officer to information found in mobile phones. Indicates the intended implementation of legal regulation and law enforcement practice with the implementation of constitutional principles for the protection and defense of the rights and freedoms of man and citizen in criminal proceedings.

Keywords: verification of a crime report, stage of initiating a criminal case, seizure, examination, mobile telephone device, smartphone, rights of participants in criminal proceedings.

Козлов В. В

Прогресс в области информационных коммуникативных технологий в последние годы оказывает революционное влияние практически на все сферы общественных отношений. Современный член общества с трудом может представить себе жизнь без мобильного устройства, сочетающего в себе миниатюрный универсальный компьютер и телефон, с помощью которого он получает доступ к огромному объему информации, осуществляет связь с людьми и всевозможными электронными сервисами, работает, проводит досуг и т.д.

Указанные технологичные устройства пользователей являются объектами, представляющими интерес для правоохранительных органов как при проверке сообщений о преступлениях, так и при расследовании уголовных дел. Информация, которая на них содержится, а также полученная посредством доступа с их помощью к сети Интернет, зачастую используется при принятии решении о возбуждении уголовного дела, а также в качестве доказательств. В то же время следует обратить внимание, что данная информация включает охраняемые Конституцией РФ и федеральными законами сведения о частной жизни владельца смартфона, составляет личную и семейную тайну, банковскую тайну, тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений и др.

В связи с этим в научной среде и в следственно-судебной практике не прекращаются дискуссии относительно уголов-

но-процессуальных аспектов изъятия и осмотра мобильного телефонного устройства, которые, в частности, касаются вопросов необходимости обеспечения данных действий судебным контролем.

Разрешение данного вопроса сводится к различным позициям, среди которых можно выделить следующие:

– судебное решение на осмотр телефонного устройства и ознакомление с его цифровым содержанием не требуется, если мобильный телефон изъят на законных основаниях, в том числе и без судебного санкционирования, и находится у следователя [2, с. 97-103], [6, с. 28-32];

– получение судебного решения необходимо только в случае отсутствия согласия на его осмотр лица, у которого оно изъято [5, с. 3];

– разрешение суда на производство осмотра абонентского устройства требуется обязательно, кроме случаев, когда его изъятие было ранее санкционировано судом, при этом в ходатайстве перед судом содержалось указание на необходимость получения доступа к соответствующей информации [10, с. 56-60].

Рассмотрим данную проблему сквозь призму стадии возбуждения уголовного дела, которая, в силу своей специфики в целях, задачах и средствах, накладывает свои особенности в её разрешении.

Сама по себе полемика относительно изъятия до возбуждения уголовного дела предметов и документов получила новый виток развития со вступлением в законную силу Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ, закрепившего в ст. 144 УПК РФ право следователя, дознавателя истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, предусмотренном Кодексом.

Не вдаваясь в рассмотрение вопросов изъятия подробно, в рамках настоящей работы отметим, что учитывая невозможность производства выемки и обыска до возбуждения уголовного дела, а также мнение ученых, отрицающих возможность использования изъятия как самостоятельного уголовно-процессуального проверочного действия на рассматриваемой стадии [8, с. 64-71], из всех возможных при проверке сообщения о преступлении средств, и это также утверждают ряд авторов [4, с. 44-52], уголовно-процессуальный порядок изъятия обеспечивается только при производстве осмотра места происшествия.

Кроме того, исходя из анализа сложившейся практики, следует отметить, что до возбуждения уголовного дела предметы и документы также изымаются «непроцессуальными» формами в ходе оперативно-розыскной деятельности и в административном порядке. Введение в процессуальную плоскость результатов оперативно-розыскной деятельности осуществляется посредством их предоставления следователю, дознавателю в соответствии с УПК РФ и нормативными актами¹. Изъятые же в ходе административной деятельности предметы и документы (оформленные протоколом, актом изъятия и т.п.), при проверке сообщения о преступлении не могут быть облачены в уголовно-процессуальную форму, которая может быть им придана только в рамках их последующей выемки после возбуждения уголовного дела.

Таким образом, полагаем, что изъятиями до возбуждения уголовного дела на законных основаниях, учитывая непосредственно уголовно-процессуальный закон, будут считаться предметы и документы, обнаруженные в ходе осмотра места происшествия, а также предоставленные в соответствии с законом и иными нормативными актами в виде результатов оперативно-розыскной деятельности.

Рассматривая следственный осмотр абонентского устройства (смартфона), полагаем, что в каждом отдельно взятом случае следует разграничивать предмет познавательной деятельности. В одном случае, осмотру может подвергаться лишь внешний вид устройства и его технические характеристики, в другом, интересующая следствия информация, хранящаяся на цифровом носителе телефона, в третьем, информация, хранящаяся удаленно, конфиденциальный доступ к которой осуществляется посредством сети Интернет с конкретного осматриваемого смартфона с помощью установленных приложений.

Очевидно, что вопрос о необходимости судебного санкционирования внешнего осмотра телефона не является актуальным, и наоборот, если речь идет об осмотре содержимого установленных в нем программ и приложений.

1 Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

Сторонники одной из приведенных выше позиций, исключая судебное санкционирование, основываются на выдержке из решений Конституционного Суда РФ о том, что проведение осмотра с целью получения имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств, изъятых при производстве следственных действий в установленном законом порядке, не предполагает вынесения об этом специального судебного решения. Однако, обосновывая соответствие норм УПК РФ основному закону, Конституционный Суд РФ в то же время указывает, что лица, полагающие, что проведение соответствующих следственных действий способны причинить ущерб их конституционным правам, в том числе праву на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, имеют право оспорить данные следственные действия в суде в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ² [11], [12].

Таким образом, с учетом того, что Пленум Верховного Суда РФ до настоящего времени не обозначил своё конкретное отношение к вышеуказанному вопросу, можно прийти к выводу, что высшие судебные органы избегают формулирования ясной правовой позиции по рассматриваемой проблеме, на что также обращают внимание отдельные авторы [9, с. 128-138].

Согласно ст. 23 Конституции РФ каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения. Вместе с тем, ученые отмечают, что осмотр и изъятие содержимого данных электронных устройств является ограничением сразу нескольких охраняемых международными правовыми актами, Конституцией РФ и другими федеральными законами прав и свобод граждан [1, с. 35-38], в том числе права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

Рассматривая легитимность получения доступа к информации при осмотре телефона без судебного решения при наличии согласия на осмотр его владельца, согласимся с учеными, которые ставят данную точку зрения под сомнение, утверждая, что ограничение прав лица допускается исключительно на основании установленного федеральным законом порядка, а не его волеизъявления [7, с. 81-85] и получение разрешения суда не должно ставиться в зависимость от того, согласен ли владелец электронного устройства на его осмотр [3, с. 125-131]. При этом стоит учитывать, что в данном случае речь может идти не только о правах владельца телефона, но и о правах неограниченного числа иных лиц.

В связи с изложенным, считаем верной позицию ученых о том, что изъятие электронного устройства допустимо без судебного разрешения, однако осмотр хранящейся в нем информации возможен только после получения разрешения

2 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 г. № 189-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Габашвили Игоря Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 176 и частью второй статьи 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 28.11.2019 № 3205-О. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

на это суда. То же самое правило должно распространяться и на стадию возбуждения уголовного дела.

В правоприменительной практике имеются положительные примеры применения такого подхода к производству осмотра. Так, в ходе проверки сообщения о факте хищения путем обмана бюджетных денежных средств в крупном размере, сотрудниками Управления ЭБ и ПК ГУ МВД России по Алтайскому краю при осмотре места происшествия был изъят мобильный телефон гражданки Д., занимавшейся составлением и формированием фиктивных документов. С целью разрешения производства осмотра телефона с находящимися в нем сообщениями, передаваемыми по сетям электронной связи (посредством мессенджеров), руководитель органа дознания обратился в Октябрьский районный суд г. Барнаула. Рассмотрев поступившее ходатайство, суд, руководствуясь ст. ст. 5, 15 ФЗ РФ «Об оперативно-розыскной деятельности», ФЗ «О полиции», ст. 144 УПК РФ, частью 7 ст. 185 УПК РФ, разрешил проведение осмотра мобильного телефона с находящимися в нем электронными сообщениями и иными передаваемыми по сетям электросвязи сообщениями с целью документирования факта хищения бюджетных средств³.

Следует отметить, что среди прочих оснований, в решении суда имеется ссылка на часть 7 ст. 185 УПК РФ, а следовательно можно предположить, что таким образом суд первой инстанции фактически рассмотрел данную норму в качестве устанавливающей самостоятельное основание и порядок для осмотра сведений, содержащихся на электронных носителях независимо от того, получены ли эти объекты осмотра в результате наложения ареста на почтово-телеграфные отправления или в ходе иных мероприятий, в том числе производимых до возбуждения уголовного дела.

Таким образом, учитывая вышеизложенное, полагаем, что в современных реалиях существует необходимость совершенствования норм уголовно-процессуального законодательства относительно регламентации производства при проверке сообщений о преступлениях на основании судебного решения осмотра предметов, в том числе мобильных телефонных устройств, содержащих информацию, охраняемую законом. Непосредственно, в УПК РФ необходимо закрепить форму обращения следователя, дознавателя, сотрудника органа дознания в суд о разрешении производства осмотра, основания, порядок и полномочия суда по рассмотрению ходатайств такого рода.

Представляется, что усиление таким образом судебного контроля на рассматриваемой стадии в правоприменительной практике будет способствовать обеспечению реализации конституционных принципов охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Апостолова Н. Н. Права личности в уголовном судопроизводстве в эпоху цифровых технологий // Администратор суда. – 2022. – № 2. – С. 35-38.
2. Багмет А. М., Скобелин С. Ю. Пределы ограничения конституционных прав граждан в ходе осмотра сотовых телефонов участников уголовного судопроизводства // Уголовное право. – 2017. – № 6. – С. 97-103.
3. Бикмиев Р. Г., Бурганов Р. С. Выемка и осмотр электронных устройств // Уголовное право. – 2018. – № 1. – С. 125-131.
4. Бравилова Е. А. Осмотр места происшествия как способ изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела // Судебная власть и уголовный процесс. – 2020. – № 1. – С. 44-52.
5. Васюков В. Ф., Бульжкин А. В. Некоторые особенности осмотра средств сотовой связи при расследовании уголовных дел // Российский следователь. – 2014. – № 2. – С. 3.
6. Гаас Н. Н. Осмотр изъятого мобильного устройства: проблемы правоприменения // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2019. – № 4. – С. 28-32.
7. Грачев С. А. Тайна телефонных переговоров в правовых позициях высших судебных инстанций России: коллизия толкований // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 2. – С. 81-85.
8. Кальницкий В. В. Истребование документов и предметов в стадии возбуждения уголовного дела // Законодательство и практика. – 2015. – № 2. – С. 64-71.
9. Коновалов С. Г. Использование в уголовном процессе цифровых данных, хранящихся в телефоне: назревшие вопросы и пути их решения // Закон. – 2021. – № 11. – С. 128-138.
10. Клевцов К. К., Квык А. В. Изъятие и осмотр информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств // Законность. – 2020. – № 12. – С. 56-60.

3 Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула.

КРУПНОВА Елизавета Андреевна

старший преподаватель кафедры огневой подготовки Нижегородской академии МВД России

ДОРОНИН Кирилл Николаевич

старший преподаватель кафедры огневой подготовки Нижегородской академии МВД России

ГВОЗДЕВ Алексей Константинович

старший преподаватель кафедры огневой подготовки Нижегородской академии МВД России

ФАТХИЕВ Дамир Маратович

старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ДОПУСКА ЗАЩИТНИКА НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В настоящей статье раскрывается роль участия адвоката в уголовном судопроизводстве. Автор раскрывает проблематику такого аспекта как допуск защитника на стадии предварительного расследования, а также разграничивает понятия «защитник» и «адвокат», определяя их как целое и часть. В работе особое внимание уделяется ключевым проблемам, которые возникают при обеспечении права на защиту подозреваемых, а также предлагаются рекомендации по их решению.

Ключевые слова: предварительное расследование, защитник, право на защиту, подозреваемый, адвокат, уголовно-процессуальное законодательство.

KRUPNOVA Elizaveta Andreevna

senior lecturer of Fire training sub-faculty of the Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia

DORONIN Kirill Nikolaevich

senior lecturer of Fire training sub-faculty of the Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia

GVOZDEV Alexey Konstantinovich

senior lecturer of Fire training sub-faculty of the Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia

FATHIEV Damir Maratovich

senior lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE ADMISSION OF A DEFENDER AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION

This article reveals the role of the lawyer's participation in criminal proceedings. The author reveals the problems of such an aspect as the admission of a defender at the stage of preliminary investigation, and also distinguishes the concepts of "defender" and "lawyer", defining them as a whole and a part. The paper pays special attention to the key problems that arise when ensuring the right to protection of suspects, and also offers recommendations for their solution.

Keywords: preliminary investigation, defender, the right to protection, the suspect, lawyer, criminal procedure legislation.

Защитники в уголовном процессе играют важную роль в уголовном судопроизводстве. В их компетенцию входит оказание юридической помощи задержанным, подозреваемым и обвиняемым во время следственных действий, представление их интересов в суде, а также защита их прав во время процесса. Защитник обеспечивает соблюдение принципа равенства сторон и обеспечивает надлежащий доступ к справедливому суду, допрашивая свидетелей, представляя доказательства, формулируя заключения и аргументы. Особое внимание следует уделить адвокату, который уполномочен оказывать квалифицированную юридическую помощь, тем самым реализуя конституционное и неотъемлемое право гражданина на защиту. Именно поэтому проблематике участия лица, уполномоченного выступать на стороне защиты, в уголовном судопроизводстве стоит уделить особое внимание.

Адвокат, это лицо, обладающее специальными познаниями и гарантирующим квалифицированную юридическую помощь, при оказании которой адвокаты в соответствии с федеральным законом «Об адвокатуре» несут ответственность. Для того, чтобы определить проблемы вступления и участие защитника в уголовном судопроизводстве, а именно

на стадии предварительного следствия, необходимо обратить внимание и определить, кто может выступать в качестве данного субъекта с учетом уголовно-процессуального законодательства.

Ч. 2 ст. 49 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) регламентирует, кто именно уполномочен выступать на стороне защиты¹:

Из указанной нормы следует, что законодатель допускает к участию в качестве защитника лицо, которое, в отличие от адвоката, может не иметь высшего юридического образования. Для того, чтобы разобраться в сущности правового статуса защитника и адвоката, необходимо разобраться с определением данных понятий.

Защитником называется любое лицо, которое представляет интересы подозреваемого или обвиняемого в уголовном процессе. Защитник может быть адвокатом, но также может быть и другим юристом, а также представителем обвиняемого или общественным защитником. Защитник имеет право

¹ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.

УПК РФ Статья 49. Защитник	2. В качестве защитников участвуют адвокаты. По определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. При производстве у мирового судьи указанное лицо допускается и вместо адвоката.
-------------------------------	--

Рисунок 1

оказывать юридическую помощь, представлять интересы клиента и защищать его права в суде.

Адвокат – это специалист, прошедший специальное обучение и получивший право практиковать право. Адвокат имеет статус и аккредитацию, которые позволяют ему проводить правовые процедуры и представлять интересы клиента в суде. В уголовном процессе адвокат обычно является одним из типов защитников и обязан представлять законные интересы подозреваемого или обвиняемого.

Однако для устранения некоторых пробелов законодательством предусмотрен ряд условий и ограничений. Поэтому мы полагаем, что адвокат имеет существенное преимущество при допуске его в качестве защитника подозреваемого или обвиняемого, т.к. имеет квалифицированные юридические знания, которые помогут в судебном судопроизводстве.

Что касается вопроса, связанного с квалифицированной юридической помощью, то данному вопросу достаточно много уделяется внимание не только в литературе, но и в правоприменительной практике. Для рассмотрения данной проблемы, хотелось бы обратиться к постановлению Конституционного суда РФ от 28 января 1997 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б. В. Антипова, Р. Л. Гитиса и С.В. Абрамова», в котором содержится указание на то, что защитником на стадии предварительного следствия можно допустить только лицо, состоящее в коллегии адвокатов, но данная позиция не была признана из-за несоответствия нормам действующей Конституции Российской Федерации².

Однако по данному вопросу существуют противоречия, т.к. в обосновании своей позиции судьи, которые не поддерживали позицию Конституционного Суда РФ в качестве аргумента приводили доводы о праве лиц, подвергающихся уголовному преследованию, приглашать защитников на свой выбор, в том числе действующих адвокатов, адвокатов-практикантов или же близких родственников, то есть лиц, не являющихся членами коллегии адвокатов. Данное положение говорит о запрете на допуск к участию на стадии предварительного расследования иных участников из-за ограничения

конституционного права на защиту всеми способами, которые не запрещены законом.

В. Л. Кудрявцев, оспаривая такую позицию, считает, что допустить к участию в качестве защитника не только адвокатов, но и других квалифицированных лиц правомерно и допустимо так, как соответствует положениям Конституции Российской Федерации³.

Положения Конституционного Суда РФ не являются последовательными. Это связано с тем, что принимались решения, в которых содержалась иная точка зрения. Так, в Определении Конституционного суда РФ от 10 апреля 2002 года № 105-О говорится о том, что в статье 48 Конституции Российской Федерации отсутствует перечень лиц, которые могут выступать в качестве защитника⁴. Данное положение не означает, что невозможно конкретизировать нормами УИК РФ, в которых будет содержаться информация о том, что защитником в суде у обвиняемого может быть любое лицо, в том числе и не имеющее профессионального образования.

Кроме того, Конституционный Суд не оставил без внимания тот факт, что нормы Конституции Российской Федерации не определяют точных качеств, которым должны соответствовать защитники в целях оказания необходимой юридической помощи. Только уголовно-процессуальное законодательство определяет характеристики для лиц, которые могут оказывать квалифицированную помощь для подозреваемого или обвиняемого в статусе защитника.

Стоит отметить, что только адвокат может выступать как защитник на стадии предварительного расследования⁵. Данное положение закреплено в статье 49 УПК РФ, что наталкивает на необходимость изменения норм уголовно-процессуального кодекса, предусматривающей и участие иного защитника для более эффективной работы участников уголовного судопроизводства и оказания профессиональной

2 Постановление Конституционного суда РФ от 28 января 1997 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б. В. Антипова, Р. Л. Гитиса и С. В. Абрамова» // Российская газета. 1997.

3 Кудрявцев В. Л. Некоторые проблемные вопросы допуска в качестве защитников адвокатов и иных лиц в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2018. № 1. С. 28-29.

4 Определение Конституционного суда РФ от 10 апреля 2002 года № 105-О «По запросу Благовещенского городского суда Амурской области о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Вестник Конституционного суда РФ. 2002. № 6.

5 «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.

помощи подозреваемому, обвиняемому. Подобная ситуация вызывает борьбу частной и декларативной нормы.

Такая ситуация может привести к тому, что отсутствие запрета на привлечение не квалифицированного специалиста к уголовному расследованию может повлечь отсутствие определенных стандартов качества оказываемой помощи, что, в свою очередь, приведет к невозможности гарантировать должный уровень защиты подозреваемого или обвиняемого.

Тем не менее, отсутствие запрета на участие в уголовном расследовании лица без соответствующей квалификации, особенно без статуса адвоката, может привести к отсутствию необходимых стандартов качества предоставляемой помощи. Это в свою очередь может создать серьезные проблемы, поскольку невозможно гарантировать должный уровень защиты для подозреваемого или обвиняемого.

С практической точки зрения данной проблемы, привлечение адвоката в качестве защитника обеспечивает подозреваемому или обвиняемому надежную защиту. С другой стороны, допуск другого лица без соответствующей квалификации может привести к нарушению права на защиту, закрепленного в высшем законе российской правовой системы.

В качестве примера может послужить уголовное дела в отношении М., где прокурор решил, что в качестве защитника для М. был допущен по его ходатайству близкий родственник Д., что не является нарушением его права на защиту так, как от помощи профессиональных сотрудников он отказался. Однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отметила, что защитником может выступать только лицо, которое назначено по решению суда. Следовательно, право обвиняемого на правовую помощь было нарушено т.к. в ходе предварительного следствия было допущено ненадлежащее лицо, что повлечет за собой признание проведенных следственных действий с нарушением норм уголовно-процессуального законодательства, что в свою очередь спровоцирует принятие решений в возвращении уголовного дела в порядке ст. 237 УПК РФ.

Также Президиумом Верховного суда РФ указано в постановлении №19-П09 о признании правомерным отказ в удовлетворении ходатайства о допуске к участию в уголовном судопроизводстве защитника в лице жены обвиняемого Я. Так как защита обвиняемого осуществлялась адвокатом, а возможность участия в качестве защитника близкого родственника на стадии предварительного расследования закон не запрещает, поэтому нарушений права на защиту Я. в данном случае не усматривается⁶.

Так или иначе, невозможно рассматривать гарантию права на защиту, как невозможность допуска к участию в предварительном расследовании иного лица кроме защитника. Из этого следует, что в досудебном производстве в качестве защитника может участвовать только адвокат, т.к. только он сможет обеспечить защиту в соответствии с действующим законодательством.

Таким образом, в уголовно-процессуальном законодательстве России существуют такие понятия как «адвокат» и «защитник». Именно первый представляет интересы подозреваемых и обвиняемых в суде. Защитником, в свою очередь, может выступать адвокат или другое лицо, имеющее право оказывать юридическую помощь. Однако, адвокат, как участ-

ник процесса, имеет более широкие полномочия и прошел специальную аккредитацию, что не относится к защитнику. То есть защитником выступает адвокат, а при ходатайстве обвиняемого защиту могут осуществлять адвокат и наряду с ним близкий родственник, а при производстве у мирового судьи либо адвокат, либо близкий родственник. Данный вопрос требует законодательного урегулирования со стороны управомоченных органов т.к. данное положение создает определённые пробелы в процессуальном законодательстве.

Пристатейный библиографический список

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.
2. Постановление Конституционного суда РФ от 28 января 1997 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б. В. Антипова, Р. А. Гитиса и С. В. Абрамова» // Российская газета. 1997.
3. Кудрявцев В. А. Некоторые проблемные вопросы допуска в качестве защитников адвокатов и иных лиц в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2018. № 1. С. 28-29.
4. Определение Конституционного суда РФ от 10 апреля 2002 года № 105-О «По запросу Благовещенского городского суда Амурской области о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Вестник Конституционного суда РФ. 2002. № 6.
5. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации за 4 квартал 2019 года // Бюллетень Верховного суда РФ. 2020. № 1. С. 20.

⁶ Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации за 4 квартал 2019 года // Бюллетень Верховного суда РФ. 2020. № 1. С. 20.

МАКОГОН Ирина Викторовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры предварительного расследования Учебно-методического комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России

ИГНАТОВА Екатерина Александровна

старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России

ОСОБЕННОСТИ СОСТАВЛЕНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ВОЗБУЖДЕНИИ ХОДАТАЙСТВА ОБ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

В данной статье рассматриваются особенности составления постановления о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста. Исследуется значение его правильного и грамотного составления. Ведь некачественное составление процессуальных документов влечет за собой необходимость осуществления судом дополнительных мер с целью восполнения имеющихся пробелов или неточностей, что влияет на принимаемое в конечном итоге решение, а также на падение имиджа органов предварительного расследования. Особое внимание уделено практическим рекомендациям по правилам составления рассматриваемого постановления.

Ключевые слова: уголовное дело, следователь, постановления о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, подозреваемый, условия, основания.

MAKOGON Irina Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Preliminary investigation sub-faculty of Preliminary investigation sub-faculty of the Educational and Methodological Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

IGNATOVA Ekaterina Alexandrovna

senior lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Novorossiysk branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

PECULIARITIES OF DRAFTING A RESOLUTION ON THE INITIATION OF A PETITION FOR THE ELECTION OF A PREVENTIVE MEASURE IN THE FORM OF HOUSE ARREST

This article examines the specifics of drafting a resolution on the initiation of a petition for the election of a preventive measure in the form of house arrest. The importance of its correct and competent composition is investigated. After all, poor-quality drafting of procedural documents entails the need for the court to take additional measures to fill in existing gaps or inaccuracies, which ultimately affects the decision taken in the end, as well as the decline in the image of the preliminary investigation bodies. Special attention is paid to practical recommendations on the rules for drafting the resolution in question.

Keywords: criminal case, investigator, resolutions on the initiation of a petition for the election of a preventive measure in the form of house arrest, suspect, conditions, grounds.

В настоящий момент домашний арест является второй по строгости мерой пресечения, и идет сразу после заключения под стражу. Данная мера пресечения как бы являет собой более мягкую изоляцию подозреваемого (обвиняемого) от общества, которая позволяет частично ограничивать естественные права личности. Домашний арест хоть и ограничивает свободу передвижения и взаимодействия с внешним миром, но делает это в спокойных для личности условиях по месту жительства лица.

Если говорить о ценности данной меры пресечения, то она очевидна:

– благодаря ее применению, разгружаются следственные изоляторы, которые и так переполнены следственно арестованными, осужденными (в 2021 года применения меры пресечения в виде домашнего ареста позволило разгрузить следственные изоляторы РФ на 8 процентов) [1, с. 2].;

– для обеспечения безопасности лиц, содержащихся в данных учреждениях, в связи с особенностями ее контингента, государству приходится тратить крупные суммы на обеспечения безопасности каждого лица там содержащегося. Уменьшение лиц, содержащихся в следственном изоляторе, значительно экономят государственные средства;

– кроме того, данная мера пресечения позволяет лицам впервые столкнувшимся, с уголовным преследованием избежать общения с рецидивистами (не редко находящимися в одной камере с ними, в виду переполненности следственных изоляторов) и исключить негативное криминальное воздействие на не закоренелых преступников;

– ну и что самое главное мера пресечение в виде домашнего ареста позволяет подозреваемому (обвиняемому) избежать разрыва с внешним миром и оставаться социально адаптированным на время ее применения.

Мера пресечения - домашний арест, как и заключение под стражу избирается при тех же основаниях и в том же порядке, который устанавливается ст. 107, ст. 108 УПК РФ. Однако, есть определенные моменты, которые характерны только для этой меры пресечения и о которых следует знать. Так, при избрании домашнего ареста существуют специальные условия, связанные с процессуальными требованиями, предъявляемыми к порядку принятия решения об его избрании и ограничениями, налагаемыми при его применении.

Эти требования находятся в прямой зависимости от: - наличия у обвиняемого «жилища»;

– возможности осуществления надзора за его поведением (посредством использования технических средств);

– необходимости охраны места его проживания; – наличие компетентного органа или должностного лица, могущего осуществить надзор; – уведомление этого органа или должностного лица о необходимости контроля за поведением арестованного лица; – принятия мер по попечению и присмотру за имуществом субъекта.

Как известно, любое постановление, вынесенное следователем, состоит из трех частей: вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной.

Чем интересна вводная часть данного постановления, тем что в ней отражаться информация о согласии руководителя следственного органа на принятое решение следователя о применении именно этой более строгой меры пресечения, перед другими оставшимися мерами пресечения. Поэтому в верхней правой части документа отражается это согласие. Однако заметим, что в ст. 108 УПК РФ говорится о руководителе следственного органа. Законодатель указал, таким образом, процессуальное положение должностного лица, которое дает согласие. В практических органах данный руководитель состоит на должности начальника конкретного следственного отдела. Значит, в данной части постановления необходимо указать процессуальное и должностное положение лица, имеющего права предоставления согласия, а также дату и подпись согласующего. Дата согласования, как правило, совпадает с датой вынесения постановления о мере пресечения. Далее традиционно указывается информация характерная для вводной части любого другого постановления: о дате и месте составления, должности, звании, Ф.И.О. следователя, его вынесшим и номере уголовного дела. С заполнением этих сведений у следователя не когда не возникает проблем. Проблемы начинаются при составлении второй части постановления – описательно-мотивировочной.

Для того, чтобы грамотно составить описательно-мотивировочную часть постановления об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста следователь может применить определенные правила, которые вытекают из уголовно-процессуальных норм и при этом не забыть про документальную культуру речи [2, с. 118]. Кроме того, следователь должен уметь проанализировать так материалы уголовного дела, чтобы понять какие значимые и важные обстоятельства, полученные уже в ходе расследования преступления, подлежат отражению в каждом конкретном документе и в частности в рассматриваемой нами второй части постановления. В данном случае к значимой информации подлежащей отражению в вышеуказанной части постановления можно отнести определенные факты, помогающие составить постановление без нарушений требований УПК РФ, обосновать законность и необходимость избрания конкретной меры пресечения.

То есть, с начало расписать обстоятельства совершения преступления с учетом ст.73 УПК РФ, затем указать основание со ссылкой на ст. 97 УПК РФ, иные обстоятельства, принимаемые во внимание в соответствии со ст. 99 УПК РФ, расписать условия, указанные в ч.1-2 ст. 108 УПК РФ. Кроме этого, включить в рассматриваемую часть постановления, посвященную домашнему аресту сведения, касающиеся только этой меры пресечения, установленные в ходе предварительного следствия. Это информация (специальное требование) о наличии у подозреваемого (обвиняемого) жилища (пригодного для беспрепятственного в нем проживания в период применения домашнего ареста), а также конкретные ограничения свободы передвижения и общения с определенными лицами, в том числе запрет на использовании технических средств.

В своих постановлениях об избрании рассматриваемой меры пресечения, следователи даже с немаленьким опытом работы не редко допускают серьезные ошибки [3, с. 99]. Наиболее частой из них является отсутствие в постановлении конкретных ограничений для применения к обвиняемому.

Возьмем некую заданную информация и с учетом ее анализа, отберем необходимую и важную для отражения в описательно-мотивировочной части постановления об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста.

Так, заданная информация:

В ходе предварительного следствия установлено, что:

*12 октября 20**года в дежурную часть ОП №3 УМВД России по г. Энску обратился К., который пояснил, что 12 ноября 20** года примерно в 11 часов 20 минут он на своей автомашине ВАЗ 2115 гос. рег. знак «М 421 ВД 34 регион», подъехал к дому №48 по ул. Глинской и пошел в магазин «Пятерочка». Вернувшись через 20 минут, он обнаружил, что водительская дверь открыта и в автомашине отсутствует сотовый телефон «Samsung Galaxy Z Flip4» IMEI 123654789654321, стоимостью 47 948 рублей, ущерб для него значительный.*

*12 октября 20**года возбуждено уголовное дело № __, по признакам преступления, предусмотренного п. В ч. 2 ст. 158 УК РФ. В ходе оперативно-розыскных мероприятий установлено, что похищенный сотовый телефон, принадлежащий К. сдан в скупку ИП «Франт М.И.», расположенную по ул. Батумская 23 на имя Джаф Вусата Ирлановича (23.04.1972 года рождения, уроженца г. Энска, ранее не судим, состоит в браке (супруга Т. на 7 месяце беременности), физически здоров, на учетах в психоневрологическом и наркологическом диспансере не состоит, работает сторожем в магазине «Обувь», по месту работы характеризуется положительно, прописан по адресу: г. Энск, ул. Хрумная 65.*

*13 октября 20** года в 12 часов 10 минут (время фактического задержания, указанное в протоколе задержания) Джаф В.И. задержан в порядке ст. 92 УПК РФ по подозрению в совершении вышеуказанного преступления.*

*14 октября 20**года в 09 часов 00 минут Джаф В.И. было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного п. В ч. 2 ст. 158 УК РФ.*

После ознакомления с данной информацией определяемся с фактической информацией, имеющей значение для принятия решения об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста и ее отражении в описательно-мотивировочной части постановления. Вначале расписываем событие преступления проще это сделать если придерживаться следующей схемы указать: дату+ время + виновное лицо + место совершения преступления + умысел + действия виновного лица+ потерпевшего + похищенное имущество + ущерб. В таком случае полностью будут указаны все обстоятельства совершенного преступления, не единое не останется без внимания и тогда описательно-мотивировочную часть постановления можно представить следующим образом:

УСТАНОВИЛ:

*12 октября 200** года примерно в 11 часов 15 минут Джаф Вусата Ирлановича умея умысел, направленный на тайное хищение чужого имущества пришел к магазину «Пятерочка», расположенному по адресу: г. Энск, ул. Глинская 48, где увидел, что ранее незнакомый ему К. припарковал свою автомашину ВАЗ 2115 гос. рег. знак «М 421 ВД» 34 регион, возле магазина «Пятерочка» и не закрыв переднюю пассажирскую дверь своей автомашины пошел в магазин. Джаф В.И. с целью реализации своего преступного умысла, подошел к вышеуказанной автомашине и воспользуясь не закрытой пассажирской дверью автомашины, проник в салон и*

тайно похитил с переднего пассажирского сиденья сотовый телефон «Samsung Galaxy Z Flip4» IMEI 123654789654321 стоимостью 47 948 рублей, принадлежащий вышеуказанному К. Обратив похищенное в свою пользу, Джаф В. И. с места преступления скрылся, причинив К. ущерб на вышеуказанную сумму (описали обстоятельства совершения преступления).

12 октября 20**года возбуждено уголовное дело № __ по признакам преступления, предусмотренного п. В ч. 2 ст. 158 УК РФ. (указали дату возбуждения дела и квалификацию, данная информация является важной и обязательной для указания, так как решается вопрос об избрании меры пресечения, нарушающей конституционные права гражданина).

13 октября 20** года в 12 часов 10 минут (время фактического задержания, указанное в протоколе задержания) Джаф В. И. задержан в порядке ст. 92 УПК РФ по подозрению в совершении вышеуказанного преступления (другая значимая информация, влияющая на сроки избираемой меры пресечения).

14 октября 20**года в 09 часов 00 минут Джаф В. И. было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного п. В ч. 2 ст. 158 УК РФ. (указали важную информацию о статусе лица, так как мера пресечения может быть избрана в отношении обвиняемого лица и в исключительных случаях подозреваемого).

Далее обосновываем и мотивируем необходимость избрания меры пресечения в виде домашнего ареста.

В отношении Джаф В. И. необходимо избрать меру пресечения, так как тот обвиняется в совершении преступления средней тяжести, за которое судом может быть назначено наказание свыше трех лет лишения свободы (указали обязательные требования ст. 99 УПК РФ – учитывать тяжесть совершения преступления и условие, предусмотренное ч.1, ст. 108 УПК РФ – о наказании за преступление в виде лишения свободы свыше трех лет).

В связи с чем, у следствия есть основания полагать, что он, оставаясь на свободе может скрыться от органов предварительного следствия и в дальнейшем суда, опасаясь ответственности за содеянное и тяжести наказания за него (изложили опять такие же значимые требования ч.1 ст. 97 УПК РФ – о наличии оснований).

Однако, учитывая данные о личности Джаф В. И. о том, что он ранее не судим, состоит в браке (супруга Ф.И.О. на 7 месяце беременности), работает сторожем в магазине «Обувь», по месту работы характеризуется положительно, прописан и проживает вместе с супругой Ф.И.О. по адресу: г. Энгс, ул. Хрумная 65, следствие считает возможным избрать в отношении обвиняемого Джаф В. И. более мягкую меру пресечения в виде домашнего ареста, чем заключение под стражу, что обеспечит его надлежащее поведение в ходе предварительного следствия и в суде. (указали информацию об иных обстоятельствах, учитываемых при избрании меры пресечения, это важное требование ч. 1 ст. 99 УПК РФ, которое нельзя игнорировать).

На основании изложенного и руководствуясь ст. 97-101, 108 УПК РФ.....

Таким образом, мы учли все требования законодателя по обстоятельствам, необходимым своим отражением в описательно-мотивировочной части постановления о избрании домашнего ареста и составили ее.

Теперь несколько слов скажем о резолютивной части постановления, где следователь наряду с решением об избрании меры пресечения должен отразить и ряд конкретных ограничений, накладываемых на обвиняемого. Предложим следующий вариант резолютивной части рассматриваемого постановления:

ПОСТАНОВИЛ:

Возбудить ходатайство перед Энгским городским судом об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении обвиняемого Джаф Вусата Ирлановича, 23.04.1972 года рождения, уроженца г. Энгска, ранее не судимого, состоящего в браке (супруга Ф.И.О. на 7 месяце беременности), работающего сторожем в магазине «Обувь», по месту работы характеризующегося положительно, прописанного и проживающего по адресу: по адресу: г. Энгс, ул. Хрумная 65, сроком до 13 декабря 20**.

Об установлении обвиняемому Джаф В. И. следующих ограничений:

Запретить встречать и общаться с потерпевшим К. (Ф.И.О.), его супругой (Ф.И.О.), детьми (Ф.И.О.);

Покидать место жительства по месту прописки без разрешения следователя;

Получать и отправлять корреспонденцию, в том числе письма, телеграммы, посылки и электронные послания; вести переговоры с использованием любых средств связи, включая информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», за исключением использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также для общения с контролирующим органом, следователем, защитником;

Запретить посещение питейных заведений, увеселительных и массовых мероприятий, находящихся и проходящих на территории г. Энгска;

Разрешить прогулки на свежем воздухе с 09.00 часов по 11.00 часов и с 16.00 часов по 18.00 часов;

Разрешить общение с супругой (Ф.И.О.).

Установить способ общения со следователем посредством телефонной связи и «смс» сообщений.

Возложить осуществление надзора за соблюдением установленных ограничений и запретов на ФКУ УИИ ГУФСИН России по г. Энгску.

Копию настоящего постановления направить прокурору г. Энгска.

Следователь СО-3 СУ УМВД России по г. Энгску
капитан юстиции Ф.И.О

Приведенные пояснения и рекомендации по составлению постановления о возбуждении ходатайства перед судом об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, приемлемы и для документального оформления по тем же требованиям и другим мер пресечения, ограничивающих конституционные права граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Судебная статистика РФ 2018-2021 гг. Уголовное судопроизводство. Рассмотрение ходатайств, при следственных действиях. Date Views 28.11.2022 stat.xn-7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/15/s/13.
2. Бирюков С. Ю., Скориков Д. Г., Закаев А. А. Значение культуры речи в работе следователя // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2018. № 3 (46). С. 116-121.
3. Бирюков С. Ю. Деятельность следователя на месте происшествия: процессуальный и организационный аспекты // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 1 (48). С. 92-98.

МИХАЙЛОВ Вячеслав Сергеевич

старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского юридического института ФСИН России

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В данной статье рассматриваются актуальные проблемы теории и практического применения искусственных технологий в оперативно-розыскной деятельности. Автор анализирует правовую основу и выдвигает меры, направленные на совершенствование оперативно-розыскной деятельности и законодательства. Актуальность проблемы искусственных технологий в оперативно-розыскной деятельности объясняется быстрым развитием информационных технологий и их влиянием на современное общество. Оперативно-розыскная деятельность, основанная на сборе, анализе и использовании информации, теперь сталкивается с новыми вызовами и возможностями, связанными с применением искусственного интеллекта, машинного обучения и других технологий.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, искусственный интеллект, технологии, устройства, инновации.

MIKHAYLOV Vyacheslav Sergeevich

senior lecturer of Criminal process and criminology sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

This article discusses the current problems of the theory and practical application of artificial technologies in operational investigative activities. The author analyzes the legal basis and puts forward measures aimed at improving operational investigative activities and legislation. The urgency of the problem of artificial technologies in operational investigative activities is explained by the rapid development of information technologies and their impact on modern society. Operational investigative activities based on the collection, analysis and use of information are now facing new challenges and opportunities associated with the use of artificial intelligence, machine learning and other technologies.

Keywords: operational investigative activity, artificial intelligence, technologies, devices, innovations.

Михайлов В. С.

В современных условиях развития общества все чаще даже при повседневной деятельности применяются новые технологии, такие как искусственный интеллект.

На сегодняшний день в научной литературе выделяют различные варианты научных подходов к интерпретации технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ).

С позиции Х. Д. Аликперова искусственный интеллект – это система программ, которая включает в себя накопление и воспроизведения действий, основанных на определенных навыках и знаниях, присущие исключительно человеку. Разработанный функционал способен заниматься решением всех поступающих к нему проблем, постоянно улучшать подход к выполнению задач в ходе работы над ними, непрерывно систематизировать объем полученных знаний. В результате искусственный интеллект является набором средств и методов, при помощи которых формируется информация по поступившему запросу [1, с. 26-33].

Технологии искусственного интеллекта до последнего времени казались чем-то нереальным, но уже порядка десяти лет постепенно внедряются во все сферы общественной жизни. На современном этапе российское государство и бизнес не так активно, как другие страны вкладываются в развитие новых технологий. Наряду с такими областями, как промышленное производство, банковский сектор, реклама, страхование, новшества активно используются и в правоохранительной деятельности. Криминалистическое направление всегда активно поддавалось влиянию новых технологий, которые эффективно помогали выявлять и раскрывать преступления, из этого следует, что перспективы искусственного интеллек-

та всегда представляли большой интерес для силовых структур, в том числе и для оперативно-розыскной деятельности.

Уже в двадцатом веке в Москве начали разрабатывать систему телеавтоматического управления движением транспорта «СТАРТ». Она была создана для повышения пропускной способности улиц города, наладить скоростной режим, сократить время ожидания транспорта. На основании показаний датчиков, которые располагались на проезжих частях, осуществлялось регулирование работы светофоров. Данный функционал можно вполне приравнять к искусственному интеллекту [2, с. 54-62].

Уже в начале двадцать первого века более подробно занялись вопросами использования ИИ в правоохранительной деятельности. В связи с многолетней работой ученые смогли добиться больших успехов, которые значительно расширяют возможности правоохранительных органов по отношению к разрешению уголовных дел. Главное направление ИИ состоит в повышении качества аналитической направленности, а также прогнозирования возникновения противоправной деятельности путем создания комплексов по противодействию агрессии в виде манипулирования сведениями, находящимися в Интернете.

В качестве одной из широко используемых мер уголовного расследования в эпоху больших данных - видео-расследование относится к использованию технологии компьютерной обработки изображений для анализа и оценки данных видеоизображений, собранных с помощью видеонаблюдения, и быстрого определения местонахождения подозреваемых в совершении преступлений. Ранее данная техника заключалась в поиске и сравнении данных вручную

и заключалась с поиском подозрительной цели с помощью собранных видео- и графических данных. Но при наличии всевозможных систем видеонаблюдения по всем улицам происходит бурный сбор и хранение этих данных, что привело к экспоненциальному увеличению рабочей нагрузки.

Система обработки данной информации вручную была не только отнимающей много времени и трудоемкой, но и легко пропускала важную информацию, требуя многократного просмотра. Кроме того, качество полученных видеороликов было неравномерным, и некоторые из них хранились в течение короткого времени, что в дальнейшем приводило к низкой эффективности. В настоящее время, полагаясь на технологию компьютерного распознавания искусственного интеллекта (распознавание портрета, распознавание траектории движения транспортного средства, распознавание типа транспортного средства, распознавание походки и т.д.), можно успешно решить вышеуказанные проблемы [3, с. 49-53].

Технология искусственного интеллекта может автоматически обрабатывать массивные видеоданные, извлекать характеристики целей и сопоставлять другие типы информации для осуществления автоматической идентификации, обнаружения, сравнения и сигнализации предполагаемых целей (лиц и транспортных средств), а также может описывать поведение подозреваемых в совершении преступлений. Это способствует быстрому обнаружению улик по делу, идентификации подозреваемых и отслеживание, и арест подозреваемых в совершении уголовных преступлений.

В некотором смысле технология искусственного интеллекта расширила традиционные идеи видео-расследований и стала одной из основных технологий поимки подозреваемых в совершении преступлений.

Сотрудники правоохранительных органов в своей работе используют АИПС «Опознание». АИПС «Опознание» – это автоматизированная информационно-поисковая система, которая используется сотрудниками полиции для решения задач по выявлению и установлению личности лиц, совершивших правонарушения [4, с. 123-125].

Система АИПС «Опознание» позволяет оперативно обрабатывать и анализировать большой объем информации, включая фотографии, видеозаписи, данные о гражданах и т.д. Благодаря этому, сотрудники полиции могут быстро и эффективно выявлять подозреваемых и преступников, а также устанавливать их личности.

Одной из главных задач системы АИПС «Опознание» является поиск и сопоставление изображений лиц, снятых на видеозаписях с места совершения преступления, с фотографиями, находящимися в базе данных системы. Также система позволяет быстро идентифицировать граждан, нарушивших правила дорожного движения, а также лиц, находящихся в розыске.

Современные исследователи утверждены в том, что на данный момент ИИ применяется как основной инструмент по решению вопросов, связанных с оперативно-розыскной деятельностью (далее – ОРД) в целях противодействия преступности. Потребность основана отсутствии влияния на указанную технологию со стороны. Искусственный интеллект использует определенный подход к каждой поступающей задаче и обусловлено это его функционалом, который невозможно перенастроить в интересах кого-либо.

Интеллектуальный анализ данных охватывает технологии в смежных областях, таких как статистика, искусственный интеллект, базы данных и методы визуализации. Используя технологию интеллектуального анализа, данные, связанные с преступлениями, можно выделить из массивных данных (таких как коммуникационные данные, сетевые данные, видеоданные и данные о вещественных доказательствах) и глубоко изучить ассоциации и законы, скрытые за различными данными, с тем чтобы найти улики расследования и

доказательства, а также выявить направление расследования [5, с. 147-152].

В настоящее время распространенные методы интеллектуального анализа данных включают кластерный анализ, регрессионный анализ, ассоциативный анализ и т.д. Основной процесс заключается в корреляционном анализе характеристик преступников, траектории деятельности, ситуации по делу, следов и вещественных доказательств и т.д., чтобы выяснить основную информацию о преступнике.

На сегодняшний день сотрудники полиции в своей работе применяют различные информационные технологии по борьбе с преступлениями. Самыми распространенными технологиями являются: камеры видеонаблюдения, АИПС «КАРТОТЕКА», «Сервис обеспечения охраны общественного порядка» (СООП), Интегрированный банк данных (ИБД) [6].

На основе вышеизложенного можно сделать главный вывод, что количество, совершаемых преступлений в информационной сфере растет с каждым днем, что непременно должно вызывать опасение за жизнь общества, так и государства в целом.

Проводя анализ такого правового института, хочется выделить необходимость урегулирования проблем, связанных с правовым обеспечением использования искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности.

Несмотря на обучаемость системы, ее адаптивный характер и возможности обработки большого массива информации, их использование должно быть апробировано, а также законодательно закреплено. В будущем использование подобных систем должно значительно упростить организацию и проведение оперативно-розыскных мероприятий, но это должно проходить под руководством специалистов, для чего необходимо организовать обучение сотрудников для использования подобных систем, что позволит повысить эффективность следственных действий и увеличить количество раскрываемых дел.

Пристатейный библиографический список

1. Аликперов Х. Д. Глобальный дистанционный контроль над преступностью: допустимость, возможности, издержки // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2016. – № 3. – С. 26-33.
2. Алпеева О. И., Бушуева А. В. Применение цифровых технологий и искусственного разума при предупреждении преступности // Вестник Пензенского государственного университета. – 2021. – № 3 (35). – С. 54-62.
3. Битов А. А. Некоторые особенности взаимодействия следственных и оперативных подразделений ОВД при выявлении, раскрытии и расследовании наркопреступлений, совершаемых с использованием информационных технологий // Проблемы в российском законодательстве. – 2022. – № 4. – С. 49-53.
4. Гордеев А. Ю. Перспективы развития и использования искусственного интеллекта и нейросетей для противодействия преступности в России (на основе зарубежного опыта) // Научный портал МВД России. – 2021. – № 1 (53). – С. 123-135.
5. Кобленко А. Ю. О перспективах использования цифровизации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2022. – № 1 (57). – С. 147-152.
6. Следствие ведет ИИ – газета Коммерсантъ № 209 (6930) от 16.11.2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4574027> (дата обращения: 17.11.2023).

РОШКА Михаил Яковлевич

старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

ЧЕРЕПНЕНКО Елена Александровна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОНЯТИЯ «МОШЕННИЧЕСТВО» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В статье рассматриваются вопросы исторического становления и развития понятия «мошенничество» в различные периоды развития государства. Определено, что современное понятие мошенничества не всегда существовало в отечественном законодательстве, поэтому его исследования необходимо связывать со способом его совершения, то есть обманом, который был и остается неотъемлемой составляющей общественной жизни. Проведен анализ определения «мошенничества», закрепленного в уголовных кодексах РСФСР. Установлено, что с появлением новых способов совершения преступлений, в частности путем обмана и злоупотреблением доверием, ответственность за них должна получать обязательное законодательное закрепление.

Ключевые слова: мошенничество, обман, злоупотребление доверием, наказание, уголовный кодекс.

ROSHKA Mikhail Yakovlevich

senior lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

CHEREPNENKO Elena Aleksandrovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminal law and criminology sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF THE MODERN CONCEPT OF "FRAUD" IN RUSSIAN LEGAL SCIENCE

The article examines the issues of the historical formation and development of the concept of "fraud" in various periods of the development of the state. It is determined that the modern concept of fraud has not always existed in domestic legislation, therefore, its research must be associated with the method of its commission, that is, deception, which has been and remains an integral part of public life. The analysis of the definition of "fraud" enshrined in the criminal codes of the RSFSR is carried out. It is established that with the emergence of new ways of committing crimes, in particular by deception and abuse of trust, responsibility for them should receive mandatory legislative consolidation.

Keywords: fraud, deception, abuse of trust, punishment, criminal code.

В истории отечественного и зарубежного права мошенничество рассматривается достаточно давно и далеко уходит в историю человеческой цивилизации. Регламентация уголовно-правовыми актами понятий мошенничества, подлоги, фальсификации и других, предусматривающих обман как способ действия преступника, связана с общественным развитием и является цепью, объединяющей момент возникновения, развития, взаимного перехода одного понятия в другое. Современное понятие мошенничества не всегда существовало в отечественном законодательстве, поэтому его исследование, на наш взгляд, также следует связывать со способом его совершения, то есть обманом, который был и остается неотъемлемой составляющей общественной жизни. Так, первые упоминания об обмане содержатся в Библии, согласно которой в XVI в. до н. э. на горе Синай Моисей от имени Бога провозгласил десять заповедей, часть из которых соответствовала уголовно-правовой тематике. Одна из этих заповедей запретила ложное свидетельство на ближнего своего, сущность которого заключается именно в обмане. В других библейских источниках также можно найти упоминания об имущественных обманах. Обман как метод завладения чужим имуществом, а следовательно, и как метод совершения преступного деяния был нормативно закреплен в древнеримском законодательстве. Следует отметить и то, что понятие обмана в Древнем Риме было гораздо шире настоящего его понимания, так как охватывало разнообразные способы совершения преступлений, субъективная сторона

которых включала корыстный мотив. Позже, ввиду неэффективности борьбы с имущественным обманом в Древнем Риме было введено строгое преследование преступников в форме иска о стелионате. Так, к стелионату относились такие преступления, как обманный залог; уплата долга вещью находящейся в залоге или ее повторный залог; залог чужого имущества; подмена и подделка товаров или имущества, находящегося в залоге; залог изделия, изготовленного из меди, под видом золотого; препятствование передаче товара покупателю под видом неполучения оплаты; требование кредитором возврата долга, который уже уплачен [1, с. 98-101]. Обман как способ действия в стелионате заключался в извращении фактов действительности с намерением ввести другое лицо в заблуждение. Злоупотребление доверием было выделено из состава этого преступления, как и некоторые другие формы обмана: подлог и подделка документов, лжесвидетельство, фиктивное банкротство и другие. Ответственность за стелионат носила дифференцированный характер. Для плебеев было предусмотрено каторжные работы. Для «почетных граждан» – освобождение от должности. Таким образом, можно предположить, что возникновение современного понятия «мошенничество» обязано именно древнеримскому законодательству, в котором, наряду с другими, были выделены два способа совершения этого преступления – обман и злоупотребление доверием.

Упоминания об обмане содержатся и в Русской Правде, которая является первым памятником права древнерусского

государства. Так, в ст. 18 Троицкого списка Русской Правды предусматривалась ответственность за клевету [2, с. 263]. Если говорить об этимологическом значении слова «мошенник» на Руси, то следует отметить, что «мошенником» называли человека, который занимался изготовлением сумок, корзин, кошелек (мошна – сумка, кошелек) [3, с. 546], то есть ремесленника, который не имел ничего общего с совершением преступлений. Позже, примерно в XV-XVI вв., мошенниками стали называть преступников, совершавших кражи из сумок и кошельков. Следует отметить и то, что термин «мошенничество» в древнерусском праве стоит наряду с такими понятиями, как «воровство», «татьба», «кража» [4, с. 356].

Одно из самых ранних упоминаний о мошенничестве появилось в Судебнике царя Иоанна Васильевича Грозного от 1550 г., ст. 58, в котором было определено: «А мошеннику та же казнь, что и вору». В данной ситуации мошенник становится в один ряд с вором (татем) [5, с. 159]. Подобное определение появилось в связи со значительным распространением преступлений, связанных с использованием заблуждения и уловок, что дало толчок для разработки и отождествления понятий, а также их признаков и привело к появлению таких новых терминов, как мошенник и «ложные речи» («татины») [6, с. 55]. И хотя само понятие не было подробно разработано и законодательно не выделено как отдельный вид преступления, характер наказания, наравне с другими общественно опасными действиями, указывает на понимание необходимости борьбы с данными видами преступлений.

В «Соборном уложении» 1648 г. мошенничество было ограничено сферой имущественных отношений и включено в главу, которая предусматривала ответственность за корыстные имущественные преступления. По сравнению с вышеприведенным документом в этом правовом акте произошло обобщение всех имущественных обманов. В отличие от «Судебника», в «Соборном уложении» наряду с обманами, касающимися движимого имущества, предусматривалась ответственность за обманы в отношении недвижимости, но мошенничеством они не считались и, соответственно не выделялись в отдельные статьи.

Возникновение, а также распространение мошенничества в России в конце XVI-начале XVII вв. было связано с укреплением торговых отношений, развитием внутренних и интернациональных рынков, где одними из типичных форм торгового мошенничества были обманы по качеству и количеству товаров [1, с. 10]. В дальнейшем совершенствовались различные формы и способы мошенничества.

В период так называемого «допетровского» права в России основные усилия государства были направлены на предупреждение мошеннических действий, а не на наказание путем установления уголовной ответственности. В «допетровский» период борьба с обманами преимущественно сводилась к надзору со стороны государственных и местных органов власти за системой мер и весов, в меньшей степени – к ограничению цен, а также к упорядочению монетной системы.

В отличие от всех предыдущих законов, Артикул военный, принятый при Петре I в 1715 г., являлся первым кодексом в истории отечественного законодательства, который в целом имел военную направленность [2, с. 263]. Уголовно-правовое понятие обмана в Артикуле имеет своей основой немецкую правовую доктрину того времени, а его уголовно-правовое понятие было тесно связано со способом действия: подделка мер, весов, фальсификация товаров и т.д. Следует отметить и то, что общее определение обмана (тем более – мошенничества) Артикул военный не давал, а предусматривал лишь частные случаи наступления уголовной ответственности за определенные действия.

В юридических источниках термин «мошенничество» был отражен в Указе Екатерины II «О суде и наказании за воровство разных родов и заведении работных домов во всех

губерниях» от 3 апреля 1781 г, где содержится понятие «воровство-мошенничество» [1, с. 47]. Указанное определение охватывало не только завладение чужим имуществом путем обмана, но и карманную кражу, и внезапное насильственное похищение чужого имущества в результате противоправных действий. Мошенничество начало занимать самостоятельное место среди преступлений и выделяться среди краж и грабежей. В этом же указе родовым объектом «воровства-мошенничества» выступали отношения собственности; предметом – чужое движимое имущество. С объективной стороны мошенничество охватывало: карманную кражу в общественных местах; внезапное, не ожидаемое потерпевшим похищение чужого имущества, рассчитанное на ловкость преступника (а не на применение насилия к потерпевшему); завладение чужим имуществом путём обмана.

В Уголовном уложении 1903 г. была предусмотрена специальная глава, носившая название «О мошенничестве». Данная глава предусматривала ответственность за такие деяния как обманы, связанные с продажей или залогом недвижимого имущества (ст. 593), хищение путем обмана чужого движимого имущества с целью присвоить его; путем обвешивания или иного обмана по количеству и качеству предметов при купле-продаже или выполнении другого соглашения; принуждение путем обмана, с целью получить имущественную выгоду в свою пользу или в пользу другого лица, к уступке имущественного права или к заключению другого невыгодного имущественного соглашения (ст. 591) и некоторые другие [5, с. 459]. Можно сделать вывод, что в Уложении о наказаниях 1903 г. была сделана попытка обобщить имущественные обманы, о чем свидетельствует существование отдельной главы о мошенничестве.

Законодательство советского государства 1917 г. долгое время не упоминает о мошеннических посягательствах как о самостоятельном уголовно-правовом явлении и соответственно не выделяет его в самостоятельную правовую норму. В правовой литературе 1917 – 1918 гг. было распространено мнение о том, что в расширении понятия мошенничества нет необходимости, т.к. отдельные посягательства на собственность, были объединены в родовое понятие хищения [6, с. 5].

С выходом декрета Совета народных комиссаров от 5 мая 1921 г. «Об ограничении прав по судебным приговорам» появилось понятие мошенничества, наряду с разбоем, грабежом, воровством, вымогательством, присвоением, растратой и некоторыми другими преступлениями, но определения указанных понятий не давались. Появление в законодательстве этого понятия связано с тем, что отсутствие в то время целенаправленной борьбы с мошенничеством способствовало его распространению. Особый резонанс получило так называемое «неповское» мошенничество, которое было связано с организацией частного производства, фальсификацией продовольственных и промышленных товаров, финансовыми аферами, продажей несуществующих товаров.

В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. в статье 187 мошенничество определялось как «получение с корыстной целью имущества или права на имущество посредством злоупотребления доверием или обмана». Указанная статья также содержала понятие обмана, под которым понималось «сообщение ложных сведений и заведомое сокрытие обстоятельств, сообщение о которых было обязательно». Статья 188 УК РСФСР предусматривала ответственность за мошенничество, имевшее своим последствием убыток, причиненный государственному или общественному учреждению [7].

В 1926 г. была принята новая редакция УК РСФСР, которая в статье 169 объединила содержание статей 187 и 188 предыдущей редакции и определила мошенничество как злоупотребление доверием или обман в целях получения имущества или права на имущество или иных личных выгод. Кроме того, причинение убытка государственному или общественному учреждению было отнесено к квалифициру-

ющим признакам. Ущерб, причиненный государству, считался более тяжелым по сравнению с ущербом, наносимым частным лицам [8].

Принятый в 1932 г. общесоюзный закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и коопераций и укреплении общественной (социалистической) собственности» провозгласил общественную (государственную, колхозную, кооперативную) собственность неприкосновенной основой советского строя. К действию вышеупомянутого закона постановлением ЦИК СССР от 30 января 1933 г. были отнесены все имущественные преступления, связанные с обманом, данный нормативный акт определял, что любой обман в деле учета колхозной продукции, колхозного труда и колхозного урожая, должен рассматриваться как пособничество кулаку и антисоветским элементам, как попытка хищения колхозного имущества – в связи с чем должен наказываться по закону [9].

В годы Великой Отечественной войны обстоятельства военного времени требовали усиления борьбы с преступностью, в том числе с преступлениями против собственности. Среди имущественных преступлений того времени широкое распространение получило мошенничество. Преимущественно оно было связано с нормированным обеспечением населения необходимыми продовольственными и промышленными товарами. Часто мошенничество заключалось в хищении продовольственных и промтоварных карточек и талонов путем обмана или злоупотребления доверием, а также в использовании карточек и талонов, принадлежащих другим лицам.

Дальнейшее регулирование ответственности за мошенничество в законодательстве было связано с нормативным закреплением понятия хищения государственного и общественного имущества. Так, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» предусматривал уголовную ответственность за хищение, независимо от того, каким способом и в какой форме он совершен (кража, растрата, мошенничества или в любой другой). Было установлено единое понятие хищения социалистического имущества, в основе которого лежал общий для всех видов хищений признак – противоправное обращение виновным государственного или общественного имущества в свою пользу [10].

В 1960 г. в Уголовном кодексе РСФСР преступления против государственного и общественного имущества были выделены в отдельную группу преступных посягательств. Ответственность за мошенничество против государственной собственности наступала по статье 93 УК, против индивидуальной собственности – по статье 147 УК. Под мошенничеством понималось завладение чужим имуществом или приобретение права на имущество путем обмана либо злоупотребления доверием. В таком виде понятие мошенничества просуществовало до 1994 г., в котором ряд статей, предусматривающих ответственность за хищение государственного или общественного имущества, были исключены. В 1996 году существующие статьи были дополнены рядом составов, предусматривающих также ответственность за мошенничество в сфере кредитования, в сфере компьютерной информации, в сфере страхования и др.

В ходе историко-правового исследования мошенничества можно констатировать, что мошенничество является самостоятельным и одним из древнейших антисоциальных явлений. Понятие, содержание и структура этого явления в разное время изменялись и приобретали иногда совершенно противоположные формы, а борьба с мошенничеством имела не только карательный характер, но и была направлена на его профилактику и возмещение причиненного вреда. С развитием общественных отношений появляются новые способы совершения преступлений, в частности путем обмана и

злоупотреблением доверием, ответственность за совершение которых должна получать законодательное закрепление, а правоохранители, в свою очередь, должны владеть необходимыми методами и приемами предупреждения и раскрытия новых форм и видов мошенничества.

Пристатейный библиографический список

1. Фойницкий И. Я. Мошенничество по русскому праву: сравнительное исследование. – СПб., 1871. – 551 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003545363?page=3&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 09.11.2023).
2. Чистяков и др. Отечественное законодательство 11 – 20 веков: Пособие для семинаров / Под ред. Чистякова. – Часть 1. – М.: Юрист, 1999. – 464 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru> (дата обращения: 09.11.2023).
3. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. – Т. 1. – М.: Русский язык, 1994. – 612 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istoriko-etimologicheskij-slovar-sovremennogo-russkogo-jazyka-tom-1/> (дата обращения: 28.10.2023).
4. Пионтковский А. А., Меньшагин В. Д. Курс советского уголовного права. Особенная часть. – М.: Госюриздат, 1955, – Т. 1. – 543 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lawlibrary.ru/izdanie13557.html>.
5. Круглевский А. Н. Имущественные преступления: исследования основных типов имущественных преступлений. – СПб., 1913. – 549 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003804840?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 28.10.2023).
6. Кригер Г. А. Некоторые вопросы квалификации хищений социалистического имущества // Советская юстиция. – М.: Госюриздат РСФСР, 1964. – № 7. – С. 8-10. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lawlibrary.ru/article1155586.html> (дата обращения: 28.10.2023).
7. Уголовный кодекс РСФСР от 01 июня 1922 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 08.11.2023).
8. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года: с изменениями и дополнениями до 1 июля 1927 года / РСФСР. – Изд. офиц. – М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. – 36 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elilb.shpl.ru/ru/nodes/82569> (дата обращения: 09.11.2023).
9. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и коопераций и укреплении общественной (социалистической) собственности. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/14160828/> (дата обращения: 09.11.2023).
10. Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. // «Ведомости Верховного Совета СССР» 1947 г. – № 19. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/> (дата обращения: 10.11.2023).

САВИКОВА Юлия Борисовна

преподаватель кафедры уголовного процесса Учебно-методического комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОЧНОЙ СТАВКИ

В статье проанализированы основные аспекты производства очной ставки, как достаточно интересного и сложного следственного действия. Далее в статье приведен порядок, а также особенности производства очной ставки, а также приведены обстоятельства уголовного дела, из личного опыта, по которому истина была установлена, в результате производства очной ставки между потерпевшей и подозреваемым.

Ключевые слова: очная ставка, следователь, дознаватель, следственное действие, субъект расследования, показания, существенные противоречия, преступление.

SAVIKOVA Yuliya Borisovna

lecturer of Criminal process sub-faculty of the Educational and Methodological Complex for the Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

PROCEDURAL SIGNIFICANCE AND TACTICAL FEATURES OF THE CONFRONTATION

The article analyzes the main aspects of the production of a confrontation, as a rather interesting and complex investigative action. Further, the article describes the procedure, as well as the specifics of the confrontation, as well as the circumstances of the criminal case, from personal experience, according to which the truth was established, as a result of the confrontation between the victim and the suspect.

Keywords: confrontation, investigator, inquirer, investigative action, subject of investigation, testimony, significant contradictions, crime.

В ряде случаев в ходе расследования следователь либо дознаватель сталкивается с искажением информации участниками уголовного судопроизводства, что препятствует установлению истины по делу. В таких случаях субъект расследования с правом, данным ему нормами уголовно-процессуального законодательства, вынужден проводить достаточно интересное следственное действие, очную ставку. При этом следует уточнить, что, если в показаниях ранее допрошенных лиц имеются существенные противоречия, субъект расследования вправе провести очную ставку, и это ни в коем случае не является его обязанностью. Очная ставка, как следственное действие в своей правовой природе содержит глубокий исторический смысл. В древнерусском источнике права, Русской Правде, такое процессуальное действие трактовалось как «свод». То есть, того, кто являлся собственником похищенной вещи, сводили с тем, у кого он ее приобрел. В нашем современном мире и усовершенствованном уголовно-процессуальном законодательстве, мы под «сводом», понимаем очную ставку.

Говоря об очной ставке, стоит напомнить, что обязательным условием проведения данного следственного действия является наличие существенных противоречий в показаниях участников уголовного судопроизводства. На это ключевое условие четко обращает наше внимание законодатель, а вопрос о существенности противоречий определяется следователем или дознавателем исходя из обстоятельств дела и значения устанавливаемого факта. Получается так, что если субъект расследования оценит противоречия как не существенные, то и оснований для проведения очной ставки не будет. В описанном случае необходимые уточнения можно получить путем дополнительного допроса этих лиц. Если говорить об участниках данного следственного действия, то очная ставка может быть произведена между свидетелями, потерпевшими, обвиняемыми, подозреваемыми, а также между свидетелем и потерпевшим, свидетелем и подозреваемым, свидетелем и обвиняемым, потерпевшим и подозреваемым, потерпевшим и обвиняемым, подозреваемым и обвиняемым. Многие авторы, опираясь на закон, в своих работах обосновывают цели очной ставки все той же необходимостью устранения противоречий в показаниях лиц, ранее подвергнутых допросу. Так, в Словаре по криминалистике, подготовленном в Академии Следственного комитета Российской Федерации, очная ставка определяется как процессуальное (следственное или судебное) действие, которое «заключается в одновременном допросе двух ранее допрошенных лиц (название происходит от старорусского

«очи на очи»), в показаниях которых по поводу одних и тех же обстоятельств имеются существенные противоречия» [1].

Однако во всех случаях очная ставка должна быть произведена только между двумя лицами. В ходе рассуждений о производстве этого простого, но в то же время сложного следственного действия, акцентируем наше внимание на его эффективности. Среди практических сотрудников бытует мнение, что очная ставка не приносит никаких результатов в ходе расследования, и ее производство только лишь затягивает процессуальные сроки. Например, по уголовному делу по факту открытого хищения чужого имущества с применением насилия не опасного для жизни и здоровья, потерпевшая сторона утверждает, что подозреваемый нанес удар, а подозреваемый в ходе очной ставки не подтверждает показания потерпевшего в части нанесения телесного повреждения. Таким образом, каждый остался при своем мнении, отстаивает свою позицию, и субъект расследования в таком случае делает вывод о безрезультативности проведенной очной ставки. Однако, не стоит в приведенных случаях сразу, скажем так «разочаровываться». Посмотрите на такую очную ставку с другой стороны, потерпевший, который в ходе допроса четко пояснил об обстоятельствах совершенного преступления, в ходе очной ставки еще раз подтвердил свои показания, это и есть положительный результат. Рассмотрим и еще один вопрос, волнующий теоретиков и практиков, которые утверждают, что в ходе очной ставки запрещено задавать вопрос: «настаиваете ли Вы на своих показаниях», так как он является наводящим. Считаем, что данный вопрос ни в коем случае, не относится к категории наводящих, это уточняющий вопрос. Представьте, что после того, как в ходе очной ставки, к примеру, потерпевший подтвердил ранее данные им показания, и на вопрос следователя, настаивает ли он на своих показаниях, еще раз, уверенно ответил да, это и есть положительный результат очной ставки. Данное обстоятельство будет являться залогом того, что в ходе уже судебного следствия, потерпевший подтвердит свои показания. Есть исключения из приведенных фактов, к примеру потерпевший в ходе расследования настаивал на привлечении виновного лица к уголовной ответственности, всячески способствовал этому, и на очной ставке подтвердил ранее данные показания, но по каким-то причинам в ходе судебного заседания отказался от своих показаний, такие случаи не редкость в следственной и судебной практике. Потерпевшие тоже бывают разные, и обладают различными человеческими качествами, как хорошими, так и не очень. Из личного опыта, могу сказать, что за многолетнюю практику очная ставка дала скажем так, сто-

процентный результат, и виновное лицо было изобличено в ходе производства следственного действия. По уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 330 УК РФ расследование длилось достаточно долго, промежуточные решения были отменены прокурором района и уголовное дело вновь направлялось для производства дополнительного расследования. Потерпевшая неоднократно обжаловала наши действия в порядке ст. 125 УПК РФ, в судебном заседании были просто «баталии», потому как, каждый раз после проведенного дополнительного дознания, производство по уголовному делу было прекращено. Данное уголовное дело вновь и вновь возвращалось для производства дополнительного расследования, в ходе которого проводились следственные действия, которые не приносили результата. И по данному делу мною была проведена очная ставка, в ходе которой потерпевшая, сама того, не понимая, в присутствии своего представителя, призналась в том, что оговорила подозреваемого, с которым их связывала многолетняя дружба, и никакого преступления он не совершал. Что касается личности потерпевшей, то она оказалась заурядной, ранее была осуждена за совершение преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, но судимость была погашена. Суть заключалась в том, что потерпевшая взяла в долг у подозреваемого 100 000 рублей, написав расписку, а когда спустя год, не смогла их вернуть, предложила забрать в счет долга телевизор, который она и ее супруг помогли нашему подозреваемому достать из автомобиля, так как самостоятельно он в силу объективных причин не смог бы этого сделать. В ходе очной ставки данный факт был благополучно установлен, путем собственного признания так называемой «потерпевшей». Сразу стоит отметить, что в ходе производства данной очной ставки все показания были дословно зафиксированы, то есть ничего из виду упущено не было, и участники не могли отказаться от своих слов.

Обсуждая процессуальные особенности очной ставки, следует не забывать, что данное следственное действие проводится в случае возникновения существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц, которых должно быть двое. Некоторые ученые, опираясь на требования закона о том, что целью очной ставки является устранение существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц, в то же время говорят о возможности ее проведения между тремя и более участниками процесса, так как действующий УПК, в отличие от УПК РСФСР 1960 г. не указывает на конкретное количество лиц - участников очной ставки [2]. Теоретически можно предположить, что в этом есть какой-то смысл, однако на практике воплотить в реальность данное действие достаточно затруднительно. Предположите на минуту, что очная ставка проводится между тремя и более лицами, трудно представить, как в такой обстановке участники будут себя вести и кому первым предоставить право давать показания, как определиться, чьи показания мы доверяем больше. В такой обстановке на наш взгляд трудно было бы устранить противоречия и объективно оценить показания, и тем более уж установить истину по уголовному делу. Если до проведения очной ставки лицо не было допрошено, и соответственно не получено каких-либо сведений об обстоятельствах совершенного преступления, то, следуя логике, ни о каких противоречиях в показаниях не может быть и речи. Если же субъект расследования решился на данный шаг, то в указанном случае очная ставка будет признана недопустимым доказательством. Еще один скажем так процессуальный спор возникает между коллегами, когда подозреваемый отказывается от дачи показаний, руководствуясь ст. 51 Конституции Российской Федерации, а потерпевшая сторона допрошена в установленном порядке с изложением обстоятельств совершенного преступления. О каких существенных противоречиях идет речь, если подозреваемый попросту молчит, мы не узнаем его версию произошедшего, тогда о какой очной ставке можно говорить. Мы будем задавать ему необходимые вопросы в ходе очной ставки, но в ответ либо молчание в присутствии защитника, либо он неоднократно нам напомнит о том, что воспользовался ст. 51 Конституции РФ. Однако в практической деятельности такие ситуации не редкость, потому как очная ставка все равно проводится по указанию надзирающего органа и протокол очной ставки систематизируется в материалах уголовного дела.

Вернемся к цели очной ставки, которые в зависимости от следственной ситуации, могут быть самыми разными. В

юридической литературе выделяются и иные цели проведения очной ставки, как мы уже отметили. Например, выяснить, показания кого из допрошенных лиц соответствуют действительности, или же помочь добросовестному участнику процесса припомнить те обстоятельства по делу, которые он забыл, или мог перепутать. В то же время очная ставка в некоторых следственных ситуациях может быть достаточно эффективной для разоблачения оговора, либо же помочь в случаях самооговора, то есть, когда подозреваемый, руководствуется личными мотивами, а именно уберечь от уголовной ответственности родных или близких ему людей, или же наоборот, защитить своих соучастников, взяв их вину на себя.

Некоторые авторы, исследуя современную практику производства очной ставки в России, приходили к тому, что следователи (дознатели) при расследовании преступлений все чаще не принимают во внимание требования ч. 1 ст. 192 УПК РФ, а именно о проведении очной ставки только при наличии в показаниях существенных противоречий у ранее допрошенных лиц. Кроме того, иногда субъекты расследования даже не преследуют цель установить правдивость или ложность показаний лица. То есть субъекты расследования проводят очную ставку ради того, чтобы она просто была, чтобы просто протокол очной ставки был систематизирован в материалах уголовного дела, ссылаясь на требования руководства следственного органа или прокуратуры, о чем ранее было отмечено. Что касается порядка проведения данного следственного действия, то следователь (дознатель) выясняет у лиц, между которыми проводится очная ставка, знают ли они друг друга и в каких отношениях находятся между собой. Стоит отметить, что если, к примеру, очная ставка проводится между родственниками, то не целесообразно задавать вопросы знают ли они друг друга. В таком случае нужно просто спросить какие между ними взаимоотношения, так на наш взгляд правильнее всего. Допрашиваемым лицам поочередно предлагается дать показания по тем обстоятельствам, для выяснения которых проводится очная ставка. Лица, между которыми проводится очная ставка, могут с разрешения следователя задавать вопросы друг другу. О производстве очной ставки составляется протокол. Показания допрашиваемых лиц в протоколе записываются в той очередности, в какой они давались. В протоколе отражаются вопросы, заданные участниками очной ставки друг другу, и ответы на них. Протокол предъявляется участникам для ознакомления или по их просьбе прочитывается следователем вслух. Допрашиваемые вправе требовать внесения дополнений и изменений в запись своих показаний. Каждый участник подписывает свои показания и каждую страницу в отдельности. Помимо прочего не стоит забывать о поведении субъекта расследования в ходе проведения очной ставки, и ни в коем случае никогда нельзя занимать позицию кого-либо из участников, как это было в истории одного из подразделений, когда сотрудник позволила подозреваемому некорректное поведение, сопровождающееся высказыванием оскорблений в адрес потерпевшей, в присутствии адвоката, который вел себя, как ребенок, посмеиваясь над потерпевшей. Как итог, потерпевшая, в момент очередной вспышки неуместного юмора сотрудника полиции и некорректного поведения адвоката, просто вышла из кабинета и обратилась с жалобой не только в прокуратуру района, но и на телефон доверия, и была абсолютно права в данной ситуации. Это недопустимые факторы в профессиональной деятельности сотрудников следственных подразделений.

Таким образом, соблюдение не только норм уголовно-процессуального законодательства, но и применение определенных тактических приемов при проведении очной ставки будет являться залогом успешного производства данного следственного действия.

Пристатейный библиографический список

1. Бастрыкин А. И. Криминалистика. Техника, тактика и методика расследования преступлений: Науч.-практ. пособ. 3-е изд., перераб. и доп. - СПб.: Проспект, 2011. - С. 275.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.
3. Соловьев А. Б. Очная ставка. Методическое пособие. - М.: Юрлитинформ, 2006. - С. 8.
4. Победкин А. В., Яшин В. Н. Следственные действия: Монография. - М.: Юрлитинформ, 2016. - С. 144-145.

СМОЛЯКОВ Анатолий Анатольевич

кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры общеправовых дисциплин Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России

ПАВЛОВ Дмитрий Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, АНО ВО «Университет при МПА ЕврАэЭС»

ЧАСОВНИКОВА Ольга Георгиевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА ДРЕВНЕЙ РУСИ В X-XI ВВ.

В статье рассматривается историко-правовой анализ источников процессуального права в Древней Руси. В процессе исследования обозначена роль правового обычая и княжеских законов в регулировании уголовно-правовых отношений на стадии зарождения российской государственности, проанализированы основные научные подходы к «Закону Русскому».

Ключевые слова: правовой обычай, уголовный процесс, источник права, «Закон Русский», Русская Правда, Псковская судная грамота.

SMOLYAKOV Anatoliy Anatoljevich

Ph.D. in Law, professor, professor of General legal disciplines sub-faculty of the Leningrad regional branch of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

PAVLOV Dmitriy Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law disciplines sub-faculty of the ANO VO "University at the IPA EurAES"

CHASOVNIKOVA Olga Georgievna

Ph.D. in Law, associate professor of Labor law sub-faculty of the Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev St. Petersburg University of the Ministry of EMERCOM of Russia

ON THE QUESTION OF THE SOURCES OF CRIMINAL PROCEDURE LAW OF ANCIENT RUSSIA, IN THE X-XI CENTURIES

This article is devoted to the historical and legal analysis of the sources of procedural law in Ancient Russia. In the course of the research, the role of legal custom and princely laws in regulating criminal law relations at the stage of the origin of Russian statehood was identified, the main scientific approaches to the "Russian Law" were analyzed.

Keywords: legal custom, criminal procedure, source of law, "Russian Law", Russkaya Pravda, Pskov judicial charter.

С точки зрения представителей исторической школы права (в частности, немецких юристов Г. Ф. Пухты и Ф. К. фон Савиньи), право, как исторический феномен, формируется под влиянием свойственного тому или иному народу правосознания и духа, причём ключевое значение отводится обычному праву, как воплощению правовых коллективных взглядов народа, из которого оно и черпает свою силу, имея преимущество перед законом как актом частного волеизъявления, носящем отпечаток личных взглядов и убеждений законодателя [1, с. 54]. Представители вышеуказанного учения отстаивали идею того, что право является результатом исторического развития того или иного общества, а потому индивидуально и складывается под влиянием многих объективных условий.

Доказательством обозначенной точки зрения является правовая система Древней Руси в X-XV вв., в частности, её уголовно-процессуальная отрасль, которая, с историко-правовой точки зрения, является уникальной, поскольку не имеет аналогов в исторической ретроспективе и формировалась под влиянием многих разнородных факторов.

В связи с отсутствием каких-либо формализованных, систематизированных и кодифицированных нормативно-правовых актов на Руси вплоть до XI в., общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства регулировались многочисленными «мононормами», объединявшими в себе нормы морали, религии и права архаического этапа становления российской государственности [2, с. 94].

Из известных нам сегодня правовых обычаев Древней Руси значительное распространение тогда получил обычай

кровной мести, впоследствии получивший законодательное закрепление и предполагавший осуществления права на наказание самим потерпевшим.

Вскоре наравне с обычным правом основными регуляторами общественных отношений становятся нормы общинного права, под которыми кандидат исторических наук Костогрызов П. И. понимает нормы, «определяющие взаимные отношения людей в общине», и общеобязательность которых обеспечивается общиной самостоятельно, без чьего-либо вмешательства [3, с. 77].

По мере объединения славянских племён и формирования единой российской государственности происходит процесс унификации договоров, рядов и других источников права, в том числе правовых актов князей. Так, если при Олеге Вещем наряду с уставом 882 года ещё действовали обычаи, то уже при Игоре Рюриковиче появились первые писанные «уставы», предусматривавшие денежное взыскание за посягательство на право собственности и нанесение увечий, что в значительной степени ограничивало упоминаемый нами ранее обычай кровной мести, заменяя его в определённых случаях денежной компенсацией [4, с. 16]. Аналогичный устав был принят во время правления княгини Ольги в 947 г.

Следующим этапом развития уголовно-процессуального права в Российском государстве стало принятие источника, известного нам из русско-византийских договоров X века и до сих пор являющемся предметом споров среди юристов и историков, – «Закона Русского».

Среди учёных нет единого мнения о том, существовал ли данный источник права в письменном виде или же он, аналогично ранним «уставам» русских князей, применялся лишь по памяти и состоял из разрозненных правовых норм, сохранившихся в русско-византийских договорах [5, с. 146-150].

Как бы то ни было, не поддаётся сомнению факт того, что данный источник права является древнейшим сводом законов, по которому не только удельные князья, но и сам великий князь киевский вершили правосудие вплоть до XI века.

Основное внимание в «Законе Русском» уделялось уголовно наказуемым деяниям. Так, данный свод впервые разграничил преступления на две основные категории: против жизни и здоровья, и против собственности. Наглядным примером такого разграничения является русско-византийский договор 911 года, предусматривавший денежный штраф за преступление против личности: «аще ои оударит мечем... да вдаст литръ 5 по закону Русскому». На данную норму русские князья ссылались преимущественно при определении наказаний за имущественные и уголовные преступления.

Помимо того были предусмотрены штрафные санкции за такие деяния, как использование без спросу чужой лошади («аще кто поедеть на чужем коне, не прошав его, то положите 3 гривне»), бегство от господина челяди («аще ли челядин съкрыется... то изымати ему: свои челядин, а 3 гривне») и иные преступления, связанные с нанесением ущерба здоровью или имуществу.

Так, в соответствии с Уставом, к ведению церковного суда были отнесены преступления против веры, церковного имущества, священнослужителей, а также преступления против нравственности.

К подсудным же были отнесены священнослужители, паломники, отпущенные на волю по духовной, рабы, получающие содержание от церкви вдовы, увечные, «вси причетници церковнии» и др. [6].

Устав о церковных судах князя Ярослава, также известный как церковный устав Ярослава, характеризуется большей четкостью норм процессуального права.

В частности, Устав разграничивает преступления «церковно-гражданские», т. е. подлежащие совместному рассмотрению представителями светской и церковной властей, и исключительно церковные, относящиеся в большей степени к уголовной отрасли права.

Переломным этапом в истории становления и развития уголовно-процессуального права Древней Руси стало принятие в XI в. первого письменного свода законов Руси – Русской Правды, три редакции (сборника) которого были составлены в XI-XIII вв.: Правда Ярослава, Правда Ярославичей и Пространная редакция. В 1113 году в состав Пространной редакции был включён свод законов Владимира Монаха, известный как Устав Владимира Всеволодовича, включавший в себя 69 статей.

Данные сборники стали своего рода результатом систематизации упомянутых нами ранее норм обычного права (в т. ч. общинного права), княжеских уставов, «Закона Русского» и отчасти, источников византийского права.

Насчёт признания факта рецепции русскими законодателями норм римско-византийского права, в том числе норм церковноправовых законов Византии при составлении редакций Русской Правды, в научной среде отсутствует единое мнение.

Учитывая почти трёхсотлетнее активное экономическое, политическое и культурное взаимодействие восточных славян с Византийской империей, можно предположить о проникновении отдельных норм византийского светского и религиозного права в правовые источники Древней Руси, возможно и не настолько масштабное, как описывал Ключевский. Наша позиция во многом подтверждается положениями упоминаемой в начале работы исторической теории права, касающихся, в частности, вопросов влияния экономи-

ческих, политических, культурных и иных факторов на становление правовых систем народов.

С уголовно-процессуальной точки зрения, Русская Правда представляет большой интерес, поскольку значительная часть учёных связывает возникновение уголовного процесса и составивших его элементов на Руси именно с принятием первого письменного свода законов.

При анализе текста Пространной Правды можно найти нормы, доказывающие использование упомянутых нами ранее источников при составлении текста данного свода законов. Так, в ст. 1 прописаны условия применения такого правового обычая, как кровная месть: «если убьет муж мужа, то мстить брату за брата, или отцу, или сыну, или двоюродному брату, или сыну брата...». Помимо того, ст. 33 предусматривает денежный штраф за использования без спросу чужого коня («если кто съедет на чужого коня без спросу, то 3 гривны»), что является прямой отсылкой к «Закону Русскому». Таким образом, мы находим подтверждение научному тезису об основополагающем значении правовых обычаев и Закона Русского в формировании Русской Правды.

С уголовно-процессуальной точки зрения, наибольший интерес представляет Псковская судная грамота, поскольку Новгородская судная грамота регулировала в большей степени гражданские и, связанные с ней, гражданско-процессуальные отношения.

В качестве отличительной особенности Псковской судной грамоты (ПСГ) можно выделить наличие более упорядоченной, по сравнению с нормами Русской Правды, системы судебных доказательств, причём предпочтение отдавалось письменным доказательствам, среди которых можно выделить «доску» (частную расписку) и «запись» - официальный документ с конкретным местом хранения его копии [7, с. 5].

Таким образом, были выделены основные источники уголовно-процессуального права в Древнерусском государстве в X-XI вв. и проведён их историко-правовой анализ.

Пристатейный библиографический список

1. Чернявский А. Г. Историческая школа и естественное право // Вестник Академии права и управления. - 2021. - С. 54.
2. Муромцев Г. И. Мононорма как стадия становления права // Вестник Московского университета МВД России. - 2017. - С. 94.
3. Костогрызов П. И. Общинное право // Антиномии. - 2019. - С. 77.
4. Хакимова Л. Р. Законодательные источники, регламентирующие назначение наказаний, ограничивающих свободу преступника в обычном праве восточных славян // Вестник Южно-Уральского государственного университета. - № 38. - 2010. - С. 16.
5. Агаев Г. А., Сафонов В. Н., Зорина Е. А. Ретроспективный анализ законодательного становления института допроса в России (досоветский этап) // International Law Journal. - 2023. - Т. 6. - № 1. - С. 146-150. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://ilj-journal.ru/wp-content/uploads/2023/01/international-law-journal-t-6-1-2023.pdf>.
6. Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных // История государственно-конфессиональных отношений в России: XX – начало XXI века. Выпуск 1. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/istorija-gosudarstvenno-konfessionalnyh-otnoshenij-v-rossii-20-nachalo-21-veka-vypusk-1/1.
7. Дьячкова А. И. Суд и судебный процесс по псковской судной грамоте // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. - 2011. - С. 5.

ТОРОВКОВ Алексей Александрович

старший преподаватель кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России

КОНОВАЛОВ Артём Юрьевич

курсант 3 курса Факультета подготовки сотрудников полиции и следователей Барнаульского юридического института МВД России

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ (УГОЛОВНОГО ДЕЛА) В ОТНОШЕНИИ ЛИЦА, ПРИВЛЕКАЕМОГО К УЧАСТИЮ В СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ: АЛГОРИТМ ДЕЙСТВИЙ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Настоящая статья посвящена анализу норм Федерального закона от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции». Авторами в целом положительно оценивается принятие нового федерального закона и предлагается конкретный порядок действий следователя (дознавателя) в случае изъявления подозреваемым или обвиняемым желания воспользоваться универсальным механизмом освобождения от уголовной ответственности. Было сформулировано авторское содержание предлагаемой для внесения в УПК РФ статьи, регулирующей прекращение уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемых (обвиняемых), привлекаемых к участию в специальной военной операции.

Ключевые слова: специальная военная операция, приостановление уголовного дела, прекращение уголовного преследования, освобождение от уголовной ответственности.

TOROVKOV Alexey Alexandrovich

senior lecturer of Criminal process sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

KONOVALOV Artem Yurjevich

cadet of the 3rd course of the Faculty of Training Police Officers and Investigators of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

PROCEDURAL ORDER FOR TERMINATING CRIMINAL PROSECUTION (CRIMINAL CASE) AGAINST A PERSON INVOLVED IN PARTICIPATION IN A SPECIAL MILITARY OPERATION: ALGORITHM OF ACTIONS OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION AUTHORITIES

This article is devoted to the analysis of the norms of Federal Law No. 270-FZ dated 06/24/2023 «On the specifics of criminal liability of persons involved in a special military operation». The authors generally positively assess the adoption of the new federal law and propose a specific procedure for the investigator (inquirer) in case the suspect or accused expresses a desire to use the universal mechanism of exemption from criminal liability. The author's content of the article proposed for inclusion in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regulating the termination of a criminal case or criminal prosecution against suspects (accused) involved in a special military operation was formulated.

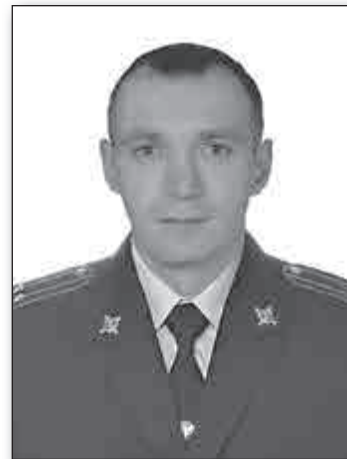
Keywords: special military operation, suspension of the criminal case, termination of criminal prosecution, exemption from criminal liability.

В условиях проведения специальной операции на Украине курс уголовной политики Российского государства претерпевает изменения, так в уголовный закон были включены новые составы преступлений (ст. 207³, 280³ УК РФ и др.), но более уникальным событием стало издание Федерального закона от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» (далее - Федеральный закон).

Федеральный закон устанавливает самостоятельный механизм освобождения от уголовной ответственности: лицо, являющееся подозреваемым или обвиняемым по ограниченному кругу преступлений и заключившее контракт о прохождении военной службы в Вооруженных силах Российской Федерации (далее - ВС РФ), призывается для участия в специальной военной операции (далее - СВО), а предварительное расследование в отношении него приостанавливается [7]. В дальнейшем, если лицо проявит себя на службе «должным образом», то есть получит государственную награду или бу-

дет уволено со службы по указанным в законе основаниям, оно должно быть освобождено от уголовной ответственности, соответственно, уголовное дело (уголовное преследование) подлежит прекращению.

Цель законодателя в новом законе ясна и понятна, но тот факт, что реализация задуманного произошла не путём внесения изменений в нормы УК РФ и УПК РФ, регулирующие материально-правовой институт освобождения от уголовной ответственности и процессуальные институты приостановления и прекращения уголовных дел, а изданием отдельного нормативно-правового акта, на который ни УК РФ, ни УПК РФ не ссылаются, вызывает вопросы. Как отмечает профессор Л. В. Головкин «причины выбора такого регулирования, видимо, связаны со стремлением не перегружать кодексы глубоко техническими и отчасти «ситуативными», связанными с конкретным событием, пусть и исторического масштаба положениями» [1, с. 26]. Вышеуказанное обстоятельство предопределило возникновение большого количества вопросов и

Торовков А. А.

Коновалов А. Ю.

проблем, как в теории, так и на практике. Очень важным, по нашему мнению, является определение процессуального порядка прекращения уголовного преследования (уголовного дела) в отношении лица, привлекаемого к участию в специальной военной операции. В самом деле, алгоритм действий следователя (дознателя) в федеральном законе не установлен, отсутствие изменений в УК РФ и УПК РФ лишь усиливает неопределённость.

В данной статье мы попытаемся выстроить процессуальный порядок (алгоритм), который подразумевался Федеральным законом, основываясь на нём и на положениях УПК РФ, регламентирующих процедуру приостановления и прекращения уголовного дела (уголовного преследования).

Так, Федеральный закон устанавливает правовые гарантии и основания освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время в ВС РФ, заключающих (заключивших) контракт о прохождении военной службы в ВС РФ либо проходящих военную службу в ВС РФ в период мобилизации, в период военного положения или в военное время. Стоит отметить, что речь в Федеральном законе идет не только о лицах, которые были призваны на военную службу или проходящие военную службу, но и о лицах, заключающих контракт о прохождении службы в ВС РФ.

Первая ситуация, которая может возникнуть видится нам следующим образом: лицо в отношении которого осуществляется уголовное преследование сообщает следователю (дознателю) о факте призыва на военную службу по мобилизации или в военное время, либо о заключении в периоды мобилизации, военного положения, военного времени контракта о прохождении военной службы в ВС РФ и предоставляет следователю (дознателю) соответствующие документы, подтверждающие данный факт (копию контракта и т.д.). Следователь (дознатель) приобщает указанные документы к уголовному делу. По прибытию подозреваемого (обвиняемого) к месту прохождения военной службы, он обязан проинформировать командование воинской части об осуществлении в отношении него уголовного преследования. Командование воинской части после этого обязано подготовить ходатайство на имя следователя (дознателя) о приостановлении предварительного следствия (дознания), сообщив при этом точное место службы подозреваемого (обвиняемого). Алгоритмы дальнейших действий следователя (дознателя) рассмотрим ниже, после анализа иной ситуации, которая также может возникнуть. Так как дальнейшие действия следователя (дознателя) будут идентичны для обеих рассматриваемых ситуаций.

Вторая ситуация может происходить следующим образом, когда у следователя (дознателя) в производстве находится уголовное дело в котором есть подозреваемый (обвиняемый), который решает реализовать своё право, данное ему Федеральным законом, и высказывает следователю (дознателю) свое желание заключить контракт о прохождении военной службы в ВС РФ.

Первоначальный алгоритм действий в данной ситуации можно представить следующим образом:

1) Изъявление лицом желания заключить контракт о прохождении военной службы в ВС РФ

Прежде всего, подозреваемый или обвиняемый должен изъявить желание заключить контракт о прохождении военной службы. Право рассматриваемой категории субъектов на заключение контракта о прохождении военной службы было закреплено в Федеральном законе от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (далее - Закон о военной службе). В свою очередь, Закон о военной службе устанавливает собственный порядок и требования к кандидату на службу (18-летие лица, соответствие требованиям, установленных для поступающих на службу и др.) [8]. Отбор осуществляется военными комиссариатами, в работе комиссий которых могут принимать участие представители воинских частей, для которых проводится отбор. Дополнительно, в новой редакции Закона о военной службе указывается, что особенности заключения контрактов с рассматриваемыми

субъектами определяются Министерством обороны РФ (далее - МО РФ), однако в настоящее время они так и не определены, по крайней мере, в публичном доступе.

Вопрос о том, а каким именно образом следователь (дознатель) должен зафиксировать данное «изъявление» можно решить следующим образом. Об «изъявлении» должно свидетельствовать ходатайство подозреваемого или обвиняемого о желании заключить контракт с ВС РФ, поданное в письменном виде на имя следователя (дознателя). В целях наибольшего обеспечения прав и законных интересов лица, а также предотвращения возможного принуждения, ходатайство также подписывается защитником, участие которого в данном случае представляется обязательным. Консультация с защитником в данном случае выступает как гарантия добровольности [5, с. 134] и гарантия разъяснения правовых последствий выполнения или невыполнения условий контракта. Обусловленность установления письменной формы видится в том, что данный документ послужит надёжной основой для дальнейших действий следователя (дознателя). Будет исключена ситуация, когда подозреваемый или обвиняемый с целью затянуть процесс, потом просто скажет, что от него никаких заявлений не исходило. Указание в ходатайстве следователя (дознателя), а не прокурора, объясняется тем, что именно следователь (дознатель) будет главным организатором процесса приостановления, а затем и прекращения уголовного дела (уголовного преследования), поэтому участия прокурора как субъекта надзора здесь будет вполне достаточным.

Данное ходатайство подозреваемый или обвиняемый вправе подать с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного расследования. Касательно разъяснения следователем (дознателем) права подозреваемому (обвиняемому) ходатайствовать о заключении контракта с ВС РФ и о правовых последствиях процедуры, установленной Федеральным законом, то, по нашему мнению, это следует осуществлять до начала первого допроса, делая затем соответствующую отметку в протоколе допроса подозреваемого либо на иных этапах предварительного расследования, (например, после предъявления обвинения, перед допросом лица в качестве обвиняемого).

2) Решение следователя по поступившему ходатайству подозреваемого или обвиняемого, действия по приостановлению предварительного расследования

Получив соответствующее ходатайство, следователю (дознателю) необходимо его рассмотреть и разрешить. При отказе в удовлетворении заявленного ходатайства у подозреваемого или обвиняемого должна сохраняться возможность обжаловать отказ руководителю следственного органа, прокурору либо в суд в порядке ст. 124, 125 УПК РФ.

Между тем, Ю. А. Цветков указывает, что Федеральный закон, как представляется, не допускает возможности приостановления уголовного дела в отношении такого лица без ходатайства командования воинской части, например, по собственному ходатайству или ходатайству защитника [9, с. 30]. Иную позицию занимает К.Б. Калиновский, который допускает приостановление уголовного дела в отношении такого лица и без ходатайства командования воинской части, например, по собственному ходатайству или по ходатайству защитника. Мы поддерживаем вторую точку зрения, и считаем, что лицо, имеющее процессуальный статус подозреваемого (обвиняемого) по уголовному делу, имеет право заявить такое ходатайство лично после консультации с защитником [4, с. 32].

При удовлетворении ходатайства подозреваемого (обвиняемого) последующие действия следователя (дознателя) будут связаны с уведомлением военного комиссариата и ожиданием организации им военно-врачебной комиссии (далее - ВВК). Срок продолжительности ВВК не может быть известен точно, к тому же, в современных условиях нагрузка на военкоматах довольно высокая, а после принятия Федерального закона она только возрастёт, следовательно, с приостановлением течения срока предварительного расследования может справиться только институт приостановления.

Между тем, никто не отменял вероятность того, что подозреваемый или обвиняемый может быть признан негодным для военной службы, а значит, контракт с ВС РФ он заключить не сможет и универсальный механизм прекращения уголовного дела ломается. В таком случае, следователю не составит труда возобновить приостановленное предварительное следствие. Данное правило универсально подходит и в случае, если подозреваемый или обвиняемый захочет затянуть процесс предварительного расследования.

Вопрос вызывает то, почему законодатель выбрал сначала институт приостановления, а не сразу прекращения уголовного дела? Возможно, выбор основан, прежде всего, на том, что лицо ещё не выполнило свой долг по защите Отечества, не «искупило» свою вину, к тому же, никто не отменял вероятность нарушения им контракта, так что государство даёт своеобразную «отсрочку» для того, что бы лицо доказало свои благие намерения. Между тем, ключевым фактором, по нашему мнению, послужило отсутствие в УПК РФ соответствующей нормы о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), тогда как в институте приостановления одно из оснований так или иначе подходит под рассматриваемый случай.

Итак, после удовлетворения ходатайства подозреваемого (обвиняемого) о желании воспользоваться «особым порядком» следователь должен уведомить военный комиссариат о наличии желающего заключить контракт с ВС РФ. В целом, каким именно способом следователь оповестит военный комиссариат не играет большого значения, это может быть в виде обычного телефонного звонка, направление письма с приложением копии ходатайства подозреваемого или обвиняемого. Далее, военный комиссар запрашивает дело потенциального призывника в своём подразделении, изучает его, решает вопрос о вероятной военной части, затем сообщает следователю (дознавателю) о дате, времени и месте организации ВВК для потенциальной возможности заключения контракта. Военный комиссар должен в кратчайшие сроки направить подозреваемого или обвиняемого на ВВК, которая определит его окончательную годность.

Если кандидат отвечает всем требованиям для заключения контракта, то его подписание лицом осуществляется непосредственно после дачи заключения комиссии о годности. Данный этап является последним, когда подозреваемый или обвиняемый может отказаться от процедуры и ранее заявленного ходатайства, установленной Федеральным законом.

После заключения контракта военный комиссар направляет одну копию контракта следователю для его информированности об итогах процедуры и приобщения копии к материалам УД, а другая копия контракта вместе с копией ходатайства направляется уже определённому командованию воинской части, в которой лицо будет проходить военную службу.

Далее алгоритм действий для обеих ситуаций общий и начинается с того, что командование воинской части должно ходатайствовать перед должностным лицом, осуществляющим предварительное расследование по уголовному делу о его приостановлении.

Федеральный закон исходит из данности приостановления уголовного дела, которое было осуществлено на основании ходатайства командования воинской части. Однако, ст. 208 УПК РФ подобного основания приостановления не содержит, выход же, по нашему мнению, видится в применении п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Во-первых, так как никаких изменений в УПК РФ внесено не было, а потому, что понимать под ходатайством командования воинской части, что в нём должно содержаться и как его указывать в постановлении о приостановлении предварительного расследования неизвестно. Ввиду этого, решение проблемы органам предварительного расследования следует искать в рамках действующего уголовно-процессуального законодательства. Представляется, что под данный случай наиболее подходит такое основание как «место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако, реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует». В действительности, место нахождения лица нам известно,

но в отношении него запускается универсальный механизм прекращения уголовного дела (уголовного преследования), предполагающий поступление на военную службу в период мобилизации. К тому же, приостановление предварительного расследования в связи с призывом подозреваемого или обвиняемого на военную службу имеет место быть на практике [10, с. 54].

3) Принятие следователем итогового решения по уголовному делу

После приостановления предварительного расследования дальнейшая судьба уголовного дела непосредственно зависит от подозреваемого или обвиняемого. Исхода в данном случае может быть всего два:

а) благоприятный исход. Возобновление предварительного расследования и прекращение уголовного дела (уголовного преследования).

Благоприятный исход предполагает, что лицо, предварительное следствие (дознание) в отношении которого приостановлено, удовлетворяет установленным Федеральным законом требованиям освобождения от уголовной ответственности, то есть было награждено государственной наградой в период прохождения военной службы или уволено с военной службы по определённым в законе основаниям.

Решение о награждении государственной наградой принимается Президентом РФ на основании внесённого ему представления, полагаем, что получить такую награду лицо может благодаря личным достижениям на службе либо как то иначе положительно отличившись. Сам порядок награждения определяется специальным указом Президента РФ [6].

Что же касается оснований увольнения, то они установлены в том же Законе о военной службе, всего их три. Первое основание подразумевает достижение предельного возраста пребывания на военной службе. Второе связано с негодностью к военной службе, которая устанавливается военно-врачебной комиссией. И третье основание, которое было специально создано для данного случая: в связи с окончанием периода мобилизации, отменой (прекращением действия) военного положения и (или) истечением военного времени.

В обоих случаях у командования воинской части, в которой лицо проходило службу, присутствует обязанность должным образом оповестить следователя (дознавателя), направив ему ходатайство о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) с приложением соответствующих документов: копия указа о награждении или копия приказа об увольнении из ВС РФ.

Получив данные документы, следователь (дознаватель) приступает к следующей процедуре действий. Во-первых, он возобновляет предварительное расследование по п. 1 ч. 1 ст. 211 УПК РФ, и тут же прекращает уголовное дело (уголовное преследование) с обязательным уведомлением всех заинтересованных лиц. Согласно УПК РФ, прекращая уголовное дело, следователь выносит соответствующее постановление с указанием пункта, части и статьи УПК, на основании которых оно прекращается. Однако, мало того, что в УПК нет такого основания, которое предполагает Федеральный закон, так ещё ни одно из существующих в кодексе оснований прекращения даже гипотетически не подходит под рассматриваемый случай. Интересная ситуация выходит, что освободить от уголовной ответственности Федеральный закон обещает, между тем в каком процессуальном порядке и по какому основанию, закреплённому в УПК РФ это будет происходить остаётся загадкой до сих пор.

Ввиду этого, по нашему мнению, в уголовно-процессуальный закон необходимо внести соответствующие изменения, а именно закрепить новое основание прекращения уголовного дела (уголовного преследования). Примечательно, что попытка сформулировать основание прекращения уголовного дела (уголовного преследования) была предпринята ещё до разработки Федерального закона. Так, законодательное собрание Челябинской области, в рамках совершенствования уголовно-процессуального законодательства, выступило с законодательной инициативой по дополнению УПК РФ статьей 25.2 «Прекращение уголовного дела или уголовного

преследования в связи с изменением обстановки» [3]. Инициатива была, по нашему мнению, разумной и имела под собой веские основания, но впоследствии законопроект был отклонён. Мы же сами попробуем сформулировать новую статью УПК РФ, которая бы позволяла прекратить уголовное дело (уголовное преследование) в отношении лица, привлекаемого к участию в СВО.

Исходя из проведённого исследования, норма закона может выглядеть следующим образом: Статья 25.2 УПК РФ «Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с выполнением лицом требований законодательства Российской Федерации об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции»:

«Следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании ходатайства командования воинской части прекратить уголовное дело или уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если ранее это лицо добровольно изъявило желание проходить службу в Вооружённых Силах Российской Федерации, в связи с чем уголовное дело было приостановлено».

Присутствие в конструкции следователя и дознавателя, действия которых санкционируют руководитель следственного органа и прокурор соответственно, построено по аналогии со ст. 25 УПК РФ и призвано способствовать дополнительному контролю за действиями должностного лица, осуществляющего производство по уголовному делу.

Вследствие этого, закрепление предложенной нами нормы в уголовно-процессуальном законодательстве в должной мере улучшит правоприменение Федерального закона органами предварительного расследования. Невнесение изменений в уголовный и уголовно-процессуальный законы из соображений «лишних» корректировок, мы находим достаточно абсурдным, так как на практике просто нет условий для реализации принятого Федерального закона.

б) неблагоприятный исход. Возобновление предварительного следствия и продолжение производства по уголовному делу.

Под неблагоприятным исходом мы подразумеваем различные формы нарушения условий контракта: расторжение, дезертирство и т.д. Такие случаи Федеральный закон не регулирует, мы же представляем дальнейшие действия следователя (дознателя) следующим образом.

Командование воинской части сообщает следователю о нарушении лицом условий контракта, после чего лицо доставляется к месту производства предварительного расследования. Следователь (дознатель), получивший уведомление о нарушении подозреваемым или обвиняемым условий контракта, возобновляет производство по уголовному делу и далее расследует его в общем порядке. Вместе с тем, как следует рассматривать то, что лицо уже успело прослужить продолжительный период времени? Срок службы должен идти в зачёт при назначении наказания? В данном случае, важен тот факт, что лицо не просто нарушило свои обязательства, но и отказалось от выполнения долга перед Отечеством, а потому, никаких смягчающих условий на срок его службы не должно быть.

В общем итоге, мы видим яркий пример того, что установление одного лишь материально-правового основания не может должным образом применяться на практике, процессуальный порядок очень важен, а потому необходимо как можно скорее внести соответствующие изменения в нормы закона.

В свете этого, справедливым является замечание А.В. Ендольцевой о том, что институт освобождения от уголовной ответственности, выступая комплексным материально-процессуальным образованием, требует взаимосвязанности и взаимопроникновения уголовных и уголовно-процессуальных норм [2, с. 57].

Таким образом, принятие Федерального закона стало следствием изменения курса уголовной политики России, что было вызвано началом СВО и необходимостью увели-

чения количества призывников. Вместе с тем, своеобразная поспешность в принятии нормативно-правового акта и отсутствие изменений в УК РФ и УПК РФ породили множество проблем, которые нуждаются в скорейшем решении. Авторами был предложен конкретный порядок действий следователя (дознателя) в случае изъясления подозреваемым или обвиняемым желания воспользоваться универсальным механизмом освобождения от уголовной ответственности, а также сформулировано содержание предлагаемой для внесения в УПК РФ статьи, регулирующей прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с соответствием лица условиям федерального закона. Вместе с тем отметим, что высказанные авторами статьи мнения по вопросам применения Федерального закона являются исключительно их собственной точкой зрения и не могут быть руководством к действию органов предварительного следствия и дознания.

Пристатейный библиографический список

1. Головкин Л. В. Применение закона об освобождении от уголовной ответственности участников СВО. Законодательные вопросы // Уголовный процесс. 2023. № 11. С. 26-28.
2. Ендольцева А. В. Освобождение от уголовного преследования: от теоретических рассуждений к de lege ferenda // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6. С. 56-58.
3. Законопроект № 329181-8 О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/329181-8#bh_note (дата обращения: 19.11.2023).
4. Калиновский К.Б. Что учесть при освобождении от ответственности участников СВО // Уголовный процесс, 2023. № 11. С. 32-33.
5. Климанова О. В. Добровольность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве как условие его легитимности // Юридический вестник Самарского университета, 2015. № 3. С. 132-138.
6. Указ Президента РФ от 7 сентября 2010 г. № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 2010. № 37. ст. 4643.
7. Федеральный закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» // Собрание законодательства РФ, 2023. № 26. Ст. 4678.
8. Федеральный закон от 28.03.1998 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.
9. Цветков Ю. А. Прекращение уголовного преследования в отношении участника СВО. Рекомендации следствию // Уголовный процесс, 2023. № 11. С. 29-31.
10. Якубова С. М. Приостановление уголовного дела в случае невозможности участия подозреваемого, обвиняемого в уголовном деле // Пенитенциарная наука. 2015. № 2 (30). С. 52-55.

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна

кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ АНАЛИТИЧЕСКИХ ПЛАТФОРМ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ АНАЛИЗЕ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

В работе затрагиваются вопросы применения средств визуализации и анализа данных, позволяющих оперативно выявлять тенденции и закономерности в данных. Качественная обработка и визуализация ведомственной статистической информации, сведений из открытых источников обеспечивают возможность создания информационной поддержки принятия управленческих решений и служат внедрению инструментов управления, основанного на данных. В работе рассматривается подход к анализу статистической информации о преступлениях в области информационных технологий, зарегистрированных в регионах России. При проведении анализа используются средства визуализации, реализованные в аналитических пакетах и картографических сервисах с открытым исходным кодом. Работа направлена на определение перспектив применения анализа данных в практической деятельности правоохранительных органов, рассмотрению возможностей использования аналитических программных средств, не требующих для использования длительной подготовки и доступных для применения широкому кругу пользователей.

Ключевые слова: преступность в регионах, киберпреступность, многомерный анализ данных, визуализация данных, OLAP-куб, уголовно-исполнительная система Российской Федерации.

TSARKOVA Evgeniya Gennadjevna

Ph.D. in physical and mathematical sciences, leading researcher of the Department for the Study of the problems of employment of convicts and economic problems of the functioning of the penitentiary System of the Center for the Study of Problems of management and organization of the execution of sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

PROSPECTS FOR THE USE OF ANALYTICAL PLATFORMS IN THE ACTIVITIES OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE ANALYSIS OF STATISTICAL INFORMATION

The paper addresses the issues of using data visualization and analysis tools that allow you to quickly identify trends and patterns in data. High-quality processing and visualization of departmental statistical information, information from open sources provide the opportunity to create information support for managerial decision-making and serve to create data-based management tools. The paper considers an approach to the analysis of statistical information on crimes in the field of information technology registered in the regions of Russia. The analysis uses visualization tools implemented in analytical packages and open source mapping services. The work is aimed at determining the prospects for the application of data analysis in the practical activities of law enforcement agencies, considering the possibilities of using analytical software tools that do not require long-term training and are available for use by a wide range of users.

Keywords: crime in the regions, cybercrime, multidimensional data analysis, data visualization, OLAP cube, penal enforcement system of the Russian Federation.

Сегодня инструменты управления, построенные на основе анализа данных, используемого для обеспечения информационной поддержки лиц, принимающих решения, активно внедряются в практическую деятельность как в государственном секторе, так и в коммерческих организациях. Использование технологий управления на основе данных позволяет существенно снижать временные затраты при сборе информации, поиска закономерностей и скрытых фактов в накопленной статистической информации, строить прогностические модели [1]. В условиях возрастания криминогенных угроз данный подход приобретает особую актуальность в деятельности правоохранительных органов. В научных исследованиях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС) вопросы анализа, прогнозирования преступности, выявления сезонности преступлений остаются предметом глубокого изучения на протяжении ряда лет.

Информационные системы, внедренные в практическую деятельность сотрудников УИС, статистическая информация о результатах деятельности пенитенциарного ведомства, накопленные исторические данные о состоянии безопасности в учреждениях, отчеты служб безопасности, результаты психолого-педагогической работы с осужденными и другие источники являются поставщиками данных, позволяющими

получать новые знания для принятия обоснованных управленческих решений и выработки своевременных компенсирующих мер при выявлении негативных тенденций. Использование ведомственных информационных ресурсов и баз данных уголовно-исполнительной системы, интеграция с источниками открытых данных, предоставляемых иными правоохранительными органами Российской Федерации, в сочетании с использованием современных инструментальных средств анализа данных обеспечивают возможность возникновения синергетического эффекта, служащего более глубокому пониманию криминогенной ситуации в регионах страны и становятся предпосылкой для построения систем управления на основе данных. В работе приводятся результаты исследования открытых данных о совершении в регионах России преступлений в области информационных технологий (IT-преступлений) [2], [3]. Использование средств визуализации позволяет оперативно проводить базовый анализ данных с представлением результатов анализа в оптимальной для восприятия форме.

Одним из эффективных инструментов анализа данных является OLAP-куб (OnLine Analytical Processing), представляющий многомерную модель данных, агрегированных в иерархическую структуру и позволяющую оперативно из-

Регион	Выявлено органами Прокуратуры	Выявлено ФСИН России	Совершено в периоде
г. Москва	108	0	29 422
Краснодарский край	11	3	13 982
г. Санкт-Петербург	7	0	12 800
Республика Татарстан	3	1	11 009
Челябинская область	20	2	10 644
Ростовская область	24	0	8 017
Республика Башкортостан	67	0	7 724
Московская область	87	0	7 512
Свердловская область	21	6	7 264
Самарская область	12	0	7 126
Краснодарский край	8	5	6 864

Рисунок 1. Статистика по зарегистрированным в периоде преступлениям, совершенным в области информационных технологий

Рисунок 2. Визуализация количества совершенных ИТ-преступлений, выявленных ФСИН России, на тепловой карте (фрагмент)

влекать информацию из массива данных по заданным критериям и строить отчеты [4]. Для построения OLAP-куба в работе используется некоммерческая версия аналитической системы отечественной разработки, позволяющая строить сценарии анализа и визуализировать данные в режиме конструктора. Данный визуализатор содержит измерения и факты, заданные исследователем при построении куба. При отображении данных в OLAP-кубе заголовки измерений составляют иерархическую структуру, свернутые до верхнего уровня. Выплым сортировку данных по полю «Зарегистрировано» по убыванию. Получаем, что наибольшее количество ИТ-преступлений зарегистрировано в Центральном федеральном округе. Сортировка данных по полю «Регион» (поле «Округ» переносится в область фильтрации по измере-

ниям) выявляет территории с наибольшим количеством зарегистрированных преступлений. В соответствии с результатами визуализации, наибольшее количество преступлений в области информационных технологий зарегистрировано в г. Москва, Краснодарском крае, г. Санкт-Петербург.

На рисунке 2 приведена тепловая карта, построенная с использованием картографического сервиса Yandex Data Lens, отображающая количество совершенных преступлений, выявленных ФСИН России, где более темный цвет соответствует большему количеству совершенных преступлений.

Таким образом, к «топ-10» территорий с наибольшим количеством совершенных преступлений в области информационных технологий, можно отнести г. Москва, Краснодарский край, г. Санкт-Петербург, Республику Татарстан,

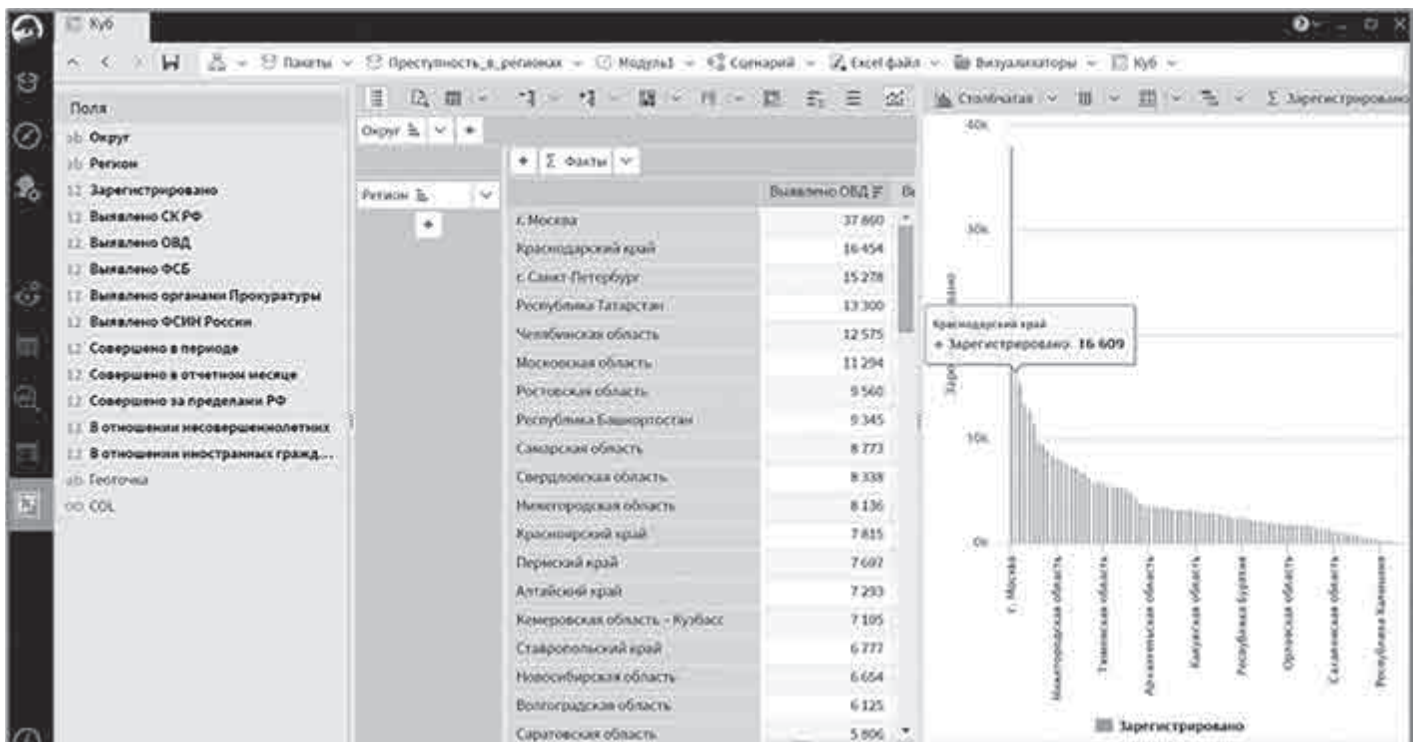

Рисунок 3. Количество IT-преступлений, выявленных ОВД

Челябинскую, Московскую, Ростовскую, Самарскую, Свердловскую области и Республику Башкортостан. Минимальный уровень преступности в области информационных технологий отмечается на территории Республики Ингушетия, Ненецкого автономного округа, Чеченской Республики, Чукотского автономного округа, Республики Калмыкия.

Функциональные возможности используемой аналитической системы позволяют получать отчеты по новым критериям за счет изменения поля сортировки. Использование рассматриваемого визуализатора позволяет распределить позиции региона, например, по числу преступлений, выявленных ОВД (рисунок 3), Следственным Комитетом и др.

Информация, представленная на рисунке 3, свидетельствует о том, что минимальное количество IT-преступлений в отчетном периоде выявлено ОВД в Ненецком автономном округе.

Для укрупненного обобщения сделаем поле «Регион» скрытым, а поле «Округ» открытым. Появляется возможность выполнить анализ статистических данных об IT-преступлениях в разрезе округов. Настройка OLAP-куба на анализ данных по регионам обеспечивает возможность формирования информации по показателям преступности в регионах.

Таким образом, применение визуализатора «OLAP-куб» служит сокращению временных затрат, необходимых для получения описательных и сравнительных сводок данных, выявлять группы «лидерских» (в смысле выбранного показателя) и «отстающих» регионов [5]. Инструментальные средства анализа данных позволяют получать массу информации из знаний, не требуют длительного обучения и являются перспективным средством обработки информации в деятельности правоохранительных органов.

Пристатейный библиографический список

1. Царькова Е. Г. К вопросу применения искусственного интеллекта в правовых подразделениях // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 3 (178). - С. 385-386.
2. Зорина Н. С. Понятие преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекомму-

никационных технологий // Вестник ФКУ НИИИТ ФСИН России: Научно-практическое издание. Том Выпуск 5. - Тверь: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2022. - С. 34-37.

3. Зорина Н. С. Факторы преступности в сфере компьютерных технологий // 25-летний опыт применения Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов Российской Федерации: проблемы и перспективы развития: Сборник материалов круглого стола в рамках XII Пермского конгресса ученых-юристов, Пермь, 29 октября 2022 года. - Пермь: Пермский институт ФСИН России, 2022. - С. 45-47.
4. Царькова Е. Г., Бодров Е. Н. К вопросу формирования цифровой культуры в процессе профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 3 (178). - С. 377-379.
5. Шаухалова Р. А., Ярычев Н. У Цифровая культура студентов бакалавриата как конкурентное преимущество современного специалиста // Мир науки, культуры, образования. - 2019. - № 5. - С. 348-350.

ШАМШИНА Ольга Сергеевна

преподаватель кафедры предварительного расследования Волгоградской академии МВД России

К ВОПРОСУ О ГАРАНТИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО

В статье рассматриваются аспекты института привлечения лица в качестве обвиняемого с позиции гарантий реализации принципа законности. Анализируется правоприменительная практика, особое внимание в статье уделяется несовершенствам процессуального регулирования процедуры предъявления обвинения, имеющим значение при реализации следователем принципа законности. Предлагается алгоритм действия следователя и возможные пути решения проблем, возникающих в деятельности следователя при применении норм гл. 23 УПК РФ.

Ключевые слова: законность, принцип законности, уголовное судопроизводство, обвиняемый, привлечение в качестве обвиняемого.

SHAMSHINA Olga Sergeevna

lecturer of Preliminary investigation sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

THE ISSUE OF GUARANTEES OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF LEGALITY BY THE INVESTIGATOR WHEN INVOLVING A PERSON AS AN ACCUSED

The law enforcement practice is analyzed, special attention is paid in the article to the imperfections of the procedural regulation of the prosecution procedure, which are important in the implementation of the principle of legality by the investigator. The algorithm of the investigator's action and possible ways of solving problems arising in the investigator's activity when applying the norms of Chapter 23 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation are proposed.

Keywords: legality, the principle of legality, criminal proceedings, the accused, involvement as an accused.

Построение демократического правового российского государства в качестве первостепенных задач выдвигает на первый план верховенство закона и приоритет прав человека как гражданина страны. Одним из принципов правового обеспечения жизнедеятельности личности, общества и государства является законность, то есть неукоснительное соблюдение законов компетентными органами государства. Последовательная реализация данного принципа со стороны всех субъектов общественных отношений является неукоснительным условием сохранения и соблюдения всеми гражданами страны законности, правопорядка и безопасности российского социума [1].

Привлечение лица в качестве обвиняемого является наиболее важным этапом в досудебном уголовном судопроизводстве, поскольку данный участник является одним из самых активных, имеющих личную заинтересованность в исходе дела, так как его интересы больше всего подвержены нарушению путем применения в отношении него мер уголовной ответственности.

Присвоение лицу статуса обвиняемого – это процессуальное решение, право на принятие которого имеется у следователя при наличии соответствующей доказательной базы, собранной в ходе предварительного расследования. Данное решение следователь оформляет постановлением, которое должно быть законным, мотивированным и обоснованным, как того требует ст. 7 УПК РФ.

Согласно этой же нормы, первоочередной гарантией реализации принципа законности при привлечении лица в качестве обвиняемого будет являться четкое выполнение следователем требований, предусмотренных в гл. 23 УПК РФ. Вместе с тем, стоит отметить, что у правоприменителя при реализации норм данной главы вызывают затруднения в толковании отдельные положения ввиду их несовершенства.

Кроме того, нельзя не уделить внимания тому факту, что ряд авторов в своих публикациях приводят аргументы в пользу отказа от данного института, что подчеркивает несовершенство его нормативно-процессуального регулирования.

Например, А. П. Кругликов, опираясь на презумпцию невиновности, считает, что нельзя человека считать обвиняемым пока в отношении него не будет вынесено обвинительное решение суда, поэтому он так и остается подозреваемым [2]. В свою очередь Я. Б. Гаврилов в своих публикациях называет институт привлечения в качестве обвиняемого анахронизмом и предлагает вовсе от него отказаться [3]. Кроме того О. С. Поликарпова, С. Д. Шестакова высказывают аналогичную позицию называя институт привлечения в качестве обвинения «рудиментом» советского уголовного процесса [4].

Важно отметить, что привлечение в качестве обвиняемого подразумевает перечень гарантий, среди них на первый план выдвигается право на защиту, в рамках которого обвиняемый, ознакомившись с постановлением о привлечении, может узнать о том, в чем его обвиняют и будучи в последующем допрошенным, продемонстрировать доказательство своей непричастности к рассматриваемому преступлению. Автор солидаризируется мнением ученых, которые считают этап предъявления обвинения необходимым и значимым в досудебном уголовном судопроизводстве [5].

Процессуальный порядок предъявления обвинения состоит из строго определенной УПК РФ последовательности действий: вынесения постановления следователем; извещения о дне предъявления обвинения; объявления постановления; разъяснения существа предъявленного обвинения и первого после предъявления обвинения допроса обвиняемого.

Обоснованность постановления о привлечение в качестве обвиняемого заключается в том, что следователь осно-

вывает свое решение на полученных материалах уголовного дела, на совокупности достоверных доказательствах, над которыми он произвел оценку.

Законодатель в ч. 2 ст. 171 УПК РФ перечисляет содержание постановления о привлечении в качестве обвиняемого, однако в правоприменительной практике возникают ситуации расширительного толкования данной нормы относительного указания в описательно - мотивировочной части постановления ссылок на доказательства или на нормативно - правовые акты. Кроме того, Е. А. Купряшина, Д. Н. Рудов отмечают, что обстоятельства, отягчающие и смягчающие обвинение также должны находить свое отражение в указанном документе [6].

Необходимость ссылки на доказательства возникает, например, в случае формулирования обвинения по преступлениям против личности при указании какой вред причинен здоровью, поскольку данную информацию следователь получает из заключения судебно-медицинской экспертизы.

Без ссылок на нормативно-правовые акты, к примеру, невозможно обойтись при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, поскольку для правильной квалификации в постановлении необходимо указать размен наркотического вещества, что регулируется постановлениями Правительства РФ, которыми утверждаются перечни средств, отнесенных законодателем к наркотическим и устанавливаются размеры.

Автор находит также верным утверждение о необходимости указания в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого отягчающих обстоятельств, поскольку рассматриваются они только в случае отражения в тексте указанного постановления, так как изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, только если не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту.

Прежде чем переходить к рассмотрению второго элемента алгоритма предъявления обвинения - извещению о дне предъявления обвинения, стоит отметить о своевременности принятия решения. Преждевременное принятие решение о предъявлении обвинения может стать причиной привлечения в ответственности невиновного лица. В таком случае гарантией законности деятельности следователя будет выступать уголовно-правовая норма, закрепленная в ст. 299 УК РФ.

В противоположном случае, при затягивании затягивание сроков предъявления обвинения, лицо подлежащие привлечению в качестве обвиняемого лишается возможности знать о фактически сформулированном обвинении, но пока еще должным образом, не оформленным в виде уголовно-процессуального акта, следовательно, лишается возможности выработать линию защиты.

На этапе предварительного расследования идет процесс собирания доказательств, поэтому правоприменительная практика в большинстве случаев идет по пути предъявления первоначального, так называемого «дежурного» или «пилотного» и окончательного обвинения. Чаще всего такой механизм встречается в случае задержания подозреваемого и необходимости избрания в отношении него меры пресечения, поскольку мера пресечения избирается в отношении обвиняемого, лишь в исключительных случаях в отношении подозреваемого, однако обвинение в таком случае должно быть предъявлено в течении 10 суток, и лишь по некоторым составам преступлений в течении 45 суток. Временные ограничения в двое, десять или сорок пять суток накладывают свой отпечаток на всесторонность и объективность проведенного за этот промежуток времени расследования.

Так, С. Б. Россинский ставит под сомнение допустимость «пилотных» обвинений в досудебном производстве по уголовному делу, высказывает необходимость вынесения акта привлечения к уголовной ответственности непосредственно перед финальным этапом расследования, механизм изменения или дополнения обвинения в свою очередь должен носить исключительный характер, только для выяснения обстоятельств, установленных после предъявления обвинения [7].

Переходя к рассмотрению второго элемента алгоритма предъявления обвинения - извещению о дне предъявления обвинения, необходимо отметить, что срок на предъявление обвинения 3-е суток со дня вынесения постановления (ч. 1 ст. 172 УПК РФ), при этом, обвиняемый должен быть заранее извещен о дне предъявления обвинения. Если он находится на свободе, то ему направляется соответствующая повестка со всей необходимой информацией, если же он помещен под стражу, то эту информацию он должен получить от администрации, где он содержится. Однако, не всегда возможно соблюсти данное требование о 3-дневном сроке, поскольку данный срок меньше, чем срок, предусмотренный ч. 3 ч.50 УПК РФ в случае неявки приглашенного защитника. Данное положение вызывает затруднение на практике, поскольку со стороны адвокатского сообщества существует неоднозначная позиция по вопросу участия защитника по назначению в случае наличия в уголовном деле защитника по соглашению. Так в некоторых регионах РФ, в адвокатском сообществе существует негласное правило о запрете участия защитника по назначению в случае наличия в уголовном деле защитника по соглашению, и необходимости отказа от последнего для вступления в дело адвоката по назначению, что идет в разрез с законодательством, поскольку данный отказ допускается только по инициативе обвиняемого.

Переходя к рассмотрению следующих элементов алгоритма предъявления обвинения, отметим, что трудности у правоприменителей возникают в момент после объявления постановления и разъяснения существа предъявленного обвинения перед первым допросом обвиняемого, поскольку возникает несоответствие временных требований, установленных УПК РФ. Так п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ предусматривает отсутствие ограничений времени в свидании обвиняемого с защитником до первого допроса, в то же время ч.1 ст. 171 УПК РФ требует немедленного производства все того же допроса. В то же время следует учесть, что сама процедура объявления постановления и разъяснения существа обвинения может длиться продолжительное время, поскольку по некоторым уголовным делам, к примеру, по экономическим преступлениям или преступлениям, совершенным в составе организованной группы, объем постановления может включать количество кратное десяткам, а то и сотням листов, а также учитывая циркадные ритмы время начала допроса может прийти на ночное, что недопустимо. Поэтому целесообразно предусмотреть ограничение по времени, оставив требование о немедленности, дополнив, что в случае необходимости у обвиняемого консультации с защитником не позднее 3 суток. Данный временной промежуток позволит реализовать обвиняемому право на защиту и выработать правовую позицию, в то же время следователю позволит тщательней подготовиться к допросу, принимая во внимание позицию обвиняемого по предъявленному обвинению.

Кроме следователя, действующего в строгом соответствии с требованиями УПК РФ, гарантом принципа законности при привлечении лица в качестве обвиняемого выступает руководитель следственного органа, осуществляющий ведомственный процессуальный контроль, который согласно п. 3-4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ может давать указания о привлече-

нии лица в качестве обвиняемого, а также может отменить незаконное и необоснованное постановление следователя о привлечении лица в качестве обвиняемого. Несмотря на то, что следователь самостоятельно может принимать решение о привлечении в качестве обвиняемого, в случае необходимости избрания меры пресечения по судебному решению, при согласовании ходатайства руководитель следственного органа может лично допросить обвиняемого (подозреваемого) и убедиться в достаточности доказательств для предъявления обвинения.

Гарантом реализации принципа законности в деятельности следователя по привлечению лица в качестве обвиняемого выступает надзирающий прокурор, который согласно п. 15 ч. 2 ст. 27 УПК РФ может возвращать уголовное дело следователю для производства дополнительного расследования, изменения объема обвинения или квалификации действий обвиняемых. Несмотря на то, что УПК РФ не предусмотрена непосредственная отмена прокурором незаконного постановления о привлечении, вынесенного следователем, стоит согласиться в этом вопросе с В. С. Хоршевой, что в данном случае прокурор обязан реагировать, используя полномочия, предусмотренные п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ [8].

Также гарантом реализации принципа законности следователем при привлечении лица в качестве обвиняемого выступает судебный контроль. Так постановление следователя может быть обжаловано в порядке ст. 125 УПК РФ, при этом не должен предрешаться вопрос, который в последующем станет рассматриваемым в судебном разбирательстве по существу, иными словами, не будет предрешаться вопрос виновности обвиняемого, что в свою очередь не будет впоследствии препятствовать независимости и беспристрастности суда.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что предъявление обвинения является основным этапом досудебного производства. Современное состояние института привлечения в качестве обвиняемого влияет на его дальнейшую судьбу и реализацию прав на стадии предварительного расследования. Для обеспечения законности деятельности на данном этапе важное значение имеет система гарантий, состоящая из следующих элементов: деятельность следователя, осуществляемая строго с требованиями гл. 23 УПК РФ; постановление о привлечении в качестве обвиняемого, вынесенное в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 171 УПК РФ; деятельность защитника; прокурорский надзор; ведомственный и судебный контроль; ст. 299 УК РФ устанавливающая уголовную ответственности за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности. Системное применение указанных гарантий позволит обеспечить законность уголовно-процессуальной деятельности следователя, создать такой режим рассматриваемой активности правоохранительных органов, при котором правовой статус личности будет защищен от незаконных ограничений. При этом для устранения неоднозначности применения норм УПК РФ следователем, требуется внесение изменений в норму, регулиющую срок начала производства первого после предъявления обвинения допроса не позднее трех суток.

Пристатейный библиографический список

1. Печников Г. А., Блинков А. П. Законность как принцип уголовного процесса // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2011. – № 3 (18). – С. 130.
2. Кругликов А. П. Обвиняемый: нужен ли такой участник в уголовном процессе современной Рос-

сии? // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 11-2 (122). – С. 106-113.

3. Гаврилов Б. Я. Актуальные проблемы досудебного производства: видение ученого и правоприменителя // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы МНПК посвященной 50-летию образования кафедры уголовного процесса. Краснодар, 2022. – С. 67-76.
4. Поликарпова О. С., Шестакова С. Д. Развитие института подозрения как предпосылка к отказу от института предъявления обвинения // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы МНПК. – Санкт-Петербург, 2021. – С. 325-329.
5. Лавдаренко Л. И., Плеснева Л. П. О значении акта привлечения лица в качестве обвиняемого // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России: науч.-практич. журн. – Иркутск, 2022. – № 4 (103). – С. 189-197.
6. Купряшина Е. А, Рудов Д. Н. Некоторые процессуальные аспекты предъявления обвинения в уголовном судопроизводстве России // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2022. – № 4. – С. 6-9.
7. Россинский С. Б. О недопустимости «пилотных» обвинений в досудебном производстве по уголовному делу // Сибирский юридический вестник. – 2021. – № 4 (95).
8. Токарева Е. В., Хоршева В. С. Особенности деятельности прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства России // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2021. – № 1 (56). – С. 140-145.

АБДУРАГИМОВ Замир Микаилович

магистрант кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Дагестанского государственного университета, Махачкала

ИСАИБОВА Сабрина Абукаровна

старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

РОЛЬ АДВОКАТА В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

В настоящей статье проведено исследование роли адвоката при рассмотрении уголовных дел по правилам главы 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Авторами проанализированы основания и условия вынесения приговора без исследования фактических обстоятельств уголовного дела при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что участие адвоката в судебном процессе, даже в случае согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением имеет довольно весомое значение и выступает своего рода гарантом объективности вынесенного по итогам разбирательства приговора.

Ключевые слова: адвокат, особый порядок принятия судебного решения, согласие с предъявленным обвинением, уголовный процесс, сделка о признании вины.

ABDURAGIMOV Zamir Mikailovich

magister student of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

ISAIBOVA Sabrina Abukarovna

senior lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

THE ROLE OF A LAWYER IN A SPECIAL PROCEDURE OF JUDICIAL PROCEEDINGS

This article examines the role of a lawyer in the consideration of criminal cases according to the rules of Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The authors analyzed the grounds and conditions for sentencing without examining the actual circumstances of the criminal case with the consent of the accused with the charge against him. As a result of the conducted research, the authors come to the conclusion that the participation of a lawyer in the trial, even if the accused agrees with the charge against him, is of considerable importance and acts as a kind of guarantor of the objectivity of the verdict passed following the trial.

Keywords: a lawyer, a special procedure for making a court decision, consent to the charge, a criminal trial, a plea bargain.

Наряду с общим порядком рассмотрения уголовных дел разработчики Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 года (далее – УПК РФ) предусмотрели в нем упрощенные процедуры, позволяющие рассматривать и разрешать уголовные дела в более короткие сроки. К таковым, в частности, относится особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением.

В первую очередь следует сказать, что известный нам «особый порядок» в дореволюционном и советском праве не существовал. Однако во все времена в российском уголовном процессе отводилось особое место признанию обвиняемым своей вины.

Положения главы 40 УПК РФ, регламентирующие особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, ранее не были известны российской правовой системе и являются институтом уголовного процесса характерным для англосаксонской правовой семьи. Большинство отечественных ученых полагают, что особый порядок, предусмотренный главой 40 УПК РФ, является разновидностью института «сделки о признании вины» или «соглашения с правосудием».

Родиной института «сделки о признании вины» являются Соединенные Штаты Америки, где он появился около 150 лет назад и так удачно вписался в американскую модель уголовного процесса, что и по сей день почти 95% всех уго-

ловных дел в США разрешаются путем заключения «сделки о признании вины».

Объясняя применение сделок с правосудием, И. Л. Петрухин отмечает, что, то отношение, которое сложилось в США к признанию обвиняемым своей вины, связано с уважением человеческого достоинства, именно поэтому нет необходимости навязывать человеку длительную судебную процедуру, если он добровольно признал свою вину [1, с. 5]. Предполагается, что невиновный добропорядочный гражданин не станет брать на себя ответственность за действия другого человека, обманывая этим правосудие.

Американские «сделки о признании вины» не являются единственным примером упрощенных производств, в практике европейских государств также встречаются прогрессивные уголовно-процессуальные институты, подобные «сделкам о признании вины».

В судопроизводстве Англии и Уэльса признание обвиняемым своей вины также является основанием для проведения судебного разбирательства в упрощенной форме. Такое производство получило название «суммарного». Посредством суммарного производства в Англии разрешается около 90% всех уголовных дел.

Обвиняемый в суммарном производстве может признать свою вину в письменной форме, что делает его явку в суд необязательной, что невозможно в рамках особого порядка, так как уголовно-процессуальный закон признает присутствие подсудимого обязательным (п. 2 ст. 316 УПК

РФ). Даже не взирая на столь высокую популярность и удобность «делок о признании вины», в Англии высказывается неодобрительное отношение к этому институту. Судьи английских судов считают, что признанию вины не место в английском праве.

Противоречивые мнения о целесообразности и необходимости такого института высказывались и высказываются по сей день в отечественной уголовно-процессуальной литературе. Большинство авторов относятся к данному институту скептически, но есть и те, кто относится к нему одобрительно и даже утверждают, что особый порядок есть не что иное как сделка о признании вины [2, с. 53; 3, с. 14].

Есть также ученые, которые не отрицают наличие сходств между сделкой о признании вины и особым порядком, но при этом не отождествляют их [4, с. 12]. А. А. Плясунова и С. С. Пономаренко, считают, что ввиду принадлежности этих институтов к разным правовым системам, проведение параллелей между ними является не совсем корректным [5, с. 135].

По нашему мнению, несмотря на существенные различия между «сделкой о признании вины» и особым порядком, все же нет смысла отрицать наличие между ними некоторых общих черт. Рассмотрим более подробно основания и условия рассмотрения уголовного дела по правилам главы 40 УПК РФ и определим какая роль в этой процедуре отводится законодателем адвокату.

Итак, глава 40 УПК РФ, посвященная вопросам проведения судебного разбирательства без исследования доказательств в общем порядке, содержит небольшое количество статей, а если быть точнее, то всего лишь четыре, которые, стоит отметить, изложены довольно лаконично.

Основания применения особого порядка принятия судебного решения регламентированы в статье 314 УПК РФ. Анализ содержания данной статьи показывает, что в ней законодатель сформулировал не только основания постановления приговора в особом порядке, но также и условия, соблюдение которых является необходимым для рассмотрения уголовного дела без исследования фактических обстоятельств.

В соответствии с ч. 1 ст. 314 УПК РФ обвиняемый, который согласен с предъявленным ему обвинением, вправе ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке. Круг лиц, имеющих возможность воспользоваться правом на рассмотрение уголовного дела в упрощенном порядке, строго ограничен. Право на подачу такого ходатайства законодатель предоставил лишь обвиняемым по уголовным делам небольшой и средней тяжести.

Далее, в части второй 314 статьи УПК РФ сказано следующее: «В случае, предусмотренном частью первой настоящей статьи, суд вправе постановить приговор без проведения судебного разбирательства в общем порядке, если удостоверится, что:

- обвиняемый осознает характер и последствия заявленного им ходатайства;
- ходатайство было заявлено добровольно и после проведения консультаций с защитником;
- государственный или частный обвинитель и (или) потерпевший не возражают против заявленного обвиняемым ходатайства».

Изучение юридической литературы по рассматриваемому вопросу показало, что помимо легально-определенных, в науке уголовно-процессуального права можно встретить дополнительные условия применения особого порядка.

К таковым, например, А. С. Александров относит предъявление обвинения и полное признание вины обвиняемым [6, с. 49-50].

Не разделяя точку зрения А. С. Александрова, Д. П. Великий считает, что предъявление обвинения выступает в качестве основания любого судебного разбирательства независимо от процессуальных особенностей [7, с. 75].

В случае рассмотрения судом уголовного дела, по которому обвиняемый согласен с предъявленным обвинением, исследование обстоятельств фактического характера, исследование доказательственной базы по делу и т.д. не производится.

Особое значение при применении особого порядка имеет критерий добровольности решения обвиняемого о согласии с предъявленным ему обвинением. Критерий добровольности играет первостепенную роль, так как если решение о переходе к сокращенной форме судебного разбирательства будет принято под влиянием принуждения, обмана, насилия и пр., то требование закона о добровольности нарушается.

Анализ статьи 315 УПК РФ позволяет сделать вывод, что ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке может и должно быть заявлено обвиняемым в рамках досудебного производства по делу. В то же время следует обратить внимание, что глава 40 УПК РФ расположена в части 3 «Судебное производство». Кроме того, некоторые нормы главы 40 УПК РФ прямо свидетельствуют о том, что соответствующее ходатайство следует заявлять на стадии судебного разбирательства, а никак не в процессе предварительного расследования.

Представляется, что возможность заявления ходатайства о постановлении приговора в особом порядке в момент ознакомления с материалами уголовного дела не только не позволяет проверить соблюдение всех необходимых для этого условий, но и создает предпосылки для проявления злоупотреблений со стороны следователей и дознавателей, осуществляющих предварительное расследование. Согласие обвиняемого с предъявленным обвинением может снизить мотивацию соответствующих должностных лиц по выяснению всех обстоятельств дела и поиску доказательств виновности обвиняемого.

Во-первых, реализация обвиняемым права на постановление приговора в особом порядке зависит от позиции стороны обвинения, а именно – государственного обвинителя или частного обвинителя, потерпевшего. Суд обязан перейти к рассмотрению уголовного дела по общим правилам УПК РФ, если хотя бы одно из указанных лиц возражает против постановления приговора в упрощенном порядке.

Как известно, процессуальная фигура обвинителя появляется после передачи уголовного дела в суд, то есть на стадии судебного разбирательства.

Во-вторых, согласно п. 1 ст. 315 УПК РФ «ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в связи с согласием с предъявленным обвинением обвиняемый заявляет в присутствии защитника». И далее в этом же пункте говорится, что: «Если защитник не приглашен самим подсудимым, его законным представителем или по их поручению другими лицами, то участие защитника в данном случае должен обеспечить суд». Речь идет уже не об обвиняемом, а о подсудимом. А, как известно, подсудимый это обвиняемый по делу, которого назначено судебное разбирательство (п. 2 ст. 47 УПК РФ).

П.Н. Ременных вполне обоснованно задается вопросом: «Как суд будет обеспечивать участие защитника, если данное

ходатайство заявляется в момент ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела?» [8, с. 54].

На наш взгляд, возможность заявления обвиняемым соответствующего ходатайства в момент ознакомления с материалами уголовного дела не только не позволяет проверить соблюдение всех необходимых для этого условий, но и создает предпосылки для проявления злоупотреблений со стороны следователей и дознавателей, осуществляющих предварительное расследование. Согласие обвиняемого с предъявленным обвинением может снизить мотивацию соответствующих должностных лиц по выяснению всех обстоятельств дела и поиску доказательств виновности обвиняемого.

Почему же законодатель придает такое значение роли защитника в вопросах реализации «особого порядка»?

Как мы уже отмечали, при рассмотрении уголовного дела в особом порядке фактические обстоятельства совершенного преступления и доказательства не исследуются судом.

При постановлении приговора в особом порядке наказание, назначаемое подсудимому, не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Однако, при этом законодателем установлены пределы обжалования такого приговора, а именно, он не может быть обжалован на основании несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции.

Таким образом, государство, гарантируя лицу, что ему не будет назначено максимально строгое наказание, предусмотренное санкцией соответствующей статьи Уголовного кодекса РФ, лишает его права обжаловать приговор по основаниям, не связанным с нарушением норм материального или процессуального права. К примеру, если ходатайство было заявлено под влиянием принуждения со стороны третьих лиц, осужденный не сможет в последующем обжаловать обвинительный приговор. Такая аналогия позволяет проследить некоторые сходства особого порядка со «делкой о признании вины».

В связи с этим перед заявлением соответствующего ходатайства обвиняемый должен проконсультироваться со своим защитником – это обязательное условие, в соблюдении которого суд должен удостовериться в ходе судебного разбирательства. В уголовно-процессуальном законе содержится важная оговорка о том, что консультации с защитником должны иметь предварительный характер, отсюда следует, что еще до заявления такого ходатайства у защитника и обвиняемого должна быть минимум одна встреча, в ходе которой они смогут обсудить необходимость и целесообразность рассмотрения дела в особом порядке. Нельзя, на наш взгляд, считать данное условие соблюденным, если адвокат лишь присутствовал при заявлении обвиняемым ходатайства о постановлении приговора в особом порядке. Напротив, из буквального толкования статьи 314 УПК РФ следует, что присутствие адвоката в указанный момент вовсе не обязательно. Значение имеет именно факт наличия предшествующей заявлению ходатайства консультации.

Именно адвокат – лицо, имеющее специальную профессиональную подготовку и познания в области права, должен разъяснить своему подзащитному преимущества и недостатки рассмотрения уголовного дела без исследования фактических обстоятельств, а также последствия постановления

приговора по правилам главы 40 УПК РФ. Адвокат должен проинформировать обвиняемого о том, что в случае если в последующем, после вынесения приговора, тот изменит свое отношение к обвинению и решит обжаловать приговор, сделать это уже не представится возможным.

Кроме того, адвокат должен убедиться в справедливости постановленного приговора, а также в правильности описания в приговоре преступного деяния, с обвинением в совершении которого согласился его подзащитный.

Таким образом, можно заключить, что участие адвоката в судебном процессе, даже в случае согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением имеет довольно весомое значение и выступает своего рода гарантом объективности вынесенного по итогам разбирательства приговора. Более того, адвокат должен обеспечить соблюдение прав и интересов своего подзащитного, который может не понимать последствий применения главы 40 УПК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Петрухин И. Л. Особый порядок судебного разбирательства // Российская юстиция. – 2005. – № 7. – С. 25-28.
2. Дубовик Н. П. «Сделка о признании вины» и «особый порядок»: сравнительный анализ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/5133579/> (дата обращения 23.11.2023).
3. Гуськова А. П. Об особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением по российскому уголовно-процессуальному закону // Российский судья. – 2002. – № 10. – С. 14-19.
4. Рыбалов К. А. Условия применения особого порядка судебного разбирательства // Современное право. – 2003. – № 6. – С. 9-14.
5. Пономаренко С.С. Сделки о признании вины в российском уголовном процессе // Правосудие. – 2001. – № 3. – С. 134-143.
6. Александров А.С. Основания и условия для особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // Государство и право. – 2003. – № 12. – С. 43-52.
7. Великий Д. П. Особый порядок судебного разбирательства: теория и практика // Журнал российского права. – 2005. – № 6. – С. 74-79.
8. Ременных П. Н. Теоретические основы и практика применения особого порядка судебного разбирательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Барнаул, 2006. – 29 с.

МАКОГОН Ирина Викторовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры предварительного расследования Учебно-методического комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России

МИХАЙЛОВ Павел Алексеевич

слушатель 5 курса Факультета подготовки следователей Волгоградской академии МВД России

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СРАВНИТЕЛЬНО ПРАВОВОГО АНАЛИЗА ДОЗНАНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

В данной статье путем исследования уголовно-процессуальных норм анализируются наиболее актуальные аспекты применения института дознания и предварительного расследования, так как в последние годы в юридической литературе все чаще высказывается мнение об отсутствии необходимости и логической целесообразности существования двух форм предварительного расследования, которые, по мнению достаточного числа ученых процессуалистов, дублируют друг друга: «дуализм дознания и предварительного следствия как двух форм расследования не только изжил себя, но и просто не имеет надлежащих теоретических оснований...» [1, с. 11]. На этапе расследования различных категорий преступлений, с появлением новых сложных видов IT-преступлений, увеличивается нагрузка на органы предварительного следствия, и данная проблема приобретает наибольшую практическую значимость. В статье даются некоторые рекомендации по совершенствованию института дознания и приводятся обоснования целесообразности его существования.

Ключевые слова: сравнительно правовой анализ, сходство, различия, дознание; предварительное следствие, досудебное производство по уголовным делам.

МАКОГОН Irina Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Preliminary investigation sub-faculty of Preliminary investigation sub-faculty of the Educational and Methodological Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

MIKHAYLOV Pavel Alexeevich

student of the 5th course of the Faculty of Investigator Training of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

SOME RELEVANT ASPECTS OF THE COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF INQUIRY AND PRELIMINARY INVESTIGATION IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

In this article, through the study of criminal procedure norms, the most relevant aspects of the application of the institute of inquiry and preliminary investigation are analyzed, since in recent years the opinion has been increasingly expressed in the legal literature about the lack of necessity and logical expediency of the existence of two forms of preliminary investigation, which, according to a sufficient number of procedural scientists, duplicate each other: "the dualism of inquiry and preliminary investigation as two forms of investigation have not only outlived their usefulness, but simply do not have proper theoretical grounds..." [1, p. 11]. At the stage of investigation of various categories of crimes, with the advent of new complex types of IT crimes, the burden on the preliminary investigation bodies increases, and this problem acquires the greatest practical importance. The article provides some recommendations for improving the institute of inquiry and provides justification for the expediency of its existence.

Keywords: comparative legal analysis, similarities, differences, inquiry; preliminary investigation, pre-trial proceedings in criminal cases.

Предварительное расследование имеет большее значение для уголовного судопроизводства, поскольку на данной стадии выясняются все обстоятельства по делу и собираются доказательства для будущего рассмотрения в суде. Оно осуществляется в двух формах: предварительное следствие и дознание, которые обладают определенными сходствами и различиями, которые обусловлены спецификой расследуемых дел и особенностями их процессуального закрепления.

Изначально дознание планировалось как сокращенная форма предварительного расследования по наиболее простым категориям дел, где уже установлено лицо, совершившее преступление и первоначальные доказательства его изобличающие. Первоначальный срок дознания составлял 15 суток.

Но даже такие не сложные уголовные дела требовали назначения судебных экспертиз, которые выходили за вышеуказанный срок, вдобавок к этому дознаватель не всегда успевавал провести все необходимые следственные и процессуальные действия. Поэтому в 2007 году срок дознания был увеличен до 30 суток, а также была предусмотрена возможность его продления. А в 2013 году законодательно была введена сокращенная форма дознания длительностью 15 суток,

которая осуществлялась только при соблюдении определенных условий.

Срок предварительного следствия, в отличие от дознания, составляет 2 месяца. Это обусловлено разной подследственностью этих органов, установленной в ст. 151 УПК РФ, согласно которой дознание проводится по отдельным преступлениям небольшой и средней тяжести, а предварительное следствие по остальным категориям преступлений. То есть дознаватель расследует дела меньшей сложности, в сравнении со следователем, чем и обусловлен разный срок длительности расследования у этих двух форм. Такая дифференциация способствует более быстрому расследованию преступлений небольшой и средней тяжести и «разгрузке» органов предварительного расследования, по сравнению с ситуацией, в которой расследование всех категорий дел осуществлялось бы в форме предварительного следствия [2, с. 119]. Также разная подследственность позволяет эффективнее вести расследование, поскольку расследуемые дознавателями дела обладают иной спецификой, чем следственные дела, и часто следователи и дознаватели обладают разными познаниями несмотря на то, что осуществляют одну и ту же деятельность – ведут расследование. Так дознаватель намного чаще встречается с деяниями, которые формально содержат

признаки преступления, но являются административными правонарушениями, поэтому ему необходимо знать все тонкости разграничения составов административных правонарушений от составов преступлений небольшой и средней тяжести, а также от составов, по которым предварительное следствие является обязательным [3, с. 118].

Также различается и процессуальный статус субъекта, осуществляющего предварительное расследование в каждой из форм. Если следователь — это «должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу», в соответствии со ст. 5 УПК РФ, то дознаватель — это «должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания». Значительное отличие заключается в том, что предварительное следствие осуществляется ограниченным кругом должностных лиц, в то время, когда круг лиц, осуществляющих дознание может быть расширен начальником органа дознания. Что может создать ситуацию, когда дознание проводится лицом, не обладающим специальными познаниями в этой области, что способствует ухудшению качества расследования. Поскольку существует институт поручений о производстве отдельных следственных и процессуальных действий, отпадает необходимость расширенном круге должностных лиц, осуществляющих дознание, поэтому необходимо изменить п. 7 ст. 5 УПК РФ следующим образом: «дознаватель - должностное лицо органа дознания, уполномоченное осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом», тем самым ограничив круг лиц, осуществляющих дознание [4, с. 96].

Также помимо статуса, субъекты данных форм расследования отличаются друг от друга контролирующими их должностными лицами. У дознавателя такими лицами являются прокурор, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, каждый из которых обладают широким спектром полномочий в отношении дознавателя, когда у следователя основной контроль всей деятельности осуществляет руководитель следственного органа, а прокурор осуществляет более узкий надзор за его деятельностью. Так, к примеру, прокурор продлевает срок дознания, начальник подразделения дознания уполномочен изымать уголовное дело у дознавателя, с последующей передачей его другому дознавателю, а начальник органа дознания уполномочен продлевать срок проверки сообщения о преступлении, в то время, когда у следователя все вышеуказанные действия выполняет руководитель следственного органа, что приводит к чрезмерному контролю деятельности дознавателей, не смотря на то что они расследуют более простые дела, в сравнении со следователями. В данной ситуации целесообразно предоставить начальнику подразделения дознания полномочия схожие с руководителем следственного органа, ограничив полномочия двух других контролирующих лиц. Данное изменение законодательства позволит уменьшить нагрузку на начальника органа дознания, у которого помимо функций, связанных с расследованием преступлений в форме дознания имеются иные направления деятельности, такие как предупреждение и пресечение преступлений, охрана общественного порядка и другие, а также облегчит положение дознавателя, на которого оказывают влияние сразу три должностных лица.

Кроме этого, необходимо отметить, что расследование в форме дознания предусматривает несвойственный для предварительного следствия документ — уведомление о подозрении в совершении преступления, который имеет сходства с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, в части порядка вручения и обязанности дальнейшего допроса. Поскольку дознание осуществляется по делам небольшой общественной опасности, избрание мер пресечения в отношении совершивших преступления лиц, с целью придания им статуса подозреваемого не целесообразно. Также, в соответствии с ст. 100 УПК, с момента избрания меры пресечения в отношении подозреваемого, ему должно быть предъявлено обвинение в течение 10 суток, что не свойственно предварительному расследованию в форме дознания, поскольку по большинству дел, расследуемыми дознавателями, подозреваемый обретает статус обвиняемого только на заключительном этапе расследования после вынесения обвинительного акта или обвинительного постановления. Поэтому уведомле-

ние о подозрении в совершении преступления играет важную роль для дознания, и не имело бы схожего значения, если бы оно было введено и на предварительном следствии.

В дополнение к вышеуказанному, рассматриваемые формы предварительного расследования отличаются и итоговым документом, если на предварительном следствии это обвинительное заключение, которое формально является кратким содержанием уголовного дела, то в дознании помимо схожей формы и содержания, обвинительный акт или обвинительное постановление придают лицу, совершившему преступление, статус обвиняемого, что имеет определенные сходства с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого [5, с. 105], но в отличие от него данные документы не порождают обязанность дознавателя разъяснить обвиняемому его права предусмотренные ст. 47 УПК РФ, а также не предусматривают процедуру допроса обвиняемого, в ходе которого он может выразить свое отношение к обвинению. Вышеназванные обстоятельства влекут нарушение прав обвиняемого, поэтому необходимо предусмотреть в уголовно-процессуальном законе обязанность дознавателя разъяснять права обвиняемого, предусмотренные ст. 47 УПК РФ, после ознакомления его с обвинительным актом или обвинительным постановлением, а также предусмотреть процедуру отражения отношения обвиняемого к предъявленному обвинению, если не в ходе его допроса, то хотя бы в ходе ознакомления его с вышеуказанными документами, завершающими дознание.

Касаемо сходств, формы предварительного расследования берут начало с возбуждения уголовного дела, осуществляются в едином порядке, в части производства следственных действий, основания и порядок которых не изменяются в зависимости от формы расследования [6, с. 186]. Также идентичен состав и права участников предварительного расследования независимо от его формы (потерпевший, подозреваемый, обвиняемый и другие), за исключением самого субъекта расследования. Дознание и предварительное следствие, вместе с тем, имеют общую цель — установление лица, совершившего преступление и всех обстоятельств по уголовному делу. Также схож и итог данных форм предварительного расследования, заключающийся в идентичном порядке ознакомлении потерпевшего, обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела и направлением его прокурору с итоговым документом.

В заключение можно подвести итог, что дознание и предварительное следствие имеют множество сходств и отличий, которые обусловлены спецификой данных форм расследования. Дознание играет ключевую роль в расследовании в целом, поскольку производство по уголовному делу осуществляется в более ускоренной форме, что предотвращает загруженность органов расследования, а предварительное следствие берет на себя нагрузку по более сложным категориям дел, по которым требуется больше внимания и временных затрат.

Пристатейный библиографический список

1. Головкин Л. В. Казахстан: десоветизация уголовного процесса. Статья 2. Унификация досудебного расследования // Уголовное судопроизводство. - 2012. - № 1. - С. 11.
2. Колесников К. В. Облицов В. А. Юрастов Ф. В. К вопросу о дифференциации уголовно-процессуальной формы дознания и дознания в сокращенной форме // Эпомен. - 2019. - № 26. - С. 116-122.
3. Бирюков С. Ю., Скориков Д. Г., Закаев А. А. Значение культуры речи в работе следователя // Вестник Волгоградской Академии МВД России. - 2018. - № 3 (46). - С. 116-121.
4. Бирюков С. Ю. Деятельность следователя на месте происшествия: процессуальный и организационный аспекты // Вестник Волгоградской академии МВД России. - 2019. - № 1 (48). - С. 92-98.
5. Малеев С. С. Особенности, отличающие дознание от предварительного следствия // Закон и право. - 2019. - № 10. - С. 104-105.
6. Тангрияева В. Н. К вопросу о дифференциации предварительного расследования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2022. - № 1 (57). - С. 184-188.

ПОПОВ Игорь Вадимович

кандидат педагогических наук, заместитель начальника кафедры информационных технологий управления Самарского юридического института ФСИН России

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ С ДЕТЕКТОРОМ НЕЛИНЕЙНЫХ ПЕРЕХОДОВ ДЛЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ НЕСАНКЦИОНИРОВАННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Данная статья имеет большую актуальность в связи с растущим количеством преступлений, совершенных с помощью средств мобильной связи в исправительных учреждениях. Для оптимизации обыскных мероприятий необходим анализ и обобщение тенденций научно-технического прогресса, возможностей и перспектив применения имеющихся на вооружении образцов поисковой техники для укрепления правопорядка и безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Детектор нелинейных переходов предназначен для поиска скрытых ухищренным способом электронных устройств, содержащих полупроводниковые компоненты, находящихся как во включенном, так и в выключенном состоянии. В статье рассматриваются правила и особенности работы с детекторами нелинейных переходов, что позволяет повысить эффективность их использования и исключить преступления, совершаемых при помощи средств мобильной связи на территории исправительных учреждений.

Ключевые слова: детектор нелинейных переходов, осужденные, сотрудник уголовно-исполнительной системы, исправительные учреждения, средства мобильной связи.

POPOV Igor Vadimovich

Ph.D. in pedagogical sciences, Deputy Head of Information technology management sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

ANALYSIS OF THE EFFECTIVENESS OF WORK WITH THE NONLINEAR TRANSITION DETECTOR TO PREVENT UNAUTHORIZED USE OF MOBILE COMMUNICATIONS IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS

This article is of great relevance due to the growing number of crimes committed using mobile communications in correctional institutions. To optimize search measures, it is necessary to analyze and summarize trends in scientific and technological progress, opportunities and prospects for the use of search equipment samples in service to strengthen law and order and security in institutions of the penal system. The nonlinear transition detector is designed to search for electronic devices hidden in a sophisticated way, containing semiconductor components that are both on and off. The article discusses the rules and features of working with nonlinear transition detectors, which makes it possible to increase the efficiency of their use and eliminate crimes committed using mobile communications on the territory of correctional institutions.

Keywords: nonlinear transition detector, convicts, an employee of the penal enforcement system, correctional institutions, mobile communication facilities.

В современном мире осужденные совершают различные преступления внутри и вне стен исправительных учреждений с помощью средств мобильной связи (далее – СМС). К таким преступлениям могут относиться представляющие большую общественную опасность звонки от мошенников, представляющими сотрудниками банков, или же контрабанда, незаконное обращение с наркотическими и токсическими веществами, которые происходят по стовору с подельниками, находящимися за территорией исправительного учреждения, по предварительной договоренности с помощью СМС или в сети «Интернет». Незаконное использование мобильных телефонов осужденными в пенитенциарных учреждениях России является нарушением правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, которое влечет применение к ним мер взысканий и признание злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания¹.

Для борьбы с данным явлением в исправительных учреждениях России используют различные методы. Одним из них является использование специальных сканеров и детекторов, которые позволяют обнаруживать СМС на территории исправительного учреждения, а также находить осужденных, которые ими пользуются. Отличным примером такого устройства является детектор нелинейных переходов (далее – детектор), с помощью которого можно обследовать помещения (пол, стены, потолок), мебель, личные вещи осужденных, проводить личные досмотры, досмотры посетителей и сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) на контрольно-пропускном пункте и проверке ручной клади и их личных вещей.

Детектор предназначен для поиска и обнаружения электронных устройств, содержащих полупроводниковые элементы при проведении обследований помещений, участков местности с целью обеспечения информационной и физической безопасности.

Своевременное обнаружение различных запрещенных предметов и тайников особенно важно для обеспечения режима на территории учреждений УИС, предупреждения совершения правонарушений и преступлений осужденными и лицами, содержащимися под стражей. Таким образом, в деятельности УИС поисковая техника (устройства и приборы, а также специальные методы, предназначенные для обнаружения предметов, относящихся к событиям и фактам противоправной деятельности) применяется при осуществлении режимных мероприятий (обысков и досмотров), а также в процессе решения задач оперативно-розыскной деятельности.

Приказ Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110 (ред. от 3 апреля 2023 г.) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» содержит указания о порядке проведения обыска и досмотра в СИЗО (приложение 1) и ИУ (приложение 2) раздел XX, в том числе и с использованием технических средств².

Отрадно, что часть сотрудников УИС дают очень высокую оценку детекторам, в то время как другие отзываются о них весьма сдержанно. Основная причина «недопонимания» ценности данного прибора во многом заключается в недостаточном раскрытии некоторых важных технических особенностей, которые во многом и определяют эффективность (или неэффективность) применения детектора в обыскных мероприятиях.

Обратимся к информации о практике использования в обыскных мероприятиях детекторов различных марок отечественных производителей поисковой техники и связанных с

2 Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы»: приказ Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110, (ред. от 23.08.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 23.08.2023 г.

1 Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023). // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 24.06.2023 г.

этим проблемных вопросах. Полученные от территориальных органов ФСИН России аналитические материалы позволили нам обобщить информацию об эффективности применения в исправительных учреждениях детекторов и сформулировать соответствующие рекомендации по их применению.

Для проведения обыскных мероприятий сотрудниками подразделений безопасности (режима и надзора) территориальных органов ФСИН России в ИУ и СИЗО в 2022 г. использовались 323 детектора нелинейных переходов.

Большинство запрещенных предметов, спрятанных, в том числе, ухищренным способом было найдено на территории локальных участков отрядов в стенах либо под полами, на производственных объектах, в замаскированных тайниках в том числе в грунте (закопанных в землю на глубину более 30 см), в личных вещах осужденных и т. д.

Отметим некоторые различия применения детекторов в СИЗО и исправительных учреждениях, а также эффективность их применения при проведении обыскных мероприятий:

– применение детекторов в СИЗО и исправительных учреждениях, по мнению опрошенных сотрудников, существенно отличается, так как в исправительных учреждениях большая площадь поиска и достаточное количество скрытых полостей, ввиду чего использование детекторов становится малоэффективным, в отличие от проведения обыскных мероприятий на территории СИЗО. Поскольку в камерных помещениях ограниченная площадь поиска, удается охватить 100 % обыскиваемого помещения с обнаружением запрещенных предметов, спрятанных ухищренным способом под половым покрытием, в полостях стен и других местах;

– методика применения детекторов в исправительных учреждениях и СИЗО отличается тем, что детекторы в СИЗО позволяют проводить более эффективный поиск, где большое количество металлических конструкций, пространство ограничено камерой для размещения спецконтингента, что также имеет значение при выборе методики применения детекторов;

Недостаток использования детекторов в исправительных учреждениях обуславливается большой территорией, в которой возможно изготовление тайников на открытой местности, в общежитиях отрядов, производственных цехах, тем самым без владения оперативной информацией о возможном нахождении запрещенных предметов обнаружение их затруднительно;

– наиболее эффективно использование детекторов при проведении обыскных мероприятий в камерных и жилых помещениях, где содержатся подозреваемые, обвиняемые и осужденные;

– при использовании детекторов в исправительных учреждениях и СИЗО необходимо учитывать наличие поблизости электронных устройств, которые могут создать помехи для прибора. При обнаружении сигнала-отклика по 2-й гармонике необходимо произвести тщательный осмотр поверхности помещения или предмета, при необходимости использовать вспомогательный обыскный инструмент. Детекторы в СИЗО и ИУ применяются с различными настройками чувствительности (в СИЗО – меньшая, в ИК – большая).

Для успешного проведения обыскных мероприятий и обнаружения запрещенных предметов целесообразно оснастить все подведомственные учреждения детекторами нелинейных переходов. В настоящее время имеющееся количество детекторов недостаточно, что отмечается практически во всех регионах. Необходимо количество детекторов для качественного проведения обыскных мероприятий – по одному на каждое учреждение.

Следует отметить типичные ошибки при осуществлении сотрудниками УИС обыскных мероприятий с помощью детекторов различных моделей:

– допускается наличие в контролируемом помещении электронных устройств, необходимо исключать наличие данных устройств из зоны поиска;

– несоблюдение расположения антенного блока параллельно обследуемой поверхности и расстояния до обследуемой поверхности более 10 см;

– использование детектора нелинейных переходов без изучения инструкции по эксплуатации;

– не изучаются особенности помещений, в которых будет проводиться поиск запрещенных предметов (наличие электроники в смежных помещениях, в полу и на потолке);

– некачественная настройка детекторов перед началом работы. Работа в помещениях, где имеется большое количество изделий из металла со швами от сварки, при наличии которых детектор выдает ложный сигнал;

– неправильный выбор режима обнаружения либо чувствительности антенны на различных гармониках, неверный анализ поступающего сигнала, определение настоящего и ложного

сигнала, полупроводников, неверный выбор угла сканирования объекта, что приводит к ложному срабатыванию детектора;

– неправильное выставление мощности на том или ином объекте использования, быстрое хаотичное вращением прибором по обследуемой поверхности;

– при подготовке к работе детектора не проводится оценка помеховой обстановки на частотах приема прибора. Допускаются нарушения при обращении с детекторами, а именно из одежды и снаряжения не убираются предметы, содержащие полупроводниковые радиоэлементы.

В начале работы оператор детектора должен визуально определить на основании практического опыта проведения обыскных мероприятий, возможные места тайников. Сотрудник должен знать тактику применения и ТТХ детектора, уметь применять их в обыскной работе, знать, на какие технические средства заменить детектор для дальнейшего обнаружения запрещенного предмета, например, такие как видеоэндоскоп. С целью исключения недостатков, снижающих эффективность обыскных мероприятий при работе с детектором, к одновременной эксплуатации должны допускаться не более двух сотрудников, знающих правила работы с указанной аппаратурой (оператор и помощник).

Проблемными вопросами остаются низкие профессиональные качества сотрудников при использовании оборудования на обыскных мероприятиях, отсутствие материально-технической базы для организации обучения по использованию названных устройств.

Основными проблемными вопросами при использовании детекторов сотрудниками УИС являются:

– отклик прибора на предметы, не являющиеся запрещенными (лекарственные препараты, оцинкованные крепежные изделия и т.д.);

– сотрудники, осуществляющие работу с детекторами, имеют только базовые знания и навыки работы с данным оборудованием;

– в связи со сложным восприятием руководства по эксплуатации детекторов, часто встречаются ошибки настройки данной аппаратуры для наиболее эффективной работы, в зависимости от места работы с данным устройством и поставленной задачи поиска;

Нежелательно производить поиск запрещенных предметов в условиях работающих подавителей сотовой связи, установленных в подведомственных учреждениях, которые искажают сигнал детектора и мешают точному определению местоположения запрещенного предмета.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что работа с детектором нелинейных переходов является эффективным инструментом для предотвращения передачи СМС на территории исправительных учреждений и, следовательно, снижения количества преступлений, совершаемых осужденными. Необходимо отметить, что модели детекторов серии NR успешно используются в учреждениях УИС не одно десятилетие, наряду с новыми образцами (RFD-23) и их применение регламентировано нормативными правовыми актами.

Важно понимать, что борьба с незаконным использованием СМС в пенитенциарных учреждениях не только обеспечивает безопасность общества, но и помогает в исправлении осужденных. Ограничение доступа лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, к незаконному использованию СМС способствует улучшению их социализации, воспитанию и снижению риска повторного совершения преступлений после освобождения.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (Ред. От 24.06.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 24.06.2023 г.
2. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы»: приказ Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110, (ред. от 23.08.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 23.08.2023 г.
3. Шиханов В. А. Обеспечение, организация обысков, допросов в учреждениях УИС и на прилегающих к ним территориях: учебно-методическое пособие. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2011. – 84 с.

АСАДОВ Ватан Вагифович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества Псковского филиала Университета ФСИН России

К ПРОБЛЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОЗДЕЙСТВИЯ К ОСУЖДЕННЫМ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются основные направления повышения эффективности применения предупредительных мер воздействия к осужденным без изоляции от общества. Обосновывается важность такой работы и ее влияние на обеспечение общественной безопасности в Российской Федерации. Автор приводит результаты собственного исследования, на которых базируются основные положения статьи и выводы исследования.

Ключевые слова: уголовно-исполнительные инспекции, наказания без изоляции от общества, предупредительные меры воздействия, повторные преступления.

Асадов В. В.

ASADOV Vatan Vagifovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law disciplines and the organization of the execution of punishments not related to the isolation of convicts from society sub-faculty of the Pskov branch of the FPS University of Russia

ON THE PROBLEM OF INCREASING THE EFFECTIVENESS OF THE APPLICATION OF PREVENTIVE MEASURES TO CONVICTS WITHOUT ISOLATION FROM SOCIETY

The article discusses the main directions for improving the effectiveness of preventive measures to convicts without isolation from society. The importance of such work and its impact on ensuring public safety in the Russian Federation are substantiated. The author presents the results of his own research, on which the main provisions of the article and the conclusions of the study are based.

Keywords: penal inspections, punishments without isolation from society, preventive measures, repeated crimes.

В настоящее время уголовно-исполнительная политика нацелена на дальнейшую гуманизацию уголовного наказания и системы его исполнения [1]. Официальные статистические данные свидетельствуют о расширении с 2010 года (с момента реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года [2]) применения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденных от общества. Важным показателем эффективности исполнения наказания, в том числе наказания без изоляции осужденного от общества, является правоопосланный образ жизни осужденного как в период отбывания им наказания, так и после его отбытия.

Вопрос о профилактике совершения повторных преступлений ежегодно рассматривается на заседании Правительственной комиссии по профилактике правонарушений при МВД России. В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб по защите основ конституционного строя Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина, совершенствование единой государственной системы профилактики преступности, обеспечение реализации принципа неотвратимости наказания за совершение преступления, а также на формирование в обществе атмосферы нетерпимости к противоправной деятельности, является составной частью государственной и общественной безопасности, посредством реализации которой обеспечивается национальная безопасность Российской Федерации (п. 41 Стратегии) [3].

Одним из основных направлений деятельности по обеспечению общественной безопасности в Российской Федерации в области противодействия преступным и иным противоправным посягательствам является совершенствование системы профилактики правонарушений. Соответствующий

комплекс мер включает в себя выявление причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также принятие мер по их устранению; реализацию федеральных, региональных, муниципальных и отраслевых программ по предупреждению правонарушений; совершенствование механизмов социальной адаптации и реабилитации лиц, склонных к совершению преступлений (в том числе страдающих наркотической и алкогольной зависимостью, лиц без определенного места жительства); предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий, совершаемых несовершеннолетними [4].

В связи с этим одно из приоритетных направлений деятельности уголовно-исполнительных инспекций (УИИ) – предупреждение совершения осужденными к наказаниям без изоляции от общества повторных преступлений.

Ежегодно по учетам УИИ проходит около 1 млн человек, из них около 36 % осужденных были ранее судимы [5]. Кроме того, в 2022 г. произведено замен наказаний более строгим видом наказания, отмен условного осуждения, отсрочки отбывания наказания, меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении 57251, или 6,61 %, подучетных лиц (2021 г. – 53450, или 6,60 %) [6].

Практика показывает, что, несмотря на ежегодное снижение уровня повторной преступности среди осужденных без изоляции от общества, актуальность проблемы предупреждения повторных преступлений лиц, состоящих на учете УИИ, сохраняется. Это обусловлено в первую очередь тем, что до настоящего времени сохраняется достаточно сложный криминогенный состав таких лиц. Так, от общего числа поставленных на учет УИИ в 2022 г. половина не были заняты трудом или учебой, каждый третий, состоявший на учете, ранее привлекался к уголовной ответственности, каждый пятый – находился в розыске.

В настоящее время одно из основных направлений деятельности УИИ – создание и применение комплекса пред-

упредительных мер, направленных на снижение уровня повторной преступности, а также исправление осужденных без лишения их свободы.

В современных условиях функционирования российского общества необходимо говорить о разработке механизма предупреждения совершения осужденными, состоящими на учете УИИ, повторных преступлений. Важно подчеркнуть, что это должен быть механизм, частями которого должны стать уголовно-исполнительные инспекции, органы внутренних дел, иные правоохранительные органы, институты гражданского общества. Только слаженная работа всех названных структур и организаций позволит достичь значительных результатов.

Исследование показывает, что при организации предупреждения преступлений лиц, состоящих на учете УИИ, следует использовать фактор материальной, экономической, служебной и иной заинтересованности субъектов профилактики в результатах своего труда, по-новому преобразующий существующие и прежние институты, доказавшие свою полезность и эффективность.

Так, очевидной является связь между занятостью трудом осужденных, состоящих на учете УИИ, и совершением ими повторных преступлений. В связи с этим введение определенных налоговых льгот для предприятий, устроивших на работу осужденных, состоящих на учете УИИ, может стать стимулирующим фактором для работодателя, учреждений и организаций.

Можно выделить два основных подхода к организации предупреждения повторных преступлений лиц, состоящих на учете УИИ:

- 1) включение в общую программу борьбы с преступностью раздела, посвященного борьбе с рецидивной преступностью, на уровне общего комплексного плана по регионам;
- 2) разработка специального плана, программы с конкретной целью воздействия на повторную преступность осужденных, состоящих на учете УИИ.

Достижением первого подхода является, во-первых, комплексное решение проблемы предупреждения повторных преступлений. Преимущество второго подхода заключается в возможности максимальной конкретизации и детализации разрабатываемых мер, отсутствующих, как правило, в общих программах из-за их большого разрастания.

Анализ региональных программ противодействия повторной преступности лиц, состоящих на учете УИИ, позволяет сделать вывод о том, что общей программы сокращения рецидивной преступности нет, есть разрозненные, не объединенные идеями комплексного подхода к решению указанной проблемы мероприятия.

Представляется, что такие мероприятия важны и необходимы в регионах. Это обусловлено тем, что, по мнению опрошенных сотрудников УИИ, наиболее действенными мерами воздействия на осужденных с целью профилактики повторной преступности являются следующие: 1) оказание реальной помощи в приобретении профессии и трудоустройстве (8,4 балла из 10); 2) оказание помощи в решении иных жизненных проблем (в семье, по месту работы, среди друзей и т.д.) (8,8 балла из 10); 3) оказание реальной помощи в решении жилищной проблемы (6,8 балла из 10).

Приведенные результаты исследования еще раз подтверждают высказанную нами мысль о том, что в большинстве случаев осужденных на совершение повторных преступлений толкает социальная неустроенность.

Создание и реализация программ по оказанию социальной помощи положительно скажется на правопослушном поведении осужденных. В зависимости от личности нередко осужденные достаточно тяжело воспринимают наказания, в том числе и не связанные с изоляцией от общества. Зачастую осужденные за правонарушение ведут к потере осужденным работы. Важно поддержать осужденных, особенно тех, кто осознал свой проступок и хотел бы сохранить свое место в обществе.

Важная роль в этой работе должна быть отведена социальным службам. Однако значительная часть респондентов (45,2 %) отметила, что взаимодействие УИИ с социальными службами в их регионе отсутствует или не имеет результа-

тов. В то же время большинство опрошенных сотрудников все-таки полагают, что такое взаимодействие осуществляется. Так считают 54,8 % респондентов. Такое взаимодействие осуществляется по трем основным направлениям: 1) в устройстве осужденных на работу (28,4 %); 2) в решении жилищных вопросов (7,5 %); 3) в лечении (19,2 %).

Кроме того, рассмотрение на постоянной основе вопроса о взаимодействии УИИ с органами местного самоуправления по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденного от общества, на заседаниях созданной в регионе межведомственной комиссии по вопросам укрепления правопорядка и общественной безопасности при главе области, края, республики приносит значительные результаты. На таких заседаниях решаются вопросы по укреплению мер противодействия повторной преступности среди условно осужденных, разрабатываются предложения по повышению эффективности предупредительных мер.

Еще одно важное направление работы по предупреждению совершения осужденными повторных преступлений – это взаимодействие с предприятиями и организациями по трудоустройству осужденных. Следует отметить, что отсутствуют реально действующие социальные программы, направленные на оказание финансовой поддержки осужденным без изоляции от общества, программы, способствующие их трудоустройству.

По мнению респондентов, причины, которые затрудняют организацию взаимодействия УИИ с предприятиями и организациями региона, связаны со следующим: 1) нет взаимовыгодных отношений (4,8 %); 2) нет льгот у предприятий и организаций, которые берут на работу осужденных (30,4 %); 3) нет желания принимать на работу осужденных (5,3 %).

Таким образом, мероприятия по предупреждению повторных преступлений осужденных, состоящих на учете УИИ, должны быть объединены одним общим комплексным планом, содержать планируемые мероприятия органами полиции, УИИ, органами государственной власти и местного самоуправления, иными правоохранительными органами, организациями, общественными формированиями, должны соответствовать планам социально-экономического развития региона и комплексным планам профилактики правонарушений. Полагаем, что в указанных комплексных планах мероприятия по предупреждению повторных преступлений должны быть сосредоточены в специальных разделах отдельно в отношении различных категорий осужденных, состоящих на учете УИИ.

Пристатейный библиографический список

1. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 20. Ст. 3397.
2. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2010. - № 43. - Ст. 5544.
3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом Рос. Федерации от 14 ноября 2013 г. № Пр-2685 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. Характеристика лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях // Официальный сайт ФСИН России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://фсин.рф>
6. Обзор об итогах деятельности уголовно-исполнительных инспекций в 2022 году. - М., 2023. - С. 2.

ЕЛЬЦОВА Алена Олеговна

адъюнкт факультета научно-педагогических кадров Академии ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНСКОГО ПОЛА В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В настоящей статье автором рассматриваются особенности воспитательного воздействия на осужденных к лишению свободы женского пола в исправительных учреждениях, способы его реализации в учреждениях, исполняющих уголовные наказания, а также предлагаются возможные способы решения ряда проблемных вопросов. Целью работы является изучение действующего законодательства в части, касающейся воспитательного воздействия на осужденных к лишению свободы для решения проблемных вопросов, возникающих в практической деятельности исправительных учреждений, а также выработка актуальных предложений по корректированию методов воспитательного воздействия, повышению его общей эффективности и снижению рецидивной преступности.

Ключевые слова: преступность, рецидивная преступность, осужденные к лишению свободы, женщины.

ELTSOVA Alena Olegovna

adjunct of the Faculty of Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy of the FPS of Russia

FEATURES OF EDUCATIONAL IMPACT ON FEMALE CONVICTS IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS

In this article, the author examines the features of educational influence on female prisoners sentenced to imprisonment in correctional institutions, ways of its implementation in institutions executing criminal penalties, and also suggests possible ways to solve a number of problematic issues. The purpose of the work is to study the current legislation in terms of educational impact on prisoners sentenced to imprisonment in order to solve problematic issues arising in the practical activities of correctional institutions, as well as to develop relevant proposals for correcting methods of educational impact, increasing its overall effectiveness and reducing recidivism.

Keywords: crime, recidivism, convicted persons, women.

За достаточно продолжительное время своего существования уголовно-исполнительная система прошла значительный путь от карательной политики до цивилизованных и гуманных начал при исполнении уголовных наказаний, включающих воспитательную работу.

В процессе развития исполнительной системы соответственно временным рамкам менялись цели и методы воспитательной работы с осужденными. Параллельно с этим для реализации поставленных задач, достижения максимальной эффективности в проводимой работе с осужденными, систематически менялось и законодательство.

Одним из главных итогов трансформации уголовно-исполнительной системы является отношение к осужденным лицам как к гражданам, которые не только претерпевают ограничения, но также имеют права в соответствии с законодательством Российской Федерации. Так, в настоящее время воспитательная работа с осужденными является одним из основных средств исправления осужденных. Воспитательная работа с осужденными направлена на исправление, формирование уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, на повышение их образовательного и культурного уровней.

Законодательство, регулирующее воспитательную работу с осужденными, в настоящий момент не совсем действенно: – уровень рецидива очень высок, на сегодняшний день он составляет порядка 44 процентов, то есть из 100 тысяч освобожденных из мест лишения свободы, примерно 44 тысячи вновь отправятся отбывать наказание в исправительные учреждения.

Д. А. Бражников и П. Н. Кобец справедливо отмечают, что ненадлежащая степень подготовки лиц женского пола к жизненным трудностям после освобождения из мест лишения свободы служит для них препятствием к успешному преодолению всех трудностей по ресоциализации [1, с. 76].

Следовательно, система воспитательного воздействия на осужденных женщин должна быть комплексным, непрерывным процессом, учитывающим изменения, происходящие в современном российском обществе, и факторы, влияющие на социальный и семейный статус женщины, ее физическое, духовное и психологическое здоровье [2, с. 723].

Система специализированных мер по противодействию женской преступности должна опираться в первую очередь на профилактические меры, способные в достаточной степени обеспечить социальную адаптацию женщин, освобожденных из мест лишения свободы.

Воспитательное воздействие в местах лишения свободы включает в себя воспитательную работу, получение общего образования, применение мер поощрения и взыскания.

Понятие воспитательной работы с осужденными легально не отражено, традиционно его понимают как: «систему педагогически обоснованных мер, способствующих преодолению их личностных деформаций, интеллектуальному, духовному и физическому развитию, правопослушному поведению и социальной адаптации после освобождения». Воспитательная работа в учреждениях, исполняющих уголовные наказания проводится дифференцированно, с учетом личных характеристик осужденного, совершенного преступления, поведения в местах лишения свободы, но в то же время предполагает определенную творческую деятельность и выбор методов воздействия сотрудника. Это не всегда приносит позитивный результат, поскольку сотрудник исправительного учреждения зачастую не способен выбрать подходящую методику, реализуя воздействие субъективно.

Воспитательная работа с осужденными женщинами должна строиться на основе разделения по совершенным преступлениям, – поскольку все чаще женщины совершают тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, отмечается рост преступлений, не свойственных женщинам – насильственные преступления сексуального характера, и, наоборот, положно,

«свойственных» женщинам – проституции с учетом восприимчивости к воспитательному воздействию, а также разделяя мероприятия с осужденными впервые отбывающими и повторно отбывающими уголовное наказание в виде лишения свободы.

Не стоит забывать о том, что для женских исправительных учреждений характерны гомосексуальные союзы, которые создаются между осужденными женщинами, зачастую они становятся причиной повторных преступлений. Привязанность к «союзу» у женщин бывает очень сильной, поскольку там они получают эмоциональную поддержку и чувство защищенности, в которых нуждаются [3, с. 130].

На основании этого, сотрудник исправительного учреждения, осуществляющий воспитательную работу, должен строить план воспитательной работы с осужденной включая в него следующие беседы: о моральной ответственности, роли женщины как матери, нравственности и этики в человеческом общежитии, ценности семьи, о традиционных взглядах, о важности института брака, об уверенности в себе и способности к самоконтролю.

Целесообразным представляется уделение пристального внимания особо сложным категориям. Предлагается разработать план работы на полугодие с трудновоспитуемыми осужденными, со склонными к суициду, членовредительству, лесбиянству, совершению побега, систематическому нарушению правил внутреннего распорядка, к посягательствам на половую свободу и неприкосновенность, совершению преступлений террористической и экстремистской направленности, имеющими психические отклонения и девиантное поведение совместно с психологом, при этом возможно отслеживать результаты воспитательной работы и при необходимости корректировать. Предлагается организовать специфические планы-программы работы с такими осужденными. Положительным примером является Ведомственная программа социально-психологической работы в отношении лиц, имеющих алкогольную и наркотическую зависимость, содержащихся в следственных изоляторах и исправительных учреждениях.

Одним из способов достижения положительного результата при работе с трудновоспитуемыми осужденными станет «наставничество». Организация этой формы в отряде предполагает закрепление к отрицательно характеризующейся осужденной той, которая стремится исправиться. Таким образом, у не вставшей на путь исправления осужденной, по всей видимости, возникнет чувство защищенности, ощущение поддержки и влияния на нее позитивного примера поведения.

В целях повышения эффективности групповых и массовых форм работы возможно в качестве альтернативы рассмотреть следующие мероприятия:

– приглашение для беседы в исправительное учреждение осужденных, освободившихся условно-досрочно и твердо вставших на путь исправления, излечившихся от алкогольной и наркотической зависимостей. Жизненный опыт освободившихся из исправительного учреждения досрочно, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы, сумевших исправиться и их позитивные изменения в дальнейшей жизни могут стать значительным стимулом по исправлению осужденных.

– систематический опрос осужденных женщин для выявления их интересов и организации полезной занятости и досуга. Это послужит «обратной связью», позволяющей оценить результат проводимой воспитательной работы в целом и осуществить своевременную корректировку при необходимости. Осужденные, в свою очередь, смогут увидеть, что их правопослушное поведение, направленное на позитивное развитие, в целом не остается незамеченным администрацией исправительного учреждения.

– ежегодная оценка результатов воспитательного процесса каждой осужденной.

В колонии ежегодно проводятся соревнования между отрядами на звание «Лучший отряд», в котором каждый

отряд в конце месяца получает определенное количество баллов исходя из полученных осужденными отряда поощрений, дисциплинарных взысканий, при этом, учитывается участие в культурно-массовых и спортивных мероприятиях, викторинах и т.д. Это достигает положительного результата в процессе исправления, но также определенное количество осужденных «обезличивается», утрачивает чувство ответственности. Так, уместно ежеквартально отслеживать динамику исправления каждой осужденной, выставляя «балл», критерии оценивания должны быть ясными и понятными для всех групп, целесообразно, если это станет частью ежегодной аттестации, будет доводиться до членов совета воспитателей отряда, учитываться судом при принятии решения об условно-досрочном освобождении, замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания и т.д.

– активная антипропаганда «АУЕ».

Необходимо сказать об активном противоборстве распространению криминальной субкультуры в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, поскольку в данное движение в последнее время вовлекается большое количество лиц, не имеющих отношения к «тюремной романтике» и, хотя, в исправительных учреждениях для лиц женского пола движение «АУЕ» менее распространено, оно все равно имеет место быть. Для предупреждения необходимо повышать у более внушаемых женщин уровень правосознания, воспитывать уважение к законам общества, доводить ответственность за признанное экстремистским движение.

– общественное порицание или одобрение.

Данная мера была очень популярна в советском союзе, а также являлась одной из наиболее действенных. Женскому полу более свойственно влияние окружающих, важно мнение и публичная оценка их поведения. Возможно, позитивного результата достигнет собрание и проведение женсоветов, в котором будут принимать участие наиболее влиятельные сотрудники администрации исправительного учреждения, а также старшие дневальные отрядов.

Выводы: таким образом, воспитательное воздействие в системе исполнения наказаний является одним из важнейших направлений для достижения целей системы исполнения наказаний. Несмотря на многообразие средств и методов воздействия, комплексный, дифференцированный подход к этому процессу, можно сказать, что эта деятельность не всегда достигает положительного результата. При этом отсутствует разделение воспитательного воздействия по категориям, хотя каждая из них имеет свои особенности, а значит, – свои методы работы.

Изложенное свидетельствует о том, что в данном направлении необходимо искать современные пути решения как на законодательном, так и на практическом уровнях, используя накопленный опыт и статистические данные.

Пристатейный библиографический список

1. Бражников Д. А., Кобец П. Н. Женская рецидивная преступность: отдельные вопросы предупреждения органами внутренних дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 3 (45). – С. 75-86.
2. Ельцова А. О. Воспитательное воздействие на осужденных к лишению свободы женского пола и институт пробации // Сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции по проблемам исполнения уголовных наказаний. Том 2. Рязань. – 2022. – С. 722-725.
3. Ежова О. Н. Особенности личности женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы // Психологические науки. – 2019. – С. 127-134.

МУСАЛЕВА Анна Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России

БЕЛЯКОВ Алексей Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями Самарского государственного экономического университета

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСУЖДЕННЫХ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЕЕ РОЛЬ В ПРОВЕДЕНИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С НИМИ

В статье рассмотрены социально-демографическая, уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристики осужденных за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Результаты исследования обосновывают выводы о необходимости изучения личности осужденных рассматриваемой категории для достижения положительного результата воспитательной работы с ними.

Ключевые слова: воспитательная работа; осужденный; криминологическая характеристика, половая неприкосновенность.

MUSALEVA Anna Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor, senior researcher of the Research Institute of the FPS of Russia

BELYAKOV Alexey Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Organization of the fight against economic crimes sub-faculty of the Samara State University of Economics

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THOSE CONVICTED OF CRIMES AGAINST THE SEXUAL INTEGRITY OF MINORS AS WELL AS ITS ROLE IN EDUCATIONAL WORK WITH THE CATEGORY UNDER CONSIDERATION

The article examines the socio-demographic, criminal-legal and criminal-executive characteristics of those convicted of crimes against the sexual integrity of minors. The results of the study substantiate the conclusions about the need to study the personality of convicts of the category in question in order to achieve a positive result of educational work with them.

Keywords: educational work; convict; criminological characteristics, sexual integrity.

Для организации эффективной воспитательной работы с осужденными к лишению свободы особый интерес представляют его личностные характеристики. Это позволяет сотруднику, проводящему воспитательную работу, оказывать необходимое воспитательное воздействие с учетом особенностей, присущих конкретному осужденному (возраст, пол, состояние здоровья, криминогенная установка, совершенное преступление, срок отбывания наказания и иные).

Однако особенности, выделяемые учеными-психиатрами преступника, совершившего преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, также может стать хорошим подспорьем в организации воспитательной работы с осужденными за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Отметим, что этих осужденных можно условно разделить на 2 категории: 1) признанные страдающими расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости¹; 2) совершившие сексуальные посяательства в отношении несовершеннолетних и при этом не страдающие педофилией.

Исследования патогенетических механизмов педофилии в сфере неврологии, психиатрии, психологии выявляют у таких лиц особенности, характерные для девиаций: расстройства психического здоровья личности; им присущ сниженный уровень интеллекта (умственная отсталость в степени умеренной и выраженной дебильности), прогредиентные (продленные) формы шизофрении, легкая дебильность,

эпилепсия, психосексуальный инфантилизм, фобии, фрустрации, тенденции к формированию зависимостей и навязчивостей. Многим присущи аутоэротизм – феномен отстранения от реального объекта с погружением во внутренний мир девиантных переживаний, при котором обнаруживается внешнее сходство объекта и субъекта, а также депрессия, аутоагрессия. Самообвинение, ненависть к себе порождают суицидальные мысли [2, с. 316], [3, с. 147], [5, с. 123].

Р. Крафт-Эбигн отмечает среди педофилов много лиц со старческой деменцией, эпилепсией, алкоголизмом, врожденным слабоумием. Однако немалая часть подобных преступлений и как раз наиболее отвратительные из них совершаются не душевнобольными, а здоровыми людьми, забывающими свое человеческое достоинство под влиянием пресыщения естественными половыми сношениями, уродливого сладострастия, огрубения, а подчас и опьянения [4, с. 231].

А в местах лишения свободы к таким лицам крайне отрицательное отношение со стороны других осужденных: их презирают и игнорируют, они находятся на дне социальной ямы, их избивают и могут даже убить. Особенно тяжело приходится тем, кто осужден за убийство ребенка [1, с. 49].

При исследовании криминологической характеристики рассматриваемой категории осужденных мы будем использовать результаты опроса осужденных.

Так, одним из основных элементов социально-демографической личности осужденного является возраст: он является определяющей ступенью физического, психического, личностного и иного развития личности. В ходе анкетирования указанной группы наиболее криминогенная активность осужденных наблюдается в возрастной категории 30–39 лет – (34,0 %). Второе место занимает возрастная группа 40–49 лет – (25,5 %). Немного уступает возрастная группа 18–29 лет – (24,5 %) и наименьшую группу лиц осужденных составляют в возрасте от 50 лет и старше – (16,0 %). Таким образом, престу-

¹ В соответствии с Международной классификацией болезней 10-го пересмотра 1990 г., категория F65 «Расстройства сексуального предпочтения», называемые также парафилиями (сексуальная девиация), включает категорию F65.4 «Педофилия», под которой понимается сексуальная тяга к детям препубертатного или раннего пубертатного возраста.

пления против половой неприкосновенности несовершеннолетних распространены не только в молодежной среде, но и среди лиц более зрелого возраста.

Результаты анкетирования показали вполне закономерные различия в образовательном уровне; высшее образование имеет 9,7 % осужденных, среднее специальное – 45,4 % осужденных, среднее – 42,6 % осужденных, остальная, мало-значительная часть – 2,3 % осужденных – имеют незаконченное среднее образование. Таким образом, рассматриваемые осужденные в основной своей массе характеризуются средним образовательным уровнем.

Чуть меньше четверти опрошенных осужденных – 22,2 % – находятся в браке и сохранили семью, разведены – 23,1 % и никогда не вступали в брак (холостые) – 54,7 %.

Интересными являются выводы проведенных исследований ученых в области психиатрии, которые констатируют, что создание семьи этой категорией лиц отражает не столько зрелую сексуальность, сколько попытку следовать стереотипам референтной группы. Для всех вступивших в брак он является попыткой преодолеть осознаваемое патологическое влечение. Однако эти попытки обычно безуспешны, и семейная жизнь оказывается непродолжительной [2, с. 325].

Согласно анкетированию, даже при столь невысокой доле лиц, состоящих в брачных отношениях, только 66,6 % из них поддерживают связь с семьей, остальные осужденные – и их доля значительно велика – 33,4 % – по различным причинам не поддерживают связей с близкими. Вполне допустимо является предположение об ухудшении социальной осознанности данной категории осужденных и утрате ими навыков межличностных отношений, итогом которых является создание полноценной семьи. При этом 36,5 % осужденных ответили, что имеют детей, об отсутствии детей ответило 66,5 % осужденных.

О неблагоприятии в сфере занятости осужденных свидетельствует то, что треть опрошенных к моменту совершения преступления – 29,8 % – не имели определенных занятий и постоянного дохода. Однако заслуживают внимания данные, что 70,2 % осужденных имели постоянный источник доходов, что говорит о значительном потенциале в сфере занятости, профессиональной подготовки и оплачиваемого труда.

Результаты анализа уголовно-правовой характеристики опрошенных позволили установить, что большинство из них – более половины – 60,2 % осуждены впервые, 23,6 % имеют вторую судимость, 16,2 % имеют третью и более судимости.

Наиболее распространенными преступлениями, за которые ранее отбывали наказания эти осужденные, являются преступления против собственности и против жизни и здоровья. В совокупности число таких осужденных составляет почти 70 %.

Подавляющее большинство осужденных (35,8 %) осуждены к лишению свободы на срок от 10 до 15 лет лишения свободы; 31,8 % – от 5 до 10 лет лишения свободы; до 5 лет лишения свободы – 19,3 %; от 15 лет лишения свободы и выше – 13,1 %. То есть, основная часть осужденных длительное время пребывает в ИУ, в связи с чем возникает необходимость детального изучения динамики изменения их личностных особенностей.

В соответствии с п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ и результатами опроса осужденных, 10,4 % назначены принудительные меры медицинского характера (то есть эти осужденные признаны страдающими расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости), 89,6 % – не назначены.

В соответствии с представленными статистическими данными, 31,1 % осужденных прошли освидетельствование комиссией врачей-психиатров для решения вопроса о наличии или об отсутствии у них расстройства сексуального предпочтения (педофилии) и определения мер медицинского характера, направленных на улучшение их психического состояния, предупреждение совершения ими новых преступлений и проведение соответствующего лечения (ч. 4 ст. 18 УИК РФ), 32,5 % – отказались от освидетельствования. 10 % – проходят лечение по результатам освидетельствования.

На вопрос «Что послужило причиной совершения преступления, за которое Вы отбываете наказание в данный момент?» из общего числа опрошенных дали ответ только 39 %. Причем,

практически все ответы («не виновен в совершении преступления», «не совершал этого преступления», «судебная ошибка», «незаконное осуждение», «клевета», «оговор» и т.п.) направлены на полное отрицание осужденным факта совершения им преступления указанной категории либо («повлияло окружение», «доступность и беспомощность жертвы», «неправильное воспитание», «плохая компания», «противоправное и аморальное поведение потерпевшего», «провокация», «алкогольное опьянение», «наркотические средства» и т.п.) неприятие персональной ответственности за совершенное преступление, то есть, осужденные убеждены, что основная причина совершения преступления кроется не в нем самом, а в других людях – в потерпевших (вызывающе себя ведут), родителях (плохо воспитали), друзья, знакомые (плохо влияют) и т. п.

Однако некоторые ответы осужденных («скука», «недо-разумение» и т.п.) указывают на их искаженное представление о моральных устоях или отсутствие морально-нравственного воспитания.

Пенитенциарная характеристика осужденных. Анализ информации, характеризующей особенности отбывания наказания осужденными, показывает следующее: более половины осужденных отбывают наказание в исправительных колониях строгого режима – 67,6 %, в исправительных колониях общего режима отбывают наказание 22,2 % респондентов, в исправительных колониях особого режима – 6,2 % опрошенных, в колониях-поселениях – 4,0 %.

Низкий процент осужденных, совершивших нарушения и злостные нарушения установленного порядка отбывания наказания, свидетельствует о том, что подавляющее большинство респондентов ведут себя позитивно и соблюдают порядок отбывания наказания.

Анализ ответов осужденных на вопрос «Что, на Ваш взгляд, могло бы послужить профилактикой для недопущения рецидива?» показал, что условно их можно разделить на 3 группы: мероприятия, направленные на специализированную помощь осужденным во время отбывания наказания и после его отбытия; мероприятия, направленные на общую профилактику совершения рассматриваемых преступлений среди населения, мероприятия, направленные на восстановление семейных связей либо их создание.

В связи с этим полагаем, что при планировании проведения воспитательной работы необходимо этой категории уделять особое внимание.

Таким образом, резюмируем, что криминологическая характеристика рассматриваемой категории осужденных может успешно применяться в целях повышения эффективности воспитательной работы с ними. Для достижения более высоких результатов воспитательной работы также необходимы специальные знания и мероприятия специалистов и экспертов в области медицины, психологии, сексологии, которые, в первую очередь, должны быть направлены на предупреждение повторных общественно опасных действий осужденных, не исключающих вменяемости, и включать в себя исполнение принудительных мер медицинского характера в амбулаторных и стационарных условиях.

Пристатейный библиографический список

1. Антонян Ю. М. Педофилия и ее причины // Научный портал МВД России. - 2022. - № 3 (59). - С. 48-56.
2. Антонян Ю. М., Ткаченко А. А., Шостакович Б. В. Педофилия и эфеболия // Криминальная сексология. - М., 1999. - С. 315-338.
3. Ибрагимов Б. И. Особенности криминологической характеристики лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией) // Закон и право. - 2022. - № 8. - С. 146-148.
4. Крафт-Эбигт Р. Половая психиатрия. С обращением особого внимания на извращение полового чувства. - М., 2013. - 565 с.
5. Розвезева Ю. С. Характеристика лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Инновационная наук. - 2017. - № 3 (2). - С. 120-124.

ПОПОВ Игорь Вадимович

кандидат педагогических наук, заместитель начальника кафедры информационных технологий управления Самарского юридического института ФСИН России

УЛЕНДЕЕВА Наталия Ивановна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных технологий управления Самарского юридического института ФСИН России

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЛАНИРОВАНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ ТЫЛОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ

В статье анализируется функциональное содержание процессов тылового обеспечения органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в целях теоретического обоснования применяемых актуальных мер по регулированию вопросов закупки, распределения и своевременного перераспределения лимитов, полученных сверх нормы. Полученные при сравнительном анализе изучения литературы выводы способствуют формированию представлений о систематическом учете материальных средств и целенаправленности проводимых в учреждениях пенитенциарной системы ревизий запасов и оборудования, в процессе которых можно выявить заблаговременно необходимый для планирования закупки перечень материальных ценностей и создать организационно-финансовые условия для выполнения обеспечивающей функции тыловых служб.

Ключевые слова: тыловое обеспечение, материально-ресурсное обеспечение, запасы, довольствие, исправительные учреждения, пенитенциарная система, виды обеспечения, планирование, организация.

POPOV Igor Vadimovich

Ph.D. in pedagogical sciences, Deputy Head of Information technology management sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

ULENDEEVA Nataliya Ivanovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Information technology management sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

CURRENT ISSUES OF PLANNING AND ORGANIZATION OF LOGISTICAL SUPPORT FOR THE PENITENTIARY SYSTEM IN RUSSIA

The article analyzes the functional content of the logistics processes of the bodies and institutions of the penal enforcement system in order to theoretically substantiate the relevant measures applied to regulate issues of procurement, distribution and timely redistribution of limits received in excess of the norm. The conclusions obtained in the comparative analysis of the literature study contribute to the formation of ideas about the systematic accounting of material resources and the purposefulness of audits of stocks and equipment conducted in penitentiary institutions, during which it is possible to identify in advance the list of material assets necessary for purchase planning and create organizational and financial conditions for performing the supporting function of logistics services.

Keywords: logistics, material and resource support, stocks, allowances, correctional institutions, penitentiary system, types of support, planning, organization.

Актуальность темы исследования обосновывается выполнением целей и задач Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года¹ в части материально-технического, продовольственного, медицинского, транспортного обеспечения деятельности органов и учреждений УИС.

Все перечисленные виды обеспечения пенитенциарной системы охватывают выполнение обеспечивающей функции управления структурой исполнения наказаний, поэтому изучение вопросов эффективной организации тылового обеспечения УИС и формирования условий и порядка планирования снабжения различными видами материальных средств позволяет выделить механизм регулирования тылового обеспечения на различных уровнях ФСИН России.

Основными правовыми регламентами для осуществления тылового обеспечения в УИС в настоящее время выступает перечень нормативных источников ведомственного уровня, регулирующих вопросы нормативного обеспечения учреждений УИС комплектами технического оборудования, вещевым имуществом, продовольствием, продукцией общехозяйственного назначения, обеспечение ветеринарной службы, транспортное обеспечение и обеспечение горюче-смазочными материалами².

Для анализа управленческой деятельности по организации тылового обеспечения уголовно-исполнительной системы Российской Федерации рассмотрим схему объектов, которые участвуют во взаимосвязях по вещевому, продовольственному, ветеринарному и транспортному снабжению.

Для организации поставок техники, продукции общехозяйственного назначения и имущества продовольственной службы осуществляется взаимодействие управления тылового обеспечения ФСИН России с предприятиями и учреждениями УИС, выделяются взаимовыгодные связи с другими участниками внутреннего рынка сбыта продукции, а также с комбинатами Росрезерва.

Через базы материально-технического и военного снабжения, управления жилищно-коммунального обслуживания территориальных органов ФСИН России цепочка поставок товаров и продукции регулируется для снабжения органов и учреждений УИС.

Обратные связи от учреждений УИС по запросам поставок вещественного имущества для сотрудников и отдельно для спецконтингента, находящегося в местах лишения свободы, поступают в центральное управление тылового обеспечения. Так по официальным отчетам ФСИН России обеспечение вещественным имуществом сотрудников УИС в 2020 году составило 92 %, что на 2 % выше данных 2019 года, а показатели вещественного обеспечения спецконтингента достигли в 2020 году 86 %, что свидетельствует о высокой степени организации тылового обеспечения и планирования рассматриваемой деятельности³.

1 Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р (ред. от 27.05.2023) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС Гарант.

2 Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 4 июля 2018 г. № 570 «Об утверждении норм и порядка обеспечения учреждений уголовно-исполнительной системы техникой, продукцией общехозяйственного назначения и имуществом продовольственной службы» // СПС Гарант.

3 Управление тылового обеспечения: официальный сайт ФСИН России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20210506201210/https://fsin.gov.ru/structure/base/itogitudo-fsin-rosii-za-2020-god.php> (дата обращения: 11.10.2023).

Анализ материалов ежегодных коллегий при территориальных органах и центрального аппарата ФСИН России показал, что в 2020 году автотранспортное обеспечение спецавтомобилями типа «А3» и поставки ГСМ были утверждены на уровне 95,6 %.

Несмотря на высокие показатели снабжения материальными ресурсами органов и учреждений уголовно-исполнительной системы существуют проблемные направления реализации тылового обеспечения ФСИН России.

Так в работе Г. З. Цибульской и Н. М. Томиной сформулированы современные аспекты деятельности тыловых служб УИС, испытывающих трудности в регулировании горизонтальных экономических связей с участниками рынка по закупкам товаров и услуг [1, с. 173]. Авторы отмечают сложность с осуществлением процедур организации торгов с поставщиками продукции для нужд УИС, которые получили значительные преимущества в установлении ценового диапазона. Ограниченность ресурсов для снабжения материальными средствами со стороны органов и учреждений УИС усложняет механизм завершения процедуры закупки, сотрудники отделов тылового обеспечения вынуждены постоянно совершенствовать методические умения, позволяющие своевременно реагировать на требования конкурирующих поставщиков, тем самым увеличивая процедуру освоения выделенных денежных средств.

Изучая актуальные вопросы организации и планирования тылового обеспечения в УИС целесообразно рассмотреть функциональное содержание видов деятельности, которую осуществляют сотрудники подразделений тыловой службы. На современном этапе развития структуры тылового обеспечения данная функция распределена при выполнении десяти видов обеспечения: продовольственное, вещевое, обеспечение коммунально-бытовой сферы, обеспечение системы закупок материальных ресурсов через оформление контрактов, обеспечение топливно-энергетическими ресурсами, обеспечение производственной деятельности предприятий и подсобных хозяйств подразделений УИС, обеспечение всеми видами транспортных средств и их ремонта (спецавтомобили типа «А3», автобусы, санитарные автомобили, вакуумные автомобили, пожарные машины, легковые автомобили, грузовые автомобили, тракторы и бульдозеры, экскаваторы, автофургоны, рефрижераторы), торговое обеспечение (осуществление деятельности магазинов на территории исправительных учреждений, обеспечение торговой сети через интернет и почту), обеспечение деятельности медицинских служб учреждений УИС, финансовое обеспечение.

Рассмотренный широкий спектр видов деятельности подразделений тылового обеспечения по мнению многих исследователей формирует круг специфических проблем системы снабжения, которые характеризуются образованием причинно-следственных связей функционирования всех этапов и структур ресурсно-экономического обеспечения.

Рассматривая особенности функционирования отделов тылового обеспечения, Ферстер М. В. формулирует основные внешние и внутренние факторы, характеризующие появление проблем материально-ресурсного снабжения учреждений УИС. Среди внешних факторов автор выделяет национальные, присущие всем государственным структурам страны в целом – это политическая обстановка и показатели количества государственного бюджета и уровня ВВП, от которых зависит объем бюджетных ассигнований, перечисляемым на функционирование ФСИН России [2, с. 125]. Второй внешний фактор развития системы снабжения УИС характеризуется рыночными отношениями в части актуальности материального обеспечения, внедрение норм потребления довольствия или введением в действие новых видов вещевого обеспечения, военного снабжения и т.п. К внешним факторам воздействия на тыловое обеспечение Ферстер М. В. относит изменения в правилах торговли, тарифных соглашениях, условия взаимодействия производственных подразделений уголовно-исполнительной системы и государственных и коммерческих предприятий на рынках страны. Внутренние факторы ресурсно-материального обеспечения вызывают проблемы конкурентной позиции товаров и услуг, производимых на предприятиях исправительных колоний, логистическими принципами организации перевозок (доставки) продукции и механизмами адаптированности участников рыночных отношений к изменяющимся условиям. Некоторые проблемы планирования и организации тылового обеспечения связаны с внутренними возможностями подразделений по актуальности используемых методов обеспечения,

длительности циклов обеспечения, характерными для отдельных отделов уровнем запасов по стадиям потребления ресурсов, оборачиваемостью ресурсов.

Таким образом, планирование и организация работы тыловых служб затрагивает деятельность всех подразделений органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, поэтому понимание структуры обеспечивающей функции отделов снабжения и бухгалтерии финансов необходимо для каждого руководителя подразделения. Следует понимать, что основная деятельность тыловых служб по ресурсному обеспечению осуществляется через закупки и поставки в пределах квотного бюджетирования, поэтому своевременное планирование и поддержание необходимых запасов способствует бесперебойной работе учреждений. Большая роль в совершенствовании тылового обеспечения отводится учету, выявлению и перераспределению запасов для наиболее востребованных целей, а также своевременное распределение ресурсов, полученных сверх нормы, позволяет в сжатые сроки их освоить, если в подразделениях проводится систематический учет и ревизии материальных средств.

Организация тылового обеспечения неразрывно связана с внедрением в деятельность соответствующих служб инструментов параллельного планирования, которые наряду с ресурсным планированием обеспечиваются и финансовым планированием, то есть регулирование вопросов затрат на решение стратегических целей должно соотноситься с выделяемыми фондами лимитов по различным видам материальных ресурсов.

Одним из актуальных вопросов организации тылового обеспечения выступает вопрос экономии ресурсов и запасов. В работе А. Ю. Кирьянова и Д. А. Гребне проводится систематизация способов экономии топливно-энергетических ресурсов [3, с. 120]. Авторы исследования предлагают в ревизионную политику учреждения УИС включить ежегодное установление соответствия/несоответствия фактических и расчетных объемов потребления ресурсов, а также проводить мероприятия по утеплению стен, оконных и дверных проемов зданий и сооружений, установку счетчиков и приборов учета потребления ресурсов, проводить замену осветительных приборов на энергосберегающие.

Следовательно, грамотная политика по выполнению функций тылового обеспечения руководителями соответствующих подразделений позволит систематически планировать и своевременно пополнять недостающие ресурсы в пределах выделяемых квот, а также применять способы экономии с целью рационального использования и учета потребляемых ресурсов.

Пристатейный библиографический список

1. Цибульская Г. З., Томина Н. М. Современные аспекты обеспечения материальными ресурсами учреждений уголовно-исполнительной системы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. - 2022. - № 6. - С. 70-80.
2. Ферстер М. В. Особенности современного ресурсно-экономического обеспечения уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Теория и практика социогуманитарных наук. - 2018. - № 1 (1). - С. 124-131. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sovremennogo-resursno-ekonomicheskogo-obespecheniya-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 11.10.2023)
3. Кирьянов А. Ю., Гребне Д. А. Вопросы экономии топливно-энергетических ресурсов и перспективы их применения в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Теория и практика социогуманитарных наук. - 2018. - № 1 (1). - С. 120-124.

РЫБАЛКИН Владислав Николаевич

адъюнкт Факультета подготовки научно педагогических кадров Академии ФСИН России

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА ЗАМЕНЫ НАКАЗАНИЯ БОЛЕЕ МЯГКИМ ВИДОМ НАКАЗАНИЯ

В статье производится анализ практики замены наказания более мягким альтернативным видом. В нем представлен обзор этого подхода, его правовых последствий, проблем и потенциальных решений. В рамках статьи исследованы различные точки зрения ученых относительно исследуемой проблемы. Сделан вывод о том, что среди ученых нет единого мнения и понимания о правовой природе исследуемого института, поэтому данная статья отчасти призвана внести единообразие в его понимание. Выявлен ряд проблем, требующих проработки на законодательном уровне. В УК РФ отсутствуют четкие критерии, позволяющие суду принять верное решение. Отсутствует единый механизм для расчета сроков наказания при замене лишения свободы более мягким видом. В силу этого, автор предлагает усовершенствовать правовое регулирование применения института замены наказания более мягким видом.

Ключевые слова: правовая природа института замены наказания более мягким видом.

RYBALKIN Vladislav Nikolaevich

adjunct of the Faculty of Training Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy of the FPS of Russia

THE LEGAL NATURE OF THE INSTITUTION OF SUBSTITUTION OF PUNISHMENT WITH A Milder TYPE OF PUNISHMENT

The article analyzes the practice of replacing punishment with a milder alternative form. It provides an overview of this approach, its legal implications, problems and potential solutions. The article examines the various points of view of scientists regarding the problem under study. It is concluded that there is no consensus and understanding among scientists about the legal nature of the institution under study, therefore this article is partly intended to bring uniformity to its understanding. A number of problems have been identified that require consideration at the legislative level. There are no clear criteria in the Criminal Code of the Russian Federation that allow the court to make the right decision. There is no single mechanism for calculating the terms of punishment when replacing imprisonment with a milder form. Because of this, the author proposes to improve the legal regulation of the use of the institution of substitution of punishment with a milder form.

Keywords: the legal nature of the institution of replacing punishment with a milder form

В настоящее время политика нашего государства направлена на сокращение преступности путем гуманизации наказаний. Мировой опыт обращения с заключенными подтверждает, что гуманное отношение к людям, совершившим преступления, является необходимым условием для их исправления и успешной адаптации в обществе. Вместо применения строгого наказания, фокус должен быть смещен на реабилитацию и поддержку заключенных. В связи с этим, органы государственной власти принимают меры для развития и совершенствования данного института. В 2021 году была утверждена новая Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года. Процесс исполнения наказания преступникам является фундаментальным компонентом правовой базы каждого государства. Он должен быть основан на законодательстве и соответствовать международным нормам и стандартам, чтобы обеспечивать справедливость, эффективность и человечность в процессе наказания. В этом контексте, Концепция трансформации системы исполнения уголовного наказания, разработанная с учетом законодательства России и международных норм и стандартов, определяет цели и приоритетные направления реформы данной системы.

Основная цель Концепции заключается в создании современной, эффективной и гуманной уголовно-исполнительной системы, способной обеспечить исправление и реинтеграцию заключенных в общество. Также суть утвержденной Концепции заключается в том, что она стремится улучшить отечественное законодательство, учитывая международные стандарты и потребности общественного развития. Она направлена на гуманизацию и совершенствование системы исполнения уголовных наказаний и реабилитации осужден-

ных. Кроме того, он направлен на защиту прав и улучшение условий содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Все эти меры направлены на повышение эффективности и справедливости уголовного правосудия и создание более гуманной и справедливой системы наказания.

Учитывая вышесказанное, считаем актуальным рассмотрение темы замены наказания в виде лишения свободы более мягким видом наказания, так как, именно замена наказания более мягким является одним из реальных шансов осужденного сделать свою жизнь лучше, вернуться к близким и начать свою адаптацию в обществе. Продолжать соблюдать все нормы отбывания уже замененного наказания, что, в дальнейшем позволит претендовать на условно-досрочное освобождение от отбывания наказания.

Правовая природа замены наказания более мягкой формой наказания актуальна в контексте уголовного правосудия, поскольку предполагает понимание правовой базы, принципов и последствий применения альтернативных наказаний и их воздействия на отдельных лиц и общество.

Статья 80 УК РФ регулирует данный механизм. Цель указанной статьи УК заключается в поощрении положительного поведения осужденных лиц во время отбывания наказания, предусматривая вознаграждение их усилий. Эта мера направлена на создание стимулов для осужденных к поддержанию дисциплины, участию в программе реабилитации, образовательных или трудовых занятиях, а также на развитие положительных качеств и навыков, способствующих их успешной реинтеграции в общество.

В исходной первоначальной редакции статьи 80 УК РФ предусматривалась возможность замены неотбытой части лишения свободы на более мягкое наказание только для

осужденных, которые отбывали наказание за преступления средней и небольшой тяжести. Федеральным законом от 9 марта 2001 г.¹ ч. 2 ст. 80 была изменена. Согласно обсуждаемым правилам, для тех, кто отбывает срок за какое-либо правонарушение, возможно заменить лишение свободы на более мягкое наказание. А вот те, кто заключен в тюрьму за менее тяжкие преступления, могут обменять наказание только после отбытия хотя бы его трети.

Для осужденных действует структурированная система, позволяющая менять наказание в зависимости от тяжести совершенного правонарушения. Для лиц, признанных виновными в совершении тяжких преступлений, замена наказания возможна только после отбытия определенной части наказания. Что касается осужденных за особо тяжкие преступления, то такая замена возможна только после отбытия дополнительной части наказания. Такой подход способствует установлению справедливого подхода к назначению наказания, учитывая степень тяжести преступления. Однако важно отметить, что система замены наказания также предоставляет возможность осужденным, которые проявляют положительные изменения и проходят успешную реабилитацию в процессе отбывания наказания, получить более мягкий вид наказания [1]. Возрастает интерес и значимость развития института замены лишения свободы более мягким видом наказания для осужденных, которые успешно проходят отбывание наказания и проявляют положительное поведение. Это направлено на разгрузку исправительных учреждений и обеспечение более эффективной реабилитации осужденных. Таким образом, происходит развитие системы исполнения наказаний, поскольку государство проявляет интерес к снижению числа осужденных, в том числе, с целью уменьшения расходов на их содержание. Это свидетельствует о стремлении создать более эффективную и рациональную систему наказаний.

Некоторые авторы утверждают, что институт замены оставшейся части наказания более легким видом можно рассматривать как один из способов освобождения от отбывания наказания. Это объясняется тем, что правила, регулирующие эту замену, находятся в главе 12 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая посвящена «освобождению от наказания».

По мнению Коробова П., который придерживается более узкого толкования понятия «освобождение от наказания», замена наказания в соответствии со статьей 80 УК РФ означает, что лицо сначала отбывает определенное наказание, а затем подвергается другой аналогичной мере государственного принуждения. В данном контексте автор рассматривает концепцию «освобождения от наказания» в более широком аспекте, указывая на возможность освобождения даже для тех, кто уже частично отбыл свое наказание. Он также подчеркивает, что замена неотбытой части наказания менее строгим видом наказания является одним из способов освобождения. По его мнению, этот вид освобождения является окончательным и безусловным. [2, с. 14].

Согласно мнению Келиной С. Г., одним из способов избежать отбывания полного наказания является замена его части на более мягкую форму. Этот вид наказания может быть применен после того, как человек отбыл определенную часть назначенного судом наказания. [3, с. 672].

А. Ф. Сизый не согласен с идеей замены части наказания более мягкой формой. Он утверждает, что этот подход не работает для институтов, освобождающих людей от наказания, поскольку в таких случаях один вид наказания просто заменяется другим, более мягким. Таким образом, фактического освобождения от наказания не происходит. Точка зре-

ния автора предполагает, что любая попытка заменить часть наказания может просто означать изменение строгости, а не обеспечить истинное освобождение от наказания. [4, с. 318].

С. Л. Бабаян утверждает, что когда мы рассматриваем освобождение от наказания, его не следует рассматривать просто как побег от какой-либо формы наказания. Оно выходит за рамки простого прекращения правовых ограничений во время отбывания наказания. Автор подчеркивает, что замена оставшейся части наказания более мягким видом наказания не может рассматриваться как практика полного ухода от наказания. Это бросает вызов общепринятому пониманию того, что представляет собой освобождение от наказания, подчеркивая сложности, связанные с этой концепцией. [5, с. 54-57].

С. А. Матвеев и Р. В. Макаров также соглашаются с этой точкой зрения и в своей работе высказывают мнение, что при замене неотбытой части наказания более мягким видом осужденный не полностью освобождается от наказания, а происходит только «смягчение наказания» [6, с. 67-72].

Ткачевский Ю. М. не согласен с квалификацией замены неотбытой части наказания на более мягкую как форму освобождения от наказания. Он утверждает, что при такой замене более суровое наказание по сути заменяется более мягким, и поэтому ее не следует рассматривать как форму освобождения от наказания. По мнению Ткачевского, такую замену нельзя рассматривать как форму освобождения от наказания, а скорее как изменение первоначального наказания. Это различие имеет решающее значение для понимания правовых последствий таких действий в системе правосудия. [7, с. 5-7].

Михлин А. С. считает, что эти возражения вряд ли обоснованы, ибо от того наказания, которое осужденный отбыл, он все-таки освобождается [8, с. 121].

В связи с вышесказанным, мы можем утверждать, что в научной литературе имеются диаметрально противоположные мнения авторов относительно данного вопроса, однако, проанализировав их, полагаем необходимым выделить две основные группы ученых. Так, первая группа ученых относит замену наказания более мягким к институту освобождения от наказания, в отличие от второй, в которой авторы считают, что никакого освобождения не происходит, так как уголовное наказание трансформируется в более мягкое, но осужденный от него не освобождается.

Однако, согласно словарю русского языка под ред. С. И. Ожегова, под освобождением понимается следующее: «стать свободным; устранить что-нибудь обременительное» [9, с. 459]. Таким образом, при замене неотбытой части наказания освобождения не происходит, так как правоограничения (обременения), налагаемые в судебном порядке на виновное лицо не прекращают своего действия, а лишь меняют свою правовую форму.

Подводя промежуточные итоги, стоит отметить, что институт замены наказания имеет много общего с освобождением от наказания. Мы склонны разделять точки зрения авторов, утверждающих, что замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания не стоит относить к освобождению от наказания, а следует выделить в самостоятельный институт уголовно-исполнительного права. В случае замены наказания более мягким видом наказания происходит не освобождение, а именно смягчение наказания, так как работа с данным осужденным продолжается, меняются лишь его условия.

Также, есть ученые, не относящиеся ни к одной из этих групп, но имеющие свое мнение по данному поводу. Это ученые, считающие замену наказания, заключительной стадией отбывания наказания (Н. А. Тарханов, Д. П. Водяников) [10, с. 46].

Мы считаем, что это одна из ключевых задач замены наказания более мягким видом индивидуализация наказания.

1 См.: «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023).

Необходимо помнить, что данная индивидуализация происходит в период отбывания наказания и направлена на ускорение достижения целей наказания. Она непосредственно реализуется в процессе исполнения наказания, улучшая или ухудшая правовое положение осужденного, в зависимости от его поведения в период, отбывания, назначенного судом наказания. Это происходит с целью стимулирования осужденных к добросовестному отбыванию наказания.

Траханов И. А. определял замену наказания как уголовно-правовую меру индивидуализации наказания в стадии исполнения приговора, заключающуюся в изменении судом вида уголовного наказания, в целях ускорения прогресса исправления, а также, предупреждения ускорения в сознании осужденного и других граждан чувства безнаказанности за совершенное преступление [10, с. 37].

На основании вышесказанного, можно выделить такой признак института, как наличие системы уголовно-правовых норм, образующих в своей совокупности единый институт, в центре которого принцип строгой и четкой индивидуализации уголовного наказания.

Индивидуализация наказания отражает основные особенного уголовного и уголовно-исполнительного права, такие как формально-материальное определение преступления, принципы вины, справедливости и гуманизма, цели наказания и другие. Этот подход исключает формализм при определении меры уголовной ответственности, поскольку предполагает персонализированный подход к установлению наказания в соответствии с конкретными обстоятельствами каждого случая. Одной из основных функций индивидуализации наказания является поощрение реабилитации осужденного и предотвращение совершения им новых преступлений.

Пленум Верховного Суда РФ правомерно рассматривает индивидуализацию наказания как необходимое условие для успешного достижения целей уголовной ответственности и наказания. Индивидуализация является важным инструментом для решения задач уголовного законодательства и достижения наказаниями своих целей. Она позволяет принимать справедливые решения при решении вопроса о замене наказания в виде лишения свободы на более мягкую меру, учитывая все аспекты поведения осужденного во время отбытия наказания, а также влияние такой замены на его последующую реабилитацию и жизненные условия его семьи.

Таким образом, индивидуализация наказания включает в себя не только выбор наказания, но и решение вопроса о реальном применении наказания, или полном, либо частичном освобождении от его отбывания, а также о замене одного наказания другим.

Вышеизложенное, позволяет рассматривать изучаемый институт как один из способов индивидуализации наказания в процессе его исполнения.

Деятельность органов, исполняющих наказание, направлена на осуществление целей наказания, в основе которых лежит реабилитация осужденного. При нормальном ходе процесса исполнения наказания общественная опасность, связанная с личностью осужденного, обычно должна уменьшаться. В таких случаях возникает необходимость изменить вид наказания в сторону смягчения режимных правил. Это связано с тем, что целью исполнения наказания является не только само наказание, но и возможность реабилитировать осужденного, помочь ему возвращению в общество и предотвратить повторное совершение преступлений. Поэтому, если осужденный проявляет положительные изменения и готовность к социальной адаптации, рассмотрение возможности смягчения режима наказания становится важным шагом в его реабилитации.

При замене одного вида наказания другим изменяются прежде всего содержание и степень карательного воздействия. Применение института замены наказаний влечет за со-

бой изменение объема правовых ограничений в отношении осужденного, обусловленное внутренним содержанием заменяющего наказания. Если замена наказания выступает в качестве поощрительного института уголовного права, то объем правовых ограничений снижается. В противном случае, при установлении ответственности за злостное уклонение от отбывания наказания путем замены более строгим видом наказания объем правовых ограничений становится шире.

А. А. Урусов рассматривает сложную юридическую сторону замены неотбытой части наказания на более мягкую альтернативу. Он обращает внимание на то, что этот процесс объединяет элементы освобождения от наказания и поощрения, и законодательство о замене наказания содержится в различных уровнях уголовного законодательства. Цель межотраслевого института заключается в стимулировании осужденных к соблюдению закона. Признание возможности получения поощрения, такого как освобождение от наказания, мотивирует осужденных стремиться к изменению своего правового статуса. Это может привести к существенному смягчению ограничений и лишений прав и способствовать их реабилитации. Такие позитивные изменения могут содействовать обеспечению общественной безопасности. [11, с. 127].

При соблюдении определенных условий, замена более строгого вида наказания на более мягкий допускается в соответствии с частью 2 статьи 80 Уголовного кодекса РФ, учитывая сроки отбытия осужденным наказания, в зависимости от совершенного преступления. Однако это недостаточно для принятия судом положительного решения. Решение суда относительно полного отбытия установленного наказания осужденным или замены неотбытой его части на более мягкий вид наказания должно быть основано на всестороннем анализе поведения осужденного за весь период отбывания наказания, а не только за последний период перед подачей ходатайства или представления. Необходимо учитывать точку зрения представителя исправительного учреждения и прокурора относительно обоснованности утверждения, что данное лицо больше не нуждается в отбывании наказания или может заменить неотбытую часть наказания менее строгим видом наказания.

При обсуждении возможности замены лишения свободы более мягким наказанием, мы сталкиваемся с несколькими проблемами, о которых стоит упомянуть. Одна из таких проблем заключается в отсутствии четких критериев, которые помогли бы суду принять компетентное решение. В соответствии со статьей 80 Уголовного Кодекса Российской Федерации, возможно заменить неотбытую часть срока лишения свободы на другое, более щадящее наказание с учетом поведения осужденного. В настоящее время в законе отсутствуют конкретные рекомендации по принятию решений в этом контексте, что приводит к неопределенности и субъективному принятию решений. Чтобы обеспечить справедливое и последовательное применение замены наказания, важно установить точные и объективные критерии, соответствующие принципам справедливости и справедливости. Такой подход поможет повысить общую целостность процесса.

Еще один вопрос в УК о замене сурового наказания более мягким содержится в части 3 статьи 80 УК РФ. Эта часть допускает потенциальную замену неотбытой части тюремного заключения любой более легкой формой наказания, как указано в статье 44. Это положение ошибочно, поскольку не учитывает случаи, когда некоторые виды наказания не могут быть заменены, например наказания, применимые исключительно к военнослужащим, конфискация имущества, лишение специальных званий и наград, лишение некоторых привилегий. Для решения этой проблемы предлагается в части 1 статьи 80 указать, что альтернативными наказаниями лишению свободы могут

служить только ограничения свободы, исправительные и принудительные работы.

Кроме того, в случаях замены лишения свободы более мягким видом наказания статья 80 УК РФ допускает полное или частичное освобождение от отбывания альтернативного вида наказания. Однако в нем не указаны критерии таких исключений, в результате чего судьи остаются без четких указаний. Принимая решения в таких ситуациях, судьи должны учитывать такие факторы, как тяжесть преступления, история правонарушителя и возможность реабилитации. Отсутствие законодательной ясности по этому вопросу вызывает обеспокоенность по поводу справедливости и последовательности в применении альтернативных наказаний.

В настоящее время отсутствует определенный порядок определения конкретных деталей наказания при замене лишения свободы менее суровым наказанием. Статья 71 УК РФ определяет порядок замены, но накладывает ограничения на виды наказаний, которые могут быть заменены. Это создает неопределенность относительно того, как рассчитывать сроки наказания в таких случаях. Этот вопрос поднимает вопросы о справедливости и последовательности правовой системы в отношении альтернативных форм наказания. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ указывается, что, если неотбытая часть наказания в виде лишения свободы составляет 6 месяцев, то срок исправительных работ не должен превышать 1 год 6 месяцев. Хотя в ч. 1 ст. 71 УК РФ одному дню лишения свободы соответствуют 3 дня исправительных работ, получается, что за 6 месяцев наказания в виде лишения свободы должно быть назначено наказание 1 год и 8 месяцев исправительных работ. На данную проблему в своей работе обращают внимание М. Р. Гета и А. Н. Смирнов, отмечая, что в ст. 80 УК РФ отсутствует «механизм» соответствия. Авторы говорят о том, что подобный алгоритм для правоприменительной практики ещё только предстоит создать, ведь не совсем ясно, на какой конкретный вид наказания должна происходить замена [12, с. 23-25].

Подводя итог необходимо сказать о том, что, не смотря на сложную правовую природу и множество сходств с институтом освобождения от наказания, институт замены наказания является самостоятельным институтом, требующим некоторых правовых доработок, рассмотренных нами ранее в настоящем исследовании. Мы рассматриваем замену наказания более мягким как шанс осужденного, именно шанс, ведь при замене суд оказывает ему доверие, полагая, что он встал на путь исправления и предоставляя возможность ему это доверие оправдать. В заключении следует отметить, что институт замены наказания более мягким является самостоятельным и важным элементом уголовной правовой системы. Несмотря на сходства с институтом освобождения от наказания, он требует отдельного рассмотрения и доработок для оптимального функционирования. Правовые доработки и усовершенствования этого института могут способствовать более справедливому и эффективному наказанию, а также достижению целей социализации и предотвращению рецидива преступлений.

Так же, высказывая свое мнение, очередной раз хочется сказать об актуальности института замены наказания более мягким видом наказания, и о том, что данный институт всецело отвечает целям уголовно-исполнительной политики и его востребованность в ближайшие десятилетия будет только возрастать.

Пристатейный библиографический список

1. Балеев С. А., Волков Б. С., Кругликов Л. Л. и др. Уголовное право России. Общая часть: учебник / Под ред. Ф. Р. Сундурова, И. А. Тарханова. — 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2009.
2. Коробов П. Освобождение от наказания: теория и практика // Уголовное право. 2007. № 1
3. Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М.: СПАРК, 2001.
4. Сизый А.Ф. Уголовное право. Общая часть. Чебоксары, 2003.
5. Бабаян С. Л. Вопросы замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания в отношении осужденных к лишению свободы // Человек: преступление и наказание. 2011. № 1 (72). С. 54-57.
6. Матвеев С. А., Макаров Р. В. Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания: особенности теории и практики реализации // Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2016. № 1 (5). С. 67-72.
7. Ткачевский Ю. М. Освобождение от отбывания наказания. М., 1970. С. 5-6.
8. Михлин А. С. Досрочное освобождение от отбывания наказания // Проблемы совершенствования уголовного закона. М., 1984.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1990.
10. Тарханов И. А. Замена наказания по советскому уголовному праву. Казань, 1982. С. 46.
11. Урусов А. А. Проблемы уголовно-правового регулирования замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Вестник Кузбасского института. 2020. № 2 (43). С. 122-133.
12. Гета М. Р., Смирнов. А. Н. Условно-досрочное освобождение от наказания и замена наказания более мягким видом: проблемы применения // Вестник Кузбасского института. 2019. № 1 (38). 185 с.

УСЕЕВ Ренат Зинурович

кандидат юридических наук, доцент, начальник Факультета профессионального обучения и дополнительного профессионального образования Самарского юридического института ФСИН России

Усеев Р. З.

ПОРЯДОК ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ, ИСПОЛНЯЮЩИХ НАКАЗАНИЯ, КАК ЭЛЕМЕНТ СОДЕРЖАНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО (ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО) ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ (РСФСР)

В статье рассматривается структура выражения «Порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания», закрепленная в статье 2 УИК РФ как элемент содержания (предмета) уголовно-исполнительного законодательства РФ.

С учетом анализа уголовно-исполнительного законодательства РФ и исправительно-трудового законодательства РСФСР последней трети XX века автором определено место рассматриваемого выражения в указанных законодательствах, рассмотрены структурные составляющие рассматриваемого выражения.

С лексической и правовой точки зрения подвергнуты анализу категории «Деятельность», «Учреждения и органы, исполняющие наказания» и «Порядок».

Дано определение выражению «Порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих наказание, и иные меры уголовно-правового характера».

Ключевые слова: порядок, деятельность, учреждения и органы, исполняющие наказания, меры уголовно-правового характера, содержание уголовно-исполнительного законодательства, исполнение наказаний.

USEEV Renat Zinurovich

Ph.D. in Law, associate professor, Head of the Faculty of Vocational Training and Additional Vocational Education of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

THE PROCEDURE FOR THE ACTIVITIES OF INSTITUTIONS AND BODIES THAT CARRY OUT PUNISHMENTS, AS AN ELEMENT OF THE CONTENT OF THE PENAL (FORCED LABOR) LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION (RSFSR)

The article considers the structure of the expression "The procedure for the activities of institutions and bodies that carry out punishments," enshrined in Article 2 of the Criminal Executive Code of the Russian Federation as an element of the content (subject) of the criminal executive legislation of the Russian Federation.

Taking into account the analysis of the penal legislation of the Russian Federation and the forced labor legislation of the RSFSR of the last third of the 20th century, the author determined the place of the expression in question in these laws, considered the structural components of the expression in question.

From a lexical and legal point of view, the categories "Activity," "Institutions and bodies that carry out punishments" and "Order" were analyzed.

The definition is given to the expression "The procedure for the activities of institutions and bodies executing punishment and other measures of a criminal law nature."

Keywords: procedure, activities, institutions and bodies that carry out punishments, measures of a criminal law nature, the content of penal law, the execution of punishments.

Пенитенциарное законодательство РСФСР и РФ, пройдя достаточно непростой путь своего становления и развития, закрепило в своем теле нормы, раскрывающие его содержание. В ИТК РСФСР 1970 г. и в УИК РФ 1997 г. содержание выступает как предмет законодательства, т.е. тот круг общественных отношений, который находится в границах применения уголовно-исполнительных (исправительно-трудовых) норм.

В содержании уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) законодательства РФ (РСФСР) в числе прочих элементов закреплён элемент, который определяет порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Собственно, в УИК РФ это выражение находит отражение в ч. 2 ст. 2. Во многом похожее, но лишь с некоторым отличием аналогичное выражение ранее закреплялось в ч. 2 ст. 2 ИТК РСФСР. Оно именовалось как «порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих приговоры к этим видам наказания на территории РСФСР». Здесь, как известно, содержание исправительно-трудового законодательства РСФСР определялось наличием Основ исправительно-тру-

дового законодательства Союза ССР и союзных республик. Поэтому рассматриваемый нами компонент содержания исправительно-трудового законодательства принимал во внимание пространственный компонент – территорию РСФСР.

Анализ выражения «Порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания» в содержании ч. 2 ст. 2 УИК РФ и ч. 2 ст. 2 ИТК РСФСР даёт основание полагать, что данное выражение является как бы незаметным, очевидным. Оно, с одной стороны, словно является весьма понятным, с другой, – сопутствующим участию государства в процедуре исполнения наказаний. В то же время наука уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) права не делает достаточного акцента на исследовании этого и смежных с ним выражений. Исправительно-трудовая наука в определенной степени обратила на это внимание на рубеже 70-80-гг. XX в. [1]. В то время как в современности ученые-пенитенциаристы только во второй половине 10-х гг. XXI в. акцентировали на этом внимание [3, С. 39-43].

Казалось бы, что рассматриваемое выражение достаточно понятно и естественно по своему содержанию, и не

несет в себе необходимости его исследования. Тем не менее, учитывая, что рассматриваемое выражение занимает одно из центральных мест в предмете уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) законодательства РФ (РСФСР), считаем необходимым остановиться подробнее на его содержании и структурных составляющих. Здесь же стоит отметить, что значение категорий в законодательстве и праве позволяют постигать диалектическое развитие общественной жизни, выражать ее содержание, уточняя правовые явления посредством выражения их сущности в понятиях².

Итак, выражение «Порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания» в своей структуре имеет три основных категории: «Деятельность», «Учреждения и органы, исполняющие наказания», «Порядок».

Категория «Деятельность», на наш взгляд, будет являться центральной категорией рассматриваемого выражения. В самой простой и обобщенной трактовке деятельность – это работа, систематическое применение своих сил в какой-нибудь области [4, с. 114]. Именно деятельность в рассматриваемом выражении выступает как движущий и единоличный вектор государства по исполнению мер государственного принуждения – наказаний. В то же время деятельность – это обобщающая категория разнородных форм человеческой активности [2, с. 42-52]. Деятельность находит свое выражение через поведение его субъектов в активной или пассивной форме. В связи с этим практическая плоскость поведения любых субъектов (физических лиц, групп лиц, юридических лиц) предстает в виде реализации их полномочий, задач, функций, обязанностей и прав.

Деятельность учреждений и органов, исполняющих наказания, в рассматриваемом выражении определяется через спектр задач и полномочий, стоящих перед ними (Положение о ФСИН России, утвержденное Указом Президента РФ от 13.10.2004 № 1314; Типовое положение о территориальном органе ФСИН России, утвержденное приказом Минюста России от 01.04.2015 № 77), а также обязанностей и прав (ст. 13, 14 Закона РФ от 21.07.1993 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» (далее – Закон № 5473-1)).

Однако категорию «Деятельность» в пенитенциарной сфере следует рассматривать под определенным углом. При этом понимание этой категории, как нам представляется, должно иметь некую двойственность. И это важно!

Первое понимание категории «Деятельность». Здесь рассматриваемая категория должна условно соотноситься с предметом уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) законодательства. Не следует в содержание данной категории вводить процессы, которые выходят за рамки уголовно-исполнительных (исправительно-трудовых) отношений. Т.е. организационные, управленческие, технические, медицинские, образовательные, производственные, трудовые и иные отношения, не урегулированные нормами уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) законодательства РФ (РСФСР) и не входящие в предмет уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) законодательства (ст. 2 УИК РФ и ст. 2 ИТК РСФСР) не будут лежать в основе рассматриваемой категории. Такую деятельность (хотя бы на теоретическом уровне) можно условно именовать «Уголовно-исполнительная деятельность».

Второе понимание категории «Деятельность». Здесь рассматриваемая категория выходит за рамки уголовно-исполнительных (исправительно-трудовых) правоотношений. Спектр полномочий, задач, прав и обязанностей, стоящих перед учреждениями и органами, исполняющими наказания, носит обеспечительный, относительно уголовно-исполнительных (исправительно-трудовых) правоотношений, характер. Такая деятельность могла бы условно именоваться «Деятельность учреждений и органов, исполняющих наказания».

Приведем пример относительно двоякого понимания категории «Деятельность». Итак, личные обыски, проводимые в отношении осужденных, с позиции реализации системы прав и обязанностей со стороны исправительного учреждения (его сотрудников) естественно будут представлены как уголовно-

исполнительная деятельность (ч.ч. 5, 7 ст. 82 УИК РФ, глава XX Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений (далее – ПВР ИУ)). Однако организационное (планирование обысков, инструктажи сотрудников, их обучение, подведение с ними итогов), материально-техническое (определение мест проведения обысков, подготовка технических средств и инструментов), санитарно-гигиеническое (оборудование мест проведения обысков, использование средств безопасности) и иное обеспечение личных обысков осужденных выходит за рамки уголовно-исполнительных правоотношений и уже будет входить в структуру выражения «Деятельность учреждений и органов, исполняющих наказания».

Такое двоякое разделение категории «Деятельность» должно, на наш взгляд, проецироваться на нормах УИК РФ, где выражение «Деятельность» в значении уголовно-исполнительная деятельность должно найти отражение в виде обязанностей и прав учреждений и органов, исполняющих наказание (например, в виде самостоятельной ст. 16.1 УИК РФ). Предлагаемая новая норма в УИК РФ должна «перетянуть» на себя соответствующие положения, имеющиеся на сегодняшний день в ст.ст. 13, 14 Закона № 5473-1. В самих же ст.ст. 13, 14 рассматриваемого закона должны остаться положения о деятельности (обязанностях и правах) учреждений и органов, исполняющих наказание, только организационного, управленческого, производственного, медицинского и иного (но не уголовно-исполнительного) обеспечительного свойства.

На этот счет в ИТК РСФСР 1970 г. исправительно-трудовая деятельность (аналог описанной нами выше уголовно-исполнительной деятельности) также ранее получала закрепление. Так, закон РФ от 12 июня 1992 г. № 2988-1 внес дополнения в ИТК РСФСР, согласно которым в ст. 116 ИТК РСФСР были закреплены основные требования (обязанности), предъявляемые не к учреждениям и органам, исполняющим наказание, но к их персоналу. Здесь же нашли отражение вопросы ответственности сотрудников исправительно-трудовых учреждений. Однако с введением в действие с 01.07.1997 УИК РФ данные положения ИТК РСФСР естественным образом утратили силу.

Категория «Учреждения и органы, исполняющие наказания» следующая составляющая выражения «Порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания».

УИК РФ определяет состав учреждений и органов, исполняющих наказания (ст. 16). Вместе с тем, содержание уголовно-исполнительного законодательства РФ (ч. 2 ст. 2 УИК РФ) не только устанавливает общие положения и принципы исполнения наказаний, им также устанавливаются общие положения и принципы применения иных мер уголовно-правового характера. Хотя в теле ст. 16 УИК РФ определено, что учреждения и органы, исполняют иные меры уголовно-правового характера, тем не менее, само название ст. 16 имеет усеченное относительно ее содержания наименование. Здесь же стоит отметить, что название ст. 16 УИК РФ исключает иных субъектов, исполняющих наказания, – должностных лиц. Хотя таковые содержанием рассматриваемой нормы определены. Это судебные приставы-исполнители, администрация (руководители) организаций, органов (чч. 1, 2, 3 ст. 16 УИК РФ) [3, с. 44].

На этот счет законодательство, регулирующее исполнение уголовных наказаний, в последние десятилетия СССР было весьма разрозненным. Как следствие перечень учреждений и органов, исполняющих наказания, был представлен в нормативно-правовых актах не системно.

В соответствии с ИТК РСФСР 1970 г. учреждения и органы, исполняющие приговоры судов к наказаниям, в своем наименовании были универсализированы. В ч. 1 ст. 5 указанного закона отмечалось, что таковыми являются исправительно-трудовые учреждения и органы МВД СССР (в отношении исполнения лишения свободы, ссылки, высылки и исправительных работ без лишения свободы). И только в последней редакции ИТК РСФСР (действовала с 01.01.1997 по 30.06.1997) была определена четкая градация учреждений (органов), на которые возлагалось исполнение того или иного вида наказания.

Вместе с тем в отношении исполнения наказаний, не связанных с мерами исправительно-трудового воздействия на осужденных (в отношении лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, штрафа, общественного порицания, конфискации имущества, лишения воинского или специального звания) государство в отдельном положении определило самостоятельный и обособленный законодательно перечень учреждений и органов (Положение о порядке и условиях исполнения в РСФСР уголовных наказаний, не связанных с мерами исправительно-трудового воздействия на осужденных, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 16.07.1984). Хотя этот перечень преимущественно сводился либо к должностным лицам (судебные исполнители) либо администрации предприятий, учреждений, организаций (органов).

Обособлено от исправительно-трудового законодательства и законодательства, регулирующего исполнение уголовных наказаний, не связанных с мерами исправительно-трудового воздействия на осужденных в РСФСР действовали законодательные положения в отношении осужденных военнослужащих (Положение о дисциплинарном батальоне в вооруженных силах СССР, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 апреля 1983 г. № 9172-Х). В связи с этим отдельным подразделением (но не учреждением и органом в классическом понимании), исполняющим наказание в виде направления в дисциплинарный батальон, выступал дисциплинарный батальон (отдельная дисциплинарная рота) – отдельная воинская часть.

Таким образом, стоит констатировать, что четкой системности для учреждений и органов, исполняющих наказания, в РСФСР не было. Фактически они находили закрепление в трех самостоятельных нормативно-правовых актах. Думается, что в т.ч. не могло способствовать системному изучению рассматриваемого нами элемента содержания исправительно-трудового законодательства – «Порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих приговоры к этим видам наказания на территории РСФСР»

В конце концов в выражении «Порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания» еще одной составляющей будет являться категория «Порядок».

Порядок – это систематичность, правильность в расположении, последовательность, ход, способ, метод, путь в осуществлении чего-нибудь [4, с. 496]. Таким образом, порядок деятельности – это определенный регламентированный ход, последовательность выполнения определенной работы. Однако в ч. 2 ст. 2 УИК РФ отмечено, что среди прочих элементов предмета уголовно-исполнительного законодательства РФ существует такой элемент как порядок исполнения наказаний. В чем же его отличие от порядка деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания?

Как нам представляется выражение «Порядок исполнения наказаний» и «Порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания» в процессе их реализации условно отвечают на разные вопросы. В первом случае вопрос может звучать как «С чем (кем) я работаю?». Во втором случае – «Как я работаю с чем-то (кем-то)?!». Так, согласно ч. 3 ст. 25 УИК РФ уголовно-исполнительные инспекции контролируют поведение осужденных к обязательным работам. В то же время Инструкция по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утвержденная приказом Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142 определяет как осуществляется такой контроль. Это может быть посещение объектов для проверки поведения осужденного по месту работы (не реже одного раза в месяц), получение информации об отработанном времени и трудовой дисциплине осужденного (еженедельно через использование средств связи, письменный запрос или посещение организации) и т.д. При этом порядок исполнения наказаний находит выражение в законах и подзаконных актах, носящих описательный, в т.ч. конкретизирующий характер уголовно-исполнительных правоотношений. В них отражаются отношения субъектов и участников уголовно-исполнительных правоотношений: осужденных, работников

учреждений и органов, исполняющих наказания, иных лиц (например, УИК РФ, ПВР ИУ, ПВР исправительных центров). В то же время порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих наказание, выражается в конкретизированно-персонифицированном перечне полномочий (обязанностей), стоящим перед учреждением или его должностными лицами по исполнению того или иного вида наказаний (например, Порядок осуществления надзора за отбыванием наказания осужденными к принудительным работам, в том числе за осужденными, работающими у индивидуальных предпринимателей, утвержденный приказом Минюста России от 20.09.2023 № 287; Порядок проведения обысков и досмотров в ИУ УИС и прилегающих к ним территориях, на которых установлены режимные требования, утвержденная приказом Минюста России от 20.03.2015 № 64-дсп и т.д.).

Исправительно-трудовое законодательство аналогично уголовно-исполнительному законодательству использует в своих нормах наряду с выражением «Порядок исполнения наказаний» категорию «Порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих приговоры к наказаниям». Однако при анализе исправительно-трудового законодательства становится очевидным, что нормы, конкретизирующие порядок исполнения наказаний подчас сливаются воедино с нормами, отражающими непосредственную функциональную деятельность учреждений и органов, исполняющих приговоры к наказаниям. К примеру, ПВР исправительно-трудовых учреждений 1972, 1977 гг. не только конкретизировали отдельные вопросы исполнения лишения свободы, но и фактически выступали инструкцией для работников ИТУ по тем или иным обеспечительным направлениям деятельности мест лишения свободы (организация и ликвидация ИТУ, их инспектирование, юридический статус, ликвидация и т.д.).

Таким образом, с учетом анализа вышеуказанных категорий в уголовно-исполнительном и исправительно-трудовом законодательстве, попробуем соединить воедино содержательные структурные элементы выражения «Порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих наказание» и дать определение этому выражению. При этом расширим данное выражение с учетом того, что учреждения и органы исполняют в т.ч. иные меры уголовно-правового характера.

Итак, порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих наказание, и иные меры уголовно-правового характера – это основанный на уголовно-исполнительном законодательстве РФ последовательный и систематичный ход и способ осуществления обязанностей и прав уполномоченных законом должностных лиц, учреждений (подразделений) и органов, усилия которых направлены на приведение в исполнение мер государственного принуждения (наказаний и иных мер уголовно-правового характера).

Пристатейный библиографический список

1. Пинчук В. И. Правоприменительная деятельность и управленческая документация в исправительно-трудовых учреждениях: учебное пособие. – М.: Академия МВД СССР, 1979. – 116 с.
2. Слободчиков В. И. Выявление и категориальный анализ нормативной структуры индивидуальной деятельности // Вопросы психологии. – 2000. – № 2. – С. 42–52.
3. Уткин В. А. Уголовно-исполнительная деятельность и предмет уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право. – 2016. – № 2 (24). С. 39–43.
4. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.

АЛЕКСЕЕНКО Станислав Александрович

преподаватель кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ

В статье исследованы некоторые особенности, связанные с использованием специальных знаний эксперта и специалиста в ходе расследования преступлений. Автором рассматриваются понятия «специальные знания», которые используются в Уголовно-процессуальном кодексе РФ при характеристике эксперта и специалиста. Установлены формы использования специальных знаний, субъекты их применения, а также возникающие проблемы в профессиональной сфере. Также автором затронуты проблемы использования нетрадиционных методов специальных знаний в рамках разбирательства по делу. Определен статус государственного и негосударственного эксперта.

Ключевые слова: специальные знания, специалист, эксперт, процессуальные, непроцессуальные формы использования специальных знаний, признаки специальных знаний, негосударственные и государственные экспертные учреждения.

ALEXEENKO Stanislav Alexandrovich

Lecturer of the Department of Criminalistics, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

SOME PROBLEMS OF USING SPECIAL KNOWLEDGE

The article examines some features associated with the use of special knowledge of an expert and specialist during the investigation of crimes. The author examines the concepts of "special knowledge", which are used in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation when characterizing an expert and specialist. The forms of use of special knowledge, the subjects of their application, as well as emerging problems in the professional sphere have been established. The author also touches upon the problems of using non-traditional methods of special knowledge in the framework of the trial. The status of state and non-state experts has been determined.

Keywords: special knowledge, specialist, expert, procedural, non-procedural forms of using special knowledge, signs of special knowledge, non-state and state expert institutions.

Расследование преступлений представляет собой сложный и многогранный процесс, который требует от должностного лица правоохранительных органов не только профессиональных знаний, но и особых навыков. В период стремительного развития научно-технических средств при ежегодном существенном росте количества преступлений, появляются ранее неизвестные практике способы совершения преступлений, а также способы сокрытия следов преступления. В связи с этим, все более важным становится использование накопленных достижений в сфере технических, естественных и других наук, которые принято называть «специальными знаниями». Применение таких знаний на стадии предварительного расследования позволяет с большим успехом решать задачи, имеющие первостепенное значение.

В настоящее время теория и практика уголовного судопроизводства сталкивается с рядом взаимосвязанных проблемных вопросов в контексте применения специальных знаний. К их числу можно отнести:

- 1) определение категории «специальные знания»;
- 2) использование нетрадиционных методов специальных знаний в рамках досудебного и судебного разбирательства по делу;
- 3) установление форм использования специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений;
- 4) определение статуса государственного и негосударственного эксперта в уголовном судопроизводстве;
- 5) использование результатов судебных экспертиз, выполненных сотрудниками негосударственных экспертных учреждений, в рамках уголовного процесса.

Выявленные проблемы являются продолжительными и в настоящее время не получили окончательного решения,

либо вновь приобрели актуальность в связи с изменением и совершенствованием правовых актов.

Понятие «специальные знания» включает в себя совокупность знаний и навыков, полученных в результате обучения и (или) практического опыта в конкретной области науки, техники, искусства или ремесла. Сложно понять, что следует считать «специальными научными знаниями», и каковы критерии отнесения их к данному виду. Проанализировав ряд понятий, использованных авторами А. А. Эйсманом [1, с. 91], Г. М. Надгорным [2, с. 37-42], ученые выделяют только их базовые признаки, в числе которых упомянуты следующие: наличие специальных знаний, которыми обладает довольно узкий круг лиц, знания не относятся к общедоступным и не являются общеизвестными.

В статьях 57, 58 УПК РФ закреплены понятия «специалист» и «эксперт», в которых содержится формулировка «специальные знания», а в ст. 80 УПК РФ – «специальные познания». Несмотря на это законодателем все еще не даны определения «специальные знания» и «специальные познания», а значит, не представляется возможным найти отличия между этими категориями и исключить применение различного рода специализированных знаний.

Мы привыкли, что в процессе расследования уголовных дел участвуют сведущие лица, например, в области медицины, помогающие определить вид и степень тяжести вреда здоровью, или лингвисты, с помощью которых мы понимаем, относится ли сказанное подозреваемым к оскорблению или нет и многие другие. Однако в сети «Интернет» можно найти множество новостных выдержек о том, что должностные лица правоохранительных органов использовали нетрадиционные методы в раскрытии преступлений при отсутствии положительных результатов. Так, в 90-е годы XX века при-

бежали к помощи сведущих лиц, характер знаний которых выходил за пределы общепринятой системы современного общества. 25 – 26 мая 1994 года сотрудником ВНИИ МВД РФ А. А. Лазебного на научно-практическом семинаре, состоявшемся в г. Москве, в своем докладе сообщено, что в Ставропольском крае в 1991 году с помощью экстрасенсов были раскрыты два убийства и тайное хищение денежных средств из кассы колхоза. Парапсихолог В. И. Сафонов [3] в рамках расследования уголовных дел, по инициативе заинтересованных лиц, осуществлял поиск без вести пропавших. Экстрасенсы Ф. О. Конюхова, В. Л. Утвенко [4] проявляли свои сверхспособности при предъявлении им фотографий, а именно определяли, жив ли человек и его возможное местонахождение или место захоронения.

Данной форме использования нетрадиционных специальных знаний присущи свои отличительные признаки, в числе которых выделяются следующие: единичность случаев привлечения таких сведущих лиц; разрешение какой-то отдельной, крайне необычной следственной ситуации, которую решить иным способом не представилось возможным; мало испытанные и неодобренные научным сообществом и практикой знания; самобытность и эксклюзивность; взаимосвязь со специфическими возможностями человеческого организма; возможность получения дальнейшей перспективы для практики раскрытия уголовного дела.

В настоящее время, согласно положений Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», экспертная деятельность может осуществляться не только в государственных ведомствах, но и в независимых экспертных организациях. Понятие «негосударственное судебно-экспертное учреждение» содержится только в п. 2 постановления от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», где Пленум Верховного Суда Российской Федерации под «иными экспертами» понимает экспертов негосударственных судебно-экспертных учреждений, а также лиц, не работающих в судебно-экспертных учреждениях», а под «негосударственными судебно-экспертными учреждениями» – только некоммерческие организации, созданные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «О некоммерческих организациях», осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми уставами [5].

Г. В. Вершинская в своем труде верно отмечает, что в соответствии с действующим законодательством, Верховный Суд Российской Федерации и его Пленум не уполномочены издавать нормы права. По ее мнению, Пленумом Верховного Суда осуществляется вольное толкование статей Гражданского кодекса РФ и Федерального закона «О некоммерческих организациях», которые не содержат норм, регламентирующих создание и деятельность «негосударственных судебно-экспертных учреждений». Юридически некорректным является также указание Пленума Верховного Суда РФ на то, что «некоммерческие организации осуществляют судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми ими уставами», приравнивая тем самым законодательные нормы к нормам уставов некоммерческих организаций, что недопустимо в правовом государстве [6, с. 41-46].

Основной деятельностью негосударственных судебных экспертов является производство на договорной платной основе независимых экспертиз. В роли заказчика могут выступать как физические, так и юридические лица, в пределах своих интересов, а также правоохранительные органы, на-

пример, в случаях, когда в государственных экспертных учреждениях срок ожидания производства экспертизы превышает срок предварительного расследования, установленный процессуальным законом, либо специалист соответствующего профиля в государственном учреждении отсутствует.

Уровень компетентности сотрудников негосударственных экспертных учреждений находится на высоком уровне. Однако, стоит отметить, что в государственных судебно-экспертных учреждениях специалисты, обладая именным свидетельством на право самостоятельного производства судебных экспертиз, могут не иметь высшего образования. В связи с чем у таких служащих между собой может существенно отличаться число допусков, дающих им право производства судебных экспертиз даже в одном конкретном подразделении. Также могут находиться на государственной службе сотрудники без права на самостоятельное производство экспертиз, в то время как в негосударственных экспертных учреждениях довольно часто можно встретить эксперта, обладающего двадцатью и более видами допусков. Данное различие образовалось в результате того, что в государственных экспертных подразделениях по ряду причин часто проходят службу сотрудники, перешедшие из подразделений, не имеющих ранее отношения к экспертной деятельности.

Возложенную работу на негосударственные экспертные учреждения выполняют специалисты, получившие полное экспертное образование, обладающие значительным практическим опытом, а также имеющие большое стремление к изучению новых областей знаний, так как от указанных обстоятельств зависит размер их заработной платы.

Большая часть экспертиз, проведенных негосударственными судебными экспертными учреждениями, реализуется в рамках административного, гражданского и арбитражного процесса. В силу высокой степени конкуренции, а также материальной составляющей, экспертизы в таких организациях проводятся быстрее. А в ситуациях, когда возникает большая нагрузка на судебно-экспертное учреждение, руководство принимает решение о найме дополнительных экспертов для временного увеличения штата, что является существенным преимуществом, ведь государственные экспертные учреждения не способны в короткие сроки расширить штат.

Еще одной отличительной особенностью сферы использования специальных знаний судебными экспертами в государственных и частных учреждениях при проведении исследований и экспертиз является возможность применение последними любой экспертной методики. По мнению такого частного эксперта, здесь может быть применена та типовая экспертная методика, которая является наиболее подходящей в определенный момент времени для данного вида экспертизы или исследования, и которая позволит получить наиболее полные и объективные результаты в соответствии со ст. 8 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». В свою очередь, государственные судебные эксперты лишены такой возможности.

Должностные лица ведомств, осуществляющих предварительное расследование по находящимся в их производстве уголовным делам, обращаются в государственные экспертные учреждения. Сотрудники государственных экспертных учреждений, имея некоторую самостоятельность, все же относятся к исполнительной ветви власти, как следователи и дознаватели. Ученые полагают, что практика назначения судебных экспертиз в независимые экспертные организации может служить дополнительной гарантией независимости

экспертного сообщества в целом. Назначение экспертиз в независимые экспертные организации позволит равномерно распределить нагрузку среди экспертных учреждений, а также уменьшить сроки уголовного судопроизводства.

Но все же некоторые практики скептически относятся к возможности назначения и дальнейшего проведения судебных экспертиз в независимых экспертных организациях, ссылаясь на положения п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», где установлено: «в случаях, когда в государственном судебно-экспертном учреждении, обслуживающем определенную территорию, невозможно производство судебной экспертизы в связи с отсутствием эксперта конкретной специальности или надлежащей материально-технической базы либо специальных условий для выполнения исследований, а также при наличии обстоятельств, указанных в ст. 70 УПК РФ, т.е. когда все компетентные государственные судебно-экспертные учреждения на данной территории не могут выступить в этом качестве, ее производство может быть поручено государственным судебно-экспертным учреждениям, обслуживающим другие территории, негосударственному судебно-экспертному учреждению или лицу, не работающему в судебно-экспертном учреждении, в том числе сотруднику научно-исследовательского учреждения, образовательной или иной организации, обладающему специальными знаниями и имеющему в распоряжении необходимое экспертное оборудование».

К сожалению, указанное требование сотрудниками правоохранительных органов игнорируется. Судебные экспертизы продолжают назначаться в негосударственные экспертные учреждения без соответствующих документальных обоснований, что является существенным нарушением. Однако, в большинстве случаев следователями (дознателями) не назначаются экспертизы в такие организации в силу процессуальных трудностей, на основании чего необоснованно продлеваются по уголовным делам сроки предварительного расследования.

Специальные знания являются необходимым процессуальным институтом, регламентирующим основания участия осведомленных и подготовленных лиц, знания которых требуют особой, качественной подготовки и овладения высокопрофессиональными навыками, а также условия применения и использования форм данных познаний в уголовном судопроизводстве для того, чтобы в процессе доказывания их роль и место были четко определены. Основная задача видится в выработке и качественном использовании возможностей технического и научного прогресса в рамках уголовно-процессуальной деятельности и их последующее усовершенствование с целью усиления эффективности противодействия преступности.

При установлении границ возможного использования специальных знаний необходимо помнить, что в качестве таковых должны применяться только научно-обоснованные, проверенные и полученные в результате теоретического изучения и практического применения. По этим причинам в действующем законодательстве должны быть установлены точные критерии, опираясь на которые можно с уверенностью относить тот или иной вид знания к категории специального.

Подводя итог, отметим, что использование специальных знаний является неотъемлемой частью процесса расследования преступлений. Следователи (дознатели) вынуждены привлекать лиц, обладающими познаниями в той или иной

сфере в рамках материала проверки, а также возбужденного уголовного дела. Требуется большее число специалистов в области криминалистики и других наук для оказания помощи в раскрытии и расследовании преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Эйсман А. А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. – М., 1967.
2. Надгорный Г. М. Гносеологические аспекты понятия «специальные знания» // Криминалистика и судебная экспертиза. – 1980. – № 21.
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sacralknowledge.info/safonov-vladimir-ivanovich/#kto-obraschalsya-k-safonovu-zapomoschyu> (дата обращения: 04.09.2023).
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psychologylib.ru/books/item/f00/s00/z0000044/st039.shtml> (дата обращения: 04.09.2023).
5. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/ (дата обращения: 04.09.2023).
6. Вершицкая Г. В. Правовые особенности осуществления негосударственной экспертной деятельности // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2014. – № 2(41).

АМИРОВ Равиль Гайсович

преподаватель кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России

ЕРЕМЧЕНКО Владимир Игоревич

заместитель начальника кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассматривается современный уровень дистанционных форм совершения хищений и существующие механизмы противодействия им. Анализируются проблемы правового и технического характера, препятствующие процессу получения доказательственной информации при работе с компьютерной информацией. Сравняются взгляды зарубежной криминалистики на цифровые доказательства, а также анализируется отношение к ним в отечественной криминалистике. Приведены примеры использования программно-технических средств для получения и исследования цифровых доказательств.

Ключевые слова: криминалистика, IT преступления, дистанционные хищения, расследование, компьютерная информация, проблемы расследования.

AMIROV Ravil Gaisovich

lecturer of Criminalistics sub-faculty of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia

EREMCHENKO Vladimir Igorevich

Deputy Head of Criminalistics sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia

PROBLEMS OF USING MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES IN CRIME INVESTIGATION

The article examines the current level of remote forms of theft and the existing mechanisms to counteract them. The problems of legal and technical nature that hinder the process of obtaining evidentiary information when working with computer information are analyzed. The views of foreign criminology on digital evidence are compared, as well as the attitude towards them in domestic criminology is analyzed. Examples of the use of software and hardware for obtaining and researching digital evidence are given.

Keywords: criminalistics, IT crimes, remote theft, investigation, computer information, problems of investigation.

Прогресс развития современного общества напрямую связан со стремительным ростом научных и технических достижений. Новые технологии постоянно обогащают криминалистическую науку и, тем самым, повышают эффективность работы ее традиционных форм и методов. Однако широкое использование передовых достижений техники стало доступно не только сотрудникам правоохранительных органов, но и самим преступникам. Так ярким тому примером выступают возможности глобальной сети «Интернет», которые быстро были оценены и нашли свое применение не только в социально-экономической сфере, но и поспособствовали созданию ранее не известных способов совершения преступления. Данная тенденция обязала сотрудников правоохранительных органов изыскивать и применять новые методы получения информации, существенно отличающихся от классических методов сбора данных, которая в последующем будет выступать в качестве доказательств по уголовному делу, а учебные и научные учреждения прорабатывать теоретическую основу их эффективного использования.

К сожалению, виртуальная коммуникация внедряется в общественные отношения с невероятной скоростью. Необходимо четко определить, как грамотно и верно, с процессуальной точки зрения, использовать достижения в области технологий и весь массив доступной в Интернете информации в процессе предварительного расследования по уголовному делу. При помощи социальных сетей происходит быстрый обмен информацией между людьми, отмечается увеличение количества преступлений, совершенных с использованием сети Интернет. Так, в территориальные органы внутренних дел все чаще стали поступать заявления и сообщения о различных видах совершенного мошенничества.

Согласно официальным данным МВД РФ в 2019 году зарегистрировано 1.031.346 хищений, из которых 28,5 % реализованы с использованием возможностей современных информационно-телекоммуникационных технологий и систем (далее по тексту ИТКС), в том числе и с использованием сети Интернет. В последующие годы наблюдается тенденция по переходу от традиционных, классических форм хищения, к дистанционным. Процентное соотношение хищений с использованием ИТКС по отношению к традиционным формам завладения чужим имуществом только увеличивается. Так в 2020 году оно составляет 46,9 % от 1086 тыс. зарегистрированных хищений, совер-

шенных путем кражи и мошенничества, в 2021 году 48,2 % от 1072 тыс., в 2022 году 50,1 % от 1040 тыс. таких хищений. Фиксируется устойчивый рост данной категории преступлений, что требует преобразования способов противодействия им, подходов к их раскрытию и расследованию [1].

Для усиления эффективности работы правоохранительных органов в данном направлении 03 апреля 2018 года издан приказ МВД РФ № 196 «О некоторых мерах по совершенствованию организации раскрытия и расследования отдельных видов хищений», во исполнение которого созданы «группы по мошенничествам», состоящие как из оперативных работников, так и следователей [2]. Основной задачей группы является своевременный и исчерпывающий сбор доказательств в ходе доследственной проверки для принятия решения в порядке ст. 144-145 УПК РФ [3]. Реализация приказа нацелена на обеспечение исчерпывающих мер к раскрытию данной категории преступлений, в особенности, если обнаружены признаки совершения противоправных действий с использованием ИТКС.

Принимая к производству подобное уголовное дело, следователь сталкивается с проблемой первоначального сбора доказательств, поскольку подобные преступления совершаются дистанционно, и, как следствие, существенно снижается количество криминалистически значимой информации, позволяющей непосредственно идентифицировать личность преступника.

В продолжение развития системы противодействия 29 декабря 2020 года приказом МВД России № 925 закреплена ведомственная инструкция по формированию, ведению и использованию подсистемы учета «Дистанционное мошенничество» в рамках ППК «ИБД-Ф» [4]. Суть системы сводится к автоматизации процесса выявления повторяющейся информации, полученной при проведении проверочных действий по факту мошенничества, совершенного с использованием ИТКС. Выявление схожих ситуаций способствует определению закономерностей преступной деятельности, выдвижению версий о совершении многоэпизодного преступления единой преступной группой, обнаружения с учетом сопоставления информации по отдельным эпизодам исчерпывающих данных, которые будут положены в основу раскрытия совершенного мошенничества.

Следует констатировать, что следственная практика по преступлениям, совершаемым дистанционно, с использовани-

ем ИТКС, в настоящее время все еще находится в стадии своего формирования, так как способы реализации преступного умысла не статичны, они постоянно модернизируются, усложняются, что требует от ученых-криминалистов решить непростую задачу – сформировать действенную методику расследования хищений, совершаемых дистанционно. Весьма наглядно демонстрирует современную ситуацию и перспективу раскрытия и доведения таких преступлений до суда статистика принимаемых по ним процессуальных решений. Например, из зарегистрированных в 2022 году 334 фактов мошеннических действий в сфере компьютерной информации на конец отчетного периода вынесено 237 (70,9 %) решений о приостановлении уголовного дела по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК [3] РФ за не установлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Таким образом, в настоящее время сложилась нестандартная ситуация, при которой информация в сети Интернет существует, однако отсутствует нормативно-правовая регламентация использования данной информации в доказывании определенных обстоятельств по уголовному делу, а также разработанные механизмы ее эффективного получения и использования, учитывающие преодоление способов противодействия преступных элементов.

В развитие данной темы Л. Б. Краснова пишет, что в ряде зарубежных государств подобная информация, при условии ее использования в рамках уголовного судопроизводства, получила условное название «компьютерные доказательства» (computer evidence) [5, с. 70-75]. Компьютерная информация является самостоятельным видом доказательств, исходя из ее формы, среды существования, условий образования и способа ее преобразования в доказательство по уголовному процессу. В странах с англосаксонской правовой системой такого рода информацию и доказательства, полученные с ее использованием, именуют «цифровыми доказательствами» (digital evidence) [6].

Возникает закономерный вопрос о применимости и допустимости использования конкретных средств и методов получения цифровых доказательств совершенного преступления. В этой связи Н. Ю. Нечаева отмечает, что подобные «инновационные продукты» должны обладать такими свойствами как значимость, способность служить целям уголовного судопроизводства, соответствие требованиям закона и удобность в использовании [7, с. 156-162].

Одним из примеров средств, позволяющих работать с компьютерной информацией и извлекать из нее цифровые доказательства, является программное обеспечение «UFED Touch Ultimate». Информация, оставленная преступниками в мобильных телефонах, планшетах, может быть извлечена даже в том случае, если она была зашифрована. Устройство не только предоставляет доступ к данным, извлекает их, но и позволяет их анализировать по заранее определенным алгоритмам, выводить соответствующий отчет [8, с. 97-100].

В настоящее время комплекс мобильной криминалистики «UFED Touch Ultimate» внедрен и используется во многих региональных ЭКЦ МВД России. Реализация возможностей программного продукта осуществляется в рамках назначения и производства судебной компьютерно-технической экспертизы. Получаемые результаты становятся основой для выводов эксперта и выступают доказательством по уголовному делу. Однако вопрос исследования информации, находящейся на сторонних серверах, к которой может быть получен доступ посредством сети Интернет, все еще остается открытым, так как существующие правовые алгоритмы далеко не всегда позволяют работать с ней, придать ей доказательственное значение.

Стоит также обратить внимание, что некоторые общественные отношения развиваются с такой скоростью, что законодательство не успевает ввести их в правовое русло. Речь идет о применении частных «виртуальных валют», которые получили широкое применение не только в нашей стране, но и во всем мире. Криптовалюты, выпускаемые неограниченным кругом анонимных субъектов, не входят в правовое регулирование не только России, но и большинства зарубежных стран. Принятый 31 июля 2020 года Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9] только отчасти урегулировал вопросы оборота цифровых эквивалентов денежных знаков, выпускаемых частными лицами, которые, не смотря на отсутствие легитимного основания к их хождению, активно используются отдельными представителями населения. Одной из причин их популярности является возможность сокрытия криминального происхождения доходов, передачи их в любой конец Земли в обход официальных государственных платежных механизмов.

В силу анонимного характера деятельности по созданию и выпуску криптовалют как физические, так и юридические лица могут быть вовлечены в противоправную деятельность, включая легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма. В ходе предварительного расследования преступлений, сопровождаемых передачей денежных средств посредством криптовалют, возникает множество проблем, начиная от определения размера материального ущерба, причиненного преступными действиями, так как официальной биржи анонимных криптовалют в России не существует, до обнаружения, изъятия и закрепления следов преступления. Как правило, для обеспечения функционирования и защиты системы используются криптографические методы, неразрывно связанные с сетью Интернет, что создает трудности для сотрудников правоохранительных органов ввиду отсутствия специальных программ, оборудования и методик по раскрытию подобных преступлений и дальнейшего их предупреждения и пресечения.

Учитывая вышеизложенное, мы приходим к выводу о том, что использование новейших технологий в работе с компьютерной информацией в криминалистике призвано увеличить эффективность работы правоохранительных органов. Однако правовая основа работы с ней все еще остается на уровне отнесения ее к традиционным материальным следам преступления. Особое значение в настоящее время имеет техническое и нормативное совершенствование отечественных стандартов, регламентирующих применение новейших технологий, в том числе и позволяющих работать с компьютерной информацией, извлекать из нее криминалистически значимые сведения, придавать им доказательственное значение.

Грамотное изучение и решение освещенных вопросов обеспечит дальнейшее применение разрабатываемых криминалистических продуктов, упростит процедуру использования результатов экспертной деятельности и предварительных исследований, что, в конечном счете, обеспечит эффективность оперативно-розыскной деятельности, предварительного следствия и судебного процесса.

Пристатейный библиографический список

1. Статистические данные ГИАЦ МВД России: форма статистической отчетности 493 «З-ЕГС» за период с 2019 по 2022 года.
2. Приказ МВД России от 03.04.2018 г. № 196 «О некоторых мерах по совершенствованию организации раскрытия и расследования отдельных видов хищений» // ИПО «Гарант». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 22.10.2023).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // ИПО «Гарант». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 22.10.2023).
4. Приказ МВД России от 29.12.2020 г. № 925 «Об утверждении Временной инструкции по формированию, ведению и использованию подсистемы «Дистанционное мошенничество» ПТК «ИБД-Ф»» // ИПО «Гарант». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 22.10.2023).
5. Краснова Л. Б. О соотношении понятий электронной, цифровой и компьютерной информации применительно к уголовному процессу и криминалистике // Воронежские криминалистические чтения. – 2016. – № 1 (18). – С. 70-75.
6. Digital Evidence and Forensics. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nij.ojp.gov/digital-evidence-and-forensics> (дата обращения: 19.02.2019).
7. Нечаева Н. Б. Инновации в криминалистике // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 2 (32). – С. 156-162.
8. Бурцева Е. В., Рогова И. А. Практика применения UFED – универсального устройства для криминалистического исследования мобильных устройств // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). – 2015. – № 7 (16). – С. 97-100.
9. Федеральный закон Российской Федерации от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // ИПО «Гарант». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <https://base.garant.ru> (дата обращения: 22.10.2023).

ГУСЕВ Алексей Васильевич

доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ МАТЕРИАЛЬНО-СЛЕДОВОЙ КАРТИНЫ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПОД ВОДОЙ

В статье рассматриваются вопросы возможности использования водных вех (плавающих предостерегающих знаков) в процессе криминалистического позиционирования материально-следовой обстановки места происшествия на дне водоема. Необходимость проведения следственных действий поисково-познавательной направленности в условиях гидросферы, требует формирования принципиально новых подходов к вопросу их технико-криминалистического обеспечения. Это касается и поиска эффективных способов определения географического расположения объектов материально-следовой картины места происшествия, находящихся на дне водоема.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая техника, следственные действия, место происшествия.

GUSEV Alexey Vasiljevich

Ph.D. in Law, professor of Criminalistics sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia

FORENSIC POSITIONING OF THE MATERIAL-TRACE PICTURE OF THE SCENE UNDER WATER

The article discusses the possibility of using water milestones (floating warning signs) in the process of forensic geo-positioning of the material and trace situation of the scene at the bottom of the reservoir. The need for investigative actions of search and cognitive orientation in the conditions of the hydrosphere requires the formation of fundamentally new approaches to the issue of their technical and forensic support. This also applies to the search for effective ways to determine the geographical location of the objects of the material and trace picture of the scene located at the bottom of the reservoir.

Keywords: criminalistics, forensic technology, investigative actions, the scene of the incident.

Одним из направлений технико-криминалистического обеспечения производства следственных действий поисково-познавательной направленности является обязательное криминалистическое фиксирование самого места проведения следственного действия и объектов, имеющих значение для дела. Вопрос позиционирования в криминалистических целях изучался и продолжает изучаться. Вектор такого изучения был задан основоположником криминалистической науки Гансом Гроссом, считавшим, что точное определение места проведения поисково-познавательных действий является залогом полноты собирания следователем доказательственной информации. К такому выводу он приходит через длительный период наблюдений за тем, как отражается информация, содержащая в себе признаки преступления. Неполное отражение места положения объекта осмотра и его деталей, в дальнейшем данный факт оказывает влияние на не полное представление у участников судопроизводства, в первую очередь у самого следователя, механизма произошедшего события и причинно-следственной связи их появления.

Обосновывая необходимость точного определения судебным следователем сторон света при составлении плана места происшествия, Г. Гросс отмечал: «Никогда не следует забывать обозначить стороны света (и не приблизительно, а по магнитной стрелке), производить всякие измерения лично, а не основываясь на измерениях других» [1, с. 578.]. Следует отметить то, что высказанная Г. Гроссом идея точного установления места положения объектов криминалистического поиска, сформировала в криминалистической науке подход, при котором точному описанию подлежат следующие обстоятельства: 1) географические ориентиры по сторонам света; 2) наличие и расположение неподвижных ориентиров, по отношению к которым осуществляются измерения расположения объектов, рассматриваемых в качестве вещественных доказательств; 3) измеряются расстояния между объектами. Конечно, обязательно измерению подлежат и размерные характеристики самих обнаруженных объектов.

На сегодняшний день назрела острая необходимость принципиально менять взгляд на процесс криминалистического позиционирования материально-следовой картины следственного действия поисково-познавательной направленности. Этому способствуют современные возможности геолокации, позволяющие точно устанавливать любую точку по отношению к ее географическим координатам, что исключает необходимость проведения каких-либо дополнительных измерений так, как это предписывали ранее сделанные на этот счет криминалистические рекомендации.

Такое позиционирование направлено на определение географического положения интересующего объекта [2].

Водная и подводная среда (гидросфера) также может стать объектом проведения следственных действий поисково-познавательной направленности. Трудности организации и проведения данных действий в описываемой среде определяются рядом факторов, с которыми не проявляются вне гидросферы. К факторам, оказывающим негативное влияние на осуществление поисково-познавательных действий следователем и иными лицами, оказывающими ему в этом содействие, следует отнести: 1) проблемы позиционирования объекта подводного осмотра; 2) трудности визуального восприятия обстановки, подлежащей осмотру; 3) как правило, отсутствие возможности следователю лично присутствовать в поисково-познавательных действиях, за исключением восприятия им обстановки осмотра через дистанционные аппараты подводных исследований и др.

В криминалистической науке пока еще не оформилось в самостоятельное учение вопросы обеспечения производства следственных действий в условиях гидросферы. Необходимость развития такого научного направления в криминалистике обусловлено формированием в первую очередь рекомендаций эффективного проведения следователем поисково-познавательных действий в условиях гидросферы [3, с. 79-82, с. 48-53, с. 49-54].

Если криминалистическое позиционирование на водной поверхности еще возможно, с учетом поверхностного течения, перемещающего криминалистически значимые объекты, то в отношении уже погружившихся в воду объектов, нет понимания как именно может быть проведено определение места их первоначального расположения. Проблема определения географических координат в криминалистических целях на поверхности гидросферы не вызывает особых трудностей, по причине того, что доступ к сигналу не ограничен никакими естественными или искусственными преградами. Вместе с тем, если возникает необходимость фиксировать место расположения объектов криминалистической фиксации на дне водоема, то позиционирование в данном случае осуществить невозможно по причине воспрепятствования прохождению сигнала. В качестве такого препятствия выступает вода, которая является мощной преградой для радиоволн фактически любой частоты, поэтому для связи с батискафами или подводными роботами используют длинный кабель или небольшие зонды, а также буи для передачи данных, всплывающих на поверхность воды [4].

Попытки поиска путей более точного определения подводных географических координат, позволило компании «Shb Instruments», изготовить прибор с названием

«Navimate». Особенностью данного прибора является то, что его использование позволяет получить полную карту дна водоема в месте его применения. В открытых источниках абстрактно приводится информация о принципе работы указанного прибора. Известно только то, что его разработал доктор Калифорнийского технологического института Барри Мегдалом (Megdal). Суть работы прибора основана на механизме ориентирования по направлению (углу) сигнала подводного передатчика относительно сторон света и его удаленности от приемника [5].

К сожалению, более точной информации о принципах работы указанного прибора нет. Это обстоятельство позволяет формировать предложения по приемлемым подходам к организации и проведению геолокации объектов на дне водоема в криминалистических целях. На наш взгляд, в рассматриваемых целях можно использовать буйковую систему глобального позиционирования места расположения подводных объектов [6]. Данная буйковая система представляет собой буй, корпус которого выполнен в виде катушки с намотанной на нее гибкой связью, один конец которой закреплен на катушке, а другой связан с подводным объектом, на котором закреплена катушка с возможностью ее отделения от подводного объекта посредством исполнительного механизма, отличающаяся тем, что гибкая связь выполнена обладающей положительной плавучестью [7].

Несмотря на высокое качество использования буйковых станций для решения позиционной задачи в криминалистических целях, возможность их применения осложнено их широким распространением. В этой связи, полагаем, что более доступным в криминалистических геолокационных целях будет использование плавучих вех. Веха – это плавучий предостерегающий знак, предназначенный для указания фарватеров водных акваторий. Длина вехи бывает от 6 до 19,5 метров. Веха крепится цепью или тросом к грузу (якорю), находящемуся на дне водоема, что позволяет ей располагаться вертикально относительно водной поверхности [8]. Веха может быть изготовлена промышленно как специализированное пластмассовое устройство или приспособлена для описываемых задач из подручных средств, например, деревянного шеста.

Рассматривая возможность использования вехи в криминалистических позиционных целях, необходимо располагать груз (якорь), прикрепленный к вехе рядом с подводным объектом, имеющим криминалистическое значение, или в центре группы таких предметов, что позволит в последующем определить их глобальное позиционное положение путем измерения расстояния от якоря вехи до объекта фиксирования. Само криминалистическое позиционирование будет проводиться по той части вехи, которая находится над поверхностью воды.

Конечно, при таком определении координат объектов поиска есть и недостатки. Во-первых, для выполнения данного действия следователь должен находиться на плавсредстве, позволяющем быть рядом с вехой, а также иметь прибор глобального позиционирования (например, геодезический прибор – ровер). Во-вторых, установка одной вехи или нескольких вех потребует использования помощи дайверов, с которыми у следователя должен быть заранее установленный канал передачи информации, необходимый для определения места якоря и проведения размерных характеристик с рядом расположенными объектами. В-третьих, точность рассматриваемого позиционирования следует рассчитывать с учетом течения водоема, в месте установки вехи. Отклонение верхней части вехи от ее якоря будет тем больше, чем больше будет длина троса, соединяющего якорь с вехой.

Несмотря на то, что в практике судоходства имеют место различные плавучие предостерегающие знаки: буи (морские, лиманные, каналные, зимние), вехи (морские, рейдовые бухтовые, зимние), плавучие маки и др. [9], именно веха, как представляется, наиболее проста для своего применения в целях криминалистического позиционирования. Конечно, конструктивное устройство вех не однозначно. Есть вехи, представляющие собой сложные аппаратный комплекс, имеющий принимающие и предающие приборы. В случае же использования вехи в рассматриваемых криминалистических целях могут применяться самые простые из них, представляющие собой деревянный шест, с прикрепленным к нему тросом (веревкой) противовесом.

При установке такой вехи, по верхней плавающей части шеста, после установки дайвером противовеса вехи на дне водоема, рядом с криминалистически значимым объектом, следователем определяется ее геолокационное положение.

Что позволяет указать на схеме осмотра дна водоема и в протоколе следственного действия конкретные точки криминалистического позиционирования материально-следовой картины места происшествия, произошедшего в условиях гидросферы.

Точность результатов предложенного механизма криминалистического позиционирования зависит от того в каких условиях будет осуществляться данная деятельность. Тут следует учитывать погодные факторы, наличие в распоряжении следователя специалиста-аквалангиста, наличие достаточного количества заранее заготовленных вех, возможность использования плав средств и др. Более качественно рассматриваемый вид деятельности возможно осуществить при дополнительном использовании следователем приборов акустической томографии, гидролокаторов, лазерных сонаров [10]. Указанное оборудование дает возможность сканировать дно водоема с точным определением его рельефа и криминалистически значимых объектов, находящихся там.

Возможность комплексного использования навигационных и иных приборов в деятельности следователя при расследовании преступлений, совершенных в гидросфере, предполагает формирование передвижных криминалистических лабораторий, созданных на основе маломерных судов (катеров), где наряду с известными технико-криминалистическими средствами, должны быть, в том числе, и системы позиционирования в условиях гидросферы. Формирование таких передвижных плавающих криминалистических лабораторий, позволит своевременно осуществлять действия по фиксации материально-следовой картины места проведения следственного действия на надводной, подводной поверхности водоемов и их береговой линии.

Пристатейный библиографический список

1. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд. перепеч. с изд. 1908 г. - М.: ЛексЭст, 2002.
2. Геолокация. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://en.wikipedia.org> (дата обращения: 12.10.2023).
3. Гусев А. В. Криминалистическое обеспечение следственного осмотра в условиях гидросферы // Общество и право. - 2019. - № 3 (69) @@ Гусев А. В. Моделирование объекта следственного осмотра в условиях гидросферы // Общество и право. - 2019. - № 4 (70) @@ Гусев А. В. Влияние водных течений на проведение поисково-познавательных действий в условиях гидросферы // Теория и практика расследования преступлений [Электронный ресурс]: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (14 апр. 2022 г.) / редкол.: Э. С. Данильян, И. Г. Башинская, М. Ю. Лаконская и др. Электрон. дан. - Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2022. 1 электрон. опт. диск.
4. Создан аналог GPS для применения под водой. Ему не нужен источник питания. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://naked-science.ru> (дата обращения 12.10.2023).
5. Что такое географическое позиционирование – ТО-ПоГИС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topogis.ru> (дата обращения: 12.10.2023).
6. RU2381518C2 – устройство для определения координат подводных объектов - Яндекс. Патенты. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yandex.ru> (дата обращения: 12.10.2023).
7. Буйковая система - патент РФ 2029708 - Глухов Ю. В., Киселев В. М., Лукьянчиков Н. Н. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://freepatent.ru> (дата обращения: 12.10.2023).
8. Веха (морской термин) – Википедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wikipedia.org> (дата обращения: 12.10.2023).
9. Плавучие знаки навигационного оборудования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://roznauka.org> (дата обращения: 12.10.2023) @@ Плавучие предостерегающие знаки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfile.net> (дата обращения: 12.10.2023).
10. Определение расстояния между объектами под водой. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://isknspb.ru> (дата обращения: 12.10.2023).

ДУБСКИХ Павел Сергеевич

адъюнкт Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОИСКОВО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЕЁ СУЩНОСТЬ

Процессы цифровизации, обусловившей переход различной человеческой деятельности в Интернет-пространство, оказывают бесспорное влияние и на деятельность органов государственной власти, в том числе и по осуществлению предварительного расследования. В настоящей статье приводятся наиболее распространенные формы использования сотрудниками ОВД сети Интернет, а также актуальные проблемы использования компьютерных технологий в области расследования преступлений и пути решения этих проблем. Сформулировано предложение о необходимости формирования программы развития криминалистических инноваций в этом направлении, рассмотрен вопрос об использовании искусственного интеллекта при расследовании преступлений, а также выделены главные препятствия для внедрения нейросетей как метода достижения следственных целей.

Ключевые слова: ресурс, Интернет, источник, расследование, преступление, информация, средство, искусственный интеллект.

DUBSKIH Pavel Sergeevich

adjunct of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

CURRENT ISSUES OF SEARCH AND COGNITIVE ACTIVITY VIA THE INTERNET IN THE INVESTIGATION OF CRIMES AND ITS ESSENCE

In the conditions of universal digitalization and transition of any kind of human activity to the Internet space, we can talk about its global and undeniable influence on the functioning of all state systems, including the institute of crime investigation. This article presents the most popular forms of use of the Internet by investigators, as well as current problems of the use of computer technology in the field of crime investigation and ways to solve these problems. A proposal is made to form a program for the development of forensic innovations in this direction, the issue of using artificial intelligence in crime investigation is considered and the main obstacles to the introduction of neural networks as a method of achieving investigative goals are highlighted.

Keywords: resource, Internet, source, investigation, crime, information, means, artificial intelligence.

Активное развитие возможностей высокотехнологичных систем приводит к прочному закреплению культуры повсеместного использования сети Интернет, что служит не только средством, облегчающим выполнение ежедневных бытовых задач, но и эффективным помощником в процессе расследования преступлений. В отличие от традиционных криминалистических средств, поисково-познавательные функции указанной сети общедоступны и не представляют собой специализированный ресурс. На сегодняшний день их использование практически не урегулировано законодательством. Кроме того, следует заметить слабую разработанность данного вопроса в криминалистической науке. Данные обстоятельства неизбежно порождают проблемы, связанные с поисково-познавательной деятельностью в сети Интернет при расследовании преступлений, часть из которых будет рассмотрена нами в настоящей статье.

Постоянное и непрерывное расширение круга опций, доступных пользователями сети Интернет, с одной стороны, несомненно облегчает жизнедеятельность как отдельного человека, так и общества в целом, однако, с другой, стихийно используется при совершении преступлений. В качестве примера можно привести такое преступление, как мошенничество. В то время как Уголовный кодекс постепенно наполняется новыми нормами, предусматривающими уголовную ответственность за преступления, совершаемые с использованием сети Интернет, совершение которых стало возможным только с появлением сети Интернет и отдельных её возможностей (как правило, «взлом» аккаунтов и иной несанкционированный доступ к компьютерной информации), издавна существующие преступные деяния обретают новые формы.

При расследовании таких преступлений помимо проведения всех необходимых следственных действий возникает потребность в анализе ресурсов, используемых при совер-

шении преступления. Для получения полной и всесторонней информации о совершенном преступлении сотрудник, ведущий расследование, осуществляет осмотр цифрового источника, с помощью которого совершалось преступление (такими источниками могут оказаться: страницы в социальных сетях; аккаунты на различных платформах, в том числе мессенджерах; «фишинговые» сайты; вредоносные программы и т.д.). Информация в виде ссылок о точках доступа злоумышленников и иные сведения, имеющие отношение к уголовному делу, могут быть не только приобщены к имеющимся материалам в качестве доказательств, но и пригодны для внесения в базы данных для дальнейшего использования при расследовании преступлений, а также предупреждения их совершения.

Отдельной категорией дел в контексте указанной выше формы поисково-познавательной деятельности являются преступные деяния, предметом и средством при совершении которых является криптовалюта. За последнее время такие преступления стали достаточно распространенными. Нередко использование виртуальных денежных средств фигурирует в уголовных делах, совершенных по факту уже упомянутого мошенничества. В таких случаях использование сети Интернет при расследовании преступления крайне необходимо в связи с тем, что информация об электронных кошельках, их владельцах, о транзакциях, совершенных посредством соответствующих сервисов, хранится исключительно на электронных ресурсах. В отличие от видов мошенничества, предметом которых выступают деньги с банковского счета или электронные денежные средства (что составляет доказательную базу и способствует производству расследования) предоставляется банковскими организациями, после расследования таких преступлений – сеть Интернет.

Проблематика осуществления поисково-познавательной деятельности в данном случае заключается в отсутствии

у органов, осуществляющих расследование, преимуществ доступа к электронным данным по сравнению с другими пользователями. Конечно, владельцы многих отечественных ресурсов готовы к сотрудничеству с правоохранительными органами в виде предоставления конфиденциальной информации.

Представляется, что разрешение указанной проблемы возможно посредством технического совершенствования ресурсов, подверженных преступным деяниям, а также установление ограничений использования сервисов ненадежных с точки зрения расследования преступлений. Однако, несмотря на быстрый технический прогресс, правовое обеспечение деятельности в сети Интернет далеко от полной регламентации. В этой связи вопрос полного или частичного запрета на пользование отдельными системами ввиду отсутствия возможности контроля государственными органами за соблюдением правопорядка при их использовании, возможно, будет рассмотрен уполномоченными органами в очередном порядке.

Следующей формой использования возможностей сети Интернет при расследовании преступлений является применение её массово-информационных функций. До широкого распространения Всемирной сети связь между органами, расследующими преступления, и общественностью осуществлялась посредством печатных или аудиовизуальных СМИ, что, вне сомнений, увеличило показатель эффективности взаимодействия граждан с уполномоченными органами. На сегодняшний день наиболее доступным и продуктивным инструментом для указанных целей является виртуальное пространство. Распространение информации о розыске преступников, вещественных доказательств, пропавших без вести лиц; уведомления о начале следственных мероприятий, опубликование полезных сведений о методах собственной защиты от преступных посягательств – необходимо не только для одностороннего информирования населения, но и для получения обратной связи от лиц, обладающих нужной для следствия информацией [1, с. 147]. Эта форма взаимодействия имеет явные преимущества перед другими способами общения между государством и гражданами: мгновенная скорость распространения информации; весьма широкий круг лиц, имеющих доступ к ознакомлению; элементарность в установлении контакта и т.д.

Тем не менее, возникновение такого уникального механизма взаимодействия не решает уже существующей проблемы излишней общедоступности информации, а напротив, усугубляет положение. Адресованные законопослушным гражданам сообщения о расследовании того или иного преступления могут использоваться и злоумышленниками в преступных целях (разработка обхода мер безопасности, сокрытие преступников и т.п.). В то же время общедоступность выступает и в качестве неоспоримого «плюса» использования сети Интернет при расследовании преступлений. Так, на данном этапе развития информационных технологий идея об установлении исключительно положительной общедоступности, на наш взгляд, не может быть однозначной. Её рассмотрение исключительно в положительном ключе нельзя назвать верным.

Не менее важным приемом, способствующим успешному расследованию преступлений, представляется анализ социальных сетей, иной информации в сети Интернет об участниках уголовного процесса. В большинстве случаев таким образом можно проверить показания лица, установить факт использования лицом определенных ресурсов, исследовать интересы и наклонности личности (например, при расследовании ритуальных убийств и склонений к суициду). Данную форму можно отнести к современным подходам криминалистической психологии. До популяризации транслирования данных о частной жизни в сети источниками получения информации личного характера для следователя являлись показания самого лица о себе либо показания лиц, обладающих такой информацией об интересующем правоохранительные органы субъекте. Сейчас же можно получить более объективные данные, используя поисково-познавательный функционал сети Интернет. Если конкретные факты о реги-

страции аккаунтов, публикации тех или иных материалов, фиксирование местоположения, осуществление множества действий пользователями сети Интернет, как правило, не подвергаются сомнению при их получении сотрудниками ОВД, то информация, опубликованная пользователем о себе, не может претендовать на полную подлинность. В таком случае интересующие сведения подвергаются дополнительной проверке, по результатам которой может быть вынесено решение о включении найденных данных в доказательную базу. В процессе проведения таких проверок следователями обычно осуществляются самые распространённые следственные действия – допрос свидетелей, проверка показаний на месте и т.д. Так, социальные сети и иные источники информации о лице, публикуемые им самостоятельно, можно рассматривать как дополнительную возможность получить справку неанкетного содержания.

Помимо прочего, как уникальное средство установления контакта между следователем и участниками уголовного процесса следует отметить одно из направлений поисково-познавательной деятельности в сети Интернет. Оно заключается в использовании функционала различных мессенджеров для взаимодействия между сотрудником органа, ведущего уголовный процесс, и гражданина, чьё участие в этом процессе представляется необходимым. Технологии мгновенного обмена сообщениями вытесняют не только устаревшие средства общения (бумажная переписка, телеграфирование, связь по стационарному телефону, почтовые отправления), но и относительно новые системы связи (факс, мобильная сетевая связь). Так, использование функционала сервисов обмена сообщениями существенно экономит ресурсы при расследовании преступлений [3, с. 62-63].

Несмотря на то, что на сегодняшний день овладение всем необходимым инструментарием пользователя сети Интернет не является сложной комплексной задачей, а наличие базовых таких навыков рассматривается как само собой разумеющееся, не утрачивает актуальности задача развития криминалистических направлений использования возможностей сети на научной основе. В этих целях Б. В. Вехов и П. С. Пастухов предлагают на основании единой методологии интегрировать четыре «инновационных направлений развития криминалистики:

- 1) криминалистическое исследование и использование электронно-цифровой информации, средств её обработки;
- 2) тактику производства следственных действий, направленных на получение электронных доказательств;
- 3) разработку автоматизированных методик расследования преступлений;
- 4) внедрение электронного документооборота в уголовное судопроизводство» [2, с. 130-131].

Обеспечение развития указанных направлений в единой системе увеличит показатель эффективности расследования преступлений. Наиболее приоритетным направлением из перечисленных, на наш взгляд, является разработка автоматизированных методик расследования преступлений. Наличие рационального, ответственно подготовленного комплекса высокотехнологичных систем способно выполнять множество задач следователя, что существенно экономит государственные ресурсы. Также, при правильном использовании искусственного интеллекта автоматизированные системы будут призваны не только быстро и точно выполнять механическую работу, но и послужат результативным помощником в принятии криминалистических решений при расследовании преступлений.

В условиях современности актуализируются вопросы о применении искусственного интеллекта в расследовании преступлений. На наш взгляд, особое внимание должно быть уделено исследованию преимуществ искусственного интеллекта и криминалистических рисков его использования в процессе расследования преступлений. Применение различных типов нейросетей представляет собой отдельный вид поисково-познавательной деятельности в сети Интернет, характеризующийся крайне небольшой степенью аналитического участия человека, но при этом высоким показателем результативности. Как отмечает М. Д. Лебедев, «искусственный

интеллект – это технология, позволяющая компьютеру или информационной системе воспроизводить мыслительную деятельность человека» [4, с. 75]. Системы, использующие искусственный интеллект, получившие широкую распространённость, запрограммированы на быструю и качественно выверенную обработку пользовательских запросов. Так, использование искусственного интеллекта существенно уменьшает время, затрачиваемое для выполнения каждой задачи вручную. Экономия времени – не единственное преимущество этого научного достижения. Следует отметить способность нейросетей к анализу немалого количества информации. И, если человеку для систематизации и упорядочивания поступивших материалов необходимо применить большое количество мер, то изучаемая нами технология не потребует никаких затрат для такой цели, что непременно сказывается на состоянии государственного бюджета. Сбережение денежных средств также является одним из аргументов в пользу использования искусственного интеллекта в работе правоохранительных органов. Нейросеть в состоянии безошибочно и высокотехнологично выполнять технические задачи, заменяя при этом труд нескольких тысяч сотрудников. При расследовании уголовного дела правоохранительным органом постоянно приходится сталкиваться с работой, необходимой для верного оформления процесса расследования, однако, имеющей чисто механический характер и нередко отвлекающей от совершения ключевых для расследования действий. При делегировании ряда обязанностей роботизированным системам, можно говорить не только о сохранении большого количества ресурсов, но и об исключении «человеческого фактора» в работе.

Помимо фактической замены ручного труда машинным, использовать искусственный интеллект представляется возможным и для задач, выполнение которых под силу исключительно высоким технологиям. Так, после успешной проверки работы систем видеонаблюдения с функцией биометрической идентификации в 2017 году МВД Российской Федерации сообщило о раскрытии около трех тысяч преступлений в 2019 году [4, с. 76].

При этом широкое применение искусственного интеллекта несет и свои риски. Во-первых, как уязвимое место любой компьютерной технологии стоит отметить возможность «взлома» системы. Для органов же, ведущих расследование, крайне важна безопасность хранения сведений из материалов уголовных дел, зачастую содержащих государственные засекреченные сведения, утечка которых может нанести существенный вред национальной безопасности. Масштабы потерь в таком случае несопоставимы даже со значительными преимуществами использования нейросетей, в связи с чем на сегодняшний день общий переход органов уголовного преследования на машинный образ работы невозможен. В качестве еще одного из рисков можно выделить использования искусственного интеллекта можно отметить потенциальную возможность выхода программы из-под человеческого контроля. На данном этапе развития высоких технологий такой вид риска не характерен для большинства существующих компьютерных систем. Однако случаи такого «неповиновения» изначально написанной человеком программы случались в международной практике. Так, например, в марте 2023 британский портал «The telegraph» опубликовал новость о результатах очередного тестирования учеными возможностей ныне самой популярной нейросети. Во время прохождения проверки на одном из ресурсов искусственный интеллект столкнулся с анти-бот системой, известной в нашей стране как «Капча». Как известно, до настоящего времени успешно проходить проверку посредством этой системы удавалось только людям. С целью прохождения анти-бот контроля нейросеть представилась как человек с нарушением функции зрения, после чего ей было предложено пройти аудио-проверку, с чем компьютерный интеллект легко справляется. Примечательно, что такой путь решения проблемы не был заложен программой изначально, то есть нейросеть смогла солгать самостоятельно, без вмешательства человека, что наводит на мысли о возможной полной бесконтрольности искусственного интеллекта. систем подобно-

го типа в расследовании преступлений. Если потенциально определять нейросеть как сотрудника правоохранительных органов, действующего от имени государства, то следует обеспечить тотальный контроль за его деятельностью.

Серьезные риски использования искусственного интеллекта позволяют сказать о том, что несмотря на все его преимущества на сегодняшний день все же не представляется возможным внедрение искусственного интеллекта в деятельность органов, осуществляющих предварительное расследование. В связи с этим в качестве главной задачи для научного общества предстает устранение таких рисков.

Таким образом, в условиях современности актуализируются вопросы о поисково-познавательной деятельности в сети Интернет при расследовании преступлений, обусловленные непрерывным и динамичным наращиванием интеллектуального и функционального машинного потенциала. На основе исследования трудов отечественных юристов, а также некоторых иных данных можно определить поисково-познавательную деятельность в сети Интернет при расследовании преступлений как деятельность, направленную на поиск, сбор, анализ, систематизацию, публикацию, распространение и учет информации, имеющей отношение к уголовному делу, располагающейся в сети Интернет, в том числе с использованием новейшей системы искусственного интеллекта, а также способ осуществления взаимодействия между субъектами уголовного процесса [5, с. 1379]. Так, следует обратить внимание на наличие существующих острых проблем, сопровождающих такую деятельность: отсутствие правового приоритета на доступ к компьютерной информации у сотрудников ОВД, неблагоприятная общедоступность информации, а также плавающий уровень её достоверности. Помимо прочего, нами был сделан вывод о необходимости формирования единой программы по развитию криминалистических инноваций в сфере использования компьютерных технологий и сети Интернет при расследовании преступлений. Представляется, что отдельного внимания заслуживает возможное внедрение функций искусственного интеллекта в работу следователя при решении главных вопросов отсутствия достаточного уровня безопасности и контроля.

Пристатейный библиографический список

1. Берова Д. М. Особенности использования компьютерной информации из сети «Интернет» при расследовании преступлений в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2020. – № 2. Вехов Б. В., Пастухов П. С. Формирование стратегий расследования преступлений на основе положений электронной криминалистики // Ex iure. – 2019. – № 4. – С. 129-141.
2. – С. 147-149.
3. Колычева А. Н., Васюков В. Ф.: под ред. Волеводза А. Г. Расследование преступлений с использованием компьютерной информации из сети Интернет. Учебное пособие. – Проспект, 2021. – С. 200.
4. Лебедев М. Д., Саввеев С. А. Использование искусственного интеллекта в расследовании преступлений // Вопросы студенческой науки. – М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2020. – № 7 (47). – С. 73-77.
5. Раздобурдин В. В., Шпак Н. М. О возможностях использования современных информационных технологий в расследовании преступлений // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. – 2019. – С. 1377-1380.

ДЫРМА Сергей Валерьевич

старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского Университета МВД России, подполковник полиции

К ВОПРОСУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С КРЕДИТНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются особенности правового регулирования взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации с кредитными организациями. Описывается современное состояние, а также перспективы развития взаимодействия органов внутренних дел с кредитными организациями через призму совершенствования деятельности по борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных технологий. Автор обосновывается необходимость совершенствования нормативного правового регулирования взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации с кредитными организациями при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: взаимодействие, правовое регулирование, информационно-коммуникационные технологии, банковская тайна, оперативно-розыскная деятельность.

Дырма С. В.

DYRMA Sergey Valerjevich

senior lecturer of Humanitarian and socio-economic disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ON THE ISSUE OF INTERACTION OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH CREDIT ORGANIZATIONS IN THE IMPLEMENTATION OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

The article discusses the features of the legal regulation of the interaction of the internal affairs bodies of the Russian Federation with credit institutions. The article describes the current state, as well as prospects for the development of interaction between internal affairs bodies and credit organizations through the prism of improving activities to combat crimes committed using information and communication technologies. The author substantiates the need to improve the regulatory legal regulation of the interaction of the internal affairs bodies of the Russian Federation with credit organizations in the implementation of operational investigative activities.

Keywords: interaction, legal regulation, information and communication technologies, banking secrecy, operational investigative activity.

Активная информатизация экономической и социальной сфер жизни общества на рубеже 21 века, повсеместное распространение дистанционных систем обслуживания кредитно-финансовой сферы, совершенствование средств связи и информационно-коммуникационных ресурсов сети Интернет значительно упрощают жизнь простых граждан, например, в части удобства управления своими финансами, а также простоты и доступности межличностной коммуникации.

Даже непрофессиональный взгляд обывателя на динамику развития современного информационного общества позволяет заключить, что высказанный еще в 19 веке Натаном Майером Ротшильдом афоризм «Кто владеет информацией – тот владеет миром» приобрел все большую актуальность ввиду повсеместной цифровизации различных сфер жизни общества.

В то же время развитие современных информационно-телекоммуникационных технологий приводит не только к возникновению новых видов социальной коммуникации, но и к постоянному изменению видов криминальной деятельности, формированию новых способов совершения преступлений в данной сфере.

По итогам 2022 года более чем каждое четвертое преступление на территории Российской Федерации отнесено к категории совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий¹. При этом преступления

против собственности в массиве всех зарегистрированных в 2022 году IT-преступлений составляют более 70 % [2, с. 114].

IT-преступления против собственности сравнительно новый вид совершения имущественных преступлений. Методы конспирации злоумышленников, используемые ими способы и средства достижения корыстных целей, существенно отличаются от традиционных. Выявление, раскрытие и расследование подобных преступлений требует не только новых тактических подходов, но и совершенствования практики доказывания со стороны правоохранительных органов.

В вопросах выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия IT-преступлений против собственности следует учитывать уникальную специфику их совершения:

– большинство преступлений совершается лицами, находящимися в различных регионах России (в отдельных случаях за пределами страны), в том числе лицами, отбывающими наказания в местах лишения свободы [2, с. 228].

– при совершении преступлений отсутствует визуальный контакт потерпевшего и подозреваемого;

– предметом хищения, в большинстве случаев, являются электронные денежные средства, хранящиеся на счете потерпевшего либо денежные средства, которые зачисляются им на счет подозреваемого. Значительно реже денежные средства передаются потерпевшими лицами по указанию подозреваемого его соучастникам;

– при совершении преступлений могут использоваться современные средства коммуникации, различные электрон-

¹ Далее – «IT-преступление».

ные платежные системы, а также иные ресурсы Интернет-пространства, позволяющие обеспечить подозреваемым высокий уровень конспирации при совершении преступлений (например, ресурсы IP-телефонии в сочетании с использованием программ по подмене абонентского номера).

Очевидными является то, что борьба с преступлениями рассматриваемой категории является одним из приоритетов деятельности правоохранительных органов и органов внутренних дел в частности.

Как уже было отмечено, при совершении IT-преступлений предметом хищения, как правило, являются электронные денежные средства, хранящиеся на счете потерпевшего. В этой связи повышение эффективности взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации с кредитными организациями является важным компонентом в системе борьбы с IT-преступностью.

При проведении следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий в целях установления лиц, причастных к совершению IT-преступлений, в том числе лиц, фактически распорядившимися денежными средствами, похищенными у потерпевших, решающим фактором является оперативность получения информации о счетах, вкладах, переводах и т.п.

Одним из основных нормативных актов, регулирующих вопросы взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации с кредитными организациями, является Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности».

Часть вторая статьи 26 ФЗ № 395-1 «О банках и банковской деятельности» определяет, что справки по операциям и счетам юридических лиц и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, выдаются кредитной организацией при наличии согласия руководителя следственного органа - органам предварительного следствия по делам, находящимся в их производстве. Таким образом, при расследовании уголовных дел, предварительное следствие по которым не обязательно, необходимо наличие судебного решения на получение информации по операциям и счетам юридических лиц и граждан.

Часть пятая статьи 26 рассматриваемого Федерального закона предусматривает возможность получения данной информации органами, уполномоченными на осуществление оперативно-розыскной деятельности, при наличии сведений о признаках подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений, а также о лицах, их подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, а также соответствующего судебного решения. При этом запрашиваемая органами, уполномоченными на осуществление оперативно-розыскной деятельности информация должна быть предоставлена кредитной организацией в течение 10 рабочих дней с момента получения соответствующего постановления суда².

Вместе с тем, следует отметить, что от оперативности получения информации о движении денежных средств по счетам кредитных организаций, либо счетам электронных платежных систем или иным используемым злоумышленниками лицевым счетам зависит возможность получения копий видеозаписей с камер наблюдения банкоматов и отделений

банков при снятии денежных средств подозреваемыми или их пособниками.

Период перезаписи видеоизображений на устройствах самообслуживания в настоящее время зависит от технической оснащенности конкретных устройств и может варьироваться от 2 до 60 суток, в связи с чем, оперативность получения вышеуказанных сведений напрямую влияет на возможность сохранения значимой доказательной базы.

Таким образом, любое промедление в истребовании необходимой информации, в том числе информации, составляющей банковскую тайну, может привести к утрате значимых доказательств.

Безусловно, временные рамки, установленные Федеральным законом от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» на предоставление кредитными организациями запрашиваемых сведений, составляющих банковскую тайну, позитивно отразятся на оптимизации процесса взаимодействия соответствующих подразделений органов внутренних дел с кредитными организациями.

По нашему мнению, в целях повышения эффективности противодействия IT-преступности в целом и оптимизации процессов взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации с кредитными организациями необходимо внести соответствующие изменения в статью 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» для представления возможности органами, уполномоченными на осуществление оперативно-розыскной деятельности, получения сведений, составляющих банковскую тайну, без судебного решения.

В заключении отметим, что на современном этапе правоохранительными органами, в частности органами внутренних дел, в отдельных регионах РФ активно используются возможности электронного документооборота с кредитными организациями в целях оптимизации временных затрат на направление запросов и получение необходимой информации.

Пристатейный библиографический список

1. О банках и банковской деятельности: Федеральный закон Российской Федерации от 2 декабря 1990 г. № 395-1 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2023).
2. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2023).
3. Гумаров И. А., Саеггараев В. Ф. Некоторые проблемы организации работы оперативных подразделений органов внутренних дел по противодействию мошенничествам общеуголовной направленности // Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2018. - № 2 (32). - С. 224-230.
4. Дырма С. В. Развитие IT-Преступности как триггер совершенствования деятельности органов внутренних дел / Материалы V Всероссийской научно-практической конференции «Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы». Под общей редакцией С. А. Буткевича. - Краснодар, 2023. - С. 113-117.

² Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

ЕВЛУШИНА Дарья Николаевна

старший преподаватель кафедры предварительного расследования Волгоградской академии МВД России

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ, В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье рассматриваются отдельные аспекты использования цифровых следов в ходе расследования преступлений в сфере информационных технологий, с целью выявления лиц их совершивших. Автором уделено внимание на факторы, снижающие эффективность выявления и расследования преступлений рассматриваемой категории. В работе освещены мероприятия профилактического характера указанных деяний.

Ключевые слова: цифровой след, преступления, правоохранительные органы, информационные технологии, противодействие, профилактика.

EVLUSHINA Darya Nikolaevna

senior lecturer of Preliminary investigation sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

ON CERTAIN ASPECTS OF THE USE OF DIGITAL TRACES DURING THE INVESTIGATION OF CRIMES IN THE FIELD OF INFORMATION TECHNOLOGY

The article examines certain aspects of the use of digital traces in the investigation of crimes in the field of information technology, in order to identify the perpetrators. The author pays attention to the factors that reduce the effectiveness of detection and investigation of crimes in this category. The work highlights the preventive measures of these acts.

Keywords: digital footprint, crimes, law enforcement agencies, information technology, counteraction, prevention.

Совершаемые деяния в сфере информационных технологий с каждым днём набирают свои количественные обороты. Указанное положение подтверждается официальной статистикой ФКУ «ГИАЦ МВД России», в соответствии с которой в январе - сентябре 2023 года зарегистрировано 489,0 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, что на 29,2 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 25,3 % в январе - сентябре 2022 года до 33,3 % в 2023 году. Более половины подобных преступлений (51,9 %) относится к категориям тяжких и особо тяжких (253,7 тыс.; +26,8 %), более чем три четверти (77,2 %) совершается с использованием сети «Интернет» (377,6 тыс.; +36,7 %), около половины (45,0 %) – средств мобильной связи (220,3 тыс.; +46,7 %). Почти три четверти таких преступлений (71,1 %) совершается путем кражи или мошенничества: 347,5 тыс. (+28,9 %), каждое восьмое (12,4 %) – с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств: 60,5 тыс. (+30,7 %).

Важным аспектом в выявлении и расследовании преступлений, связанных с информационной сферой являются цифровые, или информационные следы. Понимание того, каким образом цифровые следы создаются и используются, является важным вопросом, как для индивидуальной конфиденциальности, так и для безопасности информации в целом. Итак, прежде всего стоит обратить внимание, что при подключении к сети Интернет и использовании различного рода мессенджеров, для установления связи с телефонным оператором, образуется такой цифровой след как IP-адрес. В широком понимании IP-адрес представляет собой адрес определённого узла сети, который автоматически выдаётся устройству провайдером, после подключения устройства к сети. Т.е., посредством IP-адреса происходит своего рода индивидуализация сетевого узла. Однако стоит учитывать тот факт, что IP-адрес подразделяется на самостоятельные виды, а именно на статический и динамический IP-адрес. Данное разделение IP-адресов на виды уже вызывает определённого рода проблемы при расследовании уголовных дел, связанных с информационно-технической сферой. Дело в том, что статический IP-адрес остается неизменным в течение длительного времени. Он присваивается устройству

и остается привязанным к нему, не изменяясь при каждом подключении к сети. Обычно статические IP-адреса применяются для серверов, сетевых устройств, которым необходим постоянный идентификатор в сети. Присвоение статического IP-адреса требует ручной конфигурации. Это является удобным в случае отслеживания определенного устройства в сети. Зачастую статический IP-адрес, после его присвоения провайдером, отображается в договоре о предоставлении услуг связи, заключаемый между пользователем и провайдером. Данная информация может быть использована правоохранительными органами для идентификации лица, в случае если он осуществлял подключение к глобальной сети посредством устройства, которому ранее был присвоен статический IP-адрес. Динамический IP-адрес присваивается устройству при каждом его подключении к сети. Такой адрес может меняться каждый раз, когда устройство повторно подключается к сети, обычно он используется для клиентских устройств, таких как компьютеры, смартфоны, и другие устройства, которые не требуют постоянного IP-адреса. Поскольку динамические адреса могут быть повторно использованы, они более эффективны с точки зрения использования IP-адресов, чем статические. Именно поэтому, в случае расследования подобного рода преступлений и наличия у злоумышленника динамического IP-адреса нельзя с точностью установить адрес его сетевого узла, поскольку при повторном подключении к сети он попросту изменится. Также неоднозначно дело обстоит и со статическим IP-адресом, который может функционировать по принципу единства выдаваемого адреса. Т.е., к примеру, через роутер, провайдер которого выдает всем подключающимся пользователям одинаковый IP-адрес, к сети подключается сразу несколько человек. В это же время посредством сети-Интернет, совершается преступление. В дальнейшем определяется, что подключение к сети-Интернет было осуществлено посредством вышеуказанного роутера. Возникает сложнейший вопрос установления причастности к совершению преступления сразу нескольких лиц и установления соучастия между ними, а также отграничения лиц непричастных к данному преступлению. Также обстоятельства усложняют и факты использования лицами VPN-сервисов и технологий на базе программного обеспечения Tor, посредством которых устанавливается приватная

сеть между устройством пользователя и компьютером-сервером. При этом данные, предоставляемые пользователем, шифруются уже до момента попадания их в приватную сеть. Таким образом, VPN-сервис присваивает пользователю собственный IP-адрес, посредством которого последний идентифицируется в сети. При этом переключение пользователя к VPN-серверу зачастую приводит к смене IP-адреса и географической локации самого сервера. В свою очередь программное обеспечение Tor, и созданный на базе данной программы Tor-браузер реализует подключение к сети аналогичным образом, однако данное программное обеспечение производит подключение не к одному серверу, а сразу к нескольким. Важно отметить, что точное вычисление личности пользователя при использовании VPN, представляет собой сложную задачу. В большинстве случаев использование VPN предназначено для обеспечения анонимности и безопасности в интернете. Тем не менее, есть несколько методов, которые могут быть использованы для вычисления пользователя, но они ограничены и часто требуют сотрудничества со специализированными службами или доступа к определенным данным:

1) Сотрудничество с провайдерами VPN: Некоторые провайдеры VPN могут сотрудничать с правоохранительными органами и предоставлять им доступ к данным своих пользователей. Однако, это зависит от политики конкретно провайдера и страны, в которой они базируются;

2) Анализ сетевого трафика: Технически опытные специалисты могут анализировать сетевой трафик и использовать различные техники, такие как анализ времени ответа или отслеживание пакетов, чтобы попытаться вычислить пользователя;

3) Сбор метаданных: Специализированные службы или правоохранительные органы могут собирать метаданные, такие как временные метки, объем переданных данных и другие атрибуты сетевого трафика для выявления особенностей, связанных с конкретными пользователями.

Также, помимо вышеуказанных технических инструментов, в сети – Интернет существует достаточно обширное количество законных плагинов – анонимайзеров, таких как «AnonymoX», «FriGate», «BrowSecVPN» и т.д., позволяющих сохранять анонимность в интернет пространстве, скрывать информацию об IP, местоположении, типе и версии браузера и т.д. Частично в установлении наличия сторонних прокси, анонимайзеров, VPNсерверов, Тоги иных средств анонимизации может помочь программа «2IP». Однако её функциональные возможности ограничены её статичностью. Имеется ввиду, что для обнаружения всех вышеуказанных сторонних ПО, необходимо запустить «2IP» на самом устройстве, которое нас интересует. Таким же образом посредством «2IP» возможно определить IP-адрес устройства. Пользовательские соглашения указанных сайтов гласят о том, что их функционирование построено в соответствии с требованиями действующего российского законодательства, направлено на регулирование взаимоотношений между администрацией сайта, пользователями сайта и провайдерами (права, обязанности, пределы ответственности). Кроме того, в случае неточностей, недостоверности, необъективности предоставляемых данных с таких сайтов, а также отклонений в части качества оказания услуг администрация сайта ответственности не несет. Со стороны государства деятельность данных сайтов не контролируется. В связи с этим возникает вопрос относительно степени доверия правоохранительных органов к сведениям, размещаемым на таких сайтах [1]. Вследствие чего нельзя с уверенностью говорить, что данные и информация предоставленные программой «2IP» являются объективно точными и верными. Поэтому использование данных, полученных посредством данной программы в качестве доказательств по уголовному делу, требуют тщательной проверки и сопоставления с иными данными.

Другим цифровым следом будет выступать MAC-адрес конкретного устройства, с которого осуществлён вход в сеть. MAC-адрес представляет физический, неизменяемый уникальный идентификатор для каждого отдельного устройства, который тесно взаимосвязан с IP-адресом. Зная IP-адрес,

можно определить место, время осуществления различных действий в сети. Имея информацию о MAC-адресе, можно с точностью сказать, какое устройство при этом было задействовано. Однако, для установления всеобъемлющей и полной следовой картины необходимо установить взаимосвязь IP-адреса и MAC-адреса. Для этого необходимо реализовать функции механизма под названием протокол разрешения адресов (ARP). Сопоставления MAC-адресов и IP-адресов хранятся в специальной ARP-таблице устройства. Сюда же можно отнести и так называемые «логи», или лог-файлы, посредством которых возможно осуществить просмотр событий и действий, происходящих на конкретном техническом устройстве в определенный период времени. Посредством лог-файлов можно установить точное время осуществления конкретных действий на устройстве, в том числе и преступных.

Однако, как было отмечено ранее, факт установления и фиксации цифрового следа — это лишь один из этапов на пути к установлению лица, совершившего преступление, поскольку стоит учитывать, что преступник целенаправленно может использовать данные и техническое оборудование иного лица, с целью сокрытия причастности к совершению преступления. В данном случае необходимо прибегнуть к уже известным нам материальным и идеальным следам. К примеру, для подкрепления факта использования лицом конкретного статического IP-адреса могут быть использованы и приобщены к материалам уголовного дела договоры о предоставлении услуг связи, заключённые на имя конкретного лица. Также о факте использования оборудования конкретным лицом могут свидетельствовать оставшиеся в результате эксплуатации данного оборудования следы папиллярных узоров рук, различного рода биологический материал, оставшийся на поверхности данного устройства. Факт использования и эксплуатации оборудования конкретным лицом в конкретное время могут подтвердить камеры фото и видео наблюдения, которые зачастую устанавливаются в различных организациях и фирмах, для осуществления контроля за деятельностью работников и персонала. Важное значение в процессе расследования играют допросы потерпевших, свидетелей, а также подозреваемых и обвиняемых, посредством которых можно установить факт использования технического устройства конкретным лицом. При выборе грамотной тактики и линии допроса, информацию об использовании технического устройства в конкретный временной промежуток можно получить от самого подозреваемого или обвиняемого лица.

Ввиду того, что одной из характерных черт всех преступлений, совершённых в информационной сфере, является динамичность и быстрота их развития, правоохранительным органам необходимо мониторить технологические новшества и способы преступных проявлений с целью выработки соответствующих и своевременных превентивных мер. Именно поэтому выработка методики эффективной борьбы с подобного рода преступлениями, становится важнейшей задачей органов внутренних дел, а также иных правоохранительных структур, с целью обеспечения безопасности информационного пространства.

Пристатейный библиографический список

1. Сидорова К. С. IP-адрес как один из идентификаторов личности в расследовании преступлений // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2018. - № 3 (74). - С. 84-86.

ЕРЕМИН Сергей Германович

доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Волгоградской академии МВД России

САФОНОВА Юлия Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры предварительного расследования Волгоградской академии МВД России

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ В КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Институт специальных знаний в контексте предварительного расследования злоупотреблений полномочиями в коммерческих и иных организациях видится особенно актуальным, поскольку сама специфика рассматриваемого посягательства (т. е. его ярко выраженный экономически ориентированный характер) закономерно обуславливает невозможность обеспечения всестороннего, полного и качественного расследования силами и средствами единолично следователя. Привлечение специалистов в следственной практике может иметь место как на этапе доследственной предварительной проверки, так и на этапе производства собственно расследования и может происходить в двух основных формах: оперативно-консультационная (в формате исполнения поручений следователя и документирования деятельности организации) либо процессуальная (в формате различных экспертиз). Именно данным аспектам посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: специальные знания, экспертиза, интересы службы, ревизии, аудиторские проверки.

EREMIN Sergey Germanovich

Ph.D. in Law, professor of Criminalistics sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

SAFONOVA Yuliya Sergeevna

Ph.D. in Law, associate professor of Preliminary investigation sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES AGAINST THE INTERESTS OF THE SERVICE IN COMMERCIAL ORGANIZATIONS

The institute of special knowledge in the context of the preliminary investigation of abuse of authority in commercial and other organizations is seen as particularly relevant, since the very specifics of the encroachment in question (i.e. its pronounced economically oriented nature) naturally determines the impossibility of providing a comprehensive, complete and high-quality investigation by the forces and means of the investigator alone. The involvement of specialists in investigative practice can take place both at the stage of pre-investigation preliminary inspection and at the stage of the actual investigation and can take place in two main forms: operational and consulting (in the format of executing the investigator's orders and documenting the organization's activities) or procedural (in the format of various examinations). This article is devoted to these aspects.

Keywords: special knowledge, expertise, interests of the service, audits, audits.

Применение института специальных знаний при расследовании злоупотреблений полномочиями в контексте ст. 201 УК РФ представляется особенно актуальным, а в отдельных случаях – категорически необходимым для обеспечения полноты и эффективности всего расследования. Дело в том, что многие способы и формы реализации данного посягательства, как было показано в первой главе настоящего исследования, предполагают (или могут предполагать) обращение к некоторым гражданско-правовым институтам, обязательственному праву и ряду иных смежных отраслей (в частности, налоговое законодательство, бухучёт и т.п.), которые могут быть не так хорошо знакомы лицу, проводящему по делу предварительную проверку или осуществляющему уже непосредственно предварительное расследование в рамках возбужденного уголовного дела. Поэтому выбор типа специальных познаний, необходимых для обеспечения полноты расследования, определяется исключительно специфической механизма каждого отдельно взятого случая злоупотреблений полномочиями, но можно констатировать, что в наиболее общем виде специальные познания при расследовании рассматриваемого преступления актуализируются применительно к судебной экспертизе.

Изучение экономического документооборота фирмы, её актов ревизий, сличительных ведомостей, аудиторских заключений, финансовых и бухгалтерских отчётов и других документов, необходимо с привлечением соответствующих специалистов. Привлечение специалиста по делам данной категории, позволит более эффективно обнаружить следы

преступной деятельности, вычленив из массивного, огромного количества заключённых сделок, произведённых бухгалтерских и иных хозяйственно-финансовых операций те, которые входят в предмет доказывания инкриминируемого должностному лицу противоправного деяния [1].

В наиболее общем виде можно редуцировать формы и направления деятельности специалиста на первоначальном этапе расследования дел о злоупотреблении полномочиями к следующему перечню: помощь органам следствия в определении точного размера имущественного вреда, причинённого организации-потерпевшему в результате злоупотребления полномочиями; определение наступивших последствий как тяжких (что, по сути, предполагает правоприменительное разъяснение оценочной категории «тяжких последствий», используемой в диспозиции ст. 201 УК РФ в качестве конструктивного признака объективной стороны); финансовая оценка акционерного пакета организации-потерпевшего, если он владеет таковым; расчёт средней цены продажи активов организации, который был бы максимально приближен к рыночному показателю; определение средне-рыночной себестоимости продукции и общего товарооборота, производимых организацией-потерпевшим; решение вопроса о целесообразности и экономической эффективности проведения аукционов; решение вопроса о наличии либо отсутствии у руководящего управленческого состава организации материальной и иной личной заинтересованности в её преднамеренном выведении на процедуру банкротства; проверка экономической целесообразности финансовых опера-

ций, проводимых по расчётным счетам организации-потерпевшего; проверка документации организации на предмет наличия либо отсутствия в ней всех требуемых актов согласия, подписей, печатей и т.п., которыми санкционировались определённые действия, совершённые с имуществом либо финансовыми активами [2].

Отдельного внимания в данном контексте заслуживает деятельность специалистов иных государственных органов, которые нередко привлекаются к доследственным проверкам по делам о злоупотреблении полномочиями либо уже на этапе производства предварительного расследования. Причём в отдельных случаях институт специальных знаний является катализатором уголовного преследования, что характерно для случаев, когда в отношении организации проводятся ведомственные проверки (например, налоговыми инспекциями, Роспотребнадзором и т.п.), результаты которых содержат сведения, выступающие поводом для возбуждения уголовного дела (в т. ч. установленные нарушения нормативов, регулирующих соответствующий аспект деятельности организации и вызвавшие наступление общественно-опасных последствий в виде нарушения прав или законных интересов иных организаций или граждан и т.п.).

Фундаментальный аспект реализации института специальных познаний применительно к расследованию злоупотреблений полномочиями связывается с назначением судебно-экспертного исследования (вид которого определяется спецификой отдельно взятой следственной ситуации, способом злоупотребления полномочиями и механизмом следообразования и т.п.).

П. В. Сорокун справедливо указывает, что «на практике самым распространённым является применение почерковедческой экспертизы. Это объясняется тем, что в круг служебных обязанностей должностного лица входит визирование и подписание различных документов, соответственно, установление принадлежности подписи на них конкретному лицу крайне важно...» [3]. Вместе с тем почерковедческая экспертиза при всей её безусловной значимости является далеко не единственным видом судебно-экспертного исследования, которое может назначаться при производстве предварительного расследования по делам о злоупотреблении полномочиями. Так, в рамках следственных осмотров, обысков и выемок могут изыматься определённые документы или их обрывки, записи, платёжки, квитанции или их части и т.п., что актуализирует трасологическое экспертное исследование, функционально направленное на определение принадлежности частей объекта единому целому и установлению механизма его разделения на отдельные части. Кроме того, с целью установления факта отклонений или нарушений при осуществлении бухгалтерского учёта назначаются такие типы судебно-экспертных исследований как собственно бухгалтерская и финансово-экономическая.

Наиболее часто по делам рассматриваемой группы проводится товароведческая экспертиза, в которую входит, в зависимости от сферы, в которой произошли присвоения или растраты, либо исследование промышленных (непродовольственных) товаров, либо продовольственных товаров, в том числе с целью проведения их идентификации (ассортиментной, качественной и информационной). Товароведческая экспертиза действительно может назначаться в случаях, когда организация-потерпевший занимается «товароориентированной» коммерческой деятельностью, в таких случаях данное судебно-экспертное исследование решает примерно следующие задачи: определение ассортиментной принадлежности товара (в частности, его потребительскую категорию, марку, производителя и т.п.); определение так называемой квалитетической принадлежности товара (в частности, его комплектных, рецептурных, технологических и иных характеристик и т.п.); определение информационной составляющей (специфика оформления товарных накладных и т.п.).

Однако полагаем, что не менее перспективной формой использования специальных познаний при расследовании злоупотребления полномочиями является документирование преступной деятельности специалистами-ревизорами УЭБиПК. При этом такая форма деятельности специалистов

является лишь одной из возможных: альтернативой выступает их уголовно-процессуальная деятельность, связанная со вступлением в процесс с целью дачи заключения в рамках исследования документов, которое уже ложится в основу обвинения, поскольку является полноценным доказательством (ч. 3 ст. 80 УПК РФ). «Исследование документов проводится специалистом-ревизором на основании рапорта сотрудника оперативного подразделения, согласованного с руководителем подразделения документальных исследований, по требованию начальника территориального подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции (или его заместителя). Важно отметить, что в справке об исследовании документов специалист-ревизор отвечает конкретно на поставленные перед ним оперативным сотрудником или следователем вопросы» [4] - указывает В. Ю. Яргутова.

Следует обратить особое внимание на то, что в рамках исследования документов специалист-ревизор вправе, в частности: ознакамливаясь с любыми служебными материалами и документами, в которых возникнет необходимость, и проводить анализ их содержания на предмет наличия в них признаков состава преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ; поддерживать рабочие и организационные межведомственные контакты со специалистами из смежных ведомств и органов государственной власти (налоговых и т.п.); оказывать консультационную и иного рода методическую помощь следователю, осуществляющему предварительное расследование по делу, при возникновении у него вопросов, связанных с проявлением отдельных аспектов деятельности организации-потерпевшего и т.п.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что институт специальных знаний в контексте предварительного расследования злоупотреблений полномочиями в коммерческих и иных организациях видится особенно актуальным, поскольку сама специфика рассматриваемого посягательства (т. е. его ярко выраженный экономически ориентированный характер) закономерно обуславливает невозможность обеспечения всестороннего, полного и качественного расследования силами и средствами единолично следователя. Привлечение специалистов в следственной практике может иметь место как на этапе доследственной предварительной проверки, так и на этапе производства собственно расследования и может происходить в двух основных формах: оперативно-консультационная либо процессуальная.

Пристатейный библиографический список

1. Клещенко Ю. Г. К вопросу о криминалистической характеристике злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ) // Вестник экономической безопасности. - 2021. - № 2. - С. 267-277.
2. Шматов В. М., Кузнецов В. А. Судебно-экспертная деятельность в практике оперативных подразделений // Вестник Волгоградской академии МВД России. - 2016. - № 2 (37). - С. 114-119.
3. Сорокун П. В. Использование специальных знаний в процессе расследования коррупционных преступлений в органах местного самоуправления // Эпоха науки. - 2017. - № 12. - С. 116-125.
4. Яргутова В. Ю. Функциональная характеристика специалиста-ревизора как субъекта познания обстоятельств совершения преступлений в сфере экономики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2016. - № 2 (34). - С. 370-374.

КАЧАЛОВ Владислав Геннадьевич

преподаватель кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России

ПЛАНИРОВАНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ТАБАЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ

В статье рассматриваются понятия планирования и организации, их значение в ходе расследования преступлений, проблемы и способы их решения, возникающие при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом табачных изделий. Также, рассмотрены этапы планирования, организационные действия и роль руководителя в деятельности команды (следственно-оперативной группы) при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом табачных изделий. Автором рассмотрена статистика роста преступлений связанных с незаконный оборот табачных изделий.

Ключевые слова: планирование и организация расследования, незаконный оборот табачных изделий, руководитель команды (следственно-оперативной группы).

KACHALOV Vladislav Gennadjevich

lecturer of Criminalistics sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia

PLANNING AND ORGANIZATION OF THE INVESTIGATION OF ILLICIT TRAFFICKING IN TOBACCO PRODUCTS

The article discusses the concept of planning and organization, their importance in the investigation of crimes, problems and ways to solve them that arise during the investigation of crimes related to illicit trafficking in tobacco products. Also, the stages of planning, organizational actions and the role of the head in the activities of the team (investigative task force) in the investigation of crimes related to illicit trafficking in tobacco products are considered. The author considers the statistics of the growth of crimes related to the illicit trafficking of tobacco products.

Keywords: planning and organization of investigation, illicit trafficking of tobacco products, team leader (investigative task force).

В современном мире, где борьба с незаконными видами деятельности становится все более актуальной, одной из ключевых проблем, стоящих перед правоохранительными органами и правительством, является незаконный оборот табачных изделий. Этот вопрос приобретает особое значение в контексте глобальной тенденции к здоровому образу жизни и борьбе с курением. На сегодняшний день здоровье населения в системе стратегических ориентиров социально-экономического развития России и ее регионов является одним из приоритетных направлений развития нашей страны.

От того, насколько грамотно и своевременно будет проведено расследование, зависит не только успешность борьбы с преступностью, но и обеспечение безопасности граждан.

В данной статье мы рассмотрим основные аспекты планирования и организации расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом табачных изделий, а также обсудим ключевые принципы, методы и технологии, которые могут помочь обеспечить успешное раскрытие преступлений и защиту общества от противоправных действий.

Так для решения данной проблемы были разработаны: Федеральный закон «О государственном регулировании производства и оборота табачных изделий, табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства» от 13.06.2023 № 203-ФЗ [1] и Федеральный закон «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» от 23.02.2013 № 15-ФЗ [2].

Кроме того, распоряжением правительства от 12 апреля 2020 года № 991-Р, была учреждена автономная некоммерческая организация «Национальный научный центр компетенций в сфере противодействия незаконному обороту промышленной продукции», переданная под надзор министерства промышленности и торговли Российской Федерации [3]. Одной из уставных задач АНО «ННЦК» является содействие обеспечению деятельности Государственной комиссии в сфере противодействия незаконному обороту табачных изделий, включая проведение анализа рынков в рамках реализации Концепции.

Согласно предоставленным обзором АНО «ННЦК» установлено:

Так за 2021 год по статьям предусмотренным: ч. 5, 6 ст. 171.1, ч.1, ч. 3, ч. 4 ст. 180, ч. 1, ч. 2, ч. 3 ст. 200.2, ч. 3, ч. 4, ч. 5, ч. 6 ст. 327.1 УК РФ возбуждено 2 630 уголовных дел, что на 61 % больше, чем за 2020 год (1 638). При этом потери федерального бюджета от неуплаты акцизов и НДС на сигареты за 2021 год составили 75,2 млрд рублей;

За аналогичный период 2022 года по статьям предусмотренным: ч. 5, 6 ст. 171.1, ч. 1, ч. 3, ч. 4 ст. 180, ч. 1, ч. 2, ч. 3 ст. 200.2, ч. 3, ч. 4, ч. 5, ч. 6 ст. 327.1 УК РФ возбуждено 2 293 уголовных дел в сфере регулирования рынка табачной продукции, что на 12,8 % меньше, чем в 2021 году (2 630 уголовных дел). При этом потери федерального бюджета от неуплаты акцизов и НДС на сигареты за 2022 год составили 81,5 млрд рублей;

Кроме того, за первое полугодие 2023 года по статьям предусмотренным: ч. 5, 6 ст. 171.1, ч.1, ч. 3, ч. 4 ст. 180, ч. 1, ч. 2, ч. 3 ст. 200.2, ч. 3, ч. 4, ч. 5, ч. 6 ст. 327.1 УК РФ возбуждено 1 404 уголовных дела в сфере регулирования рынка табачной продукции, что на 15,4 % больше, чем за аналогичный период 2022 года (1 217 уголовных дел). При этом потери федерального бюджета от неуплаты акцизов и НДС на сигареты за полугодие 2023 года составили 46,4 млрд рублей [4].

Планирование и организация расследования преступлений — это комплекс мер, направленных на эффективное и своевременное раскрытие преступлений. Этот процесс включает в себя определение целей и задач расследования, разработку стратегии и тактики, а также координацию действий различных правоохранительных органов.

Одним из основных этапов планирования при расследовании незаконного оборота табачных изделий является сбор и анализ информации о преступлении, включая данные о месте, времени и способе его совершения, а также о возможных мотивах и целях преступников. На основе этой информации разрабатываются конкретные мероприятия по расследованию, определяются необходимые ресурсы и формируются следственно-оперативные группы.

Организация расследования предполагает создание структуры управления процессом, распределение обязанно-

стей между участниками, а также контроль за выполнением поставленных задач. Важно также обеспечить координацию действий с другими подразделениями системы МВД, а также взаимодействие с гражданами и представителями общественности.

Таким образом, планирование и организация расследования преступлений является сложным и многоплановым процессом, который требует от правоохранительных органов высокой профессиональной подготовки, опыта и умения оперативно реагировать на изменения обстановки.

Необходимо не забывать о трех принципах планирования в ходе расследования: динамичность, индивидуальность, конкретность.

Динамичность — это деятельность, направленная на постоянное, активное, своевременное выполнение поставленных в настоящий момент задач.

Индивидуальность — заключается в своей неповторимости каждого из расследуемых преступлений, а также особенностями лиц, осуществляющими планирование.

Конкретность — состоит в отсутствии в разрабатываемых планах общих формулировок, определяется четкая цель, задачи, проблемы, которые могут возникнуть в ходе расследования и пути решения.

Так, планирование расследования преступлений связанных с незаконным оборотом табачных изделий включает в себя несколько этапов:

1) Первоначальный этап, к нему мы можем отнести решение следующих задач: определение целей и задач расследования; сбор и анализ информации; разработка стратегии и тактики расследования.

2) Планирование последующего этапа расследования осуществляется с помощью: координации действий участников команды (следственно-оперативной группы); взаимодействия с другими подразделениями системы МВД, а также взаимодействие с гражданами и представителями общественности; контроль за выполнением поставленных задач.

3) Планирование заключительного этапа заключается в анализе результатов расследования и оценка эффективности принятых мер. В случае необходимости проведение отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на закрепление результата расследования.

В свою очередь организация расследования преступлений связанных с незаконным оборотом табачных изделий включает в себя:

Создание команды (следственно-оперативной группы) и распределение обязанностей среди ее участников. Определение целей и задач расследования: на этом этапе необходимо установить, первоначальные следственные действия и оперативно розыскные мероприятия, которые будет проводиться, а также какие вопросы нужно будет решить, и какие результаты ожидаются. На основе поставленных целей и задач формируется команда (следственно-оперативной группы), которые обладают необходимыми знаниями, опытом и навыками для проведения расследования. В команду могут входить следователи, оперативные сотрудники — работающие по этой категории преступлений, эксперты, аналитики, IT-специалисты, специалисты по работе с базами данных и другие сотрудники.

Распределение ролей: после формирования команды происходит распределение ролей между участниками. Каждый сотрудник получает свои задачи, ответственность и полномочия, за их выполнение. Например, один сотрудник может заниматься сбором доказательств, другой — анализом информации, третий — разработкой стратегии расследования и т.д. При этом команда (следственно-оперативная группа) должна согласовать способы взаимодействия между собой. Это важно для обеспечения эффективной работы и координации действий всех участников.

На основе имеющихся данных и информации команда разрабатывает план расследования, определяет последовательность действий и распределяет обязанности между участниками. Затем начинается непосредственное проведение

расследования, включая сбор и анализ доказательств, опрос свидетелей, работу с документами и т.д.

После выполнения первоначальных следственных и оперативно-розыскных мероприятий происходит оценка полученных результатов, анализ эффективности работы участников группы, выявляются возможные ошибки и определяются новые задачи для улучшения процесса расследования на дальнейшем этапе.

Для контроля работы команды (следственно-оперативной группы) в обязательном порядке определяется ее «руководитель».

Роль руководителя в организации расследования преступлений связанных с незаконным оборотом табачных изделий включает в себя несколько важных аспектов:

1) Входе своей деятельности руководитель должен совместно со своей командой (следственно-оперативной группой) определить цели и задачи расследования, исходя из обстоятельств конкретного преступления, и установить приоритетные направления в работе;

2) Руководитель должен распределить обязанности между членами команды (следственно-оперативной группы), определить ответственность каждого сотрудника и обеспечить координацию их действий;

3) Руководитель контролирует процесс расследования, следит за выполнением поставленных задач и при необходимости вносит корректировку в деятельность сотрудников;

4) Руководитель решает организационные вопросы и обеспечивает взаимодействие с другими органами и службами.

На основании вышеизложенного мы можем прийти к выводу, что планирование и организация являются важными аспектами расследования преступлений связанных с незаконным оборотом табачных изделий, так как они помогают следователям систематизировать и структурировать процесс расследования уголовного дела.

Так как при расследовании указанной категории уголовных дел команде (следственно-оперативной группе) приходится не только выполнять большой объем работы, связанный с выполнением следственных и оперативно-розыскных мероприятий, но также и решение организационных вопросов, например связанных с перемещением больших объемов вещественных доказательств станков для производства табачных изделий, сотни тысяч контрафактной табачной продукции и тонны расходных материалов.

Вся эта работа, продельваемая на этапе планирования и организации расследования, помогает избежать этих проблем. При этом не допуская утрату вещественных доказательств, нарушение закона и времени затрачиваемого на расследование уголовного дела, связанного с незаконным оборотом табачных изделий.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» от 23.02.2013 № 15-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс.
2. Федеральный закон «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» от 23.02.2013 № 15-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс.
3. Распоряжение Правительства РФ от 12 апреля 2020 года №991-Р об АНО «Национальный научный центр компетенций в сфере противодействия незаконному обороту промышленной продукции».
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisp.gov.ru/pnopp/analyz-rynkov/ezhekvertalnye-obzory/>.

КОРНАКОВА Светлана Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета, г. Иркутск

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

В статье рассматриваются некоторые специфические особенности допроса несовершеннолетних лиц. Акцентируется внимание на психологической составляющей данного следственного действия, отмечаются его правовые, организационные и коммуникативные аспекты. Анализируются некоторые ситуации допроса. Отмечаются тактические приемы, влияющие на эффективность производства допроса с участием данной категории лиц, определены методы, используемые следователем при допросе в конфликтных и бесконфликтных ситуациях. Указывается, что важность исследования психологических аспектов допроса несомненна и с практической, и с научной точек зрения. Сделаны конкретные выводы, которые могли бы повысить эффективность и результативность допроса.

Ключевые слова: допрос несовершеннолетнего, тактика допроса, психологические аспекты допроса, психологический контакт, тактические приемы.

KORNAKOVA Svetlana Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Baikal State University, Irkutsk

SOME ASPECTS OF THE INTERROGATION OF A MINOR

The article discusses some specific features of the interrogation of minors. Attention is focused on the psychological component of this investigative action, its legal, organizational and communicative aspects are noted, and some interrogation situations are analyzed. Tactical techniques affecting the effectiveness of interrogation with the participation of this category of persons are noted, the methods used by the investigator during interrogation in conflict and conflict-free situations are determined. It is pointed out that the importance of studying the psychological aspects of interrogation is undeniable from both practical and scientific points of view. Specific conclusions have been drawn that could improve the efficiency and effectiveness of the interrogation.

Keywords: interrogation of a minor, interrogation tactics, psychological aspects of interrogation, psychological contact, tactical techniques.

С позиции судебной психологии допрос является сложным коммуникативным процессом. В ходе допроса, который является одним из важных психологизированных действий, осуществляется психологическое взаимодействие между допрашивающим и допрашиваемым лицами, предполагающее учет личностных особенностей последнего. Сказанное тем более важно в отношении производства допроса в отношении несовершеннолетних, имеющего свои тактические особенности, связанные с их физиологическим, психоэмоциональным и возрастным развитием. Немаловажное значение имеет и процессуальный статус допрашиваемого лица, так как от этого зависит применение тех или иных тактических приемов. Определение стратегии допроса, прогнозирование возможных реакций собеседника, а также выбор тактических приемов, которые могут привести к успеху, должны основываться на особенностях личности допрашиваемого. Анализ этих аспектов личности допрашиваемого является неотъемлемой частью подготовки к допросу и его проведению [1, с. 81]. Поэтому вопрос о приоритетности и качестве изучения личности обвиняемого (или потерпевшего, и даже свидетеля) в ходе следственного процесса остается актуальным. Нередко следователи относятся к этому аспекту недостаточно серьезно, ограничиваясь формальными характеристиками несовершеннолетних. Между тем, необходимо серьезнее подойти к изучению личности допрашиваемого, учитывая мно-

гообразие доступных методик и источников информации. Только комплексный подход позволит получить полноценное представление о личности и внести значительный вклад в процесс правосудия.

В частности, в ситуации предварительного следствия допрашиваемый может оказаться в различных эмоциональных состояниях. Особенно сложное эмоциональное состояние характерно для подозреваемого, когда он проходит через первый допрос. Из-за воздействия со стороны следователя и ощущения нехватки информации, допрашиваемый может чувствовать смущение и страх, что приводит к потере контроля над своим поведением. Поэтому наблюдение за допрашиваемым напрямую предоставляет следователю больше информации о его личности, чем просто устный разговор. При этом, в контексте допроса, невербальные средства общения выполняют вспомогательные функции, которые имеют важное значение для передачи информации. Они позволяют более точно передать смысл и значение сообщения, а также повысить его значимость. Опытный следователь может использовать эти средства для получения дополнительной информации о состоянии допрашиваемого и его мыслях, наблюдая за его поведением.

Несмотря на наличие различных тактических разработок в части производства допроса, в том числе, и с несовершеннолетними лицами, многие из них остаются до сих

пор лишь на рекомендательном уровне, что отрицательно сказывается на эффективности и результативности его проведения.

Так, для того чтобы применить определенные тактические приемы по отношению к допрашиваемому несовершеннолетнему лицу, необходимо обеспечить процессуальный порядок участия в производстве данного следственного действия защитника, а также педагога или психолога в силу того, что несовершеннолетний, даже при осознании своих действий, не может реализовывать свои процессуальные права в полной мере из-за возрастных особенностей. Однако в теории по данному вопросу возникают противоположные точки зрения. В частности, М. А. Шувалова считает, что присутствие педагога или психолога на допросе не всегда способствует эффективности его проведения, поскольку часто несовершеннолетние допрашиваемые не могут честно и открыто отвечать на вопросы следователя в присутствии знакомых им лиц в силу факторов стыдливости, смущения и т. д. [2, с. 119].

Напротив, Т. В. Черемисина отмечает, что «целесообразность присутствия педагога или психолога на допросе поддерживается многолетней практикой, в том числе и зарубежной» [3, с. 21]. Соглашаясь с данным мнением, можно отметить, что педагог или психолог являются незаинтересованными в исходе дела лицами и не имеют частного интереса, их присутствие связано лишь с тем, чтобы права несовершеннолетнего лица были соблюдены, а в период проведения допроса эмоциональное состояние допрашиваемого было стабильным.

Наиболее проблемными, как представляется, являются ситуации, когда производство допроса с участием несовершеннолетнего лица происходит в ситуациях, не терпящих отлагательств, то есть при расследовании преступлений по «горячим следам», а обеспечить немедленное присутствие педагога или психолога – не представляется возможным. Данный вопрос, несмотря на неоднократные попытки его разрешения, до сих пор остается открытым.

При производстве допроса несовершеннолетнего лица требуется не только правовое его обеспечение и установление психологического контакта [4, с. 61], но и применение тактических приемов, позволяющих провести его эффективно и результативно. Отсутствие у должностных лиц, уполномоченных на проведение допроса, должного профессионализма, а также психологических навыков и опыта работы с несовершеннолетними, не позволяют провести допрос качественно, а полученные результаты могут оказаться недостоверными. При этом проведение допроса с нарушением процессуальных норм или при применении тактических приемов, не соответствующих положениям уголовно-процессуального законодательства [5, с. 570], а также методов получения необходимой информации, ставящих под угрозу стабильность психологического состояния допрашиваемого лица часто оспаривается в суде стороной защиты.

Так, К. обвинялся в совершении кражи. Адвокат Л. в судебном заседании заявила ходатайство о нарушении процессуальных правил проведения допроса в отношении несовершеннолетнего лица, указав, что протокол допроса К. является недопустимым доказательством, так как был проведен в отсутствие законных представителей лица, а также педагога в соответствии с положениями ст. 425 УПК РФ, поскольку

у обвиняемого имеется доказанный диагноз: «пагубное употребление алкоголя».

При рассмотрении всех обстоятельств дела суд пришел к выводу, что нарушения, допущенные дознавателем при производстве допроса, свидетельствуют о незаконном получении информации от несовершеннолетнего обвиняемого, а, значит, уголовное дело должно быть возвращено прокурору [6].

Кроме этого, на практике, к сожалению, имеют место случаи, когда нарушения правил допроса связаны с тем, что сам допрос несовершеннолетнего во многом осуществляется по правилам производства в отношении совершеннолетних лиц. Это касается даже перечня вопросов, задаваемых допрашиваемому лицу. В связи с этим возникают определенные разногласия, как среди теоретиков, так и практиков по поводу применения тактических приемов допроса, учитывая возрастные характеристики несовершеннолетних допрашиваемых, например, малолетних и подростков, опираясь на их психологическое состояние и адекватную возможность получения наиболее полных и достоверных показаний. К примеру, при допросе малолетнего лица необходимо учитывать не только его психологические особенности развития, но и его отношение к произошедшему преступному событию, а также участию в нем. Немаловажное значение при этом имеет и процессуальный статус допрашиваемого лица.

Так, по одному из уголовных дел, Д. угрожал убийством своей жене и малолетнему сыну В., а также совершил с особой жестокостью убийство жены на глазах у малолетнего сына, чем причинил малолетнему В. психологическую травму. В ходе расследования преступления следователь допросил малолетнего В. в качестве свидетеля и потерпевшего лица. Несмотря на соблюдение процессуального порядка допроса, а также доказательств того, что показания малолетнего лица отличаются правдивостью, суд данные доказательства поставил под сомнение, так как психоэмоциональное состояние В., нарушенное происходящим, не позволяет признать его показания достоверными, поскольку основываются на выраженных эмоциях [6].

Некоторые исследователи, разрабатывая рекомендации по проведению допроса, указывают на возрастные особенности допрашиваемого лица. Так, по мнению Б. Т. Безлепкина, самым сложным является допрос несовершеннолетнего лица, независимо от его процессуального статуса, в возрасте от 12 до 17 лет, поскольку в этом возрасте допрашиваемые лица вполне осознают происходящие события и предоставляют информацию об обстоятельствах дела в наиболее удобном для них свете, т.е. могут как полно и достоверно описать противоправную ситуацию и ее последствия, так и уклоняться от дачи показаний, или же вести себя агрессивно и провоцировать возникновение конфликтных ситуаций [7, с. 120]. Материалы судебно-следственной практики доказывают данное предположение.

Так, при производстве допроса с подозреваемым несовершеннолетним Ф., вместе с ним присутствовал его классный руководитель. Исходя из материалов дела, Ф., из чувства личной неприязни к Х. ударил его головой об стену, несколько раз пнул ногой в живот и после выхватил телефон у потерпевшего и раздавил его ногами. При проведении допроса подозреваемому был задан вопрос о том, с кем он проживает в настоящее время, на что допрашиваемый ответил, что жи-

вет с родителями, однако классный руководитель поправила его, сказав, что Ф. проживает с бабушкой, а родители злоупотребляют алкоголем и длительное время находятся в другой местности. Тогда от услышанного Ф. расвирипел, вскочил со стула и замахнулся на классного руководителя, пытаясь ударить по лицу [8].

В связи с этим, учитывая особенности возрастных характеристик несовершеннолетних допрашиваемых, важно применять такие тактические приемы, которые позволяют получить достоверную и полную информацию о произошедшем преступном событии, не нарушая психоэмоционального состояния таких лиц. В этих условиях важно определять создавшуюся ситуацию на допросе, которая может быть, как конфликтной, так и бесконфликтной. При этом последняя ситуация допроса несовершеннолетнего способствует получению наиболее достоверной и объективной информации о преступном событии. В то же время при создании конфликтной ситуации следователь или дознаватель должен применять такие тактические приемы, которые бы способствовали получению наиболее полных и правдивых показаний особенно от подозреваемого или обвиняемого несовершеннолетнего лица. В основном такими приемами являются:

1) предъявление доказательств. Данный прием наиболее эффективен при допросе именно несовершеннолетних лиц, так как позволяет им оценивать происходящее и не чувствовать полную безнаказанность за содеянное;

2) детализация показаний. Применяется, как правило, в случаях, когда необходимо восстановить картину происходящего даже в конфликтной ситуации. При применении подобного приема нередкими являются и повторные допросы;

3) выжидание. Позволяет подростку пережить происходящее, снизить уровень агрессии, заменить эмоциональные решения на разумные и т.д. [9, с. 258].

Таким образом, для успешного проведения допроса следователю необходимы знания, как правовых предписаний, так и в области психологии. Они позволяют ему анализировать поведение несовершеннолетних допрашиваемых, которые могут скрывать или искажать правду. Следователь должен быть способен определить оптимальную стратегию поведения по отношению к ним. Это позволит установить доверительные отношения, повысит эффективность процесса и способствует получению достоверной информации. Поэтому важность исследования психологических аспектов допроса несомненна с практической и научной точек зрения, и в каждом конкретном случае следователь должен применять индивидуальный подход к определению тактики производства допроса. При этом соблюдение принципа законности и моральных норм является обязательным условием при оказании психологического воздействия.

Пристатейный библиографический список

1. Осипова М. А. Тактические особенности допроса по делам о преступлениях, совершаемых сотрудниками коллекторских агентств в отношении должников и их родственников // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2021. – № 2 (32). – С. 75-88.
2. Шувалова М. А. Педагог и психолог как две независимые процессуальные фигуры уголовного судопроизводства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 3. – С. 118-123.

3. Черемисина Т. В. Актуальные проблемы производства допроса и очной ставки с участием несовершеннолетних // Universum: экономика и юриспруденция. – 2020. – № 6. – С. 20-22.
4. Лебедева Ю. В. Значение, структура и соотношение понятий «психологический контакт» и «установление психологического контакта» в деятельности следователя // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2021. – № 3 (33). С. 60-70.
5. Литвинцева Н. Ю. Законные представители несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства // Известия Байкальского государственного университета. – 2017. – Т. 27. № 4. – С. 568-576.
6. Приговор № 1-19/2021 от 25 июля 2021 г. Центральный районный суд г. Омска (Омская область). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 20.10.2023).
7. Безлепкина Б. Т. Настольная книга следователя и дознавателя. – М.: Проспект, 2021. – 256 с.
8. Приговор № 1-19/2021 от 25 июля 2021 г. Центральный районный суд г. Омска (Омская область). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 20.10.2023).
9. Долженко Н. И. Особенности допроса несовершеннолетних лиц в уголовном судопроизводстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 1. – С. 257-266.

КИСЕЛЁВА Марина Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России

ГОНЧАРОВА Мария Анатольевна

юрисконсульт правового отделения УМВД России по г. Барнаулу

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С БИОЛОГИЧЕСКИМИ СЛЕДАМИ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматриваются основные средства и методы обнаружения, фиксации и изъятия следов биологического происхождения на месте происшествия по половым преступлениям. Акцентируется внимание на особенностях работы со следами крови, спермы, запаховыми следами человека, а также излагаются важные аспекты предварительного исследования данных следов на месте происшествия в ходе следственного осмотра. В статье обозначаются основные проблемы работы со следами биологической природы и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: судебная экспертиза, осмотр места происшествия, следы биологического происхождения, половые преступления, идентификация личности.

KISELEVA Marina Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminology sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

GONCHAROVA Maria Anatolyevna

Legal Adviser of the Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Barnaul

FEATURES OF WORKING WITH BIOLOGICAL TRACES AT THE SCENE OF CRIMES AGAINST SEXUAL INTEGRITY OF THE INDIVIDUAL

The article discusses the main means and methods of detecting, fixing and removing traces of biological origin at the scene of sexual crimes. The attention is focused on the peculiarities of working with traces of blood, semen, human odor traces, and also outlines important aspects of the preliminary investigation of these traces at the scene during the investigative examination. The article identifies the main problems of working with traces of biological nature and suggests ways to solve them.

Keywords: forensic examination, examination of the scene, traces of biological origin, sexual crimes, identification of the person.

При осуществлении практической деятельности сотрудников полиции идентификация личности приобретает особую важность и значимость в связи с внедрением современных молекулярно-генетических технологий и методов исследования ДНК, которые в силу своей высокой специфичности и чувствительности могут эффективно и быстро установить конкретного человека по следам биологического происхождения (эпителиальные клетки, сперма, кровь, слюна и другие выделения человеческого организма). В этой связи стоит обратить внимание на реализуемые правоохранительными органами требования федерального законодательства о расширении перечня лиц, подлежащих государственной геномной регистрации, – это подозреваемые и обвиняемые по уголовным делам и лица, подвергнутые административному аресту¹, а также детальной проработке вопроса о

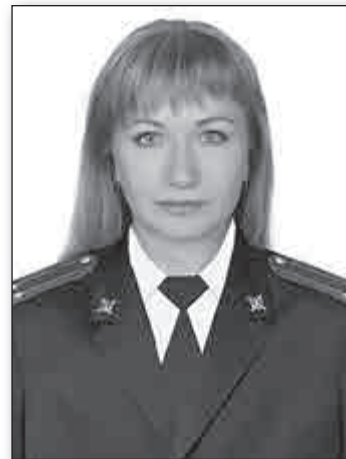
предоставлении государственной услуги по проведению добровольной государственной геномной регистрации². Идентифицированные объекты биологического происхождения представляются ключевыми доказательствами в раскрытии половых преступлений и расследовании уголовных дел вышеуказанной категории.

Работа со следами преступления биологического характера осуществляется при производстве осмотра места происшествия (далее – ОП). В криминалистической литературе рядом исследователей отмечается положение о наиболее слабом звене в работе правоохранительных органов, как поиск, фиксация и изъятие биологических следов преступления [5, с. 62; 3, с. 66]. Однако, указанные следы, как правило, «выводят» из состояния латентности с помощью усиления

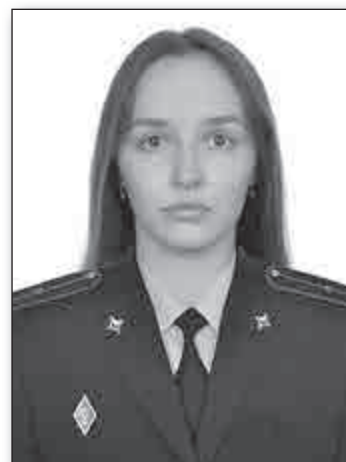
1 Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»

Федерации» от 06.02.2023 № 8-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439120/ (дата обращения: 13.11.2023).

2 Протокол семинар-совещания у начальника ЭКЦ МВД России генерал-лейтенанта полиции В. В. Казьмина от 08.09.2023 №37.

Киселёва М. А.

Гончарова М. А.

цветового контраста между следовоспринимающей поверхностью и слеодообразующим веществом.

Существует три способа обнаружения следов биологического происхождения: визуальный, физический и химический. Визуальный способ целесообразен, когда следы крови (вещества бурого цвета) контрастно выделяются на фоне других предметов обстановки и при этом имеют большие размерные характеристики. Следы слюны или спермы обнаружить гораздо сложнее, поскольку они практически невидимы на мебели, постельном белье, коврах, произрастающей на местности растительности. В таком случае применяется физический способ обнаружения следов – например, с помощью ультрафиолетового фонаря. Применение химического способа обнаружения следов крови заключается в использовании различных реактивов. Так, следы крови можно обнаружить с помощью раствора бензидина и перекиси водорода, а также посредством использования раствора люминола: данным раствором в затемненном помещении обрабатывают предметы, на которых предположительно могут находиться следы крови, при этом в случае наличия крови наблюдается флуоресценция голубого цвета. Реакцию с люминолом удобно использовать при осмотре труднодоступных и затемненных помещений: чердаки или подвалы домов.

Использование тест-полосок «HEMOPHAN» представляет собой наименее времязатратный способ обнаружения следов крови. Применение этих полосок не требует специальных навыков: их можно прикладывать непосредственно на подозрительные пятна и быстро получать предварительный результат о природе объекта, что удобно при наличии малого числа следов [5, с. 63]. Однако важно отметить производство вышеуказанного экспресс-теста осуществляется в Чехии, Франции, Италии, США (группа компаний ERBA GROUP [4]), что при проводимой указанными государствами «санкционной политики» затрудняет поставку данного аналитического оборудования, увеличивает его стоимость в связи с волатильностью курса доллара, а в целом – его использование сотрудниками правоохранительных органов нашего государства.

Поиск следов спермы, как правило, начинают с осмотра предметов при естественном и искусственном освещении. Данные следы рекомендуется искать: на средствах контрацепции; на постельном белье; на обивке мебели или салона автомобиля; на поверхности, расположенной рядом с трупом человека, а также на предметах вещной обстановки, которыми преступник вытирал сперму (полотенце, одежда потерпевшего и прочее).

Так, в июне 2021 года в ночное время суток в помещении дома в с. Корболиха Алтайского края гражданин Б. совершил изнасилование в отношении гражданки Ф. Для производства экспертизы тканей и выделений человека: исследование ДНК человека представлен изъятый в ходе ОМП пододеяльник из вышеуказанного дома. Перед экспертом поставлен следующий вопрос: Имеется ли на представленном постельном белье сперма, если да, то установить ее генетические признаки? Принадлежит ли она обвиняемому Б.?». В результате проведенного исследования, эксперт пришел к выводу о том, что на пододеяльнике, представленном на исследование, обнаружена сперма гражданина Б. [2].

На основании вышеизложенного, можно выделить две проблемы обнаружения следов биологического происхождения при расследовании половых преступлений: объективного и субъективного характера.

Проблема объективного характера: следы биологического происхождения сложно обнаружить, так как они малозаметны или невидимы, с течением времени они способны менять свои характеристики. Следы биологической природы склонны к разрушению с течением времени и под влиянием окружающей среды. Процесс разрушения идет очень быстро, вследствие чего биологический объект становится непригодным для исследования.

Проблема субъективного характера состоит в том, что достаточно часто в протоколах следственных действий описание следов биологического происхождения сводится только к фактическому месту их обнаружения с указанием расстояния до одной точки, фиксации количества следов, отсутствует описание и размерные характеристики следов, а также не отражены способы их обнаружения, либо в протоколе указывается, что следы не обнаружены³.

Однако фиксация обнаруженных следов имеет существенное значение для их дальнейшего исследования и использования в расследовании половых преступлений. Еще в середине XIX века Баршев Я. И., отмечая значимость фиксации обнаруженных следов на месте происшествия, подчеркивал положение о том, что «описание следов в протоколе осмотра должно быть ясным и полным, чтобы каждый, кто читает протокол, мог составить такое представление о следах, будто видел их своими глазами» [1, с. 84].

Одними из основных способов изъятия биологических следов являются соскоб и смыв. Пятна со следами крови с больших предметов (кровать, шкаф) надлежит изымать с частью предмета-носителя; там, где это целесообразно, можно выпилить часть предмета-носителя. Пятна крови с обоев изымают, путем вырезания куска. При изъятии пятен со стен необходимо производить соскоб с минимальной примесью штукатурки. В случае если пятна крови обнаружены на грунте, то такие пятна требуется изымать совместно с грунтом на всю глубину пропитывания крови. Предметы (одежда, постельное белье, пледы и т.п.), на которых могут находиться следы спермы, изымаются в том же порядке, что и следы крови.

К иным следам, которые могут быть выявлены на месте происшествия по половым преступлениям, относят следы слюны. Предметами-носителями слюны на месте происшествия наиболее часто являются сигареты. Кроме этого, следы слюны также могут выявляться и на других объектах – жевательной резинке, носовом платке, зубочистках, маске преступника, на предметах, которые использовались в качестве кляпа. Изымают названные объекты пинцетом и помещают в отдельный пакет. Если сигареты влажные, то их необходимо их высушить при комнатной температуре.

При обнаружении волос на месте происшествия, их следует изымать при помощи пинцета с резиновым или

3 Указание ГУ МВД России по Алтайскому краю от 21.08.2023 № 1/19395 «Анализ результатов работы следственно-оперативных групп территориальных органов внутренних дел края на местах происшествий, качества проведения осмотров за 7 месяцев 2023 года».

пробковым наконечниками. Для изъятия волос можно применять специальную липкую ленту, не наносящую волосам дополнительных повреждений и не оказывающей влияния на их ДНК-анализ – например, пленку для транспортировки микрочастиц. Категорически запрещается использовать липкие пленки типа «скотч», так как с их поверхности отделить волосы для дальнейшего исследования без нанесения определенных повреждений практически невозможно. Также не рекомендуется применять дактилоскопическую пленку, ввиду того, что она имеет клейкий слой значительной толщины и волос «тонет» в нем, что затрудняет дальнейшее извлечение и очистку от клейкого вещества.

Выявленные в ходе осмотра места происшествия следы мочи, влагалищных выделений, подлежат изъятию вместе с предметом-носителем. Предварительным методом установления наличия мочи на месте происшествия является ее исследования с помощью ультрафиолетовых осветителей, которое рекомендуется проводить в совокупности с визуальным осмотром. При ультрафиолетовом облучении пятна мочи флуоресцируют сине-голубым цветом. Значимость использования запаховых следов человека в раскрытии половых преступлений и расследовании уголовных дел данной категории состоит в возможности эффективного решения задач идентификации личности по микроколичествам пота и крови. Объекты с запаховыми следами человека упаковываются только в фольгу или только в бумагу, при этом категорически запрещается использование мешков и пакетов из полимерного материала. Исследование подногтевого содержимого рук потерпевшей и подозреваемого – сложный и трудоемкий процесс, поэтому неправильное изъятие материала может весьма осложнить или сделать невозможным процесс исследования. Изъятие подногтевого содержимого нельзя производить смывом. Изъятие нативного материала производят путем соскоба и обрезания ногтевых пластин.

Подводя итог, необходимо выделить ряд закономерностей, которые оказали бы положительное влияние на ход производства осмотра места происшествия при совершении преступления против половой неприкосновенности личности:

Во-первых, процесс обнаружения, фиксации и изъятия следов биологического происхождения в ходе ОМП будет эффективней при участии специалиста (эксперта-криминалиста либо эксперта-биолога), что позволит не упустить важные доказательства, представленные в виде биологических следов.

Во-вторых, ОМП должен быть полным и тщательным с максимальным расширением границ осмотра, путей подхода и отхода преступника: помимо непосредственного места преступления должна осматриваться прилегающая к нему территория.

В-третьих, при ОМП по половым преступлениям необходимо применять технико-криминалистические средства. Ввиду особых свойств некоторых следов, например, следов спермы, которые сложно выявить визуально, так как они бесцветны, применение специальных приборов необходимо.

В-четвертых, в условиях ограниченного финансирования ДНК-лабораторий ЭКЦ МВД России не стоит забывать о дифференцированном изъятии следов биологического про-

исхождения, которые, действительно, будут способствовать установлению обстоятельств совершенного преступления и выявлению лиц, причастных к совершению половых преступлений.

В-пятых, особое внимание приобретает работа на месте происшествия с запаховыми следами человека, ведь указанная следовая информация редко используется сотрудниками правоохранительных органов при осуществлении предварительного расследования по делам о половых преступлениях при ее высокой надежности и эффективности для установления личности преступника, даже при невозможности выделения ДНК-профиля конкретного лица.

Пристатейный библиографический список

1. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому судопроизводству. СПб., 1841. 324 с.
2. Заключение эксперта № 8040 от 02.07.2021 // Архив отдела биологических экспертиз Экспертно-криминалистического центра Главного Управления МВД России по Алтайскому краю.
3. Кокурин Г. А. О некоторых аспектах раскрытия половых преступлений // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 2. С. 66.
4. Официальный сайт компании «Эрба группы». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.erbalachema.com/ru/about-the-company/about-erba-group/> (дата обращения: 13.11.2023).
5. Хитев А. П. Работа со следами на месте происшествия, обнаружение, фиксация и изъятие // Юридическая наука. 2020. № 12. С. 61-63.

КОКОРЕВ Роман Александрович

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры криминалистики Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Эффективную работу по расследованию преступлений, совершенных с использованием информационных технологий представить крайне сложно без изучения механизма совершения рассматриваемых преступлений. Основное содержание исследования составляет анализ этапов формирования механизма преступлений, совершенных с использованием информационных технологий. По итогам исследования автором сделан вывод, что механизм рассматриваемых преступлений складывается из первоначального, основного и заключительного этапов.

Ключевые слова: преступления, совершенные с использованием информационных технологий, механизм преступлений, этапы формирования механизма преступлений, сокрытие следов преступления, цифровые следы преступления.

KOKOREV Roman Alexandrovich

Ph.D. in Law, Deputy Head of Criminalistics sub-faculty of the Moscow regional branch of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

STAGES OF FORMATION OF THE MECHANISM OF CRIMES COMMITTED USING INFORMATION TECHNOLOGY

It is extremely difficult to imagine effective work on the investigation of crimes committed using information technology without studying the mechanism of commission of the crimes in question. The main content of the study is an analysis of the stages of formation of the mechanism of crimes committed using information technology. Based on the results of the study, the mechanism of the crimes under consideration consists of the initial, main and final stages

Key words: crimes committed using information technology, the mechanism of crimes, the stages of formation of the mechanism of crimes, concealment of traces of crime, digital traces of crime.

Механизм совершения конкретного преступления характеризуется присущей ему индивидуальной совокупностью признаков и спецификой этапов его формирования [1, с. 525]. Разделяя мнение А. М. Кустова и Л. В. Кокоревой, полагаем, что изучение механизма преступления в его развитии, раскрытие содержания и взаимосвязей его этапов и элементов – это одно из основных направлений криминалистического познания преступления в целом [2, с. 85]. Оно позволяет определить пути поиска преступников и следов преступления, определить тактику отдельных следственных действий и формы использования специальных знаний и т.д. Отметим, что преступная деятельность, как и любая другая целенаправленная деятельность, может быть разделена на этапы в зависимости от степени достижения результата. Последовательность действий лица, совершающего преступления с использованием информационных технологий необходимо рассматривать, учитывая обязательную привязку к использованию технических средств и сетевого оборудования.

Проведенный анализ следственной и судебной практики позволил выделить несколько основных этапов формирования механизма преступлений, совершенных с использованием информационных технологий.

Первоначальный этап включает в себя возникновение умысла на совершение преступления, а также осознание возможности (необходимости) использования при этом информационных технологий. Умысел может возникнуть в силу различных обстоятельств и под воздействием разных, по своей сути и содержанию факторов. Например, это может быть реализация потребности незаконного обогащения (корыстный мотив), осуществление коммерческого интереса и др. Данный этап также включает в себя создание условий, необходимых для реализации преступного умысла. В рамках данного этапа осуществляется множество действий (создание необходимого информационного ресурса, поиск объекта совершения преступления, жертвы и др.).

Основной этап – непосредственное совершение преступления, т. е. реализация преступного замысла. В зависимости от конкретного вида преступления содержание данного этапа может быть различным. Определяющее значение в данном случае следует отводить тем средствам, которые используются преступниками для реализации своих противоправных за-

мыслов. В данном случае следует отметить, что в значительной степени распространено использование средств мобильной связи и расчетных (пластиковых) карт. Эти средства в основном используются для совершения хищений – краж и мошенничеств. В особенности это проявляется при совершении преступлений на бесконтактной основе. Так, например, для бесконтактных мошенничеств в плане определения обстановки их совершения важное значение имеют условия, создание и обеспечение которых позволяет реализовывать соответствующие преступные замыслы по хищению собственности, путем обмана или злоупотребления доверием. К таковым условиям следует относить наличие специальных технических средств и специальных технологических возможностей. В первом случае речь идет о технических средствах, которые злоумышленники используют в качестве предметов преступных посягательств. Это мобильные телефоны, смартфоны, средства электронных платежей, компьютеры, планшеты и так далее. Особое значение в данном случае имеют электронные платежные системы. Именно посредством них совершается значительная часть мошеннических действий, схем и операций.

Отдельно следует учитывать использование преступниками различных программных средств. В данном случае следует выделять несколько основополагающих тенденций: использование преступниками различных программных средств, которые позволяют анонимизировать «преступный след» (свою преступную деятельность) и сам факт использования тех или иных технологий; использование специальных программ, предназначенных для шифрования; использование различных сайтов-зеркал; активное использование криптовалюты, а также электронных платежных систем; использование электронной цифровой подписи, в целях совершения мошенничеств.

Итак, на основном этапе формирования механизма преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, злоумышленник совершает определенные действия, направленные на достижение запланированного результата. Так, следуя выбранному способу и последовательности, преступник совершает активные действия с целью незаконного завладения чужим имуществом.

Заключительный этап – сокрытие следов преступной деятельности. Отметим, что меры, направленные на сокрытие

следов, принимаются злоумышленниками уже на первоначальном этапе своей противоправной деятельности. В частности, это может быть использование ВПН-сервисов, а также различных программ «анонимайзеров», которые позволяют пользоваться сетевыми ресурсами с сокрытием данных об IP-адресе, а также иных сведений, позволяющих установить конечного пользователя. На этапе после совершения преступления злоумышленники также предпринимают различные меры. В частности, это может быть стирание переписки, удаление аккаунта, «чистка» истории браузера, смена мобильного телефона и других технических устройств, физическое скрывание (переезд в другой город) и так далее.

Основной задачей при расследовании рассматриваемых преступлений является обнаружение максимально возможного количества следов совершенного деяния, их фиксация и изъятие. В дальнейшем, данные следы должны привести к конкретному лицу, совершившему то или иное преступление, и использованному для этого соответствующие информационные технологии. Работа со следами во многом обеспечивается посредством производства следственных действий. В этой связи важно обеспечивать, во-первых, правильную последовательность и своевременность производства следственных действий (методический аспект), во-вторых, верную тактику их производства (тактический аспект).

Начальной точкой проведения следственных действий по уголовным делам рассматриваемой категории является место происшествия. В большинстве научных источников указывается, что первоначальным следственным действием при расследовании преступлений данной категории выступает осмотр места происшествия [5, с. 135–143]. После работы на месте происшествия необходимо приступить к решению задачи получения дополнительной информации о преступлении из так называемых внешних источников. Необходимость данной задачи обусловлена тем, что интернет-соединение, функционирование социальных сетей обеспечивается отдельно взятыми организациями. Для получения максимальной доказательственной информации необходимо составить ряд запросов. Во-первых, следует направить запросы представителю юридического лица – социальной сети, в рамках функционирования которой совершалось преступление («ВКонтакте», «Телеграм»). Как правило, предмет запрашиваемой информации составляют: адрес личной страницы пользователя; дата создания страницы; номер телефона и электронной почты пользователя; IP-адрес, с которого пользователь осуществлял вход на страницу; история изменений пароля, логина (имени пользователя), номера телефона; историю обращений в службу поддержки; историю блокировок страницы пользователя. Во-вторых, следует запросить разрешение (санкцию) суда для возможности получения сведений, затрагивающих конституционные права граждан (право на личную, семейную тайну) [4, с. 118]. Реализация данного мероприятия осуществляется в случае необходимости доступа следователя к соответствующим данным.

Важнейшим этапом расследования преступлений рассматриваемой категории является назначение и производство судебных экспертиз. Следует отметить многочисленность возможных вариантов и видов судебных экспертиз, которые могут быть проведены при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационных технологий. Чаще всего по таким делам назначается и проводится судебная компьютерно-техническая экспертиза. Так, до недавнего времени выделялись различные виды судебных компьютерно-технических экспертиз (информационная, программная, сетевая и др.). Вместе с тем практика показывает, что на сегодняшний день при расследовании уголовных дел соответствующей категории, чаще всего, проводится именно комплексная экспертиза, в рамках которой уточняются все интересующие вопросы. Поэтому в постановлении на производство судебной экспертизы целесообразно указывать родовое наименование экспертизы, т. е. назначить «судебную компьютерно-техническую экспертизу» [3, с. 278].

Установив необходимость производства судебной компьютерно-технической экспертизы, следователь должен определить ряд аспектов. Прежде всего, это объекты, которые будут представлены эксперту для производства соответствующего экспертного исследования. Зачастую таковыми объектами выступают компьютерное или иное техническое устройство, с которого произошло подключение и выход в глобальную информационно-телекоммуникационную сеть.

Далее, следователю необходимо сформулировать вопросы, которые будут поставлены перед экспертом для их разрешения. Конечные перечни вопросов, как правило, определяются в зависимости от конкретных обстоятельств и типовой следственной ситуации, сложившейся на момент расследования уголовного дела. Вместе с тем, можно утверждать о более или менее общих направлениях, в рамках которых должны быть сформулированы вопросы. Первое направление – это характеристика компьютерного или иного технического устройства (марка, модель, индивидуальный номер, фактическое состояние, техническая исправность и т.д.). Второе направление – это характеристика данных, содержащихся на компьютерном устройстве, как в целом, так и в контексте соотношения с обстоятельствами совершенного преступления (имеются ли какие-либо данные, их тип, форма, содержание, дата формирования, особенности получения, обработки и т.д.). Третье направление – это характеристика доступа компьютерного или иного устройства в сеть Интернет (имело ли место, какой IP-адрес, на какие ресурсы осуществлялся доступ, дата, место и время такого доступа, продолжительность и т.д.).

Дальнейшие следственные действия (в частности, обыск, допрос, при возможности, очная ставка, выемка и др.) проводятся с целью получения доказательственной информации, обнаружения, фиксации и изъятия следов совершенного преступления.

Подводя итог, следует констатировать, что изучение механизма совершения преступления имеет практическое значение, потому что оно позволяет воссоздать процесс совершения конкретного преступления. Механизм совершения преступлений с использованием информационных технологий складывается из нескольких этапов: первоначального (предпосылки зарождения преступной идеи и создание необходимых условий для совершения преступления); основного (реализация преступного замысла); заключительного (сокрытие следов преступления). Основной задачей при организации расследования преступлений, совершенных с использованием информационных технологий видится в обнаружении, фиксации и изъятии, прежде всего, цифровых следов. В дальнейшем, используя криминалистически значимую информацию необходимо обеспечить установление злоумышленника, а также всех обстоятельств совершенного преступного деяния.

Пристатейный библиографический список

1. Кокорев А. В. Этапы формирования механизма карманных краж, совершаемых в общественном и частном транспорте // Ученые-криминалисты и их роль в совершенствовании научных основ уголовного судопроизводства: Матер. вузовской юбилейной научно-практ. конф. (к 85-летию со дня рождения Р. С. Белкина): В 2-х ч. – М.: Академия управления МВД России, 2007. – Ч. 1. – С. 525-531.
2. Кустов А. М., Кокорев А. В. Механизм заказного убийства террористического характера // Проблемы досудебного производства по УПК Российской Федерации: Материалы межведомственной научно-практической конференции 16 мая 2013 г. - Руза: Московский областной филиал Московского университета МВД России, 2013. – С. 78-85.
3. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2018.
4. Россинская Е. Р., Сааков Т. А. Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 3 (15). – С. 118.
5. Сидорова К. С. Направления поисковых действий следователя в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» при расследовании преступлений // Актуальные проблемы расследования преступлений: Материалы Всероссийской научной конференции памяти И. Ф. Герасимова, Екатеринбург, 31 января 2020 года / Под редакцией Д. В. Бактеева. Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2020. – С. 135-143.

РУСАНОВ Никита Юрьевич

старший преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России

ЯЦЕНКО Сергей Васильевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности факультета подготовки криминалистов Санкт-Петербургской академии Следственного комитета

О НЕКОТОРЫХ ЗАДАЧАХ, РЕШАЕМЫХ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОСМОТРА МЕСТА НЕЗАКОННОЙ РУБКИ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

Данная статья посвящена отдельным особенностям подготовки к производству осмотра места происшествия в ходе расследования незаконной рубки лесных насаждений. Рассмотрены основные задачи, решение которых позволит создать наиболее благоприятную следственную ситуацию, при расследовании незаконной рубки лесных насаждений. В качестве задач авторы уделяют внимание охране места незаконной порубки лесных насаждений. Уделено внимание привлечению лиц, обладающих специальными познаниями из различных областей. Предложено использовать возможности использования беспилотного летательного аппарата с навесным оборудованием камерой видеофиксации.

Ключевые слова: незаконная рубка лесных насаждений, осмотр места происшествия, специалист, задачи осмотра.

RUSANOV Nikita Yurjevich

senior lecturer of Criminalistics sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

YATSENKO Sergey Vasiljevich

Ph.D. in Law, associate professor of Forensic expertise and operational investigative activities sub-faculty of the Faculty of Criminology Training of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee

ON SOME TASKS SOLVED DURING AN INSPECTION OF A SITE OF ILLEGAL LOGGING OF FOREST PLANTATIONS

This article is devoted to certain features of preparation for the inspection of the scene of an incident during the investigation of illegal logging of forest plantations. The main tasks are considered, the solution of which will create the most favorable investigative situation when investigating illegal logging of forest plantations. As a task, the authors pay attention to protecting the site of illegal logging of forest plantations. Attention is paid to attracting people with special knowledge from various fields. It is proposed to use the possibilities of using an unmanned aerial vehicle with attached video recording camera equipment.

Keywords: illegal logging of forest plantations, inspection of the scene, specialist, inspection tasks.

Русанов Н. Ю.

Яценко С. В.

В настоящее время в Российской Федерации уделяется существенное внимание сохранению национального достояния в виде природных ресурсов, которые должны передаваться будущим поколениям для возможности их полноценного использования. Одним из таких природных богатств, которыми обладают многонациональные народы Российской Федерации, являются лесные насаждения, служащие основополагающим фактором, формирующим полноценные экосистемы. Расточительное отношение преступных элементов, осуществляющих бесконтрольную рубку «зеленого золота» [9, с. 80], влияет на экологическую ситуацию как местного и/или регионального уровня, так и в масштабах всей планеты.

Преступления, связанные с незаконной рубкой лесных насаждений, относятся к категории экологических преступлений. В ряде субъектов России незаконная рубка лесных насаждений составляет 95 % в общей массе экологических преступлений. Хотя общее количество экологических преступлений по данным ГИАЦ МВД России снизилось с 22676

в 2020 г. до 19070 в 2022 г., ущерб, причиняемый незаконной рубкой лесных насаждений, огромный.

По данным Федерального агентства лесного хозяйства [8], наибольший объем незаконных рубок (м³) отмечается на протяжении последних лет в Красноярском крае и Иркутской области. В период 2020-2022гг. для Красноярского края эти показатели составили 242 000,0, 147 102,7, 103 214,5, а для Иркутской области – соответственно, 415 100,0, 165 099,1 и 82 252,5 м³.

Данная тенденция прослеживается и в 2023 г.

Успех раскрытия и расследования данной категории преступлений зависит от качества проведения неотложных следственных действий, базисным среди которых по праву считается осмотр места происшествия.

Осмотр места происшествия проводится с целью сбора доказательств, изучения обстоятельств происшедшего и получения информации, которая может воссоздать картину произошедшего и в последствии установлении истины.

Необходимо отметить некоторые ключевые задачи, свойственные осмотру места незаконной рубки лесных насаждений, которые должны учитывать сотрудники, осуществляющие производство этого следственного действия (далее следователи) в целях повышения эффективности:

1. Охрана места происшествия. Первоочередная задача – обеспечение сохранности материальных следов места незаконной рубки. С учетом специфики деяния для эффективности выполнения этой вышеуказанной задачи целесообразно установить границы, в пределах которых предположительно могут находиться материальные следы. Для реализации этого необходимо обеспечить охрану, оцепить место осмотра и запретить доступ посторонних лиц.

2. Фиксация первоначальной обстановки для ориентирования и обзора. Должностное лицо, производящее осмотр места незаконной рубки, должно зафиксировать первоначальное состояние места незаконной рубки, выполняя фотовидео фиксацию, и составить несколько план-схем [10, с. 452]. С учетом значительных площадей незаконных порубок и недостаточной эффективности использования традиционных средств фото-, видеосъемки необходимо использовать специалистов, имеющих навыки работы с беспилотными летательными аппаратами с навесным оборудованием – камерой видеозаписи, что позволит не только нагляднее продемонстрировать всю картину преступления, но и – повысить результативность выявления следов преступления (места подъездов, подходов к месту преступления и др.). Беспилотные летательные аппараты (квадрокоптеры) модели Phantom 4 DJI Pro+ уже широко используется в деятельности следственных подразделений Следственного комитета Российской Федерации для осмотра больших площадей.

3. Поиск следов на месте происшествия. Следователи совместно с соответствующими специалистами детально обследуют место происшествия, предпринимают меры, направленные на поиск материальных следов и иных предметов и веществ, имеющих отношение к преступлению. Такие следы можно объединить в условные группы: следы пильных устройств; следы транспортных средств; следы преступников; следы возможных очевидцев и др.

4. Фиксация и сбор доказательств. Выявленные следы, предметы, а также образцы для сравнительного исследования должны быть подробно описаны в протоколе, зафиксированы и собраны с учетом всех необходимых нормативных предписаний, а также тактических особенностей сбора и изъятия следов преступления и образцов для сравнительного исследования. В частности, при осмотре места происшествия по делам о незаконной рубке лесных насаждений зачастую обнаруживаются бензопилы, которыми осуществлялась рубка, срубленный лес, автотранспортные средства, с помощью которых осуществлялись погрузка и вывоз лесных насаждений, а также иные предметы (отчлененные ветки, пни, стружка, опилки, щепа, спилов и фрагменты спилов, образцы грунта и иные предметы и вещества). При этом следует отметить, что обнаруженные пилы, топоры и иные инструменты, используемые для незаконной заготовки леса могут содержать следы, позволяющие установить конкретных лиц, причастных к совершению преступлений.

Весь процесс осмотра места незаконной рубки должен быть тщательно задокументирован, для этого оформляется протокол осмотра места происшествия, наряду с которым составляется фототаблица, схема местности и отдельные схемы мест с максимальной концентрацией следов преступления [6, с. 57].

5. Предварительное установление ущерба. Немаловажной задачей производства осмотра мест незаконной рубки лесных насаждения, является установление причиненного ущерба. С этой целью проводится локализация границ вырубки с привязкой к топографии местности и определяется ее площадь, количество пней срубленных деревьев и фиксируются порубочные остатки измеряются, описывается их состояние [7, с. 114-117], для этих целей следователь должен обеспечить себя необходимым инструментарием.

6. Сбор и подготовка объектов для последующего назначения экспертиз. При производстве осмотра следователь выполняет, в том числе действия по подготовке к назначению экспертиз, осуществляя изъятие образцов для сравнительного исследования, для производства судебных экспертиз, в ходе которых решаются как идентификационные, так и неидентификационные задачи. Несмотря на то, что судебная экспертиза может проводиться до возбуждения уголовного дела, зачастую в ряде случаев непосредственно на месте происшествия могут проводиться предварительные экспертные исследования, направленные на выдвижение версий, касающихся отдельных обстоятельств, подлежащих доказыванию. Более подробные и специализированные исследования для выявления связей, идентификации подозреваемых и подтверждения гипотез проводятся в рамках соответствующих экспертиз.

Рациональное разрешение вышеуказанных задач невозможно без привлечения лиц, обладающих специальными познаниями, так как осмотр места происшествия по данной категории преступлений связан с исследованием срубленных деревьев, а именно: установление породы и возраста срубленного дерева, являлось ли срубленное дерево погибшим, характер спила и объем срубленного леса и др. Для того, чтобы установить факт незаконности рубки лесных насаждений, необходимо установить, рубился ли лес за пределами деляны, или же в ее границах. Следователь, следует признать, не обладает соответствующими знаниями [3, с. 332-342.]. В связи с этим, следователю, при проведении осмотра места происшествия по делам о незаконной рубке лесных насаждений целесообразно привлекать специалистов в области лесной охраны. Для обеспечения участия таких специалистов следователю необходимо на этапе подготовки к следственному действию позаботиться о привлечении указанного специалиста. Такие специалисты привлекаются из лесничеств, за которыми закреплен участок лесных насаждений, где обнаружена незаконная порубка. Должностные лица данных организаций уполномочены на отведение делян для рубки леса, обладают специальными знаниями в области лесного хозяйства, охраны леса, владеют соответствующей терминологией, а также знакомы с территорией, на которой осуществляется рубка. Данное лицо обладает сведениями о том, каким было первоначальное состояние участка местности, на котором была совершена незаконная рубка лесных насаждений, может оказать содействие при определении размера причиненного ущерба, что, в свою очередь, позволит осуществить верную квалификацию преступления, что немаловажно. Такие специалисты в области охраны леса способны помочь следователю в установлении события преступления. Они определяют, на какой территории осуществлялась рубка (в границах ли деляны велась рубка, не является ли данная территория водоохранной, особо охраняемой или иной охраняемой территорией), какой породы деревья были спилены (береза, сосна, лиственница, кедр и т.д.), устанавливают диаметр пней, клеймят незаконно срубленные деревья.

Существенно повысить эффективность проведения рассматриваемого следственного действия может привлечение специалиста в области дендрологии (специалист в области древесных растений). В некоторых случаях при изъятии срубленных деревьев и наличии на месте преступления пней, которые остались после рубки деревьев, специалист может определить возраст спиленных деревьев [1, с. 3-6].

Осмотр места происшествия играет важную роль в расследовании преступлений. От качества проведения этого следственного действия во многом зависит успех раскрытия и последующего расследования таких преступлений. Неотложность рассматриваемого следственного действия имеет существенное значение для поиска преступника(ов) по «горячим следам» [4, с. 159].

Основной целью указанного следственного действия будут являться – получение объективных данных о совершенной незаконной рубке лесных насаждений, в результате исследования обстановки совершенного преступления, анализа следов преступления, оставленных в окружающей обстановке [2, с. 1008]. Полученные объективные данные направлены на формирование благоприятной следственной ситуации и позволят составить оптимальный первоначальный план расследования, подготовить базу для проведения дальнейших следственных и процессуальных действий.

Таким образом, сотрудникам полиции и иных правоохранительных органов при подготовке к производству осмотра места незаконной рубки лесных насаждений целесообразно исходя из специфичности рассматриваемого преступления, четко для себя уяснить приоритетные задачи, выполнение которых позволит максимально эффективно организовать его проведение, опираясь на помощь соответствующих специалистов.

Пристатейный библиографический список

1. Александров А. Н., Рудов Д. Н. Организация работы следователя (дознателя) на месте происшествия по уголовным делам о незаконной рубке лесных насаждений // Российский следователь. - 2018. - № 10. - С. 3-6. – EDN XUMVCP.
2. Барков В. В., Шпак Н. М. Криминалистическая характеристика незаконной рубки лесных насаждений. В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам 75-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2019 год. Отв. за выпуск А. Г. Коцаев. - 2020. - С. 1007.
3. Бордонис Т. Г., Рудич Д. С. Исследование коры деревьев в экспертной практике // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 6. - Киев: Киевский НИИ-СЭ, 1969. - С. 332-342.
4. Васильева М. А., Лавров В. П. Проблемы в деятельности органов внутренних дел в вопросах расследования незаконной рубки лесных насаждений. В сборнике: Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией И. Г. Чистобородова, А. Л. Ситковского, В. О. Лапина. - 2020. - С. 159.
5. Максимов Н. В. Особенности осмотра места происшествия при расследовании незаконной рубки лесных насаждений. В сборнике: Глобальная экологическая безопасность: актуальные проблемы права и практики. Сборник трудов Международной научно-практической конференции. Под редакцией М. М. Мухлыниной, А. И. Никифорова, С. В. Арамилева, М. В. Салтыковой, Л. Р. Шарифуллиной. - 2018. - С. 186.
6. Мерецкий Н. Е., Пудовиков А. С., Жердев П. А. Некоторые проблемы первоначального этапа расследования незаконной рубки лесных насаждений. В сборнике: Белгородские криминалистические чтения. сборник научных трудов. Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина. - 2018. - С. 57.
7. Мунгалов Е. А. Использование технических средств в ходе осмотра места происшествия по фактам незаконной рубки лесных насаждений // Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2023. - Т. 14. № 1 (51). - С. 112-117. – DOI 10.37973/KUI.2023.12.61.014. – EDN IRVEZM.
8. Официальный сайт Федерального агентства лесного хозяйства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosleshoz.gov.ru/rates/illegal_felling.
9. Скрипченко Н. Ю. Актуальные вопросы обеспечения сохранности и реализации незаконно срубленной древесины - вещественного доказательства при производстве по уголовному делу // Вестник Томского государственного университета. Право. - 2021. - № 40. - С. 80-89. - DOI 10.17223/22253513/40/7. – EDN PJZKOH.
10. Унжакова С. В. Особенности производства осмотра места происшествия при расследовании незаконной рубки лесных насаждений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. - 2016. - № 3-2. - С. 449-455. – EDN WYNARD.

САФОНОВ Денис Андреевич

кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России г. Симферополь

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХУЛИГАНСТВА, СОВЕРШЕННОГО ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДДАНАМИ И ЛИЦАМИ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА С ПРИМЕНЕНИЕМ ОРУЖИЯ ИЛИ ПРЕДМЕТОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В КАЧЕСТВЕ ОРУЖИЯ

Статья посвящена отдельным проблемным вопросам криминалистической характеристики преступлений, связанных хулиганством, совершенным иностранными гражданами и лицами без гражданства, а также значения криминалистической характеристики для разработки криминалистических рекомендаций для совершенствования расследования данного вида преступлений. В статье рассматривается структура криминалистической характеристики преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ, проводится анализ ее элементов и закономерные связи между ними. Используется актуальная статистика преступности и материалы судебно-следственной практики. Определяются основные направления исследований по данному виду преступлений.

Ключевые слова: методика расследования преступлений, нарушение общественного порядка, лица без гражданства, иностранные граждане, криминалистическая характеристика, мигрант.

SAFONOV Denis Andreevich

Ph.D. in Law, Head of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol

ACTUAL QUESTIONS OF CRIMINALISTIC CHARACTERIZATION OF HOOLIGANISM COMMITTED BY FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS WITH THE USE OF WEAPONS OR OBJECTS USED AS WEAPONS

The article is devoted to certain problematic issues of criminalistic characterization of crimes related to hooliganism committed by foreign citizens and stateless persons, as well as the importance of criminalistic characterization for the development of criminalistic recommendations to improve the investigation of this type of crime. The article examines the structure of the criminalistic characteristics of the crime under Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation, analyzes its elements and the connections between them. Issue crime statistics and materials of judicial and investigative practice. The main directions of research on this type of crimes are determined.

Keywords: methodology of crime investigation, violation of public order, stateless persons, foreign citizens, criminalistic characterization, migrant.

В настоящее время вопросы роста преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, все чаще вносятся в повестку заседаний коллегий правоохранительных ведомств и правозащитных общественных организаций в Российской Федерации. В Министерстве внутренних дел России в последние годы все чаще делается акцент на динамике повышения уровня преступности среди мигрантов из Средней Азии и Закавказья. В. А. Колокольцев в своих выступлениях неоднократно подчеркивал необходимость ужесточения контроля за приобретением гражданства Российской Федерации вновь прибывших граждан. Кроме того, как отмечает руководитель данного ведомства, имеют место случаи уклонения и фальсификации процедуры прохождения государственной дактилоскопической регистрации и фотографирования иностранных граждан и лиц без гражданства, что в свою очередь негативно отображается на эффективности раскрытия и расследования преступлений, совершенных данными категориями лицам [1]. Согласно статистике МВД России, за девять месяцев текущего года иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 31,2 тыс. преступлений, что на 0,9 % больше, чем за январь - сентябрь 2022 года, в

том числе гражданами государств-участников СНГ – 25,8 тыс. преступлений (+1,4 %), их удельный вес составил 82,5 %¹.

Каждое седьмое преступление совершено с применением оружия или предметов, конструктивно с ним схожих, а также предметами, используемыми в качестве оружия. Это свидетельствует о нарастающей общественной опасности, которая требует современных и адекватных решений по предупреждению и пресечению фактов владения оружием иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе установления источников, связанных с его оборотом.

А. И. Бастрыкин делает акцент на профилактической функции правоохранительных органов, что предусматривает в рамках расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных мигрантами, выявления и установления всех причин и условий, способствовавших совершению таких преступлений, а также постановки вопросов о привлечении к ответственности тех чиновников, которые своими

1 Статистические сведения сформированные МВД России в соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 03.07.2023 № 429, без учета сведений о преступлениях, совершенных на территориях Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей.

противоправными действиями или бездействием способствовали совершению этих преступлений [2, с. 24].

В данной статье будет проведен анализ и обобщения современной судебно-следственной практики по категории преступлений, предусмотренных ст. 213 УК РФ субъектами которых являются иностранные граждане и лица без гражданства, и сформулированы основные корреляционные связи между элементами механизма его совершения, выделены криминалистически значимые признаки, позволяющие корректировать ход расследования исходя их выведения следственных, оперативно-розыскных и экспертно-криминалистических версий.

Отметим, что криминалистические рекомендации по методике расследования отдельных видов преступлений базируются на корреляционных связях между элементами криминалистической характеристики, закономерности которой обосновано выделяются в числе повторяющихся фактов, связанных с условиями обстановкой образования следовой картины, способами действий (бездействий) злоумышленников, а также социально-демографическими и морально-психологическими качествами злоумышленников и потерпевших. Каждый структурный элемент криминалистической характеристики, указанного вида преступления не только определяет перспективы организационно-планировочных мероприятий по установлению всех обстоятельств события, но также позволяет выявить новые источники получения доказательственной информации на основании криминалистического анализа закономерностей диалектического подхода к преступлению как отображению материальных последствий в объективной реальности.

Не углубляясь в вопросы сущности и значения категории криминалистической характеристики, архитектоники ее содержания, а также проблематики ее использования в процессе формирования методических рекомендаций, выделим в ее основе основными элементами: а) личность преступника; б) типичные способы совершения преступления и соответственные им группы материальных и идеальных (психофизиологических) следов; в) типичную обстановку в которых совершаются хулиганские действия; г) личность потерпевших.

Рассматривая личность преступника по преступлениям, предусмотренным ст. 213 УК РФ следует обратить внимание на категорию иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации. Как правило, исходя из анализ судебно-следственной практики, такие преступления совершают «мигранты», находящиеся на долгосрочной и постоянной основе. К первой категории относятся трудящиеся мигранты, студенты, иждивенцы и т.д., ко второй-лица, которые совершили перемещение через границы или внутри государства для постоянного проживания на территории Российской Федерации, нелегальные мигранты и мигранты находящиеся в статусе подавших заявление на приобретения гражданства РФ. Доля совершения ими противоправных действий среди иных категорий «мигрантов» (туристов паломников, представителей дипломатических организаций) составляет 89 %. При этом по статистике нелегальные мигранты совершают каждое 5 преступление из хулиганских мотивов. Из изученных уголовных дел можно выделить, тот факт, что 75 %

хулиганских действий совершены выходцами их Узбекистана, Таджикистана, Киргизий, Казахстана находящихся на территории Российской Федерации более одного года. Как правило такие лица имеют среднее и среднее специальное образование (87 %), без образования-12 %, высшее образование-1 %, не состоящие в браке (95 %), не имеющего основного места работы, жительства и регистрации на территории РФ, ранее не судимые.

Из данной категории иностранных граждан и лиц без гражданства в абсолютном большинстве случаев преступления совершались в состоянии алкогольного опьянения, реже в состоянии наркотического опьянения. Отдельно стоит сказать о том, что как преступления, совершаемые данной категорией лиц, носили групповой характер. Группы формировались по национальному признаку и составляли в среднем от 3 до 10 лиц. Это как правило являлось закономерностью при совершении преступлений, так как азиатская внешность данных лиц была не свойственна для восприятия потерпевшими славянской внешности, что затрудняло идентификацию подстрекателей и исполнителей.

Среди основных мотивов совершения преступления можно выделить внезапно возникшие неприязненные отношения, ревность, противопоставление своих интересов интересам общества, ненависть или вражда к определенной социальной группе.

Хулиганские действия, совершаемые из мотивов внезапно возникших неприязненных отношений, имели место в общественных местах таких как кафе-бары, остановки общественного транспорта, рынки, магазины, на автодорогах.

Среди малозначительных поводов, используемых злоумышленниками лицами для совершения хулиганских действий, выделяются социально-бытовые, политические, религиозные и этнические причины. Как пример таких фактов хулиганских действий с применение оружия приведем факт совершения хулиганских действий, имевших место в Подмосковье, когда лицо М. находясь в статусе иностранного гражданина, которое подало заявление на приобретение гражданства РФ, находилось в алкогольном опьянении в помещении одного из кафе города N в ночное время. Данное лицо вступило в словесный конфликт с одним из посетителей данного заведения П. Словесная перепалка переросла в активный конфликт, в ходе которого М. используя свой пистолет, который он приобрел работая в охранной фирме «Fantom» калибром 9 мм., технические характеристики которого подходят под критерии гражданского огнестрельного травматического оружия ограниченного поражения начал угрожать физической расправой П. Последний начал принимать меры к сглаживанию конфликта, но М. начал в тот же момент наносить удары П. в область головы и туловища, после чего действуя с особым цинизмом и пренебрегая нормами общественной морали стал производить выстрелы из данного пистолеты в район туловища П. М. произвел в П. более двух выстрелов при этом одна из пуль внедрилась в спину в зону правой лопатки, причинив ему в соответствии с заключением судебно-медицинской экспертизы телесные повреждения [3].

Примером мотива противопоставления своих интересов являются действия А., Данное лицо, проживая в

городе N находясь в состоянии алкогольного опьянения в марте 2020 года, будучи гостем на одной из свадеб он воспользовался травматическим оружием, принадлежащим своему знакомому, и произвел выстрелы из него в сторону многоэтажного дома в верх. Данные выстрелы он произвел несмотря на наличие посторонних граждан, находящихся у дома, тем самым продемонстрировал противопоставления своих интересов интересам общественной безопасности. После этого А. пересел в машину и находясь в машине в момент, когда последняя проезжала мимо указанного дома, осуществил еще несколько выстрелов из открытого окна автомобиля в сторону указанного дома вверх. Пистолет, из которого он осуществлял выстрелы, являлся травматическим огнестрельным оружием ограниченного действия «Grand Power» с номерным «18014264». Данные действия были им совершены в общественном месте при значительном скоплении людей, при этом могли пострадать граждане, находящиеся как у дома та и самом здании [4].

К типичным способам совершения хулиганства является усеченная модель, предусматривающая только выполнение активных действий, без признаков подготовки и сокрытия преступного факта. Во всех случаях провокационную деятельность осуществлял злоумышленник исходя из обстановки и сознавая преимущество, а именно факт наличия при себе оружия. Последовательность активных действий включала в себя следующие стадии, а именно: а) озвучивания потерпевшему повода-претензии; б) вступление в непосредственный физический контакт; в) демонстрация оружия; г) использование оружия.

Как правило оружие, которое использовал злоумышленник в абсолютном большинстве ситуаций, относилось к виду гражданского огнестрельного травматического оружия. Из допроса подозреваемых по уголовным делам данной категории, данное оружие с их слов они официально оформляли через разрешительные органы Росгвардии по лицензии, что прямо указано в Федеральном законе от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии». Иностранцы граждане могут приобретать на территории Российской Федерации гражданское оружие по лицензиям, выданным федеральным органом исполнительной власти [5]. В иных случаях приобретали на интернет-площадках, брали в пользование у своих знакомых и т.д.

К типичным следам преступлений относятся материальные следы в виде следов человека (следы рук, обуви, биологические выделения), следы транспортных средств (следы протектора колес), следы использования огнестрельного оружия, в том числе огнестрельные повреждения (гильзы, части травматических снарядов, огнестрельные повреждения тела потерпевшего, следы выстрелов на преградах), оружие и предметы схожие с ним.

К идеальным (психофизиологическим) следам как правило следует отнести показания свидетелей, очевидцев, потерпевших и т.д. Которые могли использоваться при осуществлении первоначальных следственных действий таких как осмотр места происшествия, допрос, предъявление для опознания и других.

Под типичной обстановкой, в которой совершаются хулиганские действия, можно понимать участки местности, расположенные в общественных местах, помещения,

салоны общественного и подвижного транспорта и т.д. В основном хулиганские действия совершаются в крупных городах, лица совершавшие хулиганские действия проживали вблизи мест преступления. Действовали как правило в ночное время с 18 до 21 часа и с 02 до 08 часов. Большое количество совершенных преступлений приходилось на весенне-летний и летне-осенний период.

Таким образом криминалистическая характеристика преступлений, связанных с совершением хулиганства иностранными гражданами и лицами без гражданства с применением оружия или предметами, используемых в качестве оружия является криминалистически важной информационной моделью, которая содержит в себе корреляционные сведения позволяющие организовывать, планировать и проводить весь комплекс неотложных и первоначальных следственных действий в условиях недостатка ориентирующих данных.

Пристатейный библиографический список

1. Глава МВД Колокольников: угрожающих безопасности мигрантов необходимо выдворять. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6321830>.
2. Бастрыкин А. И. Противодействие преступности мигрантов - один из основных факторов укрепления безопасности России / А. И. Бастрыкин // Право и безопасность. - 2009. - № 2. - С. 24.
3. Приговор Лыткаринского городской суд Московской области от 26 ноября 2020 г. по делу № 1-16/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Приговор Нижневартовский городской суд Ханты-Мансийского автономного округа-Югра от 18 ноября 2021 г. по делу № 1-181/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «Об оружии». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/10128024/?ysclid=lp5v93r5aw637821831>.

ЧЕРНИГОВСКИЙ Владимир Николаевич

кандидат педагогических наук, доцент кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКОГО МЕТОДА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИАНОАКРИЛАТОВОЙ КАМЕРЫ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ СЛЕДОВ РУК

В данной статье рассматриваются вопросы организации и проведения физико-химического метода, который применяется в дактилоскопии для выявления невидимых и слабовидимых следов рук на различных поверхностях. При использовании данного метода имеется ряд вопросов, требующих уточнения, правила работы и особенности, которые могут возникнуть при исследовании различных объектов, поступающих в экспертно-криминалистические подразделения МВД России.

Возникающие трудности в применении данного метода экспертами-криминалистами могут затруднить, а в некоторых случаях и привести к потере важной информации, такой как следы рук. Следы рук являются ценным объектом исследования, так как с их помощью можно не только в кратчайшие сроки раскрыть преступление, но и установить конкретного человека, совершившего данное преступление. Современные цианоакрилатовые камеры, различные вещества, применяемые для выявления следов рук, различные поверхности со своими свойствами, методика проведения исследования, отсутствие информации, все это требует систематизации, обобщения и уточнения.

Ключевые слова: цианоакрилатные эфиры, цианоакрилатовая камера, физико-химический метод, дактилоскопия, следы рук, дактилоскопическое исследование.

CHERNIGOVSKIY Vladimir Nikolaevich

Ph.D. in pedagogical science, associate professor of Traceology and ballistics sub-faculty of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

THE POSSIBILITIES OF USING A PHYSICO-CHEMICAL METHOD USING A CYANOACRYLATE CHAMBER TO DETECT HANDPRINTS

This article discusses the organization and implementation of the physico-chemical method, which is used in fingerprinting to identify invisible and barely visible handprints on various surfaces. When using this method, there are a number of issues that require clarification, rules of operation and features that may arise during the study of various objects entering the forensic units of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Emerging difficulties in the application of this method by forensic experts can make it difficult, and in some cases lead to the loss of important information, such as handprints. Handprints are a valuable object of research, since with their help it is possible not only to solve a crime in the shortest possible time, but also to identify a specific person who committed this crime. Modern cyanoacrylate chambers, various substances used to detect handprints, various surfaces with their properties, research methods, lack of information, all this requires systematization, generalization and clarification.

Keywords: cyanoacrylate esters, cyanoacrylate chamber, physico-chemical method, fingerprinting, handprints, fingerprint examination.

В дактилоскопии существуют различные методы выявления, фиксации и изъятия следов рук, к таким методам относят: визуальный, физический, химический, физико-химический и биологический [1]. При выборе метода для выявления следов рук, эксперту необходимо учитывать следующее:

- на какой следовоспринимающей поверхности расположен след (металл, бумага, полиэтилен, картон, пористая поверхность, глянцевая поверхность и т.д.);
- давность следа;
- атмосферные и погодные условия, в котором находился след (Солнце, дождь, снег, обледенение и т.д.);
- на открытой местности или в помещении.

Все эти факторы определяют выбор методов выявления невидимых и слабовидимых следов рук.

Окуривание следов рук парами цианоакрилата относится к физико-химическому методу. Этот метод основан на том, что потожировое вещество следа вступает в реакцию при комплексном взаимодействии реагентов с использованием физических свойств и различных химических реакций, которые взаимодействуют на органические и не органические компоненты потожирового вещества, в том числе на аминокислоты и воду.

Для того чтобы процесс окуривания парами цианоакрилата был значительно быстрее, эксперт мог его контролировать, изменять и улучшать, были придуманы цианоакрилатовые камеры. Экспериментальным путем доказано, что

воздействие паров цианоакрилата на потожировое вещество значительно повышается и эффективно, когда объект со следами рук находится в замкнутом пространстве (камере), а не при открытом окуривании.

Данный метод имеет ряд преимуществ:

- выявление следов рук на различных и практически всех следовоспринимающих поверхностях (металл, различные сплавы, огнестрельное оружие, стреляные гильзы, холодное оружие, полиэтилен, кожзаменитель, ткань, многоцветные поверхности и т.п.);
- неоднократная обработка следов рук дактилоскопическими порошками для улучшения контрастности и последующей фиксации и изъятия;
- следы рук, выявленные данным способом, при грамотном использовании экспертом-криминалистом могут быть использованы при поро-эджеоскопическом исследовании;
- длительная сохранность следов, защита от механических повреждений, которые могут возникнуть при исследовании объектов;
- выявление следов рук значительной давности (до нескольких месяцев);
- процесс выявления следов рук не требует контроля;
- следы рук можно выявлять как на месте происшествия, так и в лабораторных условиях (рис. 1).

Также при применении цианоакрилатовых камер имеются незначительные недостатки, которые как мы считаем,

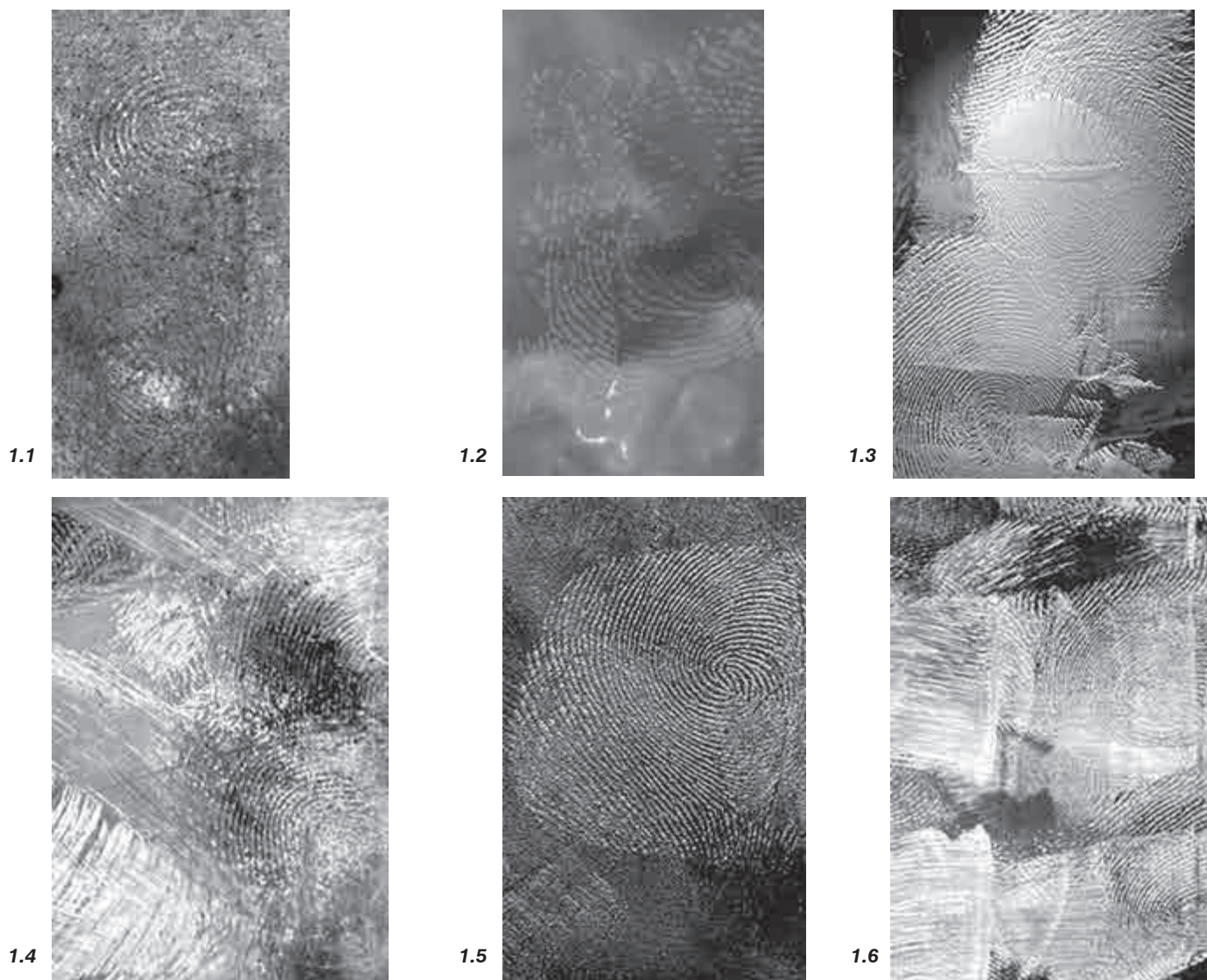

Рис. 1. Выявленные следы рук при помощи цианоакрилатовой камеры на различных поверхностях:
 1.1 – гляцевая бумага; 1.2 – внутренняя поверхность латексной перчатки; 1.3 – полимерная прозрачная упаковка;
 1.4 – пластиковая поверхность; 1.5 – пластиковая шероховатая поверхность; 1.6 – полиэтилен.

не могут перечеркнуть все преимущества данного метода, таки как:

- так как цианакрилаты могут воздействовать на слизистую органов дыхания, могут присутствовать раздражения кожи и глаз, необходимо учитывать все эти особенности и обеспечить эксперту защиту слизистой оболочки и глаз;
- не всегда получается быстро, удалить цианакрилат с внутренней поверхности камеры и с объектов-носителей;
- следовоспринимающие объекты со следами рук должны быть помещены в замкнутое пространство, которое необходимо концентрации паров цианакрилата и последующим выявлением следов рук.

Существуют различные цианакрилатовые камеры, которые могут быть использованы в зависимости от задач, размерных характеристик следовоспринимающих объектов, выявление следов рук в различных ситуациях и находится на вооружении экспертно-криминалистических подразделений [2].

Лабораторные

Это стационарные цианакрилатовые камеры (рис. 2), в основном имеют большой размер, располагаются в экспертно-криминалистических подразделениях, преимущества в том, что возможно выявлять следы рук с габаритных объектов (огнестрельное оружие, охотничьи ружья, различное длинноствольное стрелковое оружие).

1. Портативные.

Удобство заключается в том, что этой камерой можно работать на месте происшествия. Это сокращает

время для раскрытия преступления, быстрее выявляются следы рук и проверяются по автоматизированным дактилоскопическим системам (рис.3).

2. Самодельные.

Бывает и такое, что в экспертно-криминалистических подразделениях может отсутствовать цианакрилатовая камера, удаленность места осмотра места происшествия (труднодоступные районы севера, большая удаленность от криминалистического отдела), то в этом случае возможно изготовление в данных условиях самодельной цианакрилатовой камеры. Для этого понадобится любая доступная емкость, соответствующая объекту исследования (пластиковая емкость, стеклянная банка и т.д.), «супер клей», который содержит цианакрилатовый состав (рис. 4). Для этого в емкость, приготовленную экспертом, помещают объект со следами рук, 2 – 5 капель супер клея на дно емкости и по мере возможности для быстрого выявления следов рук поместить емкость в теплую среду.

Для наилучшего достижения результата исследования объектов со следами рук, необходимо уметь пользоваться и грамотно применять все те особенности при использовании цианоакрилатовых камер, а именно:

1. Необходимо достигнуть закрытого пространства, для того чтобы сконцентрировать пары цианоакрилата.

2. Для скорейшего получения результата выявления следов рук, быстрой работы паров цианоакрилата, необходимо его подогреть. В этом случае результат может быть уже в

Рис. 2. Цианакрилатовая камера СА-6000.

Рис. 3. Портативна окуривающая камера замкнутого типа.

Рис. 4. Следы рук, выявленные при помощи самодельно изготовленной окуривающей камеры.

течение 10 – 20 минут. Цианоакрилат имеет свойство интенсивно испаряться, поэтому необходимо следить за этим процессом, в противном случае следы будут чересчур окрашиваться, что приведет к потере изображения, неравномерному выявлению и потере следов на объекте.

3. Недопустимо перегревать цианоакрилат (выше 700), допускать его кипение. При работе с цианоакрилатными камерами эксперту нужна квалификация и навыки.

4. При оптимально достигнутой окраске следовоспринимающей поверхности со следами рук, необходимо незамедлительно вынести объект за пределы цианоакрилатной камеры, для того чтобы остановить дальнейший процесс окрашивания.

5. Так как пары цианоакрилата окрашивают потожировое вещество следа в белый цвет, то для усиления контраста следов рук, возможно обработать следы рук дактилоскопическими порошками. Рекомендуется использовать для контрастирования магнитные порошки, а также возможно убрать избыток цианоакрилата дактилоскопической кисточкой, это возможно сделать в течение 8 – 10 часов спустя обработки.

6. Для увеличения контраста выявленных следов, в зависимости от фона, рекомендуется использовать специальными красителями, также возможно использование готовый раствор цианоакрилата с добавлением флуоресцирующих компонентов, которые облегчают в дальнейшем работу со следами.

Рассмотренные в статье особенности выявления следов рук при помощи цианоакрилатовых камер, указанные пре-

имущества в выборе физико-химического метода на примерах различных поверхностях со следами рук, методика работы с цианоакрилатовыми камерами, все это позволит в дальнейшем сотрудникам экспертно-криминалистических подразделений МВД России успешно выявлять следы рук на различных поверхностях, которые будут способствовать успешному раскрытию преступлений, достоверной информации о лице, причастном к конкретному преступлению.

Пристатейный библиографический список

1. Типовые экспертные методики и исследования вещественных доказательств. 8. Ч. 1 / под ред. Ю. М. Дильдина; общ ред. В. В. Мартынова. – М.: ЭКЦ МВД РФ, 2010.
2. Современные методы и средства выявления, изучения и исследования следов рук: учеб. пособие / Л. А. Черницын [и др.]. – М.: ЭКЦ МВД РФ, 2010. – 176 с.: 4 табл., 46 ил. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из ЭК библиотеки ВА МВД России.

ЮСУПКАДИЕВА Садикат Нурмагомедгаджиевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

АБДУРАХМАНОВА Эльмира Гасановна

кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

К ВОПРОСУ О СВОЙСТВАХ И ПРИЗНАКАХ ПАПИЛЛЯРНЫХ УЗОРОВ

В статье авторы раскрывают общие и частные признаки папиллярных узоров, уделяя внимание признакам рельефа кожи, особенностям строения узоров на ногтевых фалангах пальцев и рисункам их центральных зон. Дают подробную характеристику рисунку центральной зоны ногтевой фаланги в зависимости от количества потоков, где узоры делятся на простые, двойные и составные, а в зависимости от направления и формы потоков линий – на три группы: дуговые, петлевые и завитковые.

Ключевые слова: свойства папиллярных узоров, признаки папиллярных узоров, ногтевые фаланги пальцев рук, виды и типы папиллярных узоров, флексорные (сгибательные) и белые линии, частные признаки папиллярных узоров.

YUSUPKADIEVA Sadikat Nurmagomedgadzhiyeva

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

ABDURAKHMANOVA Elmira Gasanovna

Ph.D. in biological sciences, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

ON THE QUESTION OF THE PROPERTIES AND SIGNS OF PAPILLARY PATTERNS

In the article, the authors reveal general and specific signs of papillary patterns, paying attention to the signs of skin relief, structural features of patterns on the nail phalanges of the fingers and patterns of their central zones. They give a detailed description of the pattern of the central zone of the nail phalanx depending on the number of flows, where the patterns are divided into simple, double and composite, and depending on the direction and shape of the line flows – into three groups: arc, loop and whorl.

Keywords: properties of papillary patterns, signs of papillary patterns, nail phalanges of the fingers, types and types of papillary patterns, flexor (flexion) and white lines, particular signs of papillary patterns.

Идентификация человека по следам рук возможна, потому что папиллярные узоры обладают свойствами индивидуальности (непохожести), относительной устойчивости, отображаемости за счет потожировых выделений и восстанавливаемости папиллярного узора, что означает способность кожи к регенерации при повреждениях и восстановлению того же папиллярного узора, что и был. Наряду с хорошо выраженной индивидуальностью узоры обладают и такими ценным свойством, как сравнительно неизменяемостью.

Как правило, в следах отображаются наибольшие участки пальцев и ладоней рук. Сравнительно редко встречаются отпечатки нескольких пальцев, а еще реже – отпечатки пальцев и ладони руки.

Указанные признаки рук могут быть использованы в целях идентификации в тех редких случаях, когда остаются отпечатки всей кисти или хотя бы нескольких пальцев во всю их длину. Основное же идентификационное значение имеют признаки рельефа кожи.

Признаки рельефа кожи. Важнейшими особенностями рельефа кожи, используемыми в качестве идентификационных признаков, являются папиллярные линии. Флексорные складки, тонкие и белые линии считаются вспомогательными и приобретают самостоятельное значение лишь в случаях, когда папиллярные линии в следе не отобразились.

Общая длина папиллярных линий рук человека достигает 5 тыс. см. Каждый сантиметр линии располагает рядом особенностей, используемых в целях идентификации. Всего на коже рук имеется свыше 10 тыс. деталей узоров – вид, начал и обрывков линий, глазков и других, а также свыше 100 тыс. пор, выпуклостей, волнуностей, тонких линий. Обилие деталей и густая сеть различающихся по форме линий индивидуализируют даже небольшие участки узоров.

Узоры ладонных поверхностей кистей рук и подошвенных поверхностей ног можно легко отличать от папиллярных узоров с других участков тела человека. Первые состоят из папиллярных линий, четко отграниченных бороздками. Последние же представляют собой беспорядочные сочетания четырехугольных, треугольных и ромбических полей, разделенных неглубокими и нечеткими бороздками.

Классификация узоров по общему строению представляет собой классификацию и их общих идентификационных признаков. Вместе с тем признаки общего строения позволяют отличить узоры с разных участков рук, определить (локализовать) участок, отобразившийся в следе [1, с. 77].

Общие закономерности строения папиллярных узоров рук.

Особенности строения узоров на ногтевых фалангах пальцев. В узорах ногтевых фаланг пальцев могут быть выделены пять структурных зон: центральная, левая латеральная, правая латеральная, дистальная и базисная. Последние четыре из названных зон в криминалистической литературе принято объединять под одним общим названием – линии рамки и выделять из них только базисные линии. Однако, но крайней мере, в целях локализации представляется полезной более дробная классификация.

Через базисную зону проходит один поток папиллярных линий, пересекающий в поперечном направлении ногтевую фалангу. Поток ограничен снизу складкой в месте сочленения ногтевой и средней фаланги, а сверху – линиями центральной и латеральной зон. Ширина потока резко увеличивается в области дельты.

Левая и правая латеральная зоны обрадованы потоками дугообразно изогнутых папиллярных линий. Вершины дуг направлены слева и справа под углом 30-60° к осевой линии пальца. Потоки на этих участках имеют максимальную ширину в месте слияния их с дистальными линиями и в области дельты, а минимальную – на границах с базисными линиями.

Дистальная зона расположена над центральной и отделена от латеральных потоков условной линией, проходящей касательно крайней верхней линии центрального рисунка и параллельно потоку базисных линий. По своей ширине потоки линий дистальной зоны превосходят более чем в 2 раза не только потоки базисной, но и латеральных зон, и достигают на больших пальцах 3 см в поперечнике.

Дистальная зона на значительной своей протяженности покрыта потоками прямых линий, пересекающих поверхность пальца в косом направлении. Линии эти на отпечатках больших пальцев опускаются в ультраярном направлении (на пальцах правой руки – вправо, левой – влево). У самого верхнего края

дистальной зоны линии часто приобретают форму дуг, обращенных своими вершинами к центру узора. В этих местах в редких случаях можно наблюдать и узоры в виде петель, ножки которых обращены к ногтю. Петлевой узор с дистальной зоны может быть не только смещен с узором ладони, но и с узором центральной зоны ногтевой фаланги пальца.

Центральная зона. Узоры центральной зоны состоят из одного или двух (а в очень редких случаях – трех) потоков линий. В зависимости от количества потоков узоры делятся на **простые, двойные и составные**; в зависимости от направления и формы потоков линий – на три группы: **дуговые, петлевые и завитковые** [3, с. 17].

В каждой из названных групп выделяются следующие подгруппы и виды узоров.

В дуговых – подгруппы: начальные, развитые и шатровые дуги.

В петлевых – простые петлевые узоры (простые петли, петли – «ракетки»), половинчатые петли, правосторонние и левосторонние петлевые узоры), двойные петлевые узоры (односторонние и разносторонние петлевые узоры).

В завитковых – **простые завитковые узоры** (круги, овалы, спирали) и **составные** (петлеспиральные, петлекруговые и петледуговые узоры).

Наличие и количество дельт не может служить критерием для дифференциации узоров. Так, по одной дельте имеют и петлевые, и дуговые (шатровые) узоры. Наличие и расположение дельт никак не влияет и на подразделение петель на половинчатые и простые, в петлях – «ракетках», например, можно выделить, как и в крутовых узорах, две дельты. В основе классификации общих признаков узоров центральной зоны должны лежать число, направление и форма потоков папиллярных линий.

Дуги на основных фалангах в 70% ($\pm 2,1\%$) случаев обращены своими вершинами в сторону средних фаланг. На средних же встречаются в равном количестве дуги, изогнутые в сторону основной и ногтевой фаланг.

Вершины дуг на отпечатках указательного и большого пальцев правой руки смещены вправо от осевой линии пальца, на отпечатках мизинцев – влево. На отпечатках у указательного и большого пальцев левой руки вершины дуг смещены влево, на отпечатках мизинца – вправо. На отпечатках средней и основной фаланг безымянного и среднего пальцев рук подобные смещения наблюдаются редко и при этом в равном количестве случаев в правую и левую стороны.

Иногда дуговые узоры со скошенными и угловатыми вершинами напоминают петлевые. Однако практически не наблюдаются случаи, когда бы линии на этих фалангах образовали закругленную головку петли и четко выраженную дельту.

Морфология узоров средних и основных фаланг позволяет дифференцировать отпечатки больших, указательных пальцев и мизинцев правой руки от соответствующих пальцев левой. В узорах среднего и безымянного пальцев таких признаков пока не обнаружено. Вместе с тем нельзя назвать морфологические признаки для дифференциации узоров средних от основных фаланг. На средних и основных фалангах встречаются дуговые узоры, сходные с аналогичными узорами ногтевых фаланг. Иногда дуги начального типа имеют скошенность и заостренность вершин, позволяющие отличить их от дуг ногтевых фаланг.

По строению узора отличить ногтевую фалангу от средней или основной можно лишь в случаях, если в следе отобразилась дельта либо линии центральной зоны с петлевым, крутовым или шатровым дуговым узором. Но и здесь следует иметь в виду те, правда, крайне редкие случаи, когда дельта узора ногтевой фаланги пальца оказывается смещенной на среднюю фалангу. Нельзя полностью исключить и возможность смещения на среднюю фалангу кругового узора.

Дельты узоров, как самостоятельный элемент, не связанный с каким-либо конкретным типом узора, называется – трирадиус. Трирадиусы имеются в центральной части ладони и на ступне ноги. На ладонной поверхности руки выделяют несколько участков, на которых папиллярные линии отличаются по своему строению.

Наличие и количество дельт не может служить критерием для дифференциации узоров. Так, по одной дельте имеют и петлевые, и дуговые (шатровые) узоры. Наличие и расположение дельт никак не влияет и на подразделение петель на половинчатые и простые, в петлях – «ракетках», например, можно выделить, как и в крутовых узорах, две дельты. В основе классификации общих признаков узоров центральной зоны должны лежать число, направление и форма потоков папиллярных линий.

Папиллярные узоры ладоней. Папиллярные узоры ладонных поверхностей рук изучены в меньшей степени, чем узоры ногтевых фаланг.

На гипотенарном и четырех тенарных участках потоки линий образуют узоры в целом такого же типа, как и на ногтевых фалангах пальцев. Лишь в случаях, когда вершины дуговых узоров и головок петель имеют угловатую форму либо наблюдаются «лесенки» в области головок петель, можно по морфологическим особенностям отличить след ладони от следа ногтевой фаланги.

Полученные сведения о частоте встречаемости узоров позволяют выделить только зону тенар II, где частота встречаемости петлевых и крутовых узоров составляет лишь половину средней частоты и отклонение от средней почти в 2 раза превышает среднее квадратическое отклонение. Это дает основание во всех случаях локализации отодвигать тенар II на последнее место, если в следе отобразился петлевой или крутовой узор.

Флексорные (сгибательные) и белые линии. На ладонях имеются три крупные сгибательные складки или флексорные линии: косопродольная – у возвышения большого пальца и две поперечные. Флексорные линии есть и в области межфаланговых сочленений на пальцах рук. Четкость линий в определенной мере зависит от развития некоторых мышц, поэтому их иногда именуют непостоянными складками.

Флексорные линии кист руки, появившись на 3-м месяце утробной жизни, сравнительно устойчивы, хотя их образование и связано с функциями руки. Антропологические наблюдения показывают изменение степени выраженности флексорных линий с возрастом. «Ладонная складчатость» весьма велика в возрасте 8 – 10 лет, несколько снижается в 11 – 20 лет, к среднему возрасту опять увеличивается, а к 41 году и старше – вновь снижается.

Отпечатки флексорных складок используются в качестве ориентирующих и вспомогательных признаков для идентификации по папиллярным линиям. Сгибательные складки в местах сочленений пальцевых фаланг используются при идентификации личности по отпечаткам контуров пальцев, когда папиллярные линии не отобразились.

На руках имеются и мелкие складки, отображающиеся в отпечатках папиллярных узоров в виде так называемых белых линий. Поэтому белые линии можно использовать лишь в качестве вспомогательных идентификационных признаков.

Частные признаки узоров. Структуру папиллярных узоров образуют разнообразные морфологические особенности, именуемые деталями.

Интерес для экспертов представляет уникальная коллекция, собранная С. Самищенко [4, с. 11], которая содержит атипичные папиллярные узоры, врожденные и приобретенные уродства руки (пальцев), патологические изменения и т.п.

Начало и конец линий. Детали образуются прекращением (обрывом) линии.

Перерыв линии. Образуется, когда папиллярная линия обрывается и, не меняя своего направления, через несколько миллиметров (не более 3 мм) возобновляется.

Вилы. Папиллярная линия делится на две (иногда три) линии.

Крючок. Деталь представляет собой раздвоение линии, при котором одна из ветвей коротка, не более 3 мм, и не сливается с другими линиями.

Мостик. Деталь образуется короткой линией, соединяющей две рядом лежащие линии.

Глазок. Папиллярная линия делится на две линии, которые, описав короткие дуги, сливаются вновь в одну.

Обрывок. Короткая папиллярная линия, начало и конец которой не сливаются с другими линиями.

Точки (островки). Очень короткие, обычно неправильной формы обрывки, длина которых примерно соответствует ширине папиллярной линии.

Изломы и изгибы. Папиллярная линия, не прекращаясь и не раздваиваясь, резко отклоняется в ту или иную сторону, а затем следует в прежнем направлении, образуя изгиб или иловатый излом.

Выпуклости, вогнутости. Вследствие резкого изменения ширины папиллярной линии на ее краях появляются выпуклости и вогнутости овальной или неправильной угловатой формы. Выпуклости и вогнутости представляют собой неровности краев папиллярных линий. Возможность использования их в целях идентификации была установлена впервые в 1952 г. [1, с. 62].

Поры. Поры – выводящие отверстия протоков потовых желез. На окрашенных отпечатках папиллярных линий они отображаются в виде белых точек размером от 80 до 250 мк. Поры

имеют различную форму (овальные, звездчатые, треугольные) и располагаются посередине либо у одного из краев папиллярной линии. Расстояние между порами неравномерно: иногда меньше диаметра пор, а иногда превышает несколько диаметров. На 1 см папиллярной линии встречается от 9 до 18 пор.

Исследование краев папиллярных линий в целях идентификации называется эджеоскопией [2, с. 72]. Исследование пор в целях идентификации называется пороскопией. Использование при производстве дактилоскопических экспертиз микропризнаков, т.е. пор и краев папиллярных линий занимает особое место и требует самостоятельного рассмотрения.

Тонкие линии. Между папиллярными линиями обычном ширины иногда располагаются «тонкие» линии шириной 30 – 80 мк. Они представляют собой выступы на дне бороздок. Тонкие линии имеются не у всех людей, а если встречаются, то лишь на отдельных участках узоров. Они не образуют вил, крючков, глазков или мостиков. В качестве идентификационных признаков используется наличие на определенном участке узора тонких линий, их длина, форма и многочисленные перерывы.

Возможности использования тонких линий в качестве идентификационных признаков и их частота встречаемости были исследованы нами в 1952 г. Тогда же путем нанесения ожогов на участки кожи, имеющие тонкие линии, было установлено, что они, подобно обычным папиллярным линиям, устойчивы и восстанавливаются после поверхностных повреждений кожи. В дальнейшем гистологические исследования, произведенные М. В. Кисиним, подтвердили высказанное нами предположение, что тонкие линии представляют собой небольшие валики на коже, ниже которых лежат сосочки (папилляры). Если обычную папиллярную линию образует двойной ряд сосочков, то тонкую – одинарный ряд.

В следах нередко отображаются рубцы, следы различных травм и хирургических разрезов. Вызванные ими изменения и деформации папиллярных линий, форма, размеры и местоположение самих рубцов являются частными идентификационными признаками.

Современная классификация частных признаков отличается от ранее принятых расширением круга морфологических деталей узоров. Так, исследование трасологических свойств папиллярных линий позволило выделить тонкие линии. В качестве деталей узоров признаны выпуклости, вогнутости, изгибы и изломы. Но основной упор был сделан на систему понятий, характеризующих особенности строения всех деталей узоров. К такой системе понятий приводили и поиски меры для оценки объема информации о признаках морфологических деталей, отобразившихся в сравниваемых отпечатках папиллярных узоров. Внедрение более широкой системы понятий позволило нам выделить более 50 частных признаков узоров, которые приняты в литературе и используются во многих экспертных учреждениях.

В качестве таких признаков используются наличие и местоположение деталей на определенных участках узоров, расположение их относительно дельт, центров узоров, взаимное расположение деталей и количество папиллярных линий между ними. К ним относятся и форма окончаний папиллярных линий; размеры и форма обрывков, точек, глазков; направление схождения, вид и форма схождения линий в вилах, крючках и мостиках и др. Классификация частных признаков является существенным дополнением морфологической классификации деталей узоров.

Следует твердо придерживаться хотя и не указанных в литературе, по принятым и апробированным многолетней дактилоскопической практикой положений о том, что к морфологическим деталям относятся различные типы прекращения одной папиллярной линии (начало, окончание или слияние), резкие аномалии ее длины (обрывок, точка), ширины (тонкие линии) или формы линии (изгибы, изломы) и формы ее краев (выпуклости, вогнутости). Особенности же прекращения и формы линий, особенности взаимного их расположения образуют систему частных признаков, в которой наличие той или иной морфологической детали на определенном участке узора рассматривается лишь в качестве одного из многих признаков.

Литературные данные свидетельствовали о том, что детали узоров отличаются частотой встречаемости и наблюдаются в неодинаковом количестве в узорах, различающихся по своим общим признакам. Выполненная в этом плане работа Любарского преследовала цель изучить относительную ценность деталей путем сопоставления частоты их встречаемости. Работа имела недостаток, исключавшие использование ее в целях локализации и ограничивавшие возможность определения идентификационного значения деталей.

Все изложенное и определило необходимость повторного изучения частоты встречаемости деталей.

В среднем на отпечатке папиллярного узора, полученного обычным способом и имеющего площадь 5 кв. см., насчитывается 74 деталей. Детали по полю отпечатка распределяются неравномерно и сконцентрированы преимущественно в центральной зоне и в области дельт, на стыке центральной базисной и латеральной зон. В среднем на 1 кв. см в центре узора насчитывается 19 деталей, в области дельты – 21 деталь и на 1 кв. см остальной площади узора приходится 14 деталей. Средние квадратические отклонения для названных средних составляют $\pm 8,9$ и 6 деталей. Однако размах отклонений от средней весьма велик. Достаточно сказать, что концентрация деталей в области дельт иногда достигает 60 на 1 кв. см.

В центральной зоне и в области дельт отмечается не только тенденция к концентрации деталей, но и увеличение удельного веса деталей небольшого (до 3 мм) размера (крючки, глазки, мостики, обрывки). Так, при примерно равном количестве «крупных» деталей (70 – 75%) количество обрывков, крючков, мостиков и глазков в центральной зоне и вокруг дельт достигает 12,7 – 12,8%, на остальных участках – лишь 8,0%. Число небольших деталей и в пределах зон обчета размером в 1 кв. см возрастало от периферии к центру; большая их часть концентрировалась на линиях, примыкающих непосредственно к дельте или образующих центр узора. Максимальное количество деталей наблюдается на участках, соответствующих продолжениям «осей» дельт, и на «осях» петлевых узоров. Концентрация деталей зависит от общего строения узоров. В круговых узорах на всем поле отпечатка в среднем встречается 92 детали, в петлевых – 77 и дуговых – 59.

Полученные данные дают представление о сравнительной идентификационной ценности некоторых деталей.

Чем же объясняются различия общего количества и соотношения разновидностей деталей в узорах разных групп и на разных участках одной и той же узора? Каждый узор состоит из потоков папиллярных линий, и усложнение его структуры происходит вследствие резких и существенных изменений направления, формы и ширины потоков. По сложности структуры узора можно расположить по восходящей, содержащей у основания начальные формы дуг и на вершине – петлеобразные и другие сложные завитковые узора. Всякие расхождения потоков линий и увеличение их ширины «конструируются» путем добавления папиллярных линий, поэтому в этих местах появляются начала и расхождения линий. Резкие изменения на небольшом участке ширины и направления потоков линий требуют уже «добавления» таких деталей, как обрывки (и соответствующих им по размерам крючков, мостиков, глазков). В местах, где ширина потоков линий уменьшается, закономерно прекращение линий и их слияние (вилы).

Отсюда вероятность появления деталей зависит от формы и ширины потоков линий. И действительно, в области дельт, где три потока линий резко изменяют свою ширину или направление, в центрах круговых и петлевых узоров, где потоки линий на небольших участках поворачивают в противоположную сторону, замыкаются в окружности или свертываются в спирали, наблюдается максимальная концентрация деталей. В свою очередь, сложные завитковые узора имеют в среднем намного больше деталей, чем менее сложные петлевые и тем более дуговые узора. Кроме того, направление и ширина потоков линий определяют не только появление деталей, но и их строение.

Таким образом, следы рук человека имеют как общие, так и частные признаки, которые в своей совокупности позволяют идентифицировать личность оставившего след тем самым максимально точно и быстро раскрыть совершенное преступление. Благодаря основным свойствам папиллярных линий: индивидуальность, устойчивость и относительная восстанавливаемость, можно безошибочно установить обстоятельства совершенного преступления, а также найти преступника.

Пристатейный библиографический список

1. Майлис Н. П., Ярмек К. В., Бушуев В. В. Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза. – М.: Юнити-Дана, 2017.
2. Майлис Н. П., Одиночкина Т. Ф., Соколова О. А. Трасология / Под ред. Н. П. Майлис. – М.: Щит-М, 2011.
3. Самищенко С. С. Современная дактилоскопия: основы и тенденции развития. Курс лекций. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2004.
4. Самищенко С. С. Атлас необычных папиллярных узоров. – М., 2001.

ЯЧМЕНЕВА Мария Андреевна

ассистент кафедры криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ ИЛИ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ, В ТОМ ЧИСЛЕ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

В статье рассмотрен вопрос об актуальности исследования проблем расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Выявлены и проанализированы некоторые из таких проблем: отсутствие эффективных приемов и способов предупреждения, обнаружения и расследования таких преступлений; несовершенство порядка включения новых наркотических средств и психотропных веществ в число подлежащих контролю в Российской Федерации, предложены пути их разрешения.

Ключевые слова: расследование преступлений, незаконный оборот наркотических средств, электронные и информационно-телекоммуникационные сети, Интернет.

YACHMENEVA Mariya Andreevna

assistant of Criminalistics sub-faculty of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology

ON THE ISSUE OF SOME PROBLEMS IN THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO DRUG TRAFFICKING COMMITTED USING ELECTRONIC OR INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS, INCLUDING THE INTERNET

The article discusses the relevance of studying the problems of investigating crimes related to drug trafficking committed using electronic or information and telecommunication networks, including the Internet. Some of these problems have been identified and analyzed: the lack of effective techniques and methods for preventing, detecting and investigating such crimes; imperfection of the procedure for including new narcotic drugs and psychotropic substances among those subject to control in the Russian Federation, ways to resolve them are proposed.

Keywords: crime investigation, drug trafficking, electronic and information and telecommunication networks, Internet.

Ячменева М. А.

В соответствии с данными судебной статистики Судебного департамента Верховного суда Российской Федерации преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, занимают второе место после кражи по количеству совершаемых на всей территории страны преступлений за календарный год. Так, например, за 2020 год в суды поступило 78 445 уголовных дел по данной категории преступлений, за 2021 год – 81 029 уголовных дел, за 2022 год – 76 251 уголовное дело¹. Анализируя данные цифры, можно сделать вывод о том, что количество совершаемых по данной категории преступлений примерно одинаково из года в год, тенденции на снижение количества совершения таких преступлений не наблюдается, а преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, посягают на одну из самых важных ценностей – здоровье населения. Соответственно, вопрос об эффективном предупреждении и расследовании рассматриваемой категории дел является актуальным.

Организация Объединенных Наций 3 июня 2011 г. приняла резолюцию, в соответствии с которой доступ во всемирную сеть Интернет – базовое право человека.² Однако, наличие огромных возможностей данной сети, наличие в

ней различной, в том числе, противозаконной информации, и неограниченного доступа к ней способствуют совершению преступлений, среди которых и преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Количество таких преступлений, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», в последние годы увеличилось в сотни раз.

Следует отметить, что уровень латентности данных преступлений очень высок, так как в настоящее время у правоохранительных органов отсутствуют эффективные приемы и способы предотвращения и обнаружения наркопреступлений, совершенных посредством сети «Интернет», а если признаки противоправных действий и обнаруживаются, зачастую, интернет-ресурсы используются за территорией Российской Федерации, поэтому привлечение их владельцев не только сложно, но и чаще всего невозможно. В данном случае следует согласиться с мнением Щуровой А. С., что «... единственной мерой, применяемой к владельцам запрещенных ресурсов в сети Интернет, является ограничение доступа со стороны провайдеров, что не исключает возможность использования таких ресурсов» [1, с. 23].

Отсутствие выработанного механизма обнаружения, предотвращения и расследования рассматриваемой категории преступлений представляет собой огромную проблему, пути решения которой уже на протяжении долгих лет не могут быть найдены. В настоящий момент электронные или информационно-телекоммуникационные сети (в том числе Интернет) используются как способ рекламы наркотических средств, психотропных веществ путем создания отдельного web-сайта или размещения страницы, или группы в уже существующих

1 Данные судебной статистики Судебного Департамента Верховного суда Российской Федерации. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 22.10.2023).

2 Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Frank La Rue. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.ohchr.org/sites/default/files/english/bodies/hrcouncil/docs/17session/A.HRC.17.27_en.pdf (дата обращения: 22.10.2023).

социальных сетях [2, с. 127]. Также электронные или информационно-телекоммуникационные сети используются для установления контакта с потенциальным покупателем, получения сведений об оплате и информирования о месте нахождения закладки (например, Skype, Viber, WhatsApp и т.п.)

В последние годы уровень организованности и преступные навыки лиц, совершающих рассматриваемую категорию преступлений, сильно вырос. Лица и целые группировки, находящиеся за границей, налаживают контакты и связи с российским криминалитетом и поставляют, в основном, синтетические наркотические средства в различные регионы страны. Разрабатываются всё новые схемы сбыта наркотических средств, которые затрудняют процесс обнаружения таких преступлений. Наркосбытчики используют различные электронные платежные системы, такие как: «QIWI-банк», «Яндекс.Деньги», «WebMoney», «E-port», «Кукуруза», «Связной», что делают практически невозможным отслеживание процесса получения и выведения денежных средств. И, как уже говорилось выше, если в пределах страны таких лиц установить удастся, то тех, кто находится за её границами – практически невозможно. Таким образом, правоохранительные органы, безусловно, нуждаются в более совершенном оборудовании для отслеживания таких контактов и операций, в разработке более эффективных методик для обнаружения и предупреждения рассматриваемой категории преступлений. По мнению автора, в данном случае необходимо привлечение высококвалифицированных IT-специалистов, тесное сотрудничество органов предварительного расследования и органов МВД с IT-компаниями и корпорациями, так как кадровые сотрудники правоохранительных органов не всегда обладают необходимой квалификацией и уровнем знаний в сфере новейших технологий, что затрудняет процесс выявления и расследования таких преступлений.

Следующей важнейшей проблемой в расследовании наркопреступлений, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», является постоянное появление всё новых и новых синтетических наркотических средств. В соответствии с действующим законодательством, предметом рассматриваемой категории преступлений являются наркотические средства и психотропные вещества, включенные в Перечень, установленный Постановлением Правительства от 30.06.1998 № 681.³ В настоящее время технические возможности производства синтетических наркотических средств позволяют менять рецептуру и составы, что приводит к тому, что данное наркотическое средство не подлежит контролю в Российской Федерации, так как не включено в перечень, но в то же время вызывает наркотическое опьянение, галлюцинации и другие последствия употребления. В данном вопросе, по мнению автора, необходимо совершенствование системы включения новых наркотических средств и психотропных веществ в установленный перечень. В соответствии со ст. 2.2 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» включение вещества в Реестр осуществляется при получении уполномоченными должностными лицами сведений о его потреблении, которые должны быть подтверждены результатами медицинского освидетельствования лиц, находящихся под воздействием этого вещества, проведенного в соответствии со ст. 44 Закона № 3-ФЗ⁴. Исходя из данной нормы закона, для

включения вещества в Реестр необходимо одновременное соблюдение следующих условий:

- вещество должно вызывать у человека состояние наркотического или иного токсического опьянения;
- вызванное опьянение должно быть опасным для жизни и здоровья;
- в отношении вещества отсутствуют санитарно-эпидемиологические требования либо меры контроля за его оборотом;
- факт потребления должен быть подтвержден результатами медицинского освидетельствования лица, находящегося под воздействием этого вещества [3, с. 28].

Главный вопрос возникает относительно обязательного наличия лица, которое должно употребить наркотическое средство и согласиться пройти медицинское освидетельствование. То есть обязательно должен быть потребитель, при задержании других лиц, например курьеров, реализация данного условия становится невозможной. Таким образом, процесс признания вещества наркотическим затягивается в то время, как преступные группировки продолжают сбывать наркотические и психотропные вещества, опасные для жизни и здоровья. По мнению автора, данный порядок включения наркотического вещества в Реестр должен быть оптимизирован и при наличии оснований полагать, что вещество может быть опасным для жизни и здоровья, накладывать на него некий временный статус запрещенного до момента полного его исследования.

По итогам исследования можно сделать вывод о том, что преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, совершенные с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», в настоящий момент представляют огромную общественную опасность, количество таких преступлений увеличивается, соответственно законодателю и государству в целом необходимо принять ряд мер для более эффективного предупреждения, обнаружения и раскрытия данной категории преступлений. По мнению автора, основными направлениями деятельности должны стать: совершенствование технических возможностей правоохранительных органов в вопросе обнаружения web-сайтов, групп в социальных сетях, имеющих своей целью сбыт наркотических средств, блокирования таких страниц, обнаружения местонахождения пользователей и создателей данными сайтами и группами; совершенствование и оптимизация порядка включения новых наркотических средств в Перечень, установленный Постановлением Правительства РФ о наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах, подлежащих контролю в Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Щурова А. С. Незаконный оборот наркотических средств и их аналогов с использованием компьютерных технологий (сети Интернет): Уголовно-правовое и криминологическое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. - СПб., 2017. - 256 с.
2. Земцова С. И. Предмет доказывания при расследовании преступлений, связанных со сбытом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) // Современное право. - 2015. - № 4. - С. 126-130.
3. Лихолетов А. А., Решняк О. А. Противодействие новым потенциально опасным психоактивным веществам: проблемы правоприменения // Наркоконтроль. - 2015. - № 2. - С. 26-30.

3 Постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 №681 (с посл. изм. и доп. от 10 июля 2023) «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-плюс».

4 Федеральный закон от 08 января 1998 № 3-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 01 сентября 2023) «О наркотических средствах и психотропных веществах» // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-плюс».

РУСАНОВ Никита Юрьевич

старший преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России

ШЕБАЛИН Александр Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье исследуется понятие «криминалистическая характеристика преступления». В работе анализируются подходы к определению этого термина. Изучается соотношение понятий «криминалистическая характеристика группы (вида) преступлений» и «криминалистическая характеристика конкретного преступления». Обосновывается возможность существования криминалистической характеристики конкретного преступления. Показано, что криминалистическая характеристика представляет собой совокупность сведений, необходимых для выдвижения и проверки криминалистических версий.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступления, криминалистическая характеристика конкретного преступления.

RUSANOV Nikita Yurjevich

senior lecturer of Criminology sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

SHEBALIN Alexander Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Criminology sub-faculty of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

ON THE ISSUE OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF THE ILLEGAL PRODUCTION OF SYNTHETIC NARCOTIC DRUGS

The article discusses approaches to the definition of the concept of criminalistic characteristics of a crime, substantiates the possibility of the existence of a criminalistic characteristic of a specific crime. It is shown that the forensic characteristic is a set of information necessary for the nomination and verification of forensic versions.

Keywords: criminalistic characterization of a crime, a criminalistic characterization of a specific crime.

Русанов Н. Ю.

Шебалин А. В.

Достижение целей раскрытия и расследования преступлений невозможно без изучения их особенностей, которые в рамках науки криминалистики исследуются посредством анализа структурных элементов криминалистической характеристики преступления. В свою очередь, криминалистическая характеристика преступления, давая необходимое сотрудникам правоохранительных органов знание об определенном виде или группе преступлений, позволяет эффективно конструировать алгоритмы действий в типичных следственных ситуациях и разрабатывать оптимальные тактические приемы следственных действий. Отметим, что разработка криминалистической характеристики того или иного вида или группы преступлений строится на основании анализа значительного числа уголовных дел определенной категории, а также обобщения иной значимой информации, которая может быть получена, путем применения иных научных методов.

Взгляды ученых-криминалистов на криминалистическую характеристику преступления неоднозначны и варьируются от резкой критики [2, с. 233] до признания необходимости существования [4, с. 25-29]. Однако, стоит отметить, что типовая информационная модель преступления востребована как в научных исследованиях, так и в практической деятельности по раскрытию и расследованию преступления, что свидетельствует о ее жизнеспособности и актуальности.

Термин «криминалистическая характеристика» впервые упомянут П. И. Люблинским (1927), который предложил на основании сведений из разных наук (судебная медицина, психология и др.) составлять криминалистическую характеристику происшествия, при этом он утверждал, что предтечей его формулировки является «семичленная римская формула», используя которую римские юристы утверждали, что преступление не может быть раскрытым без ответа на такие обязательные вопросы «кто – что – где – с чьей помощью – почему – каким образом и когда?». Данное мнение нашло своих многочисленных сторонников среди советских криминалистов только в конце 60-х годов прошлого века. Благодаря стараниям таких ученых А. Н. Колесниченко, Л. А. Сергеев, И. Ф. Крылов криминалистическая характеристика преступления стала одним из базовых понятий науки криминалистики. В дальнейшем, как предмет научного исследования, этот структурный элемент криминалистической методики разрабатывался такими учеными-криминалистами, как В. К. Гавло, И. Ф. Герасимов, О. Я Баев, И. А. Возгрин, Р. С. Белкин, В. А. Образцов, А. Г. Филиппов, Н. П. Яблоков и др., которые изучали структуру, сущность указанного понятие и обосновывали его прикладной характер.

Для получения точного представления о рассматриваемом понятии необходимо исследовать имеющиеся опреде-

ления этой научной категории, тем самым акцентировать внимание на ее основных аспектах в их взаимосвязи.

Так, в содержании криминалистической характеристики Р. С. Белкин в качестве основы этой научной категории выделял следующую информацию: о способах совершения преступления, а также его сокрытия, о следах, которые образуются при применении определенного способа преступления, о личности возможного преступника, а также о мотивах (корыстных, хулиганских и т.п.), которые привели к совершению общественно опасного деяния; о личности потерпевшего. являющейся типичной для конкретного вида (группы) преступлений, а также о месте, времени и обстановке совершения преступления [1, с. 179].

И. Ф. Герасимов утверждал, что в содержание криминалистической характеристики преступления должны входить следующие информационные блоки: информация об общественной опасности преступления, а также о частоте его встречаемости, криминалистически значимые данные об объекте преступления, сведения об характерных приемах выявления преступлений, сведения о механизме следообразования; материалы о совершении преступления (речь идет о способе приготовления преступления, способе совершения преступления, способе сокрытия преступления), специфические характеристики личности преступников; сведения о месте, времени, среде, условиях и иных отличительных данных обстановки совершения преступления, сведения об обстоятельствах, которые порождают или видоизменяют следственные ситуации [3, с. 49].

Нам наиболее близка позиция Н. П. Яблокова, который рассуждая о криминалистической характеристики преступления, указывал, что она представляет собой систему, которая позволяет описывать значимые в криминалистическом плане черты конкретного преступления, вида преступления либо же группы преступлений. При этом Н. П. Яблоков указывал, что к криминалистически значимым данным относятся: способ преступления (в рамках его подготовки, совершения и сокрытия) и детерминированный им механизм следообразования, обстановка совершения преступления, личность преступника, а также иные обстоятельства противоправной деятельности. При этом в определении рассматриваемого понятия профессор обозначал и цель криминалистической характеристики преступления, а именно – содействие оптимальному достижению задач по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений [6, с. 112].

Необходимо отметить, что в настоящее время не существует единого мнения ученых-криминалистов о составе элементов, входящих в криминалистическую характеристику преступления, в связи с чем, можно наблюдать достаточно большое количество определений этой научной категории [4, с. 67-69].

Одним из спорных вопросов этой научной категории состоит в существовании криминалистической характеристики отдельного преступления. По нашему мнению, можно говорить, как о криминалистической характеристике видов и групп преступлений, так и о криминалистической характеристике конкретного преступления. Однако необходимо учитывать, что криминалистическая характеристика отдельно взятого преступления, по поводу которого возбуждено уголовное дело, отличается от криминалистической характеристики группы преступлений, используемой в преподавании криминалистики и разработке криминалистических методик. Отличие состоит в конкретности исследуемых фактов.

Используя криминалистическую характеристику группы (вида) преступлений лицо, осуществляющее расследование по конкретному уголовному делу, получает представление о криминалистически значимых признаках рассматриваемого преступления и возможность производить процессуальные действия системно, целенаправленно, снижая риски, приводящие к неполноте исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию. При этом по мере производства предварительного расследования элементы криминалистической характеристики конкретного преступления уточняются, наполняются конкретным содержанием. Необходимо отметить, что сведения о криминалистической характеристике группы преступлений имеют особую ценность в начале расследования: на этапе проверки сообщения о преступлении, на первоначальном этапе расследования. Так как именно в эти периоды следователь действует в обстановке информационной неопределенности, которая снижается по мере исследования обстоятельств произошедшего преступления.

Таким образом, необходимость рассмотрения криминалистической характеристики преступления обусловлена её важнейшей ролью, в соответствии с которой осуществляется выбор наиболее верного, исходя из складывающейся обстановки на определенный момент расследования, варианта действий следователя, формирующих арсенал необходимых для этого методов и средств. Наряду с криминалистической характеристикой вида или группы преступлений необходимо говорить о существовании криминалистической характеристики отдельного преступления, содержащей детализированную информацию о конкретном общественно опасном деянии.

Пристатейный библиографический список

1. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. – М., 1988. – 302 с.
2. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы Российской криминалистики. – М.: Норма, 2001. – 237 с.
3. Герасимов И. Ф. Теоретические проблемы раскрытия преступлений: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1978. – 45 с.
4. Денисов С. Л. Понятие «Криминалистическая характеристика преступления» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 5. – С. 67-69.
5. Земцова, С. И. Содержание криминалистической характеристики преступления как предмет научной дискуссии // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – № 2 (73). – С. 25-29.
6. Яблоков Н. П. Криминалистическая характеристика преступления и типичные следственные ситуации как важные факторы разработки методики расследования преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 30. – М., 1979. – С. 110-122.

АЛИЕВ Шапи Изиевич

кандидат юридических наук, доктор социологических наук, доцент, директор Дагестанского гуманитарного института (филиала) Академии труда и социальных отношений», доцент кафедры юридических дисциплин Дагестанского государственного университета, филиал в г. Избербаш

ТАИЛОВА Айша Габировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических дисциплин Дагестанского государственного университета, филиал в г. Избербаш

КАХРУМАНОВА Шарифа Абусупьяновна

старший преподаватель Дагестанского гуманитарного института (филиала) Академии труда и социальных отношений

ПОНИМАНИЕ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В «РЕАЛЬНОМ МИРЕ»

Экспоненциальный рост использования интернета во всем мире связан с увеличением числа преступлений с использованием интернета и «облака», так как они обеспечивают увеличенный централизованный круг потенциальных жертв и новые возможности как для совершения преступлений, так и для уклонения от обнаружения и привлечения к ответственности. Увеличенное использование технологий социальных медиа означает, что один преступник теперь может достичь большего числа жертв, а стоимость и уровень навыков, необходимых для совершения киберпреступлений, снизились. Онлайн-сообщества предлагают готовые пакеты вредоносного программного обеспечения (т.е. вредоносных программ), которые можно продать неопытным лицам, и обучающий материал свободного доступа, что позволяет обычным пользователям интернета погрузиться в мир киберпреступности. Становится проще, дешевле и удобнее совершать киберпреступления в больших масштабах.

Обучение для повышения знаний и предоставления стандартизированных реакций на сообщения о киберпреступлениях, а также увеличение общественной активности и информационной поддержки, могут помочь улучшить уровень и опыт противодействия данной категории преступных действий.

Ключевые слова: киберпреступность, жертвы, киберсообщества, технология облака, рост использования интернета, противодействие преступности.

ALIEV Shapi Izievich

Ph.D. in Law, Ph.D. in sociological sciences, associate professor, Director of the Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, associate professor of Legal disciplines sub-faculty of the Dagestan State University, branch in Izberbash

TAILOVA Aisha Gabibovna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal disciplines sub-faculty of the Dagestan State University, branch in Izberbash

KAKHRUMANOVA Sharifa Abusupyanovna

senior lecturer of the Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations

UNDERSTANDING CYBERCRIME IN THE «REAL WORLD»

The exponential growth of Internet use around the world is associated with an increase in the number of crimes using the Internet and the cloud, as they provide an increased centralized circle of potential victims and new opportunities both to commit crimes and to evade detection and prosecution. The increased use of social media technologies means that a single criminal can now reach more victims, and the cost and skill level required to commit cybercrimes has decreased. Online communities offer ready-made malware packages (i.e., malware) that can be sold to inexperienced individuals and freely available educational material, allowing ordinary Internet users to delve into the world of cybercrime. It is becoming easier, cheaper and more convenient to commit cybercrime on a large scale.

Training to improve knowledge and provide standardized responses to reports of cybercrime, as well as increased public activity and information support, can help improve the level and experience of countering this category of criminal actions.

Keywords: cybercrime, victims, cyber communities, cloud technology, growth of Internet use, crime prevention.

Хотя всеобщее согласовано, что киберпреступность существует, нет универсального определения того, что она означает. Термины, включая киберпреступность, компьютерные преступления, преступления в облаке и злоупотребление компьютерами, часто используются взаимозаменяемо и могут относиться к любой преступной деятельности, связанной с интернетом или компьютером. В этой статье любое преступное поведение с использованием интернета будет называться «киберпреступностью», если не указано иное в контексте конкретных исследований. Признавая, что киберпреступность является глобальной проблемой, эта статья будет сосредоточена в основном на пресечении киберпреступности в Англии и Уэльсе.

Широко признано, что киберпреступность весьма распространена и увеличивается. Согласно недавнему отчету,

поставщики услуг интернета (ISP) ежедневно регистрируют около 80 миллиардов автоматизированных сканирований от онлайн-злоумышленников с целью выявления целей для киберпреступности, а за год, заканчивающийся в сентябре 2019 года, против домохозяйств в Англии и Уэльсе было совершено 1 миллион «злоупотреблений компьютерами» [1] (Национальное агентство по борьбе с преступностью [NCA], 2020). Онлайн-преступность растет не только по количеству, но и в процентном отношении ко всем преступлениям. Опрос о преступности в Англии и Уэльсе сообщает о растущей доле зафиксированных преступлений, отмеченных полицией как онлайн-преступления, при этом есть свидетельства, указывающие на то, что такие «флаги» остаются малоиспользуемыми

ми (Офис национальной статистики [ONS], 2017, 2018, 2019a) [2].

В то время как традиционная преступность сокращается в западных странах, киберпреступность увеличивается за пределами этой скорости снижения. Также отмечается, что снижение традиционной преступности предшествует появлению и росту киберпреступности [3, с. 776-784]. Это, в сочетании с различиями в характеристиках преступления и преступника, означает, что нельзя предполагать, что рост киберпреступности вызвал спад в офлайн-преступности, и что те преступники, которые традиционно действовали офлайн, теперь перешли к совершению киберпреступлений [4, с. 51-57]. Независимо от причин, преступность сейчас развивается и переходит в онлайн-пространство, усиливая нисходящий тренд в инцидентах традиционной преступности [5, с. 796-797]. Этот рост и сдвиг к киберпреступности, привели к недавним предположениям о том, что приставка «кибер-» может вскоре стать излишней, поскольку почти все преступления будут затронуты технологиями [6, с. 153-154].

Действительно, во всех серьезных и организованных преступлениях, которые расследуются сейчас, присутствует какое-то шифрование, интернет используется для вербовки, поиска жертвы и извлечения прибыли. С момента своего широкого распространения несколько десятилетий назад интернет облегчил совершение преступлений в разной степени, определенной Уоллом (2007) как кибер-помогаемые, кибервозможные и киберзависимые преступления [7, с. 156].

Типология Кирвана и Пауэра (2013) также включает интернет-возможные (т.е. кибер-возможные) и интернет-специфические (т.е. кибер-зависимые) преступления, а также преступления против виртуальной личности [8, с. 11]. Два общих концепта между типологиями кажутся надежными: текущая Национальная стратегия кибербезопасности признает только кибер-возможные и кибер-зависимые преступления, и что эти два типа взаимосвязаны. Кибер-возможные преступления определяются как традиционные преступления, которые усилены по масштабу или охвату за счет технологий (например, мошенничество), в то время как кибер-зависимые преступления – это преступления, которые были бы невозможны без интернета. Хотя эти преступления могут быть связаны с офлайн-преступлениями, такими как кража, грабеж, умышленное повреждение имущества или мошенничество, киберпреступления не являются синонимом офлайн-преступлений и воспринимаются жертвами, преступниками и властями по-разному.

Экспоненциальный рост использования интернета во всем мире связан с увеличением числа преступлений с использованием интернета и «облака», так как они обеспечивают увеличенный централизованный круг потенциальных жертв и новые возможности как для совершения преступлений, так и для уклонения от обнаружения и привлечения к ответственности. Увеличенное использование технологий социальных медиа означает, что один преступник теперь может достичь большего числа жертв, а стоимость и уровень навыков, необходимых для совершения киберпреступлений, снизились. Онлайн-сообщества предлагают готовые пакеты вредоносного программного обеспечения (т.е. вредоносных программ), которые можно продать неопытным лицам, и обучающий материал свободного доступа, что позволяет обычным пользователям интернета погрузиться в мир киберпреступности. Становится проще, дешевле и удобнее совершать киберпреступления в больших масштабах.

Этот процесс усугубляется развитием технологии облака, обеспечивающей увеличенное хранилище компьютерных данных и вычислительную мощность. Предоставляя онлайн-пул общих ресурсов, облако способствует доступу к готовому программному обеспечению для атак и ресурсам обработки, таким как ботсети, для проведения и автоматизации атак, представляя собой онлайн-среду, в которой преступники могут легко и анонимно охотиться, действовать и распределять награбленное. По своей природе как общий центр данных, облачная технология увеличивает количество устройств, к которым можно получить доступ через интернет, и, следовательно, количество возможностей для злоумышленников для эксплуатации. Эффект облака как усиливающего фактора не только приводит к большему доходу преступников, но и дополнительно снижает риск привлечения к ответственности. Таким образом, интернет и облачные вычисления предлагают спектр преступных вариантов – от воздействия сетевого компьютера на традиционное преступление до преступлений, автоматизированных и происходящих исключительно в виртуальной среде.

Пользователи сети интернет часто являются самым слабым звеном в компьютерной безопасности, и в зависимости от вида киберпреступления их слабости могут быть использованы различными способами – делая жертв инструментами своего собственного поражения. Средства эксплуатации включают социальную инженерию и обман, манипуляцию процессом принятия решений через воспринимаемую срочность или авторитет и использование предсказуемых привычек, связанных с использованием веб-сайтов, загрузками, использованием паролей и социальными или профессиональными контактами.

Жертвы могут поэтому винить себя или быть объектами обвинения со стороны других, кроме потенциально разрушительных последствий, таких как финансовые потери или ущерб репутации и карьере. Большинство жертв киберпреступности сообщают о эмоциональных последствиях, начиная от раздражения до депрессии, бессонницы, тревоги и панических атак [9, с. 11-19].

Жертвы киберпреступности могут испытывать длительные психологические и эмоциональные последствия, включая посттравматический стрессовый расстройство (ПТСР), с сопутствующими влияниями на физическое здоровье. Жертвы также могут чувствовать стыд или нарушение их частной жизни или испытывать разрыв отношений после финансовой потери.

Онлайн-сексуальная эксплуатация и торговля людьми – другие примеры крупномасштабных преступлений, которые были облегчены и увеличены благодаря Интернету, поскольку злоумышленники могут более легко получать доступ к жертвам, вербовать сообщников, анонимно распространять материалы и получать гораздо больше потенциальных клиентов, стимулируя спрос на совершение этих преступлений. Как и в случае многих других форм серьезной и организованной преступности, темная сторона Интернета позволяет продолжать многие из этих преступлений, несмотря на усилия правоохранительных органов.

Хотя большинство пользователей интернета сообщают о страхе перед киберпреступностью, важности информационной безопасности и опасениях в отношении конфиденциальности, лишь немногие пользователи переводят это в профилактические поведенческие меры, даже после столкновения с преступностью. Это расхождение между отношением к конфиденциальности и поведением известно как «парадокс конфиденциальности».

Этот парадокс, предположительно, вызван ложным чувством защищенности компьютера и чрезмерной зависимостью от программного обеспечения, при этом применение мер безопасности даже может повысить риск стать жертвой. Результаты исследования Янсена и Люкфельда демонстрируют это, поскольку у большинства жертв фишинга было защитное программное обеспечение, но они признали, что неосторожно передали злоумышленникам свои защитные коды. Даже когда люди обладали осведомленностью о признаках безопасности на веб-сайтах (например, поврежденные изображения или необычные URL-адреса), это часто не приводило к осторожности. Эффект онлайн-дезингибиции помогает объяснить этот феномен; он относится к тому, как пользователи интернета кажется раскрывают больше информации онлайн, чем они сделали бы в офлайне, иногда это приписывают дистанцированию от реального мира и восприятию анонимности и невидимости. Тенденция к чрезмерной самоотдаче онлайн может привести к тому, что личная информация становится легко доступной потенциальным киберпреступникам.

Этот диссоциативный способ поведения и результативное расхождение между поведением в онлайн и офлайне (названные «токсическая дезингибиция»; приводят к увеличению онлайн-антисоциального поведения, девиантности, преступности и насилия. По сравнению с традиционной преступностью, киберпреступность предлагает большую степень защитной анонимности с множеством способов для атакующего замаскировать свою личность онлайн, даже принимая новую личность. Это разделение идентичностей означает, что люди не испытывают поведенческих ингибиций в такой же степени, как в офлайн-контекстах, частично из-за снижения ощущения близости к жертве, что приводит к снижению чувства вины и страха перед возмездием. Киберпреступники также воспринимают риски попадания под уголовно-правовое преследование как относительно низкими, а возможные последствия санкций как малозначительными, что практически не действует как угроза от этого вида преступлений.

Недостаток адекватного сдерживания в сочетании с мотивирующими факторами, описанными позже, побуждают людей к совершению киберпреступлений.

Обмен идеями и совместная работа, а также конкуренция считаются важными в пути к киберпреступности. Хакеры и другие киберпреступники создают отношения и сети как онлайн, так и офлайн, причем хакерские сообщества обеспечивают «гильдийные социальные и учебные структуры». Культура хакерства акцентирует внимание на способностях и навыках, которые определяют социальный статус в этих сообществах, поощряя усвоение знаний и стремление к вызовам, вознаграждая успех статусом.

В то время как литература указывает на то, что интеллектуальные вызовы и любопытство являются сильнейшим стимулом для взлома систем безопасности, это не совпадает с фактической частотой взломов, что вызывает сомнения в надежности самоотчетов. Предполагается, что это отражает культурно признанные мотивы, а не истинные личные стимулы.

Второй по силе мотив, указанный в литературе, признание и уважение со стороны сверстников, оказался связанным с взломом: чем сильнее мотивирован взломщик желанием признания и уважения сверстников, тем чаще он пытается обойти системы безопасности [10, с. 245-256].

Взлом веб-сайтов в первую очередь мотивируется высокой видимостью цели, подтверждая другие выводы о стремлении к статусу и репутации внутри хакерской субкультуры, так как эти цели достигаются через атаки на высоко значимые объекты. Взлом домашних страниц веб-сайтов мотивируется идеологией или чувством вызова, в то время как второстепенные страницы взламываются ради развлечения, чтобы быть лучшими, патриотически или без какой-либо конкретной причины. Эти преступники обычно гордятся своими преступлениями, желая, чтобы другие знали, что они были ответственны за них, возможно, потому что признание открывает доступ к лучшим онлайн-группам и хакерским сайтам, принося больше ресурсов и престижа.

Другие мотивации к совершению преступлений. Некоторые исследования показывают, что преступники становятся участниками киберпреступности из-за перспективы финансового выигрыша, и финансовое вознаграждение оказалось одним из самых важных мотивов для совершения виртуальных краж и мошенничества в интернете. Однако некоторые исследования считают деньги наименее мотивирующим фактором для хакеров.

Развлечение также оказалось важным фактором в мотивации к совершению мошенничества с личностью и хакерскими преступлениями. Причины совершения преступлений включают в себя хакеров, обманывающих систему как «розыгрыш», командную игру и интеллектуальный вызов. Некоторые преступники заявляют, что чем сложнее был взлом, тем более приятным был опыт. В то же время некоторые исследователи предполагают, что легкость и отсутствие усталости являются стимулами для взлома.

Большая часть исследований, дающих представление о вышеупомянутых мотивах, была проведена с использованием онлайн-форумов, источника информации, часто упоминаемого в соответствующей литературе. Хакерские форумы, как правило, позволяют хакерам «входить» в обширную социальную сеть и идентифицироваться с более крупным хакерским сообществом. Помимо привлечения через социальные контакты в оффлайн-мире, форумы помогают людям найти подходящих соучастников и играют роль в формировании и росте многих киберпреступных сетей [11, с. 11-19]. Это может быть связано с сочетанием вредоносного и безвредного контента на форумах. Пользователи, изначально заинтересованные в компьютерных играх или технологиях, могут обнаружить привлекательность хакерских или мошеннических действий, к которым они подвергаются, ради любопытства и вызова, а также для улучшения своего финансового положения и репутации внутри сообщества.

Текущая литература подчеркивает важность доверия, статуса и уважения в этих форумных сообществах и показывает, как такие форумы могут использоваться для помощи в обучении молодых правонарушителей, как предполагается в отчетах Национального уголовного агентства. Пользователям форумов о киберпреступности присваиваются группы, соответствующие их социальному статусу на сайте. Например, онлайн-черные рынки, в основном занимающиеся торговлей вредоносными программами, имеют иерархии от вступительных уровней членства, таких как новичок, до высокопрестижных рангов модератора или администратора. Обучение и знания, по-видимому, центральны для этого уровня статуса в хакерской субкультуре, и качество информации или креативное использование материалов пользователями могут повысить их уровень статуса [12, с. 11-19].

Исследования показали, что форумы не только отражают способности пользователей, но и активно используются многими людьми для изучения и обучения других тому, как взламывать и совершать онлайн-мошенничество, и есть доказательства, что это начинается с раннего возраста. Один преступник, интервьюированный Хатчингсом (2014), сообщил, что он обучил до 40 других людей взлому на онлайн-форумах и общался с более чем 200 другими. Такое использование онлайн-форумов подтверждается ценностями, демонстрируемыми их содержанием; продолжительное изучение, практика и значительные усилия требуются для того, чтобы стать хорошим хакером.

Соответственно, хакерские форумы обычно предоставляют инструменты для обучения пользователей основам взлома, созданию вредоносного программного обеспечения, учебные пособия по взлому Facebook. Эти учебные пособия были связаны с увеличением совершения киберпреступлений, так как те, кто узнал о компьютерной деятельности из таких форумов, оказались более склонны к взлому и созданию вредоносного программного обеспечения.

Из-за восприятия анонимности и удаленности от офлайн-мира пользователи интернета испытывают ложное чувство безопасности, а онлайн-преступники психологически, социально и физически отдалены от своих преступлений и жертв. Они сталкиваются с меньшими и/или менее серьезными последствиями за свои действия и, скорее всего, повторяют эти преступления, ободренные своим опытом.

Жертвы киберпреступлений редко сообщают о своем статусе по сравнению с жертвами традиционных преступлений, что, по предположению, связано с воспринимаемым недопониманием и неготовностью полиции, а также жертвы и полиция выражают путаницу относительно того, к какой организации обратиться за помощью.

Обучение для повышения знаний и предоставления стандартизированных реакций на сообщения о киберпреступлениях, а также увеличение общественной активности и информационной поддержки, могут помочь улучшить уровень и опыт противодействия данной категории преступлений.

Более глубокое исследование киберпреступлений и их участников также может улучшить подготовку к их расследованию, а также повысить способность получения лучших результатов при допросах, формулирование более точных выводов и выявление соответствующих доказательств по фактам совершения киберпреступлений.

Пристатейный библиографический список

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikibrief.org/wiki/National_Crime_Agency.
2. The ONS Economic Statistics and Analysis Strategy provides users, stakeholders and researchers clarity on how we are working to improve UK economic statistics. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ons.gov.uk/methodology/classification-standards/economicstatisticsclassifications/onsecconomicstatisticsandanalysisstrategyfinancialyearending2019>.
3. Иванцов С. В., Борисов С. В., Узембаева Г. И. и др. Актуальные проблемы совершенствования системы мер криминологического предупреждения преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Всероссий-

- ский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. № 6. – С. 776-784.
4. Глотина И. М. Киберпреступность как теневой бизнес // Вестник Челябинского государственного университета. – 2016. – № 6 (388). – С. 51-57.
5. Куленко К. Н. Проблемы киберпреступности в РФ и пути ее решения // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. – 2017. – С. 796-797.
6. Айсаханова Е. С. Причины и мотивы роста киберпреступности как глобального явления современности // Вестник Чеченского государственного университета. – 2017. – № 4 (28). – С. 153-155.
7. Номоконов В. А., Тропина Т. Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – № 1 (24). – 2012.
8. Батурич Ю. М., Жодзишский А. М. Компьютерная преступность и компьютерная безопасность. – М., 1991. – С. 11.
9. Басараб М. А., Иванов И. П., Колесников А. В., Матвеев В. А. Обнаружение противоправной деятельности в киберпространстве на основе анализа социальных сетей: алгоритмы, методы и средства (обзор) // Вопросы кибербезопасности. – 2016. – Вып. 4 (17). – С. 11-19.
10. Гайфутдинов Р. Р. К вопросу о типологии личности компьютерных преступников с учетом характера и мотивации их криминальной деятельности // Вопросы российского и международного права. – 2017. – Т. 7. – № 4А. – С. 245-256.
11. Басараб М. А., Иванов И. П., Колесников А. В., Матвеев В. А. Обнаружение противоправной деятельности в киберпространстве на основе анализа социальных сетей: алгоритмы, методы и средства (обзор) // Вопросы кибербезопасности. – 2016. – Вып. 4 (17). – С. 11-19.
12. Басараб М. А., Иванов И. П., Колесников А. В., Матвеев В. А. Обнаружение противоправной деятельности в киберпространстве на основе анализа социальных сетей: алгоритмы, методы и средства (обзор) // Вопросы кибербезопасности. – 2016. – Вып. 4 (17). – С. 11-19.

БИЧЕНОВА Анна Роландиевна

преподаватель кафедры Уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества Самарского юридического института ФСИН России, майор внутренней службы

ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

В данной статье рассматриваются причины женской преступности и ее динамика на протяжении последних лет. Анализ статистических данных позволяет выделить группы преступлений, которые чаще всего совершают женщины, определить их мотивы и факторы, способствующие совершению общественно опасного деяния. Также для оценки и выявления детерминант женской преступности изучаются ее показатели в отдельных регионах Российской Федерации.

Ключевые слова: женская преступность, причины и факторы женской преступности, показатели женской преступности в отдельных субъектах Российской Федерации, условия содержания женщин в местах лишения свободы.

BICHENOVA Anna Rolandievna

lecturer of Penal enforcement law and the organization of the execution of punishments not related to the isolation of convicts from the society sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia, major of the internal service

THE MAIN DETERMINANTS OF FEMALE CRIME IN RUSSIA

This article examines the causes of female crime and its dynamics over the past years. The analysis of statistical data makes it possible to identify groups of crimes that are most often committed by women, to determine their motives and factors contributing to the commission of a socially dangerous act. Also, to assess and identify the determinants of female crime, its indicators in certain regions of the Russian Federation are studied.

Keywords: women's crime, causes and factors of women's crime, indicators of women's crime in certain subjects of the Russian Federation, conditions of women's detention in places of deprivation of liberty.

Преступность – это сложное социально-правовое явление, оказывающее негативное влияние на общество, имеющее свои закономерности и требующее специфических методов борьбы. Женская преступность занимает особое место в общей структуре преступности. Женщина – хранительница домашнего очага, она является символом жизни, защиты, мира и процветания, поэтому рост количественного показателя преступлений, совершенных лицами женского пола, представляет большую степень общественной опасности для общества. Высокий уровень женской преступности – показатель жестокости, бесчеловечности и корыстности в мире в целом, ведь женщины – это почва, на которой вырастает новое поколение.

Согласно сведениям Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации количество преступлений, совершенных женщинами, увеличилось на 4,6 % (за 2022 г. осуждено 89 170 женщин, а за 2021 г. – 85 098), при том, что общее число совершенных деяний увеличилось на 2,3 % (за 2022 г. 578 751 осужденных, а за 2021 г. – 565 523)¹. Это означает, что женщины все чаще стали преступать черту закона и нарушать его нормы. Из-за общественной значимости количественных и качественных показателей женской преступности необходимо выявлять влияющие на него факторы и искать способы их устранения.

Опираясь на статистику, были отмечены следующие причины, повлиявшие на женскую преступность:

1. семейное положение (замужние женщины реже совершали преступления по сравнению с незамужними, разведенными и вдовами);

2. социальный статус (по числу совершаемых преступлений лидировали женщины из малоимущих семей);

3. уровень образования (процент неграмотных среди осужденных женщин был чрезвычайно велик) [4, с. 1].

Сейчас существует несколько важных и выделяющихся детерминант, требующих необходимого решения.

Во-первых, рост преступлений, квалифицирующихся по ст. 158 и ст. 159 УК РФ и совершаемых лицами женского пола, увеличивается каждый год, а за последний год их число выросло на 6,7 % (2021 г. осуждено 28789 женщин, 2022 г. – 30832). Это обуславливается высоким уровнем безработицы, низкой заработной платой, предлагаемой женщинам, сложность в самореализации.

Во-вторых, из-за домашнего насилия и в целом повышения уровня жестокости в обществе было отмечено наличие отягчающих обстоятельств во все большем количестве различных составов преступлений. Жестокость, проявление насилия со стороны женщин так же объясняется особенностями их психики, женской импульсивностью и эмоциональностью. Еще одним значимым фактором является употребление алкоголя и наркотических средств (более 50 % женщин на момент совершения тяжких, особо тяжких преступлений находились в состоянии алкогольного опьянения), в чем выражается падение нравственных устоев общества.

Так, например, Ирина Викторовна Гайдамачук² еще в молодости начала употреблять алкогольные напитки и вести разгульный образ жизни. Она прославилась безжалостными многосерийными убийствами пожилых людей в целях завладения каким-либо их имуществом. Ирина не проявляла никакого сочувствия к своим жертвам и хладнокровно ли-

1 Данные судебной статистики – Судебный департамент. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 15.06.2023).

2 Гайдамачук Ирина Викторовна – Википедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 13.11.2023).

шала их жизни ради нескольких сотен рублей. Причинами ее преступного поведения стал безработный образ жизни, алкогольная зависимость и непоколебимое хладнокровие и равнодушие Гайдамачук, а условиями стали незащитность, уязвимость и беспомощность пожилых людей, которых легко было обмануть и войти в их доверие.

В-третьих, на количественный и качественный показатели женской преступности влияют условия содержания данной категории лиц. Согласно уголовно-исполнительному законодательству, женщины, осужденные за преступления любых категорий и вне зависимости от вида и размера наказания, содержатся в исправительных колониях общего режима. В данных учреждениях осужденные содержатся все вместе без учета рецидива преступлений, степени общественной опасности личности, тяжести совершенного деяния, что негативно сказывается как на отбывании самого наказания осужденным, так и на его будущей ресоциализации. Для устранения влияния на впервые осужденных, осужденных за преступления небольшой и средней тяжести и так далее со стороны рецидивистов, отрицательно направленных осужденных и нарушителей условий и порядка отбывания наказания, необходимо обеспечить из раздельное содержание.

Влияние перечисленных факторов на количество преступлений, совершаемых женщинами, наглядно показывает статистика женской преступности по регионам Российской Федерации. Так, например, лидером по количеству женской преступности является Москва (7161 за год), причиной чему служат возможность обмана в большом городе, латентность преступлений, низкие нравственные устои и потеря традиционных ценностей. И, наоборот, в Ненецкий автономном округе зарегистрировано 78 случаев, что обуславливается небольшим количеством населения, удаленностью от центра страны, высоким уровнем нравственности.

Необходимо предупреждать и предотвращать женскую преступность, так как она оказывает большое влияние на развитие общества и государство, ведь женщина – это тот человек, который рождает и воспитывает личность, вкладывает в него основы нравственности. Законодатель понимает значение и роль преступлений, совершаемых женщинами, поэтому устанавливает конкретные цели в данном направлении и закрепляет их в Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2023 года³. Главные направления в этой области связаны с улучшением положений женщин, формированием в них материнской заботы и любви, воспитание женственности и чувства сострадания к другим.

Исходя из анализа статистики женской преступности и ее проявлений, следует принять должные меры предупреждения, которые заключаются в следующем:

- возможность самореализации женщины на таком же уровне, как и мужчины, устранение гендерных стереотипов;
- поддержка одиноких беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей со стороны государства;
- повышения уровня нравственного воспитания и правовой культуры женщин;
- проведение тренингов по выработке и проявлению женственности;

– обеспечение раздельного содержания женщин, впервые осужденных к лишению свободы, и женщин с определенным видом рецидива;

– помощь в ресоциализации и контроле за данным процессом и так далее.

Подведем итоги, отметим, женская преступность – это важный показатель уровня жизни общества, нравственных ориентиров и ценностей. На данную категорию преступности влияет множество факторов, устранить которые возможно с помощью изменений в нормативно-правовом регулировании, государственной политики и воспитанием нравственности в человеке. Таким образом, государству необходимо создать условия для достойного уровня жизни, помогать осужденным в период ресоциализации, предоставлять работу и повышать уровень культуры и образования, ведь женская преступность имеет свое особое влияние на развитие общества и человека в нем.

Пристатейный библиографический список

1. Шеманюк М. С. Современное состояние женской преступности // Бюллетень науки и практики. – 2022. – Т. 8. – № 5. – С. 535-540.
2. Молев Г. И., Анисимова М. С. Состояние и тенденции женской преступности в России на современном этапе // Наука. Общество. Государство. – 2020. – Т. 8. – № 4 (32). – С. 99-107.
3. Богданова К. Е. Женская преступность и ее предупреждение в России // Молодой ученый. – 2021. – № 33 (375). – С. 24-28.
4. Шеманюк М. С. Факторы, влияющие на рецидивную женскую преступность // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 2 (128). – С. 1-5.

3 Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.: распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // Собрание законодательства Российской Федерации – 2021. - № 20, ст.3397. (официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> – 05.11.2023).

АВЕРИНСКАЯ Светлана Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Юридического института Иркутского государственного университета

РАДЧЕНКО Елизавета Ивановна

магистрант 1-го курса Юридического института Иркутского государственного университета

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАНЯТИЯ ПРОСТИТУЦИЕЙ

Статья посвящена криминологическим аспектам организации занятия проституцией. Рассматривается современное уголовное законодательство на предмет криминализации организации занятия проституцией, изучается динамика состояния и структуры организации занятия проституцией, анализируются причины и условия, способствующие совершению подобного рода деяния, освещается характеристика личности преступника.

Ключевые слова: организация занятия проституцией, криминогенные факторы, личность преступника.

AVERINSKAYA Svetlana Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law sub-faculty of the Institute of Law of the Irkutsk State University

RADCHENKO Elizaveta Ivanovna

magister student of the 1st course of the Institute of Law of the Irkutsk State University

CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF ORGANIZING PROSTITUTION

The article is devoted to the criminological aspects of the organization of prostitution. Modern criminal legislation is considered with a view to criminalizing the organization of prostitution, the dynamics of the state and structure of the organization of prostitution are studied, the causes and conditions conducive to the commission of such an act are analyzed, and the characteristics of the criminal's personality are highlighted.

Keywords: organization of prostitution, criminogenic factors, personality of the criminal.

На сегодняшний день проституция видится одним из элементов привычного уклада человеческого общежития в аспекте городской жизни. Обозначенная многоаспектная проблематика не вызывает сомнений в ее социальной значимости и в необходимости исследовательской глубины.

По мнению многих ученых, данное явление требует серьёзного государственного контроля, надлежащего правового регулирования. С этой целью вырабатываются различные методы и средства, появляются научно-исследовательские работы, касающиеся проституции и сопутствующих ей негативных явлений.

Однако для обеспечения надлежащего правового регулирования в данной сфере необходимо должное изучение и детальный анализ причин и условий, являющихся зачатками данного социального элемента. Именно эти детерминанты подлежат раскрытию в рамках представленного исследования.

Сегодня на территории Российской Федерации сформировался и активно функционирует рынок проституции. Данная преступная деятельность характеризуется высокой латентностью, коррумпированностью, сложностью выявления и расследования, благодаря чему, несмотря на высокую общественную опасность и постоянный рост, соответствующие деяния в большинстве случаев остаются не выявленными и занимают лишь небольшую часть в общей структуре преступности страны.

При изучении данного социального явления нами была проанализирована динамика состояния и структуры организации занятием проституции¹.

Вышеуказанные данные свидетельствуют о следующем. В период с 2017 г. по 2021 г. наблюдается снижение преступности в рассматриваемой нами сфере. Однако замечено увеличение количества преступлений, совершенных в период с 2020 г. по 2021 г.

Относительно снижения показателей преступности в период с 2019 г. по 2021 г., можно выдвинуть несколько гипотез.

Во-первых, 2019 г. связан с возникновением и ростом коронавирусной инфекцией, данный факт кардинальным образом повлиял на все сферы жизни общества, что не могло не отразиться и на криминологических показателях. COVID-19 понудил принять ряд ограничительных мер, в том числе, связанных с социальными контактами личности, возможностями ее передвижения. Это не прошло бесследно и для общественного сознания – большинство людей старались избегать прямых, личных контактов с окружающими. Так, это могло повлечь за собой снижение спроса на подобные виды услуг, и как следствие, необходимость внесения изменений, коррективов в «преступный промысел» лиц, организующих занятие проституцией.

Во-вторых, можно проследить связь с развитием новых технологий и цифровизации.

Рост, вызванный в 2021 г., можно объяснить снижением ограничительных мер, связанных с распространением новой коронавирусной инфекцией.

Что касается удельного веса рассматриваемого нами состава преступления в структуре преступлений против нравственности, то здесь статистические показатели могут быть представлены следующим образом².

Представленные показатели выведены из статистических данных ЦФО.

Таким образом, можно сделать вывод, что такой состав преступления как «организация занятия проституцией» имеет невысокий удельный вес в структуре всех преступлений против нравственности. Возможно, это связано с тем, что данная глава и рассматриваемая нами сфера включают в себя и иные не менее часто встречаемые в практике правоприменителей составы преступления, которые также занимают достаточный вес в структуре преступлений против нрав-

1 Состояние преступности: официальный сайт МВД России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 19.10.2023).

2 Состояние преступности: официальный сайт МВД России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 19.10.2023).

Диаграмма 1.

Диаграмма 2.

Диаграмма 3.

ственности, также не стоит забывать и о латентности данного состава преступления. Наибольший и достаточно весомый вес в структуре преступлений против нравственности был зафиксирован в 2017 г.

В рамках текущего исследования был проведен анализ динамики состояния преступности в рамках ст. 241 УК РФ. Это помогло увидеть тенденцию наличия отрицательных значений показателей темпов прироста, что безусловно свидетельствует о положительной динамике состояния преступности³.

Отдельное внимание было уделено анализу соотношения способов совершения преступления, предусмотренного ст. 241 УК РФ.

Было выявлено, что наиболее распространенным способом совершения преступления является организация занятия проституцией (его доля в общей массе составляет 77%), далее следует содержание притонов (его доля составляет 20%), последнее место занимает систематическое предоставление помещений (3%).

Одной из возможных гипотез является то, что лица, совершающие данное преступление, преследуют корыстную заинтересованность, целью большинства из них является получение материальной выгоды. Следовательно, лица, осуществляющие данный «преступный промысел», чаще всего, вынуждены не только предоставлять помещение для занятия проституцией, но и, в том числе, выполнять организационные функции в виде: составления «клиентской базы», подбор лиц, которые будут оказывать данные услуги, поиск различного рода «персонала». Более того, требуется организация материально-технического обеспечения, планирование, про-

3 Состояние преступности: официальный сайт МВД России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 19.10.2023).

ведение различных мероприятий, создание притона (подыскание, приобретение, наем, предоставление, приспособление помещений) – все это является именно организацией занятия проституцией.

Анализируя данные, связанные с характеристикой личности преступника, можно представить следующий его портрет.

Лицом виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 241 УК РФ, может быть как мужчина, так и женщина, но на протяжении с 2017 по 2021 гг. преобладающим все же является количество лиц мужского пола, совершивших данное преступление.

Что касается возраста осужденных лиц, то здесь можно отметить, что основная масса преступников имеет возрастной диапазон от 30 до 49 лет, далее следуют лица 25 – 29 лет, на третьем месте 18 – 24 лет. Доминирующий возрастной диапазон можно объяснить следующим образом: данные лица уже обладают достаточным жизненным опытом, умением общаться, договариваться, они уже нашли свои сильные стороны и активно их используют. Их отличает смелость, решительность, сообразительность, хитрость. Грань между «добром и злом» для них, как правило, стерта, а желание получить материальную выгоду очень высоко, поэтому они готовы обогащаться, в том числе, незаконным путем. Также этих людей отличает расчетливый холодный ум. Более того, как правило, эти люди обладают уже достаточным количеством лиц, способных оказать им помощь и поддержку в реализации их идей. Сами они тоже обладают определенным статусом в обществе, который активно используют в реализации поставленных целей.

Анализ рода занятий показал, что более половины осужденных заняты в осуществлении предпринимательской деятельности. Это можно объяснить тем, что рынок рассматриваемых нами услуг характеризуется гибкостью, интенсивностью развития. Безусловно, лицу, имеющему навыки работы с рынком, обладающему соответствующими знаниями, помещениями проще войти в данный «преступный промысел». Многие исследователи сходятся во мнении, что организация занятия проституцией как нелегальная коммерция должна рассматриваться в совокупности с законными видами индивидуальной коммерческой деятельности в целях получения прибыли. К таким видам исследователи относят, например, содержание массажных салонов, стриптиз-клубов и др., т.к. зачастую именно владельцы данных видов бизнеса организуют на их базе притоны.

Процент преступлений, совершенных в соучастии, варьируется от 37 до 49% от общего числа. Это объясняется тем, что для организации занятием проституцией зачастую привлекаются третьи лица, которые являются связующими звеньями между различными субъектами данной системы.

Что касается типа личности преступника, то считаем, в данном случае речь идет о социально-адаптивном типе личности преступников. Представители данного типа отличаются высоким уровнем нервно-психической, эмоционально-волевой устойчивости, сопротивляемостью (толерантностью) к стрессу, длительно воздействующим психофизическим перегрузкам, стеническим типом реагирования в сложных, критических ситуациях, развитыми адаптивными свойствами нервной системы: силой, подвижностью нервных процессов. Эти качества могут усиливаться хорошо развитым интеллектом, позволяющим субъекту успешно осваивать тот или иной способ совершения преступлений, гибким мышлением, сообразительностью, прагматическим складом ума, способностью прогнозировать развитие событий не только на время совершения преступления, но и в последующем в ситуациях активного противодействия усилиям правоохранительных органов. Такие лица нередко имеют достаточно широкий круг интересов (и не только в криминальной сфере), хорошую память, развитые внимание и воображение, более обостренное, дифференцированное восприятие окружающего мира, себя и других.

Далее рассмотрим причины и условия, способствующие совершению организации занятием проституции, через призму многофакторного подхода.

В рамках социально-экономического фактора нам видятся следующие причины, способствующие росту преступности. Во-первых, рынок интимных услуг способен к быстрому и гибкому реагированию на изменения, происходящие в обществе, а непрекращающийся спрос на оказание услуг ин-

тимного характера стимулирует его стремительное расширение и приток новых лиц, готовых оказывать данные услуги. Во-вторых, данные вид преступности также сопровождается извлечением большого дохода организаторами, что также порождает интерес к данной сфере.

В аспекте организационно-управленческого фактора можно увидеть причины, связанные с тем, что данный вид преступной деятельности отличается высокой латентностью, поскольку в раскрытии общественно-опасного деяния не заинтересован ни организатор, ни «клиенты», ни лица, непосредственно оказывающие услуги. Более того, зачастую «покровительство» преступникам предоставляют должностные лица. Из вышеизложенной причины вытекает сопутствующая ей сложность выявления и расследования.

При проведении анализа нельзя обойти и технические факторы. Здесь стоит обратить внимание на то, что нелегальный «рынок услуг» является гибким, поддающимся любым изменениям, продиктованным временем. Так, сегодня осуществляется активное использование в данной сфере новейших технологий, например, одной из форм интеграции стало развитие легальных «публичных домов» с роботами в зарубежных странах, теперь же данный опыт внедрен и в России. Безусловно, содержание таких мест не является уголовно-наказуемым деянием, но пагубно действует на общество, следовательно, меняется общественное сознание, появляется более доляльное отношение к существованию реальных «публичных домов». Также данная «индустрия» подверглась и цифровизации, так появился веб-каминг, который также не урегулирован законодателем. В свою очередь, развитость маркетинга также позволяет развиваться данному виду «рынка услуг». Анонимная зона электронной коммерции способствует росту объемов продаж сексуальных услуг, в том числе лиц, эксплуатируемых принудительно.

Немалую роль играют и правовые факторы. Так, в российском законодательстве не существует уголовной ответственности за занятие проституцией, однако установлена административная ответственность за это правонарушение (ст. 6.11 КоАП РФ), а также за получение дохода от занятия проституцией, если этот доход связан с занятием другого лица проституцией (ст. 6.12 КоАП РФ), что определенным образом влияет на рост преступности. Более того, на сегодняшний день отсутствуют разъяснения Пленума, касающиеся толкования, особенностей квалификации данного состава, например, нет четкого закрепления понятия «проституция», отсутствуют указания по правилам разграничения составов.

Заключительными являются морально-этические факторы. Невысокая развитость морально-нравственных установок личности и общества в целом также способствует росту преступности. Поскольку у потенциальных клиентов растет спрос на данный вид деятельности, следовательно, уже у потенциальных организаторов данной деятельности возникает умысел на ведение такового «преступного промысла». В свою очередь, уровень общественного сознания также зависит от нескольких условий. Сегодня все больше в открытом доступе появляется контент, пропагандирующий беспорядочный образ жизни и порождающий интерес к рассматриваемой нами деятельности.

Резюмируя вышеизложенное, на сегодняшний день проституция как социальный элемент общества претерпевает постоянные изменения, которые обусловлены множеством причин. Данное явление носит пагубный характер для общества, а, следовательно, требует повышенного контроля со стороны государства. Однако ввиду того, что данная преступная деятельность характеризуется высокой латентностью, коррупционностью, сложностью выявления и расследования, снижение роста преступности возможно лишь при детальном анализе статистических данных, причин и условий способствующих совершению преступлений, а также при должном изучении личности самого преступника. Только комплексный, многоаспектный подход к изучению данного вопроса поможет добиться положительных результатов в борьбе с преступностью изучаемого вида.

Пристатейный библиографический список

1. Состояние преступности: официальный сайт МВД России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 10.10.2023).

АРСЛАНГЕРЕЕВ Арслангерей Магомедович

магистрант 2 курса Северо-Кавказского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

УМАРИЕВА Фатима Мурадовна

магистрант 2 курса Северо-Кавказского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

МАГОМЕДОВА Арапат Исаевна

кандидат юридических наук, доцент Северо-Кавказского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

ХИМИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

В процессе исследования химического терроризма важно акцентировать внимание на особенностях этого феномена, как глобальной проблемы современности. В настоящее время террористы проявляют повышенный интерес к возможности получения и использования в своей преступной практике опасных химических веществ в разных их состояниях, поскольку наличие этих компонентов рассматривается, в качестве одного из наиболее эффективных средств достижения преступных целей.

Новизна проведенного исследования выражается в авторском анализе практических примеров актов химического терроризма против российских военных на территории ДНР и Запорожской области и мер, направленных на их предупреждение.

Ключевые слова: современный терроризм, биохимический терроризм, ДНР, Запорожская область, борьба с терроризмом.

ARSLANGEREV Arslangarey Magomedovich

magister student of the 2nd course of the North Caucasus branch of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

UMARIEVA Fatima Muradovna

magister student of the 2nd course of the North Caucasus branch of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

MAGOMEDOVA Arapat Isaevna

Ph.D. in Law, associate professor of the North Caucasus branch of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

CHEMICAL TERRORISM AS A GLOBAL PROBLEM OF OUR TIME

In the process of studying terrorism, it is important to focus on the peculiarities of this phenomenon as a global problem of our time, one of the types of which is chemical terrorism. At present, terrorists are showing increased interest in the possibility of obtaining and using dangerous chemicals in their various states in their criminal practice, since the presence of these components is considered as one of the most effective means of achieving criminal goals. The novelty of the study is expressed in the author's analysis of practical examples of acts of chemical terrorism against the Russian military on the territory of the DPR and the Zaporozhye region and measures aimed at preventing them.

Keywords modern terrorism, biochemical terrorism, DPR, Zaporozhye region, the fight against terrorism.

Терроризм, из-за глобальных масштабов, превратился в опаснейшую проблему современности и стал угрозой стабильности сложившихся международных отношений. Развиваясь на различных уровнях и в различных направлениях, терроризм принимает различные формы, охватывает многие регионы мира (в том числе и постсоветское пространство).

Наиболее опасным типом террористического акта является теракт на местах массового скопления людей, на которых террористами комплексно применялись взрывные устройства с использованием высокотоксичных веществ. Как показывает практика, встречаются и случаи химического терроризма. В большинстве случаев акты химического терроризма осуществляются при необходимости достижения токсикологического эффекта за короткий промежуток времени, в отличие от актов биотерроризма (для которых характерны длительные и скрытые операции).

На сегодняшний день биохимический терроризм находится в стадии активного формирования, и наша страна должна быть готова быстро и эффективно дать отпор тер-

рористическим атакам, в которых могут использоваться как известные, так и качественно новые химические агенты. Это связано с тем, что химические вещества, обладающие потенциально опасными поражающими способностями, не могут долго оставаться невостребованными международными террористическими организациями или фанатичными террористами [1].

Так, в конце июля 2022 года российские военнослужащие, проходившие службу в Запорожской области, были госпитализированы с симптомами тяжелого отравления. Об этом сообщило Министерство обороны РФ. Как отметили в министерстве, анализы показали наличие в их организме ботулотоксина типа В. Ботулотоксин токсин типа В - один из самых сильных органических токсинов, известных человечеству. Он вырабатывается бактерией *botulinum*. Бактерия *Botulinum* является анаэробной бактерией, которая вызывает ботулизм, проще - паралич.

Также об актах химического терроризма рассказал Ян Гагин (советник врио главы Донецкой народной республи-

ки). На соледарском и артемовском направлениях 5 февраля 2023 года украинские войска применили химическое оружие. В этот день, на разных участках фронта были сообщения от командиров подразделений о его применении украинской стороной¹. Минобороны Российской Федерации было озабочено тем, что подобные акты химического терроризма могут повторяться на любых территориях РФ в любое время². Важность этого вопроса практически подтверждается особым интересом руководства нашей страны к подобным террористическим угрозам: 21 декабря 2022 г. на итоговой коллегии Министерства обороны РФ Президент РФ В. В. Путин заявил, что террористические акты на Украине носят бесстыдный и наглый характер³.

26 октября 2022 года Президент РФ В. В. Путин встретился с руководителями органов безопасности и специальных служб государств-участников Содружества Независимых Государств и подчеркнул, что нападение украинских военных на объекты Запорожской АЭС является проявлением атомного терроризма⁴. Президент Путин обратил внимание на то, что значительную опасность для нашей страны могут представлять запрещенные в РФ террористические организации (ИГИЛ, «Аль-Каида» и многие другие), которые сформировали тайные подразделения в странах СНГ и собрали экстремистские группы у границ со странами Центральной Азии. Поэтому необходимо мобилизовать все имеющиеся силы и средства и использовать накопленный опыт для решения задач борьбы с терроризмом⁵.

Важнейшим аспектом борьбы с терроризмом, в том числе и химическим является предупреждение и пресечение актов терроризма.

Одной из основных задач противодействия террористическим угрозам является готовность к ликвидации возможных последствий угрозы химического терроризма. В основе этого должен лежать комплекс специальных мер, осуществляемых с целью максимального смягчения последствий, снижения людских и материальных потерь, предотвращения использования вторичных источников [2].

Террористические акты с использованием сильнодействующих ядовитых химических веществ настолько разнообразны как по условиям их проведения, так и по воздействию на организм человека, что предмет борьбы с этим явлением требует специальных знаний и соответствующего уровня специальной подготовки, проведения комплексных исследований, направленных на повышение эффективности законодательства в этой области, и формирования условий, благоприятных для борьбы с террористической преступностью, если говорить об эффективных мерах. Формирование благоприятных условий необходимо [3].

Как отмечают в своем научном исследовании В. Качалов и М. В. Баранчикова, помимо совершенствования законодательной базы в области борьбы с химическим терроризмом, необходимо провести ряд научных исследований, на основе которых «защита организма человека от новых видов поражающих факторов с различными химическими свойствами необходимо разработать предложения по созданию перспективных технических и медицинских средств» [4].

Эффективная защита национальной химической безопасности требует совершенствования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, а также специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов и соответствующих ведомств, участвующих в контртеррористических операциях.

Обеспечение безопасности страны – это не только национальная, но и глобальная проблема. И несмотря на критический уровень международной напряженности, необходимо искать пути налаживания отношений и развития дальнейшего сотрудничества со всеми странами мира. Прежде всего, необходимо «реанимировать» международные соглашения о запрещении применения оружия массового поражения с точки зрения их предметного выполнения.

Таким образом, в связи со специальной военной операцией на Украине, в ходе которой необходимо обеспечить безопасность российской армии, угроза химического терроризма становится актуальной проблемой России.

Пристатейный библиографический список

1. Кобец П. Н. О необходимости совершенствования деятельности по предупреждению актов химического терроризма // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2023. – Т. 29. № 2 (89). – С. 93-97.
2. Рачеев В. Г. О некоторых нетрадиционных особо опасных формах ведения современной вооруженной борьбы // Проблемы безопасности: электронный научный журнал. – 2013. – № 1 (19). – С. 11.
3. Кобец П. Н. Совершенствование правовых основ в сфере противодействия химическому терроризму // Научный портал МВД России. – 2022. – № 2 (58). – С. 58-64.
4. Качалов В. В., Баранчикова М. В. Терроризм как глобальная проблема современности // Наука и практика. – 2015. – № 2 (63). – С. 66-68.

1 Франс А. Советник Пушилина Гагин сообщил о применении ВСУ химоружия под Артемовском и Соледаром. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/army/news/.shtml> (дата обращения: 26.06.2023).

2 Минобороны рассказало о химатаке против российских военных в Запорожской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/army/news/> (дата обращения: 26.02.2023).

3 Путин: на Украине беззастенчиво и нагло использовалась практика террора. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yandex.ru/turbo/tvzvezda.ru/s/news/> (дата обращения: 26.06.2023).

4 Путин обвинил Украину в атомном терроризме. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yandex.ru/turbo/news.ru/s/vlast/putin-obvinil-ukrainuv-atomnom-terrorizme/> (дата обращения: 26.06.2023).

5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fontanka.ru> (дата обращения: 26.06.2023).

НЕСТЕРЕНКО Андрей Владимирович

заместитель начальника кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ НЕГАТИВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

В статье рассматриваются вопросы классификации негативных социальных явлений, связанных с преступностью. Автор приходит к выводу, что в настоящее время, на высокий уровень преступности активно оказывают воздействие неблагоприятные экономические, политические, медико-психологические, социально-семейные факторы, происходящие в нашем обществе. При этом, автором уделяется особое внимание таким отрицательным элементам как алкоголизм и наркомания, которые с каждым годом имеют тенденцию к росту и влияют на количество совершаемых в этом состоянии общественно опасных деяний.

Ключевые слова: преступность, негативные социальные явления, причинно-следственная связь, алкоголизм, наркомания.

NESTERENKO Andrey Vladimirovich

Deputy Head of Law enforcement organization sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

Нестеренко А. В.

ON THE CLASSIFICATION OF NEGATIVE SOCIAL PHENOMENA RELATED TO CRIME

The article deals with the classification of negative social phenomena associated with crime. The author comes to the conclusion that currently, unfavorable economic, political, medical-psychological, socio-family factors occurring in our society actively influence the high level of crime. At the same time, the author pays special attention to such negative elements as alcoholism and drug addiction, which tend to increase every year and affect the number of socially dangerous acts committed in this state.

Keywords: crime, negative social phenomena, causality, alcoholism, drug addiction.

Большинство негативных социальных явлений представляют собой нарушения нравственных и этических норм общественной жизни, которые при наличии дополнительных неблагоприятных условий нередко перерастают в преступное поведение лица за счет своего разнообразия форм проявления.

Для того, чтобы было удобнее проводить причинно-следственную связь между негативным социальным явлением и совершенным на его почве преступлением, стоит рассмотреть классификацию таких факторов, предлагаемую отдельными учеными-криминологами.

Следует отметить, что классифицировать современные проявления негативных социальных явлений можно по самым различным основаниям.

Первым является степень общественной опасности, которой подвержены как потенциальные правонарушители, так и все их окружение. Нельзя однозначно считать, что условия, явившиеся причиной преступного умысла одного человека, никак не отразятся на другом. Этот критерий указывает на такой признак, как массовая подверженность негативным явлениям.

Второе основание – это относительная устойчивость негативных обстоятельств во времени. Так их можно разделить на постоянные, периодические и ситуационные. От продолжительности развития тех или иных условий зависит, какое количество преступлений совершено, в какой именно сфере и на какие блага покушается злоумышленник.

В качестве третьего основания можно выделить выраженность негативных социальных явлений. Здесь следует говорить о внутренних (субъективных) и внешних (объективных) обстоятельствах, которые указывают, что именно послужило причиной совершения того или иного преступления. Говоря о внешних негативных социальных явлениях, следует иметь в виду, что это факторы внешней среды человека, независимые от его воли или желаний, то есть те, которые происходят в целом в обществе. К ним можно отнести: политические, культурные, социально-экономические, экологические и другие. А внешние обстоятельства отражают жизнедеятельностью конкретного лица, возникают в результате принятия им решения, что в конечном счете является его выбором, например, семейно-бытовые, трудовые, личностные отношения и т.п. Это может быть развод супругов после долгой совместной жизни, непринятие в трудовой коллектив, нелюбимая работа и т.д.

Из всего многообразия классификаций негативных социальных явлений, предлагаемых учеными-криминологами, можно выделить следующие:

1. Общесоциальные, а именно, экономическая ситуация в государстве, а также в отдельных его регионах, объясняющая прямую зависимость развития преступности. К элементам экономики, как к факторам увеличения преступности можно отнести низкую заработную плату работников, высокий уровень безработицы, инфляции в конкретный период времени [1, с. 42].

В этой категории негативных социальных явлений можно выделить такой фактор, как безработица, занимающая одну из первых ступеней на пути роста преступности. Ученые подчеркивают, что незанятость населения является одним из ключевых факторов роста преступности, потому, как не только отражает отрицательную сторону развития экономики государства, но и негативно влияет на саму личность. У безработного человека начинают проявляться черты подавленности, усталости, раздражительности и депрессивности, которые сначала становятся причиной алкоголизма и наркомании, а в дальнейшем и совершения преступлений.

Повышению уровня безработицы в настоящее время способствуют условия развития современного общества и стремление его к цифровизации и компьютеризации всех областей жизнедеятельности. Как следствие – сокращение «живых» рабочих мест за счёт выдвигаемых высоких требований для трудоустройства, постоянная необходимость повышения квалификации и профессиональных навыков. Из-за того, что не все трудоспособные граждане имеют возможность соответствовать таким требованиям, многие из них чаще всего выбирают оставаться безработными, а отдельная их часть - вступает на криминальную тропу. Так, в основном из-за крайней бедности совершаются преступления, связанные с кражами в потребительской сфере.

2. Политическое состояние в целом в стране и конкретно в ее субъектах. Многие преступления в современных реалиях совершаются также на почве политических и военных убеждений и разногласий, которые являются своего рода детонаторами для разжигания конфликтов.

3. Медико-психологические, а именно, общая картина состояния здоровья населения, отрицательное психолого-психическое состояние здоровья значительной части населения независимо от возрастных категорий, проявляющееся в количестве лиц, склонных к психическим заболеваниям, расстройствам или отклонениям. Кроме того, такие люди нередко сами явля-

ются преступниками; служат легкой добычей для злоумышленников из-за быстрой внушаемости, чрезмерной доверчивости; большинство из них не является объектами уголовной ответственности [2, с. 16].

Говоря об общем количестве лиц, ведущих антиобщественный образ жизни, склонных к злоупотреблению алкоголем, наркотическими и психотропными веществами и другими запрещенными или ограниченными в обороте препаратами, следует отметить, что в настоящее время значительная часть лиц, совершающих преступления, входят в указанную группу. Примером может служить распространение преступлений, совершаемых лицами, управляющими транспортными средствами в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, что, согласно статистике, составляет около 85% от общего числа преступлений в России [3, с. 35-37].

4. Социально-семейные факторы, такие как, проблема неполных семей, большое количество беспризорности и безнадзорности среди несовершеннолетних, рост такого явления как «неблагополучная» семья.

Нельзя утверждать о том, что неполная семья – это среда для «взращивания» будущих преступников. Многие родители, оставшись одни, стараются обеспечить своих детей максимальным количеством благ, которые они могут себе позволить, но нередко из таких избалованных детей, вырастают преступники, которые чего-то недополучили в детстве и т.п.

В неблагополучных семьях, ребенку с самого раннего возраста закладывается антисоциальное поведение. Они, как правило, предоставлены сами себе и ими никто не занимается. Если ребенок не находится на обучении в образовательном учреждении или не посещает дошкольные организации, ситуация становится более плачевной. Такой образ жизни несовершеннолетний воспринимает как норму и оказавшись за пределами дома, пытается реализовать эти установки в обществе любыми способами и средствами, в том числе и противозаконными. В таких ситуациях беспризорность и безнадзорность выступают в большей степени как негативные последствия существования неполных и неблагополучных семей [4, с. 38].

Из всех форм, существующих негативных социальных явлений следует выделить наиболее распространенные и тесно связанные с преступностью. К ним относятся, ранее отмеченные, алкоголизм (пьянство), наркомания, а также токсикомания, проституция, порнография и экстремизм, социальный паразитизм, бродяжничество, попрошайничество и др. Эти факторы являются самыми криминогенными из-за своей распространенности, массовости и непосредственной зависимости, в которую попадает сам человек [5, с. 27-33].

Рассмотрим некоторые из перечисленных антиобщественных проявлений подробнее.

Алкоголизм или пьянство как негативные социальные явления оказывают огромное влияние на общее состояние населения современной России. Повсеместное распространение алкогольных напитков, которые вызывают массовую зависимость, и как следствие деградация общества, снижение уровня культуры, неустойчивое сознание, расстройство психики, нарушение физических и профессиональных качеств и навыков, приводит к тому, что человек становится отстраненным от общества, незаинтересованным в собственном будущем.

Несмотря на то, что употребление алкоголя не рассматривается уголовным законодательством как преступление, только в отдельных случаях имеет место административное правонарушение, необходимо отметить, что большинство общественно опасных деяний в последнее время совершается именно в состоянии алкогольного опьянения, чаще всего это убийства, изнасилования, причинение разной степени вреда здоровью, грабежи, разбои и т.д.

Уже сложилась закономерность, чем выше уровень употребления алкогольной продукции, тем выше уровень преступности, ее опасный характер достигает максимума, деяния становятся более жестокими, необдуманными, иногда изощренными по способам совершения. Например, при совершении корыстных преступлений в состоянии алкогольного опьянения, человек руководствуется минутным желанием удовлетворить свою потребность, поэтому действия его будут такими же быстрыми, необдуманными и т.п.

Чаще всего лица, находящиеся в состоянии алкогольного опьянения, сами становятся жертвами корыстных и насильственных действий злоумышленников и тем самым способствуют увеличению роста преступности.

Наряду с алкоголизмом еще одним негативным социальным явлением, обуславливающим рост преступности среди населения, считается наркомания.

Наркомания представляет собой тяжелое хроническое заболевание, вызванное патологическим влечением к наркотическим средствам, психотропным веществам и иным препаратам, способным вызывать длительную психическую зависимость.

В зависимости от стадии заболевания можно предугадать, насколько опасен человек и его дальнейшие действия.

Чаще всего выделяют три стадии наркомании:

1) психическая зависимость (предполагается, что употребление осуществляется лишь с целью вспомнить и испытать чувство эйфории от предыдущего приема сильнодействующих препаратов, в то время как сильного привыкания еще нет);

2) физическое привыкание (иначе говоря, абстинентный синдром или «ломка», наркотики уже не приносят должного удовольствия, а являются средством преодоления сильной зависимости, возможна передозировка и переход к более тяжелым наркотикам). Именно на этой стадии человек представляет наибольшую опасность для окружающих, так как в погоне за дозой наркозависимый может совершить любое преступление.

3) деградация личности (окончательное разрушение ценностных ориентиров, проявляются сопутствующие психические расстройства личности).

Наркомания – одно из наиболее опасных социальных явлений с точки зрения криминологии, так как, во-первых, массово охватывает самые разные категории населения, в частности несовершеннолетних, а, во-вторых, порождает целый ряд преступлений. Так, в УК РФ предусмотрена ответственность за незаконные приобретение, хранение, распространение, перевозку и изготовление наркотических средств и психотропных веществ, а также их производство, сбыт, пересылку и др.

Как выше отмечалось, наиболее подвергнутыми употреблению наркотиков является молодежь, а конкретно несовершеннолетние, которые в силу своего возраста, несформированных личностных качеств и неоконченной социальной адаптации легко становятся жертвами этой зависимости и преступных умыслов наркодиллеров. Кроме того, отсутствие собственных доходов и постоянная необходимость удовлетворять наркозависимость толкает несовершеннолетних на корыстные и корыстно-насильственные преступления.

Увеличение количества преступлений, совершаемых наркозависимыми лицами, растет за счет увеличения объема наркосодержащих веществ и других сильнодействующих препаратов на территории России; роста удельного веса женщин и подростков, употребляющих наркотики, что приводит к социальной деградации личности, угрожает национальной безопасности страны [6, с. 115-119].

Таким образом, к негативным социальным явлениям, связанным с преступностью, относят экономические, политические, медико-психологические, социально-семейные факторы, происходящие в нашей стране. Наибольшую опасность представляют алкоголизация и наркоманизация, которые с каждым годом приводят к увеличению корыстных и корыстно-насильственных преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Гурницкий А. В. Бедность как криминогенный фактор // Научный портал МВД России. - 2014. - № 3 (27).
2. Косарева Л. В. Проблема взаимообусловленности биологического и социального в формировании личности преступника // Современное состояние и перспективы развития правовой науки Сборник статей Международной научно-практической конференции. - Уфа: Аэтерна, 2014.
3. Бибилова К. Г. Криминогенные факторы, влияющие на преступность / К. Г. Бибилова. – Текст: электронный // NovaInfo. - 2020. - № 112. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://novainfo.ru/artikle/17561> (дата обращения: 16.11.2023).
4. Макогон И. В., Косарева Л. В. Семья как основной фактор социализации личности преступника // Бюллетень науки и практики. - 2016. - № 1.
5. Кара И. С., Кара С. В. Некоторые аспекты введения уголовной ответственности за организацию занятия попрошайничеством // Вестник Краснодарского университета МВД России. - 2021. - № 2 (52).
6. Башинская И. Г. Правовой режим деятельности полиции в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков: Вопросы теории и практики // Общество и право. - 2019. - № 2 (68).

СТЕПАНОВА Анна Юрьевна

адъюнкт факультета научно-педагогических кадров Академии ФСИН России

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОДЕРЖАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ

В статье раскрываются вопросы содержания противодействия преступлениям, совершаемым в следственных изоляторах для выработки наиболее эффективных способов борьбы с таким видом преступности. Одним из главных и значимых критериев оценивания эффективности деятельности уголовно-исполнительной системы России стоит рассматривать состояние преступности в учреждениях, в которых содержится спецконтингент, исходя из этого, данная тема исследования является актуальной.

Ключевые слова: предупреждение преступности, следственный изолятор, содержание предупреждения преступности, уровни предупреждения преступности.

STEPANOVA Anna Yurjevna

adjunct of the Faculty of Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy of the FPS of Russia

THEORETICAL ASPECT OF THE CONTENT OF COUNTERING CRIMES OCCURRING IN PRE-TRIAL DETENTION CENTERS

The article reveals the issues of the content of countering crimes committed in pre-trial detention centers in order to develop the most effective ways to combat this type of crime. One of the main and significant criteria for assessing the effectiveness of the criminal justice system in Russia is to consider the state of crime in institutions that contain special forces; based on this, this research topic is relevant.

Keywords: prevention of female crime, convicts, types of crime prevention, levels of crime prevention.

В соответствии с Положением о следственном изоляторе (далее СИЗО) уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации, утвержденным приказом Минюста Российской Федерации от 25 января 1999 г. № 20, в следственных изоляторах содержатся подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений, в отношении которых в качестве меры пресечения применено заключение под стражу, а также для исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию.

В уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации в статье 98 приведен перечень мер пресечения, которые дознаватель, следователь или суд в пределах своих полномочий может избирать подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления. Мера пресечения в виде заключения под стражу является самой жесткой и строгой и применяется только по судебному решению. Также важно отметить, что заключение под стражу – это мера пресечения, которая применяется к подозреваемому или обвиняемому в том случае, когда уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы за преступление, в совершении которого субъект подозревается или обвиняется. Заключение под стражу отводится большое внимание для того, чтобы исключить ошибки в назначении избираемой меры, поэтому можно сделать вывод о том, что в следственных изоляторах находятся преступники, ожидающие приговора суда. В связи с этим спецконтингент, находящийся в данных учреждениях, представляет общественную опасность и существуют основания полагать, что данные лица могут продолжить осуществлять противозаконные уголовно наказуемые деяния, оставаясь в обществе, кроме того, данные лица могут продолжить заниматься преступной деятельностью находясь в условиях изоляции от общества. Данный факт свидетель-

ствует о том, что ограничив общество от преступника, поместив его в следственный изолятор, мы снизили шанс того, что социум может пострадать от преступных деяний лица снова, но тем самым создали условия для совершения преступлений в условиях изоляции, а значит поспособствовали повышению уровня пенитенциарной преступности. Решая одну проблему, мы сталкиваемся с возникновением другой, не менее важной. Создается замкнутый круг, требующий поиска выхода из данной ситуации.

Проблема совершения преступлений в следственных изоляторах заслуживает особого внимания и требует разработки качественных и эффективных решений. Такая преступность негативным образом сказывается на оперативной обстановке не только конкретного учреждения, в котором было совершено преступление, но и негативно влияет на оперативную обстановку в учреждениях уголовно-исполнительной системы в целом. Важно отметить, что преступления, совершаемые в следственных изоляторах, являются составной частью пенитенциарной преступности, а специфика общественной опасности пенитенциарной преступности также выражается в подрыве доверия общества к системе исполнения наказания, в частности, и дискредитации органов государственной власти в общем. Из этого следует, что проблема преступности в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы носит не только ведомственный характер, этот негативный фактор должен прорабатываться и на государственном уровне, так как Федеральная служба исполнения наказаний, включающая в себя функции по обеспечению меры пресечений в виде заключения под стражу, является федеральным органом исполнительной власти и ее авторитет это неотъемлемая часть оценки обществом деятельности государственных органов в целом.

Таким образом, важно отметить, что данный вид преступности не теряет необходимости в изучении понятийного аппарата, а также содержания противодействия ей.

Проблематика преступности и её предупреждения во все времена волновало общество. Первые попытки выявления причин, порождающих преступность, а также разработка мер для её предупреждения начали делать ещё древнегреческие мыслители, так уже в (460 – 370 до н.э.) Демокрит, в частности он выводит причины преступных пороков, тесно связывая их с ролью воспитания, он считал, что результат неправильного поведения незнание более правильного. По его мнению, боязнь наказания является лишь сдерживающим фактором, но не всегда удерживает человека от соблазна совершить преступление в тайне. Иного же мнения придерживался Протагор (480 – 411 до н.э.), он в свою очередь, высоко оценивает предупредительное воздействие наказания. Еще более глубокие мысли на этот счет развил Платон (427 – 347 до н.э.), одним из первых мыслителей он указал на личностно-мотивационную природу нарушений социальных норм. По его мнению, основой нарушений лежат такие чувства как, гнев, ревность, страсть к наслаждениям. Также он считал, что одной из главных причин наличия преступности является междоусобие и раздор бедности и богатства, что именно государство должно решать данную проблему. И в своем гениальном труде «Закон» Платон перечислял факторы, которые должны сдерживать человека от совершения преступлений, по его мнению, к ним относятся:

- ожидаемое зло, которое в дальнейшем будут претерпевать нарушители закона (наказание за содеянное);
- общественное мнение («как бы нас не сочли за дурных людей»);
- совесть и привычку достойного поведения;
- поощрение правопослушных граждан [1, с. 219].

Концепция борьбы с преступностью у Платона очень детально, он указал не только эффективные меры наказания за различные преступления, но и даже оптимальное количество тюрем в государстве. Одной из важнейших причин преступности Платон также считал безнаказанность. Далее последователем Платона в вопросе поиска причин преступности и мер по борьбе с нею стал Аристотель (384 – 322 до н.э.), согласно Аристотелю основной причиной наличия преступности являлось расслоение общества на богатых и бедных, в то же время Аристотель использует термин «культ богатства», подчеркивая, что большую часть преступлений люди совершают из-за стремления к избытку, а не из-за нужды в предметах первой необходимости [1, с. 297]. В своих трудах Аристотель также разработал концепцию сдерживания преступности, включив в нее следующие социальные факторы:

- справедливое государственное устройство;
- стабильность закона;
- беспрекословное главенство закона над должностными лицами;
- борьба с коррупцией;
- уровень развития экономики государства, обеспечивающий высокое благосостояние граждан;
- предоставление возможности реализации различных слоев граждан в социально-полезных формах активности [3, с. 288-289].

Важно отметить, что Аристотель очень высоко оценивал важность предупредительной роли в сфере борьбы с преступностью, по его мнению, одними только предписаниями практически невозможно направить толпу к добру. Человек должен придерживаться правопослушного поведения бла-

годаря своему внутреннему побуждению, так как у многих существует инстинкт предпочитать свои собственные блага вопреки общему.

Далее изучением вопросов предупреждения преступности занимался знаменитый древнеримский юрист Цицерон (106 – 43 до н.э.), он же в свою очередь считал, что важнейшим сдерживающим фактором от совершения преступления является боязнь перед неизбежностью наказания. Именно мысли о возможности обмануть закон и остаться безнаказанным, по его мнению, является сильнейшей побудительной причиной для совершения преступления.

Следующим прорывом в области изучения криминологических особенностей совершения преступлений стал период Просвещения. На наш взгляд необходимо отметить работу двух мыслителей того периода, а именно Ш. Монтескье (1689 – 1775) и Ч. Беккария (1738 – 1794).

Шарль Монтескье в своем сочинении «О духе законов» заложил основы «теории факторов». Данная теория определяла преступное поведение людей разными факторами:

- образ правления;
- законодательство;
- климат;
- образ жизни;
- качество почвы;
- религия и обычаи.

Все вышеперечисленные Монтескье факторы так или иначе влияют на поведение человека, в том числе преступное. Также свое мнение Монтескье высказывал и о предупредительной функции наказания, он считал, что чрезмерная жестокость наказания приводит к одичанию общества.

При изучении трудов Чезаре Беккария, а именно его сочинения «О преступлениях и наказаниях» необходимо отметить, что он очень твердо стоял на том, что наказания должны быть четко установлены законом, чтобы данный вопрос был ясно отрегулирован и решение о выборе наказания за содеянное не оставалось на усмотрение судьи. Ч. Беккария призывал к смягчению действовавшей на тот момент системе наказания, считая, что они не должны причинять страдания и мучения преступнику, их главная функция должна состоять в том, чтобы помешать человеку совершать иные преступления, по его мнению наказания должны соответствовать преступлению, главным критерием при назначении наказания Ч. Беккария считал ущерб, который был преступлением причинен [4, с. 157]. Как мы видим, учеными того времени поднимался вопрос о том, что более важно в предупреждении преступности, внутренние сдерживающие факторы или боязнь наказания.

В дальнейшем с развитием общества теоретическое обоснование значимости профилактики преступности было дано различными учеными-криминологами. Благодаря своим работам они доказали, что предупреждение преступности является основной деятельностью государства и общества по поиску и нейтрализации причин, порождающих преступность, данная деятельность очень широка по своему содержанию, масштабу мероприятий и участвующих в ней субъектов. По мнению Ю. М. Антоняна: «Только уяснение специфики преступности и ее детерминантов в отдельных регионах может придать конкретность профилактическим усилиям правоохранительным органам и общественности, совершенствованию организации их работы» [5, с. 114].

Анализируя статистические данные, предоставленные Федеральной службой исполнения наказаний (далее – ФСИН), нам удалось выяснить, что проблема преступности

в следственных изоляторах имеет место быть, кроме того, изучив различные точки зрения мыслителей античности и эпохи Просвещения, мы пришли к выводу, что необходимо провести тщательное изучение содержательной части преступности в местах заключения под стражу, чтобы благодаря уже имеющимся трудам криминологов выявить все возможные меры по предупреждению преступности в следственных изоляторах, а также предложить новые.

При определении структуры профилактики преступности, как и любого управляемого процесса, необходимо обратить внимание на то, что она образована взаимосвязанными элементами:

- 1) объектами профилактики;
- 2) субъектами профилактики;
- 3) содержанием профилактики.

Объектами профилактики преступлений в следственных изоляторах будет выступать личность преступника, в нашем случае это подозреваемые, обвиняемые и осужденные, также сотрудники уголовно-исполнительной системы, конкретные условия и причины совершения преступлений в условия следственного изолятора.

Субъектами профилактики в нашем случае являются сотрудники уголовно-исполнительной системы, органы прокуратуры, а также правоохранительные органы, взаимодействующие с учреждениями ФСИН России по вопросам профилактики преступности, а также нельзя недооценивать роль общественных объединений и религиозных организаций, которые проводят большой объем профилактической работы.

Содержанием профилактики преступлений будут являться средства и методы воздействия на объекты профилактики преступлений в следственных изоляторах. То есть, содержанием профилактики преступлений будут являться конкретные мероприятия предупредительного характера, проводимые субъектами профилактики преступлений в следственных изоляторах, направленные на обеспечение предупредительной деятельности, а также совокупность организационных и правовых средств, способствующих нормальному функционированию системы предупреждения преступности в СИЗО.

Преступность в следственных изоляторах представляет собой весьма сложное социальное явление, во-первых, как и преступность в целом, она является совокупностью множества противоправных деяний, совершаемых конкретными лицами, в целях удовлетворения различных потребностей, наносящее ущерб обществу или государству, во-вторых, она имеет свои специфические признаки, которые обусловлены наличием конкретной территории, конкретным периодом времени, характеристикой контингента, находящегося на данной территории, а также данное явление подвержена статистике.

Признаками преступности в следственных изоляторах является:

- относительная массовость (к данному признаку относится тот факт, что не все граждане, содержащиеся в следственных изоляторах совершают преступления);
- территориальная замкнутость (все уголовно-наказуемые деяния данного вида преступности совершаются на обособленной территории, в пределах учреждения);
- определенность контингента (все преступления совершаются определенным кругом лиц, в нашем случае подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными и сотрудниками уголовно-исполнительной системы и не могут существовать без данных условий);

- временной период (преступления совершаются в период нахождения под следствием, во время отбывания наказания или во время осуществления служебных обязанностей сотрудниками уголовно-исполнительной системы);

- направленность деяний (преступления, совершаемые в следственных изоляторах, наносят ущерб как обществу в целом, так и конкретному лицу, на которое направленно преступное деяние, так и государству, так как данные явления мешают нормальному функционированию государственного учреждения);

- подверженность статистике (количественная сторона преступности отражается в специальной форме статистической отчетности ФСИН-1 раздел 3).

При изучении нормативно-правовой базы профилактики преступности в следственных изоляторах, мы выявили отсутствие единого понятия этого явления, считаем необходимым предложить своё. Преступность в следственных изоляторах – социальное явление, характеризующееся наличием конкретных признаков, среди которых наиболее существенными являются множество опасных уголовно-правовых деяний, совершивших подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными и сотрудниками уголовно-исполнительной системы в пределах следственных изоляторов, в конкретный период времени.

Пристатейный библиографический список

1. Платон. Законы // Платон. Соч. в 3 т. – М., 1972. – Т. 3. – Ч. 2. – С. 219.
2. Аристотель. Политика // Соч. в 4 т. – М., 1983. – Т. 4. – С. 297-370.
3. Аристотель. Никомахова этика // Соч. в 4 т. – М., 1983. – Т. 4. – С. 288-289.
4. Шиханцов Г. Г. Криминология: Учеб. для вузов. – М.: Зерцало-М, 2001. – С. 157.
5. Антонян Ю. М. Актуальные исследования преступности в городах и меры ее профилактики (Рецензия) // В сб.: ВНИИ МВД СССР. – М., 1980. – С. 114.

ХОХЛОВ Александр Владимирович

аспирант второго года обучения Тольяттинского Государственного Университета

РОЛЬ КРИМИНАЛИЗАЦИИ В ФЕНОМЕНЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В статье исследуются некоторые аспекты научной проблемы определения пределов и стадий уголовно-правового воздействия, имеющие теоретическую значимость и основу в выработке эффективных мер противодействия преступности. Анализу подвергается сущность криминализации, как регулятора социальных процессов. Формулируется проблема законодательного закрепления пределов уголовно-правового воздействия. Разрабатываются аспекты, раскрывающие проблему границ уголовно-правового воздействия. Статья является четвертой авторской публикацией по исследованию феномена уголовно-правового воздействия.

Ключевые слова: уголовно-правовое воздействие, криминализация, уголовное право, уголовная ответственность, пределы и стадии уголовно-правового воздействия, пенализация, уголовная политика.

KHOKHLOV Alexander Vladimirovich

postgraduate student of the second year of study of the Tolyatti State University

THE ROLE OF CRIMINALIZATION IN THE PHENOMENON OF CRIMINAL LAW IMPACT

The article examines some aspects of the scientific problem of determining the limits and stages of criminal legal impact, which have theoretical significance and a basis for developing effective measures to counter crime. The essence of criminalization as a regulator of social processes is analyzed. The problem of legislative consolidation of the limits of criminal legal impact is formulated. Aspects are being developed that reveal the problem of the boundaries of criminal law impact. The article is the fourth author's publication on the study of the phenomenon of criminal law impact.

Keywords: criminal legal impact, criminalization, criminal law, criminal liability, limits and stages of criminal legal impact, penalization, criminal policy.

Хохлов А. В.

Роль уголовного права в толковании социальной обусловленности уголовного закона, его сущности, раскрытии принципов действия, постановки задач, определении понятия преступления и других аспектах является ключевой. На основе исследования различных сторон преступного поведения, видов уголовных наказаний и других мер уголовно-правового характера, оснований и пределов их применения, учеными-юристами разрабатываются научно-обоснованные рекомендации, направленные на совершенствование уголовного законодательства и практики его применения.

Определение границ допустимого законом поведения, предполагает нарушение оных считать общественно опасным деянием или преступлением.

Рассматривая уголовное право, как единую систему противодействия преступности отметим, что именно на его «плечи» ложится бремя разработки средств борьбы с преступными посягательствами.

Изложенное обстоятельство определяет актуальность проблемы установления оснований, под которыми мы понимаем «причину, достаточный повод, оправдывающий что-нибудь» [1, с. 461] и определения пределов уголовно-правового воздействия. Вопрос о пределах, т.е. моменте возникновения и прекращения уголовно-правового воздействия в теории уголовного права специально не рассматривался и является, по нашему мнению, незаслуженно недооцененным и требующим всестороннего исследования.

Нечеткое определение границ уголовно-правового воздействия, отсутствие их нормативного закрепления в уголовном законе, способно вызвать нежелательные социальные последствия.

Вопрос о пределах уголовно-правового воздействия напрямую связан с понятием криминализации, как важнейшей составляющей уголовной политики. В теории уголовного

права феномен криминализации рассматривается неоднозначно, являясь дискуссионным вопросом.

Так, Ю. И. Бытко рассматривает криминализацию в узком и широком смыслах. В узком смысле под криминализацией понимается процесс и результат уголовно-правового нормотворчества, который выражается в признании преступлениями определенных деяний и установлении за их совершение уголовной ответственности [2, с. 127]. В широком смысле в содержание криминализации включается, помимо признания деяний преступными, также пенализация и депенализация. В качестве аргумента ученый приводит мысль, что признание деяния преступлением предусматривает и установление за его совершение наказания. Автор согласен с позицией Н. А. Лопашенко, которая, оппонировав Ю. И. Бытко полагает, что «по отношению к криминализации пенализация носит вторичный характер и является совершенно самостоятельным методом уголовно-правовой политики. В процессе криминализации происходит только констатация уголовной наказуемости преступного деяния. Разработкой же конкретных мер уголовно-правового воздействия на конкретное преступное поведение занимается не криминализация, а пенализация» [3, с. 92].

Научная концепция криминализации позволяет определить ее двоякую роль в регулировании социальных процессов в обществе. С одной стороны, государство должно своевременно реагировать на возникающие правоотношения в связи наблюдаемыми социальными явлениями, выступая их регулятором. С другой стороны, преждевременная криминализация может привести к излишней репрессивности, не отвечающей характеру деяний, зачастую не имеющему достаточных криминообразующих признаков. При этом регулирование возникших правоотношений возможно их нормативным закреплением в других отраслях права (административном, гражданском и т.д.).

Примеры излишней криминализации в действующем Уголовном кодексе РФ¹ (далее в тексте УК) не единичны. Так, статистические данные Министерства юстиции за 2022 год свидетельствуют о единичных случаях регистрации отдельных видов преступлений, либо их отсутствие вовсе. Это подтверждает довод о наличии в уголовном законе «норм-рудиментов», значение которых в уголовно-правовом регулировании сведено к минимуму (ст.ст. 144.1, 145 УК РФ), либо применение которых не имеет широкой распространенности и само возникновение оснований в их «оживлении» носит вероятностный характер (248, 259 УК РФ и др.).

Кроме того, практическая реализация уголовно-процессуальных норм по документированию и раскрытию преступлений ряда категорий у правоохранительной системы невелика, ввиду их высокой латентности (ст. 184 УК РФ и др.).

Подобные подходы дискредитируют роль государства в регулировании наиболее важных, обладающих высокой степенью репрессивности правоотношений, констатируя бессистемность уголовной политики.

Запоздавая реакция государства в криминализации деяний конкретных категорий свидетельствует об отсутствии должного воздействия на преступность, позволяя ей распространяться в широких масштабах. Истории известно немало подобных примеров. Характерными из них являются начавшиеся распространяться в 90-х годах прошлого века преступления, совершенные в составе организованных преступных групп и уголовно-правовые деликты коррупционной направленности. К 1993 году, всего за два года с момента распада СССР, организованная преступность проникла во все властные структуры, породив кратный рост теневой экономики.

Единичные попытки законодателя повлиять на развитие социального явления организованной преступности путем криминализации ее отдельных аспектов не увенчались успехом. Законом РФ от 27.08.1993 № 5668-1 в УК РФ 1960 года была введена ст. 143.1, предусматривающая ответственность за организацию объединений, посягающих на личность и права граждан, Федеральным законом от 01.07.1994 № 10-ФЗ была введена ст. 17.1 «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой», закреплено понятие организованной группы, однако, их воздействие в совокупности с созданными в 1993 году в МВД России подразделениями по борьбе с организованной преступностью, оказалось несущественным.

Сложившаяся крайне напряженная ситуация в стране побудила центральную власть прореагировать путем издания Президентом РФ 14 июня 1994 года Указа № 1226 «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности», кроме того были изданы ряд Федеральных законов и совместных указаний Генеральной прокуратуры, МВД и ФСБ, регулирующих и консолидирующих работу правоохранительных органов и специальных служб с данным явлением.

В принятом 13 июня 1996 года Уголовном кодексе Российской Федерации законодателем закреплена еще одна форма сложного соучастия-преступное сообщество (преступная организация) (ч. 4 ст. 35 УК РФ), предусмотрены дифференцированная ответственность для организаторов, руководителей и участников всех указанных форм, в том числе преступного сообщества (ст. 210 УК РФ) и пенализация по ряду квалифицирующих признаков за создание банды и преступного сообщества (ст.ст. 209, 210 УК РФ).

Что касается преступлений коррупционной направленности, то не смотря на их нормативное закрепление законодателем в Уголовном кодексе 1996 года, понятия коррупции и коррупционного правонарушения, принципы противодействия, меры профилактики, основные запреты, обязанности и ограничения должностных лиц, а также мера ответственности физических лиц за коррупционные правонарушения установились лишь с принятием Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

К сожалению, несвоевременная реакция государства привела к широкой распространенности данных явлений. Предпринятый комплексный подход в выработке ряда феде-

ральных законов, появлению новых норм в уголовном кодексе и применения пенализации, наряду с мерами нерегулируемыми уголовным правом, не приводит к искоренению этих пагубных явлений.

Государство, посредством уполномоченных органов лишь оказывает некоторое, не всегда планируемое и контролируемое влияние.

В качестве положительного примера своевременной реакции государства на возникающие в жизни общества процессы (объявление частичной мобилизации в РФ с 21.09.2022), развитие которых порождает необходимость в уголовно-правовой охране определенных ценностей, путем криминализации, являются изменения в УК РФ определяемые Федеральным законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Изменения, вносимые в уголовный закон, коснулись ужесточения ответственности за ряд воинских преступлений (неисполнение приказа, сопротивление начальнику, насильственные действия в отношении начальника и др.), а также ввели новые составы (добровольная сдача в плен, мародерство).

Проблема законодательного закрепления пределов уголовно-правового воздействия носит многофакторный характер и, помимо ранее упоминавшийся нами в исследовании бессистемности и противоречивости уголовной политики, представлена иными аспектами.

К ним безусловно следует отнести:

– дисбаланс, наблюдаемый в санкциях статей уголовного закона. В качестве характерного примера приведем особо квалифицированный состав нарушения правил безопасности на объектах атомной энергетики (ч. 3 ст. 215 УК РФ) предусматривающий санкцию в виде лишения свободы на срок до семи лет лишения свободы, в случае наступления общественно опасного последствия в виде смерти двух и более лиц, и кражу в особо крупном размере (ч. 4 ст. 158 УК РФ) наказываемую лишением свободы на срок до десяти лет.

Несмотря на следование законодателя триаде личность-общество-государство и помещении ст. 215 УК РФ в Главу 24 Уголовного закона, где родовым признаком выступает общественная безопасность, реакция государства в установлении меры ответственности в случае наступления общественно опасных последствий в виде смерти большого количества людей, представляется неадекватной характеру последствий, порождая возможность полагать, что охрана собственности является наиболее приоритетной;

– масштабность уголовно-правового регулирования, обусловленная появлением новых норм в уголовном законе, регулирующих социальные отношения, развитие которых происходит в связи с научно-техническим прогрессом, распространением информационных систем, нейросетей и др. (274.1, 274.2 УК РФ и др.);

– отсутствие идеологии и четко сформулированных целей и задач уголовно-правового воздействия, оснований его реализации;

– отсутствие единой концепции в юридической науке о сущности пределов уголовно-правового воздействия;

– отсутствие четко определенных границ в регулировании правоотношений нормами административного и уголовного права, обусловивших их взаимопроникновение;

– др.

Таким образом, установление четких границ уголовно-правового воздействия во взаимосвязи с определением оснований и пределов криминализации, декриминализации и наказуемости деяний, является «приводным ремнем» в запуске механизма уголовно-правового регулирования, способствующего консолидации и системности уголовной политики государства.

Пристатейный библиографический список

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка. - М., 1991. - 918 с.
2. Бытко Ю. И. Криминализация как важнейшая составляющая уголовной политики. // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - № 6 (113). - 2016. - 144 с.
3. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. - М., 2009. - 579 с.

¹ Здесь и далее. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. В силу с 12.10.2023).

БЕЛОВА Светлана Николаевна

старший преподаватель кафедры физической подготовки и прикладных единоборств Санкт-Петербургского университета МВД России

ЗАХАРОВА Елена Евгеньевна

преподаватель кафедры организации работы полиции Санкт-Петербургского университета МВД России

ПРОБЛЕМА ЛИШНЕГО ВЕСА СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ И ЕГО НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ВЫПОЛНЕНИЕ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

В настоящее время важной проблемой человечества является избыточный вес как заболевание, которое связано с обменом веществ и проявляется в росте массы тела из-за большого, превышающего норму, скопления в организме человека жировой ткани. Особую значимость данная проблема приобретает в профессиональной сфере сотрудников полиции, физическая форма которых выступает в качестве одного из основных факторов, определяющих уровень успеха в реализации поставленных на службе задач. Чтобы качественно исполнять свои обязанности сотруднику полиции наряду с поддержанием психического здоровья, обязательно следует поддерживать такую физическую форму, которая является оптимальной для данной сферы деятельности, что закреплено нормами российского законодательства. Однако, ненормированный рабочий график, сбитый режим дня, обусловленный выполнением задач в часы, несоответствующие биологическим, бесконтрольный прием пищи, а у ряда сотрудников полиции – «кабинетный» режим, приводят к образованию лишнего веса и даже ожирению.

В связи с высокой значимостью проблемы лишнего веса сотрудников полиции в настоящие дни целесообразно проанализировать ее масштаб, определить главные факторы, которые приводят к ее возникновению и обсудить эффективные меры профилактического характера, способствующие тем затратам энергии за счет физической активности, которые необходимы и способствуют поддержанию нормального физиологического веса.

Ключевые слова: избыточный вес; лишний вес; физическая подготовка; профилактика ожирения; причины лишнего веса; сотрудники полиции.

BELOVA Svetlana Nikolaevna

senior lecturer of Physical training and applied martial arts sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

ZAKHAROVA Elena Evgenjevna

lecturer of Administrative activities of internal affairs bodies sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

Белова С. Н.

Захарова Е. Е.

THE PROBLEM OF EXCESS WEIGHT IN POLICE AND ITS NEGATIVE IMPACT ON THE PERFORMANCE OF OFFICIAL DUTIES

Currently, an important problem of humanity is overweight as a disease that is associated with metabolism and manifests itself in an increase in body weight due to a large, exceeding the norm, accumulation of adipose tissue in the human body. This problem is of particular importance in the professional sphere of police officers, whose physical form acts as one of the main factors determining the level of success in the implementation of the tasks assigned to the service. In order for a police officer to perform his duties efficiently, along with maintaining mental health, it is imperative to maintain such physical fitness that is optimal for this field of activity, which is enshrined in the norms of Russian legislation. However, an irregular work schedule, a downed daily routine due to the performance of tasks at hours that do not correspond to biological ones, uncontrolled eating, and an "office" regime that a number of police officers have, lead to the formation of excess weight and even obesity.

Due to the high significance of the problem of excess weight of police officers nowadays, it is advisable to analyze its scale, identify the main factors that lead to its occurrence and discuss effective preventive measures that contribute to the expenditure of energy due to physical activity that are necessary and contribute to maintaining normal physiological weight.

Keywords: overweight; overweight; physical fitness; prevention of obesity; causes of excess weight; police officers.

Введение

На сегодняшний день во всем мире проблема лишнего веса не теряет своей актуальности.

Некоторые научные деятели видят в качестве одной из причин данной проблемы технический прогресс современного мира. Специалисты признают лишний вес серьезнейшим фактором, который провоцирует развитие множества других заболеваний.

Рассматривая лишний вес в качестве хронического заболевания следует отметить, что, протекая в течении длительного периода времени, оно может сложно поддаваться «лечению». К сожалению, такая проблема не обошла стороной людей разных сфер деятельности и профессий, в том числе, сотрудников полиции.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в связи с существенным снижением уровня профессиональной

пригодности и активности сотрудников полиции вследствие наличия у них излишнего веса, они не могут качественно выполнять свои профессиональные задачи.

В настоящее время не являются редкими случаи, когда достаточно молодые полицейские за несколько первых лет работы успевают набирать лишние килограммы, что сопровождается отдышкой, неуклюжестью, медлительностью и становится причиной возникновения других заболеваний, в том числе, сердечно-сосудистых.

В соответствии с актуальностью темы исследования определена его цель, которая заключается в выявлении профилактических мер образования лишнего веса у сотрудников полиции.

Методы исследования: анализ литературных источников, обобщение научно-литературных данных, статистический метод.

Результат исследования

По данным Всемирной организации здравоохранения, в настоящее время больше 1,9 млрд. чел., достигших совершеннолетия, имеют лишний вес, из которых более 650 млн. чел. страдают ожирением, рассматриваемым в качестве результата образования у человека аномальных отложений жира, причиняющих вред здоровью. Что касается половозрастной структуры, то лишний вес зафиксирован в следующем процентном соотношении: у 39 % мужчин и 40 % женщин. Кроме того, Всемирная организация здравоохранения отмечает, что с 1975 года по настоящее время количество людей, у которых диагностировано ожирение, выросло на всей планете больше, чем в три раза. Исследование, проведенное в России в 2022 году, позволило выявить, что в нашей стране избыточную массу тела имеют 52 % людей, из которых у 22 % — ожирение[1].

Выявлено, что сотрудники полиции больше, чем другие люди, страдают различными заболеваниями внутренних органов, таких как желудок и кишечник, а также имеют избыточную массу тела, что обусловлено бесконтрольным употреблением продуктов питания и сбитым графиком приема пищи вследствие ненормированного рабочего дня, малоподвижным образом жизни у тех, кто имеет «кабинетную» должность[2, с. 63].

Специфика работы большинства полицейских такова, что довольно часто перерывы между приемами пищи излишне растягиваются. Это приводит к усилению чувства голода, что провоцирует переедание. Особенно это является опасным в вечернее время суток, когда трата килокалорий существенно понижается. Таким образом, график работы полицейских выступает основным фактором, который дестабилизирует прием пищи. Важно и то, что в любом магазине по пути на задание полицейский может приобрести продукты с высоким содержанием углеводов в связи с удобством их употребления «на ходу» и особенным вкусом. Это различные хлебобулочные изделия, сладости, фаст-фуд, содержащий жирное мясо, майонез и прочие ингредиенты. Интересным является тот факт, что продукты питания с высоким содержанием углеводов, несомненно, необходимы нашему организму, поскольку содержат полезные вещества и способны насытить, однако в них огромное содержание кислотных солей, которые, при проникновении в организм человека, в значительной степени способствуют замедлению обмена веществ. Помимо этого, кислотные соли задерживают воду, что приводит к отечности, а также развивают вялость организма. В совокупности все это приводит к избытку массы тела. Продукты, в которых преобладают углеводы либо жир, перевариваются в организме в количестве 5-7 % энергетической ценности, тогда как остатки откладываются в виде подкожного жира. Чем больше человек употребляет вредных продуктов и чем ниже его повседневная активность, тем быстрее и больше у него накопленных остатков жирных и углеводных

продуктов. Если учесть не слишком высокую активность сотрудников полиции, их сидячий образ жизни в совокупности с замедленным метаболизмом, то вполне объяснимо то, что при таком питании вскоре организм перестает выполнять функцию регулирования энергетических запасов, приводя к избыточному весу, ожирению и диабету [3, с. 96].

При замедлении жизненного ритма сама собою в организме замедляется трата килокалорий. Активизируется стадия накопления жира «про запас». Сотрудники полиции, которые являются представителями кабинетной занятости, наиболее всего страдают заболеваниями, связанными с их малым уровнем подвижности. Замедление обмена веществ приводит не только к образованию избыточных жировых масс, но и к уязвимости сердечной мышцы и, как следствие, к вегетососудистой дистонии, что в совокупности может привести к ожирению. Далее страдает опорно-двигательный аппарат: лишний вес дает нагрузку на ноги и приводит к венозным заболеваниям; человек испытывает болевые ощущения в позвоночнике, развивается артроз коленных суставов. Ожирение приводит к жировой инфильтрации паренхимы печени, способствует развитию таких заболеваний, как холецистит и панкреатит. У женщин, являющихся сотрудниками полиции, довольно часто избыточная масса тела приводит к аменорее. Как известно, у полных людей повышается пототделение, что в свою очередь способствует развитию различных заболеваний кожи, гиперпигментации, а также мест повышенного трения [4, с. 2173]. И это лишь малая часть того, что формирует дисбаланс между теми требованиями, которые предъявляются к полицейским в отношении их физических качеств, и реальным положением дел, поскольку у сотрудников полиции, страдающих избыточной массой тела, в значительной степени снижается продуктивный уровень работоспособности, устойчивость организма к воздействию отрицательных факторов их профессиональной деятельности, а также общая физическая подготовленность, выносливость.

Необходимо отметить, что лишний вес у сотрудников полиции является не только следствием специфики их работы, но и, в том числе, следствием генетической предрасположенности. Человек может и вовсе не переусердствовать в приеме пищи, а также вести более-менее активный образ жизни, при этом изменение гена, который имеет отношение к лишнему весу, рано или поздно даст о себе знать в виде жировых отложений. Это обусловлено тем, что каждый ген является матрицей определенного белка, гормона или же фермента и при ее даже несущественном изменении, белок выполняет свою функцию уже иначе. Особенно это проявляется тогда, когда ген, относящийся к полноте, получен организмом от обоих родителей.

Таким образом, несмотря на то, что сотрудники полиции во все времена имели довольно организованные структуры, поддерживающие не только профессиональную форму, но и физическую, в настоящее время проблема лишнего веса остается актуальной, а уровень физической подготовленности профессиональных кадров значительно снизился вместе с уровнем профпригодности, что не дает полноценно реализовывать задачи на службе.

Говоря о сотруднике полиции простым языком, можно сказать, что это тот, кто ловит преступников. При этом достаточно сложно представить себе полного неповоротливого человека, страдающего отдышкой в погоне за нарушителем правопорядка. Так, проблема лишнего веса приводит к тому, что вместе с получением знания и опыта профессиональной деятельности, полицейский не получает повышение, а наоборот, уходит со службы. В этой связи важным вопросом является решение проблемы лишнего веса у полицейских. Прежде всего, необходимо отметить то, что таких преград, которых невозможно было бы преодолеть, нет. Даже в том случае, когда лишний вес появляется из-за генетической предрасположенности. Несмотря на ненормированный ра-

бочий день необходимо выработать график питания. При этом в случае невозможности употребления пищи вовремя, следует ограничиться в покупке вредных продуктов в виде фаст-фуда и сладостей, заменив их на фрукты и овощи, а также зерновые, зернобобовые, цельные злаки. В целом процесс нормализации массы тела у полицейских обладает некоторой спецификой, которая заключается в важности сочетания этого процесса с графиком работы, который является довольно сложным по отношению к сохранению хорошей физической формы [5, с. 177].

Несмотря на систематические занятия, направленные на физическую подготовку сотрудников полиции, они не ориентированы на похудение, и в рамках действительных реалий у них возникает необходимость в том, чтобы тщательно обдумывать свой режим для возможности выделить время на выполнение физических упражнений. Формирование в сознании каждого человека ответственного отношения к своему здоровью приводит к результату исключительно тогда, когда ему предоставлена возможность вести здоровый образ жизни. В связи с чем решение проблемы видится, в том числе, в привлечении соответствующих специалистов — диетологов, психологов и специалистов в области лечебной физической культуры, консультирующих сотрудников полиции и корректирующих питание путем разработки специальной диеты.

В качестве одного из приоритетных направлений профилактики лишнего веса сотрудников полиции является формирование коллектива физической культуры территориальных органов МВД, привлекающего сотрудников к спортивным занятиям и создающего условия для регулярных физических нагрузок вместе с разработкой их методик.

Такой коллектив принимает участие в общей профилактической стратегии деятельности сотрудников полиции путем организации спортивных мероприятий, в том числе с привлечением институтов гражданского общества для пропаганды здорового образа жизни.

Непосредственно сам коллектив представляет собой первичную организацию, которая осуществляет свою деятельность на основании добровольного спортивного общества, формируемого на базе соответствующего учреждения. Такой коллектив квалифицируется как референтная малая социальная группа, выполняющая деятельность социально-ориентированного характера, которая выражается во влиянии на осознание сотрудниками полиции важности и значимости регулярного выполнения физических упражнений и, как следствие, повышения своей профессиональной подготовки. Работа коллектива проводится с ориентацией на специфику профессиональных обязанностей сотрудников полиции при соблюдении внутриведомственных нормативных актов [6, с. 592].

Весьма эффективным в борьбе с лишним весом у полицейских может оказаться, на наш взгляд, опыт США, где на службу принимают людей, окружность талии которых до 102 см включительно. Что касается тех, кто набрал лишний вес будучи уже на службе, в отношении этих сотрудников в США применяют финансовый метод стимулирования. Так, их обязали поддерживать себя в хорошей физической форме, и в случае несоблюдения данного требования сотрудники лишаются ежегодной премии [7, с. 22]. По нашему мнению, денежная составляющая дает высокую мотивацию, поэтому данный опыт может быть эффективен в России.

Закключение. Можно уверенно констатировать, что в настоящее время имеет место проблема высокой заболеваемости у тех лиц, особенности труда которых негативно влияют на их здоровье. Несмотря на отсутствие единого подхода к профилактике лишнего веса у сотрудников полиции, им необходимо поддерживать хорошую физическую форму, которая выступает в качестве залога здоровой жизни в целом и успешной трудовой деятельности в частности.

Поддержанию тела в необходимой форме способствуют сочетание правильного питания, прежде всего — отказ от вредных, высокоуглеводных и жирных продуктов, и физических нагрузок, эффективность которых нельзя недооценивать. В противном случае малоподвижный образ жизни сотрудников полиции наряду с нездоровым употреблением продуктов питания, стрессом и отсутствием возможности регулярно выполнять физические упражнения, ненормированный график работы очень быстро приведет к метаболическому синдрому, а далее к более негативным патологиям.

Пристатейный библиографический список

1. ВОЗ: Ожирение и избыточный вес. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.who.int/ru/> (дата обращения: 12.02.2023).
2. Косиковский А. Р. и др. Организация профессиональной служебной и физической подготовки в органах внутренних дел: учебное пособие. — М.: Академия управления МВД России, 2020. — 124 с.
3. Беловолов Ю. К., Иванова Л. А., Юрьев В. С. Проблема ожирения в современном обществе // *OlymPlus*. Гуманитарная версия. — 2021. — № 2 (13). — С. 96-99.
4. Бичев В. Г. Проблемы избыточного веса и роль физической культуры и спорта в его профилактике // *Инновации. Наука. Образование*. — 2021. — № 32. — С. 2172-2178.
5. Томас А. В., Пантелеев А. Ф., Кемпф Е. В. Профилактика и лечение избыточного веса и ожирения у сотрудников органов внутренних дел как необходимое условие обеспечения эффективности профессиональной деятельности // *Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями*. — 2017. — № 17-2. — С. 177-179.
6. Дроздов А. С. Роль коллектива физической культуры территориальных органов МВД в совершенствовании физической подготовки сотрудников. — Текст: непосредственный // *Молодой ученый*. — 2019. — № 23 (261). — С. 591-594. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/261/60126/> (дата обращения: 12.02.2023).
7. Кучумов Д. В., Молчанова А. М. Мотивационная составляющая физической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // *Наука-2020*. — 2020. — № 7 (43). — С. 21-25.

ДРУЖИНИН Андрей Валерьевич

кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры физической подготовки Уральского юридического института МВД России

ЛАВРИЧЕНКО Руслан Константинович

кандидат педагогических наук, доцент кафедры тактико-специальной подготовки Ростовский юридический институт МВД России

ТУЛЬСКАЯ Елена Анатольевна

старший преподаватель кафедры международного полицейского сотрудничества и борьбы с преступностью по каналам Интерпола Центра подготовки сотрудников органов внутренних дел для участия в миротворческих миссиях ВИПК МВД России

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ ПРИ ВООРУЖЕННОМ НАПАДЕНИИ

Настоящая статья посвящена вопросам, связанным с применением основ физической подготовки сотрудников полиции при вооруженном нападении в целях не только решения профессиональных задач, но и обеспечения личной безопасности обороняющегося. Актуальность выбранной темы обуславливается тем, что сегодня при подготовке квалифицированных кадров особое внимание не уделяется прикладным аспектам, обуславливающим первостепенным значением. Занятия по физической подготовке построены таким образом, чтобы воспитать и развить базовые знания, умения и навыки боевых приемов борьбы, предписанные законом. Но при этом не уделяя должного внимания иным факторам, влияющим на ориентированность и готовность принятия сложных решений в соответствии с правилами и требованиями обеспечения личной безопасности.

В рамках данного исследования авторами предприняты попытки в определении наиболее эффективных методов обеспечения личной безопасности сотрудника правоохранительных органов, а также формирования общих и целостных рекомендаций по усовершенствованию образовательного процесса.

Ключевые слова: физическая подготовка, прикладные аспекты, личная безопасность, сотрудник правоохранительных органов, вооруженное нападение, злоумышленник.

DRUZHININ Andrey Valerjevich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, Head of Physical training sub-faculty of the Ural Law Institute of the MIA of Russia

LAVRICHENKO Ruslan Konstantinovich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

TULSKAYA Elena Anatoljevna

senior lecturer of International police cooperation and combating crime through Interpol channels sub-faculty of the Training Center for Law Enforcement Officers to Participate in Peacekeeping Missions of the VIPK of the MIA of Russia

APPLIED ASPECTS OF ENSURING THE PERSONAL SAFETY OF A POLICE OFFICER DURING AN ARMED ATTACK

This article is devoted to issues related to the application of the basics of physical training of police officers in an armed attack in order not only to solve professional tasks, but also to ensure the personal safety of the defender. The relevance of the chosen topic is due to the fact that today, when training qualified personnel, special attention is not paid to applied aspects, which are of paramount importance. Physical training classes are designed in such a way as to educate and develop basic knowledge, skills and fighting techniques prescribed by law. But at the same time, without paying due attention to other factors that affect the orientation and willingness to make difficult decisions in accordance with the rules and requirements of personal safety.

Within the framework of this study, the authors have made attempts to determine the most effective methods of ensuring the personal safety of a law enforcement officer, as well as the formation of general and holistic recommendations for improving the educational process.

Keywords: physical training, applied aspects, personal safety, law enforcement officer, armed attack, attacker.

В условиях складывания криминогенного общества, рост преступности, а также повышение организованности, латентности и степени вооруженности злоумышленников сотрудникам полиции нередко приходится сталкиваться с вооруженными нападениями, требующих, во-первых, пресечения противоправных действий преступников, во-вторых, обеспечения безопасности граждан, а, в-третьих, сохранения личной безопасности.

Ситуации, представляющие потенциальную опасность для жизни сотрудников правоохранительных органов, требует от них скоординированных, оперативных, тактических действий, обеспечение которых зависит от соблюдения и поддержания психофизиологического состояния, включающего в себя волю, собранность, дисциплинированность, а также высокие технико-тактические умения, навыков и физической подготовленности [1]. Разумеется, наличие данных качеств позволяет обуславливать сотрудника полиции, как подготовленного, компетентного сотрудника, способный вы-

полнить служебно-боевые задачи, при этом обеспечить надежную личную безопасность.

Важно отметить, что на сегодняшний день наиболее распространенный способ совершения посягательств на жизнь и здоровье сотрудников правоохранительных органов является вооруженное нападение, реализуемое с применением колюще-режущих предметов, то есть холодного оружия. Поэтому следует отметить, что традиционная форма противодействия посягательств – применение табельного оружия, не всегда является эффективной и качественной, поскольку маневренность использования ножа намного быстрее и виртуознее, чем табельного оружия.

Следовательно, выезжая на задержание или иные действия, связанные с отражением противоправных действий злоумышленников, сотруднику полиции первоочередное следует помнить о потенциальной вооруженности холодных оружием преступников. Прежде чем приступить к атаке нападающего первоначально следует понимать, какие

будут действия противника. В основном, сотрудники полиции предполагают наличие у злоумышленника «бытовых» знаний применения холодного оружия, исходя из обычных уличных драк. Однако не стоит упускать из внимания факт агрессивного поведения преступника и нестандартного его поведения в связи со сложившейся психоэмоциональной ситуацией.

По общему правилу, представления о потенциальном поведении преступника у сотрудников ОВД складываются на занятиях по физической подготовке, когда зачастую на занятиях моделируются и инсценируются ситуации возможного нападения или отражения его подготовленных сотрудников. Однако невозможно исключить в рамках образовательного процесса понять реальную сущность ведения боя с вооруженным нарушителем, а также обусловить реальные преимущества холодного оружия. В связи с чем при непосредственной встрече с ножом сотрудник полиции нередко впадает в состояние растерянности, нервозности и теряет самообладание.

Итак, нож представляет собой короткое клинковое оружие, относящееся к категории холодного. Главной целью ножа является уничтожение противника на коротких расстояниях. Существенной особенностью ножа является то, что его маскировочные данные позволяют спрятать холодное оружие практически во всех местах, в особенности, за предплечьем. Кроме того, холодное оружие не требует специальных знаний в приготовлении или добывании, элементарные знания позволяют без труда самостоятельно его изготовить. Это что касается доступности оружия.

В случае вооружения холодным оружием преступник с легкостью может поразить противника, поскольку непосредственное его уничтожение, в частности, связано не с физическим фактором, а с умением ловко, быстро и внезапно нанести удар по жизненно важным органам. Разумеется, сотрудник полиции, вооруженный специальными средствами и табельным оружием, имеет больше преимуществ, чем противник, но лишь тогда, когда опасность для сотрудника налицо, то есть противник непосредственно демонстрирует наличие ножа. Если же сотрудник полиции не подозревает или лишь предполагает наличие холодного оружия, то в данном случае ему необходимо соблюдать определенные правила, а также применять конкретные тактические умения, полученные на занятиях по физической подготовке. В частности, речь идет о соблюдении дистанции, что является приоритетным аспектом самозащиты от ударов холодным оружием. Помня о необходимости и важности соблюдения дистанции, сотрудник полиции сам себе предоставляет возможность на оценку обстановки, принятие эффективных решений, позволяющих нейтрализовать противника, а также на обеспечение личной безопасности, в случае молниеносной атаки.

Разумеется, наиболее эффективным способом создания расстояния является возведение искусственных барьеров, в том числе автомобили, заборы, изгороди и др. Тем не менее данные способы лишь создадут временное преимущество, позволило выиграть время у противника. Далее уже следует действовать первым, но при этом помнить, что нападать, то есть пытаться его обезвредить, на противника, вооруженного ножом, необходимо лишь тогда, когда иные другие способы были исчерпаны.

Образовательный процесс, включающий в себя физическую подготовку, обуславливается воспитанием и развитием умений и навыков применения физической силы, а также задержания преступника посредством применения боевых приемов борьбы. Также Наставление регламентирует вариативность отражения вооруженного нападения на сотрудника полиции с помощью применения боевых приемов борьбы. Видится, что, задерживая нарушителя исключительно, применяя при этом боевые приемы борьбы, сотрудник полиции подвергает себя весьма высокой опасности нанесения ему смертельных ударов ножом [2]. Поэтому одной из рекомендаций усовершенствования образовательного процесса является моделирование наиболее реальных условий применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Важно, при отработке и оценивании навыков обучающихся применять более приближенные к настоящим ножам макеты (по весу, плотности, материалу), позволить обучающимся

находиться в повседневной одежде, а также предоставить «волю» применения в комплексе физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия с последующим разбором ошибок и недоработок [3].

Кроме того, подготовленность к отражению вооруженного нападения складывается с базовых знаний и правил техники безопасности, полученных на занятиях по физической подготовке. Наряду с соблюдением дистанции сотрудник полиции должен понимать наличие ножа и предугадывать его хват. Данные знания позволяют далее прогнозировать направление движения нападающего с ножом, предполагать приблизительное место поражения и др. Поэтому до непосредственного контакта с правонарушителем сотруднику правоохранительных органов следует обращать внимание на расположение и нахождение рук.

Разумеется, эффективность отражения вооруженного нападения зависит не только от знаний блокировки ударов с ножом, но и дальнейших действий по применению загибов, скручиваний, а также досмотров и сопровождений. Исключительно комплексные знания, полученные на занятиях по физической подготовке, позволяют наиболее успешно преодолевать служебно-боевые задачи, а также обеспечить личную безопасность.

Еще одним немаловажным аспектом отражения нападения считается сохранения стабильного психоэмоционального состояния сотрудника полиции. Возникновение критических ситуаций, требующий от сотрудника полиции быстрого, немедленного и решительного реагирования зачастую вводит их в эмоциональное состояние, при котором обороняющийся теряет бдительность, хладнокровие, что влечет к нескоординированным, неверным движениям, подвергаящим опасности жизнь и здоровье сотрудника ОВД [4]. Решение данной проблемы видится в инсценировке наиболее приближенных к реальным условиям ситуаций, которые бы вырабатывали у сотрудников полиции стабильное психологическое состояние, умение справляться со страхом, а также способность к принятию законным, оперативных и эффективных решений.

Таким образом, профессионализм сотрудника правоохранительных органов, отражающего вооруженное нападение, складывается из ряда немаловажных факторов, в частности, связанных с прикладными аспектами его подготовленности. Особое внимание при подготовке обучающихся важно уделять профессиональной подготовке, которая складывается из физической, психологической, огневой, тактико-специальной и правовой. Исключительно комплексный подход, а также наличие базовых знаний, в особенности, по физической подготовке позволяют не только успешно выполнить стоящие перед сотрудником служебные задачи, но и сохранить в целостности жизнь и здоровье.

Пристательный библиографический список

1. Степанов Г. И., Бабин А. В., Мирзоев А. Р. Актуальные проблемы в формировании профессиональных навыков в применении боевых приемов борьбы у сотрудников подразделений органов внутренних дел МВД России // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 1 (140). – С. 340-342. – EDN NYDSSW.
2. Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах правоохранительных дел Российской Федерации: Приказ МВД России от 01.07.2017 № 450.
3. Иванов А. И., Мавропуло О. С., Тациян А. А. [и др.] Изучение характера нападений на сотрудников ОВД при исполнении служебных обязанностей как основа модернизации физической подготовки курсантов и слушателей в образовательных организациях МВД России // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2023. – № 4 (218). – С. 130-134.
4. Бабин А. В., Лукьянов А. Б. Актуальные проблемы физической подготовки и спорта сотрудников органов внутренних дел и пути их решения // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 9 (160). – С. 473-475. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47195114>. (дата обращения: 23.11.2023).

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна

кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ЗОРИНА Наталья Сергеевна

старший научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА

В данной статье автором рассматриваются основные факторы, которые приводят к преступности среди несовершеннолетних. К данным факторам относится воспитание подростка, его окружение и наличие вредных привычек. Помимо этого, рассмотрен вопрос учета особенностей личности несовершеннолетнего преступника. Предоставляемая в исследовании информация может быть полезной в работе по осуществлению превенции и реагированию на преступления, совершенные подростками.

Ключевые слова: преступность, несовершеннолетний, детерминант преступности, личность, противодействие.

TSARKOVA Evgeniya Gennadjevna

Ph.D. in physical and mathematical sciences, leading researcher of the Department for the Study of the problems of employment of convicts and economic problems of the functioning of the penitentiary System of the Center for the Study of Problems of management and organization of the execution of sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

ZORINA Natalya Sergeevna

senior researcher of the Department for Improving Legal Regulation of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

DETERMINANTS OF JUVENILE DELINQUENCY AND PERSONALITY CHARACTERISTICS OF A JUVENILE OFFENDER

In this article, the author examines the main factors that lead to juvenile delinquency. These factors include the upbringing of a teenager, his environment and the presence of bad habits. In addition, the issue of taking into account the personality characteristics of a juvenile offender is considered. The information provided in the study may be useful in the work on prevention and response to crimes committed by adolescents.

Keywords: crime, juvenile, crime determinant, personality, counteraction.

Преступность является крайне нежелательным явлением в любом его проявлении. Обществу необходимо стремиться к тотальному осуждению преступной деятельности, независимо от возраста, социального статуса и финансового положения преступника. К сожалению, на современном этапе развития общества мы не можем говорить о том, что общество отрицает преступность. Скорее наоборот – преступный образ жизни романтизируется и восхищает множество людей по всему миру. Для начала следует отметить, что детерминанты преступности несовершеннолетних включают в себя широкий спектр факторов, таких как социо-экономическое положение семьи, отношения с родителями, образовательный уровень, а также социокультурные и психологические аспекты. Многие исследования свидетельствуют о том, что несовершеннолетние, вовлеченные в правонарушения, часто испытывают трудности в семейной среде, в школе и обществе, что может привести к негативному поведению. Детерминантов преступности несовершеннолетних гораздо больше, чем кажется на первый взгляд, а личность несовершеннолетнего преступника отличается специфическими характеристиками, которые отсутствуют у зрелых людей.

Преступность несовершеннолетних в России имеет тревожные тенденции к росту. Согласно статистическим дан-

ными, количество преступлений среди несовершеннолетних на протяжении последних трех лет не имела тенденции к снижению. Проведенный анализ статистических показателей преступности позволил установить, что предварительно было расследовано особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, в 2017 г. – 1 863, в 2018 г. – 1 968, за 9 месяцев 2019 г. – 1708. Предварительно расследовано тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, в 2017 г. – 8375, в 2018 г. – 7748, в 2019 г. за 9 месяцев – 6392. Предварительно расследовано преступлений средней тяжести, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, за 2017 г. – 24 269, за 2018 г. – 28484, за 9 месяцев 2019 г. – 17109. Предварительно расследовано преступлений небольшой тяжести, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, в 2017 г. – 10781, в 2019 г. – 10353, за 9 месяцев 2019 г. – 7846. Предварительно расследовано преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, в 2017 г. – 45288, в 2018 г. – 43553, за 9 месяцев 2019 г. – 33055. Выявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, за 2017 г. – 42504, за 2018 г. – 408602, за 9 месяцев 2019 г. – 305763 [1, с. 133]. Представленные цифры подтверждают, что уровень преступности несовершеннолетних в целом сохраняется в

пределах одной величины. Периодичность уровня преступности является результатом многих факторов как объективного, так и субъективного характера.

Первичным детерминантом преступности несовершеннолетних является их воспитание. Зачастую воспитательный фундамент подростка служит ему неким ограждением от желания совершить преступление. Уважительное отношение к окружающим, к имуществу других, к свободе личности каждого и к закону в целом – вот что необходимо прививать детям для того, предотвратить совершение преступлений. Однако, в реальной жизни многие подростки проживают в условиях, которые социальные службы назвали бы не соответствующими нормальному физическому и психологическому развитию ребёнка.

Воспитание в неблагополучной семье влияет на материальные и моральные ценности подростка. Помимо этого, весомую роль играет и общественная «стигматизация» таких несовершеннолетних. Детям из неблагополучных семей, очень часто малообеспеченных, уделяется недостаточно ухода, что с самого детства проявляется в школе – в месте, где ребёнок проводит большую часть своего детства. Дети из более благополучных семей зачастую подвергаются насмешкам малообеспеченных детей, чем провоцируют агрессию и ненависть со стороны последних. Не последнюю роль играют и учителя, которые зачастую принимают сторону обеспеченных детей в конфликте, так как зачинщик конфликта может обратиться за помощью своих родителей, а родителям второго ребёнка, как правило, малоинтересна его жизнь. Следовательно, в дальнейшем, ребёнок из неблагополучной семьи будет склонен к прямой и упреждающей агрессии, что является ничем иным, как защитной реакцией [2, с. 46].

Вторым важным детерминантом преступности несовершеннолетних является их окружение. Именно в окружении своих друзей подросток становится смелее и получает возможность реализовать преступные намерения, которые могли бы напугать его, если бы он остался с этими мыслями один. Подростки более часто объединяются в группы для совершения преступлений, так как поодиночке у них может не хватить либо сил, либо смелости для того, чтобы завершить начатое преступление.

Третий важный детерминант преступности несовершеннолетних – это подверженность подростка вредным привычкам. Чрезмерное употребление алкоголя, наркомания, токсикомания – эти привычки снижают способность подростка к адекватному мышлению и провоцируют его на необдуманные поступки. Данный детерминант выступает сильным катализатором в случае, если подросток имеет окружение, поощряющее вредные привычки и аморальный образ жизни. Помимо этого, если и сам подросток неуважительно относится к закону, вероятность избегания противоправных действий со стороны подростка будет стремиться к нулю.

Несовершеннолетние преступники обладают определенными особенностями личности, которые качественно выделяют их на фоне других правонарушителей. Психологи считают, что преступное мышление начинает формироваться у ребёнка в возрасте 5 - 7 лет. В первую очередь, это касается тех детей, которые воспитываются родителями, которые ведут себя с ребёнком грубо и неуважительно. Такими действиями родители вызывают у ребёнка злобу и ненависть, которую они выплёскивают на своих сверстников, так как родителям ребёнок попросту не может противостоять [4, с. 102].

Как уже упоминалось ранее, несовершеннолетние преступники часто совершают преступления в компании.

Это обусловлено их психологическими особенностями. Во-первых, в подростковом возрасте происходят процессы полового созревания, социализации и личностного становления. Подобные процессы продвигаются более просто, если в окружении подростка есть сверстники, которые имеют те же интересы, что и у зачинщика преступления. Нередки случаи, когда подростки совершают преступления с целью развлечения, самоутверждения либо возвышения в глазах остальных.

Эмоционально-волевая сфера несовершеннолетних преступников характеризуется ослабленным чувством стыда, равнодушием к страданиям других лиц. Они вспыльчивы, лживы и агрессивны. Их отличает узость кругозора, они не читают книг, не интересуются искусством, не ориентируются в происходящих общественных и политических процессах, им свойственен глубокий правовой нигилизм, низкий духовный уровень, отсутствие культуры досуга. У данной категории несовершеннолетних вызывают интерес азартные игры, совместное употребление алкоголя, публичное выражение негативного отношения к общественным нормам поведения и морали, беспорядочные половые связи. По мере взросления такое поведение становится привычкой, которую эта категория лиц реализует при необходимости и общественно опасным или преступными методами [5, с. 149].

Преступность несовершеннолетних является одной из наиболее тревожных категорий преступности для российского общества. Повышение либо стабилизация на одном уровне подростковой преступности в условиях сокращения рождаемости и демографического дисбаланса работоспособного населения грозит тем, что негативные тенденции в обществе продолжат усугубляться. Подростки будут избирать преступный образ жизни вместо законопослушного и в результате не приносить какой-либо пользы обществу. Со стороны правоохранителей необходима, в первую очередь, концентрация на предупреждении подростковой преступности как более эффективной мере, чем наказание тех подростков, которые уже совершили преступления. Помимо вышесказанного, в вопросах противодействия преступности несовершеннолетних необходимо учитывать особенности личности несовершеннолетнего, базирующихся жизненном опыте ребенка.

Пристатейный библиографический список

1. Рыжова О. А. Особенности преступности несовершеннолетних и меры профилактики в современных условиях // Наука. Общество. Государство. – 2020. – Т. 8. – № 2 (30). – С. 131-143.
2. Мухина Т. К. Причины и факторы семейного неблагополучия // Ответственный редактор. – 2020. – С. 43.
3. Стома И. В. Криминологические особенности личности несовершеннолетних преступников // Российская девиантологическая панорама: теория и практика. – 2022. – С. 100-103.
4. Федотова Е. Н. Особенности личности несовершеннолетнего преступника // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 6. – С. 147-150.

АРСЛАНОВ Айдар Азатович

магистрант направления 42.04.01 «Реклама и связи с общественностью», группа МСО-22-01 Уфимского государственного нефтяного технического университета

БАТЫРШИНА Джамия Рафисовна

магистрант направления 42.04.01 «Реклама и связи с общественностью», группа МСО-22-01 Уфимского государственного нефтяного технического университета

КОЗЛОВА Юлия Борисовна

кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных и политических коммуникаций Уфимского государственного нефтяного технического университета

МУХАМЕТЧИНА Элина Динаровна

магистрант направления 42.04.01 «Реклама и связи с общественностью», группа МСО-22-01 Уфимского государственного нефтяного технического университета

АКТУАЛЬНЫЕ ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИИ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

В статье выявляется ряд проблем, связанных с развитием онлайн коммуникаций в Российской Федерации, проводится анализ современных тенденций медиакоммуникаций, которые находят свое отражение в повседневной практике.

Ключевые слова: коммуникации, онлайн-коммуникации, интернет, медиа, социальные сети, информация, контент, блог, тренды, бренд, стратегия, пользователи, геймификация, технологии, СМИ, блогер, платформа.

ARSLANOV Aidar Azatovich

magister student of the direction 42.04.01 "Advertising and public relations", group MSO-22-01 of the Ufa State Petroleum Technical University

BATYRSHINA Jamilya Rafisovna

magister student of the direction 42.04.01 "Advertising and public relations", group MSO-22-01 of the Ufa State Petroleum Technical University

KOZLOVA Yuliya Borisovna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Social and political communications sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

MUKHAMETCHINA Elina Dinarovna

magister student of the direction 42.04.01 "Advertising and public relations", group MSO-22-01 of the Ufa State Petroleum Technical University

CURRENT ONLINE COMMUNICATIONS IN RUSSIA: PROBLEMS AND TRENDS

The scientific article puts forward a number of problems related to the development of online communications in the Russian Federation. In addition, the work is devoted to the analysis of modern trends and trends of media communications, which are reflected in everyday practice.

Keywords: communications, online communications, Internet, media, social networks, information, content, blog, trends, brand, strategy, users, gamification, technology, media, blogger, platform.

Онлайн-коммуникации за последнее десятилетие стали неотъемлемой частью всех сфер общественной жизни. Это очевидно и для России, где уникальные экономические, политические и социальные условия имеют свою специфику в области цифровых коммуникаций [1]. Анализируя современные тенденции в нашей стране, мы обнаруживаем ряд значимых проблем и вызовов, и в то же время можем наблюдать активное развитие этого пространства, во многом определяющее будущее общественных, деловых и личных коммуникаций. Таким образом, целью данной статьи является более полное освещение вышеозначенных взаимосвязей и тенденций.

Рассмотрим подробнее проблемы онлайн-коммуникаций:

1. Интернет-безопасность. В настоящее время значительно вырос уровень кибер-угроз в сети Интернет (атака хакеров на тот или иной ресурс, утечка персональных данных пользователей, финансовые мошенничества и так далее). Сейчас особое внимание уделяется защите персональной информации, поскольку очень важно сообщать пользователям об основных правилах защиты своих данных.

2. Пристальное внимание уделяется социальным сетям и интернет-платформам. Принятие новых законов и правил,

контролирующие деятельность социальных сетей, приводит к ряду проблем с доверием пользователей на ту или иную информацию.

3. Стирание границ, системы ценностей, этических норм. Зачастую люди не задумываются и позволяют себе делать в Интернете то, что обычно не говорят в реальной жизни. Поскольку коммуникация происходит на расстоянии, пользователи чувствуют свободу, выражаются более открыто, это может спровоцировать открытую агрессию, угрозы и ненависть к собеседнику.

4. Ограничение доступа к сети Интернет. Введение ограничений и проверка контента (блокировка сайтов, цензура, мониторинг активности пользователей) влияет на выраженные мнения и оказывает негативное воздействие на свободу слова.

5. Большое количество ложной информации. В сети существует немалое количество фейковых новостей, как на популярных интернет-ресурсах, так и на малоизвестных. Это приводит к неверному пониманию реальной ситуации и вводит в заблуждение многих пользователей [2].

Помимо проблем, хотелось бы отдельно отметить и тренды современной коммуникации.

Один из трендов вытекает из проблемы, описанной выше: регулирование социальных сетей на законодательном уровне и более жесткий контроль за ними. В связи с этим, осторожное ведение социальных сетей становится новой реальностью для контент-менеджеров брендов. Интернет ничего не забывает и не прощает ошибок. Именно поэтому чрезвычайно важен выбор стратегии и тем, освещаемых в блоге [3]. В связи с этим стоит вспомнить рекламные акции, которые нанесли большой репутационный урон их организаторам и заказчикам. Например, сети японских блюд «Ебидоеби» пришлось отвечать за свой агрессивный маркетинг в суде и стать неоднократным объектом жалоб в Федеральную антимонопольную службу. Как показывает опыт, данный вид маркетинга не актуален не только для отечественных компаний, но и для мировых брендов с известным именем. Так, «Balenciaga» с рекламной кампанией под названием «Истории игрушек»¹, задуманной одним из продвинутых из итальянских фотографов позволила, чтобы на фото дети позировали с новыми сумками бренда с плюшевыми медведями, однако на последних кадрах малыши были запечатлены в кожаных портупеях, шипах и браслетах с цепями. Про эту рекламную кампанию активно писали блогеры и мировые СМИ², а в Twitter даже вышел в тренд хэштег #BoycottBalenciaga, в результате чего бренд попал в тренд «культуры отмены».

Важно отметить, что в последние годы на территории Российской Федерации частично либо полностью блокируются некоторые социальные сети, что способствует развитию и выходу на первый план местных продуктов, таких как ВКонтакте, RuTube, Yarru. В последние месяцы все чаще говорят о блокировке русского сегмента YouTube, именно поэтому контент-менеджерам стоит быть готовыми к резким переменам и уже сейчас иметь аккаунты на отечественных платформах, чтобы суметь быстро влиться в них и подстроиться под меняющийся рынок медиапотребления.

Следующим активно развивающимся трендом стал запрос аудитории на отсыл к ностальгии. Это прослеживается во всех областях современного мира: пользователи вспоминают легендарные рекламные кампании 90-х, в музыке все чаще замечается уклон в сторону «синти-попа» (характерного жанра конца 1990-х - начала 2000-х). И это логично, ведь поколение, которое росло в это время, именно сейчас приобретает коммерческую самостоятельность и способность платить за позитивные эмоции, вызванные возвращением в годы юности и беспечного детства. Использование данного тренда позволит не только получить сиюминутную прибыль, но и сделать пользователя более лояльным к бренду, который использует вышеописанную тенденцию. Самым ярким примером применения этого тренда сейчас можно признать представление сериала «Слово пацана. Кровь на асфальте». Онлайн-платформа «Wink» уже сейчас бьет рекорды по просмотрам, а на «Кинопоиске» сериал получил невероятно высокий рейтинг в 9 баллов³.

Следующим трендом является разветвление стратегий для различных каналов продвижения бренда. Специалисты все чаще замечают, что классическая стратегия «создать контент для одной социальной сети и продублировать его во всех остальных» уже не работает. Пользователи «чистоплотны» и не хотят видеть одно и то же в новостных лентах неоднородных каналов коммуникаций. Ведь как бы пользователь ни был лоялен к бренду, такую тактику он скорее всего воспримет как распространение информационного

шума. Поэтому оптимальным станет размещение органичного контента: «кружков», коротких голосовых сообщений в Телеграме, информативных карточек и полезных лонгридов во «ВКонтакте», «шортсов» в YouTube. Стратегия ведения различных каналов должна соответствовать запросам и «болям» пользователей.

По-прежнему актуальной остается геймификация и интерактивность брендов. По данным компании ElectronicsHub⁴, средний показатель экранного времени в России — 48% от времени бодрствования. Интерактивный контент — способ привлечь пользователей, чье внимание распространяется на большее количество медиа.

Простая и креативная механика игр способна вовлечь клиентов в историю бренда, его продукты и, конечно же, повысить лояльность клиентов бренда. Так, в приложении мобильной экосистемы «МТС» доступен целый ряд лаконичных игр, благодаря которым клиенты могут выиграть различные интерактивные призы. Сеть «ВКонтакте» несколько раз в год проводит масштабные марафоны по сбору всяческих виртуальных подарков, которые в дальнейшем можно обменять на лотерейные билеты, причем, продолжают эти акции довольно длительное время, и «ВКонтакте» сумел сохранить интерес пользователей и их веру в выигрыш больших призов [4].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что онлайн-коммуникации находятся в центре внимания современного общества. Россия - не исключение, здесь наблюдается активное развитие и изменение данного сектора. В условиях постоянного движения и развития цифровых технологий, актуальным является более полное и детальное научное исследование этой проблемы.

Пристатейный библиографический список

1. Гареев Э. С., Ахмадуллин И. И., Валитова Н. Э., Габдрахманова Л. Н., Габдулхакова Р. В., Козлова Ю. Б., Костылева Е. Г. Теория и практика рекламы и связей с общественностью. Учебное пособие Для обучающихся по направлению подготовки «Реклама и связи с общественностью» Часть 1. Связи с общественностью и реклама: организация, правовое и научное обеспечение профессиональной деятельности. - Уфа, Издательство УГНТУ, 2018. - 345 с.
2. Габдулхакова Р. В., Козлова Ю. Б., Грогуленко Н. В. Роль интернет-коммуникаций в продвижении имиджа города // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 01 (152). - С. 429-431.
3. Kouba M., Козлова Ю. Б. Оптимизация средств коммуникации в современном постиндустриальном обществе / В сборнике: Государство будущего: актуальные проблемы социально-экономического и политико-правового развития сборник статей по материалам IV Международной научно-практической конференции посвященной 70-летию юбилею УГНТУ. - 2018. - С. 269-272.
4. Козлова Ю. Б. Геймификация в системе современного высшего образования: теоретические основы и практическая значимость // История и педагогика естествознания. - 2022. - № 1.

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/forbeslife/481843-plohaa-istoria-igrusek-pocemu-balenciaga-obvinaut-v-propagande-pedofili>.

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2022/11/28/style/balenciaga-campaign-controversy.html>.

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kinopoisk.ru/series/5304403/?utm_referrer=yandex.ru.

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://timeweb.com/ru/community/articles/electronics-hub-issledovali-srednee-ekrannoe-vremya-v-45-stranah>.

КАРЧАЕВА Камила Аварьевна

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, старший лейтенант полиции

Карчаева К. А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Повышенная изменчивость окружающей среды, связанная с новыми угрозами и вызовами, заставляет правоохранительную сферу и оборонный комплекс находиться в стадии готовности дать ответ и защитить страну от атак злоумышленников. Безусловно, обострение отношений на мировой политической арене, активизация негативных настроений (а порой и агрессии) в отношении нашей страны, а также наличие внутригосударственных социально-экономических проблем оказывает влияние на рост преступности в стране и криминогенную обстановку.

Современные статистические данные свидетельствуют о том, что на сегодняшний день большее количество преступлений и правонарушений совершается с использованием современных информационно-технических средств и ресурсов сети «Интернет».

Информационно-технические средства и ресурсы сети «Интернет» помимо прогрессивных изменений несут новые вызовы и угрозы, связанные с ростом преступности в области киберпространства. Объединение всего мирового сообщества в единое информационное поле обусловило удобство совершения широкого спектра административных правонарушений и преступлений посредством ресурсов сети «Интернет» и современных информационно-технических средств.

Киберпреступность – это угроза безопасности всего мирового сообщества. За счет широкого охвата аудитории в сети, сложности расследования такого рода преступлений, высокой конфиденциальности и неумения ориентироваться в особенностях современного кризисного информационно-коммуникационного взаимодействия наблюдается ежегодный рост киберпреступлений по всему миру.

Целью данного научного труда является освящение основных видов преступлений и правонарушений, осуществляемых с применением ресурсов сети «Интернет», а также анализ вызовов и угроз от основных видов киберпреступлений.

Ключевые слова: киберпреступления, средства массовой информации, сеть «Интернет», противодействие преступлениям в адрес России, преступления в сети «Интернет», фейки, защита информации, кибератака, киберпреступник.

KARCHAEVA Kamila Avarjeva

Ph.D. in economical sciences, senior lecturer of Law enforcement organization sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, senior lieutenant of police

GENERAL CHARACTERISTICS OF CRIMES AND OFFENCES ON THE «INTERNET»

Increased environmental variability associated with new threats and challenges forces the law enforcement and defence sectors to be in a state of readiness to respond and protect the country from the attacks of intruders. Undoubtedly, the aggravation of relations in the world political arena, the intensification of negative attitudes (and sometimes aggression) towards our country, as well as the presence of domestic socio-economic problems has an impact on the growth of crime in the country and the criminogenic situation.

Current statistics show that today a greater number of crimes and offences are committed using modern information technology tools and resources of the Internet.

In addition to progressive changes, the information technology tools and resources of the Internet bring new challenges and threats related to the growth of cybercrime. The unification of the entire world community into a single information field has made it convenient to commit a wide range of administrative offences and crimes through the resources of the Internet and modern information technology tools.

Cybercrime is a threat to the security of the entire global community. Due to the wide reach of the audience online, the complexity of investigating this type of crime, high confidentiality and inability to navigate the peculiarities of modern crisis information and communication interaction, there is an annual increase in cybercrime around the world.

The purpose of this academic work is to highlight the main types of crimes and offences carried out with the use of Internet resources, as well as to analyse the challenges and threats from the main types of cybercrime.

Keywords: cybercrimes, mass media, the Internet, countering crimes against Russia, crimes on the Internet, fakes, information protection, cyberattack, cybercriminal.

Административные правонарушения и преступления, осуществляемые при помощи современных информационно-технических средств и ресурсов сети «Интернет» сегодня занимают первые места в рейтинге самых популярных видов противоправных и общественно опасных деяний.

Актуальность темы исследования набирает обороты ввиду того, что, несмотря на активную деятельность правоохранительной сферы, преступная деятельность в сети «Интернет» продолжает расти.

Исследованию методов и путей предупреждения и пресечения киберпреступлений уделяли внимание многие

авторы и ученые. Труды таких научных деятелей, как З. Л. Шагапсоева, Л. А. Бураевой, В. А. Гаужаевой, О. С. Гузевой, Н. М. Тарасик, В. В. Коломинова, Е. А. Алиевой, Е. Р. Николаева, А. П. Суходолова, Р. Г. Кочоян, М. К. Кумышевой на сегодняшний день не теряют своей практической значимости.

Однако как показывает передовой опыт и актуальные статистические данные широкое использование ресурсов «Интернет», а также современных информационно-технических средств обусловило рост информационных преступлений во всем мировом сообществе, самыми распространенными видами киберпреступлений на сегодняшний день являются следующие: осуществление мошеннических операций, в том числе онлайн-мошенничество, DDoS-атаки, социальная инженерия, фишинг, кибер-сталкинг, запрещенный/незаконный контент, наборы эксплойтов.

Киберпреступность в России условно состоит из двух этапов: первый - с момента создания первой ЭВМ до 1990 года и современный период - с 1990 года по настоящий момент времени.

Основной негативный эффект киберпреступности связан с высокой конфиденциальностью такого вида преступлений, латентностью, широким охватом публики, цифровой неграмотностью населения, а также сложностью правовых аспектов расследования аналогичных противоправных деяний. Также следует отметить, что жертвами киберпреступников могут стать не только отдельные личности, а общественные организации или государства в целом, а это уже несет угрозу всему мировому сообществу и национальным интересам стран. Количество преступлений, совершаемых в киберпространстве, растёт пропорционально числу пользователей компьютерных сетей. [9].

Попробуем дать определения основным терминам и понятиям.

Так под преступлением в сети «Интернет» мы понимаем общественно опасное деяние, совершенное с использованием современных информационно-технических средств и ресурсов сети «Интернет».

Проанализировав различные подходы к определению термина «киберпреступность», мы остановились на нескольких.

Д. Н. Карпова определяет киберпреступность как социальную девиацию, осуществляемую при помощи технических средств с доступом в сеть «Интернет». По ее мнению, целью киберпреступности является нанесение культурного, идеологического, экономического и других видов ущерба отдельному гражданину, организации или государству [7].

М. Е. Батухтин в своих научных работах определяет киберпреступление как преступную деятельность в электронной системе, осуществляемую посредством компьютерных средств либо против них [5].

Главное место в оценке Интернет-преступности занимает анализ ее состояния, структуры и тенденций развития. В частности, качественно-количественная характеристика преступности является исходной точкой криминологического исследования [6].

Киберпреступления можно дифференцировать и классифицировать по целому спектру различных признаков, однако остановимся на базовой классификации при-

знаком которой является наличие насильственной составляющей противоправного деяния. В соответствии с этим можно выделить две категории киберпреступлений: насильственные и ненасильственные преступления в области киберпространства.

Основными популярными видами насильственных преступлений в области информационного поля относятся угроза физической расправы, киберпреследования, киберэкстремизм и кибертерроризм. К ненасильственным относятся: кибермошенничество, кибершантаж, киберворовство, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, азартные игры в сети «Интернет», отмывание денег с помощью электронного перемещения.

Помимо киберпреступлений следует отметить, что большое количество преступлений различной направленности организовано с применением современных информационно-технических средств и ресурсов сети «Интернет». Среди них ведущее место занимает незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, когда связь между «продавцом», «закладчиком» и «покупателем» организована через информационно-технические средства, при том все три участника могут не знать друг друга, что усложняет процесс пресечения и расследования таких преступлений.

Помимо этого, отдельное внимание следует уделить «вербовке» молодых людей в ряды незаконных вооруженных формирований или радикально настроенных организаций. Данный вид преступной деятельности также организуется через сеть «Интернет», при этом в данном случае стираются территориальные границы и все мировое пространство выглядит как единое информационное поле.

Ознакомившись с официальной статистикой, можно установить, что уровень киберпреступности на территории нашей страны остается высоким, и обусловлено это такими факторами, как:

- недостаточная проработка законодательных и нормативно-правовых механизмов противодействия киберпреступности;
- отсутствие единой модели расследования преступлений в сети «Интернет»;
- нестабильность информационного поля, постоянное изменение форм и методов совершения кибератак;
- слабая подготовка кадров, осуществляющих противодействие и расследование современных информационно-технических преступлений.

Киберпреступность на сегодняшний день одна из главных угроз национальным интересам России и всего мирового сообщества. Тем самым противодействие атакам злоумышленников является приоритетной задачей правоохранительной системы.

Для эффективной защиты информационного пространства от атак злоумышленников необходимо представить систему защиты информации в виде многоуровневой системы, состоящей из физической защиты, правовой защиты, технической защиты и криптографической.

Все задачи кибербезопасности сводятся к следующим основным направлениям — это:

- совершенствование нормативно-правового обеспечения защиты информации;

– минимизация ущерба для автоматизированных информационных систем в случае проникновения и взлома их мошенниками;

– продвижение на мировой политической арене российских методик противодействия киберпреступности;

– разработка многоуровневой системы защиты информации;

– обеспечение условий бесперебойной работы систем, баз и банков данных;

– охрана национальных информационных ресурсов и их конфиденциальная передача по открытым информационным площадкам и сетям.

Политика государства в данном случае должна быть направлена на обеспечение сотрудничества мирового сообщества по вопросам обеспечения кибербезопасности, а также введение и обеспечение обязательной и достаточной идентификации личности пользователя при предоставлении доступа в сети Интернет в местах коллективного пользования [8].

Несмотря на активную работу правоохранительной сферы и оборонного комплекса статистика говорит о следующем: по данным Министерства внутренних дел Российской Федерации за период с января по май 2023 года наблюдается рост числа преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, на 27,5%.

Противодействие киберпреступлениям не будет эффективным без обобщения судебной и следственной практики по пресечению киберпреступлений, а также без разработки единой методики расследования преступлений, совершаемых с использованием современных информационно-технических средств.

Также рекомендуется постоянный обмен опытом между государствами и международное сотрудничество в направлении блокирования деятельности киберпреступников, так как современные киберпреступления несут угрозу всему мировому сообществу.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (последняя редакция).
2. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.02.2021).
3. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020).
4. Алиева Е. А. Сеть интернет как средство совершения развратных действий // Пробелы в российском законодательстве. - 2017. - № 4. - С. 180-182.
5. Батухтин М. Е. Киберпреступления: причины, виды, формы, последствия, направления противодействия // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе Материалы Международной научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов, 2018.
6. Гаужаева В. А., Прокофьева Е. В., Прокофьева О. Ю. Преступность в сети Интернет: криминологи-

ческие характеристики // Вестник экономической безопасности. - 2019. - № 4. - С. 111-114.

7. Карпова Д. Н. Киберпреступность: глобальная проблема и ее решение // Власть. - 2014. - Том 22. - № 8. - С. 46-50.
8. Суходолов А. П., Иванцов С. В., Борисов С. В., Спасенников Б. А. Актуальные проблемы предупреждения преступлений в сфере экономики, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация Всероссийский криминологический журнал. - 2017. - Т. 11. № 1. - С. 13-21. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-preduprezhdeniya-prestupleniy-v-sfere-ekonomiki-sovershaemyh-s-ispolzovaniem-informatsionno>.
9. Тропина Т. Л. Киберпреступность. - Владивосток, 2009.
10. Тропина Т. Л., В. А. Номоконов Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология интернет – пространства. - 2012. - № 1 (24).
11. Урбан В. В. Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: общая характеристика и уголовно-процессуальные меры по их противодействию // Вестник Восточно-сибирского института МВД России. - 2019. - № 1 (88). - С. 55-63.

КОВШ Сергей Владимирович

преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

ДЕЖУРНЫЙ Анатолий Алексеевич

кандидат юридических наук, профессор кафедры административного права и административной деятельности ОВД Дальневосточного юридического института МВД России, г. Хабаровск

КОРЕНЮГИН Виталий Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России, подполковник полиции

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассмотрены особенности правового регулирования обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в интернет-пространстве. Выделены основные типы информации, являющейся небезопасной для молодежи. Предложено законодательное решение вопросов защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, а также организационно-технические меры в форме мониторинга интернет-ресурсов, блокирования интернет-сайтов, содержащих информацию порнографической направленности, а также сайтов, содержащих информацию о склонении подростков к насилию, жестокому обращению, экстремизму, терроризму, разжиганию ненависти, призывам к участию в несанкционированных мероприятиях и другие действия технического характера.

Ключевые слова: безопасность в телекоммуникационных сетях, несовершеннолетние, кибербуллинг, сайт-форумы, информационные продукты, нормативно-правовая база в области информационной безопасности.

KOVSH Sergey Vladimirovich

lecturer of Humanitarian and socio-economic disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

DEZHURNIY Anatoliy Alexeevich

Ph.D. in Law, professor of Administrative law and administrative activities of the department of internal affairs sub-faculty of the Far Eastern Law Institute of the MIA of Russia, Khabarovsk

KORENYUGIN Vitaliy Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative law sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

LEGAL REGULATION OF ENSURING THE INFORMATION SECURITY OF MINORS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE INFORMATION SOCIETY

The article examines the features of legal regulation of ensuring the information security of minors in the Internet space. The main types of information that are unsafe for young people are identified. A legislative solution to the issues of protecting the rights and legitimate interests of minors is proposed, as well as organizational and technical measures in the form of monitoring Internet resources, blocking Internet sites containing pornographic information, as well as sites containing information about inciting teenagers to violence, cruel treatment, and extremism, terrorism, incitement to hatred, calls for participation in unauthorized events and other actions of a technical nature.

Keywords: security in telecommunication networks, minors, cyberbullying, website forums, information products, regulatory framework in the field of information security.

Информационная безопасность представляет под собой состояние защищенности несовершеннолетних, при котором отсутствует риск причинения информацией вреда посредством информационно-коммуникационных сетей.

В рамках научного исследования особый интерес представляет вопрос о том, какая все-таки информация является опасной для несовершеннолетних?

1) Информация, которая может натолкнуть несовершеннолетних на совершение действий, опасных для их жизни и здоровья; способная вызвать желание у подростков заниматься антиобщественной деятельностью, употреблением наркотических и психотропных веществ, а также алкогольной и спиртосодержащей продукции;

2) Информация, содержащая порнографический смысл;

3) Информация, содержащая нецензурную брань;

4) Кибербуллинг, иными словами травля детей в интернет-пространстве;

5) Информация, которая оправдывает насилие или иное жестокое обращение с животными и людьми.

Рассмотрим более подробно все виды такой информации.

Пропаганда и реклама. Согласно проведенным исследованиям, было выяснено, что более 55% школьников доверяют рекламе. В Великобритании в 2021 году журнал Tobacco Control опубликовал результаты исследования, показавшие,

что в ходе активной пропаганды в ходе рекламы табачной продукции, около 70% аудитории может закурить в ближайшее время [5].

Однако, реклама не всегда может повлечь за собой негативное влияние на развитие подростка. Важно отметить, что наибольшую ценность в рамках рекламы представляет информация горячих линий, по которым могут обратиться подростки, столкнувшиеся с тяжелыми жизненными ситуациями. Или, та информация, в рамках которой рассказывается о помощи, и о тех людях, которые смогли справиться с жизненными трудностями.

Нецензурная речь. Существует достаточно много исследований, подтверждающих, что нецензурная брань негативно влияет на формирование психики подрастающего поколения. Поскольку дети, когда слышат бранные слова, даже не осознавая этого факта, могут стать более агрессивными, по сравнению со сверстниками.

Порнография. Эта насущная проблема современных реалий, которая требует пристального внимания со стороны правоохранительных органов и активного блокирования сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащих порнографию. Опасность заключается в том, что, во-первых, формирует у подростков расстройство сексуального поведения, во-вторых, подростки стремятся в раннем возрасте вступить в сексуальную связь. Кроме того,

демонстрируемое в порнографии поведение позволяет думать подросткам о том, что мальчики должны всегда доминировать, а девочки быть сексуально доступными.

Насилие и жестокость. Опасность пропаганды насилия и жестокости в отношении животных и людей сводится к следующим положениям:

- дети могут становиться менее эмпатичными по отношению к боли и страданиям других людей;
- дети начинают бояться окружающего мира;
- дети становятся более агрессивными по отношению к миру, а в некоторых случаях относится к другим людям враждебно или даже причинять им вред.

Исследования психологов сводятся к тому, что если дети в возрасте до 12 лет наблюдают за насилием и жестоким обращением, транслируемым по телевидению или в интернет-ресурсах, то вероятность их дальнейшего агрессивного поведения в подростковом возрасте сводится к 56% [5].

Рассматривая вопрос об информационной безопасности несовершеннолетних, нельзя не сказать, что в интернет-пространстве существует определенного рода классификация Интернет-угроз:

- 1) сайты, призывающие к самоубийству;
- 2) сайты-форумы потенциальных самоубийц;
- 3) сайты, пропагандирующие наркотические средства;
- 4) сайты, которые разжигают национальную и иную рознь;
- 5) сайты порнографической или иной безнравственной направленности;
- 6) сайты, занимающиеся пропагандой насилия, жестокости, экстремизма и терроризма;
- 7) секты;
- 8) сайты знакомств.

Важно отметить тот факт, что в рамках телепередач мы видим ограничения по возрасту. Эти ограничения были введены в действие в целях ограничения просмотра таких передач детьми и предотвращению общественно-вредных последствий.

Все ограничения информационных продуктов подразделяются на следующие группы:

- информационные продукты, не имеющие ограничений;
- информационные продукты для детей, достигших возраста шести лет;
- информационные продукты для детей, достигших возраста двенадцати лет;
- информационные продукты для детей, достигших возраста шестнадцати лет;
- информационные продукты, запрещенные для детей [3].

Таким образом, мы пришли к выводам о том, что информационная безопасность представляет под собой состояние защищенности несовершеннолетних, при котором отсутствует риск причинения информацией вреда посредством информационно-коммуникационных сетей. Все виды информации, представляющие угрозу для безопасности несовершеннолетних в интернет-ресурсах сводятся к информации, которая может натолкнуть детей на совершение действий, опасных для их жизни и здоровья; информации, способной вызвать желание у подростков заниматься антиобщественной деятельностью, употребление наркотических и психотропных веществ, а также алкогольной и спиртосодержащей продукции; информации, содержащей порнографический смысл; информации, содержащей нецензурную брань; кибербуллинг; информации, которая оправдывает насилие или иное жестокое обращение с животными и людьми.

В Российской Федерации законодательное оформление вопросов защиты прав и законных интересов детей началось с 90-х годов прошлого столетия. Однако в условиях интенсивного развития информационного общества должный уровень защиты получил свое закрепление на законодательном уровне лишь в нашем столетии.

Согласно статье 38 Конституции РФ - как основного закона нашего государства, детство находится под защитой государства, а равным образом, это его обязанность [1].

Основным нормативно-правовым актом в рассматриваемой области служит ФЗ № 436, принятый в 2010 году «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». В указанном акте раскрыты основные понятия информационной безопасности, виды информации,

причиняющее ущерб детям, классификация информационных продуктов, а также основные требования к информационным продуктам, размещаемым в интернет-пространстве и в средствах массовой информации.

Кроме того, в 2012 году Указом Президента была введена в действие Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012-2017 годы», в которой были определены основные действия по защите детства, в том числе от информации, способной нанести ущерб здоровью и развитию детей. Данная стратегия ставила перед собой основную цель-формирование к 2020 году поколения молодых осознанных граждан, способных свободно ориентироваться в интернет-пространстве и защититься от угроз в сети. Несмотря на то, что данная стратегия окончила свое действие, ее основные положения подвергаются обсуждению по сей день. Большинство критиков отмечают, что в связи с принятием указанной стратегии количество угроз в отношении несовершеннолетних в сети значительно сократилось [4].

Закономерным продолжением Национальной стратегии в интересах детей является Указ Президента «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства», который дает возможность перспективного видения проблем детей.

Основные положения, касающиеся защиты несовершеннолетних от угроз в интернет-пространстве изложены в иных подзаконных и локальных нормативно-правовых актах.

Таким образом, подводя итоги вышесказанному следует сказать, что информационная безопасность несовершеннолетних сводится к двум аспектам. Во-первых, это организационно-техническая составляющая, в рамках такой защиты, а равно, мониторинг интернет-ресурсов, осуществляемый уполномоченными должностными лицами, блокирование интернет-сайтов, содержащих информацию порнографической направленности, а также сайтов, содержащих информацию о склонении подростков к насилию, жестокому обращению, экстремизму, терроризму, разжиганию ненависти, призывам к участию в несанкционированных мероприятиях и другие действия технического характера. Во-вторых, гуманитарный аспект, заключающийся в содержании и организации образовательного процесса. Кроме того, важно отметить, что в Российской Федерации законодательное оформление вопросов защиты прав и законных интересов детей началось с 90-х годов прошлого столетия. Однако в условиях интенсивного развития информационного общества должный уровень защиты получил свое закрепление на законодательном уровне лишь в нашем столетии.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (официальный текст: по состоянию на 1 июля 2020 г.) // Рос. газета. – 1993. – 25 дек.; Рос. газета. – 2020. – № 144. – Ст. 8198. // СПС Гарант.
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Консультант Плюс.
3. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (ред. от 28.04.2023). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Консультант Плюс.
4. Малышева О. В. Информационная безопасность несовершеннолетних: правовой аспект. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2017/05/12/informatsionnaya-bezopasnost-esovershennoletnih-pravovoy-asspekt?yclid=lbdb8xhweb0208128159>.
5. Магдолова Л. В. Правовые основы обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-obespecheniya-informatsionnoy-bezopasnost-nesovershennoletnih/viewer>.
6. Алгавер Л. О., Кадырова Ш. Н., Расторгуева Н. Е. «Синий кит»: пять аспектов новостного нарратива // Вестник РУДН. – 2018. – Т. 22. № 4. – С. 660–668.

КЛИМОВСКИЙ Антон Сергеевич

преподаватель кафедры специальных дисциплин факультета профессиональной подготовки Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, г. Симферополь

ТАРАНИН Михаил Александрович

преподаватель кафедры специальных дисциплин факультета профессиональной подготовки Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, г. Симферополь

ОСОБЕННОСТИ МЕР ПРЕВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Преступления террористического характера и экстремистской направленности являются одними из деструктурирующих факторов современного общества. Терроризм и экстремизм является угрозой национальной безопасности и социальной стабильности любого государства. Современные реалии в различных странах показывают недостаточность разработки методов борьбы и средств предупреждения с ними. Процесс превентивных мер должен иметь системный характер. Нормативно-правовые акты в отношении данной категории преступлений постоянно претерпевают изменений. Цель статьи – раскрыть особенности мер превентивного характера в отношении преступлений террористического характера и экстремистской направленности.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, предупреждение, пресечение, профилактика.

KLIMOVSKIY Anton Sergeevich

lecturer of Special disciplines sub-faculty of the Faculty of Professional Training of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol

TARANIN Mikhail Alexandrovich

lecturer of Special disciplines sub-faculty of the Faculty of Professional Training of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol

FEATURES OF PREVENTION MEASURES IN RELATION TO CRIMES OF A TERRORIST NATURE AND EXTREMIST ORIENTATION

Crimes of a terrorist nature and extremist orientation are one of the destructive factors of modern society. Modern realities in various countries show the insufficiency of developing methods of combating and means of preventing them. The process of preventive measures should be systematic. Regulatory legal acts in relation to this category of crimes are constantly undergoing changes. Terrorism and extremism are a threat to the national security and social stability of any State. The purpose of the article is to reveal the features of preventive measures in relation to crimes of a terrorist nature and extremist orientation.

Keywords: extremism, terrorism, prevention, suppression, prevention.

Предупреждение преступлений необходимо представить в виде системы, которая имеет различные уровни, а также мероприятия, в пределах которых государственные структуры, должностные лица, граждане, общественные организации влияют на объекты криминогенного характера для их сдерживания, нейтрализации и устранения.

Предупреждение преступлений представляет сложную научную и практическую категорию, в своём содержательном наполнении охватывающую комплекс различных взаимосвязанных, реализуемых государством мероприятий и мер, которые имеют целенаправленное воздействие в отношении опасных криминогенных факторов.

Меры предупреждения, осуществляемые в отношении отдельных криминогенных групп и лиц, вынашивающих преступные намерения, обнаруживших преступный умысел, замышляющих и подготавливающих совершение преступления, относятся к мерам предотвращения. Под пресечением преступлений понимается деятельность, направленная на прекращение начатого преступления путем разработки и осуществления специальных мероприятий. Система заблаговременно принимаемых мер по упреждению, выявлению, ограничению и устранению криминогенных явлений и про-

цессов, связанных с совершением преступлений, именуется профилактикой [7].

Меры по предупреждению преступлений подразделяются в зависимости от характера государственного воздействия, которое может быть, как опосредованным, так и непосредственным. Исходя из этого, выделяют общесоциальное и специально-криминологическое предупреждение преступлений.

Общесоциальное предупреждение преступлений включает комплекс мер социально-экономического, а также идеологического характера, которые направлены на устранение проблем и недостатков в социальной и политической сферах, а также восстановление нравственно-психологических и духовных основ жизнедеятельности общества. Реализация общесоциальных мер предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности направлена, прежде всего, на ликвидацию социальной и идеологической почвы для таких противоправных проявлений.

Общесоциальное предупреждение таких преступлений должно быть направлено на нейтрализацию соответствующих причин и условий, в качестве отдельного комплексного направления государственной внутренней политики. Нейтрализация факторов, порождающих проявление террориз-

Климовский А. С.

Таранин М. А.

ма и экстремизма должна включать следующие комплексные меры: 1) меры, направленные на усовершенствование государственной правовой политики, включая разработку и постоянное совершенствование законодательной базы для противодействия таким преступлениям; 2) меры, направленные на повышение социально-экономических стандартов жизнедеятельности общества; 3) меры, направленные на обоснование, формулирование и донесение обществу общенациональной положительной идеологии.

Все мероприятия по предупреждению преступлений террористического характера реализуются согласно законодательства, в том числе «Об оперативно-розыскной деятельности», «О полиции», а также нормативными актами ведомственного характера, соответствующими службами органов внутренних дел.

Профилактика преступлений террористического характера на общесоциальном уровне предполагает, в первую очередь, устранение и нейтрализацию социально-экономических, идеологических, национальных, этнических, межконфессиональных и иных противоречий и конфликтов, порождающих терроризм, на всех уровнях структуры государственной власти и управления: федеральном, региональном, городском, районном.

Специально-криминологическое предупреждение преступлений террористического характера и экстремистской направленности представляет совокупность мер, которые специально направлены на устранение причин такой преступности, а также конкретных преступных проявлений. В дальнейшем в данном параграфе речь будет идти о специально-криминологическом предупреждении рассматриваемых видов преступной деятельности.

Меры специально-криминологического предупреждения направлены главным образом на устранение условий преступной деятельности. Они включают такие мероприятия как: пропаганда борьбы с терроризмом; реализация контроля за националистической средой и информацией, которая представляет интерес для террористов; за хранением оружия и взрывчатых веществ; поддержание в готовности ведомственных сил противодействия; пресечение реализуемых и предотвращение замышленных террористических актов; инструктаж и подготовку, в том числе психологическую, населения в условиях террористических действий; подготовку и реализацию контртеррористических операций. Выполнение данных специально-криминологических мер профилактики возложена на всю систему правоохранительных органов.

Следует сказать, что меры общесоциального и специально-криминологического предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности взаимосвязаны. Так нейтрализация общих причин преступности данного вида, путем, в том числе, принятия необходимых социально-экономических решений создает необходимые условия для предупреждения таких преступлений на специально-криминологическом уровне [6].

В зависимости от объема мер, которые применяются в отношении объектов воздействия, выделяют общие и индивидуальные предупреждения преступлений.

Профилактика преступлений террористического характера и экстремистской направленности предусматривает комплекс целенаправленных правовых, организационных и иных мер, которые заключаются в выявлении, а также устранении причин и условий, способствующих осуществлению преступной деятельности.

Профилактическая деятельность осуществляется в трех основных направлениях: 1) организация и системное противодействие террористической и экстремистской идеологии; 2) постоянное совершенствование антитеррористической защищенности потенциально уязвимых для террористических угроз объектов социальной и критической инфраструктуры; 3) неукоснительное соблюдение мер правовых режимов, направленных на противодействие терроризму и экстремизму.

К потенциально уязвимым для террористических угроз объектам относятся любые физические и юридические лица, а также места массового пребывания граждан, объекты транспорта, энергетики, жизнеобеспечения, информа-

ционные сети. Антитеррористическая защищенность таких объектов предусматривает комплексное использование сил физической защиты, а также режимных и инженерно-технических мероприятий.

Общая профилактика преступлений террористического характера направлена на устранение национальных, этнических, идеологических, социально-экономических, межконфессиональных конфликтов, а также противоречий, которые порождают терроризм на различных уровнях государственной власти, в том числе на федеральном, региональном, городском, районном уровне. Речь, в данном случае идет о воздействии на причины и условия преступности.

Под мерами предотвращения преступлений необходимо понимать деятельность в отношении определенных криминогенных субъектов, а также групп, которые имеют преступные планы, реализуют подготовку преступлений.

Применение мер пресечения преступлений должно применяться оперативно, чем меры индивидуальной профилактики для быстрого разоблачения преступного замысла, а также для завершения начатого преступления.

Противодействие терроризму и экстремизму должно носить характер упреждения, и иметь реальную профилактическую направленность, включая в себя комплексные мероприятия, который направлены на предупреждение экстремизма и терроризма среди молодёжи, в том числе с использованием возможностей разъяснительной и пропагандистской работы на уровне государственных СМИ, а также религиозных и общественных организаций.

Профилактика, которая направлена на внешнюю причину преступления, а также их условий, которые способствуют их совершению практической деятельности, выражается как общая профилактика или же общее предупреждение преступления. Структура общей профилактики выделяет 4 вида деятельности: защита, устранение, меры ограничения, профилактика упреждения. Упреждение включает себя меры, которые направлены на устранение распространения, а также возникновения различных криминогенных явлений. Ограничение имеет целью воспрепятствовать распространению преступности на различных уровнях общественной жизни.

Согласно нормативным актам, органы внутренних дел должны принимать участие в общей профилактике преступлений. В данной сфере существует ряд направлений, которыми должны заниматься органы внутренних дел:

- информирование граждан с помощью средств массовой информации;
- обеспечение криминологической информацией ответственных по устранению криминогенных факторов, а также внесение предложений по устранению причин и условий криминогенного характера;
- организация выступлений среди различных групп населения, в том числе по месту жительства и работы;
- распространение информации (листовок) среди населения об алгоритме действий в случае обнаружения бесхозных предметов (подозрительных), а также лиц;
- обеспечение безопасности путём увеличения количества патрулей на наиболее криминогенных участках;
- реализация защитных мероприятий при возможных террористических актах при массовом скоплении граждан (спортивные мероприятия, культурные мероприятия);
- реализация мероприятий по выявлению лиц, участвующих в незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, мероприятий по соблюдению режимности объектов, а также паспортный режим.

Меры общего предупреждения имеют большое разнообразие. Все зависит от сферы общественной жизни, на которые могут быть направлены. Различают правовые, идеологические, технические, технологические, организационно-управленческие, социально-экономические, профилактические, контрольно-разрешительные и иные меры [2]. Данные меры могут быть применимы на различном уровне, в зависимости от субъектов профилактики.

К мерам общего предупреждения преступлений террористического характера необходимо отнести патриотическое

воспитание молодёжи, развитие экономики, культуры и образования. Система профилактики террористической деятельности в общественном контексте должна содержать меры просветительского и воспитательного характера, чтобы укрепить нравственность, патриотизм, а также уважение и терпимость к различным национальным группам [3]. Профилактические мероприятия информационного характера связаны с разъяснением и доведением информации гражданам, а также руководителям на различных уровнях рекомендаций практического характера по защите от атак террористической направленности [4]. Информирование населения проводится в форме беседы, лекций о средствах и способах совершения террористических актов, правилах поведения населения при данной угрозе, а также мерах предосторожности. Данное информирование необходимо трактовать как способ повышения осведомленности и осознанности в целях профилактических мероприятий в борьбе с терроризмом.

Важной мерой профилактики является постоянная проверка информационной базы лиц, которые склонны к совершению преступлений определённого характера, она включает: информацию о лицах, которые находятся в условиях, создающих социальную дезадаптацию с последующей криминализацией личности, в том числе террористической направленности; информацию о гражданах, которые периодически совершают административные правонарушения; информацию о гражданах, которые на психологическом уровне готовы к совершению преступлений террористического характера; информацию о гражданах, которые покушались на совершение преступлений террористического характера; информацию о гражданах, которые совершили преступление террористического характера и способны к повторению данного деяния [1].

В систему общей профилактики террористического характера органами внутренних дел входят рекомендации путем внесенных представлений организациям по технической и конструктивной защищенности объектов, выступающих в качестве целей террористических актов, поддержание пропускного режима на объектах, техническое обеспечение объектов системами контроля и выявления преступлений или попытки их совершения (в связи с нескрытым размещением имеют эффект предупреждения действий террористического характера).

В общем предупреждении преступлений террористической направленности необходимо включить обслуживание оперативного характера объектов хранения, изготовления, а также использования огнестрельного оружия, взрывных устройств, реализацию контроля за субъектами, которые имеют отношение к данной сфере.

Под оперативным обслуживанием необходимо понимать выявление и устранение недочетов и недостатков работы объектов, и устранение их до момента совершения преступления. Для этого сотрудники МВД занимаются изучением объекта с указанием наиболее уязвимых мест для проникновения или похищения взрывных веществ, боеприпасов, а также лиц, которые работают на объекте, и лиц, которые посещают объекты контроля (обращается внимание на лиц, которые были связаны с совершением правонарушений в том числе те, кто состоял в членстве в организациях экстремистской направленности).

Во время профилактической работы органы внутренних дел должны уделить внимание безопасности аэропортов, так как опыт показывает, что большое количество террористических актов реализуются с помощью воздушных судов. Профилактические мероприятия на воздушном транспорте сводятся к реализации мер по пресечению проникновения субъектов террористической деятельности на воздушное судно, а также проноса на борт самолета запрещенных предметов, веществ. Для данных мероприятий необходимо усилить пропускной режим, охрану общественного порядка на объектах аэропорта, недоступность посещения судов посторонними гражданами, усовершенствовать организацию досмотра пассажиров, а также их ручной клади, багажа.

В целом необходимо отметить, что общепрофилактическое воздействие на состояние преступности определяет-

ся согласно постоянного анализа оперативной обстановки и прогноза развития ситуации.

Правоохранительные органы, в частности, органы внутренних дел Российской Федерации всегда должны взаимодействовать с иными правоохранительными органами, а также государственными и негосударственными субъектами. В последнее время данная тенденция взаимодействия наиболее развита и имеет положительные стороны. Большое значение имеет взаимодействие органов внутренних дел с общественностью и гражданами.

В качестве проведения специально-криминологических профилактических мероприятий реализуются особые операции, направленные на поиск и выявление лиц, имеющие оперативный интерес, предотвращение преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и взрывчатых веществ, подготовка сотрудников органов внутренних дел к отражению нападений террористов на стратегические объекты, инфраструктуру жизнедеятельности граждан и иные важные объекты. Кроме этого на постоянной основе проводятся межведомственные совместные антитеррористические учения. Все операции имеют определенные кодовые названия. Наиболее широкомасштабной является операция «Вихрь-Антитеррор» [5].

Меры индивидуального предупреждения рассматриваемых преступлений включают две условные стадии, во-первых, поиск и выявление субъектов, а также групп и организаций, которые склонны реализовать террористические акции, во-вторых, реализация предупредительных мер.

Таким образом, все рассмотренные нами меры превенции при должной реализации будут способствовать пресечению преступлений террористического характера и экстремистской направленности.

Пристатейный библиографический список

1. Абызов Р. М. О понятии и причинах экстремизма в российском праве. Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы. – М., 2005. – С. 27.
2. Попов И. А. Актуальные проблемы предупреждения, раскрытия и расследования террористических актов // Российский следователь. – 2013. – № 19. – С. 38-44.
3. Кадакоева М. М., Стройкова А. С. Молодежный экстремизм // Совершенствование борьбы с организованной преступностью, коррупцией и экстремизмом. – М.: Рос. криминологическая ассоциация, 2008. – С. 263.
4. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии: в 2 т. Т. 2. – М.: Юрайт, 2011. – С. 872.
5. Информационный сайт Вихрь-антитеррор-Documentation. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newsruss.ru/doc/index.php/Вихрь-Антитеррор>.
6. Чуфаровский Ю. В. Криминология в вопросах и ответах: учебное пособие. – Москва: Проспект, 2014. – 144 с.
7. Голина В. В. Криминологическая профилактика, предотвращение и пресечение преступлений: Учеб. пособие. – К.: УЖ ВО при Минвузе УССР, 1989. – 72 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-11-186-439-441

МАМЕДОВ Тамиз Салех оглы

аспирант Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

БОЙЦОВ Анатолий Сергеевич

кандидат юридических наук, директор департамента техносферной безопасности Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НОРМ ОХРАНЫ ТРУДА В РЕСПУБЛИКЕ АЗЕРБАЙДЖАН И ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Закон о труде, целью которого является регулирование прав и обязанностей работников, является одним из важных вопросов, составляющих основу экономики любой страны. В этом исследовании рассматриваются нормы охраны труда, применяемые в Республике Азербайджан и Турецкой Республике. Разъясняются определения, значения, область применения и цель обоих законов, а также подчеркиваются различия в вопросах охраны труда. Различия и сходства, возникающие в результате сравнения, играют важную роль с точки зрения создания эффективных совместных инфраструктурных проектов Республики Азербайджан и Турецкой Республики, особенно в сфере строительства и промышленности.

Ключевые слова: нормы безопасности, охрана труда, право, Республика Азербайджан, Турецкая Республика.

MAMMADOV Tamiz Saleh oglu

postgraduate student of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

BOYTSOV Anatoliy Sergeevich

Ph.D. in Law, Director of the Technosphere Safety Department of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

COMPARATIVE ANALYSIS OF LABOR PROTECTION STANDARDS IN THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN AND THE REPUBLIC OF TURKEY

Labor law, the purpose of which is to regulate the rights and responsibilities of workers, is one of the important issues that forms the basis of the economy of any country. The article considers occupational safety standards applied in the Republic of Azerbaijan and the Republic of Turkey. The definitions, meanings, scope and purpose of both laws are explained, and the differences in occupational safety issues are highlighted. The differences and similarities arising from the comparison play an important role in terms of creating effective joint infrastructure projects between the Republic of Azerbaijan and the Republic of Turkey, especially in the field of construction and industry.

Keywords: safety standards, occupational safety, law, Republic of Azerbaijan, Republic of Turkey.

Мамедов Т. С.

Бойцов А. С.

Актуальность выбранной темы обусловлена стратегическим характером отношений между Республикой Азербайджан и Турецкой Республикой. Многие турецкие компании инвестируют в Республику Азербайджан и занимаются различной экономической деятельностью. Азербайджанский бизнес открывает филиалы за рубежом, и, таким образом, количество предприятий с иностранными партнерами увеличивается. Эти предприятия должны работать в соответствии с трудовым законодательством страны, в которой они расположены. Поэтому важно знать Закон о труде Республикой Азербайджан и Закон о труде Турецкой Республики, а также выявить сходные и разные аспекты этих двух законов.

Закон о труде, целью которого является регулирование прав и обязанностей работников, работающих по трудовому договору с работодателем, в отношении условий труда и рабочей среды, выступает одним из важных вопросов, составляющих основу экономики страны. Целью данного исследования является сравнение норм охраны труда Республики Азербайджан и Турецкой Республики и выявление различий и сходств.

В современном подходе к управлению вопрос охраны труда и здоровья работников входит в число социальных обязанностей предприятий, а также их юридических обязанностей и эффективно влияет на формирование ожиданий сотрудников и общества от предприятий. В этом направлении национальные и международные исследования возложили на бизнес от-

ветственность за принятие различных социальных, технических, управленческих и правовых мер и проведение необходимых исследований.

В 35-й статье Конституции Азербайджанской Республики изложены отражено, что «каждый гражданин работал в безопасной и здоровой среде». В Законе о труде Азербайджана «Охрана труда и безопасность работников» подробно изложено в разделе «Здоровье». Всего раздел «Охрана труда и здоровье работников» состоит из 32 пунктов.

Работники имеют право работать в безопасной и здоровой окружающей среде (статья 207/1 Трудового кодекса АС). Нормы и правила охраны труда определяются Законом Азербайджанской Республики о труде, нормативными актами, принимаемыми соответствующими административными учреждениями в рамках их полномочий, а также международными договорами, участником или стороной которых является Азербайджанская Республика. Требования положений об охране труда, норм, стандартов и правил охраны труда обязательны для участников трудовых отношений и других физических и юридических лиц (СТ КЗоТ, ст. 207/3).

Нормы и правила охраны труда, определенные Трудовым кодексом Азербайджана и другими нормативными актами, распространяются на всех работников, студентов, стажировщиков на предприятиях, военнослужащих, работающих на предприятиях, заключенных, работающих в тюрьмах, работающих по ликвидации последствий стихийных бедствий, а также лиц,

призванных на выполнять работы в военных и чрезвычайных режимах и строго соблюдать их на рабочих местах (ст. 208 ТК АР).

Обеспечение безопасности труда учреждениями государственного управления, собственниками недвижимости, работодателями и работниками осуществляется в первую очередь на основе принципов, изложенных ниже (ст. 209 ТК АР).

– Деятельность, направленная на улучшение условий труда и безопасности труда органов государственного управления, собственников, работодателей и работников, предотвращение несчастных случаев на производстве, травматизма и профессиональных заболеваний;

– Приоритет жизни и здоровья работника над результатами производственной деятельности предприятия;

– Увязывание деятельности в области охраны труда с другими отраслями экономической и социальной политики и с деятельностью в области охраны окружающей среды;

– Определение единых требований в области охраны труда на всех предприятиях независимо от форм собственности и организационной структуры;

– Обеспечение свободного и эффективного контроля за выполнением требований охраны труда на всех предприятиях;

– Поощрение работодателей, широко использующих научно-технические разработки и передовой опыт эпохи в области охраны труда, а также подготавливающих и применяющих в надлежащем порядке и средствами надежное оборудование и технологические средства защиты;

– Реализация налоговой политики, направленной на создание высокого уровня охраны труда на предприятиях;

– Бесплатное обеспечение работников специальной одеждой и обувью, другими специальными средствами защиты, лечебными, профилактическими продуктами и другими средствами;

– Подготовка специалистов по охране труда в образовательных учреждениях;

– Расследовать, фиксировать и изучать любые несчастные случаи, происходящие на предприятии и на основании этого предоставлять работникам достоверную информацию о состоянии повреждений, травм и профессиональных заболеваний на предприятии;

– Социальная, материальная и моральная защита интересов работников, пострадавших или зараженных профессиональными заболеваниями в результате несчастных случаев на предприятии;

– Оказание всемерного содействия деятельности союза профсоюзов, предприятий и отдельных физических и юридических лиц по обеспечению безопасности труда;

– Осуществляется в таких случаях, как развитие отношений международного сотрудничества в области охраны труда.

В соответствии со статьей 210 Закона о труде работодатели, работники и отдельные физические лица могут объединяться для решения проблем охраны труда и образовывать «Общественные союзы», действующие в соответствии с законодательством об общественных объединениях. Органы государственного управления, а также работодатели обязаны оказывать всестороннюю помощь этим общественным объединениям и учитывать их предложения и рекомендации при издании циркуляров по обеспечению охраны труда (ст. 210 ТК АР).

В разделе Закона о труде Азербайджана под названием «Правила охраны труда» упоминаются нормы, правила и принципы охраны труда, а также роль уполномоченных органов и соответствующих подразделений и союзов в решении проблем, возникающих в области охраны труда.

Когда мы говорим о нормах и правилах охраны труда, мы имеем в виду Трудовой кодекс Азербайджана, законы и постановления, принимаемые и утверждаемые Советом Министров Азербайджанской Республики и Министерством труда и социальной защиты населения в рамках их полномочий, и нормы, и стандарты, определенные международными договорами, в которых участвует Азербайджанская Республика.

Международные нормы, стандарты и правила по охране труда были приняты и утверждены Президентом Азербайджанской Республики 22 ноября 1998 года.

В Турции существует большая группа, которая прямо или косвенно занимается несчастными случаями на производстве, профессиональными заболеваниями, здоровьем и безопасностью сотрудников. Потому что эта проблема является социальной проблемой и касается многих групп. Государство, работодатели, работники, профсоюзы, университеты и средства массовой информации несут разную степень ответственности. Однако государство, работодатели, профсоюзы и работники находят на более высоком уровне в решении проблемы.

Обеспечение здоровья и безопасности работников возложено непосредственно на работодателя в законах и постановлениях. В целях предотвращения несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний работодатель обязан принимать меры по устранению опасностей на рабочих местах и устройствах, машинах и станках, которые могут вызвать опасность, а также по предотвращению воздействия физических факторов, таких как вредный шум и вибрация, в машинах и станках. используемое сырье и химические факторы, которые могут возникнуть из-за используемого сырья. Согласно правилам охраны труда, регламентированным в соответствии со статьей 78 Закона о труде № 4857, работодатель в целях обеспечения и поддержания здоровья и безопасности на рабочем месте; Оно должно гарантировать, что каждый работник пройдет обучение по охране труда и технике безопасности, которое включает информацию и инструкции, относящиеся к месту его работы и выполняемой работе.

Кроме того, работодатели несут ответственность за проведение оценки риска в области охраны труда и техники безопасности на рабочем месте, создание по результатам этой оценки мер защиты и средств защиты, которые будут использоваться, а также выполнение решений, принятых руководителем. Совет по охране труда и технике безопасности в соответствии с законодательством.

Обязанности работников в отношении охраны труда и техники безопасности, как правило, пассивны. Поэтому не существует никаких мер, которые работники должны принимать непосредственно по этим вопросам. Рабочие должны действовать и работать более внимательно и осторожно, чем это необходимо лишь для того, чтобы соблюдать принятые меры предосторожности и не допускать создания опасной ситуации. Однако, согласно статье 83 нового закона № 4857, обязанности работников приобрели более активный характер, с правом обращаться в Департамент по охране труда и технике безопасности и требовать принятия необходимых мер в случае возникновения опасной ситуации.

Согласно недавно изданному Положению по охране труда и технике безопасности, работники должны проявлять максимальную внимательность при выполнении своей работы и выполнять свои обязанности в соответствии с обучением и инструкциями, данными им работодателем. В этом отношении они особенно обязаны правильно и в соответствии с правилами пользоваться машинами, инструментами, оборудованием и другими производственными инструментами и предоставленными им средствами индивидуальной защиты и после использования возвращать их в место их хранения. Кроме того, они должны немедленно уведомить соответствующие органы, когда они сталкиваются с какой-либо ситуацией, которая, по их мнению, представляет серьезную и внезапную угрозу здоровью и безопасности на рабочем месте, или когда они видят неисправность или недостаток защитных мер.

Вопросу безопасности и гигиены труда уделяется более широкое освещение в Законе о труде Республики Азербайджан по сравнению с Законом о труде Турецкой Республики. Этот вопрос включен в 9 главу Закона Республики Азербайджан о труде. Всего он состоит из 33-х статей. Охрана труда и техника безопасности, включенная в 5 главу Закона о труде Турецкой Республики, представлена в 13 статьях.

Статья 208 Закона о труде Республики Азербайджан включает перечень рабочих мест, на которых должна обеспечиваться безопасность труда, а статья 209 включает принципы охраны труда. В Законе о труде Турецкой Республики этот список прямо не включен в Закон, но включен в различные подзаконы и постановления.

В Законе о труде Турецкой Республики работодатели обязаны назначать одного или нескольких инженеров или технических специалистов, в зависимости от количества работников на рабочем месте, характера рабочего места и степени опасности, для оказания услуг по обеспечению мер безопасности труда. определение и осуществление мер по предупреждению несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (Трудовой кодекс, статья 82). Это справедливо только для рабочих мест, которые считаются промышленными, на которых непрерывно работают не менее 50 человек и которые работают непрерывно более шести месяцев. Хотя в Законе о труде Республики Азербайджан такого ограничения нет, в соответствии с пунктом 3 статьи 219 работодатели и руководители предприятий обязаны проходить обучение по охране труда не реже одного раза в три года. Данная ситуация должна быть расследована компетентными органами и проверена информация работодателей по этому поводу. Кроме того, согласно пункту 1 статьи 223

Трудового кодекса Республики Азербайджан, на предприятиях всех сфер экономики в целях обеспечения выполнения законодательства в области охраны труда и техники безопасности и контроля за его соблюдением должны быть созданы центры обслуживания охраны труда. В эти сервисные центры следует привлекать специалистов, обладающих высоким уровнем знаний в области охраны труда и трудового законодательства. На предприятиях с численностью населения более тысячи человек создаются производственные лаборатории, а также на предприятиях обязательно наличие врача на рабочем месте для проверки санитарно-гигиенического соответствия труда. Как видно, ограничение в Законе о труде Республики Азербайджан касается только создания лабораторий промышленного типа. Помимо этого, никаких ограничений нет.

В Законе о труде Турецкой Республики обязанности работников и работодателей в отношении безопасности труда обычно изложены в статье 77. В Законе о труде Республики Азербайджан обязанности работников и работодателей прописаны более подробно. В частности, в статьях 213, 214, 215 и 216 Закона Республики Азербайджан о труде подробно изложены обязанности губернаторов, муниципалитетов, работодателей и работников в области охраны труда.

В соответствии со статьей 220 Закона Республики Азербайджан о труде финансирование охраны труда на предприятиях должно осуществляться государством и из бюджета, выделяемого предприятием на охрану труда. Определенный государством бюджет охраны труда используется для финансирования научных исследований в области безопасности и гигиены труда, а также для подготовки и реализации государственных и региональных программ в этой области. Ежегодно работодатель должен распределять бюджет и материалы, необходимые для проведения мероприятий по охране труда, в зависимости от условий труда, степени сложности работы, уровня поврежденности и заболеваний. Запрещается использовать бюджет и материалы, о которых идет речь, в других целях. Объем и источник бюджетных средств, выделяемых на охрану труда, определяются коллективными договорами, при этом размер годовых расходов не должен быть менее 2% ежегодно устанавливаемой суммы на выплату заработной платы работникам. Вопрос финансирования охраны труда не упоминается в Законе о труде Турецкой Республики.

Еще одним элементом, который не включен в Закон о труде Турецкой Республики, является создание бюджета охраны труда на государственном и институциональном уровне в соответствии со статьей 221 Закона о труде Республики Азербайджан. Государственный бюджет охраны труда утверждается соответствующим советом директоров. Бюджет на уровне предприятия должен обеспечиваться из бюджета, выделяемого работодателем на мероприятия по охране труда и технической безопасности.

Согласно статье 77 Закона о труде Турецкой Республики, работодатели обязаны уведомлять соответствующее региональное управление в письменной форме о любых несчастных случаях на производстве, произошедших на их рабочих местах, и о любых профессиональных заболеваниях, которые будут обнаружены не позднее, чем в течение двух рабочих дней. Эта ситуация несколько иная в Законе о труде Республики Азербайджан. Согласно статье 217 Закона Республики Азербайджан о труде, работодатель обязан проинформировать учреждение, контролирующее соблюдение трудового законодательства, со дня возникновения происшествия, для расследования происшествия, независимо от тяжести несчастного случая, произошедшего на предприятии. Учреждение, осуществляющее государственный контроль за соблюдением трудового законодательства, обеспечивает расследование несчастного случая путем создания комиссии, определенной законодательством, на основании включенных в него сведений. После завершения расследования несчастного случая работодатель обязан не позднее одного дня подготовить соответствующий акт, определенный законодательством, копию которого необходимо предоставить пострадавшему работнику.

В соответствии со статьей 81 Закона о труде Турецкой Республики, работодатели, которые нанимают не менее пятидесяти работников на постоянной основе, должны обеспечивать состояние здоровья работников и меры по охране труда и технике безопасности, которые необходимо принять, а также оказывать первую помощь и неотложную помощь и профилактические медицинские услуги, за исключением лечебных услуг, предоставляемых Учреждением социального страхования. Оно обязано нанять одного или нескольких врачей на рабочем месте и создать медицинский пункт на рабочем месте, в зависимости

от количества работников на рабочем месте и степени опасности работы. С другой стороны, в Законе о труде Республики Азербайджан врач на рабочем месте должен работать только на предприятиях, на которых занято более тысячи работников, как указано в статье 223.

Согласно статье 233 Трудового кодекса Республики Азербайджан, при работе на открытом воздухе в условиях холода и сильного ветра, а также в неотапливаемых закрытых помещениях в холодное время года им предоставляется отпуска или работа прекращается для разогрева. В соответствии с пунктом 2 той же статьи при работе работников в жарких и открытых помещениях с температурой воздуха выше +45 градусов им предоставляется отпуска или работа прекращается в порядке, установленном настоящей статьей. Эти праздничные дни считаются рабочим временем, и оплата труда в праздничные дни выплачивается в соответствии с тарифными ставками работников. В Законе о труде Турецкой Республики нет регулирования погодных условий с точки зрения безопасности и гигиены труда.

Согласно статье 235 Трудового кодекса Республики Азербайджан, соблюдение техники безопасности, а также норм и трудового законодательства в области охраны труда контролируется учреждением, осуществляющим государственный контроль. Согласно статье 238 Закона, если на рабочих местах работников не обеспечена прочная и надежная среда безопасности труда и не выполняются меры, предусмотренные коллективными договорами, работодатель подлежит дисциплинарному взысканию или иным взысканиям в зависимости от ситуации, и правила, предусмотренные законодательством. Опять же, как это предусмотрено статьей 239 Закона, работодатель, признанный виновным (полностью или частично) в несчастном случае, произошедшем на предприятии, или в профессиональном заболевании работника (полностью или в части), несет ответственность за ущерб, причиненный работнику его здоровью, расходы на лечение, а также выплаты по безработице и компенсационные выплаты, произведенные соответствующими страховыми учреждениями.

В результате детального изучения между трудовым законодательством двух стран были обнаружены скорее различия, чем сходства.

Большое количество совместных инфраструктурных проектов Республики Азербайджан и Турецкой Республики, особенно в сфере строительства и промышленности, предполагает производство различных работ силами совместных предприятий. Соответственно, необходима корреляция норм и правил по охране труда двух стран для эффективной деятельности по организации безопасных условий труда.

Взаимная инвестиционная деятельность бизнесменов-инвесторов Турецкой и Азербайджанской Республик, взаимные экономические связи которых развиваются быстрыми темпами, еще больше укрепляет эти связи. Эти предприятия должны работать в соответствии с трудовым законодательством страны, в которой они расположены. Поэтому в этом отношении важно знать Закон о труде Азербайджана и Закон о труде Турции, а также выявить сходные и разные аспекты этих двух законов. Различия и сходства, возникающие в результате сравнения, играют важную роль с точки зрения создания ресурса для рассматриваемых инвесторов, для различных научных исследований, которые будут проводиться по этим темам в будущем, и для других заинтересованных сторон.

Пристатейный библиографический список

1. Kaçmaz, Haydar. İş Sağlığı ve İş Güvenliği Konularında Devletin, İşverenin, İşçinin Görev ve Sorumlulukları // İş Sağlığı ve Güvenliği Kongresi, Adana: TBMMO, 2-3 Mayıs 2003. – S. 119.
2. İş Sağlığı ve Güvenliği Yönetmeliği. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.calisma.gov.tr/birimler/isggm/dosya, (Çevrimiçi) 05.04.2006.
3. Öznaz, Demet. 4857 Sayılı Yeni İş Kanunu Perspektifinde İş Sağlığı ve Güvenliği Yönetimi ve Tekstil Sektöründe SA 8000 Uygulaması // Marmara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü (Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi). – İstanbul, 2005. – S. 52.
4. İş Sağlığı ve Güvenliği Yönetmeliği. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.calisma.gov.tr/birimler/isggm/dosya (Çevrimiçi) 15.03.2006.

ФЕДОСОВ Артем Васильевич

кандидат технических наук, доцент Уфимского государственного нефтяного технического университета

БАШИРОВА Диана Владимировна

магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета

ФЕДОСОВА Елизавета Артемовна

магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета

ЗАРИПОВ Ильнур Ирекович

магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета

ИЗМЕНЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ К ПОРЯДКУ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАБОТНИКОВ СРЕДСТВАМИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ

Сравнительный анализ старых и актуальных требований к порядку обеспечения работников средствами индивидуальной защиты. Рекомендации для работодателей по переходу на новые стандарты обеспечения работников средствами индивидуальной защиты.

Ключевые слова: производственный травматизм, средства индивидуальной защиты, единые типовые нормы, типовые отраслевые нормы.

FEDOSOV Artem Vasiljevich

Ph.D. in technical sciences, associate professor of the Ufa State Petroleum Technical University

NASIBULLINA Valeriya Andreevna

magister student of the Ufa State Petroleum Technical University

FEDOSOVA Elizaveta Artemovna

magister student of the Ufa State Petroleum Technical University

ZARIPOV Ilnur Irekovich

magister student of the Ufa State Petroleum Technical University

CHANGING THE LEGAL REQUIREMENTS FOR THE PROCEDURE FOR PROVIDING EMPLOYEES WITH PERSONAL PROTECTIVE EQUIPMENT

Comparative analysis of old and current requirements for the procedure for providing employees with personal protective equipment. Recommendations for employers on the transition to a new standards for providing employees with personal protective equipment.

Keywords: occupational injuries, personal protective equipment, unified standard norms, standard industry norms.

Как известно, соблюдение норм охраны труда в равной степени касается и работодателя, и работника. И данная формула находит свое отражение в конкретных экономических показателях. Так только экономические издержки, связанные с недостаточным вниманием охране труда на предприятиях по прошлому году, превысили 2 трлн руб. или 1,5 % ВВП. К бизнес-сообществу приходит понимание, что чем выше безопасность производственного процесса, тем увереннее работник [1].

За последние три года в законодательстве по охране труда произошло множество изменений. Все изменения ориентированы на внедрение предупредительной, проактивной модели управления охраной труда в организациях. Она предполагает, что опасности и риски выявляются заранее, а само по себе знание об этих опасностях позволяет в границах руководства охраной труда грамотно ими управлять. Все это есть в новой редакции раздела X «Охрана труда» Трудового кодекса РФ и более подробно раскрыто в соответствующих подзаконных актах, которые спроектированы в развитие данных норм.

Так, в 2023 году начали действовать Единые типовые нормы выдачи средств индивидуальной защиты и смывающих средств.

Начиная с 01.09.2023 г. работодатель может обеспечивать работников СИЗ по риск-ориентированному подходу. Такой подход вводит выдачу СИЗ не «по профессии», а в соответствии с результатами СОУТ (специальной оценки условий труда) и оценки профессиональных рисков. Так

работодатели смогут увидеть опасности, которые реально существуют на рабочем месте и подобрать соответствующие меры защиты и организовать их выдачу не по списочному принципу, а с учетом конкретных опасностей и профессиональных рисков на каждом отдельном рабочем месте [2].

Данный подход станет обязательным с 1 января 2025 года. Такой переходный период специально предусмотрен, чтобы работодатели смогли адаптироваться и своевременно его внедрить [3]. Но несмотря на это, работодателям следует уже сейчас активно приспосабливаться к новым изменениям в данной области регулирования, что в перспективе благоприятно скажется на эффективности и экономических показателях компаний.

Чтобы лучше понять новый принцип разберем термины. Что такое опасность, профессиональный риск, средства индивидуальной защиты?

Опасность – является возможной причиной нанесения вреда здоровью работника во время трудовой деятельности. Опасность несёт за собой вероятность нанесения ущерба здоровью вследствие влияния вредных и/или опасных производственных факторов во время выполнения сотрудником обязанностей по трудовому договору или в иных случаях. Для того чтобы уменьшить эту вероятность используются СИЗ – средства, которые используются работниками для того, чтобы предотвратить или уменьшить воздействие вредных и опасных производственных факторов, особых температурных условий, а также в целях защиты от загрязнения. Но

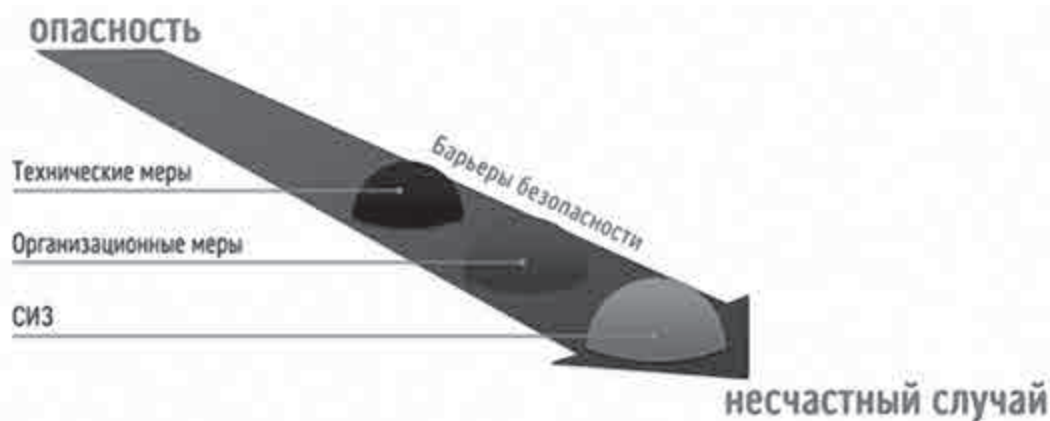

Рисунок 1. Градация мер по обеспечению безопасности труда

также, применение СИЗ является последней мерой обеспечения безопасности труда. (См. рис. 1.)

В новых Правилах обеспечения работников СИЗ оглашаются обновленные рекомендуемые образцы документов: нормы выдачи СИЗ, карточки учета выдачи дежурных СИЗ. Также личная карточка выдачи СИЗ стала универсальной для СИЗ и смывающих средств, а на оборотной стороне теперь содержится информация о классе защиты СИЗ [4].

В обновленных Правилах объединяют порядок выдачи СИЗ и смывающих средств, содержатся разделы, передающие особенности обеспечения СИЗ работников сторонних организаций, принимая во внимание погодные особенности. Следовать правилам одного документа на много удобнее, чем нескольких.

Также было разъяснено, как выводить из эксплуатации СИЗ, что позволит примирить работников, специалистов по охране труда и бухгалтерию.

Революционным является необходимость для работников сообщать работодателю о переменах своих антропометрических сведений. Для небольших предприятий просто проводить периодические исследования сотрудников о размере одежды, но делать такую работу на больших предприятиях крайне ресурсозатратно.

При переходе к новым Правилам работодатель должен произвести выбор средств индивидуальной защиты при сопоставлении результатов специальной оценки условий труда и оценки профессиональных рисков с данными о защитных свойствах СИЗ согласно эксплуатационной документации изготовителя и сертификатами или декларациями к СИЗ.

Область применения, класс защиты или эксплуатационные уровни СИЗ должны по уровню защиты соответствовать уровням воздействия вредных и/или опасных производственных факторов, установленных СОУТ и ОПР, характеру воздействия опасностей, а также выполняемой работе, совместимости с другими используемыми СИЗ [5].

Разработка и утверждение локального нормативного акта, утверждающего порядок обеспечения работников СИЗ и смывающими средствами, разделение обязанностей и ответственности должностных лиц за этапы обеспечения работников СИЗ и смывающими средствами, с учетом специфики структуры управления организации, а также разработка и утверждение норм выдачи работникам СИЗ и смывающих средств являются основными шагами для работодателя в процессе перехода к новым Правилам обеспечения работников средствами индивидуальной защиты.

Работодателем, на основе Единых типовых норм, разрабатываются «внутренние» Нормы с учетом результатов СОУТ и ОПР, в соответствии с существующими на рабочих местах вредными производственными факторами и документами, в которых содержится информация о надобности применения СИЗ.

По сравнению с ЕТН внутренние Нормы соответственно должны обеспечивать подобный рода (в случае замены СИЗ) или усовершенствованную (за счет расширения номенклатуры или увеличения количества выдаваемых СИЗ, либо за

счет выдачи СИЗ, обеспечивающих более широкий спектр защитных свойств) защиту работников [6].

Работодатель вправе реализовывать обеспечение СИЗ и смывающими средствами в соответствии с типовыми нормами бесплатной выдачи специальной одежды, специальной обуви и других средств индивидуальной защиты с учетом результатов СОУТ, результатов ОПР, мнения выборного органа первичной профсоюзной организации или другого наделенного полномочиями представительного органа работников (при наличии) в течение времени до 31 декабря 2024 года. Также в период с 1 сентября 2023 года до 31 декабря 2024 года работодатель должен принять решение о том каким методом пользоваться он будет.

Таким образом работодателям необходимо уже сейчас заняться переходом на новый стандарт законодательных требований к порядку обеспечения работников средствами индивидуальной защиты.

Пристатейный библиографический список

1. Абдрахманова К. Н., Шабанова В. В., Федосов А. В. и др. Применение моделирования процесса развития аварии и оценки риска в целях обеспечения безопасной эксплуатации объектов нефтегазового комплекса // Безопасность техногенных и природных систем. – 2020. – № 2. – С. 2-13.
2. Федосов А. В., Шабанова В. В. Особенности риск-ориентированного подхода в области промышленной безопасности // Горный информационно-аналитический бюллетень. – 2019. – № 57. – С. 206-215.
3. Федосов А. В., Тажетдинова А. А., Насибуллина В. А., Константинова О. В. Анализ требований законодательства Российской Федерации в области обучения вопросам охраны труда // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 4 (179). – С.395-396.
4. Бахонина Е. И., Насибуллина В. А., Тажетдинова А. А., Яхина Э. Н. Изменения в законодательстве по охране труда, связанные с процедурой оценки профессионального риска // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 4 (179). – С. 387-388.
5. Федосов А. В., Идрисова К. Р., Насибуллина В. А., Константинова О. В. Обзор изменений в законодательстве, устанавливающим требования к организациям, эксплуатирующим оборудование под избыточным давлением // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 7 (158). – С. 454-456.
6. Бахонина Е. И., Насибуллина В. А. Обзор изменений в законодательстве, устанавливающим требования по оценке профессиональных рисков на предприятии // Безопасность техногенных и природных систем. – 2022. – № 2. – С. 31-35.

КАРЧАЕВА Камила Аварьевна

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, старший лейтенант полиции

Карчаева К. А.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ

Формирование траектории фундаментального развития российского государства в период агрессии зарубежных стран невозможно представить без актуальной модели патриотического воспитания молодого поколения. Это главный рычаг современного общества, способствующий рациональному и системному противодействию современным вызовам и угрозам. Активизация негативных настроений всего мирового сообщества в адрес Российской Федерации ввиду специальной военной операции на Украине, деятельность незаконных вооруженных и радикально настроенных организаций, рост преступлений в области киберпространства и информационная война, исходящая от недружественных государств, заставляет обратить внимание граждан на такие непреходящие ценности, как патриотизм, чувство долга и ответственности перед своей Родиной.

Целью настоящего научного исследования является анализ патриотического воспитания молодого поколения через призму обеспечения общенациональной безопасности современной России и разработка предложений по формированию современной концепции патриотического воспитания детей и подростков, возрождению высоких нравственных ценностей и идеалов.

Концепция патриотического воспитания молодого поколения должна содержать в себе пропаганду здорового образа жизни, культуру нравственных ценностей и идей, преемственность поколений, ориентацию на социально-экономическое и культурное наследие общества, охрану семьи, материнства и детства, а главное оптимальное сочетание отечественных традиций, современного опыта и достижений научных школ.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, воспитательная работа, патриотизм, национальная безопасность, Родина.

KARCHAEVA Kamila Avarjevna

Ph.D. in economical sciences, senior lecturer of Law enforcement organization sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, senior lieutenant of police

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ

It is impossible to imagine the formation of the trajectory of the fundamental development of the Russian state during the aggression of foreign countries without an actual model of patriotic education of the younger generation. This is the main lever of modern society, contributing to the rational and systematic counteraction to modern challenges and threats. The intensification of negative sentiments of the entire world community towards the Russian Federation due to the special military operation in Ukraine, the activities of illegal armed and radical organizations, the growth of crimes in the field of cyberspace and the information war emanating from unfriendly states forces citizens to pay attention to such enduring values as patriotism, a sense of duty and responsibility to their Homeland.

The purpose of this scientific research is to analyze the patriotic education of the younger generation through the prism of ensuring national security in modern Russia and to develop proposals for the formation of a modern concept of patriotic education of children and adolescents, the revival of high moral values and ideals.

The concept of patriotic education of the younger generation should contain the promotion of a healthy lifestyle, a culture of moral values and ideas, generational continuity, orientation towards the socio-economic and cultural heritage of society, protection of the family, motherhood and childhood, and most importantly, the optimal combination of domestic traditions, modern experience and achievements of scientific schools.

Keywords: patriotic education, educational work, patriotism, national security, Motherland.

Современная обстановка в стране и мире говорит о нестабильности общества и деградации социальных институтов. На фоне возникших проблем во внешней политике и экономике, проблемы во внутренней жизни общества стали проявлять себя активнее.

Обеспечение национальной безопасности в настоящее время предполагает комплекс мер различной направленности, важное значение среди которых приобретает патриотическое воспитание, поскольку посредством данной деятельности осуществляется трансформация нравственных взглядов населения, что особенно актуально в контексте современных вызовов и угроз национальной безопасности российского государства. Патриотическое воспитание имеет существенный профилактико-предупредительный потенциал, в том числе в части развития стойкой неприязни к противоправному поведению. Патриотическое воспитание граждан способствует дальнейшему развитию Российской Федерации, однако в контексте национальной безопасности совершенствование системы патриотического воспитания не получило необходимой разработки.

Формирование сознания и закладка основ нравственного воспитания молодого поколения в настоящее время обремено

нено негативными внешними факторами, что создает угрозу национальным интересам в области становления и развития молодежи в стране. Активизация негативных настроений в отношении нашей страны, а также рост числа преступлений среди несовершеннолетних и в отношении несовершеннолетних заставляет нас взглянуть по-новому на ряд актуальных вопросов, среди которых одно из центральных мест занимает процесс воспитания молодого поколения в духе высоких нравственных качеств с акцентом на патриотическое воспитание и привитие таких качеств, как чувство долга, чести и достоинства.

Тематика патриотического воспитания освящена в трудах многих современных авторов и ученых, среди них отметим следующих: Никитская Е. А., Багандов М. Г., Магаррамов М. Г., Курбанов М. А., Голубцов В. Н., Купавцев Т. С., Рыбаков В. Н., Винникова С. Н., Петелин А. С., Волкова С. А. Ермоленко Н. В., Жидяева А. А., Лесняка В. И., Рыбчинчука А. С. Однако несмотря на широкий анализ данного понятия, тематика патриотического воспитания в России в современных правовых реалиях остается как никогда актуальной.

Прежде чем перейти к анализу основных направлений патриотического воспитания, рассмотрим само определение «патриотизм».

В широком понимании под патриотизмом понимается система духовно-нравственных взглядов и идей, выражающаяся в любви к Родине и готовности подчинить личные интересы интересам народа и общества.

Следует помнить, что приоритетной задачей Российской Федерации в сфере воспитания детей является развитие высококонрастной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины.

Проводя анализ многовековой истории Российского государства, мы можем сделать вывод о том, что именно патриотизм есть основа формирования личности гражданина России, залог благополучия и успеха жизнедеятельности общества.

В этой связи нельзя не обратиться к культурологическому подходу анализа термина «патриотическое воспитание», ибо оно рассматривает патриотизм не как политическую необходимость или обязанность, а как культурную ценность цивилизованного и развитого государства.

Согласно культурологическому подходу, понятие «патриотическое воспитание» следует рассматривать как совокупность идей, понятий и методов педагогической деятельности, обеспечивающих формирование готовности подчинить свои личностные желания общим интересам народа. Он обоснован наследием общефилософских, социальных и психолого-педагогических идей в лице таких ее представителей, как В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, И. А. Ильин, И. Я. Лернер, В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов, Н. Е. Щуркова и др. [5].

Патриотизм – многогранное понятие, основанное на описании чувств любви и преданности своему народу, нациям, населяющим страну, и её сообществу. Это включает многие аспекты: долг, честь, совесть, устои и традиции предков, духовный путь и т.д. Поэтому термин «патриотизм» в литературе и СМИ является весьма обширным и неоднозначным.

Современное патриотическое воспитание – это тонкое переплетение педагогической и воспитательной деятельности, направленной на возрождение нравственных ценностей, ориентацию на культурное наследие, историческое богатство и национальную самобытность.

Задачей такого воспитания является формирование личности, обладающей комплексом теоретических знаний, практических навыков, морально-психологической устойчивостью к изменяющимся условиям внешней среды и ориентированного на решение стоящих перед ним задач с ориентацией на национальные интересы и особенности.

Служба Родине, неравнодушное отношение к судьбе людей, защита их здоровья, жизни и имущества – прямое подтверждение наличия у человека чувства патриотизма. Таким образом, актуальность статьи определяется тем, что патриотизм является системообразующим и ключевым компонентом профессионализма в целом и профессионально-нравственной культуры в частном [3].

Патриотическое воспитание в учебных организациях осуществляется в соответствии с действующим законодательством и строится на принципах законности, комплексности и системности, уважения прав и свобод человека и гражданина, коллективного взаимодействия, преемственности, народности, ориентированности на исторические особенности и профессиональную направленность воспитания.

Основными элементами системы патриотического воспитания являются такие социальные институты, как семья и школа. Именно деградация данных социальных институтов ведет к зарождению основных проблем молодого поколения, регулярно возникающим всплескам агрессии в обществе и неизжитым и новым проблемам в подготовке патриотов-защитников Отечества.

С целью повышения уровня патриотического воспитания молодого поколения представителями власти при помощи образовательных организаций и иных субъектов уже стала проводиться достаточная активная работа. Учащиеся начальной и средней школы еженедельно знакомятся с историей и культурой России и ее национальными особенностями, введены новые дисциплины, например, «разговоры о важном», начало недели сопровождается утренней «линейкой», поднятием флага и исполнением гимна России.

Однако для качественной реализации концепции патриотического воспитания должна быть создана специфическая воспитательная среда с соблюдением ряда условий:

– практико-ориентированность воспитательной среды, т.е. привлечение к образовательной деятельности практи-

ческих работников различных организаций, что позволяет привить чувство интереса к различным профессиям;

– социально-экономическая политика, направленная на поддержку институтов семьи и брака;

– создание условий для работы и учебы молодого поколения, и реализации творческого потенциала внутри страны;

– взаимодействие с ветеранскими организациями (выражение принципа преемственности поколений и обмена опытом);

– создание условий для реализации способностей молодого поколения (спартакиады, конкурсы, соревнования);

– проведение мероприятий по правовому информированию с освящением основных изменений в законодательстве и ситуации на международной политической арене;

Задачи патриотического воспитания заключаются в следующем:

– изучение истории и многовековой культуры России;

– формирование правовой культуры и цифровой грамотности;

– физическое и нравственное воспитание молодого поколения;

– пропаганда здорового образа жизни и правомерного поведения;

– разъяснения необходимости строгого соблюдения законности и обязательного противостояния преступности в рамках действующих правовых реалий;

– обеспечение преемственности поколений, уважения ветеранских организаций и их поддержка;

– пропаганда примеров мужества, доблести и героизма.

Система патриотического воспитания складывается из таких его видов как, военно-патриотическое воспитание, героико-патриотическое воспитание, национально-патриотическое воспитание, гражданское и гражданско-патриотическое воспитание [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что формирование концепции патриотического воспитания молодого поколения является первостепенной задачей. Следует уяснить, что именно патриотизм есть особенность, которая определяет народность и национальную принадлежность общества. Патриотизм – это фундамент, основа общества, обеспечивающая единство, национальный дух и любовь к Родине. Результатами улучшения уровня патриотического воспитания будет увеличение обороноспособности и безопасности государства, повышение социальной устойчивости в обществе, преодоление причин региональных, социальных, этнических и других конфликтов. Для реализации патриотического воспитания нужны новые подходы и прежде всего понимание того, что создание должного уровня патриотизма в стране не может носить второстепенный характер [1].

Пристатейный библиографический список

1. Батыршина Л. В. Патриотическое воспитание как одна из составляющих национальной безопасности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studopedia.ru/24_27466_patrioticheskoe-vospitanie-kak-odna-iz-sostavlyayuyushchih-natsionalnoy-bezopasnosti.html.
2. Бочаров С. Н. Организационно-правовые основы работы с кадрами органов внутренних дел: учебное пособие под ред. канд. юрид. наук, проф. С. Н. Бочарова. - М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2017.
3. Мальченкова В. В. Патриотическое воспитание в профессиональной подготовке курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России // Современные наукоемкие технологии. - 2019. - № 11 (часть 2) - С. 337-341.
4. Овчинников О. А. Патриотическое воспитание курсантов и его виды. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2014. - № 15 (74). - С. 293-295. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/74/12561/> (дата обращения: 22.09.2023).
5. Петелин А. С., Волкова С. А. Теоретико-методологическое обоснование патриотического воспитания курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России / Воронежский государственный педагогический университет // Известия Воронежского государственного педагогического университета. - 2023. - № 1 (298). - С. 56-61.

КОВАЛИШИНА Ксения Викторовна

магистрант Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Симферополь

ЕВSIKOVA Елена Витальевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Симферополь

К ВОПРОСУ ОБ УРЕГУЛИРОВАНИИ БЛОГЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ВЛИЯНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО (ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье рассматриваются вопросы влияния блогеров на формирование личности несовершеннолетнего. На основе проведённого исследования, авторы приходят к выводу о необходимости использования комплексного подхода по решению обозначенной проблемы, в том числе с применением определённого педагогического и или психологического воздействия.

Ключевые слова: блогеры, несовершеннолетние, профилактика правонарушений, публичная ответственность, блогерская деятельность.

KOVALISHINA Kseniya Viktorovna

magister student of the Crimean branch of the Russian State University of Justice, Simferopol

YEVSIKOVA Elena Vitaljevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice, Simferopol

ON THE ISSUE OF THE REGULATION OF BLOGGING ACTIVITY IN THE CONTEXT OF THE INFLUENCE ON THE FORMATION OF THE PERSONALITY OF A MINOR (PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECT)

The article discusses the influence of bloggers on the formation of the personality of a minor. Based on the conducted research, the authors come to the conclusion that it is necessary to use an integrated approach to solve the identified problem, including using a certain pedagogical and or psychological impact.

Keywords: bloggers, minors, prevention of offenses, public responsibility, blogging activity.

Евсикова Е. В.

Ковалишина К. В.

Современное общество характеризуется активными процессами глобализации, цифровизации и информатизации. Развивающиеся в последние десятилетия информационные технологии, безусловно, оказывают влияние на все сферы жизнедеятельности человека, что позволяет сделать вывод о том, в настоящий момент происходит трансформация общества в цифровое. Необходимо отметить, что в цифровом обществе на передний план выносятся вопросы, не затрагивающие духовно-нравственные сферы, скорее диаметрально противоположенные, что в конечном итоге приводит к деградации как отдельно взятой личности, так и всего общества в целом.

Бикетова Я. О. и Валеева А. Ф., предлагают рассматривать информационно-коммуникативную деятельность с позиции системно-деятельного подхода, согласно которому: «...информационно-коммуникативная деятельность представлена как особый вид социальной практики, связанный с поиском, приобретением, использованием, обменом, продуцированием и предложением ценной социальной информации: производственной, научной, культурной и пр.» [1]. Согласимся с авторами, однако, на сегодняшний день, доста-

точно спорными являются утверждения о «ценности» размещаемой информации в социальных сетях. На что указывает в своём исследовании Стриганкова Е. Ю.: «...информационный характер коммуникации, позволяя реализовывать функцию информационной связи, контролирует лишь количественные показатели передаваемой информации. Качество транслируемого контента, его содержательная ценность и духовная значимость становятся вторичными по отношению к битам информации, перекачиваемой новейшими техническими средствами коммуникации. В результате возникает противоречие: в обществе не происходит ожидаемого роста духовной культуры непосредственно вслед за увеличением объёма информации и расширением сферы общения» [2].

Отметим, что на сегодняшний день, в частности, на многочисленных интернет-площадках особую популярность и признание среди молодёжи снискали блогеры, которые посредством опубликования самого разнообразного контента, оказывают влияние на формирование личности зрителя/подписчика.

Влияние блогеров-инфлюенсеров на свою аудиторию без преувеличения можно назвать колоссальным. Не вы-

зывает сомнений, что они оказывают непосредственное воздействие на социализацию индивидов, в целом и правовую социализацию в частности, корректируют социокультурные и психологические установки людей [3]. Мы разделяем мысль о том, что наиболее уязвимыми перед инфлюенсерами оказываются подростки и молодёжь [4]. Недостаточная критичность мышления, убеждённости в том, что цифровой образ блогера полностью соответствует реальному положению вещей, позволяют последнему манипулировать своей аудиторией. При этом крайне важно, что сегодня можно отыскать лидера мнений с любыми взглядами по любому вопросу, внять его призывам или оправдать собственные действия в той или иной ситуации. Примечательно, что и сами блогеры в большинстве своём осознают свою ответственность перед аудиторией, равно как и манипулятивный потенциал [5].

Личность всегда является результатом формирования в условиях конкретно-исторического и общественного существования человека, его обучения и воспитания [6].

Зачастую, в социальных сетях активно распространяются и насаждаются, деструктивные идеи, такие как: гедонизм, эгоизм, «общество потребления», пренебрежительное отношение к государству, институту семьи, религии и др. Распространённым явлением стала подмена понятий, повсеместными стали такие явления, как клиповость ума, симулякры и симуляции и пр. Именно обо всех этих явлениях и негативных влияниях говорили философы и социологи XX в.

На сегодняшний день, можно констатировать факт наличия целого ряда проблем, связанного непосредственно с оказываемым влиянием на личность человека различных идей и пр. Именно поэтому, возникает необходимость теоретической разработки и практического применения вопросов, касающихся урегулирования блогерской деятельности, а также вопросов, посвящённых информационной безопасности личности в цифровом пространстве.

Интересными представляются предложения Земсковой Д. Д., которая пишет: «погружение человека в цифровое пространство сегодня неизбежно приводит к потребности формирования у подростка компетенций, необходимых для продуктивной адаптации в интернет-среде...» направления воспитательной работы, на которые необходимо ориентироваться в цифровую эпоху, должны учитывать новую реальность» [7].

В этой связи, наиболее целесообразным является использовать комплексный подход для решения возникающих проблем. Мы считаем, что устранение законодательных пробелов, разработка и принятие новых нормативно-правовых актов, хоть и является одним из наиболее эффективных инструментов для урегулирования отдельных сфер жизнедеятельности, однако, не способствует устранению причин возникновения обозначенных проблем.

Мы полагаем, что наиболее эффективной и правильной мерой, будет использование превентивных мер, направленных на формирование у подрастающего поколения стойких, общепринятых духовно-нравственных ценностей, воспитания у них таких значимых качеств, как любовь и уважение к государству, формирование у них чувства ответственности за своё будущее, что также будет соответствовать целям и задачам, заявленным как в «Стратегии национальной безопасно-

сти Российской Федерации»¹, так и в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»².

Именно поэтому, немаловажным является и психолого-педагогический аспект, поскольку воспитание личности, формирование у личности ценностных установок и ориентиров имеет основополагающее значение и оказывает влияние на всю дальнейшую жизнь человека, хотя и закладывается с малых лет. Так, нам близка позиция Емельяненко В. Д., который пишет: «субъект с более развитым духовным миром может выделять в информационном потоке то основное, что необходимо для культурного развития личности, умеет лучше обобщать в своих интересах получаемую информацию, соотносит её с имеющимися знаниями о действительности и с успехом применяет на практике. В этой

связи надо уделять больше внимания формированию ценностно-мировоззренческой сферы детей, параллельно (а по возможности и раньше) с их включением в современную информационную среду, в процессе социализации в семье и школе.» [8].

Представляется необходимым, проводить специальные лекции, тренинги и семинары в первую очередь для родителей несовершеннолетних, поскольку на сегодняшний день, мы сталкиваемся с проблемой цифровой неграмотности родителей, их неумением, а зачастую и нежеланием «фильтровать» распространяемую в интернет-пространстве информацию, что приводит к негативным последствиям, в т.ч. и вовлечением несовершеннолетних лиц в различные субкультуры, секты, сомнительные компании и т.д., а также в совершение различных противоправных деяний. поскольку именно они являются наиболее уязвимой и подверженной деструктивному воздействию, категорией населения. Однако, необходимо согласиться с мнением Жигаловой Е. С. и Нечаева М. П., которые в своём исследовании отмечают: «нам необходимо адаптироваться к условиям информационного века, найти новые методы и приёмы воспитания, переосмыслить уже имеющийся опыт и, основываясь на нём, развивать новую систему воспитания.» [9].

В этом направлении, можно отметить «Лигу безопасного Интернета», на сайте которой регулярно обновляется информация, касательно «вредной» информации, различные памятки и инструкции по выявлению потенциально опасного контента и поведения на различных онлайн-платформах.

Таким образом, мы полагаем, что на сегодняшний день, имеется острая необходимость усовершенствования действующего правового регулирования осуществления блогерской деятельности в России, поскольку контент, который распространяют блогеры оказывает колоссальное влияние на формирование личности несовершеннолетних, что в дальнейшем может привести к негативным последствиям.

1 Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/.

2 Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?index=8&rangeSize=1>.

Мы считаем, что при осуществлении блогерской деятельности представляется необходимым, учитывать психолого-педагогический аспект, в том числе и понимать о последствиях оказываемого влияния.

К сожалению, на сегодняшний день это представляет серьёзную проблему, так как, большинство современных «лидеров мнений» с лёгкостью пренебрегают общепринятыми нормами морали, нарушают законодательство с целью привлечения внимания, увеличения количества своих «поклонников» в социальных сетях, а также получения высоких доходов от сомнительных действий - всё это приводит к формированию у зрителей искажённого мировосприятия, неспособности разграничить такие базовые категории как «добро» и «зло», снижает у подростков и без того низкую способность критически мыслить и т.д. Важно также отметить, что подобное влияние оказывается не только на несовершеннолетних, но именно дети являются менее защищённой категорией от деструктивной информации. К слову, достаточно большое количество блогеров в настоящее время также являются несовершеннолетними, что также сказывается на недостаточном понимании возлагаемой на них ответственности перед обществом (не только юридическую, но и моральную).

Именно поэтому, мы считаем, что необходимо законодательно закрепить пределы правового регулирования осуществления блогерской деятельности, определить ответственность блогеров. Также, мы считаем, что наиболее действенным решением указанных проблем будет не запрещение или ограничение деятельности блогеров, а, напротив, создание благоприятных условий для поддержки и развития данного явления в России и её субъектах, о чём также говорил Президент В. В. Путин.

Пристатейный библиографический список

1. Бикетова Я. О., Валеева А. Ф. Информационно-коммуникативная деятельность как фактор развития личностного капитала производственной молодежи // ВЭПС. 2015. № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-kommunikativnaya-deyatelnost-kak-faktor-razvitiya-lichnostnogo-kapitala-proizvodstvennoy-molodezhi> (дата обращения: 06.09.2023).
2. Стриганкова Е. Ю. Феномен общения в коммуникативной ситуации информационного социума // Вестник ПАГС. 2012. № 3 (32). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-obscheniya-v-kommunikativnoy-situatsii-informatsionnogo-sotsiuma> (дата обращения: 06.09.2023).
3. Климова Д. А. Дискурс блогера: социально-коммуникативный аспект // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. «Философия». 2021. № 1. С. 78-84.
4. Кузнецова Е. А., Зиновьева Е. В. Лидеры мнений в цифровой среде как ресурс для профилактики девиантного поведения среди молодёжи // Профилактика девиантного поведения детей и молодёжи: региональные модели и технологии: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Ялта, 8-10 окт. 2020 г. / Крым. федер. ун-т им. В. И. Вернадского. Симферополь, 2020. С. 362-365.
5. Воропаев Д. А. Блогер как агент правовой социализации // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2021. № 2 (42). С. 48-53. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.amia.by/handle/docs/6267>
6. Алехин А. Н., Осташева Е. И. Особенности формирования личности в подростковом возрасте как индикаторы качества образовательной среды // Психологическая наука и образование. 2013. Том 18. № 6. С. 13-18.
7. Земскова Д. Д. Основные направления цифрового воспитания: компетентный подход // Цифровое воспитание: реалии и перспективы: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Москва, 15 сентября 2022 года. Москва: Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский институт психоанализа», 2022. С. 214-219. – EDN VYYMIO
8. Емельяненко В. Д. Интернет и духовный мир человека: ценностно-мировоззренческий подход // Вестник Мининского университета. 2017. № 4 (21). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-i-duhovnyy-mir-cheloveka-tsennostno-mirovozzrencheskiy-podhod> (дата обращения: 01.11.2023).
9. Жигалова Е. С., Нечаев М. П. Влияние Интернет-среды на воспитание современного подростка // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2019. № 1. С. 295-300. – EDN FXHMAI.

КРАУТМАН Татьяна Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, г. Симферополь

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТОВ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ

В статье рассматриваются предпосылки использования основ лингвистической экспертизы при обучении иностранному языку для возможности анализа конфликтогенных текстов экстремистского содержания. Определяется актуальность обращения к языковому аспекту, связанная с современными геополитическими условиями и необходимостью разработки системы методов, средств и способов проведения языкового исследования, отвечающего требованиям юриспруденции.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, образовательные организации МВД России, иностранный язык.

KRAUTMAN Tatyana Evgenjevna

Ph.D. in philological sciences, associate professor of Humanitarian and social-economical disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol

USING OF LINGUISTIC EXAMINATION OF EXTREMIST TEXTS IN TEACHING OF FOREIGN LANGUAGES IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

The article discusses the prerequisites for using the fundamentals of linguistic expertise in teaching of foreign languages to be able to analyze conflict-prone texts with extremist content. The relevance of addressing to the linguistic aspect is determined, related to modern geopolitical conditions and the need to develop a system of methods, tools and ways for conducting language research that meets the requirements of jurisprudence.

Keywords: linguistic examination, educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, foreign language.

Краутман Т. Е.

Процесс обучения в образовательных организациях системы МВД России основывается на профессионально-ориентированном подходе, что позволяет комплексно систематизировать знания по различным дисциплинам как общеобразовательного, так и профессионального цикла. Для реализации данной цели план дисциплины «Иностранный язык» включает такие темы, как «Международное сотрудничество полицейских», «Ориентирование в городе. Обращение за помощью», «Обеспечение безопасности дорожного движения», которые на практике позволяют сотрудникам полиции успешно взаимодействовать с иностранными гражданами на английском языке, употребляя при этом лексику как бытовой, так и профессиональной направленности. Однако действующая рабочая программа не ориентирована на изучение процесса взаимодействия таких научных направлений, как лингвистика и правопедение, что в настоящее время является актуальным в связи с глобальными политическими, экономическими, культурными и социальными событиями. Международная обстановка требует более пристального внимания и контроля за реализацией правовых норм, связанных, зачастую, с их языковой составляющей (дискриминация иностранными гражданами и средствами массовой информации имиджа Российской Федерации, распространение клеветы в отношении деятельности государственных и правоохранительных структур, вооруженных сил РФ, а также призывы к экстремистской и террористической деятельности). Правоохранительные органы, действующие на территории Республики Крым и вновь присоединённых территорий, ведут активную деятельность по пресечению экстремистской и террористической деятельности, в том числе и со стороны иностранных граждан, поэтому необходимо оценивать линг-

вистическую подготовку сотрудников органов внутренних дел с точки зрения востребованности определенных языковых знаний, умений и навыков, способствующих успешной реализации служебных функций.

Выделяют такие отрасли науки, действующие на стыке лингвистики и юриспруденции, как юрислингвистика, лингвокриминалистика, которые призваны, основываясь на использовании языковых средств, методов и способов, изучать юридический текст (устный или письменный), проанализировать социолингвистические аспекты криминальной субкультуры (жаргон, татуировки, пословицы, поговорки, жесты и т.д.), а также отвечают за составление судебных экспертиз, требующих от лингвиста глубоких знаний в сфере правопедения.

Практические органы внутренних дел отмечают возрастающую потребность в сотрудниках, обладающих навыками проведения лингвистических экспертиз в условиях оперативной работы [2], [4], [6]. Однако, необходимо отметить тот факт, что существуют определённые проблемы и неточность направлений лингвокриминалистики или юрислингвистики [3], среди которых выделяют следующие, связанные с современными геополитическими условиями:

– лингвистические экспертизы широко применяются в судебной практике из-за возрастающей угрозы распространения оскорблений, ложной информации и информации, содержащей призывы к экстремистской деятельности, в том числе и на английском языке, но, в то же время, отсутствует четкий алгоритм действий эксперта-лингвиста;

– задачей эксперта-лингвиста является выявление фактов оскорбления, клеветы и т.д. (установление перечня и характера оскорбительных слов), а также личностных данных

лиц, причастных к совершению подобных деяний при отсутствии регламентированного алгоритма, терминологии и классификации;

– при проведении лингвистической экспертизы могут возникнуть проблемы с некорректностью формулировок в законодательстве;

– текст рассматривается как источник информации, содержащий материал для интерпретации и установления фактов его отношения к определенному социально-культурному пространству. При этом особый интерес со стороны правоохранительных органов должен вызывать материал, направленный на пропаганду экстремистской деятельности, который распространяется различными иностранными фондами и организациями на иностранном языке;

– лингвистический анализ позволяет осуществить идентификацию, определить индивидуальные и групповые (региональное произношение, акцент и т.д.) лингвистические особенности только при условии взаимодействия и взаимопонимания со стороны как лингвистической науки, так и юридической.

О. Н. Матвеева [6] выделяет ряд факторов, которые сохраняют возможность оспаривания лингвистической экспертизы и недоверия к ней со стороны юристов:

1. Отсутствие юрислингвистической экспертизы текста в системе правовых и лингвистических экспертиз, размытое содержание ее классификаций, целей, методов и средств, что является результатом сравнительно недавней потребности в анализе конфликтогенных и юридических текстов;

2. Отсутствие знаний о гносеологических возможностях юрислингвистической экспертизы среди лингвистов и в практике правоприменения, что требует разработки перечня вопросов, соответствующих определенному типу экспертизы, которые позволили бы взаимодействовать эксперту-лингвисту и юристу;

3. Недостаточность понятийного аппарата лингвистического экспертного исследования в юридической сфере (отсутствие в лингвистике таких понятий, как языковое манипулирование, языковой конфликт, языковая агрессия);

4. Отсутствие единой системы приемов, принципов и методов проведения лингвистической экспертизы, что связано с необходимостью конкретизировать языковые понятия с юридическими терминами.

Таким образом, развиваясь на стыке функционирования двух разноплановых направлений, лингвистический анализ текста сталкивается с целым рядом объективных задач, решение которых возможно лишь с созданием условий для подготовки профессиональных экспертов-лингвистов.

Несмотря на недостатки, исследователи [7] усматривают путь разрешения языковых конфликтов в их юридикации, а именно:

– предметом юридического анализа должен выступать конфликтогенный дискурс (призыв к экстремистской деятельности в социальных сетях, средствах массовой информации и т.д.), при этом признается факт возможности совершения правонарушения языковыми средствами;

– объективность лингвистической экспертизы может быть достигнута только при наличии методики исследования конфликтогенных текстов, основанной на применении определенного алгоритма действий эксперта-лингвиста;

– лингвистическая экспертиза может считаться объективной только в том случае, если ее результаты отражают признаки преступления, прописанные в законе.

В этой связи необходимо отметить, что, помимо судебной лингвистической экспертизы, которая широко применяется в делопроизводстве в настоящее время, внимание заслуживает и такой вид, как семантическая экспертиза, направленная на установление точного или скрытого смысла высказывания, определение характера информации, эмоциональной окраски. Семантическая экспертиза содержит

в себе все инструменты, позволяющие специалисту проводить анализ материалов, содержащих информацию экстремистского и террористического толка, в том числе и на английском языке. Эффективным методом может послужить составление лексико-семантических полей анализируемого текста [1], способствующих определению смыслового ядра, который свидетельствует об истинном характере и адекватности высказывания. Лингвистическая экспертиза может быть основана на исследовании лексико-семантических полей, входящих в состав текста экстремистской направленности, что позволяет выстроить систему лингвистических, экстралингвистических компонентов, которые способны определить элементы, имеющие значение для правоприменения.

Таким образом, остро становится вопрос о необходимости разработки и внедрения в учебный процесс образовательных систем МВД России методических разработок и рекомендаций, практических занятий по определению наличия в тексте информации, направленной на унижение чести и достоинства государственной власти, правоохранительных органов, вооруженных сил РФ, граждан, а также призывов к экстремистской и террористической деятельности. Особое внимание при создании учебных пособий, материалов, рекомендаций должно уделяться составлению и отработке распространённых речевых ситуаций, с учетом социальных, культурных, национальных особенностей языковых групп.

Пристатейный библиографический список

1. Балацкая Ю. Ю., Краутман Т. Е. Особенности лексико-семантических полей понятий экстремизм / extremism, терроризм / terrorism в русском и английском языках // Казанская наука. - 2021. - №10. - С. 125-127.
2. Буткевич С. А., Коноплева А. А. Роль и место образовательных организаций в системе предупреждения терроризма и экстремизма // Вестник Краснодарского университета МВД России. - 2017. - № 2 (3). - С. 248-253.
3. Голев Н. Д. Постановка проблем на стыке языка и права // Юрислингвистика – 1. Проблемы и перспективы. - Барнаул, 1999. - С. 4-11.
4. Голев Н. Д., Матвеева О. Н. Юрислингвистическая экспертиза: на стыке языка и права. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yurislingvisticheskaya-eksper-tiza-na-styke-yazyka-i-prava-2/viewer>.
5. Грачев М. А., Грачев А. М. Современные проблемы лингвокриминалистики как науки // Вестник Череповецкого государственного университета: Филологические науки. - 2015. - № 1. - С. 26-29.
6. Матвеева О. Н. Юрислингвистическое экспертное исследование: перспективы и пути совершенствования // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Материалы межрегионального научно-практического семинара. - М., 2002.
7. Шагиева Г. Р. К вопросу о лингвистической экспертизе // Право: ретроспектива и перспектива. - 2020. - № 2 (2). - С. 124-129.

ЛАТЫПОВА Эльвира Рашитовна

кандидат педагогических наук, доцент Института химических технологий и инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета (филиал в г. Стерлитамаке)

БОГАТЫРЕВА Юлия Олеговна

магистрант Института химических технологий и инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета (филиал в г. Стерлитамаке)

ЛАТЫПОВ Нуриддин Неймаджон углы

магистрант Института химических технологий и инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета (филиал в г. Стерлитамаке)

ПРОЦЕСС СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ

В данной статье нами были проанализированы виды и особенности адаптации, рассмотрены основные понятия, трудности и преграды на пути к адаптации, непосредственно связанные с процессом обучения иностранных студентов на территории России. Международное сотрудничество в образовательной сфере не только повышает мировой уровень учебных заведений, но и благоприятно сказывается на повышении культурного обмена, гибкости мышления и более развитой коммуникации, а также на успешном межкультурном взаимодействии стран, развитии и продвижении образовательной и научной деятельности. Всё это приводит к укреплению межкультурных отношений, как между странами, так и среди общностей, народов и наций в пределах одной страны. В ходе нашего исследования мы определили, что иностранные студенты подвержены нескольким видам адаптаций, главным образом психологической и биологической. Большого внимания удостоилась социокультурная адаптация, так как является главным составляющим элементом психологической адаптации. Сформулировали методы социокультурной адаптации иностранных студентов в новую среду, способствующие скорейшему погружению в учебный процесс. Также были выявлены проблемы на пути к скорейшей адаптации в виде адаптационных барьеров. Все вышеперечисленные барьеры являются основными препятствиями на пути к комфортному проживанию и обучению иностранцев, на пути преодоления которых немаловажным является степень и качество организации межличностного взаимодействия и взаимопонимания между студентами, а также между преподавателями и студентами учебного заведения.

Ключевые слова: адаптация, социокультурная среда, иностранные студенты, адаптационные барьеры, социокультурная интеграция.

LATYPOVA Elvira Rashitovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of the Institute of Chemical Technology and Engineering of the Ufa State Petroleum Technological University (branch in Sterlitamak)

BOGATYREVA Yuliya Olegovna

magister student of the Institute of Chemical Technology and Engineering of the Ufa State Petroleum Technological University (branch in Sterlitamak)

LATYPOV Nuriddin Nemadjon ogli

magister student of the Institute of Chemical Technology and Engineering of the Ufa State Petroleum Technological University (branch in Sterlitamak)

THE PROCESS OF SOCIO-CULTURAL ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS IN RUSSIAN UNIVERSITIES

This article discusses the features and types of adaptation. The main aspects are analyzed. Difficulties and barriers for adaptation that arise during the period of study of foreign students at a Russian university are formulated. International cooperation in the field of education not only increases the world level of educational institutions, but also has a positive effect on increasing cultural exchange, flexibility of thinking and more developed communication, as well as on successful intercultural interaction of countries, the development and promotion of educational and scientific activities. All this leads to the strengthening of intercultural relations, both between countries and among communities, peoples and nations within the same country. Basic types of adaptation of foreign students as biological and psychological were considered in the course of our research. Also much attention was paid to socio-cultural adaptation as one of the main components of psychological adaptation. The text gives valuable information on methods of socio-cultural adaptation of foreign students to a new environment, contributing to the early immersion in the educational process. There were also identified problems to early adaptation in the form of adaptation barriers. Conclusions are drawn that the degree and quality of the organization of interpersonal interaction and mutual understanding between students, as well as, between teachers and students of an educational institution is important for overcoming them.

Keywords: adaptation, socio-cultural environment, foreign students, adaptation barriers, socio-cultural integration.

Одним из существующих приоритетных направлений в России является привлечение иностранных граждан для получения высшего образования. Международное сотрудничество в области образования обусловлено не только престижем учебных заведений, но и необходимостью повышения их конкурентоспособности на мировой арене и каче-

ством предоставления образовательных услуг. В то же время привлечение студентов из-за рубежа ставит перед вузами ряд серьезных задач: обеспечить иностранцам качественное высшее образование, обеспечить безопасность их жизни на территории страны, создать необходимые (комфортные) условия для учебы и проживания, а также обеспечить помощь

в проблемах, связанных с организацией процесса социокультурной адаптации.

Социальная адаптация – это процесс приспособления к новой среде жизнедеятельности. Средой жизнедеятельности, в данном случае, может быть новый коллектив, переезд, а также изменение социального положения. Многозначность понятия адаптации исследуется различными учеными в ряде гуманитарных и естественных наук [5].

Таким образом, адаптация – это процесс и результат приспособления субъекта к изменяющимся обстоятельствам. Адаптация характеризуется как действиями субъекта, так и его окружения, главной целью которых является приспособление первого [8].

В данном исследовании выделим два аспекта адаптации человека – психологический и биологический. Психологический аспект характеризуется приспособлением индивида, как личности, к сосуществованию как с собственными интересами, мотивами и потребностями, так и к сосуществованию с обществом, в соответствии с его требованиями. Биологический же включает в себя приспособление организма к меняющимся условиям окружающей среды, например: атмосферному давлению, температуре, влажности и прочим условиям. Психологический аспект, в свою очередь, условно можно разделить на несколько форм, в зависимости от того, какие сферы человеческого существования он затрагивает: психологическую, социальную и культурную формы адаптации. Основой биологического аспекта является физиологическая форма адаптации. Она характеризуется действиями, направленными на сохранение благоприятного физического состояния и поддержания в норме функций жизнедеятельности. С этой точки зрения различают долговременную и срочную адаптацию [4].

К важным показателям психологической адаптации относятся: достаточно высокий уровень самооценки, позитивный эмоциональный настрой и низкий уровень тревожности и стресса.

Социальная адаптация иностранных студентов тесно связана с их личностной адаптацией. Находясь в коллективе, студенты осваиваются в новых для них условиях, отсюда следует, что группа и личность взаимодействуя между собой, влияют друг на друга.

Серьезную роль, наравне с психологической и социальной адаптациями, несет в себе культурная. В процессе которой происходит внедрение в культурную жизнь нового общества, и комфортное слияние имеющихся взглядов и традиций, приобретенных в культурной среде воспитания, с культурными особенностями среды нахождения.

Культурная адаптация несет в себе освоение культурных ценностей и особенностей проживания, необходимых для формирования общих ценностей и норм в восприятии и поведении людей в социальной среде [7].

Для иностранных студентов первое время пребывания в чужой стране является огромным стрессом. Это связано с психологическим дискомфортом, эмоциональным напряжением, высоким уровнем интеллектуальной нагрузки, изменением географических и климатических условий, бытовыми проблемами, социокультурной и возрастной перестройкой личности, изменением жизненных биоритмов и другим рационом питания. Также важно отметить, что адаптация комплексный процесс, состоящий из нескольких форм и имеющий ряд некоторых трудностей, преодоление которых обеспечит иностранному студенту более высокие результаты в учебе и жизни на чужой земле.

Согласно С. Л. Рябчиковой: “Среди основных трудностей, с которыми сталкиваются иностранные студенты в процессе учебной деятельности, можно выделить следующие:

- 1) трудности в освоении знаний, необходимых для получения профессионального образования;
- 2) трудности в освоении профессиональных навыков;
- 3) трудности, связанные с соответствием физическим требованиям для осуществления образовательной деятельности” [9].

Причинами вышеупомянутых трудностей могут являться:

- 1) проблемы межличностного характера, связанные с навыками существования в студенческом обществе;
- 2) внутренний распорядок и правила высшего учебного заведения;
- 3) проблемы взаимопонимания со студентами, преподавателями и руководством вуза;
- 4) непосредственная необходимость участия в общественных и внеучебных мероприятиях.

Главной помехой к комфортному получению образования и проживанию на территории другой страны являются адаптационные барьеры. Их наличие связано с коммуникационными нарушениями, что влечет неправильную трактовку информации или же восприятие ее не в полном объеме.

Физиологические барьеры являются первостепенными (смена часовых поясов, другая пища и вода), однако их преодоление проходит эффективнее при наличии активности и быстрее других видов барьеров.

Социокультурные различия приводят к появлению психологического барьера. Здесь основное влияние имеют разность менталитетов, различие взглядов на политику, религию, социум – все это приводит к разному пониманию и интерпретации в процессе коммуникации.

Значительную роль в преодолении психологического барьера имеет показатель авторитетности коммуникатора в глазах реципиента. Большее влияние влечет за собой более легкое и результативное усваивание поступающей информации [2].

На ранних стадиях адаптации также довольно часто возникают и эмоциональные барьеры, это связано с тем, что первое время пребывания в другой стране является довольно трудным периодом и нередко характеризуется тревожностью и эмоциональными перегрузками.

Наличие правильной мотивации помогает в преодолении социально-культурного барьера, приступить к освоению культуры страны нахождения, что в свою очередь помогает убрать психологические и коммуникационные барьеры. В процессе выстраивания здоровой и плодотворной коммуникации могут возникнуть самые разные трудности: от неверной интерпретации информации и всевозможных механических обрывов до тонких психологических моментов. В большинстве случаев, из-за наличия эмоциональных барьеров возникает искаженное восприятие информации. Так можно отметить существование: барьера отношения, барьера непонимания и непосредственно барьера социально-культурного различия [3].

Языковой барьер является самой весомой проблемой, которая находит свое отражение на всей сфере адаптации: образовательную, психологическую, культурную и социальную. Мотивация и желание в изучении языка иностранным студентом может существенно помочь в преодолении данного барьера. Интенсивность этого зависит и от представителей образовательного учреждения, работающих со студентами

по вопросам организационных, воспитательных и образовательных работ.

Так, например, если участники коммуникации разговаривают на разных языках и диалектах, говорят быстро, не выразительно, имеют различные речевые и дикционные дефекты, используют в своей речи слова паразиты, тоне исключено возникновение барьера непонимания. Что негативно скажется на общении и психологическом состоянии коммуникаторов. В случае, когда логичность высказывания вызывает сомнения или кажется слишком сложной для собеседника, то появляется логический барьер. Также не исключен факт возникновения гендерного барьера [1].

Идя по пути преодоления самых разных барьеров, студенты вырабатывают особую систему поведения, которая помогает им решать возникшие задачи. Из чего следует, что социокультурную адаптацию иностранных студентов в новой образовательной среде следует рассматривать как процесс формирования устойчивой системы принципов поведения, что в свою очередь позволит повысить качество обучения и достигнуть наилучших академических результатов иностранных студентов с наименьшими негативными последствиями.

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что главным фактором успешной социокультурной адаптации иностранных студентов к новой образовательной среде является наличие частых взаимодействий и взаимопонимания между студентами и преподавателями. Также, благоприятно может сказаться активное участие иностранного студента в культурной и социальной жизни вуза, где на начальном этапе есть возможность практического межкультурного взаимодействия, что позволит облегчить период адаптации, овладеть необходимыми навыками и положительным опытом коммуникации, приобрести уверенность и мотивацию для дальнейшей интеграции в культуру.

Например, Э. Р. Латыпова отметила в своей работе, что «Межкультурные контакты приводят в результате к обмену представлениями и идеями, распространению отдельных элементов культуры за ее пределы. Однако общение людей может быть затруднено из-за различий в восприятии мира, языкового барьера и культурных особенностей. Данная ситуация требует развития толерантности, умения быстро адаптироваться и обладать гибкостью мышления для того, чтобы успешно осуществлять эффективное взаимодействие и строить коммуникации» [6].

Из всего вышесказанного следует, что адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза – это явление комплексное. Оно включает в себя множество видов адаптаций. Взаимодействие иностранных студентов со средой вуза, а также эмоциональная стабильность, социальный и личный статус, формирование и приобретение новых ценностей и качеств непосредственно зависят от успешности адаптации.

Совершенствование качества и вида образовательной деятельности, направленной на формирование профессиональной мотивации; организация процесса адаптации иностранных студентов к учебной деятельности в новой социокультурной среде должны стать частью политики в области образования. В связи с эффективным и своевременным решением проблем адаптации будет составляться положительный имидж страны среди мирового интеллектуального и политического сообщества.

Пристатейный библиографический список

1. Арефьева А. В., Фатеева Н. М., Глухих Т. А., Турьшева А. А. Адаптация студентов к учебному стрессу // *Здоровье и образование в XXI веке*. – 2012. – № 1.
2. Бабахан Ю. С. Основные психологические механизмы адаптации студентов к учебной деятельности // *Психологический журнал*. – 2003. – № 6.
3. Боронина Л. Н., Вишневский Ю. Р., Дидковская Я. В. и др. Адаптация первокурсников: проблемы и тенденции // *Университетское управление: практика и анализ*. – 2001. – № 4 (19).
4. Витковская М. И., Троцук И. В. Адаптация иностранных студентов к условиям жизни и учебы в России (на примере РУДН) // *«Вестник РУДН. Серия «Социология»*. – М., 2003.
5. Елгина Л. С. Социальная адаптация студентов в вузе // *Вестн. Бурят, гос. ун-та*. – 2010. – № 5.
6. Латыпова Э. Р. Межкультурная коммуникация в современном мире // *Сборник материалов Международной научно-практической конференции*. Редакция: Н. В. Матвеева. – 2018.
7. Лебедева О. А., Скопина Ю. И. Проблемы и трудности адаптации иностранных студентов-первокурсников к условиям жизни и обучения в России // *Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения*. – 2014. – № 35-1.
8. Максимчук Е. Д. Особенности межкультурной адаптации иностранных студентов и обоснование выбора методик для ее исследования // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология*. – 2014. – № 1.
9. Рябкова С. Л. Анализ особенностей контингента иностранных слушателей, обучающихся в ННГАСУ по программе предвузовской подготовки // *Труды конгресса 16-го Международного научно-промышленного форума «Великие реки 2014»*. – Н. Новгород: Издательство ННГАСУ, 2014. – Т. 2.

МАРИАНОВ Алихан Абдулаевич

кандидат исторических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета, Дагестанского государственного университета, филиал в г. Избербаш

МИРЗАЕВ Закир Мукайлович

кандидат юридических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета

МИРЗАЕВА Зейнаб Закировна

старший преподаватель Дагестанского государственного педагогического университета

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ

Данная статья посвящена формированию эффективной самостоятельной работы учащихся в образовательном процессе. Разработана и научно обоснована модель организации самостоятельной работы студентов. В этой статье описывается развитие у учащихся независимости, ответственности, организованности и творческих качеств в решении проблем, с которыми они сталкиваются на разных уровнях. Статья посвящена самостоятельной работе студентов в университете. В этой статье рассматривается роль и важность самостоятельной работы студентов, а также приводятся аргументы в пользу необходимости создания новой организационной модели.

Ключевые слова: концепция, самостоятельная работа в вузе, образовательный, формирование, научная работа студента.

MARIANOV Alikhan Abdulaevich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of the Dagestan State Pedagogical University, Dagestan State University, branch in Izberbash

MIRZAEV Zakir Mukailovich

Ph.D. in Law, associate professor of the Dagestan State Pedagogical University

MIRZAEVA Zeinab Zakirovna

senior lecturer of the Dagestan State Pedagogical University

INDEPENDENT WORK OF STUDENTS

This article is devoted to the formation of effective independent work of students in the educational process. A model of organizing independent work of students has been developed and scientifically substantiated. This article describes the development of students' independence, responsibility, organization and creativity in solving problems they face at different levels. The article is devoted to the independent work of students at the university. It analyzes various types of independent work. This article examines the role and importance of students' independent work, and also provides arguments in favor of the need to create a new organizational model.

Keywords: concept, independent work at the university, pedagogical, education, student's scientific work.

На протяжении последних десятилетий реформа юридического образования в России была постоянной проблемой. Однако лишь немногие изменения получили устойчивое признание, и, что более важно, реформы редко приводили к изменению условий обучения. Все еще есть много возможностей для улучшения, когда речь заходит о способах преподавания юридического контента, поскольку дидактические методы в целом не были доведены до современного уровня.

Современных условиях окружающей действительности становится очевидным, что обществу нужны высококвалифицированные специалисты с активной профессиональной и жизненной позицией, способные не только адаптироваться в глобальном мире, но и занимать в нем лидирующие позиции. Поэтому перед высшим образованием стоят особые задачи, связанные с формированием будущих специалистов, обладающих как профессиональными, так и культурными компетенциями, стремлением к саморазвитию и самосовершенствованию. В Словаре терминов по общей и социальной педагогике самостоятельная работа трактуется как вид учебной деятельности студента, при котором студент предполагает определенный уровень самостоятельности во всех ее структурных компонентах – от постановки задачи до осуществления контроля, самоконтроля и коррекция, переход от простейших видов работы к более сложным, носящим поисковый характер. Несомненно, для достижения этой цели нельзя ограничиваться пересмотром методологические подходы к процессу преподавания в высшем учебном заведении и использование современных технологий. Влияние самостоя-

тельной познавательной деятельности студентов на развитие высокого уровня профессиональной автономии в будущем подтверждается на основе экспериментального исследования. После перехода на двухуровневую систему обучения произошло существенное изменение методов обучения студентов. Количество лекционных занятий с преподавателем (как лекций, так и практических занятий) значительно сократилось. Многие разделы учебной программы предоставляются студентам для самостоятельного изучения. Кроме того, изменились требования к выпускнику университета. Традиционная система высшего образования предназначена для приобретения знаний и умений. Компетентность, способность к самостоятельному поиску знаний и необходимость приобретения эти знания становятся приоритетными в новых условиях. «Самостоятельная работа в первую очередь выполняет задачи всех других видов научной работы. Никакое знание, которое не стало объектом собственной деятельности, не может считаться реальным достоянием человека» [1]. Поэтому одной из главных задач высшего образования является формирование творческой личности специалиста, способного к саморазвитию и творчеству деятельности. Решение этой проблемы возможно только при переходе от традиционной модели образования к инновационной, что в настоящее время связано с реформированием образовательного процесса.

Необходимо перевести студента из пассивного потребителя знаний в активного их создателя, способного критически мыслить, планировать собственные действия, уметь проявлять инициативу, формулировать проблему, анализировать

способы ее решения, находить оптимальный результат и доказывать свою правоту, а также успешно находите выход из сложившихся нестандартных ситуаций. Новая парадигма образования придает большое значение самостоятельной учебной деятельности студентов, которая позволяет им более успешно овладевать компетенциями, необходимыми для осуществления будущей профессиональной и повседневной деятельности. Это способствует развитию самостоятельности, ответственности, организованности и творческих качеств личности учащихся при решении задач, стоящих перед ними на различных уровнях. Одной из форм самостоятельной учебной деятельности является самостоятельная работа учащихся, которая заключается делиться на аудиторские и внеклассные занятия.

Самостоятельная работа учащихся может осуществляться как в классе под непосредственным руководством учителя, так и вне школы с участием учителя и без него. Преподавательская деятельность осуществляется на лекциях, стажировках или лабораторных занятиях. Внеклассные мероприятия включают изучение научной и специальной литературы, подготовку к занятиям, подготовку отчетов, написание эссе и научную работу студентов. Одной из форм внеклассной самостоятельной работы студента является подготовка к лекции, которая заключается в проработке темы лекции по учебнику, учебнику, критическом анализе изучаемого материала и интересующих вопросов. Самостоятельная подготовка к лекции дает возможность для более глубокого понимания материала лекции.

Основными видами научно-исследовательской работы студентов, наряду с преподавательской и исследовательской работой, предусмотренной учебным планом кафедры, является НИРС во внеурочное время. Формами такого рода работы являются студенческие научные кружки, проблемные группы, секции, лаборатории, участие в научных конференциях, проведение конкурсов студенческих научных работ. Для улучшения качества обучения на факультете управления и права мы предлагаем внести проект. Цель проекта, который предлагается с 2024 по 2025 года, состоит в том, чтобы предложить студентам, особенно тем, кто находится на ранних семестрах обучения, долгосрочные подходы к оптимизации их учебных процессов и дать им возможность разрабатывать рефлексивные стратегии обучения. С этой целью проект, реализуемый на юридическом факультете, предоставил набор взаимосвязанных модулей, каждый из которых удовлетворял потребностям студентов на различных этапах их обучения.

Цель проекта состоит в том, чтобы облегчить студентам начало учебы и вместе с ними заложить прочный фундамент, на котором они смогут успешно строить. Чтобы оптимально реагировать на различные потребности, поддержка оказывалась индивидуально, а также в небольших группах. Из-за внеклассного характера занятий участие не было обязательным, но поощрялось. Таким образом, модуль объединил решения кейсов, структурное понимание материального права и стратегии обучения взаимосвязанным образом. Кроме того, на отдельном занятии по подготовке к экзаменам студентам были предоставлены компактные знания, которые подготовили их к успешной сдаче экзаменов, проведя их через все этапы написания экзаменационных работ – от подготовки к экзамену до процедур во время экзаменационной ситуации – и сообщив критерии качества сдачи экзамена.

Предметные олимпиады прочно заняли свое место в системе подготовки студентов как будущих специалистов. Студенты факультета управления и права Дагестанского государственного педагогического университета ежегодно участвуют в республиканской олимпиаде по уголовному праву, занимают призовые места. Кроме того, участие в олимпиадах приводит к развитию интереса к изучаемому предмету, способствует ориентации на достижения и формированию характера будущего специалиста.

Еще одним большим преимуществом олимпиад является то, что в них принимают участие не только хорошо успевающие учащиеся, но и учащиеся с низкой успеваемостью. Участие таких учащихся в серьезной олимпиаде значительно повышает их интерес к предмету и стимулирует мотивацию

к учебному процессу, активности и самостоятельной работе с дополнительной литературой. Олимпиада – это результат работы преподавателя и студента не только во время учебных занятий, но и во внеурочное время. В процессе подготовки к олимпиадам меняются отношения между учащимися и преподавателями, участвующими в организации и подготовке олимпиады. У преподавателей и студентов появляются «общие интересы», и между ними развивается взаимопонимание, что является условием развития общей компетентности студента. Во время подготовки к олимпиаде, проводимой с группой студентов, специфика командной работы во время соревнований заставляет их привыкать к коллективному творчеству, к работе каждого члена группы в постоянном взаимодействии с другими членами группы.

Желательно использовать задания, основанные на материале реальных ситуаций, возникающих в профессиональной деятельности, которые в ходе их решения значительно расширяют изучаемую область во время олимпиад, особенно для технических специалистов.

Современный уровень подготовки специалистов требует развития их исследовательских навыков. Самостоятельная работа студента предназначена не только для овладения каждой дисциплиной, но и для формирования навыков самостоятельной работы в целом, в учебной, научной, профессиональной деятельности, умения брать на себя ответственность, самостоятельно решать проблему, находить конструктивные решения, выходить из кризисной ситуации и т.д.

Таким образом, одним из условий подготовки конкурентоспособного специалиста является компетентный подход, обеспечивающий формирование у студента высокого уровня научных знаний, а основной целью является повысить роль самостоятельной работы как формы образовательного процесса в высших учебных заведениях. Самостоятельная работа предполагает развитие внутренней и внешней самоорганизации будущего специалиста, его способности выстраивать индивидуальную траекторию самообучения, а также для формирования способности к саморазвитию и творческому применению полученных знаний.

Согласно новой образовательной парадигме, независимо от специализации и характера работы, любой начинающий специалист должен обладать фундаментальными знаниями, профессиональными навыками и умениями по своему профилю, опытом творческой и исследовательской деятельности по решению новых задач, а также опытом социальной и оценочной деятельности. Поэтому самостоятельная работа студентов является не просто важной формой учебного процесса, но и его основой. Решающая роль в организации самостоятельной работы принадлежит преподавателю, который должен работать не с учеником «вообще», а с конкретной личностью, с ее сильными и слабыми сторонами, индивидуальными способностями и склонностями.

В заключение хотелось бы отметить, что только свободомыслящий человек ощущает прелесть обучения, охотно и осмысленно вовлекается в образовательный процесс. Система образования в университете должна быть подчинена основополагающему принципу – воспитанию высокого профессионализма, начиная с самого начального уровня образования [2].

Пристатейный библиографический список

1. Основы педагогики и психологии в высшей школе / Под ред. А. В. Петровского. – М., 1986. – С. 129.
2. Щербакова Е. В. Самостоятельная работа студентов как важнейшая составляющая организации учебного процесса в вузе // Молодой ученый. – 2010. – № 8 (19). – Т. 2. – С. 188-190.

МЕЙСУРОВ Шамиль Сулейманович

старший преподаватель кафедры правовых дисциплин и методики преподавания Дагестанского государственного педагогического университета

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Правовое образование вновь раскрыло свой потенциал в реалиях развития современных информационных и цифровых технологий. В то же время риски, приводящие к негативным проявлениям в правовой среде в целом и в ее образовательно-правовых кластерах, в частности, стали более актуальными. Ключевым аспектом, требующим особого внимания, являются права человека. Целью статьи является разработка эффективного образовательного и правового формата с использованием позитивных элементов информационно-коммуникационных технологий. Такая модель создает надлежащие предпосылки для правовой среды, необходимой для всестороннего обеспечения прав человека.

Ключевые слова: правовое образование, информационные и цифровые технологии, права человека, цифровые навыки, юридическое образование.

MEISUROV Shamil Suleymanovich

postgraduate student of Legal disciplines and teaching methods sub-faculty of the Dagestan State Pedagogical University

PROBLEMS OF MODERN LEGAL EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF THE INFORMATION SOCIETY

Legal education has rediscovered its potential in the realities of the development of modern information and digital technologies. At the same time, the risks leading to negative manifestations in the legal environment in general and in its educational and legal clusters, in particular, have become more relevant. Human rights are a key aspect that requires special attention. The purpose of the article is to develop an effective educational and legal format using positive elements of information and communication technologies. Such a model creates the appropriate prerequisites for the legal environment necessary for the full protection of human rights.

Keywords: legal education, information and digital technologies, human rights, digital skills, legal education.

Следует отметить необходимость разграничения понятий “юридическое образование” и “правовое просвещение”. Если образование подразумевает подготовку профессиональных кадров или изучение базовых правовых концепций, то образование фокусируется на формировании понимания правовой системы в сознании отдельного человека или общества.

Среди ученых распространяется мнение, что роль образования в области прав человека в разработке стратегий в области прав человека не следует полностью игнорировать.

Те, кто пренебрегает важностью юридического образования, не могут дать полную картину проекта в области прав человека. Именно юридическое образование становится основой для общего понимания вопросов прав человека. В то же время юридическое образование является первым шагом к правовому образованию (личному, профессиональному, общественному). Отметим, что процесс цифровизации, присутствующий цифровому обществу, наиболее убедительно указывает на тенденцию к повышению актуальности юридического образования. Пандемия COVID-19 внесла свои коррективы в пространство российской системы образования. Результаты весны 2020 года показали, что приоритетной задачей для системы образования является дальнейшая цифровизация и переход к комбинированной модели обучения – blended learning, в которой сочетаются форматы очного и дистанционного обучения для студентов.

Речь идет о неспособности традиционной модели образования реагировать на непредвиденные обстоятельства (на примере пандемии). Следовательно, существует довольно актуальная проблема переориентации с классически-традиционного формата образовательно-правовую систему к инновационной образовательно-цифровой модели, характерной для информационного пространства.

Важным моментом, пронизывающим правовую систему в целом, являются процессы глобализации современного социокультурного пространства. Эти тенденции во многом зависят от

информационно-коммуникационных технологий. В то же время цифровой мир стал актуален непосредственно в результате воздействия глобализации. Следовательно, унификация стала характерной чертой юридического образования. Объединение национальных образовательных и правовых систем, приведение их к общему знаменателю, происходит в режиме, который в основном обеспечивается цифровизацией (коммуникация, технологии, перевод, унификация и т.д.). Способы, с помощью которых национальные системы образования могут работать сообща, стирая границы, для определения смысла и значимости принципов демократии, прав человека и воспитания в духе мира в настоящее время изучаются сравнительными методами. Совместные исследования имеют решающее значение для развития понимания прав, демократии и мира, влияющих на транснациональность. Такие вопросы, как гражданство, идентичность, язык, конфликты, глобальная образовательная политика и демократические подходы к политике и образованию являются результатами исследований.

Информационная среда и средства коммуникации позволяют получать и анализировать все доступные достижения в области права. Наиболее эффективные элементы, продемонстрировавшие качественные показатели в практическом измерении, немедленно добавляются в образовательные системы в качестве учебно-методического арсенала или организационно-технической поддержки. Таким образом, мы получаем информацию об изменениях в образовательной и правовой системе практически в режиме онлайн. Этого требует современный динамичный мир, который больше не терпит традиционных консервативных методов, которые неспособны быстро реагировать на вызовы времени.

Именно поэтому юридическое образование, используя потенциал информационно-коммуникационных технологий, стремительно прогрессирует и меняется в зависимости от требований времени. В то же время фундаментальные целевые принципы (верховенство закона и права человека) неизменны и неоспоримы.

Актуальность исследования целей правового воспитания общества и личности подчеркивается. Следует отметить, что без этих компонентов функционирование демократического общества и существование верховенства закона невозможны. Правовое образование формирует основу для популяризации правового поведения. Отражение системы правового образования и осведомленности имеет важное значение.

Правовые убеждения (правовое мировоззрение) граждан являются неотъемлемой частью формирования правового государства.

Только сочетание правосознания граждан и эффективной правовой системы является ключом к успешному функционированию правового государства. Уместный вопрос заключается в том, каков источник этого осознания?

В условиях тотального информационного воздействия необходимо разработать механизмы фильтрации правовых аспектов и систематизации их представления обществу. Информационно-правовой контент не должен представлять угрозы, а должен быть направлен на соблюдение гуманистических принципов и верховенства закона. Как показывает статистика, в государствах, где правовая культура находится на высоком уровне, формула верховенства права эффективна.

Нетрудно сделать вывод, что государства с высоким уровнем развития информационно-коммуникационных технологий имеют больше шансов на эффективное функционирование образовательного и правового пространства за счет использования инновационных стратегий.

Основополагающее значение для юридического образования в условиях современного информационного и цифрового пространства являются положения Декларации ООН об образовании и профессиональной подготовке в области прав человека (2011).

Анализируя ключевые положения этой декларации, мы отмечаем, что значительное внимание уделяется не только необходимости соблюдения прав и свобод человека, но и реализации этих принципов в современную информационную эпоху. Информационно-коммуникационные технологии являются примером инновационных образовательных стратегий в области правоведения.

Образовательно-правовое пространство исследуется общенаучными методами. Когда речь заходит об информационно-коммуникационном измерении, формируется кластер методов, обеспечивающих технологическую и цифровую составляющие юридической практики.

Следовательно, рассматриваются специальные методы, актуальные для юридического образования в условиях цифровизации: статистические, кибернетические, моделирование.

Следует отметить, что использование конкретной методологии эффективно только во взаимодействии с общенаучными методами анализа (системными), что указывает на право человека на правосознание и пути достижения правовой грамотности. Проблема прав человека актуализирует методологический потенциал гуманитарно-научного дискурса. В этом контексте важно примирить противоречия между антигуманистическими принципами информационных технологий и гуманистически ориентированными идеями прав человека и верховенства закона. При обзоре литературы по юридическому образованию в контексте информационного и цифрового пространства следует выделить несколько моментов. Во-первых, исследования в области юридического образования фокусируются на использовании информационно-коммуникационных технологий для достижения основной цели юридического образования – верховенства закона.

Безусловно, наиболее часто используемые цифровые ресурсы в высшем образовании, электронные учебно-методические комплексы являются средством беспрепятственного получения необходимой образовательной информации и организации гражданского законодательства в интернете [1]. И еще раз мы убеждаемся, что современный человек должен обладать способностью и умением находить релевантную и актуальную информацию. Существует острая необходимость в обновлении образовательной и правовой системы, которая должна разработать новые стратегии правового характера, не противоречащие друг другу.

Отмечается неспособность нынешней модели юридического образования противостоять вызовам, которые приводят к нарушению прав человека. Существующий формат характеризуется консерватизмом, который приводит не к реагированию на нарушения, а главным образом к наблюдению за выявлением и анализом незаконных действий или процессов. Цифровизация в этом контексте призвана улучшить регистрацию правонарушений и осведомленность общественности о них. В образовательной и правовой среде такие тенденции также соответствующим образом отражены. В частности, речь идет об использовании цифровых навыков и их взаимодействии с базовыми и гибкими навыками будущих юристов.

Развитие информационно-коммуникационных технологий привело к снятию информационной завесы о структуре и особенностях функционирования судебной системы. То есть каждый желающий фактически может наблюдать за всеми тонкостями правовой системы в режиме онлайн. Эта информационная революция также оказала значительное влияние на юридическое образование, или, скорее, на правовое просвещение.

Если раньше человек, заинтересованный в юридическом образовании, начинал его практически с чистого листа, то теперь претендент на юридическое образование уже располагает значительным объемом информации, относящейся к правовой системе.

Быстрый рост цифровых технологий, интенсивное развитие науки и активный технологический прогресс стали основными отличительными чертами современного общества. Это послужило формированию новой категории прав человека – “цифровых” прав. Эпоха цифровых технологий, предоставляя новые возможности, создает новые угрозы обеспечению прав и свобод человека. Цифровизация стала фактором глубокой трансформации классических прав и свобод человека. К числу наиболее уязвимых групп относятся следующие: право на анонимность, право на защиту персональных данных, право на цифровое образование, доступ к цифровым знаниям; права, связанные с защитой генетической информации; права собственности в цифровой сфере.

Следующая концепция правового образования – это уважение.

В данном случае речь идет о необходимости проявлять терпимость к правам и свободам всех людей.

Утверждается, что права человека, являясь лишь частью концепции глобальной справедливости, являются эффективным фактором ограничения социально-экономического неравенства. В качестве примера автор указывает, что право человека на демократию является необходимым условием для отрицания материального неравенства, что, в свою очередь, предотвращает бесконтрольную власть. Цифровизация выступает инструментом обеспечения условий для соблюдения прав человека не на декларативном уровне, а в практической реализации этих идей.

Следовательно, информационно-коммуникационные технологии оказали довольно значительное влияние на юридическое образование. Цифровое общество характеризуется особыми принципами развития всех сфер своей деятельности. Эти принципы диктуют характеристики мягких навыков, которые приобретает кандидат на юридическое образование. Кроме того, к образованию добавляются цифровые навыки и правовая система, представляющая собой автономный набор способностей и умений, единый для всех научных знаний и сфер человеческой деятельности. Приобретение цифровых навыков в контексте освоения правового пространства предполагает осознание важности и практическое использование достижений научно-технического прогресса в юридической практике и социально-правовых кластерах.

Пристатейный библиографический список

1. Туркаева А. В. Проблемы правового образования студентов в современных условиях цифровой образовательной среды // Вестник Уральского института экономики управления и права. – 2022. – № 1 (58). – С. 75-80.

ХАЙРУЛЛОВА Эльвира Тагировна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России

ИНОЗЕМЦЕВА Юлия Юрьевна

преподаватель кафедры гражданского права и процесса Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан

ЕРКЕЕВ Ильшат Хамитович

старший преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России

К НЕКОТОРЫМ МЕТОДАМ АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

В статье рассматриваются вопросы активизации познавательной деятельности обучающихся юридических вузов, обусловленные необходимостью укрепления связи учебного процесса с практической деятельностью. Возможности криминалистической викторины, рассматриваемой в качестве одного из методов активизации познавательной деятельности обучающихся, способствуют формированию практической направленности учебно-воспитательного процесса. Авторами на основе анализа проведения криминалистических викторин предложены различные апробированные конкурсные мероприятия и раскрыт их потенциал как методов и приемов, способствующих активизации познавательной деятельности обучающихся.

Ключевые слова: внеаудиторные занятия, криминалистическая викторина, конкурсы, активизация познавательного процесса.

KHAYRULLOVA Elvira Tagirovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, associate professor of Criminology sub-faculty of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia

INOZEMTSEVA Yuliya Yurjevna

lecturer of Civil law and process sub-faculty of the Bashkir Academy of Public Administration and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan

ERKEEV Ilshat Khamitovich

senior lecturer of Criminology sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

TO SOME METHODS OF ACTIVATING COGNITIVE ACTIVITIES OF STUDENTS

The article discusses the issues of enhancing the cognitive activity of law school students, due to the need to strengthen the connection between the educational process and practical activities. The possibilities of the forensic quiz, considered as one of the methods of activating the cognitive activity of students, contribute to the formation of a practical orientation of the educational process. Based on the analysis of forensic quizzes, the authors propose various proven competitive events and reveal their potential as methods and techniques that contribute to the activation of cognitive activity of students.

Keywords: extracurricular activities, quiz, competitions, activation of the cognitive process.

Современная педагогика высшего образования уделяет повышенное внимание внутреннему потенциалу будущего специалиста и созданию образовательной среды, способствующей творческому саморазвитию личности. Считается, что эффективность профессиональной деятельности будущего специалиста в равной степени зависит от приобретенных в вузе профессиональных знаний и умений, и от сформированной способности к дальнейшему профессионально-творческому саморазвитию. Соответственно, одной из главных задач современной высшей школы является развитие у студентов творческой самостоятельности [2, с. 581].

Традиционно к аудиторным видам деятельности относятся лекционные, семинарские и практические занятия. Аудиторные занятия подчинены программе, учебному плану, плану проведения занятий, регламентированы расписанием и являются обязательной формой реализации требований учебного процесса. Аудиторные занятия обеспечивают четкое планирование и организацию учебно-воспитательной работы, а также систематический контроль процесса и результатов деятельности студентов.

Вместе с тем, внеаудиторные занятия имеют неограниченные возможности для творческой организации обучения, развития личности обучающегося, создания оптимальных условий для самостоятельной деятельности преподавателей и обучающихся, для реальной индивидуализации и дифференциации обучения и воспитания, для развития партнерских взаимоотношений в совместной деятельности.

Проведение внеаудиторных занятий создает условия для более глубокого изучения дисциплины, позволяет расширить сферу применения навыков и умений, приобретенных во время аудиторных занятий. К внеаудиторным относят занятия, проводимые вне учебного плана по общеунивер-

ситетскому плану внеаудиторной работы с учетом программного материала во внеаудиторное время [3, с. 149].

В качестве примера рассмотрим один из видов внеаудиторной работы – проведение викторины по криминалистике.

Проведение викторины позволяет решить ряд задач:

- Обучающая – в интересной игровой форме повторить, систематизировать материал по пройденным темам;
- Развивающая – развитие интереса к полученным знаниям по криминалистике, умение раскрыть суть явлений;
- Воспитывающая – формирование сплоченности, чувства взаимопомощи, положительных моральных качеств, творческой инициативы.

При подготовке криминалистической викторины определяются:

- а) тема криминалистической викторины;
- б) состав оргкомитета;
- г) состав участников викторины;
- в) сроки проведения криминалистической викторины.

Разрабатывается и утверждается «Положение о проведении криминалистической викторины», а также план подготовки и проведения викторины. Исходя из опыта организации криминалистических викторин для эффективного решения организационных вопросов рекомендуется создавать организационный комитет. В положении следует определить цели и задачи викторины, обязанности членов оргкомитета, условия и порядок проведения криминалистической викторины, основные требования к содержанию выступления, порядок награждения победителей.

Тематика и способы проведения викторин могут быть самыми разнообразными. Выбор темы определяется ее значимостью, наличием теоретических и практических проблем. Иногда содержательность и эффективность викторины повышается при проведении ее по нескольким взаимосвя-

занным темам. Конкретное содержание викторины следует определять в соответствии с задачами, которые решают подразделения на данном этапе обучения. Примерные темы криминалистических викторин: «Тайны следствия», «Ночной дозор», «След», «Улицы разбитых фонарей», «По стопам Шерлока Холмса», «Следопыт». Названия тем должны быть емкими и лаконичными, вызывать интерес у участников викторины и болельщиков [1, с. 8], [4, с. 261].

Следующим важным этапом является выбор и подготовка конкурсов, а также вопросов для выполнения заданий. Важно уметь кратко, точно и выразительно сформулировать вопрос, соблюдая принцип корректности. От того, какие будут выбраны конкурсы, какова будет постановка вопросов, во многом зависит успех предстоящей викторины.

При определении объема заданий не следует охватывать обширную тематику. Возможно использование следующих заданий в виде:

- представления команд;
- разминки;
- пантомимы;
- домашнего задания;
- подготовки девиза, эмблемы;
- подготовки манекена;
- кроссворда;
- конкурса капитанов команд;
- конкурса по лучшему выполнению практических навыков (составление словесного портрета, изъятие следов ног, изъятие следов рук, выявление фальшивой банкноты, поддельных документов и т. д.);
- изготовления стенгазет, листовок-молний, сатирических газет по актуальной в криминалистике теме;
- видеозаписи какого-либо реального события, киноэпизодов художественных, документальных, хроникальных фильмов;
- набора фотодокументов, схем, графиков, отражающих состояние какого-либо факта или процесса;
- игрового метода (ситуацию непосредственно на сцене проигрывают специально приглашенные участники театра, обучающимся показывается фрагмент из какого-либо спектакля на профессиональную тему);
- «досье ситуации» (набор различных деловых бумаг, документов, писем, отчетов, докладных записок, приказов, директив, инструкций, рекомендаций, планов, положений и т. п.) [1, с. 8].

Необходимо признать, что игровой метод, применяемый в организации криминалистической викторины, позволяет эффективно раскрыть творческий потенциал обучающихся. Для поддержания благоприятного психоэмоционального фона при проведении игровых, интерактивных форм занятий необходимо ориентировать обучающихся не только на соревнование, но и на совместную, общекомандную деятельность, направленную на принятие оригинальных и нестандартных решений.

К викторине целесообразно подготовить выставку литературы, криминалистической техники, изготовить стенды на криминалистическую тематику. Особое внимание обучающихся привлекают видеоролики по проведенным ранее криминалистическим викторинам с наиболее интересными моментами.

Проведение криминалистической викторины начинается, как правило, с конкурса «Приветствие команд». Приветствие может представлять собой небольшую сценку на криминалистическую тему. Возможны и другие варианты приветствия команд, в ходе которого озвучивается название команды, девиз, представляется эмблема выступающей команды с ее обоснованием (образец эмблемы каждая команда передает жюри для изучения и оценки).

После приветствия команд возможны различные конкурсы в зависимости от сценария криминалистической викторины, например «Разминка», «Блиц-опрос», «Лучший вопрос», «Видеовопрос», «Найди ошибку», «Кроссворд», «Пантомима» и другие. Основным критерием является получение правильного ответа на интересный вопрос из раздела криминалистики за определенное время. Команды также могут подготовить вопросы друг другу. В этом случае оценивается не только правильность ответа, но и оригинальность и правильность вопроса.

Конкурс «Видеовопрос» предполагает подготовку видеотрейлеров с вопросами по тематике викторины от пре-

подавателей кафедр криминалистики, уголовного процесса, уголовного права, известных ученых-правоведов, практических работников экспертно-криминалистических и следственных подразделений.

В конкурсе «Найди ошибку» командам предлагается найти и исправить неправильные утверждения в представленных текстах, которые могут быть подготовлены организаторами или командами-участниками.

В конкурсе «Лучший вопрос» каждая команда должна придумать вопрос по своему учебному тексту. Вопрос, ответ на который показывает совершенство владения этим материалом, дает возможность увидеть его с самой интересной стороны. Команды по порядку будут их задавать, а остальные – отвечать на них как можно полнее.

В целях отработки практических навыков в зависимости от тематики криминалистической викторины возможно проведение следующих конкурсов: «Выявление, изъятие и фиксация следов рук», «Составление субъективного портрета», «Определение признаков подделки документа», «Проведение осмотра места происшествия», «Изъятие запаховых следов» и т. д. Например, при проведении конкурса «Осмотр места происшествия» на сцене на столах размещаются криминалистические чемоданы, стеклотара, различные столовые приборы. Командам необходимо обработать имеющиеся предметы, обнаружить и изъять с них следы пальцев рук. Изъятые следы необходимо упаковать, сделать пояснительную надпись.

На заключительном этапе следует подвести итоги викторины, организовать награждение победителей в разных номинациях. Результаты проведения криминалистической викторины с демонстрацией наиболее ярких моментов должны найти свое отражение на официальном сайте и официальных группах образовательного учреждения. Итоги проведения криминалистической викторины подлежат обсуждению, следует проанализировать возможные организационные недостатки в ходе подготовки и проведения викторины, определить какие вопросы, темы вызывают затруднения у обучающихся при ответах, требуют ли дополнительного внимания формирование тех или иных знаний, умений и навыков, также необходимо принять решения по устранению недостатков, совершенствованию работы в данном направлении.

Следует согласиться что при интеграции аудиторной и внеаудиторной деятельности создаются условия для активизации творческой активности обучающихся, стимулируется ответственность и трудолюбие, продуктивное взаимодействие обучающихся и преподавателей, решается проблема социокультурной подготовки [3, с. 149].

Таким образом, многообразные конкурсные мероприятия криминалистической викторины способствуют активизации познавательной деятельности обучающихся, направлены на формирование коммуникативных умений, приобретение опыта ведения дискуссий, способности к моделированию ситуаций, творческой самостоятельности. Применение в учебно-воспитательной деятельности методов и приемов, требующих активной мыслительной деятельности, позволяет эффективно формировать профессионально-значимые компетенции.

Пристатейный библиографический список

1. Аминев Ф. Г., Бойко Ю. Л., Грибунов О. П., Дудаев А. Б., Нугаева Э. Д. Сценарии проведения криминалистических викторин: Учебно-методическое пособие. – М.: ЦОКР МВД России, 2009. – 72 с.
2. Кудряшова А. В., Горбатова Т. Н. Роли преподавателя в процессе развития творческой самостоятельности студентов высших учебных заведений // Молодой ученый. – 2015. – № 4. – С. 581-584.
3. Полякова Е. И. Интеграция аудиторных и внеаудиторных занятий как фактор формирования у студентов интереса к освоению опыта межкультурного взаимодействия // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2008. – № 2. ч. 2. – С. 149-152.
4. Рябчиков С. А. К вопросу проведения криминалистических викторин в образовательном процессе // Образование. Наука. Научные кадры. – 2022. – № 4. – С. 260-262.

ЖАБКИН Антон Сергеевич

кандидат юридических наук, старший лейтенант полиции, старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России

ЛИПАНИН Евгений Александрович

преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России, майор полиции

ШЕВЧЕНКО Сергей Вячеславович

преподаватель кафедры огневой подготовки Воронежского института МВД России, подполковник полиции

ЯРМУХАМЕТОВ Азамат Кавиевич

преподаватель цикла кинологии Уфимской школы по подготовке специалистов-кинологов МВД России, майор полиции

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Исследуя содержание термина «адаптация» авторы проводят анализ эмпирических источников, и приходят к выводу о том, что термин «адаптация» возможно рассматривать в двух отношениях, как процесс и как результат. Рассматривая структуру адаптационного потенциала личности, авторы выделяют компоненты, развитие которых позволит начинающему сотруднику полиции легче адаптироваться к трудовой функции и коллективу. В качестве основных компонентов адаптационного потенциала личности авторы выделяют: когнитивный, мотивационный и коммуникативный. Авторы отмечают, что большое значение в процессе адаптации начинающего сотрудника полиции играет планирование рабочего дня, а также деятельность, направленная на борьбу со стрессом. Важную роль в процессе адаптации начинающего сотрудника полиции играет психологическая готовность к осуществлению профессиональной деятельности, которую важно формировать на основе принципов последовательности и систематичности.

Ключевые слова: сотрудники полиции, адаптация, психологическая готовность, стрессоустойчивость, профессиональная адаптация, профессиональная деятельность.

ZHABKIN Anton Sergeevich

Ph.D. in Law, lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia, senior lieutenant of police

LIPANIN Evgeniy Alexandrovich

lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, major of police

SHEVCHENKO Sergey Vyacheslavovich

lecturer of Fire training sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

YARMUKHAMETOV Azamat Kavievich

lecturer of the cycle of cynology of the Ufa School for Training Specialists in Cynology of the MIA of Russia, major of police

FEATURES OF ADAPTATION OF POLICE OFFICERS TO PROFESSIONAL ACTIVITY

Investigating the content of the term "adaptation", the authors analyze empirical sources, and come to the conclusion that the term "adaptation" can be considered in two ways, as a process and as a result. Considering the structure of the adaptive potential of the individual, the authors identify components, the development of which will allow a novice police officer to adapt more easily to the work function and the team. As the main components of the adaptive potential of the individual, the authors distinguish: cognitive, motivational and communicative. The authors note that planning of the working day, as well as activities aimed at combating stress, plays a great role in the process of adaptation of a novice police officer. An important role in the process of adaptation of a novice police officer is played by psychological readiness to carry out professional activities, which is important to form on the basis of the principles of consistency and systematicity.

Keywords: police officers, adaptation, psychological readiness, stress resistance, professional adaptation, professional activity.

Несмотря на реформу в деятельности полиции, проведенную в 2011 году, проблема адаптации молодого сотрудника полиции к профессиональной деятельности остается актуальной и на сегодняшний день. Об этом свидетельствует официальная статистика лиц, уволившихся из органов внутренних дел в первый год службы, а также информация, получаемая из СМИ, где все чаще появляются новости о кадровом голоде в рядах полиции.

Рассматривая проблему адаптации молодого сотрудника полиции к профессиональной деятельности мы обращались к трудам таких авторов, как Н. П. Маюров, П. Н. Маюров, О. Д. Ороева, А. Н. Пинчук, П. Р. Атутов, Л. Н. Голуб С. А. Медведева, И. А. Васильева, С. В. Жуковский, О. А. Жидкова и др. Произведя анализ эмпирических источников, мы видим, что авторы по-разному подходят к пониманию термина «адаптация», однако многие из них сходятся во мнении о том, что термин адаптация

возможно рассматривать в двух отношениях, как процесс и как результат. В этой связи, рассмотрим содержание понятия «профессиональная адаптация» более подробно. Так, к примеру, П. Р. Атутов понимает под термином профессиональная адаптация – «процесс приобщения к трудовой деятельности, в значительной мере обусловленной уровнем профессиональной ориентации, правильностью выбора профессии, а также характером профессиональной подготовки» [2].

По мнению группы авторов (Н. П. Маюров, П. Н. Маюров, О. Д. Ороева) профессиональная адаптация – «это взаимное приспособление работника и организации, основывающееся на постоянной вработываемости сотрудника в новых профессиональных, социальных и организационно-экономических условиях труда» [6].

Пинчук А. Н., считает, что профессиональная адаптация является разновидностью социальной адаптации, что «наде-

ляет ее характеристиками свойственными социальному явлению, но отличаемо специфическими чертами, возникающими в профессионально-трудовой сфере жизни» [7].

Рассматривая структуру адаптационного потенциала личности, можно выделить следующие компоненты, развитие которых позволит начинающему сотруднику полиции легче адаптироваться к трудовой функции и коллективу. В качестве основного компонента структуры будет выступать мотивационный. Рассматриваемый компонент представляет собой систему личностных доминант (мотивация, ценностные ориентации начинающего сотрудника, направленность личности) определяющих поведенческую активность начинающего сотрудника полиции. Следующим компонентом модели будет выступать когнитивный, заключающийся в наличии определенных знаний о предстоящей трудовой деятельности. Низкий уровень знаний, приобретенный в процессе обучения, во многом способствует дезадаптации начинающего сотрудника полиции. В качестве следующего компонента мы выделяем коммуникативный. Статистика показывает, что основной причиной увольнений сотрудников полиции в первый год работы является неспособность начинающего сотрудника выстроить эффективную коммуникацию с трудовым коллективом и гражданами. Деятельность сотрудника полиции относится к категории «человек-человек», в связи с чем, развитие коммуникативных навыков должно являться ориентирующим в процессе подготовки начинающего сотрудника полиции к профессиональной деятельности. В рамках развития коммуникативных навыков большое внимание должно уделяться особенностям разрешения конфликтов, методам выстраивания психологического контакта с партнером по общению, а также методам саморегуляции собственного поведения [5].

Рассматривая проблему адаптации начинающего сотрудника полиции следует отметить и вопросы темпорального аспекта особенностей личности сотрудника полиции. Большое значение в процессе адаптации начинающего сотрудника полиции играет планирование рабочего дня. Как правило, сотрудники полиции делятся на тех, кто осуществляет планирование задач и старается максимально использовать служебное время. Вторая категория, напротив, не осуществляет планирование и не придает этому значения, что негативным образом сказывается на осуществлении профессиональной деятельности. Как справедливо отмечает С. В. Духановский «отношение к времени для сотрудника полиции является важной составляющей его адаптационного периода, а также условием, актуализирующим кадровые риски, проявление которых будет загруднять и / или препятствовать успешной адаптации к профессиональной служебной деятельности сотрудников полиции после окончания вуза» [3].

Возвращаясь к проблеме адаптации к трудовому коллективу отметим, что интересным представляется исследование, проведенное Васильевой И. А. в трудах которой рассматриваются психоэмоциональные затраты сотрудников полиции в ходе общения в процессе осуществления служебной деятельности. Отмечается, что сотрудник полиции в течение рабочего дня устает от общения настолько, что у него уже не остается сил и желания поддерживать контакты с близкими и знакомыми. «У 22% проявляется симптом «Редукция профессиональных обязанностей» и обнаруживается в попытке облегчить или сократить обязанности, которые требуют эмоциональных затрат. Неадекватное эмоциональное избирательное реагирование наблюдается у 18%» [1]. Таким образом, сотрудник полиции «экономит на эмоциях, ограничивает эмоциональную отдачу», что неизбежно приводит к эмоциональному, а как следствие и профессиональному выгоранию.

Еще одним направлением формирования адаптационного потенциала личности сотрудника полиции является деятельность, направленная на борьбу со стрессом. «Кумулятивный эффект профессионального стресса, детерминируемого профессиональной средой, со временем проявляется в снижении работоспособности, профессиональном выгорании, различных формах профессиональной деформации,

психических нарушениях и соматических заболеваниях сотрудников полиции» [4].

Подводя итог, отметим, что важным направлением развития адаптационного потенциала личности является психологическая подготовка. Психологическая готовность к осуществлению профессиональной деятельности должна формироваться систематично. Формирование стрессоустойчивости, накопление знаний и навыков необходимых в будущей профессиональной деятельности должно быть комплексным, только тогда возможно повышение адаптационного потенциала личности, а как следствие и повышение эффективности функционирования полиции в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Васильева И. А. Социально-психологическая адаптация сотрудников полиции в зависимости от индивидуально-психологических особенностей // Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество. - 2012. - № 5. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskaya-adaptatsiya-sotrudnikov-politsii-v-zavisimosti-ot-individualno-psihologicheskikh-osobennostey> (дата обращения: 17.10.2023).
2. Голуб Л. Н., Медведева С. А. Профессиональная адаптация: этапы, уровни и характеристики // Ученые записки университета Лесгафта. - 2021. - № 5 (195). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-adaptatsiya-etapy-urovni-i-harakteristiki> (дата обращения: 17.10.2023).
3. Духновский С. В. Темпоральные особенности и кадровые риски сотрудников полиции в период адаптации к служебной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2023. - № 2 (98). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/temporalnye-osobennosti-i-kadrovye-riski-sotrudnikov-politsii-v-period-adaptatsii-k-služhebnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 17.10.2023).
4. Жидкова О. А. Психологическая оценка профессионального выгорания сотрудников патрульно-постовой службы полиции в период профессиональной адаптации // Вестник Самарского юридического института. - 2021. - № 4 (45). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-otsenka-professionalnogo-vygoraniya-sotrudnikov-patruľno-postovoy-služby-politsii-v-period-professionalnoy-adaptatsii> (дата обращения: 17.10.2023).
5. Жуковский С. В. Модель педагогического сопровождения профессиональной адаптации военных специалистов: структурно-содержательная характеристика // Отечественная и зарубежная педагогика. - 2023. - № 1. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-pedagogicheskogo-soprovozhdeniya-professionalnoy-adaptatsii-voennykh-spetsialistov-strukturno-soderzhatelnaya-harakteristika> (дата обращения: 17.10.2023).
6. Маюров Н. П., Маюров П. Н., Ороева О. Д. Особенности профессиональной адаптации молодых сотрудников ОВД к службе // Ленинградский юридический журнал. - 2018. - № 4 (54). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-professionalnoy-adaptatsii-molodykh-sotrudnikov-ovd-k-službe> (дата обращения: 17.10.2023).
7. Пинчук А. Н. Социально-профессиональная адаптация: от концептуализации к измерению // СНИСП. - 2021. - № 2 (34). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-professionalnaya-adaptatsiya-ot-kontseptualizatsii-k-izmereniyu> (дата обращения: 17.10.2023).

ИДРЫШЕВА Сара Кимадиевна

доктор юридических наук, профессор АО «Университет КАЗГЮУ имени М. С. Нарикбаева», Республика Казахстан

СОКОЛЬСКАЯ Людмила Викторовна

кандидат юридических наук, доцент ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет»

ВАЛЕНТОНИС Атурас Станиславович

кандидат юридических наук, доцент ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет»

ЭТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ДИЛЕММЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В ПЕРИОД БИОЛОГО-СОЦИАЛЬНЫХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

В статье исследуются этические и правовые дилеммы, появляющиеся при возникновении биолого-социальных чрезвычайных ситуаций. Создание жестких ограничений ранее сложившимся социальным связям, поставила под сомнение обеспечение таких конституционных прав и свобод граждан как право на труд, беспрепятственное передвижение и др. Несовершенство национального законодательства, вынужденное применение эпидемиологических ограничений привело к возникновению социальных проблем глобального масштаба, к ухудшению эмоционального состояния граждан. Авторы формулируют предложения по дальнейшему совершенствованию законодательства, правового просвещения населения по улучшению регулирования социальных отношений в обществе в период биолого-социальных чрезвычайных ситуаций.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация, биолого-социальная чрезвычайная ситуация, пандемия, законодательство, социальное напряжение.

IDRYSHEVA Sarah Kimadievna

Ph.D. in Law, professor of the M. S. Narikbaev University (JSC KAZGUU), Republic of Kazakhstan

SOKOLSKAYA Lyudmila Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of the State Educational Institution of Higher Education "State Humanitarian and Technological University"

VALENTONIS Aturas Stanislavovich

Ph.D. in Law, associate professor of the State Educational Institution of Higher Education "State Humanitarian and Technological University"

ETHICAL AND LEGAL DILEMMAS ARISING DURING BIOLOGICAL AND SOCIAL EMERGENCIES

The article examines the ethical and legal dilemmas that arise when biological and social emergencies occur. The creation of strict restrictions on previously established social connections called into question the provision of such constitutional rights and freedoms of citizens as the right to work, unhindered movement, etc. The imperfection of national legislation and the forced application of epidemiological restrictions led to the emergence of social problems on a global scale, to the deterioration of emotional state of citizens. The authors formulate proposals for further improvement of legislation, legal education of the population to improve the regulation of social relations in society during biological and social emergencies.

Keywords: emergency, biological-social emergency, pandemic, legislation, social tension.

Чрезвычайные ситуации (далее ЧС), связанные с эпидемией/пандемией, вызванной массовым инфекционным заболеванием людей, с применением многочисленных ограничений их прав на свободу передвижения, труда, ограничением социальных (родственных, дружеских, трудовых, соседских) связей – сегодня принято относить к ЧС биолого-социального характера. Биологический характер инфекционных заболеваний объясняется тем, что они вызываются воздействием на организм человека различных болезнетворных или условно-болезнетворных биологических агентов (бактерии, грибки, вирусы, прионы, простейшие). Социальный характер перенесенной миром пандемии заключается в том, что негативные последствия пандемии COVID-19: разрушение сложившихся способов социальной коммуникации и сохра-

нения социальных связей, вынужденное применение ограничений привели к возникновению социальных проблем глобального масштаба. [2, с. 385] Авторы статьи согласны с мнением А. Б. Дидикина и Д. Г. Тринитка, что «пандемия символически очертила этические и правовые дилеммы между стихийным пониманием неограниченной свободы и необходимостью ее ограничения в разумных пределах в целях обеспечения общего блага; между поиском адекватных виртуальных способов осуществления деловой активности (интернет-торговля, доставка продуктов первой необходимости и лекарств) и финансовым мошенничеством (с кражей персональных данных и финансовых средств); между формальным равенством по

Идрышева С. К.

Сокольская Л. В.

Валентонис А. С.

закону и отсутствием надлежащей реакции на нарушения со стороны отдельных групп граждан». [3, с. 36] Авторы статьи полагают, что углубление социальной напряженности обусловлено неспособностью национального законодательства четко регулировать общественные отношения в период пандемии. К сожалению, приходится констатировать, что отсутствие адекватного нормативного правового регулирования сложившихся общественных отношений в период пандемии негативно отразилось на эмоциональном состоянии личности, социальной напряженности в обществе.

Например, приостановление на законодательном уровне оказания услуг связи или ограничение использования сети и средств связи, за исключением правительственной связи в Казахстане (п/п 10 ст. 15, п. 2 ст. 3-4 Закона «О Чрезвычайном положении в Казахстане» от 8 февраля 2003 года № 387) или России (проект постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении положения о приоритетном использовании, а также приостановлении или ограничении использования любых сетей связи и средств связи во время чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера») выглядит откровенным диссонансом, противоречащим фактически сложившимся обстоятельствам. Наоборот, в ситуации самоизоляции, когда школы и вузы были переведены на дистанционное обучение, работники на удаленный режим работы; когда в условиях массовых заболеваний возникает естественная потребность узнавать о состоянии здоровья родных, находящихся в различных регионах, уровень оказания услуг должен быть самым высоким и бесперебойным. Как отмечают психологи, социальное дистанцирование, вызванное принудительной самоизоляцией и локдауном, приводит к социальному напряжению и вызывает чувство тревоги и депрессию. «Люди, - подчеркивает Т. А. Нестик, - оказались без эмоциональной поддержки, когда было невозможно обнять близкого человека, увидеться с родителями и детьми» [4]. Внесение изменений и дополнений в правовые акты об улучшении услуг связи в период пандемии, несомненно благотворно отразится на психологическом самочувствии россиян и казахстанцев.

Однако необходимо отметить, что в это же время увеличивается объем негативной информации, транслируемой через СМИ и социальные сети. Всемирная организация здравоохранения даже ввела новый термин «инфодемия», который означает переизбыток информации и быстрое распространение вводящих в заблуждение или сфабрикованных новостей, изображений и видео. Для поиска эффективных мер по борьбе с этим явлением и разработки профилактических стратегий необходимо во всех регионах создать рабочие группы экспертов «разрушителей мифов» для наиболее объективной оценки и информирования общественности о ситуации. В связи с этим предлагаем разработать на законодательном уровне нормативные правовые акты, закрепляющие меры борьбы с распространением дезинформации в период пандемии и меры юридической ответственности.

Еще одной причиной социального фактора, негативно отразившейся на эмоциональном психологическом состоянии личности, явилось отсутствие общественных дискуссий по поводу эффективности режимов локдауна, самоизоляции, неизбежного роста расходов на содержание работников в периоды «нерабочих дней», введение ограничений санитарными службами. Поэтому рекомендуется устранять данные проблемы с помощью осознанного и дозированного потребления новостей о развитии пандемии, консультаций со специалистами и обращения к подтвержденным научным источникам информации в вопросах о необходимости противоэпидемиологических мер, а также организации правового просвещения среди населения.

Авторы обоснованно полагают, что в период биолого-социальных ЧС в каждом государстве должно быть на высоком уровне организовано правовое просвещение населения в вопросах проведения мер ограничений, поскольку данные ЧС носят обширный характер. В качестве примера можно привести учебное пособие «Чрезвычайные ситуации. Классификация и правила поведения», в котором достаточно полно описаны чрезвычайные ситуации природного, тех-

ногенного, экологического, биологического и социального характера, приведены меры безопасности и правила поведения населения [5]. Хорошо продуманное правовое просвещение населения по устранению социальной напряженности в период пандемии позволит уменьшить деструктивное влияние негативных общественных настроений, распространения коронафобии, инфодемии, психологического дистресса.

В результате проведенного исследования авторы полагают, что выявленные этические и правовые дилеммы негативно отразились на эмоциональном, психологическом состоянии граждан, вызвали социальное напряжение в обществе. Поэтому авторы сформулировали предложения по дальнейшему совершенствованию национального законодательства и правового просвещения населения. Так, на законодательном уровне следует восполнить законодательные акты нормами о биологических или биолого-социальных ЧС, что обеспечит ликвидацию пробелов и коллизий законодательства в регулировании данных видов ЧС.

Необходимы научные исследования ученых юристов, психологов, социологов и специалистов различных сфер по результатам пандемии, выявление слабых сторон государственного управления и правового регулирования при ЧС социального, биологического и экологического характера. Так, по результатам техногенных катастроф по сложившейся практике обычно разрабатываются и публикуются как заключения специальных комиссий, так и аналитические статьи специалистов. В качестве примера можно привести материалы по результатам исследования техногенной ЧС на Саяно-Шушенской ГЭС [3].

Пандемия, как общий стрессогенный фактор, увеличила потребность в контроле эмоционального статуса граждан и в поиске быстрых и оптимальных решений, направленных на поддержку их психического здоровья. Выработка рекомендаций по устранению социальной напряженности в период пандемии позволит уменьшить деструктивное влияние негативных общественных настроений, распространения коронафобии (навязчивый страх заражения коронавирусом), инфодемии, психологического дистресса.

Пристатейный библиографический список

1. Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году: монография / Отв. ред. В. К. Левашов, Г. В. Осипов, С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская. - М.: ФНИСЦ РАН, 2021.
2. Дидикин А. Б., Тринитка Д. Г. Этические и правовые дилеммы эпохи глобальной пандемии // Теоретическая и прикладная юриспруденция. - 2022. - № 3 (13).
3. Костров А. В., Глущенко О. О. Авария на Саяно-Шушенской ГЭС: необходимо совершенствовать нормативную правовую базу РСЧС. // «Право и безопасность». - № - 3 (36). Октябрь 2010. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://dpr.ru/pravo/pravo_32_17.htm (дата обращения: 18.10.2023).
4. Нестик Т. А. Психологические последствия пандемии и ресурсы жизнеспособности в условиях глобальных рисков // Психологическая газета. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://psy.su/feed/9098/> (дата обращения: 18.10.2023).
5. Ордобаев Б. С., Боронов К. А. Чрезвычайные ситуации. Классификация и правила поведения. - Бишкек: ОсОО «Эль Элион». - 2017. - 218 с.

ЯМАЛИТДИНОВ Айрат Айдарович

старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России, подполковник полиции

ШАРАФУТДИНОВ Ильшат Сабитович

преподаватель цикла кинологии Уфимской школы по подготовке специалистов-кинологов МВД России, капитан полиции

ОРЕХОВА Наталья Александровна

преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел Воронежского института МВД России, майор полиции

ХОРОЛЬСКИЙ Владимир Витальевич

кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОТОВНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ К НЕСЕНИЮ СЛУЖБЫ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

В настоящей статье рассматриваются особенности несения службы сотрудниками полиции в особых условиях, а также методика подготовки сотрудников полиции к прохождению службы в экстремальных условиях. Авторы отражают значимость практико-ориентированного подхода в подготовке сотрудников полиции и рассматривают наиболее эффективные педагогические методики подготовки сотрудников полиции к действиям в особых условиях. Авторы производят анализ терминов «особые условия» и «готовность к действиям в особых условиях». Отдельное внимание уделяется необходимости развития психологической устойчивости сотрудников полиции к действиям в особых условиях, а также психологической устойчивости к стрессогенным факторам, как социальным, так и физическим.

Ключевые слова: особые условия, готовность, психологическая готовность, сотрудник полиции, развитие готовности, обеспечение готовности, органы внутренних дел.

YAMALETDINOV Ayrat Aidarovich

senior lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

SHARAFUTDINOV Ilshat Sabitovich

lecturer of the Cycle of Cynology of the Ufa School for the Training of Cynologists of the MIA of Russia, captain of police

OREKHOVA Natalya Alexandrovna

lecturer of Administrative activity of internal affairs bodies sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia, major of police

KHOROLSKIY Vladimir Vitaljevich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

PROBLEMS OF ENSURING THE READINESS OF POLICE OFFICERS TO SERVE IN SPECIAL CONDITIONS

This article discusses the main problems faced by a police officer while serving in special conditions, as well as the methodology of training police officers to serve in extreme conditions. The authors reflect the importance of a practice-oriented approach in the training of police officers and consider the most effective pedagogical methods of training police officers to act in special conditions. The authors analyze the terms "special conditions" and "readiness to act in special conditions". Special attention is paid to the need to develop psychological stability of police officers, resistance to stressful factors, both social and physical.

Keywords: special conditions, readiness, psychological readiness, police officer, readiness development, preparedness, internal affairs bodies.

Сегодня, в период геополитической нестабильности, в условиях проведения специальной военной операции на территории Украины, проблема развития готовности сотрудников полиции к действиям в особых условиях несения службы представляется как никогда актуальной.

Методика подготовки сотрудников полиции к действиям в особых условиях имеет свои особенности и во многих аспектах отличается от подготовки сотрудников полиции по иным направлениям служебной деятельности. В частности, сотрудники полиции рассматриваемой категории проходят службу под воздействием стрессогенных факторов, выполняют задачи в условиях опасности для жизни и здоровья. Поэтому, от того, насколько профессиональными и слаженными будут действия сотрудника полиции, зависит не только его личная безопасность, но и безопасность граждан, общества

и государства в целом. Высокий профессионализм, выражающийся в умении эффективно решать служебные задачи в условиях дефицита времени и под воздействием внешних угроз возможно сформировать путем систематичной и целенаправленной подготовки.

Проблемы формирования и развития навыков, необходимых для решения задач в особых условиях рассматривались в трудах различных авторов, таких как: А. Д. Костюков, М. А. Громова, В. И. Билык, Е. Н. Митракова, Е. О. Ермолова, Е. А. Тагильцева, М. Ю. Койнов и др.

Несмотря на столь высокий интерес к рассматриваемой проблеме, на сегодняшний день нет единого подхода к пониманию терминов «развитие готовности» и «особые условия».

В рамках настоящего исследования мы будем исходить из понимания термина «особые условия», предложенного

А. Д. Костюковым. Согласно мнению автора, под термином «особые условия» следует понимать явления при несении службы сотрудниками полиции, характеризующиеся повышенной степенью опасности, которые могут быть вызваны определенными событиями социального, природного, техногенного, биологического характера и требующие от сотрудников своевременного, высококвалифицированного реагирования по устранению причин и условий, а также пресечению противоправных действий, вызванных такими событиями [5].

Произведя анализ научных источников, мы пришли к выводу о том, что большинство авторов под термином «особые условия» понимают чрезвычайные ситуации и чрезвычайные обстоятельства природного либо техногенного характера, сопровождающиеся введением особого режима, закрепленным специальными нормативными актами, а также созданием специальных органов управления, применение усиленных мер охраны общественного порядка.

Так же, наиболее подробно готовность сотрудников полиции к действиям в особых условиях раскрывается в трудах М. А. Громова, в которых автор рассматривает несение службы в особых условиях, как «нормативно-правовое, функциональное, организационное, профессиональное, морально-психологическое состояние сил и средств органов внутренних дел, а также их материально-техническая оснащенность, способность к эффективному и результативному выполнению оперативно-служебных и служебно-боевых задач в определенное время и в обозначенном месте» [2].

Особенностью несения службы в особых условиях, как отмечалось ранее, является повышенный уровень требований, как к выполняемым задачам, так и к личностным особенностям сотрудника полиции. Развивая личностные особенности сотрудников полиции, особое внимание необходимо уделить нервно-психической устойчивости. Наличие высокого уровня психологической устойчивости позволит сотруднику полиции не только сохранить физическое и психическое здоровье, но и эффективно справляться с конфликтными ситуациями, а также будет способствовать успешной социально-психологической адаптации [3].

На сегодняшний день существует множество различных подходов, направленных на развитие психологической устойчивости для действий в особых условиях. Самым эффективным, на наш взгляд, является практико-ориентированный подход, который реализуется посредством применения в процессе обучения метода моделирования ситуаций. При этом моделирование должно производиться с последовательным увеличением сложности выполняемых задач. Вместе с тем, эффективным в подготовке сотрудников полиции рассматриваемой категории представляется и контекстный подход. Обучение приемам обеспечения личной безопасности активно формируются посредством проведения выездных учений, на которых в рамках практического занятия моделируются ситуации профессиональной деятельности сотрудников полиции [4].

Психологическая устойчивость сотрудников полиции к действиям в особых условиях определяется психологами системы МВД России, посредством прохождения различного рода психологических тестирований. Низкий уровень психологической устойчивости сотрудника позволяет психологам не допустить сотрудника полиции к несению службы в особых условиях, так как влияние последующих стрессогенных факторов может негативно воздействовать на психику такого сотрудника.

Исследуя стрессогенные факторы, авторы разделяют их на: социальные и физические. К социальным относятся такие факторы, которые связаны с ограничением прав сотрудника, ограничением его круга общения, недостаток времени и др. К физическим факторам относят изменение условий проживания, изменения, связанные с климатом, погодными усло-

виями. Билым В. И. относит к физическим факторам такие элементы как: «незнакомые люди, высота, беспорядок, утомление, болезненные ощущения, ведение стрельбы» [1].

Развитие психологических установок увеличивает успешность разрешения сложных задач в ситуациях риска, экстремальных ситуациях.

Для развития готовности сотрудников полиции к действиям в особых условиях необходимо проводить работу с сотрудниками в трех направлениях: развивать навыки тактической подготовки (обучать эффективному владению оружием, пользованию средствами связи, индивидуальной защиты, а так же формировать готовность принятия эффективных решений в условиях дефицита времени); педагогическая работа, выражающаяся в индивидуальных беседах, наставничестве, обмене опытом; психологическая, выражающаяся в развитии психологической устойчивости к действиям в экстремальных ситуациях.

Пристатейный библиографический список

1. Билык В. И., Митракова Е. Н. Психологическая подготовка сотрудников органов внутренних дел к действиям в экстремальных условиях: проблемы и способы решения // Психология и педагогика служебной деятельности. - 2023. - № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-podgotovka-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-k-deystviyam-v-ekstremalnih-usloviyah-problemy-i-sposoby-resheniya> (дата обращения: 21.10.2023).
2. Громов М. А. Актуальные проблемы обеспечения готовности органов и подразделений МВД России к действиям в особых условиях // Труды Академии управления МВД России. - 2012. - № 2 (22). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-obespecheniya-gotovnosti-organov-i-podrazdeleniy-mvd-rossii-k-deystviyam-v-osobyh-usloviyah> (дата обращения: 21.10.2023).
3. Ермолова Е. О., Тагильцева Е. А. Нервно-психическая устойчивость и акцентуации характера сотрудников органов внутренних дел, несущих службу в штатном режиме и особых условиях // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2022. - № 4 (91). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nervno-psihicheskaya-ustoychivost-i-aktsentuatsii-haraktera-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-nesuschih-sluzhbu-v-shtatnom-rezhime> (дата обращения: 21.10.2023).
4. Койнов М. Ю. Методика подготовки сотрудников патрульно-постовой службы полиции к действиям в особых условиях // Вестник экономики, управления и права. - 2022. - № 4 (61). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-podgotovki-sotrudnikov-patrujno-postovoy-sluzhby-politsii-k-deystviyam-v-osobyh-usloviyah> (дата обращения: 21.10.2023).
5. Костюков А. Д. Понятие и значение особых условий для деятельности органов правопорядка // Евразийский юридический журнал. - 2019. - № 8 (135). - С. 273-275.

БУТЯЙКИН Илья Александрович

доцент кафедры правовых дисциплин Юридического факультета Государственного гуманитарного технологического университета

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ И КЛАССИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРОВЕДЕНИЯ ВЫБОРОВ В РФ ДЛЯ РАЗВИТИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В РФ

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся электронных способов голосования на выборах в РФ, голосования по почте на выборах в РФ, модернизации избирательного бюллетеня, защиты голоса избирателя от фальсификации выборов в РФ – это создание возможности контроля голоса избирателя самим избирателем. Важный момент в статье уделяется технологиям, позволяющим создавать бюллетени, которые могут не терять связь с избирателем и контролироваться им до окончания и после проведения выборов, использования современных информационных и электронных систем для упрощения процесса голосования и снижения риска фальсификации избирательных документов. Особое внимание уделяется электронным способам голосования, которые становятся все более популярными в нашей стране. Такие системы позволяют избирателям голосовать удаленно, не выходя из дома, что существенно упрощает процесс и делает его более доступным для всех граждан. В статье разбирается важный аспект демократического развития системы голосования на выборах в РФ.

Ключевые слова: избирательное право, голосование на выборах, защита избирательных документов, ГАС «Выборы», госуслуги.

BUTYAYKIN Ilya Alexandrovich

associate professor of Legal disciplines sub-faculty of the Faculty of Law of the State University of Humanities and Technology

THE USE OF MODERN AND CLASSICAL TECHNOLOGIES OF ELECTIONS CONDUCT IN THE RUSSIAN FEDERATION FOR THE DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF DEMOCRATIC VALUES IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses issues related to electronic voting methods in elections in the Russian Federation, postal voting in elections in the Russian Federation, modernization of the ballot, protection of the voter's vote from fraud, elections in the Russian Federation – this is the creation of the possibility of controlling the voter's vote by the voter himself. An important point in the article is given to technologies that allow you to create ballots that can stay in touch with the voter and be controlled by him before and after the elections, the use of modern information and electronic systems to simplify the voting process and reduce the risk of falsification of electoral documents. Special attention is paid to electronic voting methods, which are becoming increasingly popular in our country. Such systems allow voters to vote remotely from the comfort of their homes, which greatly simplifies the process and makes it more accessible to all citizens. The article examines an important aspect of the democratic development of the voting system in elections in the Russian Federation.

Keywords: election law, voting in elections, protection of election documents, SAS "Election", public services.

Голосование в современном мире является ключевым инструментом легитимного управления государством. Оно позволяет избрать политическую силу, которая будет представлять интересы большинства и учитывать мнения меньшинства. Однако с развитием технологий мы можем пересмотреть эти устоявшиеся процессы и внести изменения, сделав голосование более простым и надежным, исключая возможности фальсификаций и подлогов. Современные технологии играют важную роль в модернизации голосования. Они предлагают новые подходы и инструменты для обеспечения безопасности процесса голосования. Например, электронные системы голосования могут быть защищены с использованием современных шифровальных методов, что делает их менее уязвимыми к взлому и манипуляциям. Кроме того, такие системы могут позволить избирателям контролировать свои голоса не только во время голосования, но и после его завершения.

Важно отметить, что электронные системы голосования не только обеспечивают безопасность и надежность, но и повы-

Бутяйкин И. А.

шают удобство для избирателей. Теперь люди могут голосовать онлайн, не выходя из дома, что экономит время и силы. Это особенно полезно для тех, кто имеет ограниченные возможности или находится в удаленных районах, где доступ к избирательным участкам может быть затруднен. Кроме того, с использованием современных технологий мы можем улучшить процесс подсчета голосов. Автоматизация подсчета голосов позволяет снизить вероятность ошибок и ускорить процесс получения результатов выборов. Благодаря этому, избиратели могут получить более точные и надежные результаты голосования в кратчайшие сроки. Таким образом, развитие технологий дает возможность пересмотреть и улучшить процесс голосования. Электронные системы голосования обеспечивают безопасность, надежность и удобство для избирателей, а также ускоряют подсчет голосов и предоставление результатов. Внедрение современных технологий в процесс голосования является важным шагом к созданию более демократичного и прозрачного общества.

В современных условиях все большую важность приобретает не только процесс голосования, но и возможность

контроля за его результатами. Граждане должны иметь возможность убедиться, что их голос дошел до выбранного кандидата и что выборы проводятся с участием реальных людей, а не ботов, отправляющих фейковые голоса. Также необходимо разобраться в причинах «исчезновения» голосов избирателей и выбраковки бюллетеней.

Для обеспечения прозрачности системы голосования необходимо создать процедуру, позволяющую гражданам контролировать свои голоса. Это может быть реализовано путем объединения граждан и создания механизмов, которые позволят им следить за процессом голосования и результатами выборов.

В настоящее время уже существуют эффективные механизмы проведения выборов, которые можно дополнить новыми возможностями контроля со стороны избирателей. Необходимо внедрить эти механизмы в различные формы голосования, включая электронные и почтовые.

Давайте рассмотрим стандартную форму голосования, при которой избирателям выдаются бюллетени, на которых они должны отметить квадратик напротив выбранного кандидата. В такой форме голосования сложно отследить, какой именно голос был учтен, так как бюллетень теряет связь с избирателем после его бросания в урну. Однако мы можем добавить в избирательный документ элемент индивидуальности, чтобы облегчить отслеживание судьбы голоса. Например, можно включить индивидуальный код или номер на каждом бюллетене, который будет связывать его с конкретным избирателем. Таким образом, граждане смогут проследить, что их голос был правильно учтен.

Кроме того, можно использовать технологии блокчейн, чтобы обеспечить прозрачность и надежность системы голосования. Блокчейн позволяет создать неизменяемую цепочку записей, где каждый голос будет записан и защищен криптографическими методами. Такая система позволит гражданам проверить, что их голос не был изменен или удален. Для контроля за участием реальных людей в выборах можно использовать различные методы идентификации, такие как биометрические данные или проверка личности через государственные базы данных. Это поможет предотвратить возможность использования ботов или фейковых голосов.

Важно также учесть возможность «исчезновения» голосов избирателей или выбраковки бюллетеней. Для этого можно включить дополнительные механизмы контроля, такие как видеонаблюдение онлайн за участками голосования или использование специальных устройств для сканирования и подсчета голосов. Такие меры помогут предотвратить возможные нарушения и обеспечить точность подсчета голосов. В итоге, создание процедуры, позволяющей гражданам контролировать свои голоса и результаты выборов, будет способствовать укреплению доверия к выборам и созданию основы для развития правосознания. Прозрачность системы голосования является ключевым фактором для обеспечения легитимности выбранных лиц и партий, занимающих выборные посты.

13 мая 2020 года государственная дума приняла закон, который вносит изменения в законодательство о проведении выборов. Согласно этому закону, при проведении выборов в органы государственной власти, органы местного самоуправления, а также при проведении референдумов субъекта РФ и местных референдумов, становится возможным голосование по почте и дистанционное голосование в электронном виде [1]. Это важное нововведение, особенно в условиях эпидемиологических ситуаций, так как оно позволяет гражданам голосовать без необходимости посещать избирательные участ-

ки и рисковать своим здоровьем. Однако возникает серьезная проблема с соблюдением принципа тайны голосования при голосовании по почте. Поскольку голосование по почте раскрывает тайну адресата, есть вероятность, что кто-то сможет узнать, кого поддерживает конкретный гражданин, отправивший свой голос в избирательную комиссию. На данный момент сам закон, принятый 13 мая 2020 года, не содержит инструкций о том, как именно будет осуществляться процесс голосования по почте и как будет обеспечиваться тайна голосования. Аналогичная ситуация возникает и при дистанционном голосовании через электронные устройства. В современных условиях становится сложным определить адресата, который осуществляет голосование. Цифровые следы могут позволить выявить, от кого конкретно поступил голос в поддержку определенного кандидата [2]. Возможно, государство снижает значимость принципа тайны голосования, вводя новый закон, исходя из высокого уровня демократии и эффективности реализации конституционных норм, касающихся прав человека и гражданина. К сожалению, на практике, до сих пор, не были разработаны правовые способы, снижающие опасность оказания давления на избирателей с целью достижения желаемого результата в процессе голосования.

Однако важно отметить, что голосование по почте и дистанционное голосование в электронном виде также имеют свои преимущества. Они позволяют гражданам, находящимся в других регионах или за границей, участвовать в выборах и выражать свою волю. Это особенно актуально для тех, кто не может физически присутствовать на избирательном участке в день голосования. Кроме того, использование современных технологий может повысить эффективность выборов и ускорить подсчет голосов.

Для обеспечения тайны голосования в условиях голосования по почте и дистанционного голосования через электронные устройства необходимо разработать соответствующие меры безопасности. Это может включать использование специальных шифровальных технологий, анонимизацию голосов и строгий контроль за доступом к электронным системам голосования. Также важно обеспечить надежность и защищенность системы передачи данных, чтобы исключить возможность несанкционированного доступа или вмешательства в процесс голосования. В целом, голосование по почте и дистанционное голосование в электронном виде представляют собой важные инструменты, которые могут обеспечить участие большего числа граждан в выборах и референдумах. Однако необходимо разработать и внедрить эффективные меры для защиты тайны голосования и предотвращения возможных злоупотреблений. Это поможет обеспечить доверие граждан к процессу выборов и поддерживать принципы демократии и свободы выражения воли.

В современном мире все большее значение приобретает прозрачность и подотчетность избирательных процессов. Это связано с необходимостью обеспечения доверия граждан к результатам выборов и предотвращения возможных нарушений.

Одним из способов повышения прозрачности избирательных процессов является внедрение дополнительного контроля за голосованием и его результатами самим избирателем. Такая возможность может быть реализована без существенных лишних затрат и может быть применена в различных формах голосования, включая голосование в обычной форме, электронное голосование и голосование по почте.

В настоящее время голосование в обычной форме осуществляется путем заполнения бюллетеня и опускания его в

урну. После того как бюллетень опущен в урну, его связь с избирателем теряется, и становится практически невозможно определить, чье конкретно волеизъявление было не учтено или искажено. Чтобы обеспечить дополнительный контроль за голосованием в обычной форме, можно использовать следующие методы:

1) добавление индивидуального номера к бюллетеню. Такой номер может быть нанесен на бюллетень под защитной фольгой, как на лотерейных билетах. Избиратель может узнать свой номер, только стерев защитный слой;

2) создание двухстороннего бюллетеня. На одной стороне бюллетеня избиратель делает свой выбор, а на другой стороне записывается индивидуальный номер бюллетеня. После голосования избиратель может забрать с собой отрывную сторону бюллетеня с номером.

При использовании этих методов избиратель сможет отслеживать судьбу своего голоса, сверив номер бюллетеня, полученный им при голосовании, с номером, указанным в протоколе избирательной комиссии (более подробно [3]).

Электронное голосование позволяет избирателям голосовать дистанционно, используя компьютер или мобильное устройство. Это удобно для избирателей, которые не могут присутствовать на избирательном участке в день голосования. Однако электронное голосование также может быть подвержено различным нарушениям, таким как подделка голосов или взлом избирательной системы. Чтобы обеспечить дополнительный контроль за электронным голосованием, можно использовать следующие методы:

1) Использование электронной цифровой подписи (ЭЦП). ЭЦП позволяет идентифицировать избирателя и обеспечить целостность его голоса;

2) Создание системы независимых наблюдателей, которые будут контролировать процесс электронного голосования.

3) Опубликование результатов электронного голосования в открытом доступе (более подробно [4]).

Голосование по почте позволяет избирателям голосовать, не выходя из дома. Это удобно для избирателей, которые по состоянию здоровья или другим причинам не могут присутствовать на избирательном участке в день голосования.

Однако голосование по почте также может быть подвержено различным нарушениям, таким как подделка голосов или фальсификация результатов голосования. Чтобы обеспечить дополнительный контроль за голосованием по почте, можно использовать следующие методы:

1) Создание системы независимых наблюдателей, которые будут контролировать процесс голосования по почте.

3) Опубликование результатов голосования по почте в открытом доступе (более подробно [4]).

Внедрение дополнительного контроля за голосованием и его результатами самим избирателем является важным шагом на пути к повышению прозрачности и подотчетности избирательных процессов.

Один из важных аспектов выборов в Российской Федерации – это обеспечение контроля за голосом избирателя самим избирателем. Это означает, что каждый гражданин имеет право свободно и независимо выразить свою волю на выборах, а также следить за процессом голосования и убедиться в его законности.

В последние годы в России проводится модернизация процесса голосования на выборах, чтобы сделать его более удобным, прозрачным и безопасным. Одним из инновацион-

ных решений является внедрение современных технологий, таких как электронное голосование и системы электронного подсчета голосов. Это позволяет ускорить процесс подсчета голосов, снизить вероятность ошибок и обеспечить быструю передачу результатов выборов.

Однако при модернизации процесса голосования важно соблюдать конституционные принципы Российской Федерации. Это включает в себя гарантию тайны голосования, равенство избирателей перед законом, свободу выбора и защиту прав избирателей. Технологии должны быть разработаны и внедрены таким образом, чтобы не нарушать эти принципы и обеспечивать максимальную защиту данных избирателей.

Кроме того, помимо современных технологий, классические методы проведения выборов также остаются важными. Традиционное голосование на избирательных участках, использование бумажных бюллетеней и ручного подсчета голосов продолжают быть распространенными практиками. Это обеспечивает дополнительный уровень проверки и контроля, а также участие граждан в самом процессе выборов.

В целом, развитие и модернизация процесса голосования на выборах в Российской Федерации является важным шагом вперед. Использование современных и классических технологий, соблюдение конституционных принципов и обеспечение контроля за голосом избирателя самим избирателем способствуют созданию более демократичной и прозрачной системы выборов в России.

Пристатейный библиографический список

1. Принят закон о голосовании на выборах по почте. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/48542/> (дата обращения: 08.12.2020).
2. Цифровые следы: что это? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://myshadow.org/ru/digital-traces-content-and-metadata> (дата обращения: 06.12.2020).
3. Бутяйкин И. А., Половинкина А. К. Модернизация процесса голосования на выборах в РФ // Право и практика. – 2018. – № 3. – С. 36-39. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-protsess-a-golosovaniya-na-vyborah-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 06.12.2023).
4. Бутяйкин И. А. Контроль голоса избирателя самим избирателем на выборах в РФ // Право и практика. – 2020. – № 2. – С. 32-3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontrol-za-golosom-izbiratelya-samim-izbiratelem-na-vyborah-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 07.12.2023).
5. Кравченко О. А. Понятие и основания классификации искажений волеизъявления народа при голосовании // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 9 (94). – С. 82-91. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-osnovaniya-klassifikatsii-iskazheniy-voleizyavleniya-naroda-pri-golosovanii> (дата обращения: 06.12.2023).
6. Электронное голосование. Риски и уязвимости. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://evoting.ru/> (дата обращения: 06.12.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-11-186-469-470

КИТАЕВА Алина Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры профессиональных дисциплин Самарского юридического института ФСИН России

ЗИНЬКОВ Евгений Николаевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права Самарского государственного экономического университета

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УЧАСТИЯ ГОСУДАРСТВА В АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВАХ

В данной статье рассматриваются вопросы зарубежного опыта участия государства в акционерных обществах. Автор исследует различные модели и подходы, применяемые зарубежными странами в управлении АО, включая англосаксонскую, континентальную и другие системы. Особое внимание уделяется механизмам участия государства в экономике, целям и особенностям такого участия.

Статья также рассматривает вопросы эффективности и применимости различных моделей управления АО, в зависимости от их размера, числа акционеров и специфики деятельности. Примеры зарубежных стран, таких как США, Франция, и другие, использующих разные модели управления АО, исследуются с целью выявления лучших практик и применимости этих моделей в контексте различных стран и корпораций.

Ключевые слова: модель управления, система управления, акционерное общество, государственное участие.

KITAEVA Alina Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Professional disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

ZINKOV Evgeniy Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor of Public law sub-faculty of the Samara State University of Economics

FOREIGN EXPERIENCE OF STATE PARTICIPATION IN JOINT STOCK COMPANIES

This article discusses the issues of foreign experience of state participation in joint-stock companies. The author explores various models and approaches used by foreign countries in the management of JSC, including Anglo-Saxon, continental and other systems. Special attention is paid to the mechanisms of state participation in the economy, the goals and features of such participation.

The article also examines the effectiveness and applicability of various management models of a joint-stock company, depending on their size, the number of shareholders and the specifics of their activities. Examples of foreign countries, such as the USA, France, and others, using different models of JSC management, are studied in order to identify the best practices and applicability of these models in the context of different countries and corporations.

Keywords: management model, management system, joint-stock company, state participation.

Исследование зарубежного опыта участия государства в деятельности акционерных обществ представляет собой значимый аспект для анализа и обогащения теоретической и практической базы знаний, связанных с данной тематикой. Это позволяет рассмотреть разнообразные модели участия государства в экономической жизни и выявить цели и особенности такого участия.

На современном этапе зарубежные страны применяют различные схемы государственного вмешательства в экономику, в зависимости от своих особенностей и целей.

Первая из рассматриваемых моделей – англосаксонская система, которая представлена странами, такими как США, Канада и Великобритания. В данной системе высокая степень свободы предпринимательства является ключевой чертой. Государство в этой модели стремится к тому, чтобы деятельность АО приносила выгоду как частным акционерам, так и самому государству.

Вторая модель – западноевропейская, также известная как романо-германская система, включает страны, такие как Франция и Греция. Отличительной особенностью этой системы является более высокая доля государственного вмешательства в экономику. Главной целью государства в рамках данной модели является эффективное управление государственной собственностью.

Третья модель – социально-ориентированная система, представленная, например, ФРГ и Нидерландами. В данной системе

акцент делается на социальных аспектах и поддержке общества через активное вмешательство государства в экономику. Отличается наличием ярко выраженной социальной направленности у государства. В этих государствах основная цель участия государства в АО заключается в социальной поддержке населения.

Четвертая модель – скандинавская (в нее входят Швеция, Дания, а также Норвегия). Специфика данной модели проявляется в паритетности государственного капитала с частным. Данная модель также схожа с социально-ориентированной. К примеру, в Швеции основная цель государства в экономике провозглашена как создание стоимости для других собственников.

Пятая модель – патерналистская, присущая Японии. В рамках данной модели специфика проявляется в достаточно сильной роли государства в экономике. Однако, это является не тормозом экономического развития, т.к. цель государства – развивать экономику [2, с. 177].

Исследование различных моделей государственного участия в деятельности АО позволяет выявить многообразие подходов и целей, преследуемых государствами в данной сфере. Эти сведения могут оказаться ценными для формирования и анализа стратегии государственного вмешательства в экономику как на уровне отдельных стран, так и на мировой арене.

В научной литературе существует несколько классификаций форм управления компаниями с государственным

участием. Основываясь на различных критериях, можно выделить четыре основных варианта:

- 1) децентрализованная либо отраслевая модель;
- 2) двойная модель;
- 3) централизованная модель;
- 4) альтернативная модель.

В контексте децентрализованной модели управления АО, применяемой, например, в Финляндии, осуществление управления компаниями возлагается на различные органы государственной власти, имеющие специализированную функциональную направленность. Несмотря на использование специализированных органов, данный подход сопровождается существенным недостатком – смешением функций управления и регулирования в руках одного или нескольких органов власти.

В случае двойной модели управления, которая существует, например, в Греции, управление АО осуществляется не только специализированными органами публичной власти, но и общими органами, такими как правительство. Эта модель обладает как положительными, так и отрицательными аспектами.

Одним из положительных аспектов данной модели является возможность применения системы сдержек и противовесов. Это позволяет учитывать интересы всех участников процесса управления, обеспечивая баланс интересов и предотвращая однозначное доминирование одного из участников. Такой подход способствует принятию более сбалансированных решений и учету разнообразных интересов.

Однако в данной модели существует недостаток, который проявляется в отсутствии четких ориентиров в сфере ответственности. Подобная неопределенность может создать затруднения в определении, кто и за что несет ответственность. В результате руководители корпорации могут столкнуться с дезориентацией, так как решения принимаются различными органами публичной власти на разных уровнях, что усложняет управление и координацию действий.

В рамках централизованной модели управления акционерными обществами (АО), управление корпорациями осуществляется с помощью единого публичного органа, чаще всего представленного Министерством финансов (как, например, в Испании) или Министерством промышленности (как, например, в Норвегии). Эта модель предполагает концентрацию процессов управления, что способствует разработке и применению единой экономической политики и стратегий. Тем не менее, в данной модели существуют ограничения, связанные с ограниченной способностью учитывать индивидуальные особенности и потребности конкретных корпораций, поскольку управление остается в компетенции одного публичного органа. [1, с. 73].

В случае альтернативной модели управления государством передает функции управления специально созданному холдингу, который, в свою очередь, находится под контролем государства. Этот подход предоставляет больше гибкости в организации управления государственными компаниями и позволяет более эффективно учитывать их особенности. При этом государство сохраняет контроль и влияние на деятельность холдинга, обеспечивая сбалансированность интересов и эффективное управление государственной собственностью.

Каждая из указанных моделей имеет свои особенности и преимущества, а также недостатки. Выбор определенной модели зависит от целей государства в управлении государственными компаниями, а также от контекста и особенностей национальной экономики. Рассмотрение этих моделей

способствует лучшему пониманию многогранной проблематики государственного участия в управлении акционерными обществами.

В современном исследовании сферы корпоративного управления акционерными обществами (АО) в России обсуждается наличие уникальной модели управления, которая отличается от мировых стандартов. Эта российская модель управления обладает рядом особенностей, из которых одной из ключевых является высокое значение, придаваемое совету директоров в операционной деятельности АО. Этот орган объединяет элементы как англосаксонской модели (в которой один орган выполняет как функции управления, так и функции контроля над корпорацией), так и континентальной модели управления (где контроль и управление разделены между разными органами корпорации).

Интересным аспектом данного вопроса является точка зрения выдающегося ученого в области корпоративного права - Е. А. Суханова. Он отмечает, что российский Закон об АО во многом следует американской модели управления, однако подчеркивает, что это внедрение было не всегда обоснованным и не всегда учитывало специфику российской действительности [4, с. 4].

Одноуровневая модель управления АО, представляющая собой слияние функций управления и контроля в одном органе, может оказаться наиболее эффективной в ситуациях, когда количество акционеров минимально. Однако в случае множества акционеров более эффективным может оказаться использование двухуровневой модели управления АО.

Примером адаптации моделей управления к особенностям каждой конкретной компании служит практика Франции, где предоставляется выбор между одноуровневой и двухуровневой моделями управления АО [3, с. 194]. Такой подход позволяет более гибко учитывать индивидуальные особенности каждой компании и адаптировать модель управления с учетом ее конкретных потребностей.

Таким образом, в международной практике государственные корпорации представляют собой коммерческие организации, которые нередко осуществляют деятельность по реализации государственной социальной политики. На современном этапе в зарубежных странах выделяются различные схемы участия государства в экономике страны: западноевропейская; социально-ориентированная система; скандинавская модель; патерналистская модель, присущая Японии; англосаксонская. В России действует комбинированная модель, с элементами разных зарубежных систем.

Пристатейный библиографический список

1. Дробышевская Л. Н. Модели корпоративного управления: мировой опыт и российская практика // Молодой ученый. - 2018. - № 4. - С. 73-77.
2. Макарова О. А. Проблемы типологии корпораций // Закон. - 2009. - № 2. - С. 173-183.
3. Проскуряков Д. О. Понятие, классификация и особенности правового статуса государственных корпораций // Молодой ученый. - 2019. - № 46. - С. 193-195.
4. Суханов Е. А. Перспективы корпоративного законодательства и другие проблемы отечественного права // Закон. - 2006. - № 9. - С. 4-8.

КУРБАНОВ Ахмед Рамилович

студент 2-го курса (направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция квалификационная степень магистр) заочного платного отделения Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ГАСАНАЛИЕВ Айгум Шапиевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного, финансового и таможенного права Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются основные проблемы взаимодействия органов исполнительной власти в Российской Федерации, описываются пути решения данных проблем.

На современном этапе развития Российского государства исполнительная власть играет ключевую роль для обеспечения его стабильного и эффективного функционирования и развития.

В основе этих проблем лежит сложная сеть бюрократических хитросплетений. Издание незаконных нормативно-правовых актов, расхождение интересов при выполнении одних и тех же задач, сложность бюрократической машины на федеральных, региональных и местных уровнях органов исполнительной власти часто приводят к трениям, задержкам и неэффективности. Это создает препятствия для реализации согласованной политики и оперативного реагирования на динамичные социально-политические требования

Проблемы, которые возникают в нынешних политических, экономических, социальных условиях при взаимодействии между органами исполнительной власти, могут иметь серьезные последствия в виде понижения показателей осуществления поставленных перед ними задач.

Ключевые слова: исполнительная власть; органы исполнительной власти, функции органов исполнительной власти, бюрократическая система.

KURBANOV Ahmed Ramilovich

student of the 2nd course (majoring in 40.04.01 Jurisprudence, aiming for a Master's degree) of the extramural paid department of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

GASANALIEV Aigum Shapievich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative, financial, and customs law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

PROBLEMS OF INTERACTION OF EXECUTIVE AUTHORITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the main problems of interaction between executive authorities in the Russian Federation, describes ways to solve these problems.

At the present stage of development of the Russian state, the executive branch plays a key role in ensuring its stable and effective functioning and development.

At the heart of these problems lies a complex network of bureaucratic intricacies. The publication of illegal normative legal acts, the divergence of interests in the performance of the same tasks, the complexity of the bureaucratic machine at the federal, regional and local levels of executive authorities often lead to friction, delays and inefficiency. This creates obstacles to the implementation of a coherent policy and rapid response to dynamic socio-political demands

The problems that arise in the current political, economic, and social conditions in the interaction between executive authorities can have serious consequences in the form of a decrease in the performance of the tasks we are facing.

Keywords: Executive power; executive authorities, functions of executive authorities, bureaucratic system.

В сложной системе государственного управления в Российской Федерации сложности взаимодействия между органами исполнительной власти стали ключевым фактором, определяющим траекторию политики, административную эффективность и саму суть демократической функциональности. Взаимодействие между различными ветвями исполнительной власти - динамичная мозаика, включающая федеральные, региональные и местные образования, - закладывает основу для управления. Однако среди этой сложной взаимозависимости скрывается лабиринт проблем, хитросплетений и потенциальных конфликтов, которые требуют тщательного изучения. Изучение нюансов этих взаимодействий раскрывает картину, отмеченную сочетанием сотрудничества, конкуренции, а иногда и трений, каждый штрих которой влияет на ход управления и благосостояние населения. Углубляясь в проблемы, связанные с взаимодействием органов исполнительной власти в Российской Федерации, мы раскрываем историю, выходящую за рамки бюрократических хитросплетений, затрагивающую суть эффективного управления, баланса сил и стремления к гармоничному социально-политическому ландшафту. В системе органов исполнительной власти можно выявить три основных проблемы, которые были, есть и будут актуальными, и которые оказывают значительное влияние на формирование и развитие других видов проблем.

1. Издание неправомочных нормативно правовых и иных актов

Появление и распространение незаконных нормативных актов представляет собой многогранную проблему. Эти акты, противоречащие существующим законам или выходящие за их рамки, не только сеют семена путаницы, но и подрывают фундаментальные принципы законности и справедливости. Последствия таких действий отражаются на различных секторах, затрагивая предприятия, граждан и общий социально-политический ландшафт, зачастую в которых содержатся противоречия как вышестоящим законам, так и нормы нарушающие права как физических и юридических лиц, так и других органов исполнительной власти.

Подобные акты имеют следующие отличительные признаки

– противоречие федеральным и основному законам страны, то есть различным кодексам, федеральным законам и Конституции РФ;

– нарушение процедур принятия, например, нарушение процедуры согласования проекта нормативно правового акта;

– принятие нормативно правового акта в отсутствие на то должных полномочий, которые обычно разграничены компетенцией органа исполнительной власти. Зачастую подобное проявление нарушений выявляется на региональном уровне органов исполнительной власти;

– противоречие публичным интересам общества или отдельного круга лиц выражается в основном в явных корыстных побуждениях отдельно взятых должностных лиц при принятии нормативно правового акта;

– произвольность, не связанность, и непропорциональность принимаемых мер;

– отсутствие обоснования и предпосылок к формированию нового нормативно правового акта.

– отсутствие проведенной экспертизы либо не добросовестное её проведение.

Исходя из выше перечисленных признаков можно сделать вывод о том, что если нормативно правовой акт изданный органом исполнительной власти, или предпринятые действия со стороны органа являются незаконными, то их можно оспорить в судебном порядке это регламентировано Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2007 № 48 (ред. от 09.02.2012) «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части»¹.

Решение этой проблемы требует многостороннего подхода. Прежде всего, существует настоятельная необходимость в надежном механизме для тщательного изучения и предотвращения публикации незаконных нормативных актов. Это предполагает усиление сдержек и противовесов в административной структуре, обеспечение того, чтобы акты проходили тщательную юридическую проверку перед публикацией, и введение мер подотчетности для лиц, ответственных за их обнародование.

Одновременно становится необходимым повышение прозрачности и повышение осведомленности общественности о юридических правах и обязанностях. Участие и осведомленность граждан играют ключевую роль в поддержании верховенства закона. Информирование населения об их правах и средствах правовой защиты дает им возможность требовать привлечения к ответственности и оспаривать незаконные действия, способствуя формированию более бдительного и информированного общества.

Кроме того, решающее значение имеет формирование культуры подотчетности в органах исполнительной власти. Принятие жестких мер по привлечению к ответственности лиц, ответственных за публикацию незаконных актов, включая дисциплинарные взыскания и юридические последствия, служит сдерживающим фактором и подчеркивает важность соблюдения правовых протоколов.

2. Проблема расхождения в интересах органов исполнительной власти.

В сложной системе государственного управления несопадающие интересы органов исполнительной власти часто представляют собой серьезную проблему. В рамках административной системы любой страны конфликты и расхождения в приоритетах, повестках дня и стратегиях между различными ветвями исполнительной власти могут препятствовать прогрессу и подрывать согласованность принятия решений. Понимание и устранение этих несоответствий имеет важное значение для содействия эффективному управлению и продвижения интересов населения.

В основе этих расхождений лежит многогранная динамика. Федеральные, региональные и местные органы исполнительной власти часто действуют с различными нормами, представляя различные группы населения и точки зрения. Эти различные интересы могут сталкиваться, что приводит к разногласиям в отношении направлений политики, распределения ресурсов и стратегий реализации.

Одной из существенных причин расхождения интересов является разнообразие обязанностей, возложенных на различные органы исполнительной власти. Федеральные власти могут отдавать приоритет политике и повесткам дня на национальном уровне, в то время как региональные или местные администрации могут уделять особое внимание вопросам, относящимся к их конкретной демографии или регионам. Эти различные координационные центры могут привести к

конфликтам при согласовании приоритетов и стратегий на коллективном благо нации.

Политические факторы также играют ключевую роль в формировании разногласий между органами исполнительной власти. Различные идеологии, партийная принадлежность и электоральные соображения могут существенно повлиять на процессы принятия решений. Противоречивые политические интересы могут препятствовать сотрудничеству и компромиссу, приводя к тупиковой ситуации и неэффективности управления.

Распределение ресурсов представляет собой еще одну область, где часто возникают расхождения в интересах. Конкурирующие требования к бюджетным ассигнованиям и ресурсам среди органов исполнительной власти могут привести к напряженности и разногласиям. Сбалансирование этих конкурирующих потребностей при обеспечении справедливого распределения представляет собой серьезную проблему, особенно когда интересы значительно расходятся. Более того, расхождения могут быть вызваны административными и бюрократическими структурами. Различия в административных культурах, процедурах и иерархиях в различных органах исполнительной власти могут препятствовать эффективной коммуникации, сотрудничеству и координации. Эта бюрократическая инерция часто замедляет процессы принятия решений, препятствуя своевременному и эффективному управлению. Устранение этих несоответствий требует тонкого и стратегического подхода. Содействие развитию культуры сотрудничества и достижению консенсуса среди органов исполнительной власти имеет решающее значение. Создание форумов для диалога, совместного планирования и принятия решений может устранить пробелы и согласовать различные интересы для достижения общих целей.

Ясность в разграничении ролей и обязанностей необходима для смягчения конфликтов, возникающих из-за дублирования юрисдикций. Четко определенные рамки, описывающие процессы принятия решений, обязанности и области сотрудничества, могут помочь оптимизировать управление и уменьшить количество конфликтов. Прозрачность и открытые каналы коммуникации играют ключевую роль в устранении расхождений. Совершенствование механизмов обмена информацией и продвижение культуры прозрачности среди органов исполнительной власти могут способствовать лучшему пониманию различных точек зрения и принятию обоснованных решений.

В конечном счете, формирование общего видения общего блага нации должно быть главной целью. Подчеркивание важности общенациональных интересов и поощрение компромиссов, которые приносят пользу коллективному благополучию, могут помочь устранить разногласия между органами исполнительной власти. Отметим, что расхождения в интересах органов исполнительной власти присущи структурам управления и могут существенно повлиять на эффективность принятия решений и государственного управления. Решение этих проблем требует укрепления сотрудничества, повышения прозрачности, определения четких ролей и укрепления общей приверженности общему благу нации. Преодолевая эти сложности в духе сотрудничества и сосредоточенности на общих целях, органы исполнительной власти могут более эффективно работать сообща на благо общества.

3. Сложности бюрократических систем как проблема взаимодействия органов исполнительной власти.

Запутанная сеть бюрократических систем часто является существенным препятствием для бесперебойного взаимодействия между органами исполнительной власти в рамках системы управления. Эти сложности, укоренившиеся в административных структурах, создают огромные проблемы, препятствуя эффективному сотрудничеству, принятию решений и бесперебойному функционированию государственных органов.

Одной из фундаментальных проблем бюрократических систем является дублирование обязанностей и юрисдикции между различными уровнями исполнительной власти. Федеральные, региональные и местные органы власти часто разделяют определенные обязанности, что приводит к двус-

¹ Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2007 № 48 (ред. от 09.02.2012) «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части»

мысленности и конфликтам в отношении принятия и исполнения решений. Отсутствие четкого разграничения ролей может привести к неэффективности, задержкам, а иногда и к противоречивым действиям, препятствующим эффективно управлению.

Отсутствие четко определенной иерархии и структуры принятия решений еще больше усложняет взаимодействие между органами исполнительной власти. Нечеткие цепочки подчинения и пути принятия решений создают узкие места, замедляя важнейшие процессы и затрудняя оперативное решение неотложных вопросов. Эта бюрократическая неразбериха сдерживает гибкость и отзывчивость правительственных структур.

Бюрократические системы также способствуют расхождению интересов и приоритетов между различными уровнями или ветвями исполнительной власти. Федеральные образования могут определять приоритеты политики на национальном уровне, в то время как региональные или местные администрации сосредотачиваются на вопросах, характерных для их областей. Эти различные повестки дня часто вступают в противоречие, что затрудняет согласованное согласование стратегий и приоритетов для коллективного блага нации.

Административная инерция, характеризующаяся жесткими процедурами, чрезмерной волокитой и запутанными административными процессами, препятствует эффективности взаимодействия между органами исполнительной власти. Громоздкие бюрократические процедуры замедляют принятие решений, препятствуя осуществлению необходимых реформ или реагированию на возникающие вызовы. Эта бюрократическая волокита подрывает адаптивность и эффективность управления.

Неадекватные каналы связи и разрозненность информации препятствуют обмену жизненно важными данными и аналитической информацией между органами исполнительной власти. Информационная асимметрия ограничивает сотрудничество и принятие обоснованных решений, что приводит к разрозненным усилиям, а иногда и противоречивым действиям между различными ветвями или уровнями государственного управления.

Решение сложностей внутри бюрократических систем требует стратегических реформ и согласованных усилий по оптимизации административных процессов, расширению сотрудничества и стимулированию синергии между органами исполнительной власти.

Установление четкого разграничения ролей и обязанностей между федеральными, региональными и местными органами власти имеет решающее значение. Четко определенные рамки, описывающие процессы принятия решений и области сотрудничества, могут смягчать конфликты и рационализировать управление.

Содействие гибким процессам принятия решений и прозрачности имеет решающее значение. Сокращение бюрократических барьеров, упрощение процедур и развитие культуры открытого общения могут способствовать быстрому реагированию на вызовы и повышению эффективности.

Крайне важно поощрять культуру сотрудничества и обмена информацией между органами исполнительной власти. Создание платформ для диалога, совместного планирования и совместного принятия решений может устранить пробелы и согласовать различные интересы для достижения общих целей.

Сложность бюрократических систем создает значительные препятствия для эффективного взаимодействия между органами исполнительной власти. Решение этих проблем требует комплексного подхода, который ставит во главу угла ясность в распределении ролей, способствует гибкому принятию решений, расширяет сотрудничество и способствует прозрачной коммуникации. Справляясь с этими сложностями и реформируя бюрократические структуры, исполнительные органы власти могут более эффективно работать сообща, в конечном счете улучшая управление и лучше удовлетворяя потребности своих избирателей.

Проблемы, связанные с взаимодействием органов исполнительной власти в Российской Федерации, остаются сложными и многогранными. Несмотря на усилия по упорядочению коммуникации и координации между различ-

ными государственными органами, проблемы сохраняются из-за бюрократических препон, расхождения интересов и дублирования обязанностей. Для эффективного решения этих проблем необходим комплексный подход, подчеркивающий прозрачность, четкое разграничение ролей и расширение сотрудничества. Сотрудничество между федеральными, региональными и местными органами власти в сочетании с надежными механизмами обмена информацией играет ключевую роль в создании более сплоченной и эффективной системы управления на благо страны и ее граждан.

По мере того как мы завершаем наше исследование сложной сети взаимодействий между органами исполнительной власти в Российской Федерации, становится очевидным, что ландшафт государственного управления определяется его сложностями и вызовами. Взаимодействие между федеральными, региональными и местными органами власти формирует основу эффективного управления, однако оно не лишено препятствий.

Основа эффективного управления основывается на тесном сотрудничестве, взаимном уважении юрисдикций и общей приверженности благополучию нации и ее граждан. Хотя такие проблемы, издание непропорциональных нормативных правовых и иных актов, проблема расхождения в интересах, сложности бюрократических систем могут препятствовать возможности создать более сплоченную, эффективную и быстро реагирующую систему.

Решение этих проблем зависит не только от структурных реформ или правовых разграничений; оно зависит от укрепления культуры сотрудничества, диалога и взаимопонимания между органами исполнительной власти. Поощрение открытых каналов коммуникации, проявление гибкости в подходах и приоритет национальных интересов над индивидуальными повестками дня могут проложить путь к более гармоничному взаимодействию.

Более того, стремление к созданию более эффективной системы управления требует приверженности адаптивности и эволюции. Внедрение механизмов, которые удовлетворяют разнообразные потребности федеративной структуры, при одновременном соблюдении принципов единства и согласованности, имеет решающее значение для устойчивого прогресса.

В конечном счете, траектория взаимодействия органов исполнительной власти в Российской Федерации не статична. Это динамичная среда, формируемая меняющимися социально-политическими ландшафтами, меняющимися потребностями и коллективной волей к преодолению вызовов. По мере того как заинтересованные стороны преодолевают эти сложности, видение надежной, основанной на сотрудничестве и отзывчивой системы управления остается путеводным маяком на пути к более процветающему и гармоничному будущему для Российской Федерации и ее граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев И. А., Станкевич Г. В., Цапко М. И., Свистунов А. А., Белявский Д. С., Хабибулина О. В. Административное право. Учебник. - М.: Проспект, 2020. - С. 199-205.
2. Алехин А. П. Практикум Административное право Российской Федерации. - М.: Зерцало, 2020. - С. 80-86.
3. Иванов Д. В. Административное право Российской Федерации. - М.: Издательский дом Университета «Синергия», 2020. - С. 73-77.
4. Старостин С. А., Бакурова Н. Н., Ахрем И. А. Правовое обеспечение государственного управления и исполнительная власть. Учебник для магистров. - М.: Проспект, 2021. - С. 129-336.

ПУГИНА Варвара Ивановна

магистр Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БУРНОС Аделина Викторовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ХОЛОД Егор Константинович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГОМЕНЮК Виктория Анатольевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

НЕСИНА Алина Максимовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ПОПУЛИЗМ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СТРЕМЛЕНИЕ К ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЮ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Статья рассматривает взаимосвязь популистской риторики и желания общества к перераспределению в условиях пандемии Covid-19. Исследуется, как различные формы популистских высказываний, направленные против элит и иностранцев, влияют на общественные предпочтения и потребности в социальной политике. Основное внимание уделяется последствиям воздействия популизма на субъективное восприятие риска и интерес к перераспределению в условиях нестабильности, вызванной мировой пандемией.

Ключевые слова: популизм, перераспределение, пандемия Covid-19, социальная политика, риторика, антиэлитные лозунги, «антииностранный» риторика, общественные предпочтения, риск, социальное государство.

PUGINA Varvara Ivanova

master's degree of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BURNOS Adelina Viktorovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KHOLOD Egor Konstantinovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

GOMENYUK Victoria Anatolyevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

NESINA Alina Maksimovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

POPULISM AND ITS IMPACT ON THE DESIRE FOR REDISTRIBUTION IN THE CONTEXT OF A PANDEMIC

The article examines the relationship between populist rhetoric and society's desire for redistribution in the context of the Covid-19 pandemic. The article examines how various forms of populist statements directed against elites and foreigners affect public preferences and needs in social policy. The main focus is on the effects of populism on the subjective perception of risk and interest in redistribution in the context of instability caused by the global pandemic.

Keywords: populism, redistribution, Covid-19 pandemic, social policy, rhetoric, anti-elite slogans, "anti-foreign" rhetoric, public preferences, risk, welfare state.

В современном мире популизм стал явлением, вызывающим всё больший интерес исследователей, политиков и общества в целом. Возрастание популистских тенденций в различных странах актуализирует вопрос о его влиянии на формирование общественного мнения и политических предпочтений. Особое значение этот вопрос приобретает в контексте глобальных кризисов, таких как пандемия Covid-19. Каковы механизмы действия популистской риторики на общество и как она может повлиять на потребности и ожидания граждан в отношении социальной политики? Цель данной статьи — исследовать взаимосвязь популизма и стремления к перераспределению в условиях текущего мирового кризиса.

В эпоху доминирования популистских посланий возможно ли усиление спроса на социальную защиту из-за увеличения рисков? Пандемия Covid-19 радикально повысила уровень экономического и здорового риска во

всем мире. Отличительной чертой текущей политической обстановки от предыдущих кризисов является рост популярности популистских лидеров и их риторики.

Основываясь на научных исследованиях, понимаем под популизмом идеологию, которая нацелена на обычных людей, чьи интересы часто игнорируются доминирующими элитами. Популисты формулируют свои политические программы, критикуя внутренние и внешние элиты, что позволяет им утверждать, что они являются истинными представителями народа.

Согласно этому определению, популизм может сочетаться с разными подходами к экономической политике и перераспределению. Проведенные исследования показали, что перераспределительные стратегии популистов могут варьироваться от либертарианских до социалистических. Мы утверждаем, что базовая логика популизма, акцентирующая внимание на интересах «народа» и критике элит,

влияет на политику перераспределения. Эти риторические приемы формируют определенные рамки, влияя на восприятие рисков гражданами и их готовность к преодолению кризисов без государственной поддержки.

Цель нашего исследования — определить, как популистская риторика может влиять на стремление к социальной защите. Мы выделяем два основных направления в риторике популистов во время пандемии Covid-19: критика научного сообщества и обвинения внешних акторов. Первый подход включает в себя критику научного сообщества за предложенные меры карантина, второй — обвинение других стран в распространении вируса.

На фоне предыдущих исследований, акцентированных на причинах появления популизма, наша работа фокусируется на влиянии популизма на желание населения получить социальную защиту. Мы считаем, что различные популистские риторические стратегии могут иметь разное воздействие на восприятие граждан, столкнувшихся с экономическими или здоровенными проблемами в период пандемии.

Внезапные росты экономических и медицинских рисков, или так называемые рисковые шоки, стали ключевым моментом в расширении государственных программ. Некоторые из самых значительных нововведений в социальной политике современных государств благосостояния были реализованы после крупных экономических кризисов. Примерами являются принятие всеобъемлющей социальной политики в Скандинавии во времена экономического кризиса 1890-х и реализация Нового курса в США в период Великой депрессии. Существующие исследования анализировали влияние риска на размеры государства благосостояния, политические коалиции, поддерживающие расширение социальной политики, и индивидуальные потребности в редистрибуции. Наш анализ начинается с рассмотрения этих работ для понимания основных тенденций в отношениях между рисками и потребностью в расширении социальной политики.

Международные данные указывают на связь между внешней нестабильностью, в особенности в условиях внешней торговли, и объемом государственного сектора. Этот положительный тренд между внешними рисками и объемами госсектора характерен как для развитых, так и для развивающихся экономик. Более высокие уровни внешних рисков также связаны с более высоким уровнем социальных гарантий. Исследования в области здравоохранения также отмечают изменения в подходах к государственному регулированию здоровья в ответ на медицинские кризисы.

Другие исследования рассматривают влияние роста неопределенности на потребность в социальной политике, опираясь на индивидуальные данные. Было выявлено, что повышенные профессиональные риски влияют на стремление к более редистрибутивной социальной политике. Однако не все исследования подтверждают связь между возросшей неопределенностью и желанием активнее перераспределять ресурсы [2].

В научной литературе доказано, что рисковые ситуации усиливают спрос на перераспределительные меры. Наша работа дополняет этот раздел знаний, исследуя, как риторические приемы популистов меняют связь между чувством уязвимости и потребностями избирателей в социальных мерах. Несмотря на повышенный интерес к популизму в последние годы, механизмы влияния популистских партий на социальную политику остаются недостаточно исследованными. Текущая пандемия предоставляет нам уникальную возможность рассмотреть влияние популистской риторики на перераспределительные по-

требности. С одной стороны, из-за пандемии значительно возросли экономические и медицинские риски. С другой стороны, популисты отреагировали на эту ситуацию, используя разнообразные послания, которые разными способами воздействуют на восприятие рисков среди населения.

Аналитическая типология популистской риторики в условиях пандемии. Сегодняшний политический контекст выделяется активностью популистов на глобальном уровне. Согласно Мюллеру (2016) и Мудде (2017), популизм можно определить как идеологию, совместимую с различными точками зрения относительно экономического перераспределения. Суть популизма заключается в представлении народа как единого и добродетельного, отстаивая при этом принцип народного суверенитета. Популисты формируют образ «народа», определяя его противостояние с «внешними» и «внутренними» врагами. Этими «врагами» могут быть как внутренние элиты (политики, эксперты, ученые), так и внешние акторы, включая международные организации или другие страны.

Существует обсуждение, следует ли считать антиглобализационную и антизарубежную риторику проявлением популизма. На наш взгляд, такая риторика является проявлением популизма, так как она формирует представление о «народе» в противопоставлении к «другому». Важно подчеркнуть, что ни антиэлитная, ни антизарубежная риторика не связаны напрямую с позициями политиков в вопросах экономического перераспределения [5]. Наша цель в этой статье — не объяснить причины выбора той или иной стратегии популистами, а проанализировать их влияние на общество.

Рассмотрим, например, стратегии, применяемые президентом Трампом в ответ на возрастающую нестабильность из-за пандемии. Президент Трамп активно конфликтовал с представителями медицинского сообщества и государственными экспертами по вопросам оптимального реагирования на кризис, регулярно уменьшая значимость экономических рисков пандемии. Он делал заявления, вроде того, что он произнес 28 февраля 2020 года перед прессой: «Он однажды исчезнет. Каким-то чудом он пропадет». В то же время Трамп нападал на иностранных противников и поддерживал теории, обвинявшие иностранные стороны в распространении пандемии. Трамп написал в Твиттере 17 марта 2020 года: «Мир ведет войну с невидимым врагом». Обращаясь к уволенным рабочим 23 марта 2020 года, Трамп написал: «Натиск китайского вируса — это не ваша вина».

Другие популистские лидеры также использовали риторические стратегии, сочетая нападки на иностранцев и технократические элиты, включая медицинское сообщество. В Бразилии Жаир Болсонару обвинял СМИ в создании истерии и паники вокруг вируса. Называя карантинные меры проклятием, хуже самой болезни, Болсонару призывал бразильцев вернуться на работу. В то же время Болсонару поддерживал теории о том, что Китай создал коронавирус в лаборатории и распространил его как биологическое оружие.

Влияют ли популистские высказывания на стремление к перераспределению? Ранее проведенные исследования показали разнообразие взглядов популистских партий на тему перераспределения. Некоторые из них связывают этот факт с изменением социального профиля радикальных правых партий, в то время как другие обращают внимание на стремление популистов делать свои экономические позиции менее четкими [3].

В нашем исследовании рассматривается уникальный аспект связи между популизмом и желанием перераспределения. Мы полагаем, что основополагающий принцип популизма, который предполагает выделение внутренних или внешних «врагов», оказывает влияние на потребности в перераспределении. Популистская риторика может изменять субъективное восприятие риска, воздействуя на потребности в социальной политике. Противостоя внутренним элитам, популисты могут подорвать доверие уязвимых слоев населения к необходимости государственного вмешательства, уменьшая интерес к перераспределению. В то время как акцент на «внешних врагах» может усилить интерес к расширению социальных программ среди групп населения с высоким уровнем риска.

Основываясь на опросе, проведенном в США спустя полгода после начала пандемии Covid-19 [8], мы выяснили, что популистские лозунги против элит и против иностранцев оказывают разное воздействие на стремление к социальной защите среди респондентов, находящихся в зоне риска. При этом, учитывая мировое распространение аналогичной риторики, мы полагаем, что выводы нашего исследования актуальны и для других стран.

Мы пришли к выводу, что нестабильность, вызванная пандемией Covid-19, может усилить стремление к созданию мощного социального государства. Однако это зависит не только от столкновения с популизмом, но и от конкретных форм популистской риторики. Расширенное применение антиэлитных популистских лозунгов может снизить интерес к перераспределению. В то же время активное использование антииностранной риторики в условиях текущей пандемии, возможно, способствовало усилению интереса к перераспределению среди населения, столкнувшегося с рисками, связанными с Covid.

Наше исследование подчеркивает важность изучения прямого воздействия популистской риторики на общественные предпочтения. Мы настоятельно рекомендуем будущим исследованиям углубить изучение соотношения антиэлитных и антииностранских посланий в различных контекстах и оценить их влияние на стремление к перераспределению. Популистская риторика также может влиять на отношение к другим аспектам политики, таким как торговля и глобализация. Наша работа предлагает новые горизонты для изучения последствий популистских речевых стратегий.

Популизм, безусловно, играет ключевую роль в формировании общественного мнения, особенно в периоды глобальных вызовов, таких как пандемия Covid-19. Исследование показало, что популистская риторика может действовать как катализатор изменений в восприятии обществом необходимости государственного вмешательства в экономику и социальную политику. В зависимости от направленности популистских лозунгов – против элит или иностранцев – возможны различные сценарии развития общественных настроений. Данное исследование ставит акцент на важность дальнейшего анализа механизмов воздействия популистской риторики на общество и её последствия для формирования политической агенды.

Пристатейный библиографический список

1. Boholm Å. Comparative studies of risk perception: a review of twenty years of research // *Journal of Risk Research*. – 1998. – № 1. – P. 64-84.
2. Mares I. Social protection around the world: external insecurity, state capacity and domestic political cleavages // *Comparative Political Studies*. – 2005. – № 38. – P. 623-651.
3. Bonikowski B. Ethno-nationalist populism and the mobilization of collective resentment // *The British Journal of Sociology*. – 2017. – № 68. – P. S181-S213.
4. Art D. The myth of global populism // *Perspectives on Politics*. – 2022. – № 20. – P. 999-1011.
5. Mudde C. (2017) *Populism: An ideational approach*. In Kaltwasser CR, Taggart P, Espejo PO and Ostiguy P (eds). *The Oxford Handbook of Populism*. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – P. 28-54.
6. Collinson S (2020) Trump seeks a 'miracle' as virus fears mount. CNN, February 28.
7. Afonso A. and Rennwald L. Social class and the changing welfare state agenda of radical right parties in Europe. In Manow P, Palier B and Schwander H (eds). *Welfare Democracies and Party Politics: Explaining Electoral Dynamics in Times of Changing Welfare Capitalism*. – New York: Oxford University Press, 2018. – P. 171-194.
8. Neuner FG and Wrátil C. The populist marketplace: unpacking the role of "thin" and "thick" ideology // *Political Behavior*. – 2022. – № 44. – P. 551-574.
9. Rehm P. *Risk Inequality and Welfare States: Social Policy Preferences, Development and Dynamics*. – New York: Cambridge University Press, 2016.
10. Hacker J., Rehm P. and Schlesinger M. The insecure American: economic experiences, financial worries, and policy attitudes // *Perspectives on Politics*. – 2013. – № 11. – P. 23-49.

ГАЛИЦКАЯ Елизавета Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МИНАЧЕВ Герман Ринатович

магистр Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГЕРАЩЕНКО Никита Артурович

магистр Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЛЯШЕВА Алёна Анатольевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ПОПОВА Валерия Константиновна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КОНТЕКСТ В МЕДИЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ: АНАЛИЗ ЕВРОПЕЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Статья предоставляет аналитический обзор медийного освещения политических событий в европейских странах, акцентируя внимание на роли контекста в интерпретации и восприятии информации. Основываясь на данных из различных исследований, авторы рассматривают, как общие европейские тенденции и уникальные национальные особенности влияют на формирование медийной агенды. В частности, статья анализирует медийное освещение Еврокризиса и выборов в разных странах, подчеркивая значимость контекста в понимании политического дискурса.

Ключевые слова: медийная коммуникация, политический дискурс, контекст, Еврокризис, выборы, национальные особенности, медийная агенда, интерпретация, восприятие.

GALITSKAYA Elizaveta Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

GERMAN Rinatovich Minachev

master's degree of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

GERASHCHENKO Nikita Arturovich

master's degree of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

LYASHEVA Elena Anatolyevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

POPOVA Valeria Konstantinovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

CONTEXT IN MEDIA COMMUNICATION: AN ANALYSIS OF EUROPEAN POLITICAL DISCOURSE

The article provides an analytical overview of the media coverage of political events in European countries, focusing on the role of context in the interpretation and perception of information. Based on data from various studies, the authors consider how common European trends and unique national characteristics affect the formation of a media agenda. In particular, the article analyzes media coverage of the Eurocrisis and elections in different countries, emphasizing the importance of context in understanding political discourse.

Keywords: media communication, political discourse, context, Eurocrisis, elections, national characteristics, media propaganda, interpretation, perception.

Необходимость контекста столь очевидна в повседневной жизни, что можно задаться вопросом: почему она так часто игнорируется в сравнительных исследованиях политической коммуникации? Тот факт, что политическая коммуникация тесно связана с обстоятельствами и, следовательно, зависит от контекста, подчеркивает необходимость учитывать этот контекст при создании теорий. Примеры, приведенные Рохасом и Валенсуэлой в 2019 году, демонстрируют, что без должной контекстуализации результаты исследований могут быть легко искажены, что, в свою очередь, может ввести в заблуждение последующие теоретические размышления. Взаимосвязь между воздействием новостей в социальных медиа и политической поляризацией — яркий пример того, как контекст опосредует эффекты. Любые попытки обобщения будут ошибочными, если не проанализировать условия, при которых происходят предлагаемые взаимосвязи.

Большинство сравнительных исследований в области политической коммуникации руководствовались целью обобщения, требующей высокого уровня концептуальной абстракции. Это часто сопровождается неохотой признавать местные специфические контекстуальные факторы. Если бы такие факторы были включены, это могло бы ввести качественный компонент в дизайн исследования. Хотя некоторые исследователи могут считать такой подход слабостью, для качественных методов это центральное понятие. Hallin и Mancini в 2017 году считали, что в сравнительных исследованиях политической коммуникации есть методологический дисбаланс, где качественные методы уступают количественным. Если учитывать, что качественные и количественные подходы к изучению демократии акцентируют разные элементы, это не мелочь [7].

Пятьдесят лет назад Сартори уже предостерегал от «растяжения» концепций. Заимствуя его слова, мы часто выби-

раем покрыть больше, говоря меньше. Существует разрыв между политической теорией и эмпирическими исследованиями. Дебаты о том, нужны ли концепции, которые могут применяться за пределами своих границ, или о том, что «концепции не путешествуют», продолжаются, но роль контекста все более акцентируется.

Такие дебаты особенно актуальны для сравнительных исследований, включающих страны вне Западного мира. Можно утверждать, что при «путешествии» концепций контекстуализация всегда должна идти рядом. Контекст имеет ключевое значение на различных этапах: при проверке аналитической рамы, выборе выборки, операционализации концепций и интерпретации результатов. Теоретические понятия могут иметь разные значения в разных странах, или реальность может быть связана с временными обстоятельствами, которые следует учитывать и объяснять. Иначе результаты исследований могут оказаться неточными [3]. Долгосрочная цель работы с абстрактными концепциями требует особой осторожности, поскольку излишняя абстракция может привести к пренебрежению другими важными аспектами сравнительного исследования.

Множество эмпирических исследований, выполненных с использованием как качественных, так и количественных методов, подтверждают необходимость дальнейшего изучения роли контекста в медиационном процессе. Последние исследования акцентируют внимание на сложности, которые, например, социальные медиа добавили в медийные и политические среды. Помимо структурных факторов, множество контекстуальных факторов влияют на тип и степень воздействия средств массовой информации на политику и аудиторию. С приходом интернета актуализация контекста стала еще более актуальной в усложняющихся медийных средах. Возникли не только новые формы производства, распределения и восприятия медиаконтента, но и новые типы политического участия, участников и формы политического выражения, аргументации и дебатов. Влияние этих новых коммуникативных сред недостаточно определено, но зависит от контекста [5].

Исследования роли СМИ в процессах демократизации лузофонских африканских стран (Ангола, Кабо-Верде, Мозамбик, Сан-Томе и Принсипи) подчеркивали важность контекстуальных знаний. На основе интервью, полевых исследований и анализа СМИ было выявлено, что, несмотря на возможность доступа к информации из других стран через интернет, лузофонские африканские страны продемонстрировали значительные различия в понимании и адаптации демократии, несмотря на общий языковой контекст.

Функции онлайн-медиа также зависели от контекста. Зависимо от степени свободы и журналистской независимости онлайн-медиа выполняли различные основные функции: в качестве «альтернативы» основным СМИ, в качестве «дополнения» или в качестве «усиления». В странах с меньшей степенью свободы онлайн-СМИ функционировали в основном как «альтернатива». В странах с большей степенью свободы, но с низкой степенью профессионализации журналистики, таких как Сан-Томе и Принсипи, существующие онлайн-медиа усиливали основную медийную агенду [1].

Рассматривая интернет в более широком медийном контексте, можно увидеть, что политическая обстановка в лузофонских африканских странах различным образом формировала медийные эффекты, и что контекст опосредовал эти эффекты. Исследования также показали, что такие понятия, как демократия, свобода или гражданство, интерпрети-

ровались по-разному в каждой из этих стран и часто адаптировались к конкретным политическим условиям. Например, в Сан-Томе и Принсипи слово «демократия» напрямую связано с уровнем экономического развития.

Анализ роли СМИ в процессах демократизации лузофонских африканских стран предоставляет ценные выводы относительно взаимодействия между медиасредой, политической культурой и общественным восприятием. Основываясь на представленных данных, можно выделить следующие ключевые моменты:

1. Контекстуализация медиа: взаимосвязь между медиа и контекстом является критической, особенно в условиях глобализации. Интернет, как глобальная платформа, может предложить гомогенизированную информацию, но местные контексты оказывают решающее влияние на восприятие и интерпретацию этой информации.

2. Адаптация и интерпретация демократии: несмотря на общие лингвистические и культурные особенности, лузофонские африканские страны различно воспринимают и адаптируют понятия демократии. Это подчеркивает, что демократические ценности и практики не являются статичными и могут претерпевать изменения в зависимости от социокультурных и политических факторов.

3. Роль онлайн-медиа: онлайн-СМИ, в зависимости от степени свободы и журналистской независимости, могут играть разные роли в обществе: от альтернативного источника информации до усилителя основной медийной агенды. Это указывает на необходимость создания благоприятных условий для журналистской независимости, чтобы СМИ могли эффективно выполнять свою функцию контроля власти и информирования граждан.

4. Местное восприятие демократии: различное понимание таких понятий, как «демократия» и «свобода», в разных странах говорит о том, что эти понятия не являются универсальными и могут быть адаптированы или переосмыслены в соответствии с местными условиями и потребностями [9].

Исследования по европейским странам, проведенные на основе количественного контент-анализа, пришли к схожим выводам. Анализируя медийное освещение первых выборов после Еврокризиса в 2015 и 2016 годах в наиболее затронутых им странах (Греция, Ирландия, Португалия, Испания), Сальгадо выяснил, что стремление к высокому уровню обобщения при эмпирическом тестировании концепций политической коммуникации, таких как персонализация, популизм, негативность или фрейминг политических новостей, часто сталкивалось с уникальностью этих стран во многих отношениях. Невозможно было выявить четкие закономерности влияния кризиса. Выделились некоторые национальные особенности, в частности, в отношении популизма и фрейминга политических новостей.

Несмотря на появление транснациональных трендов в медийном освещении политики и выборов, всегда можно было обнаружить исключения, указывающие на важность конкретного политического, социального и культурного контекста страны. Например, в Греции и Португалии доминирующий новостной фрейм в 2015 году был больше сосредоточен на проблемах, чем на стратегии. Процент новостей, ориентированных на проблемы, составлял 57% в Португалии и 54% в Греции, тогда как в Испании и Ирландии - 38% и 27% соответственно.

Несмотря на то, что освещение выборов все больше фреймится как стратегия, а не как обсуждение проблем и предложений кандидатов, кризисные ситуации могут влиять

на фрейминг новостей о выборах. Однако конкретный национальный контекст также может влиять на характер освещения, например, из-за журналистских культур или особых обстоятельств кризиса в каждой стране.

Проявление популизма в новостях о выборах подтверждает влияние контекста. Это может помочь объяснить, почему, в отличие от Испании и, в частности, Греции, в Ирландии и Португалии популизм был практически отсутствующим. Кроме того, наиболее распространенные черты популистского дискурса в каждой стране не кажутся строго связанными с кризисной ситуацией [6].

Эти примеры исследований, сфокусированных на разных проблемах и проведенных в разных местах с разными методологиями, подтверждают идею о том, что отношения между СМИ и политикой лучше всего понимать в экономическом, политическом и медийном контексте. Контекст должен обеспечивать лучшее понимание возможных вариаций, возникающих в отношениях между переменными, и это справедливо как для качественных, так и для количественных эмпирических подходов, а также для исследований, охватывающих западные и незападные контексты.

Основное внимание исследований, проведенных в европейских странах, сосредоточено на попытке выявить общие закономерности и тенденции в медийном освещении политической деятельности. Однако, как показали данные, чрезмерное стремление к обобщению может привести к недооценке уникальных национальных особенностей и контекстов, в которых функционируют СМИ.

Следует отметить, что европейский регион характеризуется высокой степенью разнообразия в политических, экономических и культурных отношениях между странами. Это делает крайне сложной задачу создания универсальных моделей или паттернов для анализа медийного пространства. Особенно это становится заметным на фоне кризисных ситуаций, таких как Еврокризис, когда каждая страна реагирует на вызовы по-своему, и этот индивидуальный подход отражается в медийной картине.

При этом, важно понимать, что освещение выборов и политических событий в СМИ не является просто отражением реальности, но и активно формирует общественное мнение. Отсюда возникает необходимость глубокого анализа фреймов и нарративов, которые используются в медиа, чтобы понять, какие именно аспекты выдвигаются на передний план и как это влияет на восприятие событий обычными гражданами.

Таким образом, для более эффективного анализа медийного пространства Европы необходим комплексный подход, который бы учитывал как общие европейские тенденции, так и уникальные национальные контексты. Только такой подход позволит глубоко понять механизмы взаимодействия СМИ, политики и общества в современной Европе.

Современные исследования в сфере медийной коммуникации Европы выявляют сложное взаимодействие общих и уникальных национальных факторов, влияющих на формирование информационного пространства. Несмотря на тенденции глобализации и унификации медийных процессов, национальные особенности и культурные контексты продолжают играть ключевую роль в формировании медийной агенды. Еврокризис, как и другие глобальные события, стал зеркалом, в котором отразились как общие европейские вызовы, так и уникальные стратегии каждой страны в их преодолении.

Освещение политических событий и выборов в СМИ не только отражает реальные процессы, но и активно воздействует на формирование общественного мнения, что делает анализ медийного пространства особенно актуальным. Важность учета контекста, будь то экономический, политический или культурный, не может быть недооценена, так как именно он определяет специфику интерпретации событий и их восприятие обществом.

В завершение можно сказать, что для полного понимания медийной карты Европы необходим интегративный подход, объединяющий как качественные, так и количественные методы исследования, а также учитывающий как общие тенденции развития, так и уникальные национальные особенности каждой страны.

Пристатейный библиографический список

1. Salgado, S. (2019). Not all about trends: Persistent singularities in election news coverage. In S. Salgado (Ed.), *Mediated campaigns and populism in Europe* (pp. 165-184). Cham, Switzerland: Springer Nature.
2. Hantrais, L. (2009). *International comparative research. Theory, methods, and practice*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
3. Park, Y. J., Jang, S. M., Lee, H., & Yang, G. S. (2018). Divide in Ferguson: social media, social context, and division. *Social Media + Society*. doi:10.1177/2056305118789630
4. Sartori, G. (1970). Concept misformation in comparative politics. *The American Political Science Review*, 64 (4).
5. Vu, H. T., Jiang, L., Chacón, L. M. C., Riedl, M. J., Tran, D. V., & Bobkowski, P. S. (2018). What influences media effects on public perception? A cross-national study of comparative agenda setting. *International Communication Gazette*.
6. Powers, M., & Vera-Zambrano, S. (2018). The universal and the contextual of media systems: Research design, epistemology, and the production of comparative knowledge. *The International Journal of Press/Politics*, 23 (2), 143-160.
7. Jenson, J. (1978). Comment: The filling of wine bottles is not easy. *Canadian Journal of Political Science*, 11 (2), 437-446.
8. Salgado, S. (2014). *The internet and democracy building in Lusophone African Countries*. London, UK: Routledge.
9. Swanson, D. (2004). Transnational trends in political communication: Conventional views and new realities. In F. Esser & B. Pfetsch (Eds.), *Comparing political communication* (pp. 45-63). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

МИЩУК Анжелика Игоревна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СТЕПАНОВА Анна Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СЕЛИНА Татьяна Олеговна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГРИЩЕНКО Виолетта Викторовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДИНАМИКА ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА

В данном исследовании рассматривается комплексный анализ иммиграционной политики европейских стран, акцентируя внимание на взаимодействии между общественными настроениями и решениями на государственном уровне. Исследование выявляет основные факторы, определяющие направленность иммиграционной политики, а также рассматривает возможные вариации этой динамики в различных европейских странах. Особое внимание уделено роли европейских демократий в формировании и регулировании иммиграционных процессов на континенте.

Ключевые слова: иммиграция, Европа, общественное мнение, государственная политика, европейские демократии, регулирование, динамика, иммиграционный курс, межгосударственные отношения, глобализация.

MISHCHUK Angelika Igorevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

STEPANOVA Anna Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SELINA Tatyana Olegovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

GRISHCHENKO Violetta Viktorovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

THE DYNAMICS OF IMMIGRATION POLICY: THE RELATIONSHIP BETWEEN PUBLIC OPINION AND POLICY

This study examines a comprehensive analysis of the immigration policy of European countries, focusing on the interaction between public sentiment and decisions at the state level. The study identifies the main factors determining the direction of immigration policy, and also examines possible variations of this dynamics in various European countries. Special attention is paid to the role of European democracies in shaping and regulating immigration processes on the continent.

Keywords: immigration, Europe, public opinion, public policy, European democracies, regulation, dynamics, immigration policy, interstate relations, globalization.

В последние годы иммиграционная политика стала одним из центральных вопросов на европейской политической арене. Её ролевая значимость и резонанс в обществе выросли из-за многочисленных вызовов – от экономических до социокультурных. Цель данного анализа – исследовать, как общественное мнение и государственная политика взаимодействуют и влияют друг на друга в контексте иммиграции.

Общественное мнение обычно рассматривается как совокупность взглядов и мнений граждан на определенную тему. В демократических странах предполагается, что это мнение влияет на формирование политики. Однако, как показывают исследования, отношения между этими двумя составляющими сложны и многогранны [3].

Во-первых, общественное мнение не всегда однозначно. Оно может быть фрагментировано, меняться в зависи-

мости от социальных, экономических и политических обстоятельств.

Во-вторых, политики не всегда стремятся точно отразить общественное мнение в своих решениях. Они могут быть движимы иными интересами или убеждениями, или же просто считать, что лучше знают, что нужно стране.

Иммиграция в Европе стала актуальной темой, особенно после ряда миграционных кризисов в 2010-х годах. Общественное мнение делится: многие видят в иммигрантах угрозу для экономики и культурных ценностей, другие – воспринимают их как обогащение общества и необходимость для решения демографической проблемы.

Сложно говорить о единой иммиграционной политике в Европе, так как каждая страна имеет свои особенности, однако существует ряд общих тенденций. Например,

большинство стран ужесточило иммиграционные законы в ответ на возросший поток мигрантов.

На примере иммиграционной политики можно увидеть, как общественное мнение влияет на принятие решений. Так, рост антииммиграционных настроений в ряде стран привел к ужесточению иммиграционных законов, а также к успехам националистических и правых партий на выборах [6].

Однако важно понимать, что не всегда общественное мнение напрямую переводится в политические решения. Существуют и другие факторы, такие как экономическая ситуация, международные обязательства, внутренние политические дискуссии и др.

Измерение результатов иммиграционной политики в европейских демократиях представляет собой сложную задачу по двум причинам. Во-первых, в отличие от финансовых затрат, больше или меньше иммиграции не соответствует конкретным политическим позициям. В этом контексте считается, что иммиграция на основном уровне может рассматриваться как проблема общепринятой ценности. В таком случае общественное мнение сходится во мнении о желательном уровне иммиграции, и граждане оценивают действия политиков на основе их компетентности, а не через дихотомию «либо-либо». Несмотря на то, что такое мнение сегодня более распространено, чем в 1980-х, значительная часть граждан по-прежнему рассматривает иммиграцию в терминах идеологического разделения [8].

Во-вторых, анализируемые европейские демократии часто ограничены в возможностях формирования иммиграционной политики из-за участия в Едином европейском рынке. Это приводит к тому, что иммиграционные режимы в европейских демократиях относительно стабильны, что затрудняет анализ политики по англосаксонскому методу через бюджетные ассигнования или государственные расходы. Даже если бы данные о финансировании иммиграции были стабильно доступны, это не гарантировало бы отражения реальных политических позиций.

Текущее состояние данных об иммиграционной политике в Европе неудовлетворительно, особенно в сравнении с данными США. Большинство существующих баз данных имеют ограниченный географический или временной охват. Основываясь на работах Дженнинга (2009) и аналогичных исследованиях, мы опираемся на данные ОЭСР о потоке беженцев и соответствующем числе беженцев на тысячу человек населения как на показатель иммиграционной политики. Этот относительный показатель является прямым следствием оставшихся свобод в иммиграционной политике и указывает на выбор в пользу ограничительной или инклюзивной иммиграционной политики [10].

Мы учитываем ежегодный приток, а не общее число беженцев, так как последний показатель отражает более длительную политику. Исходя из социально-идентификационного подхода, существуют явные доказательства различного восприятия и обращения с иммигрантами и беженцами, поскольку они имеют разные происхождения и вызывают разные реакции у коренного населения. Это подчеркивает не только различное понимание обеих групп, но и уникальность предложенного показателя политики.

Обширное научное исследование предоставляет эмпирические данные о функционировании термостата. Оно, в частности, выявляет различия в динамике между разными странами и областями, а также определенную асимметрию между динамикой реакции общественности и политики. Однако к настоящему времени сохраняются как минимум три недостатка.

Во-первых, большинство исследований сосредоточено на англосаксонских странах, что делает сравнительный анализ в глобальном масштабе сложным. Во-вторых, многие эмпирические данные основаны на предпочтениях в области расходов и реальных затратах, что, хотя и дает ценную информацию о связи между политикой и общественным мнением, затрудняет полное понимание этой связи. В-третьих, большинство исследований фокусируется на экономических аспектах политики, хотя ранние исследования показали, что значимость проблемы играет важную роль, и политика во многом сводится к вопросу «кто получает что». Тем не менее, лишь немногие исследования анализируют термостат в социально и культурно значимых аспектах, что с 1980-х годов стало важной частью политики [5].

С учетом этих соображений мы рассматриваем идею иммиграционного термостата в европейском контексте. В данном исследовании мы рассматриваем реакцию общественности и политики отдельно, что приводит к ряду значимых выводов. Мы обнаружили, что общественность корректирует свои мнения о иммиграции в ответ на соответствующую иммиграционную политику. Мы находим обратную связь политики в области иммиграции по всей Западной Европе. В отличие от экономических интерпретаций термостата, мы также выявляем усиление антииммиграционных мнений со временем в ответ на рост уровня безработицы и снижение уровня ВВП на душу населения. Это подтверждает различия между относительными и абсолютными предпочтениями, даже в области иммиграции. Мы также отмечаем, что иммиграционная политика со временем следует за изменениями в иммиграционных взглядах. В общем и целом, это подтверждает, что граждане получают то, что хотят. Другими словами, существуют ясные доказательства реактивности политики в области иммиграции по всей Европе. Этот сигнал политики в первую очередь исходит непосредственно от граждан, и в меньшей степени через выборы и действующих политиков. Несмотря на это, существует определенное удивление, поскольку все больше ученых указывают на демократический разрыв между общественностью и элитой и так называемый «демократический дефицит» в современной политике [4].

Взаимодействие между спросом и предложением в систематическом контексте позволяет глубже понять демократическую природу политической системы, подчеркивая реализацию демократических принципов в области иммиграции на европейском континенте. Мы можем говорить о термостате иммиграции в Европе, когда граждане передают свои сигналы о иммиграции законодателям, которые, в свою очередь, учитывают их при принятии решений. Эти иммиграционные политики становятся входящими сигналами для граждан при формировании их мнения о иммиграции. Этот обратный сигнал означает, что более

жесткие (или либеральные) политики влияют на антииммиграционное настроение. Однако стоит отметить, что взаимодействие между общественным мнением и политикой не идеально, так как политика быстрее реагирует на изменения, чем общественное мнение. Такая асимметрия является нормой и указывает на обычные недостатки в реализации демократии.

Очевидно, что данный анализ является лишь начальным этапом в погружении в понимание функционирования иммиграционного термостата и его воздействия на демократические процессы в европейских демократиях. Из ранее изученных источников нам известно, что термостат может демонстрировать различия в ответах общественности и политике в разных странах. Например, это уже заметно из различий между отдельными областями и странами в группе англосаксонских государств, исследованных Сорокой и Влезием (2010). Следующим этапом анализа станет детальное рассмотрение результатов на международном уровне, чтобы глубже исследовать вариации внутри Европы. Это даст представление о том, как определенные институциональные и политические динамики связаны с взаимосвязью между политикой и общественным мнением. Для некоторых стран также может быть возможно рассмотреть разные показатели политики, чтобы получить более глубокие и всесторонние знания о динамике иммиграции [11].

Исследование взаимодействия общественного мнения и иммиграционной политики в Европе показывает сложность и многогранность этой связи. Общественное мнение играет ключевую роль, но не является единственным фактором, определяющим политические решения. Для глубокого понимания этой динамики необходимо учитывать широкий спектр внутренних и внешних факторов.

В ходе исследования было установлено, что отношение между общественным мнением и иммиграционной политикой в Европе характеризуется сложной и многогранной динамикой. Общественное мнение, безусловно, играет ключевую роль в формировании политических решений, однако это далеко не единственный фактор, оказывающий влияние на политический курс. Различные экономические, социокультурные и международные аспекты также вносят свой вклад в процесс принятия решений. Для более глубокого и всестороннего понимания этой взаимосвязи, будущие исследования должны учитывать множество факторов и вариабельность в разных европейских странах. Только комплексный подход позволит эффективно реагировать на вызовы иммиграционной политики в условиях глобализации.

Пристатейный библиографический список

1. Ивахнюк И. В. Предложения к миграционной стратегии России до 2035. - Москва: Центр стратегических разработок, 2017.
2. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Президентом РФ 13 июня 2012 г.
3. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. - Москва: Наука, 1987.

4. Wlezien C. Public opinion and policy representation: On conceptualization, measurement, and interpretation // *Policy Studies Journal*. - 2017. - № 45 (4). - P. 561-582. <https://doi.org/10.1111/psj.12190>.
5. Statham P., & Geddes A. (2006). Elites and the 'organised public': Who drives British immigration politics and in which direction? // *West European Politics*. - 2006. - № 9 (2). - P. 248-269. <https://doi.org/10.1080/01402380500512601>.
6. Welzel, C. (2013). *Freedom rising: Human empowerment and the quest for emancipation*. Cambridge University Press.
7. Stimson J. A. The dyad ratios algorithm for estimating latent public opinion. *Bulletin of Sociological Methodology* // *Bulletin de Méthodologie Sociologique*. 2018. 137-138(1), 201-218. <https://doi.org/10.1177/0759106318761614>.
8. Van Hauwaert S. M., & English P. Responsiveness and the macro-origins of immigration opinions: Evidence from Belgium, France, and the UK // *Comparative European Politics*. - 2019. - № 17 (6). - P. 832-859. <https://doi.org/10.1057/s41295-018-0130-5>.
9. Stokes, D. Spatial models of party competition // *American Political Science Review*. - 1963. - № 57 (2). - P. 368-377. <https://doi.org/10.2307/1952828>.
10. Soroka S. N., & Wlezien C. Opinion-policy dynamics: Public preferences and public expenditure in the United Kingdom // *British Journal of Political Science*. - 2005. - № 35 (04). - P. 665-689. <https://doi.org/10.1017/S0007123405000347>.
11. Wlezien C. (1995). The public as thermostat: Dynamics of preferences for spending // *American Journal of Political Science*. - 1995. - № 39 (4). - P. 981-1000. <https://doi.org/10.2307/2111666>.

БРЕДИХИН Антон Викторович

кандидат исторических наук, старший преподаватель Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

СОРОКОУМОВ Егор Алексеевич

магистрант Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

«НОВЫЕ МЕДИА» В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Современные политические конфликты все более активно используют средства массовой информации и коммуникации. Благодаря стремительному развитию интернет-технологий современный мир изменил систему и скорость распространения информации, выдвигая «новые медиа» (электронные СМИ, блоги, новостные интернет-агрегаторы, социальные сети, мессенджеры и другие) на ведущее положение в современной системе массовой и политической коммуникации.

Ключевые слова: информационное общество, новые меди, политические конфликты, социальные сети.

BREDIKHIN Anton Viktorovich

Ph.D. in historical sciences, senior lecturer of the M. V. Lomonosov Moscow State University

SOROKOUMOV Egor Alexeevich

magister student of the M. V. Lomonosov Moscow State University

“NEW MEDIA” IN THE SYSTEM OF POLITICAL CONFLICTS

Modern political conflicts are increasingly using mass media and communications. Thanks to the rapid development of Internet technologies, the modern world has changed the system and speed of information dissemination, pushing “new media” (electronic media, blogs, Internet news aggregators, social networks, messengers and others) to a leading position in the modern system of mass and political communication.

Keywords: information society, new media, political conflicts, social networks

Социальные медиа основаны на концепции Web 2.0, позволяющей пользователям создавать и обмениваться контентом с учетом их интересов и социальных связей. Суть концепции Web 2.0 заключается в том, что пользователи Интернета могут активно участвовать в создании контента, выступая не только в роли потребителей информации в Сети, но и в качестве ее производителей. Такие социальные медиа, как Facebook (социальные сети Instagram и Facebook запрещены на территории РФ, Компания Meta признана экстремистской на территории РФ), Twitter, YouTube и многие другие, функционируют на основе этого принципа, предоставляя возможность пользователям вносить изменения в контент. Именно поэтому «новые медиа» стали играть важную роль в современных политических процессах и конфликтах.

Современные политические конфликты развиваются и в информационном пространстве, преимущественно на самых популярных площадках (YouTube, Twitter, Facebook). По данным 2023 г. 64,4 % мирового населения имеют доступ в интернет. Люди сегодня проводят в соцсетях больше времени, чем когда-либо. Facebook занимает первое место в мировом рейтинге по активной аудитории платформы. Данные YouTube свидетельствуют о том, что ежемесячно на платформу заходят более 2 миллиардов пользователей. Instagram заявляет о 2 миллиардах активных пользователей в месяц. TikTok занимает шестое место в мировом рейтинге соцсетей. Telegram занимает седьмое место, опережая Twitter.

Согласно исследованию ВЦИОМ, 86 % россиян, пользующихся хотя бы одной социальной сетью или мессендже-

ром, проводят в них время практически ежедневно; среди молодежи 18-34 лет доля ежедневных пользователей близка к абсолютной (18-24 лет – 92 %, 25-34 лет – 94 %). Регулярные пользователи социальных сетей и мессенджеров с коммуникационным функционалом (ВКонтакте, Telegram, Одноклассники и пр.) в среднем тратят на них 272 минуты или 4,5 часа в день. Больше всего времени в сети пользователи проводят во ВКонтакте – 129 минут в сутки. На втором и третьем месте TikTok и Telegram – 125 и 123 минуты соответственно.

Учитывая масштаб аудитории «новых медиа», участниками информационного противоборства и носителями определенного типа информации может стать практически любой пользователь. Масштаб распространения информации придает «новым медиа» особую роль в развитии политических конфликтов.

Информация, как важнейший инструмент политической власти, в информационном обществе обретает особый характер. Сегодня, для сбора информации активно используются сетевые алгоритмы. Политическая кампания современного политика, преимущественно разворачивается в социальных сетях, а затем проводится мониторинг общественной реакции. То же справедливо и для любых политических процессов, разворачивающихся в информационном пространстве. Алгоритмы сбора данных собирают огромное количество информации о пользователях ресурса, обрабатывают их, а затем используют полученный результат для

Бредихин А. В.

Сорокоумов Е. А.

сортировки и ранжирования контента для пользователя. Подобные алгоритмы используются во всех крупных социальных сетях.

Данный механизм используется и для продвижения политической повестки, поддерживаемой каким-либо сервисом. Кроме того, в результате работы алгоритмов создаются замкнутые информационные системы (информационные пузыри, или «эхо-камеры»), основанные на предпочтениях пользователей, которые культивируют определенные взгляды и убеждения, ограничивая проникновение в данную систему альтернативной информации. Данный феномен, также, опасен формированием замкнутых и обособленных групп, враждебным по отношению к другим группам и источникам информации – интернет-племен, или трайбов. Сетевые алгоритмы, таким образом, приводят к догматизации взглядов сообществ, их радикализации и росту конфликтности в обществе, через рост межгрупповой, и как следствие, общественной напряженности.

Современные медиамонполии получают практически безграничные экономические и политические возможности благодаря тотальному надзору за каждым человеком, благодаря повсеместному распространению интернета и активному вовлечению все большего количества людей в использование сетевых сервисов.

«Новые медиа» интегрируются в систему осуществления информационной политики государств, становятся важнейшим инструментом политического влияния, и осуществления как внутренней, так и внешней политики. Учитывая нестабильное состояние международного политического пространства, данные инструменты становятся все более агрессивными, утрачивают свою интерактивную составляющую, трансформируются в коммуникационном аспекте.

С момента начала СВО стороны конфликта начали активное противостояние в информационном пространстве. Оно началось еще до начала крупномасштабного военного конфликта, однако обрело поистине гигантский размах вскоре после начала боевых действий. Основными платформами для ведения информационного противостояния выступили Telegram, Youtube, Facebook, Twitter и т.п. Учитывая, что крупнейшие «новые медиа» преимущественно принадлежат транснациональным корпорациям из США, где и расположены сервера данных сервисов, целевой аудиторией выступают граждане стран Северной Америки и Европы, активно поддержавшие Украину в данном конфликте, информационная политика (поощрение или препятствие в распространении информации, а также другие виды регуляторной деятельности) данных сервисов была преимущественно направлена на поддержку украинской стороны конфликта, освещение событий проукраинскими источниками и создание позитивного образа данного государства; критическое отношение к России, ограничение и контроль распространения информации, освещающих точку зрения на конфликт с позиции РФ, реже прямая цензура.

Тем не менее, нельзя сказать, что информационная борьба обретает однобокий характер, ведь до сих пор именно этими площадками активно пользуются представители и проукраинской и пророссийской стороны, пытаясь дискредитировать друг друга и оказать влияние на мировое сообщество. Государственные чиновники, официальные представительства и обычные граждане активно пользуются социальными сетями, такими как Telegram, Youtube, Twitter, TikTok, Facebook. Масштаб информации, поступающий на данные площадки и посвященный конфликту, огромен.

Одним из основных площадок для информационной борьбы стал Telegram. С момента начала СВО число российских подписчиков мессенджера увеличилось на 48 %. В Telegram активно публикуются как российские СМИ и спикеры, так и украинские. Кроме того, Telegram использовался для координации действий среди гражданского населения. Распространяется дезинформация о пленных и погибших военнослужащих. Многие авторитетные западные СМИ охарактеризовали данный конфликт как крупнейшее информационное противостояние в рамках военного конфликта.

Как уже было сказано, крупнейшие медиакорпорации, на площадках которых преимущественно проходит информационное противостояние, склонны фильтровать информацию и модерировать процесс политической коммуникации в соответствии с западной политической повесткой. Западные страны активно поддерживают Израиль в Арабо-Израильском конфликте уже многие десятилетия. Конфронтация между ХАМАС и ЦАХАЛ также была встречена активной информационной поддержкой Израильской стороны.

На основании изложенного переходим к выводам.

Во-первых, через «новые медиа» сегодня преимущественно оказывается политическое влияние на пользователей какого-либо сервиса. Медиа ресурсы становятся одним из ключевых инструментов в информационном и психологическом воздействии на пользователей, ведения политической агитации и пропаганды, формирования общественного мнения в целом. «Новые медиа», как один из инструментов информационного влияния, также приобретает особый характер в системе реализации информационной политики.

Во-вторых, СМИ и «новые медиа» становятся ключевыми факторами информационных войн в настоящем мире, особенно в рамках политических конфликтов, которые сегодня обрели характер вооруженных столкновений в Секторе Газа и Украине. Участники конфликта используют медиа для оказания информационного давления на аудиторию платформы, манипулирования общественным сознанием и формирования образа конфликта через информационные кампании.

В-третьих, влияние СМИ и «новых медиа» на современные конфликты носит значительный характер. Любой политический конфликт следует рассматривать в информационном контексте. Они играют важную роль в информационной войне и являются неотъемлемой частью современных конфликтов.

Пристатейный библиографический список

1. Гераскин И. И. Медиакорпорации в современных политических процессах: технологии и ресурсы влияния // Politbook. - 2021. - № 3. - С. 151-166.
2. Дмитриев С. С. Цифровая мобилизация: новые механизмы и возможности политического управления // Управленческое консультирование. - 2021. - № 2. - С. 18-25.
3. Кинаш Ю. С. Возможности информационных технологий в современных политических конфликтах (на примере конфликта в Ливии 2011 г.) // Politbook. - 2017. - № 3. - С. 172-183.
4. Разрыв гегемонии: новое исследование строительства международного порядка и системы глобального управления в новую эпоху / Под общей редакцией кандидата исторических наук Бредихина Антона Викторовича. - М.: АНО ЦЭМИ, 2023. - 126 с.

МАКАЕВ Ханиф Фахретдинович

доцент кафедры иностранных языков Института международных отношений Казанского федерального университета

МАКАЕВА Гузаль Зайнагиевна

доцент кафедры иностранных языков Института экономики и управления Казанского государственного архитектурно-строительного университета

ИБАТУЛИНА Люция Мунировна

старший преподаватель кафедры иностранных языков Института международных отношений Казанского федерального университета

ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Стремительное развитие всех сфер общества, юридической в том числе, приводит к росту обмена научной информацией и к востребованности ее адекватного перевода. Этот факт вызывает необходимость определения эффективных методов перевода как отдельного вида переводческой деятельности. Следовательно, появляется необходимость применять разные виды переводческих трансформаций при переводе юридических текстов для избегания контекстных несоответствий единиц переводимого языка и языка первоисточника. В работе рассматриваются лексические, грамматические и комплексные трансформации, используемые при переводе юридических текстов. Методами исследования явились анализ, сопоставление и поиск. Выявлены наиболее часто используемые виды трансформаций при переводе текстов юридической сферы. Результаты работы могут быть использованы преподавателями, лингвистами, переводчиками, студентами переводческих специальностей.

Ключевые слова: переводческая трансформация, виды трансформаций, студент, метод, обучение, язык.

MAKAYEV Khanif Fakhretdinovich

associate professor of Foreign languages sub-faculty of the Institute of International Relations of the Kazan Federal University

MAKAYEVA Guzal Zaynagievna

associate professor of Foreign languages sub-faculty of the Institute of Economics and Management of Kazan State University of Architecture and Engineering

IBATULINA Lyutsiya Munirovna

senior lecturer of Foreign languages sub-faculty of the Institute of International Relations of Kazan Federal University

TRANSFORMATIONS IN TRANSLATING LEGAL TEXTS FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

The rapid development of all spheres of society, including legal, leads to an increase in the exchange of scientific information and to the demand for its adequate translation. This fact raises the need to determine effective translation methods as a separate type of translation activity. Consequently, there is a need to apply different types of translation transformations when translating legal texts to avoid contextual inconsistencies between the units of the target language and the language of the original source. The work examines lexical, grammatical and complex transformations used in the translation of legal texts. The research methods were analysis, comparison and search. The most frequently used types of transformations when translating legal texts have been identified. The results of the work can be used by teachers, linguists, translators, and students of translation specialties.

Keywords: translation transformation, types of transformations, student, method, teaching, language.

Перевод текста с иностранного языка всегда сопровождается трудностями на пути переводчика, так как должны быть учтены все тонкости переводимого языка. Задача переводчика - прочувствовать стиль текста, передать все нюансы переводимого материала без искажения мысли первоисточника, разбираться в значениях и методах перевода. Один из самых сложных видов перевода – перевод терминов и оборотов переводимого языка, требующих, например, описательного метода перевода, когда не имеется аналога в переводящем языке, и для адекватной передачи материала на другом языке необходимы лингвистические и специальные знания. Перевод юридических текстов – это перевод текстов юридической тематики: документов различных специализаций, всевозможной справочной литературы, словарей, инструкций, планов, научных статей, деловых документов и других видов документации [1]. Перевод юридических текстов должен осуществляться без нарушения основного принципа юридического языка – точности и ясности изложения.

Следует отметить, что специалисты в области лингвистики выделяют свои классификации переводческих трудностей и ошибок, включающие лексические, грамматические и смысловые. Например, Г. М. Стрелковский и Л. К. Латышев отмечают смысловые искажения, неточности и нормативные недочеты [2]. Искажения – это ошибки, меняющие смысл фразы и передающие неправильную информацию читателю из-за неадекватного использования терминологии вследствие искаженной логики изложения или дословного перевода и т.д.

Перевод юридического текста, как и текстов других областей, является сложной задачей, которая требует не только знаний языков, но и знаний по специализации рассматриваемой области. Имеется ряд проблем, с которыми сталкиваются

переводчики, по достижению терминологической точности, ясности и лаконичности перевода, а также сохранению стиля и структуры оригинала.

Первая проблема связана с терминологическими различиями между языками. Необходимо точно перевести термины и определения, чтобы сохранить смысл оригинального текста. Недостаточное знание специализированной терминологии может привести к неточности понимания, соответственно, неправильному переводу.

Вторая проблема связана с ясностью и лаконичностью перевода. Юридические тексты, как правило, содержат множество терминов и специфических выражений, которые могут быть непонятными для неспециалистов. Переводчик должен убедиться, что перевод сохраняет ясность и лаконичность, не утратив при этом точности перевода.

Третья проблема связана с сохранением стиля и структуры оригинала. Юридические тексты имеют свой уникальный стиль, который часто сложно сохранить в переводе. Переводчик должен понимать, как построены предложения и их части в оригинале, чтобы сохранить их в переводе, когда это необходимо.

Таким образом, перевод юридических текстов требует высокой профессиональной компетенции и знаний в данной области знаний. Переводчик должен быть внимательным к деталям для сохранения точности и ясности перевода. Он также должен быть в состоянии сохранить стиль и структуру оригинала, чтобы перевод был максимально близким к оригиналу.

Очень много специалистов в области перевода и лингвистики задавались вопросом определения понятия “переводческие трансформации”. Среди них можно выделить таких ученых, как Л. С. Бархударов, В. Н. Комиссаров, Т. А. Казакова,

Л. К. Латышев, И. С. Алексеева, Я. И. Рецкер и других. Согласно Бархударову Л. С. "переводческие трансформации – это те многочисленные и качественно разнообразные преобразования, которые осуществляются для достижения переводческой эквивалентности перевода вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков" [3].

Эффективность перевода зависит от правильного выбора способа его осуществления. Рассмотрим такие способы перевода юридических текстов, как лексическая, грамматическая и комплексная трансформация.

Под лексическими трансформациями подразумевается способ перевода нестандартных лексических единиц, обеспечивающий переход от лексических единиц первоисточника к лексическим единицам переводимого языка при невозможности использования регулярных соответствий в определенном контексте. К нестандартным лексическим единицам относятся

- 1) научно-техническая терминология;
- 2) специальная лексика;
- 3) имена собственные и т.д.

Такие слова очень распространены в области перевода научных текстов. В связи с тем, что наука не стоит на месте, возникают новые термины, а также их определения, не существующие в терминологических словарях. При условии, что нет соответствующего эквивалента, специалист прибегает к помощи лексической трансформации.

Результаты анализа текстов для перевода показали, что в юридических текстах наибольшей частотностью обладают лексические трансформации, что обусловлено языковыми особенностями как переводящего языка, так и языка первоисточника. Прием лексических добавлений достаточно распространен в переводческой практике. Он используется, когда необходимо выразить подразумеваемые элементы в оригинале с помощью добавления слов: *A capture usually occurred legally. – Процесс захвата обычно происходил с соблюдением закона.* В данном примере по контексту необходимо было при переводе основной упор делать на деталях процесса поимки, а также соотносить каждую деталь процесса с определенными элементами закона.

При осуществлении лексических трансформаций используется так называемая модуляция, при которой важно сохранить логическую связь и определить причинно-следственные отношения в слове или словосочетании переводимого языка и передать их соответствующими лексическими единицами в переводимый язык. Ниже приведены случаи использования данной трансформации на примерах материала юридического текста: *But this is to be remembered that no case is known to us completely. – Однако следует помнить, что мы не располагаем исчерпывающими знаниями ни по одному из судебных дел.*

Рассмотрим использование приемов конкретизации и генерализации в текстах юридической направленности. Как известно при использовании конкретизации необходимо подбирать лексические единицы с более узким значением в языке перевода, при этом должна сохраняться логическая связь. Например, *These capture mechanisms are basically a dynamic picture that how a capture is carried out. – По сути, механизмы поимки отражают динамику проведения операции.* В английском языке при переводе глагола *to be* наиболее часто прибегают к такой переводческой трансформации, как конкретизация, поскольку его значение настолько обширно, что реализуется в зависимости от контекста. В данном случае выбор глагола «отражать» является контекстуально целесообразным.

Кроме рассмотренных способов перевода существуют другие, которые следует применять в переводческой деятельности: чаще всего используются различного рода грамматические замены (грамматическая замена формы слова, части речи, членов предложения и типа предложения), реже всего встречается прием дословного перевода

Под грамматической трансформацией подразумевается изменение структуры предложения в процессе переводческой деятельности в соответствии с нормами языка перевода. Трансформация бывает полной и частичной (в зависимости от изменения структуры предложения полностью или частично). Замена главных членов предложения – полная трансформация; второстепенных членов предложения – частичная. Также помимо замены членов предложения возможна замена частей речи, что, как правило, происходит одновременно.

Отметим, что рассматриваемая трансформация обладает рядом вариаций: грамматическая замена формы слова, которая представляет собой изменение времени, совершенного и несовершенного вида у глаголов, наклонения, залога, числа,

степени сравнения, падежа (у существительных и прилагательных). Часто происходит замена пассивного залога активным: *this is to be analyzed ... – следует проанализировать ...*

Рассмотрим способ замены типов предложения: *следственный эксперимент был проведен, чтобы понять детали ограбления – an investigative experiment was carried out to understand in details how the robbery was committed.* В данном примере придаточное предложение было заменено именем существительным во избежание дословного перевода с использованием разговорного стиля и в связи с проявлением стилистической особенности текста. По тем же причинам прямой вопрос – *Then how do we consider the motives of robbery?* – был заменен косвенным – *Возникает вопрос о том, как же нам рассматривать мотивы грабежа.* В результате произошла замена вопросительного предложения на повествовательное.

Комплексные трансформации при переводе рассматриваемых нами текстов представлены такими разновидностями, как контекстуальная замена, компенсация (адекватная замена, целостное преобразование), функциональная замена, экспликация (описательный перевод). Функциональная замена представляет собой способ передачи грамматических или смысловых функций в тексте. Как правило, данный прием перевода применяется при необходимости перевести языковую единицу, категориальные значения которой отсутствуют в переводящем языке. Интересен случай перевода артикля, грамматического явления, которые отсутствуют в русском языке, например *A group could depart from the operation zone. – В ходе операции определенная группа могла покинуть зону операции.*

Что касается контекстуальных замен, то они представляют варианты перевода, подходящие исключительно в рамках конкретного контекста [4]. Наиболее яркими примерами могут быть: *You can understand that the area of capture operation is so vast that to frame it within a small jurisdiction will be impossible and a foolish job. – Очевидно, что территория операции по захвату настолько обширна, что представляется невозможным и нецелесообразным охватить весь объем в рамках небольшой статьи.*

Итак, перевод специальных текстов юридической сферы – это сложный процесс, для выполнения которого требуется высокая квалификация переводчика и совершенное владение научным языком и языком специальной юридической литературы. Эквивалентность и адекватность перевода может быть достигнута на стилистическом, лексическом, грамматическом и семантическом уровнях, для достижения чего требуется умение осуществлять многочисленные переводческие трансформации [5]. Результаты анализа юридических текстов с точки зрения их перевода показали, что в них наибольшей частотностью обладают лексические трансформации. Среди лексических трансформаций чаще всего при переводе используется прием калькирования и реже всего – генерализацию. Грамматические замены являются второй по популярности категорией и представлены третью единиц от общего числа проанализированных примеров. Они используются, когда необходимо преобразовать грамматическую единицу оригинала в единицу переводящего языка, не искажая содержание оригинала. Часто используются различного рода грамматические замены (грамматическая замена формы слова, части речи, членов предложения и типа предложения) и реже встречается прием дословного перевода. Особого внимания заслуживают также комплексные трансформации, требующие опыта, знаний и навыков переводчика.

Пристатейный библиографический список

1. Гредина И. В. Перевод в научно-технической деятельности: учебное пособие. - Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2010.
2. Стрелковский Г. М., Латышев Л. К. Научно-технический перевод: пособие для учителей нем. яз. - Москва: Просвещение, 1980.
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод [Текст]. - М.: Международные отношения, 1975.
4. Макаев Х. Ф., Макаева Г. З. Учет семантических различий и многовариантности перевода отдельных компонентов многокомпонентных юридических терминов в русском и английском языках // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 10 (149). - С. 442-443.
5. Макаев Х. Ф., Макаева Г. З. Учет образования, дефиниций и перевода терминов юридической сферы как залог их соответствующего употребления // Евразийский юридический журнал. - 2018. - № 11. - С. 345-347.

СЁМИН Александр Николаевич

академик РАН, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики и внешнеэкономической деятельности Уральского государственного экономического университета

ГУСМАНОВ Расул Узбекович

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Башкирского государственного аграрного университета

СУБХАНГУЛОВ Рустем Раисович

кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России

К ПРОБЛЕМАМ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ОТРАСЛЕЙ РЕСУРСНОГО ТИПА

В статье рассматриваются проблемные вопросы по формированию инновационного потенциала на примере отраслей ресурсного типа – сельского и лесного хозяйства. Рассмотрены проблемы, влияющие на привлечение инноваций в производство, от традиционного уклада до финансовых возможностей организаций. Проанализированы возможности применения иностранных и заимствованных инновационных продуктов с учетом введенных санкций. Предложена модель государственно-частного партнерства научного кластера на примере региона.

Ключевые слова: инновация, инновационный потенциал, сельское хозяйство, регион, кластер.

SEMIN Alexander Nikolaevich

Academician of the Russian Academy of Sciences, Ph.D. in economical sciences, professor, professor of World economy and foreign economic activity sub-faculty of the Ural State Economic University

GUSMANOV Rasul Uzbekovich

Ph.D. in economical sciences, professor, professor of Economics and management sub-faculty of the Bashkir State Agrarian University

SUBKHANGULOV Rustem Raisovich

Ph.D. in economical sciences, associate professor, Head of Management in internal affairs bodies sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ON THE PROBLEMS OF FORMING THE INNOVATIVE POTENTIAL OF RESOURCE-TYPE INDUSTRIES

The article examines problematic issues in the formation of innovative potential using the example of resource-type industries – agriculture and forestry. The problems affecting the attraction of innovations into production, from the traditional way of life to the financial capabilities of organizations, are considered. The possibilities of using foreign and borrowed innovative products taking into account the imposed sanctions are analyzed. A model of public-private partnership for a scientific cluster is proposed using the example of a region.

Keywords: innovation, innovative potential, agriculture, region, cluster.

Ценообразование на товары зависит от разных факторов и условий, к основным, как правило, можно отнести производство, логистика и ценовой демпинг, который используется продавцом для конкуренции на рынке с аналогичными предложениями.

На производство товаров влияет возможность производителя извлекать прибыль именно от финансово-хозяйственной деятельности, а не от перепродажи. При равных предложениях цены на рынке выигрывает тот, кто может предложить товар с минимальными издержками, что достигается за счет применения ресурсосберегающих технологий или повышения производительности труда. Применение ресурсосберегающих технологий или техники позволяющей повысить производительности труда возможно за счет внедрения инноваций. Поэтому главным вопросом в повышении экономической эффективности производства и увеличения экономического роста региона, страны становится доступность инноваций. Необходимо отметить, что наша страна представлена разными регионами, у которых свои как финансовые и научные возможности по созданию ус-

ловий для доведения инноваций до товаропроизводителя. Особенно интересно то, что возможности для реализации научно-технического потенциала представлены как правило, в крупных мегаполисах, где имеется промышленная основа для создания инноваций. В свою очередь село, в котором земля и территория является главным фактором производства, а сельский уклад – это основа существования не может привлечь инновации по причинам, как дороговизны ноу-хау, так и наличием традиционного уклада жизни, в котором сельский труд, это бремя, а не способ заработка [1]. Влияние данных условий на селе не всегда позволяет приобрести ресурсосберегающую технологию или технику, лишь модернизируя существующее производство, что в свою очередь не дает возможности увеличить извлечение прибыли. Отсутствие необходимого набора техники и должного уровня технологий влияет на производительность труда и как следствие сокращение масштабов производства.

Особенностью инноваций для потребителя является то, что, во-первых, есть альтернатива в существующих механизмах и машинах, которые финансово доступны; во-вторых,

инновации стоят дорого; в-третьих, для использования инноваций их потребителю необходимы новые знания и компетенции; в-четвертых, существующую технологию проще модернизировать, чем ее полностью заменить на инновационную.

Проблема села в привлечении инноваций заключается в том, что производимая продукция имеет небольшую добавленную стоимость. В таких отраслях как сельское и лесное хозяйство из-за сложности получения высокой добавленной стоимости формируются производства ресурсного типа по причине неэффективного товарообмена между участниками рынка. Сельскохозяйственный товаропроизводитель испытывает трудности в формировании товара и выводе его на рынок из-за существующих санитарно-эпидемиологических требований, отсутствию мощностей в переработке произведенной продукции и логистики «до потребителя», условиями договоров по реализации товара в торговых сетях, поэтому он вынужден реализовывать сырье.

Отставание села от города в применении инновационной продукции компенсируется заимствованными иностранными технологиями. Иностранные инновации не всегда эффективны, по причине того, что не учитывают наши условия производства, начиная от природно-климатических до менталитета работников. В период действия санкций многие высокопроизводительные технологичные производства и техника были подвержены тому, что ее обслуживание либо прекратилось или увеличилась ее стоимость по сравнению с отечественными аналогами, а сами производители или поставщики ушли с нашего рынка. Свободная ниша на рынке была занята представителями компаний из Китая и Индии, что вызвало нехватку качественных компонентов и запасных частей для обслуживания инновационной продукции.

Задача государства в преодолении разницы в уровне жизни между городом и деревней является основной для нашей необъятной Родины решение которой основывается на создании условий для возможности развития коммерциализации научных изысканий. Санкции подтолкнули к тому, чтобы создать связь между наукой и потребностями предпринимательства в инновационных отечественных продуктах на основе импортозамещения, что обусловлено потребностью в укреплении формирования инновационного потенциала как отрасли, так и региона. К основным проблемам формирования инновационного потенциала такой отрасли как сельское хозяйство можно отнести:

отсутствие проработанных финансовых механизмов в приобретении дорогостоящих инноваций коммерческими финансовыми учреждениями. Как правило лишь государство участвует в финансировании приобретения высокопроизводительной техники сельскохозяйственными товаропроизводителями, за счет покрытия расходов в виде субсидий;

отсутствие конкуренции по представленным инновационным продуктам;

информационный вакуум о проверенных и «работающих» инновациях;

малая доля предпринимателей, которая осуществляет предпринимательскую деятельность в создании инноваций,

как правило это образовательные учреждения или научно-исследовательские институты.

Решение указанных проблем возможно на объединении усилий регионов и коммерческих финансовых структур при поддержке государства в виде кластера по развитию отрасли, например, как китайская Кремниевая долина – технопарк «Чжунгуаньцунь». Разделение отраслей на наукоемкие или низкорентабельные не совсем верно. В сельском хозяйстве вторая сфера – это производство средств производства и предметов труда, т.е. производство комбайнов, химикатов и прочего которое является наукоемким, что также возможно за счет создания научного кластера объединяющего ряд регионов. Процесс создания инновационных продуктов «с нуля» для организаций неэффективен тем, что, во-первых, подготовка научных кадров затратный процесс и долгий по времени. Во-вторых, для потенциальных потребителей инноваций, научные разработки недоступны по ценовому критерию. Эффективность объединения государства, коммерческих финансовых структур и организаций, создающих научные знания достигается за счет государственно-частного партнерства, на горизонтальном уровне за счет системы подготовки кадров, вертикальном – создании условий для коммерциализации инноваций.

Создание инновационного кластера позволит оптимально использовать ограниченные ресурсы, а государственно-частное партнерство усовершенствовать подходы к формированию инновационного рынка.

Пристатейный библиографический список

1. Субхангулов Р. Р. Актуальные проблемы формирования инновационного потенциала региона // Московский экономический журнал. - 2019. - № 12. - С. 28.

АЛИЕВА Зульфия Магомедовна

кандидат экономических наук, старший преподаватель Дагестанского гуманитарного института (филиала) Академии труда и социальных отношений

ТАИЛОВА Айша Габибовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических дисциплин Дагестанского государственного университета, филиал в г. Избербаш

ИБРАГИМОВ Мурад Татамович

старший преподаватель Дагестанского гуманитарного института (филиала) Академии труда и социальных отношений

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ НЕРАВЕНСТВОМ ДОХОДОВ И ЭКОНОМИЧЕСКИМ РОСТОМ

Для достижения экономического роста политики пересматривают свои решения. Утверждается, что политика государства, направленная на снижение неравенства доходов, эффективно способствует долгосрочному устойчивому росту. С другой стороны, теоретические и эмпирические исследования влияния неравенства доходов на экономический рост являются относительно новыми. Экономисты все больше обращают внимание на связи между этими переменными. Несколько исследований предсказывали, что влияние неравенства доходов на экономический рост будет положительным. Ранние исследования пришли к выводу, что неравенство доходов способствует экономическому росту путем увеличения сбережений. Исследование, проведенное в статье, предоставит более полное объяснение того, как возникает отношение между неравенством доходов и экономическим ростом.

Ключевые слова: неравенство доходов, экономический рост, увеличение сбережений, теоретические взаимосвязи, социально-политическая нестабильность.

ALIEVA Zulfiya Magomedovna

Ph.D. in economical sciences, senior lecturer of the Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations

TAILOVA Aisha Gabibovna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal disciplines sub-faculty of the Dagestan State University, branch in Izberbash

IBRAGIMOV Murad Tatamovich

senior lecturer of the Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations

THE RELATIONSHIP BETWEEN INCOME INEQUALITY AND ECONOMIC GROWTH

In order to achieve economic growth, politicians are reconsidering their decisions. It is argued that government policies aimed at reducing income inequality effectively contribute to long-term sustainable growth. On the other hand, theoretical and empirical studies of the impact of income inequality on economic growth are relatively new. Economists are increasingly paying attention to the connections between these variables. Several studies have predicted that the impact of income inequality on economic growth will be positive. Early research concluded that income inequality contributes to economic growth by increasing savings. The research conducted in the article will provide a more complete explanation of how the relationship between income inequality and economic growth arises.

Keywords: income inequality, economic growth, increase in savings, theoretical interrelations.

Справедливое и устойчивое экономическое и социальное благосостояние является одной из целей макроэкономических политик. В этой связи первоочередная цель политики макроэкономической стабилизации заключается в достижении устойчивого экономического роста, особенно в свете его критической роли в снижении глобальной бедности. Пока политики не смогут достичь устойчивых целей экономического роста, они пересматривают свои решения в отношении этих целей. С другой стороны, утверждается, что политика, направленная на снижение неравенства доходов, эффективно способствует долгосрочному устойчивому росту.

Теоретические выводы между этими переменными являются значимыми для рекомендаций политики, поскольку поощрение экономического роста и обеспечение справедливого распределения доходов стоят в центре компромисса между эффективностью и справедливостью, который формирует дискуссии о политике во многих странах. Поэтому необходимо тщательно изучить и понять теоретические взаимосвязи между соответствующими переменными.

Исследования в этой области фокусируются на влиянии экономического роста на неравенство доходов на основе гипотезы, выдвинутой Кузнецом (1955 года) [1, с. 99].

Гипотеза о том, что неравенство доходов увеличивается на ранних этапах экономического развития, в то время как на

более поздних этапах оно снижается, была проверена с разных точек зрения во многих исследованиях.

Когда рассматриваются данные по странам, а также теоретический взгляд для понимания отношения между экономическим развитием и неравенством доходов, можно сказать, что неравенство доходов увеличивается практически во всех регионах мира в последние годы. Однако темпы увеличения меняются от региона к региону.

Можно сказать, что уровень неравенства доходов также различен в странах с разным уровнем дохода, но отношение между этими двумя переменными не коррелирует.

Например, в то время как коэффициент Джини изменяется от 20 до 40 в странах с высоким уровнем дохода, он составляет около 33 в Киргизии, стране с нижним средним уровнем дохода. Точно так же в странах с верхним средним уровнем дохода, таких как Южно-Африканская Республика и Намибия, где неравенство доходов катастрофически высоко с коэффициентами Джини около 58 и 65 соответственно. В Лесото, стране с нижним средним уровнем дохода, коэффициент Джини достигает около 52 [2]. Тем не менее, также заметно, что страны с относительно низким уровнем неравенства доходов состоят из стран с высоким уровнем дохода.

Тот факт, что неравенство доходов настолько различно даже для стран с похожими уровнями развития, показывает

важность политик и институтов в отношении неравенства доходов (Альваредо и др., 2018 г.) [3, с. 39-58].

С другой стороны, теоретические и эмпирические исследования влияния неравенства доходов на экономический рост являются относительно новыми. Экономисты все больше обращают внимание на связи между этими переменными. Несколько исследований предсказывали, что влияние неравенства доходов на экономический рост будет положительным. Ранние исследования пришли к выводу, что неравенство доходов способствует экономическому росту путем увеличения сбережений (Бургиньон, 1981 г.; Кальдор, 1955 г.; Кейнс, 1920 г.; Льюис, 1954 г.) [4, с. 1615].

Предельная склонность к сбережениям из прибыли больше, чем склонность к сбережению из заработной платы, и это является условием стабильности. Согласно этому взгляду, известно как классический подход, предельная склонность к сбережениям увеличивается с ростом богатства. В этом случае ресурсы передаются лицам с высокой предельной склонностью к сбережениям, и общие сбережения постепенно увеличиваются. Поэтому высокий уровень экономического роста может быть достигнут при увеличении инвестиций.

Во-вторых, неравенство доходов способствует экономическому росту через стимулы к инновациям и исследованиям и разработкам. Изначально рынок инноваций небольшой, так как новые продукты приобретают только богатые потребители. Более высокая доля богатых в населении приводит к увеличению стоимости инноваций. Рынок расширяется, и фирмы получают более высокие прибыли с увеличением доходов. Поэтому увеличение стоимости инноваций стимулирует инновационную деятельность и долгосрочный рост.

Наконец, различия в распределении доходов создают стимулы для таких факторов, как образование, инвестиции в физический капитал, риск и труд. Таким образом, неравенство доходов положительно влияет на экономический рост.

С другой стороны, можно сказать, что исследования, указывающие на то, что неравенство доходов вредно для экономического роста, более распространены. Подобно положительным эффектам, отрицательное воздействие неравенства доходов на рост может происходить через разные каналы.

Современный подход, утверждающий, что неравенство в распределении доходов повредит экономическому росту, включает четыре различных канала (Галор, 2009). Присутствие несовершенства кредитного рынка объясняет первый канал (Агион и Болтон, 1997; Агион и др., 1999; Банерджи и Ньюман, 1993; Галор и Зейра, 1993) [5, с. 123]. Из-за несовершенства кредитного рынка неравенство уменьшает возможности для инвестиций и мотивацию заемщиков, и создает макроэкономическую волатильность (Агион и др., 1999). Более общее, когда у людей неравные возможности для заема, несправедливое распределение доходов при первоначальных условиях будет сохраняться и продолжаться для следующих поколений. Согласно этой теории, которая анализируется особенно через инвестиции в человеческий капитал, неизбежно будет отрицательно влиять на экономический рост, так как человеческий капитал является основой экономического роста.

Согласно политической экономической модели, второй канал, устанавливается связь между «неравенством» и «перераспределением доходов через налоги», и изучается влияние неравенства доходов на экономический рост косвенно. Модель голосования объясняет отношение перераспределения и налогообложения (Алезина и Родрик, 1994; Перотти, 1993; Перссон и Табеллини, 1994). В демократических обществах средний избиратель определяет размер налога на основе дохода. Бедные группы могут получить больше, если налоговые доходы распределяются равномерно между всеми. С другой стороны, в экономиках с высоким уровнем неравенства, неравенство будет вредить экономическому росту, так как это может привести к политическим решениям, которые уменьшают чистую прибыль от инвестиций.

С другой стороны, Пол и Вердье (1996) возражают против политической экономической модели, утверждая, что высокое неравенство не всегда требует высокой ставки налога на перераспределяемый доход и могут быть условия, при которых перераспределение не вредит экономическому росту.

Еще один канал называется подходом социально-политической нестабильности. Основная идея модели, основанной на исследованиях Бенхабиба и Рустикини (1996), Алезина и Перотти (1996), Алезина и др. (1996), заключается в том, что увеличение неравенства доходов изначально приведет к увеличению социальных потрясений. Эта ситуация отрицательно влияет на инвестиции путем увеличения переворотов, революций и актов насилия в обществе, или более обще, политической неопределенности и угрозой прав собственности индивидуумов. Снижение инвестиций из-за ухудшения мира и стабильности в обществе негативно повлияет на экономический рост (Алезина и Перотти, 1996) [6, с. 179].

Последний канал, который указывает на то, что неравенство доходов отрицательно влияет на экономический рост, называется подходом дифференциальной плодovitости. Утверждается, что неравенство доходов определяет уровни плодovitости и косвенно отрицательно влияет на инвестиции в человеческий капитал и экономический рост. В странах с высокими уровнями плодovitости ожидается снижение экономического роста из-за уменьшения капитала на душу населения. Связь между неравенством доходов и уровнем плодovitости объясняется уровнем образования.

В то время как у семей с низким доходом больше детей и мало инвестиций в образование, у состоятельных семей происходит обратное. Поэтому утверждается, что в странах с высоким уровнем неравенства доходов увеличение уровня плодovitости снизит экономический рост.

С учетом классической и современной перспектив вместе, Галор и Моав (2004) разработали идею унифицированной модели роста [7, с. 17]. Влияние неравенства доходов на экономический рост изменяется в зависимости от уровня экономического развития страны. На ранних этапах развития неравенство полезно для экономического роста, так как доходность физического капитала выше, чем человеческого капитала. На поздних этапах развития неравенство уменьшает экономический рост из-за ограничений в доступе к кредитам, поскольку важность человеческого капитала возрастает. На более продвинутых этапах развития ограничения на доступ к кредитам исчезнут для всех лиц, и в конечном итоге распределение доходов не будет значительно влиять на экономический рост. Это взгляд вызывает важный вопрос: важны ли уровни дохода стран для воздействия неравенства доходов на экономический рост?

Ожидается, что данное исследование внесет вклад в научную литературу в двух аспектах. В то время как многие исследования в литературе исследуют прямую связь между соответствующими переменными, некоторые фокусируются только на двусторонних отношениях, таких как неравенство доходов – канал переменной или канал переменной – экономический рост. Исследования, определяющие, происходит ли воздействие неравенства доходов на экономический рост через канал, в основном сосредоточены на некоторых из отрицательных каналов, упомянутых в теории.

Основная цель этого исследования – проверить, являются ли положительные и отрицательные каналы, указанные в теории, действительными, а не прямым воздействием неравенства доходов на экономический рост.

Таким образом, ожидается, что исследование предоставит более полное объяснение того, как возникает отношение между неравенством доходов и экономическим ростом. Во-вторых, для понимания важности уровней дохода стран в воздействии неравенства доходов на экономический рост исследуются 143 страны, данные о которых доступны, в двух отдельных группах – низкий и низкий средний доход, верхний средний доход и высокий доход в соответствии с классификацией доходов Всемирного банка.

Поскольку многие макроэкономические переменные и рекомендации по политике могут различаться между двумя группами стран, различные последствия для подвыборок могут возникнуть в отношении связи между неравенством доходов и экономическим ростом. Поэтому исследование стран с различными уровнями развития может привести к ошибочным результатам. Анализ проводится с использованием метода обобщенных методов системы, используя 5-летние средние значения данных за период с 2008 по 2022 год.

Хотя есть доказательства того, что большее неравенство оказывает вредное воздействие на экономический рост, кажется, что этот вывод нельзя обобщить, когда учитываются уровни дохода стран. Согласно результатам оценки, независимо от уровня дохода стран, при увеличении неравенства растет уровень плодovitости, оно негативно влияет на человеческий капитал, как напрямую, так и через несовершенства кредитного рынка. Отрицательное воздействие этих каналов на экономический рост более выражено в относительно низкодоходных странах.

Хотя увеличение уровня плодovitости отрицательно влияет на экономический рост в обеих группах стран, это влияние более значимо в странах с низким и низким средним уровнем дохода. Семьи должны сосредотачиваться на инвестировании больше в свой человеческий капитал, имея меньше детей вместо того, чтобы иметь больше детей. Поэтому, особенно в странах с низким уровнем дохода, правительства могут повысить осведомленность семей с помощью различных образовательных политик.

Точно так же, хотя нет прямого воздействия на рост, экономический рост улучшается в странах с низким уровнем дохода благодаря положительному влиянию развитых финансовых систем на человеческий капитал. Следовательно, как отмечает Демирджюч-Кунт [8, с. 145], этим странам в первую очередь необходимы стабильные макроэкономические политики и сильные правовые и информационные системы для развития финансовой системы. Внедрение регулирований для устранения ограничений банковской деятельности и улучшение инфраструктуры для обеспечения доступа к финансовым услугам широким массам – это некоторые из важных ролей правительства. Таким образом, экономический рост может быть улучшен за счет увеличения инвестиций в человеческий капитал в развивающихся странах.

Также, согласно оценкам политической экономики, результаты отличаются в зависимости от уровня дохода стран. В то время как неравенство не влияет на перераспределение доходов в странах с низким уровнем дохода, оно положительно влияет на развитые страны. Недостаточность демократических институтов в странах с низким уровнем дохода может быть одной из их основных проблем, поэтому достижение перераспределения в этих странах может быть относительно сложным. Поэтому в этих странах должны быть реализованы структурные реформы для создания институтов, которые обеспечивают демократические права и свободы, а также контроль эффективного использования этих прав и свобод. Кроме того, в этих странах с низким уровнем финансового развития может быть затруднительно эффективно собирать налоги и направлять их на экономическую деятельность.

Еще один результат исследования относится к каналу политической нестабильности. Хотя влияние политической нестабильности на экономический рост отрицательно для обеих групп стран, его отношение к распределению доходов различно. Когда оцениваются результаты двух групп, они подразумевают, что отношение может быть нелинейным, как заявили Бланко и Грир. Поскольку низкодоходные страны также имеют относительно высокие уровни неравенства, можно сказать, что эти страны могли превысить этот порог. Политики, направленные на преодоление негативного воздействия неравенства доходов на политическую стабильность, не независимы от предложенных другими каналами передачи. Правительства должны снижать коррупцию и регулировать финансовые рынки, чтобы обеспечить равные возможности в образовании и создании бизнеса. Кроме того, необходимо внедрить налоговые политики, которые стимулируют работу людей, а не снижают их мотивацию.

Таким образом, экономический рост может быть достигнут путем предотвращения социальных потрясений.

Наконец, результаты оценки положительных каналов, указывающих на то, что неравенство способствует росту, далеки от теоретических ожиданий независимо от уровня дохода стран. Наблюдается, что неравенство доходов не способствует инвестициям в человеческий капитал и инновационной деятельности. Неравенство доходов не увеличивает общие сбережения в странах с низким уровнем дохода, вопреки классическому

взгляду, в то время как значительные положительные эффекты в странах с высоким уровнем дохода указывают на важность уровня дохода. Тот факт, что увеличение сбережений стимулирует экономический рост в этих странах, также отражает, что положительный канал может быть действенным.

Однако положительное влияние неравенства доходов на экономический рост справедливо только для этого канала. Тот факт, что неравенство не увеличивает уровень сбережений в странах с низким уровнем дохода, как в странах с высоким уровнем дохода, может быть связано с относительно низким числом состоятельных людей в этих странах. Более того, эта богатейшая часть населения может сохранять свои сбережения для инвестирования будущих поколений в человеческий капитал.

В заключение следует отметить, что отношения между неравенством доходов и экономическим ростом не очень ясно, и для более ясного понимания этого отношения требуется дальнейшее исследование. Хотя устойчивость результатов контролируется с помощью использования методов панельной оценки и различных показателей, есть также некоторые ограничения этого исследования. Особенно в странах с низким и низким средним уровнем дохода может отсутствовать наблюдение по выбранным переменным.

Ограничения данных мешают подробному анализу с использованием различных переменных или методов, особенно в этих странах. Поэтому выборку не удалось разделить на более мелкие подгруппы, такие как страны с низким уровнем дохода, страны с низким средним доходом, страны с верхним средним доходом и страны с высоким уровнем дохода.

Точно так же, коэффициент Джини, используемый в качестве показателя неравенства доходов, предпочтителен, поскольку это самый крупный набор данных, доступный в настоящее время. Из-за ограничений данных не удалось проверить это отношение, используя другой показатель для неравенства доходов. Когда результаты оцениваются, можно сказать, что для лиц, принимающих решения, становится все сложнее контролировать неравенство доходов и достигать устойчивого роста. Однако каждое из обнаруженных результатов может стать источником вдохновения для будущих исследований.

Наконец, будущие исследования могут быть расширены для рассмотрения последствий влияния экономического кризиса на неравенство доходов.

Приставленный библиографический список

1. Зубаревич Н. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – С. 23.
2. Список стран по показателям неравенства доходов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wikisciencecompetition.org/contest/> (дата обращения: 05.11.2023).
3. Глушенко К. П. Об оценке межрегионального неравенства // Пространственная экономика. – 2005. – № 4. – С. 39-58.
4. Aghion P., Caroli E., Garcia-Penalosa C. Inequality and Economic Growth: the Perspective of the New Growth Theories // Journal of Economic Literature. – 1999. – № 37 (4). – P. 1615-1660.
5. Гершман Б. Неравенство доходов и экономический рост: обзор эконометрических исследований // Экономическая наука современной России. – 2009. – № 2 (45). – С. 123.
6. Шараев Ю. В. Теория экономического роста. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – С. 179.
7. Акаев А. А., Садовничий В. А. Глобальные демографические модели как основа для стратегического прогноза // Проекты и риски будущего. – М.: КРА-САНД, 2011. – С. 17-44.
8. Демирджюч-Кунт А. Финансовые услуги для всех? Стратегии и проблемы расширения доступа / Ашли Демирджюч-Кунт, Торстен Бек, Патрик Хонован; Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишерз, 2011. – С. 145.

БАЙРУШИНА Фларида Фатиховна

кандидат экономических наук, доцент Уфимского государственного нефтяного технического университета

ДЕСЯТКИН Дмитрий Валерьевич

магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета

ГАББАСОВА Элина Игоревна

магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА В РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

В целом, статья представляет собой комплексный анализ состояния и перспектив развития малого бизнеса в России. В статье проанализированы тенденции развития субъектов малого бизнеса, дается оценка влияния масштабных санкций на перспективы развития малого предпринимательства. На основе статистических данных Росстата представлен анализ ключевых показателей малого бизнеса в период с 2019 по 2021 год. Проанализирована динамика международных показателей состояния деловой среды для ведения бизнеса в России. Это дает представление о том, какое влияние могут оказывать международные факторы на конкурентоспособность предпринимательской среды в стране. Сравнительный анализ также помогает понять, как санкции могут повлиять на общую динамику и стабильность малого предпринимательства.

Ключевые слова: малый бизнес, предпринимательство, санкции, легкость ведения бизнеса, защита прав собственности, институциональная среда.

BAYRUSHINA Flarida Fatihovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of the Ufa State Petroleum Technical University

DESYATKIN Dmitriy Valerjevich

magister student of the Ufa State Petroleum Technical University

GABBASOVA Elna Igorevna

magister student of the Ufa State Petroleum Technical University

PROBLEMS OF SMALL BUSINESS DEVELOPMENT IN RUSSIA UNDER SANCTIONS PRESSURE

In general, the article is a comprehensive analysis of the state and prospects of small business development in Russia. The article analyzes the trends in the development of small businesses, assesses the impact of large-scale sanctions on the prospects for the development of small business. Based on Rosstat statistics, an analysis of key indicators of small business in the period from 2019 to 2021 is presented. The dynamics of international indicators of the state of the business environment for doing business in Russia is analyzed. This gives an idea of the impact that international factors can have on the competitiveness of the business environment in the country. Comparative analysis also helps to understand how sanctions can affect the overall dynamics and stability of small businesses.

Keywords: small business, entrepreneurship, sanctions, ease of doing business, protection of property rights, institutional environment.

Малый бизнес играет важную роль в формировании устойчивой и эффективной рыночной экономики посредством создания рабочих мест, удовлетворения спроса на потребности населения и формирования доходной части регионального и федерального бюджетов. Малый бизнес имеет целый ряд преимуществ по сравнению с крупными предприятиями, которые обуславливают незаменимую роль малого бизнеса в условиях возрастающего противостояния на международных рынках капитала, ресурсов и рабочей силы. К сильным сторонам малого бизнеса, которые выгодно отличают его от крупных компаний, относятся:

1. гибкость к быстро меняющимся условиям внешней среды;
2. высокая восприимчивость к инновационной деятельности;
3. вовлеченность в процессы аккумуляции резервов рабочей силы, которые не могут быть использованы в крупном производстве;
4. роль в качестве ключевого инструмента борьбы с монополизацией экономики;

5. способность к удовлетворению потребительского спроса на те виды товаров и услуг, в производстве которых не заинтересован крупный бизнес, тем самым способствуя минимизации социальной напряженности в обществе.

Несмотря на то, что в научной среде до настоящего момента не сложилось однозначного подхода к пониманию роли и места малого бизнеса в экономическом развитии государства, сложно отрицать возрастание значения малых предприятий как ключевого фактора эволюции рыночных отношений в России. Данная позиция находит свое подтверждение в многочисленных государственных инициативах, направленных на создание благоприятных условий для малого предпринимательства, способствующих большей вовлеченности населения в экономическую активность в сфере малого бизнеса, в том числе и инновационного.

Роль малого бизнеса в России, несмотря на все возрастающее его значение в формировании ВВП, аккумуляции рабочей силы и инновационной активности, тем не менее до сих пор значительно уступает аналогичным показателям индустриально развитых стран.

Таблица 1. Динамика ключевых показателей развития малого бизнеса в России за 2019-2021 гг. [1]

Показатель	2019 год	2021 год	Темп изменения, %
Средняя численность работников, тыс. чел.	11 340,5	10 652,4	-6,07
Оборот предприятий, млрд руб.	52 963,9	57 197,2	+7,99
Внеоборотные активы, млрд руб.	53 510,8	90 041,5	+68,27
Оборотные активы, млрд руб.	47 889,8	63 702,5	+33,02
Сальдированный финансовый результат, млрд руб.	3 117,0	5 242,4	+68,19
Количество субъектов, ед.	224 898	213 024	-5,28

Таблица 2. Сравнение положения малого бизнеса в России и ряде других государств на 2021 год [3]

Страна	Доля в ВВП, %	Доля занятых, %
Россия	20,8	27,0
США	56,0	52,0
Германия	43,0	57,0
Китай	60,0	83,0
Япония	55,0	72,0
Малайзия	39,0	48,0
Вьетнам	40,0	50,0

В таблице 1 представлена динамика ключевых показателей развития малого бизнеса в России за 2019-2021 гг.

Данные таблицы 1 свидетельствуют о росте большей части показателей состояния малого бизнеса в России, при этом увеличение сальдированного финансового результата, оборотных и внеоборотных активов малых предприятий сопряжено с падением средней численности работников и количество субъектов малого бизнеса, что говорит о масштабировании деятельности тех компаний, которые смогли вытеснить конкурентов в период COVID-19. Сложившаяся картина говорит о централизации и консолидации ресурсов наиболее приспособленных к быстро меняющимся рыночным условиям малых предприятий при возрастании угроз со стороны внешней среды.

Данное положение малого бизнеса в России и его перспективы при текущих сложных геоэкономических изменениях, являются предметом исследования многочисленных научных сообществ и аналитических центров. Одним из предметов анализа в данном направлении является межстрановое сравнение позиций малого бизнеса в России и в других странах.

В таблице 2 представлено сравнение положения малого бизнеса в России и ряде других государств на 2021 год.

Данные таблицы 2 говорят о наличии серьезного отставания России по сравнению с рядом других стран по роли малого бизнеса в формировании ВВП и созданию рабочих мест: отставание от США по данным показателям составляет 35,2 % и 25 % соответственно, от Китая – на 39,2 % и 56 %.

Анализ различных точек зрения, концепций и подходов к оценке экономической активности малых предприятий позволяет выделить две обобщенных позиций, каждая из которых характеризуется собственным теоретико-методологическим аппаратом и системой аргументации.

Сторонники первой позиции считают, что действующая экономическая политика государства является наиболее оптимальной для развития малого бизнеса и не нуждается в серьезных корректировках. Оппоненты данной точки зрения акцентируют внимание на замедлении экономического роста в России и возрастании угроз для малого бизнеса, которые могут быть эффективно преодолены лишь при активной структурной перестройке экономики при активном участии государства.

Таким образом, на текущий момент отсутствует единая согласованная позиция по вопросу проблем и путей развития малого бизнеса в России в научном сообществе, что связано как с высокой волатильностью мировой конъюнктуры, так и сложностью рассматриваемого вопроса.

Несмотря на всю многогранность и нелинейность характера возможных вариантов развития малого бизнеса, можно выделить ключевые положения факторов, воздействующих на состояние предпринимательской активности в сфере малого бизнеса:

1. высокая зависимость от мировой конъюнктуры;
2. отсутствие сильных позиций в лоббистских структурах, в отличие возможностей крупного бизнеса;
3. возрастание угроз со стороны тенденций к монополизации в различных отраслях;
4. приверженность малых предпринимательских структур к сильной реакции в ответ на жесткую денежно-кредитную политику Центрального Банка РФ (высокая ключевая ставка, волатильность курса рубля);
5. высокая потребность в доступности кредитных ресурсов;
6. необходимость государственной поддержки малого бизнеса в условиях серьезного кадрового и финансового дефицита.

Таким образом, малый бизнес в силу ряда негативных сторон экономической политики государства, в первую очередь, функционирование монетарной и бюджетно-налоговой политики в интересах крупных сырьевых экспортеров, испытывает ряд трудностей на пути повышения эффективности своей деятельности.

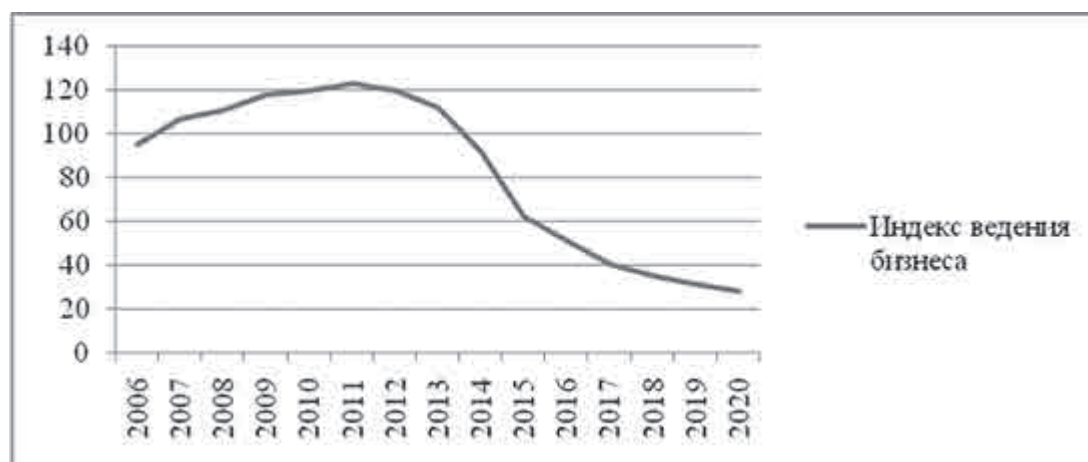

Рисунок 1. Динамика позиции России в рейтинге Индекса ведения бизнеса за 2006-2020 гг. [5]

При этом следует отметить, что с периода масштабных реформ по формированию рыночной экономики в России до сегодняшнего дня были произведены значительные изменения, способствующие развитию малого предпринимательства, а именно:

1. формирование единой нормативно-правовой базы регулирования экономической деятельности в России (Налоговый кодекс, Трудовой кодекс, Гражданский кодекс и т.д.);

2. создание системы государственных программ поддержки малого бизнеса для разных видов экономической деятельности;

3. улучшение финансовой грамотности населения посредством изменения образовательных программ и приближение их к потребностям рыночной экономики;

4. выстраивание институтов, ориентированных на развитие инновационной деятельности, в том числе и малого через создание национальной инновационной системы: венчурных фондов, бизнес-ангелов, технопарков и т.д.

Эффективность данных мер подтверждается как официальными статистическими органами РФ, так и данными, предоставленными международными организациями (МВФ, Всемирный Банк и т.д.).

Среди основных индикаторов, свидетельствующих о результатах государственной политики в области развития малого бизнеса можно выделить:

- Индекс легкости ведения бизнеса;
- Международный индекс защиты прав собственности;
- Стоимость регистрации бизнеса относительно ВНД на душу населения.

На рисунке 1 представлена динамика позиции России в рейтинге Индекса ведения бизнеса за 2006-2020 гг.

За период с 2006 года положение в рейтинге улучшилось на 67 позиций, при этом, если с 2006 г. по 2013 г. ситуация для бизнеса ухудшалась, то с 2014 г. наблюдается стремительное сокращение государственного давления на бизнес, что, согласно теории неоллиберализма, должно было способствовать экономическому росту. Однако совокупность иных факторов сыграла роль в постепенном переходе российской экономики после 2013 г. в состояние стагнации, что также отразилось на малом бизнесе.

Важным составляющим успеха развития предпринимательства в стране многими учеными признается устойчивость механизма соблюдения прав собственности,

который гарантирует предпринимателю стабильность получения дохода от вложенных им усилий, что имеет особое значение для малого бизнеса, не имеющего столь широко представительства во властных структурах в отличие от крупных компаний.

Общепризнанным индикатором соблюдения прав собственности является Международный индекс защиты прав собственности, позволяющий дать обобщенную характеристику нормативно-правового климата, сложившегося в стране.

В таблице 3 представлена динамика Индекса защиты прав собственности для России с 2007 по 2023 годы

По данным таблицы 3 можно видеть ухудшение положение России в рейтинге, в 2023 году по сравнению с 2007 годом на 41 позицию, что свидетельствует о наличии серьезных проблем в области защиты прав собственности. При этом важно отметить, что в наибольшей степени улучшилось состояние правовой и политической среды (на 1,884 баллов), в наименьшей степени произошел рост баллов в категории «права на интеллектуальную собственность»: только на 1,666. Несмотря на то, что общий балл за рассматриваемый период вырос на 1,75, что свидетельствует об определенных положительных результатах изменения институциональной среды в России, отставание от лидеров рейтинга Финляндии (8,090), Сингапура (7,958) и Нидерландов (7,853) остается значительным.

Помимо перечисленных выше индикаторов состояния делового и инвестиционного климата, оказывающих влияние на состояния малого бизнеса, имеет смысл рассмотреть динамику стоимости регистрации бизнеса относительно ВНД на душу населения в России за 2003-2019 гг. (рисунок 2).

Данные рисунка 2 свидетельствуют о сокращении затрат на регистрацию бизнеса относительно ВНД на душу населения до 0, что укладывается в рамки государственной политики по сокращению финансовых сложностей для ведения бизнеса, тем самым способствуя развитию предпринимательства в стране.

Таким образом, динамика индексов, рассчитанных международными организациями, в целом свидетельствуют об улучшении политической и правовой среды для ведения бизнеса и сокращении издержек по его регистрации, однако имеется ряд проблем, препятствующих

Таблица 3. Динамика Индекса защиты прав собственности для России с 2007 по 2023 годы [6]

Год	Общий показатель	Правовая и политическая среда	Права на физическую собственность	Права на интеллектуальную собственность	Место в рейтинге
2007	3,248	1,850	4,184	3,710	62
2008	3,200	1,900	4,200	3,700	63
2009	4,104	3,127	4,841	4,342	87
2010	4,299	3,286	5,028	4,583	88
2011	4,600	3,500	5,200	5,000	91
2012	4,500	3,300	5,400	4,800	96
2013	4,500	3,300	5,400	4,900	100
2014	4,800	3,325	5,667	4,767	69
2015	4,548	3,280	5,523	4,841	79
2016	4,579	3,332	5,565	4,841	90
2017	4,043	3,464	3,722	4,943	111
2018	4,890	3,616	5,838	5,216	84
2019	4,989	3,663	5,914	5,391	86
2020	4,998	3,734	5,882	5,376	88
2021	5,055	3,708	5,944	5,514	81
2022	4,466	3,532	4,350	5,514	85
2023	3,935	3,032	4,223	4,549	103

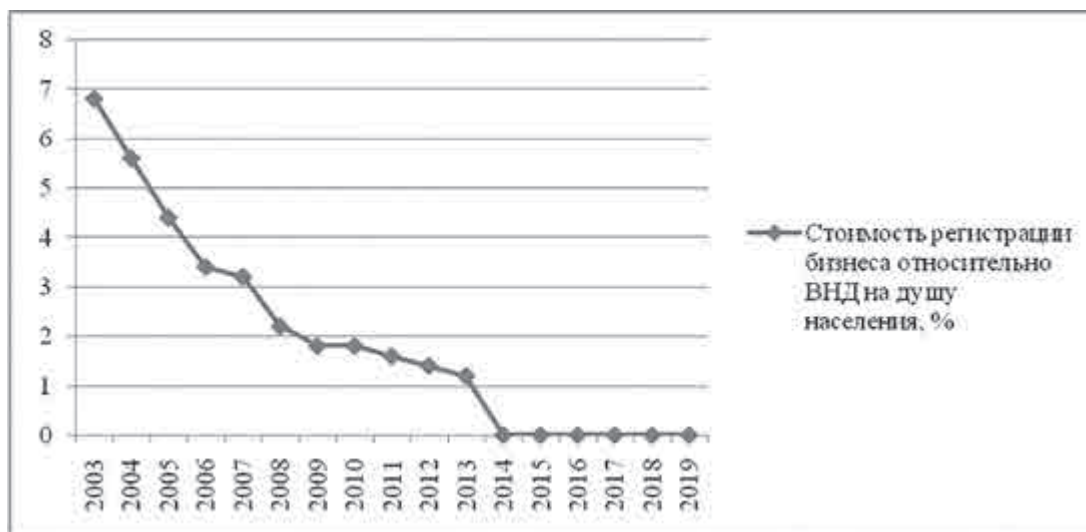

Рисунок 2. Динамика стоимости регистрации бизнеса относительно ВВП на душу населения в России за 2003-2019 гг. [4]

раскрытию всего имеющегося потенциала предпринимательской деятельности в России, в первую очередь малого бизнеса.

Анализ динамики показателей состояния малого бизнеса в России позволяет выделить четыре периода в развитии малого предпринимательства:

1) 2000-2008 гг.: быстрое развитие, связанное с благоприятной рыночной конъюнктурой и формированием институциональной предпринимательской среды;

2) 2008-2013 гг.: серьезное падение экономической активности из-за мирового финансового кризиса, восстановление после последствий кризиса 2008 г., прерванное начавшимся геополитическим противостоянием и введением санкций со стороны ряда стран Запада;

3) 2013-2021 гг.: активное развитие торговых отношений со странами Глобального Юга, реализация программ импортозамещения в первую очередь в области продовольственной и промышленной безопасности, способствующих росту возможностей для малого бизнеса в данных областях;

4) 2022 - настоящее время: резко возросшее санкционное давление со стороны стран Первого мира, формирование альтернативных логистических коридоров, уход иностранных предприятий с российского рынка, создание экономической и нормативной базы для параллельного импорта, усиление зависимости от основных торговых партнеров: Китая и Индии. Усиление проблемы импортозависимости.

Несмотря на ряд вышеперечисленных негативных факторов, связанных с фрагментацией и регионализацией миро-

вой экономики, для малого бизнеса предоставляется ряд возможностей, в том числе занять освободившуюся нишу ушедших иностранных компаний. Однако эффективная реализация программ по масштабированию малого бизнеса в условиях «санкционной войны» возможно лишь при решении проблем, препятствующих увеличению предпринимательской активности малого бизнеса [2]. Среди неотложных задач по активизации экономического роста Российской Федерации посредством использования нереализованного потенциала субъектов малого предпринимательства можно выделить:

1. улучшение условий кредитования;
2. выработка и расширение льготных программ;
3. развитие государственно-частного партнерства как гарантия повышения выживаемости малых предприятий при неблагоприятной рыночной конъюнктуре;
4. поддержание и улучшение инфраструктуры объектов, оказывающих помощь предпринимателям;
5. защита отечественного производителя от конкуренции со стороны более сильных китайских, индийских и турецких производителей;
6. поддержание постоянной связи с предпринимателями малого бизнеса, мониторинг их ожиданий и опасений.

Важно подчеркнуть, что несмотря на ряд слабых мест в экономике России, которые не позволяют оценивать ее равной производственно-финансовым системам Запада, Китая или Индии, к которым относится слабая промышленная база, высокая инфляция и ограниченный внутренний рынок, имеются и факторы роста, способные стать основой в том числе для развития малого предпринимательства. В качестве факторов роста экономической активности малого бизнеса можно выделить:

1. высокое качество человеческого капитала, являющееся основанием для формирования инновационного потенциала государства как ключевой составляющей экономики знаний;
2. лидерство России в ряде инновационных отраслей, таких как ядерная энергетика и некоторые виды продукции военно-промышленного комплекса: государственные предприятия, доминирующие в данных сферах, могут активно привлекать малые предприятия в качестве исполнителя отдельных частей производственного процесса, что позволит субъектам малого предпринимательства иметь стабильный пакет заказов.
3. реализация программ импортозамещения, позволяющая воспользоваться льготными программами и получить доступ к государственным грантам.
4. сокращение государственного администрирования бизнеса в качестве мер послабления в условиях санкционного давления Запада.

В целом, анализ государственных мер по формированию условий развития малого бизнеса в России свидетельствует о наличии механизмов, позволяющим предпринимателям получить ряд преимуществ для создания и масштабирования собственного бизнеса. Однако, процессы структурной перестройки экономики, ставят перед государством совершенно новые задачи, достижение которых является залогом повышения темпов экономического роста и улучшения благосостояния населения.

Таким образом, исследование развития малого бизнеса в России и его перспектив в условиях глобальной турбулентности позволяет сделать следующие выводы:

1. несмотря на активное вовлечение малых предпринимательских структур в формирование новых рабочих мест, создание добавленной стоимости и генерирование денежных потоков в бюджет государства, показатели их состояния в России на текущий момент до сих пор серьезно уступают развитым странам;
2. санкционное противостояние России и стран Запада сформировало ряд новых трудностей и возможностей для развития малого предпринимательства в России;
3. реализация потенциала по усилению роли малого бизнеса в экономике страны возможно лишь при эффективном перестроении всего механизма государственной политики, которая в условиях нарастания диспропорций мировой хозяйственной системы приобретает особую актуальность.

Пристатейный библиографический список

1. Малое и среднее предпринимательство в России. 2022: Стат. сб. / М 19 Росстат. - М., 2022. - 101 с.
2. Байрушин Ф. Т., Шайбакова Э. Р., Будков Д. А., Гилязова А. И. Информационная защита национальной экономики России // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 11 (174). – С. 362-363.
3. Специальный доклад Президенту Российской Федерации – 2021. МСП / Постковид. Время для системных решений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/7.pdf> (дата обращения: 09.11.2023).
4. Cost of business start-up procedures (% of GNI per capita): data.worldbank.org [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/IC.REG.COST.PC.ZS?locations=RU> (дата обращения: 09.11.2023).
5. Doing Business in Russian Federation: archive. doingbusiness.org [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.doingbusiness.org/en/data/exploreconomies/russia> (дата обращения: 09.11.2023).
6. International Property Right Index in Russian Federation: www.internationalpropertyrightsindex.org [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.internationalpropertyrightsindex.org/country/russia> (дата обращения: 09.11.2023).

БЯКОВ Денис Валерьевич

преподаватель кафедры Социологии и рекламных коммуникаций Российского государственного университета имени А. Н. Косыгина

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ К ЗАНЯТИЯМ СПОРТОМ (ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Участие в спортивных мероприятиях потенциально может способствовать укреплению здоровья молодежи. Необходимое условие для того, чтобы молодые люди получали пользу от занятий спортом, – продолжительность занятий и неуход из спортивной секции. Необходимы исследования, учитывающие как личные, так и контекстуальные факторы, чтобы раскрыть более широкий оздоровительный потенциал молодежного спорта. Цель исследования – провести обзор зарубежных публикаций, репрезентирующих исследования факторов вовлечения молодежи в спортивные клубы и стимулирование их на продолжительное занятие спортом.

Ключевые слова: спорт, спортивные клубы, молодежь, уход из спорта, продолжительность занятий, условия, вовлечение, закрепление.

BYAKOV Denis Valerjevich

lecturer of Sociology and advertising communications sub-faculty of the A. N. Kosygin Russian State University

Бяков Д. В.

SOCIAL FACTORS OF ATTRACTING YOUNG PEOPLE TO SPORTS (REVIEW OF FOREIGN LITERATURE)

Participation in sports events can potentially contribute to improving the health of young people. A necessary condition for young people to benefit from sports is the duration of classes and not leaving the sports section. Research is needed that takes into account both personal and contextual factors in order to reveal the broader health potential of youth sports. The purpose of the study is to review foreign publications that represent studies of the factors of youth involvement in sports clubs and stimulating their long-term sports activity.

Keywords: sports, sports clubs, youth, retirement from sports, duration of classes, conditions, involvement, consolidation.

Польза физической активности для здоровья молодых людей неоспорима. Занятия спортом потенциально могут способствовать укреплению здоровья молодых людей за счет повышения их физической активности, психического и социального здоровья, а также развития жизненных навыков, связанных с благополучием. Однако необходимым условием для получения пользы от занятий спортом является продолжительность занятий. К сожалению, как показывают исследования, участие в занятиях спортом часто достигает максимума примерно в возрасте 11-13 лет, а затем снижается в подростковом возрасте [17].

Один из способов решить проблему, связанную с тем, что молодежный спорт рассматривается с узкой, узкодисциплинарной точки зрения, – это спросить самих молодых людей, что они думают, используя укрепляющий здоровье подход и, в частности, используя благотворные условия. Задавая вопросы о том, что делает спортивные клубы местом, способствующим укреплению здоровья, включая как то, что способствует, так и то, что препятствует развитию молодежи в направлении здоровья, можно выявить взгляды молодых людей на проблемы, которые связывают индивидуальные и организационные характеристики в условиях спортивного клуба в целом. Таким образом, можно определить ресурсы, которые молодые люди считают важными для участия в спортивных клубах, внося вклад в область, касающуюся сложности потенциала участия молодежи в спорте, способствующего укреплению здоровья.

Во многих европейских странах около двух третей детей и подростков посещают организованные спортивные клубы, а в странах Северной Европы пропорции еще выше [21]. В подростковом возрасте участие в организованных видах спорта снижается. Исследования участия молодых людей показывают, что они часто начинают заниматься спортом в раннем возрасте, часто в компании или при поддержке своих родителей [12]. Родители играют решающую роль в инициировании участия в спортивных мероприятиях и продолжают ее играть в подростковом возрасте. Однако отсутствие родительской поддержки было определено как препятствие для участия в занятиях спортом. Роттенштейнер и коллеги показывают, что родители менее важны для отказа от участия в подростковом возрасте, хотя негативное родительское давление может быть причиной отсева [13].

Во многих исследованиях развлекательный элемент подчеркивается как имеющий решающее значение для участия

молодежи в спорте, но, как обсуждают Скилле и Остерос, то, что означает веселье в контексте занятий спортом, может варьироваться [18]. Удовольствие может быть выделено как исключительная причина участия в спортивной деятельности, или связано с другими факторами, такими как значимая деятельность, обучение и развитие, и воспринимаемая компетентность, или оно может быть неразрывно связано с социальными аспектами [20]. Отсутствие веселья также подчеркивается как основная причина отказа молодых людей продолжать заниматься спортом [4]. Социальные аспекты также выделяются как важные факторы участия в организованных видах спорта [1]. К ним относятся важность друзей и сверстников и возможность создавать новые социальные сети или даже рассматривать клуб как своего рода семью [9].

Дискуссионный вопрос в исследованиях касается восприятия молодыми людьми соревнований в своих видах спорта. В некоторых исследованиях делается вывод о том, что соревнования могут быть сложным и увлекательным аспектом спорта для молодежи [14], и что можно показать, что во время матчей происходят обучение и развитие. Напротив, некоторые исследования показывают, что в некоторых случаях причиной отсева может быть чрезмерная конкуренция в организованных видах спорта [10].

Разные молодые люди придают большое значение удовольствию, социальным отношениям и соперничеству, но некоторые факторы также различаются, в зависимости от того, кто участники и где они живут. Одним из примеров является поддержание стройного тела и повышение физической формы, что, по-видимому, является более важным фактором для участия девочек, причем в подростковом возрасте, а не в детстве [3]. Кроме того, другие контекстуальные факторы, такие как проживание в разных районах, инвалидность, принадлежность к семье с более низким социально-экономическим статусом, также влияют на участие молодежи в спорте [8].

В нескольких исследованиях делается вывод о том, что молодые люди хотят баланс между структурированными и неструктурированными занятиями [11]. С одной стороны, молодые люди ищут более гибких, менее структурированных возможностей для физической активности, с другой стороны, структура необходима для того, чтобы молодые люди имели положительный спортивный опыт [7]. Разнообразие также может быть создано между различными видами деятельности,

например, путем регулярной модификации тренировок, чтобы поддержать творческий подход и предоставить участникам множество возможностей добиться успеха. По мнению Скилле и Остероса, наличие различных видов спортивных занятий может привлечь больше молодых людей к занятиям спортом [18]. Однако стремление к разнообразию и уход из спорта также можно рассматривать как нормальное выражение меняющихся интересов и предпочтений молодых людей в подростковом возрасте [15]. Хотя уход из спорта может означать одновременное начало другой деятельности — переход к ней — или полный уход из спорта [16].

Гибкость и разнообразие могут быть дополнительно привнесены для адаптации организованных видов спорта к различным потребностям молодежи. Здесь в качестве примера снова можно привести соревнования, поскольку вопрос может заключаться не в том, соревноваться ли, а скорее в том, соревноваться. Сэфвенбом и коллеги приходят к выводу, что конкуренция как таковая не является проблемой [14]. Соревнование, которое обеспечивает правильный баланс между вызовами и успехом, а также связано с проявлением личных способностей, может способствовать ощущению достижения. Андерсон даже приходит к выводу, что типичная ситуация на матче может выполнять педагогическую функцию, если ожидания и серьезность матча скорректированы с учетом потребностей участников [2].

Акцент на социальных отношениях внутри спортивной организации является важнейшим аспектом того, как молодые люди хотят, чтобы спорт был организован в их жизни. В этом сценарии тренеры являются важными действующими лицами, поскольку именно они непосредственно общаются с молодежью в повседневной практике. Кронин и Аллен утверждают, что на тренерах лежат важные обязанности, такие как помощь участникам в развитии жизненных навыков и обеспечение благоприятной среды и безопасного, мотивирующего климата для участия в спортивных состязаниях [5]. Ротгенштайнер и коллеги подчеркивают важность других занятий, помимо конкретных видов спорта, и заявляют, что важно, чтобы тренеры знали своих спортсменов за пределами клуба, и чтобы они проявляли интерес к их жизни в целом [13]. Стимулирование участия в общественных мероприятиях и предоставление возможностей для волонтерской работы могут, по мнению Дилен и коллег, также быть способами удержать молодежь в организованных видах спорта [6].

Наконец, существуют иные структурные и физические факторы внешней среды при организации занятий спортом. Молодые люди хотят, чтобы спортивные мероприятия планировались в удобное время, например, в связи со школьными, или университетскими занятиями, а также, по возможности, в тех же помещениях [11]. Спортивные мероприятия могут быть организованы даже с учетом других видов досуга, с гибким графиком соревнований и тренировок, или с совместным планированием занятий молодежным тренером и участия в собственных спортивных мероприятиях. Такая гибкость в планировании досуга может, например, уменьшить конфликты между спортивными клубами и школой, которые в противном случае, по мнению Темпла и Крейна, могли бы привести к отсеву из школы [19]. Кроме того, сотрудничество между различными спортивными клубами может способствовать переходу из одного клуба в другой и позволить молодым людям менять виды спорта или клубы, а не бросать их. Сотрудничество между школами и спортивными клубами также могло бы обеспечить более доступные возможности, и Гумберт с коллегами утверждают, что при организации занятий спортом необходимо учитывать физические и экономические факторы, такие как наличие безопасных и чистых помещений и разумные затраты на членство [11].

Таким образом, исследования показывают, что во многих европейских странах большинство молодых людей занимаются организованными видами спорта, и это участие тесно связано с получением удовольствия, социальными аспектами и вопросами конкуренции. Вариативность, социальные отношения и факторы окружающей среды важны для того, как молодые люди хотят, чтобы для них были организованы занятия спортом. Во многих исследованиях подчеркивается использование многоуровневых подходов при изучении и развитии спортивных мероприятий.

Пристатейный библиографический список

1. Allender S., Cowburn G., Foster C. Understanding participation in sport and physical activity among children

- and adults: A review of qualitative studies. *Health Educ. Res.* 2006; 21: 826-835.
2. Andersson E. A referee perspective on the educational practice of competitive youth games: Exploring the pedagogical function of parents, coaches and referees in grassroots soccer. *Phys. Educ. Sport Pedagog.* 2019; 24: 615-628.
3. Basterfield L., Gardner L., Reilly J. K., Pearce M. S., Parkinson K. N., Adamson A. J., Reilly J. J., Vella S. A. Can't play, won't play: Longitudinal changes in perceived barriers to participation in sports clubs across the child-adolescent transition. *BMJ Open Sport Exerc. Med.* 2016; 2.
4. Crane J., Temple V. A systematic review of dropout from organized sport among children and youth. *Eur. Phys. Educ. Rev.* 2015; 21: 114-131.
5. Cronin L. D., Allen J. Examining the relationships among the coaching climate, life skills development and well-being in sport. *Int. J. Sports Sci. Coach.* 2018; 13: 815-827.
6. Deelen I., Ettema D., Kamphuis C. B. Time-use and environmental determinants of dropout from organized youth football and tennis. *BMC Public Health.* 2018; 18: 1022.
7. Evans M. B., Allan V., Erickson K., Martin L. J., Budziszewski R., Côté J. Are all sport activities equal? A systematic review of how youth psychosocial experiences vary across differing sport activities. *Br. J. Sports Med.* 2017; 51: 169-176.
8. Fraser-Thomas J., Falcão W., Wolman L. *Routledge Handbook of Youth Sport.* Routledge; London, UK: 2018. Understanding take-up, drop-out and drop-off in youth sport; pp. 227-242.
9. Fredriksson I., Geidne S., Eriksson C. Leisure-time youth centres as health-promoting settings: Experiences from multicultural neighbourhoods in Sweden. *Scand. J. Public Health.* 2018; 46: 72-79.
10. Gardner L. A., Magee C. A., Vella S. A. Enjoyment and behavioral intention predict organized youth sport participation and dropout. *J. Phys. Act. Health.* 2017; 14: 861-865.
11. Humbert M. L., Chad K. E., Bruner M. W., Spink K. S., Muhajarine N., Anderson K. D., Girolami T. M., Odnokon P., Gryba C. R. Using a naturalistic ecological approach to examine the factors influencing youth physical activity across grades 7 to 12. *Health Educ. Behav.* 2008; 35: 158-173.
12. Light R. L., Harvey S., Memmert D. Why children join and stay in sports clubs: Case studies in Australian, French and German swimming clubs. *Sport Educ. Soc.* 2013; 18: 550-566.
13. Rottensteiner C., Laakso L., Pihlaja T., Konttinen N. Personal reasons for withdrawal from team sports and the influence of significant others among youth athletes. *Int. J. Sports Sci. Coach.* 2013; 8: 19-32.
14. Säfvenbom R., Geldhof G. J., Haugen T. Sports clubs as accessible developmental assets for all? Adolescents' assessment of egalitarianism vs. elitism in sport clubs vs. school. *Int. J. Sport Policy Politics.* 2014; 6: 443-457.
15. Schlesinger T., Löbig Á., Ehnold P., Nagel S. What is influencing the dropout behaviour of youth players from organised football? *Ger. J. Exerc. Sport Res.* 2018; 48: 176-191.
16. Seippel Ø. N. Orker Ikke, Gidder Ikke, Passer Ikke? Om Frafallet i Norsk Idrett. Institutt for Samfunnsforskning. ISF-Rapport; Oslo, Norway: 2005.
17. Shull É. R., Dowda M., Saunders R. P., McIver K., Pate R. R. Sport participation, physical activity and sedentary behavior in the transition from middle school to high school. *J. Sci. Med. Sport.* 2020; 23: 385-389.
18. Skille E., Østerås J. What does sport mean to you? Fun and other preferences for adolescents' sport participation. *Crit. Public Health.* 2011; 21: 359-372.
19. Temple V. A., Crane J. R. A systematic review of drop-out from organized soccer among children and adolescents. *Soccer Soc.* 2016; 17: 856-881.
20. Thedin Jakobsson B., Lundvall S., Redelius K., Engström L.-M. Almost all start but who continue? A longitudinal study of youth participation in Swedish club sports. *Eur. Phys. Educ. Rev.* 2012; 18: 3-18.
21. Wiium N., Säfvenbom R. Participation in Organized Sports and Self-Organized Physical Activity: Associations with Developmental Factors. *Int. J. Environ. Res. Public Health.* 2019; 16: 585.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-11-186-499-501

ГАЙСИНА Гулямда Айратовна

магистрант Факультета государственного и муниципального управления и экономики Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан

ЯНГУРАЗОВА Земфира Ахметовна

доктор биологических наук, профессор, профессор кафедры экологии и безопасности жизнедеятельности Института природы и человека Уфимского университета науки и технологий

НУРУТДИНОВ Азамат Анварович

кандидат технических наук, доцент кафедры безопасности производства и промышленной экологии Института химии и защиты в чрезвычайных ситуациях Уфимского университета науки и технологий; доцент кафедры управления качеством в производственно-технологических системах Челябинского государственного университета

НЕОБХОДИМОСТЬ ОЦЕНКИ ИЗМЕНЕНИЯ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО БАЛАНСА ТЕРРИТОРИИ ПРИ РАЗВИТИИ СИСТЕМ ГАЗИФИКАЦИИ И ГАЗОСНАБЖЕНИЯ

Актуальность исследования состоит в том, что газовая отрасль играет важную роль в российской экономике, ее развитие является ключевым фактором обеспечения энергетической и экологической безопасности страны, поэтому обеспечение газоснабжения, газификации российских потребителей становится одной из основных задач развития внутреннего рынка газа и требует более пристального внимания учёных исследователей. Объект исследования – газовая отрасль в рамках национальной экономики России. Предмет исследования – эколого-экономический баланс в процессе газификация и газоснабжение в Республике Башкортостан. Цель исследования – рассмотреть содержательно состояние и перспективы развития газификации и газоснабжения Республики Башкортостан. Выявлено, что за прошедшие три года было выдано почти 8,5 тысяч сертификатов на газификацию домов на общую сумму более чем 650 миллионов рублей, к настоящему моменту в Башкортостане газифицировано более 1,4 миллиона домов и квартир в почти трех тысячах населенных пунктов, уровень газификации республики составляет 84,7 процента, в то время как средний уровень в России составляет 71,4 процента.

Ключевые слова: газификация, газоснабжение, системы газоснабжения, экологическая безопасность, социальная эффективность.

GAYSINA Gulyamda Ayratovna

magister student of the Faculty of Public and Municipal Administration and Economics of the Bashkir Academy of Public service and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan

YANGURAZOVA Zemfira Akhmetovna

Ph.D. in biological sciences, professor, professor of Ecology and life safety sub-faculty of the Institute of Nature and Man of the Ufa University of Science and Technology

NURUTDINOV Azamat Anvarovich

Ph.D. in technical sciences, associate professor of Industrial safety and industrial ecology sub-faculty of the Institute of Chemistry and Emergency Protection of the Ufa University of Science and Technology; associate professor of Quality management in production and technological systems sub-faculty of the Chelyabinsk State University

CURRENT STATE AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF GASIFICATION AND GAS SUPPLY IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

The relevance of the study is that the gas industry plays an important role in the Russian economy, its development is a key factor in ensuring the energy and environmental security of the country, therefore ensuring gas supply and gasification of Russian consumers is becoming one of the main tasks of the development of the domestic gas market and requires closer attention of scientists researchers. The object of the study is the gas industry within the Russian national economy. The subject of the study is the environmental and economic balance in the process of gasification and gas supply in the Republic of Bashkortostan. The purpose of the study is to substantively consider the state and prospects for the development of gasification and gas supply in the Republic of Bashkortostan. It was revealed that over the past three years, almost 8.5 thousand certificates for gasification of houses were issued for a total amount of more than 650 million rubles; to date, more than 1.4 million houses and apartments in almost three thousand settlements have been gasified in Bashkortostan, the level of gasification Republic is 84.7 percent, while the average level in Russia is 71.4 percent.

Keywords: gasification, gas supply, gas supply systems, environmental safety, social efficiency.

Введение

Согласно Федеральному закону «О газоснабжении в Российской Федерации» развитие газификации территорий осуществляется на основе перспективного баланса добычи и потребления газа, а также межрегиональных и региональных программ газификации, схем расположения объектов газоснабжения: «Работа ведется по двум основным

направлениям – газификация субъектов России и догазификация (подведение газа до границ земельного участка в газифицированных населенных пунктах без привлечения средств граждан)» [1, с. 2]. Порядок разработки, утверждения и реализации этих программ устанавливается Правительством Российской Федерации, а финансирование программ газификации может осуществляться за счет различных источников, включая фе-

деральный бюджет и бюджеты субъектов Российской Федерации.

В энергетической стратегии России на период до 2030 года закреплено стратегическое направление развития газовой промышленности, включающее формирование единой системы газоснабжения и ее расширение на восток России, в соответствии с Генеральной схемой развития газовой отрасли к 2030 году уровень газификации территории Российской Федерации должен быть увеличен до 90 процентов.

Конечной целью улучшения экологической ситуации в России является не только создание механизма полной газификации населения, но и постоянное и последовательное увеличение доли средств из государственного бюджета, направляемых на охрану окружающей среды и природных ресурсов для поддержания эколого-экономического баланса территории.

Основная часть

Газификация относится к процессу превращения твердого или жидкого вещества в газообразное состояние, данный процесс может быть применен к различным видам топлива, включая уголь, древесину, нефть и биомассу. Газификация не означает однозначно использование газового топлива, так как полученный газифицированный материал может быть использован как сырье для производства других продуктов, таких как синтетические удобрения или химические соединения. В энергетическом контексте газификация обычно относится к процессу получения газового топлива, который затем может быть использован для производства тепла или электроэнергии или иных потребительских нужд. Основное преимущество газификации заключается в ее экологической чистоте, поскольку газообразное топливо не генерирует вредных выбросов, таких как дым, пыль или другие загрязнители, характерных для других видов топлива: «В последнее десятилетие газовая промышленность достигла прорыва, который помог усилить энергетический баланс, способствовал прогрессу в низкоуглеродной экономике» [2, с. 249]. Газификация обеспечивает высокую эффективность использования топлива, так как процесс газификации способствует более полному сжиганию топлива, что позволяет снизить его расход и повысить выработку энергии, это обстоятельство особенно важно в случае ограниченных ресурсов, таких как уголь или нефть, которые могут быть более эффективно использованы при газификации. Газификация может быть применена для производства тепла и электричества, а также находит применение в химической промышленности и транспортных системах, благодаря своей универсальности, газификация адаптируется к различным потребностям и требованиям, что делает его привлекательным и гибким решением в различных сферах. Синтез-газ состоит преимущественно из водорода и оксида углерода, и может быть использован в различных целях, включая производство электроэнергии, тепловой энергии, или применение в химической промышленности.

Газификация имеет свои преимущества, включая:

1. Экономическая эффективность, так как газ как источник энергии является более дешевым по сравнению с другими видами топлива, такими как уголь и нефть, что позволяет сэкономить на энергетических расходах.

2. Экологическая безопасность - газ является чистым источником энергии, не производящим вредных выбросов в ат-

мосферу, что положительно влияет на окружающую среду: «Природный газ является наиболее безопасным видом моторного топлива для окружающей среды, что подтверждено проведенными исследованиями по оценке комплексного экологического эффекта от использования КПП вместо бензина и дизельного топлива... Газификация транспортного сектора является важной экологической составляющей в сохранении климата, здоровья людей и окружающей среды» [3, с. 9].

3. Удобство и надежность, так как газ поставляется непосредственно в дома потребителю, что обеспечивает удобство использования и надежность источника энергии.

4. Достижение социального эффекта и благополучия, так как газификация способствует развитию экономики и инфраструктуры, создавая рабочие места в процессе строительства и обслуживания газовых систем: «Активное участие в социальных программах, реализуемых на территории РБ принимают предприятия топливно-энергетического комплекса... социальные проекты предполагают получение социальных (или общественных) благ, которые являются основой для увеличения материальных основ функционирования общества в будущем» [4, с. 193].

В 2021 году правительство России начало внедрение социально ориентированной системы газификации с целью увеличения уровня доступа жителей регионов к газу. Планируется, что к 2030 году уровень газификации достигнет 82,9 процента, что позволит дополнительно 3 миллионам домохозяйств иметь доступ к газу. Как часть плана, ответственность за подведение газа до границы участка домовладения теперь несет единый оператор газификации – «Газпром газификация» и также планируется перевод котельных детских садов, школ и больниц на использование газа.

В 2023 году в Башкирии увеличились субсидии на газификацию хозяйств с 60 до 100 тысяч рублей, первоначально право на получение субсидий получают семьи участников специальной военной операции в Украине. За прошедшие три года было выдано почти 8,5 тысяч сертификатов на газификацию домов на общую сумму более чем 650 миллионов рублей, к настоящему моменту в Башкортостане газифицировано более 1,4 миллиона домов и квартир в почти трех тысячах населенных пунктов. Уровень газификации республики составляет 84,7 процента, в то время как средний уровень в России составляет 71,4 процента. Согласно программе развития газоснабжения и газификации к 2025 году планируется подвести газ к почти 25 тысячам домохозяйств и 277 котельным. Глава региона Радий Хабиров и председатель правления ПАО «Газпром» Алексей Миллер подписали соответствующее соглашение и в настоящее время в Башкирии продолжается строительство газопроводов к 14 населенным пунктам в двух районах республики, а также готовится возведение 17 новых газопроводов в 13 районах. Кроме того, Газпром планирует построить две газозаправочные станции на территории республики вблизи федеральной трассы М-5 «Урал», на данный момент сеть из 25 объектов холдинга обеспечивает заправку транспорта в республике.

Проект газификации включает в себя планы по построению подземных магистралей к границам земельных участков в уже газифицированных населенных пунктах, и это происходит без участия финансовых средств граждан. Домовладения включаются в программу, если на территории населенного пункта уже имеются распределительные газопроводы.

В таких случаях жители имеют право бесплатно подключить свои дома к этим газопроводам. Однако, для бесплатного подключения имеют значение два важных критерия: первый – расположение земельного участка на расстоянии до 200 метров от существующих газопроводов с достаточной пропускной способностью, и второй – максимальная мощность газоиспользующего оборудования не должна превышать 7 кубометров в час, в то время как площадь дома не учитывается при определении этих критериев. Один из наиболее значимых проектов – межпоселковый газопровод в Бурзянском районе протяженностью 61,8 километра, ввод в эксплуатацию которого в сентябре 2023 года обеспечит газом шесть населенных пунктов. Также планируется до конца года завершить строительство газопроводов в Учалинском и Кутарчинском районах. С программой социальной газификации связаны более 38,5 тысячи заявок, приведенных в работу, газораспределительные сети были проложены до границ 32,4 тысячи домовладений; в 23,8 тысячи из них уже подключено к газу. Была создана возможность для подведения газа к 46,2 тысячи домов. В этой же области в Башкирии были поданы 20 заявок на подведение газопроводов к 11 общеобразовательным и девяти дошкольным учреждениям. Также важным элементом стали предоставляемые регионом сертификаты на газификацию: общее количество выданных сертификатов составляет 8434, из которых работы уже завершены по 7698. С 1 января этого года номинал сертификатов составляет 100 тысяч рублей, также предусматривается возможность льготного подключения для мобилизованных жителей и членов их семей.

Принимая во внимание вышеизложенное, авторами были сформулированы основные стратегические направления на ближайшую перспективу реализации программы газификации в рамках поддержания эколого-экономического баланса территории:

– Развитие системы технического регулирования с целью изменения требований к энергоэффективности технологий, зданий, сооружений и производств в целом.

– Организация бюджетного финансирования проектов, связанных с использованием возобновляемых источников энергии, а также внедрением экологически и энергетически эффективных технологий.

– Разработка полноценной системы нормирования допустимого воздействия на окружающую среду.

– Подготовка дифференцированной системы нормативов качества воды, воздуха и почв для каждого региона Российской Федерации.

– Создание системы стимулирования использования природосберегающих технологий с возможностью декларирования малым бизнесом соблюдения экологических требований.

– Пересмотр системы экологической ответственности.

Заключение

В настоящее время сохранение достигнутых темпов газификации сталкивается с несколькими вызовами. Во-первых, это связано с ограниченным доступом к Единой системе газоснабжения и недостаточной пропускной способностью магистральной инфраструктуры; во-вторых, существует проблема низкого качества региональных программ газификации, которые должны были бы обеспечить основу для

развития процесса, а также невыполнение обязательств регионами. Отсутствие должного уровня координации, дефицит финансирования и проблема «последней мили», когда процесс застывает в нескольких метрах от объекта потребления из-за административных барьеров, также оказывают негативное влияние и в результате невозможно четко определить конечного исполнителя. Для решения этих проблем необходимо сосредоточить внимание на развитии магистральной инфраструктуры и ее правильном использовании, что включает в себя принятие решений относительно крупных магистральных газопроводов, а также проведение работ по реконструкции и расширению мощностей газораспределительных станций (ГРС).

Пристатейный библиографический список

1. Тузова Е. В. Организационные основы газоснабжения и газификации в России // Интерактивная наука. – 2023. – № 5 (81). – С. 74-75. – DOI 10.21661/it-560078. – EDN OITNJJF.
2. Фетисова А. А. Устойчивое развитие газовой отрасли в условиях санкций // Устойчивое развитие (ESG): финансы, экономика, промышленность: Материалы Национальной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21 октября 2022 года. – Санкт-Петербург: Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2022. – С. 248-251. – EDN VLVOAB.
3. Аксютин О. Е., Ишков А. Г., Романов К. В. [и др.] Экологическая эффективность производства и использования природного газа на основе оценки полного жизненного цикла // Научно-технический сборник Вести газовой науки. – 2017. – № 5 (33). – С. 3-11. – EDN YWNWRA.
4. Хайруллин В. А., Шакирова Э. В. Социальная норма дисконта при освоении инвестиций в социальные проекты топливно-энергетического комплекса Республики Башкортостан // Нефтегазовое дело. – 2012. – Т. 10. № 3. – С. 193-199. – EDN UNNKUX.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-11-186-502-504

Галимуллина Наталья Анатольевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления Уфимского университета науки и технологий

МАКСИМОВ Глеб Вадимович

магистрант Института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий

Файзуллина Адель Салаватовна

студент Института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Управление развитием муниципалитета требует решения социально-экономических задач. Данная система сводится к анализу и оценке текущего состояния территории для принятия управленческих решений, что позволяет формировать достоверный местный бюджет.

Определяющим направлением в развитии муниципального образования является улучшение качества жизни населения. Для этого у органов муниципального управления возникает необходимость создания предпосылок развития, выявления наиболее сильных сторон для их дальнейшего совершенствования, в том числе на основе прогнозирования и планирования их функционирования [3, с. 69].

Ключевые слова: муниципальное образование, методы прогнозирования, социально-экономическое развитие муниципального образования.

GALIMULLINA Natalya Anatoljevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Public Administration sub-faculty of the Ufa University of Science and Technology

MAKSIMOV Gleb Vadimovich

magister student of the Ufa University of Science and Technology

FaYzullina Adel Salavatovna

student of the Ufa University of Science and Technology

FORECASTING THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF A MUNICIPALITY

Managing the development of a municipality requires solving socio-economic problems. This system boils down to the analysis and assessment of the current state of the territory for making management decisions, which allows you to form a reliable local budget. The defining direction in the development of the municipality is to improve the quality of life of the population. To do this, municipal government bodies need to create prerequisites for development, identify the most powerful sides for their further improvement, including on the basis of forecasting and planning their functioning [3, p. 69].

Keywords: municipal education, forecasting methods, socio-economic development of the municipality.

Введение.

Развитие социально-экономической системы муниципалитета должно происходить устойчиво с возможностью адаптации к внешним и внутренним факторам, при этом должно происходить сохранение всех параметров с положительным характером. Но для того, чтобы муниципалитет качественно и эффективно развивался, необходимо учитывать огромное число факторов и обстоятельств, которые будут, являясь достоверными и своевременными для всего социально-экономического процесса на данной территории [1, с. 336].

Целью исследования является разработка предложений по совершенствованию прогнозирования социально-экономического развития МР Ермакеевский район Республики Башкортостан.

Объектом исследования выступает прогнозирование социально-экономического развития муниципального образования.

Предметом исследования является социально-экономическое развитие МР Ермакеевский район Республики Башкортостан.

Методами исследования являются: метод научной абстракции, метод индукции и дедукции, метод сравнения, аналитические и логические приемы.

Информационной базой исследования являются нормативные документы, законодательные акты, решения правительства Российской Федерации. Кроме этого, были использованы статистические и аналитические материалы Росстат, содержащие показатели муниципального района Ермакеевский район Республики Башкортостан.

Методология исследования.

К разработке методики оценки и прогноза развития территорий имеют прямое отношение такие учёные экономисты, как Т. Агапова, А. Анчишкин, Д. Багиров, Л. Беркович, С. Глазьев, С. Казанцева, А. Ноткин, В. Рябцев, Ю. Струмилин, О. Шугаева, М. Юзбашев и др.

Результаты исследования.

В рамках исследования проведена оценка социально-экономического прогнозирования конкретного муниципалитета. Формирование прогноза социально-экономического развития МР Ермакеевский район РБ до 2030 г. базируется на разработке Стратегии социально-экономического развития района до 2030 года, включая демографию, производство, инвестиционную политику, социальную сферу, рынок труда, потребительский рынок, бюджетную систему и т.д.

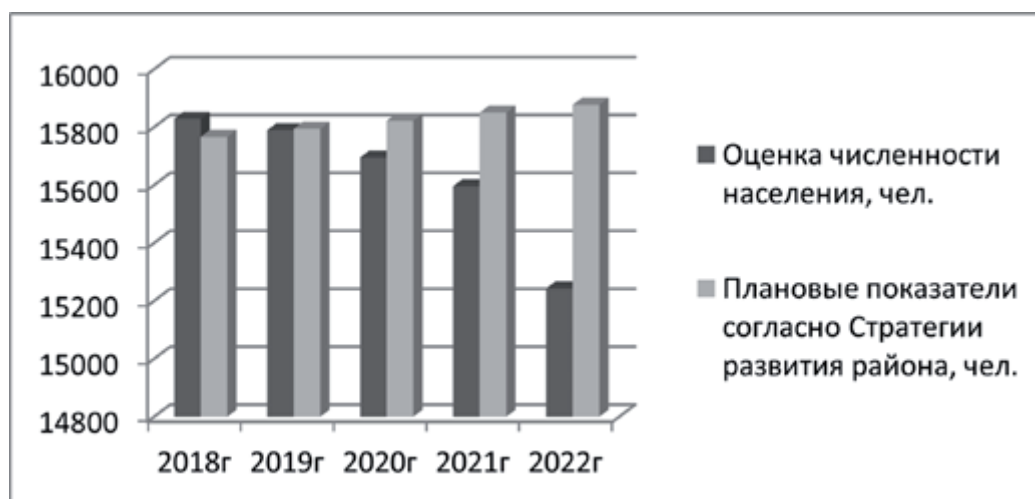

Рисунок 1. Сравнительный анализ прогнозных и фактических значений численности населения района, чел.

На практике применяется множество методов управления развитием муниципального района, они основаны на универсальной схеме:

определение целей (стратегических приоритетных направлений) развития.

прогнозирование социально-экономического развития. Начинается с анализа текущего состояния развития территории, при котором проводится оценка динамики данных и сравнение с плановыми показателями за ряд лет.

Такая работа проведена по муниципальному заказу и проводилась в 2018 – 2019 годах Институтом экономики, финансов и бизнеса ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», кафедрой экономической теории ФГБОУ ВО «Уфимский государственный авиационный технический университет». Прогноз составлен до 2030 года, он является долгосрочным.

3) планирование социально-экономического развития. Представляет собой научно-обоснованную деятельность органов местного самоуправления, осуществляемую с учетом мнения населения и в их интересах, основанную на федеральном, региональном законодательстве, направленную на формирование, обсуждение, принятие и исполнение муниципальных планов, программ, бюджета.

МР Ермекеевский район РБ является одним из самых малочисленных среди МР республики. Как и другие районы западной зоны, он достаточно быстро теряет свое население

за счет наличия естественной убыли и нестабильного итога миграционных передвижений. (См. рис. 1.)

В настоящее время району свойственны общие демографические тенденции: снижение трудового и репродуктивного потенциала, увеличение численности и доли пожилого населения, рост демографической нагрузки.

Далее сравним показатели инвестиций, так как они определяют социально-экономическое развитие муниципального образования в таблице 1.

Представленные в таблице 1 показатели характеризуют превышение фактических данных над прогнозными вариантами стратегии, что является положительным фактором роста экономики. Однако такая тенденция может привести к недооцененности района со стороны инвесторов.

В качестве основных ограничений и проблем развития муниципалитета, представляющих угрозу стабильности социально-экономической ситуации, можно отметить:

- 1) значительная удаленность от крупных городов республики;
- 2) недостаточные инвестиционные вложения в экономику муниципального района;
- 3) низкий уровень доходов населения;
- 4) дорожная инфраструктура района низкого качества;
- 5) естественная и миграционная убыль населения.

МР Ермекеевский район РБ обладает природным и этнокультурным потенциалом, который может быть реализо-

Таблица 1. Сравнительный анализ инвестирования в экономику МР Ермекеевский район РБ, тыс. руб.

Показатели	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1. Инвестиции в основной капитал за счет средств муниципального бюджета	2201	2078	10752	9050	7894	3300	3400
2. Инвестиции в основной капитал, осуществляемые организациями, находящимися на территории муниципального образования (без субъектов малого предпринимательства)	79491	84184	128058	1540104	1382105	364446	325780
3. Инвестиции в основной капитал организаций муниципальной формы собственности	13798	8708	19526	33145	104373	15176	26340
4. Итого инвестиций в основной капитал	95490	94970	158336	1582299	1494372	382922	355520
5. Численность населения, чел.	15909	15737	15828	15789	15695	15596	15243
6. Инвестиции в основной капитал на душу населения фактически	6,0	6,03	10,0	100,2	95,2	24,55	23,3
7. Инвестиции в основной капитал на душу населения фактически с учетом прогноза	13,1	5,3	5,9	6,0	125,6	4,4	4,6

Таблица 2. Показатели эффективности МР Ермекеевский район РБ

Показатели	2019	2020	2021	2022	2023 прогноз
Объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств) в расчете на 1 человека, руб.	95341	81586	20663	65966	75000
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя – всего, кв.м.	26,0	27.5	28.3	29.5	32,0
Доля населения, получившего жилые помещения и улучшившего жилищные условия в отчетном году, %	16	5.5	12.6	6.34	10,0
Доля налоговых и неналоговых доходов местного бюджета в общем объеме собственных доходов бюджета муниципального образования, %	17.8	28	20.1	19.1	25

ван местным населением в качестве основы для организации нового и востребованного у потребителя туристского маршрута «Зеленое кольцо Западной Башкирии». Стоит отдельно выделить социально-экономические последствия, которые возникнут в Ермекеевском районе в результате организации и развития территории:

1. Интенсификация туристического потока и дополнительное субсидирование за счет включения в региональные и федеральные туристические программы.

2. Снижение оттока молодых кадров за счет их вовлечения в функционирование туристического и гостиничного бизнеса в районе.

3. Привлечение к реализации проекта местных этнокультурных объединений, народных ансамблей и кружков, позволит повысить заинтересованность местных жителей в развитии туристического направления в родном районе.

Необходим прогноз показателей эффективности деятельности администрации МР Ермекеевский район РБ, которые являются важными для социально-экономического развития района.

Для достижения прогнозных показателей необходима разработка механизма привлечения внешних ресурсов для создания благоприятного инвестиционного климата, развития реального сектора экономики, создания новых рабочих мест с достойной заработной платой.

Особое внимание необходимо уделить разработке молодежной политики, механизмов ее реализации для решения проблемы снижения численности населения в трудоспособном возрасте за счет снижения оттока молодежи.

Приоритетными должны признаваться инвестиционные проекты, содержащие социальную направленность, в том числе обеспечивающие устройство на работу инвалидов.

Заключение.

Для реализации задач стратегического планирования могут быть использованы методы контроллинга. Распределение программ и проектов по выработанным целям позволяет определить вклад их в достижение разработанной стратегии, а мероприятия позволяют распределить ресурсы на реализацию стратегии и формировать бюджеты. В результате происходит увязка оперативного и стратегического планирования.

Предлагается постоянный мониторинг социально-экономической деятельности муниципального образования. Для эффективного решения задачи социально-экономического развития муниципального образования необходимо объективно оценить наличные ресурсы, выявить сильные и слабые стороны территории и принять обоснованное управ-

ленческое решение. Это возможно лишь на основе достоверной и систематизированной информации, которую призван обеспечить мониторинг [2, с. 164].

Мониторинг является инструментом контроллинга реализации принятых планов и программ развития города, а также инструментом создания информационно-аналитической системы. Разработка информационно-аналитической системы мониторинга направлена на:

- анализ социально-экономического состояния муниципального образования;
- оценку и ранжирование показателей различных сфер деятельности;
- интегральную оценку муниципального образования;
- всестороннюю оценку потенциала муниципального образования;
- прогнозирование возможного отклонения показателей от запланированных значений;
- разработка рекомендаций по снижению риска и минимизации угроз сферам деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Галимуллина Н. А., Гизатуллина В. Г. Экономико-правовые основы безопасности региона // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 3 (94). – С. 336-338.
2. Павленков И. М. Совершенствование управления муниципального образования на основе методологии контроллинга // Modern Economy Success. – 2020. – № 1. – С. 164-169.
3. Якунина М. В., Левкина В. Н. Прогноз социально-экономического развития на примере калужской области // Вестник Калужского университета. – 2021. – № 2 (51). – С. 69-73.

ГАНИН Пётр Викторович

аспирант ГБУ «Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан»

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Финансовая и социальная эффективность функционирования экономики Российской Федерации непосредственно зависит от особенностей управления процессами развития отечественного энергетического хозяйства. Энергетическое хозяйство в наиболее общем виде представляет собой комплекс основных фондов, технологий и организационно-управленческих механизмов, ориентированных на обеспечение генерирования, транспортировки и сбыта электрической и тепловой энергии для нужд юридических и физических лиц. В статье систематизированы основные проблемы, характерные для трех основных подсистем энергетического хозяйства экономики современной России: генерирующих топливно-энергетических мощностей, энергосетевого хозяйства и энергосбытовой подсистемы. Показано, что для научно обоснованного решения систематизированных автором проблем необходимы разработка и утверждение комплексной программы реформирования отечественной энергетики, ориентированной, в первую очередь, на обеспечение модернизации основного капитала предприятий данной отрасли.

Ключевые слова: энергетика, энергетическое хозяйство, генерирующие мощности, энергосетевые мощности, энергосбытовые предприятия, основные фонды, износ, амортизация.

GANIN Pyotr Viktorovich

postgraduate student of the SBI "Center for Advanced Economic Research of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan"

MAIN PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE ENERGY ECONOMY OF THE ECONOMIC SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION IN MODERN CONDITIONS

The financial and social efficiency of the functioning of the national economy of the Russian Federation directly depends on the specifics of managing the processes of development of the domestic energy sector. The energy sector in its most general form is a complex of fixed assets, technologies and organizational and managerial mechanisms aimed at ensuring the generation, transportation and sale of electric and thermal energy for the needs of legal entities and individuals. The article systematizes the main problems characteristic of the three main subsystems of the energy economy of the economy of modern Russia: generating fuel and energy capacities, the energy grid economy and the energy sales subsystem. It is shown that for a scientifically based solution to the problems systematized by the author, it is necessary to develop and approve a comprehensive program for reforming the domestic energy sector, focused primarily on ensuring the modernization of the fixed capital of enterprises in this industry.

Keywords: energy industry, energy sector, generating capacities, grid capacities, energy sales enterprises, fixed assets, depreciation, depreciation.

Эффективность функционирования и развития экономических систем, обеспечение сравнительно высокого качества жизни населения непосредственно зависят от своевременности и бесперебойности обеспечения электрической и тепловой энергией. Последнее, в свою очередь, является непосредственным следствием рациональной организации энергетического хозяйства.

Энергетическое хозяйство в наиболее общем виде представляет собой комплекс основных фондов, технологий и организационно-управленческих механизмов, ориентированных на обеспечение генерирования, транспортировки и сбыта электрической и тепловой энергии для нужд юридических и физических лиц. Энергетическое хозяйство может быть дифференцировано на систему выработки, транспортировки и продаж энергии общего пользования, ориентированное на обеспечение топливно-энергетическими ресурсами внешних по отношению к такого рода системе контрагентов (промышленных, торговых предприятий, компаний иных отраслей экономики, субъектов ЖКХ и др.), и энергетическое хозяйство самих предприятий, функционирование которого нацелено исключительно на обеспечение эффективного циркулирования и использования топливно-энергетических ресурсов в рамках соответствующих производственных комплексов (внутрифирменные энергоустановки, внутрипроизводственные ТЭЦ) [2, с. 43].

Функционирование энергетического хозяйства современной экономической системы Российской Федерации сопряжено с наличием ряда стратегически значимых проблем, которые, по нашему мнению, наиболее корректно рассматривать в разрезе видов подсистем национальной энергетики — генерирующих, сетевых и энергосбытовых организаций.

Одной из наиболее значимых проблем развития генерирующих мощностей российского энергетического хозяйства является достаточно высокий средний уровень износа основ-

ных производственных фондов данной подотрасли национального энергетического комплекса (47,4 % в 2022 г.). Как показано на рисунке 1, данный показатель по генерирующим компаниям энергетической системы РФ значительно выше среднего уровня износа ОПФ аналогичных подотраслей энергетического хозяйства ЕС или Японии. Вместе с тем, по данному показателю развитие энергетики России является более благоприятным по сравнению с государствами, входящими в состав дружественных для нашей страны политико-экономических альянсов — ЕАЭС и БРИКС.

Достаточно высокий уровень износа основных производственных фондов генерирующих компаний сферы энергетического хозяйства экономической системы Российской Федерации, в свою очередь, порождает такие стратегически значимые проблемы, как повышение рисков снижения надежности производства электрической и тепловой энергии, снижение уровня безопасности организации и осуществления трудовой деятельности на предприятиях отечественного энергетического комплекса, рост себестоимости производства энергии в целом.

Проблема высокого уровня износа ОПФ генерирующей подсистемы энергетического хозяйства экономики России усугубляется относительным дефицитом источников финансирования инвестиций, сложившемся в отечественной экономике в 2022 — 2023 гг. ввиду, в первую очередь, сравнительно высокого уровня общей неопределенности финансово-экономического развития, обусловленного длительной ситуацией пандемийно-санкционного кризиса. Кроме того, отечественные энергетические предприятия не вполне активно используют для целей модернизации основных фондов потенциал банковского кредитования. Так, например, в 2022 г. доля долгосрочных банковских кредитов составила в структуре финансирования отечественных компаний генерирующей подотрасли энергетического хозяйства лишь 9,1 %

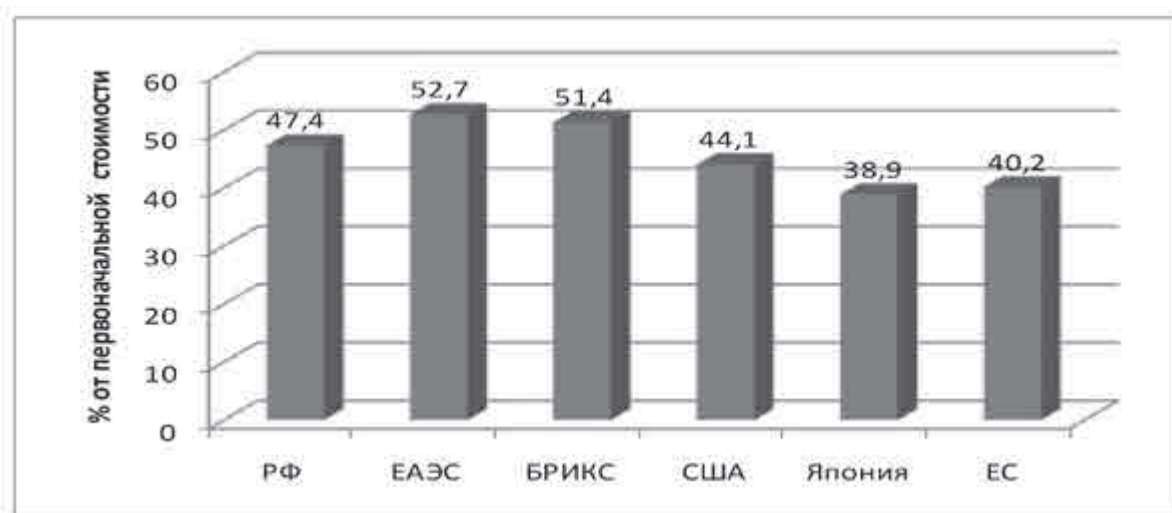

Рисунок 1. Средний процент износа основных производственных фондов генерирующих мощностей энергетического хозяйства, 2022 г., % от первоначальной стоимости [6, р. 179].

[3, с. 312]. Одновременно для российских компаний энергетического сектора экономики, ввиду ситуации санкционного давления, стали практически не доступны облигационные займы инвестиционного характера на западных финансовых рынках, которые достаточно регулярно осуществлялись в 2000 — 2010 гг.

По мнению К. С. Фиоктистова, значимой проблемой управления генерирующими компаниями отечественного энергетического комплекса является недостаточное использование данной группой экономических субъектов таких переносимых организационно-экономических механизмов, ориентированных на обеспечение долгосрочного и устойчивого роста финансово-экономической эффективности энергетического производства, как бережливое производство, бюджетирование финансовых потоков, аутсорсинг и краудсорсинг [4, с. 151].

Одной из наиболее значимых проблем функционирования и развития сетевого (распределительного) энергетического хозяйства экономики РФ является сложность оперативного выявления разрывов и иных повреждений в электроэнергетических сетях, что, в свою очередь, увеличивает время устранения такого рода неполадок, порой достаточно существенно. Последнее может быть в особенности социально опасным, если имеет место обрыв сети в случае снабжения электрической энергией стационарных отделений учреждений системы здравоохранения, непрерывных производств, ряда предприятий оборонной отрасли России и др.

Для сетевого хозяйства энергетической системы РФ также характерен сравнительно высокий средний уровень износа объектов основных фондов, который, впрочем, не является столь критическим, как в сфере генерирования электрической и тепловой энергии (41,3 % в 2022 г.) [1, с. 174].

Для энергосбытовой системы экономики Российской Федерации, по нашему мнению, в настоящее время характерны следующие основные проблемы:

- крайне недостаточный уровень конкурентности на отечественных отраслевых рынках электрической и тепловой энергии (так, фактически российские компании и частные лица вынуждены приобретать энергию у единственного государственного поставщика в то время, как, например, в странах ЕС конечные потребители имеют возможность выбора между в среднем 20-30-ю энергосбытовыми структурами, в т.ч. частными);

- низкая степень прозрачности, информационно-коммуникационной «прозрачности» функционирования многих организаций российского энергосбытового хозяйства, в свою очередь порождающая сравнительно высокий уровень бытовой наценки в структуре тарифа для конечных потребителей (впрочем, как отмечает, например, такой из-

вестный американский исследователь тенденций и проблем развития энергетических компаний, как А. Б. Крейг, недостаточный уровень прозрачности финансово-хозяйственной деятельности, в значительной степени порождающий существенные риски системы энергетического менеджмента, характерен и для многих современных фирм энергетического сектора экономик, в частности, США, Канады, Великобритании и других государств [5, р. 54]);

- относительно высокий уровень удельных транзакционных издержек деятельности энергосбытовых компаний экономики России, также, при прочих равных условиях, негативно отражающийся на величине тарифа на электрическую и тепловую энергию для конечных потребителей.

В целом, для комплексного решения выделенных выше проблем, по нашему мнению, необходимы формирование и утверждение комплексной программы модернизации энергетической отрасли экономики России (например, на период до 2030 г.), включающий раздел, ориентированный на ускорение процессов обновления основных фондов предприятий отрасли, в первую очередь за счет финансовых ресурсов федерального бюджета, мероприятия, ориентированные на минимизацию потерь энергии в сетях и повышение уровня прозрачности управления всеми группами объектов отечественного энергетического хозяйства.

Пристатейный библиографический список

1. Криворотов В. В., Ключев Ю. Б., Калина А. В. Экономика предприятий энергетики. - М.: Юнити-Дана, 2022. - 448 с.
2. Поликарпова В. А. Фионоченко В. А. Экономика и организация электроэнергетического производства. - Красноярск: Из-во Сибирского Федерального Университета, 2019. - 188 с.
3. Российская экономика: проблемы и перспективы. - М.: Из-во Института экономической политики, 2023. - 568 с.
4. Фиоктистов К. С. Основные проблемы развития энергетического производства в экономике России // Вопросы экономики и менеджмента. - 2023. - № 4. - С. 151-155.
5. Crage A. B. The economy of energy production. - NY.: ABC-press, 2021. - 128 p.
6. World annual report. - Wash., 2023. - 788 p.

ЗАЙЦЕВ Дмитрий Алексеевич

аспирант Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко

РИСКИ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ АГЕНТОВ, СВЯЗАННЫЕ С ПЛАТФОРМЕННОЙ ЗАНЯТОСТЬЮ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

В статье рассматриваются основные типы рисков, ассоциированные с удаленной работой и платформенной занятостью, которые существуют и на сегодняшний день. Особое внимание уделяется рискам работников, которые не получают такие же права, как и работники по трудовому договору. Необходимость снижения этих рисков как на государственном уровне, так и на уровне платформ является важной задачей для роста и развития цифровой экономики. Подходы к минимизации рисков и повышению защищенности работников появляются, однако многие из рисков ещё не покрыты научными исследованиями.

Ключевые слова: платформенная занятость, удаленная работа, развивающиеся страны, цифровая экономика труда.

ZAYTSEV Dmitriy Alexeevich

postgraduate student of the N. A. Semashko National Research Institute of Public Health

RISKS FOR ECONOMIC AGENTS ASSOCIATED WITH PLATFORM EMPLOYMENT IN DEVELOPING COUNTRIES

The article discusses the main types of risks that exist today, associated with remote work and platform employment. Particular attention is paid to the risks of workers who do not receive the same rights as employees under an employment contract. The need to mitigate these risks both at the government level and at the platform level is an important task for the growth and development of the digital economy. Approaches to minimizing risks and increasing worker protection are emerging, but many of them have not yet been covered by scientific research.

Keywords: platform employment, remote work, developing countries, digital labor economics.

Платформенная занятость приобрела широкую распространенность в период COVID-19. Пандемия дала толчок к развитию инфраструктуры для удаленной работы – развитию инструментов и бизнес-процессов, ориентированных на удаленных работников. Благодаря этому удалось создать плацдарм для жителей развивающихся стран. Они получили более широкие возможности для выбора специальности, повышения и диверсификации дохода. С точки зрения развивающихся стран – платформенная занятость в долгосрочной перспективе должна повлечь снижение безработицы, повышение уровня среднего дохода, а также вернуть в экономическое поле людей с ограниченными возможностями, добавить в рабочую силу страны мигрантов и студентов.

Платформенная занятость на сегодняшний день уже имеет инфраструктуру для необходимых бизнес-процессов. Заметными темпами растет число работников с соответствующей квалификацией и опытом. Чтобы создать благоприятные условия для дальнейшего развития этой сферы занятости, необходимо учитывать и снижать риски, которые несут работники при платформенной занятости. Далее в статье рассмотрим, какие существуют риски для работников платформ.

Здоровье. В развивающихся странах не уделяется достаточного внимания страхованию здоровья работников, занятых не по трудовому договору. В связи с этим, они не могут получить должной медицинской помощи. Риски же заболеть при платформенной занятости могут быть высокими. Во-первых, платформенная работа далеко не всегда является удаленной. Например, работникам такси и служб доставки часто приходится взаимодействовать с большим количеством различных людей, в связи с чем риски заразиться каким-либо заболеванием у них могут быть существенно выше, чем у офисного работника. Во-вторых, если платформенная работа является удаленной, то это влечет за собой риски того, что человек проводит весь рабочий день за компьютером, не уделяя должного внимания разминке и прогулке на свежем воздухе. Такой образ жизни приводит к заболеваниям

опорно-двигательного аппарата и сердечно-сосудистым заболеваниям. Поэтому важно защитить таких работников и предоставлять им медицинское страхование. Помимо этого, работникам платформ не предоставляется оборудование, обеспечивающее безопасность проводимых работ для жизни и здоровья специалиста. Это могут быть средства индивидуальной защиты. Также, при платформенной занятости работники могут не знать норм техники безопасности в связи с отсутствием должного обучения.

Социальные льготы. Работникам платформ могут быть недоступны оплачиваемые больничные. Это может приводить к работе во время болезни и создает риск более тяжелого течения заболевания. Помимо этого, платформенные работники могут быть лишены пенсионного страхования. Отсутствие пенсии по достижении пенсионного возраста делает их более уязвимыми по сравнению с занятыми по трудовому договору.

Доходы. При платформенной занятости не применяется минимальный размер оплаты труда (МРОТ), отсутствует оплата сверхурочных и оплачиваемый отпуск, отсутствует привычный для офисных работников период отдыха (обеда) и никак не ограничивается максимальное рабочее время. По этой причине – при платформенной занятости работники не имеют возможности отдохнуть, так как в этом случае они потеряют свой доход за период отдыха. И могут получать меньше, чем минимальный размер оплаты труда, чем могут активно пользоваться платформой.

Дискриминация. Платформы самостоятельно формируют алгоритмы поиска и подбора специалистов. По этой причине, часть работников могут не получать тот же объем заказов и тот же уровень оплаты, что и другие. Алгоритмы поиска платформ используют отзывы и популярность среди пользователей. В свою очередь пользователи могут быть предвзяты при выборе пола специалиста или избегать мигрантов при поиске специалистов.

Обучение и карьерный рост. Отсутствие привычного для офисного работника карьерного роста может ограничи-

вать в повышении доходов специалистов, занятых на платформах. Для того, чтобы карьерный рост мог происходить и при платформенной занятости необходимо обучение работников менеджерским навыкам и высокому уровню коммуникации. Для развития этих навыков необходимы наставники. Развитие менеджерских навыков позволит специалистам формировать команды сотрудников, которые смогут выполнять более полный спектр задач, делать работу «под ключ», выполнять целиком сложные проекты, недоступные для выполнения одним человеком. Важным является также и то, что при платформенной занятости работники могут быть заняты повторяющейся работой, что будет удерживать их на одном уровне дохода и не позволит развиваться и повышать квалификацию.

Стабильная занятость. При работе на платформе специалиста могут ожидать как периоды переработок, так и периоды недостаточного количества задач. Поэтому существует риск нерегулярности получения дохода и для сохранения финансовой стабильности работнику необходимо иметь финансовую «подушку». Другим риском для стабильности является то, что платформа может заблокировать работника, и работник не получит никакой компенсации на время поиска работы и наработку отзывов и рекомендаций на других платформах.

Защита персональных данных. Для большего доверия со стороны работодателя работнику желательно разместить свою фотографию и подтвердить свою личность. После этого паспортные данные хранятся на серверах платформы. В случае отсутствия соответствующего законодательства в развивающихся странах или при незначительных штрафах за нарушения, защите персональных данных работников может не уделяться достаточного внимания.

Мошенничество. При работе в офисе сотруднику выплачивается заработную плату работодатель, однако при работе на платформе у работника нет защиты в виде трудового кодекса, а также нет возможности подтвердить качественно выполненную работу без вмешательства судебной экспертизы. Также, существует вероятность того, что заказчик услуги пропадет в процессе оказания этой услуги и работник не получит оплату.

Обеспечение рабочего места и программного обеспечения. При офисной работе сотруднику предоставляется необходимое оборудование: компьютеры, мониторы, средства индивидуальной защиты, стулья и прочая периферия для работы. При платформенной занятости трудящемуся необходимо приобретать всю необходимую технику самому, а также нести риски по амортизации этой техники и её ремонту. Аналогичная ситуация и с программным обеспечением. Стоимость лицензионного программного обеспечения также ложится на плечи работника.

Недостаток общения. Одной из важнейших потребностей для человека является потребность в социальных контактах. В случае с удаленной занятостью работник общается значительно меньше, чем в офисе, что может влиять на его психологическое здоровье. С другой стороны, недостаточное общение негативно влияет на коммуникативные навыки, которые важны для более качественного выполнения работы и построения собственной команды.

Перекладывание платформой рисков на работников. В случае отказа от оплаты работы заказчиком, все риски ложатся на работника платформы. Даже в случае качественно выполненной работы работник может не получить оплату за оказанную услугу. В этом плане занятый на платформе специалист защищен слабо как со стороны законодательства, так и со стороны платформы. Единственным выходом в таком случае является судебное разрешение спора.

Компании-работодатели и заказчики услуг в свою очередь также столкнулись с рисками и издержками, связанными с платформенной занятостью. Не менее важно работать и

с рисками заказчиков услуг для того, чтобы росло доверие к платформенной занятости и расширилось её применение. Ниже рассмотрим основные риски, которые несут заказчики услуг на платформах.

Потеря контроля над персоналом. Работники, занятые на платформах, распределяют своё время в собственных интересах, а не в интересах работодателя. В связи с этим, взаимодействуя с работниками с помощью платформы, работодателям необходимо контролировать эффективность выполнения задач. В противном случае работа может быть выполнена некачественно и не в кратчайшие сроки.

Работник не является постоянным работником компании. Работник платформы скорее всего будет иметь более низкую специализацию для выполнения задач конкретного работодателя, будет хуже понимать почему существует такая задача, для какой цели компании её необходимо решить. По этой причине работодатель может получить менее качественный результат и в более длительные сроки. Помимо этого, платформенная занятость подразумевает необходимость регулярного поиска подходящего специалиста для выполнения различных задач. На это требуется время, что неприемлемо для срочных задач.

Обеспечение мотивации. Так как работник не вовлечен в компанию-работодателя напрямую, у него отсутствует мотивация помимо денежной. Это создает риски того, что работа будет не выполнена или выполнена не так качественно, как ожидает работодатель. Потенциальный исполнитель задачи не вовлечен в корпоративную культуру компании и не может учесть всех нюансов работы, чтобы соответствовать корпоративной культуре.

Риски, описанные в статье, требуют значительного вклада как со стороны платформ, так и со стороны законодательства. Решение проблем и минимизация рисков позволят воспользоваться всеми преимуществами платформенной занятости. Гибкость, низкий порог входа и возможность работы из любой точки мира – это возможности, которые дает платформенная занятость. Благодаря этим преимуществам платформенная занятость повышает эффективность использования ресурсов в экономиках развивающихся стран и позволяет повысить уровень жизни граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Емельянова О. Я., Самсонов В. С., Шершень И. В. Дистанционная деятельность как актуальная форма занятости работников на мировом рынке труда // РСЭУ. - 2019. - № 2 (45).
2. Парнышков Г. К. Дистанционная занятость в России: преимущества, недостатки и перспективы развития // Бизнес и общество. - 2023. - № 2 (38).
3. Комарова И. П. Дистанционная занятость в формируемой в России цифровой экономике: уроки пандемии // Российский экономический журнал. - 2020. - № 4.
4. Терешкова В. А. Дистанционная занятость: преимущества и недостатки для работников и нанимателей // Ломоносовские научные чтения студентов, аспирантов и молодых ученых. - 2023. - № 1.
5. Глотова Н. И., Герауф Ю. В. Платформенная занятость – главный тренд развития рынка труда в современных условиях // Экономика Профессия Бизнес. - 2021. - № 4.
6. Мусаев Б. А. Рост дистанционной занятости как новая тенденция в развитии российского рынка труда // Социально-трудовые исследования. - 2019. - № 35 (2). - С. 40-50.

КУПРИНА Ирина Владимировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры товароведения и таможенного дела Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

НОВИКОВА Екатерина Витальевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры товароведения и таможенного дела Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

МЕРЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В данной статье рассматриваются меры стимулирования внешнеэкономической деятельности России в условиях санкционного давления стран коллективного Запада на международном рынке. Проанализированы основные показатели внешнеэкономической деятельности. На основании проведенного анализа предложены основные меры стимулирования внешнеэкономической деятельности России.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, меры стимулирования, статистика.

KUPRINA Irina Vladimirovna

Ph.D. in economic sciences, associate professor of Commodity science and customs affairs sub-faculty of the I. S. Turgenev Orel State University

NOVIKOVA Ekaterina Vitaljevna

Ph.D. in economic sciences, associate professor of Commodity science and customs affairs sub-faculty of the I. S. Turgenev Orel State University

MEASURES TO STIMULATE FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY

This article discusses measures to stimulate Russia's foreign economic activity in the context of the sanctions pressure of the collective Western countries on the international market. The main indicators of foreign economic activity are analyzed. Based on the analysis, the main measures to stimulate Russia's foreign economic activity are proposed.

Keywords: foreign economic activity, incentive measures, statistics.

В современных условиях Россия столкнулась с беспрецедентным противодействием со стороны стран Запада. Вводимые этими странами ограничения против России влекут за собой сокращения товарооборота между ними, но в то же время создают условия для трансформации внешнеэкономической деятельности. Изменяется характер взаимодействия со странами-партнерами и происходит переориентация рынка сбыта. Основная задача ФТС и Правительства РФ - обеспечение притока необходимой и качественной продукции, что находит отражение и в менее традиционных для внешнеэкономической деятельности решениях. Разрыв внешнеэкономических связей не может не отразиться на внешней торговле страны, а соответственно, и на развитии экономики страны в целом. Основной целью исследования является предоставления предложений по мерам поддержки государством участников внешнеэкономической деятельности в современных условиях.

Анализ современного состояния показателей внешнеэкономической деятельности России позволит отобразить реальную картину, складывающуюся в сфере внешнеэкономической деятельности в отношении физического объема в разрезе товарных групп и географической структуры. По данным таможенной статистики в 2022 году внешнеторговый оборот России в стоимостном выражении по сравнению с предшествующим годом увеличился на 8,1 % и составил 850542,6 млрд. долл. США.

Современное состояние показателей внешнеэкономической деятельности России представлено на рис. 1. Из рис. 1 следует, что с 2020 г. по 2022 г. наблюдался стабильный рост объема внешнеторгового оборота в стоимостном выражении. Что же касается натуральных объемов товарооборота в

2022, то здесь можно говорить о его уменьшении в сравнении с предшествующем периодом более чем на 23 % в связи с сокращением объемов экспорта на 28 % при этом импорт товаров практически не изменился (рис. 2).

Основную долю российского экспорта занимали товары топливно-энергетической промышленности. Удельный вес в товарной структуре экспорта данных товаров составил 66,6 %. Анализ географической структуры экспорта России на международном рынке позволил выявить изменения объемов экспорта в другие страны. Динамика физического объема экспорта в страны дальнего зарубежья и страны СНГ представлена на рис. 2.

Анализ данных рис. 2 позволяет выявить тенденции изменения объемов экспорта товаров из РФ. Основной объем экспорта товаров приходится на страны дальнего зарубежья. Доля стран СНГ в структуре экспорта на протяжении анализируемого периода незначительно увеличивается. Таким образом, доля стран дальнего зарубежья составляет 87 %, а стран СНГ – 13 %. Основными торговыми партнерами России среди стран дальнего зарубежья являются Китай, Германия, Нидерланды, Турция.

Перспективы политики России в области стимулирования внешнеэкономической деятельности будут зависеть от степени ужесточения санкционных ограничений, которые будут вводить промышленно развитые страны против российских компаний. В этих условиях целесообразна диверсификация направлений экспорта на развивающиеся страны. (См. рис. 1 и рис. 2.)

В последнее время для участников внешнеэкономической деятельности государством принимается целый ком-

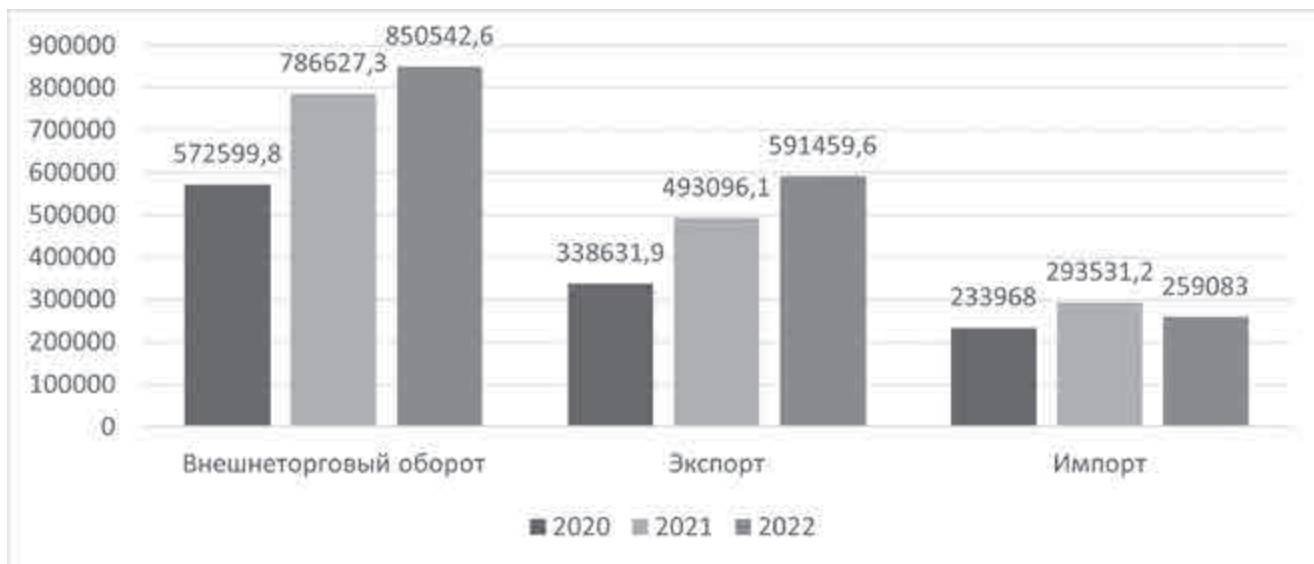

Рисунок 1. Показатели внешнеэкономической деятельности России

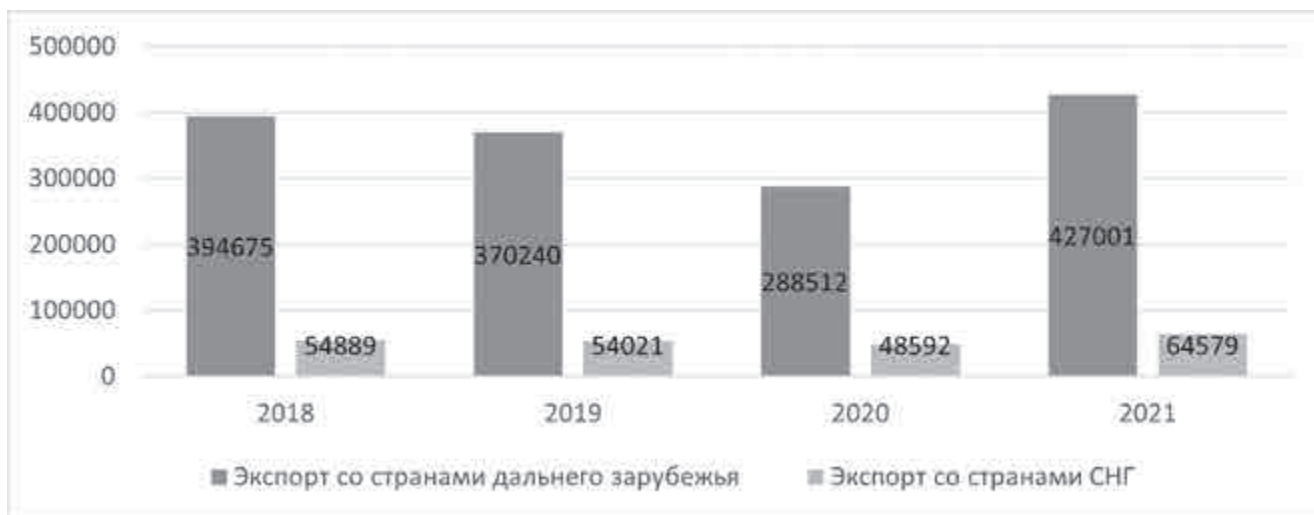

Рисунок 2. Динамика объема экспорта в страны дальнего зарубежья и стран СНГ

плекс мер по стимулированию внешнеэкономической деятельности в условиях новой геополитической обстановки. В марте 2022 года Правительством РФ был подготовлен и одобрен «План первоочередных действий по обеспечению развития российской экономики в условиях внешнего санкционного давления». План содержит более ста пунктов, объединенных в 8 разделов по различным направлениям. Значительная часть Плана посвящена поддержке импорта. К числу первоочередных мер относятся: временное обнуление ввозных таможенных пошлин на следующие виды товаров: продовольствие; медикаменты; товары первой необходимости. В процессе пересмотра ставок ввозных таможенных пошлин находятся более 1000 товарных позиций. Также предусмотрены финансовые послабления по уплате таможенных платежей, в частности при предоставлении отсрочки (рассрочки), в том числе беспроцентной, расширяется перечень случаев, в которых не начисляются штрафные санкции за их несвоевременную уплату.

При приобретении продукции, являющейся приоритетной для импорта, предусмотрено льготное кредитование. В соответствии с Приказом Минпромторга России № 1532

от 19.04.2022 г разрешен ввоз оригинальных иностранных товаров, введенных в товарооборот за рубежом, без согласия правообладателей. Кроме этого, планируется сократить государственный контроль в пунктах пропуска через государственную границу.

Со стороны ФТС создан и успешно функционирует оперативный штаб по мониторингу и управлению ситуацией в пунктах пропуска. Большое внимание уделяется упрощению и ускорению таможенных процедур. ФТС при реализации своей деятельности активно применяется система управления рисками. Согласно ей все участники внешнеэкономической деятельности разделены по трем категориям риска: высокий, средний, низкий. Разделение происходит в зависимости от оценки нарушения участниками внешнеэкономической деятельности таможенного законодательства с дифференцированным применением к ним мер таможенного контроля.

Большое внимание уделяется упрощению и ускорению таможенных процедур. Исключены из области профилей рисков продовольствие и товары первой необходимости, в отношении них снижена частота применения мер по ми-

нимизации рисков. Сокращен срок выдачи классификационных решений таможенными органами при обращении участников ВЭД через личный кабинет на 15 %.

Помимо оперативной выработки стимулирующих мер внешнеэкономической деятельности, одной из ключевых задач ФТС является тесное взаимодействие таможенных органов с российскими участниками внешнеэкономической деятельности для своевременного информирования их об мерах поддержки со стороны государства. Реализация данного взаимодействия происходит с помощью проведением ФТС круглых столов, семинаров, онлайн-вебинаров, консультаций по горячей линии, в ходе которых эксперты таможенных органов освещают различные вопросы, касающиеся таможенной деятельности.

В 2022 году Правительством РФ было поручено организовать сбор информации о проблемах предпринимателей, возникающих при осуществлении ими экспортной деятельности для того, чтобы на основе собранной информации разработать основные направления развития внешнеэкономической деятельности в условиях санкций.

Внешнеторговый товарооборот РФ в 2022 году в стоимостном выражении вырос (+2,5 %), а в натуральном выражении незначительно сократился (-5 %) по сравнению с предыдущем годом. Такая динамика прослеживается при анализе товарной структуры экспорта. Львиную долю в ней занимают топливно-энергетические товары и составляют 66,6 %. Несмотря на увеличение стоимостного объема топливно-энергетических товаров, наблюдается снижение физического объема топливно-энергетических товаров.

В связи с этим Российской Федерации необходимо развивать новые торгово-экономические связи с развивающимися странами с целью диверсификации рынков сбыта, а также продолжать наращивать темпы сотрудничества со странами СНГ. Особое значение имеет проведение различных мероприятий ФТС с участниками внешнеэкономической деятельности и получение обратной связи от них. В рамках данных мероприятий необходимо уделить внимание участникам ВЭД, которые могут иметь спрос с нелояльными странами в отношении России. В возникших условиях важным является разработка и эффективная реализация мер, направленных на противодействие возникающим вызовам на мировом рынке. Основные внутренние меры в сложившейся ситуации должны быть направлены на создание условий для обеспечения устойчивого развития российской промышленности. В свою очередь, внешние меры должны быть ориентированы на географическую диверсификацию внешнеторгового оборота, а также привлечение инвестиций из развивающихся стран.

Пристатейный библиографический список

1. Официальный сайт ФТС России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://customs.gov.ru/> (дата обращения: 12.02.2023).
2. План первоочередных действий по обеспечению развития российской экономики в условиях внешнего санкционного давления. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.alt.ru/external_news/88128/ (дата обращения: 05.03.2023).
3. Приказ Минпромторга РФ от 19.04.2022 № 1532 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 ст. 1359 и ст. 1487 Гражданского кодекса

- РФ при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории РФ правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202205060001> (дата обращения: 05.03.2023).
4. Коварда В. В., Тимофеев Г. П., Тимофеева О. Г. Исследование основных результатов функционирования системы государственного регулирования внешнеэкономической деятельности России в условиях масштабной цифровизации экономических процессов // Вестник Евразийской науки. - 2021. - № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://esj.today/PDF/41ECVN121.pdf>.
 5. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития России). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>.
 6. Красных С. С. Развитие экспорта регионов России в условиях санкционных ограничений // Вестник университета. - 2022. - № 9. - С. 96-102.
 7. Кокорев А. С. Влияние внешнеэкономических санкций 2022 года на развитие регионов России // Культура и безопасность. - 2022. - № 2. - С. 19-23.
 8. Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru.
 9. Гупанова Ю. Е. Поддержка развития отраслей национальной экономики мерами таможенного регулирования // Вестник Российской таможенной академии. - 2022. - № 3. - С. 65-77.
 10. Россия в цифрах 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12993> (дата обращения: 22.1.2021).
 11. Трещевский Ю. И., Опойкова Е. А. Влияние санкций на конфигурацию внешнеэкономической деятельности регионов России // Регион: системы, экономика, управление. - 2022. - № 2 (57). - С. 27-37.
 12. Кантарович А. А. Особенности внешнеэкономической деятельности России в условиях санкционной политики // Региональные проблемы преобразования экономики. - 2022. - № 3 (137). - С. 5-13.

МЕРГАСОВ Алексей Владимирович
аспирант Московской международной академии

МОДЕРНИЗАЦИЯ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы интеграции банковской системы Российской Федерации в финансовую систему Евразийского Экономического Союза. Отмечено, что государства Евразийского экономического союза в настоящее время заинтересованы и проявляют постоянное внимание к развитию и укреплению именно сферы банковского сотрудничества и взаимодействия, выражая общие рамочные намерения в части согласованности в таких сферах банковской деятельности, как: банковское законодательство и регулирование, денежно-кредитная политика, направления валютного регулирования.

Ключевые слова: финансы, банковская система, интеграция, Евразийский Экономический Союз.

MERGASOV Alexey Vladimirovich
postgraduate student of the Moscow International Academy

MODERNIZATION OF THE BANKING SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF EURASIAN ECONOMIC INTEGRATION

The article discusses the issues of integration of the banking system of the Russian Federation into the financial system of the Eurasian Economic Union. It was noted that the states of the Eurasian Economic Union are currently interested and show constant attention to the development and strengthening of the sphere of banking cooperation and interaction, expressing common framework intentions regarding consistency in such areas of banking activity as: banking legislation and regulation, monetary policy, directions of currency regulation.

Keywords: finance, banking system, integration, Eurasian Economic Union.

Мергасов А. В.

Важнейшим элементом современного этапа социально-экономического развития в общемировом масштабе выступает региональная интеграция, в том числе экономическая. Она представляет собой синтез опоры на принципы глобализации и учет, акцентуация региональной специфики государств. В настоящее время процессы интенсификации региональных контактов усиливаются также, как и региональная экономическая сегментация; продолжают расти региональные политические, социальные и экономические контакты, как количественном измерении, так и в качественном измерении. В общих интересах стоит задача развития взаимной торговли, заключении договоров о снижении тарифов, квот и прочих торговых ограничений между государствами, которые в совокупности влияют на финансовую часть жизнедеятельности государства.

В стремительном развитии, Евразийский экономический союз, прошел преодоление всех классических этапов становления в региональном экономическом интеграционном объединении, через стадии зон свободной торговли, таможенного Союза, совместных действий в едином экономическом пространстве при переходе к формированию, развитию и становлению экономического союза [5]. Сильные экономические, социальные и политические связи, безусловно, сыграли свою роль в том, что в настоящее время евразийский проект — это состоявшийся интеграционный проект с сильным базисом и перспективой широкого сотрудничества [7].

Важно в контексте нашей статьи привести строки из Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза, которая была принята в декабре 2018 г., о том, что «Финансовый рынок, являясь важным инструментом обеспечения максимальной эффективности единого рынка ЕАЭС и реализации

его возможностей для бизнеса и потребителей открывает дополнительные возможности для координации валютно-финансовой и денежно-кредитной политики стран-участниц Евразийского союза» [3].

Благодаря тому, что государства-члены Союза передали в Евразийскую экономическую комиссию, которая является структурным подразделением Союза, порядка двадцати направлений компетенции, среди которых рассматриваемая в настоящей статье — финансовые рынки (банковская сфера, сфера страхования, валютный рынок и рынок ценных бумаг). Комплексное решение вопросов по интеграции по данному пункту происходит уже на базе работы данной специализированной комиссии [4].

Следует отметить глубокую вовлеченность федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации и государств-членов Союза в процесс создания и управления регуляторами финансового рынка. Взаимодействие проходит по линии Банка России и Евразийской экономической комиссии, а также по линии Банка России, коммерческих и государственных банков Российской Федерации и банковских учреждений стран-участников Союза. Непосредственное участие Банка России в работе совещательных и консультативных органов, созданных комиссией, обеспечивает Департамент международного сотрудничества. Комиссии ответственна за такие направления работы как макроэкономическая политика, банковская сфера, сфера страхования, сфера рынка ценных бумаг [6].

Количественные показатели развития банковской системы стран-участниц Союза примерно равные. Например, в Беларуси из 24 банков: 5 - с государственным участием, 14 - с участием иностранного капитала; в Казахстане - из 33 банков: 16 - с участием иностранного капитала; в Кыргызстане - из 26

банков: 17 с иностранным участием; в Армении – 22 банка, все с участием иностранного капитала.

Институциональная структура в рамках финансового сектора стран-участниц Союза включает коммерческие банки, страховые компании, инвестиционные и пенсионные фонды, не банковские институты и микрофинансовые организации. Таким образом, можно смело заявить, что финансовый сектор сложился как устойчиво ориентированный именно на банковскую систему [1].

В качестве общих черт развития банковских систем и финансового сектора Евразийского экономического союза выступает:

- направления приоритета моделей банковской сферы в общем комплексе институтов финансовой системы. Налицо доминирующее присутствие капитала банковского сектора, и больше всего коммерческих банков представлено именно банками универсального характера;
- очень незначительна доля банков специализированных, имеющих отраслевой характер;
- хорошо развита структура страховых институтов, например банковских депозитов;
- наблюдается поступательный рост уровня рыночной концентрации;
- довольно высок процент присутствия государства в деятельности и управлении банками.

Ключевыми финансово-экономическими игроками в регионе Центральной Азии и партнерами в процессе дальнейшей институционализации Евразийского экономического союза и взаимодействия в формате БРИКС выступают Россия и Казахстан.

Сбербанк Альфа-Банк, ВТБ Казахстан и группа дочерних учреждений крупных российских банков занимает твердые позиции на финансовом рынке Республики Казахстан, в целом, в Евразийском финансово-экономическом пространстве. В рамках Союза происходит формирование общих финансовых мега-регуляторов, что способствует притоку долгосрочных инвестиций из Китая и других государств БРИКС.

Безусловно, банковские системы и финансовые рынки России и Казахстана являются наиболее развитым и эффективными, но и остальные государства ЕАЭС прилагают дополнительные усилия в целях повышения деловой активности своих национальных финансовых рынков, направленных на улучшение качественных стандартов в соответствии с нормами банковской деятельности Союза [3].

В настоящее время цифровые технологии уверенно становятся существенной частью развития экономики. Процессы цифровизации трансформируют финансово-производственные отношения, влияют на все стороны взаимодействия между государствами, содействуя углублению и расширению спектра контактов.

Одним из очевидных результатов цифровизации банковской сферы является отход от традиционного банковского счета к виртуальному аналогу. Производить расчеты в мобильных приложениях становится удобно как для клиентов, так и для банков. Это также дополнительный фактор, упрощающий финансовую сторону обмена рабочими потоками в странах Союза. Тем не менее, данный вид новаций, трансформирует банковский сектор, предопределяет угрозы и риски финансового характера для пользователей. Тем не менее, показатели обеспечения информационной безопасности своей деятельности банками значительны: порядка 88% банков стоят на пути предупреждения угроз и рисков финансового характера для своих клиентов. Но попытки утечки информационных данных клиентских баз и использования их в мошеннических целях интенсивны. Поэтому процесс модернизации инфраструктуры банковской сферы должен решаться в рамках межгосударственного диалога в русле нормативно-правового и институционального характера.

Резюмируя, можем выделить следующие тенденции развития банковской сферы, характерные как для Российской Федерации, так и для стран-членов Евразийского экономического союза. Исходя из производственного подхода, отметим, что приоритетное внимание будет уделено направлениям согласованности политики расширения банковской интеграции, созданию свободно функционирующего рынка денежного обращения, с учетом его особенных функциональных сегментов, банковского рынка услуг, с безусловным включением направлений регионального и международного характера в регулировании деятельности банков стран государств – участников ЕАЭС.

Странам-участникам Союза предстоит еще разработать принципы организации системы наднациональных органов сфере банковского, денежно-кредитного и валютного регулирования. На наш взгляд создание единого Центрального банка или Межгосударственного банка, аккумулирующего финансовую сторону интеграции стран ЕАЭС, может определить последующий трек его развития.

Государства Евразийского экономического союза в настоящее время заинтересованы и проявляют постоянное внимание к развитию и укреплению именно сферы банковского сотрудничества и взаимодействия, выражая общие рамочные намерения в части согласованности в таких сферах банковской деятельности, как: банковское законодательство и регулирование, денежно-кредитная политика, направления валютного регулирования.

Процесс выстраивания финансовой стабильности для стран-участниц ЕАЭС, безусловно, обоюдно важен и взаимообусловлен, и несмотря на возникающие сложности уже в настоящее время выстраивается с четкими планами и обоснованными стратегиями.

Пристатейный библиографический список

1. Алиева И. А., Омурова С. К. Особенности функционирования финансового сектора национальной экономики в условиях экономической интеграции // Вестник КРСУ. - 2019. - Том 19. - № 7. - С. 15-18.
2. Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза, принятая в декабре 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/foreign_policy/evraziyskaya_economicheskaya_integraciya/1580534/
3. Ершов В. Ф. Россия и Казахстан: межбанковское взаимодействие в рамках Евразийского Союза // Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. - 2019. - № 2. - С. 169-205.
4. Маликов К. К., Нурмахмадов З. М. Евразийский экономический союз: некоторые итоги деятельности // Экономика Таджикистана. - 2023. - № 2. - С. 192-198.
5. Официальный сайт Евразийского экономического союза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения 02.11.2023).
6. Официальный сайт Центробанка РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cbr.ru/today/ms/is/is1/> (дата обращения: 03.11.2023).
7. Скворцов Д. Д. Евразийская экономическая интеграция: векторы сотрудничества в рамках Союза // Экономика и бизнес: теория и практика. - 2022. - № 5-3 (87). - С. 72-75.

УВАРОВА Марина Николаевна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры цифровой экономики и информационных технологий Орловского государственного аграрного университета

ПОЛЬШАКОВА Наталья Викторовна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры цифровой экономики и информационных технологий Орловского государственного аграрного университета

ГРИШИНА Светлана Юрьевна

кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры цифровой экономики и информационных технологий Орловского государственного аграрного университета

МОНИТОРИНГ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА И УСТОЙЧИВОСТИ СВЕКЛОСАХАРНОГО ПОДКОМПЛЕКСА РЕГИОНА

Обеспечение потребности в сахаре, выработанной из сахарной свеклы, является доминирующим фактором эффективного развития свеклосахарной подкомплеса; зональное распределение посевов вокруг перерабатывающих предприятий дает возможность снизить затраты труда и повысить эффективность производства. Авторами проанализирована динамика развития свеклосахарного производства региона и определены основные направления эффективного развития отрасли путем внедрения современных технологий, повышения уровня интенсификации производства, обеспечения продовольственной безопасности по стратегически важному продукту питания как сахар, полученный из сырья, выращенного в регионе.

Ключевые слова: зональное распределение посевов, транспортно-логистическая инфраструктура, устойчивое развитие свеклосахарного подкомплеса, свеклосырье, ресурсный потенциал.

UVAROVA Marina Nikolaevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor associate professor of Digital economics and information technology sub-faculty of the Oryol State University

POLSHAKOVA Natalya Vuktorovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor associate professor of Digital economics and information technology sub-faculty of the Oryol State University

GRISHINA Svetlana Yurjevna

Ph.D. in physical and mathematical sciences, associate professor associate professor of Digital economics and information technology sub-faculty of the Oryol State University

MONITORING OF THE RESOURCE POTENTIAL AND SUSTAINABILITY OF THE SUGAR BEET SUBCOMPLEX OF THE REGION

Ensuring the need for sugar produced from sugar beet is the dominant factor in the effective development of the sugar beet subcomplex; zonal distribution of crops around processing plants makes it possible to reduce labor costs and increase production efficiency. The authors analyzed the dynamics of the development of sugar beet production in the region and identified the main directions of effective development of the industry through the introduction of modern technologies, increasing the level of intensification of production, ensuring food security for a strategically important food product as sugar obtained from raw materials grown in the region.

Keywords: zonal distribution of crops, transport and logistics infrastructure, sustainable development of sugar beet complex, beet raw materials, resource potential.

В области сахарную свеклу начали выращивать еще с начала 19 века и по настоящее время она является основным источником для производства сахара белого, тем более из-за введенных санкций поступление иных источников для производства сахара существенно сократилось. В связи с этим уделяется большое внимание развитию отрасли, вопросам переработки побочной продукции производства сахара, мелассы и свекловичного жома для чего необходимо расширение существующих мощностей сахарных завода в регионе [10], [6]. Переработкой сахарной свеклы в регионе занимаются четыре сахарных завода, которые по уровню производства являются средними, среднесуточная переработка составляет более 20 тыс. тонн (наиболее крупными являются Отрадинский и Колпнянский сахарные заводы). Данные, опубликованные Территориальным органом государственной статистики по Орловской области на середину октября 2023 г., свидетельствуют о том, что регионом заготовлено более 1 млн. тонн сахарной свеклы, произведено гранули-

рованного жома более 27 тыс. тонн из свеклы нового урожая. В регионе в производство по переработке сахарной свеклы поступило 892 тыс. тонн, а сахара-песка из свеклы урожая 2023 года составило 130 тыс. тонн.

Для Орловской области выращивание и переработка сахарной свеклы является традиционным видом деятельности, об этом свидетельствуют результаты рейтинговых оценок, в которых регион входит в 10 лидеров страны по сбору сахарной свеклы. Исследование производственной направленности сельскохозяйственных предприятий Орловской области приводит к выводу, что более 30 сельскохозяйственных организаций специализируются на возделывании данной культуры.

По данным Департамента сельского хозяйства Орловской области на конец октября 2023 г. убрано 79% посевной площади (768 тыс. тонн со средней урожайностью 447 ц/га). Увеличение по валовому сбору сахарной свеклы составило 539 тонн, по урожайности 39% в сравнении с показателями 2022 г. Сахарные

Таблица 1. Группировка районов Орловской области по площади посева сахарной свеклы в 2022 г.

Группы	Площадь посева, га	Количество районов в группе	Средняя площадь посева сахарной свеклы в расчете на 1 район, га
1	до 500	4	268,5
2	от 500 до 5000	10	1904,3
3	свыше 5000	4	6998,5
Итого	48111	18	2672,833

заводы региона в настоящее время заготовили 1,3 млн. тонн сахарной свеклы (переработали 1,2 мл. тонн), процент заготовки и переработки увеличился на 34,1% и 30,8 % соответственно в сравнении с 2022 г., выход сахара составил 14,9%, среднесуточная переработка сахарной свеклы составляет 20 тыс. тонн, выработано сахара – 178,2 тыс. тонн (+38,8%). Кроме того, сахарные заводы региона оснащены жомосушильным оборудованием, что позволило производить кормовые добавки в общем объеме более 27 тыс. тонн и переработкой жома в гранулят. Несмотря на то, что за последние пять лет объем заготовки корнеплодов имеет тенденцию к росту, многие вопросы требуют пристального внимания и государственной поддержки, что позволит повысить конкурентоспособность отрасли, ее инвестиционную привлекательность. Показателями динамичного развития служат посевная площадь, урожайность и валовый сбор.

По мнению авторов, многие районы Орловской области обладают достаточно высоким ресурсным потенциалом для выращивания сахарной свеклы, что обусловлено природно-климатическими условиями, но наиболее высокие показатели отмечены в Юго-Восточной зоне региона (самые высокие показатели удельного веса чернозема). Наибольшая посевная площадь сахарной свеклы в Ливенском (9410 га), Малоархангельском (7116 га), Мценском (5763 га) и Залогощенском (5705 га) муниципальных районах. Урожайность сахарной свеклы в этих муниципальных районах в среднем составляет 400,7 ц/га, что обусловлено показателями трудообеспеченности и интенсификации, превышающими средний уровень по области. Значительный рост посевных площадей в 2022 году наблюдался в Верхневском (в 2 раза), Новосильском и Троснянском муниципальных районах (192,9% и 176,3% в сравнении с 2021 г.). Рост заготовки свеклосырья для производства сахара оказался возможен из-за увеличения урожайности (таблица 1).

До недавнего времени в свеклосахарном производстве имели место предпосылки, ведущие к разрушению отечественного свекловодства и сахарной промышленности которые были связаны с высокой себестоимостью сахара, произведенного из отечественного сырья [1]. Более того, еще несколько лет назад снижение рентабельности производства сахарной свеклы, требующей в процессе возделывания больших материальных и трудовых затрат, обусловило устойчивое сокращение посевных площадей (32,3 тыс. га в 2010 г. и 45,5 тыс. га в 2020 г.) и валового сбора сахарной свеклы (минимум приходится на 2010 г. – 716 тыс. тонн и 2020 г. – 1841,9 тыс. тонн). В целом тенденция роста посевных площадей за последние годы свидетельствует о рациональном размещении свеклосеющих хозяйств вокруг сырьевых зон сахарных заводов [3]. Ранжирование муниципальных образований области по посевной площади позволило выявить диапазон изменения по посевной площади от наименьшего с посевной площадью в 63 га (Краснозоренский) до наибольшего в Ливенском районе (9410 га). Такое приращение по посевной площади свидетельствует о том, что наиболее эффективное

производство с использованием современных технологий, оборудования наиболее рентабельно в крупных сельскохозяйственных предприятиях (таблица 1).

По мнению авторов, резервом для увеличения объемов производства сахарной свеклы в регионе служит планомерная работа, направленная на повышение урожайности, технологических качеств свеклосырья, которая невозможна без применения современных технологий, поддержания на хорошем уровне естественного плодородия, использование качественного семенного материала [8]. Для получения высокого урожая сахарной свеклы необходим баланс между рядом факторов, к которым следует отнести природно-климатические условия (35%), качественный семенной материал (20%), минеральное питание (21%), организационно-технологические факторы (24%). Комплекс мер по улучшению плодородия почв (агротехнических, агрохимических, мелиоративных, противоэрозионных мероприятий), дает возможность для устойчивого роста корнеплодов. (рис. 1).

Как мы видим за последние годы нормы внесения минеральных удобрений на 1 га пашни сократились с 414 кг в 2010 г. до 331 кг в 2021 г. (минимальный показатель 264 кг был в 2015 г.). Тем не менее, следует отметить, что количество внесенных органических удобрений сократилось с 0,2 тыс. тонн на 1 га в 2015 – 2019 гг. до 0,04 тыс. тонн в 2020 г. Для обеспечения устойчивых показателей по выращиванию сахарной свеклы в регионе необходимо чтобы уровень внесения минеральных удобрений соответствовал научно обоснованным показателям (не ниже 450 – 500 кг на 1 га посевной площади).

Несмотря на инвестиционную привлекательность отрасли, следует отметить, что за последние годы количество свеклоуборочных машин на 1000 га посадки сократилось с 3 в 2010 г. до 1 (2015 – 2021 г.). Тем самым увеличилось число посевов на одну свеклоуборочную машину с 389 в 2010 г. до 772 в 2021 г., что обусловлено износом техники и увеличением сроков амортизации. В связи с этим каждое свеклосеющее хозяйство должно пересмотреть структуру посевных площадей, выработать стратегию по улучшению сложившейся ситуации для обеспечения эффективного производства что, несомненно, отразится на конкурентоспособности свекловодства, одной из важных составляющих сахаропродуктового подкомплекса [2], [4]. Современный этап развития сельского хозяйства в целом и свеклосахарное производство в частности нацелен на внедрение киберфизических систем в производственные структуры и позволяет добиться повышения в несколько раз производительности сельскохозяйственной техники, в том числе и специализированных свеклоуборочных комбайнов, что в свою очередь позволяет увеличить эффективность использования сельскохозяйственных угодий [3], [5]. Показатели агротехники зависят от уровня интенсификации, а также от специализации производства, обеспечивающей концентрацию ресурсов для возделывания данной культуры, немаловажную роль при этом играет кадровый состав работников, уровень организации труда и управления

Рисунок 1. Динамика внесения минеральных и органических удобрений, кг

в свеклосеющих хозяйствах и предприятиях, занимающихся транспортировкой и переработкой полученной продукции [7], [9]. Все эти факторы формируют конъюнктуру рынка сахара, себестоимость продукции. Для эффективной работы необходимо соблюдение баланса между затратами на содержание основных средств (30,4%), формирование семенного фонда и средств химической защиты растений и удобрений (9,9 и 19,1% соответственно), материальные затраты на электроэнергию и нефтепродукты (8%).

По нашему мнению, необходимо не только отслеживать взаимосвязь между структурными элементами, входящими в производственную цепочку, но и сопоставлять их изменения во времени, учитывать структурные приращения. На объем валовой продукции оказывают влияние следующие факторы: размер и структура посевных площадей, специализация свеклосеющих хозяйств, наличие земельных ресурсов, качество почвы, климатические условия, качество семенного материала, сроки и способы посева (уборки) и многие другие. Рентабельность произведенной продукции, ее себестоимость определяют уровень стабильности свеклосеющих хозяйств. Для достижения поставленных целей необходима поддержка на региональном уровне путем внедрения современных технологий, рационального использования трудовых, материальных, энергетических агроэкологических ресурсов. Модернизация существующих и ввод в эксплуатацию новых мощностей по переработке выращенной в регионе продукции приведет к увеличению ресурсного потенциала, что приведет к повышению валового сбора и урожайности сахарной свеклы.

Пристатейный библиографический список

1. Большакова А. Ю. Экономическая эффективность производства сахарной свеклы в Российской Федерации // *Аллея науки*. – 2020. – № 2 (41). – С. 236-237.
2. Быковская Н. В., Иванова Н. М., Соколов О. Б. Экономическая эффективность производства сахарной свеклы в России // *Инновации и инвестиции*. – 2019. – № 1. – С. 258-260.
3. Ефремова Е. Н. Основные проблемы и пути повышения эффективности производства сахарной свеклы в России // *Форум*. – 2016. – № 1 (7). – С. 122-124.
4. Савчик С. М. Сахарная свекла // *Наше сельское хозяйство*. – 2020. – № 3 (227). – С. 56-61.
5. Хаустова Г. И., Булеева Н. О. Сахарная свекла: состояние производства продукции, статистическо-экономический анализ, резервы повышения эффективности производства // *Политэкономические проблемы развития современных систем. Сборник научных статей 3-й Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. Е. Б. Фальковича, Е. А. Мамистовой*. – М., 2018. – С. 179-184.
6. Калиничева Е. Ю., Уварова М. Н. Территориальная организация и проблемы развития свеклосахарного производства Орловской области // *Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии*. – 2018. – № 9. – С. 250-256.
7. Калиничева Е. Ю., Уварова М. Н., Польшакова Н. В., Александрова Е. В., Жилина Л. Н. Устойчивое развитие свеклосахарного производства в контексте инновационного подхода // *Вестник аграрной науки*. – 2022. – № 2 (95). – С. 134-145.
8. Киреева А. П., Турысбекова Р. К., Коньсбаева Г. Б., Толеганов А. Д. Соотношение в производстве и переработке сахарной свеклы как фактор повышения экономической эффективности сельскохозяйственного производства // *АПК; экономика и управление*. – 2021. – № 8. – С. 90-95.
9. Уваров Д. В. Систематизация критериев, показателей и факторов эффективности развития сахарной промышленности // *Известия Юго-Западного государственного университета*. – 2014. – № 6 (57). – С. 134-139.
10. Уваров Д. В., Уварова М. Н. Оптимизация сырьевого обеспечения сахарных заводов // *Сахарная свекла*. – 2012. – № 9. – С. 45-48.
11. Орловская область. 2010, 2015, 2019 – 2021: стат. сб./ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Орловской области. – Орел, 2022. – 257 с.

ХАЛИКОВА Эльвира Анваровна

кандидат экономических наук, доцент Уфимского государственного нефтяного технического университета

ФРЯЗИНОВ Николай Юрьевич

магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета

МНОГОКРИТЕРИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТБОРА ПОСТАВЩИКОВ ПРИ ЗАКУПКЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБОРУДОВАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ РЕШЕНИЙ

В статье представлена методика многокритериального отбора поставщиков технологического оборудования с применением методов анализа данных и машинного обучения. Рассмотрены основные источники данных о поставщиках технологического оборудования, проведен анализ основных методов хранения информации, а также предложены варианты использования методов машинного обучения и анализа данных при работе с информацией о поставщиках технологического оборудования.

Ключевые слова: технологическое оборудование, отбор поставщиков, анализ данных, машинное обучение, критерии отбора поставщиков, цифровые решения.

KHALIKOVA Elvira Anvarovna

Ph.D. in economic sciences of the Ufa State Petroleum Technological University

FRYAZINOV Nikolay Yurjevich

magister student of the Ufa State Petroleum Technological University

MULTI-CRITERIA ANALYSIS OF THE SELECTION OF SUPPLIERS FOR THE PURCHASE OF TECHNOLOGICAL EQUIPMENT USING DIGITAL SOLUTIONS

The article presents a methodology for multi-criteria selection of technological equipment using data analysis and machine learning methods. The main sources of data on suppliers of technological equipment are excluded, an analysis of a sample of methods for storing information is carried out, and options for using machine learning methods and data analysis when working with information on suppliers of technological equipment are proposed.

Keywords: technological equipment, supplier selection, data analysis, machine learning, supplier selection criteria, digital solutions.

На сегодняшний день в нефтяных компаниях происходит трансформация модели материально-технического обеспечения технологического оборудования на производственные объекты с оценкой на экономическую эффективность его использования в процессе эксплуатации.

Практика последних годов показала, что цифровизация промышленного сектора позволяет увеличить эффективность его работы, повысить надежность и бесперебойность работы всех подразделений нефтяной компании. В связи с этим, внедрение новых инструментов и методик для повышения работы закупочного подразделения всегда является актуальной задачей, так как от этого зависит конкурентоспособность и экономическая эффективность компании.

Самым популярным типом баз данных на сегодняшний момент являются реляционные базы данных, данные в которых организованы в виде классических таблиц, информация в которых хорошо структурирована и представлена в виде строк и столбцов. Данные таблицы связаны с помощью определенных ключей, позволяющих делить большие объемы информации для различных целей.

Основные преимущества реляционных баз данных:

1) Наличие системы ограничений для доступа к информации позволяет сохранить целостность и согласованность данных.

2) Реляционные базы данных могут быть легко масштабированы по мере увеличения пользователей и количества хранящихся данных.

3) Язык запросов SQL, используемый при работе с базами данных, прост в изучении и использовании, одновременно с этим обеспечивающий широкий функционал при манипулировании базой данных.

4) Использование системы транзакций при работе с базой данных позволяет обеспечить надежность передачи информации при сбоях или перерывах в работе с системой [1].

Данный метод позволяет увеличить зону охвата продуктивной залежи одной скважиной благодаря горизонтально-разветвленной конструкции забоя, вследствие чего, с одной стационарной платформы можно охватить значительный участок месторождения и таким образом сократить множество финансовых затрат связанных с освоением шельфов. Такие методы выгодны в случаях высокой продуктивности нефтяных или газовых коллекторов, когда дебит нефти окупает затраты на строительство высокотехнологичных скважин.

Объектно-ориентированная база данных (ООБД) – это тип базы данных, который основан на концепции объектно-ориентированного программирования (ООП). ООБД представляет данные в виде объектов, которые могут содержать свойства (атрибуты) и методы (функции),

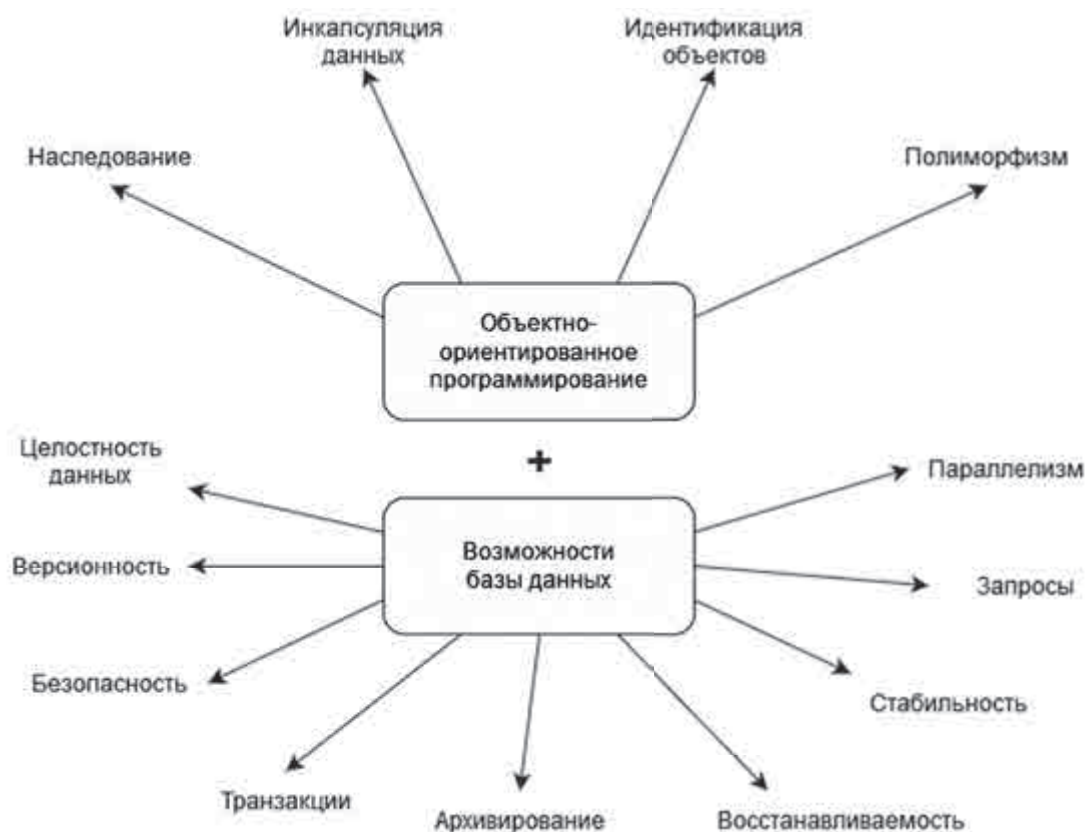

Рисунок 1. Преимущества объектно-ориентированной базы данных

Рисунок 2. Обработка данных для построения моделей

а также взаимодействовать друг с другом через наследование, полиморфизм и другие принципы ООП [2]. (См. рис. 1.)

В ООБД данные организованы в виде объектов, которые могут быть связаны друг с другом отношениями, похожими на связи между объектами в ООП. Каждый объект в ООБД имеет свой уникальный идентификатор, который используется для его идентификации и доступа к нему.

ООБД обеспечивает расширенную функциональность для работы с данными, такую как наследование, полиморфизм, инкапсуляцию и ассоциации между объектами. Они позволяют разработчикам эффективно моделировать сложные отношения и иерархии данных.

Для качественного планирования закупок технологического оборудования необходимо иметь базу данных о поставщиках, которая должна быть максимально актуальной. Получить информацию о поставщиках можно посредством аудита.

Аудит – это систематический процесс оценки, анализа и проверки финансовой информации, деятельности, процедур и систем управления организацией или индивидуальным лицом. Целью аудита является обеспечение достоверности, надежности и целостности финансовой отчетности, а также проверка соответствия деятельности организации законодательству, нормативным актам и стандартам [3].

Технический аудит является одним из важных видов сбора информации о поставщиках технологического оборудования. К основным критериям проверки поставщиков технологического оборудования следует отнести: персонал, продукция и компоненты, склады и логистика, качество и сертификация, проектные возможности, управление производством.

При сборе большого массива информации о поставщиках технологического оборудования авторы статьи предлагают использовать методы машинного обучения.

Методы машинного обучения можно использовать для различных задач [4], [5]:

- создание глобального рейтинга надежности поставщиков;
- выбор лучшего поставщика для конкретного предприятия;
- выбор лучшего поставщика по отдельной номенклатуре;
- определение цены сделки;
- и т.д.

Для составления рейтинга поставщиков необходимо также обработать исторические данные и провести их аналитику. Технологическое оборудование характеризуется совокупностью критериев, основываясь на которых подписывают договор. Такими критериями могут выступать:

- условия договора (цена, срок поставки, срок изготовления, базис поставки и т.д.)
- географическое положение;
- страна поставщика;
- списочная численность персонала;
- финансовые показатели (Market Cap, EBITDA, P/E, P/S, ROE, ROA и т.д.)
- юридический статус;
- технология производства;
- возраст оборудования;
- средний опыт работы персонала;
- и т.д.

Технологическое оборудование в рамках сделки может характеризоваться уникальными критериями:

- материальное исполнение;
- геометрические размеры;
- габаритный вес;
- условия доставки;
- расходные и запасные части;
- среда оборудования;
- температурные условия;
- наличие паспорта на изделие, полнота его содержания;
- и т.д.

Алгоритм обработки данных изображен на рисунке 2.

После обработки данных идет шаг построения модели. Существует множество алгоритмов, которые можно использовать параллельно. В случае с определением поставщика необходимо проводить обучение на исторических данных, которые были предварительно собраны и об-

работаны с учетом имеющегося опыта закупок. Исходя из существующих моделей, при достаточном объеме данных, точность прогнозирования может составлять 60% и более.

Использование данных методик позволит ускорить принятие решение о выборе поставщика, снизит вероятность сговора между закупщиком и поставщиком, расширяется выбор номенклатуры, а также повышается качество закупаемого оборудования.

Пристатейный библиографический список

1. Жук М. М. Реляционные базы данных, язык SQL // StudNet. – 2022. – № 6. – С. 5190-5196.
2. Мясникова Н. А., Курин Н. Д. Устройство объектно-ориентированных баз данных // Объектные системы. – 2014. – № 2. – С. 76-80.
3. ГОСТ Р 58920-2021 Технологический инжиниринг и проектирование. Технический и технологический аудиты. Основные положения и показатели: нац. стандарт. Российской Федерации: дата введения 2022-01-01. – М.: Стандартинформ, 2022.
4. Mustafa Servet Kiran, Engin Eşme, Belkız Torğul, Turan Paksoy. Supplier Selection with Machine Learning Algorithms / Mustafa Servet Kiran, Engin Eşme, Belkız Torğul, Turan Paksoy // Logistics 4.0: Digital Transformation of Supply Chain Management. – 2020. – С. 103-125.
5. Li Zhao, Wenjing Qi, Meihong Zhu. A Study of Supplier Selection Method Based on SVM for Weighting Expert Evaluation / Li Zhao, Wenjing Qi, Meihong Zhu // Hindawi. Discrete Dynamics in Nature and Society. – 2021. – С. 2-11.

ЧЕРМИСИНА Татьяна Николаевна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры стратегического развития экономики Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина

КОМАРОВ Кирилл Сергеевич

студент 3 курса, направление Экономика, профиль «Финансы и кредит» Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина

ДРОЖЖИН Николай Александрович

студент 3 курса, направление Экономика, профиль «Финансы и кредит» Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСА

В данном исследовании на основе официальных данных сайта Росстата, статистических сборников, рейтингов регионов России дана характеристика естественного и механического движения населения, рассмотрены причины низкой рождаемости. Установлено, что в Тамбовской области за последнее десятилетие сложилась неблагоприятная ситуация, связанная с высокой смертностью и низким количеством новорожденных, с миграционными процессами в другие регионы.

Ключевые слова: численность населения, естественное воспроизводство населения, рождаемость, смертность, миграция, естественное движение населения.

CHEREMISINA Tatyana Nikolaevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, associate professor of Strategic economic development sub-faculty of the G. R. Derzhavin Tambov State University

KOMAROV Kirill Sergeevich

student of the 3rd course, direction Economics, profile "Finance and Credit" of the G. R. Derzhavin Tambov State University

DROZHZHIN Nikolay Alexandrovich

student of the 3rd course, direction Economics, profile "Finance and Credit" of the G. R. Derzhavin Tambov State University

DEMOGRAPHIC SITUATION OF THE TAMBOV REGION: OVERCOMING THE CRISIS

In this study, based on the official data of the Rosstat website, statistical collections, ratings of Russian regions, the characteristics of the natural and mechanical movement of the population are given, the causes of low fertility are considered. It has been established that in the Tambov region over the past decade there has been an unfavorable situation associated with high mortality and low number of newborns, with migration processes to other regions.

Keywords: the population size, natural reproduction of the population, birth rate, mortality, migration, natural population movement.

Экономический кризис – крупномасштабное явление. Он затрагивает все сферы жизни общества, влияет на внутреннее равновесие государств. Не является исключением и демографическая ситуация. Рождаемость и смертность, движение миграционных потоков, численность и прирост населения имеют большое влияние на положительное развитие экономики и политики страны. Характеризуя демографическую ситуацию государства, можно отметить, что в ней прослеживается ряд негативных тенденций. Прежде всего, это низкий естественный прирост населения, связанный с низкой рождаемостью, но высокой смертностью. Кроме этого, за последние годы наблюдается переселение населения как внутри региона, так и за его пределы. И несмотря на то, что политика правительства направлена на сохранение стабильности и внутреннего равновесия, на территории Тамбовской области демографическая ситуация в последние десятилетия также имеет негативный характер.

Численное сокращение населения (депопуляция) еще один показатель демографической ситуации государства. Если в России данный процесс приходится на начало 1992 года, то на территории Тамбовской области он начался в 1977 году. На 1 января 2000 года на территории Тамбовской области постоянно проживало 1231,1 тыс. чел. Через двенадцать лет (на 1 января 2023 года) по официальным данным госу-

дарственной статистики, она сократилась практически на четверть (на 264,8 тыс. чел., на 21,5%) и составила 966,3 тыс. чел. (рис.1), 596,2 тыс. чел. из них – городские жители (61,7%) и 370,1 тыс. чел. (38,3%) проживают в сельской местности [5, с. 28].

Почему происходит процесс депопуляции населения? Ответ на вопрос очевиден. В городах, районах, населенных пунктах Тамбовской области в исследуемый период происходит естественная убыль населения. То есть за этот период число родившихся детей в регионе было меньше, чем умерших. Естественное движение населения - обобщенное название совокупности рождений и смертей, изменяющих численность населения так называемым естественным путем. Показатели естественного движения населения только за 2022 год ниже на 9772 чел., по показателям сокращение жителей региона на тысячу человек - 10,1‰ [5, с. 25]. Число зарегистрированных родившихся в регионе за 2022 год - 6,6 тысячи чел., коэффициент рождаемости - 8,2‰.

Анализируя ситуацию рождения и смертей на территории Тамбовщины, можно сделать вывод о том, что рождаемость в регионе в период с 2010 до 2015 года стабилизировалась и составляла в среднем 10250 человек. Однако с 2016 года численность детей, родившихся в регионе, снижается. В период с 2016 по 2022 год этот показатель снизился на

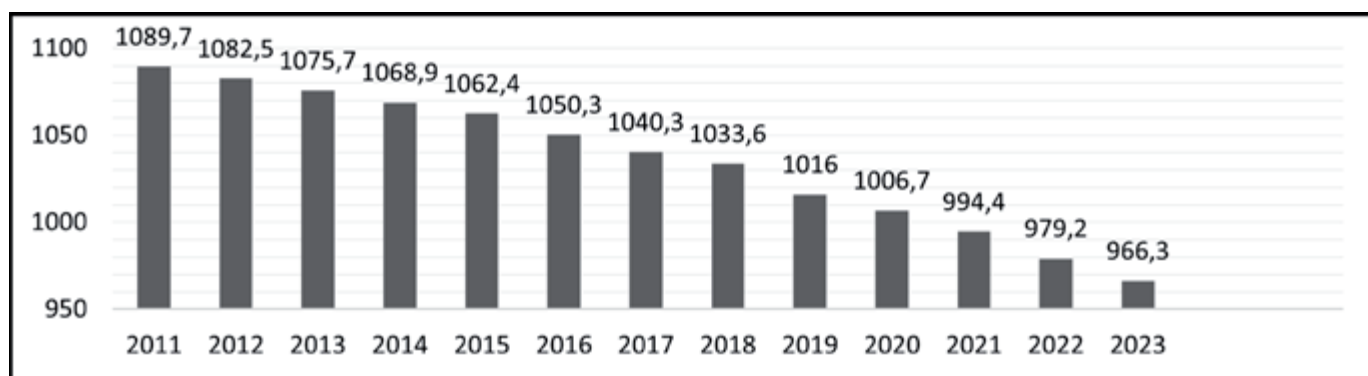

Рисунок 1. Численность постоянного населения Тамбовской области в 2011-2023 гг. (на 1 января), тыс. чел. [1, с. 28]

34,4%. Данные о количестве новорожденных в городе и селе показывают, что в Тамбовской области рождаемость выше в сельской, чем в городской местности. В 2021 году на территории региона средний уровень рождаемости (суммарный коэффициент) составил 1,285 против 1,245 в 2010 году [1, с. 26]. Суммарный коэффициент рождаемости показывает динамику среднего числа рожденных детей одной женщины, на протяжении репродуктивного периода. Поколение детей, которое меняет поколение родителей, на территории региона, не является даже «простым воспроизводством», тем более «расширенным».

По установленным данным, коэффициент рождаемости, который меньше 16 промилле – низкий. В нашей области, по данным Тамбовстата, в 2021 году в нашей области данный показатель – 7,3. Сравнивая его с другими регионами можно сделать вывод о том, что это – 80 место в 2021 гг. из 85 регионов [4]. Другими словами, мы занимаем самую низкую нишу по данным показателям в стране. Низкая рождаемость объясняется разными причинами: отношением молодого поколения к семье и браку (распространением гражданских браков), состоянием здоровья женщин 15-49 лет, увеличением среднего возраста матери-роеницы, повышением ценностей образования и карьерного роста, материальным положением семьи, уровнем жизни.

В естественном движении населения важную роль играет смертность. В период с 2010 по 2021годы коэффициент смертности в Тамбовской области держится на очень высокой отметке – с 17,5‰ в 2010 г. до 20,9‰ в 2021 г., значительно опережая общероссийские «достижения» (в 2021 г. – 16,7‰) и средние значения по Центральному федеральному округу (17,5 промилле).

Установлено, что Тамбовская область в 2010 году занимала 72 место, а в 2022 году – 78 по смертности населения [4]. Увеличение смертности приходится на период 2020 года. Это объясняется распространением COVID-19. В 2021 году наблюдается самый высокий пик смертности, коэффициент смертности в области – 20,9 промилле. В 2022 году показатель смертности снижается на 4372 чел. По данным Росстата в Тамбовской области за последние три года наблюдается избыточная смертность. Это временное увеличение смертности в популяции по сравнению с ожидаемой [4]. Обращает внимание и такой факт, что на территории региона среди умерших в 2022г. 17% – люди трудоспособного возраста, среди них женщин – 7%, мужчин – 28%.

Вызывают волнение и проблемы, связанные с увеличением количества жителей 65 лет и старше. В соответствии с международными показателями если 7% населения составляют люди старше 65 лет, то такое население считается ста-

рым. Сравнивая данные показатели по Тамбовской области и показатели ЦФО и России, делаем вывод: в Тамбовской области каждый пятый человек 65 лет и старше. В ЦФО и России каждый шестой [4]. Анализ статистических данных показал, что в период с 2015 по 2022 год количество жителей пенсионного возраста в России снизилось с 24,6% до 20,0%. Однако в Тамбовской области данный показатель вырос на 0,1 п.п. На 1 января 2023 года среди населения Тамбовской области удельный вес жителей такого возраста достиг 20,5%, причем мужчин от 65 и старше меньше, чем женщин на 9,5%. В этой связи возрастает показатель демографической нагрузки, т.е. отношение лиц в дорабочих и послерабочих возрастах к численности населения рабочих возрастов. В Тамбовской области в 2022 г. общая нагрузка составила 802 человека на 1000 лиц рабочих возрастов, из них 272 человека – дети и 530 – лица пожилого возраста (табл. 1)

Механическое движение населения Тамбовской области характеризуется абсолютными и относительными показателями и включает в себя показатели численности перемещенного населения.

Начиная с 2010 по 2014 год число мигрантов, прибывших на территорию Тамбовской области, значительно возросло: с 15672 до 41693 чел. В последующие четыре года число прибывших в регион оставалось на отметке 40000 чел. ежегодно. Начиная с 2018 года количество мигрантов на территорию Тамбовской области снижается. Это связано с тем, что 2020 год характеризуется как год ковидных ограничений. Число прибывших снизилось по сравнению с 2019 годом на 6684 человек или на 19,2%. Такую ситуацию называют отрицательным сальдо миграции. Разница между прибывшим (25131) и выбывшим (25140) населением в 2021 году на территорию нашего региона составила 11 чел. [4].

Отрицательное сальдо миграции в Тамбовской области характеризуется переездом жителей региона в другие места. Отток населения, по данным статистики, происходит за границу и бывшие республики СССР. Миграционная убыль выше прибывших на территорию региона. Миграционный прирост в анализируемый период колебался до 2015 года и имел положительное значение. С 2016 года положение изменилось, показатель был отрицательным за исключением 2017 года, когда на территорию Тамбовской области прибыло 41822 чел. Однако прирост населения составил 17 чел., что нельзя считать высоким. В 2020г. наблюдается снижение числа выбывших из региона, по сравнению с 2019 годом данный показатель снизился на 6656 человек (на 18,2%). Это связано с заболеванием COVID-19. В последние годы в Тамбовской области наблюдается отрицательное сальдо миграции. В ходе миграционных процессов снижается количество рабочих

Таблица 1. Демографическая нагрузка в Тамбовской области в 1990-2022 гг.
(в расчете на 1000 чел. рабочих возрастов; на начало года)

Год	Демографическая нагрузка на 1000 чел. трудоспособного возраста			В % к общей нагрузке	
	общая	детьми	пожилыми	детьми	пожилыми
1990	853	392	461	46,0	54,0
1995	853	380	473	44,5	55,5
2000	773	324	449	41,9	58,1
2005	676	257	419	38,0	62,0
2010	671	233	438	34,7	65,3
2015	754	252	502	33,4	66,6
2016	789	264	525	33,5	66,5
2017	813	271	542	33,3	66,7
2018	836	276	560	33,0	67,0
2019	867	283	584	32,6	67,4
2020	833	277	556	33,3	66,7
2021	846	278	568	32,9	67,1
2022	802	272	530	33,9	66,1

рук. Жители Тамбовской области едут на заработки в более экономически развитые регионы. Отрицательно сказывается на социально-экономическом развитии Тамбовской области перемещение населения из деревни в города. Население, проживающее в сельской местности в нашем регионе выше, чем по ЦФО.

С целью выхода из негативно сложившейся ситуации и увеличения численности населения на территории Тамбовской области, была запущена программа, обеспечивающая достижение целей, связанных с демографической ситуацией. Основными ее целями являются увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни, суммарного коэффициента рождаемости, увеличение доли граждан, ведущих здоровый образ жизни и граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом. Кроме этого, в регионе реализуются региональные проекты: «Финансовая поддержка семей при рождении детей», «Содействие занятости», «Старшее поколение», «Укрепление общественного здоровья», «Спорт – норма жизни».

Демографическая ситуация является отражением социально-экономических процессов. Статистические данные подтверждают, что, как и во многих регионах России, в демографии Тамбовской области существуют негативные тенденции. Это проявляется в снижении рождаемости и высокой смертности населения. Причем смертность мужчин в регионе значительно выше смертности женщин. Низкая рождаемость обусловлена социально-экономическими причинами и низким ростом заработной платы. С территории Тамбовской области местные жители стараются переехать в другие регионы, где хорошо развита экономика и высокий уровень жизни. Среди регионов ЦФО, в Тамбовской области, доля городских жителей самая низкая, а сельских – самая высокая. Быстрыми темпами идет старение населения. Доля населения в возрасте 65 лет и старше – самая высокая среди регионов ЦФО.

Выход из отрицательно сложившейся демографической ситуации региона связан с повышением уровня жизни населения. Правительству Тамбовской области нужно поддерживать семьи, имеющие двух и более детей, вводить дополнительные меры по стимулированию рождаемости, что

так же позволит решать демографическую проблему. Для снижения смертности необходимо организовать широкое внедрение профилактических мероприятий, реализовывать новые подходы в области диагностики и реабилитации заболеваний. Меры, организуемые и проводимые в области привлечения молодых специалистов и людей трудоспособного возраста должны решить миграционную проблему. Жители Тамбовской области должны понимать, что в регионе создаются комфортные условия для высокооплачиваемой работы и отдыха. Это позволит обеспечить достойное и надежное будущее жителям региона, которые перестанут задумываться о переезде в другие, более успешные субъекты РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Демографический ежегодник Тамбовской области за 2022 год. Доклад. Официальная статистика // Тамбовстат. – 2023. – 43 с.
2. Демографическая ситуация в Тамбовской области за 2022 год. Статистический сборник. // Тамбовстат. – 2023. – 122 с.
3. Официальный сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Тамбовской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tmb.gks.ru/>.
4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/>.
5. Экономические спады, подъемы и их влияние на качество жизни населения Тамбовской области. Статистический сборник. // Официальное издание. Тамбовстат. – 2021. – 141 с.

ХРУСЛОВСКИЙ Вадим Александрович

старший преподаватель кафедры социологии и рекламных коммуникаций Российского государственного университета имени А. Н. Косыгина

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ РАЗВИТИЯ ИТ-ТЕХНОЛОГИЙ: КРАТКИЙ ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Цифровые технологии стимулировали быстрые изменения и серьезные вызовы во всем современном мире. Пандемия нового коронавируса (COVID-19) в 2019 году вызвала бурный рост удаленной работы и дистанционного обучения, стимулировав таким образом процессы цифровой трансформации образовательных систем. В статье представлен краткий обзор зарубежной литературы, отражающей проблемы и перспективы внедрения цифровых технологий в системы школьного и профессионального образования.

Ключевые слова: образование, цифровизация, трансформация, дистанционное обучение, развитие.

KHRUSLOVSKIY Vadim Alexandrovich

senior lecturer of Sociology and advertising communications sub-faculty of the A. N. Kosygin Russian State University

THE TRANSFORMATION OF EDUCATION UNDER THE INFLUENCE OF THE DEVELOPMENT OF IT TECHNOLOGIES: A BRIEF REVIEW OF FOREIGN LITERATURE

Digital technologies have stimulated rapid changes and serious challenges throughout the modern world. The pandemic of the new coronavirus (COVID-19) in 2019 caused a rapid growth of remote work and distance learning, thus stimulating the processes of digital transformation of educational systems. The article provides a brief overview of foreign literature reflecting the problems and prospects of introducing digital technologies into school and vocational education systems.

Keywords: education, digitalization, transformation, distance learning, development.

Цифровые технологии стимулировали быстрые изменения и серьезные вызовы во всем современном мире. Пандемия нового коронавируса (COVID-19) в 2019 году вызвала бурный рост удаленной работы и дистанционного обучения и изменила наше восприятие того, где и как мы работаем и учимся. Негрейро и Мадиега определили цифровую революцию как «преобразующую мир таким, каким мы его знаем, с беспрецедентной скоростью» [6], примером которой является глобальное влияние цифровых технологий благодаря крупным разработкам, таким как искусственный интеллект (AI), управление большими данными, цифровое гражданство и другие. Реагирование на COVID-19 привело к ускорению цифровой революции. Министерства образования и школы, например, были вынуждены переосмыслить многие свои организационные структуры и попытались заменить аудиторное и очное обучение онлайн- и дистанционным образованием в качестве «защитного инструмента». Кроме того, учащиеся и учителя посещают школу практически из дома, что привело к значительному распространению гибридного или удаленного обучения, инструментов видеоконференцсвязи и виртуального репетиторства.

В то время как многие системы образования в прошлом использовали цифровые технологии, внедрение цифровых трансформационных изменений в различных отраслях, таких как IT, промышленность и сфера досуга, опережало внедрение цифровых изменений в системах образования. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 2019 году пришла к выводу, что «образование не было на переднем крае цифровизации, хотя инфраструктура информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) присутствует во многих школах [13], и учащиеся часто имеют доступ к новым технологиям за пределами класса. До нынешней пандемии Шлейхер предупреждал, что «без существенных изменений разрыв между тем, что предоставляют системы образования, и тем, что требует общество, вероятно, еще больше увеличится» [12]. Руководители школьной системы испытывают давление со стороны политических лидеров, вынуждающих их реагировать на экономические, социальные, политические и культурные изменения [4]. Это нашло отражение в стремлении сформировать хорошо образованных граждан в дополнение к хорошо обученной рабочей силе путем подготовки студентов с навыками будущего [1]. Изменения в обучении, включая дистанционное обучение, реформу учебной программы, оце-

нивание и технологии в классе, в дополнение к ответственности за обеспечение равенства для всех, с учетом социального и эмоционального благополучия представляет дополнительную сложность для школьных руководителей. Необходимость отвечать на текущие вызовы и предлагать справедливые решения в сфере образования независимо от социально-экономических ограничений.

Необходимость цифровой трансформации в образовании усилилась в связи с COVID-19. В Докладе о глобальном образовании ставился вопрос, почему у министерств образования не было плана на случай возможного внедрения дистанционного обучения [3]. Реагирование на COVID-19 привело к тому, что 1,27 миллиарда детей в более чем 190 странах, что составляет 95% учащихся начальных и средних школ во всем мире, столкнулись с перебоями в обучении [2], и это усилило неравенство школьных систем в отношении доступа к решениям для онлайн- и дистанционного обучения в образовании. Например, почти 47% всех учащихся начальных и средних школ, переходящих на дистанционное обучение с помощью национальных платформ онлайн-обучения, не имели доступа к Интернету дома [2]. На пике кризиса анализ данных Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) показал, что 1,6 миллиарда учащихся в более чем 190 странах не посещали школу [10].

Кроме того, учащиеся с ограниченными возможностями и трудностями в обучении, нуждающиеся в помощи, рискуют значительно отстать от своих ровесников. Самостоятельная работа за компьютером под надлежащим присмотром особенно сложна для этой группы учащихся. С аналогичными проблемами столкнулись дети младшего возраста, которым необходимо начать развивать свои более мягкие навыки (например, навыки общения, командной работы), плюс у многих детей младшего возраста возникают проблемы с удержанием внимания на экране компьютера.

Несмотря на инновации, включая новые методы преподавания и оценки, в отчете Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) «Измерение инноваций в образовании за 2019 год» подчеркивается, что результаты образования часто оказываются ниже ожидаемых или обещанных [14]. В то же время существует необходимость соответствовать ожиданиям сообщества и правительства, включая будущую работу и навыки, необходимые для карьеры, улучшенные результаты Программы международной аттестации

учащихся (PISA) или качество преподавания. ОЭСР (2019 г.) так сформулировала проблему равенства в образовании: «Очевидно, что во всех странах есть отличные студенты, но слишком немногие страны позволили всем своим студентам преуспеть и реализовать свой потенциал для этого. Достижение большей справедливости в образовании — это не только императив социальной справедливости, это также способ более эффективно использовать ресурсы, увеличения предложения навыков, которые стимулируют экономический рост, и содействия социальной сплоченности» [9].

Чтобы двигаться вперед, аналитики предлагают детальный анализ других субфакторов, таких как инфраструктура, школьная культура, стратегии планирования, профессиональное развитие. А эффективность ИКТ (информационно-коммуникационных технологий) учителей и компетентность в области интеграции ИКТ требуют дальнейшего изучения. Этот экосистемный подход соответствует современным теориям и практике, которые признают и учитывают сложность систем образования.

Проект «Будущее образования и навыков 2030» ОЭСР определяет компетенции (знания, умения, установки и ценности), которые необходимо развивать сегодняшним студентам, чтобы формировать будущий мир [13]. Это возможно при рассмотрении профилей преподавателей, условий обучения, институциональных изменений для поддержки учащихся и процесса разработки учебных программ, который является как научно обоснованным, так и систематическим.

Неподготовленность систем образования к внедрению дистанционного обучения привела к увеличению социального разрыва как в когнитивных, так и в социально-эмоциональных навыках, вызванного COVID-19, который может иметь последствия не только в краткосрочной, но и в долгосрочной перспективе. Это возросшее неравенство может сохраняться или даже расти с течением времени, оказывая влияние на последующие результаты образования, а также на будущие показатели на рынке труда.

Многие школьные системы уже претерпели заметные трансформационные изменения, такие как Финляндия, Сингапур и Норвегия, некоторые другие. Современные системы образования изучаются в поисках потенциальных уроков, чтобы определить, как они могут добиться успеха. В программе ОЭСР, по международной оценке учащихся (PISA), разработчики предполагают, что факторы, влияющие на результаты PISA в высокопроизводительных системах, «включают качество учителей, руководство школы, системные характеристики и реформу образования, и определяют благоприятные 'условия' для этих факторов в системах» [7].

Кроме того, в выводах и интерпретациях ОЭСР PISA 2018 сделан вывод о том, что высокоэффективные системы образования «открыты миру и готовы учиться у мировых лидеров образования и у них самих; они не чувствуют угрозы со стороны альтернативных способов мышления» [11]. Кроме того, руководители школьной системы, собирающиеся приступить к изменениям, требуются соответствующие данные и рекомендации, чтобы выйти за рамки разрозненных инноваций, включая разовые цифровые инициативы, которые часто неэффективны по отдельности или со временем становятся неактуальными. Им необходимо приращивать системного подхода, который охватывает соответствующие цифровые инициативы, и использовать их данные в качестве источников руководства в масштабах всей системы.

Кроме того, аналитики ОЭСР предупреждают, что преобразование образования сегодня и в будущем не увенчается успехом, если мы ограничимся подходами, которые работали в прошлом, поскольку условия и возможности изменились, о чем свидетельствует кризис COVID-19, и технологии должны быть элементом трансформации в будущее.

Использование цифровых технологий следующего поколения, таких как искусственный интеллект, аналитика обучения и виртуальное обучение, а также быстро меняющиеся инновации, которые они генерируют, приводят к постоянному перемещению позиций целей образования и могут затруднить планирование. Правозащитная группа Consortium for School Networking (CoSN) предполагает: «Многим школьным системам не хватает гибкости, стратегий и менталитета, чтобы перенести инновационные технологические практики из нескольких классных комнат в различные условия в школах и школьных системах» и рекомендует системный подход, включающий стратегии масштабирования и поддержания [5]. Эти стратегии должны включать технологии как часть непрерывного совершенствования.

Руководители школ, применяющие системный подход к преобразованию системы образования с использованием технологий в качестве вспомогательного средства, сталкиваются со сложными вопросами о том, как соответствовать текущим цифровым тенденциям при ограниченных ресурсах. Это позволяет учащимся добиваться собственных результатов при содействии окружающих их людей, инфраструктуры и систем. В ответ на глобальные тенденции организации, не связанные с образованием, все чаще занимаются так называемой цифровой трансформацией. Это позволило многим организациям успешно справиться с проблемами работы из дома, с которыми они столкнулись в ответ на кризис COVID-19. Понимание того, что означает цифровая трансформация в контексте образования, и четкое донесение этого до заинтересованных сторон является ключевым первым шагом для руководителей школ и систем, стремящихся достичь своих целей в области цифровых преобразований.

После обзора соответствующей литературы и тематических исследований, а также с учетом жизненного и профессионального опыта автора становится очевидным, что важнейшие компоненты изменений и успешная цифровая трансформация напрямую связаны с людьми. Их индивидуальное развитие является залогом успеха того, как организация учится и меняется. Этот успех начинается с реализации лидерами гибкого стратегического плана, разработанного для достижения значимых и устойчивых изменений и учитывающего местную автономию для поддержки текущих программ преобразований, но способного реагировать на будущие вызовы, такие как кризис COVID-19. Несмотря на различия в их основных видах деятельности, мы предполагаем, что организации, прошедшие цифровую трансформацию, могут преподать ценные уроки для лиц, принимающих решения в сфере образования, которые собираются вступить на этот путь.

Пристатейный библиографический список

1. European Commission Digital education action plan. 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/education/education-in-the-eu/digital-education-action-plan_en (дата обращения: 2.08.2023).
2. Giannini S. School, health and nutrition: Why covid-19 demands a rethink of education to address gender inequalities. US Fed News Service, Including US State News. - 2020.
3. Global Education Monitoring Report. Re-Building resilient education systems: Three lessons on the privatisation of education and one solution emerging from the COVID-19 pandemic. - 2020.
4. Habibi F., Zabardast M.A. Digitalization, education and economic growth: A comparative analysis of Middle East and OECD countries. *Technology in Society*, 63 (2020), Article 101370.
5. Krueger K. R. Driving K-12 innovation: Hurdles 2019. Consortium for School Networking. - 2019.
6. Negreiro M., Madiaga T. European parliamentary research service. EU policies – delivering for citizens Digital transformation, European Parliament. - 2019.
7. Newman D. Top 10 digital transformation trends for 2020. *Forbes*. – 2019.
8. OECD. Future of education and skills 2030. 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/education/2030-project/> (дата обращения: 2.08.2023).
9. OECD. Measuring the digital transformation: A roadmap for the future OECD Publishing, Paris. 2019.
10. One year into COVID-19 education disruption: Where do we stand? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://en.unesco.org/news/one-year-covid-19-education-disruption-where-do-we-stand> (дата обращения: 2.08.2023).
11. Schleicher A. PISA 2018: Insights and interpretations OECD Publishing, Paris. - 2019.
12. Schleicher A. World class: How to Build a 21st-century school system, strong performers and successful reformers in education. OECD Publishing, Paris. - 2018.
13. Trends shaping education 2019. OECD Publishing, Paris. - 2019.
14. Vincent-Lancrin S., Urgel J., Soumyajit Kar K., Jacotin G. Measuring Innovation in education 2019: What has Changed in the classroom? Educational research and innovation. OECD Publishing, Paris. – 2019.

ТЯНЬ ШУЦИ

аспирант Факультета государственного управления региональной и отраслевой экономики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

В данной статье проводится ретроспективный анализ российско-китайских отношений в области экономики и научно-технической сферы. Статья рассматривает этапы экономического и научно-технического сотрудничества двух стран, опираясь на нормативно-правовую базу и учитывая общую ситуацию, сложившуюся в торгово-экономическом развитии двух стран. В процессе анализа затрагиваются проблемы особенностей экономического роста Китая, причины экономического отставания России, а также внешнеполитические и внутренние факторы, влияющие на подъем российской экономики, что отразилось на трансформации российско-китайских отношений в области экономического стратегического партнерства. В статье также рассматриваются особенности научно-технического сотрудничества между Китаем и Россией и выявляются направления в данной области. Проведенное исследование способствует лучшему пониманию взаимоотношений Китая и России на современном этапе развития из стратегического партнерства.

Ключевые слова: стратегическое партнерство, экономическое сотрудничество, научно-техническое сотрудничество, Китай, Россия

TIAN Shuqi

postgraduate student of the Faculty of Public Administration Regional and Sectoral Economics of the M. V. Lomonosov Moscow State University

RUSSIAN-CHINESE ECONOMIC AND SCIENTIFIC-TECHNICAL COOPERATION: FORMATION AND DEVELOPMENT

This article represents a retrospective analysis of Russian-Chinese relations in the field of economy and science and technology. The article examines the stages of economic and scientific-technical cooperation between the two countries, based on the legal framework and taking into account the general situation in the trade and economic development of the two countries. In the process of analysis, it touches upon the problems of China's economic growth peculiarities, the reasons for Russia's economic lagging behind, as well as foreign policy and domestic factors affecting the rise of the Russian economy, which has affected the transformation of Russian-Chinese relations in the field of economic strategic partnership. The article also considers the peculiarities of scientific and technical cooperation between China and Russia and identifies the directions in this area. The study contributes to a better understanding of the mutual relations between China and Russia at the current stage of development of the strategic partnership.

Keywords: strategic partnership, economic cooperation, scientific and technical cooperation, China, Russia.

После распада Советского Союза наметились явные признаки российско-китайского сближения. Однако, развитие отношений между двумя странами в этот период ограничивалось принятием совместных деклараций о «необходимости расширения сфер взаимовыгодного сотрудничества» и о «намерении двух сторон развивать двусторонние отношения как отношения между дружественными странами» [3, с. 5].

В начале постсоветского периода развитие экономического сотрудничества между Россией и Китаем было весьма ограниченным. Торговля шла очень небольшими темпами, а сотрудничество в инвестиционной и производственной сферах практически отсутствовало, и не было никаких признаков его развития [3, с. 9].

Западные аналитики отмечают, что экономические отношения между Россией и Китаем в 1990-е годы «развивались медленно и хаотично» и «носили застойный характер» [2, с. 160] Виновата в этом была, как отмечает М. Любина, российская сторона. Неудачные экономические преобразования, неприспособленность экономики к потребностям свободного рынка, пережитки советского экономического мышления и устаревшее представление о Китае как об отсталой, развивающейся стране – вот основные причины, которые не способствовали успеху российско-китайских экономических отношений в конце прошлого столетия. Кроме того, в то время Китай был удален от большинства важнейших российских экономических и политических центров и слабо связан

с российским Дальним Востоком. Наконец, обе страны, если говорить о стратегиях их экономического развития в 1990-е годы, смотрели в сторону Запада, что привело к упадку объема торговли между Россией и Китаем: в 1999 году он был даже ниже, чем в 1992 году. На протяжении последних десяти лет XX века торговля оставалась «слабым местом» российско-китайского сотрудничества. Россия занимала восьмое место среди торговых партнеров Китая с объемом в 11 927 млрд. долл. (для сравнения: торговый оборот Китая с Японией составлял 101 905 млрд. долл., а с США – 181 млрд. долл.) [2, с. 160].

Когда в середине 1990-х годов Россия пересмотрела свои внешнеполитические приоритеты на основе построения многополярной системы международных отношений», политическое взаимодействие с Китаем значительно активизировалось, главным образом потому, что эта концепция совпадала со стратегическими интересами и мировоззрением самого китайского руководства.

Поэтому неудивительно, что по итогам российско-китайской встречи на высшем уровне в Пекине в 1996 году лидеры двух стран Б. Н. Ельцин и Цзян Цзэминь выступили с совместным заявлением, охарактеризовав двусторонние отношения двух стран как «стратегическое партнерство». Хотя это заявление скорее описывало чаяния, чем реальное положение дел в отношениях между двумя странами, оно, тем не менее, отражало стремление обеих стран укрепить свои внешнеполитические позиции в диалоге с Западом, особен-

но с США, и создать противовес американскому влиянию в мире.

В конце 1990-х годов между Россией и Китаем, которые к тому времени подняли вопрос о приграничной торговле, было подписано более 100 двусторонних соглашений об экономическом сотрудничестве между региональными властями обеих стран. Таким образом, почти к самому началу третьего тысячелетия российско-китайское сотрудничество перешло в стадию межрегионального взаимодействия. В 1998 году, во многом благодаря поддержке Китая, Россия вступила в организацию Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), став полноправным участником форума, обсуждающего ключевые проблемы Азиатско-Тихоокеанского региона.

В начале 2000-х годов, когда к власти пришел Владимир Путин, Россия стала уделять еще больше внимания улучшению отношений с Китаем, рассматривая это как одну из ключевых стратегий восстановления подорванного в 1990-е годы внешнеполитического авторитета России в мире. Китай также рассматривал сближение с Россией как укрепление собственных региональных и глобальных позиций. Другим не менее значимым событием в политическом и даже геополитическом сближении России и Китая стало образование в 2001 году Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), в которую вошли Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан, что послужило дополнительным стимулом для развития российско-китайского диалога и оказало заметное влияние на развитие российско-китайского экономического сотрудничества. Теперь, помимо контактов в рамках АТЭС и ШОС, регулярно, примерно три раза в год, проводились российско-китайские двусторонние встречи, включая официальные визиты руководителей государств. На этих встречах особое внимание стало уделяться сотрудничеству по вопросам безопасности в Центральном-Азиатском регионе, границы которого находятся вблизи важных объектов экономической и военной инфраструктуры как России, так и Китая.

В этом же году в Москве был подписан «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой», свидетельствующий о заинтересованности обеих стран в дальнейшем развитии двусторонних отношений. В статье 116 данного договора делается упор на развитии сотрудничества в торгово-экономической и научно-технической сферах, представляющих взаимный интерес и на создании для этого необходимых благоприятных условий в соответствии с национальным законодательством каждой из стран.

Нормативно-правовая база создала предпосылки для развития экономического сотрудничества между Китаем и Россией. Однако, при установлении отношений межгосударственного стратегического партнерства Россия и Китай столкнулись с серьезными макроэкономическими трудностями, которые возникли в результате асинхронности их политических процессов и экономического сближения. Эта асинхронность имела глубокую внутреннюю подоплеку – радикальное несоответствие базовых тенденций развития переходных экономик обеих стран, включая затяжной социально-экономический кризис и рецессию 1990-х годов в России и достаточно устойчивый и быстрый рост экономики в реформируемом Китае (1980-2000). В результате такого несоответствия экономического развития соотношение «весовых категорий» двух государств как субъектов мировой экономики радикально изменилось. Китай, имея менее 40% совокупного ВВП по сравнению с Россией в начале трансформационного периода (1979 г.), сейчас превосходит Россию по этому показателю более чем в 6 раз и продолжает увеличивать этот разрыв при решении очередной амбициозной национальной задачи – четырехкратного увеличения ВВП [1, с. 1770].

Частичное преодоление Россией трансформационного спада и вступление ее в фазу экономического подъема, с одной стороны, и продолжение «китайского экономического чуда», с другой, в первое десятилетие XXI века создали реальные предпосылки для сокращения пока еще очень глубокого разрыва между экономическим уровнем России и Китая, постепенно наполняя российско-китайское стратегическое партнерство реальным экономическим содержанием, делая упор на региональные и трансрегиональные интеграционные процессы.

Основным структурным элементом двусторонних экономических отношений стала внешняя торговля товарами и услугами между Россией и Китаем (РКТ). В 1990-е годы, в связи с переходным периодом, в России наблюдалась общая стагнация РКТ. Затем объем китайско-российской торговли стал возрастать. В 1999-2014 гг. ежегодный товарооборот увеличился с 5,7 до 95,3 млрд. долл. США, т.е. почти в 17 раз. К 2010 году Китай стал одним из ведущих торговых партнеров России. Однако, резкое падение цен на нефть на мировом рынке, девальвация российского рубля и экономический спад в России, а также некоторое замедление экономического роста в Китае привели к тому, что дальнейший рост товарооборота, хотя и был в планах обеих стран, не был реализован [1, с. 1773].

Вторым элементом двусторонних российско-китайских экономических отношений стало промышленное и инвестиционное сотрудничество, хотя в период с 2000 по 2010 года эти направления были развиты в гораздо меньшей степени, чем двусторонняя торговля, что отражало пока еще очень низкий общий уровень взаимной интеграции китайской и российской экономик. Но с середины 2010-х годов это сотрудничество существенно активизировалось в ответ на известные санкции Запада против России. Так, объем прямых инвестиций Китая в российскую экономику в 2012-2015 годах, увеличился с 2,861 до 8,940 млрд. долл. США, или более чем в 3 раза (индекс роста составил 312,5%). Соответствующий абсолютный показатель России в КНР также достаточно резко увеличился и к 2015 году составил 946,9 млн. долл. Основными направлениями инвестиционной деятельности Китая в России являются разработка полезных ископаемых, лесное хозяйство, энергетика, торговля, бытовое электрооборудование, транспортная инфраструктура, в то время как Россия в Китае делает упор на промышленное производство и строительство. Число китайских компаний, осуществляющих инвестиции в Россию достигло около тысячи, а российских компаний в Китае – около двух с половиной тысяч [1, с. 1773].

В будущем российский и китайский бизнес будут ориентироваться на масштабные совместные инвестиционные проекты. В частности, ресурсно-сырьевая проблема на фоне постоянного роста энергопотребления объективно подталкивает Китай к импорту углеводородов, древесины, другого сырья и продуктов переработки из России. По самым скромным оценкам, к 2024 году минимальные потребности Китая в импорте возрастут: нефти – до 400-500 млн. тонн, а газа – до 250-300 млрд. куб. м в год. В настоящее время в Китае реализуется более 10 проектов, связанных с поставками российских углеводородов и продуктов их переработки в Китай и другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Согласно официальным документам, еще в 2010-х годах Китай был готов инвестировать не менее 20 млрд. долл. в разработку природных ресурсов в России (в основном в Восточной и Западной Сибири и Якутии).

Помимо экономического сотрудничества, Китай заинтересован в использовании российского научно-технического потенциала в совместных проектах в таких областях, как атомная энергетика, авиастроение, космонавтика, металлургия, лазерные технологии, транспорт, военно-техническое сотрудничество.

Развитие сотрудничества в области науки и технологий является одной из ключевых составляющих взаимодействия России и Китая. Главной задачей на ближайшее десятилетие является реализация совместных инновационных научно-технических проектов и создание технологического макрорегиона на основе объединения научных потенциалов России и Китая. Для этого важно минимизировать бюрократические проволочки, создать систему взаимодействия, не представляющую угрозы для национального научно-технического развития, обеспечить защиту интеллектуального потенциала, а также создать условия, при которых совместные научно-технические проекты не будут расширять каналы взаимодействия и избегать смелых заявлений, не приводящих к очевидным результатам [4, с. 51].

Нормативная база российско-китайского сотрудничества в этой области выражена в Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о научно-техническом сотрудничестве от 18 декабря 1992 года, в котором закреплены основные принципы этого взаимодействия.

Важнейшим механизмом налаживания научно-технического взаимодействия между двумя странами является Подкомиссия по научно-техническому сотрудничеству, которая не только отвечает за определение приоритетов взаимодействия в этой области, но и используется в качестве площадки для выдвижения новых инициатив в таких областях, как финансовая поддержка научных проектов, совместные НИОКР, научные публикации, научные обмены и т.д. [4, с. 51].

Научное сотрудничество между Россией и Китаем отличается большим разнообразием, затрагивая многие области и используя одновременно множество механизмов. Хотя направления в данной сфере не всегда полностью скоординированы, тем не менее они соответствуют духу общей логики – продолжать поиск новых проектов и расширять взаимодействие.

Совместная работа сторон осуществляется в трех основных форматах: университетская наука; академическая наука и взаимодействие институтов РАН; прикладная наука и НИОКР. Основным координирующим органом с российской стороны является Министерство науки и высшего образования РФ, которое занимается вопросами университетской и академической науки. Аналогом этого органа в Китае является Министерство науки и технологий, деятельность которого в основном направлена на взаимодействие между различными академиями наук страны.

За последнее десятилетие между научными учреждениями и университетами обеих стран заключено несколько сотен соглашений о научно-техническом и образовательном сотрудничестве, хотя многие из них так и остаются на бумаге, поскольку стороны не всегда знают, как реально осуществлять это взаимодействие, несмотря на то, что подписанные документы полны абстрактных планов и многообещающих заявлений. Многие инициативы сводятся к научным обменам и научным конференциям. Но в последние годы появились более активные формы взаимодействия, в основном в высокотехнологичных областях.

Наиболее перспективные направления российско-китайского взаимодействия в области науки и техники охватывают информационные технологии, в том числе безопасность передачи данных, облачные вычисления и компьютерные технологии в целом, искусственный интеллект, инновационная энергетика и возобновляемые источники энергии, перспективные материалы и технологии их переработки, охрана окружающей среды, «зеленая инженерия», робототехника, космические технологии, в том числе создание малых космических аппаратов. Особый интерес представляют прикладные разработки в области сельскохозяйственной науки, в частности, выращивание экологически чистых культур и восстановление земель [4, с. 53].

Важнейшей частью российско-китайских отношений в научно-технической сфере стало подписание Дорожной карты российско-китайского сотрудничества в области науки, технологий и инноваций на период 2020-2025 гг. В документе определены основные направления взаимодействия: цифровые технологии; системы обработки больших данных; искусственный интеллект; беспилотные транспортные системы; новые материалы и нанотехнологии; энергетика и новые источники энергии; энергосберегающие технологии и охрана окружающей среды; информатика и телекоммуникации; экологически чистые сельскохозяйственные технологии; науки о Земле; морские технологии; персонализированная медицина; биотехнологии; биомедицина и биоинженерия. В рамках Дорожной карты было проведено более десяти мероприятий в области информационных технологий, искусственного интеллекта, материаловедения, аэрокосмической отрасли, природных ресурсов, охраны окружающей среды, образования и медицины [4, с. 53].

В настоящее время отношения между РФ и КНР переживают подъем. Эти отношения стали логичным следствием возрождения двух великих держав. В условиях глобальных вызовов (таких как международные экономические санкции) развитие экономического и научно-технического сотрудничества между Китаем и Россией – странами, имеющими схожие интересы, – рассматривается как возможность реализации потенциала обеих стран и как фактор, определяющий глобальную конкурентоспособность в области экономики и научно-технической сферы на международной арене. Достигнув беспрецедентного уровня всеобъемлющего партнерства в условиях комплексной трансформации геополитических процессов, меняющей расстановку сил в мире, Россия и Китай будут и далее развиваться в духе заявленного всеобъемлющего стратегического партнерства.

Пристатейный библиографический список

1. Karlusov V. V., Yarkov D. A. Russian-Chinese Economic Relations: Trends, Imbalances and Problems of Development (Retrospective Analysis) // International Journal of Civil Engineering and Technology. – 2019. – Vol. 10. – № 2. – Pp. 1769-1776.
2. Lubina M. Russia and China. A political marriage of convenience – stable and successful. – GmbH: Verlag Barbara Budrich, 2017. – 325 с.
3. Paramonov V., Stokov A. Russian-Chinese Relations: Past, Present & Future. – GB: Defence Academy of the United Kingdom, 2006. – 15 p.
4. Russia-China Dialogue: The 2021 Model: Report No. 70/2021. – M: NPMP RIAC, 2021. – 100 p.

ФАНЬ Вэй

аспирант Высшей школы промышленной политики и предпринимательства Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

РАСТУЩАЯ РОЛЬ «ЭКОЛОГИЧЕСКОГО» ФИНАНСИРОВАНИЯ В СОДЕЙСТВИИ РАЗВИТИЮ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ В КИТАЕ

Актуальность исследования состоит в том, что в последние годы экологическое финансирование стало важнейшим пунктом государственной повестки в области экономики по сохранению экологического благополучия и биологического разнообразия, так как экологические проблемы в глобальном контексте привлекли значительное общественное внимание. Объект исследования – экологическое пространство в рамках глобальной концепции устойчивого развития. Предмет исследования – экологическое финансирование как наиболее эффективный инструмент и метод реализации программ зелёной и циркулярной экономики. Цель исследования – на аксиоматических основаниях научного познания рассмотреть содержание и значение экологического финансирования в рамках содействия развития и использования возобновляемых источников энергии. Результаты исследований показали, что существует связь между экологическим финансированием, возобновляемыми источниками энергии и устойчивым развитием в Китае. Влияние и направление действия этих факторов меняются с течением времени и имеют различные характеристики. В данном исследовании возобновляемые источники энергии подразделяются на гидро-, ветро-, геотермальную и солнечную энергию и влияние этих источников на устойчивое развитие разнообразно и зависит от соответствующих экономических событий в жизни государства.

Ключевые слова: зелёная экономика, циркулярная экономика, зелёные облигации, зелёное финансирование, устойчивое развитие.

FAN Wei

postgraduate student of the Higher School of Industrial Policy and entrepreneurship of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

THE GROWING ROLE OF 'GREEN' FINANCE IN PROMOTING RENEWABLE ENERGY DEVELOPMENT IN CHINA

The relevance of the study lies in the fact that in recent years environmental finance has become the most important item on the state agenda of the economy for the preservation of environmental well-being and biodiversity, as environmental problems in the global context have attracted significant public attention. The object of the study is the environmental space within the global concept of sustainable development. The subject of the study - environmental finance as the most effective tool and method of implementation of green and circular economy programs. The purpose of the study is to consider the content and significance of environmental finance within the framework of promoting the development and use of renewable energy sources on the axiomatic bases of scientific cognition. The research results showed that there is a relationship between environmental financing, renewable energy and sustainable development in China. The influence and direction of these factors change over time and have different characteristics. In this study, renewable energy sources are categorized into hydro, wind, geothermal and solar energy and the impact of these sources on sustainable development is diverse and depends on the relevant economic developments in the life of the state.

Keywords: green economy, circular economy, green bonds, green finance, sustainable development.

Introduction

Sustainable development is defined as development that meets the needs of the current generation without compromising the ability of future generations to satisfy and consume public goods, thereby ensuring public well-being. Public well-being, in turn, is determined by the state of the ecological space (environment), however, despite the established international sustainable development goals, progress in building effective mechanisms for a green economy is still not encouraging enough. Together with the statistics, IRENE, after the discovery of the COVID-19 pandemic, is the chief oncologist, who identifies at least 2 trillion dollars in the period from 2021 to 2023 [1]. In such circumstances, environmental financing becomes an important tool for financing green programs, which are aimed at protecting the environment, combating environmental pollution and promoting sustainable social development through the rational allocation of resources.

The main part

Green economy and environmental development are becoming more and more a priority in the context of promoting

sustainable development, one of the key tools for achieving green development goals is environmental finance, since renewable energy, such as wind, solar and water energy, refers to clean non-fossil energy sources that have less negative impact on the environment, thereby contributing to sustainable development. Various studies show [1], [2] that green finance and renewable energy play an important role in sustainable economic development: "State bodies can set environmental standards that must be observed in the production of goods and services, and include these standards in technical specifications for the supply of goods and services" [2, p. 79]. In recent years, it has been established that the development of environmental finance is crucial for achieving renewable energy development goals, so many scientists conclude that the development of green finance contributes to sustainable development, and there is a positive relationship between renewable energy and sustainable development: "Economic growth does not guarantee a fair distribution of benefits among members of society and, in general, is the cause of material inequality, as a result, it leads to income inequality, the marginalization of communities and social inequality" [3, p. 91]. Energy transformation and modernization

contribute to the achievement of sustainable development goals, and sustainable economic development increases investments in renewable energy projects, contributing to a change in the structure of energy, including research indicating the positive impact of both green finance and renewable energy on sustainable development.

Environmental finance helps to achieve a balance between economic development and environmental protection, as well as provides financial support for green development. Currently, the main environmental financial instruments in China are green bonds and stocks, but their diversity and expansion are expected to increase in the future. In the context of global integration, achieving the Sustainable Development Goals by 2030 is difficult to separate from environmental finance, as China's economy still relies on fossil fuels to meet its energy needs, which leads to high carbon emissions, so the use of renewable energy sources can help reduce energy pollution. The Conference of the Parties to the United Nations Framework Convention on Climate Change (COP27), held in November 2022 in Sharm el-Sheikh, an Egyptian coastal city, stressed the importance of creating clean energy and expanding the use of renewable energy sources. Companies and the public sector of China's national economy expect greater financial and resource support to accelerate the development of renewable energy and create low-carbon transition demonstration zones, environmental finance is a powerful tool for financing green projects and is difficult to replace when reducing the cost of renewable energy projects. Financial instruments and innovation play an important role in China's energy transition, and the transition to renewable energy sources is no exception.

1. The lack of incentives for environmental financing versus commercial financing remains relevant, for example, the latest catalog of green bonds in China excluded coal-fired power plants, but still includes the modernization of coal-fired industrial boilers in the energy efficiency category, which leads to an expansion of the coal life cycle. In addition, financial incentives for commercial assets, for example, environmentally friendly coal, have been partially expanded in the form of a 200 billion yuan recrediting program [4].

2. Duplication of competencies between different ministries and between central and local governments can lead to duplication of standards and practices, for example, the People's Bank of China is responsible for the development of green finance, mi for climate finance, and SASAC for green financing of state-owned enterprises, which can lead to a situation of duplication of supervision or regulatory gap.

3. The share of environmental finance in the total volume remains low, and the structure of green financial products is unbalanced: green loans and bonds are the main instruments in the green finance market, while other instruments are poorly developed.

4. Green financial instruments need to be expanded, for example, there is no standard contract for carbon-neutral bonds, which is very important for the development of carbon sinks and environmental value.

5. Lack of favorable and reliable disclosure standards, although domestic market regulators have defined environmental disclosure requirements for green financial instruments, there is no framework and effective disclosure guidelines for green bonds.

6. Lack of effective oversight and punishment Despite the fact that Mi publicly condemns companies for falsifying emission reports, overall oversight remains low. Penalties for violations,

such as not providing environmental management reports, are usually negligible.

7. Lack of capacity and incentives in financial institutions and capacity building in green finance is predominantly led by intervention from senior management, while participation in the development of international standards remains insufficient.

Conclusion

In the context of the historical development of green finance in China, four main stages can be distinguished.

1. The beginning of attention to environmental issues in the financial system occurred in the 90s, when the Central Bank of China (People's Bank of China) issued guidelines for banks on taking into account environmental factors when issuing loans.

2. Then, in 2012, preparations began for the implementation of a comprehensive environmental finance policy. The China Banking Regulatory Commission (CBRC) has developed a guide and statistical system on green lending and a task force of the People's Bank of China (PBOC) and the United Nations Environment Programme (UNEP) has also been established. The report of this group was published in 2015.

3. In 2016, China entered the third stage, when the People's Bank of China and other ministerial-level bodies issued Guidelines on Environmental (Green) Financing and established a Green Finance Committee to coordinate its implementation. This guide has become the main document coordinating green finance policy on various aspects of regulation and green finance instruments.

4. In 2020, the fourth stage came when progress in the field of environmental finance began to slow down, and the growth rate of green loans and bonds stagnated at the same level, not differing from the general trend in the international financial system.

Thus, despite efforts and growing environmental and climate ambitions, progress in greening China's financial system does not provide uniform conditions for comparing ambitions and the growth of environmental financing.

List of literature

1. Chen J. et al. The dynamic impact of green finance and renewable energy sources on sustainable development in China // *Frontiers of Environmental Science*. – 2023. – Vol. 10. – P. 1097181.
2. Pogudaeva M. Yu., Gladilina I. P., Sergeeva S. A. Model of green public procurement in Russia // *Discussion*. – 2023. – № 2 (117). – P. 76-84. – DOI 10.46320/2077-7639-2023-2-117-76-84. – EDN BRYPPT.
3. Ushakova N. V., Guliyev I. A., Damirchiev E. I. Prospects for sustainable development in the policy of international institutions of globalization // *Discussion*. – 2023. – № 3 (118). – P. 82-96. – DOI 10.46320/2077-7639-2023-3-118-82-96. – ED. AIYMFV.
4. Nedopil S., Song Z. The state and trends of green finance in China for 2022-23 – 2023.

ЧЖОУ Минхао

магистр Факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ КАК ОСНОВНОЙ ИНСТРУМЕНТ В РАМКАХ ПОДХОДА УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ

Стратегия управления персоналом является важным инструментом, определяющим эффективность организации трудового процесса, рабочего пространства и использования трудовых ресурсов. Актуальность исследования состоит в том, что совершенствование и оптимизация стратегий управления персоналом является важной задачей научного управления в современных условиях хозяйствования. Объект исследования – персонал, как трудовые ресурсы субъекта хозяйствования. Предмет исследования – стратегии управления, как функция управления человеческими ресурсами. Цель исследования – раскрыть содержание, цели и этапы стратегии управления персоналом как инструмента управления человеческими ресурсами. Методология исследования предполагает использование теоретико-эвристических методов познания окружающей действительности. Результаты исследования: 1. Раскрыты основные направления стратегического управления персоналом; 2. Раскрыты факторы, формирующие эффективность стратегии управления персоналом; 3. Выделены основные стратегии управления персоналом в современных условиях.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, кадровый потенциал, человеческие ресурсы, труд, кадры, целевые показатели.

ZHOU Minghao

master of the Faculty of Public Administration of the M. V. Lomonosov Moscow State University

HUMAN RESOURCE MANAGEMENT STRATEGY AS THE MAIN TOOL WITHIN THE HUMAN RESOURCE MANAGEMENT APPROACH

The strategy of personnel management is an important tool that determines the efficiency of the organization of the labor process, workspace and the use of labor resources. The relevance of the study is that the improvement and optimization of personnel management strategies is an important task of scientific management in modern economic conditions. The object of the study is personnel as labor resources of a business entity. Subject of the study - management strategies as a function of human resources management. The purpose of the study is to reveal the content, goals and stages of personnel management strategy as an instrument of human resources management. The methodology of the study involves the use of theoretical and heuristic methods of cognition of the surrounding reality. Results of the research: 1. The main directions of strategic personnel management are disclosed; 2. The factors forming the effectiveness of personnel management strategy are disclosed; 3. The main strategies of personnel management in modern conditions are highlighted.

Keywords: labor resources, personnel potential, human resources, labor, personnel, target indicators.

Введение

Стремление адаптировать практики управления персоналом к стандартам высокого интеллектуального качества является ключевой задачей в современной информационной и цифровой среде хозяйствования: «Обеспечение конкурентных преимуществ компании за счет увеличения ее человеческого потенциала, что осуществляется путем полного обеспечения повышения профессиональной компетентности сотрудников» [1, с. 67]. Ряд стратегических инициатив в сфере управления человеческими ресурсами направлены на организацию взаимной поддержки через изменения в организационной структуре и организационные усилия, направленные на связь эффективной работы с персоналом с коммерческими выгодами и избыточностью, играют важную роль.

Результаты

В связи с ростом возможностей аутсорсинга в области управления человеческими ресурсами, ключевая ответственность за управление персоналом переходит к сотрудникам низшего звена. Принципы этики, общие стратегические цели компании и политика управления персоналом тесно взаимосвязаны, в рамках этих двух подходов выделяют ряд важных элементов в организации рабочего пространства.

Во-первых, стратегия, основанная на людях, предполагает, что человеческие ресурсы играют важную роль в долгосрочной стратегии развития компании и максимально эффективное использование сотрудников позволяет компании получить конкурентное преимущество, используя их знания и творческий потенциал для достижения поставленных целей.

Во-вторых, необходимы адекватные подходы, чтобы интегрировать избыточность бизнеса в индивидуальные компетенции и эффективность и в данном случае стратегическую роль играют методы управления, мотивации и размещения персонала, а также доступность таких навыков и опыта, которые влияют на видение компании. Для успешной реализации стратегии компании необходимо гармоничное взаимодействие HR-отдела и индивидуальных профессиональных навыков и индивидуальной эффективности.

Стратегическое управление человеческими ресурсами охватывает множество аспектов, но одним из самых важных и сложных ресурсов, требующих поддержки в компании, является ее кадровый потенциал. Суть стратегического управления человеческими ресурсами заключается в том, чтобы управление персоналом брало на себя ответственность за разработку и внедрение многочисленных правил, процессов и программ, при этом стратегическое управление человеческими ресурсами выходит за рамки простого управления или максимизации когнитивных способностей, уделяя внимание и управлению человеческим и материальным капиталом. Расширение сферы применения управления человеческими ресурсами вызвано сложностью этих задач. Так подготовка человеческих ресурсов включает, в том числе, подбор персонала, обучение и развитие, вопросы оплаты труда, стимулирование, правовые вопросы, дисциплинарные процедуры и т.д., что способствует установлению позитивных рабочих отношений и достижению стабильности корпоративных и индивидуальных целей.

Разброс и масштаб области управления человеческими ресурсами огромны и можно выделить три основных направления стратегического управления персоналом:

1. Управление человеческими ресурсами в планировании кадров, включая управление персоналом, включающее планирование использования трудовых ресурсов, набор, обучение, продвижение, перемещение, повышение, вознаграждение, увольнение и сокращение, а также выполнение работы. Основная цель управления, это оценка самосовершенствования, прогресса и эффективности, поскольку это неявно влияет на инновационные процессы.

2. Благополучие рабочей силы и управление человеческими ресурсами - специфическое направление управления человеческими ресурсами, фокусирующееся на условиях труда и рабочих местах, которое включает различные виды обязанностей, такие как страхование, медицинское обслуживание, ретирмент, социальное обеспечение и медицинская помощь

Дополнительные аспекты стратегического управления человеческими ресурсами предполагают: найм инспекторов по технике безопасности, улучшение рабочей атмосферы, устранение потенциальных опасностей на рабочем месте, поддержку

со стороны высшего руководства, защиту рабочего места, защиту промышленного оборудования, удовлетворяющие условия отопления и вентиляции, уход за гигиеной, здравоохранение, оплату больничных, компенсации работникам, отпуск по уходу за ребенком, пособия по нетрудоспособности и выплаты по социальному страхованию.

Также важной частью является управление трудовыми отношениями, что включает в себя поддержание связей с трудовыми коллективами или ассоциациями персонала, разрешение их жалоб, включая эффективное урегулирование конфликтов для поддержания единства и спокойствия в компании. Более того, это также включает совершенствование трудовых отношений, коллективных договоров, процедур разрешения споров, решение проблем путем совместной работы, управление поведением и поддержание профессиональных отношений, представительство в профсоюзах и разрешение конфликтов. Основная цель состоит в защите интересов сотрудников и достижении максимального уровня знаний, минимизируя любые негативные последствия для бизнеса.

Факторы, формирующие эффективность стратегии управления персоналом:

1. Мотивация персонала

Люди играют ключевую роль в успехе любой организации, когда сотрудники вкладывают в работу свои личные усилия и проявляют высокую заинтересованность в успехе, организация с течением времени процветает и поэтому успех любой компании зависит от великодушных способностей и настойчивых усилий ее персонала: *«Определение относительной ценности экономического мотива заключается в определении его важности или приоритетности по отношению к другим раздражителям, например, если человеку очень важно получить дополнительный доход, его экономический мотив будет иметь высокую относительную ценность»* [2, с. 26].

2. Укрепление производственных отношений

Трудовые отношения относятся к взаимодействию между работодателями и работниками в рамках организации, поэтому изучение трудового права сосредоточено на взаимодействии между менеджерами и руководителями, особенно членами рабочих коллективов, объединенных в профсоюзы. Подобные взаимоотношения между компаниями, работниками, государством, а также организациями и группами, управляющими этими отношениями, известны как производственные отношения.

Конечная цель SHRM (стратегического управления персоналом) заключается в разработке рекомендаций по управлению человеческими ресурсами, основные из которых можно выделить следующие: необходимо установить связи между обязанностями и задачами различных подразделений, определить справедливые и приемлемые рамки для вознаграждения сотрудников, определить общие потребности организации и способы их использования, а также периодически оценивать текущие процедуры управления человеческими ресурсами и разрабатывать планы на случай предстоящих трудностей, предусмотреть несколько вариантов для обеспечения конкурентоспособности. Также необходимо установить соответствующие критерии оценки эффективности труда, выбрать подходящую органigramму для компании и определить цели и задачи организации для своего отдела кадров.

Выделим основные стратегии управления персоналом в современных условиях:

1. Стратегия, основанная на ресурсах

Достаточно сложно понять теорию, основанную на ресурсах, поскольку слово «ресурсы» имеет различные значения в человеческом опыте и отделение стратегических ресурсов от всех остальных ресурсов является важным аспектом трудового процесса и управления им, например, для большинства людей наличные деньги являются ценным активом, также как и недвижимость и автомобиль. Деньги и автомобили считаются ценными, но их можно легко получить при переходе в другие компании, поэтому компания не может создать долгосрочное конкурентное преимущество, основываясь на этих общих ресурсах.

Высокоэффективное управление стремится повлиять на общие показатели компании через своих сотрудников, включая рост, прибыль, удовлетворенность клиентов и эффективность, что в конечном итоге создает большую ценность для акционеров.

2. Достижение стратегического соответствия

Стратегическое соответствие между бизнес-стратегией и управлением человеческими ресурсами способствует удержанию и мотивации сотрудников, повышает производительность организации и дает компании конкурентное преимущество.

3. Управление с высокой степенью вовлеченности

Для управления высокой степени вовлеченности важны 5 характеристик, включая выборочный найм, обширное обучение, право принятия решений, обмен информацией и стимулирующее вознаграждение.

4. Высокоэффективное управление

Управление, способствующее высокой производительности группы, включает в себя правила, власть и независимость, разрешение конфликтов, сотрудничество, эффективность, управление, способности, этическое поведение, вознаграждение и стимуляция.

5. Планирование трудовых ресурсов

Планирование трудовых ресурсов включает установление нужного количества и типа персонала в определенных местах для выполнения задач, для которых они квалифицированы, также включает вопросы, связанные с временем и методами найма новых сотрудников, а также учет целей учреждения, прогнозов и технологического развития. Наличие подходящей рабочей силы способствует готовности компании к работе в будущем.

6. Обучение сотрудников технологиям

Любая новая технология, предназначенная для сотрудников, должна сопровождаться соответствующим обучением и действием персонала, чтобы обеспечить участие и эффективное использование инструмента в рабочих целях.

Обсуждение

Подводя итог, можно сказать, что для достижения успеха компаниям необходимо адаптироваться к стратегическому управлению человеческими ресурсами (HRM). Принятие HRM с учетом стратегических целей поможет компании развивать творческое мышление и улучшать общие условия работы. Прежде чем принимать определенную стратегию, важно понять корпоративные цели организации и особенности отрасли, в которой она действует. Например, возможно, не стоит внедрять стратегическое управление человеческими ресурсами в компании сырьевой отрасли, если это не является наиболее действенным вариантом с точки зрения стратегии. HR-менеджерам следует постоянно помнить, что разработка и выбор стратегии управления персоналом непосредственно влияют на результаты компании и ее развитие и поэтому выбор методики управления человеческими ресурсами должен осуществляться с учетом этих аспектов, поскольку от этого в значительной степени зависят доходы и уровень занятости: *«Поэтому следует учитывать, что стратегия управления персоналом эффективна настолько, насколько успешно сотрудники организации используют свой потенциал для реализации поставленных перед ней целей и насколько эти цели достигнуты»* [3, с. 114].

Для бизнеса ценно узнать, как происходит взаимодействие внутри организации, так как это может позволить руководителям принимать активные меры и разрабатывать эффективные стратегии, таким образом, улучшение взаимодействия между работодателем и сотрудником будет эффективным стратегическим решением для подавляющего большинства компаний.

Заключение

Необходимо отметить, что, как видно из приведенных примеров, многие компании придерживаются различных стратегий управления персоналом. Однако конечная цель всегда одна и та же, поэтому главной задачей при сопоставлении деятельности менеджеров по персоналу с заявленными целями компании остается повышение доходов и достижение установленных целевых показателей.

Приставительный библиографический список

1. Иванова Н. А. Стратегические направления развития управления персоналом // Академическая публицистика. – 2022. – № 11-2. – С. 66-71. – EDN NAZUNK.
2. Старовойтов В. Г., Исаенко А. Н., Бикметова З. М. Мотив, стимул и побуждение в современной системе экономических отношений // Дискуссия. – 2023. – № 3 (118). – С. 20-28. – DOI 10.46320/2077-7639-2023-3-118-20-28. – EDN FFUDNT.
3. Лымарева О. А., Лапшина А. С. Современные подходы к стратегическому управлению персоналом на предприятии // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 8 (102). – С. 111-114. – DOI 10.24412/2411-0450-2023-8-111-114. – EDN YQOTUM.

МУХАМЕТШИН Ильдар Рамилевич

студент Уфимского государственного нефтяного технического университета

ГАРЕЕВА Земфира Анисовна

кандидат экономических наук, доцент Уфимской высшей школы экономики и управления Уфимского государственного нефтяного технического университета

ТЕКУЩИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ НА РЫНКЕ НЕФТИ

В статье рассмотрены основные аспекты ценообразования на рынке нефти, проведен анализ факторов, влияющих на цены, а также рассмотрены возможные тенденции и вызовы, с которыми сталкиваются компании в текущий момент. Рассмотрено влияние геополитических факторов на рынок нефти в постпандемийный период.

Ключевые слова: нефть, ценообразование, добыча, регулирование, геополитика.

MUKHAMETSHIN Ildar Ramilevich

student of the Ufa State Petroleum Technical University

GAREEVA Zemfira Anisovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of the Ufa Higher School of Economics and Management of the State Petroleum Technical University

CURRENT FEATURES OF PRICING IN THE OIL MARKET

The article examines the main aspects of pricing in the oil market, analyzes the factors influencing prices, and also examines possible trends and challenges that companies are currently facing. The influence of geopolitical factors on the oil market in the post-pandemic period is considered.

Keywords: oil, pricing, production, regulation, geopolitics.

Нефтяная промышленность играет ключевую роль в мировой экономике, обеспечивая энергетические потребности различных отраслей и стран. Целью данной статьи является анализ особенностей ценообразования на рынке нефти, что позволит понять, какие факторы оказывают наибольшее влияние на ее цены, какие стратегии применяются для регулирования цен и какие последствия это может иметь для экономики и потребителей.

В настоящее время существует две основные теории ценообразования: баланс спроса и предложения, а также затратная [1], [8]. Ценообразование на нефть — это сложный процесс, и рассматривать только теорию спроса и предложения было бы в корне неправильно. Поскольку не только спрос с предложением определяют стоимость сырой нефти, но и затраты на добычу, разведку месторождений и строительство необходимой инфраструктуры. Повышение затрат на добычу и транспортировку нефти не могут не сказаться на итоговой стоимости.

На данный момент в условиях современных рыночных отношений существует два вида ценообразования: биржевое и внебиржевое.

В настоящее время одними из крупнейших бирж, на которых проходят торги маркерных сортов нефти (Light Sweet и Brent), являются NYMEX и LPE. Цены на нефть марок Brent и Light Sweet, в общем и целом, достаточно сильно коррелируют между собой, однако локальные различия между американским и европейским рынками вносят свои коррективы в стоимость.

Фундаментальным отличием внебиржевого рынка является то, что торги проходят с помощью срочных контрактов. У такого подхода есть существенный недостаток — это риск неисполнения контрактов. Благодаря этому во внебиржевой торговле активно участвуют крупные финансовые институты [1].

Исследование, проведенное ИНЭИ РАН показывает, что цена нефти в основном (80-85 %) зависит от соотношения спроса и предложения, и лишь на оставшиеся 15-20 % от курса доллара и геополитических факторов [2].

Можно привести следующую классификацию факторов, оказывающих влияние на стоимость нефти:

1. геополитические факторы: санкционное давление; усиление геополитических напряжений; военные конфликты; форс-мажорные обстоятельства;
2. спрос и предложение на рынке;
3. объём запасов;
4. курс валют;
5. решения ОПЕК.

Под влиянием геополитических факторов стоит рассматривать взаимоотношения между странами, к которым относятся

как вооружённые конфликты, так и санкционное давление. Рассмотрим геополитические факторы более подробно.

Введение санкций для крупных поставщиков углеводородов, таких как Иран или Российская Федерация, приводит к сокращению поставок и перераспределению потоков нефти. Вследствие этого возникает дефицит на мировом рынке, который и приводит к росту цены. А при снятии санкций возникает обратный эффект - появляется избыток, а спрос при этом остаётся прежним.

Рост геополитических напряженностей и обострение конфликтов между крупнейшими экономиками мира могут являться ещё одной причиной изменения цен, которые могут стать одной из причин снижения промышленного спроса, ведь дешёвые энергоносители всегда являлись двигателями технического прогресса.

Военные конфликты с участием крупного экспортёра или потребителя нефти являются ещё одной из причин резкого изменения курса «чёрного золота». При начале военного конфликта с мирового рынка пропадают миллионы баррелей нефти, что в конечном итоге отразится на котировках, повышая стоимость на несколько десятков процентов.

Самым непредсказуемым геополитическим фактором являются форс-мажорные обстоятельства. К ним могут относиться не только природные явления, такие как землетрясения и цунами, но и террористические акты. Например, после нападения в 2019 году террористической группировкой «Хутис» на два крупных нефтяных объекта в Саудовской Аравии добыча нефти упала вдвое (с 9,8 млн до 4,1 млн баррелей), и цены на «чёрное золото» поднялись на 14,6 % [3].

Ключевым фактором, определяющим стоимость нефти, является спрос на него. Во время спада спроса применяются меры по уменьшению объёмов добычи, но эти мероприятия предпринимаются значительно дольше, чем меняется цена на рынке. В результате этого может нарушиться баланс между спросом и предложением, что в конечном итоге приводит к резкому изменению цены за баррель.

Влияние объёмов запасов на цену нефти очень сильно зависит от баланса спроса и предложения. Когда статистика показывает увеличение запасов сырой нефти, это свидетельствует об увеличении предложения на рынке, что и вынуждает компании снижать цены. Сокращение же запасов указывает на высокий спрос или на снижение добычи. Этим фактором пользуются крупные нефтедобывающие компании для регулирования цен [1].

Между нефтью и рядом валют наблюдается устойчивая связь. Объяснением этой связи может служить тот факт, что сы-

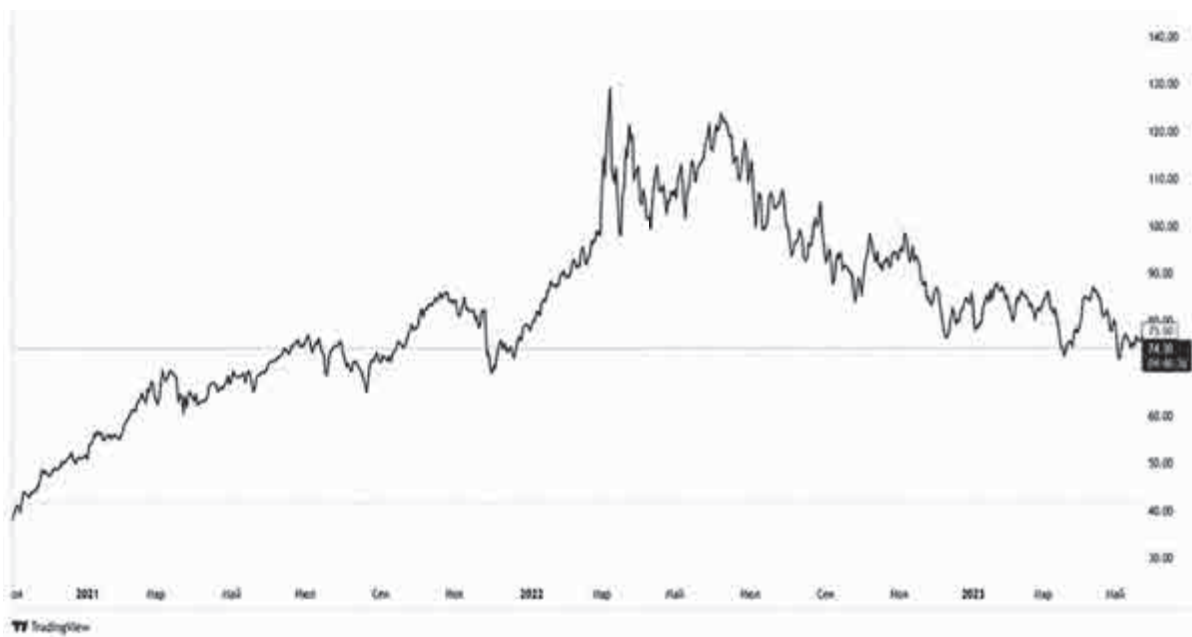

Рисунок 1. График стоимости нефти марки Brent за период с января 2021 года по май 2023 года [6].

рьевые страны пополняют свой бюджет именно за счёт продажи углеводородов. Например, в случае с долларом наблюдается обратная зависимость. Это связано с тем, что на сегодняшний день Соединённые Штаты Америки (США) добывают и потребляют наибольшее количество нефти [4]. Поскольку часть добываемой США нефти отправляется на экспорт, то ей попросту не хватает запасов на удовлетворение внутренних потребностей. Из-за этого США приходится закупать миллионы баррелей по всему миру. Поэтому повышение цены на «чёрное золото» не может не сказаться на курсе доллара.

В случае с сырьевыми валютами не валюта влияет на цену нефти, а состояние промышленности влияет на курс национальной валюты. Это наиболее очевидно в случае сырьевых экономик и проявляется в виде обвалов валют в периоды кризисов [1].

В настоящее время одним из ключевых игроков на рынке «чёрного золота» является ОПЕК. Основным замыслом создания подобной организации являлось регулирование цен и контроль нефтедобычи. Несмотря на то, что страны ОПЕК обладают большими запасами, добывают они менее 50 % от мировой добычи, но при этом экспортируемые объёмы занимают более 60 %. Основным отличием ОПЕК от других стран экспортёров нефти является возможность лёгкого регулирования уровня добычи, которое осуществляется путём установок квот для стран – участниц [5].

Ярчайшим представителем влияния геополитических факторов на курс сырого «чёрного золота» является признание Донецкой и Луганской народных республик 21 февраля 2022 года, и начало специальной военной операции (СВО) 24 февраля 2022 года. На рисунке 1 представлен график стоимости нефти марки Brent за период с января 2021 года по май 2023 года.

На данном графике хорошо видно, как постепенно растёт стоимость нефти после пандемии COVID-19, и происходит рост экономик до февраля 2022 года. После начала СВО, и введения 2 пакета санкций 25 февраля цены на нефть подскочили на 36 %. Пакеты санкций, которые затрагивали нефтяную промышленность, сказывались на стоимости как самой нефти, так и на нефтепродуктах. К моменту утверждения 7 пакета санкций (21 июля 2022 года) рынок полностью адаптировался к современным условиям, и произошла стабилизация цен.

Кроме геополитических факторов на стоимость нефти в первую очередь оказывают затраты, связанные с добычей нефти. И данный момент относят к периоду достаточно легко извлекаемых запасов нефти, но в дальнейшем их запасы могут сократиться, и промышленности придётся перейти к добыче тяжёлой нефти. Переход от лёгкой к тяжёлой битуминозной нефти должен вызвать повышение стоимости добычи, связанных с внедрением новых технологий [7], [8], обеспечивающих возможность добычи.

Таким образом, цена — это сложная экономическая категория, в которой объединяются проблемы как экономики, так и

общества в целом. Формирование цены на сырую нефть — это сложный процесс, на который влияют множество политических и экономических факторов, спрос и предложение на рынке, технологические инновации и природные катастрофы.

В условиях современных рыночных взаимоотношений ключевым фактором, определяющим динамику цен, является регулирование объёмов производства основными нефтедобывающими странами в рамках ОПЕК.

В будущем стоит ожидать роста цен на нефть в связи с истощением разведанных месторождений лёгкой нефти, переходом на добычу вязких битуминозных нефтей и ростом экономик крупных развивающихся стран, таких как Китай, Индия и Россия.

Приставительный библиографический список

1. Потанин С. От чего зависит цена на Нефть – 11 факторов, Что влияет на курс нефти // Francber: [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://francber.com/chto-vliyaet-na-neft.html> (дата обращения: 01.11.2023).
2. Валова Ю. И. Факторы, влияющие на формирование цен на «чёрное золото» // Инновационная экономика и современный менеджмент. – 2021. – № 4 (35). – С. 9-12. – EDN AORRCP.
3. Лаврухин М. Терроризм в энергетической промышленности / Лаврухин М. // Общественно-деловой научный журнал «Энергетическая политика»: [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://energypolicy.ru/terrorism-v-energeticheskoy-promyshlennosti/neft/2023/14/23/> (дата обращения: 04.11.2023).
4. Гладиллин А. В., Громов Е. И., Герасимов А. Н. и др. Совершенствование экономического механизма аграрного производства. – Ставрополь: АГРУС, 2010. – 440 с.
5. Ахлатян З. С. Влияние стран ОПЕК на мировом нефтяном рынке в современных условиях. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2017. – № 7 (141). – С. 210-216. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/141/39717/> (дата обращения: 04.11.2023).
6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.tradingview.com/chart/?symbol=TVC%3AUUKOIL>.
7. Губина М. А., Коновалов Н. П. Способы добычи тяжёлых нефтей и природных битумов // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2012. – № 6 (65). – С. 105-109. – EDN OZGQGR.
8. Мусина Д. Р., Соловьева И. А. Государственное регулирование ценообразования на нефтепродукты в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 8 (87). – С. 304-306.

ЕГОРОВА Ольга Игоревна

магистрант (педагогическое образование в области социально-гуманитарных наук) кафедры логики, философии и методологии наук Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ГЛАДИЛОВА Елена Алексеевна

магистрант (педагогическое образование в области социально-гуманитарных наук) кафедры логики, философии и методологии наук Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ФОМИНА Дарья Сергеевна

магистрант (педагогическое образование в области социально-гуманитарных наук) кафедры логики, философии и методологии наук Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Аннотация: Культурные различия оказывают влияния на все сферы жизнедеятельности социума. Культура и педагогика – это взаимосвязанные и взаимовлияющие друг на друга феномены, вышедшие из философии, при успешном взаимодействии формирующие нравственно богатую и социально-значимую личность с определенным набором субъективных качеств, направленных в том числе на коммуникационное взаимодействие с представителями других культур. Педагог высшей школы, обладая определенным мировоззрением на культурную картину мира, прививая принцип толерантности обучающимся и пользуясь им сам, способствует созданию условий для проведения успешного межкультурного диалога, а также, расширяя кругозор, содействует личности в принятии определенных ценностей в свое культурное обогащение, формируя отдельную субъективную культуру индивида.

Ключевые слова: культурные различия, педагогическая деятельность, межкультурная коммуникация, политкультурность.

EGOROVA Olga Igorevna

magister student (pedagogical education in the field of social sciences and humanities) of Logic, philosophy and methodology of sciences sub-faculty of the I. S. Turgenev Oryol State University

GLADILOVA Elena Alexeevna

magister student (pedagogical education in the field of social sciences and humanities) of Logic, philosophy and methodology of sciences sub-faculty of the I. S. Turgenev Oryol State University

FOMINA Darya Sergeevna

magister student (pedagogical education in the field of social sciences and humanities) of Logic, philosophy and methodology of sciences sub-faculty of the I. S. Turgenev Oryol State University

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE INFLUENCE OF CULTURAL DIFFERENCES IN THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF A HIGHER SCHOOL TEACHER

Abstract: Cultural differences have an impact on all spheres of social activity. Culture and pedagogy are interrelated and mutually influencing phenomena that emerged from philosophy, with successful interaction forming a morally rich and socially significant personality with a certain set of subjective qualities, aimed, among other things, at communication interaction with representatives of other cultures. A higher school teacher, having a certain worldview on the cultural picture of the world, instilling the principle of tolerance in students and using it himself, contributes to the creation of conditions for a successful intercultural dialogue, and also, expanding his horizons, helps the individual in accepting certain values into his cultural enrichment, forming a separate subjective culture of the individual.

Keywords: cultural differences, pedagogical activity, intercultural communication, political culture.

В современном мире значительную интерференцию на взаимодействие в социуме оказывают культурные различия, в том числе в сфере профессиональной деятельности, обусловленные степенью значимости, признанностью и многообразием существующих культур. В связи с данными аспектами в нынешнем социуме сформировался ряд новых проблем, одной из которых является толерантное отноше-

ние к культурным различиям в педагогической деятельности. Данная проблема может рассматриваться в концепции нескольких подходов: воззрение педагога высшей школы к культурной картине мира, взаимосвязь преподавателя с культурно-мировоззренческой позицией обучающихся, а также взаимоуважительное сотрудничество адептов, несмотря на отличительные особенности культуры, с коллективом

Егорова О. И.

Гладилова Е. А.

Фомина Д. С.

их малочисленной группы, наставником. Придание гласности является значимым, так как мир, существующие в нем и новые культуры совершенствуются и становятся многогранной и многоаспектной, поэтому современному человеку, а в особенности педагогу высшей школы, необходимо проводить мониторинг всех специфических особенностей культуры, способных повлиять на социум в целом и взаимодействие в нем.

Философия является праматерью всех наук, не стали исключением культура и педагогика. Процесс отпочкования данных наук происходит настолько качественно, что приходится проводить подробное разбирательство и устанавливать причинно-следственную связь между данными учениями и их родоначальницей. В философской мысли понятие культура трактуется как многоплановая категория, охватывающая определенное общественное развитие, формы жизнедеятельности, взаимодействия людей, основанные на их способностях, и конструирование социумом материальных и духовных ценностей. Понятие педагогики сквозь призму философии заключается в воспитании индивида, его обучении, целью которого является гармоничное развитие личности. Интерпретируя культуру и педагогику с философской точки зрения можно выявить ряд сходств и различий. Специфика взаимосотрудничества данных феноменов обусловлена процессом становления и совершенствования индивида как личности, выполняя при этом роль равноправных партнеров [1, с. 83].

Текущее развитие человечества включает в себя множество количество культур, взаимодействующих между друг другом, но не теряющих свою специфичность, этническое своеобразие, базис исторического существования. Отличительные особенности каждой культуры обусловлены закрепленной системой ценностей, нормам, традициям социума определенной культурной ячейки. Культурные различия многократно являлись сложностью взаимодействия людей, идентифицирующих свою принадлежность к разным культурным группам. Но процессы глобализации и модернизации мира требует от каждого члена общества коммуницирования с другими субъектами вне зависимости их культурной принадлежности и других отличий. Этот факт подтверждается также и современным законодательством, которое предоставляет права и обязанности гражданам вне зависимости от пола, национальности, языка, этнической и культурной принадлежности.

Философский анализ культуры включает в себя выделение ее сущностных сторон, отражающих закон единства и многообразия. Единство культуры обусловлено созданием искусственного мира человеком, которая существует в различных проявлениях и временной периодизации. Также единство заключается в том, что индивид, становясь представителем той или иной социокультурной группы, оказывается не одиноким. Ключевым элементом взаимодействия разных культур является создание определенных условий единства для проведения межкультурного диалога. Многообразие культур обуславливается непохожестью различных эпохальных культур, отличительными особенностями, внутренним содержанием ее элементов: языка, ценностей, обычаев, традиций, обрядов. Следовательно, единство и многообразие культур, их различия активно воздействуют на другие культуры, на индивида, на собственную модернизацию. При этом культурные различия могут оказывать влияние как позитивное, заключающееся в отличительных особенностях, самобытности, самоидентификации, так и негативное, при котором в социуме происходят столкновения и разжигается ненависть к определенным культурным группам, в результате чего процесс взаимодействия становится осложненным, а в некоторых ситуациях невозможны. [3, с. 47].

Влиянию культурных различий в современном мире восприимчивы все сферы деятельности социума в особен-

ности педагогической. И. Кант присваивал особый статус педагогической деятельности, так как основной ее целью является формирование личности ученика, категорий добра и зла, ответственности, справедливости, долга. Педагог показывает, познает, изучает, а также оценивает ребенка исходя из его достижений в учебной, трудовой, игровой деятельности, что в свою очередь обеспечивает понимание о достижении определенной задачи его деятельности. В процессе педагогической деятельности важным аспектом является толерантное отношение к культурным различиям, так как негативное отношение к индивиду, мыслящему в разрез с другими точками зрения, при этом не нарушающемуся закон, не наносящему никому вреда, не является основанием для благополучного взаимодействия субъекта и объекта коммуникации [2, с. 14].

Педагог высшей школы предполагает уже сформированная личность с определенным набором культурных, творческих, социальных, профессиональных качеств, применяющий в кадровой деятельности. Стоит отметить, что, как и все категории мира, педагог и его качества, воззрение могут совершенствоваться, видоизменяться под воздействием как внутренних, так и внешних факторов, в связи с чем его образ действий и система оценивания, взаимодействия также может перестраиваться. Важным элементом профессионально-педагогической компетентности становится философская культура педагога, которая подразумевает под собой многоуровневое, многоаспектное представление его культурного мира как личности. Ведь задача педагога заключается вырастить не просто необразованного эрудита, а умеющую мыслить личность, которая, применяя теоретические знания, будет способно творить. Коммуникация педагога с обучающимися, их родителями, коллегами отражает его профессиональное поведение, усвоенные им культурные, нравственные, интеллектуальные, педагогические ценности. Основными подходами в педагогической деятельности, помимо личностного отношения педагога к различным культурам, является также взаимоотношения педагог-обучающийся и обучающийся-обучающийся.

В процессе взаимодействия педагога и обучающегося при выполнении профессиональной деятельности первого приоритетным фактором сотрудничества является установление коммуникационного контакта, требующего от наставника толерантного отношения к особенностям адепта: культурным, социальным, биологическим, физическим и другим. В этом подходе определяющим профессионального поведения критерием является интерпретация культурных различий педагогом. Воспринимать педагогические ситуации, определять характер их разрешения можно исходя из нескольких трактовок. Первым представлением является отношение педагога к культурным различиям как к уникальному ресурсу, что включает в себя поощрение, поддержку, развитие и продвижение культурного разнообразия. Вторая интерпретация заключается в проблеме такого разнообразия, требующего определенного решения, без которого цель образовательного процесса будет ограничена в достижении. Следующим восприятием педагога культурных различий как вызова обуславливается долгосрочным стратегическим изменением в позитивную сторону с помощью применения необходимых ресурсов и представляющий для педагогической деятельности практическую пользу. По сущности происходит трансформация рисков в весомые преимущества. Безразличие как толкование культурного разнообразия подразумевает под собой полное игнорирование или избегание действий в образовательной среде культурной направленности [5, с. 35].

При каждой из данных субъективных восприятий педагог будет вести себя в различных ситуациях образовательной профессиональной среды по определенной модели поведения. Стоит отметить, что при разных контекстах педагог

может проявлять разную позицию к культурным особенностям, при создании проблем культурные различия начинают входить в фокус внимания наставника высшей школы. Воспринимая культурное различие как вызов, педагог зачастую вырабатывает систему действий для перехода задачи в качественное состояние преимуществ. Примером такого явления может быть дополнительные курсы языка или культуры для инокультурных обучающихся. При таком воззрении к культурным различиям как вызову педагог как профессионал углубляется в тонкости ценностей отдельных культурных групп, что приводит к выработке эффективной системы решения определенных сложностей взаимодействия культурного разнообразия. Следовательно, успешная профессиональная деятельность педагога представляет собой смещение фокуса интерпретаций при проблемных культурных различиях на путь вызова или уникального ресурса.

С точки зрения воздействия культурных расхождений на взаимодействие между обучающимися, стоит отметить, что нормы межкультурной коммуникации зачастую прививают только при наличии проблемных обстоятельств. В целом к уровню высшей школы у личностей складывается определенный набор субъективных качеств, включающие в себя навыки межкультурного общения, за исключением тех, у кого не было такого прецедента и им не удалось приобрести такие навыки. От выбранной модели поведения и мировоззрения субъекта межкультурной коммуникации зависит результат диалога и взаимодействия в целом необходимостью является популяризация обучающемуся принципа толерантности в межкультурных взаимоотношениях, толкование значимости данного статута педагогом высшей школы, родителями как первичными источниками социализации. Более развитый крутзор обучающегося, в том числе о культуре, ее особенностях, межкультурном пространстве, формирует более четкое понятийное представление о ценностях разных этнических общностей, предоставляя при понимании правильной модели взаимодействия в условиях такой коммуникации. Влияние культурных различий может оказать сильное давление на атмосферу взаимодействия в социальной группе, поэтому для устранения межкультурных барьеров необходимо создание образовательной концепции, включающей в себя деятельность по подготовке специалистов, которые смогут эффективно взаимодействовать в политкультурном пространстве в случае интернациональной коммуникации [4, с. 119].

Важная роль политкультурности как процесса взаимодействия образования и культуры обусловлена формированием среды для развития и наполнения личности, в основе которой существует признание многообразия культур, создание условий для проведения межкультурного диалога субъектов различных культур. Осваивая мозаичную, дивергентную, гибкую культуру личность редуцирует ее в субъективной осмысленной деятельности. Способность понять новое и претворить его в свою жизнедеятельность образует элемент нового типа мышления, отказываясь от феномена стереотипности бытия. В современной профессиональной деятельности педагога высшей школы направление политкультурного образования, включающее в себя толерантное отношение к культурным различиям народов, является особенным, что заключается в его многоаспектной сущности, а именно: этносоциальном, заключающийся в формировании национального самосознания, межнационального общения и толерантности, аксиологическом, трактующийся как равноправие различных культурных уровней и их ценность, культурологическом, выступающий за сохранение и онтогенез культурных ценностей, и потребностном, означающий удовлетворение необходимость субъективных требований в образовании, факторах. Пространство взаимодействия, создающееся при взаимопроникновении сфер коммуникации субъектов различных культур, формируется при выполне-

нии условий принятия и уважения равноправия и равноценности этносоциальных особенностей.

Таким образом, благодаря синергетическому методологическому принципу получения информации, в том числе культурной направленности, любая личность сегодня может включить в свое культурное развитие элементы из разных культур, используя вариативность, альтернативность и разновекторность онтогенеза. Совершенствование способности созидания другого, осознания себя как личности и своей деятельности, повышение уровня толерантности и политкультурности способно минимизировать влияние культурных различий в профессиональной деятельности педагога высшей школы, тем самым сделать эффективнее процесс межкультурной коммуникации.

Пристатейный библиографический список

1. Алещенко С. В. Формирование философской и педагогической культуры учителя в современных условиях // Вестник ТППУ. 2007. № 11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-filosofskoy-i-pedagogicheskoy-kultury-uchitelya-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 30.11.2023).
2. Будник Е. Б. Социально-педагогическая деятельность учителя как объект философского анализа // Отечественная и зарубежная педагогика. 2013. № 6 (15). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-pedagogicheskaya-deyatelnost-uchitelya-kak-obekt-filosofskogo-analiza> (дата обращения: 13.11.2023).
3. Тюренкова Л. М. Многообразие культур и единство подходов к их рассмотрению // Учёные записки (АГАКИ). 2021. № 3 (29). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogoobrazie-kultur-i-edinstvo-podhodov-k-ih-rassmotreniyu> (дата обращения: 27.11.2023).
4. Ходырева Е. А. Поликультурность как педагогический принцип // Вестник ВятГУ. 2007. № 16. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/polikulturnost-kak-pedagogicheskij-printsip> (дата обращения: 01.12.2023).
5. Хухлаев О. Е., Ткаченко Н. В. Отношение российских учителей к культурному разнообразию в трудных педагогических ситуациях: опыт качественного анализа // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2021. № 1 (37). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-rossijskih-uchiteley-k-kulturnomu-raznoobraziyu-v-trudnyh-pedagogicheskikh-situatsiyah-opyt-kachestvennogo-analiza> (дата обращения: 30.11.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-11-186-537-539

РАБАДАНОВА Алина Арсеновна

студент Дагестанского государственного медицинского университета, г. Махачкала

ГАСАНДИБИРОВА Мадина Алиасхабовна

студент Дагестанского государственного медицинского университета, г. Махачкала

МАГОМЕДОВА Фатима Якубовна

студент Дагестанского государственного медицинского университета, г. Махачкала

ДИБРАЕВ Афсаладдин Дибрахмедович

кандидат философских наук, доцент, Дагестанского государственного медицинского университета, г. Махачкала

ЭТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИСКУССТВЕННОГО ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ

В данной статье представлен этико-правовой анализ искусственного прерывания беременности. Данная сторона вопроса искусственного прерывания беременности является актуальной темой для споров еще со времен её возникновения. Дискуссионность проблемы обусловлена различными этическими, биоэтическими, философскими, медицинскими, социальными, религиозными и правовыми аспектами. На каком сроке эмбрион рассматривается как живой человек? Какую позицию в данном вопросе занимает современная медицина? Какое отношение к аборту имеет современная молодежь? Используя различные источники по данной теме, а также результаты исследования в виде социального опроса, мы рассмотрим проблему искусственного прерывания беременности с этической и правовой точки зрения. Актуальность темы исследования очевидна, так как аборт на сегодняшний день является довольно частым явлением и число их только растет, при этом основными его причинами чаще всего выступают добрачные связи и некомпетентность в использовании средств контрацепции. Еще одной предпосылкой является легализация абортов, что также приводит к увеличению их числа. Цель исследования: выделить основные проблемы искусственного прерывания беременности, выявить отношение молодежи к искусственному прерыванию беременности, определить уровень информированности молодежи об искусственном прерывании беременности. Методы исследования: анкетирование, статистика, анализ, выводы.

Ключевые слова: этика, аборт, мораль, искусственное прерывание беременности, религиозные, правовые и философские аспекты, статус эмбриона.

RABADANOVA Alina Arsenovna

student of the Dagestan State Medical University, Makhachkala

GASANDIBIROVA Madina Aliaskhabovna

student of the Dagestan State Medical University, Makhachkala

MAGOMEDOVA Fatima Yakubovna

student of the Dagestan State Medical University, Makhachkala

DIBRAEV Afsaladdin Dibirakhmedovich

Ph.D. in philosophical Sciences, associate professor of the Dagestan State Medical University, Makhachkala

ETHICAL AND LEGAL ANALYSIS OF ARTIFICIAL TERMINATION OF PREGNANCY

This article presents an ethical and legal analysis of artificial termination of pregnancy. This aspect of the issue of artificial termination of pregnancy has been a hot topic for debate since its inception. The debatability of the problem is due to various ethical, bioethical, philosophical, medical, social, religious and legal aspects. At what stage is an embryo considered a living person? What position does modern medicine take on this issue? What attitude do today's youth have to abortion? Using various sources on this topic, as well as the results of a study in the form of a social survey, we will look at the problem of induced abortion from an ethical and legal point of view. The relevance of the research topic is obvious, since abortions today are quite common and their number is only growing, while its main reasons are most often premarital relations and incompetence in the use of contraception. Another prerequisite is the legalization of abortion, which also leads to an increase in their number. Purpose of the study: to highlight the main problems of artificial termination of pregnancy, to identify the attitude of young people towards artificial termination of pregnancy, to determine the level of awareness of young people about artificial termination of pregnancy. Research methods: survey, statistics, analysis, conclusions.

Keywords: ethics, abortion, morality, artificial termination of pregnancy, religious, legal and philosophical aspects, embryo status.

В медицине под абортом понимается всякое прекращение беременности, естественное или искусственное. Естественное прерывание беременности – это самопроизвольный процесс, не зависящий от желания женщины и происходящий без каких-либо вмешательств. Искусственное (преднамеренное) прерывание клинической беременности осуществляется путем целенаправленного медицинского вмешательства на определённом сроке и при определённом весе плода. В рамках данной статьи мы рассмотрим второй вариант.

Искусственное прерывание беременности – одна из старейших этических проблем медицины. Основной проблемой споров о допустимости или недопустимости аборта является вопрос: что собой представляет эмбрион? Является ли он частью организма матери и не обладает правом на жизнь или же считается человеком еще с первого момента его появления? Для того, чтобы более точно дать ответы на такие философские вопросы, мы решили более углубленно изучить историю самого медицинского

вмешательства, к которому прибегали еще в далекие времена.

К методу искусственного прерывания беременности люди обращались еще в древности. Подтверждению этому служат документы времен Римской империи, косвенно или прямо упоминающие об этом, а именно – высказывания Аристотеля, Платона, Цицерона и даже в трудах Ибн Сины (Авиценны) – «Канон врачебной науки». Свою позицию об искусственном прерывании беременности также выдвигал отец древней медицины – Гиппократ. Во врачебной клятве Гиппократа, приносимой его учениками, было сформулировано отношение врача к больным. Среди многих медицинских процедур он намеренно выделяет: «Я не вручу никакой женщине абортивного пессария». Гиппократ считал искусственное прерывание беременности безнравственным и не сопоставимым с профессией врача.

Аристотель считал аборт вполне позволительным. Он говорил: «Если ли же в браке зарождаются дети вопреки ожиданиям, то плод может быть избран, прежде чем начнет чувствовать и жить». Внимание обращалось на два аспекта: первый – демографический (необходимость аборта заключалась в регулировании рождаемости), второй – человеческий фактор (аборт считается допустимым до тех пор, пока у плода не развились «чувствительность» и подвижность).

Древнегреческий философ Платон полагал, что после смерти душа человека возрождается в другом облике и уже в загробном мире ей дают выбрать новую жизнь по жребию или направляют на тысячелетние муки. Философ рассуждал так: тело – это зло и человек, прикованный к телу, познает только мир копий, а не мир идей. Соответственно, он толковал смерть как освобождение души.

В Древнем Риме, в частности в его ранний период, аборт не считался чем-то постыдным и свободно практиковался. В эпоху регресса империи богатые граждане выбирали не иметь ни семьи, ни детей. Изначально в римском праве зародыш понимался как часть тела матери (*pars viscerum*), поэтому женщину не наказывали за убийство плода или удаление его из утробы. Лишь спустя определенное время у эмбриона (*nasciturus* – «имеющий родиться») появились некоторые гражданские права. Искусственный аборт начали считать преступлением против прав родителей, если кто-то хотел достичь таким путем имущественных прав. Римский политический деятель – Цицерон считал, что женщины, прибегнувшие к такому деянию, должны быть наказаны «за изгнание плода, так как она крадет у республики предназначенного для нее гражданина».

Со временем у многих стран укреплялся взгляд на аборт как на преступную деятельность и это послужило основанием для узаконивания наказуемости искусственного прерывания беременности. В XVI веке в некоторых европейских странах наказанием была смертная казнь. В России смертную казнь за искусственный аборт ввели на законодательном уровне во второй половине XVII века во время правления царя Алексея Михайловича Романова. В 1715 году смертную казнь отменил своим указом Петр I.

С течением времени ее также отменили и в других странах, но на протяжении многих лет наказания оставались довольно суровыми. Вплоть до конца XIX столетия Российское законодательство содержало меры наказания за аборт в форме тюремного заключения, ссылки в Сибирь или каторжных работ. При этом ответственность распространялась не только на женщин, но и их пособников. Статья «Уложения о наказаниях» 1885 года гласила: «Беременная женщина, которая по

собственному произволу или по согласию с другими употребит какое-либо средство для изгнания плода своего, подвергается лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение».

Окончательное понимание ценности эмбриона связано с распространением христианства. Уже во времена раннего христианства аборт считался убийством человека. Василий Великий (IV – V вв.) – церковный писатель и богослов говорил: «Умышленно погубившая зачатый во утробе плод подлежит осуждению как за убийство». В христианстве значимое место занимает вопрос о том, когда у зародыша появляется душа. У ранних христиан указывались сроки: 40-й день для мальчиков, 80-й для девочек.

Что касается ислама, имеется несколько точек зрения на тему аборта. Можно выделить два основных мнения. Первое из них: аборт запрещен на любых сроках беременности. Второе – беременность можно прервать до истечения 120-дневного срока с ее начала. Также существует мнение, что аборт разрешен, если имеются серьезные угрозы для жизни матери. Запрет обусловлен убийством создания Творца.

В отличие от ислама, буддизм не имеет четких взглядов на данный вопрос. Так, среди коренных тибетских буддистов искусственное прерывание беременности рассматривается в негативном ключе. Однако отношение и законы Таиланда, в котором исповедуется южный буддизм, считаются более благосклонными, как и в Японии, где аборты также легальны.

Многочисленные обсуждения зарубежных и отечественных специалистов-философов привели к популяризации вопроса моральности искусственного прерывания беременности. Как следствие, возникли три основные позиции касательно аборта. Первая предполагает, что всякая жизнь имеет право на существование с момента возникновения. Такую позицию относят к абсолютистскому подходу, который рассматривает эмбрион как отдельную личность. Например, такие страны как Мальта, Чили, Ватикан, Филиппины, Никарагуа на государственном уровне категорически запрещают аборты без каких-либо исключений.

Вторая позиция основана приверженцами свободно-го права выбора и связана с либеральным подходом. В его рамках эмбрион является частью тела матери и не обладает суверенной ценностью. Ряд государств выступает за свободу осуществления искусственного аборта при медицинских, социально-экономических и других показаниях (Исландия, Польша, Япония, Мексика, Бразилия, Финляндия, Нигерия).

Третья и последняя позиция, являясь промежуточным звеном, допускает аборт, но в строго исключительных ситуациях ради сохранения жизни матери. Венесуэла, ОАЭ, Ливия, Афганистан, Сирия – государства, законодатель которых исходит из того, что плод имеет право на жизнь после определенного срока беременности.

Первым государством, которое узаконило и легализовало искусственный аборт, стала Советская Россия. По статистике до 1930 года количество абортов стремительно росло. В то же время неблагоприятная демографическая обстановка была связана со сложными социальными условиями: Гражданская война, голод, коллективизация, репрессии. В конечном итоге, правительство поменяло политику и аборты были запрещены. После войны в стране отмечался значительный рост криминальных абортов. В 1955 году руководство страны пришло к решению снять запрет на искусственное прерывание беременности.

В настоящее время, в соответствии с «основами законодательства РФ об охране здоровья граждан» от 21.11.2011

года, любая женщина может решать вопрос о материнстве самостоятельно. Прерывание беременности совершается по собственному желанию на сроках до 12 недели медикаментозно вне больницы. Женщина в обязательном порядке должна быть проинформирована о процедуре и обеспечена качественными препаратами, а при необходимости может обратиться к медперсоналу. Если женщина стала жертвой изнасилования, то прерывание возможно до 22 недель; по медицинским показаниям срок беременности не учитывается.

По данным Росстата в 2020 году Россия была всего на 111 месте в мире по числу аборт: 553 тысячи случаев – 38,8 аборт на каждые 100 родов. В 2022 году Минздрав зафиксировал 395 201 случаев, на 4 % меньше, чем в 2021 году. Таким образом, с 90-х годов рост числа аборт неизменно снижается – на 6 % процентов в год, и на данный момент показатель более чем в 5 раз меньше, чем в 1990 году.

Максимальное количество аборт зарегистрировано в следующих регионах: Магаданская область, Еврейская автономная область, Чукотка, Якутия, Псковская область.

Лидирующее положение по наименьшему количеству прерывания беременности занимают: Дагестан, Чечня, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Москва.

В первых пяти республиках сведения объясняются влиянием религии и культуры. В Москве положительная статистика обуславливается благоприятной экономической обстановкой.

Одним из аспектов становления современной точки зрения об искусственном прерывании беременности стало развитие феминистского движения. Позиция феминизма относительно аборт заключается в предоставлении женщинам права на автономию собственного тела. Решение о вынашивании или невынашивании беременности остается за женщиной. В то же время, многие феминистки подтверждают законное положение эмбриона, но в зависимости от срока беременности.

Интересуясь мнением современной молодежи касаясь данной проблемы, мы провели опрос, в рамках которого рассмотрели следующие вопросы:

– Как вы относитесь к искусственному прерыванию беременности?

– Имеет ли право женщина по собственному желанию сделать аборт?

– Считаете ли вы, что аборт является преступной деятельностью и должен быть наказуем?

– Эмбрион – это личность или часть материнского тела?

В нашем исследовании приняли участие около 300 человек. От общего числа опрошенных около 14 % проголосовали положительно, исходя в основном из религиозных убеждений и социальных проблем; 49 % считают аборт недопустимым, воспринимая это как «детоубийство» и нанесение вреда здоровью матери; 37 % – не имеет четкой позиции.

Большинство (81 %) считают, что женщина имеет право на искусственное прерывание беременности без чьего-либо согласия, так как это ее тело; 19 % не согласны с этим мнением и объясняют это тем, что такая позиция эгоистична по отношению к другому партнеру.

Касательно вопроса о законности аборт, 76 % относят его к дозволенной деятельности, а 24 % полагают, что за него должно быть предусмотрено наказание.

И вопрос, который вызвал наибольший диссонанс у людей – является ли эмбрион личностью или всё же частью тела

матери. Респонденты не пришли к единому мнению: процентное соотношение составляет 50/50.

Исходя из этих данных, можно прийти к выводу, что представления современной молодежи об искусственном прерывании беременности и его последствиях характеризуются социальной зрелостью.

Основываясь на истории развития и становления данной проблемы становится очевидно, что каждый случай следует рассматривать индивидуально и однозначной позиции в этом вопросе достичь невозможно. Подводя итоги, можно заключить, что мнения специалистов на всех этапах развития общества сводятся к одному: должны или нет эмбрионы иметь право не быть убитыми, как другие человеческие существа? Параллельно прослеживается другая тенденция, приверженцы которой считают центральным вопрос о том, можно ли заставить женщину вынашивать нежелательный плод даже ценою собственного здоровья и жизни.

Пристатейный библиографический список

1. Киселев В. А. Учебное пособие «Биоэтика: ситуационные задачи, тестовые вопросы, нормативные документы». Издание второе переработанное и дополненное. – Екатеринбург, 2016.
2. Дочева М. В., Ермолаева А. И. Учебно-методические рекомендации, 2-я часть. Основные моральные нормы и принципы биомедицинской этики. – Пенза, 2008.

МАДЖУГА Анатолий Геннадьевич

доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, психологии и здоровьесбережения Института развития образования Республики Башкортостан

ГАЙСИНА Гузель Иншаровна

доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы

ВАКНИН Елена Евгеньевна

доктор психологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье представлены сущностные характеристики культурологического подхода. Авторы доказывают, что культурологический подход выступает в качестве методологической основы постнеклассического образования, определяют последовательность этапов познания объектов с использованием культурологического подхода. В контексте исследования описана важнейшая функция современного образования – культуротворческая функция, которая заключается в сохранении, дальнейшем развитии и обогащении культуры средствами образования. Показана взаимосвязь образования и культуры в процессе реализации человекообразующей функции постнеклассического образования.

Ключевые слова: социокультурная ситуация, постнеклассическое образование, культура, культурологический подход, культурологический анализ, культуротворческая функция, личностный подход, деятельностный подход, аксиологический подход.

MADZHUGA Anatoliy Gennadjevich

Ph.D. in pedagogical sciences, professor, Head of Pedagogy, psychology and health care sub-faculty of the Institute of Education Development of the Republic of Bashkortostan

GAISINA Guzel Insharovna

Ph.D. in pedagogical sciences, professor, professor of Pedagogy and psychology sub-faculty of the M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University

VAKNIN Elena Evgenjevna,

Ph.D. in psychological sciences, professor of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University

THE CULTURAL APPROACH AS A METHODOLOGICAL BASIS FOR POST-NON-CLASSICAL EDUCATION

The article presents the essential characteristics of the cultural approach. The authors prove that the cultural approach acts as a methodological basis for post-non-classical education, determine the sequence of stages of cognition of objects using the cultural approach. In the context of the study, the most important function of modern education is described – the cultural creation function, which consists in the preservation, further development and enrichment of culture by means of education. The interrelation of education and culture in the process of implementing the human-forming function of post-non-classical education is shown.

Keywords: socio-cultural situation, post-non-classical education, culture, cultural approach, cultural analysis, cultural creation function, personal approach, activity approach, axiological approach.

Осмысление современных процессов социального, духовного развития общества и человека предполагает последовательное углубление осознания места и роли культуры как мощного фактора общественного развития и преодоления ориентации современного образования на прагматические, утилитарно-прикладные цели, обусловленные состоянием и возможными перспективами развития общества и самой цивилизации.

Социокультурная ситуация XXI века характеризуется определенным разрывом связей образования и культуры. Не потеряло актуальности подмеченная в XX веке В. С. Библером «возникающая пропасть между феноменами культуры и феноменами образования, просвещения, цивилизации» [2]. Эти два понятия дифференцировались, содержательно и организационно, в последующем, стали противопоставляться друг другу.

Анализ особенностей развития отечественной системы образования, второй половины XX и начала XXI века позволяет выделить ряд явлений, послуживших причинами снижения культуроемкости образования, признаками его «отдаления» от культуры, ослабления его культурных функций: устойчивое доминирование знаниево-ориентированной парадигмы образования, потеря образованием личностно-ценностной ориентации; снижение приоритета образования в связи с отсутствием социального заказа на образованность; дифференциация и обособление естественнонаучных дисциплин от социальных и гуманитарных; предметоцентризм в режиме репродукции все возрастающего объема готовых к усвоению знаний; отсутствие общекультурной систематизации в цикле гуманитарных дисциплин, преобладание в них информационного подхода; слабая связь усваиваемых знаний с собственно человеческим контек-

стом, с поиском личностных смыслов; объектный подход к ученику, авторитарность педагогического общения и др.

Возвращение образования «в лоно» культуры осложняется как многими обстоятельствами социального и педагогического плана (общее снижение культурного уровня населения; разрушение культурной среды и многих каналов трансляции культуры; застой массовой культуры; устойчивое доминирование знаниевой парадигмы образования; утрата культурных смыслов образования и т.п.), так и рядом противоречий в собственно образовательной сфере. Вместе с тем, динамично и противоречиво развивающаяся социокультурная ситуация в постиндустриальном обществе влечет за собой переосмысление эволюции образовательных процессов с позиций интеграции образования и культуры. Усиление культурных функций становится для института образования условием его дальнейшего продуктивного развития как сферы гуманитарной культуротворческой практики, обеспечивающей качество общественного и личностного самосознания. Осуществление культурных функций предполагает ориентацию образования на воспитание человека культуры, реализацию культуроемкого содержания и личностно ориентированных образовательных технологий, воссоздание в образовательных пространствах и структурах свободных культурных практик деятельности, поведения и общения. Очевидно, что создание и внедрение культурных моделей образования должны быть упреждены разработкой и обоснованием научно-педагогических концепций на качественно иной, в сравнении со знаниево-ориентированной парадигмой, теоретико-методологической основе.

Концептуальная разработка на основе эвристического потенциала философии образования, культурологии образования

и педагогики культурных оснований развития постнеклассического образования предполагает опору на культурологический подход, служащий методологической основой исследования образования как социокультурного института и антропогенной практики культуры. В рамках постнеклассического образования, возможно, идентифицировать принципиально новый способ мышления – постнеклассический. Постнеклассический способ мышления – это нелинейный процесс, нелинейная организация актов рассуждения, которая воплощается в дискурсе – новой единице анализа актов смыслополагания и смыслопостижения [1], [7].

В связи с этим расширение проблемного поля педагогических изысканий, включение в него аспектов культуры обуславливают актуальность целенаправленного и глубокого изучения теоретико-методологического потенциала культурологического подхода в решении проблем современного образования.

Несмотря на то, что упоминание культурологического подхода довольно часто встречается в научно-исследовательских работах, в педагогической теории недостаточно представлена его содержательная характеристика как совокупности теоретико-методологических положений, четко не определены принципы и процедуры культурологического анализа педагогических проблем. Единичными являются теоретические исследования по разработке и обоснованию культурологического подхода как методологической основы современной педагогической науки и практики, определению принципов и условий его реализации в образовании. Вместе с тем, в поисках подходов к прогнозированию развития постнеклассического образования на основе реализации культурологического подхода представляется необходимым обращение к глубинным, фундаментальным основаниям культуры.

Культурологический подход определяется как эксплицитное выражение процедур представления объектов как культурных явлений, способов их понимания и объяснения с позиций культуры [4]. Как общенаучный метод исследования он предполагает использование феномена культуры в качестве стержневого в понимании и объяснении явлений и процессов. Культурологический подход успешно выполняет нормативные функции обеспечения правильной постановки научной проблемы как «принципиального непонимания» (В. М. Розин) тех или иных фактов культуры и введения исследовательского сознания в изучаемую культурную реальность; выделения культурного содержания в проблеме путем глубокого обоснования факта отнесения объекта исследования к культурным феноменам; решения проблемы с помощью имеющихся у культурологического подхода как совокупности принципов познавательной деятельности ведущих теоретико-методологических положений, на которые необходимо опираться при исследовании объекта как культурного феномена. В качестве ведущего положения он включает рассмотрение объекта как культурного феномена, выявление его культурных свойств в соответствии с объективными критериями. В решении этого вопроса заключен центральный проблемный узел, определяющий то или иное понимание культуры, и, следовательно,gnoseологическую и теоретическую основу исследования.

В аксиологической концепции культура трактуется как совокупность созданных человечеством материальных и духовных ценностей, как «мир воплотившихся ценностей» (Н. З. Чавчавадзе). Сторонники ценностной интерпретации культуры видят ядром культуры человека и общества ценности, поскольку они определяют культуру изнутри из глубин индивидуальной и социальной жизни. Сделан вывод о том, что человек, который интериоризовал общечеловеческие ценности, перевел их во внутренний план личности, осознал их как личные ценности и руководствуется ими в своей жизнедеятельности, и есть человек высокого уровня культуры.

Основываясь на положениях о взаимовлиянии и взаимозависимости культуры и человеческой деятельности, необходимости раскрытия сущности культуры в ее динамических аспектах, представители деятельностной концепции культуры интерпретируют ее по двум направлениям: 1) технологически-деятельностное толкование (Л. П. Буева, М. С. Каган, Э. С. Маркарян и др.) культуры как «специфического способа деятельности» (Э. С. Маркарян), «совокупности плодов и способов деятельности» (М. С. Каган); 2) акцентирование личностно-творческой природы культуры (Л. Н. Коган, Н. С. Злобин и др.) как «процесса творческой деятельности человека» (Н. С. Злобин), «системы, выступающей мерой и способом формирования и развития сущностных сил человека в ходе его социальной деятельности» (Л. Н. Коган). Для нас продуктивной видится одна из более поздних концепций, согласно которой культура есть «способ способа», раскрывающий нетехнологический смысл и более высокую степень

общности предметно-преобразующей и духовной деятельности человека, чем технологический аспект существования культуры. В итоге обоснованным видится системно-целостное видение культуры в единстве ее аксиологического, деятельностного и личностно-творческого аспектов. Системный анализ и философская рефлексия, по утверждению М. С. Кагана, сделали возможным представить культуру в виде целостного и интегрального социально-антропологического явления, раскрыть сложную диалектику объективного и субъективного, материального и духовного, опредмечивания и распределенности [6].

Культурологический подход относится к уровню общенаучных методов исследования, содержащему формально-логические теории и разработки, связанные с решением задач методологического характера, и содержательные общенаучные концепции, выполняющие методологическую функцию для большинства научных дисциплин. На основе анализа фундаментальных работ по методологии науки, философии и культурологии, вскрытых в ходе наших исследований философских и общепедагогических предпосылок становления культурологического подхода в педагогической науке мы определили его сущностные и содержательные характеристики, принципы, уровни и функции культурологического анализа.

Г. И. Гайсина определяет культурологический подход в педагогической теории и практике как совокупность теоретико-методологических положений и организационно-педагогических мер, направленных на создание условий для овладения личностью содержанием традиционной и актуальной культуры, становления ее субъектом [5]. Это, прежде всего, принципиальная гуманистическая позиция, признающая человека субъектом культуры, ее главным действующим лицом, способным вмещать в себя все «старые» смыслы культуры и одновременно производить новые. Субъект культуры понимается нами как личность, которая на высоком уровне внутренне детерминированной активности и сознательности осуществляет не только освоение, усвоение и потребление артефактов культуры, но и реализует свое культуротворческое начало, проектируя культурное пространство для саморазвития.

Как серьезное продвижение в методологии изучения личности культурологический подход позволяет трактовать процесс овладения культурой как процесс ее личностного открытия, создания мира культуры в своем внутреннем мире, участия в диалоге культур, при котором происходит индивидуально-личностная актуализация заложенных в культуре смыслов. Следует отметить, что в настоящее время за многими приложениями культурологического подхода в работах отдельных авторов не стоит строгое и единое его теоретико-методологическое обоснование, унифицированная совокупность процедур культурологического анализа. Вместе с тем, само по себе использование культурологических понятий еще не может свидетельствовать о действительно культурном аспекте проблемы или служить основанием для указания на применение культурологического подхода в данном исследовании.

Компаративистский анализ литературы по теории культуры позволил выделить определенную последовательность этапов познания объектов с использованием культурологического подхода: культурно-гуманитарная проблематизация материала, выделение в нем культурного содержания; установление и описание данной системы культуры, выявление ее ведущих культурных характеристик; рассмотрение объекта культуры в предметной и функциональной плоскостях, установление его структуры, описание ее компонентов; сопоставление анализируемой культуры и ее феноменов с другими культурами (предшествующими или «синхронными»); изучение и объяснение особенностей данной культуры и ее феноменов, установление условий функционирования и тенденций развития.

Отсутствие разработанных принципов культурологического анализа, а также обстоятельство, что практика его применения в педагогических исследованиях еще не стала предметом научно-теоретического обобщения, приводит к значительному разночтению в интерпретации сущности и процедур культурологического подхода. В такой ситуации общая функциональная характеристика принципов культурологического анализа должна представлять собой описание его исходной понятийной базы и установок, определяющих специфику его применения. При этом принципы культурологического анализа выступают в качестве методологических средств, исследовательских орудий, при помощи которых достигается выражение и формирование нового предметного содержания.

Опираясь на ведущие положения философии культуры, можно обозначить ряд функциональных принципов культурологического анализа конкретно-научных, в том числе и пе-

дагогических, проблем: системная реконструкция культуры; учет субъектности культурного развития и деятельностного характера реализации субъектного начала в культуре; единство нормативного и креативного аспектов бытия культуры. При этом культурологический анализ осуществляется посредством совокупности методов и приемов, используемых при анализе культуры. Реализация культурологического подхода в научных исследованиях предполагает использование таких методов культурологического анализа, как диахронический, синхронический, культурно-исторический, теоретическое моделирование, структурно-функциональный, герменевтический, семиотический, биографический и др. [5].

Теоретический анализ научных работ в области философии культуры и культурологии позволил выделить фундаментальные положения, обеспечивающие применимость теоретико-методологических посылок культурологического подхода к локальным исследованиям культуры, в том числе и такого социокультурного феномена, как образование. Для теории образования концептуальное значение и парадигмальный смысл категории «культура» определяется тем, что её использование дает возможность осветить важнейшую значимую грань феномена образования – его культурологическую составляющую. Согласно целевым установкам и концептуальным идеям культурологического подхода образование как культурное явление призвано отвечать следующим требованиям: обладать атрибутами института культуры; располагать четко выявленной культурной формой (признаками, чертами); выполнять культурные функции; представлять собой определенную культурную ценность и значение.

Культурологический подход к исследованию социокультурного института образования предполагает помимо выявления его культурных признаков определение культурных функций. Мы акцентируем свое внимание на культуротрансляционной, гуманитарной и культуротворческой функциях образования, которые предполагают его ориентацию на развитие личности как субъекта культуры, актуализирующего ценности и смыслы культуры, способного к творческой самореализации и созиданию культурной среды. Очевидно, что культуротрансляционная функция заключается в трансляции и воспроизводстве культуры, обеспечивая культурную преемственность поколений.

Природа самого педагогического явления, его «онтологии» предполагает гуманитарное определение образования и выделение присущей ему гуманитарной функции. В качестве важнейшей человекообразующей функции личностно-ориентированного образования гуманитарная функция заключается в содействии достижения понимания и целостного видения человеком мира. Речь идет о «вращивании» гуманитарной культуры и развитии гуманитарного мышления, основанных на глубоком гуманитарном знании. Так, суть гуманитарной функции образования весьма убедительно определяется Е. В. Бондаревской как сохранение и восстановление экологии человека, его телесного и душевного здоровья, смысла жизни, личной свободы, духовности и нравственности [3]. Для этого образование должно заложить в личность механизмы понимания, взаимопонимания, общения, сотрудничества и диалога. Мы разделяем позицию учёных, утверждающих, что современное образование и школа как институт давно функционирует в условиях дефицита гуманитарной культуры. Создание такой культурно-образовательной, в первую очередь гуманитарной, среды – насущная задача постнеклассического образования.

Важнейшей функцией современного образования призвана стать культуротворческая функция, которая заключается в сохранении, дальнейшем развитии и обогащении культуры средствами образования. Реализация данной функции предполагает отбор культуросообразного содержания и воссоздание в образовательных структурах культурных образцов и норм, проектирующих элементы культурной среды жизнедеятельности людей. Необходимым условием этого является интеграция образования в культуру и, наоборот, культуры в образование. Культуротворчество в образовании, по нашему мнению, представляет собой двустороннее явление. С одной стороны, оно есть «вращивание» культуры личности средствами образования, а с другой – развитие, обогащение культуры этой личностью, ставшей в результате образования ее субъектом.

Ведущее положение культурологического подхода в отражении явлений образования заключается в том, что отдельно взятый его аспект необходимо рассматривать как культурный факт. Культурологический анализ создает предпосылки для выявления культурных свойств и функций образовательной системы, раскрытия механизмов включения личности в культуру. При этом исследование различных проблем образования закономерно предусматривает ори-

ентацию на существенные признаки культуры, законы ее функционирования. Являясь методологической основой и методом проектирования постнеклассического (культуротворческого) образования, культурологический подход позволяет трактовать образование как процесс овладения культурой, направленный на личностное изменение-развитие; цель образования как развитие духовных сил, становление человека субъектом культуры; содержание образования как обобщенную культуру в единстве ее аксиологического, деятельностного и личностно-творческого компонентов, предназначенную для активного овладения; творчество и диалог как способы саморазвития и самореализации личности в образовательном пространстве; культуру педагога и культуру обучающегося как равноправные компоненты образовательного процесса. Развитие неклассического способа мышления при такой парадигме образования во главу угла ставит коммуникацию и диалог, при котором ученик становится активным, полноправным участником коммуникации, имеющим свои установки, ценности и ориентации.

Необходимо отметить, что процесс реализации культурологического подхода в современном как общем, так и профессиональном образовании опирается на ряд ведущих принципов: создание единого культурно-образовательного пространства образовательной организации; культурная направленность и культуроемкость содержания образования; расширение круга свободных культурных практик обучающихся, в рамках которых развивается доминирующая культурная идея личности; «вращивание» и саморазвитие общей и профессиональной культуры; единство национального и общечеловеческого в культурном развитии личности; учет индивидуального характера постижения культуры; субъектная направленность и диалогизация образовательного процесса; индивидуально-творческое развитие личности обучающегося. Следовательно, культурологический подход в теории и практике образования реализуется через направленность образовательного процесса в единстве его целевого, содержательного и технологического компонентов на конечный результат – становление личности как субъекта культуры. Эта идея вытекает из сущности личностно-ориентированного образования и закономерностей развития культуры.

Таким образом, культурологический подход является методологической основой образования как социокультурного института и антропогенной практики культуры.

С позиций культурологического подхода образование рассматривается, как важнейший социокультурный институт, призванный выполнять гуманитарную, культуротрансляционную и культуротворческую функции, так и фактор культурного развития личности. В качестве цели образования с позиций культурологического подхода выступает человек как субъект культуры, который на высоком уровне внутренне детерминированной активности и сознательности не только осуществляет освоение артефактов культуры, но и реализует своё культуротворческое начало, создавая вокруг себя культурное пространство. Именно культуроцентрированное постнеклассическое образование способно реально содействовать преодолению не только целого ряда негативных духовно-культурных последствий «революционных» идеологических и рыночных преобразований в нашей стране, но и саморазрушительных тенденций в развитии современной цивилизации в целом, которые чреватые еще большими потерями детских и юношеских умов и сердец, а в целом – человеческих судеб.

Пристатейный библиографический список

1. Алиева Н. З. Постнеклассическое естественнонаучное образование: проблемы становления. – Шахты: ЮР-ГУЭС, 2008. – 197 с.
2. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. – М., 1991. – 413 с.
3. Бондаревская Т. Н. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания: Учеб. Пособие / С. В. Кульневич. – Ростов-н/Д: творческий центр «Учитель», 1999. – 560 с.
4. Гайсина Г. И. Образование как социокультурный феномен. – Москва-Уфа: МПГУ, БПУ, 2000. – 148 с.
5. Гайсина Г. И. Культурологический подход в педагогическом исследовании. – Уфа: Вагант, 2007. – 304 с.
6. Каган М. С. Философская теория ценности. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с.
7. Огурцов А. П., Платонов В. В. Образы образования. XX в. – СПб.: РХГИ, 2004. – 520 с.

ТИМОЩУК Елена Андреевна

кандидат философских наук, доцент, кафедра социально-гуманитарных наук Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ТИМОЩУК Игорь Алексеевич

студент Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

ФАБУЛИЗАЦИЯ ПОЗИТИВИЗМА ИЛИ ДРАКОН АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ УЯЗВИМОСТИ

Технократическая антропология верит, что НТП может радикально изменить способности / стимулы людей таким образом, что это приведет к решению вечных проблем уязвимости человека. В этой статье представлена проблематизация уязвимости человека оксфордского профессора Ника Бострома. Антрополог предлагает расширить возможности по трансформации *homo sapiens* и создать сильные механизмы для решения проблемы человеческой смертности: обмен информацией в реальном времени, синтетическая биология, биохакинг, создание гибридных ДНК. Бостром конструирует неуязвимый мир гоминидов, обращаясь к художественным метафорам «сага о драконе», «чёрный шар человеческой популяции», «малыши, играющие боезарядами», «философ Судного дня». Некоторые из самых умных аргументов Бострома напоминают швейцарские армейские ножи: они просты, похожи на игрушки, их приятно рассматривать, они механистически демонстративны. Насколько эффективна такая инженерно-художественная аргументация?

Ключевые слова: биохакинг, синтетическая биология, технологический прогресс, трансгуманизм, технооптимизм, философская антропология, иммортология, мортидо.

TIMOSHCHUK Elena Andreevna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Social and humanitarian sciences sub-faculty of the Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economic and Public Administration under the President of the Russian Federation

TIMOSHCHUK Igor Alexeevich

student of the A. G. and N. G. Stoletovs Vladimir State University

FABULIZING POSITIVISM OR THE FICTIONAL DRAGON OF ANTHROPOLOGICAL VULNERABILITY

Technocratic anthropology believes that scientific and technological progress can radically change people's abilities/incentives in such a way that it will lead to solutions to the eternal problems of human vulnerability. This article presents Oxford professor Nick Bostrom's problematization of human vulnerability. The anthropologist proposes to expand the possibilities for the transformation of *homo sapiens* and create strong mechanisms to solve the problem of human mortality: exchange of information in real time, synthetic biology, biohacking, creation of hybrid DNA. Bostrom constructs an invulnerable world of hominids, turning to the artistic metaphors of "the saga of the dragon," "the black ball of the human population," "philosopher of a Doomsday" and "kids playing with warheads." Some of Bostrom's smartest arguments are like Swiss Army knives: they are simple, toy-like, pleasant to look at, mechanically demonstrative. How effective is such engineering-artistic argumentation?

Keywords: biohacking, synthetic biology, technological progress, transhumanism, techno-optimism, philosophical anthropology, immortalology, mortido.

Трудно отрицать влияние технологического прогресса на современного человека. Все сферы жизни человека: от способов производства до форм проведения досуга сопровождаются внедрением последних научных разработок. Одна из ключевых характеристик образования заключается в возможности использовать совокупный опыт и достижения человечества для решения фундаментальных проблем человечества. Это значит, что можно использовать компьютер, не подозревая о том, как он устроен или пользоваться высокотехнологичной медициной, оставаясь лишь потребителем. То есть, технологии развиваются, усложняются, а человек? Осмысливая степень влияния науки на человека, философы делятся на «техноскептиков» (Г. Маркузе, Л. Мэмфорд, Т. Розак, В. Кутырёв) и «технооптимистов» (Д. Белл, П. Дракер, Э. Тоффлер, Ж. Фурастье, С. Джобс, Б. Гейтс, Ю.Харари, К. Курцвейлер, К. Шваб). К последним также относятся транс-

гуманисты – представители философско-футурологического направления, появившегося в научном дискурсе в 80-х годах XX века. Именно в это время стали активно обсуждаться такие темы, как экологические катастрофы и их последствия, антропогенное воздействие на окружающую среду, развитие технологий, в том числе геной инженерии. Одним из основоположников движения стал философ родом из Швеции Ник Бостром. В 2002 году он публикует Декларацию трансгуманизма, где в восьми тезисах определяет новый тип философского осмысления антропологических и социальных проблем. Трансгуманизм для Бострома – неизбежное следствие научно-технического прогресса, развития междисциплинарных исследований и перспектив в области изучения человеческого организма. Бостром полагает, что развитие нанотехнологий, цифровых технологий и искусственного интеллекта создадут возможности для улучшений физического

Тимощук Е. А.

Тимощук И. А.

и ментального потенциала человека. Следует отметить, что Бостром представляет достаточно умеренное крыло трансгуманизма, по сравнению с такими радикалами как: Джулиан Хаксли, Раймонд Курцвейл, Юваль Харари и Клаус Шваб, в текстах которых трансгуманизм предстаёт как неизбежный переход от человека биологического к постчеловеку. В данной работе предлагается анализ одного из самых известных произведений Бострома – философского эссе-притчи «Сага о Тиране Драконе», опубликованной в 2005 году. С тех пор технологии стали ещё более продвинутыми, а вопросы, связанные с их использованием, ещё более острыми, поэтому тема представляется актуальной.

В своём эссе трансгуманист Н. Бостром «Сага о Тиране Драконе» критически осмысливает метафору преодоления смерти и формулирует моральный посыл современного трансгуманизма. Этот позитивист задаётся духовными экзистенциальными вопросами, применяя метафоры и образные нарративы, создавая необычный сплав рационального и иррационального, теоретического и художественного. Возможно, это нужно для того, чтобы пробудить читателя от сна разума, вызвать личное возрождение, страсть к науке и философии. Такая духовная перезагрузка и восстановление выглядит позитивным футуризмом, гибридным дискурсом, онто-поэзисом будущего, сочетающим критическое мышление и мечту о неуязвимости человека [1, с. 61-69], [2], [3], [4], [5].

Трансгуманизм представляется логическим шагом в эволюции человека. Как культурное и интеллектуальное движение, трансгуманизм стремится улучшить условия жизни человека посредством разработки, продвижения и распространения технологий, которые могут значительно повысить наши когнитивные, физические и психологические способности. В центре его внимания такие факторы как геномика, кибернетика, искусственный интеллект, нанотехнологии. Трансгуманизм верит, что эти инструменты могут фундаментально изменить наш вид, предоставив людям повышенный интеллект и память, неограниченную продолжительность жизни и совершенно новые физические и когнитивные способности. Для трансгуманистов человек – явление незавершенное. Более того, именно технологический прогресс позволит преодолеть физическую ограниченность человека, избавить его от угрозы смерти. В общих чертах это видение заключается в создании возможности прожить гораздо более долгую и здоровую жизнь, улучшить память и другие интеллектуальные способности, усовершенствовать эмоциональный опыт и повысить субъективное ощущение благополучия, а также в целом достичь большей степени контроля над собственной жизнью. Это утверждение человеческого потенциала предлагается в качестве альтернативы привычным запретам играть в Бога, портить природу, вмешиваться в нашу человеческую сущность или проявлять наказуемое высокомерие [8]. «Итак, давайте оставим сказочных людей справляться с их новыми вызовами, а сами попытаемся добиться прогресса в нашем собственном приключении» [6], [9] – призывает нас Ник Бостром. Трансгуманизм заявляет о потенциале облегчить огромное количество страданий, устраняя болезни, разрушительные последствия психических расстройств и старения. Вместе с тем, высказанные задачи и проблемы до сих пор представляют художественный нарратив. Исключением не является и творчество Ника Бострома.

Действие саги разворачивается в сказочном королевстве, которое постигло несчастье – в нем поселился злой-кровожадный-беспощадный дракон (древний архетип зла), требующий ежедневную дань – десять тысяч человек. Гуманные жители королевства решают определить в жертву людей в возрасте, руководствуясь нехитрым принципом, мол, они свое уже пожилы. Ученые, волшебники, доблестные воины – каждые в меру своих профессиональных качеств пытаются противостоять дракону, но оказываются бессильны. А чудовище между тем растёт, становясь размером с гору, и требует себе всё большее количество жертв. Это, так сказать, экспозиция. Любопытно, что автор делает реверс в сторону культуры, сообщая, что священники, чтобы помочь людям смириться с перспективой быть съеденными драконом, придумали загробную жизнь, «другие ораторы полагали, что дракон имеет право на своё место в природе и моральное право быть накормленным. Они считали, что закончить жизнь в животе дракона является частью самого определения человеческой

сущности. Находились также и такие, кто считал, что дракон приносит человечеству пользу, ограничивая бесконтрольный рост населения» [7], ну а более практичные богачи предпочитали просто откупиться, когда выпадал их жребий. Но, в конечном счете, рано или поздно, жертвой дракона становился каждый. Далее автор размышляет о том, что человечество оставило безнадежную борьбу и смирилось с неизбежным и непреодолимым злом, однако рано или поздно оно победит дракона. Придёт осознание: «Да, нас постигла удача, сегодня мы убили дракона. Но, чёрт побери, почему мы начали так поздно? Это могло бы быть сделано пять, а возможно и десять лет назад! Миллионы людей были бы спасены» [7]. Очевидный вывод: зло преодолимо и человеческого потенциала вполне достаточно, чтобы с ним справиться. Лишь наша косность, неверие в собственные силы являются препятствием на пути прогресса. Для самых непонятливых читателей Ник Бостром разъясняет мораль отдельно. Позволим себе анализ основных тезисов. Прежде всего, необходимо пояснить, что в образе дракона перед нами предстаёт старость и неизбежная смерть. Вот с каким злом предлагают бороться трансгуманисты, используя научные разработки в качестве оружия.

Позитивизм, предлагавший убрать язык мифа и религии, сам обращается к метафорам драконам и чёрным шаров. Тезисы в статье Бострома не предлагают какого-то решения проблемы бессмертия, – обычные констатации, призывания к должному и отсылки к будущему: 1) трагедия стала фактом жизни, статистикой; мы смирились со злом и оставили попытки к сопротивлению; 2) мы недооцениваем технологию; технологический прогресс и развитие медицины позволили увеличить продолжительность жизни и победить многие болезни и впоследствии они помогут достичь бессмертия; 3) наши институты теряют цель бессмертия и действуют для самоподдержания, как, например, фармацевтика; 4) у нас слишком мало индивидуализма; общественное благо по прежнему противопоставлено благу индивидуальному; 5) вместо того, чтобы бороться со старостью, мы тратим ресурсы на адаптацию к ней.

В работах Бострома нет ссылок на отечественного космиста Н. Ф. Федорова, но приходят оба философа примерно к одинаковым выводам – человечеству неизбежно придется заселять космос. В. И. Вернадский, в этом смысле, был более практичен, предлагая сосредоточиться не на бессмертии, а на достижении автотрофного питания, которое постчеловеку пригодится в голодном космосе.

Пристатейный библиографический список

1. Тимошук Е. А. Онтопоэзис жизни: А.-Т. Тиминецки печ // Полигнозис. – 2015. – № 1 (48). – 133 с.
2. Тимошук Е. А. Слухи об объективности науки: памяти Питера Бергера // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. – 2019. – Т. 28. – С. 100-107.
3. Тимошук Е. А. Структуры дискурсивности: генезис, функции, методология познания // Социальная онтология в структурах теоретического знания. – Ижевск: УдГУ, 2014. – С. 83-95.
4. Тимошук Е. А. Фабулизация как феноменологический порядок функционирования социальной памяти и образования // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Общественные науки. – 2016. – № 1. – С. 96-101.
5. Тимошук Е. А. Феноменологическое осмысление философской лирики // Вестник Бурятского государственного университета. – 2021. – № 1. – С. 64-70.
6. Эрдэнэев Э. Т. Концепция трансгуманизма Ника Бострома // Гуманитарный вектор. – 2018. – № 3. – С. 90-93.
7. Bostrom N. The Fable of the Dragon-Tyrant. // Journal of Medical Ethics. – 2005. – Vol. 31. – № 5. – P. 273-277.
8. Bostrom N. A History of Transhumanist Thought. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nickbostrom.com/papers/history.pdf>.
9. Bostrom N. Transhumanist Values. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nickbostrom.com/ethics/values>.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-11-186-545-546

ТУХВАТУЛЛИН Рустэм Расфарович

кандидат исторических наук, заведующий кафедрой зарубежной истории Института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий

ШАЯХМЕТОВ Фидаиль Фанилевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории Института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий

СОВРЕМЕННЫЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

В статье рассматриваются проблемы мирового развития в условиях развёртывания современного геополитического кризиса. Утверждается, что современный геополитический кризис был порожден политикой западных стран по навязыванию остальному миру конструированного ими международного миропорядка, основанного на «правилах». В условиях наступившего кризиса ускорился процесс формирования нового многополюсного миропорядка, основанного на полицентризме, инклюзивности и многосторонности.

Ключевые слова: либеральная глобализация, кризис, коллективный Запад, не-западный мир, «глобальный Юг», полицентризм, новый миропорядок.

TUCHVATULLIN Rustem Rasfarovich

Ph.D. in historical sciences, Head of Foreign history sub-faculty of the Institute of History and Public Administration of the Ufa University of Science and Technology

SHAYAKHMENOV Fidail Fanilevich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Foreign history sub-faculty of the Institute of History and Public Administration of the Ufa University of Science and Technology

CONTEMPORARY GEOPOLITICAL CRISIS AND THE FORMATION OF A NEW WORLD ORDER

The article examines the problems of world development in the context of the current geopolitical crisis. It is argued that the modern geopolitical crisis was generated by the policy of Western countries to impose on the rest of the world the international world order they designed, based on «rules». In the context of the crisis, the process of forming a new multi-pole world order based on polycentrism, inclusivity and multilateralism accelerated.

Keywords: liberal globalization, crisis, collective West, non-Western world, «global South», polycentrism, new world order.

Распад СССР в 1991 г. привел к формированию в западных странах устойчивого и поныне доминирующего нарратива об убедительной победе в «холодной войне» США и всего коллективного Запада, основанного на либерализме, демократии, рыночной экономике, правах и свободах человека, и потому одержавшего победу над коммунизмом и авторитаризмом. Одним из первых западных авторов положил начало развитию такого нарратива американский философ и политолог Фрэнсис Фукуяма, автор напугавшей книги «Конец истории и последний человек» [5].

После окончания «холодной войны» ускорилось развитие либеральной глобализации, приведшей к разделу мира на «цивилизованные» страны во главе с США и страны остального мира, фактически обслуживающие своими ресурсами, рабочей силой и экономикой привилегированную группу стран. Страны Запада навязали остальному миру западно-центристскую модель развития, основанную на использовании в качестве эталонных западных норм социально-политического, финансово-экономического, социально-культурного, морально-этического и иного развития и поведения. Современная глобализация привела к новой фрагментации мира, может быть, даже более глубокой, чем во время «холодной войны», не только породив глобальные проблемы – инфляцию, социальное расслоение, экологические проблемы, терроризм, стихийные миграции и др., – каждая из которых обладает огромным конфликтогенным потенциалом, но и доведя положение в мире до угрозы полноценной ядерной войны.

Самым неожиданным вызовом для богатых стран во главе со своим лидером – с США – стало сопротивление не-западного мира к принудительной универсализации по западным «правилам» и стремление к сохранению своих цивилизационной, культурной, религиозной и иных идентичностей. В ответ на политику Запада по навязыванию своих «порядков» во всем мире началась реинкарнация этнического и культурного нативизма, традиционализма и национализма, охватив, прежде всего, страны не-западного мира и добравшись до стран и самого Запада.

Начиная с последней трети XX в., страны Азии, Африки и Латинской Америки все активнее стали вовлекаться в процессы либеральной глобализации. Однако их включение в глобализационный процесс происходило в форме специфического рас-

пределения ролей в системе международного разделения труда: не-западные страны стали местом локализации производств из развитых стран, а также поставщиками ресурсов и дешевой рабочей силы, а развитые страны – высокотехнологичной продукции, капиталов, услуг и информационных продуктов. Богатые страны, фактически установив контроль над мировой экономикой, финансовой системой и системой международных организаций, стали использовать свою доминирующую роль для удовлетворения гедонистического эгоизма, направленного на сохранение господства над остальным миром.

Однако развитие мира в течение последних двух десятилетий показывают, что западно-центристская модель глобализации в виде либерального миропорядка во главе с США вступила в полосу острого кризиса. Условной датой его начала можно считать 11 сентября 2001 г. – нападение международных террористов на Америку, главный форпост глобализованного мира. Разрастанию кризиса способствовали финансово-экономический кризис 2008 г., мировая пандемия коронавируса 2020 – 2022 гг. и вызванная ею глобальная инфляция из-за политики национальных правительств по стимулированию экономики, революции «арабской весны» 2011 г. и ее последствия, включая миграционный кризис 2015-2019 гг. и др. факторы.

Мощным ударом по модели либеральной глобализации стала начавшаяся после государственного переворота на Украине в 2014 г. эскалация политики США и НАТО против России, осудившей киевский «майдан» и выступившей в защиту интересов русского населения бывшей союзной республики. Накануне начала Специальной военной операции России по демилитаризации и денацификации Украины на заседании Совета Безопасности ООН, состоявшемся 17 февраля 2022 г., госсекретарь США Энтони Блинкен заявил, что в конфликте «ставки намного превосходят Украину. Это момент угрозы для жизни и безопасности миллионов людей, а также для основ Устава ООН и международного порядка, основанного на правилах, который обеспечивает стабильность по всему миру» [8].

После этого мантру о «мире на правилах» лидеры Запада стали повторять регулярно, демонизируя Россию в качестве новой «силы зла», противостоящей силам «добра». После февраля 2022 г. западные страны стали прямо принуждать практически все страны мира к участию в формировании антироссийской ко-

алиции, о чем свидетельствуют шесть резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, принятых после февраля 2022 г. и требующих вывода российских войск из Украины и прекращения военных действий [6].

Однако попытки лидеров стран Запада полностью изолировать Россию от остального мира, склонить, прежде всего, страны «глобального Юга» на «правильную» сторону и присоединить их к политике антироссийских санкций полностью провалились. Не только страны не-западного мира, но даже некоторые члены западных организаций и союзов (напр., члены НАТО – Турция, Венгрия, а также после парламентских выборов 30 сентября 2023 г. Словакия), проявляют пессимизм относительно политики создания вокруг России монолитной «анти-России».

Индонезия и Индия, в 2022 и в 2023 годах выступавшие в качестве председателей и организаторов саммитов «Большой двадцатки», выдержав настойчивое давление стран Запада, пригласили Россию к участию в работе G20. Тем самым, они показали свою приверженность к отказу от западных трактовок ситуации на Украине, проявили стремление к участию в формировании более справедливого полицентричного миропорядка, в котором Россия рассматривается ими в качестве полноценного актора мировой политики. Вопреки беспрецедентному давлению со стороны геополитических оппонентов России, 27-28 июля 2023 г. в Санкт-Петербурге состоялся второй саммит (первый был проведен в Сочи в 2019 г.) «Россия – Африка», в работе которого приняли участие 45 делегаций из 54 стран континента [2].

В этой ситуации весь мир начал активно обсуждать перспективы формирования новой модели мира – «нового миропорядка» без гегемонии США и господства доллара, миропорядка, основанного на реальной многополярности в качестве оптимальной конфигурации международной системы. Ведущие страны и центры не-западного мира – Китай, Индия, Бразилия, «драконы» и «тигры» Азии, страны араб-мусульманского мира – стали оказывать все более возрастающее влияние на формирование глобальной повестки, став центрами мирового промышленного производства, аккумуляции гигантских капиталов и развития современных технологий. Собственно говоря, неолиберальная глобализация привела к неожиданным для западных стран последствиям – именно страны с развивающимися экономикой стали главными бенефициарами современной глобализации. Со ссылкой на Международный валютный фонд Financial Times в апреле 2022 г. приводили данные о том, что на страны с формирующимися рынками приходилось 60 % глобального экономического роста по сравнению с 40 % в начале 1980-х годов [4].

Успешно экономически и политически развивающиеся страны не-западного мира стали способны на проведение суверенной внутренней и внешней политики, не согласовывая ее с мировыми державами. После начала российской СВО на Украине, поняв ее причины и конечные цели, не только сохранили установленные ранее отношения с Россией, но и стали углублять их содержание до более высокого уровня партнерства разной степени интенсивности.

Современный геополитический кризис не только обострил отношения между индустриально развитыми и развивающимися странами, но и привел к внутривнутриполитическому кризису внутри самих стран Запада. Оказавшись на грани гражданской войны во время президентских выборов 2020 г., США до сих пор не могут выйти из затяжного политического кризиса. В 2022 – 2023 гг. в ходе выборов в центральные и региональные парламенты правые политические силы существенно укрепили свое место в политическом пространстве во многих странах Европы. В 2022 г. правые или ультраправые силы победили на выборах в Швеции, Италии и Венгрии, а в 2023 г. правые партии одержали победу в Финляндии, Нидерландах, Словакии, Швейцарии, укрепили позиции в Германии, Испании и Франции [1].

Недавние утверждения глобалистов о кризисе идеи нации, скором конце института национального государства и близкой победе универсальных ценностей и стандартов либерального миропорядка терпят очевидное фиаско – растущая социальная нестабильность, радикализация националистических идей и рост религиозного фундаментализма (в особенности в странах не-западного мира) стимулируют рост радикализма, экстремизма и международного терроризма. Мир стремительно катится в пучину глобального апокалипсиса даже в более опасных масштабах, чем это предрекало в пессимистичной работе С. Хантингтона [7].

Таким образом, в настоящее время человечество переживает один из сложных периодов в своей истории, вызванный стремлением стран коллективного Запада сохранить контроль над миром в форме моноцентричного миропорядка, основан-

ного на «правилах», придуманных самими западными странами. Во время переговоров с главой МИД Мавритании Мохамедом Салемом ульд Мерзукком, состоявшемся 8 февраля 2023 г., российский министр иностранных дел С. В. Лавров напомнил, что администрация президента США Джо Байдена и лидеры стран НАТО назвали своей целью недопущение того, чтобы кто-либо поставил под сомнение право коллективного Запада «навязывать всем и вся свою волю исключительно в своих интересах, полностью игнорируя международное право» [3].

Вполне естественно, что в период глобализации, стимулировавшей индустриальное развитие и рост мировой торговли, превратившиеся в крупные и крупнейшие страны – центры не-западного мира – Китай, Индия, Россия, Бразилия, Южная Африка, объединившиеся в группу БРИКС, стали проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, не подчиняясь диктату западных держав. Фактически эти страны стали основателями новой геополитической конфигурации мира, основанной на международном праве, на политике инклюзивности и многосторонности, т.е. отражении в глобальной политике интересов большинства населения планеты. Вслед за группой стран БРИКС, новыми членами которой с 1 января 2024 г. станут Египет, Иран, Эфиопия, ОАЭ и Саудовская Аравия, стремление к проведению суверенной политики проявляют и другие страны не-западного мира. Из недр современного геополитического кризиса рождается новый полицентричный миропорядок, свободный от диктата «по праву сильного» и основанный на архитектуре самостоятельности и равноправия, открытости и стремления к многостороннему сотрудничеству.

Пристатейный библиографический список

1. Демченко А. Правые захватывают Европу. В чем угроза? // ИНОСМИ.РУ. – 10 июля 2023 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/20230710/pravue-264223571.html> (дата обращения: 27.10.2023).
2. Кулагин В. Саммит «Россия – Африка» подсветил новые ориентиры Москвы во внешней политике // Ведомости. – 31 июля 2023 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/07/31/987646-sammit-rossiya-afrika-podsvetil-uroven-vliyaniya-rossii> (дата обращения: 27.09.2023).
3. Лавров: у Запада нет значительного числа союзников в его стремлении навязывать свою волю // ТАСС. – 8 февраля 2023 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/16997085> (дата обращения: 27.10.2023).
4. Chris Giles. Deglobalisation: will backlash against Russia lead to downturn in open trade? // Financial Times. – April 4, 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/279d0bf0-a58f-40c5-951f-84ecd54fe3f0> (дата обращения: 30.10.2023).
5. Francis Fukuyama. The end of history and the last man. – New York: Free Press, 1992. – 418 p.
6. Remarks at a UN General Assembly Emergency Special Session Before the Vote on a Resolution on Achieving Peace in Ukraine // United States Mission to the United Nations. – 22.02.2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://usun.usmission.gov/remarks-at-a-un-general-assembly-emergency-special-session-before-the-vote-on-a-resolution-on-achieving-peace-in-ukraine/> (дата обращения: 30.10.2023).
7. Samuel P. Huntington. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – New York: Simon & Schuster, 1996. – 367 p.
8. Secretary Antony J. Blinken on Russia's Threat to Peace and Security at the UN Security Council // U.S. Department of State. – 17.02.2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-on-russias-threat-to-peace-and-security-at-the-un-security-council/> (дата обращения: 30.10.2023).

ХОМИЧ Наталья Викторовна

Иркутский государственный аграрный университет имени А. А. Ежовского

БОДЯК Марина Германовна

Иркутский государственный аграрный университет имени А. А. Ежовского

УСЛОВНЫЙ МИР И ЕГО РОЛЬ В СОЗДАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ МИФОВ

В статье обосновывается концепция условного мира и его роль в формировании социальных мифов. Ключевым теоретическим понятием исследования определяется условный мир как система представлений, верований и ценностей, которая формируется в обществе и влияет на восприятие и понимание реальности. Рассматривается, как условный мир может стать источником создания социальных мифов. Под социальными мифами в статье подразумеваются ложные или искаженные представления о реальности, которые широко распространены в обществе и влияют на поведение и мировоззрение его членов. Условный мир играет важную роль в создании социальных мифов, так как он определяет нормы и ценности, которые формируются в обществе. В исследовании доказывается, что мифы могут быть использованы для манипуляции общественным мнением и контроля над людьми. Исследуются также различные способы создания социальных мифов в условном мире, включая использование символов, ритуалов, детализации, форм виртуальной реальности, шаблонов мышления и поведения, исторических нарративов. Особо подчеркивается роль символов и ритуалов. Символы выражены метафорами и ассоциациями, с помощью которых люди передают идеи, ценности и смыслы. Ритуалы в социальной мифологии выступают как формальные и установленные образцы поведения, которые выполняются в определенной последовательности и имеют символическое значение.

Ключевые слова: социальные мифы, условный мир, символ, ритуал, иллюзия.

KHOMICH Natalia Viktorovna

A. A. Yezhevsky Irkutsk State Agrarian University

BODYAK Marina Germanovna

A. A. Yezhevsky Irkutsk State Agrarian University

THE CONDITIONAL WORLD AND ITS ROLE IN THE CREATION OF SOCIAL MYTHS

The article substantiates the concept of the conditional world and its role in the formation of social myths. The key theoretical concept of the study defines the conditional world as a system of ideas, beliefs and values that is formed in society and affects the perception and understanding of reality. It is considered how the conditional world can become a source of creating social myths.

Social myths mean false or distorted ideas about reality that are widespread in society and affect the behavior and worldview of its members. The conventional world plays an important role in the creation of social myths as it determines the norms and values that are formed in society. The article proves that myths can be used to manipulate public opinion and control people. The article also explores various ways of creating social myths in the conventional world, including the use of symbols, rituals, detailing, forms of virtual reality, patterns of thinking and behavior, historical narratives. The role of symbols and rituals is particularly emphasized. Symbols are expressed by metaphors and associations, through which people convey ideas, values and meanings. Rituals in social mythology act as formal and established patterns of behavior that are performed in a certain sequence and have symbolic meaning.

Keywords: social myths, conditional world, symbol, ritual, illusion.

Социальная мифология изучает формирование, развитие и функционирование мифологических представлений в обществе. В рамках социальной мифологии особое внимание уделяется созданию и описанию условного мира – вымышленной реальности, которая существует только в рамках определенной культуры или сообщества. Условный мир представляет собой набор верований, ценностей, норм и символов, которые формируются в процессе взаимодействия людей в обществе. Условный мир основан на отказе от реалистического восприятия действительности, он заменяет реальный символическим обозначением и является результатом социализации и культурного кодирования индивидуума. Создание условного мира позволяет людям ориентироваться в окружающем пространстве, присваивать значения

объектам и явлениям, а также определять свое поведение и отношения с другими людьми. Условный мир – это своеобразная культурная сфера, где действуют специфические законы, нормы и ценности, присваиваются новые значения объектам и явлениям через социокультурные конструкции и символическую коммуникацию.

Одной из первых значимых работ по данной проблематике является «Аллегория пещеры» Платона. В этой работе античный философ представляет условный мир как темное помещение, где люди привязаны цепями и видят только отражения реальных объектов на стенах. Они не осознают, что это всего лишь отражения, поэтому считают это единственной правдой [7, с. 159]. Таким способом Платон указывает на то, что условный мир – это своеобразная ложная реаль-

Хомич Н. В.

Бодяк М. Г.

ность. В работах «Парменид» и «Республика» он предложил концепцию двух миров: мира идеальных форм (условного) и материального мира (реального). Платон считал, что реальность является лишь отражением форм из условного мира, и что только познание форм может привести к достижению истинной реальности. Аристотель также поставил сомнение достоверность условного мира. В своем труде «Метафизика» говорит о том, что реальность состоит из двух аспектов - потенциала и акта [5, с. 110]. Условный мир же является лишь потенциалом, носителем возможностей, но не обладает полноценным существованием.

Условный мир отличается от реального не только в его сущности, но и в плане влияния на человека. Об этом в частности свидетельствует работа Рене Декарта «Размышления о первой философии», где он проводит разделение на материальное и духовное сознание [3, с. 100]. При этом условный мир принадлежит к материальной сфере и может быть предметом внешнего воздействия, что делает его менее реальным по сравнению с духовным миром. Декарт разработал также концепцию методического сомнения, где он полагал, что мы не можем быть уверены ни в чем, кроме нашего собственного сознания и поэтому все восприятия окружающего мира могут быть условными и необъективными, а наше сознание создает свою собственную реальность.

Само понятие «условный мир» было введено американским философом Нельсоном Гудменом в его работе «Факты, фикция и прогнозы» (1978). Он предложил использовать термин для обозначения воображаемых или вымышленных ситуаций, которые не соответствуют действительности [8, с. 146]. Одним из главных факторов, определяющих различия между условным и реальным мирами, является основа создания этих миров. В условном мире все возможно – он может быть построен на основе вымышленных событий и персонажей. Авторы таких миров имеют полную свободу в выборе элементов и правил, которые определяют их функционирование.

Главным фактором, который делает условный мир отличающимся от реального, является его зависимость от воображения создателя и потребителя. В условном мире все возможно только до тех пор, пока участники признают его правила и акцептируют их. Это означает, что если в реальном мире законы природы неизменны и действуют независимо от нашей воли или понимания, то в условном мире эти законы можно менять по желанию автора или участников. Также стоит отметить различия в концепциях времени в условном и реальном мирах. В реальном мире время линейно – оно движется от прошлого к настоящему и далее в будущее. В условном мире время может быть циклическим, прыгающим или совсем отсутствующим.

Еще одним важным фактором, определяющим различия между условным и реальным мирами, является уровень контроля над происходящим. В реальном мире мы ограничены своей способностью контролировать окружающую среду и обстоятельства. В условном мире же авторы и участники имеют возможность полностью выстраивать все аспекты этого мира – от персонажей до погодных условий. Наконец, следует отметить, что условный и реальный миры имеют разное значение для человека. Реальный мир представляет собой наше реальное пространство и время, где мы живем и действуем. Он определяет нашу физическую реальность и ограничения, с которыми мы сталкиваемся. Условный мир же является вымышленным или альтернативным простран-

ством, созданным для развлечения, фантазии или изучения возможных вариантов развития событий.

Условный мир может создавать определенные шаблоны мышления и поведения, которые влияют на наше отношение к другим людям или группам и могут менять наше восприятие окружающей среды, делая ее более субъективной. Условный мир зачастую оказывает влияние на то, что мы считаем важным и желательным и изменяет наше поведение под влиянием общественных норм и ожиданий. Философ Умберто Эко описывает этот феномен как «гиперреалистичное представление реальности». В его работе «Пространство интерпретации: слова-образы» он говорит о том, что условный мир социальных сетей не является реальностью, но он имитирует ее настолько точно, что мы можем забыть о разнице между виртуальным и реальным [2, с. 275].

Другой пример условного мира - различные формы виртуальной реальности. С помощью VR-технологий мы можем окунуться в удивительные миры и пережить невероятные приключения. Но эти миры существуют только в нашем воображении, и мы отрываемся от реальности. Философ Жан Бодрийяр описывает это как «симулякр», то есть копию без оригинала. В его работах «Симулякры и симуляция» и «Рассуждения о потребительском обществе» он говорит о том, что условный мир виртуальной реальности создает иллюзию полного контроля над окружающей средой, но на самом деле лишь отдаляет человека от реальности [1, с. 135]. Еще один вариант условного мира - информационное пространство. Мы постоянно получаем информацию из различных источников: новости, блоги, видеоблоги и т. д. Но как мы можем быть уверены в достоверности этой информации? Еще в прошлом веке философ Жан-Поль Сартр говорит о том, что условный мир информационного пространства создает иллюзию знания, но на самом деле мы не можем быть уверены в правдивости полученной информации [9, с. 144].

Одним из способов создания условного мира является разработка системы правил и закономерностей, которые определяют его функционирование. В литературе и игровых индустриях это выражается через установление фантастических элементов, таких как магия или технологии будущего. Также для создания условного мира используется процесс детализации. Авторы художественных произведений или социальные группы углубляются в детали и особенности вымышленной реальности, чтобы сделать ее более убедительной и привлекательной для своей аудитории. Создание условного мира также связано с формированием персонажей – главных героев или представителей сообщества, которые живут в этой вымышленной реальности. Хорошо разработанные персонажи помогают читателям или зрителям лучше понять условный мир, а иногда даже отождествиться с ним. Таким образом, создание условного мира – это сложный процесс, требующий творческого мышления и глубокого понимания социокультурных конструкций. Он позволяет людям уйти от реальности и войти в мир фантазии, где они могут испытывать новые эмоции, находить ответы на важные жизненные вопросы и расширять свое сознание. В условном мире социальной мифологии скрываются тайны и символические значения, которые способны изменить наше восприятие реальности и помочь нам лучше понять себя и окружающий мир.

Символы представляют собой знаки или объекты, которые имеют определенное значение для сообщества или культуры. Они помогают передавать сложные и абстрактные идеи, а также формировать коллективное сознание. Мифо-

логическая система часто имеет свою вертикальную иерархию, которая может быть представлена символами высшего и низшего порядка. Еще одним способом использования символов является создание мифических существ и предметов. Эти символы могут иметь особое значение в контексте условного мира и служить для передачи определенных концепций или идей. Символы также могут быть использованы для передачи этических принципов и ценностей. Они способствуют установлению определенных норм поведения и подчеркивают важность выбранных качеств. Кроме этого, символы могут использоваться для создания атмосферы и настроения в условном мире. Они помогают передать чувства или эмоции, которые характерны для данного мира.

Ритуалы и обряды также являются неотъемлемой частью социальной мифологии, играя важную роль в формировании условного мира. Они устанавливают правила поведения, определяют ценности и нормы общества, а также создают специальные символические пространства, где происходит трансформация реальности. В современном словаре понятие «ритуал» определяется как вид обряда, исторически сложившаяся форма сложного символического поведения, кодифицированная система действий (в том числе речевых), служащих для выражения различных культурных и социальных отношений (признания каких-либо авторитетов или ценностей, следования социально-нормативной системе). «Ритуал играет важную роль в истории общества как традиционно выработанный метод социального воспитания индивидов, приобщения их к коллективным нормам жизни. Развитие правовых норм, системы нравственных представлений, элементов рационального поведения личности и научного сознания вытесняет ритуал на периферию общественной жизни» [4, с. 106]. Со временем ритуалы стали выполнять также функцию укрепления социальных связей внутри общества. Они стали отражать основные ценности и нормы общества, а также помогать его членам ориентироваться в сложной социальной действительности.

В рамках социальной мифологии ритуалы и обряды играют особую роль. Они создают условный мир, где происходит трансформация реальности и установление нового порядка вещей. Ритуалы помогают людям пережить различные переходные моменты: рождение, инициация, брак, смерть и т.д. Они направлены на то, чтобы человек покинул одно состояние и перешел в другое. Ритуалы также являются способом передачи знаний и опыта от одного поколения к другому. Через них дети учатся значениям своего сообщества, нормам поведения и правилам общения. «Ритуал – это регулярный тип практического акта, производящий и воспроизводящий социальное пространство и время посредством характерной для него коммуникацией» [6, с. 12]. Ритуалы создают специальные символические пространства, где происходит трансформация реальности и установление нового порядка вещей. Они передают знания и опыт от одного поколения к другому, формируют личность и социальную идентичность. Обряды направлены на достижение конкретных целей или изменение текущей ситуации.

Итак, создание условного мира, прежде всего, способствует формированию общественной идентичности. Условный мир является своего рода «картой» для определенной группы людей, которая моделирует место в обществе и устанавливает связь с другими членами группы. Символы, образы и ритуалы, характеризующие условный мир, помогают людям ощутить принадлежность к определенной группе или сообществу. Кроме того, создание условного мира

может служить инструментом для передачи ценностей и норм группы, а символы и образы, используемые в условном мире, могут содержать в себе определенные ценности и нормы поведения. Создание условного мира способствует формированию коллективной памяти, поскольку условный мир может содержать элементы из истории и культуры группы, которые помогают сохранить память о прошлом. Ритуалы и символические действия, связанные с условным миром, играют ведущую роль в сохранении связи с предками и передают знания о своей культуре следующим поколениям. Создание условного мира также служит инструментом для изменения социальных и культурных процессов.

Пристатейный библиографический список

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с. – С. 135.
2. Ерохина Л. А. Проблема интерпретации и категории автора в эстетике Умберто Эко // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 1. – С. 274-277.
3. Каньшева О. А. Учение Рене Декарта о душе и сознании // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2021. – № 3. – С. 99-107.
4. Клопыжникова А. А., Ромаха О. В. Ритуал как кодификация обряда // Аналитика культурологии. – 2008. – № 11. – С. 105-110.
5. Коваль О. А. Силовой континуум бытия в онтологии Аристотеля // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. – 2009. – № 2. – С. 109-119.
6. Лебедев Д. В. Ритуал и инновация в процессе социального воспроизводства: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11; [Место защиты: Ур. гос. ун-т им. А.М. Горького]. – Екатеринбург, 2007. – 25 с. – С. 12.
7. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений. В 4 т. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – С. 79-420.
8. Прозерский В. В. Система классификации искусств в эстетике Нельсона Гудмена и проблема единства художественного мира // Интерактивная наука. – 2017. – № 13. – С. 145-148.
9. Соколова Л. Ю. Ж.-П. Сартр и Г. Башляр: две феноменологические концепции воображения // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 141-150.

ХАЗИЕВА Рушана Рауфовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права Уфимского государственного университета науки и технологий

САТТАРОВА Раксана Винеровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков Стерлитамакского филиала Уфимского государственного университета науки и технологий

ПРОБЛЕМА СЛИЯНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ПРАВА В ОБЩЕСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ Б. Н. КАРДОЗО

Проанализированы позиции Б. Н. Кардозо, выраженные как в его трудах, так и в очерках его современников и последователей. Отмечены обоснования Б. Н. Кардозо законности вынесения судебных решений, основанных на соотношении понятий справедливости и права. Выделены четыре основных начала, обеспечивающих, по мнению ученого, справедливое судебное решение: это философия (аналогия), история (эволюция), обычаи сообщества (традиции) и мораль, и общественное благосостояние (социология).

Ключевые слова: Б. Н. Кардозо, справедливость, закон, правовое регулирование, судебное решение, прецедент.

KHAZIEVA Rushana Raufovna

Ph.D. in philological sciences, associate professor of International law and international relations sub-faculty of the Institute of Law of the Ufa State University of Science and Technology

SATTAROVA Raksana Vinerovna

Ph.D. in philological sciences, associate professor Germanic languages sub-faculty of the Sterlitamak branch of the Ufa State University of Science and Technology

PROBLEM OF JUSTICE AND LAW MERGING IN SOCIAL-LEGAL VIEWS OF B. N. CARDOZO

The positions of B. N. Cardozo expressed both in his works and in the essays of his followers are analyzed. Cardozo's justification for the legality of judicial decisions based on correlation of concepts of justice and law is noted. Four main principles have been identified that, in the scientist's opinion, ensure a fair judicial decision: philosophy (analogy), history (evolution), community customs (traditions), and morality and public welfare (sociology).

Keywords: justice, law, legal regulation, judicial decision-making, precedent.

Государственно-правовая мысль в США в XX в. формировалась в условиях постоянного и последовательного укрепления основ представительной и судебной власти. Общественно-экономические изменения на рубеже XIX и XX вв. стали мощным толчком для переоценки практико-правовых установок и нового, более глубокого понимания несовершенства существующей на тот момент законодательной системы. В это время получили активное развитие такие важные направления, как философия и социология права. Правовое обоснование получили понятие «социальный порядок», «социальная система», «социальный контроль», «общественная саморегуляция», «правомерное поведение», «социальное взаимодействие», «правовой реализм». Зарождение в американской государственно-правовой культуре интегративной юриспруденции можно рассматривать как поиск выхода из сложившегося положения, которое впоследствии открыло новый взгляд на судебное правотворчество в русле общественно-политического развития.

Ярким представителем данного направления стал Бенджамин Натан Кардозо (1870–1938) судья высшего апелляционного суда Нью-Йорк США. Судебный деятель, философ права Кардозо оказал значительное влияние на практику апелляционного судопроизводства в Америке и последующую модернизацию правовых принципов. Он стал одним из первых учредителей Американского юридического института, который был создан, чтобы «способствовать разъяснению закона и его лучшей адаптации к социальным потребностям, обеспечивать лучшее отправление правосудия, а также поощрять и продолжать научные и научно-правовые исследования» [2, с. 35]. По словам профессора Кауфмана, «послужной список и репутация Кардозо сформировали стандарт, с которым сравнивают решения других судей, обычно в контексте оценки деятельности последних, которые не соответствуют требованиям и считаются «не как Кардозо». Он установил стандарт судейского мастерства своей эпохи, который сохраняется и по сей день [3, с. 10]. Кардозо это ученый, которого называют «предтечей» национальной реформаторской общественно-политической мысли XX века [1, с. 23], [7, с. 41]. Он выразил достаточно цельный комплекс правовых воззрений по различным вопросам, связанными с общим правом, понятием справедливости, вынесением судебных решений в русле протореализма. Его исследования внесли весомый вклад в развитие

американской судебной практики в направлении большего учета в ней общественно весомых факторов и привели к модернизации принципов американского права. Будучи по убеждениям либералом, Кардозо в своих трудах анализировал не столько идеолого-концептуальные основы права, сколько природу судопроизводства как такового, в частности, он наглядно продемонстрировал как на смену автономности права и развития его судьями посредством одной аналогии («философский метод») приходит сознание активной позиции судейства, берущего прерогативы решения из самой общественной жизни и творчески перерабатывающего их («социологический метод»). Работая судьей в Апелляционном суде штата по рекомендациям Верховного суда штата Нью-Йорк, качество его работы ценили в юридических кругах страны выше, чем решения, которые принимал Верховный суд США. Кардозо сочетал судебную и научную деятельность, его работы проложили путь к объединению двух понятий: права и справедливости. Идея справедливости проходит через творчество Кардозо как в области практического применения права, так и в его теоретических работах. В своем труде «Природа судебного процесса» Кардозо, основываясь на собственном опыте разрешения судебных споров, исследовал проблематику судебного правотворчества изнутри профессии и обосновал взаимодействие философского, исторического, традиционного и социологического подходов в отправлении правосудия. Автор отмечал, что конечная цель правового регулирования состоит в достижении благосостояния общества, что составляет социальную выгоду, грамотную общественную политику, социальную справедливость. Этот социологический подход является своего рода «арбитром», что наводит на мысль о роли справедливости как мета закона¹. Такой подход к понятию справедливости может быть применен только если есть определенные условия или ситуации. Судья должен учитывать все факты, обстоятельства и доказательства дела, чтобы принять решение, которое будет справедливым для обеих сторон. Однако, стоит отметить, что справедливость — это не только вопрос морали и этики, но и вопрос закона. Поэтому, даже если судья следует букве закона, он все равно должен принимать во внимание моральные аспекты ситуации и принимать решения, которые будут создавать прецеденты и будут справедливыми

1 Benjamin N. Cardozo, The Nature of the judicial process (1921).

для общества в целом. Кардозо считал, что справедливость не должна ограничиваться только рамками закона, но должна подерживать его на высоком моральном уровне и корректировать в определенных обстоятельствах, дополнять закон и помогать ему лучше выполнять свои функции. По формулировке Аристотеля справедливость исправляет закон там, где закон не работает из-за его общности². Как выразился Ф. Мейтленд, без справедливости «в некоторых отношениях наше право было бы варварским, несправедливым, абсурдным», и все же справедливость без закона была бы «анархией», потому что «[во] всем понимании справедливости предполагалось существование общего права» или, выражаясь более красочно, «справедливость без общего права была бы воздушным замком» [4, с. 42]. Проблема сочетаемости справедливости и права представляет собой одну из самых сложных проблем при вынесении судебных решений. «Закон должен быть стабильным, но при этом он не может стоять на месте. Вот великая антиномия, с которой ученые сталкиваются на своем пути. Покой и движение, контролируемое и неконтролируемое – одинаково разрушительно. Две противоположные тенденции, идущие в разных направлениях, необходимо объединить и заставить работать в унисон»³.

В качестве иллюстрации можно привести знаменитое дело Ритц против Палмера. Это дело стало своего рода символом принятия справедливых судебных решений. Так, в деле Ритц против Палмера⁴ (1889 г.) истец требовал от нотариуса передать ему имущество на основании завещания. Обстоятельства вступления в наследство были таковы: из-за опасений остаться без положенного ему наследства юный Палмер отравляет деда и отправляется за решетку. После отбывания наказания он предъявляет нотариусу требование исполнить завещание. Однако суд отказался удовлетворять притязания юноши несмотря на то, что завещание имело юридическую силу и никаких формальных препятствий к вступлению в права наследования не было. Но суд привел следующий аргумент: «Действие всех законов так же, как и договоров, контролируется общими, фундаментальными принципами общего права. Никому не должно быть позволено выиграть от собственного мошенничества, получить выгоду от собственного преступления, основывать какие-либо требования на собственной несправедливости или приобретать собственность посредством преступления»⁵. Так, суд Нью-Йорка отказался применять закон о наследовании со ссылкой на приоритет общих принципов права. По словам правоведа Р. Дворкина, суд в этом случае вынес правильное решение. По его мнению, основанием данных принципов «служит не конкретное постановление какого-то законодательного органа или суда, но тот факт, что у юристов и широкой общественности с течением времени сложилось понимание их правильности», так что суд по делу Ритца не изобрел принцип недопустимости злоупотребления, а просто облек в форму судебного решения уже сложившийся в юридическом сообществе консенсус по этому вопросу. Суд по делу Ритца явно воспользовался аристотелевской традицией справедливости [5, с. 93].

Прецедент в деле Макферсон против компании «Бьюик Мотор» (1916) позволил Кардозо провозгласить доктрину, которая позже была принята не только в Соединенных Штатах и Великобритании, но и в других странах: «Производитель товара связан с потребителем гарантией безопасности проданного товара даже в случае, когда право собственности на товар было перенесено на потребителя не производителем, а торговым агентом». Его решение по делу Палстраф против железнодорожной компании Лонг-Айленда (1928) помогло переопределить концепцию халатности в американском деликтном праве⁶.

Судебное решение в деле «Джейкоб и Янгс против Кента»⁷ помогло создать аналитическую систему для определения того, когда неисполнение является оправданием для стороны, не нарушившей свои обязательства. Когда невыполнение пункта договора считается существенным, этот пункт будет исполнован как условие обязательства другой стороны. Когда неисполнение считается несущественным, условие договора будет считаться необязательным условием другой стороны к его выполнению. Вопрос в деле «Джейкоб и Янгс против Кента» заключался в том, как определить, когда конкретное неисполнение обязательств было значительным или не значительным. Судья Кардозо выделил три фактора, помогающих определить, является ли нарушение

достаточно значительным, чтобы отстранить сторону от исполнения. Эти факторы включали: (1) степень ущерба для нарушившей стороны (понесет ли нарушившая сторона несправедливую конфискацию), (2) степень ущерба, причиненного нарушением разумным ожиданиям стороны, не нарушившей закон, и (3) добросовестность нарушившей стороны. В подобных делах Кардозо разработал виды презумпций, которые могли бы помочь переключаться между режимами: формализмом и контекстуализмом, правом и мета-правом.

В своих трудах Кардозо исследует четырех метода судебных решений: это философия (аналогия); история (эволюция); обычаи сообщества (традиции); и справедливость, мораль и общественное благосостояние (социология). Пожалуй, основное – справедливость требует, чтобы все эти режимы были интегрированы, даже если они не ведут в одном направлении. При этом они должны быть согласованы с законом и институтами общества в целом. Представление Кардозо о справедливости сплело все эти нити воедино в общую матрицу социологии.

Таким образом, Кардозо, признавал, что справедливость – это своего рода метазакон, но взаимодействие между справедливостью и правом с течением времени является двусторонним и в процессе такого взаимодействия справедливость может приобрести новый аспект. В своей работе «Лекции» он отмечает, что обычай, особенно коммерческий обычай, является связующим звеном между традицией, с одной стороны, и моралью и политикой, с другой. По его словам, «судья, даже будучи свободен, все равно не вполне свободен. Он не должен заниматься инновациями по своему усмотрению. Он не странствующий рыцарь, скитающийся по своему желанию в поисках собственного идеала красоты или добра. Он должен черпать вдохновение из священных принципов, проявлять свободу действий, основанную на традициях, методизированную по аналогии, дисциплинированную системой и подчиненную «изначальной необходимости порядка в социальной жизни»⁸.

Несомненно, вклад Кардозо в судебную практику, основанную на синергии понятий справедливости и верховенства закона трудно переоценить. Пройдя жизненный путь полный плодотворных размышлений и активной профессиональной деятельности, он неуклонно шел по пути разума, в поисках цели истины, и никто не мог совратить его с этого пути. Правовой реализм оказал существенное воздействие на последующие правовые школы и движения. Важен он и для развития современной российской юриспруденции, так как правовая система нашей страны ищет стабильный, более заверченный вид. В этом ей может помочь опыт зарубежных правовых школ, объективный анализ их положительных и отрицательных сторон и возможность применения к российским правовым традициям.

Пристатейный библиографический список

1. Акчурин Т. Ф. Влияние юридического сообщества на формирование правовой системы США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. - 2017. - № 6 (67). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniye-yuridicheskogo-soobschestva-na-formirovaniye-pravovoy-sistemy-ssha> (дата обращения: 07.10.2023).
2. Бернам У. Правовая система Соединенных Штатов Америки. - М., 2006. - С. 35-40.
3. Карапетов А. Г., Тай Ю. В. Вместо единомыслия судей нам нужно единообразие практики // Закон. - 2020. - № 1. - С. 9-21.
4. Andrew S. Gold & Henry E. Smith, Restatements and the Common Law, in The American Law Institute: A Centennial History (Andrew S. Gold & Robert W. Gordon eds, forthcoming). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=4262424>.
5. Calabresi G. A. A Common Law for the Age of Statutes. Cambridge, 1982. P. 1; Hurst J. Dealing with Statutes. - Washington, 1982.
6. Maitland F. W. Equity: A Course of Lectures. (A. H. Chaytor & W. J. Whittaker eds., 1936).
7. Milsom S. F. C. Maitland // The Cambridge Law Journal. 2001. Vol. 60. No.2; Wormald P. Frederic William Maitland and the Earliest English Law. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://Law and History Review>. - 1998. - Vol. 16. - № 1.

2 ARISTOTLE, THE NICOMACHEAN ETHICS 1137b, С. 316-317 (H. Rackham trans., 19).

3 Там же – С. 330.

4 CARDOZO, supra note 1.

5 Benjamin Nathan Cardozo. The Growth of the Law, in selected writings of Benjamin Nathan Cardozo: the choice of Tycho Brahe.

6 Cardozo, supra note 1.

7 Там же.

8 Benjamin Nathan Cardozo, The American Law Institute, in selected writings of Benjamin Nathan Cardozo: the choice of Tycho Brahe 395, 397-98 (Margaret E. Hall ed., 1980) (Address at the Third Annual Meeting, May 1, 1925, of the American Law Institute).

ЕГОРОВА Ольга Игоревна

магистрант направления «Педагогическое образование в области социально-гуманитарных наук» кафедры логики, философии и методологии наук Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ЗУЕВА Елизавета Константиновна

аспирант направления «Философская антропология, философия культуры 47.06.01ФФ» Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ГЛАДИЛОВА Елена Алексеевна

магистрант направления «Педагогическое образование в области социально-гуманитарных наук» кафедры логики, философии и методологии наук Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ЮРИДИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ (НА ПРИМЕРЕ КАТЕГОРИЧЕСКОГО ИМПЕРАТИВА И. КАНТА)

Права человека ежегодно приобретают все более ключевую роль на внутренне государственном, международном, внутриличностном и межличностном уровнях в процессах жизнедеятельности населения и управления социумом. Связано это с деконструкцией ценностей прав человека. Современная трактовка термина право и его сущностное понимание достаточно многогранны, в связи с эпохальной многоаспектностью развития демократического политического режима государственности. В данной статье рассматривается проблема сущностного подхода и соотношения современного юридического понимания прав человека и философских размышлений о категорическом императиве И. Канта, их сопоставление.

Ключевые слова: юридические права, моральные права, нравственность, категорический императив, равенство.

EGOROVA Olga Igorevna

magister student of the direction «Pedagogical education in the field of social sciences and humanities» of Logic, philosophy and methodology of sciences sub-faculty of the I. S. Turgenev Oryol State University

ZUEVA Elizaveta Konstantinovna

postgraduate student of the direction «Philosophical anthropology, philosophy of culture 47.06.01FF» of the I. S. Turgenev Oryol State University

GLADILOVA Elena Alexeevna

magister student of the direction «Pedagogical education in the field of social sciences and humanities» of Logic, philosophy and methodology of sciences sub-faculty of the I. S. Turgenev Oryol State University

THE LEGAL MEANING OF HUMAN RIGHTS THROUGH THE PRISM OF MORAL PHILOSOPHY (USING THE EXAMPLE OF THE CATEGORICAL IMPERATIVE OF I. KANT)

Human rights are annually acquiring an increasingly key role at the internal state, international, intrapersonal and interpersonal levels in the processes of life of the population and management of society. This is due to the deconstruction of human rights values. The modern interpretation of the term law and its essential understanding is quite multifaceted, due to the epochal multidimensionality of the development of the democratic political regime of statehood. This article examines the problem of the essential approach and the relationship between the modern legal understanding of human rights and philosophical reflections on the categorical imperative of I. Kant, their comparison.

Keywords: legal rights, moral rights, morality, categorical imperative, equality.

Сегодня одной из главенствующей ценностью любого человека являются его права. Права человека – это система формально-определенных, общеобязательных для выполнения правил поведения, которые принимаются в специальном установленном порядке, регулирующая общественные отношения. Права обеспечиваются, охраняются и ограничиваются государством, в лице его аппарата управления, включающего ветви власти. Выполняя ключевую роль, заключающуюся в развитии современного общества, в том числе будущего человечества, имеющиеся у человека права и свободы определяют принципы гуманизма, равноправия, социальность справедливости, суверенитета, толерантности, господствующие в государстве.

Являясь ключевым элементом системообразующего знания, построенного на принципах логичности и упорядоченности, понятийно-категориального аппарата, термин право включает в свою сущность отражающие его полноту основополагающие принципы: всеобщность, универсальность, взаимозависимость, неотчуждаемость, неделимость. Принцип всеобщности заключается в том, что независимо от биологического пола, расовой принадлежности, социального положения, религиозного вероисповедания, национального признака, языковой соотносимости, а также других признаков, всем людям присуще владение, распоряжение и пользование правами и свободами. В связи с тем, что права и свободы не являются присущими одному определенному государству, есть ряд общепризнанных прав: право на жизнь, гражданство, свободу, несмотря на режим политического руководства страны, его государственно-территориальное устройство, особенности эпохального, просвещенного,

ортодоксального характера, а также признание и авторитета на международной арене, которые гарантируются принципом универсальности, включающего в себя также равноценность данных привилегий. Взаимозависимость прав и свобод человека обуславливается взаимосвязанностью всех видов прав, как политических, гражданских, культурных, так и социальных, экономических, религиозных, при нарушении прав любой из групп, как итог нарушаются права и других групп. Принцип неотчуждаемости прав определяется наличием у каждого живущего в мире человека прав и в возможности регулирования и установления их при помощи государственных гарантий [1, с. 121].

Все права, предоставленные людям, подразделяются на виды, а именно: личные, культурные, политические, социальные, экономические. Смысловое наполнение каждого вида прав становится ясным, исходя из названий. Необходимо понимать, что вне зависимости от предоставляемых человеку видов прав, он обязан помнить и блюсти права других людей. Покушение на права других людей, являясь самым распространенным и основным нарушением прав человека, является не только юридическим фактом неправомерного деяния лица, но и показателем низкой социальной ответственности и нравственности личности [5, с. 234].

В современной философии в права человека вкладывают смысловую идею о духовно-нравственном идеале, имеющем этический характер. То есть помимо того, что права человека обладают всеобщностью и универсальностью, они также являются моральными. Такие права отличаются от юридических прав, тем, что вторые, защищаются согласно закону, а также призна-

ются государством. Но моральные права, достигая уровня неотъемлемости прав человека, по приоритетности сопоставимы с юридическими правами, предоставляемыми человеку и гражданину. Моральные и юридические права, конечно, не являются идентичными и равнозначными категориями, но имеют ряд симметричных свойств. Главным из них выступает регуляция общественных отношений путем воздействия на сознание людей.

К сущностной проблеме в понимании прав, как юридических, так и моральных, человека обращались в разные эпохи. Одним из мыслителей, рассматривающим политико-правовую и нравственную составляющие, созданные для людей, был немецкий философ И. Кант. В его философских идеях отражались многие важные аспекты теории права, которые до сих пор представляют интерес для мыслителей современной философии. Кант сформулировал очень важный как для философских, так и для юридических наук, принцип «Категорического императива». Все принципы немецкий философ разделил на субъективные-максимы и объективные-императивы. Важным аспектом является невозможность максим быть всеобщими. Категорический императив – это моральный закон, обладающий характерной для него абсолютностью, всеобщностью, необходимостью, объективностью и универсальностью, выступающий в форме настойчивого совета о интерпретации каждого человека как ценности и соответственного отношения к нему. В соответствии с этим, императивы подчиняют максимы человека на сосуществование в социуме по формуле должен, значит должен, вне зависимости от индивидуальных максим каждой личности. По аналогии с юридическими правами, у каждого человека есть равнозначные права, но права одного индивида заканчиваются, где начинаются права другого. Как при императиве, так и в юриспруденции происходит взаимозависимость прав, в первом решающим элементом выступает нравственность, во втором – закон, который также принимается согласно уровню общественной моральности [3, с. 78].

В основе философии Канта человек является самой высшей ценностью, а Бог для него – нравственный идеал, следует, что моральный образ уже формируется внутри философских идей Канта, отражая что-то высшее, идеальное, совершенное. Философ вкладывает еще более глубокую ценность в свою теорию, включая в основу нравственности не только категорические оценочные понятия «хорошо» или «плохо», но и требуя от «потребителя» разума и гуманизма, тем самым вырабатывая новую методологию межличностного управления. Следовательно, принцип уважения к личности встает за моральную основу взаимодействия нравственности и права. Индивид, беря во внимание свои желания, а также всеобщие обязательные правила, относясь с уважением к ближнему своему, рассматривая человека как ценность, а не средство для приобретения преимуществ, соблюдает закон категорического императива, тем самым участвует в правильности функционирования в социуме в любых ситуациях. Юридические права, предоставляемые каждой личности, изложены определенным образом и направлены на отражение как субъективных и объективных прав, так и, являясь регулятивным источником, в предоставлении выбора пользования ими. Подразумевается, что предоставляется свобода для определения пользования правом. Кант в своих философских размышлениях также затрагивает категорию свободы и акцентирует внимание, что существование категорического императива без данной составляющей невозможно.

Важность категорического императива обусловлена равенством: свободы, в лучших качествах человека, самосовершенствования, перед социальными нормами. Соотнося юридические права человека с многогранностью равенства, прослеживаются общие критерии, личность может свободно распоряжаться своим правом, понимает о равной возможности использования всеми людьми их прав, самосовершенствовании при знании своих предоставляемых дозволенностей. Юридические права современного человека сквозь призму категорического императива начинают приобретать дополнительный сущностный подход, основанный на моральной составляющей теории Канта, и требуют дальнейшей проработки и интерпретации с раскрытием детального смысла и как итог развития правовой основы, в том числе на межгосударственном уровне.

Кант был противником демократии, но современный мир в большинстве своем использует именно этот политический режим, предоставляя достаточно обширный перечень прав человеку и гражданину нашего времени. Взаимовлияние и соотношение моральных прав и юридической основы, предполагает многоаспектный процесс, результатом которого становится обогащение нравственности человека, создание прочной культурной основы социума, осознание глубокого понимания прав

личности, а также построение новой платформы для возведения улучшенного механизма пилютирования процессами коммуникационной сети и политико-правового устройства общества.

Таким образом, еще И. Кант закладывал политико-правовую составляющую современного мира, предлагая свои философские положения о взаимодействии в социуме и регуляции общества с помощью прав. Юридические, то есть законодательно закрепленные, и моральные, принятые представления социума и индивида о хорошем, плохом, права являются социально-значимыми и необходимы современному социуму, так как помогают налаживать взаимоотношения разноаспектно. Важным является, что при взаимодействии моральных устоев, как следствие будет меняться и ряд правовых положений. Исходя из этого, фундаментализация нравственных основ человеческих прав является цивилизованным подходом, направленным на защиту личности своих прав, а также методом оздоровления общества и качественным способом его прогрессивного развития. [2, с. 37].

Анализируя юридические нормы сквозь призму категорического императива И. Канта, можно сделать вывод о том, что это взаимозависящие и взаимодополняющие категории, наполненные схожими положениями о функциях, целях, элементах и содержанием, также сущность термина и философской идеи при анализировании приобретает более совершенный смысл.

Юридический смысл прав человека, их основы в современности во многом основывается на философских идеях и размышлениях ряда мыслителей, особое место среди которых занимает И. Кант. Использование категорического императива в развитии современных юридических прав может иметь важные последствия для общественных отношений. Учет моральных и этических принципов в правовой системе может помочь создать справедливое и равноправное общество. Кроме того, применение этого принципа может способствовать развитию законов, которые учитывают интересы и нужды всех членов общества [4, с. 81].

Идея категорического императива подчеркивает важность универсальности и справедливости в моральном и правовом поведении. Она требует применения принципов действия, которые могут быть универсально приняты для всех людей. Это означает, что моральное и правовое поведение не должно допускать дискриминации, неравенства или привилегий. Также нам необходимо уделить внимание учету последствий действий и принципов, которые мы создаем. Это связано с понятием ответственности за свои поступки и последствия этих поступков. Правовая система, основанная на этих принципах, стремится к созданию законов, которые преследуют наилучшие интересы общества в целом и учитывают последствия для всех заинтересованных сторон.

Благодаря трудам И. Канта и идеи категорического императива, можно выделить ряд схожих положений между моральным правом и правовыми основами современных юридических прав, которые способны создать новые тенденции в переосмыслении и развитии регуляторов общественных отношений, а также предложить модернизированные злободневные средства, способные улучшить уровень общественных взаимоотношений.

Пристатейный библиографический список

1. Сырых В. М. Социальная доступность и юридическая гарантированность основных прав и свобод человека – Высшая цель и смысл современного «сильного государства» // Право: история и современность. – 2018. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-dostupnost-i-yuridicheskaya-garantirovannost-osnovnyh-prav-i-svobod-cheloveka-vyshshaya-tsel-i-smysl-sovremennogo-silnogo> (дата обращения: 05.11.2023).
2. Лезина Е. П., Живаева А. Ю. Вклад И. Канта в развитие современной юридической мысли // Контентус. – 2021. – № 12 (113). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-i-kanta-v-razvitiye-sovremennoy-yuridicheskoy-mysli> (дата обращения: 05.11.2023).
3. Комкова Е. Категорический императив // Бизнес-журнал. – 2011. – № 2 (179). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoricheskii-imperativ> (дата обращения: 07.11.2023).
4. Горбунова О. А. Право и мораль // Вестник магистратуры. – 2018. – № 5-2 (80). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-moral> (дата обращения: 07.11.2023).
5. Жалинский А. Э. Введение в специальность «Юриспруденция». Профессиональная деятельность юриста: учебник. – Изд. 2-е. – М., 2007.

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasioffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 11 pt шрифт Georgia через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора (11 pt) полужирным шрифтом Georgia через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Georgia через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Georgia 11 pt курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Georgia 11 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Georgia 11 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сноска — 8 pt Georgia через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Georgia 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG).
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, от сутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.